

№ 69
56
19 век
Иллюстрированное издание

Или не пробовать

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ“

А. Э. БРЭМА

СО МНОЖЕСТВОМЪ ПОЛИТИПАЖЕЙ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯМИ

ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ 3-ГО НѢМЕЦКАГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

Подъ редакцію магистра зоологіи К. К. Сентъ-Илера.

Томъ I.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ.

Обезьяны. — Полубезьяны. — Рукокрылыя. — Часть хищныхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества „Общественная Польза“
вольшьяя подъяческая, 39.

Книжный
складъ

№-ва „Общественная Польза“ Книгоиз-
дательство.

СПБ., Б. Подъяческая 39, с. д.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“ А. ВРЭМА

въ 10 томахъ.

Полный переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія, подъ редакцію К. К. Сентъ-Илера, съ участіемъ въ отдѣлѣ птицъ профессора Д. Н. Кайгородова. 10 томовъ заключаютъ въ себѣ: около 7700 страницъ текста, 99 хромофотографированныхъ въ 15 краскахъ рисунковъ, 1903 черныхъ рисунка и 11 географическихъ картъ.

Содержаніе 10 томовъ. **Млекопитающія: I томъ.** Обезьяны.— Полуобезьяны.— Рукокрылыя.— Хищныя. **II томъ.** Хищныя. (окончаніе)— Ластоногія.— Насѣкомоядныя.— Грызуны.— Неполнозубыя. **III томъ.** Хоботныя.— Непарнокопытныя.— Парнокопытныя.— Сирены.— Китообразныя.— Сумчатныя.— Птицевѣри.— **Птицы: IV томъ.** Воробьиныя.— Дятловыя.— Колибри.— Стрижи.— Мышанки. **V томъ.** Курукуйки.— Пилоносы.— Удодовыя.— Зимородки.— Кукушковыя.— Совиныя.— Козодои.— Сивораки.— Попугаи.— Голубиныя.— Куриныя.— Водяныя курочки.— Журавлиныя. **VI томъ.** Понсковыя.— Ластокрылыя.— Вуревѣтничковыя.— Боевыя.— Шпорцекрылыя.— Нанду.— Казуаровыя.— Страусовыя. **VII томъ.** Пресмыкающіяся. Земноводныя.— **VIII томъ.** Рыбы. **IX томъ.** Насѣкомыя.— Многоногія.— Паукообразныя. **X томъ.** Простѣйшія.— Черви.— Моллюскообразныя.— Оболочники.— Моллюски.— Иголкожія.— Гипсичнополостныя.— Ракообразныя.

Цѣна за 10 томовъ 50 руб., въ переплетѣ 60 руб. Въ отдѣльной продажѣ цѣна тома 6 руб., въ переплетѣ 7 руб.

УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
„ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ“
ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ
Элизе Реклю.

Полный переводъ безъ всякихъ пропусковъ, подъ редакціей дѣйствительнаго члена Императорскаго Географическаго общества С. Л. Зыкова.

Всѣ 19 томовъ прежняго изданія распределены въ 10 книгахъ.

1400 рисунковъ, исполненныхъ въ Парижѣ.

Цѣна за 10 томовъ 40 руб., въ перепл. 50 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА БОЛЬШОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ
„НАРОДЫ ЗЕМЛИ“

въ 3 томахъ (40 выпускахъ).

подъ редакціей А. Острогорскаго.

Въ изданіи будетъ помѣщено до 1000 рисунковъ.

Ц. 15 р., въ перепл. 20 р. Ц. отдѣльн. вып. 50 к.

Условія подписки: при заказѣ вносится 2 руб., на послѣдующіе (со 2 по 14) выпуски наложенный платежъ по 1 р. и стоимость пересылки выпусковъ; остальные выпуски бесплатно, при чемъ 20, 30 и 40 выпуски съ наложеннымъ платежомъ на стоимость пересылки.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“

69
56

А. Э. БРЭМА

СО МНОЖЕСТВОМЪ ПОЛИТИПАЖЕЙ И ХРОМОЛИТОГРАФИЯМИ

ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ 3-го пѣмецкаго исправленнаго и дополненнаго изданія

Подъ редакцію магистра зоологiи К. К. Сентъ-Илера.

Томъ I.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ.

Обезьяны. — Полубезьяны. — Рукокрылыя. — Часть хищныхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Товарищества „Общественная Польза“
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, 39.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 10 Юня 1904 года.

2011136681

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39.

Оглавление I-го тома.

Иллюстрированной «Жизни животных» А. Э. Брэма.

Предисловіе.	
Біографія А. Э. Брэма...	1—12
Общій взглядъ на жизнь животныхъ.	1 48

Отрядъ I. Обезьяны (Pitheci).

	Стр.
Общій взглядъ на жизнь обезьянъ.	49
I-е Сем. Узконосыя или обезьяны Старога Свѣта (Catarrhini).	
Человѣкообразныя обезьяны (Anthropomorpha)...	70
1-й родъ. Горилла (Gorilla)...	71
Горилла (G. gina)...	71
2-й родъ. Шимпанзе (Simia)...	89
Шимпанзе (S. troglodytes)...	89
3-й родъ. Орангъ-утанъ (Pithecus)...	108
Орангъ-утанъ (P. satyris)...	108
4-й родъ. Гиббоны (Hylobates)...	119
Сиамангъ (H. syndactylus)...	120
Хулукъ (H. hulock)...	120
Ларъ (H. lar)...	120
Уинко (H. rafflesii)...	122
Ваувау (H. variegatus)...	122
Малаатъ (H. concolor)...	126
Собакообразныя обезьяны (Супо- rithesіні)...	129
5-й родъ. Гонкотѣлыя обезьяны (Semnopithecus)...	130
Хульманъ (S. entellus)...	131
Буденгъ (S. maurus)...	136
Лутунгъ (S. ruber)...	136
Носатая обезьяна, Кахау (S. nasi- cus)...	139
6-й родъ. Толстотѣлыя обезьяны (Colobus)...	141
Гверца (C. guereza)...	141
Медвѣдообразный толстотѣлъ (C. ursinus)...	145
Сатана (C. satanas)...	145
7-й родъ. Мартышки (Cercopithecus)...	145
Зеленая обезьяна (C. sabaeus)...	156
Диана (C. diana)...	156
Мангобей (C. aethiops)...	157
Мона (C. mona)...	157
Голуболицая мартышка (C. ce- rphus)...	157
Гусаръ (C. ruber)...	162
Черномазая мартышка (C. fuli- ginosus)...	163
Мбузумбуку (C. albigena)...	163
8-й родъ. Макаки (Macacus)...	167
Макакъ обыкновенный (M. cyno- molgus)...	167
Китайская обезьяна (M. sinicus)...	171
Бундеръ (M. rhesus)...	173
Лаундеръ (M. nemestrinus)...	178
9-й родъ. Маготы (Inuus)...	179
Маготъ (I. ecaudatus)...	179
10-й родъ. Павіаны (Cynocephalus)...	185
Черный павіанъ (C. niger)...	189
Бабуинъ (C. babuin)...	190
Хахма (C. porcarius)...	190
Сфинксъ (C. sphinx)...	190
Гамадриль (C. hamadryas)...	198
Геллада (C. gelada)...	206
Мандриль (C. mormon)...	209
Дрилль (C. leucophaeus)...	210
Силень (C. silenus)...	215
II-е Сем. Широконосыя или обезья- ны Новога Свѣта (Platyrrhini).	
Цѣпкохвостыя обезьяны (Cebidae)...	220
1-й родъ. Ревуны (Mycetes)...	220
Алуать (M. seniculus)...	222
Карайя (M. niger)...	222
2-й родъ. Паукообразныя обезьяны (Ateles)...	230
Коата (A. paniscus)...	231

	Стр.		Стр.
Маримонда (<i>A. beelzebuth</i>)..	231	6-й родъ. Короткохвостыя обезьяны (<i>Brachyurus</i>)..	261
Чамекъ (<i>A. pentadactylus</i>)	231	Какайло (<i>B. melanocephalus</i>)..	262
Мирини (<i>A. hyroanthus</i>)....	231	Уакарн, краснолицый саки (<i>B. calvus</i>)..	262
Золотолобая обезьяна (<i>A. bartletii</i>)..	231	7-й родъ. Прыгуны (<i>Callithrix</i>)	265
3-й родъ. Мохнатыя обезьяны (<i>Lagothrix</i>)..	241	Сагуассу (<i>C. personata</i>)..	265
Асиндная обезьяна (<i>L. Humboldtii</i>)..	241	Вдовушка (<i>C. lugens</i>)....	266
4-й родъ. Сапажу (<i>Cebus</i>)..	244	8-й родъ. Саймири (<i>Chrysothrix</i>)..	267
Капуцинь (<i>C. capucinus</i>)..	245	Мертвая голова (<i>Chr. sciurea</i>)..	267
Бѣлолечая обезьяна (<i>C. hypoleucus</i>)....	246	9-й родъ. Ночныя обезьяны (<i>Nyctipithecus</i>)..	271
Чалал обезьяна (<i>C. olivaceus</i>)..	246	Миринна (<i>N. trivirgatus</i>)..	271
Бѣлобородая обезьяна (<i>C. leucogenys</i>)..	246	III-е Сем. Игрунковые (<i>Arctopithecii</i>)	274
Апелла (<i>C. apella</i>)..	252	1-й родъ. Игрунка. (<i>Narale</i>)..	280
Рогатый сапажу, фавнъ (<i>C. fatuellus</i>)..	254	Львиная игрунка (<i>N. leonina</i>)..	280
Мягкохвостыя обезьяны (<i>Pitheciidae</i>)....	256	Розалия (<i>N. rosalia</i>)..	280
5-й родъ. Саки (<i>Pithecia</i>)....	257	Пиначе (<i>N. oedipus</i>)..	283
Жидовскій или чортовъ саки (<i>P. satanas</i>)..	258	Серебряная игрунка (<i>N. argentata</i>)..	284
Бѣлоголовый саки (<i>P. leucoccephala</i>)..	258	Сагуинъ, уистити (<i>N. jacchus</i>)..	284
Мохнатый саки (<i>P. hirsuta</i>)..	260	Темный уистити (<i>N. penicillata</i>)..	285
		Карликовая игрунка (<i>N. pygmaea</i>)..	289

Отрядъ II. Полуобезьяны (*Prosimii*).

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Лемуры (<i>Lemuridae</i>)..	292	Толстый лори (<i>S. tartigradus</i>)..	312
1-й родъ. Индри (<i>Lichanotus</i>)..	294	6-й родъ. Потто (<i>Perodicticus</i>)..	317
Большой индри (<i>L. indri</i>)..	294	Потто (<i>P. potto</i>)..	317
Бабакото (<i>L. brevicaudatus</i>)..	295	7-й родъ. Медвѣжий маки (<i>Arctocebus</i>)..	318
Хохлатый индри (<i>L. mitratus</i>)..	295	Медвѣжий маки Капсий (<i>A. calabarensis</i>)..	318
2-й родъ. Маки (<i>Lemur</i>)..	297	8-й родъ. Карликовые маки (<i>Microcebus</i>)..	320
Майотъ (<i>L. mayottensis</i>)..	297	Маки-полчокъ (<i>M. muohinus</i>)..	320
Вари (<i>L. varius</i>)..	300	9-й родъ. Галаго (<i>Otoclinus</i>)..	321
Черный маки (<i>L. macaco</i>)..	301	Обыкновенный галаго (<i>O. galago</i>)..	322
Монгоцъ (<i>L. mongoz</i>)..	304	Комба (<i>O. agisambanus</i>)..	323
Катта (<i>L. catta</i>)..	304	Большой галаго (<i>O. crassicaudatus</i>)..	326
3-й родъ. Полумаки (<i>Naralemur</i>)..	305	II-е Сем. Долгопяты (<i>Tarsiidae</i>)..	327
Сѣрый полумаки (<i>N. griseus</i>)..	305	1-й родъ. Долгопяты (<i>Tarsius</i>)..	327
4-й родъ. Кошачьи маки (<i>Chirogaleus</i>)..	307	Маки домовой (<i>T. spectrum</i>)..	327
Валуви (<i>Ch. furcifer</i>)..	307	III-е Сем. Руконожки (<i>Leptodactyla</i>)..	332
Кошачьи маки Кокверели (<i>Ch. coquereli</i>)..	308	1-й родъ. Руконожка (<i>Chiromys</i>)..	332
5-й родъ. Лори (<i>Stenops</i>)..	308	Ай-ай (<i>Ch. madagascariensis</i>)..	334
Тонкий лори (<i>S. gracilis</i>)..	309		

Отрядъ III. Рукокрылыя (*Chiroptera*).

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Плодоядныя летучія мыши (<i>Pteropina</i>)..	360	Пальмовый крыланъ (<i>C. stramineus</i>)..	372
1-й родъ. Летучія собаки, крыланы (<i>Pteropus</i>)..	363	Пильскій крыланъ (<i>C. aegyptiacus</i>)..	372
Калонгъ (<i>P. edulis</i>)..	363	Златошейный крыланъ (<i>C. collaris</i>)..	373
Летучая лисица (<i>P. edwardsii</i>)..	366	II-е Сем. Гладконосыя (<i>Gymnorrhina</i>)..	373
2-й родъ. Ночныя крыланы (<i>Cynonycteris</i>)..	372		

	Стр.		Стр.
1-й родъ. Ушаны (Plecotus).....	374	Курносый ушанъ (L. barbastrellus).	387
Ушанъ обыкновенный (P. auritus).	374	III-е Сем. Листоносы (Istiophora).	388
2-й родъ. Нетопыри (Vespertilio)...	377	1-й родъ. Десмоды (Desmodus)	395
Большой нетопырь (V. murinus)..	378	Десмодъ рыжий (D. rufus)..	395
Водяная летучая мышь (V. daubentonii).	379	2-й родъ. Лапцетоносы (Rhinorhoma).	396
3-й родъ. Ранолетающія летучія мыши (Vesperugo)....	381	Египетскій лапцетоносъ (R. microphyllum)	396
Бродячая летучая мышь (V. nilssonii).....	381	3-й родъ. Вампиры (Phillostoma).	398
Нетопырь-карликъ (V. pipistrellus).	383	Настоящій вампиръ (P. spectrum).	398
Обыкновенный кожавъ (V. postula)...	385	4-й родъ. Подковоносы (Rhinolophus)	399
4-й родъ. Широкоухія летучія мыши (Synotus)...	386	Малый подковоносъ (R. hipposideros).	399
		Большой подковоносъ (R. ferrum equinum)..	402

Отрядъ IV. Хищныя (Carnivora).

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Кошки (Felidae).	406	Полярная рысь (L. borealis)	550
1-й родъ. Пастоящія кошки (Felis)..	406	Рыжая рысь (L. rufus)..	551
Тигръ (F. tigris).....	415	Обыкновенная рысь (L. vulgaris).	552
Дымчатый леопардъ (F. nebulosa).	440	Пардовая рысь (L. pardinus)..	566
Мраморная кошка (F. marmorata).	442	3-й родъ. Гепарды (Synailurus)...	569
Дикая кошка (F. catus)...	444	Чита (C. guttatus)...	569
Степная кошка (F. manul)..	450	4-й родъ. Фосса (Cryptoprocta).	577
Буланья кошка (F. maniculata).	451	Фосса (C. ferox)...	577
Домашняя кошка (F. maniculata domestica)	451	II-е Сем. Виверровыя (Viverridae)	578
Ангорская кошка (F. maniculata domestica angorensis).	470	Кошконогия (Ailuropoda).	582
Безхвостая кошка (F. maniculata domestica caudata)	471	1-й родъ. Виверры (Viverra)...	582
Варварійскій левъ (F. leobarbarus)...	472	Африканская циветта (V. civetta).	582
Сенегальскій левъ (F. leo senegalensis).	473	Азиатская циветта (V. zibetha)..	586
Капскій левъ (F. leo capensis).	473	Расса (V. malaccensis)	588
Персидскій левъ (F. leo persicus).	473	Генетта (V. geneta).	589
Гудшератскій левъ (F. leoguzeratensis)	473	2-й родъ. Линсангъ (Prionodon)...	592
Леопардъ (F. pardus)..	491	Линсангъ зундскій (P. gracilis)...	592
Пантера (F. panthera)...	492	3-й родъ. Страннохвосты. Пальмовая куница (Paradoxurus).	593
Зондская пантера (F. variegata).	494	Индійскій страннохвостъ (P. niger).	594
Черная пантера (F. melas).	494	Музавгъ (P. hermaphroditus).	594
Ирбисъ (F. uncia).....	510	Пагума (P. larvatus)...	598
Крпчатая кошка (F. viverrina).	511	4-й родъ. Мампаловъ (Synogale) ...	599
Карликовая кошка (F. bengalensis).	513	Мампаловъ Беннетта (C. bennettii)	599
Сервалъ (F. serval)...	516	5-й родъ. Нандинія (Nandinia)...	600
Пума, кугуаръ (F. concolor)	518	Нандинія африканская (N. binotata)...	600
Ягуарунди (F. yaguarundi).	523	Собаконогия (Synopoda)...	602
Эйра (F. eura) ..	526	6-й родъ. Мангусты (Perpestes).	602
Ягуаръ (F. onza)	526	Ихневмонъ (H. ichneumon)...	602
Чаги (F. mitis) ..	536	Мунго (H. mungo).....	606
Оцелоть (F. pardalis) ..	537	Яванская мангуста (H. javanicus).	606
Тигровая кошка (F. tigrina) ..	540	Мелопчилло (H. widdringtonii)...	610
Длиннохвостая кошка (F. macrura).	541	Зебровая мангуста (H. fasciatus).	610
Пампасовая кошка (F. pajeros)...	542	Крабовая мангуста, урва (H. urva).	614
2-й родъ. Рыси (Lynx).....	543	7-й родъ. Кузманза (Crossarchus)...	615
Болотная рысь (L. chaus)...	544	Кузманза темная (C. obscurus)	615
Каракаль (L. caracal).....	547	8-й родъ. Лисицевидныя мангусты (Synictis)...	618
		Лисицевидная мангуста (C. penicillata).....	618

	Стр.		Стр.
9-й родъ. Суриката (<i>Suricata</i>)..	618	Росомаха обыкновенная (<i>G. bo-</i>	
Суриката четырехпалая (<i>S. tetra-</i>		<i>realis</i>)..	678
<i>dactyla</i>) ..	618	4-й родъ Гуроны (<i>Galictis</i>)..	684
10-й родъ. Какамиили (<i>Bassaris</i>)..	620	Гирара (<i>G. barbara</i>)..	684
Какамиили (<i>B. astuta</i>)..	620	Гризонъ (<i>G. vittata</i>)..	686
III-е Сем. Куницы (<i>Mustelidae</i>)..	624	Гризонъ большой (<i>G. allamandi</i>)..	687
Собственно куницы (<i>Mustelidae</i>)..	624	Барсучьи (<i>Melidae</i>)..	688
1-й родъ. Куницы (<i>Mustela</i>)..	624	5-й родъ. Барсуки (<i>Meles</i>)..	689
Куница настоящая (<i>M. martes</i>)..	624	Барсукъ обыкновенный (<i>M. taxus</i>)..	689
Каменная куница, Бѣлодушка (<i>M.</i>		6-й родъ. Медоѣды (<i>Mellivora</i>)..	701
<i>foina</i>)..	631	Ратель африканскій (<i>M. capensis</i>)	702
Соболь (<i>M. zibellina</i>)..	635	Ратель индійскій (<i>M. indica</i>)..	704
Американскій соболь (<i>M. ameri-</i>		7-й родъ. Короткохвосты (<i>Mydaus</i>)..	705
<i>capa</i>)..	638	Короткохвость яванскій (<i>M. me-</i>	
Куница рыболовъ (<i>M. pennantii</i>)..	639	<i>liceps</i>)..	705
Харза (<i>M. flavigula</i>)..	639	8-й родъ. Вонючки (<i>Mephitis</i>)..	708
2-й родъ. Хорьки (<i>Putorius</i>)..	640	Сурильо (<i>M. suffocans</i>)..	709
Хорекъ обыкновенный (<i>P. foetidus</i>)..	640	Скунсъ (<i>M. varians</i>)..	710
Перевелка (<i>P. sarmaticus</i>)..	641	9-й родъ. Полосатые хорьки (<i>Rab-</i>	
Африканскій хорекъ (<i>P. furo</i>)..	647	<i>dogale</i>)..	713
Ласка (<i>P. vulgaris</i>)..	652	Цорилла (<i>R. mustelina</i>)..	714
Горностаѣй (<i>P. erminea</i>)..	659	Выдры (<i>Lutridae</i>)..	716
Норка (<i>P. lutreola</i>)..	669	10-й родъ. Рѣчные выдры (<i>Lutra</i>)..	716
Американская норка (<i>P. vison</i>)..	670	Рѣчная выдра (<i>L. vulgaris</i>)..	716
3-й родъ. Росомахи (<i>Gulo</i>)..	677	Ариранья (<i>L. brasiliensis</i>)..	727
		11-й родъ. Каланы (<i>Enhydris</i>)..	729
		Морской бобръ (<i>E. lutris</i>)..	729

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

ОТДѢЛЬНЫЕ РИСУНКИ.

	Стр.		Стр.
Альфредъ Брэмъ	1	Тигрь (хромолитогр.)	417
Карта зоологическихъ областей по Уолесу.	48	Дикая кошка (хромолитогр.)	449
Горилла	80	Левъ	472
Шимпанзе	96	Левъ (хромолитогр.)	481
Орангъ-Утангъ	112	Пантера (хромолитогр.)	496
Зеленая обезьяна	156	Ягуаръ (хромолитогр.)	529
Макаки (хромолитогр.)	167	Степная рысь	547
Навианы (хромолитогр.)	192	Ихпемоны	605
Миринкива	273	Рѣчная выдра (хромолитогр.)	721
Крыланы (хромолитогр.)	368		

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

	Стр.		Стр.
Скелетъ человѣка и гориллы	50	Силенъ	216
Скелеты: самки хульмана, маримонды, ревуна, навиана и мартышки	51	Ревунъ	223
Кисть и ступня различныхъ обезьянъ	53	Чамекъ	232
Различныя положенія гориллы	57	Мирины	233
Различныя положенія шимпанзе	59	Золотолобая обезьяна	235
Различныя положенія большихъ обезьянъ	61	Коата	237
Голова шимпанзе	91	Аспидная обезьяна	242
Шимпанзе Мафука	92	Фавнъ	246
Лицо шимпанзе Мафука	93	Бѣлобородая обезьяна, Апелья, Бѣлоплечая обезьяна и Чалая обезьяна	247
Профиль лица Мафуки	95	Индовскій или чортовъ саки	257
Голова Орангъ-Утана	109	Бѣлоголовый саки	259
Ларъ	121	Мохнатый саки	261
Хульманъ	132	Уавари	263
Буденгъ	137	Саймири мертвая голова	268
Кахау или носатая обезьяна	140	Розалія	281
Гвереда	143	Пинче	283
Медвѣдообразный толстотѣль	144	Уистити, Серебряная обезьяна и Темный уистити	285
Моца	157	Скелетъ мертвой головы	291
Гусаръ	163	Хохлатый индри	296
Черномазая обезьяна	165	Вари	300
Китайская обезьяна	172	Черный маки	301
Лапундеръ	179	Монгоць	302
Маготъ	181	Катта	304
Черный или хохлатый навианъ	189	Полумаки	306
Габунъ	191	Копчакій маки	307
Хахма	193	Тонкій лори	309
Гамадриль	199	Тонкій лори, пробуждающійся и спящій	311
Гелада	207	Толстый лори	313
Мандрилъ	209	Молодой Потто	317
Дрилль	211	Медвѣжій маки	319

	Стр.		Стр.
Маки-полчокъ ..	320	Пардовая рысь....	567
Галаго...	323	Чита .	571
Большой галаго.	325	Фосса ..	577
Маки-домовой.	329	Африканская циветта....	583
Руконожка.	333	Азиатская циветта.....	585
Скелеть летучей мыши.	339	Расса.	587
Черепъ и скелеть калонга.	361	Генетта..	589
Калонгъ...	365	Линсангъ.	591
Скелеть большого нетопыря.	375	Индійская пальмовая куница..	595
Ушанъ обыкновенный...	377	Малайская пальмовая куница..	597
Водяная летучая мышь..	380	Пагума	599
Нетопырь-карликъ.....	382	Мампалонъ..	601
Кожанъ обыкновенный...	385	Мунго..	607
Курносый ушанъ.	387	Зебровая мангуста..	611
Египетскій ланцетонось.	396	Крабовая мангуста.	615
Большой вампиръ.	397	Кузимавзе.....	616
Большой подковонось.	401	Лисицевидная мангуста.	617
Скелеть тигра.	407	Суриката.	619
Королевскій тигръ.	417	Какамици	621
Дымчатый леопардъ.	441	Куница.	625
Мраморная кошка..	443	Бѣлодушка .	631
Пушаная кошка.	451	Соболь..	635
Домашняя кошка.	457	Хорекъ..	641
Ангорская кошка.	469	Африканскій хорекъ.	647
Сенегальская львица.	475	Скелеть хорька....	651
Леопардъ..	491	Скелеть ласки.	653
Черный экземпляръ Зондской палтеры.	493	Ласка	655
Ирбисъ..	509	Горностаѣ	661
Крапчатая кошка ..	511	Норка..	669
Карликовая кошка	513	Россомаха.	677
Сервалъ	515	Гирара .	685
Пума...	519	Скелеть барсука	689
Эйра.	525	Барсукъ	691
Оцелотъ	537	Ратель...	703
Тигровая кошка.	539	Короткохвость..	707
Длиннохвостая кошка.	541	Сурильо.	711
Пампасовал кошка.	543	Цорнля...	715
Болотная рысь...	545	Скелеть рѣчной выдры..	717
Полярная рысь..	551	Каланъ..	731
Рысь.	553		

Предисловіе редактора русскаго перевода.

Приступая къ печатанію русскаго перевода 3-го нѣмецкаго изданія «Иллюстрированная Жизнь Животныхъ» А. Брэма, считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о нѣмецкомъ подлинникѣ этого сочиненія. Третье нѣмецкое изданіе «Жизнь Животныхъ Брэма» начало выходить въ 1890 году, подъ редакціей профессора Пехуэль-Леше (Pechuel-Loesche), который самъ много путешествовалъ и изслѣдовалъ Африку. Изданіе это значительно расширено и передѣлано; въ него вошли всѣ сколько нибудь замѣчательныя изслѣдованія о жизни животныхъ за послѣднія десять лѣтъ и потому русскіе читатели стараго перевода сочиненія Брэма въ этомъ изданіи найдутъ очень много новаго. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ послѣднее время число зоологическихъ садовъ въ Европѣ увеличилось, а существовавшіе раньше расширились и улучшились, и потому послѣ смерти Брэма возможно было въ значительной степени увеличить наблюденія надъ жизнью многихъ животныхъ въ неволѣ. Новыя нѣмецкія колоніи въ Африкѣ привлекли туда нѣсколькихъ наблюдателей-натуралистовъ, которые сдѣлали много новыхъ изслѣдованій о жизни дикихъ животныхъ этой части свѣта. Да и въ другихъ частяхъ свѣта натуралисты бываютъ все чаще и чаще, такъ что фауна земного шара теперь изслѣдуется очень прилежно. Вотъ почему въ 3-мъ изданіи мы находимъ значительное количество фактовъ и наблюденій, которые были неизвѣстны Брэму. Чтобы дать нѣкоторое наглядное представленіе объ увеличеніи текста, можно привести слѣдующія данныя: въ старомъ изданіи описаніе млекопитающихъ заключалось въ двухъ томахъ, въ новомъ— оно занимаетъ три тома; въ прежнемъ переводѣ Брэма на русскій языкъ статья объ обезьянахъ занимала 125 стр. — въ новомъ нѣмецкомъ изданіи та же статья занимаетъ 233 стр., а въ русскомъ переводѣ вѣроятно болѣе; о гориллѣ въ прежнемъ русскомъ переводѣ говорилось на $9\frac{1}{2}$ стр., а теперь—на 18 стр., о шимпанзе вмѣсто 4 стр. находимъ 14 стр., объ орангъ-утанѣ вмѣсто 6 стр. — $10\frac{1}{2}$ стр. и т. д. Характеръ изданія остался прежній, т. е. на это сочиненіе не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на научный курсъ зоологіи, а какъ

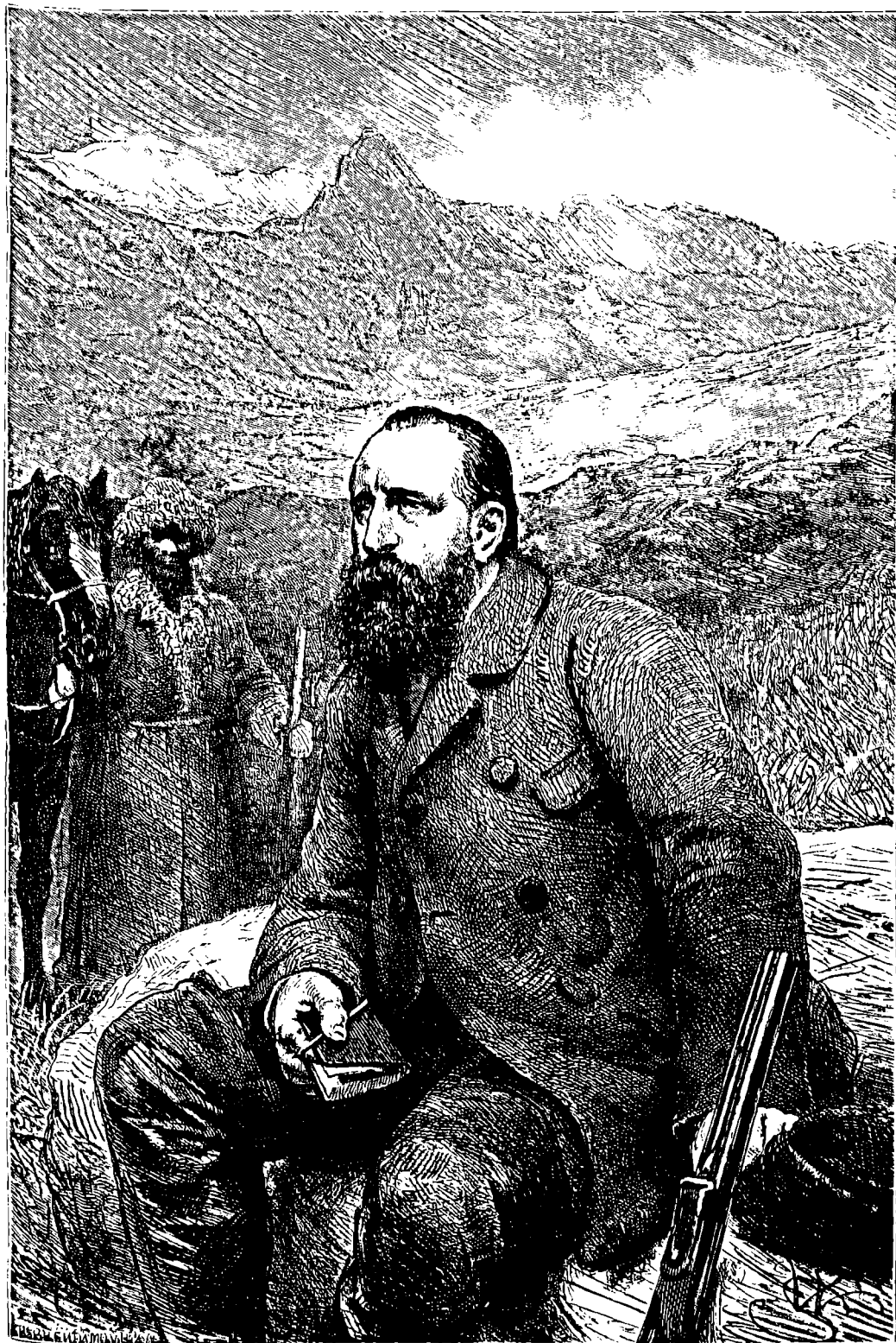
на сборникъ свѣдѣній, касающихся преимущественно жизни животныхъ, ихъ привычекъ, душевныхъ качествъ, образа жизни, отношенія къ человѣку и т. д. Само собою разумѣется, что всѣ въ высшей степени интересныя наблюденія самаго А. Брэма сохранены и въ новомъ изданіи. Поэтому мы надѣемся, что это сочиненіе найдетъ такой-же обширный кругъ читателей, какъ и прежній превосходный переводъ подъ редакціею г. Ковалевскаго, и имъ будутъ интересоваться не только спеціалисты зоологи, но и всѣ тѣ лица, которыя любятъ животныхъ и часто наблюдаютъ за жизнью тѣхъ или другихъ изъ нихъ. При этомъ считаю долгомъ однако сообщить, что переводъ этотъ заключаетъ въ себѣ все, что находится въ нѣмецкомъ подлинникѣ, т. е. въ немъ встрѣчаются нѣкоторыя подробности о размноженіи животныхъ, которыя неудобно давать читать дѣтямъ; однако многія страницы не заключаютъ въ себѣ рѣшительно ничего предосудительнаго для самыхъ пѣжныхъ ушей и потому могутъ быть читаемы и въ семейномъ кругу. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что почти всѣ рисунки новаго изданія (по крайней мѣрѣ двухъ первыхъ томовъ) сдѣланы вновь и срисованы большею частью съ живыхъ экземпляровъ отличными нѣмецкими художниками и въ каждомъ томѣ по девяти прекрасно исполненныхъ хромо-литографій.

Прежнимъ переводомъ на русскій языкъ мы пользовались лишь для справокъ; весь же текстъ переведенъ вновь по нѣмецкому подлиннику; мы, однако, старались по возможности сохранить прежнюю терминологію, главнымъ образомъ относительно названій животныхъ, но и здѣсь пришлось сдѣлать нѣсколько отступленій. Для облегченія справокъ съ изданіями на другихъ языкахъ во многихъ мѣстахъ вставлены рядомъ съ латинскими, также нѣмецкія и французскія названія животныхъ.

15 Марта
1892.

Н. Сентъ-Илеръ.

АЛЬФРЕДЪ БРЭМЪ.

БІОГРАФІЯ

Альфреда Эдмунда Брэма.

Д-ра Э. Крауэе *).

Лишь немногіе естествоиспытатели нашего времени пользуются такою всеобщою извѣстностью, особенно въ Германіи, какъ составитель «Жизни животныхъ»—Брэмъ. Сочиненія его можно найти не только въ ученыхъ библіотекахъ и въ домахъ всѣхъ зажиточныхъ людей, но и въ школахъ, у бѣдныхъ помѣщиковъ, и даже въ лѣсныхъ сторожкахъ. Поэтому всѣмъ будетъ интересно узнать его біографію, чтобы прослѣдить, какъ развивалось у этого великаго любителя природы знакомство съ жизнью животныхъ, которыхъ онъ наблюдалъ какъ въ дикомъ состояніи, такъ и въ неволѣ.

Альфредъ Брэмъ родился 2-го февраля 1829 года, въ церковномъ домѣ небольшой деревни Унтеррентендорфъ, въ Великомъ герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ. Отецъ его, Христіанъ Людвигъ Брэмъ, былъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ жизни птицъ, любилъ охотиться за ними и наблюдать ихъ какъ въ лѣсу, такъ и въ неволѣ, такъ что жизнь въ этомъ церковномъ домѣ шла нѣсколько иначе, чѣмъ въ другихъ нѣмецкихъ пасторскихъ домахъ. Вторая жена пастора, мать нашего Альфреда, отличалась живымъ, веселымъ нравомъ, много способствовала своими разказами и занятіями развитію у дѣтей любознательности и не только не препятствовала, но и покровительствовала влеченію своего сына къ охотѣ и путешествіямъ. Отецъ Альфреда въ будни очень часто уже раннимъ утромъ бралъ ружье и отправлялся на охоту въ лѣса, окружающіе его приходъ; сыновья почти всегда его сопровождали и несли добычу, которая большею частью состояла не изъ дичи, въ собственномъ смыслѣ этого слова, а изъ рѣдкихъ птицъ, нужныхъ для коллекціи пастора. Альфредъ Брэмъ съ большимъ восторгомъ вспоминаетъ объ этихъ прогулкахъ съ отцомъ и рассказываетъ, что, когда ему минуло восемь лѣтъ, въ день его рожденія отецъ подарилъ ему ружье и въ тотъ же день онъ имъ застрѣлил первую въ жизни птицу, овсянку, которая, къ великому удовольствію маленькаго охотника, была набита и присоединена къ коллекціи отца.

Прогулки эти происходили на очень большомъ пространствѣ кругомъ дома; «старый Брэмъ» былъ извѣстенъ всѣмъ жителямъ сосѣдней мѣстности и никто ему

---

*) Біографія эта нѣсколько сокращена: въ ней вышущены подробности, не имѣющія большого значенія для русскихъ читателей.

не запрещалъ охотиться даже на чужихъ земляхъ, такъ какъ всѣ знали, что цѣлью охоты была не личная выгода, а обогащеніе науки новыми данными. Онъ рано пріучалъ своихъ сыновей къ подобнымъ прогулкамъ и охотѣ, зная, что ничто такъ не облагораживаетъ душу и не доставляетъ столько наслажденій, какъ близкое знакомство съ природою.—«Альфредъ, вотъ лежитъ перышко, скажи, отъ какой оно птицы? Слышишь-ли ты пѣніе? какая птица такъ поетъ и какъ она выглядитъ? Попробуй близко подойти къ этой птицѣ. Чье это гнѣздо? Какъ вообще узнать птицу по ея гнѣзду, яичкамъ, по пѣнію? Какой издаетъ звукъ извѣстная птица, когда зоветъ самку, сердится, и во время испуга?» Вотъ на какіе вопросы приходилось отвѣчать Альфреду во время прогулокъ съ отцемъ и понятно, что уже въ молодыхъ годахъ онъ приобрѣлъ зоркій глазъ, умѣнье наблюдать и такое знакомство съ мѣстной фауной, что ни одна изъ птицъ и ни одно животное, обитающія въ родныхъ лѣсахъ, не остались ему неизвѣстными. Такимъ образомъ молодой Брэмъ приобрѣлъ необыкновенную наблюдательность и отецъ научилъ его различать мельчайшіе признаки отдѣльныхъ птицъ. Это была слабая сторона стараго Брэма; онъ такъ точно зналъ внѣшніе признаки каждой птицы, что малѣйшее различіе ему казалось важнымъ и вслѣдствіе этого онъ описалъ множество новыхъ видовъ птицъ, отличительныя признаки которыхъ были очень незначительны. Знакомые ему орнитологи часто съ нимъ спорили и доказывали, что, основываясь на такихъ ничтожныхъ признакахъ, нельзя различать виды между собой. Старый Брэмъ, впрочемъ, былъ слишкомъ хорошимъ наблюдателемъ, чтобы не замѣтить вліянія условій мѣстности на внѣшность птицъ и вовсе не считалъ свои виды птицъ за вѣчто неизмѣнное и совершенно опредѣленное; онъ понималъ, что это только различныя разновидности одного и того же главнаго типа и, можетъ быть, еще раньше Дарвина имѣлъ понятіе объ естественномъ подборѣ и борьбѣ за существованіе. Отецъ Брэма былъ извѣстенъ какъ орнитологъ не только въ Германіи, но и въ другихъ образованныхъ странахъ. Его скромный домъ посѣщали знатоки птицъ изъ Англии, Франціи и другихъ государствъ; ему часто посылали, для опредѣленія, цѣлыя коллекціи птичьихъ шкурокъ изъ тропическихъ странъ, такъ что его собственная коллекція постоянно обогащалась и достигла такого большого количества экземпляровъ, которое рѣдко встрѣчается у частнаго человѣка; у него было около девяти тысячъ чучель птицъ, между которыми однихъ хищныхъ около 700.

Не слѣдуетъ думать, что въ домѣ Брэма занимались однимъ оствествовѣдѣніемъ: дѣти посѣщали мѣстное народное училище, но отецъ дополнялъ полученныя тамъ свѣдѣнія частными уроками, такъ что въ гимназію сыновья поступили съ очень хорошею подготовкой. Вечеромъ, когда отецъ большею частью занимался набивкою чучель, мать Брэма часто читала имъ драматическія произведенія Шиллера и Гёте, въ чемъ она была большая мастерица. Способность ея къ выразительному чтенію перешла на Альфреда Брэма и его брата Рейнгольда. Оба брата написали даже сообща комедію, которая въ свое время часто давалась на маленькихъ нѣмецкихъ сценахъ. Близкіе люди утверждаютъ, что А. Брэмъ могъ-бы сдѣлаться прекраснымъ актеромъ и даже пѣвцомъ. Онъ сохранилъ втеченіе всей своей жизни любовь къ поэзіи и особенно къ драмѣ и во время своего путешествія по Сибири, плывя въ лодкѣ по Иртышу, развлекалъ своихъ спутниковъ декламациями изъ «Фауста Гёте».

Удивительно, что когда Брэмъ пришлось избрать себѣ практическую дѣятельность, то онъ обратился не къ естественнымъ наукамъ и медицинѣ, а задумалъ сдѣлаться архитекторомъ. Онъ изучалъ архитектуру въ Альтенбургѣ съ 1843 по

1847 годъ, слѣдовательно цѣлыхъ четыре года. Занятія эти, впрочемъ, даромъ не пропали: они очень пригодились Брэмю впоследствии, когда ему было поручено устройство большихъ зоологическихъ садовъ и акваріевъ. Неожиданно явившаяся возможность предпринять большое путешествіе въ Африку прервала практическія занятія Брэма. Виртембергскій баронъ фонъ-Мюллеръ, большой любитель природы и извѣстный охотникъ, искалъ себѣ молодого спутника для путешествія въ Африку, гдѣ Мюллеръ уже бывалъ и раньше. Онъ предложилъ молодому Брэмю ему сопутствовать и нашелъ въ немъ очень полезнаго товарища, который былъ опытенъ въ охотѣ, собираніи коллекцій и препарированіи шкуръ птицъ. Брэмъ съ восторгомъ принялъ предложеніе и отецъ съ удовольствіемъ согласился на это путешествіе сына, такъ какъ надѣялся, посредствомъ его, увеличить свою коллекцію птицъ, что и было исполнено сыномъ въ видѣ очень щедрыхъ посылокъ. Путешественники сѣли на корабль въ Триестѣ 6 іюля 1847 года и молодой Брэмъ никакъ не думалъ, что увидитъ родные Тюрингенскіе лѣса только черезъ пять лѣтъ. Послѣ небольшой остановки въ Греціи, оба спутника пріѣхали въ Каиръ и не скоро могли оставить этотъ городъ, такъ какъ оба, вслѣдствіе неосторожности, захворали отъ солнечнаго удара и во время болѣзни претерпѣли всѣ ужасы землетрясенія, которое случилось какъ разъ во время пребыванія ихъ въ священномъ египетскомъ городѣ. Только 23-го сентября присоединились они къ партіи католическихъ миссіонеровъ и сообщая наняли барку, которая должна была ихъ доставить вверхъ по Нилу до Ассуана. Барка подвигалась медленно впередъ и наши натуралисты проводили большую часть времени на берегахъ, охотясь за рѣдкими животными и наблюдая природу имъ мало извѣстной страны. Въ Донголъ миссіонеры отдѣлились отъ Мюллеровской экспедиціи, которая на другой баркѣ уѣхала до Амбуколя, гдѣ стали готовиться къ сухопутному путешествію внутрь страны. 4-го января 1848 года они уже были въ лѣсистомъ и богатой водами части Судана и тамъ набрали богатую добычу рѣдкихъ птицъ, какъ-то: марабу, маленькаго чернаго журавля и другихъ. 8-го января они были въ Хартумѣ, гдѣ очень гостепріимно приняты были губернаторомъ Солиманомъ пашей. Такъ какъ здѣсь предполагалась продолжительная остановка, то былъ устроенъ небольшой звѣринецъ, гдѣ фигурировали: ручной марабу, нѣсколько обезьянъ, газели и страусы, Брэмъ въ Хартумѣ пытался приручить нѣсколько молодыхъ гіенъ. Охота здѣсь была очень прибыльна, особенно въ лѣсахъ, окружающихъ Голубой Нилъ, куда Брэмъ отправился на довольно продолжительное время въ сопровожденіи двухъ нубійскихъ служителей, но среди тропическаго лѣса онъ сильно захворалъ мѣстной лихорадкой, приступы которой онъ чувствовалъ еще на Нилѣ, и долженъ былъ вернуться въ Хартумъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Немного оправившись, Брэмъ снова возвратился въ лѣса и привезъ оттуда до 130 птичьихъ шкуръ. Барону Мюллеру показалось, что добыча эта слишкомъ незначительна и отъ этого произошла размолвка съ Брэмомъ, которая чуть не повела къ прекращенію путешествія.—«Меня возмутила», пишетъ Брэмъ, «эта неблагодарность челоуѣка, который самъ не испыталъ всѣхъ трудностей пребыванія въ африканскихъ лѣсахъ, особенно при лихорадкѣ. Тогда уже я понималъ, что труды собирателя-натуралиста рѣдко признаются посторонними лицами. Только сильная любовь къ наукѣ и глубокое пониманіе наслажденій, которыя она доставляетъ, удержали меня отъ разрыва съ барономъ».

Въ концѣ февраля наши путешественники присоединились къ экспедиціи находившагося на египетской службѣ маіора Петерика, который долженъ былъ дѣлать геологическія наблюденія въ Кордофанѣ. Изъ Голубого Нила они отправились па Бѣлый Нилъ и изъ деревни Торра начали свое сухопутное путешествіе по

жаркому и нездоровому Кордофану. Добыча здѣсь была очень обильна, особенно разными видами орловъ, соколовъ и грифовъ, и вообще пребываніе въ этой странѣ было въ высшей степени интересно, потому что имъ пришлось очень близко наблюдать львовъ, леопардовъ и гіенъ. Но черезъ четыре мѣсяца убійственный климатъ заставилъ путешественниковъ вернуться, и на обратномъ пути, проѣзжая по пустынѣ на спинѣ верблюда, Брэмъ претерпѣвалъ такія страшныя страданія, что ежеминутно ожидалъ смерти. Наконецъ они достигли Нила и спустились на небольшомъ суднѣ то Хартума, гдѣ намѣревались довольно долго прожить, чтобы отдохнуть и хорошенько вылѣчиться отъ лихорадки. Тутъ же они узнали и о важныхъ политическихъ событіяхъ, которыми ознаменовалась въ Европѣ весна 1848 года.

Но и въ Хартумѣ они не могли совершенно освободиться отъ лихорадки и въ концѣ августа отправились внизъ по Нилу въ Египетъ; генераль-губернаторъ Хартума отдалъ въ ихъ распоряженіе двѣ барки, на которыхъ помѣстились многочисленные ящики съ коллекціями и довольно большое число кѣтокъ съ живыми животными, съ которыми они никакъ не хотѣли разстаться. Несмотря на предупрежденіе туземцевъ наши путешественники остались на баркахъ при проходѣ ихъ черезъ катаракты и счастье имъ благопріятствовало: они проѣхали благополучно. По дорогѣ они останавливались около катакомбъ въ Монсалютѣ, гдѣ хранятся тысячи мумій крокодиловъ, причѣмъ Брэмъ пришелъ къ заключенію, что крокодилы эти ни въ какомъ случаѣ не умерли естественною смертію, а убиты еще древними египтянами, которые для искупленія этого грѣха ихъ набальзамировали. 28-го октября доѣхали они до Каира, довольные тѣмъ, что вернулись цѣлыми и невредимыми изъ труднаго путешествія и довели въ сохранности всѣ собранныя сокровища. Конецъ года они прожили въ этомъ городѣ, дѣлая небольшія экскурсіи по окрестностямъ для охоты и дополненія своихъ коллекцій. Баронъ фонъ-Мюллеръ 29-го января сѣлъ въ Александріи на пароходъ, который долженъ былъ его довести до Европы, и Брэмъ разстался съ нимъ съ большимъ сожалѣніемъ. Незыбнливое и близкое товарищество втеченіе двухлѣтняго путешествія по чужимъ странамъ такъ сблизило этихъ двухъ людей, что Брэмъ забылъ непріятности, сдѣланныя ему барономъ, и ему грустно было разстаться съ человѣкомъ, съ которымъ онъ дѣлилъ и радость, и горе, въ пустынѣ, и въ тропическомъ лѣсу. Брэмъ остался въ Египтѣ съ тѣмъ, чтобы предпринять второе путешествіе во внутреннюю Африку на средства барона фонъ-Мюллера, съ условіемъ всѣ собранныя коллекціи привезти барону. Брэмъ долго жилъ въ Египтѣ, именно, до мая мѣсяца 1850 года и воспользовался этимъ временемъ, чтобы не только изучить природу и фауну древней страны пирамидъ, но и подробно познакомиться съ ея жителями, ихъ обычаями и домашнею жизнью. Онъ взялъ себѣ учителя арабскаго языка, научился читать и писать по арабски, носилъ мѣстную одежду, посѣщалъ кофейни, мусульманскія мечети, участвовалъ въ религиозныхъ процессіяхъ, такъ что арабы считали его своимъ и думали, что онъ отказался отъ христіанства и сдѣлался правовѣрнымъ; онъ даже переимѣнилъ свое имя, такъ какъ арабы увѣряли, что его настоящее имя И-бре-емъ (Ибрагимъ) и никакъ не хотѣли признавать имя «Альфредъ», такъ какъ оно похоже на арабское слово афреидъ (дьяволъ). По совѣту своихъ арабскихъ друзей Брэмъ принялъ прозвище Халиль-эфенди и это въ значительной степени облегчило его сношенія съ туземцами.

Во время второго путешествія Брэма предполагалось проникнуть еще дальше въ глубь Африки, вверхъ по Нилу до 4^о с. ш. Къ экспедиціи присоединились старшій братъ Брэма, Оскаръ, и врачъ Ричардъ Фирталеръ. Кромѣ того были взяты два нѣмецкихъ служителя, Шмидтъ и Тишендорфъ, отставной египетскій солдатъ

Али, съ которымъ Брэмъ познакомился еще во время перваго путешествія, и нѣсколько негровъ. Баронъ фонъ-Мюллеръ наконецъ прислалъ долго ожидаемыя деньги и общалъ самъ присоединиться къ экспедиціи въ Хартумъ около перваго іюля. Путешественники отправились въ путь 24-го февраля 1850 года и точно такъ, какъ и въ первый разъ, поднялись на баркѣ вверхъ по Нилу, а затѣмъ отъ мѣстечка Вади Гальфа продолжали путь на верблюдахъ до Новой Донголы. Начало путешествія было очень удачно: кромѣ птицъ и звѣрей было собрано много жуковъ и другихъ насѣкомыхъ, которыми специально занимался Оскаръ Брэмъ. Но въ Донголѣ случилось большое несчастье, которое очень разстроило Брэма: его братъ Оскаръ во время купанья утонулъ и пришлось его похоронить въ пустынѣ. Съ стѣсненнымъ сердцемъ отправились путешественники 14-го мая дальше и смерть ихъ спутника наводила на нихъ самыя грустныя мысли: увидятъ ли они когда-либо свою родину? Смерть Оскара Брэма была большой потерей для экспедиціи, потому что онъ обращалъ вниманіе на тѣхъ животныхъ, которыя были мало извѣстны Альфреду Брэму, именнс, на насѣкомыхъ. Дѣйствительно, въ описаніи путешествія Брэма очень рѣдко упоминаются насѣкомыя и то только такіе жуки и бабочки, которые своей величиной и красотой невольно бросаются въ глаза. Преодолювъ многія трудности, караванъ достигъ 13-го іюня Хартума, и Брэмъ былъ тамъ очень хорошо принятъ, такъ какъ встрѣтилъ много старыхъ знакомыхъ. Новый губернаторъ Судана Абдъ-эль-Латифъ паша, еще молодой и очень энергическій человекъ, также встрѣтилъ экспедицію дружелюбно и много способствовалъ успѣху ея тѣмъ, что своими строгими мѣрами онъ ввелъ большій порядокъ въ управленіи этой отдаленной страны. Денегъ у Брэма больше не было, но ему удалось сдѣлать небольшой заемъ и на эти средства была предпринята 6-ти-недѣльная экспедиція въ лѣса Голубого Нила. Экспедиція эта дала богатый матеріалъ для коллекцій, но Брэмъ опять схватилъ лихорадку и вернулся совсѣмъ больной въ Хартумъ. Баронъ фонъ-Мюллеръ, однако, самъ во-время не пріѣхалъ и денегъ не прислалъ и Брэмъ былъ въ большомъ затрудненіи относительно содержанія своихъ спутниковъ; но ему помогъ губернаторъ, давшій ему снова займы пять тысячъ піастровъ. Вылѣчившись отъ лихорадки, Брэмъ, вмѣстѣ совсѣми своими спутниками, отправился во вторичную экспедицію, которая продолжалась три мѣсяца, причемъ путешественники проникли въ тропическіе лѣса, далеко за Сеннаръ. Добыча во время этой экспедиціи превзошла все ожиданія Брэма. Путешественники добыли шкуры многихъ очень рѣдкихъ птицъ, почти каждую ночь слышали ревъ львовъ, видали цѣлыя стада слоновъ и огромныя стаи обезьянъ, охотились на крокодиловъ и бегемотовъ, причемъ однажды самъ Брэмъ чуть не сдѣлался жертвой своей неосторожности, когда на него бросился легко раненый и разъяренный бегемотъ. Экспедиція привезла въ Хартумъ около 1400 однихъ птичьихъ шкуръ.

Въ мартѣ 1851 года пріѣхалъ въ Хартумъ вновь туда назначенный австрійскій консулъ, Константіанъ Рейцъ, съ которымъ Брэмъ познакомился еще въ Александріи, и привезъ очень грустное письмо отъ барона фонъ-Мюллера. Баронъ писалъ, что онъ обанкрутился и не можетъ ни самъ пріѣхать, ни денегъ прислать, и несчастный Брэмъ оказался заброшеннымъ за 3000 верстъ отъ родины безъ всякихъ средствъ не только къ продолженію путешествія, но даже и къ существованію. Брэмъ долженъ былъ жить въ Хартумѣ, занимая деньги у своихъ друзей мусульманъ, которые, впрочемъ, высоко цѣнили Брэма и считали его отчасти колдуномъ, вслѣдствіе необыкновенной способности его приручать къ себѣ животныхъ. На дворѣ его дома въ Хартумѣ былъ цѣлый звѣринецъ: стаи ручныхъ ибисовъ всюду слѣдовала за Брэмомъ; онъ умѣлъ приручить даже нѣсколькихъ грифовъ;

мартышка сопровождала его повсюду, ласкала его и съ нимъ вмѣстѣ обѣдала. Но особенное удивленіе возбуждали ручная львица и ручной крокодилъ. Львица, которую звали Бахида, такъ любила Брэма, что часто спала съ нимъ вмѣстѣ на одной кровати, терлась о его колѣни какъ кошка и безропотно переносила побои и наказанія. Однажды она схватила ребенка, но по приказанію Брэма оставила его, несмотря на то, что успѣла его расцарапать до крови. Ручной крокодилъ позволялъ продѣлывать надъ собой всякія штуки: на него садились верхомъ, катали его какъ бревно и онъ шель на воевъ Брэма; одного только онъ не могъ переносить, это, когда ему вдввали табачный дымъ въ ноздри.

Брэмъ пишетъ, что всѣ эти животныя составляли для него большое утѣшеніе во время его невольнаго плѣна въ Хартумѣ. Встрѣчая такъ много привязанности и благодарности въ своихъ животныхъ, онъ часто забывалъ тяжелое положеніе, въ которое его поставили люди. Брэмъ долженъ былъ прожить такимъ образомъ 14 мѣсяцевъ въ Суданѣ и все еще не могъ найти средствъ, чтобы заплатить долги и вернуться въ Каиръ; между тѣмъ повторяющіеся припадки лихорадки указывали ему, что пора вернуться на родину. Въ возвращеніи въ Нижній Египетъ ему помогли: находившійся тогда въ Хартумѣ нѣмецкій купецъ Бауергоретъ, изъ С.-Петербурга, и губернаторъ Латифъ-паша. Первый, который самъ возвращался въ Каиръ, взялся довести Брэма и его коллекціи безвозмездно до Каира, а Латифъ-паша далъ ему взаймы еще пять тысячъ піастровъ. Всѣ его должники согласились не требовать отъ него денегъ при отъѣздѣ и ждать присылки ихъ изъ Каира. Отправившись 18 августа 1851 года изъ Хартума, Брэмъ только къ 26 октября добрался до хорошо знакомаго ему Каира. Путешествіе совершилось благополучно, только на нильскихъ порогахъ упало въ воду и потонуло нѣсколько ящиковъ съ коллекціями. Въ Каирѣ Брэмъ жилъ всю зиму, отдохнулъ отъ труднаго путешествія и поправилъ свое разстроенное здоровье. 30 апрѣля 1852 г. Брэмъ со всѣми своими коллекціями и съ большимъ количествомъ живыхъ животныхъ сѣлъ на пароходъ, который довезъ его до Триеста 28-го мая. По настоянію прускаго консульства, онъ взялъ съ собою еще многихъ животныхъ, предназначенныхъ для Берлинскаго зоологическаго сада, и сдалъ ихъ въ Триестѣ высланнымъ на встрѣчу служителямъ зоологическаго сада. Въ Вѣнѣ Брэмъ долженъ былъ продать большую часть сокровищъ и расстался даже съ своей вѣрной львицей Бахидой, чтобы расплатиться съ долгами, сдѣланными въ Египтѣ. 16-го іюля вернулся онъ наконецъ, послѣ пятилѣтняго отсутствія, въ родной домъ и имѣлъ счастье обнять отца, мать и всѣхъ братьевъ и сестеръ.

Понятно, что такое продолжительное пребываніе въ Африкѣ и исключительныя занятія охотой и наблюденіемъ природы должны были имѣть рѣшающее значеніе на карьеру Брэма: о продолженіи своихъ занятій архитектурой онъ пересталъ думать и въ продолженіи трехъ лѣтъ пополнилъ свои естественно-историческія познанія, слушая лекціи въ Іенскомъ и Вѣнскомъ университетахъ. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ всѣ жители города Іены знали веселаго студента, квартира котораго была полна обезьянъ и другихъ рѣдкихъ животныхъ; Брэмъ любилъ выставлять на показъ свое близкое знакомство съ нравами тропическихъ животныхъ, часто приглашалъ дѣтей къ себѣ любоваться своими звѣрями и играть съ ними и былъ извѣстенъ среди нихъ подъ прозвищемъ «Фараона». Онъ уже тогда началъ свою литературную дѣятельность: печаталъ орнитологическіе очерки въ специальныхъ журналахъ и былъ однимъ изъ основателей нѣмецкаго Орнитологическаго Общества. Въ 1855 году издалъ онъ свои «Путевые очерки о сѣверо-восточной Африкѣ», которые содержатъ не только подробныя описанія природы этой страны

и различныя свѣдѣнія объ охотѣ и образѣ жизни тамошнихъ животныхъ, преимущественно птицъ, но и богатый матеріалъ по этнографіи видѣнныхъ имъ странъ, именно: Египта, Нубіи, Сениара и Кордофана. На заглавномъ листѣ этого сочиненія Брэмъ уже титулуруетъ себя докторомъ философіи и членомъ многихъ обществъ. Въ 1856 году Брэмъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Рейнгольдомъ, который былъ врачомъ, но также любилъ охоту и наблюденіе надъ животными, предпринялъ путешествіе по Испаніи, въ значительной степени увеличившее его свѣдѣнія о южно-европейскихъ животныхъ. Скоро послѣ возвращенія изъ Испаніи Брэмъ поселился въ Лейпцигѣ и тамъ познакомился съ пзвѣстнымъ естественно-историческимъ писателемъ Росмеслеромъ, въ сотрудничествѣ съ которымъ впоследствии онъ написалъ популярную книгу «Животныя лѣса» (*Die Thiere des Waldes*). Тамъ же онъ началъ писать статьи для очень распространеннаго въ Германіи журнала: «*Gartenlaube*» и эти популярныя статьи доставили Брэму большую извѣстность, такъ какъ онъ умѣлъ придать привлекательность и даже поэтическій оттѣнокъ своимъ очеркамъ изъ жизни животныхъ. Редакторъ «*Gartenlaube*», Эрнестъ Кейль, далъ ему средства на очень назидательное путешествіе въ Норвегію и Лапландію, гдѣ онъ познакомился съ жизнью многихъ птицъ, не встрѣчающихся ни въ Средней Европѣ, ни въ Африкѣ. Въ 1861 году появилось первое изданіе извѣстнаго сочиненія Брэма «Жизнь птицъ» («*Leben der Vögel*»), гдѣ въ систематическомъ порядкѣ изложены многія отдѣльныя статьи Брэма изъ его путешествій, взятыя изъ «*Gartenlaube*» и другихъ журналовъ.

Задумавъ жениться, Брэмъ сталъ давать уроки географіи и естествовѣдѣнія въ частной мужской гимназіи д-ра Цилле и въ женской гимназіи въ Лейпцигѣ. Въ 1861 году онъ женился на Матильдѣ Рейцъ, которая была вѣрной спутницей его жизни, посильно участвовала во всѣхъ его трудахъ и очень дорожила его славой какъ писателя, такъ и ученаго, для чего часто почти насильно заставляла его бросать халатъ и трубку и одѣться во фракъ для участія на какихъ-нибудь официальныхъ засѣданіяхъ и другихъ празднествахъ. Счастье благоприятствовало Брэму и онъ въ скоромъ времени могъ снова поѣхать въ любимую Африку, причемъ и жена сопровождала его. Герцогъ Эрнестъ Саксенъ-Кобургскій съ женою вздумалъ предпринять большую охотничью экспедицію въ Верхній Египетъ и Абиссинію. Онъ пригласилъ Брэма въ участники этой экспедиціи и даже послалъ его впередъ для того, чтобы избрать удобную стоянку для него и его многочисленной свиты. Брэмъ доѣхалъ по Красному морю до Массовы, которая тогда не была еще занята италянцами. Стоянка была имъ выбрана на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега на плоскогоріи Менда, возвышающемся на 8 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. 27-го марта приѣхалъ герцогъ съ женой и со свитой, въ средѣ которой были: извѣстный романистъ Герштекеръ и живописецъ Кречмеръ. Для герцогини и другихъ дамъ были устроены хаты изъ вѣтвей и соломы, а герцогъ и прочія лица свиты жили въ палаткахъ. Окружающая мѣстность, находящаяся на границѣ гористой страны Абиссиніи и береговой полосы пустыни, была въ высшей степени удобна для самой разнообразной охоты и потому герцогъ былъ очень доволенъ своимъ путешествіемъ и проводилъ почти все свободное время на охотѣ. Были устроиваемы охоты на антилопъ, обезьянъ, довольно рѣдко встрѣчающихся дамаповъ, различныя птицъ и даже слоновъ, стадо которыхъ нашелъ Брэмъ въ лѣсной чащѣ, окружающей горное озеро. Такъ какъ фауна Абиссиніи значительно отличается отъ фауны тѣхъ частей Африки, которые были раньше извѣстны Брэму, то сей послѣдній, во время своего путешествія съ герцогомъ Саксенъ-Кобургскимъ, могъ сдѣлать множество новыхъ интересныхъ наблюденій. Къ сожалѣнію, два обстоя-

тельства послужили къ уменьшенію результатовъ этой поѣздки: во 1-хъ, кратковременность стоянки, продолжавшейся всего нѣсколько недѣль, во 2-хъ, лихорадка, которою страдалъ Брэмъ почти весь апрѣль мѣсяць. Несмотря на эти неблагоприятныя условія, слѣдуетъ удивляться богатству матеріала, содержащагося въ описаніи этого путешествія и изданнаго Брэмомъ въ видѣ отдѣльной книги въ 1863 году. Восхищаясь необыкновеннымъ богатствомъ флоры «Африканской Швейцаріи», какъ называетъ Брэмъ Абиссинію, онъ глубоко сожалѣетъ о томъ, что мало знакомъ съ ботаникой и потому не можетъ подробно описать богатую и разнообразную растительность этой страны. Наблюденія надъ животными были чрезвычайно многочисленны и читались зоологами всѣхъ странъ съ большимъ интересомъ. Книга эта содержитъ двѣ замѣчательныхъ статьи: «Объ образѣ жизни нѣкоторыхъ млекопитающихъ» и «Наблюденія надъ жизнью нѣкоторыхъ птицъ», въ которыхъ въ первый разъ ярко выступаетъ специальность Брэма, именно, точныя наблюденія не только надъ внѣшними признаками животныхъ, но и надъ ихъ образомъ жизни и душевною дѣятельностью. Знатоковъ внѣшнихъ признаковъ различныхъ видовъ животнаго царства всегда было много, но Брэму первому пришлось указать на важное значеніе наблюдений надъ душевными способностями животныхъ, ихъ внѣшними чувствами, ихъ привычками, однимъ словомъ, надъ совокупностью всѣхъ тѣхъ явленій, которыя обуславливаютъ ихъ жизнь въ полномъ смыслѣ этого слова. Съ цѣлью изложить имъ собранный богатый матеріалъ, именно о «Жизни животныхъ», о чемъ въ учебникахъ зоологіи такъ мало говорилось, было начато изданіе самаго большого сочиненія Брэма, его «Иллюстрированной жизни животныхъ», первый томъ которой появился въ 1863 году въ Гильдбурггаузенѣ. Отличіе этого сочиненія отъ обыкновенныхъ учебниковъ зоологіи должно было состоять въ томъ, чтобы дать интересное и поучительное чтеніе не только специалистамъ зоологамъ, но и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя, по своей профессіи или просто по влеченію сердца желаютъ познакомиться съ тѣми или другими представителями животнаго царства. Охотники, сельскіе хозяева, лѣсничіе, любители домашнихъ птицъ могли въ этой книгѣ найти подробности объ образѣ жизни своихъ любимцевъ, ихъ пилци, общественной жизни, душевныхъ способностяхъ, привычкахъ, инстинктахъ и наклонностяхъ, ихъ семейной жизни, способахъ передвиженія съ мѣста на мѣсто и, наконецъ, ихъ отношенія къ другимъ животнымъ и человѣку. Сотрудниками Брэма въ изданіи «Иллюстрированной жизни животныхъ» были: профессоръ Ташенбергъ, который взялъ на себя статьи, касающіяся насѣкомыхъ и пауковъ, Оскаръ Шмидтъ, взявшій на себя разработку статей о низшихъ животныхъ, и живописцы Кречмеръ и Эмиль Шмидтъ, которые много способствовали успѣху этого сочиненія своими прекрасными рисунками. Первое изданіе «Жизни животныхъ» въ шести объемистыхъ томахъ было окончено только въ 1869 году.

Во время изданія перваго тома этого труда, Брэму было предложено мѣсто директора зоологическаго сада въ Гамбургѣ; такъ какъ учрежденіе это предполагалось значительно расширить и гамбургцы не скупились деньгами, то предложеніе это было въ высшей степени привлекательно для Брэма, который могъ тамъ расширить кругъ своихъ наблюденій надъ животными при самыхъ лучшихъ условіяхъ. Брэмъ отправился въ Гамбургъ и такъ хорошо устроилъ тамошній зоологическій садъ и соединенный съ нимъ акваріумъ, что они стали образцовыми для подобныхъ учреждений въ Германіи. Но дѣятельность эта имѣла и свою неприятную сторону. Во время своихъ африканскихъ путешествій Брэмъ привыкъ къ большой самостоятельности дѣйствій и потому не любилъ подчиняться чужой волѣ. Даже жена его, которую онъ очень любилъ и которую охотно слушался, и та не могла убѣдить

его быть вѣжливымъ къ лицамъ, которыя своими безтолковыми притязаніями и неумѣлыми совѣтами стѣсняли его дѣятельность. Въ Гамбургѣ же главное завѣдываніе дѣлами зоологическаго сада принадлежало комиссіи тамошняго зоологическаго общества, причемъ, какъ это часто бываетъ, многіе изъ членовъ этой комиссіи были дилетанты, мало знакомые съ наукой и вмѣстѣ съ тѣмъ люди притязательные и желающіе показать свое вліяніе. При такихъ условіяхъ, понятно, что между Брэмомъ и членами комиссіи начались недоразумѣнія, которыя, обострившись, повели къ полному разрыву и въ концѣ 1866 года Брэмъ уѣхалъ изъ Гамбурга. Лѣтомъ 1864 года умеръ его старикъ отецъ и смерть эта очень сильно повліяла на душевное состояніе Брэма.

Несмотря на испытанныя въ Гамбургѣ непріятности, Брэмъ согласился участвовать въ совершенно подобномъ же предпріятіи, именно, въ устройствѣ Берлинскаго акваріума. Онъ выговорилъ себѣ большую самостоятельность дѣйствій и, вмѣстѣ съ архитекторомъ Люеръ изъ Ганновера, ревностно принялся за осуществленіе очень оригинальной мысли: среди большого города, въ обыкновенномъ домѣ, устроить зоологическій садъ въ миниатюрѣ съ большими и удобно расположенными морскими и прѣсноводными акваріями. Берлинскій акваріумъ представляетъ изъ себя дѣйствительно учрежденіе очень своеобразное: массы различныхъ горныхъ породъ образуютъ внутри зданія постепенно возвышающіеся ходы съ темными гротами, свѣтлыми площадками, ручейками и водопадами. Въ стѣнахъ этихъ ходовъ вставлены огромныя зеркальныя стекла, за которыми, при возможно натуральной обстановкѣ, двигаются въ водѣ всевозможныя морскія и прѣсноводныя животныя, морскія анемоны, разные крабы, рыбы, до небольшихъ акулъ включительно. Прѣсноводная фауна, какъ болѣе извѣстная, занимаетъ меньше мѣста. На свѣтлой площадкѣ, довольно хорошо освѣщенной сверху, мы находимъ большія клѣтки съ различными птицами, которыя чувствуютъ себя какъ дома, даже строятъ гнѣзда. Тутъ же есть особыя помѣщенія для обезьянъ, разныхъ мелкихъ млекопитающихъ, а подъ ними около воды, за крѣпкими рѣшетками, живутъ крокодилы и нѣкоторые виды черепахъ. Есть особое помѣщеніе для водныхъ птицъ, для бобровъ, а у входа, въ сильно натопленной комнатѣ, живутъ, за стеклами, всевозможныя змѣи и ящерицы. Нужна была необыкновенная опытность Брэма и его обширныя познанія относительно условій жизни различныхъ животныхъ, чтобы успѣшно довести до конца это сложное предпріятіе, дать каждой птицѣ и каждому изъ другихъ животныхъ соотвѣтствующее помѣщеніе, чтобы всѣ они могли жпть привольно, и посѣтитель могъ-бы паблюдать животныхъ не замученныхъ неволюю, а живущихъ при возможно лучшихъ условіяхъ. Какъ примѣръ заботливости о помѣщенныхъ въ акваріумѣ животныхъ, можно рассказать слѣдующее: Брэмъ выписалъ изъ Африки около полусотни хамелеоновъ, но, несмотря на всѣ его старанія, имъ жилое плохо въ Берлинѣ; помѣщеніе ихъ было достаточно нагрѣто, имъ доставляли необходимое количество живыхъ наѣжкомыхъ, но они всѣ поблѣднѣли, похудѣли и не принимали пищи. Брэмъ долго недоумѣвалъ, чего имъ недостаетъ и наконецъ догадался, что на родинѣ хамелеоновъ бываютъ по утрамъ сильныя росы. Онъ велѣлъ по утрамъ сильно опрыскивать помѣщеніе хамелеоновъ холодной водой посредствомъ пульверизатора, и это помогло: хамелеоны ожили, позеленѣли и стали жадно хватать наѣжкомыхъ. Приготовленіе искусственной морской воды для акваріевъ представляло сначала большія трудности, но, благодаря содѣйствію хорошаго химика Гермеса, и это затрудненіе было устранено, и морскіе акваріи стали отлично дѣйствовать. Берлинскій акваріумъ былъ открытъ въ 1869 году и сдѣлался однимъ изъ наиболѣе популярныхъ учрежденийъ города Бер-

лина; множество публики посѣщало его ежедневно, такъ что и съ финансовой стороны акваріумъ далъ вполне удовлетворительные результаты.

Однако и при этомъ дѣло не обошлось безъ неприятностей; нашлись злона-мѣренные люди, которые стали клеветать на Брэма и обвинять его въ недостаточной осторожности и даже безцеремонномъ обращеніи съ порученными ему деньгами. Акціонеры берлинскаго акваріума начали придираться къ его отчетности, а Брэмъ, какъ человѣкъ неуживчивый, не сумѣлъ хладнокровно отнестись къ этимъ низкимъ клеветамъ. Весною 1874 года Брэмъ былъ такъ измученъ всѣми этими неприятностями, что сильно захворалъ: у него сдѣлалось воспаление мозга, которое чуть его не довело до могилы. Оправившись отъ этой жестокой болѣзни, Брэмъ съ семьей поѣхалъ въ Кунерсдорфъ около Исполиновыхъ горъ, а осенью вернулся снова здоровымъ въ Берлинъ. Съ тѣхъ поръ ужь онъ не бралъ на себя никакихъ обязательствъ и жилъ своими литературными трудами, а также гонораромъ за лекціи, которыя онъ въ теченіе зимы читалъ въ большихъ городахъ Германіи и сосѣднихъ странъ. Брэмъ былъ прекраснымъ лекторомъ: онъ говорилъ просто, безъ лишняго пафоса и, описывая свои странствованія и путешествія, очень скромно умалчивалъ о своихъ заслугахъ и опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, такъ что весь главный интересъ лекціи сосредоточивался на сообщаемыхъ имъ свѣдѣніяхъ. Дѣломъ Брэмъ большею частью занимался литературными трудами. Въ 1872 году онъ началъ писать книгу «Птицы въ неволѣ» (*Gefangene Vögel*), которая была окончена только въ 1876 году. Сочиненіе это сдѣлалось настольной книгой для всѣхъ любителей птицъ, обыкновенно содержимыхъ въ клѣткахъ, и въ значительной степени послужило къ распространенію этого любительскаго занятія. Кроме того Брэмъ писалъ статьи для «*Gartenlaube*», выпустилъ новое изданіе «**Прѣсноводнаго акваріума Росмеслера**» и наконецъ съ 1876 года началъ новое изданіе своей «Иллюстрированной жизни животныхъ». Лица, знакомыя съ этимъ вторымъ изданіемъ, могли убѣдиться, что Брэмъ не ограничился перепечаткой стараго текста, но много пополнилъ и измѣнилъ, согласно вновь сдѣланнымъ наблюденіямъ. Второе изданіе вышло гораздо обширнѣе перваго и въ немъ много новыхъ рисунковъ.

Но еще раньше окончанія этого большого сочиненія Брэму представилась возможность совершить путешествіе въ Сибирь и такимъ образомъ посѣтить страну, фауна которой ему была совсѣмъ неизвѣстна. Образовавшееся въ Бременѣ общество для изслѣдованія сѣверныхъ полярныхъ странъ предложило ему участвовать въ экспедиціи для изслѣдованія западной Сибири. Средства на эту экспедицію были доставлены отчасти Бременскими купцами, а отчасти извѣстнымъ Сибиряковымъ, живущимъ въ Иркутскѣ. Участники этой поѣздки были немногочисленны: съ Брэмомъ поѣхалъ натуралистъ Отто Финнъ изъ Бремена и къ нимъ присоединился еще виртембергскій офицеръ, графъ фонъ-Вальдбургъ-Цейль-Траухбургъ, который былъ хорошимъ ботаникъ. Путешественники пріѣхали 19-го марта 1876 г. въ Нижній-Новгородъ, а оттуда по плохимъ дорогамъ, еще въ саняхъ, переѣхали за Уралъ. Втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Брэмъ со своими спутниками изслѣдовалъ часть Туркестана до горной цѣпи Алатау, причемъ они сдѣлали небольшую прогулку въ Китай за русскую границу; затѣмъ они объѣхали значительную часть западной Сибири до береговъ Карскаго моря. Несмотря на вполне дружественный пріемъ, съ которымъ русскіе чиновники встрѣчали Брэма въ Сибири и Туркестанѣ, экспедиція эта представляла большія трудности, особенно въ сѣверо-западной части Сибири: отсутствіе дорогъ, невиданное количество комаровъ и чума, господствовавшая тогда между сѣверными оленями, сильно затрудняли путешествен-

никовъ. Эта экспедиція Брэма была, можетъ быть, не такъ богата результатами по описанію природы, но дала очень богатый матеріалъ по этнографіи, такъ какъ путешественникамъ пришлось познакомиться со многими инородцами, населяющими эту часть Россіи, именно: калмыками, киргизамп, остяками, самоѣдами и вогулами. Брэму особенно понравилась, по своей откровенности и честности, остяки и самоѣды. Самоѣдскій шаманъ съ помощью волшебнаго барабана предсказалъ путешественникамъ, что они благополучно вернуться на родину и будутъ украшены орденами и другими отличіями, что дѣйствительно и исполнилось; правда, онъ ошибся, предсказывая имъ возвращеніе въ Сибирь въ слѣдующемъ году, но исполненіе этого предсказанія зависѣло уже отъ воли самихъ путешественниковъ. Брэмъ имѣлъ случай изслѣдовать совершенно своеобразную фауну Средне-Азіатскихъ степей и прилегающихъ къ нимъ горъ; онъ, наиримѣръ, убилъ довольно рѣдко встрѣчающагося въ тѣхъ мѣстностяхъ горнаго барана. аргали, за что киргизскій поэтъ-импровизаторъ въ тотъ же вечеръ восхвалялъ его въ высокопарныхъ стихахъ на мѣстномъ нарѣчій. Это путешествіе подробно описано въ журналѣ «Природа и охота» за 1880 и 1881 года. Къ концу 1876 года Брэмъ и Финшъ вернулись въ Германію, а графъ Вальдбургъ остался еще нѣкоторое время въ Россіи. Самъ Брэмъ считалъ путешествіе по Россіи самымъ интереснымъ втеченіе своей жизни и собирался издать свой подробный дневникъ, но не успѣлъ этого сдѣлать; говорятъ, что сынъ его д-ръ Горстъ Брэмъ думаетъ въ скоромъ времени напечатать этотъ дневникъ.

Въ началѣ 1877 года эрцгерцогъ Рудольфъ австрійскій, который, какъ извѣстно, былъ страстный охотникъ и большой любитель птицъ, пожелалъ познакомиться съ Брэмомъ, и знакомство это сдѣлалось довольно близкимъ и продолжалось до смерти нашего натуралиста. Въ 1878 году Брэмъ сопровождалъ эрцгерцога въ путешествіи по Венгріи, а въ 1879 году они вмѣстѣ ѣздили въ Испанію, причемъ обѣ эти поѣздки слѣдуетъ причислить къ серьезнымъ научнымъ экспедиціямъ, а не къ увеселительнымъ прогулкамъ. Брэму и еще одному орнитологу, Гомейеру, пришлось заняться, по порученію эрцгерцога, специальнымъ вопросомъ описанія нѣкоторыхъ видовъ европейскихъ орловъ. Кронпринцъ Рудольфъ доставлялъ обоимъ натуралистамъ богатый матеріалъ своими охотами и писалъ иногда Брэму очень длинныя письма, гдѣ сообщалъ свои орнитологическія наблюденія. Отношенія принца къ Брэму были самыя дружественныя, и когда первый жилъ въ Прагѣ въ Градчицѣ, то Брэмъ являлся къ нему въ своемъ обычномъ охотничьемъ шиджакѣ. Въ 1878 году Брэмъ получилъ отъ австрійскаго императора орденъ Желѣзной Короны, который въ то время давалъ права дворянства своимъ кавалерамъ, а въ слѣдующемъ году—командорскіе кресты испанскаго ордена Изабеллы и португальскаго ордена—св. Іакова. Кроме того герцогъ мейнингенскій награждалъ Брэма большою золотою медалью за особыя научныя заслуги. Но эти годы, столь богатыя знаками отличія, припесли Брэму много горя. Скоро послѣ его возвращенія изъ Сибири, въ 1877 году, у него умерла мать, а въ слѣдующемъ году, при рожденіи младшаго сына, онъ потерялъ жену, которая, какъ уже выше сказано, была его вѣрпой спутницей и усердной сотрудницей втеченіе ихъ супружеской жизни. Отъ этого удара онъ уже не могъ совершенно поправиться. Зимой онъ продолжалъ свои лекціи и совершалъ нѣкоторыя небольшія путешествія, лѣтомъ же жилъ въ своемъ помѣстьѣ въ Рентендорфѣ и занимался разведеніемъ розъ.

Желая оставить своимъ дѣтямъ побольше средствъ, Брэмъ въ 1883 году подписалъ очень выгодный контрактъ съ обязанностию прочесть пятьдесятъ лекцій въ различныхъ большихъ городахъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Еще до на-

чала этого путешествія Брэмъ постигло страшное несчастье: всѣ пять человѣкъ его дѣтей захворали дифтеритомъ и онъ бы не уѣхалъ въ Америку, если бы не долженъ былъ по контракту заплатить крупную неустойку за неисполненіе его. Врачъ его успокоилъ насчетъ пехода болѣзни и онъ уѣхалъ, скрѣпя сердце. Четверо дѣтей выздоровѣли, но младшій сынъ, любимецъ семейства, умеръ раньше, чѣмъ Брэмъ доѣхалъ до Америки, и онъ получилъ горестное извѣстіе тотчасъ послѣ высадки въ Нью-Йоркѣ. Брэмъ исполнилъ требуемое по контракту, прочиталъ свои пятьдесятъ лекцій, но усиленные занятія, вредный климатъ и душевныя страданія такъ сильно повліяли на его здоровье, что онъ въ Америкѣ захворалъ и вернулся въ Европу разслабленнымъ и очень постарѣвшимъ. Это было послѣднее путешествіе Брэма; онъ вернулся въ Рентендорфъ, чтобы оттуда уже не уѣзжать. У него образовалась болѣзанъ почекъ (Morbus brightii), которая сильно его истощала и довела до могилы. 11-го ноября 1884 года ударъ окончилъ его страданія. Распространенное газетами извѣстіе, что передъ смертью онъ ослѣпъ, невѣрно: во время болѣзни онъ подвергался сильнымъ и разнообразнымъ страданіямъ, но на глаза болѣзни не имѣла вліянія.

Въ молодыхъ годахъ Брэмъ былъ высокимъ, красивымъ мужчиной съ очень выразительнымъ лицомъ: высокій лобъ, орлиный носъ, привѣтливые голубые глаза, длинная темная борода и довольно длинные волосы придавали особую выразительность его фигурѣ. О характерѣ его мы уже говорили выше: Брэмъ былъ человѣкъ откровенный, прямодушный; онъ не любилъ лести и самъ никогда не льстилъ; высказывалъ онъ свои мнѣнія рѣзко и рѣшительно. Этл душевныя качества доставили ему многихъ враговъ между людьми, которые не любятъ прямодушія и откровенности. Но было бы несправедливо считать Брэма за человѣка гордаго и высокомернаго: онъ никогда не рисовался, всегда скромно отзывался о собственныхъ заслугахъ и даже не любилъ, чтобы его дѣти слушали рассказы о его путешествіяхъ, говоря, что они должны въ немъ видѣть отца семейства, а не извѣстнаго путешественника. У него была сильная доля юмора и веселости и онъ иногда очень смѣшилъ своихъ близкихъ знакомыхъ остроумными рассказами и выходками. Разъ, во время лейпцигской ярмарки, онъ въ одномъ звѣринцѣ всталъ на спину огромной черепахи и заставилъ себя провезти нѣсколько шаговъ, къ большой потѣхѣ всей собравшейся публики.

Слѣдуетъ ли намъ говорить о сочиненіяхъ Брэма? Кто ихъ не знаетъ. Главнѣйшія изъ нихъ переведены на языки всѣхъ образованныхъ народовъ, а «Жизнь животныхъ» стала такъ извѣстна, что ее читаютъ даже юпоши на школьной скамьѣ. У Брэма были и враги, которые утверждали, что въ его сочиненіяхъ можно найти охотничьи рассказы, наблюденія надъ содержимыми въ неволѣ животными и разныя свѣдѣнія, сообщаемыя безъ всякой кричички, но дѣйствительно научныхъ данныхъ въ нихъ очень мало. Упрекъ этотъ несправедливъ уже тѣмъ, что Брэмъ свою «Жизнь животныхъ» и не считалъ за научную зоологію, а, согласно заглавію, за сводъ фактовъ, относящихся къ жизни животныхъ. Онъ былъ очень остороженъ въ своихъ заключеніяхъ и не обобщалъ приводимыя данныя, если они были основаны на наблюденіяхъ надъ однимъ или немногими животными. Распространеніе главнаго сочиненія Брэма, «Иллюстрированной жизни животныхъ», ясно доказываетъ, какъ онъ вѣрно угадалъ требованія образованной публики, которая большею частью не можетъ заниматься научной зоологіей, но всегда интересуется живыми существами, населяющими земной шаръ.

Общій взглядъ на жизнь животныхъ.

Основатель научной зоологіи и наиболѣе значительный представитель ея въ классической древности, Аристотель, раздѣлялъ извѣстныхъ ему животныхъ на девять группъ: группу **живородящихъ четвероногихъ**, которая соотвѣтствуетъ современной группѣ млекопитающихъ, за исключеніемъ китообразныхъ, группу **птиць, четвероногихъ, кладущихъ яйца**, обнимающую пресмыкающихся и земноводныхъ, группу **китообразныхъ** и **рыбъ**. Къ этимъ пяти группамъ животныхъ «имѣющихъ кровь», въ которыхъ мы безъ труда узнаемъ позвоночныхъ современной зоологіи, онъ прибавляетъ, въ качествѣ «лишенныхъ крови», четыре остальные группы, не устанавливая однако такимъ образомъ двухъ большихъ главныхъ группъ, что было совершено въ началѣ настоящаго столѣтія Ламаркомъ, который противопоставилъ другъ другу «позвоночныхъ» и «безпозвоночныхъ». Аристотелевскія группы животныхъ лишенныхъ крови и соотвѣтствуютъ, конечно, вполнѣ этимъ послѣднимъ. Эти группы слѣдующія: **мягкотѣлая**, къ которымъ онъ впрочемъ причислялъ лишь головоногихъ, **мягкоскорлупя**, соотвѣтствующія нашимъ ракообразнымъ, **наѣкомыя**, къ которымъ причислялись также пауки, многоножки и черви, и наконецъ **безногія скорлуповатыя**, именно, одно- и двустворчатая моллюски и морскіе ежи.

Лишь въ прошломъ столѣтіи данная Аристотелемъ группировка животныхъ была значительно улучшена Карломъ Линнеемъ, который, послѣдовательно проводя точную и опредѣленную научную терминологію, въ первый разъ раздѣлялъ все животное царство на послѣдовательныя группы высшаго и низшаго значенія и, что было особенно важно, ввелъ для важнѣйшей изъ этихъ группъ, именно **вида**, двойное обозначеніе. О видѣ, впрочемъ, раньше Линней имѣлъ опредѣленное понятіе въ 17-мъ столѣтіи Джонъ Рэй. Виды животныхъ Линнеемъ соединилъ въ роды; такъ, левъ (*Felis leo*) и тигръ (*Felis tigris*) представляютъ два различныхъ вида рода кошки (*Felis*). Изъ родовъ слагаются семейства, изъ этихъ послѣднихъ—отряды; наконецъ, отряды соединяются въ классы. Линнеемъ различалъ шесть классовъ: млекопитающія, птицы, амфибіи, рыбы, наѣкомыя и черви.

Начиная съ Жоржа Кювье, который, опираясь на свои необыкновенныя познанія относительно внутренняго строенія животныхъ, раздѣлялъ царство животныхъ, на основаніи особенностей нервной системы и относительнаго положенія главныхъ органовъ, на четыре типа, отличающихся между собою «планомъ строенія», мы постепенно пришли къ нынѣшнимъ главнымъ отдѣламъ животнаго царства. Кювье различалъ позвоночныхъ, мягкотѣлыхъ, суставчатыхъ и лучистыхъ животныхъ. Преемники Кювье, исправляя и улучшая его классификацію путемъ

раздѣленій и соединеній группъ, входящихъ въ составъ четырехъ типовъ Кювье, пришли къ установленію большаго числа высшихъ группъ животнаго царства, которыя, соотвѣтственно новѣйшимъ воззрѣніямъ, называютъ предпочтительно *стволами* (Stämme) животнаго царства. Мы будемъ различать ихъ девять: позвоночныя, оболочники, моллюски, моллюскообразныя, суставчатоногія, черви, иглокожія, кишечнополостныя и простѣйшія. Если желательно раздѣлить эти девять типовъ на два большихъ главныхъ отдѣла, то, вмѣсто дѣленія на позвоночныхъ и беспозвоночныхъ, лучше принять дѣленіе на кишечныхъ и простѣйшихъ животныхъ. Первые имѣютъ кишечникъ, который, правда, у нѣкоторыхъ мало развитъ, и тѣло ихъ состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ, отличающихся по строенію своему; у вторыхъ— нѣтъ ни кишечника, ни раздѣленія тѣла на слои; они имѣютъ морфологическое значеніе одной «клеточки» или иногда небольшой группы однородныхъ клеточекъ.

Мы начнемъ съ бѣлаго взгляда на общіе признаки такъ называемыхъ позвоночныхъ животныхъ. Всѣ позвоночныя отличаются прежде всего внутреннимъ хрящевымъ или костянымъ осевымъ скелетомъ, на спинной сторонѣ котораго залегаютъ главная масса нервной системы, между тѣмъ какъ органы пищеваренія и дыханія, сердце, мочевые и половые органы лежатъ на брюшной сторонѣ осевого скелета. По направленію этого осевого скелета на тѣлѣ позвоночныхъ животныхъ замѣчается расчлененіе на рядъ послѣдовательныхъ частей; въ этомъ расчлененіи принимаетъ участіе большая часть органовъ, а всѣ органы вообще представляютъ въ общихъ чертахъ расположеніе, вслѣдствіе котораго все тѣло распадается на двѣ симметричныя половины, симметрія эта однако часто нарушается. Ни у одного позвоночнаго число парныхъ конечностей не превышаетъ четырехъ, однако не у всѣхъ позвоночныхъ достигается или сохраняется это число. Кровь позвоночныхъ, обращающаяся въ вполнѣ замкнутой сѣти сосудовъ, за исключеніемъ безцвѣтной крови ланцетника, краснаго цвѣта, зависящаго отъ кровяныхъ тѣлецъ, плавающихъ въ жидкой части крови. Органы дыханія позвоночныхъ, все равно состоятъ ли они изъ жабръ или легкихъ, всегда связаны съ переднимъ отдѣломъ кишечника.

Въ предѣлахъ типа позвоночныхъ мы будемъ, согласно господствующимъ воззрѣніямъ, различать лишь пять классовъ: млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся, земноводныхъ и рыбъ.

Прежде казалосѣ, что млекопитающіе образуютъ наиболѣе рѣзко и опредѣленно ограниченный классъ позвоночныхъ животныхъ. Въ настоящее время едва ли можно высказать о нихъ такое мнѣніе. Еще недавно можно было смотрѣть соотвѣтственно названію класса на обладаніе молочными железами, служащими для перваго питанія дѣтенышей, какъ на самый важный и отсутствующій у всѣхъ остальныхъ животныхъ признаковъ млекопитающихъ. Однако, по Гегенбауеру, молочныя железы однопроходныхъ выдѣляютъ не настоящее молоко, т. е. разжиженное кожное сало, а потообразную питательную жидкость, такъ какъ тщательное изслѣдованіе обнаружило, что у однопроходныхъ эти железы представляютъ измѣнившія потовыя, а не салныя железы, какъ у остальныхъ млекопитающихъ. Кромѣ того, обладаніе постоянными волосами, которые не встрѣчаются ни у какихъ другихъ позвоночныхъ и потому могли бы служить отличительнымъ признакомъ млекопитающихъ, свойственно не всѣмъ млекопитающимъ. У китовъ только верхняя губа, да и то часто лишь у неродившихся еще дѣтенышей, усажена отдѣльными волосами. Теплая кровь, которая, впрочемъ, у относящейся къ однопроходнымъ

ехидны значительно менѣе тепла, чѣмъ у остальныхъ млекопитающихъ, свойственна также и птицамъ; то же относится и къ легкимъ, какъ исключительному органу дыханія. Двойной суставный бугорокъ на затылочной кости свойственъ кромѣ млекопитающихъ также и земноводнымъ. Даже рожденіе живыхъ дѣтенышей встрѣчается не у всѣхъ млекопитающихъ, такъ какъ однопроходныя кладутъ яйца съ твердою пергаментообразною скорлупою, и у ехидны эти яйца довольно долгое время правильно насиживаются въ кожной сумкѣ. Напротивъ, полная грудобрюшная преграда, отдѣляющая грудную полость отъ брюшной, представляетъ дѣйствительно отличный признакъ млекопитающихъ.

Черепъ у всѣхъ млекопитающихъ отдѣленъ отъ позвоночнаго столба и состоитъ всегда изъ однихъ и тѣхъ же костей, которыя соединены между собою довольно однообразно; верхняя челюсть всегда срощена съ черепомъ и находящіяся въ пей и въ нижней челюсти зубы, какъ ни различны они бываютъ по строенію и расположенію, всегда сидятъ въ отдѣльныхъ ячейкахъ. Шея образуется по большей части семью позвонками, длина ея на это число не имѣетъ вліянія и оно одинаково у жираффы и крота. Въ противоположность птицамъ, шея млекопитающихъ является поэтому построенной совершенно однообразно; у птицъ же, вмѣстѣ съ длиною шеи, значительно увеличивается и число позвонковъ. Грудная часть позвоночнаго столба образована изъ 10—24 позвонковъ, поясничная часть изъ 2—9, крестцовая изъ 1—9 и хвостъ изъ 4—46. Ребра и зачаточныя ребра встрѣчаются, правда, и на другихъ позвонкахъ, однако обыкновенно подъ ребрами подразумеваютъ только сидящія на грудныхъ позвонкахъ плоскія и изогнутыя кости, которыя соединяются съ грудною костью или прямо, или посредствомъ хрящей и такимъ образомъ ограничиваютъ грудную полость. Число ихъ точно соответствуетъ числу грудныхъ позвонковъ; но число истинныхъ реберъ или достигающихъ грудной кости, по отношенію къ числу такъ называемыхъ ложныхъ реберъ, которыя соединены съ грудною костью посредствомъ хрящей, подлежитъ многимъ колебаніямъ. Конечности представляютъ тѣ части тѣла млекопитающихъ, которыя обнаруживаютъ величайшія различія уже на скелетѣ;—такъ, задняя пара у нѣкоторыхъ китообразныхъ отсутствуетъ вовсе или по крайней мѣрѣ до такой степени недоразвита, что представляетъ собою лишь незначительные остатки. Также и на переднихъ конечностяхъ, особенно плечевой поясъ и кисть обнаруживаютъ часто существенныя уклоненія; ключица можетъ быть очень сильной или вовсе отсутствовать; пальцы могутъ быть все налицо или быть отчасти недоразвиты, смотри по тому, превратилась ли рука въ лапу, копыто или ласть: число пальцевъ измѣняется отъ пяти до одного. Развитіе костей ноги не менѣе разнообразно.

Скелетъ млекопитающихъ приводится въ движеніе мускулами или мышцами, тѣми образованіями, которыя у многихъ животныхъ составляютъ для людей самую важную часть тѣла, такъ какъ нами употребляются въ пищу. Эти мускулы, которые мы въ обыденной жизни называемъ мясомъ, прикрѣплены къ костямъ и передвигаютъ ихъ въ различныхъ направленіяхъ. Чтобы описывать ихъ, я долженъ былъ бы предполагать точное знаніе человѣческаго тѣла, но я не хочу обременять читателей подробными описаніями, сюда, строго говоря, не относящимися. Итакъ, ограничусь замѣчаніемъ, что мускулы стоятъ въ полномъ согласіи съ особенностями скелета и образомъ жизни животнаго, а эти особенности, по крайней мѣрѣ отчасти, тѣсно связаны съ его вышшимъ видомъ. Вслѣдствіе этого у одного животнаго данный мускулъ отсутствуетъ вовсе, у другого онъ особенно развитъ: у кита вовсе нѣтъ настоящихъ шейныхъ мускуловъ, а у обезьянъ они почти такъ же развиты, какъ у человѣка; тѣ млекопитающія, которыя лазаютъ, копаютъ, норкаютъ

или хватаютъ, обладаютъ сильными грудными мускулами для сгибанія руки; тѣ, которыя бѣгаютъ, имѣютъ сильные мускулы бедра и голени; тѣ, которыя ползуются хвостомъ, какъ пятою конечностью, имѣютъ сильные хвостовые мускулы; лицевые мускулы весьма сильно развиты у всѣхъ хищниковъ. Однимъ словомъ, каждое животное представляетъ соотвѣтствующее его образу жизни строеніе мышцъ.

Очень разнообразно устроены также внутреннія части тѣла млекопитающихъ. Органы пищеваренія, какъ ни сходны они между собою въ общемъ строеніи, довольно разнообразны въ своихъ частностяхъ. Ротъ снабженъ всегда мясистыми губами, обладающими тонко развитымъ осязаніемъ. Сидящія въ обѣихъ челюстяхъ зубы встрѣчаются на высшей степени своего развитія лишь у млекопитающихъ и имѣютъ рѣшающее значеніе для ихъ образа жизни, а также и для научной классификаціи и опредѣленія ихъ. Какъ извѣстно, зубы дѣлятся на рѣзцы, клыки, ложнокоренные и собственно коренные; точно такъ же извѣстно, что человѣкъ представляетъ рѣдкое однообразіе въ строеніи своихъ зубовъ; въ самомъ дѣлѣ каждый изъ моихъ читателей видѣлъ, какъ у собаки клыки сильно выдѣляются, по своему развитію, отъ рѣзцовъ, или какъ велики рѣзцы бѣлки сравнительно съ ея коренными зубами, между тѣмъ какъ у человѣка всѣ зубы одинаковой величины. Зубы стоятъ всегда въ полномъ соотвѣтствіи съ родомъ пищи животнаго. Такъ, будетъ ли ротъ вовсе лишенъ зубовъ, какъ у ехидны, или въ немъ будетъ болѣе двухсотъ зубовъ, какъ у дельфина — всегда строеніе его соотвѣтствуетъ пищѣ животнаго. За ртомъ слѣдуетъ пищеводъ, который никогда не представляетъ зобообразнаго расширенія, какъ у птицъ. Желудокъ, въ который переходитъ пищеводъ, представляетъ всегда болѣе или менѣе тонокостѣнный мѣшокъ, простой или представляющій до трехъ перетяжекъ. Совершенно своеобразно устроенъ онъ у тѣхъ животныхъ, которыя послѣ пастьбы еще разъ пережевываютъ свою пищу во время отдыха илишь тогда отправляютъ ее въ часть, служащую для перевариванія пищи, минуя первые отдѣлы желудка, служащіе для ея сохраненія. Объ относящихся къ кишечнику железахъ, каковы: печень, слюнные железы, поджелудочная железа и почки, здѣсь не мѣсто распространяться; достаточно упомянуть, что моча только у млекопитающихъ отдѣльно изливается наружу и что въ окружности заднепроходнаго отверстія часто встрѣчаются железы, выдѣляющія своеобразныя, обыкновенно очень сильно пахучія или даже вонючія вещества.

Сосуды мало уклоняются отъ общаго типа: сердце и кровеносные сосуды у всѣхъ млекопитающихъ устроены почти одинаково, хотя и здѣсь замѣчаются колебанія. Сердце имѣетъ всегда два желудочка и два предсердія; артеріи отличаются упругими стѣнками, вены снабжены внутри клапанами; всасывающіе (лимфатическіе) сосуды во многихъ мѣстахъ соединяются между собою и открываются однимъ главнымъ протокомъ въ большую полую вену.

Грудная полость вполнѣ замкнута грудобрюшной преградой; легкія свободно висятъ въ ней и не стоятъ въ связи съ особыми воздушными мѣшками; дыхательное горло обыкновенно раздѣляется на двѣ вѣтви и всегда имѣетъ лишь одну гортань, которая находится въ верхней части дыхательнаго горла и образована изъ различнаго у разныхъ видовъ числа хрящей. Въ связи съ нею стоятъ у нѣкоторыхъ млекопитающихъ своеобразныя голосовыя мѣшки. Голосовыхъ связокъ нѣтъ только у катовъ.

Мозгъ и нервы представляютъ часто различное строеніе; первый совершенно наполняетъ полость черепа, но эта послѣдняя бываетъ часто относительно очень мала и масса мозга въ такомъ случаѣ крайне незначительна. Ни у какого другого

млекопитающаго головной мозгъ не преобладаетъ въ такой степени надъ спиннымъ, какъ у человѣка, и ни у одного большой мозгъ не развитъ такъ, какъ у него. Въ этомъ тѣлесно проявляется уже духовное превосходство человѣка надъ всѣми остальными животными. У нѣкоторыхъ низшихъ млекопитающихъ большой мозгъ гладокъ и лишенъ бороздокъ; у многихъ высшихъ онъ, напротивъ, достигаетъ необыкновеннаго развитія и представляетъ въ такомъ случаѣ извѣстныя своеобразныя извилины. Органы чувствъ представляютъ большое сходство въ своемъ строеніи; лишь у китовъ встрѣчаются отклоненія отъ общаго типа. У нихъ есть еще, правда, носъ, но безъ всякаго сомнѣнія лишь очень не совершенное обоняніе. Ноздри сливаются въ одно отверстіе; только у дельфиновъ, какъ у всѣхъ млекопитающихъ, ноздри окружены костями и хрящами, которые обусловливаютъ форму конца морды. Удлиненные носы или хоботы, которые иногда обладаютъ весьма большою подвижностью, превращаются въ органы осязанія; хоботъ слона есть органъ хватанія. Носовыя раковины по своей величинѣ и протяженію стоятъ въ соотвѣтствіи съ развитіемъ чувства обонянія; ихъ очень сложная нижняя часть не связана однако въ такой степени съ обоняніемъ, какъ верхняя часть и верхняя часть носовой перегородки, на которой развѣтвляется обонятельный нервъ. Органы слуха по большей части весьма совершенны; ухо имѣетъ всегда три полукружныхъ канала и у земныхъ животныхъ часто очень большую улитку. Зрѣніе не до такой степени преобладаетъ надъ другими чувствами, какъ у птицъ; всегда парные глаза по большей части относительно малы и никогда не обладаютъ внутреннею произвольною подвижностью, какъ глаза птицъ; мигательная перепонка почти у всѣхъ сильно недоразвита; вѣки же вполне развиты и иногда снабжены рѣсницами; зрачекъ круглый или вытянутый вертикально, а иногда продольно. У нѣкоторыхъ млекопитающихъ, какъ у слѣпотаго крота, глаза покрыты наружной кожей. Мускулы, двигающіе глазное яблоко, часто сложныя и многочисленныя чѣмъ у человѣка, такъ какъ къ четыремъ прямымъ и двумъ косымъ мышцамъ, которыя двигаютъ глазъ человѣка, присоединяются еще другія. Вкусъ гораздо совершеннѣе, чѣмъ у птицъ, какъ можно заключить уже по мясистому, богатому нервами языку. Онъ въ высшей степени разнообразенъ по формѣ, строенію и подвижности; онъ можетъ быть широкимъ и плоскимъ, малоподвижнымъ или длиннымъ и узкимъ, даже червеобразнымъ и вытяжнымъ; иногда онъ со складками по сторонамъ, иногда усажень роговыми шипами, какъ языкъ льва и всѣхъ вообще кошекъ. Подъ языкомъ иногда находимъ небольшой придаточный языкъ. Чувство осязанія часто въ высокой степени развито и особенно можетъ быть сосредоточено на носу, рукѣ, а также въ усахъ. Впрочемъ, чувство осязанія замѣтно почти на всѣхъ частяхъ тѣла. Кожа млекопитающихъ чаще всего покрыта волосамъ, между которыми слѣдуетъ различать остъ и подшерстокъ, шерсть и щетину, однако встрѣчаются также чешуи и иглы въ качествѣ покрововъ тѣла, роговыя щиты и накожные наросты; нѣкоторыя мѣста тѣла покрыты голой кожей. Вообще покровы могутъ быть въ высшей степени разнообразны, хотя всѣ они должны разсматриваться лишь какъ различныя формы одного и того же вещества. Такое же разнообразіе обнаруживается и въ роговыхъ наростахъ на концахъ пальцевъ, которые то бывають плоскими и тонкими, то округленными и толстыми, прямыми или согнутыми, тупыми или острыми и, смотря по своей формѣ, называются когтями, когтиными или копытами.

Самецъ млекопитающихъ имѣетъ всегда мужской половой членъ, служащій органомъ раздраженія и совокупленія и переносящій выдѣляемую нарцисми сѣмянными железами сѣмянную жидкость во влагалище самки. Всѣ самки млекопитающихъ имѣють

парные, но у утконоса и ехидны недоразвитые на правой сторонѣ яичники. Яичникъ имѣетъ округленную, яйцевидную или гроздевидную форму и заключаетъ многочисленныя, лишь у однопроходныхъ значительныя по величинѣ, яички. Отсюда парныя яйцеводы ведутъ въ матку, которая у однопроходныхъ и сумчатыхъ представляетъ лишь расширеніе яйцевода и потому, подобно имъ, парная; то же относится и къ маткѣ большинства грызуновъ и капскаго муравьяда (*Orycteropus*). У высшихъ отрядовъ матка одиночна и имѣетъ видъ мѣшка. Матка открывается вмѣстѣ съ мочеточникомъ у утконоса въ нижнюю часть прямой кишки, у всѣхъ же остальныхъ во влагалище, которое у сумчатыхъ двойное. Млечныя железы, служащія для питанія дѣтенышей, имѣются у всѣхъ млекопитающихъ, но у однопроходныхъ, какъ выше уже замѣчено, это видоизмѣненныя потовыя железы, у остальныхъ млекопитающихъ — приспособленныя къ отдѣленію молока салныя железы. Онѣ находятся то на груди, то въ пахахъ, то наконецъ на груди, брюхѣ и въ пахахъ одновременно и значительно колеблются въ числѣ. Онѣ приходятъ въ дѣятельное состояніе незадолго до рожденія дѣтенышей и состояніе это продолжается извѣстное время послѣ родовъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ онѣ существуютъ лишь въ видѣ зачатковъ. Соски не развиты у однопроходныхъ.

Этихъ общихъ замѣчаній достаточно для нашего поверхностнаго разсмотрѣнія тѣла млекопитающихъ. Тотъ, кто хочетъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ, найдетъ достаточно руководствъ и учебниковъ, которые могутъ въ понятной формѣ дать ему больше свѣдѣній. Наша цѣль заключается въ томъ, чтобы познакомить съ совмѣстной дѣятельностью тѣла и души, съ жизнью всего животнаго, и потому эту цѣль мы и будемъ прежде всего имѣть въ виду.

Жизнь всѣхъ членовъ этого класса даетъ намъ богатый матеріалъ для изученія и развлеченія. Млекопитающія не такъ беззаботны, какъ птицы; они гораздо осмотрительнѣе и тяжеловѣснѣе, чѣмъ пернатые обитатели поднебесья. Имъ недостаетъ веселой живости и неистощимой жизнерадостности птицъ; они обнаруживаютъ за то извѣстную склонность къ комфорту и жажду матеріальныхъ наслажденій. По отношенію къ подвижности и способности къ движенію они далеко не могутъ сравниться съ птицами. Лишь немногія изъ млекопитающихъ любятъ безцѣльныя движенія взадъ и впередъ, ради удовольствія, которыя такъ свойственны птицамъ. Они имѣютъ болѣе серьезный нравъ и избѣгаютъ бесполезнаго напряженія силъ. Лишь въ дѣтствѣ и въ то время, когда всемогущая любовь спова дѣлаетъ ихъ похожими на дѣтей, они бываютъ склонны къ веселой игрѣ и вполне предаются удовольствію движенія. Иное видимъ мы у птицъ. Здѣсь двигаться, значить жить, и жить, значить двигаться. Птица всегда неспокойна и готова бы превратить ночь въ день, чтобы дать полное удовлетвореніе своей безконечной живости. Ея маленькое сердце бьется быстрѣе, ея кровь скорѣе движется по сосудамъ, ея члены кажутся болѣе гибкими и стройными, чѣмъ у млекопитающихъ. Большинство млекопитающихъ лишь тогда чувствуютъ себя вполне счастливыми, когда улягутся по возможности удобнѣе и могутъ предаться если не сну, то по крайней мѣрѣ полудремотѣ. Лежащая на спицѣ собака, спящая на мягкой подушкѣ кошка и особенно пережовывающій жвачку быкъ могутъ служить наглядными примѣрами моихъ словъ. Подобное «сладкое бездѣйствіе» съ открытыми глазами встрѣчается между птицами развѣ у наѣвшихся до одуренія грифовъ.

Целья конечно сказать, чтобы способность къ движенію была незначительна у млекопитающихъ: они ходятъ, бѣгаютъ, прыгаютъ, лазаютъ, летаютъ, плаваютъ

и выряютъ, какъ и птицы. Но масса господствуетъ, тяжеловѣсность налагаетъ на нихъ оковы и, такимъ образомъ, величайшая быстрота ихъ всегда менѣе значительна, чѣмъ у жителей воздуха, т. е. птицъ. Даже земныя птицы, какъ страусъ или казуаръ, состязаются въ бѣганіи съ быстроногимъ конемъ или порвонной антилопой. Если-же млекопитающія пытаются подражать пернатымъ въ ихъ движеніяхъ, то беспомощность ихъ тогда особенно ясно выказывается: летучая мышь есть лишь каррикатура птицы.

Млекопитающія ходятъ на двухъ или на четырехъ ногахъ. Одинъ только человекъ ходитъ съ прямостоящимъ туловищемъ. Ни одна обезьяна не ходитъ, держась прямо, какъ человекъ; кенгуру, которыя перемѣщаются исключительно съ помощью заднихъ ногъ, не ходятъ, а прыгаютъ, т. е. передвигаются одновременными движеніями обѣихъ заднихъ ногъ, и тушканчики, которые передвигаютъ ноги поочередно, не ходятъ прямо. Всѣ остальные земныя животныя ходятъ на четырехъ ногахъ и при этомъ передвигаютъ одновременно или почти одновременно правую переднюю и лѣвую заднюю ногу и наоборотъ. Исключеніе составляютъ: слонъ, бегемотъ, верблюдъ, жирафа и нѣкоторыя антилопы: они передвигаютъ обѣ ноги одной стороны почти совершенно одновременно. Къ подобному роду ходьбы, иноходи, могутъ быть приучены воспитаніемъ и наши домашнія однокопытныя. Всякое ускореніе ходьбы нарушаетъ повидимому оба рода ходьбы. Именно, кажется, что очень быстро бѣгущее животное ставитъ на землю и снова поднимаетъ сперва обѣ переднія ноги, затѣмъ обѣ заднія, хотя въ дѣйствительности оно сохраняетъ свою первоначальную походку. Быстрота этого движенія такъ различна, что обща оцѣнка его кажется здѣсь невыполнимой; притомъ же она измѣрена точно лишь у лошади. На свободной ровной дорогѣ самыя быстрыя скаковыя лошади дѣлаютъ поѣздскольку километровъ, со среднею скоростью около 15 метровъ въ секунду. Подобная быстрота рѣдко встрѣчается у млекопитающихъ на свободѣ. Какъ незначительна эта быстрота сравненія съ быстротою полета птицъ! Даже медленная ворона могла бы состязаться съ бѣговой лошадыю, почтовый голубь скоро обгоняетъ ее, такъ какъ при короткихъ полетахъ перемѣщается въ то же время на разстояніи въ полтора раза большее. Старые голуби гамбургскаго общества почтовыхъ голубей «Курьеръ» пролетали отъ Парижа до Гамбурга въ 13½ часовъ, въ 1 секунду по 15,4 метра; разстояніе отъ Франкфурта на Одерѣ до Гамбурга въ 4¼ часа, по 22,13 м. въ секунду; отъ Лемферде до Гамбурга въ 2 часа 38 минутъ 40 секундъ, 22,36 м. въ секунду. А если благородный соколъ приведетъ въ движеніе свои мощныя неутомимыя крылья для серьезной охоты, или стрижь—для любовныхъ хороводовъ, то какъ ничтожна покажется тогда быстрота благороднаго коня и даже движеніе локомотивовъ, быстрота которыхъ достигаетъ не болѣе 30 м. въ секунду, въ дѣйствительности-же нѣкоторые изъ быстрѣйшихъ поѣздовъ проходятъ въ свободномъ пути лишь отъ 24 до 29 метровъ въ секунду!

Прыганье млекопитающихъ происходитъ весьма различнымъ образомъ. Всѣ млекопитающія, которыя быстро передвигаются прыжками, какъ напр. кенгуру и тушканчики, сообщаютъ своему тѣлу движеніе впередъ быстрымъ вытягиваніемъ согнутыхъ заднихъ конечностей и дѣлаютъ прыжки вмѣсто шаговъ. Тѣ, которыя прыгаютъ лишь нападая или желая преодолѣть препятствіе, отдѣляются отъ земли сильнымъ движеніемъ всѣхъ четырехъ ногъ, хотя при этомъ главная роль все-таки выпадаетъ на долю заднихъ ногъ. Хвостъ опредѣляетъ и регулируетъ направленіе прыжка; поэтому у всѣхъ почти прыгуновъ этотъ органъ хорошо развитъ, у обезьяны такъ же, какъ у тушканчика, у кошки, какъ у кенгуру. Въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, у нѣкоторыхъ обезьянъ, роль руля играютъ, вмѣ-

сто хвоста, заднія конечности, подобно тому, какъ и всѣ короткохвостыя птицы (чистикъ, чомгл, гагары) правятъ лишь ногами. Сила прыжка очень значительна. Обезьяна можетъ достать прыжкомъ вѣтвь, находящуюся на 5 метрахъ выше ея; нѣкоторые виды, какъ говорятъ, могутъ дѣлать еще большіе прыжки. Бѣлка без-опасно прыгаетъ внизъ съ высоты въ 20 и болѣе метровъ; олень перескакиваетъ черезъ стѣну въ 2,5 м. вышины, левъ—можетъ быть даже черезъ стѣну въ 3 м.; серна—черезъ расщелину такой же ширины; прыгающая антилопа (*Antilope Eucore*) подпрыгиваетъ вверхъ на высоту вѣроятно около 2 м. Прыганіе кенгуру почти такъ же быстро, какъ бѣгъ собаки, тушканчика никогда не догонитъ бѣгущій человекъ. Въ прыганіи млекопитающія мастера между позвоночными; даже проворный сильный лосось, который, при неблагоприятныхъ повидимому обстоятельствахъ, дѣлаетъ часто прыжки значительной высоты, не можетъ состязаться съ ними

Очень замѣчательно и разнообразно лазаніе млекопитающихъ. Мы встрѣчаемъ между тѣмъ изъ нихъ, вся жизнь которыхъ протекаетъ на деревьяхъ, различныхъ лазуновъ, акробатовъ и фигляровъ. Не только всѣ четыре ноги, руки или лапы, но также и хвостъ, играютъ при этомъ дѣятельную роль; послѣдній принимаетъ на себя даже своеобразную роль, повтореніе которой мы замѣчаемъ лишь у нѣкоторыхъ пресмыкающихся и рыбъ; онъ служитъ органомъ прикрѣпленія и привѣшиванія тѣла. Всѣ обезьяны Старога Свѣта лазаютъ, хватаясь за скалы, сучья и вѣтви своими четырьмя руками, причемъ переднія конечности сгибаются, а заднія выпрямляются, но движеніе это возможно и въ обратномъ видѣ. Совершенно иначе лазаютъ многія обезьяны Америки. Онѣ лѣнивыѣ, а потому и осторожныѣ и медленныѣ, чѣмъ ихъ отважные родичи въ Старомъ Свѣтѣ; поэтому и движенія ихъ должны быть другія. Конечно, онѣ пользуются еще руками, но держатся на вѣтвяхъ съ помощью хвоста. Сильные мускулы обвиваютъ такъ крѣпко конецъ хвоста вокругъ какой нибудь вѣтви или сучка, что этимъ однимъ все тѣло достаточно укрѣпляется и животное получаетъ возможность свободно пользоваться всѣми четырьмя конечностями. Этотъ-то хвостъ и протягивается впередъ, чтобы найти точку опоры, по немъ обезьяна полчасъ вскарабкивается вверхъ, какъ по крѣпко привязанной веревкѣ. Отъ вышеназванныхъ отличаются лазуны, имѣющіе когти, къ которымъ принадлежитъ и одно семейство обезьянъ. Они вцѣпляются въ кору деревъ своими согнутыми острыми когтями и пользуются хвостомъ развѣ для того, чтобы упираться въ ту поверхность, по которой они лѣзутъ вверхъ, а то и вовсе не пользуются имъ. Наша бѣлка и кошка, куница и медвѣдь, мышевидка или тафа (*Phascogale*) и львиная игрунка (*Narale rosalia*) служатъ примѣрами подобныхъ лазуновъ, пользующихся когтями. Они могутъ съ большой быстротой передвигаться, лазая по горизонтальнымъ, наклоннымъ и вертикальнымъ поверхностямъ, могутъ даже попросту бѣгать по нимъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ кускусъ (*Phalangista*) и сумчатая крыса, обладаютъ къ тому же еще и цѣпкимъ хвостомъ и въ такомъ случаѣ едва ли уступаютъ въ лазаніи обезьянамъ. Гораздо болѣе неуклюже лазаютъ лѣнивцы. Ихъ ноги снабжены, правда, сильными когтями, но они употребляютъ ихъ не столько для того, чтобы вцѣпляться за кору, сколько для обхватыванія вѣтвей и сучьевъ. По стволамъ они, какъ говорятъ, лазаютъ вверхъ такъ же, какъ человекъ. Движеніе по скаламъ и по крутымъ склонамъ горъ составляетъ особый видъ лазанья, который далеко не безопасенъ. Павіаны, неуклюжіе на деревьяхъ, могутъ считаться мастерами вышеназваннаго искусства; второе мѣсто занимаютъ жвачныя, живущія въ горахъ. Правда, они только ступаютъ, но это ступаніе есть головоломное лазаніе и требуетъ, безъ сомнѣнія, гораздо большей

увѣренности и едва ли меньшей ловкости, чѣмъ лазаніе всѣхъ вышеназванныхъ животныхъ. Даже очень большія и повидимому до такой степени неуклюжія животныя, какъ слонъ, бегемотъ, буйволъ, ловко поднимаются по головоломнымъ горнымъ тропинкамъ и поднимаются и спускаются по склонамъ, кажущимся едва проходимыми. Иногда случается видѣть, какъ африканскія домашнія козы продѣлываютъ очень странные фокусы по лазанію: очень любя листья нѣкоторыхъ деревьевъ, козы вѣшаются на заборахъ, сложенныхъ изъ горизонтальныхъ палокъ, просовывая ноги между ними, или поднимаются на низкія деревья съ наклоннымъ стволомъ; по толстымъ вѣтвямъ, имѣющимъ шероховатую кору, онѣ ступаютъ ногами, а на вѣтвяхъ съ гладкой корою ложатся на брюхо и, какъ бы верхомъ, свѣсивъ ноги по обѣ стороны вѣтви, скользятъ вдоль нея.

Впрочемъ, и въ лазаніи птицы едва ли уступаютъ млекопитающимъ. Бѣлка конечно «скачетъ» вверхъ по стволу быстрѣе, чѣмъ дятель, но ни коимъ образомъ не можетъ такъ же ловко и изящно спускаться по стволу внизъ головою, какъ поползень (*Sitta*), съ которымъ могутъ состязаться въ этомъ отношеніи лишь ящерицы, и именно гекко. Обезьяны, кошки, бѣлки и нѣкоторыя кунцеобразныя животныя спускаются, правда, такимъ же образомъ; но они при этомъ не лазаютъ, а скользятъ и, разъ начавъ движеніе, вовсе не могутъ удержаться на одномъ мѣстѣ, если этому не помогутъ особыя благоприятныя обстоятельства. Обезьяны къ тому же дѣлаютъ это лишь для собственнаго развлеченія или забавы зрителя, на гладкихъ шестахъ, въ неволѣ; на свободѣ онѣ всегда спускаются хвостомъ впередъ, будетъ ли то на стволахъ или на лѣнахъ, и притомъ обыкновенно хватаясь руками поочередно, слѣдовательно иначе, чѣмъ поднимаясь вверхъ; движеніе это измѣняется лишь при бѣгствѣ въ величайшемъ испугѣ, но въ этомъ случаѣ онѣ охотнѣе всего просто прыгаютъ внизъ. Способность къ лазанію попугая далеко ниже, чѣмъ у обезьянъ. Онъ кое-какъ исполняетъ то, въ чемъ обезьяна совершенный артистъ.

Порханіемлекопитающихъ, которое часто неправильно называли «летаніемъ», представляетъ намъ другой родъ движенія, свойственный этому классу. Конечно, и въ немъ можно замѣтить нѣкоторую градацію, какъ и при другихъ движеніяхъ, но оно всегда остается только въ зачаткѣ и никогда не достигаетъ законченности. У летягъ и летучихъ сумчатыхъ мы видимъ начало этого искусства. Онѣ пользуются кожей, натянутой между ихъ лапами лишь въ качествѣ парашюта, когда хотятъ спрыгнуть съ высоты внизъ; подняться на воздухъ съ помощью движенія этой кожи онѣ не въ состояніи. Точно также не способны на большее и маки. Одрнѣ только настояція летучія мыши обладаютъ способностью двигаться въ воздухѣ съ помощью летательной перепонки, которая натянута между ихъ конечностями и особенно между ихъ непомѣрно-удлиненными пальцами. Это происходитъ такимъ образомъ, что онѣ косо ударяютъ по воздуху растянутой летательной перепонкой и такимъ образомъ поднимаются и передвигаются впередъ. Повидимому, такъ называемое, летаніе происходитъ очень легко. Онѣ дѣлаютъ такіе быстрые и крутые повороты, что только очень хорошей стрѣлокъ можетъ попасть въ нихъ въ-леть, быстро проскальзываютъ порхающимъ движеніемъ на нѣкоторое разстояніе впередъ и поднимаются и опускаются ловко и быстро. Но все-таки это движеніе не полетъ, а лишь неуклюжее переваливаніе, можно сказать, ползаніе въ воздухѣ. Каждое дуновеніе вѣтра мѣшаетъ порханію летучей мыши, бури дѣлаютъ его невозможнымъ. Причину этого легко понять. Летательная перепонка не есть поверхность, подобная крылу птицы, которое въ иномъ случаѣ не пропускаетъ воздуха черезъ себя, иногда-же пропускаетъ его; она при каждомъ

движеніи вызываетъ сопротивленіе. Хотя поверхность органа летанія млекопитающаго при взмахѣ нѣсколько и уменьшается, но сопротивленіе все-же остается ощутительнымъ и снова толкаетъ животное нѣсколько внизъ; взмахъ крыла внизъ поднимаетъ летучую мышь, а взмахъ вверхъ опускаютъ ее внизъ: поэтому она порхаетъ, а не летаетъ.

Совершенно иное представляетъ полетъ птицы! Это самое совершенное и самое величественное изъ всѣхъ движеній. И какое въ немъ разнообразіе! Иногда полетъ имѣетъ видъ спокойнаго паренія, иногда онъ происходитъ съ быстротою стрѣлы; птица на лету то тихо колыхается, то сильно качается, то играетъ, то незамѣтно скользитъ по воздуху; вдругъ она стремится впередъ по прямой линіи, смотришь! она беззаботно порхаетъ. Иногда полетъ имѣетъ видъ торопливаго путешествія, иногда увеселительной прогулки; случается, что крылья съ шумомъ пересѣкаютъ воздухъ, бываетъ, что не слышно никакого звука, даже самаго тихаго. Для полета нужны иногда сильные удары крыльевъ, иногда крылья вовсе не двигаются. Птица то поднимается на высоту, о которой человѣкъ можетъ лишь грезить, то приближается къ водѣ такъ близко, что волны смачиваютъ крылья своей пѣной. Полетъ можетъ быть безконечно разнообразенъ, но всегда онъ остается своеобразнымъ и не можетъ быть названъ иначе, какъ полетомъ. Только органы летанія птицъ называемъ мы крыльями; лишь ими надѣяетъ мысль художника душу, свободную отъ земныхъ оковъ;—летательная кожа летучей мыши, напротивъ того, присвоивается дьяволу. Конечно, почной образъ жизни летучихъ мышей далъ первый поводъ къ вышеназванному уподобленію, но оно, во всякомъ случаѣ, очень характерно. Такъ какъ летательная перепонка летучей мыши приписывалась «ангелу, упавшему съ высоты въ бездну», между тѣмъ какъ «посланникъ небесъ» изображается съ крыльями изъ перьевъ, то этимъ образомъ указывается на несомнѣнную истину: только птица есть существо, свободное отъ земли,—млекопитающее, даже при крыльяхъ, остается привязаннымъ къ пражу.

При этомъ надо упомянуть еще объ одномъ. Только самые совершенные летуны между птицами, напр., стрижи и ласточки стали чужими на землѣ и рѣдко на нее садятся; между тѣмъ какъ снабженные такъ называемыми крыльями млекопитающія и на землѣ оказываются безпомощными. Даже крайне проворная летяга бѣгаетъ по землѣ довольно неповоротливо, а летучая мышь только кое-какъ ковыляетъ. Для сна она привѣшивается задними ногами, обращая голову къ землѣ; на своихъ органахъ летанія она лишь плохо ползаетъ. Какъ жалка участь летучей мыши! Природа снабдила ее крыльями, но пользоваться ими она можетъ лишь плохо и, благодаря этимъ несовершеннымъ крыльямъ, она потеряла возможность и на землѣ двигаться успѣшно! И къ птицамъ не пристала, и отъ звѣрей отстала!

Болѣе благоприятна для животнаго, болѣе способна сдѣлать его счастливымъ дарованная многимъ млекопитающимъ способность жить въ водѣ, плавать въ ней и нырять въ глубину. Лишь очень немногія млекопитающія совершенно неспособны держаться на поверхности воды; сюда относятся нѣкоторые обезьяны, напр. чело-вѣкообразныя и павіаны. Что послѣдніе могутъ утонуть, упавши въ воду, я знаю изъ опыта. Всѣ остальные млекопитающія тонуть по крайней мѣрѣ не сразу. Мартышки (*Scorpius cephus*) плаваютъ и ныряютъ превосходно, летучія мыши долго держатся на волнахъ, хищныя, грызуны, одно-и многокопытныя плаваютъ хорошо почти всѣ; одинъ видъ сумчатыхъ живетъ исключительно въ водѣ, а остальные вѣроятнo тоже плаваютъ порядочно. Но настоящими водяными млекопитающими слѣдуетъ считать лишь китообразныхъ: морскихъ коровъ и настоящихъ китовъ. По формѣ тѣла и по образу жизни это рыбы, но рыбы безъ жабръ

и кормящія дѣтенышей молокомъ; они выходятъ изъ воды (по крайней мѣрѣ частью тѣла) только на короткое время для дыханія; въ водѣ они рождаются, живутъ, спариваются и умираютъ. Ни одна плавающая или ныряющая птица не можетъ превзойти ихъ въ быстротѣ и едва ли какая-нибудь и въ ловкости движеній: водяныя птицы по образу жизни скорѣе походятъ на млекопитающихъ, живущихъ въ водѣ только отчасти, напр. выдру и бобра.

Интересно и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительно прослѣдить постепенное развитіе способности плаванія и рассмотреть сравнительно органы движенія, даемыя плавающимъ животнымъ. Мы можемъ при этомъ взглянуть сначала на случайныхъ пловцовъ. Здѣсь мы можемъ смотрѣть на ногу, снабженную копытами, какъ на наиболѣе несовершенный органъ для плаванія, но между многокопытными мы встрѣчаемъ уже отличныхъ пловцовъ, а въ бегемотѣ даже настоящее водяное животное. Рука въ этомъ отношеніи стоитъ выше копыта, но требуетъ для плаванія, какъ и для другихъ движеній, извѣстную долю искусства. Гораздо легче движеніе въ водѣ для животныхъ, имѣющихъ лапы. Часто встрѣчающееся соединеніе: пальцевъ между собою посредствомъ перепонки превращаетъ лапу въ болѣе широкое весло, и весло это должно быть тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ шире кожа между пальцами и чѣмъ она болѣе походитъ на плавательную перепонку. Впрочемъ, послѣдняя вовсе не является непремѣннымъ условіемъ искуснаго плаванія, ибо водяная землеройка плаваетъ несомнѣнно такъ же хорошо, какъ и утконосъ, хотя у нея, вмѣсто широкой утиной ноги, только пальцы, окаймленные жесткими волосками.

Тюлени стоятъ посрединѣ между животными, снабженными лапами и настоящими рыбообразными млекопитающими. Ихъ лапы—лапы только по имени, въ дѣйствительности—это уже плавники, ибо пальцы ихъ совершенно покрыты кожей, соединяющей ихъ, и только ногти остаются видными снаружи. У китовъ нѣтъ и этого признака: пальцы тѣсно и неподвижно связаны между собою посредствомъ хрящевой ткани и лишь весь ласть остается еще подвижнымъ; заднія конечности исчезаютъ, а хвостъ расширяется горизонтально въ настоящій плавникъ: такимъ образомъ является нѣчто среднее между млекопитающимъ и рыбою. Такое различіе въ формѣ и расположеніи органовъ измѣняетъ и движеніе. Копытные и животныя, имѣющія лапы, плавая, ударяютъ ими внизъ, какъ бы ходятъ въ водѣ и такимъ образомъ подвигаются впередъ; ластоногія и рыбообразныя передвигаются, пользуясь своими лапами, какъ веслами, т. е. заносятъ ихъ сквозь воду тонкимъ краемъ впередъ и затѣмъ ударяютъ по водѣ широкой стороной, или же сильно двигаютъ хвостовымъ плавникомъ въ стороны или вверхъ и внизъ, подобно тому, какъ лодочникъ передвигаетъ свое судно по волнамъ однимъ весломъ, укрѣпляя его на кормѣ и дѣлая движеніе то вправо, то влево, но всегда дѣйствуя широкой стороною весла. Животныя, имѣющія лапы съ плавательными перепонками, складываютъ ихъ, передвигая ногу впередъ и расширяютъ ихъ при обратномъ движеніи: они гребутъ, какъ птицы.

По наблюденіямъ китолововъ, быстрота плаванія китовъ можетъ почти соперничать съ быстрою бѣга; ибо раненый сѣверный китъ, по Скоресби, погружается такъ быстро, что если бы онъ могъ продолжать это движеніе съ тою же скоростью, то онъ прошелъ бы въ часъ разстояніе въ 12 морскихъ миль или болѣе 22 километровъ, около 6 м. въ 1 секунду. Половину этого разстоянія онъ проходитъ въ то же время безъ усилія. Большіе киты самыхъ различныхъ видовъ проплываютъ, по Нехуэль-Леше, разстояніе въ 6—10 километровъ; а полнымъ ходомъ—18—25 км. въ часъ, что составляетъ до 7 м. въ секунду, а дельфины, кар-

лики между китами, часто еще быстрѣе, ибо они стадами плаваютъ, весело играя и прыгая вокругъ быстроходнаго парохода.

Рефлективныя движенія внутреннихъ органовъ у млекопитающихъ въ общемъ медленнѣе, чѣмъ у птицъ. Сердце бьется медленнѣе и обмѣнъ воздуха въ легкихъ происходитъ не такъ часто у млекопитающаго, какъ у птицы такой же величины. Соответственно этому и температура крови приблизительно на 2 градуса ниже. Для водяныхъ животныхъ эта относительная медленность процессовъ дыханія и кровообращенія представляетъ большія выгоды; она позволяетъ имъ дольше оставаться подъ водою, чѣмъ птицѣ. Раненый сѣверный китъ, по словамъ Скоресби, можетъ оставаться подъ водою до 40 минутъ, прежде чѣмъ потребность въ дыханіи выгонитъ его наверхъ. Кашалоты, которые, по наблюденіямъ Пехуэль-Леше, ныряютъ глубже и продолжительнѣе всѣхъ другихъ видовъ китообразныхъ, остаются подъ водою отъ 20 до 40 минутъ, а если они испуганы или ранены гарпуномъ, то иногда даже вдвое больше. Ни одна птица не можетъ выдержать такого продолжительнаго пребыванія подъ водою. По крайней мѣрѣ я всегда замѣчалъ, что чистики (Alca), даже когда я подстрѣливалъ ихъ и сильно преслѣдовалъ, уже черезъ 3 минуты послѣ нырнія снова показывались на поверхности воды, чтобы набрать въ легкія воздухъ. Говорятъ, правда, что самецъ гаги можетъ оставаться подъ водою до 7 минутъ; но я никогда не наблюдалъ этого. Во всякомъ случаѣ можно считать твердо установленнымъ, что всѣ птицы, которыя пробыли подъ водою болѣе 4-хъ минутъ, поднимаются очень утомленными и почти мгновенно задыхаются, если ихъ удержатъ подъ водою еще нѣкоторое время. Пехуэль-Леше говоритъ, что бегемоты въ спокойномъ состояніи остаются подъ водою около 2—3 минутъ, а преслѣдуемые, раненые, самое большее 7—8, въ среднемъ же 4—5. Въ видѣ справки слѣдуетъ сообщить, что человѣкъ можетъ оставаться подъ водою не болѣе 70 секундъ. Эти данныя основываются на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ англійскими учеными надъ водолазами, во время ловли жемчуга на Цейлонѣ. Нѣкоторые фокусники, которые показываютъ свое искусство въ Европѣ, подвинули, правда, эту способность еще далѣе посредствомъ постепеннаго приученія легкихъ къ возможно большому расширенію.

Совершенно своеобразна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поразительна медленность дыханія нѣкоторыхъ млекопитающихъ во время зимней спячки. Такъ, сурокъ, который, по наблюденіямъ Мангили, лѣтомъ, во время бодрствованія въ теченіе двухъ дней дышетъ 72,000 разъ, во время зимняго сна въ теченіе шести мѣсяцевъ дышетъ лишь 71,000 разъ и слѣдовательно потребляетъ въ это время самое большее одну девятидесятую часть того количества воздуха, а слѣдовательно и кислорода, которое потребно его жизни во время бодрствованія.

Съ органами дыханія стоитъ въ такой тѣсной связи голосъ, что мы можемъ о немъ сказать тотчасъ-же. Если мы и въ этомъ отношеніи станемъ сравнивать млекопитающихъ съ птицами, то намъ должна тотчасъ же броситься въ глаза незначительная сила и малое разнообразіе голоса почти всѣхъ млекопитающихъ. Человѣкъ единственное млекопитающее, обладающее болѣе совершеннымъ голосомъ, чѣмъ птицы; его голосъ стоитъ даже такъ высоко надъ голосомъ всѣхъ птицъ и другихъ животныхъ, что признакъ этотъ считали однимъ изъ главныхъ при выдѣленіи человѣка въ отдѣльный классъ. Членораздѣльная рѣчь является конечно такъ китъ необыкновенно большимъ преимуществомъ человѣка, что въ значительной мѣрѣ подтверждаетъ вышеприведенное мнѣніе. Онъ одинъ можетъ пѣть лучше самыхъ голосистыхъ птицъ, и своимъ голосомъ не оскорблять нѣжный слухъ, какъ большинство млекопитающихъ. Люди, которые рѣзко кричатъ во время гнѣва или

стрекохуть какъ сороки во время болтовни, составляютъ исключеніе, и для характеристики этого голоса мы обыкновенно и сравниваемъ ихъ съ животными. Всѣ прочія млекопитающія должны считаться созданіями, лишенными звучнаго голоса и способности пѣнія, существами, чуждыми царству звуковъ и очень часто даже оскорбляющими ухо безобразіемъ своего голоса. Шлейденъ утверждаетъ, правда, что осель—млекопитающее, различающее тоны, такъ какъ его извѣстное И—А измѣняется въ предѣлахъ октавы; я склоненъ однако смотрѣть на эти слова, какъ на шутку, и скорѣе считать осла примѣромъ справедливости вышеприведеннаго мнѣнія, т. е. причислить его къ самымъ непріятнымъ по своему неблагозвучію животнымъ. Едва ли какое нибудь млекопитающее обладаетъ голосомъ, который, по своей музыкальности, могъ бы быть названъ пріятнымъ. Голосъ большинства этихъ животныхъ кажется намъ въ высокой степени неблагозвучнымъ и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ больше возбужденіе издающаго эти звуки млекопитающаго. Я хочу сдѣлать лишь одно сравненіе между птицами и млекопитающими. Всемогущая любовь одаряетъ птицу чарующими тонами, которые возбуждаютъ восторгъ въ нашихъ сердцахъ; напротивъ, изъ морды млекопитающаго та-же любовь извлекаетъ раздражающіе уши звуки. Какъ велика разница между пѣсней любви соловья и кошки! У послѣдней каждый тонъ изуродованъ и искаженъ, каждый естественный звукъ превращенъ въ мучительные, раздражающіе ухо диссонансы; у соловья же дыханіе становится чуднымъ пѣніемъ, а пѣніе это—прекраснѣйшей любовной поэмой въ звукахъ и тонахъ.

Голосъ млекопитающихъ непріятенъ нашему уху не только когда выражаетъ любовь, но во время и другихъ аффектовъ, а въ большинствѣ случаевъ—постоянно. Когда поэты воспѣваютъ бляніе овецъ, возвращающихся съ пастбища, то намъ нравится не само бляніе, а скорѣе картина медлѣннаго шествія животныхъ. Само бляніе овцы такъ же неблагозвучно, какъ и бляніе козы или хрюканье свиньи. визгъ поросенка, пискъ мышей и ворчаніе бѣлки. Никому не приходитъ въ голову говорить о поющихъ млекопитающихъ *), такъ какъ, говоря о млекопитающихъ, обыкновенно исключаютъ человѣка, и тогда можно говорить только о крикѣ, лаланіи, ворчаніи, мычаніи, воѣ, ржаніи, бляніи, хрюканіи, визгѣ, пискѣ, фырканіи—и всѣ эти звуки, безъ сомнѣнія, не могутъ быть причислены къ числу пріятныхъ. Мы, правда, такъ привыкли къ голосамъ многихъ изъ нашихъ любимыхъ домашнихъ животныхъ, что наконецъ такъ же охотно слышимъ ихъ, какъ и хриплый басъ любимаго друга; но если мы спросимъ у композитора о достоинствѣ тоновъ собачьяго лая, мяуканья кошекъ, ржанія лошадей или крика ословъ, то навѣрное отвѣтъ не будетъ въ ихъ пользу. Однимъ словомъ, голосъ всѣхъ млекопитающихъ за исключеніемъ человѣка, грубъ, неблагозвученъ, не гибокъ и неспособенъ къ развитію, и даже тотъ голосъ, который иногда кажется намъ пріятнымъ, привлекательнымъ, перестаетъ быть и тѣмъ, и другимъ, какъ скоро какое либо возбужденіе возмущаетъ животное, между тѣмъ какъ у птицы часто наблюдается прямо противоположное.

О пищевареніи и отправленіи кишечнаго канала мы не станемъ тратить много словъ. Пищевареніе у млекопитающихъ совершается очень хорошо, но все-таки не такъ быстро, какъ у птицъ, и иногда, какъ у животныхъ, впадающихъ въ зимнюю спячку, можетъ прерываться на цѣлые мѣсяцы. Кто хочетъ осповательнѣе

*) Правда, говорили нѣсколько разъ о «поющихъ мышахъ»; однако, безъ сомнѣнія, необходимы дальнѣйшія наблюденія, чтобы оправдать это выраженіе. «Пѣнію» мышей есть, конечно, ни что иное, какъ слабый, мѣрный свистъ.

ознакомиться съ этимъ, можетъ справиться въ какомъ нибудь подробномъ учебникѣ сравнительной анатоміи или физиологіи человѣка, такъ какъ органы пищеваренія почти у всѣхъ млекопитающихъ одинаковы. Одинъ видъ пищеваренія я не могу, однако, пройти молчаніемъ, такъ какъ онъ встрѣчается лишь у немногихъ млекопитающихъ: я подразумѣваю пережевываніе жвачки. Многие ученые утверждаютъ, что исключительно травоядные млекопитающія необходимо должны быть жвачными, «ибо они не могутъ посвящать ѣдѣ достаточнаго количества времени», а потому принуждены сразу принимать необходимое имъ количество пищи. Я, который съ полнѣйшимъ удивленіемъ признаю высокую цѣлесообразность Творенія, долженъ однако признаться, что не могу угадать причины, почему должны существовать жвачныя. Можетъ быть, они созданы для того, чтобы своею лѣнью, дѣлающейся особенно замѣтной именно во время пережевыванія жвачки, служить отвращающимъ примѣромъ для многихъ людей?

Кажется, что пережевываніе жвачки можетъ происходить въ любое время, коль скоро животное не щиплетъ и не проглатываетъ пищи. Удобное положеніе и извѣстный покой—необходимое условіе пережевыванія; я по крайней мѣрѣ до сихъ поръ видѣлъ лишь верблюдовъ, которые пережевываютъ жвачку на бѣгу. Но у большинства жвачныхъ какъ только наступилъ желанный покой, желудокъ тотчасъ начинаетъ свою дѣятельность и животное занимается своимъ важнымъ дѣломъ такъ усердно, что оно кажется погруженнымъ въ глубокомысленнѣйшія размышленія. Въ дѣйствительности же оно вовсе ни о чемъ не думаетъ, развѣ только о томъ, чтобы его спокойствіе не было нарушено какимъ нибудь образомъ. Поэтому вожакъ стада дикихъ животныхъ лишь тогда пережевываетъ жвачку, когда онъ не долженъ болѣе заботиться о стадѣ, а временно передалъ эту заботу другому самцу. Мудрое человѣческое правило, что послѣ ѣды необходимо прогуляться, жвачными очевидно не признается. Они слѣдуютъ скорѣе малороссійской поговоркѣ: «Оттого казакъ и гладокъ, что, какъ поѣлъ, такъ и на бокъ».

Пока мы занимались чисто тѣлесной дѣятельностью млекопитающихъ, мы должны были признавать, что птицы обладаютъ, по крайней мѣрѣ во многомъ, большими преимуществами по сравненію съ млекопитающими животными. Иначе представляется дѣло, если мы станемъ разсматривать душевныя способности животныхъ. Дѣятельность органовъ чувствъ, которая у низшихъ классовъ должна разсматриваться, какъ единственный стимулъ душевной дѣятельности у рыбъ, пресмыкающихся и земноводныхъ еще относительно очень ничтожна и даже у птицъ довольно ограничена; напротивъ, въ разсматриваемомъ классѣ всѣ внѣшнія чувства достигаютъ самой высокой степени развитія. Въ этомъ отношеніи млекопитающія стоятъ гораздо выше птицъ. У птицъ хорошо развито только зрѣніе, у млекопитающихъ— всѣ внѣшнія чувства. Птицы видятъ лучше, чѣмъ млекопитающія, такъ какъ ихъ большой глазъ, благодаря своей внутренней подвижности, отлично можетъ приспособляться къ различнымъ разстояніямъ; напротивъ, по дѣятельности всѣхъ другихъ чувствъ, онѣ стоятъ далеко позади млекопитающихъ. У всѣхъ млекопитающихъ уже обнаруживается болѣе или менѣе та всесторонность въ развитіи, которая въ человѣкѣ достигаетъ полнаго своего проявленія, и потому то эти животныя по всей справедливости стоятъ во главѣ всего животнаго царства.

Осязаніе можно считать тѣмъ изъ чувствъ, которое наименѣе бросается въ глаза, а между тѣмъ какъ хорошо развито это чувство у млекопитающихъ! Огромный китъ отъ незначительнаго прикосновенія къ его кожѣ немедленно ныряетъ;

слонъ тотчасъ же замѣчаетъ муху, которая садится на его толстую кожу; быку легкое царапаніе между рогами причиняетъ чувство пріятнаго щекотанія; спящую собаку пробуждаетъ самое тихое поглаживаніе. И всѣ эти животныя, можно сказать, лишены осязанія по сравненію съ человѣкомъ. У него наружная кожа обладаетъ такимъ тонкимъ осязаніемъ, что чувствуетъ даже легчайшее движеніе воздуха. У млекопитающихъ чувство осязанія оказывается, правда, болѣе слабымъ, чѣмъ у человѣка, но все-таки оно всюду развито, по крайней мѣрѣ до той же степени, какъ у птицъ. Даже копытныя животныя обладаютъ извѣстнымъ чувствомъ осязанія въ ногахъ, несмотря на роговой покровъ, съ которымъ кузнецъ, подковы-вающій лошадь, можетъ обращаться, какъ съ кускомъ дерева. Надо наблюдать верховую лошадь, когда она ночью поднимается на гору или спускается съ нея: своимъ копытомъ она пробуетъ дорогу, ощупываетъ имъ почву. Осязательная способность уже гораздо больше въ усахъ; снабженныя ими животныя осязаютъ почти такъ же хорошо, какъ наѣкомыя, у которыхъ это чувство сосредоточено въ сляжкахъ. Наша домашняя кошка, крыса и мышь показываютъ очень нагляднымъ образомъ, какъ полезны имъ усы: онѣ часто лишь повидимому обнюхиваютъ предметъ; на самомъ же дѣлѣ онѣ его ощупываютъ усами, и развѣ уже потомъ распознаютъ его посредствомъ обонянія. У всѣхъ ночныхъ млекопитающихъ усы играютъ очень важную роль: при ихъ ночныхъ скитаніяхъ они замѣняютъ во многихъ отношеніяхъ болѣе благородныя чувства—зрѣніе и обоняніе. Но до какого достойнаго удивленія совершенства можетъ достигать чувство осязанія, знаетъ всякій изъ моихъ читателей по своей собственной рукѣ, достигающей высшаго совершенства у художника или слѣпого. Рука есть самый совершенный изъ всѣхъ органовъ осязанія; она можетъ, если не замѣнять вполне зрѣніе, то все-таки во многихъ случаяхъ успѣшно играть его роль.

Чувство вкуса существуетъ, строго говоря, въ настоящемъ своемъ видѣ только у млекопитающихъ. Конечно, въ слабой степени это чувство существуетъ и у птицъ, а также и у остальныхъ позвоночныхъ, такъ какъ они одинъ родъ пищи предпочитаютъ другому. Однако, это чувство лишь у немногихъ птицъ, какъ напр. у попугаевъ и пластинчатоклювыхъ, получаетъ органъ, который дѣлаетъ возможнымъ различеніе вкуса благодаря своей мягкости, допускающей дѣятельность нервовъ, между тѣмъ какъ у значительнаго большинства жвачныхъ языкъ является настолько отвердѣлымъ и недоразвитымъ, что совершенно не можетъ способствовать процессу воспріянія вкусовыхъ ощущений: именно, растворенія частей пищи и распознаванія затѣмъ посредствомъ органа чувства ихъ различія. Иное находимъ мы у млекопитающихъ. Здѣсь способность языка различать вкусъ замѣчается постоянно, даже если языкъ жестокъ и шероховатъ. Соль и сахаръ, какъ всякій знаетъ, почти всегда проявляютъ свое дѣйствіе на вкусовые органы млекопитающихъ; даже кошки любятъ эти вещества, если они растворены въ пищѣ. Жесткій языкъ тупоумнаго верблюда, который не повреждается даже острыми, какъ иголки, шипами мимозъ, чувствуетъ вкусъ соли, которую верблюды очень любятъ. Слоны, языкъ котораго кажется неуклюжимъ кускомъ мяса, испытываетъ большое наслажденіе, когда его грубый языкъ войдетъ въ прикосновеніе со сладостями или спиртными напитками; даже дикія кошки считаютъ молоко лакомствомъ. Но и по отношенію ко вкусу, человѣкъ обпаруживаетъ ясно свое высокое развитіе: довольно часто встрѣчаются люди, которые въ раздраженіи этого чувства находятъ наслажденіе, заставляющее забывать не только пріятныя ощущенія, доставляемыя дѣятельностью всѣхъ другихъ чувствъ, но и многія душевныя удовольствія;—для на-

стоящаго обжоры вся жизнь сосредоточивается въ ощущеніи вкуса. Въ отношеніи вкуса птицы опять-таки стоятъ безконечно ниже млекопитающихъ.

Чувство обонянія достигаетъ у послѣднихъ также крайне высокой степени развитія. Сравнительный обзоръ различныхъ классовъ животныхъ учитъ насъ, что обоняніе уже у низшихъ животныхъ есть одно изъ наиболѣе выраженныхъ чувствъ: я напому лишь насѣкомыхъ, которыя роями слетаются, руководясь запахомъ цвѣтовъ, или издали приманиваются къ падали или кучамъ навоза, а также на большомъ разстояніи различаютъ своеобразный запахъ своихъ самокъ. Рыбы появляются около брошенной имъ падали даже съ верхнихъ частей рѣки, т. е. оттуда, куда теченіе воды никоимъ образомъ не могло привести пахучія вещества. У пресмыкающихся и земноводныхъ, напротивъ, обоняніе такъ плохо, что они не въ состояніи отыскать что либо съ помощью его, хотя и утверждаютъ, что нѣкоторыя змѣи разыскиваютъ и находятъ своихъ самокъ съ помощью этого чувства. Между птицами мы находимъ уже многихъ, которыя обладаютъ хорошимъ чутьемъ, хотя рассказы, будто грифы и вороны замѣчаютъ падалъ и другія пахучія вещества на разстояніи нѣсколькихъ миль, вѣроятно, основаны на ошибочныхъ и недостаточныхъ наблюденіяхъ. Въ этихъ случаяхъ они руководятся зрѣніемъ. Иначе стоитъ дѣло у млекопитающихъ. Здѣсь мы находимъ многихъ животныхъ, у которыхъ обоняніе достигло по истинѣ изумительнаго развитія. На обоняніе дѣйствуютъ, само собою понятно, одни только газообразныя вещества, но какимъ образомъ возможно находить посредствомъ обонянія даже слѣды такихъ газовъ и доводить ихъ до сознанія—это загадка. Собака безошибочно различаетъ чутьемъ среди тысячи другихъ человѣческихъ слѣдовъ слѣды своего господина, оставленные за нѣсколько часовъ тому назадъ, или слѣдуетъ за дичью, которая наканунѣ прошла извѣстнымъ путемъ, благодаря вполнѣ сознаваемому ею запаху, при чемъ запахъ этотъ ею отличается отъ сотни другихъ запаховъ, существующихъ на томъ-же мѣстѣ. Что запахъ этотъ не можетъ быть силенъ, явствуетъ изъ того, что онъ происходитъ отъ газа, выдѣливаемаго отъ мгновеннаго прикосновенія сапога или ноги животнаго къ почвѣ. Ясно представить себѣ эту степень чутля просто невозможно! Также немислимо для насъ, обладающихъ тупыми чувствами, представить себѣ то развитіе обонянія, которое мы называемъ «верхнимъ чутьемъ» (wittern). Что заяцъ чуетъ спрятавшагося охотника, стоящаго съ наветреной стороны на разстояніи 30 шаговъ, кажется намъ не такъ удивительнымъ, потому что даже наши носы, довольно сильно притупленные воздухомъ компанъ и всевозможными сильными запахами, необходимо связанными съ нашей общественной жизнью, могутъ различать своеобразно запахи нашихъ домашнихъ животныхъ на 10—20 шагахъ, а запахъ кабана и на болѣе значительномъ разстояніи. Но какимъ образомъ сѣверный олень чуетъ человѣка даже на разстояніи 500 шаговъ, это непостижимо, и я не повѣрилъ бы этому, если бы не звалъ этого изъ собственнаго опыта. По Селусу, африканскій слонъ тотчасъ же чуетъ старые слѣды человѣка, оставленные за нѣсколько часовъ въ открытой мѣстности въ степи, заросшей кустарникомъ. Нижнее и верхнее чутье для насъ одинаково удивительны, потому что мы сами не можемъ даже приблизительно достигнуть ни той, ни другой высоты развитія обонянія. Замѣчательно, что всѣ животныя, обладающія хорошимъ верхнимъ или нижнимъ чутьемъ, имѣютъ влажные носы. Поэтому можно, какъ ни странно это звучитъ, по болѣе или менѣе влажному носу довольно правильно заключать о развитіи обонянія. Носъ кошки уже гораздо суше, чѣмъ носъ собаки, носъ обезьяны еще суше, чѣмъ носъ кошки; носъ человѣка, въ свою очередь, суше, чѣмъ носъ обезьяны, и постепенно убывающая способность обонянія у этихъ млекопитающихъ

стоитъ въ полномъ согласіи съ влажностью органа обонянія. Мы уклонились бы слишкомъ далеко, если бы захотѣли прослѣдить всѣ ступени развитія обонянія, отъ неспособныхъ къ обонянію китовъ до млекопитающихъ съ верхнимъ и нижнимъ чутьемъ, и потому достаточно указать, что изъ влажноносыхъ, въ свою очередь, тѣ обладаютъ наилучшимъ обоняніемъ, у которыхъ органы обонянія обладаютъ подвижностью и превращены въ настоящее рыло (Schnüffel Nase). Носатки или коати и свиньи представляютъ примѣръ такихъ животныхъ, но при этомъ мы не должны забывать, что и носы собакъ, виверръ, куницъ и другихъ въ высшей степени подвижны. Что летучія мыши, которыя обладаютъ еще особыми носовыми придатками, не уступаютъ въ развитіи чувства обонянія влажноносымъ, легко объяснимо: подобное развитіе носа, какъ у нихъ, можетъ служить лишь для большей остроты чувства. Въ заключеніе я считаю еще нужнымъ привести тотъ фактъ, что благоуханія, пріятно щекочущія малочувствительные носы, для всѣхъ животныхъ съ топкимъ обоняніемъ оказываются неприятными: собака съ такимъ же отвращеніемъ отворачивается отъ одеколона, какъ и отъ сѣроводороднаго газа. Лишь животные съ плохимъ обоняніемъ любятъ сильные запахи и приходятъ въ неистовство отъ нихъ, какъ кошка отъ валеріана; животныя съ хорошимъ чутьемъ тщательно избѣгаютъ всѣхъ газовъ, возбуждающихъ нервы, боятся ихъ даже, такъ какъ сильные запахи причиняютъ имъ, вѣроятно, боль,—что случается, впрочемъ, нерѣдко и съ людьми, стоящими на низшей ступени образованія, такъ называемыми дикарями.

Превосходитъ ли у млекопитающихъ чувство слуха чувство обонянія, или наоборотъ—вопросъ спорный. Безспорно однако, что чувство слуха достигаетъ у млекопитающихъ такого развитія, какъ ни въ какомъ другомъ классѣ животныхъ. Чувство слуха, правда, довольно сильно развито уже у ниже стоящихъ классовъ животнаго царства, однако нигдѣ оно не развито въ такой степени, какъ въ двухъ высшихъ классахъ; но и самое совершенное ухо птицы всегда стоитъ гораздо ниже, чѣмъ ухо млекопитающаго. Что птицы отлично слышатъ, вытекаетъ уже изъ ихъ музыкальныхъ дарованій: онѣ развлекаютъ и одушевляютъ другъ друга своими прекрасными пѣснями и ухо ихъ довольно чутко ко всякимъ звукамъ. Но замѣчательно, что лучшіе пѣвцы между ними обладаютъ наименѣе развитымъ ухомъ, между тѣмъ, какъ для всѣхъ птицъ съ топкимъ слухомъ, каковы напр., всѣ совы, пѣніе пѣвчихъ птицъ кажется очень неприятнымъ. Почти то-же замѣчается и у млекопитающихъ. Здѣсь уже наружное, а еще болѣе внутреннее строеніе уха показываютъ степень совершенства слуха; но эта способность можетъ доходить до такой высокой степени развитія и сдѣлаться столь тонкой, что звуки, кажущіеся благозвучными болѣе тупымъ или привычнымъ ушамъ, становятся для чуткаго животнаго рѣзкими и неприятными. Хорошо развитый музыкальный слухъ нельзя еще поэтому называть тонкимъ: онъ можетъ стоять на низшей ступени развитія, чѣмъ у животнаго, дѣйствительно обладающаго тонкимъ слухомъ, и если говорить о его развитіи, то это вовсе не относится къ умѣнію различать звуки слабые или на далекомъ разстояніи. У человѣка чувство слуха, какъ и чувство обонянія, развито хуже, чѣмъ у млекопитающихъ; но это несколько не вредитъ его положенію среди природы: равномерное развитіе всѣхъ чувствъ все-таки значительно возвышаетъ его надъ всѣми животными.

Способность слышать у млекопитающихъ весьма различна. Ни одно изъ нихъ не можетъ считаться совсѣмъ глухимъ, но дѣйствительно тонкимъ слухомъ обладаютъ лишь немногія. Наружное ухо даетъ довольно вѣрный масштабъ для сужденія о меньшемъ или большемъ развитіи чувства; т. е. всѣ животныя съ большими стоячими и подвижными ушными раковинами слышатъ лучше, чѣмъ животныя съ

висячими, маленькими или недоразвитыми ушными раковинами. Въмѣстѣ съ внѣшнимъ улучшеніемъ органовъ чувства увеличивается и воспріимчивость къ звукамъ; говоря коротко, млекопитающія съ большими ушами не могутъ переносить сильныхъ звуковъ, а животныя съ маленькими ушами любятъ ихъ. Дѣйствительно ли очарованный дельфинъ слѣдуетъ за судномъ, съ борта котораго доносятся звуки музыки, —этотъ вопросъ можетъ считаться открытымъ; но тюлень появляется на поверхности воды, если рыбакъ тихо но звучно свиститъ, впрочемъ также и въ томъ случаѣ, если хлопать по борту лодки; конь ржетъ отъ удовольствія при звукѣ трубы, верблюдъ шагаетъ бодрѣ при звукахъ караваннаго колокольчика, медвѣдь поднимается на заднія лапы при звукахъ флейты; слонъ, обладающій, правда, большой ушной лопастью, но небольшой ушной раковиной, перебираетъ ногами, какъ бы танцуя, при звукахъ музыки и отличаетъ даже пѣльныя аріи отъ бравурныхъ пѣсень или военныхъ маршей. Но ни одно изъ этихъ животныхъ не издаетъ само пріятнаго для насъ, гармоничнаго звука, какъ пѣвчія птицы, которыя любятъ музыку и звуками ея поощряются къ пѣнію и ликованію; млекопитающія въ этомъ отношеніи скорѣе похожи на пресмыкающихся, напр. на змѣю, которая приманивается дудкой заклинателя и повинуется ей. Иначе ведутъ себя млекопитающія съ тонкимъ слухомъ, когда слышать звуки и тоны, слишкомъ громкіе для ихъ ушей. Собака выноситъ басъ мужчины, но не сопрано женщины; она воетъ при пѣніи женщины, какъ и при звукахъ духовыхъ инструментовъ, между тѣмъ какъ уже гораздо лучше переноситъ болѣе мягкіе струнные звуки. Еще замѣчательнѣе относится упанъ (летучая мышь) къ сильнымъ звукамъ; когда она слышитъ музыку, то впадаетъ въ мучительное безпокойство, подергиваетъ передними конечностями и сопровождаетъ внѣшнія движенія скрипящими звуками своего голоса; громкіе звуки для нея нестерпимы. Какъ ведутъ себя олени, когда слышатъ рѣзкіе звуки, я не знаю, но думаю, что они точно также очень чувствительны къ нимъ, какъ и другія животныя съ большими ушами.

По наблюденіямъ Пехуаль-Леше, громкій однозвучный шумъ, особенно удары по металлическимъ предметамъ, не только возбуждаютъ любопытство бегемотовъ, но иногда даже приманиваютъ ихъ. Выпечазванный натуралистъ полагаетъ, что склонность ихъ, особенно замѣтную у старыхъ одинокихъ самцевъ, сопровождать въ темнотѣ, а гдѣ по нимъ еще не стрѣляли, и днемъ, на довольно далекое разстояніе челноки, по крайней мѣрѣ, отчасти можно объяснять тѣмъ, что имъ нравится шумъ веселы и громкія пѣсни гребцовъ, хотя главной побудительной причиной этого явленія онъ считаетъ ихъ охоту къ плаванію въ перегонку, которая еще въ болѣе рѣзкой формѣ существуетъ у китовъ. Его ручной полосатый волкъ (*Canis adustus*) былъ совершенно очарованъ мелодичнымъ голосомъ, если съ нимъ говорили спокойно и пѣвуче; пѣніе или шумная музыка туземцевъ были для него безразличны, а звуки трубы обращали его въ бѣгство. Ручной африканскій баранъ изъ гладкошерстой туземной породы, а также старый мандрилъ чрезвычайно радовались игрѣ на скрипкѣ. Мартышка (*Scoropithecus cerbus*), которая цѣлые годы жила въ Европѣ на полной свободѣ, пыталась каждый разъ, какъ кто-нибудь громко или тихо свистѣлъ, какъ бы вырвать звуки изо рта, даже открывала пальцами губы свистящаго, чтобы заглянуть въ ротъ. Игра на фортепіано, если громко исполнялись веселыя мелодіи, возбуждала въ ней на короткое время чрезмѣрное веселье, но не надолго, ибо скоро она приближалась къ фортепіано и требовала сначала угрожающимъ, а потомъ тихимъ жалобнымъ голосомъ, чтобы перестали играть. Несмотря на то, она очень любила доставлять себѣ музыку самостоятельно, бѣгая, какъ сумасшедшая, по клавишамъ. Плавныя тихія мелодіи такъ нравились ей, что она обыкновенно

ложилась на колѣни играющаго и долгое время спокойно слушала, пока природная игривость не заставляла ее вскочить. Другія обезьяны различнаго рода, содержащіяся въ африканскихъ факторіяхъ, иначе относились къ слышимымъ звукамъ. Громкое, особенно женское пѣніе однѣ изъ нихъ сопровождали крикомъ, другія же только возбуждались при этомъ или съ любопытствомъ прислушивались. На звукъ трубы всѣ онѣ отвѣчали ужаснымъ крикомъ: шимпанзе—неистовымъ воемъ, горилла—криками страха, причѣмъ послѣднія при этомъ непременно испражнялась, такъ что звуки трубы на нее дѣйствовали, какъ слабительное. Стада обезьянъ въ первобытномъ лѣсу поднимаютъ крикъ при внезапномъ близкомъ возгласѣ, при выстрѣлѣ, не направленномъ въ нихъ, даже при очень громкомъ ударѣ грома. Нашъ баранъ, Мфука, повелитель и миротворецъ скотнаго двора въ факторіи Чпичочо, не могъ выносить громкаго говора или крика. Если кто нибудь па дворѣ начиналъ вести себя слишкомъ шумно, а это часто случается въ Африкѣ, то онъ приближался къ нарушителю тишины, поворачивался къ нему задомъ и искусно опрокидывалъ его сильнымъ толчкомъ. Замѣчательнымъ любителемъ музыки былъ ручной пеликанъ, который жилъ въ городѣ и на заливѣ въ Санъ-Пауло де Лоанда. Если вечеромъ игралъ оркестръ музыки, то онъ безъ всякаго страха появлялся между гуляющими и, важно расхаживая, слушалъ музыку.

Впрочемъ, о дѣйствительной остротѣ слуха у млекопитающихъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Мы въ состояніи только говорить объ относительной остротѣ чувства, высота развитія чувства не допускаетъ измѣренія. Что очень многія млекопитающія слышатъ еще шумы, которые мы вовсе не въ состояніи замѣчать,—несомнѣнно; но насколько это простирается, мы не знаемъ. Достоверно извѣстно, что кошка и сова слышатъ шумъ, производимый бѣгущею мышью, но мы не въ состояніи опредѣлить, на какомъ разстояніи онѣ могутъ еще отличать тихіе шаги отъ шороха вѣтра. Ушанъ слышитъ вѣроятно шумъ отъ полета маленькихъ бабочекъ, о движеніи которыхъ мы рѣшительно не въ состояніи составить себѣ какое-нибудь понятіе съ помощью слуха; степная лисица слышитъ, можетъ быть, даже ползаніе жука по песку на порядочномъ разстояніи; подражая писку мышей, охотникъ можетъ издали подманить нашу лисицу. Олень улавливаетъ шумъ шаговъ охотника на разстояніи 75, а можетъ быть и 150 метровъ, но всѣ эти данныя недостаточно опредѣленны и не даютъ намъ основанія для точнаго измѣренія.

Чувство зрѣнія у млекопитающихъ вѣроятно никогда не достигаетъ такой остроты, какъ обоняніе и слухъ. Что всѣ млекопитающіе по отношенію къ зрѣнію стоятъ ниже птицъ, я уже упоминалъ, но до какой степени—было бы трудно сказать, такъ какъ мы и въ этомъ случаѣ можемъ дѣлать дѣйствительныя наблюденія лишь надъ самими собою. Извѣстно, что млекопитающія даже вблизи не скоро узнаютъ присутствіе врага, особенно если онъ не движется. Можно съ нѣкоторою достоверностью сказать, что изъ дневныхъ млекопитающихъ едва ли какое нибудь превосходитъ человека по развитію своихъ глазъ и остротѣ зрѣнія; по крайней мѣрѣ, я не знаю никакихъ наблюденій, которыя противорѣчили бы этому. Иначе стоитъ дѣло у ночныхъ животныхъ, слѣдовательно почти у всѣхъ хищниковъ, нѣкоторыхъ обезьянъ, всѣхъ полуобезьянъ, летучихъ мышей, нѣкоторыхъ грызуновъ и т. д. Они обладаютъ или очень развитыми или же очень недоразвитыми глазами. Настоящіе хищники безспорно имѣютъ самое острое зрѣніе изъ всѣхъ млекопитающихъ; ихъ глаза такъ воспримчивы къ дѣйствию свѣта, что уже обыкновенный дневной свѣтъ становится, по крайней мѣрѣ для многихъ, крайне неприятнымъ. Глазъ хищнаго животнаго обладаетъ значительной внутренней подвижностью; по подвижность эта не зависитъ отъ воли, какъ у птицъ, а произвольна и стоитъ

въ точномъ соотвѣтствіи съ большей или меньшей яркостью свѣта. Наша домашняя кошка ясно показываетъ, какъ дѣйствуетъ свѣтъ на ея глазъ; онъ днемъ такъ закрывается, что зрачекъ превращается въ тонкую линію, между тѣмъ какъ по мѣрѣ наступленія темноты онъ расширяется. Кошка подтверждаетъ такимъ образомъ и по отношенію къ зрѣнію высказанное выше относительно другихъ чувствъ замѣчаніе, именно, что только органъ, не особенно хорошо развитый, можетъ выносить болѣе сильныя раздраженія. Можно считать правиломъ, что всѣ млекопитающія съ круглымъ зрачкомъ — дневныя животныя, или обладаютъ днемъ и ночью приблизительно одинаково острымъ зрѣніемъ, между тѣмъ какъ животныя, зрачекъ которыхъ щелеобразенъ, могутъ проявлять полную остроту зрѣнія лишь съ наступленіемъ сумерекъ.

Замѣчательнымъ кажется встрѣчающееся иногда у млекопитающихъ недоразвитіе глазъ, которое можетъ обуславливать полную слѣпоту, какъ у слѣпыша. За этимъ исключеніемъ глаза существуютъ, насколько извѣстно до сихъ поръ, у всѣхъ млекопитающихъ: нашъ кротъ, котораго довольно часто смѣшивали съ его слѣпымъ собратомъ, обладаетъ уже глазами, довольно способными къ зрѣнію, и потому нѣмецкій поэтъ Рюккертъ совершенно правъ, когда говоритъ: «Кротъ не слѣпъ; природа дала ему только маленькій глазъ, въ какомъ онъ нуждается; съ помощью его онъ видитъ, на сколько это ему нужно, въ построенномъ имъ подземномъ дворцѣ, и пыль будетъ тѣмъ менѣе попадать ему въ глаза, когда онъ возводитъ, копясь, свои галереи со сводами. Дождеваго червя, котораго онъ отыскиваетъ другими чувствами, ему не надо слишкомъ высматривать: его бѣгъ не быстръ. И когда въ теплую ночь онъ выйдетъ изъ-подъ земли, то и его зрачекъ будетъ видѣть небо и, не зная этого самъ, онъ унеситъ съ собою подъ землю лучъ свѣта и снова роется во мракѣ».

Глазъ млекопитающихъ мы должны сверхъ того разсматривать еще съ одной точки зрѣнія: какъ органъ, указывающій на душевное состояніе животнаго. У низшихъ классовъ онъ не обладаетъ еще выраженіемъ, не можетъ являться зеркаломъ души. Мы находимъ, правда, коварными глаза змѣи, злобными — глаза крокодила, у нѣкоторыхъ птицъ считаемъ глаза кроткими, у другихъ же строгими, серьезными, мужественными; но только, за немногими исключеніями, мы влагаемъ въ эти выраженія собственныя наши впечатлѣнія. Лишь изъ живого глаза сокола или орла говоритъ намъ ихъ внутренній міръ. У млекопитающихъ же глаза всегда имѣютъ особое выраженіе. Здѣсь мы дѣйствительно можемъ говорить о выраженіи лица, а въ немъ глаза и принимаютъ самое большое участіе. Поэтому эпитеты: тупой глазъ коровы, прекрасный глазъ жираффы, кроткій глазъ газели, вѣрный глазъ собаки, глупый взоръ овцы, — совершенно вѣрны, такъ какъ у всѣхъ этихъ животныхъ глаза дѣйствительно служатъ вѣрнымъ зеркаломъ души. Душевные состоянія животнаго выражаются глазами, они замѣняютъ собою отсутствующую рѣчь. Боль и удовольствіе, огорченіе и веселье, страхъ и легкомысліе, забота и радостное настроеніе, ненависть и любовь, отвращеніе и доброжелательство находятъ въ глазахъ нѣмаго, но краснорѣчиваго выразителя: душа проявляетъ тутъ себя внѣшнимъ образомъ. Отъ внѣшняго зеркала души перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію самихъ душевныхъ явленій у животныхъ.

Памъ очень трудно наблюдать душевныя явленія животныхъ, потому что при этомъ мы невольно приписываемъ имъ свои собственныя душевныя способности.

Млекопитающее обладаетъ памятью, нѣкоторою долею разсудительности и чувствомъ: потому оно имѣетъ часто весьма ясно выраженный, опредѣленный ха-

характеръ. Оно обнаруживаетъ способность различать предметы, получаетъ представленія о времени, мѣстѣ, о цвѣтахъ и о звукахъ; оно узнаетъ прежде видѣнное, наблюдаетъ и, въ известной степени, даже рассуждаетъ. Млекопитающія пользуются приобрѣтеннымъ опытомъ; они узнаютъ опасности и придумываютъ средства, чтобы избѣжать ихъ; у нихъ являются симпатіи и антипатіи къ известнымъ лицамъ и предметамъ, замѣчается въ сильной степени любовь къ дѣтенышамъ и любовь самцовъ и самокъ другъ къ другу, а зачастую — расположеніе къ дружбѣ, ненависть къ врагамъ и противникамъ. У этихъ животныхъ можно иногда наблюдать проявленіе благодарности, вѣрности, почтенія къ однимъ и пренебреженія къ другимъ, радости и печали, гнѣва и кротости, хитрости и понятливости. Умное животное рассчитываетъ, обдумываетъ, взвѣшиваетъ, прежде чѣмъ дѣйствуетъ; въ возбужденномъ состояніи оно иногда сознательно рискуетъ свободой и жизнью, чтобы удовлетворить внутреннему стремленію. У животныхъ этихъ можно подчасъ замѣтить готовность жертвовать собою для общаго блага, заботу о больныхъ, поддержку слабыхъ. Служится, что млекопитающее дѣлится съ голодными своею пищею. Оно умѣетъ преодолевать желанія и страсти и учится владѣть собою, а слѣдовательно выказываетъ свободу и силу воли. Оно въ теченіе многихъ лѣтъ помнитъ прошедшее и думаетъ даже о будущемъ, собирая и храня запасы пищи для послѣдующаго времени. Различныя эти душевныя способности опредѣляютъ характеръ животного. Млекопитающее можетъ быть мужественно или боязливо, храбро или трусливо, отважно или пугливо, честно или склонно къ воровству, имѣетъ открытый характеръ или хитро, прямодушно или коварно, гордо или скромно, доверчиво или недоверчиво, послушно или упрямо, услужливо или властолюбиво, миролюбиво или задорно, весело или печально, склонно къ забавамъ или угрюмо, общительно или необщительно, дружелюбно къ другимъ или враждебно противъ всего свѣта, и проч. и проч.

Одно не должны мы забывать: это—вліяніе воспитанія на характеръ животного. Животныя точно такъ же, какъ люди, могутъ быть образованными, благовоспитанными, или необразованными, грубыми, невоспитанными. Воспитатель имѣетъ очень сильное вліяніе на животное и, безъ сомнѣнія, наилучшій для него воспитатель—это человѣкъ. Для примѣра возьмемъ наше лучше всего воспитанное животное—собаку. Съ теченіемъ времени она становится во многихъ отношеніяхъ похожею на своего хозяина: она усваиваетъ, такъ сказать, его характеръ—охотничья собака усваиваетъ характеръ охотника, мясницкая—мясника, собака моряка—его характеръ, собаки лопарей, эскимосовъ, индійцевъ—характеръ ихъ владѣльцевъ. Мужчины вообще лучше воспитатели животныхъ, чѣмъ женщины; это доказываютъ лучше всего мопсы и кошки, воспитанныя старыми дѣвами и одинокими вдовами: въ большинствѣ случаевъ животныя эти не воспитаны, а избалованы. Животное требуетъ отъ того, кто его учитъ, рѣшительнаго и твердаго характера и портится отъ слишкомъ большой кротости и капризовъ *).

При описаніи отдѣльныхъ млекопитающихъ и не премину дать доказательства своихъ словъ.

Область распространенія млекопитающихъ очень обширна и простирается на всѣ моря, материкъ и болѣе значительные острова земного шара. Лишь острова,

*) Мы не беремъ на себя ответственности за правильность мыслей, высказанныхъ въ статьѣ о душевныхъ способностяхъ животныхъ; статья эта очевидно составлена нѣсколько односторонне, такъ какъ о важныхъ преимуществахъ человѣка надъ животными въ отношеніи душевныхъ явленій здѣсь вовсе не говорится (Прим. редактора).

лежащіе въ открытомъ морѣ, которые никогда не стояли въ связи съ материкомъ, не имѣютъ свойственныхъ имъ млекопитающихъ. Однако, кругъ распространенія отдѣльныхъ видовъ млекопитающихъ ограниченъ. Лишь море доставляетъ своимъ обитателямъ, принадлежащимъ къ нашему классу, большую свободу движенія и перемѣны мѣста, однако все же не въ такой степени, какъ воздухъ птицамъ. Даже морскія млекопитающія доказываютъ, что классъ ихъ принадлежитъ землѣ, а не водѣ, ибо и они по большей части предпочитаютъ берега открытому морю:

На материкахъ кругъ распространенія млекопитающихъ имѣетъ гораздо болѣе тѣсныя предѣлы, чѣмъ въ морѣ. Многіе виды имѣютъ весьма маленькое отечество. Всѣ страны земли, по отношенію къ населяющимъ ихъ животнымъ, соединены въ извѣстныя области и эти послѣднія названы зоогеографическими (т. е. животно-географическими). Каждая изъ этихъ областей, которыхъ мы различаемъ шесть и которыя мы наглядно представляемъ на прилагаемой картѣ, имѣетъ всегда своихъ ей одной свойственныхъ, животныхъ.

Первая область, палеарктическая (т. е. сѣверная область Старого Свѣта), охватываетъ всю Европу, Сѣверную Африку до Сахары, и всю Азію, за исключеніемъ южной Аравіи, передней и задней Индіи и южнаго Китая вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ островами. Эта область отличается тѣмъ, что почти исключительно ей одной свойственны настоящіе кроты; она богата видами рысей, которыя едва ли встрѣчаются еще гдѣ-нибудь въ Старомъ Свѣтѣ, а въ Америкѣ живутъ лишь на крайнемъ сѣверѣ. Изъ другихъ хищныхъ животныхъ ей свойственны два вида барсуковъ. Изолиней, рогатаго скота и антилопъ она имѣетъ нѣсколько своеобразныхъ видовъ, а группа овецъ и козъ, за исключеніемъ двухъ видовъ, свойственна только этой области. Многіе роды и виды грызуновъ находятся исключительно здѣсь, и лишь немногіе виды полевокъ, сонь и тушканчиковъ живутъ въ другихъ мѣстахъ.

Къ сѣверной области Старого Свѣта примыкаетъ на югозападѣ эіопская область, къ которой, кромѣ Африки, къ югу отъ Сахары принадлежатъ также южная Аравія и Мадагаскаръ. Здѣсь отечество гориллы, шимпанзе, бабуина, многихъ полуобезьянъ, льва, пятнистой гіены, земляного волка и гіеновой собаки, жираффы, разныхъ видовъ зебръ и бегемота. Чрезвычайно многочисленны въ эіопской области виды антилопъ, которыхъ мы насчитываемъ болѣе 70; обильно представлены также обезьяны, свиньи, виверры и грызуны. Исключительно этой области свойственны капскій муравѣдъ, прыгунчики, златокроты и *Potamogale*. Кромѣ вышеозначенной фауны млекопитающихъ эіопская область отличается еще и отсутствіемъ другихъ, вообще широко распространенныхъ животныхъ: такъ, здѣсь вовсе нѣтъ медвѣдей и оленей.

Весьма близко къ восточной границѣ эіопской области подходит Восточная область: передняя Индія съ Цейлономъ, задняя Индія съ Суматрой, Лвой и Борнео и южный Китай съ Формозой и Филиппинскими островами. Отличительной, наиболѣе выдающеюся чертою фауны млекопитающихъ этой области является присутствіе гиббоновъ и орангъ-утанга, солнечныхъ медвѣдей (*Helarctos*), королевскаго тигра, двувѣтнаго тапира, индійскаго слона и оленька (*Tragul*). Кромѣ того мы находимъ въ качествѣ своеобразныхъ обитателей Восточной области стройныхъ и толстыхъ лори (*Stenops gracilis* и *St. tardigrabus*) и долгопятовъ (*Macrotrarsi*), летающихъ маки, а также многихъ виверровыхъ, три вида антилопъ, пять видовъ носороговъ и круглохвостыхъ летучихъ бѣлокъ.

Австралійская область самая замѣчательная на землѣ. Лишь здѣсь мы находимъ яйцекладущихъ однопроходныхъ и всѣхъ сумчатыхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, двуутробокъ, встрѣчающихся въ Америкѣ. Изъ другихъ млекопитающихъ

напротивъ, мы встрѣчаемъ, въ качествѣ туземныхъ животныхъ, лишь нѣсколько мелкихъ грызуновъ, ибо остальные, здѣсь встрѣчающіяся млекопитающія, какъ динго и, на сѣвероавстралійскихъ островахъ, свинья, должны разсматриваться, какъ занесенныя впослѣдствіи животныя. Соединительнымъ звеномъ между восточной и австралійской областями, которыхъ граница проходитъ между Балли и Ломбокомъ, между Борнео и Целебесомъ и между Филиппинскими и Моллукскими островами, можетъ считаться замѣчательный островъ Целебесъ, который надо разсматривать отдѣльно, хотя онъ и примыкаетъ къ австралійской области. Кромѣ ряда млекопитающихъ, которыя или принадлежатъ болѣе западнымъ странамъ, или болѣе восточнымъ, на Целебесѣ живутъ три своеобразныхъ животныхъ, вовсе не имѣющихъ въ другихъ странахъ близкихъ родственниковъ. Это бабирасса, Аноа, антилопообразный буйволъ, и одна черная, почти безхвостая бабуинообразная обезьяна. Кромѣ Новой Голландіи и Новой Гвинеи съ прилежащими островами, къ австралійской области относятся также Новая Зеландія и Полинезія. На вулканическихъ и коралловыхъ островахъ Тихаго океана вовсе нѣтъ мѣстныхъ земныхъ млекопитающихъ, между тѣмъ какъ на Новой Зеландіи жилъ, теперь уже вымершій, видъ крысы и еще одно животное, по вѣншнему виду похожее на выдру, которое еще и въ настоящее время живетъ у горныхъ озеръ южнаго острова, но еще никогда не было поймано и, можетъ быть, представляетъ самое низшее изъ всѣхъ живущихъ млекопитающихъ.

Новый Свѣтъ, Америка, представляетъ лишь двѣ области, сѣверную и южную; довольно нелояная граница ихъ тянется въ видѣ вытянутой, открытой къ сѣверу дуги, отъ Мексиканскаго залива къ Калифорнскому. Острова послѣдняго принадлежатъ къ южноамериканской области.

Сѣвероамериканская область довольно сходна съ сѣверной областью Стараго Свѣта. Тамъ, какъ и здѣсь, есть рыси, волки и лисицы, корьки, медвѣди, лоси и олени, полевки, бобры, бѣлки и зайцы. Американскіе виды очень похожи на виды Стараго Свѣта и нѣкоторыя едва отличаются отъ нихъ. Даже бизонъ прерій—близкій родственникъ литовскаго зубра. Но кромѣ вышеназванныхъ, въ Сѣверной Америкѣ есть другіе виды, которые придаютъ этой области своеобразный характеръ. Это—три своеобразныхъ вида кротовъ, въ томъ числѣ въ высшей степени странный звѣздорылъ, столько же видовъ кунцеобразныхъ, со включеніемъ вонючки, и своеобразное семейство енотовъ. Также и вилорогая антилопа и горная коза трапперовъ принадлежатъ къ животнымъ, характеризующимъ эту область. Мыши Америки существенно отличаются отъ мышей остальныхъ странъ; мы встрѣчаемъ здѣсь и одного своеобразнаго тушканчика, но кромѣ того и очень странныхъ мѣшеччатыхъ крысъ (Geomysidae), которыя, правда, переходятъ за южную границу области. Далѣе, собака прерій, иглошерсть (Erethizon) и опоссумъ также служатъ отличіемъ арктической области Новаго Свѣта отъ соответственной области Стараго. Зато въ первой нѣтъ ежой, кабановъ и соевъ, и ей свойственъ лишь одинъ видъ овцы.

Животный міръ южноамериканской области почти такъ же рѣзко обособленъ, какъ и въ Австраліи, но гораздо богаче. Неполнозубыя, сумчатые и грызуны составляютъ главную массу ея млекопитающихъ. Къ нимъ присоединяются цѣпкохвостыя обезьяны и львинныя игрушки, вампиры, носухи и пекари, ламы и альпаки. Изъ неполнозубыхъ мы находимъ здѣсь лѣнивцевъ, броненосцевъ и муравѣйдовъ; изъ грызуновъ -- шиншила и агути. Большая часть двутробоковъ встрѣчается только въ Южной Америкѣ. Во всей южноамериканской области вовсе нѣтъ виверръ, и лишь въ Вестъ-Индіи находятся многіе виды насѣкомоядныхъ, между тѣмъ какъ овцы, быки и антилопы отсутствуютъ вовсе, а свиньи, слоны и носороги Стараго

Свѣта замѣняются маленькими пекари и тапирами. Такимъ образомъ, южноамериканская область, по своему богатству своеобразными формами млекопитающихъ, изъ которыхъ многія носятъ почти палеонтологическій характеръ, въ связи съ отсутствіемъ весьма многихъ вообще широко распространенныхъ животныхъ, является первой изъ большихъ зоологическихъ областей земли, въ описаніи которыхъ мы слѣдовали Уоллесу. О распространеніи отдѣльныхъ группъ млекопитающихъ мы будемъ говорить подробнѣе при описаніи каждой. Вообще можно сказать, что область распространенія даннаго вида, какъ общее правило, болѣе простирается съ запада на востокъ, чѣмъ съ сѣвера на югъ.

Число всѣхъ живущихъ теперь и извѣстныхъ видовъ млекопитающихъ достигаетъ болѣе двухъ тысячъ. Изъ этого числа около 150 видовъ принадлежатъ Европѣ (до 60 исключительно ей); около 240 живутъ въ Африкѣ, 350 въ Азіи, 400 въ Америкѣ и до 140 въ Австраліи.

Сюда слѣдовало бы причислить еще первобытныхъ млекопитающихъ. Распространеніе ихъ отличалось отъ распространенія нынѣ живущихъ. Лишь немногія первобытныя млекопитающія пережили время образованія послѣднихъ наносныхъ породъ и встрѣчаются еще и теперь; остальные вымерли и вычеркнуты изъ списка живыхъ существъ.

Тѣлесныя и душевныя дарованія млекопитающаго опредѣляютъ его образъ жизни на данной ему родинѣ. Каждое изъ нихъ живетъ соответственнѣе своей организаціи и пользуется возможно широкимъ образомъ тѣми органами, которыми располагаетъ. Нельзя отрицать ни у одного млекопитающаго извѣстнаго разумнаго произвола въ жизни. Они естественно болѣе привязаны къ извѣстной мѣстности, чѣмъ подвижныя птицы, но зато они умѣютъ вѣроятно лучше и многостороннѣе пользоваться этою мѣстностью, чѣмъ послѣднія.

Млекопитающія представляютъ существенно обитателей суши, и чѣмъ цѣлостнѣе развитъ извѣстный видъ нашего класса, тѣмъ болѣе становится онъ земнымъ животнымъ. Въ водѣ мы находимъ, поэтому, лишь менѣе развитыя, наиболѣе неуклюжія и массивныя формы; на сушѣ, напротивъ того, наиболѣе равномѣрно развитыя, наиболѣе благородныя формы. Величайшія земныя млекопитающія—карлики по сравненію съ китами. Вода облегчаетъ движеніе большой неуклюжей массы, а чѣмъ легче животное можетъ двигаться, тѣмъ больше оно можетъ быть. Что и обратное имѣетъ мѣсто, доказываютъ всѣ животныя, которыя для своего передвиженія нуждаются въ большомъ напряженіи силъ, какъ, на примѣръ, роющія и порхающія, кроты и летучія мыши. У нихъ масса тѣла въ такомъ же отношеніи уменьшилась, въ какомъ она увеличилась у водяныхъ животныхъ.

Такимъ образомъ уже въ величинѣ тѣла проявляется извѣстное соотношеніе съ образомъ жизни животнаго. Но еще болѣе согласуется этотъ послѣдній съ организаціей. Что рыбообразное или ластоногое млекопитающее плаваетъ, или что животное съ органами, служащими для порханія, летаетъ, это, въ сущности, понятно само собою, но также хорошо понятно и то, что обезьяна, бѣлка и кошка лазаютъ, кротъ роетъ, а много—и однокопытныя или жвачныя бѣгаютъ по землѣ: ихъ строеніе принуждаетъ ихъ къ тому. Къ этому присоединится еще свобода выбора мѣста, чтобы опредѣлять мѣстопребываніе животнаго.

По отношенію къ отрядамъ можно сказать слѣдующее: обезьяны Стараго Свѣта живутъ на деревьяхъ и скалахъ, обезьяны Новаго Свѣта и полуобезьяны—

исключительно на деревьяхъ; летучія мыши носятся по воздуху, а спятъ на деревьяхъ или въ дуплахъ ихъ и въ расщелинахъ скалъ или стѣнъ; насѣкомоядные живутъ по большей части на землѣ, нѣкоторыя также подь землю, а другія даже на деревьяхъ; хищныя млекопитающія живутъ на деревьяхъ и скалахъ, на землѣ и въ водѣ; однако, большая часть принадлежитъ къ земнымъ животнымъ и лишь весьма немногія ведутъ отчасти подземный образъ жизни; сумчатые живутъ на землѣ, въ норахъ, въ водѣ и на деревьяхъ; грызуны всюду, кромѣ моря, по по большей части въ норахъ; неполнозубыя живутъ на землѣ, въ норахъ и на деревьяхъ; копытныя по большей части на землѣ, нѣкоторыя же въ болотахъ и даже въ водѣ; лаконогія и киты—обитатели воды.

Каждому наблюдателю должно броситься въ глаза, что мѣстоительство животнаго легко узнается по его внѣшности. Связь между мѣстомъ жительства и животнымъ обнаруживается нерѣдко въ характерныхъ для каждаго животнаго внѣшнихъ признакахъ, а въ особенности очень рѣзко и опредѣленно—въ его окраскѣ. Можно считать общимъ правиломъ, что млекопитающее обладаетъ окраской, которая, болѣе или менѣе, соответствуетъ преобладающей окраскѣ его мѣста жительства. Чрезвычайная выгода, которую животное можетъ извлекать изъ такого сходства своей окраски съ окраской окружающей среды, становится ясной, если мы подумаемъ о томъ, что хищное животное должно по возможности незамѣтно подкрадываться къ своей добычѣ, а слабое животное должно по возможности лучше прятаться отъ хищника. Уже обезьяны вообще окрашены подобно своему мѣстопробыванію и бурый, сѣрозеленый и сѣрый цвѣта представляютъ преобладающую окраску ихъ шерсти: она соответствуетъ древесной корѣ или листьѣ и травѣ, а также и скаламъ, на которыхъ обезьяны живутъ. Всѣ летучія мыши, живущія на деревьяхъ, окрашены тоже въ бурый или зеленоватый цвѣтъ; тѣ, которые спятъ въ щеляхъ скалъ—въ неопредѣленный сѣрый цвѣтъ скалъ. Среди хищниковъ есть многіе, въ окраскѣ которыхъ ясно выражается ихъ родина. Волкъ носитъ настоящую земляную одежду: блѣднобурый и сѣрый цвѣтъ его мѣха припоровленъ къ окраскѣ его мѣстожительства; пронырливая лисица показываетъ намъ, что она такъ же хорошо подходитъ къ хвойному, какъ и къ лиственному лѣсу; ея сѣверный родичъ, полярная лисица, одѣваетъ зимою снѣжное платье, лѣтомъ—платье цвѣта скалъ; другой видъ лисицы, *фенекъ*, носитъ желтоватую одежду пустыни. Гиены, въ качествѣ ночныхъ животныхъ, одѣты въ сѣрое, въ тотъ цвѣтъ, который въ сумеркахъ менѣе всего замѣтенъ для глазъ. Левъ и пантера, гепардъ и сервалъ выказываютъ себя настоящими животными пустыни; бурожелтый цвѣтъ есть основная окраска, на ней замѣчаются всевозможныя, иначе окрашенныя пятна; пустыня болѣе пестрая и можетъ поэтому скрывать и раскрашенныхъ животныхъ. Наши сѣверныя кошки соответствуютъ своей болѣе безцвѣтной родинѣ и нашей болѣе пасмурной ночи: сѣрый цвѣтъ у нихъ преобладаетъ. Каракаль выказываетъ себя также настоящимъ животнымъ пустыни; тигръ исчезаетъ со своими черными полосами среди тростниковыхъ стеблей бамбуковыхъ джунглей; леопардъ—въ пестролистныхъ кустарникахъ средней Африки; американскія кошки хорошо соответствуютъ по цвѣту своимъ пестрымъ лѣсамъ. Въ гепеттахъ и виверрахъ мы видимъ настоящихъ паземныхъ животныхъ: сѣрый цвѣтъ, съ пятнами и полосами или безъ нихъ, и всюду подходящій, очень трудно поддающійся описанію, сѣрозеленый цвѣтъ—составляютъ окраску ихъ мѣха. Куницы обнаруживаютъ свою всесторонность и въ шерсти: у лѣсной куницы она бурая, у каменной болѣе сѣроватая, у хорька болѣе блѣдая, у ласки и горносталя, наконецъ, лѣтняя одежда смѣняется зимней—бѣлой окраской. Нашъ медвѣдь земляно-бурого цвѣта, полярный медвѣдь—бѣлаго, енотъ—цвѣта

коры деревьевъ. Сумчатые также представляютъ земляную, травяную и древесную окраску. Очень отчетливо выступаетъ сходство окраски у грызуновъ. Напомню зайцевъ. Всякій охотникъ знаетъ, что такое значить увидѣть зайца, когда онъ лежитъ; сходство его мѣха съ почвой такъ велико, что можно пройти мимо него въ десяти шагахъ, не замѣтивъ его. Заяцъ пустыни естественно желтоватаго цвѣта, а сѣверный и горный заяцъ имѣютъ лѣтнюю и зимнюю одежду. Кроликъ, животное, живущее въ норахъ, имѣетъ сѣрую окраску. Наша бѣлка бураго цвѣта и похожаго на сосновую кору; летяги, напротивъ, имѣютъ цвѣтъ березовой коры. Полевые мыши имѣютъ сѣробурюю волосяную одежду, мыши пустынь— блѣдножелтую, степныя мыши— желтоватобурюю, часто полосатую. Между жвачными олени носятъ лѣсную одежду, серны, сѣверныя олени и горныя козлы— одежду цвѣта скаль, антилопы— одежду степей или пустынь. Однокопытныя позволяютъ признать въ себѣ, по крайней мѣрѣ въ кваггѣ, зебрѣ и дикомъ ослѣ, степныхъ животныхъ; многокопытныя, по своему неопредѣлимому сѣрому цвѣту— обитателей болотъ. Короче сказать, вышеизложенное правило можно назвать общимъ и исключенія не часты. Рѣдко ошибаешься, предположивъ въ млекопитающемъ, окрашенномъ въ бурый, сѣрозеленый или серебристосѣрый цвѣтъ,— жители деревьевъ, въ окрашенномъ въ темносѣрый, блѣдножелтый, красноватосѣрый, землянобурый или снѣжнобѣлый цвѣтъ— земное животное. Желтоватый цвѣтъ есть цвѣтъ пустыни, темножелтый— цвѣтъ степи, пепельносѣрый— цвѣтъ скаль; у ночныхъ животныхъ сѣрый цвѣтъ преобладаетъ; дневныя животныя представляютъ его болѣе смѣшаннымъ съ другими цвѣтами. Большое разнообразіе и неопредѣлимость въ окраскѣ позволяетъ дѣлать заключеніе о многосторонности въ образѣ жизни животнаго; опредѣленная окраска указываетъ на замкнутое, опредѣленное мѣстопробываніе животнаго: чисто желтыя животныя всегда жители пустыни, чисто бѣлыя почти безъ исключенія— снѣжныя животныя. Не всѣ, но все-же многія млекопитающія мѣняютъ ежегодно свою одежду; однако, этотъ процессъ едва ли допускаетъ сравненіе съ линяніемъ птицъ. У покрытыхъ чешуями членовъ класса, именно, у ящеровъ и броненосцевъ, вѣроятно, замѣщаются лишь силой вырванныя части панцыря; у животныхъ, покрытыхъ иглами, напр. ежа и дикобраза, несомнѣнно онѣ выпадаютъ; вопросъ лишь въ томъ, происходитъ ли это такъ же правильно, какъ линяніе млекопитающихъ, покрытыхъ волосами. У китообразныхъ замѣна ихъ слизистой кожи, безъ сомнѣнія, происходитъ тѣмъ же способомъ, какъ происходитъ возобновленіе кожицы у человѣка, т. е. незамѣтно, но относительно этого еще вовсе нѣтъ наблюденій. Также у обезьянъ, особенно у человѣкообразныхъ, я не замѣчалъ никакого линянія, происходящаго въ теченіе опредѣленнаго, правильно повторяющагося промежутка времени, а скорѣе лишь постепенное подростаніе волосъ и по всѣмъ вѣроятностямъ у многихъ млекопитающихъ, живущихъ въ тропическихъ странахъ, дѣло происходитъ точно такъ же. Но наши сѣверныя млекопитающія линяютъ всѣ безъ исключенія и въ сущности однообразнымъ способомъ. Когда прошло холодное время года и веснадѣйствительно наступила, то разрыхляются корни волосъ того мѣха, который животное носило доэтого времени, и выпадаетъ остъ и подшерстокъ. Одновременно съ этимъ начинаютъ расти новыя волосы ости, довольно быстро вырастаютъ и прошиваютъ сквозь войлокообразную ткань стараго сброшеннаго мѣха, который, если онъ былъ обилецъ, еще значительное время остается висѣть на тѣлѣ, въ видѣ клочковатыхъ кусковъ, и лишь постепенно выпарывается, стирается и сдувается; скоро послѣ того начинается и подростаніе волосъ подшерстка, развитіе котораго происходитъ однако лишь въ болѣе позднее время года. Поэтому лѣтняя одежда млекопитающихъ, живущихъ на крайнемъ сѣверѣ и на высокихъ горахъ, состоитъ преимущественно изъ волосъ ости, между

тѣмъ какъ въ зимней одеждѣ преобладаютъ волоса подшерстка, а первые съ началомъ холоднаго времени года могутъ и вовсе выпадать. Такъ происходитъ, на примѣръ, у нашихъ видовъ красной дичи, покровъ которыхъ лѣтомъ состоитъ изъ волосъ ости и немногихъ, своеобразно измѣненныхъ волосъ подшерстка, зимою, напротивъ, почти исключительно изъ подшерстка. Двойное линяніе, т. е. полная перемѣна одежды весною и осенью, насколько мнѣ извѣстно, не происходитъ ни у одного млекопитающаго, но вполне можетъ происходить выпѣтаніе и измѣненіе цвѣта волосъ. Линяніе начинается вдругъ, подростаніе новыхъ волосъ происходитъ постепенно. Даже очень хорошіе наблюдатели полагаютъ, что мѣхъ такихъ животныхъ, которыя носятъ темную лѣтнюю одежду и бѣлую зимнюю, подверженъ двукратному линянію, но, какъ неопровержимо доказываютъ мои наблюденія, произведенныя надъ пойманными полярными лисицами и бѣлками, которыя и сообщу позднѣе, они совершенно ошибаются.

Громадное большинство млекопитающихъ—общественныя животныя и собираются поэтому вмѣстѣ съ другими представителями своего вида или и съ другими видами, ведущими одинаковій образъ жизни, въ малыя или большія стада. Никогда эти стада не бываютъ такъ многочисленны, какъ стаи птицъ, которыя достигаютъ, какъ извѣстно, до громаднаго числа головъ, иногда до милліона. У млекопитающихъ лишь при извѣстныхъ обстоятельствахъ встрѣчаются общества изъ нѣсколькихъ тысячъ недѣлимыхъ. Еще болѣе, чѣмъ одинаковій образъ жизни, ихъ соединяетъ нужда: передъ огненной линіей горящей степи даже явные враги отступаютъ вмѣстѣ густой толпою.

Въ большихъ стадахъ наиболѣе сильное и умное животное получаетъ начальство и достигаетъ наконецъ безусловнаго послушанія. Среди жвачныхъ чести этой удостоиваются чаще всего старыя бездѣтныя самки; у другихъ животныхъ, на примѣръ у обезьянъ, вожаками становятся лишь самцы и притомъ лишь послѣ упорной битвы между соперниками, изъ которой вожакъ выходитъ наконецъ побѣдителемъ, внушая общій страхъ: здѣсь дѣло рѣшаетъ грубая сила, тамъ опытность или добрая воля. Избранный или, по крайней мѣрѣ, признанный вожакъ беретъ на себя заботу о защитѣ и безопасности всего стада и защищаетъ слабыхъ членовъ его иногда съ самопожертвованіемъ. Менѣе умныя и болѣе слабыя присоединяются къ болѣе умнымъ и слѣдуютъ всѣмъ ихъ приказаніямъ, направленнымъ къ безопасности стада.

Нѣкоторыя млекопитающія живутъ отшельниками. Старые, угрюмыя и злые самцы обыкновенно изгоняются изъ общества или стада и оттого дѣлаются еще болѣе угрюмыми, а иногда и бѣшеными. Но есть млекопитающія, которыя обыкновенно ведутъ отшельническую жизнь и съ каждымъ пришельцомъ тотчасъ же начинаютъ самую жаркую битву. При этомъ перѣдко случается, что побѣдитель прямо съѣдаетъ побѣжденнаго; какъ извѣстно, и у нѣкоторыхъ племенъ людей встрѣчается это ужасное явленіе.

Большая часть представителей нашего класса бодрствуетъ днемъ и спитъ ночью; однако, почти во всѣхъ отрядахъ существуютъ дневныя и ночныя животныя. Нѣкоторые виды не имѣютъ опредѣленнаго времени для сна, а отдыхаютъ и бодрствуютъ, какъ имъ вздумается; таковы, морскія животныя или на далекомъ сѣверѣ и земныя животныя, въ теченіе лѣтняго времени. Вѣроятно, въ общей сложности, больше дневныхъ животныхъ, чѣмъ ночныхъ, однако число тѣхъ, которыя дѣятельны ночью, немного менѣе тѣхъ, которыя промышляютъ днемъ. Между обезьянами существуетъ лишь нѣсколько видовъ, ведущихъ ночную жизнь; летучія мыши, напротивъ, спятъ почти весь день и лишь немногія появляются изъ своихъ

убѣжищъ, пока солнце еще на небѣ; среди насѣкомоядныхъ и плотоядныхъ, грызуновъ, многокопытныхъ и жвачныхъ есть очень много ночныхъ животныхъ, причемъ нѣкоторые виды изъ наиболѣе беззащитныхъ и стали такими лишь изъ страха передъ преслѣдованіемъ. Животныя сильныя и быстро двигающіяся, а также живущія на деревьяхъ—по большей части дневныя животныя, такъ какъ менѣе опасаются преслѣдованія. Было бы однако слишкомъ смѣло утверждать, что всѣ ночныя животныя трусливѣе, слабѣе, глупѣе и неповоротливѣе дневныхъ, ибо намъ стоитъ только подумать о кошкахъ, куницахъ, оленяхъ и другихъ, которые почти всѣ безъ исключенія бодрствуютъ и днемъ и ночью, чтобы убѣдиться въ противоположномъ. Въ видѣ общаго правила можно однако принять, что болѣе беззащитныя животныя, для которыхъ ихъ мѣстожителство не представляетъ достаточной охраны отъ разныхъ опасностей,—чаще всего дѣятельны по ночамъ.

Во время бодрствованія большая часть млекопитающихъ занимается исключительно отыскиваніемъ пищи. Эта послѣдняя можетъ быть въ высшей степени разнообразна. Всѣ млекопитающія, само собою понятно, или питаются растеніями, или же хищники, пожирающіе другихъ животныхъ. Почти всѣ произведенія обоихъ царствъ природы находятъ себѣ между этими животными любителей. Питающіяся растительной пищей ѣдятъ иногда цѣлыя растенія, напримѣръ, травы, репейникъ, мхи, липная, или отдѣльныя части растеній, какъ: цвѣты, листья, плоды, зерна, сѣмена, орѣхи, вѣтви, сучья, шипы и кору. Хищныя животныя питаются другими млекопитающими или птицами, пресмыкающимися, земноводными, рыбами, насѣкомыми, раками, червями и мягкотѣлыми; одни ѣдятъ лишь добычу, умерщвленную ими самими, другія любятъ падаль; нныя не щадятъ даже себѣ подобныхъ животныхъ.

Это разнообразіе пищи обуславливаетъ и различіе въдобываніи ея, т. е. различіе въ способахъ хватанія и принятія пищи. Нѣкоторыя берутъ пищу руками слонъ суетъ ее въ ротъ съ помощью хобота, но огромное большинство беретъ ее прямо ртомъ, часто схвативъ и удержавъ ее предварительно лапами. Растительная пища отламывается руками или хоботомъ, откусывается зубами, общипывается языкомъ и губами, вырывается хоботомъ изъ земли; напротивъ, животная пища у немногихъ, какъ напримѣръ, у летучихъ мышей, собакъ, выдръ, тюленей и китовъ, прямо берется ртомъ; у другихъ же хватается руками или лапами и подносится ко рту, а у нѣкоторыхъ выкапывается и хоботомъ, такъ: у кротовъ, землероекъ, ежей и свиней.

Млекопитающія ѣдятъ много, однако относительно менѣе, чѣмъ птицы. Это стоитъ въ полномъ согласіи и съ ихъ менѣе значительной живостью. Послѣ ѣды они ищутъ покоя и впадаютъ при этомъ или въ полудремоту, или въ настоящій сонъ. Лишь немногія обнаруживаютъ, какъ сказано, склонность къ играмъ и безполезному движенію; почти одни только дѣтеныши имѣютъ склонность къ этому и умѣютъ своею веселостью расшевелить и снисходительныхъ стариковъ. При хорошей и обильной пищѣ шерсть всѣхъ млекопитающихъ становится гладкой и лоснящейся, и въ клѣтчаткѣ и около органовъ, лежащихъ въ полости тѣла, отлагается много жира, который у нѣкоторыхъ долженъ служить для поддержанія жизни во время голоданія. Именно, у нѣкоторыхъ растительноядныхъ и насѣкомоядныхъ животныхъ пища совершенно изсякаетъ въ теченіе зимы и они слишкомъ малы и слишкомъ слабы, чтобы быть въ состояніи долго выдерживать голодъ. Неспособны къ переселенію въ болѣе теплыя и болѣе богатыя пищей страны, они необходимо погибли бы, если бы природа не позаботилась о нихъ весьма замѣчательнымъ образомъ. Правда, кажется, что они могли бы сами защищать себя, такъ какъ они

строить себѣ подъ землю глубоко лежащія, толсто и мягко выстланныя и потому теплыя жилища, которыя они обильно снабжаютъ также и пищей; однако, природа все же беретъ на себя главную заботу объ ихъ сохраненіи, и собранные запасы служатъ лишь для защиты ихъ отъ голодной смерти въ то время, когда онѣ дѣйствительно нуждаются еще въ пищѣ. Эти млекопитающія, которыя являются настоящими дѣтьми природы, охраняющей ихъ, въ теченіе долгаго времени вовсе не нуждаются въ пищѣ извнѣ, а медленно издерживаютъ, впадая въ сонъ, сходный со смертью, накопленный ими жиръ: они погружаются въ зимнюю спячку.

Когда осень почти оканчивается и наступаетъ зима, животныя, впадающія въ спячку, удаляются въ свои искусственныя, очень теплыя убѣжища, свертываются и скоро впадаютъ въ похоее на сонъ оцѣпенѣніе. Бѣненіе ихъ сердца становится медленнѣе и дыханіе ихъ соотвѣтственно этому необыкновенно ослабляется или прерывается; теплота тѣла уменьшается; члены становятся негибкими и холодными; желудокъ и кишечникъ совершенно опоражниваются и сжимаются. Тѣло получаетъ черезъ это безчувственность, которая въ другихъ случаяхъ не встрѣчается. Для примѣра я упомяну, что сердце сурка, обезглавленнаго во время зимняго сна, билось еще три часа послѣ того, какъ животное было умерщвлено, сначала 16—17 разъ въ минуту, потомъ все медленнѣе, и что отрѣзанная голова обнаруживала еще слѣды раздраженія черезъ полчаса. Зимняя спячка есть кажущаяся смерть; жизнь животнаго проявляется лишь слабыми признаками. Но спасеніе животнаго отъ смерти и возможно лишь при этомъ условіи. Если бы сердце и легкія работали, какъ у живого животнаго, то накопленный лѣтомъ жиръ, котораго должно хватить на нѣсколько мѣсяцевъ, скоро былъ бы истраченъ; но незначительная дыхательная дѣятельность замедляетъ процессъ горѣнія внутри тѣла, что весьма благоприятно для поддержанія жизни. Я сообщилъ уже, что животное, впадающее въ зимнюю спячку, дышетъ въ теченіе своей мнимой смерти приблизительно въ девяносто разъ меньше, чѣмъ во время бодрствованія, и прибавлю, что соотвѣтственно этому понижается и температура тѣла. Измѣреніе, произведенное на находящемся въ спячкѣ суркѣ, дало лишь немного болѣе 8°,75 теплоты по Цельсію, между тѣмъ, какъ при нормальныхъ условіяхъ температура крови у всѣхъ млекопитающихъ достигаетъ отъ 35° до 37°,5. Если спящее животное подвергать охлажденію, то оно погибаетъ отъ холода, если я не ошибаюсь, уже при температурѣ нѣсколько низшей, чѣмъ температура его крови во время спячки, и точно такъ же внезапное согрѣваніе спящаго влечетъ за собою смерть; но если животное постепенно доводить до болѣе и болѣе высокой температуры, то оно постепенно пробуждается и температура его крови, мало по малу, достигаетъ обыкновенной высоты. Впрочемъ, ни одно изъ животныхъ, впадающихъ въ спячку, не выноситъ и такого постепеннаго пробужденія нѣсколько разъ подрядъ: каждая перемѣна во время его полуживого состоянія вредна ему. Этимъ объясняется, конечно, и то, что для своего зимняго пребыванія оно всегда избираетъ, по возможности, глубокія норы и, тщательно заывая ихъ, старается вслѣдствіе защитить себя отъ внѣшняго воздуха и перемѣнъ температуры. Въ высшей степени замѣчательно, что сони, привезенныя къ намъ изъ жаркихъ странъ, точно такъ же впадаютъ зимою въ свой мертвый сонъ, между тѣмъ, какъ на своей родинѣ онѣ дѣлаютъ это именно во время наибольшей жары. Но и изъ этого мы видимъ снова, что время засухи въ жаркихъ странахъ можно сравнить лишь съ нашей зимой, а ни въ какомъ случаѣ не съ нашимъ лѣтомъ. Съ приближеніемъ весны животное, бывшее въ спячкѣ, просыпается и поддерживаетъ свою жизнь сначала тѣми запасами, которые оно собрало въ предшествующее лѣто. Въ началѣ и послѣ своего пробужденія отъ спячки оно спитъ еще часто и

долго, но болѣе обыкновеннымъ образомъ; но коль скоро оно можетъ покинуть свое убѣжище, имъ овладѣваетъ большое возбужденіе: оно тогда предается половой потребности. Лишь болѣе мелкія млекопитающія впадаютъ въ настоящую зимнюю спячку; болѣе крупныя, какъ медвѣдь, спятъ по временамъ, хотя и по цѣлымъ днямъ, а вѣроятно даже и по недѣлямъ, но въ теченіе этого времени все таки принимаютъ пищу, хотя въ небольшомъ количествѣ.

Нѣкоторыя млекопитающія предпринимаютъ иногда путешествія, чтобы улучшить свое положеніе; однако, въ этомъ классѣ не бываетъ, какъ у птицъ, настоящихъ переселеній. Случается, правда, что они оставляютъ одну страну и переходятъ въ другую; но путь, проходимый ими, никогда не бываетъ такъ длиненъ, чтобы его можно было сравнить съ перелетомъ птицъ. Мучимые недостаткомъ пищи лемминги, эти живые и привлекательные обитатели сѣверныхъ горъ и равнинъ, собираются вмѣстѣ большими массами и странствуютъ сообща, спускаясь съ возвышенностей, пытаются даже проложить себѣ путь черезъ морскіе рукава, но при этомъ гибнутъ почти непремѣнно. Южноафриканскія антилопы, сѣверный олень и бизонъ, дикій осель, тюлени и киты приступаютъ по той же причинѣ къ еще болѣе отдаленнымъ странствованіямъ; нѣкоторыя летучія мыши имѣютъ даже ограниченный перелетъ; но всѣ эти путешествія стоятъ безконечно позади путешествій птицъ.

Жизнь млекопитающихъ гораздо однообразнѣе, чѣмъ жизнь подвижныхъ обитателей воздуха. Лишь виды, отличающіеся большимъ развитіемъ умственныхъ способностей, стараются внести въ это однообразіе нѣкоторыя перемѣны, поддерживая какимъ нибудь образомъ сношенія другъ съ другомъ; у нижестоящихъ день раздѣляется между ѣдой и сномъ, сномъ и ѣдой. Время течки всегда нѣсколько измѣняетъ образъ жизни. У большей части млекопитающихъ этотъ періодъ связанъ съ извѣстною частью года, именно, или съ весною, или съ осенью, иногда же и съ зимою, смотря по тому, продолжается ли беременность у животнаго болѣе долгое или болѣе короткое время. Дѣтеныши у млекопитающихъ рождаются чаще всего весною, которая представляетъ для дѣтеныша и для кормящей его самки болѣе обильную пищу; а времени рожденія соответствуетъ и время течки. Въ теченіе этого послѣдняго времени млекопитающее часто является совершенно инымъ, чѣмъ въ остальное время: самцы, которые въ другое время не обращаютъ вниманія на самокъ, собираются около нихъ и обнаруживаютъ большое возбужденіе душевное и тѣлесное. Вмѣстѣ со стремленіемъ къ самкамъ растетъ ревность и ненависть ко всѣмъ соперникамъ: жаркія битвы завязываются между ними и эти битвы сопровождаются громкимъ крикомъ; даже въ душѣ самаго боязливаго млекопитающаго возбуждается мужество и жажда боя. Заяцъ, который олицетворяетъ собою трусость, дерется въ это время съ такимъ-же остервененіемъ, какъ и левъ, хотя онъ и даетъ своему сопернику лишь сильныя оплеухи передними лапами; пугливый олень становится смѣлымъ и даже опаснымъ для человѣка; быки обнаруживаютъ невыразимое бѣшенство; хищники же кажутся болѣе кротко настроенными по отношенію ко всѣмъ постороннимъ существамъ, чѣмъ прежде: ихъ занимаетъ преимущественно любовь. Самцы ухаживаютъ за своими самками самымъ различнымъ образомъ: обезьяны становятся крайне назойливыми и наказываютъ равнодушіе самокъ побоями; собаки, напротивъ, остаются любозны, даже если сука и очень сердито относится къ объясненіямъ въ любви; львы рычатъ такъ, что земля дрожитъ, а влюбленныя львицы дѣлаютъ такіе жесты, какъ будто хотятъ поцѣловать своихъ любовниковъ; кошки страстно воютъ, выражая нѣжность къ предмету своихъ ухаживаній, но такъ раздражительны по отношенію къ соперникамъ, что, при ихъ приближеніи, нѣжные тоны тотчасъ же переходятъ въ высшей степени бѣшеное фыр-

канье; самцы кротовъ тотчасъ запираютъ свою самку въ одинъ изъ своихъ подземныхъ ходовъ, коль скоро она выказываетъ себя слишкомъ жестокой, и даютъ ей здѣсь время одуматься; жвачные также устраиваютъ большія битвы въ честь самокъ, но бываютъ принуждены видѣть, какъ награда побѣдителя часто вырывается у нихъ трусами, которые мудро прятались во время поединка. Самки тоже очень возбуждены; но, тѣмъ не менѣе, сохраняютъ нѣкоторое самообладаніе и чувство приличія; онѣ кусаютъ, бьютъ, бодаютъ и всячески защищаются отъ приближающихся самцовъ, ласки которыхъ онѣ все же наконецъ принимаютъ. Спариваніе происходитъ у многихъ самымъ безобразнымъ и отвратительнымъ для насъ образомъ; коль скоро оно окончено, между обоими полами наступаетъ полное равнодушіе и большая часть самцовъ не заботится болѣе о самкахъ, которымъ они незадолго передъ тѣмъ выказывали столько нѣжности. Прочное соединеніе паръ, продолжающееся болѣе года, встрѣчается, вѣроятно, лишь у нѣкоторыхъ жвачныхъ, именно, маленькихъ видовъ антилопъ и, можетъ быть также, нѣкоторыхъ видовъ китообразныхъ: всѣ остальные соединяются въ пары только на короткое время.

Большую часть достаточно однократнаго совокупленія во время течки млекопитающихъ, чтобы оплодотворить всѣ яички, необходимы для одного помета, хотя число ихъ можетъ колебаться въ весьма значительныхъ предѣлахъ. Болѣе 24 дѣтенышей не рождаетъ сразу ни одно млекопитающее, уже 14 или 16 рѣдко рождаются одновременно. Всѣ большія млекопитающія рождаютъ дѣтенышей въ меньшемъ числѣ и рѣже, чѣмъ болѣе мелкія, у которыхъ плодъ вынашивается уже въ теченіе 3-хъ недѣль послѣ оплодотворенія, причеиъ заботы о дѣтенышахъ со стороны родителей продолжаютъ приблизительно столько же времени, какъ беременность. Тѣ млекопитающія, у которыхъ беременность продолжается болѣе шести мѣсяцевъ, рождаютъ на свѣтъ, болѣею частью, лишь одного дѣтеныша. Лишь одни однопроходныя кладутъ яйца.

Самые роды происходятъ почти всегда скоро и легко, причеиъ посторонняя помощь бываетъ излишня. Одинъ достойный довѣрія человекъ мнѣ разсказывалъ, правда, что онъ наблюдалъ такую помощь у домашнихъ кошекъ и видѣлъ, какъ старая кошка отгрызала пуповину у дѣтенышей болѣе молодой матери; однако этотъ случай стоитъ до настоящаго времени слишкомъ особнякомъ, чтобы можно было, на основаніи его, сказать что либо, имѣющее общее значеніе. Тотчасъ послѣ рожденія мать старательно облизываетъ своихъ дѣтенышей и согрѣваетъ ихъ своимъ тѣломъ. Нѣкоторые грызуны строятъ предварительно гнѣздо и выстлаютъ его своею выщипанной шерстью, чтобы имѣть для своихъ дѣтенышей мягкую колыбель, но значительное большинство мечетъ ихъ на голой землѣ или развѣ въ норѣ, въ которой не устроено гнѣзда. У ехидны положенное яйцо попадаетъ въ развивающуюся незадолго до кладки выводную сумку на брюхѣ матери, у сумчатыхъ новорожденный дѣтенышъ тотчасъ же крѣпко присасывается къ одному изъ сосковъ въ сумкѣ. Послѣдъ жадно пожирается многими животными, которыя иначе никогда не ѣдятъ мяса, какъ напримѣръ, козами, антилопами и дикобразами.

Поворожденные дѣтеныши представляютъ весьма различную степень развитія. У сумчатыхъ они похожи на кусокъ сырого мяса; они вынашиваются и развиваются лишь послѣ рожденія въ кожистой складкѣ на брюхѣ; также и вышедшіе изъ яйца дѣтеныши однопроходныхъ малы и не сформированы. Большая часть хищниковъ рождаются слѣпыми и открываютъ глаза лишь черезъ недѣлю или двѣ; напротивъ, многія млекопитающія являются на свѣтъ очень развитыми и уже спустя немногихъ часовъ послѣ рожденія въ состояніи слѣдовать за матерью. Другія хотя и являются на свѣтъ зрячими, по такимъ безпомощными, что мать должна носить

ихъ съ собою цѣлыя недѣли; такъ, мы видимъ, что дѣти обезьянъ и летучихъ мышей долгое время висятъ на матери, крѣпко уцѣпившись за нее всѣми четырьмя конечностями.

Каждая мать у млекопитающихъ необыкновенно привязана къ своимъ дѣтенямъ и защищаетъ ихъ, подвергая опасности собственную жизнь, противъ всякаго врага, даже противъ отца. Этотъ послѣдній чаще всего вовсе не заботится о нихъ, напротивъ, часто становится имъ даже опасенъ, такъ какъ пожираетъ ихъ, если можетъ до нихъ добраться. Рѣдко принимаетъ онъ косвенное участіе въ уходѣ и воспитаніи своихъ потомковъ: именно, онъ защищаетъ ихъ иногда, если всей семьѣ грозитъ опасность. Тѣмъ больше дѣлаетъ мать: она одна кормитъ, чиститъ, водитъ, наказываетъ и защищаетъ, короче, воспитываетъ своихъ дѣтенышей. Она кормитъ ихъ своимъ молокомъ, пли позднее, охотится для нихъ, лижетъ и чиститъ ихъ, выводитъ ихъ изъ убѣжища или снова уводитъ домой, играетъ съ ними и учитъ ихъ добывать пищу, держитъ ихъ въ повиновеніи, съ помощью наказаній, и храбро сражается за нихъ съ каждымъ врагомъ, который осмѣлился бы напасть на нихъ. Любовь дѣлаетъ ее изобрѣтательной, дружелюбной, кроткой, веселой по отношенію къ своему потомству, съ другой стороны — вспыльчивой и бѣшеной, злой и сердитой къ окружающимъ. Она живетъ лишь для своихъ дѣтей и заботится только о нихъ и, пока они всецѣло поглощаютъ ея вниманіе, она въ значительной степени теряетъ другія свои склонности. Даже самое угрюмое животное пріобрѣтаетъ, во время материнскихъ заботъ, ребячeskій характеръ и склонность къ играмъ, если этого желаетъ ея дѣтище. Безъ преувеличенія можно утверждать, что у нея въ глазахъ можно прочесть любовь и нѣжность, гордость и радость матери: стоитъ только наблюдать собаку, кошку, лошадь, козу въ обществѣ своихъ чадъ:—ни одна человѣческая мать не можетъ болѣе гордиться своимъ ребенкомъ. И онѣ имѣютъ на то полнѣйшее право, ибо всѣ молодыя млекопитающія, коль скоро они до нѣкоторой степени подросли, самыя милыя существа, которыя даже и намъ доставляютъ большое удовольствіе.

На каждой матери у млекопитающихъ можно замѣтить, что она, съ теченіемъ времени, существенно измѣняетъ свое поведеніе по отношенію къ дѣтенямъ. Чѣмъ болѣе подрастаетъ молодежь, тѣмъ холоднѣе становятся отношенія между матерью и дѣтенышемъ: она знаетъ потребности послѣдняго и старается, какъ и вообще каждое животное, какъ можно скорѣе сдѣлать свое потомство самостоятельнымъ. Поэтому она отказываетъ имъ, послѣ извѣстнаго періода сосанія, въ молоко и постепенно пріучаетъ ихъ самихъ отыскивать себѣ пищу. Какъ скоро эта цѣль достигнута и молодое животное стало самостоятельнымъ, кончается и нѣжность между матерью и дѣтенышемъ, и каждый изъ нихъ идетъ теперь своей дорогой, не заботясь другъ о другѣ. Наиболѣе духовно одаренныя животныя, какъ лошади и собаки, доказываютъ намъ, что мать и дитя очень скоро послѣ разлуки становятся настолько чужими, что, встрѣчаясь снова, не узнаютъ болѣе другъ друга, между тѣмъ какъ, напротивъ, мы имѣемъ примѣры того, что братскія отношенія двухъ дѣтенышей могутъ сохраняться довольно долгое время.

Время, необходимое каждому млекопитающему для полнаго возростанія, почти такъ же различно, какъ и величина ихъ. Изъ земныхъ млекопитающихъ человѣкъ рѣшительно требуетъ наибольшаго времени для своего развитія, даже слонъ вырастаетъ скорѣе его. Вѣроятно лишь большія копытныя животныя и величайшія морскія млекопитающія достигаютъ болѣе преклоннаго возраста, чѣмъ человѣкъ. Продолжительность жизни млекопитающаго увеличивается и уменьшается соответственно времени, необходимаго для его полнаго возростанія. Млекопитающихъ средней вели-

чины, достигшихъ десятилѣтняго возраста, уже можно считать старыми животными; у другихъ старость наступаетъ, вѣроятно, лишь послѣ 20 лѣтъ; во всякомъ случаѣ тридцатилѣтній возрастъ, въ которомъ человекъ, какъ извѣстно, достигаетъ лишь полнаго развитія, рѣдокъ между млекопитающими. Старость проявляется точно такъ же, какъ у человека, уменьшеніемъ силъ, сѣднѣемъ волосъ, выпаденіемъ и стираніемъ зубовъ, а также и въ уменьшеніи извѣстныхъ украшеній: такъ, старые олени развиваютъ менѣе значительные рога, чѣмъ животныя въ цвѣтъ силъ, у хищниковъ зубы и когти тупѣютъ, у старыхъ слоновъ часто ломаются бивни или становятся гнилыми и получаютъ трещины. Мы не въ состояніи рѣшить, наступаетъ ли смерть у животныхъ, живущихъ на свободѣ, вслѣдствіе болѣзни или только отъ дряхлости. Больныя прячутся обыкновенно въ самые укромные уголки; раненыя или изувѣченныя животныя у видовъ, живущихъ обществами, покидаются товарищами, даже изгоняются ими; они оканчиваютъ свое существованіе въ одиночествѣ. Мы имѣемъ право предполагать, что животныя умираютъ различнымъ образомъ, молодыми или старыми, и что въ этомъ отношеніи они раздѣляютъ судьбу человека. Встрѣчаются повальные болѣзни, которыя ужаснымъ образомъ свирѣпствуютъ среди животныхъ этого класса; напримѣръ, мыши, которыя иногда размножаются до невѣроятной степени, умираютъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ такой массѣ, что ихъ маленькіе трупы, разлагаясь, заражаютъ воздухъ. Подобныя явленія наблюдались и у болѣе крупныхъ видовъ въ лѣсахъ и на поляхъ Европы, а также и въ далекихъ пустыняхъ.

Животное стоитъ непосредственно подъ властью природы. Смотри по мѣстности и внѣшнимъ обстоятельствамъ, животное живетъ въ изобиліи или терпитъ нужду, мерзнетъ, голодаетъ, томится или внезапно погибаетъ. Нужда гонитъ его изъ привычныхъ мѣстъ часто въ далекія странствованія, пока оно, наконецъ, не падаетъ въ истощеніи и не околѣваетъ. Съ нимъ случаются несчастія, въ которыхъ оно само виновато: переломы костей, потеря зрѣнія или органовъ защиты, что случается отъ невѣрнаго шага, неудачнаго прыжка, битвы съ соперниками. Въ суровыя снѣжныя зимы, во время продолжительныхъ засухъ, млекопитающія умираютъ голодной смертью, иногда же погибаютъ отъ дѣйствія огня и дыма, отъ степныхъ или лѣсныхъ пожаровъ. Ихъ застигаютъ наводненія, и животныя, выбившись изъ силъ, тонутъ въ водѣ; онѣ гибнутъ въ бурю и въ необыкновенную стужу, увлекаются въ глубину лавинами, убиваются иногда падающими съ горъ камнями, раздавливаются падающими деревьями и погибаютъ отъ удара молніи. А сколько ихъ кончаютъ жизньъ подъ зубами и когтями хищниковъ и уничтожаются ловушками, петлями, ядомъ и выстрѣлами человека?

«И животное имѣетъ свою судьбу», говоритъ Шейтлинъ. «Оно зависитъ отъ своихъ отношеній къ природѣ и естественной обстановкѣ, а также и отъ человека, если оно сталкивается съ нимъ, отчасти же и отъ себя самого. Часто оно должно раздѣлять судьбу человека, а человекъ — судьбу животного; оно погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ огнѣ и водѣ, въ битвѣ и въ борьбѣ. Нѣкоторыя лошади — герон, для которыхъ пули не страшны, другія падаютъ отъ первой вражеской пули. Молодой прекрасный жеребенокъ цѣлится чуть не на вѣсъ золота, затѣмъ его объѣзжаютъ и онъ участвуетъ въ призовыхъ скачкахъ; скоро затѣмъ его запрягаютъ въ карету, но все еще кормятъ овсомъ: конемъ еще гордится хозяинъ и кучеръ. Затѣмъ онъ переходитъ къ извозчику; грубыя люди мучаютъ его почти до смерти. Онъ долженъ тащить каждый день свою ношу, какъ рабъ; онъ хромаетъ, но все же долженъ ѣздить. Если онъ сталъ почтовой лошадейю, то ему не лучше. Онъ становится наполовину или совсѣмъ слѣпымъ, въ пахахъ и на запряжкѣ являются

раны отъ ремней, его брюхо изрыто укусами слѣпней. Грубый крестьянинъ купилъ его за нѣсколько талеровъ на жизнь и смерть; его еще нѣсколько лѣтъ кормятъ соломой, погоняютъ, бьютъ по ребрамъ грубыми башмаками и наконецъ, послѣ того, какъ онъ десять разъ изнемогалъ на улицѣ, его закалываютъ или онъ самъ издыхаетъ. Такова судьба многихъ лошадей и судьбу эту раздѣляютъ многія собаки благородныхъ породъ и другія животныя. Она тоже поденщики и ихъ жизнь есть непрерывная борьба за существованіе. Съ высочайшихъ ступеней почета они спускаются до глубочайшаго позора; ихъ жизнь переходитъ отъ крайняго избытка къ самому грызущему голоду, отъ роскошной обстановки и цвѣта юношескихъ силъ къ самой жалкой болѣзни и дряхлости. Къ счастью, низко стоящее животное не сознаетъ своей жестокой судьбы, но печально, что человѣкъ можетъ забывать, что высшія животныя научаются очень хорошо различать хорошее и дурное обращеніе!»

Другія животныя живутъ съ начала до конца въ счастіи и радости. Иную собачку любятъ, какъ ребенка, ласкаютъ, цѣлуютъ, сажаютъ за столъ, отлично кормятъ, поручаютъ заботамъ врачей, оплакиваютъ, хоронятъ; иная понятливая и добродушная собака живетъ счастливѣе, чѣмъ многіе люди, и должна быть довольна своей судьбой. Она раздѣляетъ занятія человѣка, танцуетъ, путешествуетъ и наслаждается жизнью, а надъ ея могилой еще и рыдаютъ. Иную совершенно негодную злую собаку, иную ослѣпшую лошадь кормятъ до самой смерти, а тысячи людей, болѣе заслуживающихъ этого и болѣе нуждающихся, не получаютъ къ старости этой помощи».

Но не только нѣкоторыя вышеупомянутыя домашнія животныя должны служить человѣку своими силами и доставлять ему мясо, кожу, волосы, рога и пометъ, онъ подчинилъ себѣ и сдѣлалъ полезными еще гораздо большее число животныхъ, даже такихъ, которыя не раздѣляютъ съ нимъ его жилища; они должны отдавать ему въ пользованіе свои силы для переноски тяжестей, для ѣзды въ экипажахъ и верхомъ, для войны и охоты, для почтовой и пастушеской службы, для фиглярства и забавы. Въ пищу ему служатъ ихъ мясо, молоко, сало и жиръ и даже ими собраныя запасы. Другія доставляютъ благоуханія, пряности и лекарственныя вещества, очень многія должны давать свой мѣхъ для его одежды, свою шкуру на кожу, свою шерсть на пряжу и ткани, другія доставляютъ рога, слоновую кость, зубы, китовый усъ для разнаго рода промышленности, свой пометъ для удобренія его полей. Такую пользу не можетъ приносить намъ никакой другой классъ животного царства, и потому-то млекопитающія и являются несравненно болѣе важными для человѣческаго хозяйства, чѣмъ все другія животныя, потому-то и можно сказать, что удобная жизнь человѣка, къ какой мы привыкли безъ млекопитающихъ была бы совершенно невозможна. Но и изъ пользы, приносимой намъ млекопитающими, изъ важной помощи, которую они намъ оказываютъ, изъ тѣхъ близкихъ отношеній, въ которыя они съ нами вступаютъ, мы видимъ, какъ близокъ, какъ тѣсно связанъ человѣкъ съ тварями, на которыхъ онъ наложилъ свое ярмо.

Можно группировать нынѣ живущихъ млекопитающихъ различнымъ образомъ, основываясь на ихъ признакахъ. Мы будемъ различать всего 15 отрядовъ: во-первыхъ, обезьянъ, полуобезьянъ и летучихъ мышей, хищниковъ, ластоногихъ, наѣдомоядныхъ и грызуновъ. Эти семь отрядовъ, вмѣстѣ съ неполнозубыми, сумчатыми и однопроходными, можно было бы по ихъ пальцамъ переднихъ и заднихъ конечностей, снабженнымъ ногтями или когтями, обозначить названіемъ когтевыхъ млекопитающихъ. Имъ тогда можно противопоставить отряды хоботныхъ, парно-

копытныхъ и непарнокопытныхъ, у которыхъ пальцы всегда снабжены копытами. Этѣхъ копытныхъ животныхъ прежде обыкновенно дѣлили на двукопытныхъ— жвачныхъ, многокопытныхъ и однокопытныхъ. Къ третьей группѣ могли-бы быть причислены, подъ названіемъ рыбообразныхъ млекопитающихъ, оба отряда китообразныхъ и морскихъ коровъ, у представителей которыхъ не встрѣчается ни ногтей и когтей, ни копытъ.

Болѣе естественнаго раздѣленія перечисленныхъ отрядовъ млекопитающихъ достигаемъ мы, разсматривая отряды однопроходныхъ и сумчатыхъ, какъ двѣ особыя группы и соединяя всѣ остальные отряды въ одинъ третій, главный отдѣлъ.

Каждый зародышъ обезьяны или полуобезьяны, летучей мыши, хищнаго ластоногаго, настькомояднаго, грызуна, хоботнаго, парно—и непарнопалаго, китообразнаго, морской коровы или неполнозуба прикрѣпленъ къ внутренней сторонѣ матки матери съ помощью особыхъ органовъ, послѣда и пуповины, черезъ посредство которыхъ происходитъ питаніе и дыханіе зародыша. Всѣ эти отряды млекопитающихъ должны поэтому составлять подклассъ послѣдовыхъ животныхъ. У сумчатыхъ и однопроходныхъ послѣда нѣтъ, но оба отряда существенно отличаются другъ отъ друга. Лишь однопроходныя имѣютъ общее отверстіе для органовъ пищеваренія, мочевыхъ и половыхъ, клоаку. Лишь они кладутъ яйца съ большимъ желткомъ, снабженныя крѣпкой, похожей на пергаментъ скорлупою, и вообще тѣснѣ примыкаютъ къ остальнымъ классамъ позвоночныхъ. Лишь у нихъ лишены сосковъ органы, служащіе для кормленія дѣтенышей, обладаютъ строеніемъ потовыхъ железъ, между тѣмъ, какъ у всѣхъ остальныхъ млекопитающихъ они, по своему строенію и развитію, должны быть отнесены къ салнымъ железамъ. Если желать различать лишь два главныхъ отдѣла млекопитающихъ, то должно противопоставить всѣмъ остальнымъ млекопитающимъ однопроходныхъ, хотя они и похожи на сумчатыхъ сумчатыми костями и отсутствіемъ послѣда. При настоящемъ состояніи науки является однако болѣе цѣлесообразнымъ держаться еще трехъ подклассовъ: послѣдовыхъ, сумчатыхъ и однопроходныхъ.

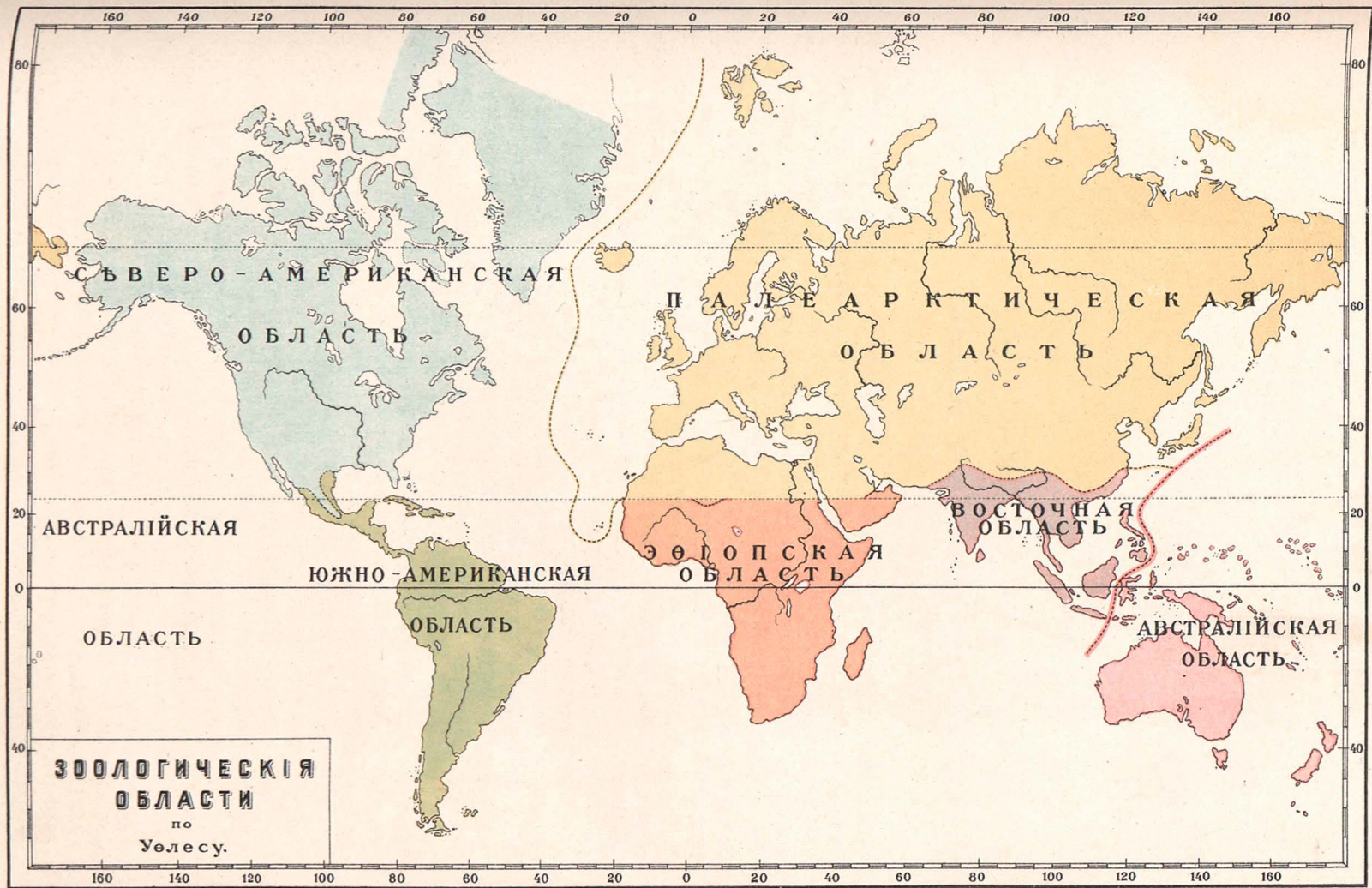
Слѣдующая таблица, въ которой эти три подкласса приведены въ обратномъ порядкѣ, соединяетъ старое дѣленіе по покровамъ пальцевъ съ болѣе новымъ, основаннымъ на строеніи половыхъ и млечныхъ органовъ и на способѣ развитія. Цифры 1—15 указываютъ послѣдовательность отрядовъ, которой мы держимся.

<p>I подклассъ <i>Однопроходныя</i>. Съ клоакой, развитіемъ зародыша безъ образованія послѣда, яйцекладущія, безъ сосковъ, млечные органы, похожіе на потовыя железы, сумчатая кость есть.</p>	<p>15. Однопроходныя.</p>	}	<p>A. Когтевыя млекопитающія.</p>
<p>II подклассъ <i>Сумчатая</i>. Безъ клоаки, развитіе зародыша безъ образованія послѣда, живородящія, съ сосками, млечные органы по типу салныхъ железъ, сумчатая кость есть.</p>	<p>14. Сумчатая.</p>		
<p>III подклассъ <i>Послѣдовыя</i>. Безъ клоаки, развитіе зародыша съ образованіемъ послѣда, живородящія, съ сосками, млечные</p>	<p>1. Обезьяны. 2. Полуобезьяны. 3. Летучія мыши. 4. Хищныя.</p>		

органы по типу сальныхъ железъ,
нѣтъ сумчатыхъ костей.

5. Ластоногія.	}		
6. Насѣкомоядныя.			
7. Грызуны.			
8. Неполнозубыя.	}		
9. Хоботныя.			
10. Непарнопалыя.			
11. Парнопалыя.	}	В. Копытныя млекопитающія.	
12. Морскія коровы.		}	С. Рыбообразныя млекопитающія.
13. Китообразныя.			

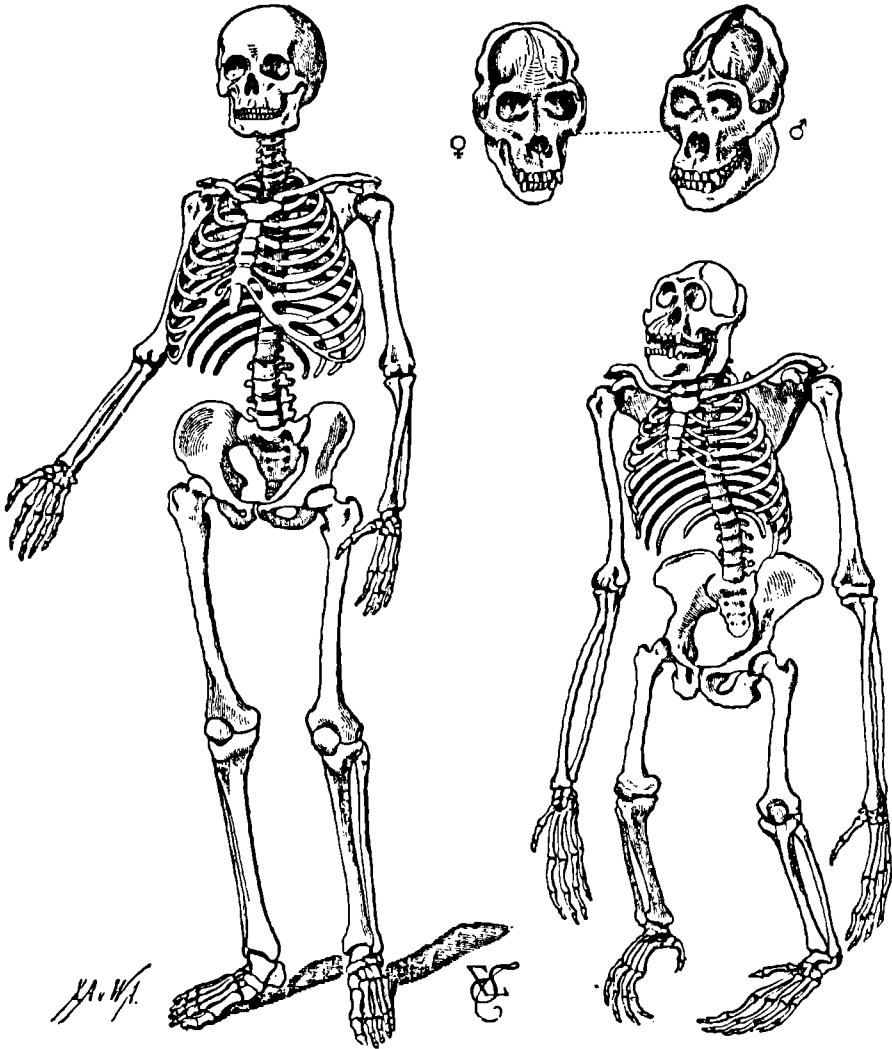
Отрядъ I.

Обезьяны (Pithec).

Изъ древнихъ народовъ, повидимому, только индѣйцы и египтяне питали нѣкоторую симпатію къ обезьянамъ. Древніе египтяне высѣкали ихъ изображенія изъ прочнаго порфира и придавали своимъ богамъ часто внѣшній видъ обезьянъ; древніе индѣйцы точно такъ, какъ и ихъ нынѣшніе потомки, строили для обезьянъ особые дома и храмы. Царь Соломонъ, по библейскому сказанію, выписывалъ обезьянъ изъ Офира. Римляне держали ихъ для удовольствія въ своихъ домахъ, а также изучали по ихъ трупамъ внутреннее строеніе человѣческаго тѣла; ихъ забавляла смѣшная переимчивость этихъ животныхъ, и они для забавы заставляли обезьянъ бороться съ дикими звѣрями въ циркѣ. Впрочемъ, гордые римляне никогда не приравняли обезьянъ къ себѣ и считали ихъ вполне звѣрями, точно такъ, какъ и Соломонъ. Арабы смотрятъ на дѣло иначе: они видятъ въ обезьянахъ правнуковъ и потомковъ нечестивыхъ людей, для которыхъ нѣтъ ничего святого, ни достойнаго уваженія, которымъ чуждо понятіе о добрѣ и злѣ, которые не сближаются ни съ какими другими существами, созданными Господомъ Богомъ, и которые прокляты съ того дня, когда они, по суду Всевышняго, превращены изъ людей въ обезьянъ; существа эти осуждены Аллахомъ на вѣчныя времена носить въ себѣ отвратительное соединеніе человѣческаго подобія и бѣсовской внѣшности. Мы, европейцы, болѣе склонны видѣть въ обезьянахъ карикатуру на человѣка, а не существа, имѣющія сходство съ нами по строенію своего тѣла; болѣе всего привлекательными кажутся намъ тѣ обезьяны, которыя наименѣе похожи на человѣка, между тѣмъ, какъ тѣ виды, у которыхъ человѣкоподобіе наиболѣе бросается въ глаза, намъ почти всегда противны. Нерасположеніе наше къ этимъ существамъ основывается какъ на наружномъ ихъ видѣ, такъ и на душевныхъ ихъ свойствахъ. Намъ одинаково поражаетъ какъ сходство обезьянъ съ человѣкомъ, такъ и отлічіе отъ насъ. Наружность человѣка представляетъ собою полную пропорціональность и гармонию, въ обезьянахъ же гармонія эта превращается въ непріятное безобразіе. Достаточно одного взгляда на скелеты человѣка и обезьяны, чтобы замѣтить въ нихъ очень существенныя различія, но при внимательномъ изученіи различія эти вовсе не такъ поразительны, какъ это съ перваго раза кажется. Во всякомъ случаѣ, совершенно несправедливо считать обезьянъ какими-то существами, обиженными природою, какъ это легкомысленно дѣлаютъ нѣкоторые писатели: нѣкоторыя обезьяны дѣйствительно весьма красивы, другія, напротивъ, очень безобразны, но и между людьми мы ви-

димъ то же различіе: никто не можетъ считать эскимоса, бушмена и уроженца Новой Голландіи за идеалы человѣческой красоты. Сами по себѣ обезьяны могутъ считаться вполне хорошо организованными животными, но, въ сравненіи съ красивымъ европейцемъ, онѣ, конечно, всегда будутъ карикатурными существами.

Величина обезьянъ очень разнообразна; горилла ростомъ съ большого чело-

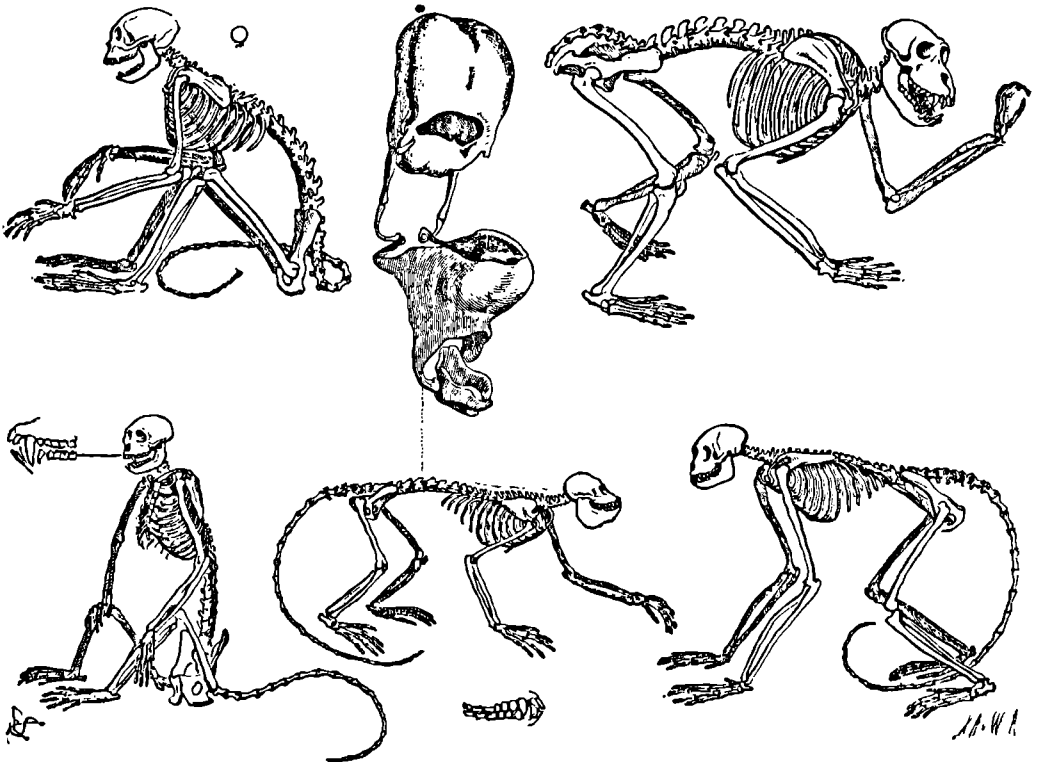

Скелетъ челоѣка и гориллы; ♀ — черепъ самца гориллы, ♂ — черепъ самки.
(Изъ берлинскаго анатомическаго музея).

вѣка, игрушка не больше бѣлки. И строеніе тѣла ихъ довольно разнообразно; въ общихъ чертахъ можно раздѣлить обезьянъ на три группы: челоѣкоподобныя, собакоподобныя и векшеподобныя, чтѣ въ большинствѣ случаевъ лучше характеризуетъ ихъ фигуру, чѣмъ длинныя описанія. Нѣкоторыя изъ нихъ массивны, другія — стройны, однѣ неуклюжи, а нѣкоторыя очень граціозны. Конечности обезьянъ бывають иногда коротки и мускулисты, иногда же тонки и длинны; у большинства изъ нихъ длинныя хвосты, по у нѣкоторыхъ хвостъ короткій, а есть и совсѣмъ

безхвостыя. Точно также разнообразенъ и волосяной покровъ: у нѣкоторыхъ обезьянъ кожа покрыта жидкими и короткими волосами, у другихъ же шерсть густая и длинная, такъ что образуетъ настоящій мѣхъ. Цвѣтъ шерсти чаще всего бываетъ темный, но встрѣчаются иногда мѣста, покрытыя ярко окрашенными волосами; голыя мѣста на тѣлѣ иногда окрашены чрезвычайно ярко, что поражаетъ нашъ глазъ и кажется противнымъ. Между обезьянами встрѣчаются и альбиносы. Въ Сіамѣ, въ странѣ бѣлаго слона, гдѣ вообще альбиносы въ модѣ, бѣлый обезьяны также высоко чтутся.

Несмотря на разнообразіе внѣшняго строенія разныхъ видовъ обезьянъ, внутреннее строеніе ихъ тѣла довольно однообразно. Въ скелетѣ ихъ замѣчается отъ

Скелетъ самки хульмана.
Ск. маримонды.

Голосовые мѣшки ревуна.
Ск. ревуна.

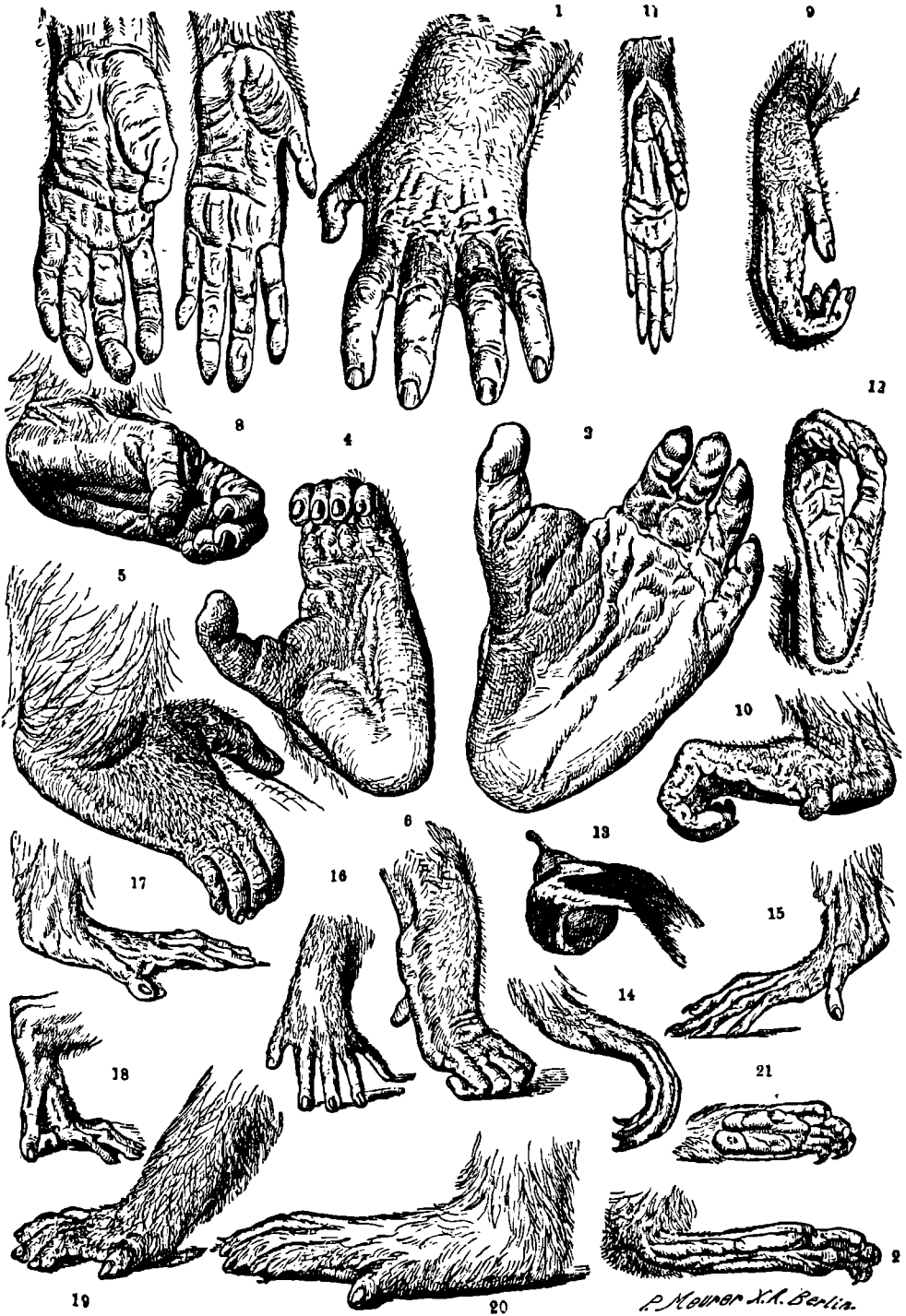
Скелетъ павіана.
Ск. маргышкп.

12 до 16 грудныхъ позвонковъ, отъ 4—9 поясничныхъ, отъ 2—5 крестцовыхъ и отъ 3—33 хвостовыхъ. Ключица всегда сильно развита; кости предплечья не срастаются и очень подвижны; кости запястья удлиннены, а суставы пальцевъ иногда довольно коротки; на заднихъ конечностяхъ очень сильно развитъ большой палецъ, который, какъ у человѣческой руки, можетъ быть противопоставленъ всѣмъ другимъ пальцамъ. Черепъ бываетъ довольно разнообразной формы, смотря по развитію лицевой и мозговой части; глаза расположены спереди и лежатъ во впадинахъ, окруженныхъ сильно выдающимися костями; скуловые же дуги мало выдаются. Зубная система у обезьянъ полная: на каждой сторонѣ челюсти, какъ верхней, такъ и нижней, замѣчается по два рѣзца, по одному сильно развитому клыку, подваили потри ложнокоренныхъ и потри настоящихъ коренныхъ зуба съ плоско-бугорчатими верхушками.

Однимъ словомъ, зубы обезьянъ мало отличаются отъ зубовъ человѣка. Между мускулами особенно замѣчательны мускулы руки, такъ какъ они представляютъ не столь сложную систему мышць, какъ на рукѣ человѣка. Устройство гортани таково, что оно не позволяетъ обезьянамъ разнообразить звуки въ такой мѣрѣ, какъ это дѣлаетъ человѣкъ. Пузыреобразныя раздутія дыхательнаго горла у нѣкоторыхъ обезьянъ способствуютъ образованію рѣзкихъ и воющихъ звуковъ. У нѣкоторыхъ видовъ обезьянъ замѣчается развитіе защечныхъ мѣшковъ, т. е. особыхъ расширеній внутреннихъ стѣнокъ рта, которые соединены съ полостью рта особымъ отверстіемъ и служатъ для временнаго сохраненія пищи. У мартышекъ и павіановъ защечные мѣшки развиты сильнѣе, чѣмъ у другихъ, и мѣшки эти спускаются ниже челюсти, у тощихъ же защечные мѣшки не велики, у человѣкообразныхъ и у обезьянъ Новаго Свѣта ихъ вовсе нѣтъ.

Обезьянъ часто называютъ *четыреукими* и противопоставляютъ ихъ *двурукимъ*, т. е. человѣку, вслѣдствіе различнаго строенія переднихъ и заднихъ конечностей. Безъ всякаго сомнѣнія, обезьяны значительно отличаются отъ человѣка по строенію рукъ и ногъ, но различіе это съ анатомической точки зрѣнія не особенно велико. Если сравнить руки и ноги человѣка съ руками и ногами обезьяны, то оказывается, что органы эти устроены по одному и тому же типу. Большой палецъ, противопоставляемый другимъ пальцамъ, встрѣчается у человѣка только на переднихъ конечностяхъ, у игрунковыхъ—только на заднихъ, а у прочихъ обезьянъ—и на переднихъ и на заднихъ конечностяхъ. Было бы несправедливо отрицать различіе между строеніемъ ногъ человѣка и заднихъ конечностей обезьянъ, но на этомъ различіи не слѣдуетъ основывать какихъ-либо систематическихъ раздѣленій. Для того, чтобы доказать вышеприведенное мнѣніе, опишемъ подробно руку и ногу молодого живого шимпанзе. Рука имѣетъ среднюю величину и, вслѣдствіе своей узкости, кажется очень длинной: ширина ея въ серединѣ ладони равняется 5 см., длина—13 см.*). Большой палецъ поразительно малъ, слабъ и такъ коротокъ, что когда онъ приложенъ къ ладони, то конецъ его достигаетъ лишь нижняго сустава указательнаго пальца. Прочіе пальцы расположены относительно ладони точно такъ, какъ и у человѣка, но толще и сильнѣе большого пальца; особенно это замѣтно у двухъ среднихъ пальцевъ, между тѣмъ какъ указательный и малый палецъ, въ сравненіи съ человѣческими, короче и слабѣе. Ногтевой суставъ поразительно малъ и показываетъ у всѣхъ пальцевъ одинаковое правильное строеніе. Ногти, въ сравненіи съ человѣческими, также малы. Большой палецъ можетъ быть противопоставленъ прочимъ пальцамъ точно такъ, какъ и на человѣческой рукѣ, и другіе пальцы могутъ быть раздвинуты далеко другъ отъ друга, какъ и у человѣка; по крайней мѣрѣ съ чужою помощью живая рука шимпанзе допускаетъ очень свободныя движенія пальцевъ, но произвольныя движенія пальцевъ этой руки, кажется, болѣе ограничены, чѣмъ на нашей рукѣ. Нога почти такой же длины, какъ и рука, именно 12,8 см., но кажется шире руки, а у основанія пальцевъ, дѣйствительно, шире ея на $\frac{1}{2}$ см. Пальцы длиннѣе, чѣмъ у человѣка; особенно сильно развитъ большой палецъ; длина средняго пальца 3,8 см., а большого пальца—4,6 см. Этотъ палецъ можетъ быть противопоставленъ другимъ пальцамъ такъ же хорошо, какъ и на рукѣ, но шимпанзе можетъ безъ особыхъ усилій такъ плотно прижать его къ ладони, что никакого промежутка не остается. Во всемъ прочемъ нога шимпанзе совсѣмъ похожа на ногу человѣка, даже складки кожи на нижней поверхности ступни одинаковы съ человѣческими, хотя, конечно,

*) См.—сантиметръ, $\frac{1}{100}$ метра.

Кость и ступня различных обезьянъ. 1—2 гориллы; 3—8 шимпанзе; 9—10 орангъ-утанга; 11—13 гиббона; 14—15 гуэрецы; 16—18 китайской обезьяны; 19—20 бабуина; 21—22 игрунки.

вслѣдствіе подвижности большого пальца онѣ глубже и получили пѣсколько другое направленіе. Переднія и заднія конечности покрыты волосами до запястья и плюсны, но кисть руки и вся ступня — голыя. Однимъ словомъ, основное различіе между конечностями обезьяны и человѣка найти трудно, и различіе это происходитъ главнымъ образомъ отъ способа употребленія этихъ органовъ. Прилагаемые рисунки ясно указываютъ на то, что и у обезьянъ существуетъ различіе между руками и ногами. Несмотря на большое сходство между человѣкомъ и обезьяной, между ними замѣчаются однако и значительныя различія. Къ наиболѣе важнымъ отличіямъ слѣдуетъ отнести сравнительно тонкое и покрытое волосами туловище обезьянъ, ихъ длинныя переднія конечности, тонкія заднія конечности безъ икръ, сѣдалищныя наросты, встрѣчающіеся почти у всѣхъ видовъ, длинный хвостъ, замѣчаемый у многихъ обезьянъ, а главное, иное строеніе головы, у которой поражаетъ выдающаяся морда, отодвинутая назадъ, незначительная по величинѣ мозговая часть черепа и тонкія, втянутыя внутрь губы.

Очень описываетъ обезьянъ въ сравненіи съ человѣкомъ слѣдующими словами: «Обезьяны похожи на человѣка во всемъ безнравственномъ и дурномъ: онѣ злы, лицемѣрны, коварны, непристойны и вороваты; онѣ, правда, научаются многимъ штукамъ, но непослушны и любятъ прерывать свои занятія какою нибудь совершенно неожиданною проказою. Обезьянамъ нельзя приписать ни одной добродѣтели и человѣку онѣ не приносятъ никакой пользы. Случается, что онѣ стерегутъ домъ, охраняютъ имущество, прислуживаютъ, но все это дѣлается только до тѣхъ поръ, пока имъ не взбредетъ на умъ какое либо дурачество. Какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи онѣ представляютъ собою лишь худую сторону человѣка». Нельзя отрицать, что описаніе это почти совершенно вѣрно. Надо, однако, признать и хорошія стороны въ обезьянахъ. Судить о нравственныхъ свойствахъ всего отряда довольно трудно, потому что различныя семейства и роды обезьянъ отличаются одни отъ другихъ многими противоположными качествами. Справедливо, что обезьяны злы, коварны, гнѣвны, мстительны, чувственны, сварливы, раздражительны, однимъ словомъ, подвержены многимъ аффектамъ, но не слѣдуетъ упускать изъ виду ихъ понятливость, веселость, кроткій нравъ, ласковость и довѣрчивость къ человѣку, ихъ умѣнье придумывать себѣ занятія, ихъ забавную серьезность, общежительность, храбрость и постоянное попеченіе о благѣ своихъ товарищей; ихъ мужество при защитѣ общества не только отъ слабѣйшихъ, но и отъ сильнѣйшихъ враговъ. Но больше всего въ нихъ развита любовь къ своимъ дѣтенышамъ; онѣ часто переносятъ эту любовь на слабыхъ дѣтенышей другихъ животныхъ. Умственное развитіе, доступное обезьянѣ, не такъ сильно превосходитъ развитіе прочихъ млекопитающихъ, какъ обыкновенно думаютъ. Руки, которыми обладаютъ обезьяны, даютъ имъ передъ другими животными столь значительныя преимущества, что ихъ движенія и дѣйствія кажутся болѣе совершенными, чѣмъ они оказываются на самомъ дѣлѣ. Обезьяны очень понятливы, и переимчивость, которою большинство изъ нихъ обладаетъ, помогаетъ имъ легко научиться нѣкоторымъ, довольно сложнымъ дѣйствіямъ. Поэтому обезьяна часто выучивается, послѣ сравнительно немногихъ упражненій, различнымъ штукамъ, которымъ собака, напримѣръ, научается съ большимъ трудомъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что обезьяны неохотно исполняютъ то, чему научились, и никогда не обнаруживаютъ при этомъ той доли удовольствія и сознательности, которая часто замѣчается у нѣкоторыхъ другихъ животныхъ, близкихъ человѣку. Не трудно приучить обезьяну къ прислуживанію человѣку, но никогда она не исполнитъ этого такъ усердно и съ такою, можно сказать, добросовѣстностью, съ какою это дѣлаетъ

благовоспитанная собака. Слѣдуетъ при этомъ, однако, замѣтить, что человѣкъ воспитываетъ собакъ въ продолженіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, заботится о нихъ, учитъ ихъ и такимъ образомъ совершенно переначилъ природныя способности собакъ, между тѣмъ какъ обезьяны никогда не были очень близки къ человѣку. Изъ нижеслѣдующаго можно видѣть, до какой степени доходить понятливость обезьянъ, и это доказываетъ, что ихъ всетаки слѣдуетъ отнести къ числу самыхъ умныхъ животныхъ. Онѣ имѣютъ прекрасную память и умѣютъ пользоваться своимъ опытомъ. Съ истинною проницательностью и хитростью понимаютъ онѣ свои выгоды, обнаруживаютъ замѣчательное искусство въ притворствѣ, и знаютъ, какъ скрыть зловредныя намѣренія, зрѣющія въ ихъ головѣ. Обезьяны умѣютъ ловко избѣгать опасностей и очень удачно придумываютъ средства къ защитѣ. У нихъ замѣчается и довольно сильное развитіе сердечныхъ чувствъ: онѣ способны любить и привязываться къ другимъ существамъ, часто бываютъ благодарны и показываютъ расположеніе къ тѣмъ лицамъ, которыя дѣлаютъ имъ добро. Павіанъ, жившій у меня, всегда показывалъ мнѣ постоянное расположеніе, хотя легко дружилъ и съ другими лицами, но эта послѣдняя дружба была не сильна, такъ какъ онъ часто кусалъ новаго пріятели, какъ только я приближался къ нимъ. Подобную одностороннюю привязанность замѣчалъ я у всѣхъ обезьянъ, которыхъ мнѣ случалось наблюдать. Привязанность, замѣчаемая у всѣхъ обезьянъ относительно ихъ родичей, доказываетъ также, что у этихъ животныхъ развито сердечное чувство. Другія животные часто покидаютъ раненыхъ и больныхъ товарищей, нѣкоторыя даже убиваютъ и сѣдаютъ ихъ; обезьяны же стараются, при бѣгствѣ, унести не только своихъ раненыхъ, но и убитыхъ. Любовь ихъ, однако, точно такъ же непостоянна, какъ и другія свойства ихъ характера. Стоитъ только посмотреть на лицо обезьянъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ часто мѣняется у нихъ состояніе духа. Подвижность лица поразительна; на немъ замѣчаются въ быстрой послѣдовательности всевозможныя выраженія: радость и печаль, доброта и гнѣвъ, похоть и спокойствіе, однимъ словомъ, всевозможныя аффекты и страсти. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что это быстрое измѣненіе выраженія лица нисколько не мѣшаетъ обезьянамъ въ то же самое время прыгать, лазать и продѣлывать всевозможныя гимнастическія упражненія.

Замѣчательно, что всѣхъ обезьянъ, несмотря на ихъ умъ, можно обманывать очень легко. Страсть почти всегда у нихъ одерживаетъ побѣду надъ рассудительностью. Если въ нихъ возбужденъ аффектъ, онѣ уже не замѣчаютъ самыхъ грубыхъ западней и совершенно забываютъ осторожность, увлекаясь желаніемъ удовлетворить свою похоть. Замѣчаніе это относится даже къ самымъ умнымъ обезьянамъ; но изъ этого нельзя вывести заключенія о слабости ихъ умственныхъ способностей. Развѣ то же самое не случается иногда съ людьми?

Палеонтологическія изысканія намъ указываютъ, что въ прежнія времена распространеніе обезьянъ было болѣе обширно, чѣмъ теперь. Нынѣ онѣ живутъ только въ жаркихъ странахъ земного шара, такъ какъ равномерная теплота въ теченіе всего года для нихъ необходима. Нѣкоторыя павіаны поднимаются въ горныхъ странахъ до значительной высоты и тамъ переносятъ довольно низкую температуру, но всѣ другія обезьяны очень чувствительны къ холоду. Въ каждой изъ частей свѣта есть свои особыя породы обезьянъ, только одинъ видъ живетъ одновременно и въ Африкѣ и въ Азіи; въ Австраліи обезьянъ вовсе нѣтъ. Въ Европѣ встрѣчается только одинъ видъ обезьянъ, и то въ небольшомъ числѣ экземпляровъ: онѣ живутъ на Гибралтарской скалѣ, подъ защитою англійскихъ орудій. Впрочемъ, Гибралтаръ не есть самая сѣверная мѣстность, гдѣ встрѣчаются обезьяны: японская марышка поднимается еще дальше на сѣверъ, именно до 37° с. ш. Въ южномъ

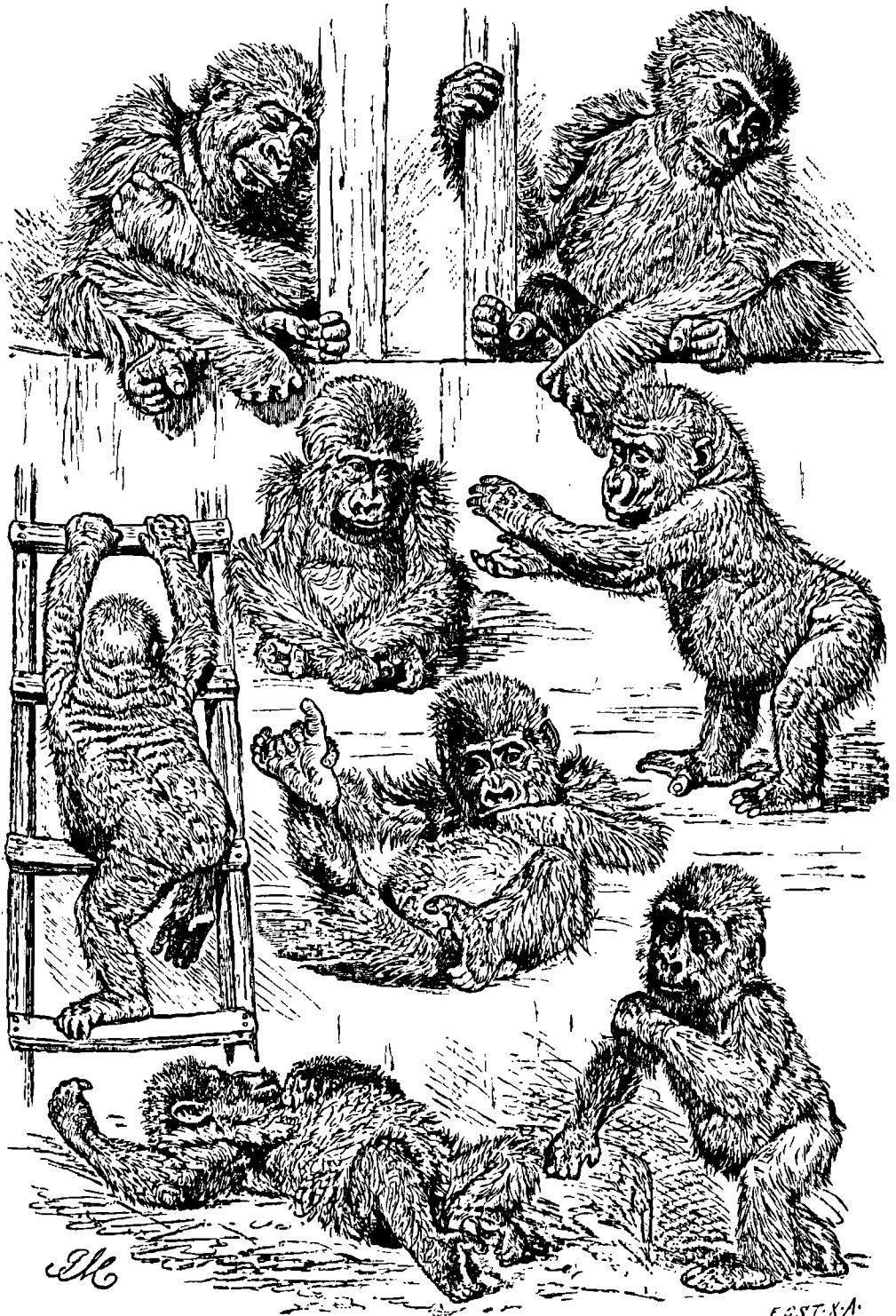
полушаріи обезьяны достигаютъ до 35° ю. ш. и то только въ Старомъ Свѣтѣ; въ Америкѣ же область распространенія обезьянъ простирается отъ 28° с. ш. до 29° ю. ш.

Область распространенія каждаго вида обезьянъ довольно ограничена, хотя можно замѣтить, что въ отдаленныхъ странахъ одной и той же части свѣта встрѣчаются породы обезьянъ, другъ на друга очень похожія.

Большинство обезьянъ живетъ въ лѣсахъ; только небольшое количество видовъ предпочитаетъ скалистыя горныя мѣстности. Строеніе тѣла этихъ животныхъ такъ хорошо приспособлено къ лазанью, что большія деревья составляютъ любимое мѣсто ихъ пребыванія; обезьяны, живущія на скалахъ, лазаютъ на деревья только въ случаѣ крайней нужды.

Обезьяны безспорно принадлежатъ къ числу самыхъ живыхъ и подвижныхъ млекопитающихъ животныхъ. Выйдя надобчу, онѣ неостаются ни минуты въ покоѣ; эта подвижность обусловливается, между прочимъ, и разнообразіемъ ихъ пищи. Обезьяны ѣдятъ все съѣдобное, но главную часть ихъ пищи все-таки составляютъ растительныя вещества: плоды, луковицы, клубни, корни, сѣмена, орѣхи, почки, листья и сочные стебли; отъ насѣкомыхъ онѣ также не отказываются, а яйца и птенцы птицъ составляютъ для многихъ обезьянъ лакомство. Во время своихъ поисковъ онѣ постоянно что-нибудь разсматриваютъ, хватаютъ, срываютъ, обнюхиваютъ и откусываютъ, а затѣмъ или съѣдаютъ, или бросаютъ. Исслѣдованія эти, конечно, не могутъ обойтись безъ суеты, поэтому стадо обезьянъ находится въ постоянномъ движеніи. Объ уваженіи къ чужой собственности обезьяны не имѣютъ никакого понятія: «Мы сѣмъ, а собираютъ жатву обезьяны», говорятъ арабы восточнаго Судана. Засѣянные поля и сады самымъ усерднымъ образомъ посѣщаются обезьянами и онѣ ихъ грабятъ немилосердно. Каждая обезьяна опустошаетъ, если только ей не помѣшаютъ, вдсятеро больше, чѣмъ съѣсть. Отъ этихъ грабителей не спасаютъ ни замки и задвижки, ни плетни и заборы; онѣ искусно отворяютъ задвижки, перелѣзаютъ черезъ стѣны и что не съѣдятъ, то захватываютъ съ собой, не исключая золота и драгоценныхъ камней, которые, повидимому, имъ очень нравятся. Только тотъ, кто самъ видѣлъ подобное стадо грабителей, можетъ понять, до какого отчаянія способны довести обезьяны сельскаго хозяина; но для посторонняго человѣка зрѣлище, представляемое набѣгомъ этихъ ловкихъ и увертливыхъ животныхъ, кажется весьма забавнымъ. При этомъ замѣчаются всякія продѣлки. Обезьяны бѣгаютъ, скачутъ, кувыркаются, въ случаѣ необходимости и плаваютъ. Движенія, выдѣлываемыя ими на вѣтвяхъ деревьевъ, превосходятъ всякое описаніе. Только большія обезьяны и павіаны немного неуклюжи, прочія же—настоящіе акробаты; онѣ точно летаютъ. Прыжки въ 6—8 метровъ ширины для нихъ ничто; съ высоты дерева онѣ легко спрыгиваютъ на конецъ вѣтки, лежащей на 10 метровъ ниже; вѣтка эта отъ толчка сильно наклоняется, затѣмъ выпрямляется и даетъ обезьянѣ толчекъ вверхъ и отъ этого толчка она, какъ стрѣла, пронизываетъ воздухъ, дѣйствуя хвостомъ и ногами, какъ рулемъ. Вскочивъ, такимъ образомъ, благополучно на другое дерево, она быстро пробирается дальше, искусно избѣгая самыхъ страшныхъ колючекъ. Вьющееся растеніе для нихъ служитъ весьма удобной лѣстницей, древесный стволъ—торной дорогой; онѣ лазаютъ и впередъ и назадъ, вверхъ и внизъ головою, по сучьямъ и подъ ними. Если обезьяна сорвется съ верхушки дерева, она схватится на-лету за вѣтку и будетъ спокойно ждать, пока вѣтка перестанетъ качаться; тогда она вскарабкается по ней и полѣзетъ дальше; если вѣтка обломится, обезьяна, падала, схватитъ другую, не выдержитъ и эта—попадется третья, а впрочемъ и на землю упасть имъ

Различныя положенія гориллы.

нипочемъ. Чего нельзя схватить руками, онъ хватаютъ задними конечностями, а американскія обезьяны — хвостомъ. Хвостъ обезьянъ имѣетъ самыя разнообразныя назначенія: при далекихъ прыжкахъ онъ служитъ рулемъ, а иногда подъемнымъ канатомъ для другой обезьяны.

У обезьянъ Новаго Свѣта хвостъ есть пятая, можно сказать, самая важная, конечность; на немъ онъ висятъ, качаются, имъ достается пища изъ разсѣлинъ и щелей; посредствомъ него обезьяна влѣзаетъ вверхъ на вѣтку; даже во время сна хвостъ этотъ не ослабляетъ своего сжатія.

Но легкость и грація въ движеніяхъ обезьянъ замѣтны только при лазаньи. Даже крупныя безхвостыя обезьяны Стараго Свѣта лазаютъ прекрасно, хотя движенія ихъ при этомъ болѣе похожи на движенія человѣка, чѣмъ другихъ обезьянъ. Походка же ихъ болѣе или менѣе тяжела и неуклюжа.

Мартышки, цѣпкохвостыя обезьяны Новаго Свѣта и игрунки ходятъ лучше другихъ, особенно мартышки, которыя бѣгаютъ такъ скоро, что собакѣ ихъ трудно догнать; павіаны же ковыляютъ при ходьбѣ самымъ забавнымъ образомъ. Походка такъ-называемыхъ человѣкообразныхъ обезьянъ такъ отличается отъ человѣческой, что едва ли она можетъ быть названа ходьбой. Человѣкъ при ходьбѣ касается земли всей ступней, обезьяны же опираются на согнутые пальцы переднихъ рукъ и неуклюже подбрасываютъ туловище впередъ, выкидывая заднія конечности между передними, которыя для этого нѣсколько разставлены въ стороны; движеніе это сходно съ походкой человѣка на костыляхъ. При этомъ обезьяна опирается на сжатые кулаки переднихъ конечностей и на внѣшній край ступни заднихъ, средніе пальцы которыхъ часто также подгибаются внизъ, а большой палецъ отставляется въ сторону, чтобы служить опорой. Гиббоны, повидимому, такъ ходить не могутъ; они при ходьбѣ часто опираются только на заднія конечности, разставляя, по возможности, пальцы и откидывая большой палецъ, до образованія прямого угла со ступней; при этомъ разставленныя переднія конечности служатъ для баланса и поднимаются все выше и выше при увеличеніи быстроты движенія.

Почти всѣ обезьяны могутъ недолгое время стоять и ходить на однѣхъ заднихъ конечностяхъ, но когда онѣ теряютъ равновѣсіе, то падаютъ на выставленныя переднія конечности; при быстромъ же движеніи (особенно когда ихъ преслѣдуютъ), всѣ обезьяны бѣгаютъ на четверинкахъ. Прилагаемая здѣсь таблица наглядно указываетъ различныя движенія и положенія тѣла человѣкообразныхъ обезьянъ. Помѣщенныя въ другихъ частяхъ этого тома изображенія покажутъ подобныя же движенія у другихъ семействъ этихъ животныхъ.

Нѣкоторые виды обезьянъ плаваютъ превосходно, другіе тонутъ легко; къ первымъ принадлежатъ мартышки, которыя при мнѣ быстро и спокойно переплывали Голубой Нилъ; къ послѣднимъ слѣдуетъ отнести, вѣроятно, павіановъ, а также и ревуновъ; при насъ утонулъ одинъ павіанъ, котораго мы вадумали купать. Обезьяны, не умѣющія плавать, боятся воды въ высшей степени: разъ нашли въ Америкѣ семью едва живыхъ ревуновъ на деревѣ, которое во время наводненія было наполовину погружено въ воду; обезьяны эти не пытались спастись по водѣ на другія деревья, которыя были всего въ шестидесяти шагахъ.

Уллоа, естествоиспытатель, который описываетъ бразильскихъ животныхъ придумалъ для неумѣющихъ плавать обезьянъ отличный мостъ, который могъ бы принести имъ большую пользу, еслибы онѣ дѣйствительно могли имъ воспользоваться. Естествоиспытатель этотъ рассказываетъ, что ревуны хватаютъ другъ друга руками за хвостъ, такъ что все стадо образуетъ длинную цѣпь; задняя

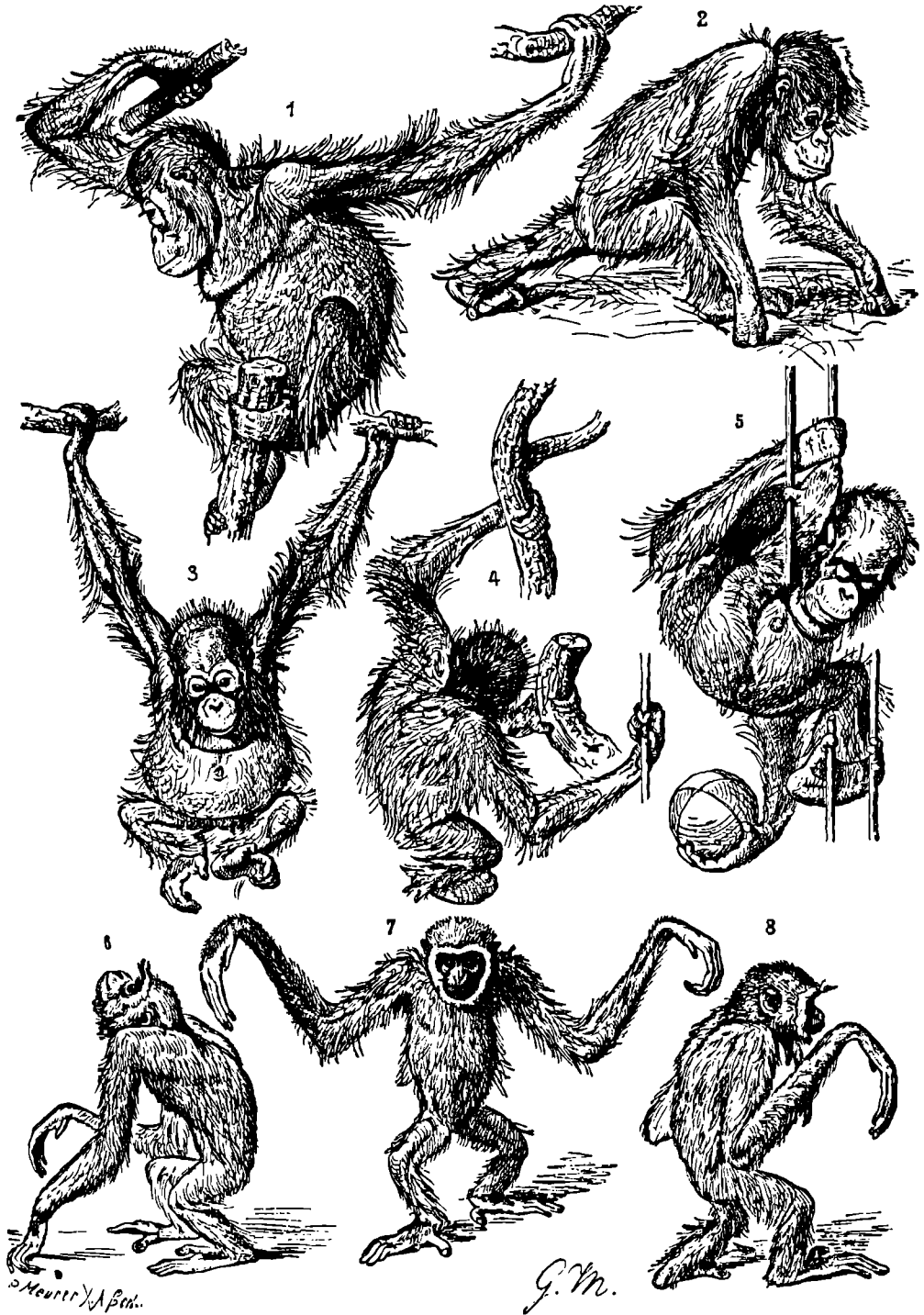
Различныя положенія шимпанзе.

обезьяна крѣпко прицѣпляется хвостомъ за верхнюю вѣтку какого нибудь дерева на берегу, затѣмъ вся цѣпь соединенными стараніями раскачивается до тѣхъ поръ, пока передняя обезьяна не успѣетъ ухватиться за дерево, находящееся на другомъ берегу рѣки. По этому мосту проходятъ сначала дѣтеныши и слабыя особи, затѣмъ задняя обезьяна отцѣпляется, а переднія соединенными усиліями перетягиваютъ къ себѣ всю цѣпь.

Принцъ фонъ-Видъ, очень добросовѣстный наблюдатель, называетъ этотъ рассказъ забавною баснею, что, конечно, и справедливо.

Конечности обезьянъ обладаютъ очень большою силою и потому эти животныя могутъ поднимать тяжести, которыя даже человѣку были бы не по силамъ: жившій у меня павіанъ могъ висѣть нѣсколько минутъ на одной рукѣ и легко приподнималъ на ней вверхъ свое тучное тѣло.

Общественная жизнь обезьянъ въ высшей степени интересна для наблюдателя. Очень немногіе виды обезьянъ живутъ одиноко, большинство изъ нихъ живутъ стаями. Каждая стая выбираетъ себѣ для житія определенную мѣстность большаго или меньшаго размѣра. Выборъ мѣстожительства зависитъ, конечно, отъ удобства его, причѣмъ нахождение достаточнаго количества пищи играетъ при выборѣ главную роль. Рощи около человѣческаго жилья выбираются обезьянами для жительства очень охотно, особенно тамъ, гдѣ растительность въ лѣсахъ не особенно богата. Обезьяны, какъ выше уже сказано, не имѣютъ особаго уваженія къ чужой собственности. Майсовыя и сахарныя плантаціи, огороды и бахчи, засѣяныя дынями, бананами, пизангами и другими овощами, предпочитаютъ всѣмъ другимъ. Особенно удобны для нихъ такія деревни, гдѣ, вслѣдствіе суевѣрія жителей, считается грѣхомъ наказывать нахальныхъ грабителей. Когда стадо выберетъ себѣ мѣстожительство, тогда начинается настоящая общественная жизнь обезьянъ, со своими удовольствіями и радостями, борьбою и враждою, нуждою и заботою. Способнѣйшій и сильнѣйшій самецъ избирается вожакомъ, но достоинство это вѣряется ему не общою подачею голосовъ, а достигается упорною борьбою съ соперниками, т. е. съ другими старыми самцами. Споръ рѣшается зубами и кулаками; тѣхъ, которые не желаютъ подчиниться добровольно, смиряютъ пинками и подзатыльниками; главенство принадлежитъ, безспорно, сильнѣйшему. Рыцарской вѣжливости къ слабому полу вожакъ не соблюдаетъ и любви добивается также силою. Самки не смѣютъ заводить любовныхъ интригъ съ молодыми самцами: властелинъ зорко наблюдаетъ за ними и строго наказываетъ провинившихся. Въ любви онъ шутитъ не любитъ. Онъ такъ немилосердно бьетъ и треплетъ самокъ, которыя позволяютъ себѣ какія-либо вольности, что у нихъ пропадаетъ охота къ подобнаго рода проступкамъ; виновному молодому самцу достается еще сильнѣе. Впрочемъ, со стороны самки неразумно возбуждать ревность вожака, такъ какъ его одного достаточно для всѣхъ самокъ стада. Когда численность стада сильно увеличится, то часть его отдѣляется подъ начальствомъ одного изъ возмужалыхъ самцовъ, который, въ свою очередь, начинаетъ борьбу съ соперниками за власть и любовь. Борьба встрѣчается всюду, гдѣ есть соперничество, но у обезьянъ она наблюдается особенно часто: не проходитъ у нихъ дня безъ ссоры и драки. Вожакъ исполняетъ свое дѣло съ большимъ достоинствомъ. Всеобщее уваженіе, которымъ онъ пользуется, придаетъ ему самостоятельность и самоувѣренность; всѣ ему льстятъ даже самки стараются доставить ему величайшее удовольствіе доступное обезьянѣ: онъ постоянно ищутъ въ его шкурѣ паразитовъ и онъ допускаетъ это съ достоинствомъ паши, которому любимая рабыня чешетъ пятки. Съ своей стороны онъ постоянно заботится о безопасности своихъ подданныхъ и потому суетится больше

Различныя положенія больших обезьянъ: 1—5. Орангъ-утангъ 6—9; Гиббонъ.

всѣхъ. Онъ всюду озирается, ничему не довѣряетъ, и, вслѣдствіе этого, почти всегда во-время узнаетъ объ опасностяхъ.

Языкъ обезьянъ довольно богатъ: обезьяны издаютъ весьма разнообразныя звуки для выраженія своихъ чувствъ. Человѣкъ скоро научается понимать эти звуки. Особенно характеристиченъ, побуждающій всю стаю къ бѣгству, крикъ ужаса у вожака, хотя описать его трудно и почти невозможно подражать ему. Онъ состоитъ изъ ряда отрывистыхъ, дрожащихъ и негармоническихъ звуковъ, значеніе которыхъ усиливается искаженіемъ лица обезьяны. Когда раздается этотъ громкій крикъ, вся стая обращается въ бѣгство; матери сзываютъ дѣтенышей, которые мгновенно къ нимъ прицѣпляются, и самки спѣшатъ съ драгоценной ношей къ ближайшему дереву или скалѣ. Только когда успокоится вожакъ, стая снова собирается и возвращается обратно. Пехуель-Леше (Pechuel-Loesche), наблюдавшій обезьянъ преимущественно въ пустынныхъ мѣстностяхъ западной Африки, сообщаетъ о нихъ слѣдующее: «Обезьянъ, особенно мартышекъ, здѣсь очень много, но не вездѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно жить нѣсколько лѣтъ, не видавши обезьянъ. Онѣ не любятъ саваннъ съ ихъ низкими кустарниками и разсѣянными рощами, а предпочитаютъ болотистыя лѣса около рѣкъ, а также лѣса тѣхъ гористыхъ мѣстностей, гдѣ выпадаетъ много дождя. Близость воды для нихъ необходима. Только въ видѣ исключенія, напримѣръ, когда зрѣютъ на саваннахъ вкусныя ягоды, или когда появляется много кузнечиковъ, составляющихъ для обезьянъ большое лакомство, онѣ покидаютъ лѣса и на время переселяются въ степную мѣстность. Тогда можно встрѣтить обезьянъ въ безводныхъ саваннахъ, гдѣ онѣ охотятся за насекомыми между сухими вѣтвями и въ засохшей травѣ, или лазаютъ по кустарникамъ, чтобы рвать плоды. Павіаны, впрочемъ, постоянно предпочитаютъ безводныя и каменистыя мѣста. Очень часто попадающихся въ юго-западной Африкѣ *халмъ* я видѣлъ постоянно на самыхъ пустынныхъ скалахъ, гдѣ онѣ, сидя на высотѣ или медленно прогуливаясь, встрѣчали чужеземца громкимъ лаемъ».

«Мартышки плаваютъ превосходно, павіаны, напротивъ, плохо или даже совсѣмъ не плаваютъ, такъ какъ они живутъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не представляется случая упражняться въ этомъ искусствѣ; но мандриллы составляютъ исключеніе: я видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ очень хорошо плавалъ. Для гориллы и шимпанзе широкія и глубокія рѣки и озера составляютъ непреодолимыя преграды. Такъ какъ живущія въ тропическихъ лѣсахъ обезьяны находятъ тамъ совершенно достаточно пищи, то онѣ не вредятъ плантаціямъ мѣстныхъ жителей; по крайней мѣрѣ, жалобъ на нихъ я не слышалъ. Говорятъ, впрочемъ, что шимпанзе и гориллы выкапываютъ на плантаціяхъ маниокъ и земляные орѣхи и воруютъ бананы. Знакомые мнѣ сады и плантаціи многихъ факторій точно такъ, какъ и наши сады около Чинчочо на Лоангскомъ берегу, не были опустошаемы много лѣтъ сряду дикими обезьянами; но наши ручныя обезьяны часто попадались въ грабежѣ. Расположенныя въ гористой мѣстности у рѣки Конго, около Виви, сады и плантаціи, напротивъ того, часто опустошались мартышками въ ранніе утренніе часы. Это доказываетъ, что обезьяны вредятъ садамъ и полямъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не находятъ достаточно пищи въ лѣсу».

«Кто хочетъ охотиться на обезьянъ, тотъ долженъ быть очень остороженъ. Въ лѣсу ихъ гораздо чаще можно слышать, чѣмъ видѣть; необходимъ большой навыкъ, чтобы замѣтить проворную и ловкую обезьяну среди лѣсной чащи и очень часто боязливые или гнѣвные крики обезьянъ указываютъ, что онѣ замѣтили врага раньше, чѣмъ онъ ихъ увидалъ. Сильными прыжками онѣ убѣгаютъ тогда

за предѣлъ ружейнаго выстрѣла или прятуются между вѣтвями, а затѣмъ потихоньку удаляются въ безопасное мѣсто. Въ иныхъ случаяхъ онѣ показываютъ большое легкомысліе и съ удивительнымъ спокойствіемъ разсматриваютъ человѣка, но въ большинствѣ случаевъ онѣ очень пугливы и даже при ядѣ и во время беззаботныхъ игръ онѣ зорко слѣдятъ за всѣмъ тѣмъ, что около нихъ происходитъ.

«Легче всего охотиться за ними рано утромъ или вечеромъ; при этомъ удобнѣе всего плыть внизъ по рѣкѣ, держась середины ея и осматривая окружающій лѣсъ посредствомъ бинокля. Охота можетъ быть также удачна, если спрятаться въ такомъ мѣстѣ лѣса, гдѣ на деревьяхъ встрѣчаются любимые обезьянами плоды, или притаиться тамъ, когда слышишь крикъ приближающейся стаи обезьянъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ охотникъ можетъ даже шумѣть, пробѣгая между кустарниками, но важно, чтобы обезьяны его не видали. Спасаящіяся животныя двигаются на вершинахъ деревьевъ гораздо скорѣе, чѣмъ охотникъ по землѣ, гдѣ ему мѣшаютъ кусты и низкія вѣтви. Незначительнаго поворота головы, даже взгляда, достаточно, чтобы испугать обезьянъ. Если же охотникъ хорошо спрячется въ чащѣ и стоитъ совершенно спокойно, то ему удастся иногда наблюдать обезьянъ на очень близкомъ разстояніи. Тогда можно видѣть, какъ онѣ ѣдятъ плоды, бросая внизъ зерна и шелуху».

«Обезьяны точно такъ, какъ и сѣрые попугаи уничтожаютъ гораздо больше плодовъ, чѣмъ онѣ могутъ съѣсть: подъ масляной пальмой со зрѣлыми початками лежитъ всегда множество цѣльныхъ или только немного испробованныхъ плодовъ. Обезьянамъ кажется очень трудно уничтожить колючую оболочку початка пальмы: видно, какъ онѣ зубами и пальцами стараются освободить его отъ окружающихъ иглъ. Попугаи гораздо легче съ этимъ справляются посредствомъ своего крѣпкаго клюва, и обезьяны часто пользуются ихъ трудами. Подъ деревомъ изъ семейства анакардіевыхъ, покрытымъ кѣстами арѣльныхъ плодовъ, величиною съ вишню, послѣ посѣщенія обезьянъ намъ случалось видѣть такое огромное количество спѣлыхъ фіолетовыхъ плодовъ, что нельзя было сдѣлать шага, не раздавивши нѣкоторыхъ изъ нихъ. Подобное обиліе упавшихъ плодовъ замѣтно и подъ другими плодовыми деревьями. Эта расточительность даровъ природы имѣетъ, впрочемъ, и свою хорошую сторону: ночью являются разныя, не лазающія животныя, напримѣръ, дикія свиньи и лакомятся остатками послѣ обезьянъ, а опытные охотники ихъ тамъ подстерегаютъ и убиваютъ. Во время полуденнаго жара обезьяны обыкновенно отдыхаютъ въ чащѣ лѣса; до 9 ч. утра и послѣ 4 ч. пополудни онѣ всего подвижнѣе и тогда чаще всего направляются къ берегамъ рѣкъ и озеръ».

«Всѣ знакомые мнѣ виды обезьянъ необыкновенно живучи и, чтобы ихъ убить, нужно попасть пулею въ голову или туловище; большею частью, впрочемъ, достаточно выстрѣлъ крупною, такъ называемою заячьею, дробью. Если нельзя близко подойти къ обезьянѣ, то лучше вовсе не стрѣлять, такъ какъ легко раненыя животныя всегда спасаются бѣгствомъ. Кромѣ того, если даже успѣешь догнать раненое животное, то охотнику всегда тяжело добывать мучающуюся отъ ранъ обезьяну».

«Мясо молодыхъ обезьянъ и печень даже старыхъ очень нѣжны и вкусны, когда хорошо приготовлены, но европейцамъ эта пища всегда кажется противной. Впрочемъ не слѣдуетъ думать, что жареная обезьяна похожа на ребенка, какъ это часто говорятъ путешественники; подобную несообразность не слѣдовало бы повторять при описаніяхъ путешествій въ жаркихъ странахъ, потому что жареный заяцъ точно такъ же похожъ на ребенка, какъ и обезьяна. Сходство обезьяны

и человекъ лежитъ скорѣе въ движеніяхъ, чѣмъ въ формѣ тѣла. Гориллы и шимпанзе, правда, болѣе похожи на человекъ, но едва ли путешественникъ, даже одаренный самой пылкой фантазіей, осмѣлится утверждать, что онъ видѣлъ одну изъ двухъ вышеприведенныхъ обезьянъ, жареныхъ на вертелѣ».

Мужества у обезьянъ отрицать нельзя. Болѣе крупныя изъ нихъ смѣло защищаются отъ хищныхъ звѣрей и даже отъ человекъ, хотя исходъ борьбы для обезьянъ болѣе чѣмъ сомнителенъ. Даже мартышки, несмотря на свой небольшой ростъ, бросаются на врага, когда разсержены или загнаны. Зубы большихъ обезьянъ, напр. павіановъ и человекѣобразныхъ, составляютъ страшное оружіе, и потому эти животныя могутъ смѣло начинать борьбу съ врагами. Самки вступаютъ въ бой большею частью только для собственной защиты или защиты дѣтеннышей, но тогда выказываютъ такое-же мужество, какъ и самцы. Съ крупными павіанами туземцы не вступаютъ въ бой безъ ружья, а въ борьбѣ съ гориллою и огнестрѣльное оружіе не всегда обезпечиваетъ побѣду. Во всякомъ случаѣ безпримѣрная ярость обезьянъ, увеличивающая ихъ силу, чрезвычайно опасна, а ловкость ихъ часто лишаетъ противника возможности нанести имъ окончательный ударъ. Обезьяны защищаются руками и зубами: онѣ бьютъ, царапаютъ и кусаютъ. Точныя наблюденія указываютъ, что рассказы о другихъ способахъ защиты невѣрны. «Часто пишутъ», говоритъ Пехуель-Леше, «что обезьяны защищаются отломанными сучьями, а еще чаще утверждаютъ, что эти животныя бросаютъ сверху на своихъ противниковъ плоды, куски дерева и другіе предметы. Но тѣ, которые подтверждаютъ вышесказанное, вѣроятно, были подъ вліяніемъ впередъ уже составленнаго мнѣнія, а не описываютъ то, что они дѣйствительно видѣли. Обезьяны, живущія на деревьяхъ, безъ сомнѣнія, часто ломаютъ сухіе сучья, прыгая и цѣпляясь за нихъ, но никогда не бросаютъ ихъ въ людей, внизу стоящихъ; точно также случайно падаютъ и плоды съ деревьевъ, по которымъ лазаютъ обезьяны. Павіановъ, а особенно хахмъ, я наблюдалъ въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ экземпляровъ и потому могу съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что они никогда не бросаютъ въ противниковъ камень. Со скалъ, гдѣ эти животныя сидятъ, конечно, падаютъ часто обломки, но только случайно и даже тогда, когда никакого врага не видно. Хакмы любятъ ворочать камни, чтобы искать подъ ними различныхъ животныхъ, которыми онѣ лакомятся, и при этомъ случается, что эти камни падаютъ внизъ. То-же бываетъ и вслѣдствіе прыжковъ и лазанья обезьянъ по скаламъ, но и люди, карабкаясь по горамъ, часто сдвигаютъ камни, которые тогда катятся внизъ въ долину».

«Мы съ женою подолгу слѣдили за стадами хахмъ, такъ какъ женѣ это доставляло большое удовольствіе, и постоянно обращали вниманіе на то, бросаютъ ли онѣ дѣйствительно камни или нѣтъ, но наблюденія наши положительно привели насъ къ убѣжденію, что онѣ этого не дѣлаютъ. Когда хахмы замѣтятъ какого-либо необычайнаго посѣтителя около скалистыхъ ущелій, гдѣ онѣ обыкновенно пребываютъ, то эти животныя начинаютъ беспокоиться: онѣ ворчатъ и лаятъ, скребутъ землю передними конечностями и лягаются задними, причемъ много обломковъ и камней летитъ внизъ съ высоты, но намѣреннаго бросанія никогда не замѣтно. Въ этомъ я убѣдилъ и другихъ европейцевъ, живущихъ въ юго-западной Африкѣ, несмотря на то, что они крѣпко вѣрили въ то, что хахмы кидаютъ камнями во враговъ. По всѣмъ вѣроятностямъ наблюденіе это относится и къ другимъ видамъ павіановъ, которыхъ мнѣ не случилось видѣть».

Въ неволѣ различныя породы обезьянъ живутъ вообще дружно, но и здѣсь мы замѣчаемъ такое-же господство сильныхъ, какъ и въ стаѣ обезьянъ, живущей

на свободѣ. Крупныя обезьяны, даже самки, до тѣхъ поръ бьютъ и обижаютъ слабѣйшихъ, пока эти послѣднія не покорятся окончательно. Нѣжныхъ отношеній у обезьянъ, живущихъ въ неволѣ, большею частью не замѣчается, но бываютъ и исключенія. Большія обезьяны, самцы, какъ и самки, иногда покровительствуютъ такимъ либо слабымъ существамъ и ласкаютъ ихъ. Конечно, чаще всего это относится къ собственнымъ дѣтенышамъ, но иногда и къ чужимъ и даже другимъ маленькимъ животнымъ. Самки крупныхъ обезьянъ любятъ ласкать даже человѣческихъ дѣтей.

Обезьяны родятъ по одному дѣтенышу, рѣдко двухъ; дѣтенышъ этотъ существо очень не красивое, съ конечностями, которыя кажутся вдвое длиннѣе, чѣмъ у взрослыхъ, и лицомъ, до того покрытымъ морщинами и складками, что оно болѣе похоже на лицо старика, чѣмъ на физиономію ребенка. Но мать любитъ этого уродца очень нѣжно; она ухаживаетъ за нимъ и ласкаетъ его весьма трогательно, хотя въ нашихъ глазахъ эти ласки и баловство возбуждаютъ смѣхъ. Вскорѣ послѣ рожденія дѣтенышъ научается вѣшаться матери на грудь, обнимая передними конечностями шею, а задними—бока; въ этомъ положеніи онъ не мѣшаетъ матери бѣгать и лазать, и можетъ спокойно сосать. Болѣе взрослые дѣтеныши вскакиваютъ на плечи и спину родителей. Сначала маленькія обезьяны довольно безчувственны и безучастны, и въ это время любовь матерн наиболѣе замѣтна; она все время съ нимъ возится; то лижетъ его, то ищетъ у него насѣкомыхъ, прижимаетъ къ себѣ, держать его передъ собой, какъ бы желая насладиться его лицезрѣніемъ, безпрестанно кладетъ его себѣ на грудь или качаетъ, точно желая убаюкать. Плиній серьезно утверждаетъ, что самки обезьянъ часто душатъ своихъ дѣтенышей отъ любви, но въ наше время этого никто не видалъ. Черезъ нѣсколько времени молодая обезьяна начинаетъ дѣлаться болѣе самостоятельной и требуетъ нѣкоторой свободы, которую, впрочемъ, и получаетъ. Мать спускаетъ своего дѣтеныша съ рукъ и позволяетъ ему шалить и играть съ другими обезьянками, но очень зорко за нимъ присматриваетъ, повсюду слѣдуетъ за нимъ и позволяетъ только то, что дозволить можно. При малѣйшей опасности она бросается къ своему дѣтенышу и особеннымъ звукомъ приглашаетъ его вскочить къ себѣ на грудь. Непослушаніе наказывается шипками, пинками, а иногда пощечинами; впрочемъ, дѣло рѣдко доходитъ до этого, потому что въ послушаніи дѣтеныши обезьянъ могутъ служить примѣромъ многимъ человѣческимъ дѣтямъ; чаще всего приказаніе матери исполняется при первомъ ея звукѣ. Въ неволѣ обезьяна, какъ я часто наблюдалъ, дѣлитъ со своимъ дѣтенышемъ каждый кусокъ пищи, и такъ нѣжно за нимъ ухаживаетъ, что часто нельзя не быть этимъ тронутымъ. Смерть дѣтеныша очень часто влечетъ за собою и смерть матери въ неволѣ. Если умираетъ мать, то сироту усыновляетъ какая-нибудь другая обезьяна той же породы, причемъ любовь къ приемышу бываетъ не слабѣе любви къ собственнымъ дѣтямъ. Въ отношеніи же приемышей другихъ породъ, обезьяны ведутъ себя самымъ страннымъ образомъ; онѣ за ними ухаживаютъ, ласкаютъ ихъ, чистятъ, зорко за ними присматриваютъ и т. д., но ѣсть имъ не даютъ и, безъ зазрѣнія совѣсти, забираютъ всякую пищу, даваемую приемышу. Когда взрослая обезьяна ѣсть сама, то отгоняетъ маленькое голодное существо отъ своей плотки. То же самое я наблюдалъ и у ручныхъ павіановъ, которые брали себѣ въ приемыши щенятъ и котятъ.

До сихъ поръ еще съ точностью неизвѣстно, во сколько лѣтъ обезьяна достигаетъ возмужалости, но само собою разумѣется, что у крупныхъ видовъ время это продолжительнѣе, чѣмъ у мелкихъ. Мартышки и мелкія американскія обезьяны дѣлаются взрослыми, вѣроятно на четвертомъ или пятомъ году жизни, павіаны же

на 9—13 году, а большія человекообразныя обезьяны, слѣдуетъ думать, достигаютъ возмужалости еще позднѣе; по крайней мѣрѣ выпаденіе молочныхъ зубовъ у нихъ бываетъ почти въ томъ же возрастѣ, какъ и у человека. На свободѣ обезьяны, кажется, рѣдко подвергаются болѣзнямъ; объ эпидеміяхъ между обезьянами никогда никто не слышалъ. Неизвѣстно также, какъ долго онѣ живутъ, но слѣдуетъ предположить, что гориллы, оранги и шимпанзе живутъ почти такъ же долго, какъ люди, а можетъ быть и дольше. У насъ въ Европѣ обезьянамъ живетъ плохо и онѣ, несмотря на всѣ предосторожности, по большей части умираютъ отъ чахотки легкихъ. Видъ больной обезьяны въ высшей степени жалокъ. Бѣдное животное, прежде столь веселое, сидитъ спокойно и съ жалобнымъ, умоляющимъ, почти человѣческимъ взоромъ смотритъ на людей, которые за нимъ ухаживаютъ. Чѣмъ ближе обезьяна къ смерти, тѣмъ она становится тише и покорнѣе, звѣрское въ ней исчезаетъ, а болѣе благородныя качества обнаруживаются яснѣе. Она весьма благодарна за всякую помощь оказанную ей, во врачѣ видитъ своего благодѣтеля, охотно принимаетъ лекарства, дозволяетъ даже хирургическія операціи, не защищаясь отъ нихъ. Замѣчено, что у насъ въ Европѣ, даже у здоровыхъ обезьянъ, всегда болитъ хвостъ: конецъ его изъязвляется, на немъ дѣлается воспаленіе, затѣмъ гангрена и суставы хвоста отпадаютъ одинъ за другимъ.

Не знаю, можно-ли рекомендовать обезьяну въ видѣ сожителя человека: животные эти дѣйствительно забавляютъ человека, но еще чаще сердятъ его. Отъ нихъ можно всегда ожидать разныхъ шалостей и, если не задаваться мыслью изучить нравъ обезьянъ, то проказы эти легко могутъ вывести изъ терпѣнія. Крупныя породы кромѣ того опасны, потому что кусаются и царапаются очень сильно. Держать обезьяну въ домѣ на полной свободѣ почти невозможно, потому что врожденное стремленіе къ дѣятельности заставляетъ обезьянъ придумывать себѣ различныя, иногда очень неподходящія занятія. Нѣкоторые виды нестерпимы своею непристойностью.

Пехуель-Лёше слѣдующимъ образомъ описываетъ образъ жизни ручныхъ обезьянъ на станціи экспедиціи въ Лоанго, гдѣ, кромѣ гориллы и шимпанзе, содержались въ неволѣ еще мартышки, мандриллы и другіе виды обезьянъ: «Характерной чертой нрава нашихъ обезьянъ слѣдуетъ считать стремленіе выбирать, для своего расположенія какое-нибудь другое существо, на которомъ тогда сосредоточивались всѣ ихъ заботы, отчего происходили самыя странныя товарищества между животными. Извѣстно, что обезьяны очень любятъ принимать на попеченіе дѣтенышей другихъ животныхъ, причемъ онѣ очень нѣжно заботятся о своихъ пріемышахъ и не хотятъ съ ними разстаться, даже когда эти послѣдніе околѣютъ. Когда, у нашей большой овчарки рождались щенята, которые, какъ обыкновенно бываетъ, очень скоро были сильно заѣдены блохами, то мы клали щенятъ въ клѣтку къ мартышкамъ, гдѣ ихъ очень любезно принимали, очищали отъ всѣхъ насѣкомыхъ и лѣжно ласкали. Собака какъ бы понимала наше намѣреніе и спокойно относилась къ этой временной разлукѣ со своими дѣтенышами; но когда щенятъ опять вынимали изъ клѣтки, то между мартышками происходило сильное смятеніе; очевидно, обезьяны между собою уже раздѣлили щенятъ и предполагали долго съ ними не разставаться. Черномазая мартышка наша особенно дружилась съ гориллой и всеобщимъ любимцемъ скотнаго двора—бараномъ. Павіанъ Джекъ подружился съ поросенкомъ и часто преуморительнымъ образомъ пробовалъ на немъ ѣздить верхомъ; въ послѣдствіи любимцемъ его сдѣлалась собака, съ которой онъ любилъ играть. Одна изъ нашихъ обезьянъ выбрала себѣ въ товарищи сѣраго попугая, по когда

разъ обезьянѣ вздумалось вырвать, одно за другимъ, красныя перья изъ хвоста попугая, то этотъ послѣдній прервалъ столь опасную дружбу.

Черномазая мартышка очень хорошо играла съ другими мартышками; когда онѣ были на свободѣ, то всѣ вмѣстѣ рыскали и прыгали по крышамъ, по двору и по саду. Когда же обезьяны запирались въ клѣтки, то дружба прекращалась: черномазую запирали въ особое помѣщеніе, которое было отдѣлено отъ помѣщенія мартышекъ рѣдкой рѣшеткой; черномазая тогда просовывала руку сквозь рѣшетку и старалась бить или царапать своихъ болѣе слабыхъ родичей, мартышки же очень любили забавляться прекраснымъ длиннымъ хвостомъ черномазой. Если этотъ хвостъ случайно попадалъ въ отдѣленіе мартышекъ, то онѣ вѣспались на немъ, сколько имъ хватало мѣста, и несчастная черномазая, прижатая къ рѣшеткѣ, жалобно пищала и получала должное возмездіе за всѣ, нанесенныя мартышкамъ, обиды. Нѣкоторые говорятъ, что обезьяны любятъ крѣпкіе напитки, но на нашихъ обезьянахъ этого замѣтить было нельзя; напротивъ того, онѣ показывали къ этимъ напиткамъ отвращеніе. Разъ мы ихъ попотчивали апельсинами, которые были наполнены ромомъ, такъ что многія обезьяны опьянѣли; угощеніе это имъ очень не понравилось и онѣ долгое время недовѣрчиво принимали отъ насъ апельсины и старательно ихъ обнюхивали, чтобы вторично не поддаться обману. Одна мартышка, которая долго у меня жила въ Европѣ, охотно пила красное вино и пиво, особенно пѣну его, и, хотя ей давали пить въ-волю, но она никогда не выпивала лишняго».

Недостатки обезьянъ и различныя, ими совершаемыя проказы значительно перевѣшиваютъ ту небольшую пользу, которую онѣ могутъ принести. Выучить обезьяну разнымъ фокусамъ довольно легко: ей показываютъ, по возможности понятнымъ образомъ, то, что она должна исполнить, и колотятъ ее до тѣхъ поръ, пока она сама этого не сдѣлаетъ, вотъ и все ученіе! Обыкновенно обезьяна выучивается какому-нибудь фокусу въ теченіе часа или двухъ, но нужно часто повторять пройденное, такъ какъ она легко забываетъ. Кормить обезьяну нетрудно, она ѣстъ все то же, что и человѣкъ.

Какъ уже выше сказано, въ жаркихъ странахъ, гдѣ есть поселенія и поля, обезьяны приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы. Мясо нѣкоторыхъ обезьянъ употребляется въ пищу. Изъ шкуръ нѣкоторыхъ видовъ приготавливаютъ мѣхъ, дѣлаютъ сумки и другія издѣлія; но эта польза ничтожна въ сравненіи съ огромнымъ вредомъ, который обезьяны причиняютъ въ лѣсахъ, поляхъ и садахъ, и потому слѣдуетъ очень удивляться индусамъ, которые ихъ считаютъ за священныя существа, берегутъ ихъ и ухаживаютъ за ними, точно на самомъ дѣлѣ онѣ полубоги.

Въ высшей степени интересно окончить общую статью объ обезьянахъ историческимъ обзоромъ отношенія древнихъ народовъ къ этимъ животнымъ. Ниже слѣдующія страницы составлены моимъ пріятелемъ Дюмиченомъ (Dümichen), извѣстнымъ изслѣдователемъ старины, который былъ настолько любезенъ, что изложилъ здѣсь все то, что извѣстно объ обезьянахъ по изслѣдованію памятниковъ древнихъ египтянъ.

«Какъ извѣстно, стѣны древнихъ египетскихъ могильныхъ памятниковъ покрыты многими изображеніями, относящимися къ домашней жизни египтянъ. Между ними очень часто встрѣчаются изображенія домашнихъ и дикихъ животныхъ. Мы видимъ, напримѣръ, какъ хозяинъ, вѣроятно покойникъ, похороненный въ могилѣ, осматриваетъ свои стада, которыя тянутся передъ нимъ длинной вереницей. Встрѣчаются также изображенія ловли рыбъ и птицъ, а также охоты на львовъ и газелей; иногда изображена борьба человѣка съ крокодилами и бегемотами. При этихъ изображеніяхъ мы часто находимъ іероглифическія над-

писи, въ которыхъ, большею частью очень удачно описываются свойства изображенныхъ животныхъ. Понятно, что эти очень древнія надписи и рисунки имѣютъ большую важность для исторіи животной жизни въ долину Нила. Изъ обезьянъ на древнихъ египетскихъ памятникахъ чаще всего встрѣчаются гамадриль и бабуинъ, а также два вида мартышекъ, которые и нынѣ живутъ въ восточномъ Суданѣ. Изображенія эти чаще всего встрѣчаются на стѣнахъ могилъ древняго Мемфиса, въ гробницахъ скалъ Бени-Гассана, въ Фивскомъ некрополисѣ, а также и на стѣнахъ нѣкоторыхъ храмовъ. Въ большинствѣ случаевъ изображены самцы обезьянъ, такъ какъ они имѣли мифологическое значеніе и отношеніе къ лунѣ, но конечно, слѣдуетъ здѣсь сдѣлать исключеніе для тѣхъ изображеній обезьянъ, которыя находятся среди іероглифическихъ письменъ и имѣютъ тогда особое значеніе. Очень красивы небольшія фигурки, изображающія сидящаго гамадрила, высѣченныя изъ различныхъ горныхъ породъ и часто встрѣчающіяся въ египетскихъ музеяхъ различныхъ городовъ Европы. Такъ какъ гамадрилы и бабуины въ дикомъ видѣ въ самомъ Египтѣ не встрѣчаются, а также оба вида мартышекъ не живутъ въ нижней долине Нила, а между тѣмъ мы ихъ встрѣчаемъ на древнихъ египетскихъ памятникахъ, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что между родиной этихъ животныхъ и Египтомъ уже въ древности установились торговые и другія сношенія. Нѣкоторые древніе надписи намъ указываютъ, что сношенія эти происходили чрезъ судоходство по Красному морю. Слѣдовательно, изображенія обезьянъ на древнихъ египетскихъ памятникахъ доказываютъ, что уже очень давно, можетъ быть три тысячелѣтъ до Р. Х., установилось судоходство между Египтомъ и южнымъ побережьемъ Краснаго моря.

Что касается до первой изъ выше названныхъ обезьянъ, именно гамадрила, то въ іероглифическомъ письмѣ она носитъ названіе *Анъ*, *Акинъ*, *Ананъ*, что въ точномъ переводѣ означаетъ *подражающій*, *перлмичивый*; иногда, впрочемъ, ее обозначаютъ другимъ словомъ, *Утенъ*: оба эти названія относятся также и къ другимъ обезьянамъ. По правиламъ древней египетской письменности къ корню *ан* присоединяли различныя другія добавочныя приатки и такимъ образомъ получались различныя слова, выражающія подражаніе, изображеніе и т. д. Фигура обезьяны на іероглифахъ встрѣчается, наприимѣръ, въ словахъ: изобразить, подражать, подражатель, рисовать, живописецъ, описать, писецъ, письменная доска, письмо. Въ позднѣйшую эпоху, во время Птолемеевъ, когда въ іероглифахъ встрѣчаются различныя самовольныя измѣненія, попадаетъ иногда изображеніе сидящаго гамадрила, держащаго въ правой рукѣ перо изъ тростника, что обозначало: писецъ, писать, письмо.

На стѣнѣ одного изъ храмовъ въ Верхнемъ Египтѣ, именно, храма въ Теиръ-Эль-Бахери, на западѣ отъ Фивъ, находится замѣчательное изображеніе, относящееся къ морскому походу въ Аравію, предпринятому египтянами въ XVII столѣтіи до Р. Х. На одной изъ таблицъ этого изображенія нарисовано нагруженіе египетскихъ кораблей иноземной добычей. Около этой таблицы мы находимъ обширную надпись, содержащую подробную опись груза, такъ сказать, накладную. Въ этой описи значится, что корабли нагружались большимъ количествомъ драгоценныхъ произведеній аравійской земли, именно: благовоинымъ деревомъ, гудами ладана, деревьями, дающими ладанъ (на таблицѣ изображено, какъ каждое изъ этихъ деревьевъ, посаженное въ огромную кадку, переносится на корабль шестью человѣками), чернымъ деревомъ, бѣлою слоновою костью, золотомъ и серебромъ изъ страны пастырей, драгоценнымъ деревомъ *ташетъ* и коромъ *кассиръ*, благовоиною смолою *ажель*, краской для лица, подъ названіемъ *местель*, обезьянъ

нами *Аманъ* (гамадрилы) и *Кафу* (бабуины), и звѣрями *Таземъ* (степныя рыси), мѣхами пантеръ, женщинами и дѣтьми.

Вполнѣ художественное исполненіе этихъ стѣнныхъ изображеній, особенно рисунки обѣихъ обезьянъ, которые соотвѣтствуютъ названіямъ *Аманъ* и *Кафу*, насъ вполнѣ убѣждаютъ въ томъ, что дѣло идетъ о гамадрилѣ и бабуинѣ. Слово *Кафу*, что очень замѣчательно, вовсе не египетское слово, а заимствовано, вѣроятно, изъ Индіи, гдѣ оно на санскритскомъ языкѣ и малабарскомъ нарѣчій произносится *капи*, что очевидно соотвѣтствуетъ еврейскому слову *кофъ*. Слово это встрѣчается въ Библии при описаніи похода Соломона на Офиръ, и очевидно обозначаетъ бабуина, а не гамадрила, какъ до сихъ поръ предполагали. Названіе другихъ обезьянъ, именно мартышекъ, я не считаю возможнымъ привести съ точностью, такъ какъ при ихъ изображеніяхъ нѣтъ соотвѣтствующихъ надписей. Вѣроятно, что къ нимъ относится одно изъ вышеприведенныхъ названій, общихъ для всѣхъ обезьянъ. Исслѣдователь іероглифовъ Горополлонъ, сочиненія котораго намъ извѣстны по греческому переводу нѣкоего Филиппа, говоритъ о гамадрилѣ между прочимъ, слѣдующее: «египтяне изображали письмо гамадриломъ, такъ какъ они полагаютъ, что нѣкоторые изъ этихъ животныхъ сами имѣли понятіе о письмѣ и потому египтяне считали, что эти обезьяны приходятся имъ сродни. Гамадриловъ держали при храмахъ и, когда въ храмъ приводили новаго гамадрила, то жрецъ ему подавалъ табличку для письма, чернила и перо, чтобы гамадрилъ сдѣлалъ на табличкѣ надпись и этимъ доказалъ, что онъ принадлежитъ именно къ той породѣ гамадриловъ, которая имѣетъ право содержаться при храмахъ. По той же причинѣ гамадрилъ былъ посвященъ Меркурію, покровителю всѣхъ наукъ».

Въ этихъ словахъ Горополлона есть доля правды. Исслѣдованія доказали, что къ числу священныхъ животныхъ, которыя содержались при храмахъ въ древнемъ Египтѣ, и которыхъ послѣ смерти бальзамировали, относился и гамадрилъ. Животное это было посвящено богу Тотъ (Гермесъ), какъ божеству луны, а также какъ покровителю письма и всякой науки; вотъ почему гамадрилы содержались при нѣкоторыхъ храмахъ, особенно въ Гермополисѣ. Жрецы, замѣтивъ понятливость этого животнаго, безъ всякаго сомнѣнія, приучали гамадриловъ къ разнымъ кунштюкамъ, между прочимъ и умѣнію чертить на табличкахъ разные знаки, которые благочестивыми египтянами принимались за іероглифы, чѣмъ и объясняется, по всѣмъ вѣроятностямъ, выше упомянутое изображеніе пишущаго гамадрила. Горополлонъ далѣе рассказываетъ, что египтяне также обозначали мѣсяцъ изображеніемъ гамадрила, такъ какъ они замѣчали удивительное вліяніе этого свѣтила на означенное животное: «Во время новолунія самецъ гамадрила исполненъ печали, прячется отъ людей и не хочетъ принимать пищи, между тѣмъ какъ у самки въ это время всегда является кровотеченіе. Явленія эти были такъ правильны, что гамадриловъ держали при храмахъ для того, чтобы узнавать время, когда луна и солнце бываютъ въ соединеніи».

«Равноденствіе также обозначали сидящимъ гамадриломъ потому, что египтяне у этого животнаго наблюдали поразительную правильность въ мочеиспусканіи: гамадрилъ, по мнѣнію египтянъ, мочится каждый часъ и такъ равномерно, что египтяне были наведены этимъ явленіемъ на изобрѣтеніе кленсидровъ (водяныхъ часовъ) и на раздѣленіе дня и ночи на двѣнадцать равныхъ частей. Три смегистъ, когда былъ въ Египтѣ, своими глазами убѣдился въ томъ, что гамадрилъ мочится въ теченіе дня двѣнадцать разъ въ правильные промежутки времени, и это ему дало мысль устроить приборъ, который искусственно выпускаетъ воду совершенно равномерно, и потому и явилось раздѣленіе дня на двѣнадцать часовъ».

И въ этихъ вышеприведенныхъ показаніяхъ есть правда. Въ астрономическихъ изображеніяхъ, помѣщаемыхъ обыкновенно на сводахъ храмовъ, гамадриль всегда изображается въ связи съ луною. Его изображеніе иногда прямо обозначаетъ мѣсяць, какъ свѣтило; иногда онъ въ прямостоячемъ положеніи, съ приподнятыми руками, привѣтствуетъ восходящую луну, а сидящій гамадриль обозначаетъ собою равноденствіе. Натуралистамъ, а не изслѣдователямъ старины слѣдуетъ рѣшить, основаны-ли эти мнѣнія древнихъ египтянъ на вѣрныхъ наблюденіяхъ, т. е. имѣеть-ли луна дѣйствительно вліяніе на образъ жизни гамадриловъ. печалится-ли онъ исчезновенію луны, радуется-ли ей появленію, замѣчается-ли у самки мѣсячное очищеніе, и наконецъ, дѣйствительно-ли справедливо, что мочеиспусканіе гамадриловъ происходитъ такъ правильно, какъ утверждали египетскіе жрецы?»

«Между тѣмъ, какъ гамадриль, какъ выше сказано, получилъ на египетскихъ памятникахъ мѣологическое значеніе и даже игралъ роль въ храмахъ, другія три обезьяны, именно: бабуинъ и два вида марышекъ, имѣли значеніе въ домашней обстановкѣ египтянъ. Знатные египтяне забавлялись музыкой и танцами рабовъ, карликами, собаками и обезьянами; поэтому мы видимъ иногда на древнихъ египетскихъ памятникахъ обезьяну, привязанную на веревочкѣ къ креслу хозяина и забавляющую его своими прыжками и гримасами. Часто встрѣчаются также изображенія одной изъ этихъ маленькихъ обезьянъ, которая лакомится фигами».

Отрядъ обезьянъ раздѣляется на три семейства: *Узконосыхъ* или обезьянъ *Старого Свѣта* (*Catarrhini*), *Широконосыхъ* (*Platyrrhini*) или обезьянъ *Новаго Свѣта* и *Игрунковыхъ* (*Arctopithecini*). Первые два семейства имѣютъ на всѣхъ пальцахъ переднихъ и заднихъ конечностей ногти, игрунковыя же имѣютъ ногти только на большихъ пальцахъ заднихъ конечностей, а на прочихъ конечностяхъ—когти. Обезьяны Старого и Новаго Свѣта отличаются однѣ отъ другихъ, главнымъ образомъ, перегородкою между ноздрями и своими зубами. У первыхъ, т. е. обезьянъ Старого Свѣта, перегородка между ноздрями узкая и потому ноздри обращены впередъ. У обезьянъ Новаго Свѣта она широкая и вслѣдствіе этого ноздри обращены въ сторону. У перваго семейства, на каждой половинѣ обѣихъ челюстей по 2 рѣзца, 1 клыкъ, 2 ложнокоренныхъ и 3 коренныхъ зуба; у втораго семейства— 2 рѣзца, 1 клыкъ, 3 ложнокоренныхъ и 3 коренныхъ; у игрунковыхъ—2 рѣзца, 1 клыкъ, 3 ложнокоренныхъ и 2 коренныхъ зуба.

Обезьяны Старого Свѣта, по устройству ноздрей и зубовъ, болѣе похожи на человѣка, но на верхней челюсти у нихъ, между клыкомъ и сосѣднимъ рѣзцомъ, есть промежутокъ, гдѣ помѣщается выдающаяся часть нижняго клыка. На черепѣ замѣчательно окостенѣніе части ушного прохода. Ни одна изъ обезьянъ Старого Свѣта не имѣетъ цѣпкаго хвоста. Семейство это раздѣляется на двѣ группы: *человѣкообразныя* обезьяны (*Anthropomorpha*) и *собакообразныя* (*Сynopithecini*). Первые опираются на землю наружнымъ краемъ ступни, вторыя—всей ступней. Человѣкообразныя не имѣютъ хвоста и защечныхъ мѣшковъ, только у немногихъ изъ нихъ есть сѣдалищные наросты. У собакообразныхъ наросты эти почти всегда замѣчаются точно такъ, какъ хвостъ и защежные мѣшки.

Человѣкообразныя обезьяны, которыхъ мы отдѣляемъ въ особую группу, имѣютъ слѣдующіе признаки: туловище сходно съ человѣческимъ, но переднія конечности длиннѣе, а заднія короче, чѣмъ у человѣка. Лицо по формѣ и положенію глазъ и ушей болѣе похоже на человѣческое, чѣмъ у другихъ обезьянъ.

Хвоста вовсе не замѣтно. Все тѣло покрыто довольно длинными тонкими волосами, лице и пальцы—голые, сѣдалищные наросты рѣдко встрѣчаются. Зубы похожи на человѣческіе, но клыки у старыхъ самцовъ почти такъ же велики и остры, какъ у хищныхъ звѣрей. Всѣ, сюда относящіяся обезьяны живутъ въ Старомъ Свѣтѣ, именно, въ Азіи и въ Африкѣ.

Болѣе чѣмъ за 2,000 лѣтъ тому назадъ кареагеняне снарядили большой флотъ, для того, чтобы основать колоніи на западномъ берегу Африки. Тысячи мужчинъ и женщинъ отправились для этой цѣли изъ Кареагена на шестидесяти большихъ корабляхъ, снабженныхъ достаточнымъ количествомъ провіанта и разными вещами, нужными для хозяйства. Начальникомъ этого флота былъ назначенъ Ганнонъ, который описалъ свое путешествіе въ извѣстномъ сочиненіи (*Periplus Nannonis*). Экспедиція эта основала на западномъ берегу Африки семь временныхъ колоній и только недостатокъ провіанта заставилъ флотъ вернуться раньше, чѣмъ это было желательно; однако смѣлые мореплаватели достигли мѣстностей, лежащихъ южнѣ Сиерры Леоны. Ганнонъ, въ описаніи этого путешествія, сообщаетъ свѣдѣнія, для насъ очень важныя, именно: «На третій день отъ послѣдней стоянки мы проѣхали огненные рѣки и вошли въ заливъ, который называется Южный Рогъ; въ глубинѣ залива былъ островъ, на немъ озеро, а на озерѣ островъ, на которомъ жили дикіе люди. Большинство ихъ были самки съ волосатымъ тѣломъ, и переводчики называли ихъ Гориллами. За самцами мы гнались, но не могли ихъ догнать, такъ какъ они легко перебралась черезъ ущелья и защищались камнями. Мы поймали трехъ самокъ, но не могли ихъ увезти живыми, потому что онѣ царапались и кусались. Мы должны были ихъ убить, но сняли шкуры и послали ихъ въ Кареагенъ.» Кожи эти, еще во времена Плинія, сохранялись тамъ въ храмѣ Юноны. Не подлежитъ сомнѣнію, что Ганнонъ, подъ названіемъ дикихъ волосатыхъ людей, описалъ одну изъ человѣкообразныхъ обезьянъ и, хотя можетъ быть это былъ и шимпанзе, но названіе гориллы сохранилось для самой великорослой изъ породъ обезьянъ.

Горилла, Ндшина, Нгуяла, Мпунгу туземцевъ (*Gorilla gina*, *Simia*, *Pithecus*, *Satyrgus*, *Troglodytes* и *Chimpanza gorilla*, *Gorilla* и *Troglodytes savagei*), единственный представитель рода *Gorilla*, нѣсколько меньше ростомъ, но значительно шире въ плечахъ большого человѣка. По Окену, впервые давшему подробное описаніе гориллы, ростъ самца, какъ видно по шкурамъ, присланнымъ Саважемъ и Дю-Шаллюю отъ подошвы до темени 1,65 м., ширина плечъ 95 см., длина головы и туловища, вмѣстѣ 1,08 м., переднихъ конечностей 1,08 м., длина заднихъ конечностей до пятки 75 см., а до конца средняго пальца 1,5 м., Вѣроятно, однако, есть гориллы-самцы и бѣдшаго роста, такъ какъ фонъ-Коппенфельсъ опредѣлилъ ростъ только-что убитаго гориллы въ 1,9 м. и Р. Гартманъ также приводитъ болѣе крупныя цифры. Самки меньше ростомъ. Длинное крѣпкое туловище и такія же переднія конечности, непомѣрной длины кисти и ступни, а также соединеніе среднихъ пальцевъ рукъ и ногъ особю кожею,—вотъ самые характерные признаки гориллы. Линія, образующая очертаніе головы отъ сильно выдающихся надглазныхъ дугъ, въ началѣ нѣсколько вогнута, затѣмъ слегка выпукла, достигнувъ темени поднимается вверхъ и круто спускается по направленію къ затылку. Линія бровей, благодаря толстой, покрывающей ихъ кожѣ и густымъ волосамъ, выдается еще сильнѣе, вслѣдствіи чего небольшіе темнокаріе глаза тѣмъ болѣе углубляются внутрь. Плоскій носъ вдавленъ посрединѣ и значительно расширенъ съ боковъ; кончикъ его, однако, благодаря широкимъ ноздрямъ, косо открывающимся впередъ и вверхъ, замѣтно выдается. Разстояніе между но-

сомъ и глазами у различныхъ гориллъ не одинаково, что придаетъ каждому лицу, окаймленному взерошенными волосами, своеобразное выраженіе. Морда широкая; толстыя губы не такъ подвижны, какъ губы другихъ человѣкообразныхъ обезьянъ. походятъ больше на человѣческія и также представляютъ замѣчательныя различія у каждой особи. Короткій подбородокъ ушелъ бы внутрь, еслибы вся нижняя часть лица не была выдвинута впередъ. Уши, отодвинутыя далеко назадъ и лежащія на одномъ уровнѣ съ глазами, сравнительно меньше ушей шимпанзе, но больше человѣческихъ; съ послѣдними они сходны больше, чѣмъ уши какой либо другой обезьяны, такъ какъ имѣютъ хорошо развитую раковину и маленькую, однако, висячую мочку. Короткая шея, благодаря мощнымъ мышцамъ, покрывающимъ остистые отростки позвонковъ, составляетъ съ затылкомъ и спиной прямую линію; отъ туловища шея поэтому отдѣляется только сбоку и спереди, такъ что голова кажется сидящей непосредственно на послѣднемъ. Само туловище отличается какъ своей необыкновенной шириной, такъ и несоразмѣрной длиной по отношенію къ туловищу человѣка; мощная грудная кѣтка необычайно объемиста, ширина плечъ почти непомѣрной величины, спина слегка согнута, но такъ, что лопатки не выступаютъ. брюхо равномерно выпукло. Конечности гориллы существенно отличаются отъ человѣческихъ равномерной толщиной отдѣльныхъ частей, обусловливаемой отсутствіемъ толстыхъ мускуловъ на плечевой части руки и икрѣ на голеняхъ. Сравнительно съ другими человѣкообразными обезьянами у гориллы плечо относительно длиннѣе, вся же рука короче; сравнительно же съ человѣкомъ у гориллы руки все не такъ длинны, какъ это кажется на первый взглядъ, по причинѣ короткости ногъ. Предплечье, незначительно утончаясь, переходитъ въ короткую, широкую и толстую кисть, отличающуюся длиною ладонью; три среднихъ пальца толстые, крѣпкіе, какъ бы опухшіе, соединены между собою до третьяго сустава кожей, благодаря чему свободно двигаться могутъ, самое большее, два сустава, и снабжены ногтями, равными по величинѣ человѣческимъ, но маленькими для рукъ гориллы. Большой палецъ, какъ у всѣхъ человѣкообразныхъ обезьянъ, слабъ и почти на половину короче каждаго изъ остальныхъ пальцевъ. При сравненіи съ другими сходными съ нимъ обезьянами, бедро гориллы оказывается развитымъ сильно, голень, напротивъ, коротка и слаба; ступня также коротка и широка; большой палецъ ея, расширенный на концѣ, обладающій большою подвижностью и отстоящій отъ другихъ пальцевъ на уголъ въ 60° , относительно толстъ и длиненъ; изъ остальныхъ пальцевъ третій длиннѣе, пятый же короче и слабѣе всѣхъ; второй, третій и четвертый также, большею частью, бывають соединены кожей. Шерсть гладкая, довольно длинная и густая, слегка волниста на затылкѣ, плечахъ и бедрахъ; лицо, начиная отъ бровей до половины скулъ и до подбородка, уши, кисти и ступни съ боковъ и снизу, до мѣста сращенія пальцевъ, остаются голыми. Остальное тѣло, напротивъ, покрыто шерстью довольно равномерно, а именно: гуще всего одѣты ею темя, затылокъ, плечи, верхнія части рукъ, а также верхнія и нижнія части ногъ, гдѣ шерсть иногда бываетъ длиною въ 10 см. и болѣе. На груди и брюхѣ шерсть рѣже; у старыхъ гориллъ она посрединѣ спины и внизу ея бываетъ обыкновенно, вытерта; растеть же она вообще по направленію спереди назадъ и сверху внизъ, за исключеніемъ предплечья, гдѣ она растеть по направленію снизу вверхъ. Всѣ свободныя отъ волосъ части темносѣраго цвѣта, части кожи, покрытыя волосами—темнобураго цвѣта, сама же шерсть имѣетъ различную окраску, трудно поддающуюся описанію. Преобладаетъ темносѣрый цвѣтъ, происходящій отъ смѣшенія цвѣтовъ небольшого количества красноватыхъ со множествомъ сѣрыхъ волосъ; этотъ смѣшанный цвѣтъ принимаетъ на темени и затылкѣ болѣе равномерный оттѣнокъ,

вслѣдствіе чего эти части выглядят красновато-сѣрыми, даже рыжими. На спинѣ преобладаетъ сѣрый, на поверхности ногъ, обращенной внутрь — коричневый цвѣтъ. На задѣ находятся нѣсколько грязновато-бѣлыхъ волосъ. Самецъ и самка отличаются другъ отъ друга только ростомъ и формою головы; старые и молодые не имѣютъ существенныхъ отличій, только у молодого гориллы замѣчается непропорциональность формъ, свойственная вообще всѣмъ неразвитымъ животнымъ.

Зубы очень велики, клыки развиты едва ли меньше, чѣмъ у хищныхъ животныхъ; задній коренной зубъ нижней челюсти имѣетъ три маленькихъ наружныхъ и два внутреннихъ бугорка, а также плоскій бугорокъ сзади. Остовъ массивностью своею отвѣчаетъ величинѣ животнаго. На громадномъ черепѣ бросается въ глаза особенно его задняя часть, узкая, длинная, сильно сдавленная съ боковъ, сзади выступающая угломъ и мало объемистая; темной гребень большей частью сильно развитъ у самца и отсутствуетъ рѣдко; у самки же его никогда не бываетъ. Не менѣе замѣчательны надглазные и скуловые отростки лобной кости, выдающіеся далеко впередъ, а также исполинская нижняя челюсть. Грудная клѣтка, образованная 13-ю парами реберъ, необыкновенно обширна, а кости рукъ поражаютъ своимъ могучимъ сложеніемъ. По Гексли и Р. Гартману, кости ступни не похожи на кости руки, а скорѣе на остовъ настоящей хватательной ноги, снабженной длиннымъ, толстымъ, большимъ пальцемъ, оказывающимъ прекрасныя услуги при лазаньи.

Нельзя еще съ точностью указать область распространенія гориллы. Отечествомъ ему, повидимому, служитъ лишь небольшая область Западной Африки, а именно, Нижняя Гвинея. До сихъ поръ онъ встрѣчался въ мѣстностяхъ, лежащихъ по берегу моря, приблизительно между экваторомъ и 5° южной широты, а также на западномъ склонѣ сосѣднихъ горъ. Такъ какъ горилла обитатель лѣсовъ, то онъ, по всей вѣроятности, не встрѣчается ни южнѣе, по направленію къ рѣкѣ Конго, ни въ мѣстностяхъ, лежащихъ по другую сторону горной цѣпи, а всего вѣроятнѣе живетъ къ сѣверу отъ рѣкъ Огове и Габуна до Камерунской области, въ мѣстностяхъ, обильно орошаемыхъ и потому покрытыхъ густыми лѣсами. Онъ встрѣчается, можетъ быть, также и въ Верхней Гвинее, въ мѣстностяхъ, находящихся въ тѣхъ же благоприятныхъ условіяхъ.

Послѣ Ганнона первыя свѣдѣнія о большихъ человекообразныхъ обезьянахъ доставили Эдурдъ Лопецъ, мореплаватель и торговецъ, и Андрей Баттель, бывший солдатъ и мародеръ, жившіе въ концѣ XVI столѣтія въ различныхъ мѣстахъ Нижней Гвинеи. Баттель рассказываетъ про настоящаго гориллу, живущаго по берегу около устья рѣки Лоанго, и впервые употребляетъ названіе «Мпунгу», что уничтожаетъ всякія сомнѣнія относительно достоверности его сообщеній. Описывая бухту Маюмба (Юмба) и впадающую въ нее рѣку, которую называетъ Банна (рѣчь идетъ о разливѣ Вапіа), онъ говоритъ: «Лѣса до того кипятъ павіанами, марышками, обезьянами и попугаями, что всѣ боятся путешествовать въ нихъ; больше всего при этомъ опасаются двухъ чудовищъ, живущихъ въ этихъ лѣсахъ и въ высшей степени опасныхъ. Самое большое изъ этихъ чудовищъ туземцы называютъ «Понго» (вѣрнѣе Мпунгу); то, которое поменьше «Ензего» (вѣрнѣе «Нзику»). Понго сложенъ какъ человекъ и лицомъ похожъ на него; однако, его громадный ростъ и впалые глаза, защищенные пучками длинныхъ волосъ, дѣлаютъ его похожимъ скорѣе на великана; лицо, уши и руки лишены волосъ; тѣло, напротивъ, покрыто, хотя не особенно густо, темными волосами. Отъ человека онъ отличается исключительно своими ногами, не имѣющими икръ. Онъ всегда ходитъ на ногахъ и, бѣгалъ по землѣ, складываетъ руки на затылкѣ.

Спитъ онъ на деревьяхъ и строить себѣ навѣсы отъ дождя. Пища его состоитъ изъ плодовъ, которые онъ находитъ въ лѣсахъ, и орѣховъ; мяса онъ не ѣстъ никогда. Говорить онъ не можетъ и разума у него не больше, чѣмъ у всякаго животнаго. Если туземнымъ жителямъ, принужденнымъ путешествовать въ этихъ лѣсахъ, случается ночью развести огонь, то по-утру, какъ только они оставляютъ мѣсто ночлега, тотчасъ же являются Понго, садятся у огня и сидятъ, пока онъ не потухнетъ; они не понимаютъ, что для поддержанія его нужно подкладывать дровъ. Они часто собираются въ стада и убиваютъ не мало негровъ въ лѣсу, часто также они нападаютъ на слоновъ, которые пасутся по близости, и такъ сильно колотятъ ихъ своими мощными кулаками, что тѣ съ ревомъ убѣгаютъ. Этихъ Понго никогда не удается поймать живыми, такъ какъ десять человѣкъ не въ состояніи удержать одного изъ нихъ; зато дѣтенышей ихъ часто убиваютъ отравленными стрѣлами. Молодой Понго такъ крѣпко прицѣпляется къ тѣлу матери, что туземцамъ, которымъ удается убить самку, достается и дѣтенышъ, не покидающій мать. Когда одно изъ этихъ чудовищъ умираетъ, остальные покрываютъ его кучей вѣтвей и хвороста; такихъ кучъ въ лѣсахъ встрѣчается множество».

Нѣсколько позже капитанъ одного корабля, прошедшій довольно долгое время на западномъ берегу Африки, упоминая о тѣхъ же обезьянахъ, указываетъ однако, на три различныхъ вида, присовокупляя, что самый большой изъ нихъ называется «Импунгу».

Лишь въ 1846 году, одному американскому миссіонеру, Вильсону, удалось добыть черепъ этой обезьяны. Не было сомнѣнія, что черепъ этотъ принадлежитъ породѣ, еще не описанной. Послѣ долгихъ поисковъ былъ найденъ другой черепъ; остальные же части скелета надѣялись раздобыть позже. Туземцы, вполне знакомые съ нравомъ и привычками этого животнаго, давали весьма согласныя показанія относительно его роста и звѣрскаго нрава, о свойствахъ обитаемыхъ имъ лѣсовъ и обѣщали въ короткій срокъ доставить полный скелетъ. Вильсону самому удалось видѣть убитаго гориллу. По его увѣренію невозможно не выдавши составить себѣ вѣрнаго понятія ни о его безобразной внѣшности, ни о его необыкновенной мышечной силѣ. Не удивительно, что туземцы, даже вооруженные, боятся встрѣчи съ нимъ. По ихъ словамъ, онъ чрезвычайно золъ и, при встрѣчѣ съ однимъ человѣкомъ, немедленно нападаетъ на него. «Я самъ», увѣряетъ Вильсонъ, «видѣлъ человѣка, которому одно изъ этихъ чудовищъ почти совершенно откусило якру и, который, вѣроятно, былъ бы разорванъ на части, еслибы его вовремя не выручили товарищи». Увѣряютъ, что гориллы у вооруженнаго человѣка вырываютъ изъ рукъ ружье и сплющиваютъ дуло его между челюстями; и дѣйствительно, если принять во вниманіе громадную силу его челюстныхъ мышцъ, то никому это не покажется невозможнымъ.

Около того же времени Саважъ, производи подобныя же изслѣдованія среди негровъ, собралъ свѣдѣнія объ образѣ жизни этихъ обезьянъ и напечаталъ результаты своихъ изслѣдованій въ «Бостонскомъ вѣстникѣ естествовѣдѣнія» за 1847 г., не прибавивъ ничего существенно новаго къ прежнимъ описаніямъ, основаннымъ на рассказахъ туземцевъ. Свѣдѣнія, доставленные Фордомъ въ 1852 году, согласуются съ предыдущими. Онъ имѣлъ случай наблюдать пойманнаго маленькаго гориллу. «О звѣрскомъ нравѣ гориллы можно было ясно сѣудить, наблюдая привезеннаго сюда дѣтеныша. Его держали нѣсколько мѣсяцевъ и всѣми силами старались приручить, но онъ былъ до того дикъ, что укусилъ меня еще за часъ до своей смерти».

Слѣдующія за этими свѣдѣнія доставлены Дю-Шаллю, Я бы воспользовался его сообщеніями по преимуществу, еслибы его описанія не возбудили во мнѣ, при первомъ же чтеніи, непреодолимаго недовѣрія. Я вполне согласенъ съ Ридомъ въ томъ, чтобы рассказы Дю-Шаллю представляютъ замѣчательную смѣсь истины съ вымысломъ и присоединяюсь къ мнѣнію Рида, когда онъ говоритъ, что Дю-Шаллю написалъ про гориллу много вѣрнаго, но не новаго, и немного новаго, которое оказывается невѣрнымъ. Ридъ говоритъ: «Въ лекціи, читанной мною на засѣданіи лондонскаго зоологическаго общества и напечатанной вслѣдъ за тѣмъ въ трудахъ общества, я изложилъ причины, въ силу которыхъ считаю себя въ правѣ съ полнѣйшей увѣренностью заключить, что Дю-Шаллю никогда не убивалъ гориллы». Того же мнѣнія придерживаются и остальные путешественники, посѣщавшіе тѣ страны и имѣвшіе сношенія съ туземцами. Подобно своимъ предшественникамъ, Дю-Шаллю сообщаетъ свои свѣдѣнія по наслышкѣ, но дѣлаетъ видъ, что пережилъ все это самъ и тѣмъ придаетъ разсказу болѣе яркую окраску. Помѣщаемъ здѣсь, поэтому, только то, что Дю-Шаллю разсказываетъ о маленькомъ гориллѣ, приобрѣтенномъ имъ, хотя указанія его не подтверждаются позднѣйшими, болѣе точными наблюденіями. «4-го мая нѣсколько негровъ, охотившихся по моему порученію, доставили живого молодого гориллу. Я не въ силахъ описать волненія, овладѣвшаго мной, когда маленькое чудовище было привезено въ деревню, гдѣ я жилъ. Обезьянѣ было не болѣе 2—3 лѣтъ и ростомъ она была въ 2 фута, но она была зла и упряма, какъ взрослая. Охотники мои поймали ее въ мѣстности, лежащей между рѣкой Рембо и мысомъ св. Екатерины. Они разсказывали, что впатеромъ тихонько пробирались по лѣсу, недалеко отъ одной прибрежной деревни, и услышали ворчаніе, въ которомъ сейчасъ же узнали крикъ молодого гориллы, зовущаго мать. Немедленно порѣшили они погнаться за кричавшимъ дѣтенышемъ. Держа ружья на-готовѣ, храбрецы стали прокрадываться впередъ по направленію къ густой чащѣ. Они знали, что мать должна быть гдѣ-нибудь по близости и ожидали, что и страшный самецъ окажется не вдалекѣ; тѣмъ не менѣе, они рѣшились попытать все, чтобы, по возможности, взять дѣтеныша живымъ. Подойдя ближе, они увидѣли зрѣлище, необыкновенное даже для нихъ. Дѣтенышъ сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ матери, на землѣ и рвалъ ягоды; старая обезьяна занималась тѣмъ же. Охотники мои тотчасъ же приготовились стрѣлять, и какъ разъ во-время, такъ какъ въ ту минуту, какъ они поднимали ружья, старая обезьяна увидѣла ихъ. Къ счастью, первый же выстрѣлъ убилъ озабоченную мать на повалъ. Дѣтенышъ, испуганный громомъ выстрѣловъ, бросился къ своей родительницѣ, повпсѣ на ней, обхватилъ ея тѣло руками и спряталъ свое лицо. Тутъ подоспѣли охотники, но дѣтенышъ, встревоженный этимъ, тотчасъ же покинулъ мать, подбѣжалъ къ тонкому дереву, быстро вскарабкался на него и, усѣвшись наверху, бѣшено заревѣлъ на охотниковъ. Но это не смутило послѣднихъ. Ни одинъ изъ нихъ не боялся зубовъ маленькаго, разъяреннаго животнаго. Дерево срубили и, когда оно упало, быстро набросили одежду на голову рѣдкой добычи; ослѣпивъ такимъ способомъ гориллу, легче было связать его. Но маленькое созданіе, по лѣтамъ еще совершенный дѣтенышъ, было уже удивительно сильно и вовсе не покорно, такъ что люди, не будучи въ состояніи вести его, принуждены были надѣть ему на шею деревянный хомутъ, который, связанный спереди, долженъ былъ служить къ укрощенію животнаго. Въ такомъ видѣ горилла прибылъ въ деревню. Сильное волненіе овладѣло жителями. Когда плѣнника вытащили изъ лодки, въ которой онъ совершилъ часть дороги; онъ ровѣлъ, лаилъ и дико озирался своими злыми глазами, какъ бы желая увѣрить

насть, что не замедлить отомстить при первой возможности. Я замѣтилъ, что хомутъ поранилъ ему затылокъ и потому велѣлъ какъ можно скорѣе сдѣлать ему клѣтку. Черезъ два часа для него былъ выстроенъ крѣпкій домикъ изъ бамбука, сквозь надежные прутья котораго мы теперь могли наблюдать за нимъ. Это былъ молодой самецъ, настолько уже взрослый, что могъ бы жить одинъ, и одаренный необычайной для своего возраста силой. Лицо и руки его были черны, глаза, однако, менѣе впалы, чѣмъ у старыхъ, грудь и брюхо худощавѣе, волосы на рукахъ длиннѣе. Шерсть на бровяхъ и на рукахъ, которая была красно-бурого цвѣта, только еще начинала выростать; верхняя губа была покрыта короткими волосами, на нижней росла небольшая бородка, вѣки были нѣжны и тонки, брови длиною около двухъ сантиметровъ; задняя часть головы была покрыта свѣтло-сѣрыми волосами, которые около рукъ становились темнѣе, а на сѣдалищѣ были совершенно бѣлы.

Послѣ того, какъ я благополучно заманилъ малыша въ клѣтку, я подошелъ къ нему, чтобы сказать нѣсколько ободрительныхъ словъ. Онъ стоялъ въ самомъ дальнемъ углу, но тотчасъ залаялъ и бросился ко мнѣ, когда я приблизился. Хотя я отскочилъ какъ можно скорѣе, онъ все-таки успѣлъ схватить меня за брюки и разорвать ихъ, послѣ чего въ одно мгновеніе снова очутился въ своемъ углу. Я сталъ осторожнѣе, но не терялъ надежды приручить его. Прежде всего я, конечно, позаботился достать ему пищи. Я велѣлъ принести лѣсныхъ ягодъ и подальше ему вмѣстѣ съ водой, но онъ не пилъ и не ѣлъ, пока я не удалился на довольно большое разстояніе. На второй день Джозъ, какъ я назвалъ его, буйствовалъ еще больше, чѣмъ въ первый; бросался на каждого, кто только на минуту останавливался передъ его клѣткою, и былъ, повидимому, готовъ разорвать всѣхъ на части. Я принесъ ему нѣсколько банановыхъ листьевъ и замѣтилъ, что онъ ѣстъ только мягкія части ихъ. Онъ былъ, казалось, не особенно разборчивъ въ пищѣ, хотя уже теперь, а также во все время своей непродолжительной жизни, пренебрегалъ всякимъ кормомъ, за исключеніемъ листьевъ и плодовъ своихъ родныхъ лѣсовъ. На третій день онъ былъ еще угрюмѣе, бѣсновался пуще прежняго и лаялъ на каждого, то прячась въ своемъ дальнемъ углу, то нападая съ быстротою стрѣлы на приближающихся. На четвертый день ему удалось раздвинуть два прута своей клѣтки и бѣжать. По возвращеніи домой я былъ встрѣченъ сердитымъ ревомъ, выходившимъ у меня изъ-подъ кровати. Я немедленно затворилъ окна и, созвавъ своихъ людей, приказалъ имъ сторожить ворота. Увидѣвъ это, нашъ пріятель Джозъ пришелъ въ неопisanную ярость: глаза его заблестали, все тѣло дрожало отъ гнѣва и онъ, какъ бѣшенный ринулся изъ-подъ кровати. Мы заперли ворота и предоставили ему свободу, рѣшивъ лучше хорошенько обдумать, какъ поймать его навѣрняка, чѣмъ подвергать себя опасности и быть имъ укушеннымъ. Не особенно весело было снова ловить его; онъ былъ уже настолько силенъ и свирѣлъ, что я побоялся бы даже вступить съ нимъ въ рукопашную, изъ боязни быть искусаннымъ. Стоя посреди комнаты, нашъ молодчикъ бросалъ свирѣпыя взоры на своихъ враговъ, оглядывая при этомъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ комнатную обстановку. Я сильно безпокоился за свои часы, тиканье которыхъ, достигнувъ его слуха, могло побудить его броситься на этотъ неоцѣненный для меня предметъ, и также опасался, какъ бы онъ не началъ уничтожать мои коллекціи. Наконецъ, когда онъ немного успокоился, намъ удалось благополучно набросить ему на голову сѣть. Маленькое чудовище страшно ревяло, буйствовало и бѣсновалось въ своихъ оковахъ. Наконецъ, бросившись на него, я обхватилъ его шею, двое людей схватили его за руки, двое за ноги, и все-таки намъ трудно было съ

нимъ справиться. Мы отнесли его, какъ можно скорѣе, въ его клѣтку, которая между тѣмъ была починена, и стали стеречь его тщательно.

Никогда не видывалъ я такого дикаго животнаго, какъ эта обезьяна. Она бросалась на каждаго, кто подходилъ къ ней близко, грызла бамбуковые прутья своей клѣтки, озиралась кругомъ своими злыми глазами и, при каждомъ удобномъ случаѣ, выказывала намъ свой злобный нравъ».

Въ своемъ разсказѣ Дю-Шаллю сообщаетъ далѣе, что ни голодъ, ни «умѣренная пища» не могли укротить Джоэ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять вырвался на свободу, былъ съ трудомъ пойманъ и, несмотря на сопротивленіе, посаженъ на цѣпь, а десять дней спустя внезапно умеръ, начавъ уже подъ конецъ узнавать своего хозяина. По словамъ Дю-Шаллю, ему удалось въ послѣдствіи добыть маленькаго гориллу-самку, который съ необыкновенной нѣжностью повисъ на груди матери, и своею печалью смутилъ всю деревню. Маленькій звѣрекъ могъ еще только питаться молокомъ, за недостаткомъ котораго умеръ уже на третій день послѣ попки. Дю-Шаллю, въ своихъ разсказахъ, повидимому, занималъ не мало изъ вышеприведенныхъ описаній Форда.

Изъ всѣхъ свѣдѣній, доставленныхъ прежними путешественниками, больше всего, повидимому, можно положиться на свѣдѣнія, добытыя В. Ридомъ. «Путешествуя въ странѣ гориллъ», говоритъ онъ, «я освѣдомлялся въ каждомъ селеніи, гдѣ останавливался на ночлегъ, о томъ, не окажется-ли тамъ негра, которому случалось убить гориллу. Если на мое счастье таковой находился, его приводили ко мнѣ и я, черезъ переводчика, разспрашивалъ его о нравахъ и привычкахъ этихъ обезьянъ. Подобному плану слѣдовалъ я, находясь среди Белинговъ на рѣкѣ Муни, среди Шикеновъ на рѣкѣ Габунѣ и среди Коммовъ на Фернандовацѣ. Тѣ же вопросы предлагалъ я и невольникамъ, уроженцамъ Центральной Африки, которые находились при своихъ хозяевахъ въ качествѣ охотниковъ. Сравнивъ всѣ полученныя свѣдѣнія, я удержалъ лишь то, что подтверждалось одинаковыми показаніями охотниковъ этихъ трехъ различныхъ странъ Центральной Африки. Въ то время, какъ шимпанзе живетъ по сосѣдству небольшихъ стеной, горилла, повидимому, любитъ полумракъ густыхъ лѣсовъ. Бѣгаетъ онъ на четверинкахъ, и его можно встрѣтить иногда одного, а иногда въ сопровожденіи самки и дѣтеныша. Онъ срываетъ съ деревьевъ вѣтви и листья, находящіеся надъ землею, на доступной ему высотѣ. Иногда онъ влѣзаетъ на дерево, чтобы полакомиться его плодами. Есть родъ травы — вѣроятно подразумѣваютъ *Amomum granum paradisi* изъ семейства Scitamineae, растущей на сырой, покрытой кустарникомъ почвѣ, которую онъ любитъ до того, что можно почти навѣрное рассчитывать встрѣтить его въ мѣстности, гдѣ попадаетъ это растеніе. По утрамъ и вечерамъ онъ носѣщаетъ плантаціи селеній, поѣдаетъ бананы и сахарный тростникъ и пѣдаетъ свой жалобный крикъ. Ночью онъ выбираетъ дерево для ночлега. Когда самка беременна, самецъ строитъ на высотѣ, большею частью 5—8 метровъ надъ землею, гнѣздо, т. е. простое логовище изъ сухихъ прутьевъ и вѣтвей, которые натаскиваетъ руками. Здѣсь самка производитъ на свѣтъ дѣтеныша, послѣ чего покидаетъ гнѣздо. Во время течки самцы ведутъ борьбу за обладаніе самками. Свидѣтель, заслуживающій довѣрія, видѣлъ двухъ изъ нихъ въ бою; одинъ былъ гораздо больше другого и меньшій былъ убитъ. Изъ этого; мнѣ кажется, слѣдуетъ заключить, что гориллы, подобно другимъ звѣрямъ, ведущимъ борьбу за обладаніе самками, живутъ въ многобрачіи. Обыкновенный крикъ гориллы жалобенъ: приведенный въ ярость, онъ, напротивъ, издаетъ рѣзкій, хриплый лай, похожій на рѣвъ тигра.

Благодаря наклонности негровъ все преувеличивать, я вначалѣ наслушался самыхъ разнообразныхъ разсказовъ про дикость гориллы. Однако, когда я разспросилъ настоящихъ охотниковъ, я нашелъ, насколько могъ судить, что они, какъ всѣ отважные люди, скромны и скорѣе молчаливы, чѣмъ болтливы. То, что они сообщали о дикости этихъ обезьянъ, не совсѣмъ согласуется съ разсказами Саважа и Форда. Они отрицаютъ фактъ, что горилла, не будучи раздраженъ человѣкомъ, нападаетъ на него. «Не трогайте его», говорятъ они, «и онъ самъ не тронетъ». Если же неожиданно потревожить его во время ѣды или сна, онъ круто оборачивается, устремляетъ пристальный взоръ на человѣка и испускаетъ негодующій, жалобный крикъ. Если ружье охотника даетъ осѣчку или обезьяна будетъ только ранена, то случается, что она бросается въ бѣгство; иногда, однако, съ яростью во взорѣ, съ отвисшей губой и приподнявшимся пучкомъ волосъ на головѣ, она кидается на противника. Горилла, повидимому, не отличается проворствомъ, такъ какъ охотники зачастую убѣгаютъ отъ него. Нападаетъ онъ всегда на четверинкахъ, хватая досадившій ему предметъ, подноситъ ко рту и кусаетъ его. Распространенный повсюду разсказъ о томъ, что горилла въ состояніи прокусить дуло ружья, не представляетъ ничего удивительнаго, такъ какъ всякое большое животное, снабженное крѣпкими челюстями, можетъ сплющить зубами дешевыя бирмингамскія ружья. Я слышалъ съ различныхъ сторонъ, что горилла убивалъ людей, но всегда находилъ, что разсказы эти основаны были на преданіяхъ. Охотникъ, служившій мнѣ проводникомъ въ лѣсахъ Нгумби, былъ однажды раненъ гориллою. Рука его была совершенно искалѣчена и на кисти еще виднѣлись слѣды зубовъ гориллы. Я попросилъ его съ точностью представить мнѣ, какъ нападаетъ горилла. Я изображалъ охотника, онъ—гориллу. Онъ присѣлъ, а я сдѣлалъ видъ, что хочу стрѣлять въ него. Тогда онъ на четверинкахъ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ мою руку у кисти, поднесъ ее ко рту, укусилъ ее и убѣжалъ. «Вотъ какъ сдѣлалъ горилла со мною», сказалъ онъ.

При содѣйствіи такихъ простыхъ свидѣтелей лучше всего можно добиться истины среди негровъ. Въ общемъ, леопарда считаютъ за болѣе свирѣпое и болѣе опасное животное, чѣмъ гориллу. Но вѣдь съ другой стороны и шимпанзе бросается на человѣка, когда тотъ нападаетъ на него; то же дѣлаетъ и орангъ-утангъ, также поступаютъ, наконецъ, всѣ животныя, начиная со слона и кончая наѣдомыми. И такъ, я не имѣю никакого основанія предположить, чтобы горилла былъ болѣе свирѣпъ и болѣе склоненъ нападать на человѣка, нежели другіе звѣри, которые, подобно нашей обезьянѣ, осмотрительны и трусливы и умѣютъ пользоваться своимъ прекраснымъ чутьемъ и слухомъ, чтобы уйти отъ преслѣдованій человѣка. Въ качествѣ скромнаго собирателя фактовъ, я стремлюсь къ одному—къ истинѣ. Показанія мои отличаются отъ показаній моихъ предшественниковъ, но я долженъ откровенно признаться, что какъ та, такъ и другая сторона одинаково правы. Всѣ негры вообще склонны скорѣе къ преувеличенію, чѣмъ къ умаленію фактовъ. Я разспросилъ, можетъ быть, большее число свидѣтелей, чѣмъ Вильсонъ, Саважъ и Фордъ вмѣстѣ, и былъ вдвое болѣе остороженъ при моихъ изслѣдованіяхъ, разъ дѣло касалось важнаго вопроса; однако тѣ имѣли передо мною большое преимущество въ томъ, что знали языкъ туземцевъ и не нуждались въ переводчикѣ, а также лучше меня были знакомы съ нравами туземцевъ. Я не въ состояніи опредѣлить относительную цѣнность нашихъ сообщеній уже по одному тому, что не знаю, отъ какого племени тѣ путешественники получили свои свѣдѣнія. То, что я могу утверждать по собственному наблюденію, состоитъ въ слѣдующемъ: я видѣлъ гнѣзда гориллъ и описалъ ихъ, однако не могу сказать навѣрное, служатъ ли они имъ постоянною постелью или только временнымъ логовищемъ. Я также неоднократно находилъ слѣды

гориллы и потому вправѣ утверждать, что эта обезьяна обыкновенно ходитъ на четверинкахъ. Никогда не случалось мнѣ находить сразу слѣдовъ больше, чѣмъ отъ двухъ гориллъ. Я также дѣлалъ наблюденія надъ молодымъ гориллою и молодымъ шимпанзе въ плѣну и смѣю увѣрить, что оба оказались одинаково понятливы. Наконецъ, я могу утверждать, что горилла, по крайней мѣрѣ иногда, бѣжитъ отъ человѣка, такъ какъ я находился достаточно близко, чтобы слышать, какъ одинъ изъ нихъ убѣждалъ отъ меня.

Изъ множества разказовъ, сообщенныхъ мнѣ про гориллу, я выпустилъ всѣ, казавшіеся мнѣ недостаточно правдоподобными. Въ одномъ изъ этихъ разказовъ, напримѣръ, говорится, что иногда семья гориллъ влѣзаетъ на дерево и до отвалу наѣдается извѣстныхъ плодовъ, въ то время, какъ старый отецъ семейства остается у подножія дерева. «Если тебѣ удастся», говорятъ туземцы, «подойти на достаточно близкое разстояніе, чтобы убить его, то ты можешь убить также остальную семью». Во второмъ разказѣ говорится о томъ же, о чемъ говорится во всѣхъ разказахъ про большихъ обезьянъ, а именно, о томъ, что онѣ уносятъ съ собой женщинъ. Каждый, однако, будетъ въ правѣ отнестись недовѣрчиво къ этимъ разказамъ, если, напримѣръ, услышитъ, что обезьяны утащили одну женщину въ лѣсъ и она жила тамъ среди нихъ въ полудикомъ состояніи.

Винвудъ Ридъ заключаетъ свои сообщенія замѣчаніемъ, что онъ ничего не могъ узнать о томъ, чѣмъ горилла рѣзко отличается отъ шимпанзе по образу жизни. Оба строятъ гнѣзда, оба бѣгаютъ на четверинкахъ, оба не общежительны, но иногда собираются въ стада, и т. д. «Бѣлый человѣкъ до сихъ поръ не убивалъ еще ни гориллы, ни шимпанзе. Осторожность этихъ животныхъ, неизвѣстность ихъ мѣстопребыванія, зависть охотниковъ-туземцевъ, все это дѣлаетъ такого рода охоту предпріятіемъ чрезвычайно труднымъ».

Со времени сообщенія вышеописаннаго Ридомъ,—безспорно самымъ добро-совѣстнымъ докладчикомъ,—паши свѣдѣнія о гориллѣ въ значительной степени увеличались. Два раза удалось германскимъ путешественникамъ, членамъ экспедиціи Гюсфельда по рѣкѣ Лоанго, сохранить въ живыхъ молодыхъ гориллъ, которыхъ они и отправили въ Европу въ 1876 и 1883 годахъ; тамъ прожили они довольно долгое время въ берлинскомъ акваріумѣ, подъ наблюденіемъ директора Гермеса, и, такимъ образомъ, доставили представителямъ науки возможность привести въ ясность въкоторыя, еще не разъясненные вопросы. Далѣе, Гуго фонъ-Коппенфельсъ, страстный охотникъ, въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ нѣсколько разъ предпринималъ путешествія въ страны, лежащія по рѣкамъ Габуну и Огове, чтобы ознакомиться на мѣстѣ съ этими замѣчательными животными.

Коппенфельсъ пока является единственнымъ европейцемъ, который наблюдалъ въ лѣсахъ и собственноручно убивалъ гориллъ. Онъ подтверждаетъ многія изъ показаній, данныхъ другими, въ особенности Ридомъ, по наслышкѣ, и пополняетъ ихъ на основаніи личнаго опыта.

«Я утверждаю, хотя это и можетъ показаться невѣроятнымъ, что изъ туземцевъ, занимающихся охотой, можетъ быть только одной трети случалось видѣть гориллу въ лѣсу. За исключеніемъ старыхъ нелюдимыхъ самцовъ, гориллы живутъ семейно и скитаются по лѣсамъ для отысканія пищи, потребляемой ими въ громадномъ количествѣ; веди такимъ образомъ бродячій образъ жизни, они почувютъ тамъ, гдѣ застанутъ ихъ наступившія сумерки. Каждый вечеръ поэтому они строятъ новое гнѣздо, которое устраиваютъ на высотѣ 5—6 метровъ на большихъ здоровыхъ деревьяхъ, толщиною не многимъ болѣе 0,3 метра. Гнѣздо это, на подобіе журавлиного, расположено на первомъ развѣтвленіи болѣе толстыхъ сучьевъ и сло-

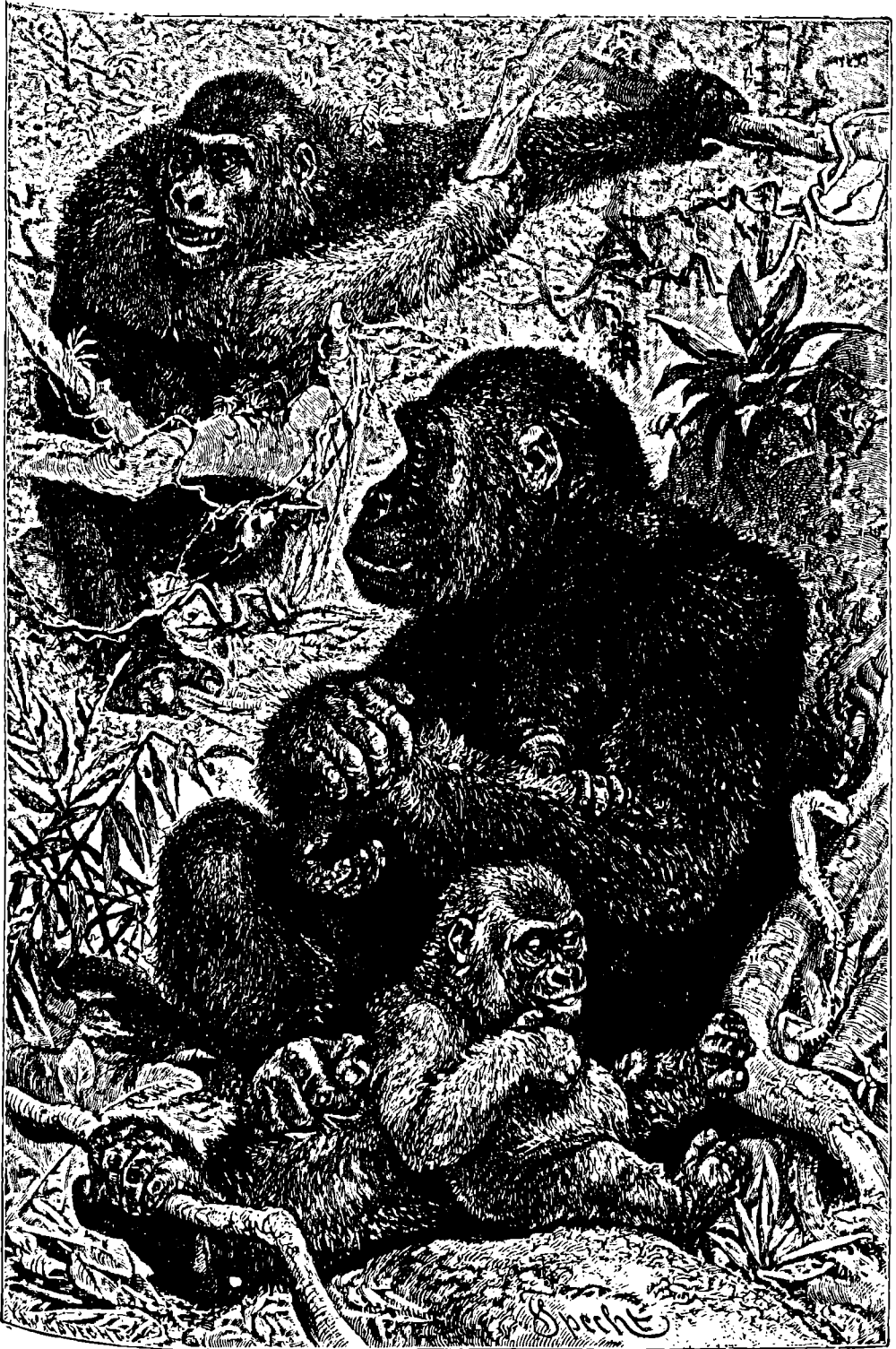
жено изъ зеленыхъ вѣтвей. Дѣтеныши и, если они еще нуждаются въ теплотѣ, также мать ихъ. отдыхаютъ въ немъ ночью, тогда какъ отецъ проводитъ ночь, сидя скорчившись у подножья ствола и прислонясь къ нему спиною; такимъ образомъ, онъ охраняетъ свою семью отъ нападенія леопардовъ. Въ сухое время года, когда въ глубинѣ лѣсовъ начинается ощущаться недостатокъ въ водѣ и пищѣ, гориллы дѣлаютъ набѣги на плантаціи туземцевъ и производятъ въ нихъ страшныя опустошенія, какъ и другія обезьяны. Тогда хозяева плантаціи выставляютъ стражу, которой, въ большинствѣ случаевъ, частыми выстрѣлами изъ ружей удается прогнать гориллъ. Случается, однако, что старые гориллы-самцы, сознавая свою геркулесовскую силу, полагаются на свое въ высшей степени острое чутье и гонимые голодомъ, не обращаютъ на это вниманія и продолжаютъ свои опустошенія по ночамъ. Въ такихъ случаяхъ люди, потерпѣвшіе убытки, принуждены бываютъ подкараулить или выслѣдить ненасытное животное и застрѣлить его. Сдѣлать это, однако, удается туземцамъ въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ хитрый звѣрь сразу чувствуетъ серьезное намѣреніе своихъ преслѣдователей и удаляется на нѣкоторое время».

«Пока его не тронуть, горилла не нападаетъ на человѣка и скорѣе даже избегаетъ встрѣчи съ нимъ. Если, однако, внезапно потревожить его, то онъ приподнимается на ноги, издаетъ изъ глубины груди отрывистый, не то рычащій, не то хрюкающій ревъ, который передать невозможно, и колотитъ себя своими громадными кулаками по гигантской груди; при этомъ онъ скрежещетъ зубами, лицо его принимаетъ самое свирѣпое выраженіе и волосы на лбу и на затылкѣ шевелятся и становятся дыбомъ. Приведенный въ бѣшенство, старый горилла представляетъ ужасающій видъ. Если не раздражать его и во-время отступить понемногу, пока ярость его не достигла еще своихъ крайнихъ предѣловъ, то я не думаю, чтобы онъ рѣшился на нападеніе. Если же выстрѣлить и имѣть несчастье только слегка ранить его, то я увѣренъ, хотя самъ и не испыталъ этого, что горилла бросается на стрѣлку, и горе тому, если у него нѣтъ сейчасъ же второй пули на-готовѣ! Бѣгство отъ него невозможно, защищаться другимъ оружіемъ, кромѣ огнестрѣльнаго—совершенно безцѣльно».

«Горилла, сколько мнѣ случалось замѣчать, питается растптельной пищей. Однако, молодые оказываютъ въ плѣну особенное предпочтеніе животному корму, откуда можно заключить, что, живя въ лѣсу, они не пренебрегаютъ ни мясомъ, ни яйцами. Стоитъ разъ только увидѣть гориллу, чтобы не смѣшивать его больше съ шимпанзе. Помимозначительно большаго роста, болѣе коренастаго сложенія, горилла отличается еще сѣрымъ цвѣтомъ волосъ, который въ старости распространяется почти по всему тѣлу. Цвѣтъ лица его, однако, съ молодыхъ до старыхъ лѣтъ остается чернымъ; у шимпанзе онъ измѣняется, смотря по разновидности и по возрасту. Горилла отличается также чрезвычайнымъ развитіемъ всей мышечной системы своего удивительно массивнаго тѣла, не считая икръ, которыхъ лишены всѣ обезьяны, и, принимая въ расчетъ его большую ловкость, которая на первый взглядъ кажется не очень большою, я — если можно позволить себѣ подобное сравненіе — побился бы объ закладъ, что онъ выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы съ сильнымъ медвѣдемъ. Туземцы называютъ его различнымъ образомъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ зовутъ его «Идшина», въ другихъ — «Нгуяла».

Въ Рождество 1874 года г. фонъ-Коппенфельсъ въ первый разъ убилъ гориллу. Онъ всталъ неподалеку отъ большого дерева *кайя* (*Spondias mrobolanus*), плоды котораго гориллы очень любятъ и на которомъ онъ нашелъ нѣсколько плодовъ, недавно початыхъ ими. «Около часа я ждалъ напрасно. Стало замѣтно смеркаться; москиты жалили меня очень больно, и я хотѣлъ было покинуть свой постъ, какъ

ГОРИЛЛА.

вдругъ изъ-за акаціи послышался легкій трескъ. Выглянувъ изъ-за ствола, за которымъ стоялъ, я замѣтилъ тамъ семью гориллъ, беззаботно занимавшихся собираніемъ плодовъ. Семья состояла изъ обоеихъ родителей и двухъ различнаго возраста дѣтенышей; старшему было лѣтъ 6, а младшему 1 годъ, если считать по признакамъ человѣческаго возраста. Трогательно было смотрѣть, съ какою любовью мать заботилась о меньшому. Отецъ, напротивъ, не забылся ни о чемъ другомъ, кромѣ утоленія собственнаго голода. Лучшіе плоды были, по всей вѣроятности, съѣдены, и самка, съ необыкновенной быстротой вскарабкавшись на дерево, стала стряхивать съ него спѣлые. Тутъ горилла-самецъ, продолжая жевать, отправился питься къ близкому источнику. Я ни на одно мгновеніе не спускалъ съ него глазъ. При появленіи этого животнаго, я сильно испугался, вспомнивъ описанія Дю-Шаллю и полныя сказочныхъ преувеличеній рассказы туземцевъ. Волненіе мое, однако, исчезло, когда горилла, приблизившись къ берегу ручья, вдругъ стала обнаруживать безпокойство и, присѣвъ, началъ всматриваться въ сторону дерева, скрывавшаго меня. Слишкомъ поздно, однако, почуялъ онъ близкаго врага, такъ какъ, вскинувъ ружье и приложившись, я уже слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ. Достаточно было нѣсколькихъ мгновеній, чтобы прицѣлиться въ животное, неподвижно уставившее на меня свои глаза. Раздался выстрѣлъ. Не успѣлъ еще разсѣяться дымъ его, какъ я уже вложилъ въ стволъ ружья новый патронъ и сталъ ждать нападенія животнаго. Мой черный спутникъ, дрожа, стоялъ позади меня и держалъ второе ружье наготовѣ. Нападенія, однако, не послѣдовало. Горилла самецъ, пораженный на смерть, упалъ на лицо. Дѣтеныши, испустивъ отрывистый крикъ, бросились въ чащу; мать соскочила со значительной высоты съ дерева на землю и послѣдовала за ними. Я былъ до того возбужденъ, что не догадался выстрѣлить по ней. Такимъ образомъ, въ то время, когда у насъ, въ Германіи, зажигались ели, и на долю счастливаго охотника въ Африкѣ выпалъ прекрасный рождественскій подарокъ».

Немного времени спустя, при случайной встрѣчѣ, Коппенфельсъ застрѣлилъ самаго крупнаго гориллу изъ когда-либо убитыхъ имъ. Онъ шелъ въ сопровожденіи своихъ носильщиковъ по узкой лѣсной тропинкѣ. «Вдругъ раздался позади меня крикъ непосредственно шедшаго за мной Галлоа, и съ восклицаніемъ «Берегись, господинъ, большой горилла!» эти трусы бросили свою ношу и убѣжали. Я былъ ошеломленъ этимъ крикомъ и только тогда, когда въ сторонѣ отъ меня раздалось глухое рычаніе, я увидалъ, шагахъ въ 15, приподнимавшуюся огромную темную массу. Это былъ самый большой горилла, котораго я когда-либо видѣлъ, и первый, который не обратился въ бѣгство. Воспользуйся онъ моимъ смущеніемъ, и я бы погибъ. Но я не нашелъ нужнымъ продолжать это взаимное разглядываніе и поднялъ двухстволку. Тутъ грозный ревъ превратился въ лай, удары въ грудь посыпались чаще, всклокоченные волоса его затряслись и встали дыбомъ на головѣ, и мой страшный противникъ, казалось, готовился къ нападенію. Если бы я удалился осторожно и во время, то я увѣренъ, что горилла не попалъ бы на меня; но не таково было мое намѣреніе. Вполнѣ овладѣвъ собою, я спокойно и увѣренно сталъ цѣлить ему въ сердце. Раздался выстрѣлъ, животное подскочило и, завертѣвшись на мѣстѣ, упало на лицо, раскинувъ руки. Падал, онъ ухватился за лиану, толщиной въ 5 сантиметровъ, и сила его была до того велика, что онъ вмѣстѣ съ нею сорвалъ съ собой на землю нѣсколько сухихъ и зеленыхъ сучьевъ. Вѣсомъ онъ былъ, по крайней мѣрѣ, въ 200 килограммовъ; длина его тѣла была 1,9 метр.»

Благодаря правдивымъ описаніямъ г. фонъ-Коппенфельса и сообщеніямъ его о нравахъ гориллъ, основаннымъ исключительно на личныхъ наблюденіяхъ, мы получаемъ болѣе вѣрное представленіе объ этомъ рѣдкомъ обитателѣ лѣсовъ, и

горилла теряетъ въ нашихъ глазахъ большую часть приписываемыхъ ему ужасныхъ качествъ. Можно вполне присоединиться къ мнѣнію Р. Буртона, который такъ здраво судитъ о вещахъ, касающихся Африки, когда онъ говоритъ, соображаясь со всѣмъ, что передъ тѣмъ разузналъ самъ на мѣстѣ: «Горилла—не болѣе, какъ жалкая обезьяна, какъ всѣ другія, а не адское чудовище, полу-человѣкъ, полу-звѣрь, какъ его описывали раньше».

Попытка перевезти въ Европу живыми молодыхъ гориллъ, которыхъ туземцы иногда доставляютъ на берегъ, очень долго не удавалась. Животныя умирали уже по дорогѣ. Разъ только, въ шестидесятихъ годахъ, говорятъ, въ Англію прибылъ молодой горилла и короткое время находился въ рукахъ одного укротителя звѣрей, который даже не зналъ, какимъ сокровищемъ обладаетъ. Членамъ германской экспедиціи по рѣкѣ Лоанго это предпріятіе впервые удалось съ успѣхомъ. Фалькенштейнъ, врачъ и зоологъ этой экспедиціи, получилъ, благодаря счастливой случайности, молодого гориллу; послѣдній былъ боленъ и долженъ былъ, повидимому, погибнуть, но, благодаря неустаннымъ заботамъ Фалькенштейна объ этомъ животномъ, оно прожило сначала довольно долгое время въ Африкѣ, а затѣмъ въ берлинскомъ акваріумѣ, гдѣ многіе могли его изучать и любоваться имъ.

«Прибывъ 2-го октября 1875 г въ Понтанегра», рассказываетъ Фалькенштейнъ, «и войдя въ магазинъ португальца Лаурентино Антонио досъ - Сантосъ, я увидѣлъ привязаннаго къ большому вѣсамъ молодого гориллу, какого мы передъ тѣмъ напрасно старались добыть въ лѣсу. Негръ, застрѣлившій мать за нѣсколько дней передъ тѣмъ, привезъ его изъ внутренней части страны, и насколько это было возможно, его старались прокормить, чтобы продать какъ можно дороже на первый, идущій въ Европу пароходъ. Это былъ молодой самецъ, имѣвшій довольно жалкій видъ, такъ какъ до сихъ поръ почти не дотрогивался до предложенныхъ ему лѣсныхъ плодовъ, и онъ, безъ сомнѣнія, погибъ бы, какъ это случалось съ его предшественниками при прежнихъ попыткахъ, если бы былъ доставленъ на бортъ корабля въ такомъ состояніи. Я уже теперь не думалъ, чтобы возможно было сохранить звѣрька въ живыхъ, но надѣялся довести его до Чинчочо, чтобы, по крайней мѣрѣ, снять первую фотографію съ живого гориллы, и предлагалъ за него, поэтому, любую цѣну. Господинъ Лаурентино отклонилъ, однако, мое предложеніе, замѣтивъ, что радъ оказать мнѣ признательность отъ имени всѣхъ своихъ соотечественниковъ, которыхъ я лѣчилъ и за которыми ухаживалъ столь безкорыстно; онъ отъ души просилъ меня принять отъ него обезьяну въ подарокъ. Зная, какаю ему будетъ цѣна, если бы удалось привезти его въ Европу живымъ, я сначала отказывался принять это любезное предложеніе; но въ виду искренности его и соображая, что въ другихъ рукахъ цѣнность его была во всякомъ случаѣ весьма сомнительна, я рѣшился принять подарокъ и, при прощаніи, выразилъ господину Лаурентино самую искреннюю благодарность, которую повторяю здѣсь еще разъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, такъ какъ его безкорыстіе принесло прекрасные плоды и послужило въ пользу какъ наукѣ, такъ и Обществу изслѣдованія Африки.»

«По прибытіи на станцію, первую моею заботою было послать за всѣми лѣсными плодами, какихъ только можно было достать, и приобрести козу, чтобы поднять довольно таки упавшія силы молодого гориллы. Понятно, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили мы за его попытками приняться за ѣду и какое почувствовали облегченіе, когда увидѣли, что онъ не только сталъ пить молоко съ большимъ удовольствіемъ, но также принялся за различные плоды съ пробуждающимся аппетитомъ, выбирая изъ нихъ преимущественно плоды растущей въ саваннахъ *Anona Senegalensis*. Несмотря на это, онъ еще довольно долгое время былъ до

того слабъ, что засыпалъ во время ѣды и большую часть дня спалъ, свернувшись въ углу. Мало по малу, однако, онъ сталъ привыкать къ плодамъ воздѣлываемыхъ растений, какъ-то: бананамъ, гуаявамъ, апельсинамъ, манго, и, по мѣрѣ того, какъ прибывали его силы и онъ чаще присутствовалъ за нашимъ столомъ, онъ началъ ѣсть все, что ѣли мы. Видя, какъ онъ, такимъ образомъ, постепенно привыкаетъ принимать и переносить какую угодно пищу, мы стали все болѣе надѣяться благополучно перевезти его въ Европу. Это во всякомъ случаѣ единственный способъ подготовить къ перевозкѣ и другихъ, можетъ быть, даже болѣе взрослыхъ обезьянъ; каждая попытка доставить на бортъ этихъ животныхъ, не отучивъ ихъ предварительно отъ прежняго образа жизни, не приготовивъ ихъ совершенно постепенно и цѣлесообразно къ измѣнившимся условіямъ, снова повлекла бы за собой болѣе или менѣ скорую гибель ихъ».

«Если въ другихъ сообщеніяхъ и обращается особое вниманіе на дикость даже молодыхъ гориллъ и высказывается сомнѣніе въ возможности приручить ихъ, то поведеніе нашего дало намъ поводъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ: въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль онъ до того привыкъ къ окружающей его обстановкѣ и къ лицамъ, съ которыми познакомился, что его пускали бѣгать на свободѣ, не опасаясь съ его стороны попытокъ къ бѣгству. Ни разу онъ не былъ ни посаженъ на цѣпь, ни запертъ и не нуждался ни въ какомъ другомъ надзорѣ, кромѣ того, которымъ окружаютъ маленькихъ играющихъ дѣтей. Онъ чувствовалъ себя до того безпомощнымъ, что не могъ обойтись безъ человѣка и, сознавая это, обнаруживалъ удивительную привязанность и довѣрчивость. Коварныхъ, злобныхъ, дикахъ качествъ не было и слѣда, и только иногда проявлялъ онъ большое упрямство. У него были различныя звуки, которыми онъ выражалъ свои чувства и желанія; одни изъ нихъ своеобразнымъ стономъ выражали настоятельную просьбу, другіе — страхъ или ужасъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ слышалось недовольное ворчаніе.»

«Мы удостовѣрились въ справедливости факта, что гориллы, какъ рассказываютъ многіе охотники и какъ это наблюдалъ Гуго фонъ-Копценфельсъ, барабанятъ по своей груди кулаками: нашъ «Мпунгу», очевидно отъ избытка пріятныхъ ощущений и чисто изъ удовольствія, нѣсколько разъ принимался колотить себя въ грудь кулаками, подымаясь при этомъ на заднія лапы. Впрочемъ, во время пребыванія въ Европѣ, этого за нимъ, сколько я знаю, не наблюдалось, быть можетъ потому, что онъ не пользовался тутъ здоровьемъ въ той степени, какой снова достигъ въ своемъ отечествѣ. Кромѣ того, его настроеніе духа часто выражалось, совершенно какъ у человѣка, хлопаньемъ въ ладоши, чему его не учили, и подчасъ, кувыркаясь, шатаясь изъ стороны въ сторону и кружась на одномъ мѣстѣ, онъ исполнялъ такіе дикіе танцы, что мы иногда не на шутку думали, что онъ какимъ нибудь образомъ напился пьянъ. Но его оупьяняло только удовольствіе: оно одно заставляло его испытывать свои силы въ самыхъ отчаянныхъ прыжкахъ.

«Въ особенности поражала его ловкость и осторожность, которую онъ выказывалъ во время ѣды: когда въ комнату входила какая-либо изъ остальныхъ обезьянъ, то ничего, бывало, не уцѣлѣетъ отъ нихъ; онъ съ любопытствомъ хваталъ каждую вещь и тотчасъ же, не безъ нѣкотораго предвзятаго намѣренія, бросали ее отъ себя, или роняли безъ вниманія. Совершенно ипаче горилла: онъ брался съ природной бережностью за каждую чашку, за каждый стаканъ; поднося сосудъ ко рту, обхватывалъ его обѣими руками и ставилъ его, затѣмъ, тихо и осторожно; мнѣ не помнится, чтобы онъ сломалъ что-либо изъ нашихъ хозяйственныхъ вещей. Однако же, мы никогда не учили его ни употребленію посуды, ни другимъ фокусамъ, чтобы привезти его въ Европу по возможности съ его при-

родными привычками. Движенія его во время ѣды точно также были спокойны и приличны; онъ бралъ отъ всего лишь столько, сколько могъ захватить большимъ, третьимъ и указательнымъ пальцами, и равнодушно глядѣлъ, когда брали что-нибудь изъ наваленныхъ передъ нимъ кучъ корма. Однако, когда ему еще ничего не давали, онъ нетерпѣливо ворчалъ, пристально слѣдилъ со своего мѣста у стола за каждымъ блюдомъ и недовольно ворчалъ или отрывисто кашлялъ каждый разъ, когда негритенокъ уносилъ со стола какую-нибудь тарелку; онъ даже старался поймать проходящего мимо него за руку, чтобы, укусивъ или ударивъ его, выразить этимъ еще сильнѣе свое неудовольствіе. Сейчас же вслѣдъ за тѣмъ онъ снова игралъ съ ними, какъ съ себѣ подобными. Онъ пилъ, всасывая жидкость губами и нагибался при этомъ къ сосуду, никогда ни запуская въ него рукъ и не опрокидывая его; болѣе малкіе изъ нихъ онъ, впрочемъ, иногда подносилъ ко рту. Лазалъ онъ довольно ловко, однако шаловливость права, свойственная ему, заставляла его, отъ времени до времени, забывать осторожность, такъ что разъ онъ свалился на землю съ вѣтвей дерева, къ счастью не особенно высокаго. На деревья, однако, они, какъ кажется, влѣзаютъ только за пищей, обыкновеннымъ же мѣстопребываніемъ имъ служить лѣсная почва. Точно также, ночью они, навѣрное, остаются на землѣ и собираютъ со всѣхъ сторонъ листья и хворостъ себѣ для логовища, какъ мы это часто видѣли на нашемъ гориллѣ, занимавшемся этимъ дѣломъ съ такою суетливостью, что онъ забывалъ все остальное».

«Замѣчательна была, притомъ, его чистоплотность: попавъ случайно рукою въ паутину или грязь, онъ съ смѣшнымъ отвращеніемъ старался освободиться отъ этого, или протягивалъ обѣ руки, чтобы ему помогли. Равнымъ образомъ онъ отличался полнѣйшимъ отсутствіемъ своеобразнаго запаха и очень любилъ играть и плескаться въ водѣ; впрочемъ, только-что взятая ванна не мѣшала ему сейчас же вслѣдъ за этимъ шалить и кататься въ песокъ съ другими обезьянами. Изъ всѣхъ, рѣзко характеризующихъ его качествъ, особаго вниманія заслуживаютъ его добродушіе и хитрость или скорѣе дѣтская шаловливость: если, напримѣръ, какъ это вначалѣ случалось, онъ бывалъ наказанъ, то никогда не сердился; напротивъ того, подходилъ къ наказавшему его съ просящимъ видомъ, обхватывалъ ноги и глядѣлъ кверху съ такимъ, свойственнымъ ему одному, выраженіемъ, что обезоруживалъ всякій гнѣвъ; вообще, если онъ хотѣлъ чего-нибудь достигнуть, то ни одинъ ребенокъ не могъ настоятельнѣе и вкрадчивѣе его выразить свои желанія. Если же, не смотря на это, онъ не получалъ, чего просилъ, то прибѣгалъ къ хитрости и ворко наблюдалъ, не слѣдятъ ли за нимъ. Въ такихъ случаяхъ, когда онъ настойчиво преслѣдовалъ какую-нибудь мысль, пельзя было не видѣть въ преслѣдованіи ея предвзятаго, вѣрно обдуманнаго плана. Если, напримѣръ, ему не позволяли выйти изъ комнаты, или, наоборотъ, войти въ нее, и всѣ его попытки настоять на своемъ были отклонены, то онъ дѣлалъ видъ, что покоряется судьбѣ и съ притворнымъ равнодушіемъ ложился недалеко отъ двери; вскорѣ, однако, онъ приподнималъ голову, пододвигался все ближе да ближе къ двери, причемъ, тщательно озираясь, перекачивался съ боку-на-бокъ; достигнувъ порога, осторожно вставалъ на ноги, изглядывалъ наверхъ и, перескочивъ черезъ порогъ однимъ прыжкомъ, убѣгалъ галопомъ съ такою поспѣшностью, что трудно было слѣдовать за нимъ».

«Съ подобною же настойчивостью преслѣдовалъ онъ свою цѣль, когда хотѣлъ полакомиться сахаромъ или фруктами, которые хранились въ столовой въ шкафу. Тогда онъ вдругъ бросалъ игру, отправлялся по направленію, совершенно противуположному тому, которое должно было привести его къ цѣли, и измѣнялъ его только тогда, когда думалъ, что скрылся изъ глазъ. Тогда онъ спѣшилъ прямо въ комнату

я къ шкафу, отворялъ его быстро, увѣренно запуская руку въ сахарницу или въ блюдо съ фруктами; иногда даже при этой продѣлкѣ онъ притворялъ за собою дверь шкафа; затѣмъ преспокойно съѣдалъ свою добычу, или, будучи замѣченъ, немедленно удиралъ съ нею. Во всѣхъ своихъ поступкахъ онъ, однако, ясно обнаруживалъ сознание того, что дѣлаетъ незаконное».

«Онъ находилъ своеобразное, почти дѣтское удовольствіе въ стучаніи по пустымъ внутри предметамъ, для того, чтобы произвести шумъ и, проходя мимо бочекъ, блюдеъ или жестяныхъ вещей, рѣдко пропускалъ случай, чтобы не побарабанилъ по нимъ; этими шалостями онъ занимался и во время нашего путешествія на родину, на пароходѣ, гдѣ ему также позволяли бѣгать на свободѣ. Незнакомые звуки, однако, были ему въ высшей степени неприятны. Татъ, на примѣръ, громъ или дождь, стучащій по крышѣ изъ листьевъ, а еще больше, продолжительный звукъ трубъ или свистка, пугали его до того, что вызывали непроизвольное испражнение, что заставляло насъ держать его въ такихъ случаяхъ въ возможно большемъ отъ себя отдаленіи. При случавшихся съ нимъ запорахъ, мы примѣняли музыку въ видѣ лѣкарства съ наименьшимъ успѣхомъ, чѣмъ слабительныя».

«При продолжавшемся за нимъ тщательномъ уходѣ питомецъ нашъ росъ и процвѣталъ у насъ на глазахъ до начала февраля 1876 года; въ это время онъ захворалъ тяжелою болѣзною, сопряженною съ судорогами, которая, вѣроятно, была инфекціоннаго характера. Въ продолженіе четырехъ недѣль мы ежедневно боялись за его жизнь, пока необыкновенно сильное сложеніе его и, можетъ быть, постоянныя приемы хинина и каломеля не одержали наконецъ побѣды надъ болѣзною и не привели животное постепенно къ выздоровленію. Радость по этому поводу была всеобщая и не могла омрачиться даже достигшимъ до насъ извѣстіемъ о томъ, что въ Дрезденѣ живетъ ложный горилла, — извѣстіемъ, грозившимъ лишить насъ удовлетворяющаго наше самолюбіе сознанія, что первый здоровый экземпляръ перевезенъ въ Европу нами. Къ счастью, изъ спора ученыхъ, а также изъ бывшаго изображенія гориллы, очень скоро выяснилось, что люди въ Европѣ находились въ жестокомъ заблужденіи, которое могло разсѣяться, и на самомъ дѣлѣ разсѣялось, только благодаря благополучно привезенному нами экземпляру. Извѣстный анатомъ Д. Гартманъ, своими трудами, съ большимъ рвеніемъ изобличилъ эту ошибку».

«Большія хлопоты, которыя Мпунгу доставилъ членамъ экспедиціи, съ избыткомъ вознаградились тѣмъ вниманіемъ, которое оказывали ему со всѣхъ сторонъ во время его почти полугодового пребыванія въ Берлинѣ; и если болѣзнь легкихъ, гибельная для всѣхъ обезьянъ, въ концѣ концовъ погубила и его, то по крайней мѣрѣ наука не понесла при этомъ никакихъ потерь. Всѣ наблюденія, которыя только можно было сдѣлать надъ нимъ, были произведены въ достаточномъ количествѣ; а трупъ его, кромѣ того, далъ еще возможность до мельчайшихъ подробностей изучить всѣ его органы».

«Интересно еще прослѣдить ростъ Мпунгу со дня его пріобрѣтенія, 2-го октября 1875 года, до смерти, 13 ноября 1877 года. При первомъ измѣреніи оказалось: вся длина, отъ подошвы до темени, въ вытянутомъ положеніи 73 см.; длина одного туловища 46 см.; высота въ естественномъ стоячемъ положеніи 65 см., ширина плечъ 25 см. Вѣсомъ онъ былъ въ 14 килогр. При послѣднемъ измѣреніи вся длина его была 86,5 см., длина туловища $56\frac{1}{2}$ см.; высота въ стоячемъ положеніи 76 см., ширина плечъ 29 см. Вѣсомъ онъ былъ въ 21 килогр. И такъ, въ двухлѣтній промежутокъ времени росту въ немъ прибавилась одна шестая, а вѣсомъ онъ сдѣлался на половину тяжелѣе противъ прежняго. Въ періодъ самаго врѣ-

каго здоровья число его дыханій было уставовлено въ среднемъ 24 въ минуту число ударовъ пульса—88 и температура тѣла въ 37,7 градусовъ по Цельсію.

«Смерть его сопровождалась явленіями скоротечной чахотки, къ которой въ послѣдніе дни присоединился сильный желудочно-кишечный катарръ. Впрочемъ, вскрытіе, предпринятое въ присутствіи первыхъ авторитетовъ по части паталогической анатоміи, привело къ совершенно неожиданнымъ результатамъ, а именно: оказалось, что Мпунгу, въ теченіе своей кратковременной жизни, по всей вѣроятности въ послѣднемъ ея періодѣ, перенесъ, благодаря своему крѣпкому сложенію, нѣсколько очень тяжкихъ болѣзней. Обнаружены были не только остатки бывшаго когда-то воспаленія около сердечной сумки и плеврита, но также болѣзнь кишекъ, распространившаяся очень сильно. Все это онъ перенесъ благополучно, и, если-бы не неизлѣчимый недугъ, скрутившій его, то, благодаря истинно самоотверженному уходу за нимъ его владѣльца и сторожа, навѣрное удалось бы сохранить его для науки еще въ продолженіи многихъ лѣтъ».

«Другіе путешественники, вѣроятно, еще увеличатъ матеріалъ, нами собранный, но мы по крайней мѣрѣ, достигли одного: на Гвинейскомъ берегу теперь такъ извѣстна высокая цѣнность этихъ животныхъ, что туземцы съ большою готовностью занимаются ихъ ловлею, и потому можно надѣяться, что въ скоромъ времени будетъ сдѣланъ еще шагъ къ разрѣшенію вопроса, одинаково интересующаго какъ ученыхъ, такъ и обыкновенныхъ людей».

Про дальнѣйшее развитіе этого гориллы въ берлинскомъ акваріумѣ директоръ Гермесъ, на съѣздѣ германскихъ естествоиспытателей и врачей въ Гамбургѣ, дѣлаетъ слѣдующее сообщеніе: «Берлинскій акваріумъ уже много лѣтъ тому назадъ сталъ высоко цѣнить пріобрѣтеніе челоѣкообразныхъ обезьянъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ немъ жили всѣ четыре вида челоѣкообразныхъ: Гиббонъ, Орангъ, Шимпанзе и Горилла. Мнѣ представился, поэтому, наилучшій случай произвести наблюденія надъ ихъ жизнью въ плѣну сравнить ихъ между собою».

«Самый маленькій изъ нихъ, гиббонъ, стоя на низшей степени развитія, въ то же время самый чувствительный къ нашему климату и самый ловкій изъ всѣхъ. Окаймленное бѣлою бородою лицо и необыкновенно длинныя руки придаютъ ему странный видъ. Онъ единственный, который, ходя по ровной почвѣ, держится прямо. Походка его, правда, не ровная: онъ напоминаетъ капатнаго плясуна, который, при помощи полувытянутыхъ рукъ, старается удержать равновѣсіе. Какъ обитатель лѣсовъ, онъ лазаетъ превосходно и, бросаясь съ вѣтки на вѣтку, исполняетъ самыя большіе и изящныя прыжки».

«Въ сравненіи съ нимъ орангъ—неуклюжъ и флегматиченъ. Довѣрчивый и ласковый въ молодости, онъ, съ годами, дѣлается непривѣтливымъ и свирѣпымъ. Одному орангу, самому большому изъ бывшихъ когда-либо въ плѣну, я принужденъ былъ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, носить ежедневно лакомства, прежде чѣмъ осмѣлился подойти къ нему близко. По внѣшнему виду онъ былъ просто отвратителенъ. Рыжая, мохнатая шерсть, близко другъ къ другу придвинутые, маленькіе, коварные глаза на гладкомъ лицѣ, привычки, возбуждавшія отвращеніе, ужасныя зубы,—все это дѣлало его похожимъ на какое-то чудовище, при видѣ котораго едва-ли можно было подумать, что онъ, въ сущности, отъ природы очень добродушенъ. Не нужно обладать особенно пылкимъ воображеніемъ, чтобы видѣть въ немъ лѣсного разбойника и грабителя, какимъ онъ на самомъ дѣлѣ является у себя на родинѣ».

«Въ противоположность неуклюжему орангу, шимпанзе отличается самою не-обузданною веселостью и ловкостью, значительно превосходя перваго по развитію

умственныхъ способностей. Самый милый изъ всѣхъ шимпанзе—Тшего былъ хорошо знакомъ съ окружавшей его обстановкой и очень послушенъ. Точно барышня, любящая больше всего чистоплотность, онъ чистилъ и вытиралъ стекла своей клѣтки. Онъ зналъ употребленіе ключей отъ общей клѣтки обезьянъ и отъ клѣтки оранга и могъ даже найти ихъ въ связкѣ. Среди обезьянъ у него были свои особые любимцы, а еще больше онъ любилъ дѣтей и, чѣмъ эти были меньше, тѣмъ охотнѣе онъ возился съ ними. Съ большими дѣтьми онъ обращался, какъ съ равными себѣ, шутилъ съ ними, раздавалъ имъ оплеухи и показывалъ имъ, какъ слѣдуетъ кувиркаться. Когда онъ нѣсколько времени тому назадъ умеръ отъ болѣзни сердца, то мнѣ казалось, что я потерялъ стараго знакомаго. Другое шимпанзе, находившійся въ неволѣ уже два года, но все еще дикій и невоспитанный, хотя и замѣняетъ Тшего, однако, по темпераменту и нравственнымъ качествамъ, не имѣетъ съ нимъ ни малѣйшаго сходства».

«Горпилла самая высокопоставленная изъ всѣхъ человѣкообразныхъ обезьянъ и выказываетъ это уже по наружности. Нашъ приблизительно двухлѣтній горилла ростомъ почти въ 3 фута. Тѣло его покрыто мягкими, какъ шелкъ, сѣрыми волосами, на головѣ у него волосы рыжеватые. Его плотная, коренастая фигура, мускулистыя руки, гладкое, блестящее, черное лицо съ хорошо сформированными ушами, большіе, умные, насмѣшливые глаза—все это придаетъ ему поразительное сходство съ человѣкомъ. Онъ былъ бы похожъ на негртенка, если бы носъ имѣлъ болѣе правильную форму. Это впечатлѣніе увеличивается, благодаря неповоротливости всѣхъ его движеній; каждое изъ нихъ напоминаетъ скорѣе неуклюжаго мальчугана, чѣмъ обезьяну. Когда, воссѣдая на стулѣ, подобно идолу, онъ смотритъ на любующуюся на него публику, потомъ вдругъ ударяетъ въ ладоши, сопровождая это движеніе кивкомъ головы, то мгновенно овладѣваетъ всѣми сердцами. Онъ охотно бываетъ въ большомъ обществѣ, отличаетъ стараго отъ малаго, мужчину отъ женщины. Съ дѣтьми отъ 2—3 лѣтъ онъ обходится ласково, охотно цѣлуетъ ихъ и позволяетъ дѣлать съ собою что угодно, при чемъ никогда не пользуется превосходствомъ своихъ силъ. Съ болѣе взрослыми дѣтьми онъ уже обращается хуже; хотя онъ охотно играетъ съ ними, бѣгаетъ въ запуски вокругъ столовъ и стульевъ, которые часто опрокидываетъ, и при этомъ шутя даетъ тумака то тому, то другому, однако ничуть не стѣсняется схватить во время игры чьюнибудь ногу и испробовать на ней свои зубы. Когда дамы берутъ его на руки, онъ относится къ нимъ съ величайшею благодарностью, обнимаетъ ихъ и, прислонившись къ плечу, охотно остается довольно долгое время у нихъ на колѣняхъ. Въ общей клѣткѣ для обезьянъ онъ играетъ охотно, и здѣсь является поводителемъ, даже шимпанзе безпрекословно подчинился его власти. Съ нимъ онъ, однако, обращается, какъ съ равнымъ себѣ, такъ какъ въ товарищи для игры избираетъ почти исключительно его и, хотя и немного грубо подчасъ, но всетаки ласкаетъ его, тогда какъ съ маленькими обезьянами онъ обращается безъ всякой жалости. Онъ хватаетъ шимпанзе и, держа его крѣпко, валиется съ нимъ по землѣ. Если тому удастся вырваться, то горилла, какъ неловкій мальчикъ, падаетъ съ вытянутыми впередъ руками на землю. Походка его имѣетъ много сходства съ походкою шимпанзе; онъ ступаетъ на нижнюю часть ступни, опираясь при этомъ, подобно послѣднему, на наружныя части рукъ; но онъ больше выворачиваетъ ноги при ходьбѣ и держитъ голову прямо, съ важностью, указывающею на его превосходство. Будучи въ хорошемъ расположеніи духа, которое, впрочемъ, рѣдко покидаетъ его, онъ высовываетъ кончикъ своего краснаго языка, что придаетъ его блестящему черному лицу еще большее сходство съ лицомъ негртенка».

«Будучи похожъ нравомъ на человѣка, онъ ведетъ также совершенно человѣческой образъ жизни. Въ восьмомъ часу утра онъ поднимается въ своей постели, садится на ней прямо, зѣваетъ, почесываетъ различныя мѣста своего тѣла и остается заспаннымъ, безучастнымъ до тѣхъ поръ, пока ему не дадутъ молока, которое пьеть обыкновенно изъ стакана. Тогда, уже совершенно разгулявшись, онъ покидаетъ постель, оглядывается въ комнату, стараясь найти какой-нибудь предметъ для удовлетворенія своей страсти къ разрушенію, выглядываетъ изъ окна, начинаетъ хлопать въ ладоши и, за неимѣніемъ болѣе подходящаго общества, принимается играть со сторожемъ. Послѣдній долженъ быть всегда при немъ. Онъ не можетъ оставаться одинъ ни на минуту. Онъ начинаетъ издавать рѣзкіе крики, если видитъ, что сторожъ оставилъ его. Въ 9 часовъ его моютъ, и это ему нравится. Радость свою по этому поводу онъ выражаетъ, издавая звукъ, похожій на хрюканье. Будучи постояннымъ сожителемъ своего сторожа, онъ ѣстъ вмѣстѣ съ нимъ. Къ завтраку онъ получаетъ нѣсколько сосисекъ, или кусокъ хлѣба съ масломъ и ветчиной, съ сыромъ или съ чѣмъ-нибудь другимъ. При этомъ онъ охотнѣе всего выпиваетъ стаканъ свѣтлаго пива. Въ высшей степени курьезно смотрѣть, какъ онъ держитъ своими короткими, толстыми пальцами объемистый стаканъ, который придерживаетъ еще ногой, изъ опасенія уронить его. Плоды онъ ѣстъ охотно и въ большомъ количествѣ, изъ вишенъ отъ тщательно вынимаетъ косточки. Въ часъ жена сторожа приноситъ ему обѣдъ. Во все время пребыванія его въ моей квартирѣ, лѣтомъ, во время жары, онъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ этого часа. Когда раздавался звонокъ, онъ всегда самъ отворялъ дверь въ корридоръ. При появленіи жены сторожа, онъ разсматривалъ кушанья и охотно пробовалъ то, что ему болѣе всего по вкусу. За прожорливость его обыкновенно наказываютъ пощечиной, послѣ чего, не спуская глазъ съ кушаньевъ, онъ послушно ожидаетъ, когда начнется обѣдъ. Сначала подается чашка бульону и вмигъ онъ выпиваетъ ее до послѣдней капли. Затѣмъ слѣдуетъ рисъ или овощи, преимущественно картофель, морковь или кольраби, отваренные съ говядиной. Женщина эта настаиваетъ на томъ, чтобы онъ велъ себя прилично, и онъ, въ самомъ дѣлѣ, уже довольно ловко управляетъ ложкой. За то, какъ только онъ не чувствуетъ надъ собой надзора, онъ тотчасъ лѣзетъ мордой прямо въ блюдо. Въ заключеніе онъ всего охотнѣе сѣдаетъ кусокъ жареной курицы. Онъ ничѣмъ не брезгуетъ, ѣстъ все, что ѣстъ его сторожъ, и, по количеству пищи, не многимъ уступаетъ послѣднему. Послѣ обѣда онъ любитъ отдохнуть и, проспавъ часъ или полтора, готовъ снова начать играть. Послѣ обѣда ему даютъ плоды, а вечеромъ молоко, или чай и хлѣбъ съ масломъ. Въ 9 часовъ онъ отправляется на покой. Лежитъ онъ на матрацѣ, закутавшись въ шерстяное одѣяло. Сторожъ сидитъ около него, пока онъ не заснетъ, что продолжается не особенно долго, благодаря его сильной потребности въ снѣ. Всего же охотнѣе онъ спитъ со сторожемъ на одной кровати, причѣмъ обнимаетъ его и кладетъ голову на какую-нибудь часть его тѣла. Онъ крѣпко спитъ всю ночь на пролетъ и обыкновенно просыпается не раньше 8 часовъ».

«При такомъ правильномъ образѣ жизни, горилла чувствовалъ себя настолько хорошо, что вѣсъ его увеличился съ 31 до 37 фунтовъ. Но вдругъ, недѣли двѣ тому назадъ, онъ захворалъ воспаленіемъ дыхательнаго горла, сопряженнымъ съ сильной лихорадкой. Обезьяна наша, обыкновенно такая веселая, безучастно лежала въ постели и такъ кашляла и хрипѣла, что жалъ было смотрѣть на нее. При этомъ она держала себя въ высшей степени непривѣтливо и даже кусалась, когда ее трогали. Такое опасное состояніе гориллы продолжалось около 8 дней; онъ не пилъ и не ѣлъ ничего, кромѣ чая и воды. Нѣсколько докторовъ по нѣскольку разъ

въ день собирались у его постели, между ними находился и вѣрный его африканскій воспитатель; его лѣчили хининомъ и заставляли пить эмскія воды. Послѣ того, какъ онъ въ первый разъ отвѣдалъ горечи хинина, онъ впоследствии каждый разъ покрывалъ голову одѣяломъ, когда ему подносили ложку. Въ большой комнатѣ, гдѣ лежалъ больной, воздухъ былъ пропитанъ парами воды и поддерживалась равномерная температура въ 19 градусовъ. Онъ быстро поправлялся и, когда я разставался съ нимъ въ прошлое воскресенье, то онъ уже снова ѣлъ, показывалъ языкъ и хлопалъ въ ладоши, что служило несомнѣннымъ признакомъ его выздоровленія. Нѣсколько минутъ тому назадъ профессоръ Вирховъ принесъ мнѣ извѣстie, что горилла нашъ вчера, по его мнѣнiю, выглядѣлъ совсѣмъ здоровымъ. Участiе публики къ пациенту было очень велико и сотни людей ежедневно справлялись о его здоровьи. Въ короткое время онъ сумѣлъ сдѣлаться всеобщимъ любимцемъ, и Мпунгу безспорно одинъ изъ популярнѣйшихъ жителей столицы».

«Ему построили отдѣльный хрустальный дворецъ, который сообщается съ пальмовой оранжереей. Дворецъ этотъ долженъ замѣнить ему сырую атмосферу его тропической родины. Такимъ путемъ я могу надѣяться добиться того, что горилла, при его здоровой натурѣ, еще долгое время будетъ служить лучшимъ украшенiемъ нашего акварія, къ чести Германiи, на радость человѣчеству, во славу наукъ».

Этотъ горилла умеръ (13 ноября 1877), прослуживъ предметомъ наблюденiй въ продолженiи 9 мѣсяцевъ въ Африкѣ, 15 мѣсяцевъ въ Берлинѣ, и благополучно совершивъ довольно длинное путешествiе въ Англию. Второй горилла былъ доставленъ живымъ въ Европу, а затѣмъ снова въ берлинскiй акварiумъ, черезъ посредничество Пехуель-Лѣше, бывшаго спутника Фалькенштейна, когда тотъ, въ началѣ 1883 года, возвращался на родину, послѣ своей поѣдки въ области рѣки Конго. Онъ также былъ родомъ изъ окрестностей рѣки Лоанго, и даже изъ той же области, какъ и первый. Но онъ былъ меньше ростомъ и менѣе крѣпкаго сложения, а потому, вѣроятно, и выказывалъ меньше рѣзвости и подвижности, какъ въ Африкѣ, такъ и въ дорогѣ. Къ тому же, путешествiе его среди зимы должно было отозваться на немъ менѣе благопрiятно, чѣмъ на перваго переправа его въ самый разгаръ жаркаго лѣта. Во всякомъ случаѣ, онъ оказался такимъ же прiвѣтливымъ и добродушнымъ, какъ и его предшественникъ и, подобно ему, не проявлялъ никакихъ слѣдовъ той дикости, которая приписывалась нѣкоторымъ молодымъ горилламъ въ неволѣ, въ Африкѣ. Онъ жилъ подъ надзоромъ директора Гермеса 14 мѣсяцевъ въ Берлинѣ и умеръ 16 марта, отъ той же болѣзни, какъ и первый Мпунгу. Замѣчательно, что оба животныя не страдали морскою болѣзью.

Всѣ дальнѣйшiя попытки доставить гориллъ въ Европу и сохранить ихъ живыми до сихъ поръ остались тщетными.

Шимпанзе. Неоднократно упомянутый выше *Шимпанзе*, которому даютъ и другiя названiя, а именно: *Баррисъ*, *Иншоко*, *Инсiего*, *Кулу-гмба*, *Ишиего-мбуве Баамъ*, *Нсикю*, *Чимпензои* и т. д., (*Simia troglodytes*, *Anthropopithecus* и *Pithecus chimpanza*, *Mimetes* и *Pseudanthropus troglodytes*, *Satyruș lagarus* и *Chimpanza Troglodytes niger*), можетъ быть разсматриваемъ, какъ представитель особеннаго вида.

Онъ значительно меньше, чѣмъ горилла; туловище его, соотвѣтственно, гораздо короче, чѣмъ у гориллы, хотя и обладаетъ такимъ же числомъ грудныхъ и поясничныхъ позвонковъ, какъ горилла.

«Старые шимпанзе-самцы», говоритъ Р. Гартманъ, «достигаютъ отъ 1,3—1,7 метра высоты. Старыя самки рѣдко бываютъ выше 1,3 метра. Экземпляры, со-

держашіеся у насъ въ зоологическихъ садахъ и звѣринцахъ, большею частью молодыя самки. Черепъ имѣетъ вообще форму приплюснутаго шара. У самцовъ никогда не достигаютъ развитія высокій, переходящій за середину темени, продольный гребень и рѣзкія поперечныя затылочные борозды, характеризующія черепъ самца гориллы. Боковыя линіи черепа, даже у совсѣмъ старыхъ самцовъ шимпанзе, только рѣдко соединяются для образованія низкаго гребня и простираются только на короткое разстояніе. Надглазныя дуги, даже у старыхъ шимпанзе, никогда не бываютъ такъ сильно вздутыми, какъ у гориллы,—поэтому и не выдаются такъ рѣзко впередъ. Челюсти у иныхъ чрезвычайно выдаются и зубы наклонены впередъ,—у другихъ этого не замѣчается. У послѣднихъ челюсти не вытягиваются въ длину и края коронокъ рѣзцовъ обѣихъ челюстей сходятся вмѣстѣ подъ менѣе острымъ угломъ. Зубы шимпанзе только рѣдко достигаютъ ширины и толщины зубовъ гориллы, длиною они всегда меньше. Область передняго носоваго отверстія на черепѣ шимпанзе обыкновенно болѣе плоска и вдавлена, чѣмъ на черепѣ гориллы. Кости туловища и конечностей шимпанзе вообще стройнѣе, красивѣе и менѣе массивны, чѣмъ у гориллы. Вообще, несмотря на нѣкоторые отличительные признаки, особенно въ устройствѣ таза, можно сказать, что скелетъ шимпанзе очень близко подходитъ къ человѣческому».

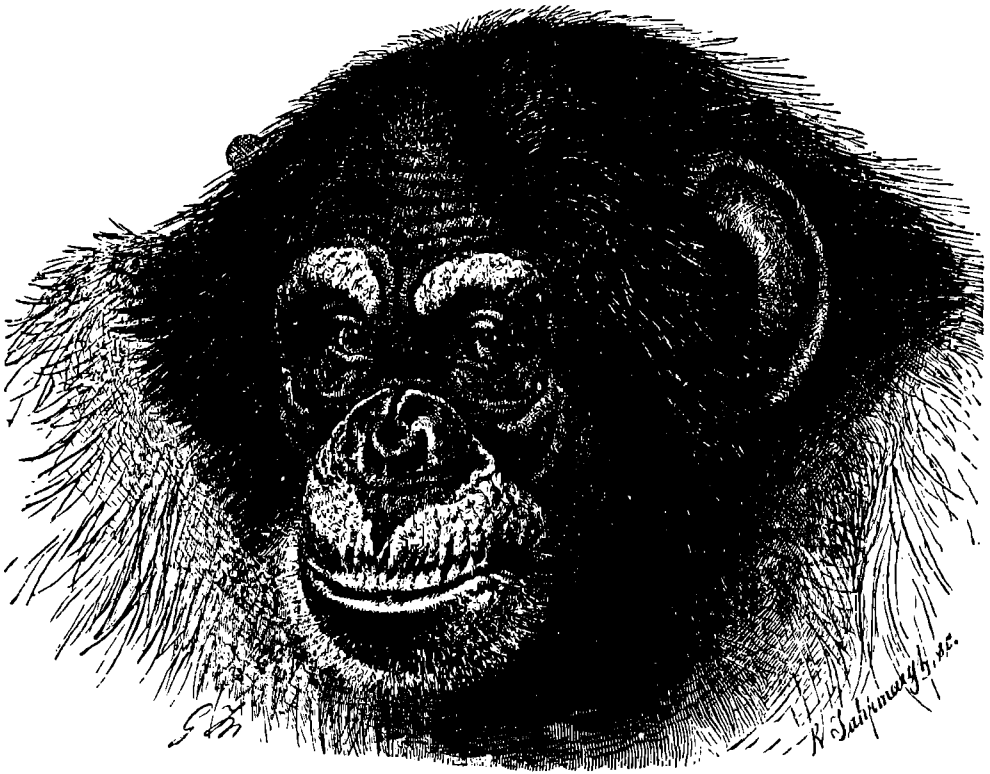
«Профиль шимпанзе болѣе плоскій, чѣмъ у гориллы, выраженіе же гораздо болѣе кротко. Свѣтло и добродушно смотрятъ большіе глаза, съ свѣтлоричневой радужной оболочкой, умѣренно прикрытые невысокими костями и надглазными дугами. Носъ плоскій, имѣетъ неглубокую среднюю продольную борозду, съ мало выдающимся хрящемъ ноздрей, раздѣленныхъ тонкой перегородкой. У гориллы, наоборотъ, носъ выступаетъ впередъ, толстый и вздутый, съ большими шишкообразными ноздревыми хрящами. Верхняя губа у шимпанзе длинна, дугообразно выпукла и покрыта многими морщинами, идущими сверху внизъ и поперекъ. Какъ и у гориллы, нижняя губа выдается изъ-подъ верхней. Обѣ губы необыкновенно подвижны и могутъ вытягиваться въ формѣ хобота.

«Существуютъ и такіе шимпанзе, у которыхъ между внутреннимъ угломъ глаза и заднимъ краемъ ноздреваго хряща находится только небольшой промежутокъ. У другихъ экземпляровъ онъ больше. Нѣкоторыя особи имѣютъ болѣе длинныя, другія же болѣе короткія губы, смотря по тому, длиннѣе или короче бываетъ часть верхней челюсти, въ которой находятся рѣзцы. Щеки морщинистыя и грязно-желтоватаго тѣлеснаго цвѣта, который въ старости вообще получаетъ чернобурый, грязноваточерный пятнистый налетъ. То же самое замѣчается на ухахъ, рукахъ и ногахъ, равнымъ образомъ также отчасти и на кожѣ тѣла, которая, однакожь, сохраняетъ частью тѣлесный цвѣтъ. Ухо шимпанзе вообще больше и менѣе походитъ на человѣческое, чѣмъ ухо многихъ гориллъ. Оно болѣе закруглено, болѣе приближается къ формѣ полукруга, болѣе плоско и представляетъ различныя извилины хряща, выступы, выпуклости, какихъ напрасно стали бы мы искать на ушной раковинѣ человѣка. Ободокъ ушной раковины рѣдко ясно выступаетъ. Обыкновенно, ухо шимпанзе имѣетъ 6—7 см. высоты и 5—5,5 см. ширины. Но многія особи имѣютъ также маленькія уши, которыя по своей формѣ походятъ на уши гориллы; съ другой стороны, по наблюденію автора настоящаго сочиненія, существуютъ также гориллы съ большими—7 см. высоты, 5,25—5,5 см. ширины—ушами, такой же формы, какал встрѣчается у большей части шимпанзе. «Плечи старыхъ шимпанзе-самцовъ широки; грудь и туловище имѣютъ бочкообразную форму; грудь хотя и мускулиста, но все-таки уже живота.

Только старыя обезьяны имѣютъ, подобно гориллѣ, втянутые бока; молодые же

самцы и даже старыя самки—нѣтъ. Руки длинны, достигаютъ почти ниже колѣна, очень мускулисты, но не настолько сильны, какъ верхнія конечности гориллы. Ручной кулакъ тонкій и короткій. Пальцы длинны, у старыхъ обезьянъ очень толсты и сильны, морщинисты и до половины перваго сустава соединены кожей. Средній палецъ самый длинный. На ногахъ голени совсѣмъ безъ икръ. На ступнѣ большой палецъ отдѣленъ отъ остальныхъ пальцевъ большой вырѣзкой; онъ длиненъ и толстъ. Ступня вытянута, морщиниста и плоска. Цѣпка, какъ и у гориллы, слабо развита. Ногти у обѣихъ обезьянъ круглые, выпуклые, роговое вещество ихъ коричневаго и чернаго цвѣта.

«Волосы шимпанзе прямые, не пушистые, пли косматые; на темени большею

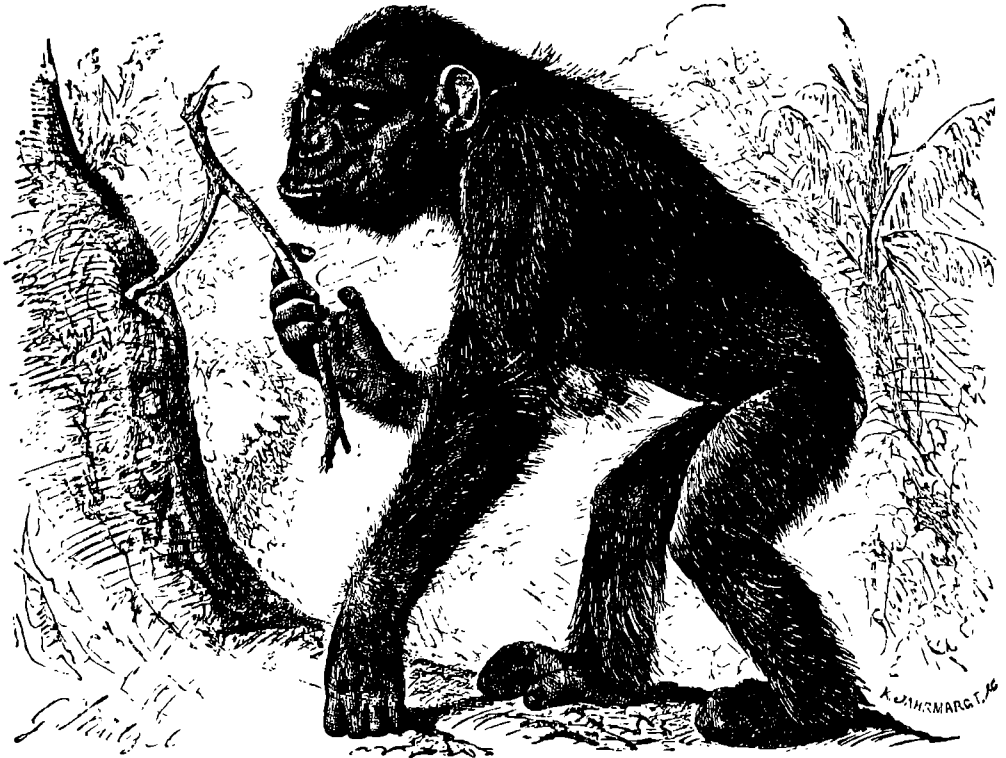
Голова шимпанзе.

частью раздѣлены пробормомъ; они длинны на затылкѣ, щекахъ, плечахъ, спинѣ, на верхней и нижней части плеча, на верхней и нижней части бедра и короче на прочихъ частяхъ тѣла. Преобладающій цвѣтъ—темный, черный. У иныхъ экземпляровъ онъ отлиываетъ тусклымъ краснобурымъ оттѣнкомъ. У старыхъ шимпанзе я находилъ концы волосъ на конечностяхъ окрашенными сѣрымъ или рыжимъ цвѣтомъ, что сообщаетъ цвѣту этихъ частей либо сѣрый, либо блѣднокрасный оттѣнокъ. Подбородокъ покрытъ толкими, короткими, бѣлыми волосами. Такіе же волосы растутъ около ягодицъ, но они здѣсь длиннѣе и гуще.

«Шимпанзе ходятъ на всѣхъ четырехъ конечностяхъ, причемъ они пальцы рукъ пригибаютъ къ ладони и опираются на землю тыльною поверхностью ихъ, покрытой отъ ходьбы мозолями. Ногами они пользуются или такъ-же, т. е. пригибал

пальцы, или наступая всей ступней. Шимпанзе не можетъ долго находиться въ прямомъ положеніи и ищетъ при этомъ всегда опоры для рукъ, или кладетъ эти послѣднія на нѣсколько закинутую назадъ голову, чтобы такимъ образомъ сохранить равновѣсіе.

«Но какъ бы значительно старые гориллы самцы и шимпанзе ни отличались другъ отъ друга, различіе это не бываетъ замѣтно такъ сильно между молодыми самцами и самками обоихъ видовъ различнаго возраста. При весьма значительныхъ индивидуальныхъ особенностяхъ всѣхъ этихъ животныхъ нерѣдко бываетъ трудно различить ихъ другъ отъ друга настолько, чтобы относить ихъ къ разнымъ видамъ, если нельзя основать это различіе на самомъ характерномъ признаковѣ, именно, на

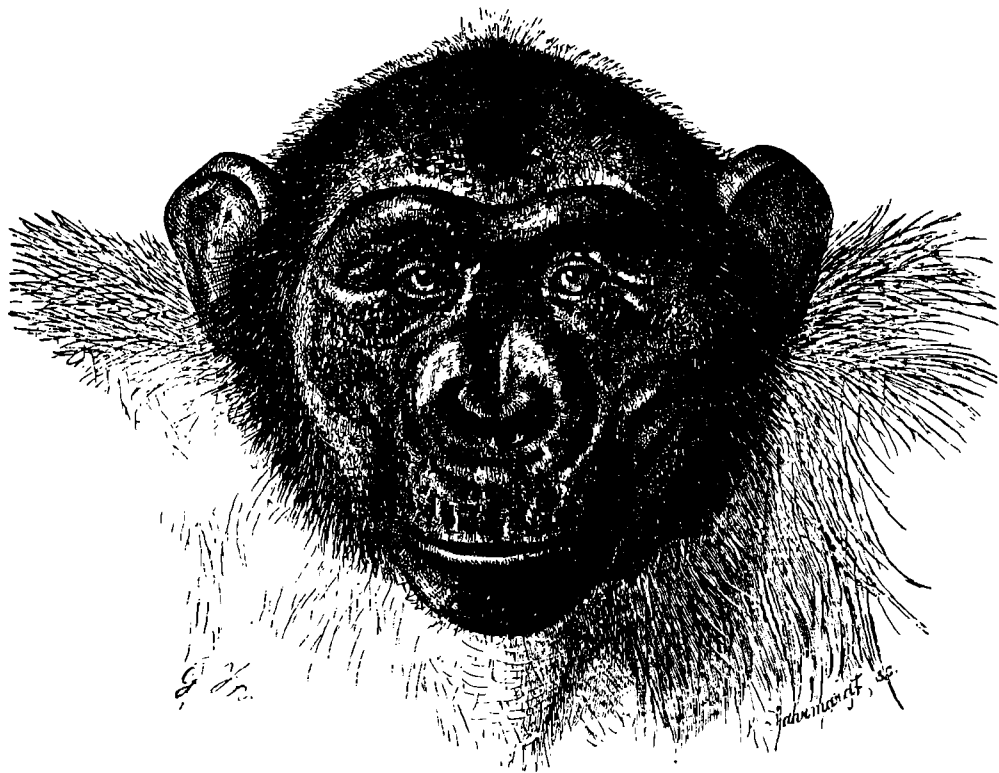

Шимпанзе Мафука.

строеніи черепа. Величина и форма ушей можетъ служить только крайне ненадежнымъ признакомъ для различенія. Г. фонъ-Коппенфельсъ считаетъ даже весьма обманчивыми такія особенности въ устройствѣ рукъ и ногъ обезьянъ обоихъ видовъ, которыя прежними наблюдателями считались особенно важными. На основаніи моихъ новыхъ изслѣдованій, я вполне раздѣляю это мнѣніе вышеупомянутаго путешественника.

При такомъ значительномъ сходствѣ по наружности предполагали скрещиваніе, полученіе ублюдковъ гориллы и шимпанзе. Обѣ формы походятъ другъ на друга, стоятъ близко другъ къ другу; извѣстны и другіе примѣры скрещиванія между разными обезьянами въ плѣнномъ состояніи. Г. фонъ-Коппенфельсъ много слышалъ о такихъ скрещиваніяхъ. Подобнаго рода ублюдки имѣютъ уши и окраску шимпанзе, а морду, равно и другіе признаки—гориллы. Шкуры застрѣленныхъ имъ, предпола-

гемых ублюдковъ находятся въ дворцовомъ естественно-историческомъ кабинетѣ, въ Дрезденѣ. Черепа, которые считаются относящимися къ этимъ шкурамъ, оказались черепами настоящихъ шимпанзе. Ульрици въ Дрезденѣ и другіе считаютъ извѣстную самку *Мафука*, жившую въ Дрезденскомъ зоологическомъ саду и долго считавшуюся за гориллу, также за ублюдка. Признаюсь, мнѣ это кажется баснею. Но во всякомъ случаѣ волнующій зоологовъ вопросъ объ ублюдкахъ долженъ подлежать дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Быть можетъ, онъ просто разрѣшится способностью обѣихъ формъ обезьянъ къ значительной измѣчивости, которая не допускаетъ строгаго раздѣленія видовъ. Надлежащій отвѣтъ на вопросъ могутъ дать только многія и точныя изслѣдованія.

Лице шимпанзе Мафука.

Многіе утверждали, что всѣ шимпанзе походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Но такъ могутъ думать только неопытные наблюдатели. Каждый, кому приходилось внимательно всматриваться въ физиономію многихъ животныхъ этого вида, долженъ былъ замѣтить большое индивидуальное различіе въ физиономіяхъ. Вотъ почему и старались раздѣлить, на основаніи этихъ различій, шимпанзе на нѣсколько отдѣльныхъ видовъ и точно установить характерныя ихъ признаки. Не всѣ подобнаго рода мнимыя виды обезьянъ не могли выдержать самой легкой критики. Редакторъ 3-го изданія «Жизни животныхъ» Брэма, имѣвшій возможность, на основаніи весьма богатаго матеріала, изслѣдовать этотъ вопросъ подробно, постоянно совѣтуетъ удовольствоваться пока однимъ видомъ шимпанзе. «Индивидуальныя видоизмѣненія въ физиономіи и въ строеніи туловища весьма значительны у этого животнаго. Мнѣ кажется, что чѣмъ болѣе въ своей организаціи обезьяна при-

ближается къ человѣку, тѣмъ сильнѣе сказываются также и особенности индивидуума».

Наблюденія, собранныя г. фонъ-Коппенфельсомъ, только подтверждаютъ выше-сказанное. «До настоящаго времени не извѣстны какія-либо разновидности гориллы, а также и шимпанзе. Дю-Шайлю можно пзвинить ошибку, въ которую онъ впалъ, описывая обезьянъ Кулу-гамба и Ншіего-мбуве, какъ новые виды. Когда мнѣ въблизи мѣстности Ашира пришлось застрѣлить весьма сильнаго самца изъ большого стада шимпанзе, которые, конечно, только случайно лакомились орѣхами коло вмѣстѣ съ семействомъ гориллы, я также поддался искушенію, высказавъ догадку, что убитое мною животное есть открытое Дю-Шайлю Кулу-гамба, и мнѣ казалось при этомъ возможнымъ, такъ какъ я видѣлъ гориллъ и шимпанзе въ дружескомъ общеніи, что здѣсь имѣло мѣсто скрещиваніе. Но этотъ Кулу-гамба оказался ни чѣмъ инымъ, какъ большого роста шимпанзе, котораго жители Ашира называютъ на своемъ языкѣ различно. Такъ, Малимбасы называютъ его кулу; другія же племена — галоа, кама. Орунку даютъ ему имя ншыего. Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ для болѣе точнаго обозначенія присоединяютъ еще эпитетъ мбуве, что равнозначуще выраженію «строющая гнѣзда обезьяна».

Пехуель-Леше, имѣвшій возможность сравнивать въ Африкѣ съ двумя гориллами многихъ шимпанзе, сообщаетъ слѣдующее: «Смотря по тому, большее или меньшее значеніе придавать внѣшнимъ признакамъ, можно, пожалуй, если угодно, составить нѣсколько отдѣльныхъ видовъ и разновидностей шимпанзе. Вдаваться на этотъ счетъ въ подробности бесполезно, пока въ Европѣ извѣстны только отдѣльные экземпляры молодыхъ животныхъ, не ведущихъ свойственнаго имъ на свободѣ образа жизни, и эта жизнь ихъ на свободѣ не дѣлается предметомъ болѣе подробныхъ наблюдений. Туземцы береговъ Лоанго и Гумба различаютъ двѣ разновидности шампанзе, которыя никогда не соединяются вмѣстѣ: одну изъ нихъ, а именно: обезьянъ большого роста, рѣдко встрѣчающихся и живущихъ только въ горахъ, они называютъ чимпанзе, что на мѣстномъ языкѣ значитъ — «роющая корни»; другую же, обшкновенную разновидность обезьянъ, они называютъ нсику. Въ Европѣ только эта послѣдняя разновидность и извѣстна, только она въ живыхъ или мертвыхъ экземплярахъ привозится сюда. Однакожъ, едва ли хотъ два изъ нихъ были совершенно похожи другъ на друга.

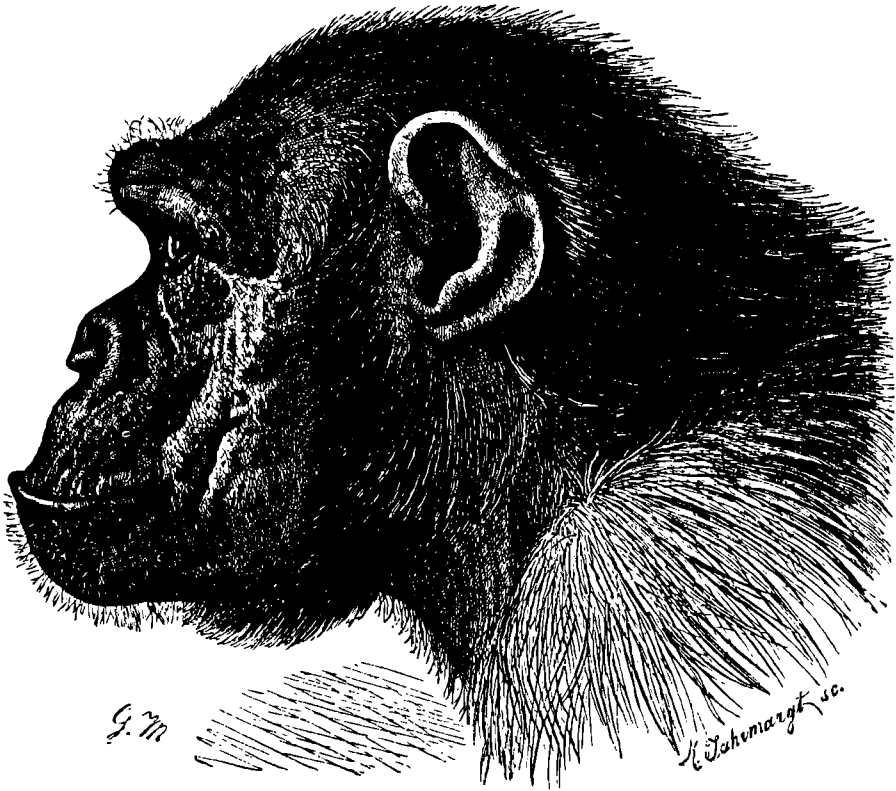
«Отъ опытныхъ охотниковъ — туземцевъ, живущихъ на отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, я получалъ совершенно одинаковыя свѣдѣнія о шимпанзе. «Чимпанзе» хитрѣе, значительно больше и сильнѣе, равнымъ образомъ и злѣе, чѣмъ «нсику», имѣетъ гладкую, болѣе сѣрую, а мѣстами коричневую кожу и всегда черное лицо, какъ у гориллы. Его боятся, какъ и гориллу. Онъ не строитъ гнѣздъ на деревьяхъ, но настилаетъ на землѣ листья и вѣтви. Подобно гориллѣ, онъ, говоря похищаетъ молодыхъ женщинъ и держитъ ихъ при себѣ въ лѣсу. Эти злыя животныя живутъ вмѣстѣ только маленькими семействами и никогда не составляютъ большихъ обществъ, подобно «нсику». Хотя эти свѣдѣнія и весьма опредѣленны и единогласны, однакожъ Пехуель-Леше не придаетъ имъ такого большого значенія, чтобы, на основаніи ихъ, принимать существованіе двухъ видовъ, тѣмъ болѣе, что въ своихъ дальнѣйшихъ путешествіяхъ онъ не напелъ ничего, подтверждающаго это предположеніе. Упомянутый выше и въ трехъ видахъ здѣсь изображенный шимпанзе Мафука, принадлежавшій дрезденскому зоологическому саду, быть можетъ, былъ представителемъ чимпанзе. Во всякомъ случаѣ, родина этой обезьяны — берега Лоанго, и приобрѣтена она была въ Гумба.

Въ доказательство того, что шимпанзе были извѣстны древнимъ, указываютъ

на известную мозаику, которая некогда украшала храм Фортуны в Пренестѣ: здѣсь, между многими другими животными земель по верхнему Нилу, повидимому, представлены и наши человекообразныя обезьяны. Обезьяна этого рода упоминается многими писателями прошлаго столѣтія большею частью подъ именемъ «янсіега» или «ншъега», какое и теперь еще носятъ въ Средней Африкѣ. Молодой экземпляръ шимпанзе въ первой половинѣ 17 столѣтія былъ живымъ привезенъ въ Европу, анатомированъ Тульпіусомъ и Тизономъ и описанъ Дашперомъ. Съ этого времени животное неоднократно привозилось къ намъ, а въ послѣднее время его можно встрѣтить почти постоянно у торговцевъ звѣрями въ Европѣ.

Въ прежнее время мѣстомъ жительства шимпанзе считали исключительно

Профиль лица Мафуки.

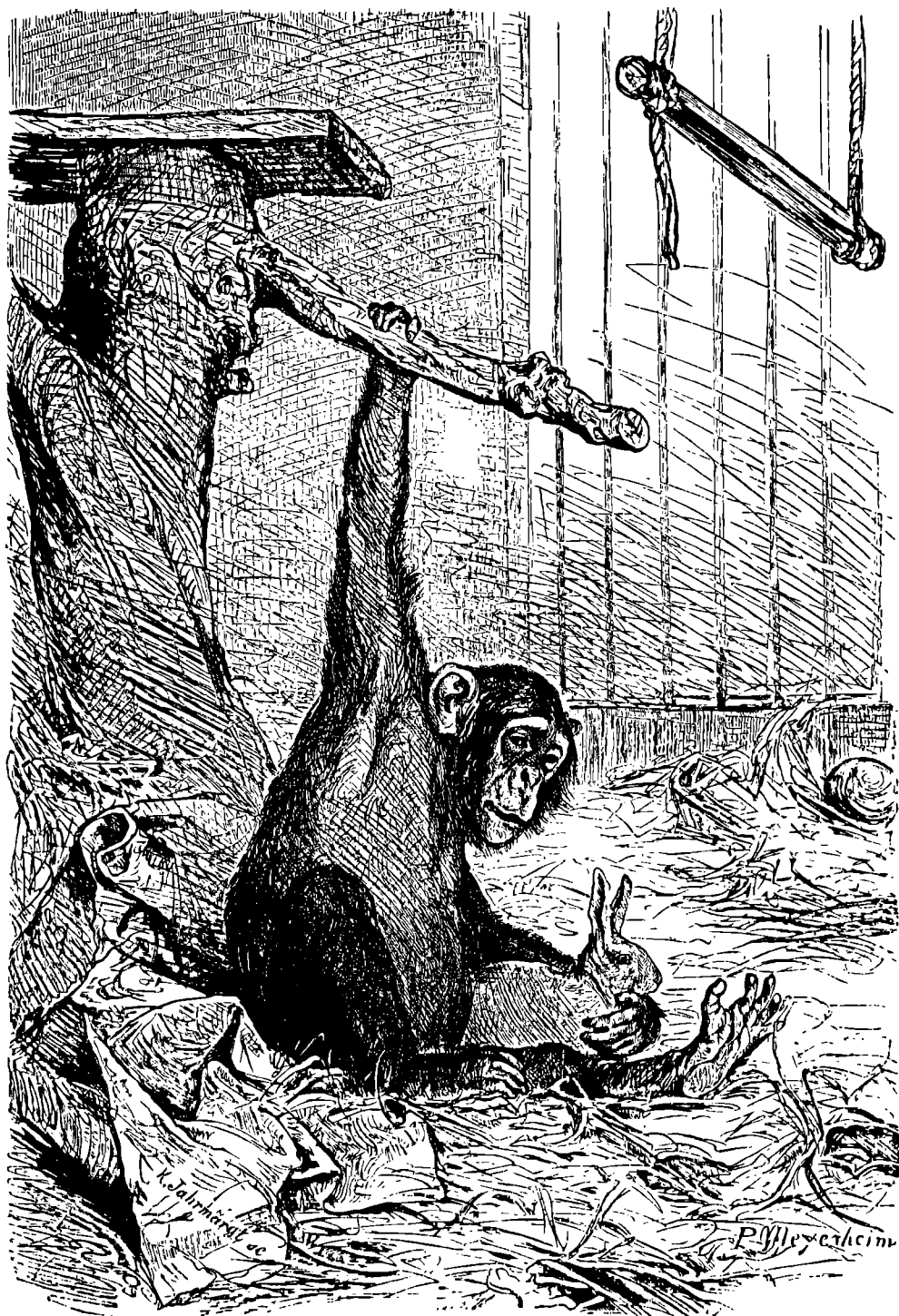
Верхнюю и Нижнюю Гвинею съ землями, примыкающими къ ней отъ Сиерра Леоне до Конго. Здѣсь онъ водится въ лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и въ горахъ. Г. фонъ Копенфельсъ охотился за ними у рѣкъ Габуна и Огове. Далѣе къ югу, по удостовѣренію участвовавшихъ въ нѣмецкой экспедиціи на Лоанго, животное это встрѣчается вблизи Конго, а во многихъ мѣстностяхъ даже и весьма часто. Теперь мы знаемъ, благодаря преимущественно нѣмецкимъ изслѣдователямъ, что животное это распространено далеко во внутренней части Африки до страны озеръ. Тамъ оно такъ же часто встрѣчается, какъ масляная пальма и сѣрый попугай. Уже Гейглингъ пишетъ: «На густолиственныхъ высокихъ деревьяхъ вдоль рѣкъ въ странѣ Ньямъ-Ньямъ живутъ парами и семействами Мбанъ (правильнѣе Баамъ), обезьяна, ростомъ съ человѣка и дикаго нрава; она не боится нападать даже на пре-

слѣдующаго ее охотника. Обезьяна эта устраиваетъ себѣ большое гнѣздо на вершинахъ деревьевъ и прикрываетъ его плотной кровлей противъ дождя. Шерсть ея темно-оливковаго цвѣта, не густая, лице голое, тѣлеснаго цвѣта, а сѣдалищная область бѣлаго цвѣта».

«Нельзя сказать», пишетъ Саважъ изъ Нижней Гвинеи, «чтобы шимпанзе жили обществами, такъ какъ рѣдко ихъ встрѣчаютъ въ количествѣ болѣе пяти и самое большее въ количествѣ десяти штукъ. Основываясь на надежныхъ свѣдѣнiяхъ, я могу утверждать, что они только случайно собираются въ большомъ числѣ для игръ. Одинъ изъ доставлявшихъ мнѣ свѣдѣнiя увѣрялъ, что онъ видѣлъ въ этомъ случаѣ однажды не менѣе пятнадцати обезьянъ, которыя, забавляясь, испускали ливующіе крики, барабанили по старымъ деревьямъ. Онѣ, по возможности, избѣгаютъ находиться вблизи человѣческаго жилища. Свои же собственные жилища, болѣе похожія на гнѣзда, чѣмъ на хилкины, онѣ строятъ на деревьяхъ, но вообще не очень высоко отъ земли, изъ большихъ или малыхъ вѣтвей, пригнутыхъ книзу, переплетенныхъ другъ съ другомъ и скрѣпленныхъ сучьями или вилкообразными вѣтками. Иногда находятъ гнѣздо не далеко отъ корня толстаго, богатаго листьями дерева, а именно отъ 8—12 метровъ надъ землею. Впрочемъ, мнѣ пришлось встрѣтить и такое гнѣздо, которое было не ниже 13 метровъ. Постояннаго мѣстопробыванiя шимпанзе не имѣютъ; они перемѣняютъ его главнымъ образомъ въ зависимости отъ того, гдѣ находятъ пропитанiе, или по какимъ-либо другимъ причинамъ и обстоятельствамъ. Мы чаще всего встрѣчали ихъ на высоко расположенныхъ мѣстахъ, конечно, только потому, что лѣса въ низменностяхъ, благоприятныхъ для земледѣлія туземцевъ, были вырублены, и слѣдовательно не на чемъ было устроить имъ здѣсь своихъ гнѣздъ. Рѣдко приходится встрѣчать болѣе одного или двухъ гнѣздъ на одномъ и томъ же деревѣ или даже около него. Однажды, впрочемъ, нашли пять такихъ гнѣздъ». Гнѣздъ, которыя представляли бы особо искусныя формы плетенiя, какъ описалъ ихъ Дю-Шайлю, никто изъ другихъ изслѣдователей болѣе не описывалъ.

Въ спокойномъ состоянiи шимпанзе, живущій на свободѣ, принимаетъ сидячее положенiе. Рѣдко видятъ его стоящимъ или ходящимъ; какъ только онъ увидитъ, что его замѣтили, тотчасъ же бросается на всѣ четыре конечности и поспѣшно убѣгаетъ отъ наблюдателя. Уже по строенiю шимпанзе можно догадаться, что онъ ловко лазаетъ. Во время своихъ игръ онъ перескакиваетъ на далекое разстоянiе съ одного дерева на другое и прыгаетъ съ удивительною ловкостью. Пища его, по всей вѣроятности, состоитъ изъ тѣхъ же растений и плодовъ, какими питается и горилла: плоды, орѣхи, листовыя и цвѣтковыя почки, быть можетъ, также и корни—составляютъ ихъ главную пищу. Не рѣдко они обрываютъ бананы и другіе плоды на деревьяхъ, посаженныхъ неграми на маисовыхъ поляхъ, или поселяются на болѣе или менѣе долгое время въ оставленныхъ неграми деревняхъ, гдѣ растутъ папайя, и остаются здѣсь, пока находятъ для себя пищу; по уничтоженiи же ея, снова переселяются на болѣе или менѣе далекія разстоянiя.

Шимпанзе обнаруживаетъ большую понятливость и горячую любовь къ своимъ дѣтенышамъ. О времени и обстоятельствахъ, при которыхъ происходитъ спариванiе, роды и развитіе дѣтенышей, мнѣ извѣстно немного: только изъ наблюденiй надъ поймаанными дѣтенышами я знаю, что ростъ ихъ гораздо медленнѣе, чѣмъ до сихъ поръ принимали. Смѣна зубовъ наступаетъ не раиѣ четвертаго года жизни и, вѣроятно, еще позднѣе годомъ. Шимпанзе, за которымъ я ухаживалъ въ теченiе трехъ лѣтъ, былъ во всякомъ случаѣ старше двухъ лѣтъ въ то время, когда мнѣ достался;—у него нижніе рѣзцы смѣнились только передъ его смертыю. Слѣдовательно, перемѣна

Ш И М П А Н З Е .

зубовъ, предполагая вѣрность моего наблюдѣнія, должна быть отнесена только къ шестому году жизни. Еслибы, основываясь на этомъ, стали сближать шимпанзе съ человѣкомъ относительно постепеннаго роста, то, вѣроятно, ошибка была бы незначительна.

О жизни шимпанзе на свободѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія даютъ намъ сообщенія г. фонъ-Коппенфельса, такъ какъ они составляютъ результатъ его собственныхъ наблюдѣній. «Подобно гориллѣ, шимпанзе строятъ для своихъ дѣтенышей гнѣздо, похожее на гнѣздо аиста, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ закладываетъ его на болѣе крѣпкихъ деревьяхъ, на значительной высотѣ и нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Горилла самецъ, какъ живущій больше на землѣ, проводитъ, какъ выше замѣчено, ночи у корня ствола, поддерживающаго гнѣздо; шимпанзе же, напротивъ, располагается на самомъ деревѣ, въ сплетеніи вѣтвей, подлѣ гнѣзда своей семьи. Это обстоятельство и дало Дю-Шайлю поводъ думать, что сплетеніе вѣтвей составляетъ крышу гнѣзда, устраиваемаго шимпанзею для своихъ дѣтенышей». Встрѣчу свою съ шимпанзе фонъ-Коппенфельсъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ теченіе нѣсколькихъ дней я напрасно осматривалъ многія мѣста, когда однажды утромъ слухъ мой былъ пораженъ глухимъ ворчаньемъ гориллы, вслѣдъ за которымъ раздался громкій крикъ молодого животнаго. Я тотчасъ же послѣдшилъ освободиться отъ всякихъ лишнихъ вещей и осторожно сталъ подкрадываться. Спустя нѣкоторое время услышалъ шелестъ вѣтвей. Шумъ увеличивался и я увидѣлъ большую группу шимпанзе, срывающихъ плоды на высокихъ коловыхъ деревьяхъ (*Sterculia acuminata*). Подойдя ближе, я замѣтилъ въ нѣкоторомъ отдаленіи самку гориллу; тотчасъ же раздалось ворчанье у нижней части дерева. Я былъ теперь настолько близко, что меня легко можно было замѣтить, и поэтому я легъ на землю и сталъ ползти впередъ, какъ змѣя. Наконецъ, совершенно усталый, я достигъ группы папоротниковъ, за которые и спрятался. Тутъ я присѣлъ на корточки; ближайшіе изъ шимпанзе были отъ меня на разстояніи выстрѣла. Но не на нихъ я обратилъ свое вниманіе, а на стараго гориллу-самца, который, впрочемъ, мнѣ не былъ виденъ. Но какъ, однако, достигнуть цѣли? Прямо падо мной находились зоркіе шимпанзе, и я только путемъ обхода могъ приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ скрывалось животное. Очень жаль, что охотники за животными часто забываютъ наблюдать образъ ихъ жизни и не думаютъ о томъ, что знанія этого рода гораздо важнѣе обладанія самими животными. Въ продолженіе того короткаго промежутка времени, которое я имѣлъ для наблюдѣнія, мнѣ бросилась въ глаза рассчитанная осторожность, съ какою шимпанзе бѣгали на четверинкахъ по крайнимъ концамъ вѣтвей, чтобы рвать плоды. Если вѣтви оказывались гибкими, то они свѣшивались спиной къ землѣ, схватывали каждой рукой другую вѣтвь и, при дальнѣйшемъ движеніи, всякій разъ старались имѣть три опорныхъ пункта, прежде чѣмъ свободной рукой хватались за плодъ, который и съѣдали въ болѣе безопасныхъ мѣстахъ, а затѣмъ снова принимались за головокружительное лазаніе. Внезапно я почувствовалъ, какъ на меня ползуть со всѣхъ сторонъ самые страшные изъ всѣхъ муравьевъ, извѣстные подъ именемъ «погонщиковъ»; невозможно было оставаться долѣе на этомъ мѣстѣ. Съ быстротою молніи направилъ двухстволку на самую большую обезьяну, въ которую можно было стрѣлять, и былъ порадованъ успѣхомъ. Предполагаемый кулу-гамба, который оказался однако большимъ и сильнымъ обыкновеннымъ шимпанзе, свалился на землю и не разбился, благодаря нижнимъ вѣтвямъ дерева. Я тотчасъ же выскочилъ, мучимый болью, изъ опаснаго сосѣдства страшныхъ муравьевъ, забываясь только о томъ, чтобы защититься отъ нихъ».

О шимпанзе въ области Лоанго Пехуель-Леше сообщаетъ слѣдующія подроб-

лось подь руку, присвоиваль себя, тотчасъ же уносиль его на свое мѣсто и непремѣнно садился на него съ самодовольнымъ урчаніемъ, возвращаль его, конечно, не безъ борьбы и съ большимъ неудовольствіемъ. «Когда я замѣтилъ эту страсть», продолжаетъ рассказчикъ, «я далъ ему кусокъ бумажной матеріи, съ которымъ онъ потомъ, на потѣху всѣмъ, не разставался, волочиль его всюду за собой, такъ что нельзя было ничѣмъ соблазнить его, чтобъ онъ хоть на минуту выпустилъ его. Объ образѣ жизни этихъ животныхъ на свободѣ я не имѣлъ никакихъ свѣдѣній, а потому пробоваль кормить его по своему, и имѣлъ полный успѣхъ. Утромъ въ 8 час. мой плѣнникъ получаль кусокъ хлѣба, размоченный въ водѣ или жидкомъ молокѣ, въ 2 ч. давалось нѣсколько штукъ банановъ или пизанговъ, и передъ сномъ— снова бананъ, апельсинъ или кусокъ ананаса. Бананы, повидимому, были его любимыми фруктами, онъ предпочиталь ихъ всѣмъ другимъ и бываль не въ духѣ, если ему не давали ихъ. Когда я однажды не далъ ему банана, онъ обнаружилъ величайшую ярость, съ пронзительнымъ крикомъ бросился и ударился головой о стѣну такъ, что упаль на спину, забрался на сундукъ, съ отчаяніемъ протянулъ руки впередъ и бросился на полъ. Все это заставило меня даже опасаться за его жизнь, и я долженъ былъ уступить. Тогда онъ очень обрадовался своему торжеству и нѣкоторое время многозначительно ворчалъ; словомъ, онъ поступаль, какъ избалованное дитя, всякій разъ, когда хотѣли сдѣлать что-нибудь не по его желанію. Но даже во время сильнаго гнѣва, я, однако, никогда не замѣчалъ въ немъ желанія укусить своего сторожа и меня или какимъ бы то ни было образомъ повредить намъ».

Эти свѣдѣнія я (Пехуель-Леше) могу подтвердить и пополнить на основаніи собственнаго опыта, такъ какъ самъ ухаживаль годами за многими шимпанзе и наблюдалъ ихъ. Съ такими обезьянами нельзя обходиться какъ съ животнымъ, но слѣдуетъ обращаться, какъ съ человѣкомъ. Несмотря на всѣ свои особенности, шимпанзе обнаруживаетъ въ своемъ нравѣ и дѣйствіяхъ такъ много человѣческихъ чертъ, что почти забываешь въ немъ животное. Тѣло его, конечно, есть тѣло животнаго, но по душевнымъ способностямъ онъ нѣсколько приближается къ человѣку—дикарю. Было бы страннымъ приписывать дѣйствія столь высоко стоящаго животнаго исключительно только неосмысленной подражательности, какъ это часто дѣлають. Конечно, шимпанзе подражаетъ, но такимъ-же образомъ, какъ ребенокъ подражаетъ въ чемъ-либо взрослому, слѣдовательно, съ пониманіемъ и нѣкоторымъ разсужденіемъ. Его можно учить и онъ дѣйствительно выучивается. Если бы рука его была такъ же послушна волѣ и способна къ разнообразнымъ движеніямъ, какъ рука человѣка, то онъ могъ бы подражать и еще многому другому и многому другому научиться. Онъ дѣлаетъ все, что можетъ, и исполняетъ все, на что способенъ, при этомъ каждый изъ его поступковъ свидѣтельствуетъ о сознательности и указываетъ на извѣстную долю разсудительности и очевидномъ размышленіи. Шимпанзе понимаетъ что ему говорятъ, и мы его понимаемъ, потому что онъ умѣетъ выразить свои чувства, конечно, не словами, но настолько выразительными звуками, что мы не ошибаемся относительно его желаній. Онъ знаетъ себя и свою обстановку и сознаетъ свое положеніе. Въ общеніи съ человѣкомъ онъ подчиняется существу, одаренному высшими способностями и дарованиями, въ общеніи съ животными онъ проявляетъ такое же самосознаніе, какъ и человекъ. Онъ считаетъ себя за высшее существо, чѣмъ другія животныя и именно, чѣмъ другія обезьяны. Онъ ведетъ себя различнымъ образомъ со взрослыми людьми и дѣтьми: первыхъ—уважаетъ, послѣднихъ—любитъ, хотя они и дразнятъ его и, такъ или иначе, беспокоятъ его, особенно мальчики. Онъ продѣлываетъ остроум-

ныя выходки и позволяет себѣ шутки не только по отношенію къ животнымъ, но и по отношенію къ людямъ. Онъ выказываетъ участіе къ предметамъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ его естественнымъ потребностямъ, и къ животнымъ, которыя, такъ сказать, не имѣютъ ничего съ нимъ общаго, съ которыми онъ не можетъ заключить дружбу. Онъ не только любопытенъ, но и дѣйствительно любознателенъ. Предметъ, возбудившій въ немъ къ себѣ вниманіе, пріобрѣтаетъ для него значеніе, если научили его пользоваться имъ. Шимпанзе умѣетъ дѣлать выводъ, понимаетъ причинную связь между предметами и результаты своихъ опытовъ примѣняетъ къ своимъ послѣдующимъ дѣйствіямъ. Шимпанзе хитеръ, даже лукавъ, своенравенъ, но не отличается упрямствомъ. Онъ требуетъ что ему слѣдуетъ, безъ строптивости, обнаруживаетъ капризы и различныя душевныя настроенія, сегодня веселъ и забавенъ, завтра печаленъ и угрюмъ. Онъ развѣкается въ одномъ обществѣ и скучаетъ въ другомъ, позволяетъ съ собой шутить, когда эти шутки приличны, и сердится, если надъ нимъ шутятъ зло. Чувства свои онъ выражаетъ, какъ и человѣкъ. Въ болѣе веселомъ настроеніи онъ, конечно, не смѣется, но, по крайней мѣрѣ, улыбается, т. е. придаетъ своему лицу выраженіе несомнѣнной веселости. Печальное настроеніе онъ обнаруживаетъ точно такъ же, какъ и человѣкъ, и не только съ помощью своей мимики, но и посредствомъ жалостныхъ звуковъ, понятныхъ каждому, такъ какъ они походятъ на человѣческіе, по крайней мѣрѣ, въ той же степени, какъ и на звуки животныхъ. На благосклонное или непріязненное отношеніе къ себѣ шимпанзе отвѣчаетъ соответственнымъ настроеніемъ. Когда его обидятъ, шимпанзе дѣлаетъ такія же движенія, какъ и капризный ребенокъ: бросается спиной на полъ, царапаетъ свое лицо, бьетъ руками и ногами, рветъ на себѣ волосы. Подобнаго рода душевныя способности обнаруживаютъ и другія обезьяны, но зато шимпанзе каждое проявленіе души яснѣе, разумнѣе, потому что оно представляетъ гораздо большее сходство съ тѣмъ, что мы видимъ у людей, чѣмъ проявленія душевной жизни у другихъ обезьянъ.

Пока я сиѣшу писать эти строки, шимпанзе бродитъ по моей комнатѣ и забавляется по своему усмотрѣнію, но это не всегда было такъ. Однажды онъ захворалъ, чувствовалъ себя утомленнымъ и ослабѣвшимъ отъ путешествія, больнымъ душой и тѣломъ. Въ такомъ положеніи онъ нуждался въ заботливомъ уходѣ, какой оказываютъ обыкновенно больнымъ дѣтямъ,—и уходъ этотъ былъ дружелюбно предложенъ ему, вмѣстѣ съ заботливымъ воспитаніемъ, однимъ изъ самыхъ искусныхъ воспитателей звѣрей—моимъ старымъ другомъ Зейделемъ. Неудивительно, что шимпанзе привязался къ этому человѣку, словно ребенокъ къ своей матери, что онъ во всемъ поступалъ согласно съ его желаніями и въ короткое время сдѣлался самымъ послушнымъ питомцемъ, какой когда-либо существовалъ. Именно съ тѣхъ поръ, какъ вполне выздоровѣлъ, онъ сдѣлался словно другимъ существомъ, сравнительно съ тѣмъ, какимъ былъ прежде. Онъ теперь бодръ и дѣятеленъ съ ранняго утра до поздняго вечера, постоянно ищетъ, чѣмъ бы ему заняться, хлопаетъ руками по подошвамъ своихъ ногъ, такъ же, какъ это обыкновенно дѣлаютъ маленькія дѣти. Его походка сначала казалась очень неловкою, но въ дѣйствительности онъ оказался и ловкимъ, и проворнымъ при каждомъ движеніи. Дѣйствительно, онъ ходитъ, какъ всѣ челоѣкообразныя обезьяны, своеобразной манерой на всѣхъ четырехъ рукахъ, придавая косое направленіе корпусу, такъ какъ руками своими опирается на согнутые пальцы и при этомъ или одну заднюю конечность ставитъ между передними, а другую внѣ ихъ, или обѣ заднія конечности помѣщаетъ между передними руками. Однакожъ, когда ему случается

что-либо нести, они выпрямлялся, причѣмъ одной рукой опирается о землю, и двигается такъ же своеобразно и ловко, какъ и прежде. Только въ случаѣ какого-нибудь особенно сильнаго возбужденія, напримѣръ, когда онъ думаетъ, что ухаживающій за нимъ хочетъ уйти отъ него, не взявъ его съ собою, шимпанзе выпрямляется во весь ростъ, т. е. становится на заднія конечности, не опираясь рукой, но при этомъ движеніи онъ раздвигаетъ руки, нѣсколько согнутыя въ локтяхъ, и держитъ ихъ на одномъ уровнѣ съ головою, чтобы сохранить равновѣсіе. Походка его, при движеніи на всѣхъ четырехъ конечностяхъ, неровная, но подвигается онъ впередъ, всетаки, настолько быстро, что человѣку за нимъ не угнаться. Особенную подвижность и проворство шимпанзе обнаруживаетъ только при лазаніи, и въ этомъ случаѣ онъ рѣзко отличается, какъ вѣроятъно и всѣ другія человекообразныя обезьяны, отъ другихъ родовъ этого класса. Онъ лазаетъ подобно человѣку, а не такъ, какъ животныя, и продѣлываетъ различныя гимнастическія штуки съ изумительною ловкостью. Онъ схватываетъ своими руками суку или другую какую-либо опору, перекидывается съ замѣчательною легкостью на далекія разстоянія, дѣлаетъ большіе прыжки, но всегда такъ, чтобы схватиться одною или обѣими руками за новую опору. Сравнительно съ руками, ноги, во время лазанья и прыганья, играютъ второстепенную роль, хотя онѣ само собой разумѣется, благодаря подвижнымъ большимъ пальцамъ, также не остаются бездѣтельными. На предоставленныхъ въ его распоряженіе гимнастическихъ приборахъ шимпанзе возится съ утра до вечера и умѣетъ пользоваться ими самымъ разнообразнымъ способомъ. Онъ любитъ качаться, лазаетъ то вверхъ, то внизъ по висячей лѣстницѣ, приводитъ ее въ движеніе, кувыркается назадъ и впередъ на горизонтальномъ шестѣ, крѣпко держась руками, и вообще съ совершеннѣйшею ловкостью исполняетъ различныя гимнастическія упражненія, хотя имъ никто его не обучалъ. Какъ ни чувствуетъ онъ себя увѣреннымъ въ обращеніи съ извѣстнымъ ему гимнастическимъ приборомъ, однако движеніями своими выказываетъ боязнь, всякій разъ, когда лазаетъ по предмету, не представляющему, какъ ему кажется, достаточной устойчивости; такъ, напримѣръ, шатающійся стулъ повергаетъ его въ величайшее смущеніе. Большая часть работъ, исполняемыхъ шимпанзе, приходится на долю его рукъ; ими онъ ощупываетъ и схватываетъ предметы, между тѣмъ какъ ногами онъ иногда только пользуется, какъ орудіемъ для схватыванія. Руками своими шимпанзе вообще распоряжается такъ же, какъ и человѣкъ, и отличается отъ него только тѣмъ, что отдѣльные пальцы руки его менѣе подвижны, чѣмъ у человѣка, почему обыкновенно онъ схватываетъ что-либо при помощи большого пальца и всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ. Однако болѣе точныя изслѣдованія показываютъ, что онъ умѣетъ отдѣльно пользоваться указательнымъ и среднимъ пальцами.

Уайнвудъ-Ридъ рассказываетъ, что на вопросъ его, ударяетъ ли себя горилла въ грудь и производитъ ли шумъ, похожій на бой барабана, ему отвѣтили, что горилла не производитъ никакого барабаннаго боя, а дѣлаетъ это шимпанзе. Когда онъ выразилъ желаніе видѣть, какъ производится барабанный бой, то негры повели его къ дуплистому дереву и сами показали, какъ шимпанзе ударами погъ ухитряется извлекать звуки, похожіе на барабанный бой. Такимъ образомъ сообщеніе негровъ оказывается вполнѣ справедливымъ. И дѣйствительно, даже прирученный шимпанзе дѣлаетъ то же самое, когда находится въ веселомъ настроеніи или даетъ исходъ своему гнѣву и ярости: онъ не только бьетъ руками по полу, какъ дѣлаютъ это и другія обезьяны, но и ударяетъ ногами, въ особенности по такимъ мѣстамъ, гдѣ сильнѣе отдается звукъ, и этимъ производитъ шумъ,

похожій на барабанный бой. Онъ приходитъ въ большой восторгъ, когда человекъ вздумаетъ ударять такимъ же образомъ, какъ и онъ, и даже предъявляетъ къ знакомымъ требованія играть съ нимъ подобнымъ образомъ.

Мой шимпанзе очень хорошо зналъ своихъ друзей и хорошо отличалъ ихъ отъ постороннихъ, но не чуждался при этомъ и всѣхъ тѣхъ, кто относился къ нему ласково. Особенно довольнымъ онъ чувствовалъ себя въ семейномъ кругу, когда могъ ходить изъ комнаты въ комнату, отворять и затворять двери и, вообще, развлекаться такъ или иначе. Когда онъ замѣчалъ, что обращаютъ вниманіе на его шутки, то начиналъ бить своими руками по столу и чрезвычайно радовался, когда слѣдовали его примѣру присутствующіе. Кромѣ того онъ подвергалъ самому подробному изслѣдованію всякаго рода предметы, отворялъ заслонку у печки, чтобы наблюдать за огнемъ, вытаскивалъ сундуки, опоражнивалъ ихъ и игралъ всѣмъ, что тамъ находилъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ относился недовѣрчиво ко всякому незнакомому и подозрительному предмету, напр. резиновый мячъ могъ сильно напугать его. Весьма зорко слѣдилъ онъ за тѣмъ, наблюдаютъ ли за нимъ, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ онъ дѣлалъ только то, что ему дозволялось, въ последнемъ же допускалъ различнаго рода продѣлки; но вмѣстѣ съ тѣмъ слушался каждого слова своего воспитателя, когда тотъ что-либо ему запрещалъ, хотя и не всегда сразу подчинялся. Похвала доставляла ему всегда большое удовольствіе, особенно, если она выражалась по поводу его ловкихъ движеній и гимнастическихъ упражненій. Когда ему что-либо дарили или другимъ образомъ радовали, то онъ всегда выказывалъ благодарность, нѣжно клалъ свою руку на плечо того, кто доставилъ ему удовольствіе, протягивалъ къ нему руку точно такъ, какъ человекъ, даже цѣловалъ, причѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что никто его этому не обучалъ. То же самое дѣлалъ онъ и тогда, когда приходилось вечеромъ вынимать его изъ вѣтки и уводить въ комнату для ночлега. Онъ зналъ это время и уже въ теченіе послѣдняго часа выражалъ крайнее безпокойство, пока его не уводили въ его комнату. Въ этотъ послѣдній часъ онъ не позволялъ своему надсмотрщику отходить отъ себя, выражая при этомъ трогательныя жалобы или отчаянно жестикулируя, нерѣдко бросался на землю, какъ выше описано, бился руками и ногами и издавалъ громкіе вопли. При этомъ, однако, онъ зорко наблюдалъ за тѣмъ, по какому направленію двигался его надсмотрщикъ, и изливался въ жалобахъ каждый разъ, когда думалъ, что тотъ хочетъ его покинуть. Когда его брали на руки, онъ укладывался на нихъ, какъ ребенокъ, склонялъ голову на грудь своего воспитателя и, повидимому, чувствовалъ себя чрезвычайно довольнымъ. Съ этого времени его, кажется, занимала только одна мысль—какъ можно скорѣе уйти въ свою комнату; здѣсь онъ усаживался на диванъ и поглядывалъ на своего друга съ трогательнымъ выраженіемъ, будто хотѣлъ прочесть на его лицѣ, составитъ ли онъ ему сегодня вечеромъ компанію, или оставить его одного. Когда предполагалъ первое, то чувствовалъ себя весьма счастливымъ, и наоборотъ, когда подмѣчалъ противоположное, жестаи своими выражалъ, насколько онъ сознаетъ себя несчастнымъ, при чемъ придавалъ лицу своему печальное выраженіе, оттягивалъ губы, жалобно вскрикивалъ, цѣплялся за надзирателя и крѣпко его обнималъ. При такомъ настроеніи мало помогало дружелюбное увѣщаніе, между тѣмъ какъ въ другое время оно оказывало на него полное дѣйствіе даже и въ томъ случаѣ, когда онъ чувствовалъ себя недовольнымъ послѣ того, какъ его выбрали. Вообще, слѣдуетъ сказать, что онъ вполне понималъ обращенную къ нему рѣчь, такъ какъ безъ замедленія подчинялся различнымъ приказаніямъ и исполнялъ всѣ требованія; впрочемъ,

слушался онъ только своего воспитателя, а не постороннихъ, даже и въ томъ случаѣ, когда они предъявляли ему свои требованія въ присутствіи его друга.

Въ высшей степени мило онъ держалъ себя въ отношеніи дѣтей. Онъ по природѣ своей не былъ золь или коварень и относился къ каждому дружелюбно и внимательно; но съ дѣтьми онъ обращался съ особенною нѣжностію и всего сильнѣе обнаруживалъ ее къ маленькимъ дѣтямъ. Дѣвочекъ онъ предпочиталъ мальчишкамъ, но той простой причинѣ, что послѣдніе позволяли себѣ часто дразнить его; хотя онъ и терпѣлъ подобнаго рода шутки, но, повидимому, его все же раздражало видѣть издѣвательство надъ собою со стороны такихъ маленькихъ существъ. Когда въ первый разъ ему была показана моя шестинедѣльная дочка, онъ разсматривалъ ее съ очевиднымъ удивленіемъ, какъ будто бы хотѣлъ убедиться, что она принадлежитъ къ человѣческой породѣ, нѣжно поводилъ по лицу ея пальцемъ и, въ заключеніе, дружелюбно протянулъ руку. Эта характерная черта, которую я наблюдалъ у всѣхъ воспитанныхъ мною шимпанзе, заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ она, повидимому, служитъ доказательствомъ, что эта обезьяна и въ маленькомъ ребенкѣ видитъ и признаетъ человѣка. По отношенію же къ подобнымъ себѣ онъ вовсе не держался такъ дружелюбно. Когда я свелъ молодую самку шимпанзе, которую давно воспитывалъ, съ самцомъ, младше ея по возрасту, то самка не обнаружила никакого участія къ товарищу, ни малѣйшаго чувства радости или дружбы, а наоборотъ, пользуясь тѣмъ, что юнецъ былъ слабѣе, обращалась съ нимъ крайне грубо, покушалась его бить, щипать и вообще вела себя съ нимъ такъ жестоко, что пришлось ихъ разъединить. Подобнаго отношенія къ дѣтямъ я не замѣчалъ ни у одного шимпанзе.

Въ отличіе отъ другихъ обезьянъ, шимпанзе веселъ вплоть до поздней ночи, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока есть свѣтъ въ комнатѣ. Ужинъ свой шимпанзе уничтожаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и, будучи водворенъ въ своей комнатѣ, съ нетерпѣніемъ ждетъ экономку, которая приноситъ ему чай. Если послѣдняя не появляется, онъ подходитъ къ двери и громко стучится; но стоитъ ей показаться, онъ привѣтствуетъ ее радостнымъ восклицаніемъ: «О! О!» и подаетъ ей руку. Чай и кофе очень любитъ, первый сильно подслащенный и съ ромомъ. Вообще онъ любитъ все, что подаютъ на столъ; отъ напитковъ, особенно пива, также не отказывается. Во время ѣды онъ располагается на диванѣ, опирается обѣими руками на столъ или кладетъ только одну руку, а другой рукой беретъ чашку съ блюдечка, съ удовольствіемъ глотаетъ жидкое содержимое и затѣмъ уже принимается за крошенные куски хлѣба. Пока можетъ доставать ихъ, притягиваетъ ихъ къ себѣ губами; если же они на днѣ или глубоко, тогда пользуется очень ловко ложкой, такъ какъ руками ему запрещено ѣсть. Во время ѣды онъ остается внимательнымъ ко всему, что происходитъ вокругъ него, и глаза его постоянно такъ и бѣгаютъ во всѣ стороны. Какъ и всякое другое животное этого рода, онъ, по временамъ, обнаруживаетъ странныя прихоти, какъ-то: ѣсть большое количество соли, куски мѣла, пригоршни земли, но никогда, однако, я не замѣчалъ за нимъ отвратительной привычки поглощать собственное кало—привычки, которая наблюдается у другихъ обезьянъ, даже у дѣтей человѣка. Тѣсное общеніе съ серьезно и разумно воспитывающими людьми облагородило его нравы въ этомъ отношеніи и, быть можетъ, убило въ зародышѣ указанную отвратительную повадку. Насытившись, шимпанзе любитъ еще заниматься нѣкоторое время своимъ хозяйствомъ и во всякомъ случаѣ не тотчасъ отправляется спать. Онъ вытаскиваетъ полѣно изъ печки или надѣваетъ себѣ на руки туфли своего надзирателя, катается въ такомъ видѣ по комнатѣ, схватываетъ платокъ или скатерть,

увѣшивается ею, или начинаетъ вытирать и чистить комнату. Вообще, чищенье, мытье, вытиранье служатъ любимыми его занятіями, и если ему удастся завладѣть какимъ-нибудь платкомъ, онъ только съ большой неохотой возвращаетъ его. Первоначально очень нечистоплотный, онъ скоро усвоилъ себѣ привычку не грязнить свою комнату, кѣтку и постель, и когда съ нимъ случается попасть въ грязь, то онъ весьма этимъ недоволенъ и ведетъ себя точно такъ же, какъ и человѣкъ въ подобномъ случаѣ: съ рѣшительной брезгливостью смотритъ на замаранную ногу, держитъ ее отъ себя на сколько возможно дальше, трясетъ ею и затѣмъ хватаетъ охапку сѣна, чтобъ обтереть себя. Замѣчено при этомъ что, воспользовавшись сѣномъ, онъ выкидывалъ его за дверь своей кѣтки.

Какъ только потушатъ лампу, шимпанзе укладывается въ постель, потому что боится темноты. Онъ спитъ спокойно всю ночь, но временами дотягивается или разметывается, когда ему становится холодно или жарко. Въ душныя лѣтнія ночи онъ лежитъ на спинѣ, растянувшись, заложивъ обѣ руки подъ голову; зимою же, напротивъ, онъ лежитъ съжившись. Съ разсвѣтомъ онъ пробуждается и снова чувствуетъ себя бодрымъ.

Съ другими животными онъ мало входитъ въ общеніе: большихъ боится, къ маленькимъ относится съ пренебреженіемъ. Съ собачкой, которая была къ нему приведена для игръ, онъ обращался такъ же дурно, какъ и упомянутая выше самка съ самцомъ. Къ птицамъ онъ относится равнодушно, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ, которыя находятся въ близкомъ соотношеніи съ его надзирателемъ, и поэтому возбуждаютъ къ себѣ его участіе. Въ комнатѣ его помѣщался сѣрый попугай, съ которымъ онъ постоянно возился. Будучи самъ робкаго десятка, онъ, однако, не могъ удержаться отъ того, чтобы не пугать эту птицу: тихо подкрадывался онъ къ кѣткѣ, внезапно подымалъ высоко руку и продѣлывалъ это такъ, какъ будто бы хотѣлъ испугать своего товарища. Послѣдній, однако, настолько привыкъ къ нему, что и не думалъ пугаться, но въ отвѣтъ забавно вскрикивалъ «петь, петь», подобно козлину, который этимъ звукомъ унималъ шимпанзе. Предъ змѣями и другими пресмыкающимися животными онъ обнаруживалъ уморительный страхъ, уже одинъ видъ ихъ приводилъ его въ ужасъ. Когда я показалъ ему крокодила, онъ, частію робко, частію озлобленно, закричалъ: «о! о!» и постарался какъ можно скорѣе убѣжать; когда, затѣмъ, я показалъ ему змѣю чрезъ стеклянную перегородку, онъ издалъ то же восклицаніе и попытался убѣжать, хотя и зналъ хорошо значеніе отдѣляющаго стекла; когда же я бралъ въ руки черепаху, ящерицу или змѣю, онъ тотчасъ же обращался въ поспѣшное бѣгство, чтобы обезопасить себя. Вообще, всякое вмѣнеподобное животное было для него непріятно.

Въ настоящее время, когда я пишу эти строки, этого прекраснаго животного уже нѣтъ въ живыхъ. Воспаленіе легкихъ, послѣдовавшее вслѣдъ за опухолью шейныхъ железъ, положило конецъ его существованію. Я видѣлъ многихъ шимпанзе больными, а нѣкоторыхъ изъ нихъ умирающими, но никто изъ нихъ въ послѣдніе дни своей жизни не казался такъ похожимъ на человѣка, какъ этотъ шимпанзе. Онъ прибылъ уже въ Европу больнымъ, былъ капризенъ, какъ хворающее дитя въ подобномъ же положеніи, крѣпко цѣплялся съ болзною за сторожа, который за нимъ ухаживалъ, или лежалъ неподвижно на своей постели, поддерживая большую голову то одной, то обѣими руками, отказывался принимать всякое лѣкарство, часто бывалъ непослушенъ и своенравенъ. Этотъ шимпанзе, самый благовоспитанный изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ, даже и во время своей послѣдней болѣзни, прочно сохранялъ слѣды даннаго ему воспитанія. Онъ пользовался самымъ заботливымъ уходомъ многихъ врачей, которые относились къ нему во время болѣзни съ тѣмъ

большимъ участіемъ, чѣмъ больше научались цѣнить страдальца, и поэтому я не нахожу ничего лучшаго, какъ предоставить одному изъ этихъ врачей, доктору Мартини, продолжить, вмѣсто меня, рассказъ.

«Приглашенный въ качествѣ врача, я познакомился съ шимпанзе въ концѣ декабря, во время зимней непогоды. Я не замедлил послѣдовать полученному мною приглашенію взять на свое попеченіе это животное, такъ какъ сравнительная анатомія въ данномъ случаѣ представляла большее право врачу, чѣмъ ветеринару, ухаживать за нимъ. Я уже прежде не разъ наблюдалъ шимпанзе и удивлялся рѣзвости его нрава, живой игрѣ фizioноміи, неустанной подвижности и безграничной любви къ своему надзирателю. И вотъ почему меня крайне изумило то впечатлѣніе, какое произвела на меня больная обезьяна. Закутавшись по голову въ свое одѣяло, она лежала на постели спокойная и безучастная ко всему, чтѣ кругомъ нея происходило, съ выраженіемъ на лицѣ тяжелаго страданія, мучимая приступами кашля, съ неглубокимъ, но учащеннымъ дыханіемъ и только по временамъ открывая глаза подъ вліяніемъ болѣзненныхъ вдоховъ. Словно дитя, съ испугомъ отшатнулась она отъ меня, какъ совершенно незнакомаго ей человѣка, почему и оказалось невозможнымъ въ этотъ же день произвести подробное изслѣдованіе. Я могъ это сдѣлать только тогда, когда въ продолженіе слѣдующаго визита, мнѣ удалось, благодаря выраженному мной состраданію и дружелюбному обращенію, приобрести ея довѣріе. Кромѣ значительной опухоли лимфатическихъ железъ по обѣ стороны шеи, были констатированы измѣненія тканей въ верхушкахъ обоихъ легкихъ и свѣжее воспаленіе нижней части лѣваго легкаго. Къ этому присоединилась гнойная опухоль выше и ниже щитовиднаго хряща дыхательнаго горла, которая, очевидно, находилась въ связи съ болѣзью железъ и сильно сдавливала щитовидный хрящъ дыхательнаго горла и самое горло, чтѣ, рано или поздно, должно было произвести удушеніе или прободеніе нарыва внутрь или наружу, или же, чтѣ всего вѣроятнѣе, содержимое нарыва должно было спуститься въ грудную полость и, такимъ образомъ, повлечь за собою дальнѣйшія опасности. Бѣдное созданіе, казалось, понимало, что означенная опухоль составляетъ препятствіе для дыханія; какъ заболѣвшія крупомъ дѣти, чувствуя потребность въ воздухѣ, хватаются за пораженное мѣсто, такъ и шимпанзе, когда я его изслѣдовалъ, какъ будто въ смутномъ сознаніи ожидалъ отъ моей руки помощи и потому постоянно, схвативъ мою руку, клалъ ее на опухоль горла.

«По предварительномъ совѣщаніи съ другимъ врачомъ, было признано настоятельно необходимымъ вскрытіе нарыва чрезъ разрѣзъ на уровнѣ щитовиднаго хряща. До этого рѣшенія легко было дойти, но трудно было привести его въ исполненіе. Всякое движеніе больного животнаго во время операціи могло дать ножу такое направленіе, которое рисковало причинить смерть или тяжелое пораненіе. Отъ хлороформированія, вслѣдствіе тяжкой болѣзни легкихъ, пришлось отказаться; хлораль гидратъ, употребленный въ видѣ опыта въ количествѣ 3 gr., произвелъ только полусуспеніе, а не вызвалъ безсознательнаго состоянія. Послѣ трехчасоваго ожиданія мы приступили наконецъ къ дѣлу, предполагая употребить насиліе. Четыре человѣка должны были крѣпко держать животное. Напрасно: съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ шимпанзе отбросилъ ихъ въ сторону, пришелъ въ ярость и не успокоился до тѣхъ поръ, пока мнимые мучители не были высланы за дверь. Чего нельзя было достигнуть съ помощью насилія, то было исполнено теперь, къ величайшему нашему удивленію, добровольно. Снова успокоенный дружелюбными увѣщаніями и ласками, больной позволилъ, безъ всякаго сопротивленія, произвести еще разъ изслѣдованіе нарыва на шеѣ и слѣдилъ на этотъ разъ молящими взгляда-

дами за моей рукой. Это заставило насъ отважиться на операцію, не прибѣгая къ наркотическому средству и связыванію. Сидя на колѣняхъ своего надзирателя, обезьяна наклонила голову въ сторону и осталась неподвигною въ этомъ положеніи. Требуемый разрѣзъ былъ быстро совершенъ; животное не дрогнуло ни однимъ мускуломъ, не издало ни одного крика отъ боли. Заключавшійся въ нарывѣ гной вытекъ, а вмѣстѣ съ опороженіемъ его исчезла и опухоль. Теперь наступило болѣе свободное дыханіе, хотя существующее воспаленіе легкихъ и заставляло учащать его. Несомнѣнное выраженіе радости и ощущеніе улучшившагося состоянія обнаруживалось теперь въ чертахъ лица больного; какъ бы желая выразить свою благодарность, онъ простиралъ къ намъ руки, не будучи къ тому вызываемъ; чтобъ раздѣлить съ кѣмъ-нибудь свое счастье, онъ обнималъ своего сторожа.

«Къ сожалѣнію, устраненіе одной болѣзни было недостаточно для спасенія жизни. Рана на шеѣ залѣчилась, но воспаленіе легкихъ развивалось своимъ чередомъ. Какимъ мужественнымъ и разумнымъ выказало себя больное животное при совершеніи операціи, какъ добровольно и послушно принимало оно предлагаемыя ему лѣкарства, такимъ кроткимъ и терпѣливымъ проявило оно себя и въ послѣдніе часы своей жизни. Шимпанзе умеръ, какъ человекъ, а не такъ, какъ умираетъ звѣрь».

Эти описанія я позволю себѣ заключить дружескимъ сообщеніемъ нашего извѣстнаго иллюстратора животныхъ Фр. Шпехта о шимпанзе, находящемся въ звѣринцѣ Нилля, въ Штутгартѣ. «Нашъ шимпанзе», пишетъ Шпехтъ, «можетъ смѣяться настоящимъ образомъ, какъ человекъ. Это мнѣ кажется тѣмъ болѣе достойнымъ замѣчанія, что ни одно животное не обладаетъ способностью выражать свою радость громкимъ смѣхомъ. Насколько мнѣ извѣстно, объ этомъ не упоминается ни въ одномъ описаніи. Когда я бралъ этого милаго звѣрька подъ руки, подбрасывалъ вверхъ и снова ловилъ, то, казалось, радости его не было конца, что онъ и выражалъ громкимъ смѣхомъ. То же дѣлалъ онъ и тогда, когда щекотали его подъ мышками или по пяткамъ. Однажды я захватилъ съ собою въ клѣтку кусокъ мѣла; лишь только я усѣлся на стулъ, какъ онъ тотчасъ же вскочилъ ко мнѣ на колѣни, чтобы посмотреть, что произойдетъ далѣе. Я далъ ему мѣлъ и, водя его рукой, нарисовалъ на стѣнѣ его клѣтки марабу и разныя другія изображенія. Онъ далъ мнѣ совершенно спокойно исполнить рисунокъ и смотрѣлъ съ величайшимъ вниманіемъ. Когда я опустил его руку, онъ съ быстротою молніи спрыгнулъ на полъ, сталъ передъ стѣной и зачиркалъ фигуры съ такой быстротою, что въ короткое время ничего нельзя было различить, — къ величайшей потѣхѣ зрителей. Изъ этого можно заключить, что онъ понялъ употребленіе мѣла».

«Въ настоящее время штутгартскій зоологическій садъ владѣтъ двумя шимпанзе, которые весьма хорошо уживаются другъ съ другомъ. Къ самкѣ, жившей тамъ раньше, былъ присоединенъ самецъ. Ящикъ, въ которомъ находился новоприбывшій, былъ на ночь поставленъ въ просторную и теплую клѣтку самки. Когда самецъ вышелъ изъ своего устланнаго ватой помѣщенія, оба на минуту, поднявшись на заднія конечности, стояли, въ изумленіи, одинъ передъ другимъ, затѣмъ бросились другъ къ другу въ объятія и стали сердечно цѣловаться, повторяя это нѣсколько разъ. Самка тотчасъ же приволокла свое одѣяло, разостлала на полу, сѣла на него и, жестаи, приглашала самца расположиться такъ же удобно. Весьма трогательное зрѣлище представляютъ они и теперь среди другихъ животныхъ, когда садятся вмѣстѣ, другъ противъ друга, за столъ, во время обѣда. Оба ѣдятъ свою кашу ложкой и при этомъ не обнаруживаютъ ни малѣйшей зависти изъ-за пищи. Когда ставился сосудъ съ напиткомъ, самка, по усвоенной ею

своеобразной привычкѣ, осторожно приближала къ себѣ бокалъ самца, отпивала изъ него и ставила затѣмъ его спокойно на свое мѣсто, какъ бы показывая этимъ, что мужъ не долженъ много пить. Оба эти животныя также выражаютъ свою радость во время игры сердечнымъ смѣхомъ».

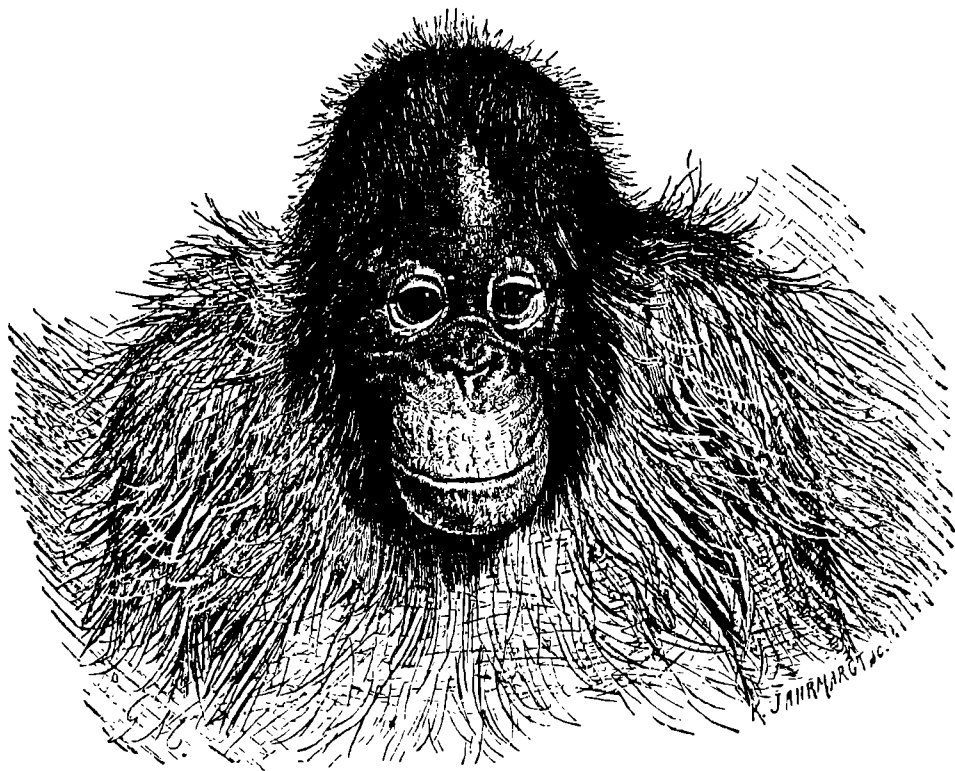
Важнѣйшимъ изъ азиатскихъ человѣкообразныхъ обезьянъ является **Орангъ-Утанъ** (лѣсной человѣкъ), неправильно называемый орангъ-утангомъ; на островѣ Борнео его называютъ мейсъ или маясъ (*Pithecus satyrus*, *Simia satyrus*). Отъ африканскихъ человѣкообразныхъ обезьянъ орангъ-утанъ отличается чрезвычайно длинными руками, достигающими до ступней ногъ, и клинообразно или пирамидально заостренною на макушкѣ головою, съ весьма выдающеюся впередъ мордой; онъ имѣетъ только двѣнадцать паръ реберъ. Пока онъ молодъ, черепъ его въ высшей степени походитъ на дѣтскій; но съ возрастомъ, звѣринный образъ получаетъ такое преобладаніе, что черепъ старой обезьяны очень мало напоминаетъ черепъ молодой.

Ростъ величайшаго орангъ-утана—самца, убитаго Уэллесомъ, былъ, при стоячемъ положеніи животнаго, 1,35 м. высоты, а длина распростертыхъ рукъ достигала 2,4 м.; ширина лица—35 см.; обхватъ тѣла доходилъ до 1,15 м. Туловище животнаго, на которомъ сильно выступаетъ впередъ животъ, широко въ бедрахъ; шея короткая и покрыта спереди складками, такъ какъ животное обладаетъ большимъ горловымъ мѣшкомъ, который можетъ надуваться; длинныя конечности имѣютъ длинныя кисти и пальцы. Ногти плоскіе и на большомъ пальцѣ заднихъ конечностей часто ихъ не бываетъ. Губы некрасивы, потому что не только покрыты морщинами, но сильно вздуты и выдаются впередъ; носъ совершенно плоскій, и носовая перегородка выдается изъ-за ноздрей; глаза и уши малы, но сходны съ соотвѣствующими частями лица человѣка. Въ ряду страшныхъ зубовъ сильно выступаютъ впередъ клыки; нижняя челюсть длиннѣе верхней. На спинѣ шерсть рѣдкая и очень жидкая на груди, но длиннѣе и гуще по сторонамъ тѣла, гдѣ она растетъ длинными космами. На лицѣ волосы растутъ въ видѣ бороды; на верхней губѣ, подбородкѣ, на черепѣ и на предплечьяхъ они торчатся вверхъ, на остальныхъ частяхъ тѣла направлены внизъ. Лицо и ладони голы, грудь и тыльная сторона пальцевъ почти совершенно голы. Обыкновенно цвѣтъ волосъ бываетъ темно-ржавый, рѣже—рыжій, но на спинѣ и груди темнѣе, на бородѣ же свѣтлѣе. Обнаженные части имѣютъ синеватый или сѣроватый оттѣнокъ. Старые самцы отличаются отъ самокъ своею значительной величиной, густыми и длинными волосами, особенно обильными на бородѣ, и характерными кожистыми наростами на щекахъ, которые, въ видѣ полумѣсяца, идутъ отъ глазъ до ушей и до верхней челюсти, что, конечно, значительно обезображиваетъ лицо этихъ обезьянъ. Молодыя животныя не имѣютъ бороды, но зато шерсть ихъ гуще и темнѣе.

Нѣкоторые естествоиспытатели, вмѣстѣ съ туземцами, которые, по показанію С. Мюллера, называютъ даже самокъ и самцовъ различными именами, полагаютъ, что существуетъ нѣсколько видовъ орангъ-утана; другіе же считаютъ различія между ними несущественными и зависящими отъ возраста.

Орангъ-утанъ извѣстенъ еще съ древнихъ временъ. Уже Плиніи сообщалъ, что на горахъ Индіи водятся сатиры, «очень влія животныя, съ человѣческимъ лицомъ, которыя ходятъ или прямо, или на четверингахъ, и притомъ съ такою быстротою, что поймать можно или очень старыхъ, или больныхъ». Разсказъ его передавался изъ вѣка въ вѣкъ и пополнялся новыми добавленіями калѣдаго новаго

разскащика. Повидимому, было почти забыто, что рѣчь идетъ всетаки о живот-ныхъ; обезьяны въ этихъ разсказахъ превращаются въ дикихъ людей. Всякаго рода преувеличенія исказили первоначальныя свѣдѣнія и помрачили истину. Врачъ Бон-ціусъ, жившій въ половинѣ XVII столѣтія на Явѣ, первый словазаговорилъ объ обезья-нахъ, на основаніи собственныхъ наблюденій. Онъ говоритъ, что «самъ нѣсколько разъ видалъ лѣсныхъ людей, какъ самцовъ, такъ и самокъ. Ходятъ они довольно часто на заднихъ ногахъ и движенія ихъ совершенно похожи на человѣческія. Особенно удивительна была одна самка. Она стыдилась, когда ее разсматривали незнакомые люди, и не только лицо, но и всѣ свои голыя части прикрывала руками; она взды-хала, плакала, и до того поступала по-человѣчески, что ей не доставало только

Голова Орангъ-Утана.

дара слова, чтобы быть вполне человѣкомъ. Явайцы утверждаютъ, что эти обезья-ны могли бы хорошо говорить, еслибъ только захотѣли, но онѣ не дѣлаютъ этого потому, что боятся, какъ бы не заставили ихъ работать. Признавалось за вѣрное, что лѣсные люди эти произошли отъ скрещиванія обезьянъ съ индійскими женщю-нами». Шутенъ (Schouten) обогащаетъ этотъ разсказъ нѣсколькими повѣствованіями, въ которыхъ говорится, что орангъ-утаны похищаютъ малайскихъ дѣвушекъ и наси-луютъ ихъ. Само собой разумѣется, что во всѣхъ этихъ разсказахъ орангъ-утаны представляются ходящими прямо, на заднихъ конечностяхъ, хотя и прибавляется при этомъ, «что они могутъ бѣгать и на четверинкахъ». Собственно сами путеше-ственники, конечно, неповинны въ тѣхъ преувеличеніяхъ, какія передаютъ, по-

тому что они повторяют только рассказы туземцев; а эти послѣдніе желали воспользоваться любопытствомъ европейцевъ, заинтересованныхъ данными обезьянами, чтобы выгоднѣе продать ихъ, и потому, естественно, изо всѣхъ силъ расхваливали свой товаръ,—какъ это дѣлаютъ въ нашихъ звѣринцахъ.

Благодаря превосходнымъ изслѣдованіямъ Уэллеса, мы имѣемъ теперь о жизни орангъ-утана на свободѣ такія подробныя свѣдѣнія, какихъ нѣтъ о другихъ человѣкообразныхъ обезьянахъ. Названный путешественникъ имѣлъ полную возможность изучить животное и сравнить сообщенія туземцевъ со своими собственными наблюденіями. Къ чести его предшественниковъ, изъ которыхъ многіе, а именно: Овенъ, Кессель и Брукъ, положили не мало труда, чтобы очистить описаніе орангъ-утана отъ басней и заблужденій, я долженъ сказать, что Уэллесъ хотя и передаетъ только собственные наблюденія, но въ существенномъ подтверждаетъ сообщенія своихъ предшественниковъ.

«Извѣстно», говоритъ онъ, «что орангъ-утанъ живетъ на Суматрѣ и Борнео и имѣется достаточное основаніе думать, что область распространенія его ограничивается этими двумя большими островами. Впрочемъ, на первомъ встрѣчаютъ его гораздо рѣже, чѣмъ на послѣднемъ: здѣсь онъ наиболѣе распространенъ. Орангъ-утанъ водится въ обширныхъ мѣстностяхъ юго-западнаго, юго-восточнаго, сѣверо-восточнаго и сѣверо-западнаго морского берега, но живетъ исключительно въ низменныхъ и болотистыхъ лѣсахъ. Въ Садонгѣ его можно встрѣтить только на ровныхъ, обильныхъ водою и поросшихъ первобытнымъ высокимъ лѣсомъ мѣстностяхъ. Надъ болотами возвышаются многія, отдѣльно стояція горы, обитаемыя отчасти даяками, которые разводятъ здѣсь плодовые деревья. Эти сады служатъ для мясовъ завлекательной приманкой; они посѣщаютъ ихъ, чтобы поживиться плодами, но на ночь удаляются постоянно назадъ, въ болотистый лѣсъ. Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ почва нѣсколько возвышена и суха, орангъ-утанъ не водится. Онъ встрѣчается, напрямѣръ, въ глубокихъ низкихъ долинахъ рѣки Саравакъ, а у устья, гдѣ замѣтны приливъ и отливъ, его не видно, потому что нижняя часть долины Саравакъ болотиста, но не вездѣ покрыта высокимъ лѣсомъ, а большею частью поросла низкими пальмами. Вблизи же города Саравакъ почва суха и холмиста и на ней небольшими участками растутъ первобытныя лѣса и встрѣчаются джунгли. Большая площадь непрерывнаго и равномернаго высокаго первобытнаго лѣса является условіемъ для благоденствія нашей обезьяны. Такіе лѣса для нея все равно, что открытое поле; по нимъ она движется въ какомъ угодно направленіи съ такой же легкостью, какъ индійцы путешествуютъ по степямъ, а арабы по пустынямъ. Она переходитъ съ вершины одного дерева на другое и никогда не спускается на землю. Высокія сухія мѣстности, съ прогалинами вслѣдствіе рубки деревьевъ, поросшія низкими джунглями, конечно, являются вполне пригодными для человѣка, но не удобны для того своеобразнаго способа движеній, какимъ пользуется наше животное: на такихъ мѣстахъ оно можетъ подвергнуться многимъ опасностямъ. Вѣроятно также, что въ этой области встрѣчаются плоды въ большомъ разнообразіи, потому что небольшія разбросанныя горы служатъ туземцамъ садами и мѣстами для насажденія растеній, такъ что деревныя горныя страны могутъ съ успѣхомъ произрастать среди болотистой равнины.

«Видѣть спокойное шествіе мейса черезъ лѣсъ составляетъ рѣдкое и поразительное зрѣлище. Онъ идетъ осторожно, вдоль какого-нибудь изъ самыхъ большихъ сучьевъ, въ согнутомъ положеніи, вслѣдствіе значительной длины своихъ рукъ относительной короткости своихъ заднихъ конечностей, и двигается такъ же, какъ и всѣ средныя ему обезьяны, т. е. ходитъ не на подошвахъ, а на кулакахъ. Повидимому,

онъ всегда выбираетъ такія деревья, вѣтви которыхъ сплетены съ вѣтвями близстоящихъ деревьевъ, протягиваетъ свою длинную руку, если близко, хватаетъ намѣченные вѣтви обѣими руками, пробуетъ ихъ крѣпость и затѣмъ осторожно перебирается на ближайшій сукъ, по которому и продолжаетъ идти.

«Онъ никогда не скачетъ и не прыгаетъ; повидимому, никогда также и не слѣзаетъ, но тѣмъ не менѣе подвигается такъ быстро впередъ, что бѣгущій по землѣ человѣкъ его не перегонитъ».

Въ другомъ мѣстѣ Уэллесь замѣчаетъ, что въ продолженіе часа мясъ свободно проходитъ пространства въ 5—6 англійскихъ миль.

«Длинные и сильные руки оказываютъ ему большую пользу; онъ даетъ ему возможность легко взбираться на самыя высокія деревья, чтобы обрывать плоды и молодые листья съ гибкихъ вѣтвей, которыя не могутъ выдержать его тяжести, также набирать листья и сучья, чтобы сдѣлать себѣ гнѣздо».

Нашъ изслѣдователь, наблюдая за дѣйствіями раненаго имъ орангъ-утана, былъ свидѣтелемъ, какъ онъ строилъ себѣ гнѣздо. «Какъ только я выстрѣлилъ», рассказываетъ Уэллесь, «мясъ тотчасъ полѣзъ на вершину дерева и быстро достигъ ея крайнихъ пунктовъ. Здѣсь онъ сейчасъ же принялся обламывать кругомъ вѣтви и класть ихъ крестъ-на-крестъ и поперекъ. Мѣсто было выбрано превосходно. Дѣйствуя необыкновенно быстро, по всѣмъ направленіямъ, единственною непораненою рукою, онъ безъ всякаго усилія наломалъ крѣпкихъ сучьевъ, положилъ ихъ другъ на друга, такъ что въ нѣсколько минутъ образовалась такая плотная куча зелени, что совершенно скрыла его отъ моихъ глазъ. Подобнаго рода гнѣздо мясъ устраиваетъ почти каждую ночь для сна; но обыкновенно онъ складываетъ его ниже, на небольшомъ деревѣ, не выше 5—15 м. надъ землей, вѣроятно, потому, что здѣсь его менѣе беспокоитъ вѣтеръ, чѣмъ вверху. Рассказываютъ, будто мясъ долженъ себѣ строить каждую ночь новое гнѣздо; но это представляется мнѣ мало вѣроятнымъ, потому что въ такомъ случаѣ приходилось бы чаще встрѣчать слѣды гнѣздъ, чѣмъ это бываетъ на самомъ дѣлѣ. Даяки говорятъ, что во время ненастья обезьяна укрывается листьями пандана (*Pandanus*) и большими папоротниками. Это, быть можетъ, и повело къ предположенію, что обезьяна эта строитъ себѣ на деревьяхъ нѣчто въ родѣ хижины.

«Орангъ-утанъ оставляетъ свое ложе только тогда, когда солнце уже стоитъ высоко и роса на листьяхъ успѣла высохнуть. Средину дня онъ употребляетъ на то, чтобы ѣсть, но рѣдко возвращается въ теченіе двухъ дней къ тому же дереву. Насколько я могъ убѣдиться на опытѣ, онъ питается почти исключительно плодами и иногда листьями, почками и молодыми побѣгами. Незрѣлые плоды онъ видимо предпочитаетъ зрѣлымъ, ѣсть также очень кислые или очень горькіе; въ особенности, повидимому, ему доставляетъ большое удовольствіе большая, мясистая красная сѣмянная оболочка одного тамошняго плода. Иногда только онъ лакомится маленькими сѣменами большихъ плодовъ, но опустошаетъ и разоряетъ кругомъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько поѣдаетъ, такъ что подъ деревьями, на которыхъ онъ ѣлъ, всегда находится масса остатковъ. Въ высшей степени любитъ онъ дуріоны (плоды *Durio Zibethinus*) и уничтожаетъ этотъ драгоценный плодъ въ большомъ количествѣ, но никогда не рѣшается переходить просѣки, чтобы добыть его. Орангъ-утанъ крайне рѣдко спускается на землю, вѣроятно, только тогда, когда, понуждаемый голодомъ, ищетъ на берегу сочные побѣги, или когда, во время очень сухой погоды, идетъ за водой, которую обыкновенно находитъ въ достаточномъ количествѣ въ углубленіяхъ листьевъ. Только однажды я видѣлъ двухъ полузрелыхъ орангъ-утановъ на землѣ въ сухой норѣ. Они играли вмѣстѣ, станови-

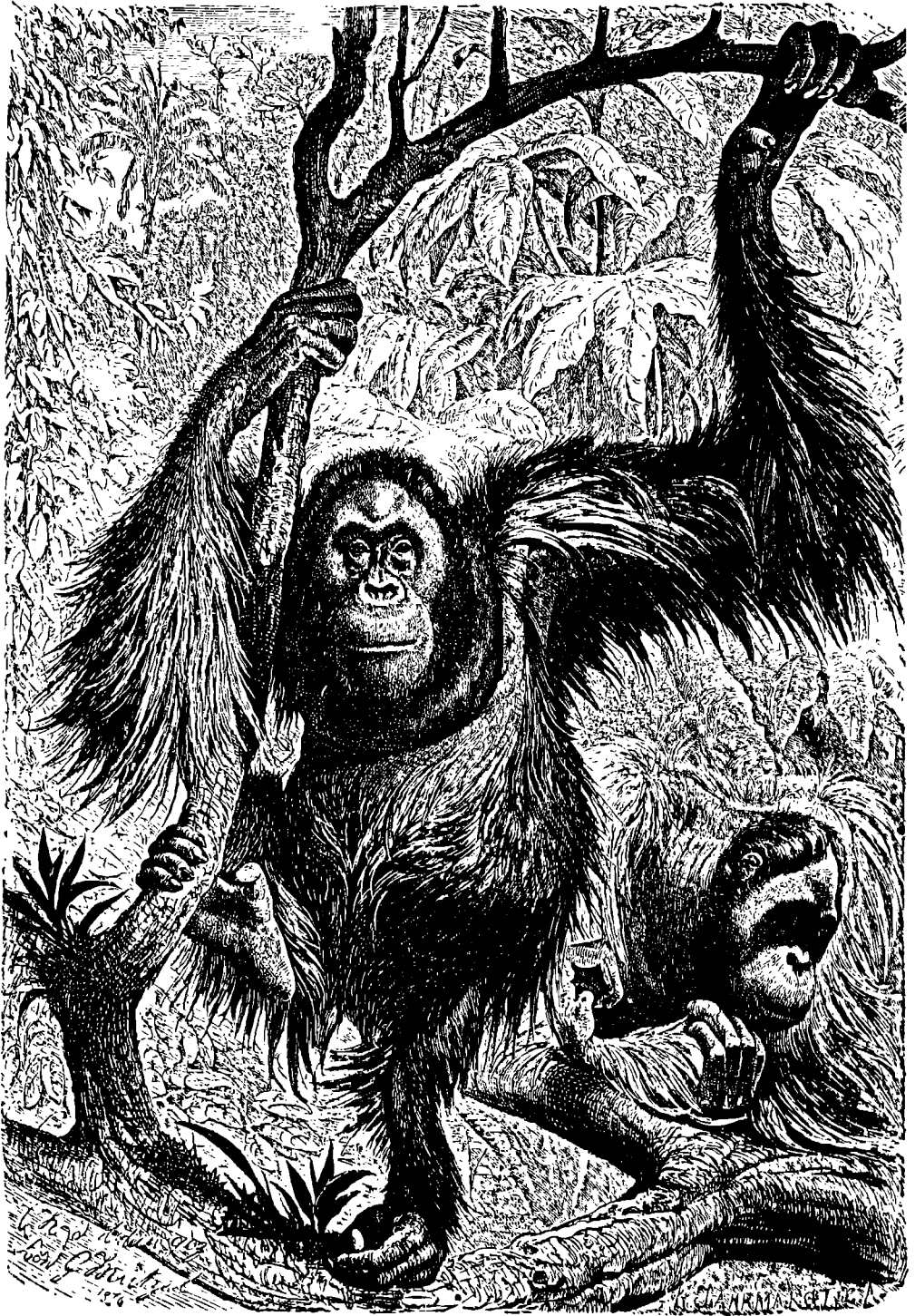
лись прямо и охватывали другъ друга руками. Никогда обезьяна этой породы не стоит на задних лапахъ, развѣ только тогда, когда держится руками за вѣтви, или когда на нее нападаютъ и она собирается защищаться. Рисунки, на которыхъ ее изображаютъ ходящею съ палкою, не вѣрны и основаны на вымыслѣ.

«Человѣкъ мяся, повидимому, не очень боится. Тѣ изъ обезьянъ этой породы, которыхъ я наблюдалъ, смотрѣли на меня нѣсколько минутъ широко раскрытыми глазами и затѣмъ медленно удалялись къ сосѣднему дереву. Завидя одного изъ мясовъ, я часто долженъ былъ отойти за тысячу и болѣе шаговъ, чтобы взять ружье; при возвращеніи же почти всегда находилъ его на томъ же деревѣ или недалеко, на нѣсколько сотъ футовъ разстоянія. Никогда не видалъ я вмѣстѣ двухъ совершенно взрослыхъ животныхъ, но почти всегда встрѣчалъ самцовъ, равно какъ и самокъ, въ сопровожденіи полувзрослыхъ дѣтенышей».

«Даяки рассказываютъ, что мяся почти никогда не подвергается нападеніямъ со стороны звѣрей въ лѣсу, за исключеніемъ только весьма рѣдкихъ случаевъ. Всѣ предводители даяковъ, прошедшіе всю жизнь въ мѣстахъ, гдѣ часто водится орангъ-утанъ, увѣрили меня, что никакое животное не обладаетъ достаточною силою, чтобы убить мяся, и единственное существо, съ которымъ онъ вступаетъ въ борьбу.—это крокодилъ. Когда мяся не находятъ плодовъ въ джунгляхъ, онъ отправляется на берегъ рѣки за растущими около воды молодыми побѣгами и плодами. Здѣсь-то и случается, что крокодилъ старается схватить его; но мяся прыгаетъ на него, бьетъ его руками и ногами, рветъ на части и убиваетъ. Разсказчикъ прибавлялъ при этомъ, что разъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ такой борьбы, и увѣрялъ, что мяся всегда остается побѣдителемъ. Другой предводитель разсказалъ мнѣ слѣдующее: «мяся не имѣетъ враговъ, потому что ниодно животное не осмѣливается нападать на него, исключая крокодила и тигровой змѣи. Онъ убиваетъ крокодила благодаря своей чрезмѣрной силѣ, причемъ становится на него, разрываетъ его челюсти и перегрызаетъ ему горло. Если тигровая змѣя нападаетъ на мяся, онъ охватываетъ ее руками, кусаетъ и быстро убиваетъ. Мяся очень силенъ. Въ джунгляхъ нѣтъ другого животного, которое было бы столь же сильно, какъ онъ».

«При исключительныхъ обстоятельствахъ случается также, что орангъ-утанъ вступаетъ въ борьбу и съ человѣкомъ. Однажды пришли ко мнѣ нѣкоторые даяки, чтобы разсказать, что мяся вчера чуть не убилъ одного изъ ихъ товарищей. Въ нѣсколькихъ миляхъ внизъ по рѣкѣ стоитъ хижина даяка и жители ея замѣтили большого орангъ-утана, который спокойно обрывалъ побѣги пальмы на берегу. Его спугнули, и онъ бросился назадъ въ джунгли, но толпа людей, вооруженныхъ копьями и дубинами, пересѣкла ему дорогу. Передній отважился бросить свое копьѣ въ животное, но мяся схватилъ своего противника руками, вонзилъ зубы въ его руку около плеча и сталъ рвать на куски мясо выше локтя; не будь при этомъ другихъ людей, человѣкъ этотъ былъ бы еще болѣе изуродованъ или даже совсѣмъ убитъ. Но спутники, копьями и топорами, забили на смерть разъяренное животное. Раненый долго былъ боленъ и никогда уже не могъ вполне владѣть своею рукою». Въ справедливости этого разсказа убѣдился и самъ Уэллесъ: на слѣдующій день онъ посѣтилъ мѣсто борьбы и отрѣзалъ голову убитаго орангъ-утана, чтобы присоединить ее къ своей коллекціи».

Случайно удалось нашему изслѣдователю, во время одной изъ своихъ охотъ, приобрести молодого орангъ-утана. Предупрежденный даяками, онъ увидѣлъ большого мяся, сидящаго высоко на деревѣ, и убилъ его тремя выстрѣлами. Въ то время, какъ люди приготовлялись отнести убитое животное домой, былъ замѣченъ дѣтенышъ, завязнувшій головой въ болотъ. «Это маленькое созданіе», сообщаетъ Уэллесъ,

ОРАНГЪ - УТАНЪ.

«было не болѣе фута длиною и, по всей вѣроятности, висѣло на шеѣ своей матери, когда она свалилась на землю. Къ счастью, дѣтенышъ не былъ раненъ, и когда ротъ его очистили отъ ила, онъ началъ кричать и оказался здоровымъ и сильнымъ. Когда я принесъ его домой, онъ вѣспился руками въ мою бороду и такъ крѣпко держался за нее, что мнѣ стоило не малаго труда освободиться, потому что пальцы его на послѣднемъ суставѣ загнуты внутрь, на подобіе крючка. У него еще не было зубовъ, но черезъ нѣсколько дней появились два передніе зуба на нижней челюсти. Къ несчастію, я не могъ добыть молока, такъ какъ ни малайцы, ни китайцы, ни даяки не потребляютъ этого питательнаго напитка; тщетно старался я раздобыть какую-нибудь кормилицу для моего малыша и былъ вынужденъ давать ему изъ рожка рисовый отваръ. Но очевидно, это былъ слишкомъ скудный кормъ и маленькое созданіе не могло хорошо развиваться, хотя я иногда прибавлялъ сахару и кокосоваго молока, чтобъ сдѣлать кормъ болѣе питательнымъ. Когда я клалъ ему въ ротъ свой палець, онъ сосалъ его съ большою силою, втягивалъ насколько могъ свои щеки и, хотя и напрасно, усиливался извлечь молоко; а когда я, черезъ нѣкоторый промежутокъ, отнималъ свой палець, онъ выражалъ неудовольствіе и начиналъ кричать, какъ ребенокъ. Когда его ласкали и ухаживали за нимъ, онъ становился спокоенъ и доволенъ; когда же его оставляли, онъ постоянно кричалъ, особенно первыя двѣ ночи, которыя провелъ въ величайшемъ безпокойствѣ. Я устроилъ ему изъ небольшого ящика нѣчто въ родѣ колыбели, устлалъ ее мягкой циновкой, которая ежедневно мѣнялась и вычищалась; но однако скоро нашелъ необходимымъ мыть маленькаго мяса. Процедура мытья, послѣ того, какъ она была повторена нѣсколько разъ, понравилась ему въ такой степени, что онъ начиналъ кричать, какъ только чувствовалъ себя грязнымъ, и не переставалъ до тѣхъ поръ пока я не вынималъ его изъ импровизированной колыбели и не относилъ къ колодцу. Хотя при первомъ прикосновеніи холодной струи воды онъ топалъ ногами и дѣлалъ очень комическія гримасы, но тотчасъ жезатѣмъ успокоивался, какъ только обливали водой его голову. Онъ чрезвычайно любилъ обмываніе и обтираніе чѣмъ-нибудь сухимъ, и, казалось, чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, когда я начиналъ чесать его волоса; тогда онъ лежалъ совершенно спокойно, протягивалъ верхнія и нижнія конечности, въ то время, какъ я расчесывалъ ему длинныя волоса на спинѣ и рукахъ. Въ первые два дня онъ съ отчаяніемъ цѣплялся своими четырьмя руками за все, чтѣ только могъ схватить, и я долженъ былъ тщательно спасать отъ него свою бороду, такъ какъ пальцами онъ охотнѣе хватался за волоса, чѣмъ за что либо другое, и безъ посторонней помощи мнѣ невозможно было отъ него освободиться. Но когда онъ бывалъ спокоенъ, то размахивалъ въ воздухѣ руками и пытался что-нибудь схватить. Если ему это удавалось и онъ захватывалъ палку или тряпку обѣими руками или всѣми четырьмя, то, казалось, онъ чувствовалъ себя счастливымъ. За отсутствіемъ постороннихъ предметовъ, онъ схватывалъ часто свои собственныя ноги, и, спустя нѣкоторое время, почти постоянно клалъ крестъ-на-крестъ свои руки, и хватался каждой рукой за длинныя волоса на плечахъ. Но скоро силы его стали ослабѣвать, и я долженъ былъ придумать средство упражнять его и укрѣплять его члены. Съ этою цѣлью мною была устроена небольшая лѣсенка съ тремя или четырьмя перекладинами, и я вѣшалъ его на нее на четверть часа. Сначала, повидимому, это ему понравилось, но однако онъ не могъ принять удобнаго положенія, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ переимѣнить его, отнималъ одну руку за другою и падалъ на землю. Иногда, если онъ висѣлъ только на двухъ рукахъ, отнималъ одну руку, клалъ ее на противоположное плечо, чтобъ схватить собственныя волоса, и, такъ какъ это ему казалось болѣе пріятнымъ, чѣмъ

держаться за палку, то онъ отнималъ также и другую руку, падалъ на полъ, скрепчивалъ обѣ руки, и, довольный, лежалъ на спинѣ. Замѣтивъ, что онъ такъ охотно держится за волоса, я придумалъ дать ему, такъ сказать, искусственную мать: изъ куска буйволовоу шкуры я приготовилъ чучело и повѣсилъ его низко надъ поломъ. Сначала это ему въ высшей степени понравилось, потому что онъ съ удовольствіемъ могъ обхватить его всѣми своими конечностями и всегда находилъ волоса, чтобы держаться. Казалось, моя надежда сдѣлать счастливымъ маленькаго сиротку исполнилась. Но скоро онъ вспомнилъ о своей матери и пытался сосать. Онъ подтягивался вверхъ, насколько могъ, и искалъ всюду сосцовъ, но когда ротъ его оказывался полнымъ волосъ и шерсти, онъ сердился, порывисто вскрикивалъ и, наконецъ, послѣ двухъ или трехъ напрасныхъ попытокъ, отказался отъ своего намѣренія. Однажды шерсть попала ему въ дыхательное горло и я сталъ было опасаться, чтобы онъ не задохся; но послѣ судорожнаго кашля, повторявшагося нѣсколько разъ, онъ оправился. Такимъ образомъ я долженъ былъ устранить искусственную мать и отказаться отъ послѣдней попытки—занять чѣмъ-нибудь маленькое созданіе. Послѣ первой недѣли я нашелъ, что могу лучше кормить его ложкой и такимъ образомъ давать ему болѣе разнообразный и питательный кормъ. Онъ охотно ѣлъ хорошо размягченный сухарь, съ примѣсью яйца и сахара, иногда сладкій картофель, и я истинно наслаждался, наблюдая за смѣшными гримасами, которыми онъ выражалъ свое удовольствіе или неудовольствіе относительно того, что ему давалось. Бѣдное маленькое созданіе облизывало губы, втягивало щеки и смотрѣло съ выраженіемъ величайшаго удовольствія, когда ротъ его былъ наполненъ тѣмъ, что ему особенно нравилось; нѣкоторое время онъ переворачивалъ во рту языкомъ кусокъ, какъ бы желая изслѣдовать его вкусъ, и если находилъ его недостаточно сладкимъ или вкуснымъ, всегда выплевывалъ. Если ему показывали пищу издали, то онъ начиналъ кричать и биться, какъ это дѣлаютъ маленькія дѣти въ гнѣвѣ.

„Прошло уже около трехъ недѣль, какъ у меня жилъ маленькій мясъ и счастливый случай далъ мнѣ возможность приобрести молодого макака, который хотя и былъ молодъ, но въ то-же время чрезвычайно подвиженъ и могъ самъ ѣсть. Я посадилъ его къ мясу, и они скоро сдѣлались большими друзьями. Они нисколько не боялись другъ друга. Маленькій макакъ, безъ всякой церемоніи усаживался на тѣло даже на лицо мяеса, и, пока я кормилъ послѣдняго, онъ продолжалъ сидѣть и съѣдалъ все, что при этомъ падало на полъ, схватывая иногда своими руками ложку. Когда я оканчивалъ кормленіе, онъ съ жадностью вылизывалъ все, что оставалось на губахъ мяеса, и въ заключеніе раскрывалъ ему ротъ, чтобы посмотреть, нѣтъ ли и тамъ чего-нибудь. На тѣло своего товарища онъ смотрѣлъ, какъ на весьма удобную подушку, часто располагался на немъ и безпомощный мясъ переносилъ всѣ продѣлки своего товарища съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ; казалось, онъ былъ радъ имѣть вообще что-нибудь теплое вблизи себя или такой предметъ, который можно было нѣжно обнимать руками. Когда же его товарищъ обнаруживалъ намѣреніе покинуть его, онъ крѣпко хваталъ его за подвижную кожу спины или головы, или даже за хвостъ, и макакъ, только благодаря нѣсколькимъ усиленнымъ прыжкамъ, могъ освободиться. Замѣчательно различны были жесты обоихъ животныхъ, которыя, по возрасту, немного разнились другъ отъ друга. Мясъ велъ себя совершенно, какъ маленькій ребенокъ: безпомощно лежалъ на спинѣ, медленно переворачивался, поводилъ по воздуху всѣми своими конечностями, въ надеждѣ что-нибудь поймать, но едва могъ схватывать своими пальцами опредѣленный предметъ; когда былъ чѣмъ-либо недоволенъ, разѣвалъ свой,

почти беззубый, ротъ и выражалъ свои желанія чисто дѣтскимъ крикомъ. Молодой макакъ былъ, напротивъ, въ постоянномъ движеніи, бѣгалъ и прыгалъ повсюду, все изслѣдовалъ, схватывалъ съ большою увѣренностью самыя маленькія вещи, безъ труда держался на краю ящика, сохраняя равновѣсіе, лазалъ по столбу и схватывалъ всякій съѣдобный предметъ, какой попадался подъ руку. Трудно представить себѣ бѣольшую противоположность: рядомъ съ макакомъ мясъ казался не болѣе, какъ маленькимъ ребенкомъ.

«По истеченіи почти мѣсяца я замѣтилъ, что онъ можетъ научиться ходить одинъ. Когда клали его на землю, онъ отпихивался на нѣкоторое разстояніе своими конечностями, перевортывался и такимъ образомъ неуклюже подвигался впередъ. Когда онъ лежалъ въ ящикѣ, то имѣлъ обыкновеніе приподыматься, держась за край его, и разъ или два ему удалось даже выльзти изъ ящика. Если онъ марался или былъ голоденъ, или чувствовалъ, что на него не обращаютъ вниманія, то начиналъ усиленно кричать, пока наконецъ, не оказывали ему помощи. Если никого не было въ домѣ, или никто не являлся на его крикъ, онъ успокоивался черезъ нѣкоторое время самъ собою. Но, слышавъ шаги, онъ снова принимался кричать еще съ бѣольшимъ раздраженіемъ.

«Спустя пять недѣль показались два передніе зуба въ верхней челюсти. Въ послѣднее время мясъ почти не выростъ, величина и вѣсъ его оставались такими же, какъ и вначалѣ. Безъ сомнѣнія, это происходило отъ отсутствія молока или же отъ свойства предложеннаго корма. Рисовая вода, рисъ и сухарь, конечно, составляли для него очень плохую пищу, а выжатое изъ кокосоваго орѣха молоко, которое я давалъ ему по временамъ, не переваривалось его желудкомъ. Этой пищѣ я приписывалъ заболѣваніе поносомъ, отъ котораго очень страдало бѣдное маленькое созданіе; однако, мнѣ удалось поправить его съ помощью небольшихъ приѣмовъ хастороваго масла. Спустя недѣлю или двѣ онъ снова заболѣлъ, и на этотъ разъ серьезно. Болѣзненные явленія были совершенно похожи на симптомы перемежающейся лихорадки и сопровождались отеками ногъ и головы. У него совсѣмъ пропалъ аппетитъ и онъ умеръ, исхудавши до послѣдней степени въ теченіе послѣдней недѣли. Утрата моего маленькаго любимца, который былъ на моемъ попеченіи почти въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и котораго я надѣялся выростить, была для меня очень горестна. Своими забавными жестами, своими неподражаемыми гримасами онъ все это время доставлялъ мнѣ величайшее удовольствіе».

„Я позволю себѣ въ дополненіе къ этому превосходному очерку жизни дѣтеныша орангъ-утана, присовокупить нѣкоторыя прежнія свѣдѣнія. Первыми точными наблюденіями мы обязаны голландцу Фосмерну (Vosmaern), который долгое время держалъ у себя самку. Животное было добродушно и никогда не выказывало злобы или коварства. Можно было безъ всякаго опасенія класть ей въ ротъ палецъ. Она имѣла видъ нѣсколько печальный и грустный. Она любила человѣческое общество безъ различія пола, но оказывала предпочтеніе тѣмъ людямъ, которые больше другихъ занимались ею. Ее посадили на цѣпь, что иногда повергало ее въ отчаяніе, она бросалась тогда на полъ, жалобно кричала и рвала одѣяло, которое ей давали. Выпущенная однажды на свободу, она быстро влѣзла на стропила кровли и бѣгала по нимъ съ такою быстротою, что четверо людей провозились цѣлый часъ пока наконецъ поймали ее. При этомъ приключеніи она стащила бутылку маляги, откупорила ее и поспѣшно выпила вино, а бутылку опять поставила на свое мѣсто. Она ѣла все, что ей давали, но предпочитала другой пищѣ плоды и корни. Она охотно ѣла также вареное и жареное мяско или рыбу. За насѣкомыми она не охотилась, а когда ей дали живого воробья, она его очень испугалась, но

все таки наконецъ загрызла, выдернула нѣсколько перьевъ, попробовала мясо и выкинула птицу вонъ. Сырыя яйца пила она съ наслажденіемъ. Лучшимъ лакомствомъ, повидимому, считала она землянику. Обычнымъ питьемъ ей служила вода; но она пила очень охотно также всякаго рода вино, и въ особенности малагу. Послѣ питья вытирала губы рукою и даже употребляла, совершенно какъ человѣкъ, зубочистку. Воровала она чрезвычайно искусно и такъ ловко крада изъ кармановъ людей лакомства, что они и не замѣчали этого. Передъ сномъ она дѣлала большія приготовленія: поправляла сѣно на постели, встряхивала его хорошо, клала особую связку сѣна подъ голову и затѣмъ покрывалась одѣяломъ. Одной спать въ комнатѣ она не любила, потому что вообще не выносила одиночества. Днемъ она иногда дремала, но всегда недолго. Ей дали платье, которое она натягивала то на тѣло, то на голову, и притомъ не разбирая, холодно или жарко. Однажды при ней отперли ключемъ замокъ ея цѣпи, она смотрѣла на это съ большимъ вниманіемъ и затѣмъ взяла щепку, воткнула ее въ замочное отверстіе и принялась вертѣть ее во всѣ стороны. Разъ дали ей котенка; она схватила его крѣпко и тщательно обнюхала, котенокъ оцарапалъ ей руку,—тогда она отбросила его прочь, осмотрѣла царапину свою и съ этихъ поръ уже не хотѣла знаться съ Васьюкой. Она умѣла очень ловко развязывать самые запутанные узлы руками или зубами, если они были слишкомъ туго затянуты, и, повидимому, это доставляло ей такое большое удовольствіе, что она всегда развязывала шнурки у башмаковъ тѣхъ людей, которые къ ней подходили. Въ рукахъ ея была необыкновенная сила, и она могла подымать ими большія тяжести. Задними руками она пользовалась такъ же ловко, какъ и передними. Такъ, напримѣръ, если случалось, что она не могла чего-нибудь достать передними руками, то ложилась на спину и приближала къ себѣ предметъ задними. Она кричала только тогда, когда оставляли ее одну. Сначала крикъ этотъ походилъ на вой собаки.—Чухотка скоро положила конецъ ея жизни».

Другой прирученный мясъ, о которомъ рассказываетъ намъ Джеффрисъ, содержалъ свою клѣтку очень чисто, часто мылъ въ ней полъ тряпкой и водой и удалялъ всякаго рода остатки отъ фѣды, и тому подобное. Онъ мылъ себѣ лице и руки, какъ человѣкъ. Третій орангъ-утанъ отличался большою нѣжностью по отношенію ко всѣмъ тѣмъ, кто дружественно съ нимъ говорилъ, и совершенно по человѣчески цѣловалъ своего господина и сторожа. Съ незнакомыми онъ былъ очень робокъ, къ знакомымъ же относился вполне довѣрчиво.

Орангъ, котораго наблюдалъ въ Парижѣ Кювье, былъ доставленъ во Францію въ возрастѣ 10-ти или 11-ти мѣсяцевъ и прожилъ тамъ почти полгода. Движенія его были медленны, а на землѣ — неуклюжи. Онъ упирался передъ собою въ землю кулаками переднихъ конечностей, поднимался на своихъ длинныхъ рукахъ, подвигалъ впередъ туловище, продвигалъ заднія конечности между руками, подтягивалъ впередъ заднюю часть туловища, затѣмъ снова опирался на кулаки, и т. д. Когда онъ могъ на что-нибудь опереться рукою, то ходилъ на заднихъ конечностяхъ, но наступалъ всегда внѣшними краями ступни. Сидѣлъ онъ въ обычной позѣ восточныхъ жителей, съ поджатыми ногами. Лазалъ онъ очень легко, при этомъ хватался за столбъ кистями рукъ, а не обхватывалъ руками и бедрами. Если вѣтви двухъ деревьевъ соприкасались, то онъ легко переходилъ съ одного дерева на другое. Въ Парижѣ, въ хорошіе дни, часто позволяли ему свободно ходить по саду; тогда онъ быстро взбирался на дерево и усаживался на суку. Если кто-нибудь взбирался за нимъ на дерево, онъ трясъ вѣтви изо всѣхъ силъ, какъ бы желалъ испугать своего преслѣдователя; съ отступленіемъ послѣдняго прекра-

щались и эти мѣры предосторожности; если же возобновляли попытку, то тотчасъ же повторялись тѣ же дѣйствія. Время кормленія онъ зналъ очень точно, регулярно въ надлежащее время являлся къ своему сторожу и бралъ все, что ему тотъ давалъ. Посѣщенія постороннихъ были ему часто въ тягость, и нерѣдко онъ лежалъ, растянувшись подъ своими одѣялами, до тѣхъ поръ, пока посѣтители не уходили. Отъ знакомыхъ онъ, однакожъ, не прятался. Пищу бралъ онъ только отъ своего сторожа. Если на обычномъ мѣстѣ его надзирателя оказывался кто-либо изъ постороннихъ, онъ хотя и приближался, но, замѣтивъ незнакомца, отказывался принять отъ него пищу, бросался на полъ, кричалъ и, какъ бы въ отчаяніи, бился головой. Пищу свою онъ бралъ пальцами, рѣдко прямо губами и предварительно хорошенько обнюхивалъ все, что ему было неизвѣстно. Appetitъ его былъ поразительный: онъ могъ, какъ и дѣти, ѣсть во всякое время. Иногда онъ кусался и защищался кулаками, но поступалъ такъ только по отношенію къ дѣтямъ, и притомъ не столько изъ злобы, сколько изъ нетерпѣнія. Вообще же онъ былъ кротокъ и любилъ общество, ласкался и цѣловалъ. Когда онъ чего-нибудь настоятельно требовалъ, то испускалъ рѣзкій горловой звукъ; тотъ же звукъ онъ издавалъ и въ гнѣвѣ, катался по полу и дулся, если ему не угождали. Онъ очень любилъ двухъ котятъ и часто одного изъ нихъ держалъ подъ мышкой или сажалъ себя на голову, хотя котенокъ цѣплялся своими когтями за его кожу. Нѣсколько разъ онъ разсматривалъ ихъ лапы и пытался своими пальцами вырвать когти. Но такъ какъ это ему не удалось, то онъ предпочелъ лучше терпѣть боль, чѣмъ перестать играть со своими любимцами.

Дальнѣйшія свѣдѣнія мы имѣемъ отъ одного опытнаго наблюдателя, который въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ имѣлъ при себѣ на кораблѣ орангъ-утана. Животное жило, пока корабль находился въ азіатскихъ водахъ, на палубѣ, какъ мѣстѣ своего постоянного пребыванія, и тогда ночью, для сна, уходило въ защищенное мѣсто. Въ теченіе дня орангъ-утанъ былъ чрезвычайно веселъ, игралъ съ другими маленькими обезьянами, которыя находились на кораблѣ, и лазалъ по снастямъ. Лазаніе, гимнастическія упражненія, повидимому, доставляли ему большое удовольствіе, такъ какъ онъ большую часть дня проводилъ на различныхъ канатахъ. Ловкость его и обнаруживаемая имъ при этомъ сила мускуловъ были изумительны. Капитанъ Смиттъ, наблюдатель, взялъ съ собой нѣсколько сотенъ кокосовыхъ орѣховъ, изъ которыхъ обезьяна ежедневно получала по два. Своими сильными зубами она очень ловко умѣла разгрызть чрезвычайно крѣпкую, въ два дюйма толщиною, скорлупу, которую съ трудомъ раскалываютъ топоромъ. Она прокусывала острый конецъ орѣха, гдѣ находятся маленькія возвышенія или горбинки, своими крѣпкими зубами, схватывала орѣхъ правой ногой и разрывала зубами его крѣпкую скорлупу; затѣмъ протыкала пальцемъ одно изъ естественныхъ отверстій въ скорлупѣ, выпивала молоко, послѣ чего разбивала орѣхъ о какой-нибудь твердый предметъ и затѣмъ съѣдала зерно.

Когда корабль миновалъ Зондскій проливъ, съ постепеннымъ пониженіемъ температуры, орангъ-утанъ все болѣе и болѣе утрачивалъ свою веселость. Онъ пересталъ лазать и играть, изрѣдка только появлялся на палубѣ, волочилъ за собой всюду шерстяное одѣяло своей постели и постоянно закутывался въ него, какъ только усаживался спокойно. Въ южномъ умѣренномъ поясѣ онъ держался большею частью въ каютѣ и сидѣлъ тамъ часто въ теченіе цѣлыхъ часовъ на одномъ мѣстѣ, неподвижно, закутавшись съ головой въ одѣяло. Постель свою онъ всякій разъ приготовлялъ для себя съ большою обстоятельностью. Онъ никогда не ложился спать, не выколотивъ и не расправивъ два или три раза свой матрацъ. Затѣмъ ложился онъ на спину,

закутывался одѣяломъ такъ, что изъ-подъ него выглядывали только толстыя губы и носъ, лежалъ въ этомъ положеніи всю ночь или двѣнадцать часовъ, не шевелясь. На родинѣ своей вставалъ и ложился съ пунктуальностью часовъ. Утромъ онъ вставалъ въ шесть часовъ или съ восходомъ солнца и ложился, какъ только исчезалъ за горизонтомъ послѣдній лучъ солнца, слѣдовательно, въ шесть часовъ вечера. Чѣмъ далѣе подвигался корабль къ западу, а соотвѣтственно этому измѣнялось и время, тѣмъ онъ ложился ранѣе и вставалъ также ранѣе, потому что онъ спалъ все-таки тѣ же двѣнадцать часовъ. Хотя это измѣненіе времени сна и не совпадало точно съ расчисленіемъ времени на кораблѣ, но все-таки нельзя было не признавать въ этомъ извѣстной правильности. У мыса Доброй Надежды отъ отправлялся спать въ два часа пополудни и вставалъ въ половинѣ третьяго утра. Но далѣе онъ уже не перемѣнялъ времени сна, хотя корабль уклонился еще на 2 часа къ западу.

Кромѣ кокосовыхъ орѣховъ, орангъ-утанъ любилъ соль, мясо, муку, саго и тому подобное, и употреблялъ всякія хитрости, чтобы во время обѣда раздобыть кусокъ мяса. Схвативъ пищу, онъ уже не отдавалъ ее обратно, даже если его били. Онъ могъ легко сѣдять въ одинъ разъ три, четыре фунта мяса. Муку онъ ежедневно доставалъ себѣ на кухнѣ и умѣлъ всегда при этомъ воспользоваться отсутствіемъ повара, чтобы открыть бочку съ мукой, набрать ее полную горсть и затѣмъ вытирала руку о голову, такъ что всегда возвращался напудреннымъ. По вторникамъ и пятницамъ, какъ только раздавался звонокъ къ обѣду, онъ неукоснительно появлялся среди матросовъ, которые въ эти дни получали саго съ сахаромъ и корицей. Также регулярно онъ появлялся въ два часа въ каютъ-компаніи, къ обѣду. Все время дѣла онъ былъ очень спокоенъ и, противъ обычая обезьянъ—чистоплотенъ. Однако, никогда не могъ правильно употреблять при этомъ ложку. Онъ просто подносилъ тарелку ко рту и выпивалъ супъ, не проливъ ни капли. Спиртные напитки онъ очень любилъ и потому за обѣдомъ всегда получалъ стаканъ вина. Онъ опорожничалъ его оригинальнымъ образомъ: изъ своей нижней губы, вытягивавшейся на два дюйма, онъ дѣлалъ нѣчто въ родѣ широкой ложки, достаточно помѣстительной, чтобы могъ войти въ нее цѣлый стаканъ жидкости. Въ эту самодѣльную ложку онъ переливалъ вино изъ стакана, ставилъ послѣдній на столъ и потомъ уже выпивалъ вино изъ своей губы, медленно и осторожно пропуская его сивозъ зубы, какъ бы желая подольше насладиться. Иногда это проглатываніе длилось нѣсколько минутъ, затѣмъ онъ протягивалъ свой стаканъ, чтобы снова его наполнили. Онъ никогда не билъ посуды, но обращался съ нею всегда осторожно и этимъ весьма отличался, конечно, въ свою пользу, отъ остальныхъ обезьянъ, которыя, какъ извѣстно, имѣютъ обыкновеніе колотить посуду.

Только однажды его хозяину случилось видѣть, что онъ выпрямился у стѣнки корабля и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ стоя. При этомъ, однако, онъ крѣпко держался обѣими руками за стѣнку, словно дитя, которое учится ходить. Во время пути онъ рѣдко лазалъ на мачты и притомъ очень медленно и осторожно; обыкновенно же онъ дѣлалъ это только тогда, когда другой маленькой обезьянѣ, его любимицѣ, грозила опасность быть наказанною за какую-нибудь продѣлку: эта послѣдняя искала убѣжища на груди своего большого друга, обхватывала его крѣпко и *Боби*, такъ звали орангъ-утана, взбирался со своимъ маленькимъ протеже на мачту и разгуливалъ тамъ, пока опасность не проходила.

Отъ него слышали только два рода звуковъ: слабый, свистящій горловой звукъ, который служилъ признакомъ душевнаго волненія, и страшный ревъ, похожій на мычаніе испуганной коровы и выражавшій испугъ. Въ первый разъ подобный ревъ былъ вызванъ появленіемъ стада кашалотовъ, которые плыли мимо, вблизи кора-

бля, а второй разъ—видомъ различныхъ водяныхъ змѣй, которыхъ его хозяинъ везъ съ собой изъ Явы. Выраженіе его лица, никогда не измѣнялось.

Къ сожалѣнію, одинъ несчастный случай прекратилъ жизнь прекраснаго животного еще до прїѣзда въ Германію. Лежа на своей постели, Боби замѣтилъ, что служитель корабля укладывалъ бутылки съ ромомъ и нѣкоторыя при этомъ не убралъ. Боби уже улегся спать, такъ какъ было два часа пополудни. Ночью хозяинъ его услышалъ шорохъ въ каютѣ, какъ будто кто-нибудь гремѣлъ бутылками, и, при мерцаніи поставленной на столъ зажженной на ночь лампы, дѣйствительно увидѣлъ фигуру въ помѣщеніи для винъ; къ своему удивленію, онъ узналъ въ немъ оранг-утана. Боби держалъ передъ ртомъ уже почти опорожненную бутылку рома. Передъ нимъ лежало много пустыхъ бутылокъ, тщательно завернутыхъ въ солому; найдя между ними одну полную, онъ ловко ее откусорилъ и предался своей страсти къ спиртнымъ напиткамъ. Десять минутъ спустя, Боби внезапно оживился; онъ прыгалъ на стулья, на столы, дѣлалъ смѣшныя движенія и жестикулировалъ съ постоянно увеличивавшейся живостью, какъ пьяный, и наконецъ совершенно обезумѣвшій человѣкъ. Невозможно было усмирить его. Состояніе это длилось около четверти часа, затѣмъ онъ упалъ на полъ; изо рта его выступила пѣна и онъ лежалъ, выпрямившись и неподвижно. Черезъ нѣсколько часовъ онъ пришелъ въ себя, но подвергся жестокой нервной горячкѣ, которой и суждено было прекратить его жизнь. Во время своей болѣзни онъ пилъ только вино съ водой и предлагаемая ему лѣкарства, ничего болѣе. Послѣ того, какъ ему однажды пощупали пульсъ, онъ всякій разъ протягивалъ руку своему хозяину, когда послѣдній подходилъ къ его постели. Во взорѣ его было такое трогательное и человѣческое выраженіе, что на глазахъ людей, за нимъ ухаживавшихъ, часто выступали слезы. Силы его все болѣе и болѣе слабѣли и на четырнадцатый день онъ скончался въ страшномъ пароксизмѣ горячки.

Я имѣлъ случай наблюдать многихъ живыхъ оранг-утановъ, но мнѣ не случилось встрѣтить ни одного, котораго можно было бы сравнить съ шимпанзе одного и того же возраста. Всѣмъ имъ не доставало свойственной послѣднимъ веселости и охоты къ шуткамъ: они были, напротивъ того, въ высшей степени серьезны, большею частью очень тихи и потому скучны. Каждое движеніе ихъ было медленно и выраженіе ихъ добродушныхъ коричневыхъ глазъ печально. Такимъ образомъ, они представляли изъ себя, во многихъ отношеніяхъ, противоположность шимпанзе.

* *
*

Ни въ одной группѣ обезьянъ развитіе переднихъ конечностей не достигаетъ такой степени, какъ у гиббоновъ или длиннорукихъ обезьянъ (*Hylobates*, *Gibbons*). Онѣ съ полнѣйшимъ правомъ носятъ свое имя, ибо необычайно вытянутыя руки ихъ достигаютъ земли, когда животное держится вертикально. Одного этого признака было бы достаточно, чтобы отличать длиннорукихъ обезьянъ отъ всѣхъ другихъ родовъ этого отряда.

Гиббоны образуютъ довольно обширный родъ челоуѣкообразныхъ обезьянъ; известно около семи видовъ, которые должны быть причислены къ этому роду. Всѣ они азіаты и принадлежать исключительно Остъ-Индіи, а также ближайшимъ изъ большихъ Зондскихъ острововъ: Суматрѣ, Явѣ и Борнео. Относящіяся сюда виды достигаютъ довольно значительной величины, хотя ни одинъ не превышаетъ одного метра въ высоту. Ихъ тѣло, несмотря на сильную и выпуклую грудь, кажется очень тонкимъ, такъ какъ паховая область утончена, какъ у борзой собаки; заднія конечности значительно короче переднихъ и длинныя руки отличаются у

нѣкоторыхъ видовъ еще тѣмъ, что указательный палецъ отчасти срастается съ среднимъ. Голова мала и яйцевидной формы; лице человѣкообразно; сѣдалищныя мозоли малы, а хвостъ незамѣтенъ снаружи. Тѣло гиббоновъ покрыто густымъ и часто мягкимъ, какъ шелкъ, мѣхомъ, который бываетъ чернаго, бураго, буро-сѣраго и соломенно-желтаго цвѣта. Всѣ гиббоны обладаютъ чрезвычайно громкимъ голосомъ и особенно охотно издаютъ свои крики въ утренніе часы.

Сиамангъ (*Hylobates synbactylus*, *Pithecus synbactylus*; *Siamanga synbactyla*-*Saamang*), котораго, на основаніи сращенія указательнаго пальца заднихъ конечностей съ среднимъ, нѣкоторые рассматриваютъ, какъ представителя особаго подрода (*Siamanga*), представляетъ собою самую большую изъ всѣхъ длиннорукихъ обезьянъ; онъ отличается еще и тѣмъ, что его руки относительно менѣе длинны, чѣмъ у другихъ видовъ. «Его видъ, если его представить себѣ безъ шерсти», говоритъ Дювоссель (*Duvaucel*), «былъ бы безобразенъ особенно потому, что его низкій лобъ такъ недоразвитъ, что остаются однѣ только бровныя дуги, глаза глубоко сидятъ въ орбитахъ, носъ кажется широкимъ и плоскимъ, направленныя въ стороны ноздри очень велики; ротъ открывается почти до основанія челюстей. Если притомъ вспомнить о большомъ голомъ гортанномъ мѣшкѣ сиаманга, который свѣшивается на передней сторонѣ шеи въ видѣ грязнаго и отвислаго зоба и надувается при крикѣ, о кривыхъ конечностяхъ, обращенныхъ внутрь, которыя животное всегда держитъ согнутыми, о вискахъ, вдавленныхъ подъ выдающимися буграми, и о недоразвитомъ подбородкѣ, то придется сказать себѣ, что наша обезьяна не принадлежитъ къ самымъ прекраснымъ представителямъ своего отряда. Густой мѣхъ совершенно чернаго цвѣта, состоящій изъ длинныхъ, мягкихъ и блестящихъ волосъ, покрываетъ тѣло; только брови красно-бурыя. На мошонкѣ торчатъ длинныя волоса, которые направлены книзу и образуютъ кисть, нерѣдко достигающую до колѣнъ. Волоса на предплечіи направлены вверхъ, на плечѣ внизъ, такъ что на локтѣ они какъ бы взерошены». Встрѣчаются и альбиносы. Боккъ однажды получилъ одного живого альбиноса этого вида. Взрослые самцы достигаютъ одного метра въ вышину, а размахъ рукъ ихъ почти вдвое болѣе.

Сиамангъ водится обыкновенно въ лѣсахъ Суматры и хорошіе изслѣдователи наблюдали его какъ въ неволѣ, такъ и на свободѣ. По Розенбергу, его правильнѣе было бы называть Амангъ, такъ какъ первый слогъ (*Si*) есть лишь членъ (*article*) мѣстнаго языка. Одинокое стоящее указаніе Гельферса, что сиамангъ встрѣчается даже въ южномъ Тенассеримѣ, также какъ и указаніе Уэллеса, что онъ вообще водится и на Малайскомъ полуостровѣ, поставлены подъ сомнѣніе Блэнфордомъ.

Болѣе общій характеръ рода представляетъ хулокъ (*Hylobates huloek*, *Hylobates hoolock*, *Siamanga hoolock*), длиннорукая обезьяна около 0,9 м. вышиною, безъ гортаннаго мѣшка и съ свободными пальцами заднихъ конечностей. Его мѣхъ, кромѣ бѣлой перевязки на лбу, угольно-чернаго цвѣта; цвѣтъ дѣтеныша черно-бурый; на конечностяхъ, вдоль средней линіи тѣла и на спинѣ—пепельно-сѣрый. По Блэнфорду, однако, вовсе не рѣдки и свѣтлѣе окрашенные хулоки обоюго пола, отъ буроваго чернаго до свѣтлаго желтовато-сѣраго цвѣта. Сѣдалищныя мозоли ясно замѣтны. Хулокъ живетъ въ Индо-Китаѣ и водится, по Блэнфорду, въ лѣсистыхъ горныхъ мѣстностяхъ къ югу отъ Ассама, по всему Аракану, а по Андерсону, до Вартабона. Его распространеніе на востокъ достовѣрно неизвѣстно; не далеко отъ Вхамо въ долині Иравади онъ еще встрѣчается. Названіе, собственно—Улукъ, индусы дали ему по его очень громкому крику.

Ларъ или бѣлорукій гиббонъ (*Hylobates lar*, *Simia longimana*, *Weiss händiger Gibbon*, *Gibbon noir*) приблизительно такой же величины, какъ хулокъ, черно-сѣраго

цвѣта, съ краснобурными ягодицами, окаймленными бѣлыми волосами; руки и ноги его всегда свѣтлаго цвѣта, лице на голыхъ частяхъ черное, окаймлено, по большей части, ошейникомъ бѣловатыхъ волосъ. Общій цвѣтъ колеблется отъ чернаго до желтовато-бѣлаго; свѣтло-окрашенные животныя, какъ говорятъ, встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ у хулока, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ преобладаютъ. Отече-

Ларъ. *Hylobates lar*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

ствомъ его должно считать Малайскій полуостровъ и Тенассеримъ, гдѣ онъ живетъ до высоты 1100 метровъ надъ уровнемъ моря. Тиккель утверждаетъ, что ларъ встрѣчается до сѣверной границы Пегу, а Андерсонъ, что онъ встрѣчается даже въ Араканѣ. Распространеніе его на востокъ неизвѣстно. Однако, онъ живетъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ *H. leucogenus* въ Сіамѣ; Боккъ, къ сожалѣнію, не называетъ вида гиббоновъ, которыхъ онъ наблюдалъ стадами у Мекка.

Унко или правильнѣе унго (*Hylobates rafflesii*) похожъ на хулока по величинѣ, но отличается отъ него по цвѣту, а также и анатомически и именно тѣмъ, что у него 14 паръ реберъ. Лицо и мѣхъ черные, спина и паха красно-бурныя, брови, щеки и челюсти у самца бѣлыя, у значительно меньшей самки—темно-сѣрыя. Отечество унго—островъ Суматра; однако онъ встрѣчается, кажется, относительно рѣдко. Розенбергъ находилъ его и аманга въ горныхъ лѣсахъ на высотѣ до 1000 м.

Наконецъ *Bayau* (*Hylobates variegatus*, *H. agilis*, *Pithecus variegatus*, *Gibbon brun*), который водится такъ-же, но, по Кантору (*Cantor*), встрѣчается рядомъ съ ларомъ и на Малайскомъ полуостровѣ, имѣетъ голое голубовато-черное лицо. У самки съ буроватымъ оттѣнкомъ, и длинный густой мѣхъ, цвѣтъ котораго на головѣ, брюхѣ и внутренней сторонѣ рукъ и бедеръ черный, надъ плечами и къ шее постепенно становится свѣтлѣе, а въ пахахъ переходитъ въ блѣдно-бурый, между тѣмъ какъ задъ, до колѣнныхъ сочлененій, окрашенъ въ смѣсь бѣлаго и красноватаго цвѣта. Руки и ноги темнобурныя. Самка свѣтлѣе, борода на щекахъ у нея менѣе длинна, чѣмъ у самца, хотя все еще довольно велика, такъ что голова больше въ ширину, чѣмъ въ вышину. Дѣтеныши одноцвѣтные—желтовато-бѣлые.

Все строеніе длиннорукихъ обезьянъ предназначаетъ ихъ для лазанья. Онѣ обладаютъ всѣмъ, что нужно для быстрого, продолжительнаго и ловкаго лазанья и прыганья. Объемистая грудь вмѣщаетъ большія легкія, которыя не утомляются, не отказываются служить, если быстрое движеніе взволнуетъ кровь; сильныя заднія конечности доставляютъ необходимую силу толчка для большихъ прыжковъ, длинныя переднія конечности даютъ животному возможность съ большою увѣренностью хвататься за вѣтви, которыя должны служить новой точкой опоры; при болѣе короткихъ рукахъ легко было бы промахнуться. Насколько эти руки относительно длинны, становится яснѣе всего при сравненіи. Размахъ рукъ человѣка, какъ извѣстно, равенъ его росту, а размахъ рукъ гиббона почти вдвое больше длины его тѣла; человѣкъ, стоящій прямо, едва касается опущенными руками колѣнъ, гиббонъ же — ступней. Понятно, что такія руки почти непригодны для хожденія: онѣ приспособлены лишь для лазанія. Поэтому хожденіе длиннорукихъ обезьянъ есть жалкое ковылянье на заднихъ ногахъ, тяжеловѣсное переваливаніе тѣла, которое удерживается въ равновѣсіи лишь вытянутыми руками; за то лазаніе и прыганіе по вѣтвямъ представляетъ у этихъ животныхъ легкое и ловкое движеніе; для этого движенія нѣтъ, повидимому, границъ: оно какъ бы не зависитъ отъ закона тяжести. Гиббоны на землѣ медленны, неуклюжи, неловки, корочѣ,—они чужіе на землѣ; на вѣтвяхъ же они представляютъ прямую противоположность всему этому; это настоящія птицы въ образѣ обезьянъ. Если горилла Геркулесъ между обезьянами, то гиббоновъ можно сравнить съ легкимъ Меркуріемъ; не даромъ же одинъ изъ нихъ, *Hylobates lar*, названъ, въ память возлюбленной послѣдняго, прекрасной, но болтливой наяды Лары, которая своимъ неугомоннымъ языкомъ возбудила гнѣвъ Юпитера, но красотою заслужила любовь Меркурія и, благодаря этому, избѣжала ада.

Ларъ живетъ стадами изъ 6 — 20 особей, молодые и старыя обою пола вмѣстѣ. По своему характеру онъ похожъ на хулока, но, по Тиккелю, онъ не такъ подвиженъ и ловокъ, какъ послѣдній. Онъ и пьетъ ипаче, а именно, такъ же, какъ сіамангъ: зачерпываетъ воду рукою и подлизываетъ капли, стекающія съ пальцевъ. Его крикъ, судя по описаніямъ, совершенно отличенъ отъ крика хулока. Ларъ до такой степени исключительно пользуется на вѣтвяхъ деревьевъ своими передними конечностями, что всякіе предметы, которые онъ желаетъ унести съ собою,

онъ держитъ задними конечностями, особенно, если убѣгая, хочетъ унести въ безопасное мѣсто награбленные плоды.

Наиболѣе неуклюже двигается, соответственно своему вѣшнему виду, сиамангъ, такъ какъ онъ не только медленно ходитъ, но также и лазаютъ нѣсколько неуверенно и лишь въ прыганьи обнаруживаетъ свою ловкость. Но и остальные виды могутъ лишь съ трудомъ передвигаться на землѣ. «Въ комнатѣ или на ровномъ мѣстѣ», говоритъ Гарланъ о хулокѣ, «они ходятъ на заднихъ ногахъ и довольно хорошо удерживаютъ равновѣсіе, причѣмъ поднимаютъ кисти рукъ даже выше головы, слегка сгибаютъ руки въ запястномъ и локтевомъ сочлененіяхъ и затѣмъ довольно быстро бѣгутъ, покачиваясь вправо и влѣво. Если ихъ побуждать къ болѣе быстрому движенію, то они опускаютъ свои руки до земли и перемѣщаются быстрѣе, опираясь на нихъ. Они болѣе прыгаютъ, чѣмъ бѣгутъ, но все время держатся довольно прямо». У остальныхъ видовъ туловище кажется не только слишкомъ длиннымъ, но и слишкомъ тяжелымъ для короткихъ и тонкихъ бедръ, и поэтому обезьяны эти наклоняются впередъ и употребляютъ при ходьбѣ обѣ руки, какъ костыли. «Такимъ образомъ они движутся впередъ толчками, подобно ковыляющему на костыляхъ старику, который боится сильнаго напряженія». Совершенно противоположное впечатлѣніе производятъ они, когда лазаютъ. Всѣ наблюдатели единогласно удивляются тому искусству и той ловкости, которыя обнаруживаютъ длиннорукія обезьяны на вѣтвяхъ.

Съ невѣроятной быстротою и вѣрностью взлѣзаетъ ваувау, по Джовоселю, на бамбуковый стволъ, вершину дерева или вѣтвь, раскачивается на ней нѣсколько разъ вверхъ и внизъ или впередъ и назадъ и потомъ бросается, пользуясь упругостью качающейся вѣтви, съ такою легкостью, чрезъ промежутки въ 12—13 метровъ, три, четыре раза подрядъ, что кажется, какъ будто онъ летитъ, какъ стрѣла, или наклонно опускающаяся птица. Можно предположить, что сознаніе своего недостижимаго для другихъ животныхъ искусства доставляетъ ему большое удовольствіе. Онъ прыгаетъ безъ надобности черезъ промежутки, которые легко могъ бы обойти, измѣняетъ во время прыжка направленіе и виснетъ на первой поправившейся ему вѣтви, подобно акробату куврыкается и качается на ней, быстро поднимается на нее, раскачиваетъ ее вверхъ и внизъ и снова бросается въ воздухъ, съ безошибочной вѣрностью стремясь къ новой цѣли. Кажется, какъ будто онъ обладаетъ волшебными силами и, не имѣя крыльевъ, тѣмъ не менѣе можетъ летать: онъ больше живетъ въ воздухѣ, чѣмъ на вѣтвяхъ. На что нужна такому одаренному существу земля? Она чужда ему, какъ и оно ей; она доставляетъ ему только освѣжающее питье и, утоливъ жажду, онъ снова возвращается въ свое воздушное царство. Здѣсь онъ дома; здѣсь онъ наслаждается покоемъ, миромъ, безопасностью; здѣсь становится для него возможнымъ пренебрегать всякимъ врагомъ или же убѣжать отъ него; здѣсь онъ можетъ жить и наслаждаться своими легкими движеніями.

Это удовольствіе очень явно обнаруживалось у одной самки ваувау, которую привезли въ Лондонъ живою. На ней хотѣли испытать способность къ движенію, свойственную ея родичамъ, и поэтому ей отдѣльно выстроили большое помѣщеніе. Тамъ и сямъ на различныхъ разстояніяхъ помѣстили деревья, чтобы дать удобную арену для удивительныхъ движеній животнаго. Самое большое горизонтальное разстояніе отъ одной вѣтви до другой достигало лишь 6 метровъ. Это очень мало для обезьяны, которая на свободѣ можетъ перелетать разстояніе вдвое большее, и много, даже очень много, для животнаго, которое было лишено свободы, перенесено въ чужой и вредный ему климатъ, отучено отъ своей первоначаль-

ной пищи, и къ-тому-же только-что перенёсло длинное изнурительное морское путешествие. Однако, несмотря на всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства, гиббонъ далъ такія доказательства въ пользу своей способности къ движеніямъ, что всѣ зрители были внѣ себя отъ изумленія.

Для него было совершенно легко броситься съ одной вѣтви на другую, безъ всякихъ, хотя бы самыхъ незначительныхъ приготовленій къ этому, и онъ достигалъ намѣченной цѣли съ неизмѣнной вѣрностью. Онъ могъ долгое время непрерывно продолжать свои воздушные прыжки, не дѣлая для этого какого-либо новаго замѣтнаго разбѣга; толчекъ, необходимый для прыжка, онъ придавалъ себѣ во время мгновеннаго прикосновенія къ вѣтви, избранной для опоры. Такъ же вѣрны, какъ его движенія, были его глазъ и рука. Зрители забавлялись, бросая ему плоды во время его прыжковъ; онъ ловилъ ихъ въ моментъ самого прыжка, не считая нужнымъ прерывать для этого свой полетъ. Онъ всегда и въ совершенствѣ владѣлъ собою. Въ серединѣ самаго быстрого прыжка онъ могъ измѣнить направленіе движенія; во время стремительнаго движенія по воздуху онъ схватывался за вѣтвь одною изъ своихъ переднихъ рукъ, однимъ толчкомъ поднималъ на ту же высоту свои заднія ноги, хваталъ ими вѣтвь и черезъ мгновеніе такъ спокойно сидѣлъ на ней, какъ будто бы никогда и не былъ въ движеніи.

Можно думать, что на свободѣ гиббонъ можетъ давать еще болѣе блестящія образчики своей подвижности, и рассказы наблюдателей могутъ поэтому заслуживать полнаго довѣрія, хотя бы они и казались намъ преувеличенными. Нѣкоторые наблюдатели сравниваютъ движенія живущихъ на свободѣ длиннорукихъ обезьянъ съ полетомъ ласточекъ. Тѣмъ болѣе замѣчательно наблюденіе Г. О. Форбса падъ сіамангомъ. Онъ говоритъ: «Я считаю невѣрнымъ, что эти обезьяны прыгаютъ съ дерева на дерево на такія большія разстоянія, какъ обыкновенно говорятъ. Мнѣ случилось видѣть, что, при рубкѣ лѣса, по близости одного сада, стадо сіаманговъ оказалось отрѣзаннымъ отъ ближайшихъ деревьевъ лишь разстояніемъ въ 30 футовъ; при каждомъ ударѣ топора они въ величайшемъ страхѣ лазали по дереву вверхъ и внизъ и не отваживались перескочить черезъ этотъ промежутокъ; когда дерево падало, то они и тогда не рѣшались спастись, спрыгнувъ съ него, а были имъ раздавлены при паденіи». Изъ этого, однако, нельзя еще заключать, что они не могутъ перенестись черезъ пространство въ 10 метровъ шириною, особенно на искосъ внизъ; возможно, что они, перепуганные и сбитые съ толку своимъ необыкновеннымъ и опаснымъ положеніемъ, и не думали о томъ, чтобы спастись обычнымъ способомъ. Уэллесъ говоритъ, правда, тоже, что сіамангъ движется гораздо медленнѣе другихъ гиббонъ и не любитъ «громадныхъ прыжковъ», но все-же указываетъ, что и онъ «перебрасывается туда и сюда между далеко отстоящими другъ отъ друга деревьями».

Наблюденіе этихъ животныхъ на свободѣ представляетъ свои трудности, такъ какъ почти всѣ виды избѣгаютъ человѣка и лишь изрѣдка приближаются къ лѣснымъ полянамъ. «Они живутъ по большей части», говоритъ Дювосель о сіамангахъ, «многочисленными стадами подъ предводительствомъ вожака, котораго, по увѣренію малайцевъ, невозможно ранить. Если ихъ застать врасплохъ на землѣ, то можно поймать, такъ какъ или испугъ приводитъ ихъ въ остоленіе, или они сами чувствуютъ свою слабость и сознаютъ невозможность бѣгства. Какъ бы ни было многочисленно стадо, оно всегда покидаетъ раненаго товарища, хотя бы дѣло шло о совершенно молодомъ. Мать, однако, схватываетъ дѣтеныша, пытается бѣжать, падаетъ иногда вмѣстѣ съ нимъ внизъ, испускаетъ ватѣмъ громкій горестный крикъ и, съ раздутымъ гортаннымъ мѣшкомъ и разставленными ру-

ками, съ угрозой загоразиваетъ дорогу врагу. Но материнская любовь проявляется не только въ опасностяхъ, а также и вообще, при всякомъ случаѣ. При соблюденіи большой осторожности случалось иногда наблюдать интересное зрѣлище, какъ матери приносили своихъ малютокъ къ рѣкѣ, мыли ихъ, несмотря на ихъ крикъ, затѣмъ старательно вытирали и сушили ихъ и вообще такъ заботились объ ихъ чистотѣ, что такого ухода можно бы пожелать и нѣкоторымъ человѣческимъ дѣтямъ. Малайцы рассказывали Диарду, и онъ позднѣе самъ подтвердилъ это собственнымъ наблюденіемъ, что еще неспособныхъ къ движенію дѣтенышей всегда носить и водить тотъ изъ родителей, который одного пола съ дѣтенышемъ: дѣтенышей мужского пола — отецъ, женскаго — мать. Туземцы рассказываютъ также, что сіаманги довольно часто становятся добычей тигровъ и именно, такимъ же образомъ, какъ маленькія птицы или бѣлки становятся добычей змѣй, т. е. благодаря очарованію; если этотъ рассказъ вообще вѣренъ, то это означаетъ только, что страхъ смерти наводитъ на упомянутыхъ обезьянъ столбнякъ.

О хулокахъ мы тоже имѣемъ довольно подробные рассказы. Эти обезьяны, по Гарлану, держатся преимущественно на невысокихъ горахъ, такъ какъ онѣ не выносятъ холода. Ихъ пища состоитъ изъ плодовъ, однако онѣ поѣдаютъ также нѣкоторыя травы, нѣжныя вѣтви деревьевъ и другія части растеній; онѣ разжевываютъ ихъ, проглатываютъ сокъ, а разжеванную массу выбрасываютъ. Блэнфордъ сообщаетъ, что онѣ, какъ и вообще всѣ обезьяны, очень охотно пожираютъ и насекомыхъ, а особенно пауковъ, а также яйца и, конечно, молодыхъ птицъ, а можетъ быть и вообще всѣхъ птицъ, какихъ имъ удастся поймать. О ваувау рассказываютъ даже, что онѣ умѣютъ ловить птицъ на лету. По Овену, который прожилъ почти два года на родинѣ хулоковъ, эти обезьяны собираются въ лѣсахъ въ общества отъ 50 до 100 слишкомъ штукъ; старые самцы, по словамъ Блэнфорда, отдѣляются отъ стада и живутъ отдѣльно, что вообще встрѣчается у очень многихъ млекопитающихъ. Обыкновенно хулоковъ замѣчаютъ на вершинахъ тѣхъ деревьевъ, плоды которыхъ они особенно любятъ, но иногда они выходятъ по тропинкамъ изъ густого лѣса на открытыя поляны. Разъ Овенъ неожиданно встрѣтилъ стадо этихъ животныхъ, которое весело забавлялось, но, при его приближеніи, тотчасъ подняло тревогу и убѣжало въ бамбуковую чащу; другой разъ онъ, проходя одинъ по новопроложенной дорогѣ, вдругъ увидѣлъ себя окруженнымъ большимъ стадомъ этихъ обезьянъ, которыя казались изумленными, но еще болѣе разсерженными тѣмъ, что въ ихъ царство проникло какое-то странно одѣтое существо. При приближеніи человѣка хулоки вообще убѣгаютъ съ возможной поспѣшностью, почему увидѣть ихъ удается рѣдко. Они, какъ сообщилъ мнѣ Гаскерль, такъ же осторожны, какъ и любопытны, и потому нерѣдко показываются на опушкѣ открытаго пространства, вырубленнаго подъ пашню, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они еще не напуганы охотниками; но коль-скоро они замѣчаютъ, что за ними наблюдаютъ, или приближаются къ нимъ, то мгновенно скрываются и послѣ того ихъ уже не такъ легко увидѣть. За то голосъ ихъ приходится слышать чаще. При восходѣ и закатѣ солнца они поднимаютъ такой ужасный крикъ, что можно оглохнуть, находясь вблизи, и не на шутку пугаешься, если не привыкъ къ этой странной музыкѣ. Это ревунъ Старога Свѣта; они будятъ обитателей Малайскихъ горъ и вмѣстѣ съ тѣмъ досаждаютъ горожанамъ, которымъ они отравляютъ пребываніе на дачахъ. Говорятъ, что ихъ крикъ можно слышать на разстояніи англійской мили. Часто приходилось слышать и крикъ длинноручихъ обезьянъ, содержимыхъ въ неволѣ, и притомъ какъ обладающихъ гортанными мѣшками, такъ и тѣхъ, которыя лишены этихъ придатковъ, усиливающихъ голосъ. Одинъ опытный наблюдатель, Беннеттъ, дер-

жалъ живаго сіаманга и замѣтилъ, что если онъ былъ чѣмъ-нибудь возбужденъ, то вытягивалъ губы воронкой, наполняя воздухомъ свой гортанный мѣшокъ и затѣмъ кричалъ почти какъ индюкъ. Онъ одинаково кричалъ и при радостномъ, и при гнѣвномъ возбужденіи. Самка утѣко въ Лондонѣ также кричала по временамъ громко и притомъ крайне своеобразнымъ способомъ, издавая опредѣленные тоны. Ея крикъ можно было очень хорошо переложить на ноты. Крикъ начинался основнымъ тономъ Е и поднимался затѣмъ по полутонамъ на цѣлую октаву, пробѣгая хроматическую гамму. Основной тонъ оставался все время слышенъ и служилъ въ качествѣ форшлага для каждой слѣдующей ноты. Поднимаясь по гаммѣ, отдѣльные тоны слѣдовали другъ за другомъ все медленнѣе, понижаясь же—все быстрѣе и, наконецъ, чрезвычайно быстро; заканчивались они всегда рѣзкимъ крикомъ, издаваемымъ изо всѣхъ силъ. Правильность, быстрота и вѣрность, съ которыми животное прокикивало гамму, возбуждали общее удивленіе. Казалось, что сама обезьяна приходила при этомъ въ крайнее возбужденіе; каждый ея мускулъ напрягался и все тѣло начинало дрожать. Тиккель тоже могъ очень точно переложить на ноты крикъ лара. Одинъ хулокъ, котораго я давно наблюдалъ живымъ въ лондонскомъ зоологическомъ саду, тоже очень охотно кричалъ и притомъ въ любое время дня; коль скоро его сторожъ начиналъ говорить съ нимъ или кто-нибудь побуждалъ его кричать, подражая его голосу. Я могу подтвердить, что никогда не слышалъ голоса млекопитающаго, исключая человѣка, который показался бы мнѣ полнозвучнѣе и мелодичнѣе, чѣмъ голосъ упомянутой длиннорукой обезьяны. Сначала я былъ изумленъ, потомъ восхищенъ этими глубокими, сильными и во все не приятными грудными нотами, которыя до нѣкоторой степени можно, пожалуй, передать слогами, «ху, ху, ху». Другіе виды издають, какъ говорятъ, гораздо менѣе пріятные крики. Такъ, Гаскерль сообщилъ мнѣ, что ваувау начинается нѣсколькими отдѣльными звуками: «уа, уа», затѣмъ слѣдуетъ быстрѣе: «уа, уа, уа»; далѣе: «уа, ууа, уа, уа», и наконецъ крикъ становится все жалобнѣе и быстрѣе, все короче, такъ что звучитъ почти какъ *а*, *а* становится длиннѣе и затѣмъ все стадо начинаетъ вторить пѣвцу такими же звуками.

Блэнфордъ говоритъ, что крикъ хулоковъ напоминаетъ издали жалобные человѣческіе голоса, а Г. О. Форбсъ, котораго въ Батамской области, на Явѣ, ежедневно будили утромъ гиббоны (*H. leuciscus*), называемые имъ ваувау, высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «Когда въ первый разъ слышишь ихъ голосъ, то трудно повѣрить, что это кричить не толпа необузданныхъ дѣтей. Ихъ «вуут вуут, вуут, вуут, вуутвуут» звучитъ еще жалобнѣе и глуше передъ дождемъ; это именно такой звукъ, какого можно ожидать отъ нихъ, судя по ихъ меланхолическому виду. Одинъ живой экземпляръ, принесенный мнѣ туземцемъ, я нѣкоторое время держалъ въ неволѣ и онъ сталъ очень милымъ и послушнымъ существомъ; но когда голосъ его свободныхъ товарищей достигалъ до его тюрьмы, то онъ всегда плотно прикладывалъ ухо къ рѣшеткѣ и такъ жадно и страстно прислушивался, что я не хотѣлъ держать его долѣе въ неволѣ и велѣлъ выпустить его на опушкѣ родного лѣса. Странно было то, что его прежніе товарищи, вѣроятно чужъ особый запахъ, принесенный имъ изъ неволи, не приняли его обратно въ свою среду. Я надѣюсь, что въ свободѣ лѣсовъ онъ скоро освободится отъ этого недостатка и возвратитъ себѣ право жить въ обществѣ себѣ подобныхъ». Боккъ описываетъ характерное «ва-ва» *H. leuciscus*, которое онъ часто слышалъ въ юго-восточной части Борнео, и разсказываетъ, что тамъ часто держатъ ручными также и миловидныхъ малаатовъ (*Hylobates concolor*); они свободно бѣгаютъ въ домахъ и на плантаціяхъ, даже и

не помышляя о бѣгствѣ. Туземцы думаютъ, что, въ случаѣ возвращенія ихъ въ стадо, свободные товарищи убили бы ихъ.

Относительно душевныхъ способностей длиннорукихъ обезьянъ мнѣнія наблюдателей различны. Дювосель очень дурно отзывается о сіамангѣ. «Его медленность, непристойность и тупоуміе остаются неизмѣнными», говоритъ онъ; «правда, подѣ властью человѣка онъ скоро становится настолько же кроткимъ, насколько былъ прежде дикимъ, и настолько же довѣрчивымъ, насколько прежде былъ пугливымъ, однако онъ всегда остается болѣе боязливымъ, чѣмъ другіе виды; онъ никогда не привязывается къ человѣку такъ, какъ тѣ, и его покорность является скорѣе слѣдствіемъ невыразимаго равнодушія, чѣмъ пріобрѣтеннаго довѣрія. Онъ остается одинаковымъ какъ при хорошемъ, такъ и при дурномъ обращеніи; благодарность и ненависть, повидимому, чувства для него чуждыя. Его внѣшнія чувства слабы. Если онъ разсматриваетъ что-нибудь, то безучастно; если ощущиваетъ, то машинально. Это — существо, лишенное всякихъ способностей и если бы расположить животное царство по степени развитія ума, то ему пришлось бы занять одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ. По большей части онъ сидитъ скорчившись, обхвативъ себя своими длинными руками и спрятавъ голову между бедеръ, и отдыхаетъ или спитъ. Лишь отъ времени до времени онъ выходитъ изъ этого состоянія и прерываетъ свое продолжительное молчаніе неприятнымъ бессмысленнымъ крикомъ, не выражающимъ ни чувства, ни какой-либо потребности. Даже голодъ, кажется, не пробуждаетъ его изъ природной сонливости. Въ неволѣ онъ равнодушно беретъ пищу, безъ жадности подноситъ ее ко рту и даже безъ неудовольствія позволяетъ отнять ее. Пьетъ онъ такимъ способомъ, который совершенно соотвѣтствуетъ остальнымъ его ухваткамъ: онъ погружаетъ въ воду пальцы и сосетъ висящія на нихъ капли». Божъ тоже называетъ сіаманга лѣнивымъ и глупымъ въ неволѣ; онъ не обнаруживаетъ забавной живости, свойственной другимъ обезьянамъ и, повидимому, теряетъ при этомъ понятливость. Подобнымъ наблюденіямъ надъ отдѣльными животными не должно, однако, придавать слишкомъ общаго значенія; притомъ же остальные наблюдатели, если и не говорятъ, прямо противоположнаго, то все же отзываются о нашихъ обезьянахъ гораздо благосклоннѣе.

Г. О. Форбсъ пріобрѣлъ молодого сіаманга, который свалился съ дерева вмѣстѣ съ застрѣленной матерью. «Очень скоро онъ приручился и сталъ очень приятнымъ товарищемъ. Выраженіе его лица было очень умное и подчасъ почти человѣческое, но въ неволѣ онъ казался печальнымъ и удрученнымъ, однако, все это совершенно пропадало, когда онъ возбуждался. Изящно и вѣжливо бралъ онъ своими вѣжными, заостренными на концахъ пальцами то, что ему предлагали. Чтобы пить, онъ не прикладывалъ губы къ сосуду, а подносилъ воду ко рту, черпая горстью и ловко слизывая съ пальцевъ капли воды. Онъ былъ очень милъ, когда вѣжно и ласково обвивалъ мнѣ шею своими длинными руками и прикладывалъ голову къ моей груди, издавая довольное ворчаніе. Каждый вечеръ онъ дѣлалъ со мною прогулку вокругъ деревенской площади, опираясь на мою руку, и, видимо, не менѣе меня наслаждался прогулкой. Онъ имѣлъ оригинальный и забавный видъ, когда рядомъ со мною, торопливо шагаль, прямо держась на своихъ, немного кривыхъ, ногахъ, точно боясь упасть впередъ; при этомъ онъ самымъ страннымъ образомъ размахивалъ надъ головой свободной рукой, чтобы удерживаться въ равновѣсіи».

Беннеттъ довелъ почти до самой Европы одного сіаманга, который пріобрѣлъ въ короткое время общее расположеніе своихъ спутниковъ. Онъ относился очень дружелюбно къ матросамъ и скоро сталъ ручнымъ; онъ вовсе не былъ медлителенъ, а, наоборотъ, обнаруживалъ большую подвижность и ловкость, охотно лазалъ по та-

келажу и любилъ различныя безвредныя шутки. Съ одной маленькой дѣвочкой-папуаской онъ заключилъ нѣжную дружбу и часто сидѣлъ рядомъ съ ней, обвивъ ея шею руками и грызя вмѣстѣ съ нею морскіе сухари. Повидимому, онъ охотно сталъ бы въ товарищескія отношенія съ остальными обезьянами, которыя находились на суднѣ, но эти послѣднія боялись его и обнаруживали къ нему большую нелюбезность; за это онъ мстилъ имъ. При каждомъ удобномъ случаѣ, онъ ловилъ одну изъ обезьянъ, находившихся въ неволѣ вмѣстѣ съ нимъ, и продѣлывалъ настоящія безобразія съ ея хвостомъ. Онъ таскалъ своего несчастнаго собрата за отсутствующей у него самага придаюкъ по всему судну или поднималъ его на рею и бросалъ оттуда внизъ, однимъ словомъ, дѣлалъ съ нимъ, что хотѣлъ и никогда мучимое животное не было въ состояніи освободиться отъ него. Онъ былъ очень любопытенъ, присматривался ко всему и часто поднимался на верхушку мачты, чтобы осмотрѣться. Проходящее мимо судно всегда удерживало его на этомъ высококомъ сидѣніи на все время, пока оно не исчезало изъ вида. Настроеніе его духа мѣнялось быстро. Онъ легко сердился и въ этомъ случаѣ велъ себя какъ неблаговоспитанное дитя: катался по фордеку, вскидывалъ конечностями и царапалъ себѣ лицо, оттапкивалъ все, что ему попадалось подъ руку и непрерывно кричалъ: «ра! ра! ра!», выражая этими звуками свою досаду. Онъ былъ до смѣшного обидчивъ и стояло сдѣлать что-нибудь не по его желанію, чтобы онъ тотчасъ же почувствовалъ себя глубоко обиженнымъ: его грудь подымалась, лицо принимало серьезное выраженіе и, при большомъ раздраженіи, упомянутые выше звуки усиленно повторялись, повидимому, чтобы испугать обидчика. Къ огорченію всего экипажа, онъ умеръ, не достигнувъ Англій.

Удалось тоже выставить сіаманга въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ. «Я купилъ», говоритъ онъ, «маленькую длиннорукую обезьяну этого вида, которую туземцы поймали и такъ крѣпко связали, что даже поранили ее. Сначала онъ былъ довольно дикъ и хотѣлъ кусаться, но когда мы развязали его, предоставили ему для гимнастическихъ упражненій два шеста подъ навѣсомъ дома и привязали его короткой веревкой къ кольцу, свободно двигающемуся по шесту, такъ что онъ могъ ходить и лазать впередъ и назадъ, то онъ скоро успокоился, принялъ довольный видъ и сталъ очень проворно прыгать туда и сюда. Сначала онъ обнаруживалъ ко мнѣ антипатію, которую я старался устранить тѣмъ, что всегда самъ кормилъ его. Но разъ, во время кормленія, онъ такъ сильно укусилъ меня, что я вышелъ изъ терпѣнія и сильно ударилъ его. Въ этомъ мнѣ пришлось раскаяваться, такъ какъ послѣ этого онъ сталъ ко мнѣ относиться еще хуже. Моему мальчику-малайцу онъ позволялъ играть съ собой; этими играми, а также своими собственными упражненіями, легкостью и ловкостью прыжковъ онъ доставлялъ намъ большое удовольствіе. Когда я возвратился въ Сингапуръ, онъ привлекалъ общее вниманіе. Ълъ онъ почти всѣ роды фруктовъ и рисъ, и я надѣялся, что его удастся перевезти въ Англію, но онъ умеръ передъ самымъ отъѣздомъ». Разсказъ этотъ имѣетъ уже совершенно другой тонъ, чѣмъ разсказъ Дювоселя, и притомъ совершенно согласуется съ тѣмъ, что мы знаемъ объ остальныхъ длиннорукихъ обезьянахъ. Одинъ хулокъ, котораго Гарлантъ держалъ живымъ пять мѣсяцевъ, сталъ менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ такимъ ручнымъ, что гулялъ, держась за руку хозяина и опираясь другою рукою о землю. «На мой зовъ», разсказываетъ Гарлантъ, «онъ приходилъ, садился около меня на стулъ, чтобы завтракать вмѣстѣ со мною, и бралъ съ тарелки яйца или крыло курицы, не пачкая скатерти. Онъ пилъ также кофе, шоколадъ, молоко, чай и т. п. и хотя обыкновенно онъ пилъ, погружая въ жидкость руку, но, чувствуя сильную жажду, онъ бралъ сосудъ въ обѣ руки и пилъ изъ него, какъ люди».

Его любимыми кушаньями были: вареный рисъ, размоченный въ молокоѣ хлѣбъ, бананы, апельсины, сахаръ и т. п. Бананы онъ очень любилъ, но охотно ѣлъ и на-сѣкомыхъ, отыскивалъ въ домѣ пауковъ и ловко ловилъ правой рукой мухъ. Подобно индусамъ, которые избѣгаютъ мяса изъ религіозныхъ побужденій, этотъ гиббонъ, повидимому, тоже питалъ къ нему отвращеніе».

«Мой плѣнникъ былъ чрезвычайно миролюбивымъ существомъ и всячески обнаруживалъ свою симпатію и привязанность ко мнѣ. Когда я рано посѣщалъ его, онъ привѣтствовалъ меня громкимъ радостнымъ «Вау! Вау! Вау!» которое повторять, по крайней мѣрѣ минутъ 5—10 сряду, останавливаясь лишь, чтобы перевести духъ. Утомившись, онъ ложился на землю, позволялъ себя чесать и чистить щеткой и ясно обнаруживалъ какое удовольствіе это ему доставляло; онъ ложился то на одинъ бокъ, то на другой протягивалъ то одну, то другую руку и если я притворялся, что собираюсь уйти, то онъ удерживалъ меня за руку или за платье и снова тянулъ къ себѣ. Если я звалъ его издали и онъ узнавалъ меня по голосу, то начиналъ тотчасъ свой обычный крикъ, а иногда кричалъ жалобно; но, увидѣвъ меня онъ начиналъ кричать громко и весело, какъ обыкновенно. Хотя онъ былъ и самецъ, но не обнаруживалъ и слѣда непристойности павіановъ. Къ сожалѣнію, онъ скоро погибъ, благодаря удару въ поясницу, который ему нечаянно нанесъ одинъ изъ моихъ слугъ, въ Калькуттѣ. Молодая самка того же вида, за которой я тоже ухаживалъ, умерла по дорогѣ въ Калькутту отъ болѣзни легеней. Въ теченіе болѣзни она, очевидно, терпѣла тяжкія страданія. Теплыя ванны, повидимому, доставляли ей большое облегченіе и, когда ее вынимали изъ ванны, то она снова сама ложилась въ воду. Она вела себя необыкновенно тихо, нѣсколько застѣнчиво, а по отношенію къ чужимъ, даже пугливо. Ко мнѣ она уже черезъ нѣсколько дней такъ привыкла, что если я сажалъ ее на открытое мѣсто, то она быстро прибѣгала ко мнѣ, прыгала мнѣ на руки и обнимала мою шею. Никогда она не обнаруживала злобы, никогда не кусалась и даже если ее дразнили, то она не защищалась, а предпочитала спрятаться въ уголъ».

Упомянутая выше самка ваувау тоже вела себя очень мило и крайне дружелюбно по отношенію ко всѣмъ, кто ей нравился. Она вѣрно различала женщинъ и мужчинъ. Къ первымъ она добровольно спускалась, протягивала имъ руку и позволяла гладить себя; ко вторымъ же относилась недовѣрчиво, по всей вѣроятности, потому, что раньше съ нею дурно обращались мужчины; предварительно она разсматривала каждаго испытующимъ взоромъ, часто довольно долго, и затѣмъ иногда относилась довѣрчиво и къ мужчинамъ, если они казались ей заслуживающими того.

Вообще, гиббонъ рѣдко приходится видѣть въ неволѣ, даже и на ихъ роднѣхъ. Они не могутъ выносить потерю свободы, страстно стремятся назадъ въ свои мѣста, къ своимъ быстрымъ движеніямъ на свободѣ, становятся все тише и печальнѣе, и наконецъ умираютъ.

* * *

Во второе подсемейство узконосыхъ мы соединяемъ собакообразныхъ обезьянъ (Супоритесіні). Онѣ отличаются болѣе сильно выдающейся мордой, что особенно замѣтно у нижестоящихъ видовъ этой группы, и меньшею длиною рукъ; къ тому же у нихъ часто встрѣчается хвостъ и защечные мѣшки, и постоянно есть сѣдалищные наросты. Обезьяны эти, однако, представляютъ весьма разнообразное строеніе: отъ вытянутой фигуры тонкотѣлыхъ обезьянъ до массивнаго сложенія павіановъ существуютъ здѣсь почти всѣ переходныя ступени. Онѣ водятся

въ жаркихъ странахъ Старога Свѣта, особенно въ Индіи, начиналъ съ Гималая, въ Индо-Китаѣ, Кохинхинѣ, Малайскомъ архипелагѣ, въ южной Аравіи и по всей Африкѣ, кромѣ восточной части Сахары. Собакообразныя обезьяны принадлежатъ къ самымъ живымъ и подвижнымъ членамъ отряда; онѣ умны, но по большей части злы и неприличны. Почти всюду, гдѣ онѣ встрѣчаются, онѣ приносятъ болѣе или менѣе значительный вредъ, опустошая самымъ наглымъ образомъ плантаціи и поля; мѣстами ихъ боятся вслѣдствіе ихъ смѣлости и наглости; нѣкоторые народы относятся къ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ, у другихъ онѣ—по крайней мѣрѣ нѣкоторые—считаются священными животными.

Изъ различныхъ родовъ собакообразныхъ обезьянъ мы познакомимся прежде всего съ тонкотѣлыми обезьянами.

Тонкотѣлыя обезьяны (*Semnopithecus*, *Schlankaffen*, *Semnopitheques*) представляютъ, какъ показываетъ ихъ названіе, тонкихъ и стройныхъ обезьянъ, съ длинными, тонкими конечностями и очень длиннымъ хвостомъ, съ маленькой высокой головой, голымъ лицомъ, укороченной мордой и небольшими защечными мѣшками. Сѣдалищные наросты у нихъ очень малы. На заднемъ коренномъ зубѣ нижней челюсти пять бугорковъ. Скелетъ ихъ, по тонкости костей, напоминаетъ скелетъ гиббоновъ. Пальцы рукъ длинные, но большой палецъ переднихъ рукъ укороченъ или недоразвитъ и не пригоденъ для хватанія. Шерсть удивительно тонка, цвѣтъ ея всегда пріятный, а у одного вида въ высшей степени своеобразенъ; на головѣ волоса часто значительно удлиненны. Очень замѣчательно строеніе желудка: своими перетяжками и происходящимъ, вслѣдствіе этого, подраздѣленіемъ на отдѣлы, онъ нѣсколько напоминаетъ желудокъ жвачныхъ, а еще болѣе—желудокъ кенгуру. По изслѣдованіямъ Оуена и другихъ, онъ раздѣляется двумя перетяжками на три части, изъ которыхъ средняя, въ свою очередь, представляетъ двойной рядъ подраздѣленій. Благодаря этому, желудокъ приобретаетъ большое сходство съ толстой кишкой, тѣмъ болѣе, что онъ снабженъ выдающимися мышечными лентами. Гортанный мѣшокъ различной величины существуетъ у всѣхъ видовъ.

Материкъ Южной Азіи, Цейлонъ и острова Индійскаго архипелага составляютъ родину тонкотѣлыхъ обезьянъ. Здѣсь онѣ живутъ, болѣе или менѣе, многочисленными стадами въ лѣсахъ, охотнѣе всего по близости рѣкъ, а также около сель и плантацій и такъ какъ ихъ почти всюду щадятъ, то живетъ имъ необыкновенно хорошо. Чтобы въ немногихъ словахъ дать общую картину ихъ жизни на свободѣ, я, прежде чѣмъ описывать отдѣльно замѣчательные виды, дамъ сначала общій очеркъ ихъ жизни, основываясь на словахъ Теннента и Уэллеса.

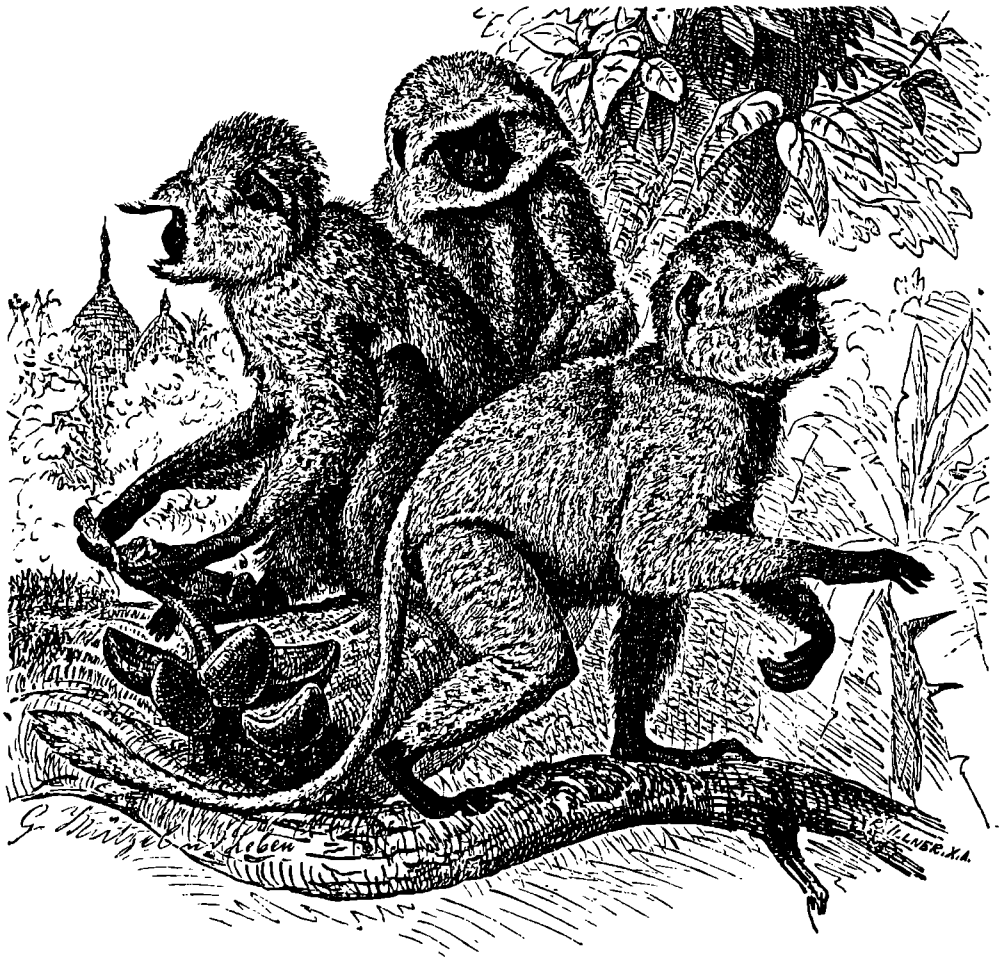
Въ своихъ родныхъ лѣсахъ тонкотѣлыя обезьяны обыкновенно встрѣчаются обществами, состоящими изъ 20—30 штукъ; ихъ застаешь большею частью сильно занятыми отыскиваніемъ плодовъ и почекъ. Крайне рѣдко случается замѣтить ихъ на землѣ и то лишь въ томъ случаѣ, когда онѣ отыскиваютъ упавшіе на землю любимые плоды. Туземцевъ онѣ нисколько не боятся и даже проявляютъ по отношенію ихъ величайшую беззаботность; напротивъ, увидѣвъ необычно одѣтаго европейца, онѣ нѣсколько минутъ пристально смотрятъ на него и затѣмъ убѣгаютъ, какъ можно скорѣе. Точно также возбуждаетъ ихъ любопытство и появленіе собаки; но при этомъ онѣ не ограничиваются наблюденіемъ за ея движеніями, а выдаютъ себя крикомъ, и т. п. Будучи испуганы, онѣ часто прячутся въ вѣтвяхъ деревьевъ и умѣютъ дѣлать это такъ искусно, что общество ихъ, которое только-что лакомилось на вершинѣ пальмы, въ самое короткое время становится невидимымъ. Если же онѣ не считаютъ себя въ безопасности, то обращаются въ бѣгство и обнаруживаютъ при этомъ такую быстроту, ловкость и умѣнье прыгать, какихъ едва

достигают другіе представители этого семейства. Онѣ дѣлаютъ громадныя прыжки съ вѣтвей одного дерева на нѣсколько ниже лежащія вѣтви другого, причемъ вѣтвь, на которую онѣ перепрыгнули, низко пригибается отъ тяжести ихъ тѣла и, разгибаясь, снова подбрасываетъ ихъ вверхъ; кромѣ того онѣ обладаютъ способностью мѣнять направленіе движенія во время самого прыжка, чтобы, въ случаѣ надобности, схватиться за болѣе удобную вѣтвь и бѣжать дальше. По замѣчанію Уэллеса, очень интересно наблюдать какъ за вожакомъ, отважившимся на смѣлый прыжекъ, съ большей или меньшей бытrotю слѣдуютъ и остальные; нерѣдко случается при этомъ, что одна или двѣ изъ нихъ вовсе не могутъ рѣшиться на прыжекъ, пока остальные не скроются изъ вида. Тогда онѣ въ совершенномъ отчаяніи, изъ страха быть покинутыми, бросаются въ воздухъ, ломаютъ тонкія вѣтви и часто падаютъ даже на землю. Тамъ, гдѣ ихъ вовсе не беспокоятъ, онѣ становятся назойливыми, появляются на домахъ или около нихъ и причиняютъ различныя образы вредъ; случается даже, что онѣ становятся опасными дѣтямъ. Теннентъ рассказываетъ, что ребенокъ одного европейскаго пастора, оставленный легкомысленной кормилицей передъ домою безъ присмотра, подвергся нападенію тонкотѣлыхъ обезьянъ и онѣ такъ измучили и искушали его, что онъ отъ этого умеръ. Пища тонкотѣлыхъ обезьянъ состоитъ изъ различныхъ частей растений, плодовъ всякаго рода, какіе онѣ только могутъ разгрызть, почекъ, листьевъ и цвѣтовъ. Главную пищу ихъ составляютъ, по словамъ Тенненнта, бананы. Однако, повидимому, онѣ еще болѣе любятъ нѣкоторыя цвѣты, напримѣръ, цвѣты краснаго Hibiscus, и поѣдаютъ ихъ въ необыкновенномъ количествѣ—полезное указаніе для тѣхъ, кто вздумалъ бы держать въ неволѣ этихъ обезьянъ.

Сингалезцы говорятъ, что никто никогда не находилъ еще въ лѣсу трупа такой обезьяны. «Кто увидѣлъ бѣлую ворону, гнѣздо рисовой птицы, прямую кокосовую пальму или мертвую обезьяну», говорятъ они, «тотъ можетъ быть увѣренъ, что будетъ жить вѣчно». Это народное повѣрье несомнѣнно происходитъ изъ Индіи, такъ какъ тамъ одной изъ наиболѣе выдающихся тонкотѣлыхъ обезьянъ воздаютъ божескія почести и всѣ убѣждены, что всякій, кто вздумалъ бы отдыхать на могилѣ такой обезьяны или хотя бы на мѣстѣ ея смерти, долженъ умереть, и что даже погребенныя кости ея могутъ принести несчастье. Поэтому каждый, кто собирается тамъ строить домъ, обращается къ знахарямъ и удостовѣряется съ помощью ихъ «искусства» въ томъ, что на мѣстѣ, выбранномъ для дома, никогда не околѣвала обезьяна.

Изъ топкотѣлыхъ обезьянъ прежде всего заслуживаетъ вниманія хульманъ лангуръ или хануманъ, какъ называютъ его индусы, ванаръ Маратовъ—священная обезьяна индусовъ (*Semnopithecus entellus*, *Simia entellus*, Hulman. Entelle). Это самая обыкновенная обезьяна, встрѣчающаяся въ большей части Индостана, и область распространенія ея все увеличивается, такъ какъ она не только пользуется защитой и покровительствомъ человѣка, но въ нѣкоторыя мѣстности ее нарочно ввозятъ. Вся длина взрослага самца равняется, по Эллиоту, 1,57 м., а по Жердону, иногда даже 1,72 м., изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, 97 см. падаютъ на необыкновенно длинный хвостъ, снабженный на концѣ пучкомъ волосъ. Всѣ обезьяны равны 9—11 килограммамъ. Цвѣтъ мѣха желтовато-бѣлый; цвѣтъ голыхъ частей темно-фіолетовый. Лицо, кисти и ступни въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ покрыты волосами, и жесткій хохолъ, свѣшивающійся надъ глазами, чернаго цвѣта, короткая борода—желтоватаго. Распространеніе этой обезьяны, такъ хорошо извѣстной въ Индостанѣ, — какъ это ни странно — до сихъ поръ съ точностью не опредѣлено. По словамъ Блэнфорда, ея нѣтъ на Пенджабѣ и Синдѣ, она во-

дятся лишь къ востоку отъ нихъ, въ южномъ Раджпутанѣ, въ Гудеератѣ, Бомбей, въ среднихъ провинціяхъ, въ югозападномъ Бенгалѣ и въ Ориссѣ, можетъ быть даже южнѣе Годавери. Гуттонъ утверждаетъ, что священная обезьяна не водится къ востоку отъ Хугли и къ сѣверу отъ Ганга и что экземпляры, которыхъ видѣли въ этихъ мѣстностяхъ, привезены людьми. Напротивъ, Бленфордъ увѣряетъ категорически, что эта обезьяна встрѣчается и въ Аудѣ, а также и вообще у подножія Гималайскихъ горъ. На горахъ ее замѣняетъ другой видъ (*S. schistaceus*), съ ко-

Хульманъ, $\frac{1}{10}$ наст. величины. *Semnopithecus entellus*.

торымъ ее легко смѣшать, но тотъ водится отъ Кашмира до Бутана и, какъ говорятъ, нигдѣ не спускается ниже 2000 метровъ.

Хульманъ занимаетъ не послѣднее мѣсто среди безчисленныхъ божествъ индусовъ и пользуется этой честью съ незапамятныхъ временъ. Великанъ Раванъ, рассказывающій древне-индійская сага, похитилъ Ситу, супругу Шри-Рамы и унесъ ее въ свое жилище на островъ Цейлонъ; но обезьяна освободила плѣнницу изъ неволи и отвела ее къ ея супругу. Съ тѣхъ поръ она приобрѣла славу героя. Много рассказываютъ о ея душевной силѣ и быстротѣ. Однимъ изъ самыхъ

цѣнныхъ плодовъ—манго—люди также обязаны хульману, который укралъ его изъ сада великана. Въ наказаніе за кражу его приговорили къ сожженію,—кто приговорилъ, этого преданіе не указываетъ—но хульманъ погасилъ огонь и обжегъ себѣ при этомъ лицо и руки, которыя такъ и остались черными. Таковы причины, заставившія браминовъ боготворить хульмана.

Уже много лѣтъ тому назадъ эту обезьяну наблюдали въ ея отечествѣ, но именно поэтому-то мы позднѣе всего познакомились съ нею. Многіе путешественники, даже натуралисты новѣйшаго времени, смѣшивали хульмана съ родственнымъ видомъ (*Semnopithecus schistaceus*), населяющимъ Гималаи, и вызвали тѣмъ бѣольшую путаницу. Къ тому же полагали, что такое обыкновенное животное, конечно, часто привозилось въ Европу, а потому и не заботились о томъ, чтобы набить чучело хульмана и переслать въ Европу. Кромѣ того, убить священное животное трудно или, вѣрнѣе, опасно, такъ какъ одни только мараты не почитаютъ хульмана, а почти всѣ остальные индійцы ухаживаютъ за нимъ, охраняютъ и защищаютъ его, какъ только могутъ. Европейецъ, осмѣлившійся напасть на неприкосновенное животное, долженъ опасаться за свою жизнь, если онъ единственный бѣлый среди легко возбуждающейся толпы туземцевъ. Обезьяна эта считается священной. Одно индійское царственное семейство считаетъ себя потомками этой обезьяны, и члены его носятъ титулъ: «хвостатый Рана», такъ какъ родоначальникъ фамиліи, говорятъ они, былъ снабженъ этимъ, для людей бесполезнымъ, придаткомъ. Португальскій вице-король Индіи, Константинъ де-Браганца, досталъ обезьяній зубъ изъ сокровищъ одного цейлонскаго князя и скоро потомъ къ нему явилось особое посольство отъ короля Пегу, предложившее ему 300,000 круадовъ (около 250,000 рублей золотомъ) за эту драгоценность. Такой большой суммы, конечно, никто никогда не предлагалъ за зубъ; тѣмъ болѣе кажется удивительнымъ то, что европейцы, не принявъ этого предложенія. Вице-король собралъ своихъ совѣтниковъ, и свѣтскія лица старались, понятно, уговорить его принять эту значительную сумму; но одинъ патеръ оказался противъ этого, на томъ основаніи, что, какъ онъ увѣрялъ, такой торгъ долженъ былъ укрѣпить туземцевъ въ ихъ суевѣрїи; ревнителю благочестія удалось поставить на своемъ. Въ сущности, это было бы безразлично для насъ, если бы такимъ образомъ не былъ уничтоженъ предметъ, который могъ бы имѣть важное значеніе для исторїи индійской мнелогїи, а также и для естественной исторїи. По этому единственному зубу можно было бы хорошо опредѣлить, какой обезьянѣ принадлежала эта драгоценность.

И въ настоящее время почитаніе священнаго животнаго таково же, какъ было прежде. Индійцы позволяютъ безстыднымъ животнымъ спокойно грабить сады и обворовывать дома, не предпринимая ничего противъ нихъ, и очень недовольны тѣми, кто рѣшается обидѣть обезьянъ. Тавернье рассказываетъ, что молодой голландецъ, недавно прїѣхавшій изъ Европы, убилъ выстрѣломъ изъ окна одну изъ этихъ обезьянъ; благодаря этому, среди туземцевъ поднялось такое волненіе, что ихъ едва удалось успокоить. Они тотчасъ же отказались служить этому голландцу, такъ какъ были твердо увѣрены, что чужестранецъ и они, вмѣстѣ съ нимъ, должны погибнуть. Дювоссель передаетъ, что въ началѣ ему было невозможно убить одну изъ этихъ обезьянъ, такъ какъ туземцы всегда мѣшали ему въ этомъ. Каждый разъ, какъ они видѣли натуралиста съ ружьемъ, они прогоняли обезьянъ, а одинъ благочестивый браминъ цѣлый мѣсяцъ стоялъ на стражѣ въ саду европейца, чтобы тотчасъ же прогонять дорожныхъ ему животныхъ, лишь только чужестранецъ дѣлалъ видъ, что собирается охотиться за ними. Форбсъ увѣряетъ, что въ Дюбоѣ число обезьянъ равняется числу людей. Обезьяны живутъ на кры-

шахъ домовъ и совершенно невыносимы для чужестранца. Если житель города хочет отомстить за что-либо сосѣду, то онъ посыпаетъ рисомъ и другимъ зерномъ крышу врага передъ началомъ дождливаго времени года, когда каждый домовладелецъ заботится о томъ, чтобы привести въ порядокъ кровлю, чтобы она не протекала. Замѣтивъ разсыпанныя зерна, обезьяны не только поѣдаютъ то, что лежитъ сверху, но сдираютъ съ крыши и черепицу, чтобы добраться до зеренъ, упавшихъ въ щели. Благодаря слѣшной работѣ, въ это время нельзя достать ни одного кровельщика и такимъ образомъ внутренность дома остается открытой потокамъ дождя, которые и портятъ находящіеся въ домѣ предметы.

Туземцы заботятся не только о здоровыхъ, но и о больныхъ обезьянахъ. Тавернье нашелъ въ Ахмадабадѣ больницу, въ которую помѣщались на излеченіе обезьяны, быки, коровы и т. д. Всѣ балконы домовъ туземцевъ постоянно посыпаны для обезьянъ рисомъ, просомъ, финиками, плодами и сахарнымъ тростникомъ. Обезьяны такъ дерзки, что не только грабятъ сады, но въ обѣденное время проникаютъ и внутрь домовъ и берутъ пищу изъ рукъ людей. Миссіонеръ Джонъ увѣряетъ, что лишь благодаря постоянной бдительности онъ могъ защитить отъ этихъ воровъ свое платье и другія вещи. Разъ, одинъ факиръ передъ палаткой Гюгеля созвалъ обезьянъ, но не далъ имъ ничего поѣсть. Три самыя старыя обезьяны такъ злобно напали на него за это, что онъ едва могъ отбиться отъ нихъ палкой. Народъ стоялъ при этомъ не на его сторонѣ, а на сторонѣ обезьянъ и сильно ругалъ его за то, что онъ сначала обманулъ, а потомъ еще и поколотилъ священныхъ животныхъ. Очень вѣроятно, что почитаніе обезьянъ стоитъ въ связи съ вѣрованіемъ въ переселеніе душъ. Индійцы думаютъ, что душа ихъ и ихъ владѣтельница поселяется послѣ смерти въ тѣло этихъ обезьянъ. Когда, въ 1867 году, вслѣдствіе просьбы большого числа индостанскихъ прогрессистовъ, правительство издало приказъ объ убіеніи 500 штукъ этихъ безстыдныхъ грабителей полей и садовъ, опустошавшихъ окрестности Кишнагура, то не менѣе многочисленныя голоса стали кричать противъ насилій и преслѣдованій, которымъ подвергаются ихъ вѣрованія, и просить объ отмѣнѣ распоряженія, такъ какъ въ обезьянахъ они признаютъ своихъ предковъ. Къ великому горю благочестивыхъ вѣрующихъ на эту просьбу не обратили вниманія и 500 обезьянъ были все-таки убиты, къ радости благоразумныхъ людей.

Если оставить въ сторонѣ ихъ безстыдство, то эти обезьяны—красивыя и привлекательныя созданія. Джонъ прямо говоритъ, что никогда не видалъ болѣе красивыхъ обезьянъ, чѣмъ хульманы. Ихъ дружелюбныя отношенія между собою, ихъ громадныя прыжки плѣняютъ каждаго наблюдателя. Съ невѣроятнымъ проворствомъ они взлѣзаютъ съ земли на вершины деревьевъ, снова выдвигаются оттуда внизъ на землю, отламываютъ, точно шути, толстыя вѣтви, перепрыгиваютъ на верхушки далеко стоящихъ деревьевъ и меньше, чѣмъ въ минуту, перепосыются, не касаясь земли, съ одного конца сада на другой. Часто въ нѣсколько минутъ ихъ собирается невѣроятное множество, потомъ вдругъ они исчезаютъ, а минуты черезъ двѣ снова всѣ на томъ же мѣстѣ. Въ молодости голова ихъ довольно кругла и они очень умны; хульманы хорошо умѣютъ различать, что имъ вредно и что полезно. Съ возрастомъ форма головы измѣняется и душевныя способности также слабѣютъ. Голова становится болѣе плоской, обезьяна приобретаетъ поэтому болѣе звѣриный видъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умственныя способности тупѣютъ, склонность къ одиночеству уничтожаетъ общительность, неуклюжая сила замѣняетъ ловкость, такъ что старыя обезьяны мало похожи на молодыхъ.

Обыденное времяпрепровождение и общественная жизнь хульмановъ таковы, какъ и у другихъ обезьянъ этой группы. Въ лѣсу, своемъ настоящемъ мѣстожи- тельствѣ, они составляютъ многочисленныя стада подѣ предводительствомъ самца, одержавшаго верхъ въ упорныхъ бояхъ съ соперниками. Они странствуютъ по лѣсу и сосѣднимъ полямъ и садамъ, грабя и истребляя больше, чѣмъ съѣдаютъ, служа бичемъ для тѣхъ, кого обворовываютъ, и услаждая взоры благочестивыхъ индусовъ и безпристрастныхъ изслѣдователей природы. Ихъ размноженіе въ бла- гопріятныхъ мѣстностяхъ, т. е. тамъ, гдѣ они стоятъ подѣ защитой глупаго повѣ- рья, такъ значительно, что можетъ возбуждать безпокойство; напротивъ въ выше лежащихъ мѣстностяхъ Верхней Индіи они, какъ это доказано, скоро вымираютъ, если ихъ туда ввезти: свѣжій горный воздухъ для нихъ вреденъ. Блайтъ рассказы- ваетъ, что мѣстами полузрелые или побѣжденные самцы изгоняются изъ стада обезьяннимъ султаномъ, заботливо охраняющимъ свои права на гаремъ, и бывають принуждены составлять особыя стада; отъ туземцевъ онъ слыхалъ, что борьбѣ и дракамъ между самцами нѣтъ конца. Гуттонъ наблюдалъ нѣчто подобное у сред- ной хульману обезьяны, живущей на Гималаяхъ. Оба вида предпринимають по временамъ, какъ кажется, болѣе значительныя перекочевки: гималайскій видъ—при наступленіи на горахъ холодной погоды, хульманъ же—чтобы, во время жатвы, соби- рать дань съ слѣпо вѣрующаго населенія. Говорять, что священная индійская смо- ковница представляетъ любимое жилище хульмана. Рассказываютъ, что подѣ тѣмъ же деревомъ живутъ ядовитыя змѣи, съ которыми обезьяны находятся въ постоян- ной враждѣ. Въ этомъ нѣтъ основанія сомнѣваться, но тѣмъ болѣе причинъ не дѣвѣрять слѣдующей невинной сказкѣ, которую многіе принимаютъ за чистую монету. Говорять, будто хульманы, найдя спящую змѣю, хватають ее за шею около головы, спускаются вмѣстѣ съ нею на землю и до тѣхъ поръ бьютъ ее голо- вою о камни, пока не раздробятъ ее, и тогда, радуясь удачѣ, бросаютъ извиваю- щееся и корчащееся животное своимъ дѣтенышамъ на потѣху. Увѣряють также, что на этихъ обезьянъ не дѣйствуютъ нѣкоторыя растительныя яды; дозы стрих- нина, которыя умертвили бы всякое другое животное такой же величины, не про- зводятъ, будто бы, на нихъ никакого дѣйствія.

Иногда два стада хульмановъ сталкиваются и вступаютъ въ ожесточенный бой или изъ-за мѣста, занятаго уже однимъ изъ стадъ, или изъ-за приманиваю- щихъ этихъ обезьянъ фруктовыхъ садовъ. Юсъ (Hughes) описалъ недавно одинъ такой бой, происходившій, повидимому, изъ-за обладанія манговой рощей. Сначала въ немъ принимали участіе лишь вожаки-самцы, два противъ одного, но когда одинъ изъ двухъ былъ умерщвленъ противникомъ, который перекусилъ, а затѣмъ разорвалъ ему горло, то на помощь поспѣшили и нѣкоторыя самки. Самецъ, вы- шедшій побѣдителемъ изъ первой битвы, былъ убитъ нападшими; его стадо, кото- рое было слабѣе, обратилось въ бѣгство и, повидимому, побѣдители захватили нѣ- которыхъ изъ бѣжавшихъ въ плѣнъ.

О подвижности хульмановъ Жердонъ говоритъ слѣдующее: «Они ска- чутъ съ изумительной ловкостью съ вѣтви на вѣтвь и, въ случаѣ крайности, дѣлають, по истицѣ, поразительныя прыжки. Я видѣлъ, какъ они перепры- гивали съ дерева на дерево черезъ промежутки въ 20 и 30 футовъ, при- чемъ пролетали наискось внизъ футовъ до 40—50. На четверянкахъ они тоже бѣгаютъ замѣчательно быстро, дѣлая по землѣ проворныя прыжки». При этомъ они, какъ сообщаетъ Блэнфордъ, загибають свой длинный хвостъ на спину и впередъ. По словамъ этого автора, ихъ пикогда не приходится встрѣчать далеко отъ воды. «Ихъ голосъ», замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ: «громокъ и его часто

можно слышать, особенно по утрамъ и вечерамъ. Два самыхъ обыкновенныхъ звука, издаваемыхъ ими, это—звучный, радостный, почти благозвучный крикъ, известнаго рода радостное восклицаніе, съ которымъ они выдаются между вѣтвями, и грубый гортанный звукъ, издаваемый при тревогѣ и раздраженіи. Этотъ послѣдній хорошо известенъ охотникамъ на тигровъ, съ которыми, т. е. охотниками, обезьяны эти, повидимому, находятся въ постоянной дружбѣ. Безопасно укрывшись въ воздушной высотѣ или переходя съ дерева на дерево (если тигръ крадется куда-нибудь), обезьяна, жестами и голосомъ, указываетъ охотнику, гдѣ прячется въ кустахъ и травѣ тигръ. Нельзя безъ удивленія наблюдать, какъ эти обезьяны, даже въ самыхъ отдаленныхъ и дикихъ мѣстностяхъ, видимо считаютъ людей своими друзьями или, по крайней мѣрѣ, союзниками противъ тигра. Однако, охотники ошибочно полагаютъ, что грубый гортанный звукъ всегда указываетъ на присутствіе тигра или леопарда, такъ какъ хульманы не менѣе часто издаютъ его и въ томъ случаѣ, когда бывають чѣмъ-нибудь удивлены. Я слышалъ этотъ звукъ даже тогда, когда обезьяны замѣчали убѣгающаго оленя, и полагаю, что онѣ не иначе привѣтствовали бы и внезапно появившагося человѣка». Въ общемъ, Блэнфордъ говоритъ, что хульманъ спокойнѣе, менѣе любопытенъ и дерзокъ, а также менѣе задоренъ, чѣмъ макаки. Въ неволѣ, старыя обезьяны становятся нерѣдко угрюмыми и злыми.

Хульманъ обнаруживаетъ тоже большую привязанность къ своимъ дѣтенъшамъ. Дювосель рассказываетъ, что онъ подстрѣлилъ одну самку этого вида и при этомъ сталъ свидѣтелемъ по истинѣ трогательной сцены. Бѣдное животное, которое несло на себѣ дѣтеныша, раненое около сердца, собрало всѣ силы, взяло дѣтеныша, повѣсило его на вѣтвь и упало внизъ мертвое. «Эта черта», прибавляетъ нашъ авторъ, «произвела на меня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ рассказы браминновъ, и на этотъ разъ удовольствіе добыть такое прекрасное животное не могло заглушить во мнѣ сожалѣнія, что пришлось убить существо, которое передъ самою смертью проявляло такое, внушающее уваженіе, чувство».

Къ разсматриваемому роду принадлежатъ и другіе замѣчательные виды. Очень красивъ буденгъ яванцевъ (*Semnopithecus maugus*). Взрослое животное блестящаго чернаго цвѣта, бархатистаго на лицѣ и рукахъ, шелковистаго на спинѣ. Нижняя сторона тѣла, покрытая болѣе рѣдкими волосами, чѣмъ верхняя, представляетъ буроватый отгѣнокъ. Голова покрыта своеобразной шапкой волосъ, которая свѣшивается надъ лбомъ и торчитъ по бокамъ головы, на вискахъ. Новорожденные дѣтеныши золотисто-желтаго цвѣта и только кончики волосъ на нижней части спины, на верхней сторонѣ хвоста и хвостовой кисти темнѣе. Но скоро черный цвѣтъ распространяется дальше и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ руки, верхняя сторона головы и кисточки на хвостѣ становятся черными, затѣмъ шерсть дѣтеныша все болѣе и болѣе начинаетъ походить на шерсть взрослага животнаго. Вся длина этой красивой обезьяны достигаетъ почти 1,5 метра, изъ которыхъ хвостъ составляетъ болѣе половины.

«Буденгъ», говоритъ Горстфильдъ, «живетъ въ большомъ числѣ въ обширныхъ лѣсахъ Явы. Его встрѣчаешь большими обществами (до 50 шт.) на вершинахъ деревьевъ. Интересно наблюдать такія стада на нѣкоторомъ разстояніи. При приближеніи человѣка они поднимаютъ громкій крикъ и съ ужаснымъ шумомъ такъ неистово прыгаютъ по вѣтвямъ, что часто отламываютъ толстыя сухія вѣтви деревьевъ и бросаютъ ихъ въ своихъ преслѣдователей (?).

«Болѣе, чѣмъ буденгъ, любимцемъ туземцевъ является лутунгъ, очень близкая къ первому, но рыжая обезьяна, которая представляетъ, можетъ быть, лишь

разновидность буденга. Поймавъ лутунга, явайцы посвящаютъ много труда на то, чтобы приручить его, и обращаются съ нимъ съ большой любовью и вниманіемъ. Буденгомъ они, напротивъ, пренебрегаютъ. Только при большомъ терпѣніи удается добыться, чтобы буденгъ измѣнилъ свой природный угрюмый характеръ. Въ неволѣ онъ, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, остается серьезнымъ и угрюмымъ, и такъ какъ въ это время онъ не доставляетъ туземцамъ никакого удовольствія, то его рѣдко можно встрѣтить въ селеніяхъ. Это зависитъ вовсе не отъ того, чтобы явайцы вообще чувствовали отвращеніе къ обезьянамъ; самый обыкновенный видъ этого отряда, встрѣчающійся на Явѣ, приручается очень часто и, по излюбленному обычаю туземцевъ, этихъ обезьянъ держатъ вмѣстѣ съ лошадьми. Въ каждой конюшнѣ, отъ княжеской до конюшни мелкаго чиновника, можно встрѣтить одну изъ этихъ обезьянъ; но буденгъ никогда не удостоивается такой чести».

Тамъ и сямъ на Явѣ буденги живутъ въ полудикомъ состояніи, пользуясь покровительствомъ туземцевъ. «Я посѣтилъ», рассказываетъ Ягоръ, «источникъ рѣки Прого, которая орошаетъ провинцію Каду; садъ Явы, и впадаетъ въ Индійскій океанъ. Прекрасный, чистый и очень многоводный источникъ вырывается изъ лавы, густо поросшей папоротниками; среди явайцевъ онъ пользуется большимъ почетомъ. Едва мы прибыли туда, какъ нѣсколько обезьянъ, именно буденговъ, спустились съ деревьевъ и смѣло и доверчиво окружили насъ. Мы накормили ихъ мансомъ. Это поселеніе полуручныхъ обезьянъ, по словамъ сопровождавшаго меня старшины (это позднѣе не разъ мнѣ повторяли и другіе туземцы), существуетъ съ древнихъ временъ и число обезьянъ никогда не превышаетъ 15. Въ этотъ день ихъ было, правда, собственно 16, такъ какъ одна старая самка имѣла дѣтеныша, который висѣлъ у нея на брюхѣ и пугливо высовывалъ голову. Но какъ скоро дѣтенышъ вырастаетъ, его принуждаютъ оставить общество, если онъ самъ не въ состояніи выгнать другое, болѣе слабое животное. Никогда обезьяны не терпятъ, чтобы ихъ было болѣе 15; такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывали мнѣ всѣ». Мнѣ едва ли надо заявлять, что указаніе туземцевъ было ложно. Какъ и у большинства другихъ

Буденгъ. $\frac{1}{10}$ наст. вел. *Semnopithecus maugus*.

Буденгъ. $\frac{1}{10}$ наст. вел. *Semnopithecus maugus*.

обезьянъ, отдѣльные самцы прогоняются остальными, но едва ли это могло вести къ тому, чтобы число головъ въ стадѣ оставалось математически точно однимъ и тѣмъ же; этому противорѣчить и приведенное выше сообщеніе точнаго наблюдателя Горстфильда.

«Несмотря на почитаніе, которымъ буденгъ вообще пользуется со стороны туземцевъ, они всетаки охотятся за нимъ ради его мѣха. На этихъ охотахъ, устраиваемыхъ обыкновенно старшинами и происходящихъ подъ ихъ руководствомъ, животныхъ убиваютъ камнями изъ пращей и уничтожаютъ часто въ большомъ количествѣ. Туземцы умѣютъ просто, но хорошо выдѣлывать шкуры этихъ обезьянъ и употребляютъ ихъ въ выдѣланномъ видѣ, какъ и европейцы, на чепраки и всякаго рода военныя украшенія; особенно цѣнятся тѣ шкуры, которыя чисто чернаго цвѣта и имѣютъ длинные шелковистые волосы.

«Въ молодости буденгъ поѣдаетъ нѣжные листья различныхъ растений, въ зрѣломъ возрастѣ—дикие плоды различнаго рода, которые во множествѣ находятся въ ненаселенныхъ мѣсахъ его родины». Онъ, конечно, не отказывается и отъ животной пищи.

Увидѣвъ въ первый разъ живого буденга въ Амстердамскомъ зоологическомъ саду, я не узналъ его. Горстфильдъ-далъ, къ сожалѣнію, лишь жалкую карриатуру этой обезьяны; другіе только перепечатавали его рисунокъ; набитыя чучела, которыя я находилъ въ музеяхъ, тоже представляли лишь тѣнь живого животного; однимъ словомъ, несмотря на всѣ мысленныя исправленія, которыя я дѣлалъ, рассматривая неудачныя изображенія и чучела, находившіяся въ книгахъ и музеяхъ, я никомъ образомъ не могъ ожидать, что увижу такое красивое животное, какое я имѣлъ передъ собою. Эта обезьяна останавливала на себѣ общее вниманіе зрителей, хотя и не дѣлала ничего такого, чѣмъ могла бы привлечь взоры людей. По моему, не слѣдуетъ такъ осуждать тихій характеръ буденга, какъ это дѣлалъ Горстфильдъ; я не думаю, чтобы его, строго говоря, можно было назвать «угрюмымъ». Онъ тихъ и спокоенъ, но въ немъ не замѣтно угрюмости и злобы. Пара, жившая въ Амстердамѣ, всегда неизмѣнно держалась вмѣстѣ. Обыкновенно обѣ обезьяны сидѣли, тѣсно прижавшись другъ къ другу, скорчившись и скрестивъ руки на груди, на высокой поперечной перекладинѣ клітки, свѣсивъ внизъ красивые, длинные хвосты. Серьезность ихъ вида увеличивалась своеобразной шапкой волосъ, которая низко спускается имъ на лицо. Когда имъ показывали пищу, онѣ медленно и осторожно спускались за нею, но при этомъ оставались такими же спокойными и осмотрительными, какъ и всегда. Выраженіе лица ясно указывало на большой умъ; но въ глазахъ не доставало жизни.

Очень оригинально вели себя буденги по отношенію двухъ черныхъ павіановъ (*Супосерhalus niger*). Эти послѣдніе, подобно всѣмъ своимъ родственникамъ, были крайне задорными товарищами и имъ доставляло истинное удовольствіе издѣваться надъ бѣдными буденгами и мучить ихъ. На день неблаговоспитанныхъ павіановъ обыкновенно запирали въ большую обезьянью клітку и тогда безобидные являцы могли оставаться въ покоѣ и наслаждаться жизнью; но какъ только къ нимъ появлялись ихъ товарищи по ночлегу, тотчасъ поднимались шумъ и тревога. Оба буденга подползали другъ къ другу и обхватывали одинъ другого руками. Павіаны вспрыгивали на нихъ, садились верхомъ, давали имъ пощечины, пинки въ бокъ, тянули за хвостъ; особеннымъ удовольствіемъ было для нихъ—разъединить буденговъ. Для этой цѣли они лазали по бѣднымъ животнымъ, какъ по древеснымъ вѣтвямъ, крѣпко вдѣплялись имъ въ волосы и встискивались между спокойно сидѣвшими буденгами, пока наконецъ эти послѣдніе не

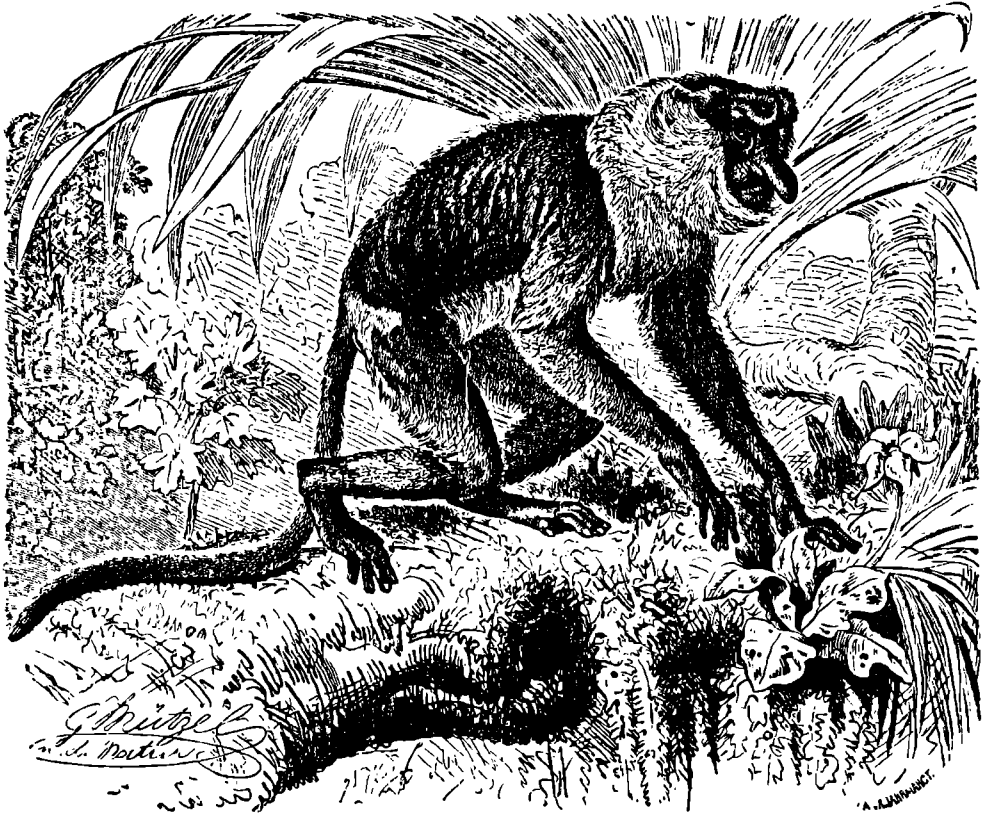
разбѣгались въ страхѣ и не отыскивали себѣ убѣжища въ другомъ углу клѣтки. Но лишь только имъ удавалось укрыться тамъ, какъ мучители тотчасъ же спѣшили вслѣдъ за ними и снова принимались за истязанія. Было очевидно, какъ неприятны буденгамъ назойливые товарищи и какой страхъ они имъ внушали. Какъ только черные дьяволы являлись въ клѣтку, буденги со страхомъ смотрѣли на нихъ сверху, какъ всегда смотрятъ южноамериканскія обезьяны, если что-либо внушаетъ имъ большой страхъ. Подъ кулаками мучителей они часто жалобно вскрикивали, но это только увеличивало ярость павіановъ: они становились тѣмъ наглѣе и яростнѣе, чѣмъ болѣе страданіи обнаруживали ихъ жертвы.

Въ Антверпенѣ одинъ буденгъ жилъ вмѣстѣ съ маленькими мартышками и макаками. Всѣ его сожители по клѣткѣ едва достигали половины его роста и тѣмъ не менѣе и здѣсь именно онъ терпѣлъ мученія и издѣвательства. Во время моего посѣщенія роль черныхъ павіановъ играла мартышка, едва достигшая года, и даже этотъ наглый африканецъ могъ мучить и держать въ подчиненіи явайца. Очень комичное впечатлѣніе производило то, что маленькое созданіе заставляло, такъ сказать, плясать по своей дудкѣ большую обезьяну. Мартышка имѣла полную власть надъ буденгомъ и управляла имъ съ помощью толчковъ, пощечинъ, цапковъ и ударовъ, причѣмъ буденгъ игралъ самую жалкую роль. Было вѣсьма замѣтно той обезьянней наглости, которая составляетъ такую характерную отличительную черту многихъ представителей этой группы. Повидимому, и буденгъ сильно страдаетъ отъ нашего сѣвернаго климата. Составляетъ ли это обстоятельство единственную причину его безграничнаго добродушія, я не могу рѣшить съ увѣренностью; но на немъ хорошо видно, какое пріятное чувство возбуждаетъ въ немъ каждый лучъ солнца, какъ онъ счастливъ, когда на него упадетъ хоть одинъ лучъ животворящаго свѣтила, сіяніе котораго придаетъ прекрасной родинѣ буденга все величіе и всю роскошь тропическихъ странъ.

Отъ настоящихъ тонкотѣлыхъ обезьянъ нынѣ отдѣляютъ одинъ видъ, который легко отличается отъ всѣхъ другихъ обезьянъ по своему носу, это носатая обезьяна или махау (*Nasalis larvatus*, *Semnopithecus nasicus*, *Simia nasalis*, *Simia rostrata*. *Nasenaiffe*. *Nasique*). Въ общемъ, это странное существо представляетъ еще строеніе, совершенно похожее на строеніе тонкотѣлыхъ обезьянъ; но выдающійся карикатурный человѣческій носъ, который подвиженъ какъ хоботъ и можетъ вытягиваться впередъ или отклоняться обратно, придаетъ ему нѣчто въ высшей степени своеобразное. Тѣло носатой обезьяны тонко, хвостъ очень длиненъ, конечности почти равной длины, зачечныхъ мѣшковъ нѣтъ. Носъ крючкообразно свѣшивается внизъ надъ верхнею губою; въ средней части онъ довольно широкъ, на концѣ заостренъ и сверху снабженъ легкой продольной бороздкой; ноздри очень велики и притомъ могутъ значительно расширяться. У молодыхъ животныхъ этотъ органъ, представляющій такое замѣчательное строеніе, еще малъ и притупленъ, и лишь у старыхъ животныхъ достигаетъ своей значительной величины. По словамъ Бонка, онъ, однако, свойственъ лишь старымъ самцамъ, но не самкамъ. Шерсть у носатой обезьяны густая и мягкая; на темени волоса коротки и густы, по бокамъ лица и на затылкѣ длиннѣе, вокругъ шеи они образуютъ родъ воротника. На темени, затылкѣ и въ области плечъ шерсть яркаго буро-краснаго цвѣта, на спинѣ и верхней части боковъ блѣдно-желтаго съ темно-бурыми волнистыми полосками, на груди и верхней части брюха—свѣтлаго красновато-желтаго; въ крестцовой области находится рѣзко ограниченное пятно сѣровато-бѣлаго цвѣта, обращенное

сжуженным концем къ корню хвоста; верхняя половина конечностей желтовато-краснаго цвѣта, нижняя, какъ и хвостъ, пепельно-сѣраго; голыя внутреннія поверхности рукъ и сѣдалищныя мозоли сѣровато-черныя. Такимъ образомъ и эта обезьяна представляетъ въ общемъ очень яркую окраску. Взрослые самцы кахау достигаютъ величины около 1,50 метра; тѣло ихъ имѣетъ въ длину 0,7 метра, — а хвостъ немного болѣе. Самки не достигаютъ такого роста, но, какъ говорятъ, способны размножаться еще до окончанія роста.

Кахау живетъ обществами на Борнео. О его жизни на волѣ мы знаемъ мало. Удалось, имѣвшій случай наблюдать нашу обезьяну въ ея родныхъ лѣсахъ, упо-

Кахау или носатая обезьяна. *Nasalis larvatus*. $\frac{1}{10}$ наст. величины.

минаетъ о ней лишь вскользь: «на берегахъ рѣки Симуніонъ держалось очень много обезьянъ и, между прочими, замѣчательная носатая обезьяна, которая растетъ съ трехлѣтняго ребенка и имѣетъ очень длинный хвостъ и мясистый носъ, болѣе длинный, чѣмъ у самаго носатаго человѣка». Вурмбъ пишетъ приблизительно слѣдующее: по утрамъ и по вечерамъ многочисленныя стада носатыхъ обезьянъ собираются на деревьяхъ и у береговъ рѣкъ и поднимаютъ часто вой, который звучитъ очень сходно со словомъ кахау; благодаря этому крику, животное и получило свое названіе. Они очень быстры и ловки и очень хорошо прыгаютъ и лазаютъ. Ихъ душевныя свойства мало извѣстны, однако утверждаютъ, что эти животныя очень злобны, дики и коварны и не годны для прирученія. Говорятъ, что, застигнутыя врасплохъ, они прячутся на деревьяхъ, но очень мужественно защищаются

противъ нападенія. Заявленія туземцевъ, будто кахау, при прыганіи, всегда закрываютъ носъ руками, чтобы защитить его отъ неприятныхъ столкновеній съ вѣтвями, кажется, не болѣе, какъ шутка. Чѣмъ питается носатая обезьяна, неизвѣстно, но надо думать, что пища ея та же, что и у тонкотѣлыхъ обезьянъ. Говорятъ, что даяки ревностно охотятся за носатыми обезьянами ради ихъ мяса, которое, по ихъ словамъ, очень вкусно. Они называютъ этихъ животныхъ не кахау, а *бакара*, а малайцы *бакантанъ*. «Носатые обезьяны», пишетъ мнѣ Гаскарль: «которыхъ привезли въ ботаническій садъ въ Бейтензорхъ (Buitenzorg) на Явѣ, въ 1841 и 1842 годахъ, и которыя тамъ содержались нѣкоторое время, очень скоро умирали; впрочемъ, у нихъ не было хорошаго помѣщенія, гдѣ онѣ могли бы свободно двигаться». Неизвѣстно, заключалась ли въ этомъ единственная причина ихъ смерти; во всякомъ случаѣ, данныя Гаскарля доказываютъ, что можно нѣкоторое время держать кахау въ клеткѣ.

То же подтверждаетъ и Боккъ въ своихъ сообщеніяхъ о носатыхъ обезьянахъ: «Эти обезьяны живутъ въ густыхъ лѣсахъ по берегамъ рѣкъ, но никогда не встрѣчаются большими стадами, а всегда по 2—3 штуки, и выбираютъ вершины высочайшихъ деревьевъ. Ихъ движенія медленны и ихъ не легко потревожить. Я вспоминаю, какъ однажды даяки указали мнѣ трехъ носатыхъ обезьянъ, которыя, находясь внѣ выстрѣла, грѣлись на солнцѣ на очень высокомъ деревѣ. Дикари нарочно шумѣли, но обезьяны не обращали на это вниманія, пока я не выстрѣлилъ въ нихъ, послѣ чего онѣ двумя большими прыжками скрылись въ густой листвѣ». Онѣ говорятъ, что обыкновенно эти обезьяны спокойно убѣгаютъ; дѣлая хорошо размѣренныя прыжки съ вѣтви на вѣтвь, по крайней мѣрѣ футовъ по 20 каждый. «Онѣ питаются дикими плодами и листьями и достигаютъ значительной величины, часто такой же, какъ орангъ-утанъ (?). Изъ всѣхъ обезьянъ, можетъ быть, за исключеніемъ орангъ-утана, ихъ труднѣе всего держать въ неволѣ. Прежде всего ихъ трудно пріучить питаться рисомъ; кромѣ того, въ неволѣ онѣ, повидимому, хирѣютъ, хотя отъ природы и не очень подвижны. Онѣ кажутся крайне печальными, и я часто видѣлъ, что онѣ долго оставались въ одномъ положеніи, не дѣлая ни малѣйшаго движенія; даже если ихъ дразнили, онѣ не дѣлали никакихъ гримасъ и не обнаруживали никакихъ признаковъ гнѣва. Въ Бейтензорхѣ г. Тейсманнъ показывалъ мнѣ трехъ носатыхъ обезьянъ, которыхъ онѣ держалъ болѣе 2-хъ лѣтъ; долгое время онѣ кормилъ ихъ свѣжими листьями, но постепенно пріучилъ и къ рису».

Африканскіе родичи тонкотѣлыхъ азіатскихъ обезьянъ, толстотѣлыя обезьяны (*Colobus. Stummelaffen. Colobe*) представляютъ тоже животныхъ, рѣзко бросающихся въ глаза и отличающихся своеобразной окраской, странными, но красивыми гривами и другими особенностями, происходящими вслѣдствіе сильнаго выростанія волосъ. Точно такъ же, какъ Индія представляетъ болѣе роскошную природу, тѣмъ сухая Африка, такъ и тонкотѣлыя обезьяны свѣтлѣе и ярче окрашены, чѣмъ толстотѣлыя; я не хочу, впрочемъ, этимъ сказать, что послѣднія менѣе красивы и пріятны для нашего глаза. Въ общемъ, отличительные признаки обѣихъ группъ лишь очень незначительны. Толстотѣлыя обезьяны отличаются отъ тонкотѣлыхъ главнымъ образомъ, тѣмъ, что на переднихъ рукахъ у нихъ, кромѣ 4 развитыхъ пальцевъ, существуетъ лишь зачатокъ большого пальца. Тѣло толстотѣлыхъ обезьянъ все еще тонко и стройно, морда коротка, хвостъ очень длиненъ, конечности, почти равныя между собою по длинѣ, тонки, защечныхъ мѣшковъ нѣтъ.

Изъ этихъ животныхъ мы, безъ сомнѣнія, можемъ поставить на первое мѣсто гверцу или гверизу, фонгесъ абиссинцевъ (*Colobus guereza*). На мой взглядъ,

это самая красивая изъ всѣхъ обезьянъ. Окраска ея чрезвычайно пріятна, а мѣхъ такъ своеобразенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изященъ, что едва ли можно сравнивать съ нимъ мѣхъ какого-нибудь другого животного. Заслуга открытія этого удивительно красиваго созданія принадлежитъ извѣстному нѣмецкому путешественнику Рюппелю, который нашелъ его въ провинціи Годшамъ, во время своего путешествія по Абиссиніи, и названіе, употребительное въ странѣ, ввелъ въ науку. Обезьяна эта была извѣстна и раньше; уже Хюбъ Лудольфъ упоминалъ о ней въ своемъ очень цѣнномъ сочиненіи объ Эфіопіи; но, къ весьма недостаточному описанію ея, онъ приложилъ еще болѣе недостаточный и даже невѣрный рисунокъ; благодаря этому для ученыхъ было невозможно признать эту обезьяну за отдѣльный видъ и изобразить ее. Другой путешественникъ, Сельтъ, упоминаетъ тоже о гверецѣ, но и онъ даетъ невѣрное описаніе и изображеніе, составленное на основаніи рисунка Лудольфа и обрывковъ шкуры гверецы, которые случайно достались ему. Рюппель видѣлъ живую гверецу и потому могъ лучше всѣхъ описать ее, на основаніи собственныхъ наблюденій. Позднѣ эту обезьяну наблюдали и другіе естествоиспытатели. Я самъ нашелъ у одного туземца, на нижнемъ теченіи Бѣлаго Нила, шкуру гверецы, которая служила ему кисетомъ; отъ него я узналъ, что далѣе, на югѣ, эта обезьяна вовсе не рѣдкость. Гейглингъ тоже часто наблюдалъ ее въ Абиссиніи и на Бѣломъ Нилѣ и собралъ достовѣрные свѣдѣнія о томъ, что гверецы встрѣчаются также въ другихъ областяхъ Средней Африки; отсюда можно вывести, что область распространенія этого животного гораздо обширнѣе, чѣмъ мы обыкновенно принимаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Томсонъ нашелъ ее позднѣе въ странѣ Масса и въ области Кикую, а, по словамъ Джонстона, Гансъ Мейеръ довольно часто встрѣчалъ ее не только на Килиманджаро, на высотѣ около 1000 метровъ надъ поверхностью моря, но и далѣе къ югу, въ области Кахе, къ западу отъ озера Джибе, по ту сторону горъ Угуло. Мейеръ рѣшительно высказывается въ пользу того, что гверецы, которыхъ онъ наблюдалъ и убивалъ, должны быть отдѣлены отъ абиссинскихъ, по крайней мѣрѣ въ качествѣ разновидности (*var. caudatus*), такъ какъ на хвостѣ ихъ почти съ самаго основанія растутъ длинныя бѣлыя волосы, между тѣмъ, какъ у абиссинскихъ экземпляровъ, какъ это видно на рисункѣ, бѣлыя волосы имѣютъ лишь видъ большой кисти на концѣ хвоста.

Гверецы, по-истинѣ, красивое животное. Тѣло ея прекраснаго бархатисто-чернаго цвѣта и на этомъ фонѣ великолѣпно выдѣляются бѣлыя части: полоски на лбу, виски, стороны шеи, подбородокъ, горло и поясъ или грива, кругомъ тѣла по бокамъ, а также кайма вокругъ голыхъ сѣдалищныхъ мозолей и конецъ хвоста. На каждомъ бѣломъ волосѣ находится много бурыхъ колецъ, благодаря чему мѣхъ гверецы кажется серебристо-сѣрымъ. Грива, которую, по-моему, можно назвать поясомъ перехватывающимъ бока, свѣшивается по обѣ стороны тѣла, какъ богатый плащъ бѣдуина и чрезвычайно украшаетъ животное. Волосы этой гривы очень мягки и тонки и имѣютъ значительную длину. Черный мѣхъ нижней стороны тѣла просвѣчивается мѣстами черезъ эту роскошную оторочку. Чистый черный цвѣтъ рѣзко выдѣляется на ослѣпительно бѣломъ фонѣ, а темный цвѣтъ рукъ и лица такъ хорошо согласуется съ этой окраской, что наша обезьяна вполне могла бы заслужить премію красоты. Насколько одежда гверецы эксцентрична, если можно такъ выразиться, настолько изящно и привлекательно все животное. Длина туловища равняется 0,70 м., длина хвоста безъ кисти — 0,75 м.

Гверецы встрѣчаются, какъ сообщилъ мнѣ Шимперъ, начиная съ 13-го градуса сѣверной широты, во всей Абиссиніи, чаще всего на высотѣ 2000—3000 м. надъ уровнемъ моря. Здѣсь она живетъ маленькими обществами изъ 10—15 штукъ.

на высокоствольныхъ деревьяхъ, охотно селясь по близости чистыхъ горныхъ текучихъ водъ, часто около самыхъ церквей, одиноко стоящихъ въ тѣни священ-ныхъ деревьевъ. Одинъ видъ можжевельника (*Juniperus procera*), — который, въ про-тивоположность нашимъ видамъ, достигаетъ такихъ гигантскихъ размѣровъ, что наши ели и сосны показались бы передъ нимъ карликами — повидимому, особенно привлекаетъ гверецъ, конечно, благодаря своимъ ягодамъ, которыя кажутся вкус-ными и намъ. Гверецъ — въ высшей степени ловкое животное, движенія котораго отличаются, по-истинѣ, удивительной смѣлостью и вѣрностью. Тамъ, гдѣ гверецу не преслѣдуютъ, она, по словамъ Гейглина, не пуглива и мужественно лаетъ и пи-щитъ, согнувъ по-кошачьи спину, на того, кто ее потревожитъ. Преслѣдуемая гве-реца является во всей своей красотѣ. Красиво и легко, смѣло и расчитанно пры-

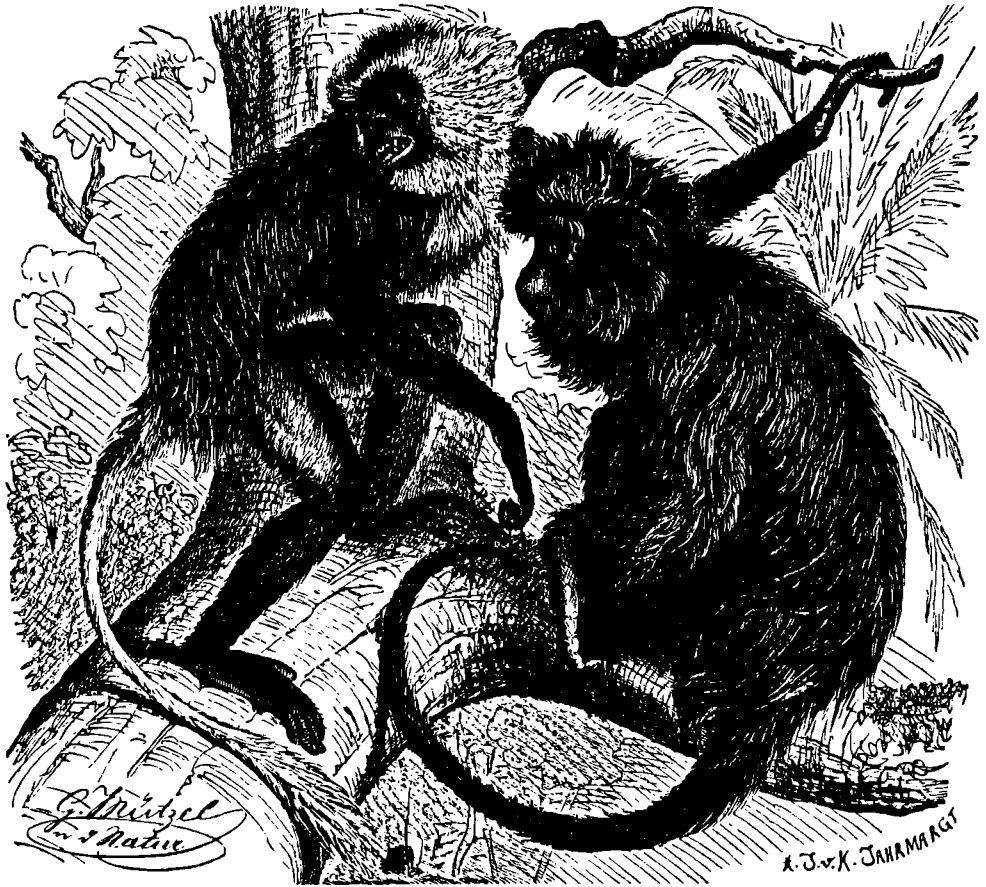

Гверецъ. $\frac{1}{10}$ наст. величины. *Colobus guereza*.

гаетъ это удивительно нарядное животное съ вѣтви на вѣтвь или съ высоты въ 15 метровъ внизъ, а бѣлый плащъ обвиваетъ его тѣло подобно тому, какъ раз-вѣвается вокругъ всадника бурнусъ бедуина, летящаго на арабской лошади. На землю гверецъ спускается лишь въ томъ случаѣ, если преслѣдователи совершенно настигаютъ ее; въ качествѣ настоящаго древеснаго животного она находитъ все необходимое на своихъ любимыхъ деревьяхъ. Питается гверецъ тѣмъ же, чѣмъ и прочія обезьяны, живущія на деревьяхъ: почками, листьями, цвѣтами, ягодами, плодами, насѣкомыми и т. п. Въ противоположность другимъ обезьянамъ, гверецъ всѣми туземцами считается совершенно безвредной, главнымъ образомъ потому, что не трогаетъ плантацій или, по крайней мѣрѣ, никогда не производитъ въ нихъ большихъ опустошеній. Возможно, что хорошему мнѣнью о ней способствуетъ и ея привычка селиться около церквей.

Охота за гверецей представляетъ особая трудности. На высокихъ вершинахъ

своих любимыхъ деревь она довольно безопасна отъ коварныхъ посягательствъ охотниковъ. Выстрѣлъ дробью можетъ, конечно, ранить это очень живучее животное, но лишь рѣдко удастся добыть его этимъ способомъ. Чтобы дѣйствовать навѣрняка, охотникъ долженъ брать за винтовку; но это оружіе было до сихъ поръ, да и теперь еще остается для туземцевъ вещью, съ которой они не умѣютъ обращаться. Хорошо, что дѣло находится въ такомъ положеніи: съ винтовкой въ привычной рукѣ абиссинецъ, можетъ быть, истребилъ бы уже эту обезьяну. Въ прежнее время за гверцей охотились ревностно. Считалось особеннымъ отличіемъ

Медвѣобразный толстотѣль. *Colobus ursinus*. Сатапа. *S. satanas*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

имѣть щитъ, украшенный шкурой этой обезьяны. Щиты абиссинцевъ и другихъ восточно-африканскихъ народовъ продолговато-круглые и состоятъ изъ кожи антилопъ или бегемотовъ; эту кожу покрывали спинной и боковой частью шкуры гверцы, такъ что грива служила украшеніемъ щита.

Въ Гондарѣ, столицѣ Абиссиніи, за такую шкуру платили талеръ, сумму, за которую можно было купить 5—6 жирныхъ овецъ. Въ настоящее время это украшеніе сильно упало въ цѣнѣ: описанные выше щиты, къ счастью, больше не употребляются; я говорю: къ счастью, такъ какъ надѣюсь, что, благодаря этому, прекрасное созданіе впередъ не будетъ жертвой отвратительной страсти къ истребленію, которую человекъ всюду проявляетъ.

Гейглингъ приобрѣлъ живого дѣтеныша гверецы, но, несмотря на самый лучший уходъ, не могъ сохранить его живымъ. Точно также и въ хижинахъ туземцевъ не приходится встрѣчать ручныхъ гверецъ; повидимому, трудно примѣниться къ ихъ образу жизни и пищѣ. Въ Европу, насколько мнѣ извѣстно, была привезена живую только одна гверца, и та умерла вскорѣ по приѣздѣ.

На запросъ съ моей стороны относительно другой разновидности гверецы, живущей въ болѣе южныхъ областяхъ, Гансъ Мейеръ прислалъ слѣдующія свѣдѣнія: «Въ высокоствольномъ лѣсу провинціи Кахе я многократно встрѣчалъ гверецъ маленькими стадами; онѣ попадались исключительно на гигантскихъ *Jupiregns* *prosega*, которыя тамъ обыкновенны. По словамъ туземцевъ, обезьяна эта никогда не появляется на плантаціяхъ и поляхъ. Присутствіе стада гверецъ можно замѣтить издали по особому однозвучному, пѣвучему жужжанью, то усиливающемуся, то ослабѣвающему, которое издаютъ сидящіе вмѣстѣ члены семейства. Подходя ближе, можно наблюдать этихъ великолѣпныхъ животныхъ стадами по 4 — 8 штукъ, молодыхъ и старыхъ; часть ихъ спокойно перевариваетъ пищу и жужжитъ на высокихъ верхушкахъ деревьевъ, часть лакомится молодыми побѣгами и ягодами деревообразнаго можжевельника. Лишь только онѣ замѣчаютъ наблюдателя, все общество мгновенно смолкаетъ; обезьяны тихонько прячутся за вѣтвями, покрытыми густой листвою и древесными стволами и, не убѣгая, пристально смотрятъ внизъ. Вожакъ-самецъ осторожно приближается, безпокойно присматривается къ подозрительному явленію и издаетъ, черезъ короткіе промежутки, предостерегающій крикъ, звучащій, какъ бормотанье индюка, оканчивающееся болѣе или менѣе длиннымъ «оа». Послѣ выстрѣла начинается общее быстрое отступленіе, но не бѣгство, при чемъ разбѣганіе бѣлыхъ гривъ и хвостовъ гверецъ, при прыжкахъ, представляетъ великолѣпную картину. Въ это время обезьяна кажется летящей. Надо тяжело ранить животное, чтобы оно упало. Поэтому туземцы рѣдко охотятся за нимъ, хотя массаи и очень цѣнятъ шкуру гверецъ изъ-за ихъ гривъ».

Два вида этого рода, изображенные на предыдущей страницѣ, называются *Colobus ursinus* (*Bärenstummeltaffe*) и *Colobus satanas* (*Teufelsaffe*). Первый видъ, который справедливо носитъ названіе медвѣдеобразной обезьяны, отличается отъ гверецы отсутствіемъ бѣлой бороды, мѣсто которой занимаетъ полоса длинныхъ, ключковатыхъ, грубыхъ волосъ желтоватаго цвѣта, съ примѣсью чернаго, а также болѣе длинной шерстью на всемъ тѣлѣ и бѣлымъ хвостомъ. По величинѣ и образу жизни онъ похожъ на гверцу, но живетъ въ западной Африкѣ и на островѣ Фернандо По. Пехуель-Леше часто предлагали туземцы купить эту обезьяну; но такъ какъ предлагаемые экземпляры были уже слабы и болѣзненны, то онъ ихъ въ Европу везти не рѣшился.

Сатана, весь черный, также встрѣчается чаще всего на Фернандо По; многіе естествоиспытатели несправедливо считаютъ его за разновидность предыдущей обезьяны.

* * *

Въ Африкѣ живутъ не только самыя большія и умныя, равно какъ самыя безобразныя обезьяны Стараго Свѣта, но и самыя красивыя, пріятныя и милыя обезьяны. Къ послѣднимъ, безспорно, принадлежитъ большая группа четырехрукихъ, извѣстная у насъ подъ общимъ именемъ мартышекъ, (*Cercopithecus*. *Meerkatze*. *Guenon*). Мартышки чаще другихъ обезьянъ встрѣчаются въ зоологическихъ садахъ, даже въ маленькихъ звѣринцахъ, а иногда въ видѣ домашнихъ животныхъ и у любителей.

Нѣмцы ихъ называютъ морскими кошками, и названіе это имъ дано еще въ XVI столѣтіи, когда ихъ стали привозить изъ Гвинеи. Животныя эти на

кошек мало похожи и къ морю никакого отношенія не имѣютъ; слово Meerkatze, вѣроятно, есть искаженное индѣйское слово markata, которымъ и теперь обозначаютъ въ Индіи одинъ видъ макаковъ. Обезьяны эти встрѣчаются въ тропическихъ странахъ Африки, но только на материкѣ, а не на островахъ. Въ густыхъ дремучихъ лѣсахъ онѣ встрѣчаются въ большомъ количествѣ. Разные виды мартышекъ встрѣчаются какъ на востокѣ, такъ и на западѣ Африки, а также и въ средней части материка; большая часть ихъ привозится, однако, въ Европу изъ западной Африки, а также изъ Абиссиніи и верховьевъ Нила. Мартышки отличаются красивой и стройной формою тѣла, тонкими конечностями, короткими руками съ очень длиннымъ большимъ пальцемъ, длиннымъ хвостомъ, безъ кисти волосъ на концѣ, большими защечными мѣшками и значительными сѣдалищными наростами. Цвѣтъ шерсти, большею частью, довольно яркій, а у нѣкоторыхъ видовъ представляетъ красивую пестроту. Извѣстно до двадцати видовъ этихъ обезьянъ. На Нилѣ мартышки встрѣчаются начиная отъ 16° с.ш. и какъ на западѣ, такъ и на востокѣ живутъ у самаго берега моря. Онѣ предпочитаютъ сырые лѣса на берегахъ рѣкъ, а въ сухихъ горныхъ лѣсахъ встрѣчаются рѣже; около полей селятся онѣ очень охотно. Въ Африкѣ можно съ увѣренностью рассчитывать найти мартышекъ тамъ, гдѣ встрѣчаются попугаи, и наоборотъ: гдѣ есть попугаи, тамъ водятся и мартышки.

Мартышки принадлежатъ къ числу самыхъ живыхъ, веселыхъ и, какъ сказано выше, пріятныхъ обезьянъ. Онѣ почти всегда живутъ большими стадами и отдѣльные семейства встрѣчаются очень рѣдко. Весело встрѣтить въ лѣсу стадо этихъ животныхъ: глядя на нихъ, можно вдоволь налюбоваться на крикъ и драку, ссоры и примиренія, бѣготню и лазанье, грабежъ и воровство, гримасы и самыя удивительныя гимнастическія упражненія! Стадо образуетъ отдѣльное общество, не признающее за собою другой власти, кромѣ той, которая принадлежитъ избранному вожаку. Право это основано единственно на болѣе острыхъ зубахъ и сильнѣйшихъ рукахъ этого властелина. Мартышки не вѣрятъ, чтобы существовала такая опасность, которой нельзя было бы избѣгнуть; во всякомъ положеніи онѣ найдутся; нужды и недостатка пищи онѣ не боятся и проводятъ жизнь въ постоянной веселой суетѣ. Основной чертой ихъ характера слѣдуетъ считать соединеніе безконечнаго легкомыслія съ забавною серьезностью: свойства эти замѣтны во всѣхъ ихъ поступкахъ. Для нихъ не существуетъ недосыгаемой цѣли, слишкомъ высокой вершины, недоступнаго сокровища, и чужой собственности онѣ не уважаютъ. Поэтому неудивительно, что жители восточнаго Судана отзываются о нихъ съ безграничнымъ презрѣніемъ и негодованіемъ, но для посторонняго наблюдателя онѣ все-таки очень забавны.

Шайку мартышекъ трудно не замѣтить въ лѣсу; если даже не слышишь крика вожака, то до уха путешественника легко донесется шумъ, производимый на деревьяхъ прыгающими и бѣгающими обезьянами; а если и этого шума не услышишь, то можно увидѣть этихъ животныхъ, которыя никогда не прячутся отъ людей, а спокойно сидятъ или скачутъ по вѣткамъ деревьевъ, а иногда ищутъ другъ у друга блохъ и другихъ паразитовъ. На землю онѣ сходятъ только за пищей, большую же часть времени проводятъ на верхушкахъ деревьевъ, переходя по вѣткамъ съ одного на другое, причѣмъ онѣ не обращаютъ вниманія на иглы и колючки.

«Въ главныхъ чертахъ», пишетъ Пехуель Леше, «мартышки ведутъ себя на свободѣ точно такъ же, какъ и у насъ въ зоологическихъ садахъ, но нѣкоторыя черты ихъ характера яснѣе выказываются на родинѣ и потому слѣдуетъ ихъ отмѣтить. Для наблюденія за мартышками удобнѣе всего лѣса Западной Африки, гдѣ водятся

нѣсколько видовъ мартышекъ. Приближеніе стада этихъ обезьянъ узнаешь по пелестузеленыхъ вѣтвей и треску сломанныхъ сухихъ сучьевъ, а также по легкому рычанью, часто прерываемому болѣе громкимъ голосомъ, обозначающимъ какуюнибудь ссору. Если стадо направляется къ извѣстной цѣли, то оно путешествуетъ въ большомъ порядкѣ; при этомъ мартышки идутъ гуськомъ одна за другой, пробираясь по тѣмъ же вѣткамъ, по которымъ прошли предыдущія. Такъ какъ обезьяна ждетъ, чтобы тонкая вѣтка, по которой только-что пробѣжала передняя обезьяна, пришла въ спокойное состояніе, то шествіе происходитъ довольно медленно и одна обезьяна слѣдуетъ за другой на извѣстномъ разстояніи, что облегчаетъ наблюдателю возможность близко подкрасться къ стаду.

«Каждое стадо, которое по всѣмъ вѣроятностямъ, состоитъ изъ сильно размножившагося семейства, держится отдѣльно отъ другихъ и состоитъ подъ предводительствомъ стараго и опытнаго самца; самокъ я, по крайней мѣрѣ, никогда въ этой роли не видѣлъ. Вожакъ очень заботится о благосостояніи своихъ подчиненныхъ, онъ идетъ всегда впереди стада; во время стоянки садится на верхушку дерева и озирается кругомъ; къ водѣ сходитъ первый и издаетъ различные звуки для призыва или предупрежденія своихъ спутниковъ. Звуки эти очень разнообразны и опытный охотникъ скоро научается распознавать ихъ значеніе, но описать ихъ чрезвычайно трудно. Наиболѣе рѣзкимъ можно считать звукъ, который я никогда не слышалъ у обезьянъ въ плѣну и который, вѣроятно, издается только вожакомъ: это очень громкій крикъ, представляющій нѣчто среднее между чавканьемъ и лаемъ и напоминающій иногда звукъ раскупориваемой бутылки шампанскаго. Крикъ этотъ, вѣроятно, выражаетъ полное довольство, такъ какъ онъ издается почти всегда вечеромъ, иногда послѣ заката солнца, когда сытое и усталое стадо отыскивало себѣ дерево для ночлега. Тогда можно видѣть веселыхъ скакуновъ спокойными: они сидятъ, большею частью, на сухихъ вѣтвяхъ дерева и, при лучахъ заходящаго солнца, почесываютъ другъ друга или задумчиво смотрятъ съ вышины на окружающую мѣстность, какъ будто любясь ея красотой. Во время сна, мартышки опираются о стволъ дерева или толстый сучекъ, а также прислоняются другъ къ другу, такъ что образуютъ тѣсную кучу, что конечно, дѣлается для взаимнаго согрѣванія. Когда утро довольно свѣжо, то обезьяны очень долго сохраняютъ это положеніе и никакъ не рѣшаются разойтись. Мнѣ случалось по утрамъ находить сонныя стада въ подобной позѣ; животныя сидѣли такъ тѣсно прижавшись другъ къ другу, что только по числу вислицихъ хвостовъ можно было догадаться о количествѣ обезьянъ. Если при этомъ хочешь себѣ устроить забаву (для мартышекъ, конечно, очень неприятную), то стоитъ только крикнуть или громко закашлять: вся куча тогда разсѣется въ одно мгновеніе».

«Если застрѣлить вожака, то другія обезьяны совершенно растеряются, не знаютъ что дѣлать, и поспѣшно разбѣгаются въ разныя стороны. Но никогда не случается, чтобы овѣ отъ испуга оставались на мѣстѣ и ожидали слѣдующихъ выстрѣловъ. Двухъ обезьянъ сразу можно убить двумя выстрѣлами изъ двустволки, но для этого нужна большая опытность и вѣрный глазъ. Изрѣдка, впрочемъ, случается что послѣ выстрѣла какая-нибудь неопытная обезьяна съ испуга остановится и взглянетъ на охотника, причемъ часто любопытство это ей стоитъ жизни. Удивительно смѣшнымъ бываетъ такое бѣгство при затруднительныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ, когда большое стадо обезьянъ, по какому-нибудь случаю собранное на большомъ деревѣ, стоящемъ далеко отъ другихъ деревьевъ, бываетъ испугано смертью своего вожака. Сначала вся шайка въ ужасѣ присмирѣетъ, но скоро начинается невообразимая свалка: съ крикомъ бросаются обезьяны туда и сюда, ска-

чуть отъ ствола къ концамъ вѣтвей и обратно и, если не найдутъ такой вѣтви, съ которой можно перепрыгнуть на другое дерево, или лианы по которой можно пробраться ползкомъ въ безопасное мѣсто, то онѣ большими прыжками скачутъ внизъ, въ кусты, управляя при этомъ своимъ длиннымъ хвостомъ, какъ рулемъ. Всѣ эти крики, скачки и шорохъ по кустамъ совершаются такъ быстро, что все стадо исцезаетъ въ одну минуту. Мнѣ нѣсколько разъ случалось наблюдать такія исключительныя собранія мартышекъ; туземцамъ явленіе это тоже знакомо, и они увѣряютъ, что обезьяны въ этихъ случаяхъ собираются на сходку и о чемъ-то совѣщаются, причемъ отдѣльныя стада собираются на эту сходку издалека; туземцы убѣждены, что собранія эти происходятъ въ извѣстномъ порядкѣ, какъ у людей. Иногда число обезьянъ при этомъ бываетъ такъ велико, что онѣ всѣ не помѣщаются на одномъ деревѣ, и часть ихъ садится на другія, близъ стоящія деревья. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, отдѣльныя стада обезьянъ живутъ въ лѣсу, каждое отдѣльно; если же два стада встрѣтятся на какомъ-нибудь деревѣ съ любимыми плодами, то начинаются ссоры, съ гнѣвнымъ крикомъ и пискомъ, а затѣмъ настоящая драка; при этомъ, однако, онѣ не забываютъ, во время прыжковъ и бѣготни, иногда вися на воздухѣ въ самомъ опасномъ положеніи, срывать и пожирать вкусныя плоды изъ-за которыхъ началась драка. Мартышки очень хорошо умѣютъ пользоваться своимъ длиннымъ хвостомъ во время бѣгства или нападенія другихъ обезьянъ: онѣ плашмя прижимаютъ хвостъ къ сучку и, такимъ образомъ, на него опираются или, для той же цѣли, обвиваютъ его крупною спиралью кругомъ вѣтви. Видно, что употребленіе хвоста очень важно для этихъ животныхъ, чтобы крѣпко держаться на деревьяхъ; однако, цѣпкимъ, какъ у американскихъ обезьянъ, этотъ хвостъ назвать нельзя.

«Мартышки воды не боятся; на берегу моря онѣ, во время отлива, часто ловятъ краббовъ и ищутъ раковинъ, причемъ волны часто окачиваютъ ихъ, такъ что животныя стращиваютъ съ себя капли, когда выльзутъ на корни растущихъ у самаго берега деревьевъ. Жители Куйлу и Баніа единогласно утверждали, что мартышки плаваютъ отлично и что цѣлыя стада этихъ обезьянъ иногда переплываютъ широкія рѣки. Этимъ можно себя объяснить, почему мы не нашли ни одной обезьяны на небольшомъ лѣсистомъ островкѣ рѣки Куйлу, гдѣ, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, мы находили ихъ во множествѣ и удачно за ними охотились».

«Согласно своему характеру, мартышки часто занимаютъ въ лѣсу всякими забавами. На деревьяхъ, гдѣ проходитъ стадо обезьянъ, часто слышишь трескъ ломающихся сухихъ сучьевъ, причемъ иногда падаютъ внизъ довольно большія гнилыя вѣтки. Зная осторожность обезьянъ, нельзя предполагать, что онѣ ломаютъ эти сучья нечаянно, шествуя по нимъ; гораздо вѣрнѣе, что онѣ разрушаютъ вѣтви просто изъ забавы. Мартышки любятъ качаться на гладкихъ, внизъ висящихъ воздушныхъ корняхъ мадровыхъ деревьевъ, а сильно натянутыя лианы онѣ приводятъ въ колебаніе качаньемъ и ударами до тѣхъ поръ, пока эти лианы не зазвучатъ, какъ струны. Наблюдая мартышекъ, жившихъ вмѣстѣ съ шимпанзе на нашемъ дворѣ въ Чинчочо, я пришелъ къ убѣжденію, что и на свободѣ мартышки забавляются тѣмъ, что дразнить шимпанзе, по крайней мѣрѣ, его сердитый крикъ можно всегда слышать въ тѣхъ частяхъ лѣса, гдѣ онъ встрѣчается съ этими мелкими обезьянами».

«Кромѣ человѣка, мартышки, кажется, признаютъ своими врагами только леопардовъ и крокодиловъ. Мнѣ случалось видѣть отдѣльно сидящихъ мартышекъ, которыя вовсе не пугались мимолетающихъ большихъ орловъ. Но напротивъ, того, всѣ наши ручныя обезьяны, кромѣ молодого гориллы, который попалъ къ намъ изъ лѣсу еще очень неопытнымъ дѣтенышемъ, сильно боллись старой леопардовой

шкуръ, плохо набитой соломой и травой. Къ змѣямъ мартышки относятся недо-вѣрчиво, но ужаса при видѣ ихъ не выказываютъ, а собакъ вовсе не боятся; мы замѣчали даже обратное: когда наши храбрыя овчарки получали кормъ и мар-тышки потихоньку приближались, чтобы участвовать въ угощеніи, то собаки уда-лялись и издали смотрѣли, какъ дерзкія обезьяны выбирали себѣ самые лакомые кусочки: псы по опыту знали, что съ проворными обезьянами имъ не справиться».

«На берегахъ рѣкъ я часто наблюдалъ слѣдующее: если мартышка виситъ на концѣ длинной и гибкой вѣтки, далеко выдающейся надъ водой, и другія обезьяны проберутся на ту же вѣтку, отчего конецъ ея спустится къ самой по-верхности воды, то крайняя мартышка вскакиваетъ и спасается на выше лежа-щую часть вѣтви; боязнь воды этого дѣйствія объяснить нельзя, скорѣе слѣ-дуетъ думать, что обезьяна опасается крокодила, который, конечно, охотно схва-татъ обезьяну, попавшуюся ему подъ пасть».

Весело смотрѣть на толпу обезьянъ, отправляющихся на грабежъ. Нахаль-ство, которое при этомъ онѣ выказываютъ, забавляло меня настолько же сильно, на сколько оно возмущало жителей восточнаго Судана, гдѣ я наблюдалъ эти на-бѣги. Шайка отправляется къ засѣянному полю подъ предводительствомъ вожака; сами несутъ дѣтенышей подъ брюхомъ, причемъ эти послѣдніе для предосторож-ности обвиваютъ кончикъ своего хвоста кругомъ хвоста матери. Сначала шайка подвигается впередъ осторожно, стараясь шествовать по вѣтвямъ деревьевъ. Ста-рый вожакъ идетъ впереди, остальные слѣдуютъ за нимъ шагъ за шагомъ, переходя не только на то же дерево, но даже на ту же вѣтку, по которой прошелъ старшій. Вожакъ часто влѣзаетъ на верхушку дерева и оттуда внимательно обозрѣваетъ окрестность; если все благополучно, то онъ успокаиваетъ стадо особымъ мурлы-каньемъ, въ противномъ же случаѣ, громкимъ крикомъ предупреждаетъ объ опас-ности. Приблизившись къ полю, обезьяны сходятъ съ деревьевъ, и большими прыжками спѣшатъ въ желанное мѣсто; здѣсь начинается самая усиленная дѣятель-ность. Прежде всего мартышки стараются обезпечить себя, какъ можно скорѣе, пищею. Большое количество кукурузныхъ початковъ и колосьевъ дурро наскоро выдущаются и мартышки набиваютъ зернами, елико возможно, свои защечные ямки. Когда эти кладовыя наполнены, то шайка нѣсколько смиряется, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается разборчивѣе и притязательнѣе относительно пищи. Мартышка, сломивъ початокъ или колось, тщательно его обнюхиваетъ и, если добыча, чтѣ ча-сто случается, ей не нравится, то она ее немедленно бросаетъ. Можно считать, что изъ десяти сломанныхъ колосьевъ съѣдается только одинъ; въ большинствѣ случаевъ, лакомка выбираетъ изъ цѣлаго початка только нѣсколько зеренъ, а остальное тутъ же бросаетъ: вотъ почему такъ ненавидятъ мартышекъ туземцы.

Если на полѣ все спокойно, то матери позволяютъ дѣтенышамъ отойти отъ себя и играть съ другими маленькими обезьянами; однако строгій надзоръ самокъ надъ дѣтенышами не прекращается ни на минуту, и каждая мать внимательно слѣ-дитъ глазами за своимъ чадомъ; за то всѣ заботы о безопасности всего стада пре-доставлены одному вожаку. Этотъ послѣдній, даже во время самой вкусной ѣды, встаетъ иногда на ноги, какъ человѣкъ, и осматриваетъ окрестность; тихое мур-лыканье успокаиваетъ стадо, если нѣтъ ничего подозрительнаго; въ противномъ случаѣ издается громкій и дрожащій крикъ, который указываетъ на опасность. Тогда все стадо собирается въ кучу, матери призываютъ дѣтенышей, и въ нѣсколь-ко минутъ стадо готово къ бѣгству; при этомъ, однако, всѣ обезьяны спѣшатъ на-брать столько корму, сколько можно унести съ собой. Я нѣсколько разъ видалъ какъ мартышки уносили съ собой по пяти большихъ кукурузныхъ початковъ; при этомъ онѣ брали два колоса въ правую переднюю руку и по одному въ каждую

изъ трехъ остальныхъ, такъ что на ходу ступали кукурузами. При опасности имъ приходилось, конечно, съ кислой миной, разставаться съ ношею, но послѣдній початокъ обезьяна рѣшалась бросить только въ крайности, когда врагъ слишкомъ близко, такъ что для спасенія необходимо живо дѣйствовать всѣми четырьмя конечностями. Побѣгъ направляется всегда къ ближайшему дереву. Я замѣтилъ, что маргышки влѣзали на совершенно одинокія деревья, откуда имъ снова приходилось слѣзать, если я ихъ преслѣдовалъ. Но какъ только онѣ попали въ настоящій лѣсъ, то могутъ считать себя въ совершенной безопасности, такъ какъ лазаютъ по деревьямъ не хуже гиббоновъ. Для нихъ не существуетъ никакого препятствія въ лѣсу, ихъ не останавливаютъ ни страшныя иглы, ни густой кустарникъ, ни далекое разстояніе между деревьями. Большіе прыжки совершаются съ увѣренностью, которая насъ сильно поражаетъ, потому что ни одно изъ нашихъ европейскихкихъ лазающихъ животныхъ не способно къ такимъ штукамъ. Онѣ могутъ, дѣйствуя хвостомъ, какъ рулемъ, измѣнять направленіе скачка; промахнувшись на одной вѣткѣ, онѣ хватаются за другую; съ вершины бросаются внизъ, на концы самой низшей вѣтви и, едва коснувшись ея, несутся дальше; съ дерева скачутъ на землю; перескакиваютъ съ дерева на дерево, точно черезъ ровъ; съ быстротою стрѣлы поднимаются по стволамъ вверхъ и бѣгутъ все дальше и дальше. Вожакъ и тутъ постоянно впереди и своимъ выразительнымъ мурлыканьемъ указываетъ стаду, какъ нужно бѣжать, тише или скорѣе. Обезьяны во время бѣгства никогда не обнаруживаютъ страха и малодушія, напротивъ того, онѣ выказываютъ при этомъ большое присутствіе духа, такъ что можно безъ преувеличенія сказать, что для нихъ не существуетъ опасности, которую бы онѣ не могли избѣгнуть. Дѣйствительно, опасенъ для нихъ только коварный человѣкъ со своимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ; отъ хищныхъ млекопитающихъ онѣ спасаются легко, а, въ случаѣ нужды, умѣютъ отразить и нападеніе хищной птицы.

Когда вожакъ убѣдится, что опасность миновала, онъ останавливается, быстро взбирается на верхушку дерева и, удостовѣрившись, что все обстоитъ благополучно, сзываетъ свое стадо успокоительными звуками. Обезьянамъ тогда предстоитъ важное занятіе. Во время послѣдшаго бѣгства онѣ не могли охранять свою шкуру отъ колючекъ и шиповъ, которые вцѣплялись въ ихъ мѣхъ и даже проникали черезъ кожу; необходимо освободить другъ друга отъ этихъ неприятныхъ прищипокъ. Поэтому, во время отдыха, начинается тщательная чистка. Обезьяна ложится во всю длину на вѣткѣ, другая садится около нея и самымъ добросовѣстнымъ образомъ изслѣдуетъ ея шкуру. Колючки и шипы вынимаются и, кромѣ того, кожа очищается отъ паразитовъ, если таковыя найдутся; обезьяны ихъ жадно сѣдаютъ. Но не всегда имъ удается хорошо вычистить свою шкуру: иногда колючки проникаютъ въ тѣло такъ глубоко, что другой обезьянѣ никакъ не удастся ихъ вытащить. Это я могу подтвердить собственнымъ наблюденіемъ, потому что однажды убилъ маргышку, у которой кисть руки была насквозь, снизу вверхъ, проколота иглою мимозы. Что подобное пораненіе возможно, также могу доказать собственнымъ опытомъ: мнѣ случилось, разъ наступить на иглу мимозы, которая проникла сквозь подошву сапога и проткнула мнѣ большой палецъ ноги и верхнюю кожу сапога. Слѣдовательно, понятно, что обезьяна, при большомъ прыжкѣ, могла съ такой силой наткнуться на шипъ мимозы, что онъ прокололъ ея ладонь.

Покончивъ чистку, маргышки возвращаются назадъ на то же поле и продолжаютъ грабежъ. Такимъ образомъ, жители тѣхъ странъ никакъ не могутъ изба-

ниться отъ нашествія обезьянъ, которыя вредятъ имъ хуже саранчи. Не имѣя огнестрѣльнаго оружія, туземцы принуждены ограничиваться тѣмъ, что постоянно выгоняютъ со своихъ полей обезьянъ; но это, какъ мы видѣли, мало помогаетъ, такъ какъ обезьяны не могутъ быть остановлены никакими предохранительными мѣрами. Грабители эти не страшатся даже заклипаній туземныхъ жрецовъ и заговоровъ колдуновъ, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ средства эти, по мнѣнію негровъ, помогаютъ постоянно; поэтому жители сѣверо-восточной Африки и считаютъ обезьянъ богопротивными и отверженными существами. Одинъ мудрый шейхъ изъ Восточнаго Судана говорилъ мнѣ: «Повѣрь мнѣ, господинъ, что обезьяны дѣйствительно богопротивныя существа, такъ какъ онѣ никогда не преклоняются передъ словомъ посланника Божія. Всѣ Божьи твари уважаютъ пророка, — Аллахъ да ниспошлетъ ему миръ! — однѣ обезьяны презираютъ его. Если кто напишетъ на табличкѣ изреченіе изъ Корана и вывѣситъ его на полѣ, чтобы предохранить свои плоды отъ вреда, наносимаго слонами, бегемотами и обезьянами, тотъ можетъ легко убѣдиться, что только слоны уважаютъ этотъ священный знакъ. Слонъ — благородное животное, а обезьяна — созданіе, обращенное гнѣвомъ Аллаха изъ человѣка въ чудовище; это сынъ, внукъ и правнукъ нечистаго, точно такъ, какъ бегемотъ есть гнусный обликъ колдуна — оборотня». Въ Восточномъ Суданѣ за мартышками не охотятся, но ловятъ ихъ сѣтями, подъ которыя кладется лакомая приманка. Сѣть опускается на обезьяну, когда она схватываетъ приманку и животное такъ въ ней запутывается, что не можетъ освободиться, несмотря на свои яростныя усилія. Мы, европейцы, стрѣляли ихъ изъ ружей безъ труда, такъ какъ онѣ обращаются въ бѣгство только тогда, когда убьютъ нѣсколькихъ обезьянъ; людей онѣ боятся мало или вовсе не боятся. Я видѣлъ, что мартышки оставались совершенно спокойными, когда подъ деревьями, гдѣ онѣ сидѣли, проходили пѣшеходы, всадники, муллы и верблюды, но, при видѣ собаки, онѣ пугались и кричали. На охотѣ за обезьянами случалось со мною то же, что и со многими другими охотниками: я былъ глубоко возмущенъ. Я выстрѣлилъ въ мартышку, которая сидѣла ко мнѣ лицомъ; пораженная выстрѣломъ, она упала, но сейчасъ же спокойно сѣла и, не издавая никакого звука, стала совершенно по человѣчески вытирать рукою кровь, которая текла изъ многихъ ранъ ея лица. Мнѣ стало ее такъ жалко, что я бросился и зарѣзалъ ее охотничьимъ ножомъ, чтобы поскорѣе избавить ее отъ страданій; застрѣлить ее было бы, конечно, легко, но оба ствола моей двустволки были разряжены. Съ этихъ поръ я уже никогда не стрѣлялъ въ маленькихъ обезьянъ и не совѣтую никому этого дѣлать, развѣ только для научной дѣли. Невольно кажется, будто убилъ человѣка, и опять умиравшей обезьяны повсюду меня преслѣдоваль.

Разъ только мартышки на охотѣ потѣшили меня. Я замѣтилъ, что фламинго, цапли и цапли каждый вечеръ для ночлега садятся на мимозы, одиноко растущія на берегу Азрака, и задумалъ ихъ тамъ подкараулить. Случайно на томъ же деревѣ расположилось на ночлегъ стадо мартышекъ. Когда я, въ наскоро устроенной сторожкѣ, притаился въ сосѣднемъ полѣ кукурузы, то раздались безпокойные голоса обезьянъ, которыя, очевидно, подозрѣвали что-то недоброе. Послѣ продолжительныхъ криковъ и мурлыканья, обезьяны, очевидно, рѣшили покинуть осажденное дерево. Вожакъ осторожно спустился съ вершины внизъ, чтобы изслѣдовать и осмотрѣть мѣстность. При этомъ онъ, повидимому, не измѣнилъ намѣренія и полѣзъ по стволу на землю, рѣшившись, очевидно, бѣжать въ сосѣдній лѣсъ. Другія обезьяны послѣдовали за нимъ, а на верхушкѣ дерева остались только самки съ грудными дѣтенышами. Въ эту минуту спустился на дерево фламинго и тотъ-

часть же выстрѣлъ моего ружья сверкнулъ въ сумракѣ. Тогда на деревѣ произошло ужасное смятеніе: вожакъ вернулся назадъ и все стадо бѣжало па самыя высокія и густыя вѣтви дерева; каждый старался спрятаться повѣрнѣе, но при этомъ все стадо прыгало, лазало и издавало всевозможные крики и вопли. Каждый новый выстрѣлъ усиливалъ смятеніе: обезьяны, очевидно, были внѣ себя отъ ужаса. У находчивыхъ обезьянъ, вѣроятно, возникало множество плановъ къ спасенію, но всѣ они оказались невыполнимыми. Страшное огнестрѣльное оружіе довело наконецъ многихъ до безумныхъ поступковъ: нѣкоторыя мартышки стали прыгивать съ вѣтвей на землю, откуда снова взбирались на дерево, гдѣ только-что считали гибель свою несомнѣнною. Наконецъ все затихло: обезьяны, очевидно, покорились судьбѣ и неподвижно сидѣли на деревѣ, прижавшись какъ можно ближе къ стволу. Я пробылъ въ засадѣ довольно долго, потому что вспугнутыя птицы черезъ нѣсколько времени снова возвращались къ любимому ночлегу, а въ нихъ одиѣхъ я и стрѣлялъ, но при послѣднихъ моихъ выстрѣлахъ все-таки раздавались отчаянные стоны обезьянъ, совершенно обезумѣвшихъ отъ страха. Я ужъ давно былъ на суднѣ, когда, наконецъ, вожакъ успокоилъ стадо своимъ мурлыганьемъ.

Обезьяны на свободѣ мало терпятъ отъ хищныхъ животныхъ. Отъ хищныхъ млекопитающихъ ихъ спасаетъ ловкость; развѣ леопарду иногда удается поймать какую-нибудь неосторожную обезьяну.

Отъ хищныхъ птицъ мартышки защищаются сообща. Одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ хищниковъ ихъ отечества есть, безспорно хохлатый орланъ (*Spizaetos occipitalis*). Онъ спокойно хватаетъ сильно кусающихся овражковъ и вовсе не боится ихъ острыхъ зубовъ и сердитаго шипѣнья, но на обезьянъ нападаетъ рѣдко и не отваживается повторить это нападеніе во второй разъ. Въ этомъ я убѣдился однажды самъ.

Охотясь въ дремучемъ лѣсу, я услышалъ на деревѣ шелестъ, который производила эта хищная птица, и въ ту же минуту раздались ужасные крики обезьянъ: орланъ бросился на одну еще очень молодую, но уже самостоятельную обезьянку, схватилъ ее и хотѣлъ унести, чтобы спокойно съѣсть ее на сторонѣ. Но это не удалось! Обезьяна, схваченная птицею, уцѣпилась всѣми четырьмя конечностями за вѣтку, съ такою силою, что ее нельзя было оторвать, и при этомъ орала во всю мочь. Въ одну минуту собралось туда все стадо и орланъ былъ окруженъ, по крайней мѣрѣ, десятью обезьянами. Съ ужасными гримасами и отчаянными криками бросились онѣ на птицу и схватили ее со всѣхъ сторонъ. Тутъ, очевидно, хищникъ пересталъ думать о добычѣ, а долженъ былъ позаботиться о собственномъ спасеніи, чтѣ было вовсе не такъ легко. Обезьяны крѣпко держали и, вѣроятно, задушили бы его, если бы птицѣ не удалось наконецъ послѣ многихъ усилій вырваться и поспѣшно улѣтѣть. Въ воздухѣ, однако, носилось много перьевъ изъ его хвоста и спины, чтѣ доказывало, что онъ не безъ труда освободился отъ мартышекъ. Слѣдуетъ думать, что этотъ орланъ едва ли отважится вторично напасть на обезьянъ.

Изъ вышесказаннаго видно, что обезьяны мало боятся какъ хищныхъ животныхъ, такъ и человѣка. Но нѣкоторыя пресмыкающіяся и гады, особенно змѣи приводятъ ихъ въ ужасъ. Я забылъ сказать, что обезьяны постоянно, безъ всякой жадности, разоряютъ птичьи гнѣзда и съ жадностью пожираютъ не только яйца, но и птенцевъ. Однако, готовясь напасть на гнѣздо, устроенное въ дуплѣ, онѣ дѣйствуютъ съ большою осторожностью, такъ какъ знаютъ, что змѣи часто прячутся въ подобныхъ дуплахъ. Мнѣ приходилось видѣть, какъ обезьяны нашедши дупло, тщательно его изслѣдовали: вѣтъ ли въ немъ змѣи. Сначала обезья-

яна заглядывала внутрь дупла, насколько это возможно, затѣмъ внимательно прислушивалась, а если въ дуплѣ не слышалось ничего подозрительнаго, то осторожно запускала руку. Обезьяна никогда смѣло не засунетъ руки, а дѣлаетъ это очень медленно, осторожно, постоянно прислушиваясь и заглядывая въ дыру, не покажется ли вдругъ голова страшной для нея змѣи. У мартышекъ, живущихъ на свободѣ, размноженіе происходитъ, повидимому, во всякое время года. Круглый годъ встрѣчаются въ каждомъ стадѣ еще сосущіе дѣтеныши и подростки, уже ненуждающіеся въ попеченіяхъ матери. Въ зоологическихъ садахъ и звѣринцахъ Европы мартышки размножаются также довольно легко, но не такъ часто, какъ павіаны и макаки.

Во время моего продолжительнаго пребыванія въ Африкѣ, я часто держалъ у себя ручныхъ обезьянъ и, между ними, много мартышекъ; поэтому могу, по личному опыту, говорить о душевныхъ способностяхъ этихъ животныхъ, которыхъ внимательно наблюдать можно почти исключительно только въ неволѣ. Я положительно утверждаю, что каждая изъ обезьянъ, отличается особенными, индивидуальными свойствами характера и потому наблюденія надъ плѣнными обезьянами очень интересны и поучительны. Одна обезьяна была сварлива и часто кусалась, другая очень ручна, смирна, третья вѣчно ворчала, четвертая была постоянно весела; были у насъ спокойныя и довѣрчивыя обезьяны, были и хитрыя, которыя нѣчто придумывали какія-нибудь скверныя проказы. Только одна общая черта была замѣтна у всѣхъ мартышекъ: онѣ любили насолить чѣмъ-нибудь большимъ животнымъ, а маленькихъ, наоборотъ, защищали и ласкали. Онѣ умѣли помочь себѣ во всякомъ затруднительномъ случаѣ; при этомъ онѣ обнаруживали разсудительность, осмысленную хитрость и даже нѣкоторую обдуманность въ поступкахъ, а также большую доброту, нѣжную любовь и даже самопожертвованіе относительно нѣкоторыхъ другихъ животныхъ; за всѣ эти достоинства я сильно полюбилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Во время моего путешествія по Голубому Нилу, жители одной прибрежной деревни принесли мнѣ пять, только-что пойманныхъ мартышекъ. Продажная цѣна была очень низка: спрашивали всего по одной маркѣ (около сорока коп.) за каждую обезьяну. Я купилъ ихъ, надѣясь имѣть забавныхъ спутниковъ, и привязалъ ихъ рядомъ къ борту судна. Однако я обманулся въ своемъ ожиданіи: мартышки печально сидѣли рядомъ, прижавшись другъ къ другу и закрывъ лице руками, точно огорченные люди; онѣ ничего не ѣли и по временамъ издавали заунывные горловые звуки, которыми, очевидно, выражали жалобу на судьбу. Очень можетъ быть, что онѣ совѣщались о средствахъ уйти изъ плѣна; на эту мысль наводитъ то, что случилось ночью: на слѣдующее утро оказалась на мѣстѣ только одна обезьяна, прочія бѣжали. При этомъ веревки, которыя ихъ держали, не были ни разгрызаны, ни разорваны; очевидно, онѣ другъ другу помогали при развязываніи узловъ, а о товарищѣ своемъ, сидѣвшемъ нѣсколько поодаль, онѣ забыли, такъ что онъ остался въ неволѣ.

Плѣнникъ этотъ былъ самецъ и мы его назвали Коко; онъ переносилъ свою судьбу спокойно и съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Тщательное изслѣдованіе доказало ему, что онъ не можетъ освободиться отъ плѣна, и я съ своей стороны старался поддержать его въ этомъ убѣжденіи. Какъ настоящій мудрецъ, Коко покорился необходимости и около полудня уже сталъ ѣсть ишено и другую пищу, которую мы ему давали. Къ людямъ онъ относился сердито и кусалъ всякаго, кто къ нему подходилъ, но сердце его жаждало, повидимому, какой-нибудь привязанности. Осмотрѣвъ всѣхъ окружающихъ животныхъ, онъ избралъ себѣ самаго страннаго товарища, именно, птицу *клеворога* (*Buceros*), котораго мы везли изъ его дале-

кой родины. Вѣроятно его подкупило добродушіе птицы. Вскорѣ они очень тѣсно близились, причѣмъ Коко часто тормозилъ своего товарища, и птица спокойно это переносила. Она не была привязана и могла расхаживать повсюду, но часто добровольно шла къ обезьянѣ, которая всячески потѣшалась надъ нею. Коко не хотѣлъ знать, что у птицы вмѣсто волосъ перья и усердно рылся въ нихъ, ища паразитовъ; птица, наконецъ, такъ привыкла къ этому, что потомъ уже сама приподнимала перья, когда обезьяна приступала къ своему любимому занятію. Добродушное животное не возмущалось даже тѣмъ, что Коко во время чистки сильно дергалъ его то за клювъ, то за хвостъ или крыло, то за ногу. Впослѣдствіи птица постоянно сидѣла возлѣ обезьяны, ѣла ея кормъ, чистилась и даже какъ будто вызывала своего товарища заняться ею. Оба животныя прожили нѣсколько мѣсяцевъ въ тѣснѣйшей дружбѣ, которая продолжалась и въ Хартумѣ, гдѣ птица могла свободно ходить по двору. Только смерть птицы нарушила эти прекрасныя отношенія. Коко остался одинъ и скучалъ. Онъ пытался войти въ сношеніе съ кошками, которыя проходили мимо, но заискиванья его были дурно приняты этими животными; онъ отвѣчалъ на нихъ оплеухами. Однажды онъ даже вступилъ въ настоящій бой со злымъ котомъ; бой этотъ сопровождался страшнымъ шипѣньемъ, мурлыканьемъ и крикомъ, но остался нерѣшеннымъ, хотя котъ, въ концѣ концовъ, все-таки отступилъ. Наконецъ, Коко нашелъ животное, къ которому могъ привязаться, именно, маленькую обезьянку, мать которой была убита. Увидѣвъ сиротку, Коко сильно обрадовался и протянулъ къ ней руки. Мы выпустили маленькое животное, которое тотчасъ же побѣжало къ Коко. Онъ чуть не задушилъ приемыша своими ласками, прижималъ его къ себѣ, радостно ворковалъ и немедленно принялся за очистку его шкурки, бывшей въ запущеніи. Всѣ шипы, занозы, даже пылинки, которые постоянно находятся въ тѣлѣ млекопитающихъ жаркихъ странъ, богатыхъ колючими растениями, были извлечены и выцарапаны. Затѣмъ послѣдовали новыя объятія и другія свидѣтельства большой нѣжности. Если кто-нибудь пытался взять у Коко приемыша, то онъ приходилъ въ ярость, а когда дѣйствительно отнимали у него обезьянку, то онъ дѣлался печальнымъ и сильно беспокоился. Онъ относился къ своему приемышу совершенно такъ, какъ мать къ дѣтенышу, а этотъ послѣдній выказывалъ своему благодѣтелю большую преданность и слушался его безпрекословно. Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ наши попеченія, маленькая обезьянка околѣла черезъ нѣсколько недѣль. Коко былъ внѣ себя отъ горя. Я часто наблюдалъ у животныхъ печаль, но никогда мнѣ не случалось ее видѣть въ столь сильной степени, какъ у этой обезьяны. Онъ бралъ своего мертвого любимца на руки, ласкалъ и гладилъ его, нѣжно мурлыкалъ, сажалъ его на любимое мѣсто и, видя что обезьянка неподвижна и валится, разражался жалобными криками, надрывающими душу. Свойственные обезьянамъ горловые звуки получили выраженіе, которое мнѣ не случалось еще замѣчать: они сдѣлались необыкновенно мягки, трогательны и звучны, а затѣмъ переходили въ печальный, исполненный отчаянія вой. Коко безпрестанно возобновлялъ свои старанія оживить мертвого приемыша и, видя что все напрасно, онъ снова начиналъ жаловаться и выть. Горе облагородило и возбудило его; мы были сильно тронуты и глубоко о немъ сожалѣли. Я наконецъ волялъ отнять обезьянку и, такъ какъ разложеніе началось черезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти, то я приказалъ забросить трупикъ за высокую стѣну. Коко на все это внимательно смотрѣлъ, затѣмъ началъ метаться, какъ безумный, въ нѣсколько минутъ разорвалъ веревку, которою былъ привязанъ, перескочилъ черезъ стѣну, поднялъ трупъ и принесъ его на прежнее мѣсто. Мы привязали его еще крѣпче, снова отняли мертвое тѣло и забросили еще дальше; Коко вторично освободился

и снова притащилъ трупъ. Наконецъ мы зарыли обезьянку, а, полчаса спустя, изчезъ и Коко. На слѣдующій день мы узнали, что около ближайшей деревни, въ рошѣ, гдѣ никогда прежде не водилось обезьянъ, видѣли очень ручную мартышку.

Около мѣсяца спустя, я досталъ себѣ мартышку самку съ дѣтенышемъ и могъ любоваться ихъ взаимными отношеніями, но и этотъ дѣтенышъ скоро околѣлъ, хотя, повидимому, ему не было недостатка ни въ чемъ. Съ тѣхъ поръ мать перестала ѣсть и также умерла черезъ нѣсколько дней.

Испыталъ я, впрочемъ, и капризы этихъ обезьянъ, которыя иногда очень забавляли меня, но часто и сильно сердили. Одинъ мой пріятель имѣлъ мартышку, которая была къ нему очень привязана, но которую невозможно было приучить къ чистоплотности. Ласкаясь къ своему хозяину, она часто пакостила наибезсовѣстнѣйшимъ образомъ, и ни побой, ни другія наказанія, употребляемые въ этихъ случаяхъ, не могли отучить ее отъ этой пакости. Мартышка эта была очень воровата и хватала всѣ блестящіе предметы, которые могла достать и утащить. Пріятель мой жилъ въ зданіи, принадлежащемъ Остъ-Индской компаніи, въ нижнемъ этажѣ котораго помѣщались канцелярія и касса. Окна этихъ комнатъ были защищены отъ воровъ крѣпкими рѣшетками, которыя впрочемъ не могли защитить помѣщеніе отъ маленькихъ плутовъ, вродѣ нашей обезьянки. Однажды мой пріятель замѣтилъ, что оба защечные мѣшка его любимца были сильно набиты; онъ его подозвалъ, наслѣдовалъ его ротъ и нашель за одной щекой три, а за другой двѣ гинеи, которыя были украдены изъ кассы. Деньги, само собой разумѣется, были возвращены кассиру, причемъ его просили запирать окна внизъ, чтобы не дать маленькому вору возможность повторить эту продѣлку.

Я привезъ одну мартышку къ себѣ на родину, гдѣ она скоро приобрѣла расположеніе моихъ родителей и домашнихъ, но позволяла себѣ много шалостей, на примѣръ: она приводила въ совершенное отчаяніе куръ моей матушки, потому что любимымъ ея развлеченіемъ было гоняться за ними и пугать ихъ. Она прогуливалась по кухнѣ, забиралась въ погребъ и кладовыя, лазала на чердакъ и тамъ хватала, грызла, ѣла и таскала все, что попадетъ. Она была большой искусницей находить куриныя гнѣзда: какъ ни пряталась насѣдка, Гассанъ—такъ звали нашу обезьянку—находилъ гнѣздо, вынималъ яйца и выпивалъ ихъ. При этомъ онъ иногда выказывалъ большую понятливость. Однажды мать моя, увидѣвъ, что морда его снова запачкана желткомъ, выбрапила его и больно побила. На другой день онъ привнесъ ей съ уморительными ужимками цѣлое куриное яйцо, положилъ его передъ ней, помурлыкалъ и убѣждалъ. Гассанъ очень любилъ молоко, а еще болѣе сливки, и вскорѣ отлично изучилъ расположеніе кладовой, гдѣ хранились эти вкусныя вещи. Когда представлялась возможность, онъ никогда не упускалъ случая пробраться въ кладовую и полакомиться. Его нѣсколько разъ ловили при этомъ и наказывали; тогда онъ сталъ дѣйствовать хитрѣе: бралъ изъ кладовой цѣлую кринку съ молокомъ, уносилъ ее на дерево и тамъ спокойно выпивалъ. Сначала опорожнивъ посуду, онъ ее безцеремонно бросалъ внизъ, причемъ она, разумѣется, почти всегда разбивалась. За это ему нѣсколько разъ доставалось и онъ сталъ приносить пустыи, но цѣлыя кринки моей матери, что очень потѣшало ее. Въ высшей степени смѣшна была моя мартышка, когда она влѣзала на сильно нагрѣтую печь или дымовую трубу. Гассанъ тогда отчаянно прыгалъ съ ноги на ногу и пускался въ презабавную пляску; у него не хватало соображенія слѣзть съ печки и такимъ образомъ спастись отъ обжого. Гассанъ относился равнодушно ко всѣмъ нашимъ животнымъ, но сильно подружился съ самкой павіана, которую я тоже привезъ домой. Эта послѣдняя нячила его и ласкала, какъ неразумнаго дѣтеныша.

и они так тѣсно обнимали другъ друга, что, казалось, составляли одно существо и ему это очень нравилось. Ночью онъ почти всегда спалъ на рукахъ у павіана. Они бесѣдовали между собою разнообразными горловыми звуками и хорошо понимали другъ друга. Несмотря на свой возрастъ, мартышка выказывала по отношению къ павіану совершенное послушаніе, точно вышеупомянутый приемышъ Коко. Гассанъ всюду слѣдовалъ за павіаномъ, куда бымы его ни водили, и приходилъ тотчасъ въ ту комнату, гдѣ находилась его приемная мать. На дальнія прогулки онъ отправлялся только вмѣстѣ съ павіаномъ, а когда гулялъ одинъ, то никогда далеко не уходилъ и постоянно бесѣдовалъ съ павіаномъ. Онъ позволялъ павіану совершать надъ собой разныя насилія, не сердясь на него, и дѣлилъ съ нимъ всякій лакомый кусочекъ, павіанъ же оставался равнодушнъ и никогда не выражалъ благодарности мартышкѣ. Какъ только Гассанъ не хотѣлъ подѣлиться съ товарищемъ, то отношенія ихъ сейчасъ же измѣнились: павіанъ бросался на него, какъ лютый звѣрь, открывалъ ему ротъ, вытаскивалъ пищу изъ защечныхъ мѣшковъ и пожиралъ ее, причемъ еще и колотилъ бѣдную мартышку.

Съ нами Гассанъ былъ любезнъ, но сохранялъ свою независимость. Онъ шелъ на воевъ, когда хотѣлъ, но часто отвѣчалъ только голосомъ и не дигался съ мѣста. Когда мы его хватали силой, онъ умѣлъ искусно притвориться совѣмъ больнымъ, даже умирающимъ, а выпущенный на свободу мстилъ за совершенное надъ нимъ насиліе кусаніемъ и убѣгалъ съ сердитымъ ворчаніемъ. Вторая холодная зима, которую онъ провелъ въ Германіи, прекратила, къ несчастію, его живую, веселую жизнь, и весь домъ оцлакивалъ его, какъ ребенка: безчисленныя его проказы были тогда забыты, а все помнили только его милую веселость и живой характеръ.

* *

Зеленая обезьяна, абуланджъ или ниснасъ арабовъ (*Cercopithecus sabaens*, *Simia sabaea*, Grünaffe, Grivet) достигаетъ одного метра длины, причемъ хвостъ занимаетъ половину, высота плечъ, при стоянн на четверинкахъ, 40 сантиметровъ. Верхняя часть тѣла покрыта сѣровато-зелеными волосами, на которыхъ замѣтны черныя колечки и кончики; конечности и хвостъ покрыты однообразной пепельно-сѣрой шерстью; короткія бакенбарды бѣловатыя, а корень волосъ черныя; внутренняя и нижняя часть ногъ также бѣловатая; морда, носъ и брови черныя, а лицо свѣтло-бураго цвѣта.

Водящаяся въ Западной Африкѣ мартышка, похожая на абуланджа, которой дали особое названіе *Cercopithecus griseoviridis*, по всемъ вѣроятностямъ, представляетъ лишь разновидность восточно-африканской зеленой обезьяны, такъ что эта мартышка водится на гораздо большемъ пространствѣ, чѣмъ до сихъ поръ предполагали. Во всякомъ случаѣ, извѣстно, что абиссинскій абуланджъ встрѣчается въ приспособленныхъ къ его образу жизни мѣстностяхъ, въ бассейнахъ западныхъ притоковъ Нила.

* *

Другія мартышки отличаются своей красотой. Одна изъ самыхъ извѣстныхъ изъ нихъ—это Діана или бородатая мартышка (*Cercopithecus diana* и *barbatus*, *Simia diana*). Довольно маленькая стройная мартышка, которую легко узнать по длиннымъ бакенамъ и бородѣ. Большая часть тѣла ея темно-сѣрая; спина и крестецъ пурпурово-коричневые; нижнія части тѣла бѣлыя, а задняя сторона бедеръ желтоватая. У самки бороды не бываетъ. Длина тѣла съ хвостомъ одинъ метръ, но хвостъ занимаетъ половину этой длины. Эта обезьяна, точно такъ, какъ и слѣдую-

ЗЕЛЕНАЯ ОБЕЗЬЯНА.

щая, а также мангобей (*C. aethiops*), принадлежит къ числу небольшихъ и самыхъ красивыхъ мартышекъ.

На диану похожа Мона (*C. mona, simia mona. Mone*), но у нея нѣтъ бороды. Лицо и конечности чернаго цвѣта; задняя часть головы, затылокъ и спина ка-

Мона (*Cercopithecus mona*). Диана (*Cercopithecus diana*) $\frac{1}{2}$ наст. вел.

штано-бурого цвѣта; верхняя часть головы темно-бурого, смѣшаннаго съ зелено-лато-желтымъ цвѣтомъ; надъ глазами черная полоса, а надъ нею другая блѣдная полоса; борода желтовато-бѣлая; шея, грудь, брюхо и внутренняя часть переднихъ конечностей бѣлаго цвѣта. Длина туловища взрослого самца 55 см., а хвостъ 60 см. Обѣ послѣднія обезьяны водятся въ западной Африкѣ.

Тамъ же живетъ голуболицая мартышка, Муйдо жителей Лоанго (*C. serhus*,

Bläumattlige Meerkatze. Moustac.), которая такой же величины, как абуландъ, но имѣетъ болѣе яркіе и красивые цвѣта. Спина, затылокъ, голова и наружныя части конечностей оливково-зеленаго цвѣта съ золотистымъ отливомъ. Внутренняя и нижняя часть конечностей голубовато-сѣраго цвѣта, причемъ конецъ рукъ и ногъ дѣлается темнѣе и даже совсѣмъ чернымъ; лице имѣетъ красивый голубой отливъ цвѣта кобальта; на верхней губѣ дугообразное бѣлое пятно, кончики котораго направлены кверху; лице окружено ярко-желтой бородой и бакеннами, которые отдѣлены отъ оливковой шерсти головы черной полосой; хвостъ, отъ кончика и почти до основанія, ржаво-краснаго цвѣта. У здоровыхъ, рослыхъ обезьянъ этого вида, какъ самцевъ, такъ и самокъ, вышеозначенные яркіе цвѣта выступаютъ такъ ясно, что животныя кажутся выкрашенными кистью живописца.

Голуболицыя обезьяны часто встрѣчаются въ Нижней Гвинее, а отъ Юмба на югъ до Конго гораздо многочисленнѣе другихъ видовъ мартышекъ. Любимымъ ихъ мѣстопробываніемъ служатъ обширныя болотистыя лѣса, окружающіе устья рѣкъ до самого моря, а также лѣса гористыхъ частей Гвинеи, гдѣ много падаетъ дождя. Встрѣчаются онѣ также въ мангровыхъ лѣсахъ на берегу моря, гдѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ, онѣ охотятся на ракообразныхъ и другихъ прибрежныхъ животныхъ, такъ какъ эти однообразныя лѣса едва ли могутъ имъ доставить другую пищу. Внутри страны, въ степныхъ мѣстностяхъ, эти обезьяны встрѣчаются очень рѣдко, хотя въ рощахъ и кустахъ, которые повсюду разбѣяны въ степяхъ, можно найти больше лакомыхъ плодовъ, чѣмъ на берегу моря. Поэтому вышеупомянутый видъ мартышекъ слѣдуетъ считать почти исключительными обитателями лѣсовъ, между тѣмъ какъ сродные имъ виды часто цѣлыми стадами скитаются по степлямъ. къ этимъ послѣднимъ относятся вышеописанныя діана, мона и мангобей, а также болѣе темно окрашенныя *S. exlebeni* и *S. nictitans* (Nocheur), а еще чаще—дымчато-сѣрая съ фіолетовымъ лицомъ *S. pygerythrus* (Verret). Въ эти виды однако не такъ многочисленны, какъ голуболицая мартышка, и живутъ въ большими стадами, между тѣмъ какъ Муйдо встрѣчается стадами въ 30 и 40 штукъ.

Описаніе нрава мартышекъ, помѣщенное на страницахъ 134 и 135, относится, главнымъ образомъ, къ вышеописанной голуболицой мартышкѣ. Въ факторіяхъ тѣхъ странъ и на пароходахъ, которые служатъ сообщеніемъ съ Нижней Гвинеей, эта обезьяна встрѣчается очень часто ручною и любима всѣми за ея добродушіе, ласковость, понятливость и веселость нрава. По наблюденіямъ Мехуель-Леше, который изучалъ всѣхъ вышеупомянутыхъ обезьянъ, какъ на свободѣ, такъ и въ неволѣ, эта мартышка выносливѣе другихъ и болѣе способна сдѣлаться ручною. «Одна самка, которая была названа мѣстнымъ именемъ Муйдо и которую я приобрилъ очень молодою на Конго, при хорошемъ уходѣ, жила у меня, какъ домашнее животное почти пять лѣтъ. На этой обезьянѣ я могъ убѣдиться въ томъ, какъ хорошо дѣйствуетъ на нравъ молодыхъ обезьянъ хороший уходъ, обдуманное и внимательное обращеніе, и какъ портится у нихъ характеръ, когда ихъ дразнятъ и мучаютъ. Навѣрно писали бы рѣже о злости, раздражительности и хитрости ручныхъ обезьянъ, еслибы ихъ съ ранней юности оберегали отъ всякихъ дурныхъ вліяній, что составляетъ, конечно, первое правило хорошаго воспитанія. Старыя обезьяны рѣдко могутъ доставить удовольствіе въ ручномъ состояніи, потому что онѣ слишкомъ много натерпѣлись. Совершенно несправедливо утверждать, что характеръ этихъ обезьянъ самъ по себѣ дурной; гораздо вѣрнѣе, что люди сами портятъ ихъ нравъ часто повторяющимся поддразниваніемъ и даже мученіями, которыя они позволяютъ себѣ относительно этихъ животныхъ чаще, чѣмъ относительно другихъ; этимъ они убиваютъ всѣ хорошіе задатки въ обезьянахъ и воз-

буждаютъ дурные. Нѣкоторые шимпанзе, два гориллы и нѣсколько маленьких обезьянъ, которыхъ я самъ воспитывалъ, доказали мнѣ, что воспитаніе можетъ значительно улучшить нравъ обезьяны. Поэтому нельзя судить о нравѣ ручныхъ обезьянъ по тѣмъ экземплярамъ, которые уже много перенесли и прошли черезъ многія руки; для этого слѣдуетъ взять питомцевъ, пойманныхъ въ лѣсу молодыми и съ которыми разумно обращаются; во всякомъ случаѣ, всякія другія обезьяны уже непригодны для опытовъ прирученія».

Наша обезьянка, съ самаго дѣтства тщательно оберегаемая отъ всѣхъ дурныхъ вліяній, пользовалась, по приѣздѣ въ Европу, неограниченной свободой; она безпрепятственно бѣгала по всѣмъ комнатамъ, прыгала по столамъ и шкафамъ, но такъ проворно и осторожно, что никогда ничего не разбивала; влѣзала на окна, кружилась по балкону, бѣгала по карнизу дома и, спустившись по водосточной трубѣ, возилась на дворѣ и въ саду. Какъ послушная собачка, сопутствовала она намъ во время продолжительныхъ прогулокъ по лѣсамъ и полямъ, ловила себѣ пауковъ, бабочекъ и кузнечиковъ, изъ которыхъ послѣдніе были ея любимымъ лакомствомъ, и рѣзвилась сколько душѣ было угодно. Эти прогулки очевидно и въ значительной степени укрѣпляли ея здоровье и закалили настолько, что въ послѣдствіи она могла безъ вреда валяться по свѣженапавшему снѣгу. Во время этихъ прогулокъ она любила забавляться съ встрѣчавшимися людьми но съ нѣкоторымъ выборомъ.

Напримѣръ, она особенно любила пугать крестьянъ, быстро и съ шумомъ выскакивая на нихъ изъ засады, но при этомъ вреда имъ никогда не причиняла. Она охотно играла съ маленькими собачками, а большихъ избѣгала, но когда послѣднія нападали на нее, то она безстрашно бросалась, вспрыгивала имъ на спину, давала пощечины, теребила за уши, кусала и царапала ихъ съ такимъ усердіемъ, что нападавшія, какъ безумныя, убѣгали отъ нея. Лягушекъ и ящерицъ она вовсе не боялась, но и не обижала ихъ. Если у нея были запачканы руки, то она старалась, какъ можно скорѣе, ихъ вычистить, и если это ей недостаточно удавалось, она обращалась за помощью къ намъ.

Но эта обезьяна насъ очень стѣсняла своей дурной привычкой, отъ которой ее никакъ нельзя было отучить: она постоянно пачкала въ комнатахъ. Въ другихъ случаяхъ, она по первому приказанію влѣзала въ свою клѣтку, сама запирала за собой дверцу и забиралась въ свою корзинку; простое шиканье останавливало ея проказы. Изъ игрушекъ она больше всего любила мягкія куклы, большіе и маленькіе резиновые мячики, пробки и деревяшки; которая-нибудь изъ нихъ нѣкоторое время предпочиталась и бралась съ собой въ постель; остальные же тщательно прятались за и подъ шкафы, въ складки драпировокъ и т. п. и съ этого времени считались собственностью, такъ что дотронуться до игрушки или взять ее считалось посягательствомъ на ея имущество. Она имѣла обыкновеніе прятать въ своихъ обширныхъ защечныхъ мѣшкахъ всевозможные предметы, которые всюду подбирала, и преимущественно маленькіе, не болѣе грецкаго орѣха. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ она питала особенную страсть, и если они у насъ исчезали, то можно было безошибочно найти ихъ у нея, почему моя жена скоро приняла за правило каждый вечеръ опоражнивать ея защечные мѣшки. Сначала обезьяна сильно этому противилась, но потомъ сама выкладывала свои сокровища, какъ только ее брали на руки. Опоражниваніе защечныхъ мѣшковъ облегчалось тѣмъ, что обезьянка, глядя и потирая щеку руками, выдавливала оттуда содержимое. Тогда появлялись камушки, горохъ, монеты, бобы, пробки, гвозди, наперстки и многія другія вещи. Ненужные предметы оставляли ей, такъ какъ она никогда ничего

не теряла. (Слѣдуетъ позволять всѣмъ обезьянамъ продѣлывать это, такъ какъ набиваніе зашечныхъ мѣшковъ полезно для ихъ здоровья).

Чрезвычайно охотно разсматривала она книжки съ картинками, особенно ярко раскрашенныя, причѣмъ тщательно и послѣдовательно ихъ перелистывала. Сначала она быстро пробовала схватывать изображенія пауковъ и кузнечиковъ, были ли они раскрашены или нѣтъ, но скоро она убѣдилась, что ихъ ѣсть нельзя. Изображенія змѣй и ящерицъ ее не пугали, хотя она ихъ и узнавала, что можно было замѣтить по измѣненію выраженія ея лица и по ея голосу.

Питалась она тѣмъ, что подавали за обѣдомъ, исключая бутербродовъ и молока, которыхъ она не ѣла. Страстно любила она лукъ и густо намазанные горчицей кусочки хлѣба: правда, при этомъ она корчила страшныя гримасы и отчаянно прыгала, но все-таки съѣдала ихъ съ удовольствіемъ. Чернила ей тоже были по вкусу; чтобы достать ихъ, она вынимала перо изъ воронки, облизывала его и осторожно клала въ сторону и до тѣхъ поръ макала въ чернильницу палець, пока не находила это достаточнымъ. Къ табачному дыму она питала полное отвращеніе; красное вино и пиво пила очень охотно, но пьяною не напивалась: болѣе же всего ей нравилось лизать пивную пѣну. Съ большимъ удовольствіемъ ѣла она также всевозможные сорта фруктовъ и ягодъ, особенно же любила смородину, землянику и крыжовникъ, которые она очень аккуратно рвала съ кустовъ, не разбрасывая кругомъ, какъ прочія обезьяны, живущія на волѣ. Лицъ она не ѣла и никогда не разорила гнѣздъ; напротивъ того, была въ большой дружбѣ съ парой мухоловокъ, которыя ежегодно вили гнѣзда у насъ на балконѣ, а также и съ другими птицами, особенно же съ синицами (*Parus Lin.*) и съ маленькими дятлами, которыхъ мы обыкновенно кормили на окнѣ и до того приручили, что они безбоязненно влетали въ комнату.

День ея начинался посѣщеніемъ стола, гдѣ мы пили кофе. Какъ только обезьянка вылѣзала изъ-подъ одеяла своей постельки, она отворяла двери клѣтки и быстро вскакивала на столъ, чтобы не пропустить зажиганія спиртовой лампы подъ кофейной машинкой; зажженная спичка отдавалась ей, и она тушила, ударяя по ней и вертя ее между руками. Потомъ она вставала на заднія лапы передъ зажженною машинкой и грѣлась около нея; вспыхиваніе лампочки и кипѣніе воды наблюдала она съ большимъ вниманіемъ; затѣмъ моя жена ее старательно чесала щеткой, что ей очень нравилось, и она принимала при этомъ самыя удобныя для чистки положенія; мытье лица водой она не очень любила, а купанье и мытье мыломъ, что дѣлалось ежедневно, она не могла выносить.

Нѣкоторые гости ей нравились, другіе не нравились и въ своемъ расположеніи она была очень постоянна и легко узнавала тѣхъ, которыхъ видѣла. Своихъ пріятелей и пріятельницъ она довѣрчиво дергала за платье, приглашая этимъ ею заняться; вскакивала къ нимъ на колѣни, позволяла себя гладить, чесать и была такъ ласкова, что приобрѣла себѣ многихъ друзей. Лицъ, которыя ей были непріятны, она старалась не замѣчать, а если они съ ней заигрывали, то она убѣгала или вставала на заднія лапы и грозила имъ руками. Если же эти лица, несмотря на это, все-таки приближались или же смѣялись надъ ней, то она изображала изъ себя «василиска» (такъ пазывали мы въ шутку это положеніе), т. е. она вытягивалась на четверенькахъ, прижимала уши къ головѣ, широко разѣвала ротъ, высовывала языкъ, рычала и дѣлала угрожающія движенія. Тогда приходилось намъ вступаться, потому что иначе она бросалась на человѣка. По нашему приказанію, обезьянка бросалась, какъ собака, на людей, птицъ и т. д. Наблюденія показывали, что она составляла себѣ понятіе о людяхъ по наружному виду: ласковое выраженіе лица,

приятный голосъ, плавныя движенія привлекали ее; напротивъ того, люди съ рѣзкими движеніями съ суровымъ взглядомъ, громкимъ и грубымъ голосомъ ее отъ себя отталкивали. Съ дѣтьми она играла чрезвычайно охотно, была съ ними терпѣлива; палила, боролась съ ними и убѣгала только тогда, когда дѣти начинали ее уже слишкомъ мучить. Она ни разу не укусила и не оцарапала ребенка, ни когда даже не грозила имъ; это были ея лучшіе друзья.

«Обезьянка наша была въ сильной степени привязана къ моей женѣ. Она считала себя ея защитникомъ и кто до нея дотрогивался или даже просто хотѣлъ пожать руку, тотъ находилъ животное готовымъ ее защитить, причемъ она садилась около жены или на ея плечѣ, или на колѣняхъ. Когда моя жена тяжело захворала, обезьянка очень грустила и по цѣлымъ часамъ сидѣла у запертыхъ дверей ея комнаты, жалобно прося ее впустить. Когда, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль ее впустили къ женѣ, она быстро вскочила къ ней на кровать, ласкалась, тихонько мурлыча, нѣжно обнимала ее и увести себя ни за что не позволила.

«Тутъ мы сдѣлали большую ошибку. До сихъ поръ Муйдо насъ сопровождалъ во всѣхъ путешествіяхъ, но, такъ какъ намъ нужно было ѣхать на довольно продолжительное время въ южную Африку, то мы его оставили въ Европѣ, у нашего пріятеля, очень любезнаго человѣка, и хорошо умѣвшаго обращаться съ животнымъ; Муйдо его зналъ и любилъ. Къ сожалѣнію, за два мѣсяца до нашего возвращенія любимецъ нашъ попалъ въ другія руки и тамъ его сильно дразнили и мучили, какъ это обыкновенно дѣлаютъ съ обезьянами. Въ это короткое время Муйдо совсѣмъ намѣнился: онъ сталъ пугливъ и раздражителенъ; его шерсть взъерошилась и потеряла блескъ; у него оказалось нѣсколько сломанныхъ и худо сросшихся пальцевъ, такъ что онъ плохо владѣлъ одной рукой. Веселость и шаловливость у него совсѣмъ пропали; онъ сталъ непонятливъ, дикъ, очень пугливъ и недоверчивъ; онъ отъносился враждебно ко всѣмъ людямъ и приходилъ въ большую ярость отъ шутокъ, которыя прежде переносилъ очень хорошо, но которыя, вѣроятно, напоминали ему испытанныя мученія. такъ что отъ звука незнакомаго голоса онъ приходилъ уже въ сильное возбужденіе. Нашъ любимецъ не доставлялъ намъ уже прежняго удовольствія, и мы не могли при немъ принимать чужихъ. Продолжительный и внимательный уходъ нѣсколько смягчилъ его нравъ, но совершенно измѣнить его уже оказалось невозможнымъ. Хорошія качества нашей обезьянки высказались, впрочемъ, еще разъ, когда у насъ родился мальчикъ: маленькій, беспомощный ребенокъ возбудилъ въ Муйдо большое вниманіе и нѣжность. Сначала мы боялись за ребенка, но вскорѣ убѣдились, что можно спокойно оставлять его съ обезьяной, даже безъ надзора; Муйдо сталъ снова любезенъ и послушенъ. Когда мальчикъ началъ ползать по комнатѣ, то весело было смотрѣть на ихъ игру: ребенокъ и обезьяна сдѣлались лучшими пріятелями, валялись вмѣстѣ на коврѣ, дергали другъ отъ друга платки и были очень довольны. Когда мальчика выводили гулять, то обезьянку нужно было непременно брать съ собой и мы могли себя позволить сопровожденіе этого страннаго спутника, такъ какъ жили почти внѣ города. Но въ этой дружбѣ оказалось нѣкоторое неудобство: согласно своему обезьяньему нраву, Муйдо сдѣлался ужасно ревнивъ. Онъ считалъ ребенка своею собственностью и думалъ, что другіе хотятъ его обижать; никто не смѣлъ его трогать и ласкать. Если бы обезьяна могла исполнять все то, что необходимо при уходѣ за ребенкомъ, то съ этой ревностью можно было бы отчасти примириться; но, такъ какъ она толково ухаживать за нашимъ мальчикомъ все-таки не могла, то вышли крупныя недоразумѣнія: Муйдо нападалъ на няньку и даже разъ укусилъ мою жену. Наконецъ дошло до того, что я одинъ могъ при обезьянѣ брать ребенка на руки и ласкать его. Когда мальчика въ комнатѣ не было, на примѣръ, вечеромъ, когда онъ спалъ, то Муйдо

былъ любезенъ съ женой и ласкался къ ней, но, въ присутствіи ребенка, онъ думалъ только о своемъ питомцѣ и защищалъ его отъ всѣхъ постороннихъ людей. Подобное поведеніе обезьяны превратилось въ какое-то безуміе и ее никакъ нельзя было отъ этого отучить. Мы были наконецъ принуждены удалить обезьяну, что намъ было очень тяжело, такъ какъ Муйдо жилъ у насъ почти пять лѣтъ. Мы его отдали въ частный зоологическій садъ Пинкерта, въ Лейпцигѣ.

«Обезьяна эта имѣла очень разнообразный голосъ. Мы различали у нея тринадцать отдѣльныхъ простыхъ или сложныхъ звуковъ, начиная отъ тихаго, почти мелодическаго, выразительнаго щебетанья и мурлыканья, обозначавашаго просьбу, удовольствіе и вообще благосостояніе, до громкаго, рѣзкаго писка и шипѣнья, выражавшаго ярость; отъ едва слышнаго «тукъ, тукъ», которое она издавала, напримѣръ, вечеромъ, когда немного боялась оставаться въ неосвѣщенной комнатѣ, до очень громкаго «тээк!» выражавшаго сильный испугъ. Кромѣ этого, замѣчалось еще разнаго рода тьяканье, ворчанье, мурлыканье и крикъ, испускаемый въ различныхъ случаяхъ возбужденія. Всего удивительнѣе было то, что мы называли его «привѣтствіемъ солнцу». Когда утромъ солнечные лучи въ первый разъ освѣщали комнату, Муйдо отыскивалъ на окнѣ, на столѣ или на полу сильно освѣщенное мѣсто, становился на немъ на заднія лапы, тихо поднималъ руки вверхъ, вытгивалъ губы и громкимъ груднымъ голосомъ выкрикивалъ, пять или шесть разъ сряду, большую половину хроматической гаммы, которую оканчивалъ очень продолжительнымъ звукомъ «о». Это были очень странные звуки, которыхъ я никогда не слыхалъ у другихъ обезьянъ. О музыкальныхъ способностяхъ нашей обезьяны уже говорилось ранѣе.

* * *

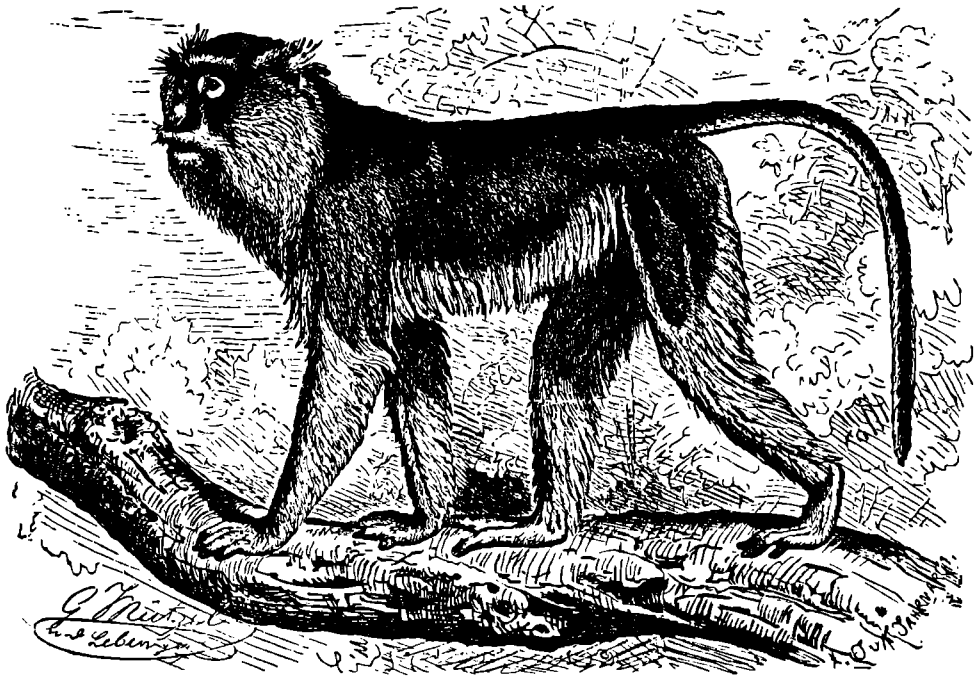
Не всѣ мартышки такъ милы и пріятны, какъ вышеописанные виды; нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ того, ворчливы и непривѣтливы. По моимъ наблюденіямъ, Гусарь (*Scoropithecus guber, pithonotusupatas, Der Huzar. Le Patas*), принадлежитъ къ числу скучнѣйшихъ и дикихъ мартышекъ; другіе наблюдатели, можетъ быть, и могутъ сказать о немъ что-нибудь хорошее. Обезьяна эта, вѣроятно соотвѣтствуетъ каллитрихѣ Плинія. По росту она на половину или, по крайней мѣрѣ, на треть больше предыдущихъ видовъ. Лицо у нея черное, носъ бѣловатый, бакенбарды совсѣмъ бѣлыя, на головѣ у нея темно-красное пятно съ темнымъ ободкомъ, верхняя часть тѣла глянцовитаго, ржаво-краснаго или золотисто-краснаго цвѣта; нижняя часть тѣла и внутренняя часть конечностей—бѣлая. Область распространенія этой обезьяны простирается отъ западнаго берега Африки до Абиссиніи, но вездѣ она встрѣчается рѣже, чѣмъ абуланджъ. Я видалъ, сколько мнѣ помнится, гусара только нѣсколько разъ въ лѣсахъ Голубого Нила, южнѣ Сенаара; Гейглинъ и Гартманнъ встрѣчали его чаще, преимущественно въ небольшихъ степныхъ рощахъ или въ высокой травѣ, цвѣтъ которой нѣсколько соотвѣтствуетъ окраскѣ его шерсти. По своимъ внутреннимъ качествамъ онъ, кажется, совершенно противоположенъ абуланджу. Выраженіе его лица ворчливо и очень нелюбезно, и поступки его соотвѣтствуютъ этой внѣшности. Пока онъ молодъ, онъ все-таки нѣсколько привѣтливъ, въ старости раздражительность его такъ усиливается, что сношенія съ нимъ дѣлаются невозможными. Онъ относится недружелюбно ко всѣмъ другимъ существамъ, не исключая и прочихъ видовъ обезьянъ; во всѣхъ онъ видитъ враговъ, все, повидимому, ему надоѣдаетъ и самая невинная дѣйствія принимаетъ онъ за обиды. Простой взглядъ ужъ сердитъ его, а хохотъ приводитъ въ сильную ярость. Тогда онъ широко открываетъ ротъ и показываетъ свои относительно очень большіе зубы, а, если окажется возможнымъ, то больно кусаетъ своихъ враговъ. Да-

сковья слова на него не дѣйствуютъ, а побои не только не улучшаютъ, но еще болѣе портятъ его нравъ. Сколько мнѣ помнится, я ни разу не видалъ дѣйствительно ручнаго, стараго гусара, а встрѣчалъ только сердитыхъ и злыхъ обезьянъ этого вида. Продажныхъ обезьянъ этой породы привозятъ изъ Гвинеи, а иногда и изъ Египта, куда гусары доставляются изъ Судана.

* * *

Новые изслѣдователи отдѣляютъ большихъ мартышекъ съ сильно выдающимися надглазными дугами и непарнымъ бугоркомъ на заднихъ нижнихъ коренныхъ зубахъ въ особый родъ Мангабъ (*Cercosebus*), хотя, по другимъ признакамъ, они похожи на прочихъ мартышекъ. Название мангабъ дано имъ торговцами, кото-

Гусарь. $\frac{1}{2}$ ест. вел. *Cercopithecus ruber*.

рые привозятъ ихъ въ Европу. Одна изъ наиболѣе извѣстныхъ обезьянъ этой группы есть черномазая обезьяна или обыкновенный мангабъ (*Cercopithecus* [*Cercosebus*] *fuliginosus*, *Mohrenaffe*). Онъ достигаетъ довольно большой величины; туловище имѣетъ 65 см. длины, а хвостъ 60 см.; высота плечъ—40 см. Верхняя часть тѣла окрашена въ совершенно черный цвѣтъ, который на животѣ и на внутреннихъ сторонахъ конечностей переходитъ въ темно-сѣрый. Лицо и руки также черныя, а верхнія вѣки почти чисто бѣлыя. Въ последнее время его довольно часто привозятъ въ Европу съ западнаго берега Африки. По своему образу жизни онъ похожъ на другихъ мартышекъ, но, какъ мнѣ кажется, отъ нихъ отличается болѣе суровымъ и ворчливымъ нравомъ.

Очень похожую на него обезьяну, водящуюся также въ западной Африкѣ, *Cercopithecus albigena*, описываетъ Пехуель-Леше слѣдующимъ образомъ: «Мбу-кumbu, такъ называютъ его туземцы берега Лоанго, живетъ въ большихъ лѣ-

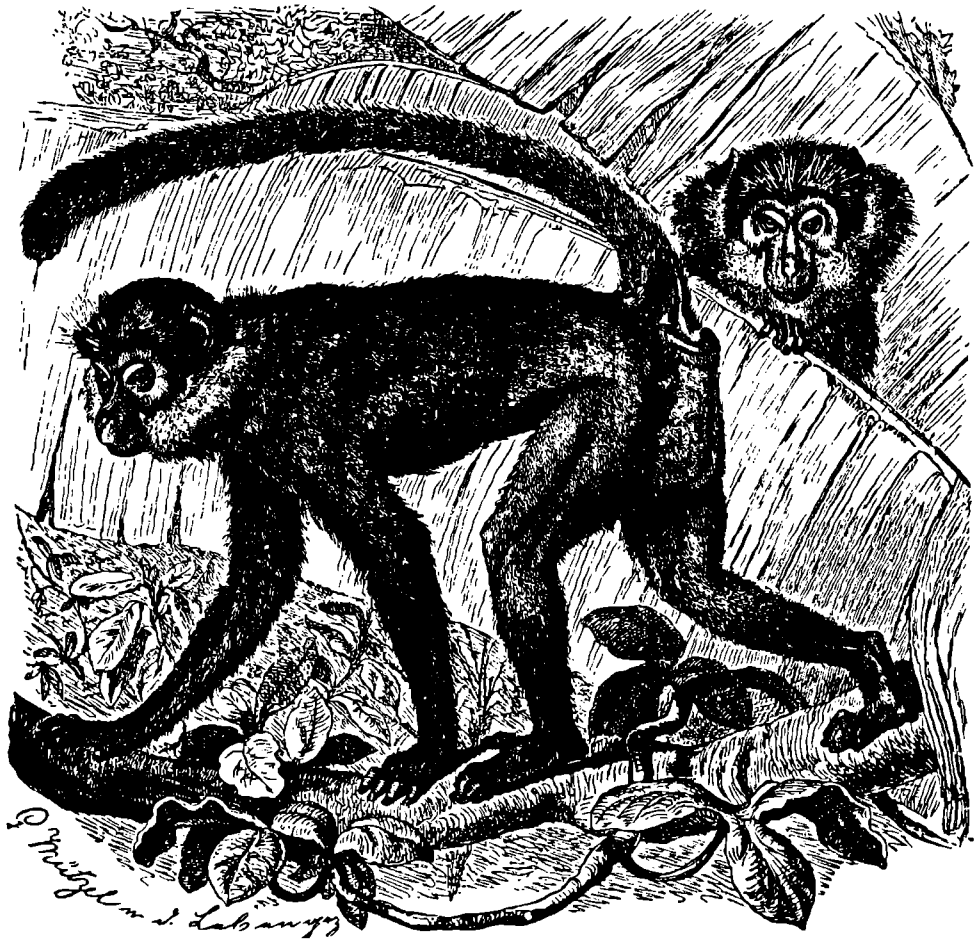
*

сахъ, но нигдѣ часто не встрѣчается и никогда не собирается въ большія стада, а его можно видѣть небольшими группами въ двѣ, три обезьяны; старые самцы живутъ отдѣльно. Онъ не такъ подвиженъ, какъ другія мартышки, но также очень ловко лазаетъ по вѣтвямъ, дѣлаетъ чрезвычайно большіе прыжки, по землѣ бѣгаетъ скоро и ловко плаваетъ. Когда онъ сердится, то у него поднимается на головѣ чубъ, онъ грозно смотритъ на противника, мотааетъ головой и открываетъ ротъ, гдѣ видны большіе зубы. Самой сильной изъ нашихъ овчарокъ разъ, очень досталось отъ этой обезьяны и вполнѣдствіи она боялась даже ручныхъ обезьянъ этого вида. Названіе свое «мбукумбуку» обезьяна эта получила по своему крику, который, кажется, издается громко только самцомъ. Крикъ этотъ двойкаго рода: или быстрое и часто повторяемое громкое ворчанье, вродѣ: «ху-у, ху-у, ху-у» или ворчанье съ паузами, вродѣ громкаго вздоха: «ухъ или уфъ». При первомъ крикѣ, который иногда произносится быстро, иногда же очень протяжно, первый слогъ «ху» производится выдыханіемъ, а второй «у» вдыханіемъ. Онъ звучитъ, какъ звяканье или ворчанье и сопровождается гримасами, поднятіемъ чуба, выгибаніемъ спины и поднятіемъ кверху длиннаго хвоста. Такъ какъ эта черномазая обезьяна часто нѣсколько минутъ сряду любитъ такимъ образомъ выкрикивать, то издали кажется, что кто-то громко и сердито бранится. Въ дремучемъ лѣсу, при хорошихъ условіяхъ, голосъ черномазой обезьяны слышенъ на разстояніи нѣсколькихъ километровъ. Съ нимъ въ этомъ отношеніи соперничаетъ большая пестрая птица, *Turdus cristatus*, которая живетъ въ тѣхъ же лѣсахъ и отличается также очень громкимъ голосомъ. Когда эта мартышка кричитъ, то чаще всего садится на не очень высокую вѣтвь дерева, растущаго на берегу рѣки; она взлѣзаетъ туда, точно на кафедру, а когда кончаетъ орать, то уходитъ въ лѣсъ. Замѣчалъ я однако, что она кричитъ и въ густомъ лѣсу, лакомясь ягодами деревень, что очень выгодно для охотника, такъ какъ онъ можетъ, услышавши крикъ, подкрасться и убить животное. При пріятномъ ощущеніи, вродѣ «ху-у», обезьяна выкрикиваетъ нѣсколько разъ сряду «хо, хо». Голосъ ея довольно пріятный, но, какъ уже сказано выше, очень громкій. Поэтому туземцы даютъ въ видѣ насмѣшки, названіе мбукумбуку тѣмъ людямъ, которые любятъ громко и часто кричать.

Эта обезьяна вообще обладаетъ очень разнообразными голосовыми средствами. На нашемъ дворѣ жила ручная черномазая обезьяна, красивый, большой самецъ, котораго мы назвали «Арапъ»; мы у него замѣчали четыре сложныхъ звука, которыми онъ выражалъ свои желанія. Два звука онъ издавалъ такъ правильно и цѣлесообразно, что можно было съ увѣренностью знать, чего Арапъ хочетъ: хочетъ ли онъ ѣсть или пить, или желаетъ устраненія какого-нибудь неудобства, встрѣчающагося въ его обезьяней жизни. Онъ спалъ обыкновенно въ бочкѣ, которая была придѣлана къ довольно высокой жерди, и былъ привязанъ къ ней на веревкѣ. Когда косою дождикъ попадалъ въ бочку, и онъ жалалъ, чтобы отверстіе ея было повернуто въ сторону, или, если веревка его запутывалась и онъ не могъ ее освободить, то Арапка, даже ночью, звалъ меня своимъ образнымъ крикомъ, который я буквами передать не берусь, но который былъ понятенъ для всѣхъ насъ. Всѣ другія наши обезьяны, за исключеніемъ гориллы, никогда не кричали, чтобы позвать отсутствующихъ людей; онѣ издавали ерши отъ радости, испуга, гнѣва или какой-нибудь непріятности, но вовсе не имѣли въ виду позвать ими людей себѣ на помощь.

Арапка обладалъ большими способностями, которыя значительно развились отъ нашего воспитанія. Его поступки и особенности характера, не лишенаго

лукства, доставляли намъ большое удовольствіе. Онъ привязывался къ людямъ и былъ благодаренъ тѣмъ, кто оказывалъ ему услуги, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно и безповоротно ненавидѣлъ тѣхъ, кто намѣренно причинилъ ему какую-нибудь непріятность. Какъ существо необузданное и смѣлое, сильное и ловкое, Арапка былъ пріятнымъ другомъ и очень непріятнымъ врагомъ; его можно было, какъ собаку, науськать на нелюбимыхъ имъ людей. Когда онъ срывался съ

Черномазая обезьяна (*Cercopithecus puliginosus*). $\frac{1}{6}$ ест. вел.

веревки, что случалось часто, то большинство нашихъ служителей бѣжало и пряталось, такъ какъ онъ, съ быстротою молніи, нападалъ на тѣхъ изъ нихъ, на которыхъ почему-либо сердился, рвалъ у нихъ платье, дралъ волосы, парался, билъ по щекамъ и часто больно кусался. Такъ какъ онъ былъ грузенъ и очень силенъ, то могъ съ разбѣга повалить даже взрослого человѣка. Женщинамъ и дѣвушкамъ, которыя приходили къ намъ утромъ съ провизіей, онъ не дѣлалъ никакого вреда, но обшаривалъ ихъ корзинки и бралъ оттуда то, что нравилось, въ чемъ ему часто помогалъ и нашъ горилла. Иногда онъ ловилъ курицу или голубя, которыхъ, впрочемъ, старался у него какъ можно скорѣе отнять;

разъ онъ убѣжалъ со своей добычей въ сосѣдній лѣсъ, но на слѣдующій день самъ вернулся назадъ. Арапка былъ лучшимъ товарищемъ нашему гориллѣ, боролся съ нимъ и они вдвоемъ затѣвали оживленные игры; кромѣ того онъ подружился съ бараномъ «Мфука», который на нашемъ дворѣ принялъ на себя надзоръ за порядкомъ. Баранъ самъ часто подходилъ къ обезьянѣ, которая садилась къ нему на голову или шею и позволяла себѣ производить надъ нимъ разные неумѣстные шутки. Арапка былъ привязанъ на длинной тонкой бичевкѣ и могъ влѣзть на крышу влѣтки, гдѣ жили шимпанзе и мартышки. Крыша эта возвышалась на два метра надъ землей. Силу и ловкость прыжковъ этой обезьяны можно видѣть изъ того, что, когда я останавливался на семь метровъ отъ крыши, гдѣ онъ сидѣлъ, вытягивалъ обѣ руки и кричалъ ему: «скачи, Арапка!», то онъ съ радостнымъ ворчаньемъ, однимъ скачкомъ, прыгалъ на мои руки, гдѣ сразу становился въ равновѣсїи. Если я отходилъ дальше, то онъ отказывался прыгать, такъ какъ въ точности зналъ свои силы. Передъ прыжкомъ онъ всегда внимательно осматривалъ свою бичевку и бросалъ ее впередъ, чтобы она не мѣшала ему.

Арапка умѣлъ развязывать сложный узелъ своей веревки, если его не скрѣпляли закрученной мѣдной проволокой: при этомъ онъ никогда не развязывалъ того узла, который находился у кольца на жерди, а всегда старался распутать тотъ, которымъ бичевка была прикрѣплена къ поясу, чтобы веревка не волочилась за нимъ. Если его веревка гдѣ-нибудь запутывалась, то онъ внимательно разсматривалъ ее по всей длинѣ и почти всегда ему удавалось распутать ее. Наши очень умные павіаны не могли дѣлать того же и должны были въ этомъ случаѣ обращаться за помощью къ людямъ, которыхъ терпѣливо ожидали, но никогда не призывали. Арапка выдумывалъ иногда для своей и нашей забавы удивительные кунштюки. Разъ поставили пустой ящикъ недалеко отъ его жерди; онъ скоро прыгнулъ на него и, стуча руками и ногами, радовался производимому шуму. Затѣмъ онъ сталъ безостановочно прыгать отъ ящика къ жерди и наоборотъ, но это ему не показалось достаточно хитро, тогда онъ сѣлъ на край ящика, спиной къ жерди и задомъ прыгнулъ, кувырнувшись такъ, что прицѣпился къ жерди внизъ головой, а затѣмъ, обратнымъ прыжкомъ, снова очутился на краю ящика. Этотъ трудный прыжокъ онъ потомъ сталъ дѣлать такъ часто и такъ быстро, что леталъ между жердью и ящикомъ, точно каучуковый мячикъ. Черезъ нѣсколько времени онъ совершилъ тотъ же прыжокъ, уже перекувырнувшись предварительно на воздухѣ. Кромѣ того онъ болѣе другихъ обезьянъ любилъ качаться и дѣлалъ это самымъ разнообразнымъ способомъ. На деревѣ, которое росло недалеко отъ него, на крышѣ хижины и на своей бочкѣ онъ нашелъ нѣсколько мѣстъ, гдѣ можно было зацепить или закрутить его веревку и онъ пользовался этимъ очень цѣлесообразно, чтобы въ всякомъ положенїи раскачиваться на своей веревкѣ, производя при этомъ какъ можно болѣе большіе размахи. Въ то же самое время онъ умѣлъ очень хорошо примѣняться къ разстояніямъ и вымѣрять свою веревку, на которой качался, самымъ аккуратнымъ образомъ; если она была слишкомъ коротка или длинна, то онъ лѣзъ на верхъ и исправлялъ этотъ недостатокъ. Разъ испытанный способъ прикрѣпленія бичевки онъ умѣлъ примѣнять и вторично, даже тогда, когда случай къ этому являлся только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Смѣшнѣе всего было на него смотрѣть, когда онъ старался разгадать что-нибудь для него непонятное, напримѣръ, когда мы около него разставляли астрономическіе инструменты и производили наблюденія. Арапка иногда садился около насъ на землю, ящикъ или бочку и принималъ положеніе человѣка, который о чемъ-либо серьезно размы-

Дарья Цукер, С.П.Б. 14 Авг. 1904.

Хромолит Т. Кнебель, С.П.Б.

МАКАКИ

плететь, подпираетъ рукою подбородокъ или клалъ указательный палецъ себѣ на губы, и, тихо мурлыча, внимательно слѣдилъ за всѣми нашими движеніями, иногда же начиналъ браниться вышеозначеннымъ способомъ. Онъ былъ такъ интересенъ въ этомъ положеніи, что Фалькенштейнъ его сфотографировалъ. Нѣкоторые другія обезьяны этой породы, которыхъ я видѣлъ на африканскихъ факторіяхъ, были точно такъ же понятливы, какъ и нашъ Арапка, и потому очень любимы своими хозяевами».

* *

Манаканами или манано (*Macasus*) называютъ въ западной Африкѣ разныхъ обезьянъ, но въ наукѣ этимъ именемъ обозначаютъ не очень многочисленную группу, виды которой, за исключеніемъ одного, живутъ въ юго-восточной Азіи. Макаки отличаются слѣдующими признаками: тѣлосложеніе у нихъ приземистое, сильныя конечности не очень длинны; морда выдается не болѣе, чѣмъ у другихъ мартышекъ, личной уголь отъ 40° до 50°; подбородокъ толстый, носъ выдающийся, ноздри довольно малы и лежатъ близко одна къ другой; на короткихъ большихъ пальцахъ рукъ и гораздо болѣе длинныхъ большихъ пальцахъ ногъ сидятъ плоскіе ногти; на прочихъ пальцахъ ногти имѣютъ форму черепицъ. На заднихъ сторонахъ голыхъ щекъ замѣтны довольно большія мозоли. Хвостъ бываетъ различной длины и толщины: у иныхъ достигаетъ длины туловища, а другихъ почти вовсе незамѣтенъ. Защечные мѣшки и сѣдалищные наросты велики. Къ особенностямъ этихъ животныхъ слѣдуетъ отнести еще то, что у нѣкоторыхъ видовъ волоса на головѣ раздѣлены проборомъ, у другихъ же на почти голомъ черепѣ возвышается на теменн пучекъ волосъ, на манеръ парика; у нѣкоторыхъ бакенбарды совсѣмъ нѣтъ, у другихъ онѣ очень сильно развиты.

Въ первобытныя времена макаки заселяли большую часть Европы и теперь еще они заходятъ на сѣверъ дальше другихъ обезьянъ. Безхвостые виды живутъ въ сѣверной Африкѣ, Японіи и Китаѣ, а длиннохвостые—на материкѣ и островахъ Остъ-Индіи. Они замѣняютъ въ этихъ странахъ мартышекъ, но во многомъ похожи и на павіановъ, и живутъ, иногда, какъ первыя, въ лѣсахъ, иногда же, какъ послѣдніе, на скалахъ. Макаки соединяютъ въ себѣ безстыдство мартышекъ и павіановъ. Въ молодости они очень милы и веселы, какъ мартышки, а въ старости злы и дерзки, какъ павіаны. Ихъ очень удобно держать въ неволѣ и они переносятъ ее лучше другихъ обезьянъ, даже размножаются въ неволѣ довольно легко; поэтому извѣстно, что у нихъ беременность продолжается семь мѣсяцевъ. Во время течки половыя части самокъ распухаютъ, какъ у самокъ павіановъ.

* *

Наиболѣе извѣстный видъ этого рода—это Манакъ или Явайская обезьяна, которую на Явѣ называютъ Моньетъ (*Macasus cynomolgus*, *Cynomolgus cynopetalus*, Макак. *Macaque de Buffon*). Онъ достигаетъ 1,15 метра длины, изъ которыхъ хвостъ занимаетъ отъ 50 до 58 см. Высота (на четверинкахъ) 45 см. Бакенбарды очень коротки; волоса на головѣ у самцовъ плоскіи, у самокъ же взъерошены на темени. На верхней части тѣла шерсть оливково-бурая, перемѣшанная съ чернымъ. На нижней части тѣла она довольно рѣдка и свѣтло-сѣраго цвѣта. Внутреннія стороны конечностей сѣрыя. Кисти, ступни и хвостъ—черные. Раекъ глаза—коричневый. По Бленфорду, можно различить еще двѣ разновидности этой обезьяны: одну—съ темной окраской и черноватымъ лицомъ (*M. carbonarius*) и другую—желтовато-краснобурю (*M. aureus*).

Область распространенія обыкновеннаго макака простирается на всю восточ-

ную Азію. На Большихъ Зондскихъ островахъ онъ встрѣчается во множествѣ. Бленфордъ, который называетъ его обезьяной, питающейся краббами, говоритъ, что макакъ встрѣчается въ Бармѣ и Араканѣ на морскихъ берегахъ; людей онъ не боится и хватаетъ даже кормъ, бросаемый ему съ лодокъ; далѣе, что въ гористой части Бармы присутствіе его не доказано и что, вѣроятно, онъ не живетъ въ гористыхъ и холмистыхъ мѣстахъ. Въ Сіамѣ и на полуостровѣ Малакка онъ представляетъ собою обыкновенное явленіе; кромѣ того, онъ, должно быть, перевезенъ на Никобарскіе и Андаманскіе острова. По Розенбергу, онъ не встрѣчается въ сѣверныхъ частяхъ Целебеса, а лишь въ южныхъ частяхъ. Форбсъ видалъ его часто на островѣ Тиморѣ, гдѣ онъ далеко распространенъ на востокъ, но, вѣроятно, туда онъ привезенъ уже людьми. Изъ описаній путешественниковъ видно, что тамъ гдѣ онъ встрѣчается, то въ большомъ количествѣ. Однако, сколько мнѣ извѣстно, еще нѣтъ обстоятельнаго описанія его жизни на свободѣ. Нѣкоторые путешественники, между прочимъ, говорятъ, что макаки и другія обезьяны живутъ большими стадами на берегахъ рѣкъ, но этими свѣдѣніями и ограничиваются, и каждый изъ нихъ какъ будто думаетъ, что образъ жизни этого обыкновеннаго животного такъ извѣстенъ, что не стоитъ о немъ много и говорить. Насколько не рѣдко макакъ въ своемъ отечествѣ видно изъ того, что торговцы звѣрями въ Европѣ не запрашиваютъ за него болѣе 25 марокъ, и у нихъ всегда находится достаточный запасъ этихъ обезьянъ, такъ какъ почти каждый пароходъ, возвращающійся изъ Индіи, привозитъ нѣсколько штукъ этихъ животныхъ. Морские рассказывали мнѣ, что въ каждомъ портѣ юго-восточной Азіи и Зондскихъ острововъ явайскія обезьяны предлагаются туземцамъ на продажу по очень низкимъ цѣнамъ.

Самыя подробныя свѣдѣнія о монгетѣ доставляетъ намъ Юнгхунъ. Сказавши, что дремучіе лѣса острова Явы отличаются бѣдностью своей фауны и что описываемая обезьяна составляетъ исключеніе, т. е. встрѣчается въ большомъ количествѣ, онъ продолжаетъ: «Монгетъ охотно ѣстъ плоды всевозможныхъ деревьевъ и потому встрѣчается въ дѣтственныхъ лѣсахъ до высоты 1,600 м. надъ поверхностью моря, точно такъ же часто, какъ въ ризофоровыхъ лѣсахъ морского берега, гдѣ можно часто видѣть, какъ онъ собираетъ и поѣдаетъ краббовъ и раковины, которые послѣ отлива остаются на берегу. Онъ не любитъ одиночества и всегда встрѣчается стадами отъ десяти до пятидесяти штукъ. Путешественники могутъ часто любоваться гимнастическими упражненіями этихъ, вовсе не пугливыхъ, обезьянъ; самки съ дѣтенышами, которые крѣпко прицѣпились къ груди матерей, весело свачуть по деревьямъ, а нѣкоторыя обезьяны спокойно катаются на толстыхъ вѣтвяхъ, нависшихъ надъ водою».

Нижеслѣдующее замѣчаніе Юнгхуна относится, вѣроятно, къ явайскимъ обезьянамъ: «Мы проходили черезъ деревню (на островѣ Явѣ), около которой вѣло небольшая лѣсокъ, окруженный полями и садами. Это, вѣроятно, остатокъ большого лѣса, мало по малу уничтоженнаго для устройства полей и нарочно оставленнаго неприкосновеннымъ туземцами. Лѣсокъ этотъ состоитъ главнымъ образомъ изъ фиговыхъ деревьевъ, которыя высоко поднимаютъ свои верхніи и нижніи вѣтви которыхъ обвиты лианами изъ рода ротанговъ. Намъ привела на маленькую площадку въ этомъ лѣсу, гдѣ было поставлено нѣсколько стульевъ. Явайцы стали бить въ кусокъ бамбуковаго ствола, который издавалъ громкій звукъ и сказали намъ, что это барабанъ для обезьянъ. Какъ только раздался барабанный бой, то въ лѣсу вездѣ зашумѣло и со всѣхъ сторонъ стали собираться на площадку стѣны обезьяны. Ихъ было болѣе ста штукъ, большія и маленькія, старыя бородатыя самцы, подростки и самки съ прицѣпившимися къ груди сосунами. Всѣ изъ лѣсной

чаши прискакали на нашу площадку и не только насъ не боялись, но обращались съ нами, какъ со старыми знакомыми. Онѣ были такъ ручны, что брали у насъ въ руки рисъ и пизангъ, которые мы съ собой принесли для ихъ угощенія. Два очень большихъ и красивыхъ самца отличались особенно смѣлостью. Они безъ церемоніи открывали корзины, которыя были въ рукахъ у явайцевъ и брали отъ туда то, что имъ нравилось. Они держались точно начальники среди другихъ обезьянъ, которыя, повидимому, питали къ нимъ большое уваженіе. Причина этого уваженія была, конечно, нѣсколько своеобразна. Когда другія обезьяны тѣснились около этихъ двухъ самцовъ, то эти послѣдніе, безъ церемоніи, колотили своихъ товарищей или кусали ихъ; тѣ подымали крикъ и съ такой поспѣшностью убѣгали, что только на вѣтвяхъ деревьевъ осмѣливались остановиться и оглянуться; возвращались онѣ только тогда, когда ихъ властелины насытились и отошли въ сторону. Эти деспоты, умѣвшіе держать своихъ подчиненныхъ въ такомъ страхѣ, боялись другъ друга и одинъ къ другому близко не подходили. Когда мы ушли, то и обезьяны вернулись въ лѣсъ. Явайцы часто носятъ имъ кормъ, для того, чтобы забавляться ихъ прыжками и гримасами, но подобное кормленіе не случалось бы такъ часто, если бы у явайцевъ не было большого стремленія держаться старыхъ обычаевъ, свято чтимыхъ ими, но о происхожденіи которыхъ они уже ничего не знаютъ.

Описаніе это вполне соответствуетъ характеру этой обезьяны, такъ какъ и въ яволѣ она ведетъ себя подобнымъ же образомъ: сильнѣйшая всегда властвуетъ надъ слабѣйшими. Мы узнаемъ отъ Мартенса, что европейцы на Явѣ часто держатъ въ домахъ обезьянъ и попугаевъ и что въ ручномъ состояніи чаще всего встрѣчается мопьеть. Въ дикомъ состояніи, это одна изъ самыхъ обыкновенныхъ обезьянъ Индійскаго архипелага; я ее видѣлъ не только на Явѣ, но и на Филиппинскихъ островахъ; по крайней мѣрѣ, я не могъ отличить, какъ особые виды, нѣкоторыхъ изъ этихъ обезьянъ, которыя окрашены нѣсколько свѣтлѣе и темнѣе. Ихъ часто держатъ въ конюшняхъ съ лошадьми, какъ у насъ козловъ и кроликовъ, и по тѣмъ же причинамъ. Явайцы говорятъ, что лошади тогда не такъ скучаютъ и что такое сожительство полезно для ихъ здоровья. Бленфордъ сообщаетъ, что мопьеть отлично плаваетъ и ныряетъ и рассказываетъ, опираясь на Тиселля, что найманная обезьяна этой породы, для того, чтобы спастись, не только прыгнула въ лодки въ воду, но и нырнула такъ, что плыла подъ водой около пятидесяти метровъ. Въ нашихъ зоологическихъ садахъ и зверинцахъ макакъ встрѣчается очень часто и вездѣ умѣетъ приобрести себѣ друзей. По своему вѣшнему виду, точно такъ, какъ и по характеру, онъ очень похожъ на мартышекъ. Я въ теченіе своей жизни навѣрно ухаживалъ за сотнею этихъ обезьянъ, а видѣлъ ихъ около тысячи, но не могу привести ни одного характернаго признака, который бы отличалъ макаковъ отъ мартышекъ. Движенія макака не такъ свободны, какъ у мартышки, но и онъ всетаки довольно ловокъ. По способу передвиженія, привычкамъ и характеру, обѣ группы обезьянъ очень похожи одна на другую. Макакъ такъ же веселая добродушная обезьяна, прекрасно спивается съ себѣ подобными и другими видами, даже очень большими обезьянами; умѣетъ приноровиться къ праву шипанонъ и не боится ихъ грубаго обращенія, когда имъ приходится жить вмѣстѣ. Онъ похожъ на мартышку и тѣмъ, что охотно ухаживаетъ за безпомощными маленькими животными, а маленькихъ обезьянъ обижаетъ точно такъ, какъ его большіе крупныя собратья. Онъ выказываетъ иногда сильный эгоизмъ, иногда же—большое самопожертвованіе. Вообще, въ немъ замѣчается большое непостоянство характера, какъ у мартышекъ. Иногда онъ добродушенъ и веселъ, а черезъ ми-

нугу, вследствие какойнибудь пустой причины, онъ сердится и дѣлается злымъ. То онъ выказываетъ большую нѣжность къ другимъ обезьянамъ или къ своему надзирателю, то вдругъ награждаетъ оплеухами обезьяну и старается укусить надзирателя. Слѣдуетъ, однако, сказать въ его похвалу, что онъ въ высшей степени благодаренъ за хорошее обращеніе, такъ что приручить его вовсе не трудно. Тотъ, кто его нѣсколько разъ покормитъ или дастъ ему какое-нибудь лакомство, уже пріобрѣтаетъ его расположеніе, а черезъ нѣкоторое время оно превращается въ настоящую дружбу. Хотя и случаются небольшія ссоры между ними и его сторожежъ, но миръ скоро восстанавливается, особенно тогда, когда обезьяна нуждается въ его услугахъ. Вследствие большого любопытства этой обезьяны и ея любви къ постоянной дѣятельности, можно легко отвлечь ея вниманіе въ другую сторону и потому не трудно усмирить ея гнѣвъ, предложивъ какое-нибудь новое занятіе или лакомство. Обращеніе съ нимъ въ этомъ отношеніи точно такъ же легко, какъ обращеніе съ павіанами.

На свободѣ макакъ, вѣроятно, питается, какъ и всѣ сродныя ему обезьяны, растительными веществами и насѣкомыми; ѣсть онъ также и крабовъ. Въ неволѣ онъ довольствуется простымъ кормомъ и вообще не разборчивъ на пищу, хотя иногда и выказываетъ себя большимъ лакомкой. Когда онъ голоденъ, то охотно ѣсть простой хлѣбъ, но онъ броситъ его, если сытъ; онъ усердно собираетъ зерна, рассыпанныя на полу, и набиваетъ ими свои защечные мѣшки, даже тогда, когда только что плотно поѣлъ; если ему попадетъ вѣтка какого-бы то ни было дерева съ зелеными листьями, почками или цвѣтами, то онъ съѣдаетъ съ большимъ удовольствіемъ не только листья, цвѣты и почки, но даже кончики вѣтвей. Макакъ пьетъ охотно молоко, пока онъ еще молодъ, а хлѣбъ, размоченный въ молоко, любитъ во всякомъ возрастѣ. Его можно приучить и къ говядинѣ, какъ во всему тому, чѣмъ питается человекъ. Онъ не отказывается и отъ спиртныхъ напитковъ и, когда приучается къ нимъ, то предпочитаетъ ихъ даже другимъ. Чѣмъ разнообразнѣе его кормятъ, тѣмъ онъ становится болѣе разборчивъ на пищу; его однако, кажется, нельзя избаловать, потому что, въ случаѣ нужды, онъ снова довольствуется простымъ кормомъ и ѣсть его такъ же охотно, какъ самое изысканное лакомство.

Макаки размножаются довольно правильно въ клѣткахъ и иногда спариваются со сродными видами, причемъ получаются здоровые и живучіе ублюдки. Периодъ беременности продолжается около семи мѣсяцевъ, но не можетъ быть опредѣленъ въ точности, такъ какъ трудно отдѣлать самца отъ самки тотчасъ послѣ спариванія. У макаковъ, которые содержались у меня, рождались дѣтеныши нѣсколько разъ. Разъ случилось, что у самки макака, которая сидѣла въ одной клѣткѣ съ самкой павіана, родился дѣтенышъ. Послѣдняя также только-что родила, но дѣтенышъ павіана околѣлъ. Когда сторожа увидѣли на рукахъ павіанши только-что родившагося дѣтеныша, то подумали, что у нея родился второй и поэтому ей оставили сосуна. Но вечеромъ они замѣтили, что названная мать не очень-то заботится о дѣтенышѣ, часто кладетъ его на солому и не обращаетъ на него большого вниманія. Тогда только увидѣли, что самка макака стала очень тонкой, поймали, осмотрѣли ее и нашли, что сосцы ея полны молокомъ. Послѣ этого дѣтенышъ былъ, конечно, возвращенъ настоящей матери и началъ жадно сосать, но онъ такъ истощалъ во время ухаживания за нимъ павіана, что не могъ выжить на слѣдующій день умеръ.

Какъ макаки любятъ своихъ дѣтенышей, видно изъ нижеслѣдующаго моего собственнаго наблюденія. Вследствие наступленія зимы, приходилось иначе развѣстывать по клѣткамъ обезьянъ, и ихъ стали ловить одну за другой. Въ одной изъ клѣтокъ находился уже довольно взрослый дѣтенышъ самки макака, который былъ от-

дѣнь отъ матери уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Мать жила въ другой клеткѣ, изъ которой видно было помѣщеніе ея дѣтеныша, отдѣленнаго отъ нея потому, что онъ нуждался въ особенномъ попеченіи. Когда стали ловить обезьянъ, то мать боязливо слѣдила за каждымъ движеніемъ сторожа и громко кричала, какъ только онъ приближался къ ея дѣтенышу. Это мы замѣтили и возвратили ей обезьянку; она ее сейчасъ же схватила на руки и самымъ нѣжнымъ образомъ стала ласкать. Изъ сказаннаго, слѣдовательно, видно, что она въ теченіе этихъ мѣсяцевъ не выпускала изъ виду своего дѣтеныша, и онъ, какъ видно, не забылъ своей матери.

Макаковъ очень часто приучаютъ къ исполненію разныхъ ролей въ представленіяхъ, гдѣ фигурируютъ обезьяны и другія животныя. Чаще всего макакъ играетъ роль слугителя или сторожа; иногда онъ вѣдять верхомъ на собакахъ. Нѣкоторые макаки научаются очень труднымъ еунштукамъ. По свидѣтельству специалистовъ, макаковъ труднѣе научить всякимъ штукамъ, чѣмъ павіана, но ихъ легче выпклатать, чѣмъ маго.

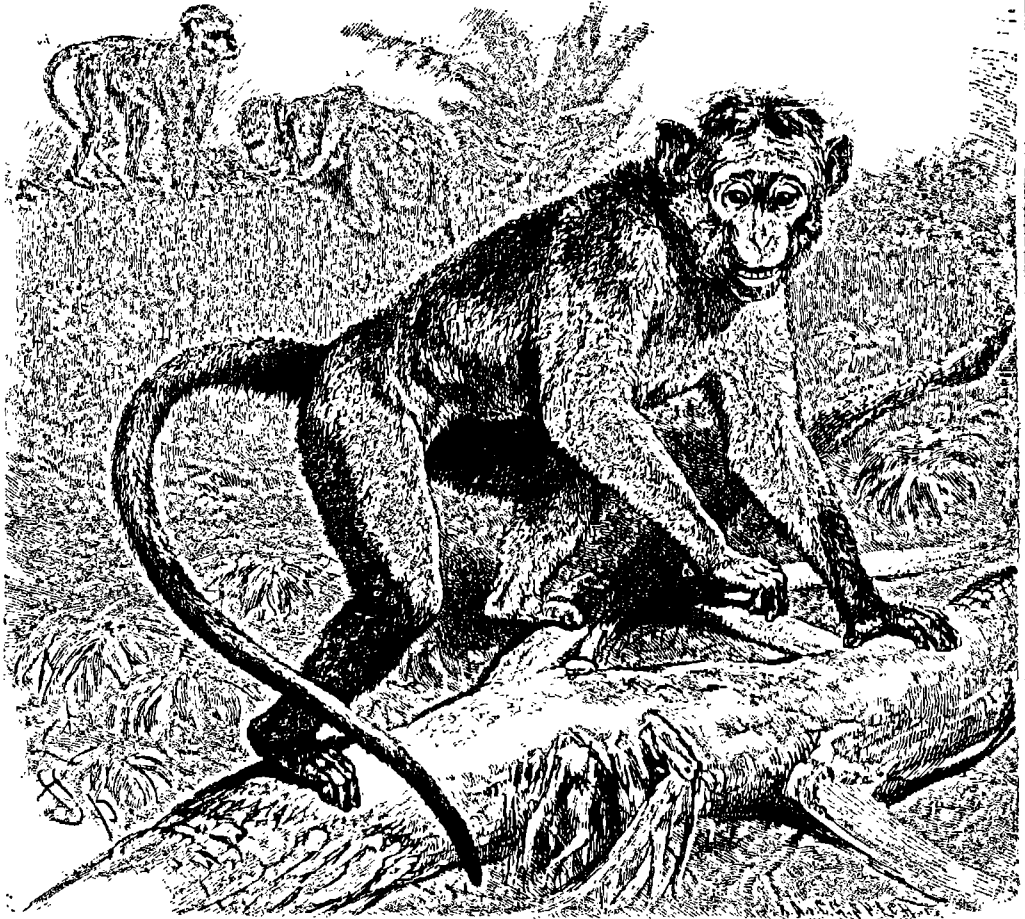
* *

Не такъ часто, какъ макака, привозятъ въ Европу Китайскую обезьяну, иваче — шипная обезьяна, бандарь, мананду и манго пидѣйдевь (*Macacus sinicus*, *Cynomolgus sinicus*, *Simia sinica* Nuttall, *Bonnet chinois*). По величинѣ она нѣсколько меньше своей сородички, длина туловища рѣдко больше 45 см., а хвостъ немного длиннѣе. Туловище довольно тонко; плоская морда болѣе вытянута, чѣмъ у макаковъ; волосы на головѣ расположены радиусообразно отъ темени; лобъ почти голый; шерсть довольно короткая. Верхняя часть туловища блеклаго зеленовато-сѣраго цвѣта. Отдѣльные волосы сѣраго цвѣта съ черными и желтыми колечками. Нижняя часть тела бѣловатая. Руки и уши — черноватого цвѣта.

Китайская обезьяна живетъ, по Бленфорду, въ южной части Индостана на западномъ берегу его, до Бомбея, а на восточномъ — только до Годавери. Индусы считаютъ ее за священное животное и не только позволяютъ ей, по своему усмотрѣнію, распорядиться въ ихъ садахъ, но строятъ для этихъ обезьянъ отдѣльные вѣтви и разводятъ плодовые сады, чтобы высокопочитаемому ими животному жить какъ можно лучше. Приписываютъ ли ему геройскіе подвиги какъ хульману, это мнѣ неизвѣстно. По праву своему китайская обезьяна — настоящій макакъ, и, точно такъ же непостоянна, какъ и другія животныя этого отряда. Расположеніе куда ея мѣняется каждую минуту безъ всякой видимой причины, такъ что нѣтъ нѣльзя знать, чего она хочетъ; но веселость, живость, передличность и покладчивость этой обезьяны дѣлають изъ нея весьма пріятнаго товарища и заставляютъ забывать не только его шалости, но и вѣщее безобразіе.

По своему нраву и привычкамъ, по способу передвиженія и вообще по своему образу жизни китайская обезьяна мало или вовсе не отличается отъ другихъ макаковъ. Выжимасы и другія движенія кажутся болѣе смѣшными, чѣмъ у другихъ обезьянъ, вслѣдствіе особенной ея наружности, главнымъ образомъ, вслѣдствіе страннаго пучка волосъ, который закрываетъ верхнюю часть лба. На островѣ Цейлонѣ водится, только этой мѣстности свойственная, обезьяна, очень похожая на предыдущую (*M. pileatus*), и которую, по Бленфорду, едва ли можно считать отдѣльнымъ видомъ; эту обезьяну очень любятъ какъ туземцы, такъ и европейцы, тамъ живутъ другие искусства. Одѣвають ее въ пеструю одежду и ходять съ нею отъ себѣ въ селенію и отъ города къ городу, снискивая этимъ пропитаніе. Тенентъ, который это рассказываетъ, прибавляетъ, что эта обезьяна легко привыкаетъ къ табачному дыму, что, по моему мнѣнію, не представляетъ ничего удивительнаго,

такъ какъ многія животныя этого отряда очень любятъ табачный дымъ. Некоторые американскіе виды приходятъ въ настоящій восторгъ когда имъ пускаютъ дымъ въ лицо, другіе открываютъ при этомъ ротъ и затѣмъ выпускаютъ захваченный дымъ съ особеннымъ наслажденіемъ. Въ доказательство понятливости манго и его разсудительности можно привести слѣдующій разсказъ, сообщенный мнѣ Шомбургкомъ: «Въ зоологическомъ отдѣленіи ботаническаго сада города А...

Китайская обезьяна (*Macacus sinicus*) $\frac{1}{3}$ наст. вел

ланды жили въ одной клѣткѣ три манго, одинъ старый и двое молодыхъ. Подъ влияніемъ раздраженія отъ жестокаго обращенія сторожа съ молодыми обезьянами, а, можетъ быть, и въ слѣдствіе господствовавшей тогда жары, старый манго такъ больно укусилъ сторожа за руку около кисти, что не только перекусилъ всѣ сухожидія, но повредилъ даже артерію, такъ что человекъ этотъ долженъ былъ очень долго лечиться. Какъ только я это узналъ, то присудилъ виновнаго къ смерти, и на слѣдующее утро другой сторожь взялъ ружье, чтобы исполнить мое приказаніе. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что огнестрѣльное оружіе часто употреб-

ается при обезьянах для истребленія кошек, крыс и других назойливых животных, почему обезьяны вовсе не боятся ружей и не пугаются выстрѣла. Когда сторожъ съ ружьемъ приблизился къ клѣткѣ, то молодая обезьяна осталась спокойно на мѣстѣ, а осужденный преступникъ поспѣшно удалился въ заднее отдѣленіе клѣтки, гдѣ обезьяны спали, и его нельзя было выманить оттуда никакимъ способомъ. Принесли кормъ и старый манго спокойно смотрѣлъ, чего прежде онъ никогда не дѣлалъ, какъ для молодые его товарищи, нисколько о немъ не заботясь. Только, когда сторожъ съ ружьемъ отошелъ такъ далеко, что манго не могъ его больше видѣть, онъ осторожно вышелъ изъ своего убѣжища, поспѣшно схватилъ нѣкоторое количество своего корма и снова спрятался въ заднее отдѣленіе. Когда онъ вторично вышелъ оттуда, чтобы принести себѣ еще кусокъ хлѣба, то дверь въ заднее отдѣленіе была быстро заперта снаружи, бѣдный манго снова увидѣлъ сторожа со смертоноснымъ оружіемъ и понялъ, что дѣло его проиграно. Въ смертельномъ страхѣ онъ, какъ безумный, бросился къ запертой двери, стараясь ее открыть; замѣтивъ, что это ему не удается, онъ сталъ рыскать по всей клѣткѣ вверхъ и внизъ, ища уголка, куда спрятаться, или отверстія, черезъ которое можно было бы улизнуть; убѣдившись, что всѣ его старанія напрасны, онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, растянулся на полъ и въ этомъ положеніи былъ убитъ выстрѣломъ. Молодая обезьяна осталась при этомъ совершенно спокойными и смотрѣли на своего товарища съ удивленіемъ». Разсказъ этотъ совершенно согласенъ съ истиной и представляетъ замѣчательный примѣръ понятливости обезьянъ и ихъ умѣнья находить причину связи между явленіями.

*

Другой макакъ, бундеръ, бандаръ или мариаъ индѣйцевъ (*Macacus rhesus* Bandog. Rhesus.) считается, по мнѣнію нѣкоторыхъ путешественниковъ, въ своемъ отечествѣ также священнымъ животнымъ. Бленфордъ, впрочемъ, недавно сообщилъ, что индѣйцы вовсе не считаютъ эту обезьяну священной, но однако не охотятся на ней и потому во многихъ мѣстахъ бундеръ точно такъ же назойливъ, какъ и думьманъ; слѣдуетъ замѣтить, что при разсказахъ путешественниковъ очень трудно разбить толку, о какой обезьянѣ идетъ рѣчь.

«Вблизи Биндрабуна, т. е. обезьяньего лѣса», говоритъ капитанъ Джонсонъ, существуетъ болѣе сотни прекрасныхъ садовъ, въ которыхъ разводятся всякія цѣловныя деревья исключительно для пользованія бундеровъ, такъ какъ туземные богачи считаютъ своимъ долгомъ тратить на содержаніе ихъ. Когда я шелъ, однажды, по улицѣ Биндрабуна, одна старая обезьяна слѣдовала за мной по деревьямъ, затѣмъ внезапно соскочила внизъ, сташила съ меня чалму и убѣжала такъ далеко, что мой головной уборъ такъ и пропалъ. Другой разъ я прожилъ болѣе мѣсяца въ этомъ городѣ, на берегу рѣки, въ большомъ домѣ, принадлежавшемъ богатому туземцу; въ домѣ не было дверей и поэтому обезьяны безпрятственно входили въ мою комнату и на нашихъ глазахъ уносили со стола хлѣбъ и другія вещи. Еще смѣлѣе онѣ грабили насъ, когда мы спали, и я часто прикидывался спящимъ, чтобы наблюдать за ними. Нельзя было не удивляться ихъ хитрости и ловкости: имъ было ничемъ дѣлать прыжки въ 4 или 8 метровъ съ одного дома на другой, иногда съ однимъ и даже двумя дѣтенышами, прижившимися у нихъ на животѣ, да еще, кромѣ того, съ награбленнымъ хлѣбомъ, сахаромъ и другими предметами.

«Прибывъ во время одной прогулки въ Джеракки, мы раскинули палатки въ большомъ обезьяньемъ саду и привязали неподалеку нашихъ лошадей. Во время

обѣда прибѣжалъ конюхъ и рассказалъ, что одна изъ лошадей сорвалась, потому что обезьяны напугали ее своимъ крикомъ и киданьемъ сухихъ вѣтвей съ дерева. Онъ говорилъ, что и другія лошади неспокойны и, вѣроятно, послѣдуютъ примѣру первой, если не придти имъ на помощь. Послѣ обѣда я взялъ ружье и попыскалъ прогнать обезьянъ. Я выстрѣлилъ въ одну изъ нихъ слабымъ зарядомъ; она испѣшно скрылась въ густыхъ вѣтвяхъ дерева, но, обезсилѣвъ, сѣла и старалась унять руками кровь, которая текла изъ раны. Это такъ потрясло меня, что я пересталъ думать объ охотѣ и вернулся къ своимъ товарищамъ. Но, прежде чѣмъ я успѣлъ имъ рассказать этотъ случай, пришелъ конюхъ и сообщилъ, что послѣ выстрѣленной обезьяны околѣла, но что другія обезьяны ее схватили и неизвестно куда унесли. Одинъ человекъ, заслуживающій довѣрія, рассказывалъ мнѣ, что туземцы почитаютъ бундера наравнѣ съ хульманомъ, и жители Бака оставляютъ для нихъ на поляхъ десятую часть жатвы, и обезьяны сходятъ съ горъ и забываютъ себѣ эту подать».

Каждый индусъ охотно платитъ эту подать и показываетъ этимъ такую степень состраданія и милосердія, что хотя они и кажутся намъ нѣсколько смѣшными, но все-таки заслуживаютъ подражанія. Я не вижу также ничего нелѣпаго въ томъ, что они защищаютъ своихъ любимыхъ животныхъ отъ иностранцевъ; напротивъ того, такая защита животныхъ людьми заслуживаетъ полного уваженія. Безъ сомнѣнія, индусы дѣютъ въ этомъ уже слишкомъ далеко. Иностранцамъ очень трудно жить въ этой мѣстности, не ставши въ непріязненное отношеніе съ обезьянами. Почти невозможно въ тѣхъ мѣстахъ развести садъ или плантацію: избалованные индусами бездѣльники уничтожаютъ и грабятъ ихъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Поставленные для защиты сада сторожа не помогаютъ: пока они гонятъ незваныхъ гостей съ одной стороны, тѣ появляются уже съ другой. Огни, чучелы и тому подобное нѣсколько не пугаютъ обезьянъ, а за насиліе, нанесенное имъ, можно поплатиться жизнью.

Исторія перваго параднаго обѣда, даннаго леди Баркеръ въ Силмѣ, служитъ прекраснымъ примѣромъ, какой странной оборотъ можетъ принять попытка устроить въ Индіи чисто европейскій праздникъ. Леди Баркеръ въ своемъ домѣ приготовилась къ приему многочисленныхъ гостей и столъ былъ накрытъ по европейски, установленъ вазами, всевозможными лакомствами и украшенъ цвѣтами. Передъ тѣмъ, какъ гости должны были явиться, леди ушла въ свою комнату, чтобы переодѣться, а слуги, вмѣсто того, чтобы охранять комнаты, куда-то скрылись. Когда хозяйка вернулась въ столовую, совершенно готовая къ приему гостей и желая еще разъ взглянуть, все ли въ порядкѣ, она, къ своему удивленію, застала въ комнатѣ множество гостей, но вовсе не тѣхъ, которыхъ она ожидала. Большое стадо обезьянъ влѣзло въ открытыя окна изъ сосѣдняго сада и хозяйничало на парадно накрытомъ столѣ. Можно себѣ представить чувство хозяйки, которая должна была угощать своихъ гостей за столомъ, только-что ограбленномъ и запачканномъ обезьянами. То же самое стадо обезьянъ сыграло съ тою же леди Баркеръ еще другую шутку. У нея была маленькая собачка, по имени Фюри, которая жила въ вѣчной враждѣ съ обезьянами и очень часто ихъ выгоняла изъ дому и съ балкона. Въ одинъ прекрасный день одна изъ обезьянъ схватила собачку и унесла ее на верхушку дерева. Несмотря на жалобный вой бѣдной собаки, обезьяны ее передавали изъ рукъ въ руки, трясли, всячески мучили и наконецъ съ большой высоты бросили на землю. Бѣдная Фюри тутъ же околѣла, а обезьяны видимо радовались своему мщенію.

Рассказываютъ, что одинъ англичанинъ два года сряду терпѣлъ отъ грабителей

я коровства бундеровъ и не зналъ, какъ отъ нихъ избавиться, но наконецъ нашъ изъ прекрасную мысль. Его великолѣпныя сахарныя плантаціи были опустошены слонами, дикими свиньями, а въ особенности обезьянами. Отъ слоновъ и свиней онъ защитился глубокимъ ровомъ и частоколомъ изъ острыхъ кольевъ; но обезьяны легко перелѣзали черезъ ровъ и частоколъ и грабили по прежнему. Наконецъ онъ придумалъ слѣдующее: загнавъ стадо обезьянъ на одиноко стоящее дерево, онъ подрубилъ его съ помощью своихъ служителей и поймалъ множество дѣтенышей, которыхъ взялъ къ себѣ въ домъ. Тамъ заранее была приготовлена мазь, состоящая изъ сахара, меда и рвотнаго камня; эту мазь были намазаны маленькія обезьянки, а затѣмъ выпущены. Испуганные родители тревожно слѣдили за судьбой своихъ дѣтенышей и были, разумѣется, очень рады возвращенію чадъ, но въ какомъ видѣ они вернулись! Грязные, запачканные, почти неузнаваемые. Немедленно началась дѣятельная чистка дѣтенышей, которая совершалась главнымъ образомъ посредствомъ лизанья. Оказалось, что это очень пріятная обязанность, такъ какъ мазь эта была очень сладка и обезьяны сопровождали туалетъ своихъ дѣтенышей веселымъ мурлыканьемъ. Рвотный камень вскорѣ началъ, однако, сильно дѣйствовать; страдали обезьяны выражались страшными гримасами и послѣ этого горестнаго приключенія онѣ никогда болѣе не приближались въ жилищу коларнаго европейца.

Туловище бундера достигаетъ отъ 50 до 60 см. длины, а хвостъ 25 см. Онъ крѣпкаго приземистаго тѣлосложенія; верхняя часть тѣла покрыта густою, а нижняя рѣдкою шерстью. На шеѣ, груди и брюхѣ кожа отстаетъ отъ тѣла и образуетъ складки. Шерсть сверху зеленоватого или сѣропатаго цвѣта, который на конечностяхъ и около хвоста имѣетъ желтоватый отливъ. Нижняя часть тѣла бѣлая; хвостъ сверху зеленоватый, снизу — сѣрый. Лицо, уши и кисти рукъ сѣрко-жѣдно-краснаго цвѣта. Сѣдалищныя паросты — ярко-красныя. У самки хвостъ обыкновенно опущенъ, а у самца загнутъ дугою кверху. Бундеръ часто встрѣчается въ Индіи, сѣвернѣе отъ Бомбая и Гуджерата на западъ и отъ рѣки Гоговери на востокъ, до Гималайскихъ горъ. Въ Кашемирѣ онъ встрѣчается, по Кэмпфорту, до 2000 метровъ высоты надъ поверхностью моря. Около Симлы обезьяна эта водится, вѣроятно, еще выше: въ Непалѣ и Сиккимѣ — въ болѣе низкихъ мѣстахъ; слѣдуетъ предпологать, что она живетъ и въ Ассамѣ, и въ Бармѣ.

«Я видѣлъ этихъ обезьянъ, говоритъ Гуттонъ, въ февралѣ мѣсяцѣ около Симлы, когда вся земля была покрыта снѣгомъ, преспокойно почевавшихъ на деревьяхъ и не обращавшихъ никакого вниманія на холодъ. Вообще, зима имъ не страшна и мнѣ даже показалось, что въ мѣстностяхъ около Симлы имою онѣ встрѣчаются чаще, чѣмъ въ жаркое лѣто. Я ихъ видѣлъ скачущихъ и играющихъ на знойныхъ деревьяхъ, вѣтки которыхъ были покрыты снѣгомъ, и встрѣчалъ ихъ на высотѣ до трехъ тысячъ метровъ даже осенью, когда ночью бывали сильныя морозы. Однако, въ тѣхъ странахъ, гдѣ живетъ бундеръ, замѣчали, что, при приближеніи зимы, онъ спускается съ горъ въ равнины. Въ Бенгаліи онъ водится въ густыхъ бамбуковыхъ рощахъ, особенно въ таихъ, которыя находятся на берегахъ ручьевъ. Обезьяна эта очень любитъ воду, прекрасно плавать и, при преслѣдованіи, не задумывается броситься въ рѣку, и, нырнувъ на довольно большое разстояніе, вливаетъ спастись отъ врага».

Бундеровъ встрѣчаютъ довольно большими стадами особенно вблизи воды. Его пища состоитъ изъ плодовъ, сѣмянъ и насѣкомыхъ. Онъ часто спускается на землю, чтобы искать себѣ кормъ. Обезьяны эти живутъ очень не дружно между собой: онѣ дерутся, кусаются и немилосердно кричатъ.

Бундеръ между макаками отличается такими же характерными чертами, как гусаръ между мартышками: это—сердитая, раздражительная и задорная обезьяна, которая только въ молодости нѣсколько привязывается къ тѣмъ, кто за ней ухаживаетъ; въ взросломъ же возрастѣ она не умѣетъ уживаться ни съ людьми, ни съ другими обезьянами. Очень можетъ быть, что эти непріятныя свойства ея послужили причиною, что туземцы относятся къ ней съ такою терпимостью. Приведенная въ ярость, она ломаетъ и рветъ все, до чего можетъ добраться, смеясь нападаетъ на человѣка и при этомъ очень цѣлесообразно употребляетъ въ дѣло свои большіе зубы. Всегда въ худомъ расположеніи духа, она сердится на все, что около нея происходитъ, и косою взглядъ уже приводитъ ее въ ярость. Когда на ея, не очень безобразномъ лицѣ являются страшныя гримасы, глаза сверкаютъ и она принимаетъ положеніе хищнаго звѣря, который хочетъ броситься на свою добычу. Нѣкоторые экземпляры во время гнѣва ведутъ себя, какъ павіаны: широко раскрываютъ ротъ, выворачиваютъ губы, стучать зубами, а послѣ этого выдуваютъ щеки воздухомъ и дѣлаютъ разныя другія гримасы, очень понятныя для зрителя. Бундеръ относится самымъ деспотическимъ образомъ къ другимъ обезьянамъ, которыя живутъ въ одной съ нимъ клѣткѣ, такъ какъ онъ очень властолюбивъ и завистливъ и не можетъ, напримѣръ, спокойно видѣть, какъ другая обезьяна ѣстъ. Когда онъ въ хорошемъ расположеніи духа, то дозволяетъ своимъ сотоварищамъ по неволѣ оказывать ему обычныя обезьяныя услуги, т. е. чистить его мѣхъ и искать паразитовъ; иногда даже и онъ снисходитъ до того, что другой обезьянѣ оказываетъ тѣ же услуги; но это продолжается не долго: расположеніе духа вдругъ мѣняется, и онъ начинаетъ жестоко колотить обезьяну, съ которой только-что сидѣлъ рядомъ. Несмотря на все это, бундера можно проручить и даже научить всякимъ штукамъ. Въ циркахъ и звѣринцахъ его охотно держатъ для представленій, во-первыхъ потому, что его длинный, мягкій хвостъ легко спрятать подъ платье, а во-вторыхъ потому, что бундеръ довольно ловокъ и участвуетъ въ представленіяхъ съ нѣкоторою охотою. Я встрѣчалъ между этими обезьянами большіхъ артистовъ.

При хорошемъ уходѣ бундеръ размножается въ неволѣ, и это происходитъ довольно правильно. Въ зоологическомъ саду Нилля живетъ семейство бундеронъ, у самокъ которыхъ ежегодно рождается по дѣтенышу. Рожденіе происходитъ постоянно въ маѣ и юнѣ мѣсяцѣ, а періодъ беременности не могъ быть опредѣленъ съ точностью. Обезьяны эти остаются въ лѣтнихъ помѣщеніяхъ, подъ открытымъ небомъ, до перваго снѣга. Извѣстный естествоиспытатель, Кювье, сообщаетъ слѣдующія подробности о самкѣ бундера и рожденномъ ею въ клѣткѣ дѣтенышѣ:

«Тотчасъ послѣ рожденія дѣтенышъ прицѣпился къ животу матери, держась четырьмя конечностями за ея мѣхъ, и схвативши въ ротъ сосокъ. Четырнадцать дней сряду онъ оставался постоянно въ этомъ положеніи, сосала и даже смачивала, когда мать садилась, но во снѣ пальцы его не разжимались; единственнымъ движеніемъ были только наклоненіе головы, чтобы схватить то одинъ сосокъ, то другой, и открываніе вѣкъ. Онъ родился, какъ всѣ обезьяны, съ открытыми глазами и, кажется, могъ съ самаго начала разглядывать предметы, по крайней мѣрѣ, онъ слѣдилъ ими за тѣмъ, что происходило вокругъ него.

«Трудно передать, до чего простиралась заботливость матери о новорожденномъ. Она удивляла всѣхъ своимъ благоразуміемъ и осторожностью; едва слышимый шумъ, малѣйшее движеніе возбуждали ея вниманіе и тревожную заботливость о дѣтенышѣ; за себѣ она не боялась, потому что давно привыкла къ людямъ и была совсѣмъ ручна. Всѣ ея движенія были очень ловки, но они никогда не быва-

побили дѣтеныша, тяжесть котораго, повидимому, не препятствовала смѣлымъ скачкамъ матери; но замѣтно было, что она удвоила осторожность, чтобы какъ-нибудь не толкнуть маленькаго. Черезъ 14 дней дѣтенышъ началъ свободно двигаться и сразу обнаружилъ ловкость и силу, которыхъ отъ него никакъ нельзя было ожидать, такъ какъ онъ вовсе не упражнялся въ самостоятельныхъ движеніяхъ. Маленькій бундеръ прицѣпился сейчасъ же къ отвѣснымъ прутьямъ своей клѣтки и сталъ лазать по нимъ вверхъ и внизъ, ходить по солому, которую былъ устланъ полъ, снова вскакивалъ на рѣшетку, а оттуда прыгалъ на солому и исполнялъ все это съ такою ловкостью, которая сдѣлала бы честь взрослой обезьянѣ. Мать внимательно слѣдила за каждымъ движеніемъ дѣтеныша и была всегда готова предотвратить каждую опасность, угрожавшую ей любимцу. Впослѣдствіи она сама иногда удаляла дѣтеныша отъ себя, но все-таки слѣдила заботливо за нимъ и при малѣйшей опасности снова брала его къ себѣ. Достаточно было легкаго прикосновенія ея руки, чтобы послушный дѣтенышъ вернулся къ матери и занялъ свое обычное положеніе на ея груди. Прыжки и игры маленькаго совершенствовались по мѣрѣ возрастанія его силъ. Я часто наблюдаю съ особымъ удовольствіемъ за его гимнастическими упражненіями и могу засвидѣтельствовать, что ни разу не замѣтилъ у него неловкаго движенія, ошибки въ глазомѣрѣ или промаха въ достиженіи предположенной цѣли. Маленькая обезьяна эта доказала мнѣ несомнѣнно, что она съ первыхъ дней своей жизни могла инстинктивно судить о разстояніяхъ и опредѣлить количество силы, необходимое для выполненія извѣстнаго движенія. Она при первыхъ своихъ попыткахъ уже знала, что можетъ исполнить, и умѣла пользоваться своими силами съ такою точностью, до которой другія животныя и даже человекъ доходятъ лишь путемъ опыта. Глядя на нее, приходилось сознаться, что познанія наши слишкомъ недостаточны, чтобы объяснить цѣлесообразность какой-нибудь этого животнаго».

«Недѣль черезъ шесть обезьянкѣ дали болѣе питательную пищу, чѣмъ молоко матери, и тогда замѣчено было новое явленіе. Мать, которая до того времени такъ заботливо относилась къ своему дѣтенышу, постоянно посила его на себѣ и, казаясь, должна была изъ собственнаго рта вынуть кусокъ, чтобы накормить свое чадо, вдругъ стала отнимать у него всякую, прикосимую ему пищу. Едва сторожа вносила въ клѣтку овощи и хлѣбъ, какъ она все захватывала, отталкивала маленькаго, когда онъ приближался и, чтобы забрать все для себя, поспѣшно набивала свои запечные мѣшки, а остальное брала въ руки. Ошибочно бы было объяснить ея поступки чѣмъ либо другимъ, кромѣ алчности. Къ сосанію она не могла болѣе его принуждать, потому что молоко у нея уже пропало. Не могла она и опасаться, что новая пища повредитъ дѣтенышу, такъ какъ онъ ѣлъ ее съ жадностью и чувствовалъ себя при этомъ отлично. Скоро голодъ сдѣлалъ его очень смѣлымъ, пропримчивымъ и ловкимъ; онъ пересталъ бояться побоевъ матери и, несмотря на ея толчки и старанія захватить себѣ весь кормъ, ловкій малый успѣвалъ таинственно тѣмъ или другимъ кускомъ и съѣдалъ его за спиною матери, какъ прежде отъ нея подальше. Предосторожность эта была вовсе не лишнею, такъ какъ мать часто гонялась за дѣтенышемъ, чтобы отнять у него схваченный имъ кормъ. Чтобы предотвратить вредныя послѣдствія жадности безжалостной матери, мы давали обезьянѣмъ такъ много корма, что старая не могла всего помѣстить въ запечные мѣшки и въ руки; поэтому дѣтенышу всегда оставался издѣшекъ. Этотъ издѣшекъ былъ совсѣмъ здоровъ и пользовался пощеченіями матери во всемъ, что касалось пищи. Маленькій узнавалъ тѣхъ, кто его кормилъ и ласкалъ, живя животъ. ВРѢМА. Т. I.

былъ очень добродушенъ и изъ всѣхъ свойствъ обезьяняго характера у него пока были замѣтны лишь веселость и подвижность».

Свинообразный макакъ или лапундеръ (*Macacus nemestrinus*, *Simia ne mestrina*, Schweinsaffe, Maimon) отличается отъ другихъ обезьянъ этой породы, главнымъ образомъ, короткимъ, тонкимъ хвостомъ и длинными конечностями. Название онъ получилъ по хвосту, который тѣмъ похожъ на свиной, что точно также загнутъ закорючкой. Волоса на верхней части тѣла густы и длинны, на нижней же—довольно рѣдки; цвѣтъ шерсти сверху темно-оливково-бурый; каждый волосокъ имѣетъ оливковыя, зеленватыя, желтоватыя и черныя колечка, на плечевой части ружъ цвѣтъ шерсти блѣдно-желтый, на нижней части тѣла желтоватый или свѣтло-бурый, а на нижней сторонѣ хвоста свѣтло-ржаво-бурый. Лицо, уши, руки и сѣдалыя наросты грязно-мясного цвѣта, верхняя вѣки блѣловатыя, глаза коричневыя. На темени волоса расположены лучистымъ образомъ. Высота спины этой обезьяны 50 см., длина туловища 60 см., а хвоста 15—20 см.

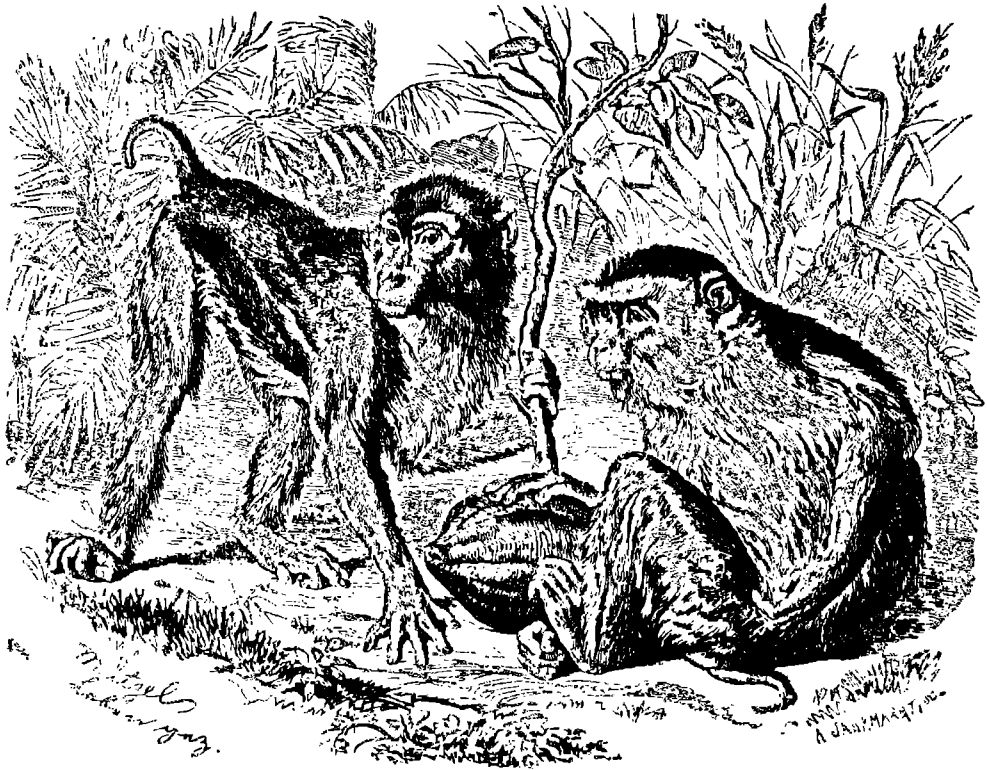
Лапундеръ живетъ въ первобытныхъ лѣсахъ Суматры, Борнео (?) и южной Бармы, на Малакскомъ полуостровѣ до Тенассерима, гдѣ, впрочемъ, онъ уже довольно рѣдокъ; на деревьяхъ обезьяна эта встрѣчается рѣже, чѣмъ на землѣ и на скалахъ, а также и въ джунгляхъ. Фейръ говоритъ, что встрѣчалъ лапундера въ гористыхъ мѣстностяхъ. Подробныхъ описаній его жизни на свободѣ еще пока нѣтъ, по крайней мѣрѣ, она мнѣ неизвѣстна; но можно съ увѣренностью сказать, что лапундеръ на своей родинѣ довольно распространенъ, такъ какъ онъ у торговцевъ являющимися встрѣчается довольно часто. Рассказываютъ, что малайцы, которые называютъ его «бру», держатъ его въ ручномъ состоянii и приучаютъ къ разнымъ услугамъ; напримѣръ, къ срыванiю кокосовыхъ орѣховъ съ деревьевъ, причемъ, говоря, лапундеръ показываетъ не только большую ловкость, но и толковость, именно, сдѣлавъ часть спѣлыхъ орѣховъ и сбрасываетъ внизъ только первые.

«Однажды», рассказываетъ Боккъ о своемъ пребыванii на Суматрѣ, встрѣтился малаецъ, который велъ за собой большую обезьяну на веревкѣ, длиною, по крайней мѣрѣ, въ 50 футовъ. Я спросилъ малайца, не приучена ли обезьяна къ какимъ-нибудь фокусамъ и обѣщаль дать нѣсколько центовъ за представленiе; малаецъ сказалъ обезьянѣ нѣсколько словъ на своемъ языкѣ, и та тотчасъ же ползла на близъ стоящее высокое кокосовое дерево. Добравшись до трети высоты, она остановилась и посмотрѣла на своего хозяина; тотъ слегка дернулъ веревку, обезьяна ползла еще выше, затѣмъ опять остановилась, сдѣлала нѣсколько аэробатическихъ упражненiй и наконецъ достигла верхушки дерева. Здѣсь она ошупала и осмотрѣла нѣсколько орѣховъ, пока не нашла спѣлаго, который она сорвала и бросила внизъ. Такимъ образомъ она изслѣдовала множество орѣховъ и бросала внизъ всѣ спѣлые, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не далъ знака, что довольно, и тогда она спустилась внизъ. Мнѣ потомъ сказали, что этотъ малаецъ ходитъ отъ одной деревни къ другой и снискиваетъ себѣ пропитанiе, пользуясь искусствомъ своей обезьяны срывать съ деревьевъ спѣлые кокосовые орѣхи; это сдѣлалось его ремесломъ. Впоследствии я узналъ, что обезьяны, приученныя къ этому дѣлу, вовсе не рѣдкость».

Несмотря на свою величину, лапундеръ очень ловокъ и подвиженъ, хотя въ искусствѣ лазанья онъ уступаетъ гиббонамъ, мартишкамъ и нѣкоторымъ мелкимъ обезьянамъ. По природѣ онъ добродушенъ и, кажется, сохраняетъ это свойство даже въ старости. Впрочемъ, я встрѣчалъ многихъ взрослыхъ лапундеровъ, съ которыми нельзя было шутить; это были старые, угрюмые самцы, которые въ полдень

маняніи своего достоинства постоянно ссорились какъ со своими сторожами, такъ и съ другими обезьянами.

Блэифордъ предполагаетъ, что хорошее мнѣніе, которое имѣютъ жители Су-жатры объ этой обезьянѣ, относится только къ самкамъ и молодымъ животнымъ; старые же самцы злы и по своей силѣ и величинѣ могутъ быть даже опасны. Этотъ же путешественникъ говоритъ, что по голосу и движеніямъ свинообразный макакъ похожъ на бундера; когда онъ разсерженъ или, иначе, возбужденъ, то онъ также закривляетъ хвостъ въ видѣ латинскаго S. Время беременности этой обезьяны средьзѣли въ 7 мѣсяцевъ и 20 дней. Онъ размножается въ неволѣ и успѣшно

Лаундеръ. *Macacus nemestrinus*. /, наст. велич.

спаривается со сродными видами. Въ берлинскомъ зоологическомъ саду жила въ 1872 г. самка магота съ дѣтенышемъ, отецъ котораго былъ макакъ; дѣтенышъ былъ здоровъ и росъ хорошо, но околѣлъ отъ холода зимою.

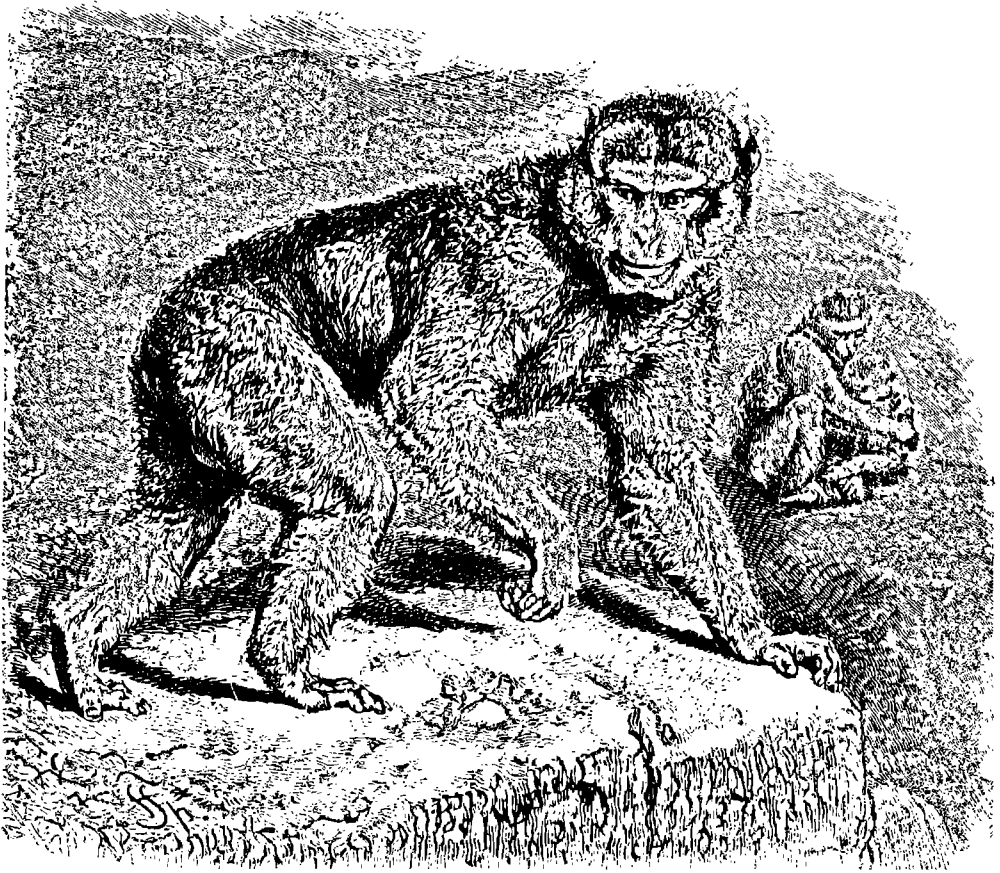
Наиболѣе извѣстный и важнѣйшій видъ макаковъ—это Маготъ, единственная обезьянка, встрѣчающаяся въ Европѣ на свободѣ; въ последнее время, вслѣдствіе отсутствія хвоста, его нѣкоторые отдѣляютъ въ особенный родъ, но онъ болѣе извѣстенъ подъ названіемъ турецкой, варварійской и обыкновенной обезьяны (*Inuus esquidatus*: *Simia Macacus* и *Pithecus inuus* и т. д. Magot). Маготъ отличается стройнымъ тѣлосложеніемъ, длинными, тонкими конечностями, мѣхомъ, который на спинѣ довольно густъ, а на животѣ рѣдокъ, и густыми бакецбардами. Морщинистое лицо, уши, руки и ноги—тѣлеснаго цвѣта, пятки—блѣдно-красныя, шерсть красновато-оливковая; волосы, составляющіе ее, въ основаніи—темнаго цвѣта, а на концѣ—

красноватые. У старыхъ животныхъ волоса и на концѣ черные, отчего вся шерсть получаетъ темную окраску. Нижняя часть тѣла и внутренняя сторона конечностей болѣе свѣтлаго желтовато-сѣраго или бѣловатаго цвѣта. Длина тѣла около 55 см., а высота спины 45—50 см.

Не подлежитъ сомнѣнію, что эта обезьяна была извѣстна древнимъ грекамъ подъ названіемъ Pithecus и что она первая была привезена въ Европу. Плиніи про нее рассказываетъ, что она очень переимчива, научается играть въ шашки, умѣетъ отличить картину отъ дѣйствительности, любитъ, чтобы съ нею занимались, и размножается въ домашнемъ состояніи. Изъ позднѣйшихъ писателей, Левъ Африканскій сообщаетъ, что эта обезьяна живетъ въ мавританскихъ лѣсахъ и на горахъ около Бугира и Константины; затѣмъ, что она не только по рукамъ и ногамъ, но и по лицу похожа на человѣка и отъ природы удивительно понятлива и ума. Тотъ же писатель говоритъ, что маготъ питается травами и зернами, нападаетъ цѣлыми стадами на хлѣбныя поля, ставитъ на краю ихъ часовыхъ, которые, при опасности, предостерегаютъ другихъ крикомъ, и что тогда все стадо спасается бѣгствомъ, прыгая большими скачками на деревья, при чемъ и самки прыгаютъ вмѣстѣ съ другими, держа дѣтенышей на груди. «Обезьяны эти», продолжаетъ онъ, «очень понятливы и ихъ можно многому научить, а нѣкоторыя изъ нихъ настоящіе артисты, но онѣ опасны тѣмъ, что очень раздражительны и кусаются». Со времени древнихъ грековъ и римлянъ до настоящаго времени, маготъ всегда пользовался, со стороны людей, большимъ вниманіемъ. Обезьяна эта постоянно, вмѣстѣ съ медвѣдями и верблюдами, встрѣчалась у вожаковъ, которые въ прежнія времена ходили по деревнямъ и забавляли народъ своими представленіями. Въ послѣднее время обычай этотъ сталъ выводиться. Среди шарманщиковъ и фокусниковъ маготъ пользовался всегда большимъ почетомъ, не только вслѣдствіе своей понятливости, но и по строенію тѣла. Недавно мы объяснили, что для участія въ представленіяхъ очень важно, чтобы обезьяна или вовсе не имѣла хвоста, или имѣла бы хвостъ, по возможности, короткій и мягкій, потому что при одѣваніи обезьянъ этотъ проростокъ представляетъ большія затрудненія. Вотъ почему у шарманщиковъ мандрилъ предпочитается всѣмъ павіанамъ, а бундеръ и маготъ—всѣмъ макакамъ. «Его стройная фигура», говорятъ Брукманъ, «значительно облегчаетъ одѣваніе; платье на немъ всегда хорошо сидитъ; хвоста вовсе не видно, когда онъ является на сценѣ. Учится онъ легко и хорошо помнитъ, чему научился; вслѣдствіе этого, его предпочитаютъ для представленій всѣмъ обезьянамъ. При хорошемъ уходѣ и разумномъ обращеніи маготъ, даже въ старости, остается кроткимъ и добродушнымъ; если же его колотятъ, то онъ дѣлается хитрымъ и злымъ». Рейхенбахъ говоритъ, что маготъ годится только для простыхъ ролей. Вся фигура его указываетъ на хитрость, обдуманность и рѣшительность характера. Широкое лицо выражаетъ упорство, а широкая голова показываетъ добродушіе. Маленькіе глаза глядятъ лукаво, а низкій лобъ есть признакъ довольно ограниченныя умственныхъ способностей. Вслѣдствіе этого, фокусы его довольно ограничены: онъ одѣвается и раздѣвается, снимаетъ шляпу, кланяется, падаетъ верхомъ на другихъ животныхъ, качается и ходитъ по канату, ловитъ брошенные орѣхи и ѣсть и пьетъ изъ посуды. Брукманъ, знатокъ этого дѣла, не согласенъ съ вышеизложеннымъ мнѣніемъ Рейхенбаха. Онъ утверждаетъ, что именно между маготами встрѣчаются самыя лучшіе артисты, которые достигаютъ высшей степени обезьяняго искусства.

Родина магота—сѣверо-западная Африка, Марокко, Алжиръ и Тунисъ. Риппель утверждаетъ, что онъ встрѣчается также часто въ оазахъ, лежащихъ на западѣ отъ Египта, и оттуда вывозится во множествѣ въ Александрію и Каиръ. Но

не ручаюсь за вѣрность этого свидѣнія, такъ какъ встрѣчалъ ихъ въ Египтѣ въ гораздо меньшемъ количествѣ, нежели виды, населяющіе центральную Африку. Насколько намъ извѣстно, онъ живетъ на своей родинѣ большими стадами, подъ предводительствомъ стараго опытнаго самца. Маготъ очень уменъ и хитеръ, лужавъ, ловокъ, проворенъ и силенъ и при случаѣ отлично умѣетъ защищаться своими хорошо развитыми зубами. При каждомъ сильномъ возбужденіи онъ такъ

Маготъ. *Inuus caudatus*. $\frac{1}{6}$ наст. велич.

выскакиваетъ лицо, какъ никакая другая обезьяна, быстро двигаетъ по всѣмъ направленіямъ губами и громко стучитъ зубами. Лишь при сильномъ испугѣ онъ издаетъ громкій, короткій крикъ; желаніе же, радость, отвращеніе, досаду и злобу онъ выражаетъ гримасами и щелканьемъ зубовъ. Когда онъ сердится, то быстро двигаетъ вверхъ и внизъ своимъ морщинистымъ лбомъ, вытягиваетъ морду и такъ сжимаетъ губы, что ротъ образуетъ маленькое, совершенно круглое отверстіе. На воле маготъ живетъ въ горныхъ мѣстностяхъ, на скалистыхъ утесахъ, но и на деревьяхъ чувствуетъ себя какъ дома. Говорятъ, что и онъ, какъ паніаль, поедаетъ пастбищныхъ и червей, почему постоянно перекатываетъ камни и иногда даже скалываетъ ихъ съ горъ, что нерѣдко очень опасно, особенно если произ-

водится съ крутыхъ косогоровъ. Скорпионъ, какъ утверждаютъ, его любимая пища; онъ ловко вырываетъ его ядовитое жало и затѣмъ лакомится имъ съ большою жадностью. Но онъ довольствуется и небольшими насѣкомыми и червями, и чѣмъ мельче его добыча, тѣмъ прилежнѣе онъ охотится и тѣмъ жаднѣе ее съѣдаетъ. Пойманное насѣкомое тщательно поднимается съ земли, разсматривается и съ одобрительной гримасой тотчасъ же пожирается.

Странно и даже не совсѣмъ понятно, почему у европейскихъ торговцевъ африками маготъ теперь считается рѣдкостью и только иногда нѣсколько экземпляровъ этихъ обезьянъ предлагаются на продажу. По этой же причинѣ онъ встрѣчается въ зоологическихъ садахъ только въ немногихъ экземплярахъ и, къ великому огорченію всѣхъ странствующихъ артистовъ, его трудно достать для обезьяннихъ театровъ. Этихъ обезьянъ привозятъ намъ обыкновенно изъ Могадара въ Марокко, но; кажѣтся, ловлей, прирученіемъ и продажей ихъ теперь занимаются гораздо меньше, чѣмъ прежде. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ самъ я получилъ отсюда четырехъ маготовъ и, такимъ образомъ, имѣлъ случай значительное время наблюдать ихъ. Всѣ эти четыре обезьяны отличались своей серьезностью, но не были угрюмы. Основной чертой ихъ характера было большое добродушіе, но рядомъ съ этимъ замѣчалась и быстрая раздражительность, не только у старыхъ обезьянъ, какъ обыкновенно говорятъ, но и во всякомъ возрастѣ, почему можно совѣтывать обращаться съ ними съ надлежащею осторожностью. Маготы хорошо бѣгаютъ, но посредственно лазаютъ, хотя все-таки легче, чѣмъ павіаны, влѣзаютъ на деревья и сравнительно ловко прыгаютъ отъ дерева къ дереву. Въ короткое время упомянутыя четыре обезьяны тѣсно сдружились со своимъ сторожемъ, несмотря на то, что никогда не могли совсѣмъ оставить присущаго имъ лукавства. Маленькихъ собакъ, кошекъ и другихъ млекопитающихъ животныхъ онъ влѣзалъ съ особеннымъ усердіемъ и цѣлыми часами занимался очисткой ихъ мѣха отъ паразитовъ и съ благодарностью принималъ подобныя же услуги отъ сторожа, хотя онъ только взерошивалъ ихъ мѣхъ и дѣлалъ видъ, что успѣшно ищетъ. Спустя нѣкоторое время, всѣ четыре магота околѣли, и мы не могли найти причину ихъ смерти.

Маготъ—единственная обезьяна, встрѣчающаяся до сихъ поръ въ дикомъ состояніи въ Европѣ. Во время моего пребыванія на югѣ Испаніи (1856), я съ сожалѣніемъ не могъ узнать ничего точнаго и обстоятельнаго о стадѣ обезьянъ живущихъ на скалахъ Гибралтара. Какъ мнѣ рассказывали, стадо это еще довольно многочисленно, но видѣть его можно очень рѣдко. Сами испанцы не могутъ опредѣлить: туземнаго ли происхожденія эти животныя или были перевезены изъ Африки? Изъ крѣпости часто наблюдали въ подзорную трубу за тѣмъ, какъ эти обезьяны, разыскивая себѣ пищу, передвигали камни и скатывали ихъ съ горъ. Въ садахъ появляются онѣ очень рѣдко. Поэтому достойны вниманія свѣдѣнія объ этихъ обезьянахъ, собранныя А. Смиттомъ на мѣстѣ. Прежде всего онъ сообщаетъ, что присутствіе обезьянъ въ Европѣ долго подлежало сомнѣнію, принималось за глупую сказку и отрицалось даже однимъ капитаномъ корабля, часто бывавшимъ въ Гибралтарѣ, такъ что, какъ увѣряетъ Смиттъ, онъ самъ сталъ сомнѣваться въ существованіи обезьянъ въ Европѣ. Но, однажды, поднявшись на вершину скалы, гдѣ находилась флаговая мачта, чтобы полюбоваться великолѣпнымъ видомъ, онъ узналъ истину. Сторожъ, стоящій при флагѣ, случайно сообщилъ ему, что теперь обезьяны заняты переселеніемъ. Нашъ авторъ немедленно собралъ тщательныя свѣдѣнія и, благодаря ему, мы узнали слѣдующее:

«Обезьяны живутъ на этой скалѣ съ незапамятныхъ временъ, но когда и какъ онѣ перебрались черезъ море—трудно опредѣлить. Преданіе мавровъ, будто

У обезьянъ до сихъ поръ существуетъ подъ проливомъ подземный ходъ, соединяющій Гибралтаръ съ Марокко, по которому онѣ приходятъ и уходятъ, слишкомъ уже сказочно. Вѣрно только то, что обезьяны дѣйствительно живутъ на Гибралтарѣ, хотя численность ихъ въ послѣднее время сильно убавилась, такъ что нѣсколько лѣтъ сряду было всего четыре обезьяны. Онѣ показываются рѣдко и, съ переменной вѣтра, мѣняютъ свое мѣстопробываніе. По своей нѣжной натурѣ, онѣ боятся всякаго измѣненія погоды, именно, переменъ западнаго вѣтра на восточный и наоборотъ, при чемъ стараются отъ него защититься, притаившись за скалами. Онѣ очень живы и охотнѣе всего избираютъ себѣ мѣстомъ жительства утесистые обрывы, гдѣ онѣ безпрятственно завладѣваютъ многочисленными пещерами и расщелинами, находящимися въ рыхлыхъ скалахъ. Должно было имъ не трудно добывать себѣ пищу, такъ какъ онѣ имѣютъ сытый видъ. Расщелины скалъ покрыты роскошною растительностью, листья и плоды которой служатъ обезьянамъ пищею: но особенно онѣ любятъ сладкіе корни карликовой пальмы, растущей тамъ въ изобиліи. Для разнообразія онѣ ѣдятъ также жуковъ и другихъ насекомыхъ. Говорятъ (за справедливость этого я не могу ручаться), что нѣкоторые иногда спускаются со скалъ и грабятъ городскіе сады, когда спѣлые плоды нѣсколько прельщаютъ ихъ, что жадность преодолеваетъ ихъ любовь къ уединенію. Ихъ считаютъ обыкновенно чрезвычайно трусливыми и говорятъ, что онѣ при малѣйшемъ порохѣ убѣгаютъ. Разсказчикъ мой опровергъ это и, въ доказательство своихъ словъ, указывалъ на нѣкоторыя скалы, съ которыхъ обезьяны еще утромъ того же дня смотрѣли на него, не пугаясь ни цвѣта его англійскаго мундира, ни его строгаго взгляда. Довольно долгое время онѣ оставались на разстояніи 30 или 40 локтей отъ бруствера, къ которому онъ прислонился, и потомъ suddenly удалились. Такъ какъ ихъ никто не преслѣдуетъ, а, наоборотъ, ограждаетъ отъ всякаго безпокойства, то ихъ уединеніе и рѣдкое появленіе можно объяснить только природною дикостью и робостью. Я не могъ узнать, съ какихъ поръ оказывается имъ такое покровительство; вѣроятно, это началось съ того времени, когда Гибралтаръ попалъ во владѣніе англичанъ. Съ 1855 года квартирмейстеръ не только взялъ ихъ подъ свою особенную защиту, но даже тщательно записывалъ каждое ихъ появленіе и число вземляровъ. По этой запискѣ видно, что онѣ появлялись, среднимъ числомъ, разъ въ каждые десять дней, иногда даже чаще, что онѣ лѣтомъ, также какъ и зимой, переселялись всякій разъ съ вѣсною пѣбѣжать вѣтра; наконецъ, въ 1856 году ихъ было еще десять, но постепенно число это уменьшилось до четырехъ. Къ сожалѣнію надо ожидать ихъ полнаго исчезновенія, такъ какъ эти четыре обезьяны принадлежатъ къ одному полу. Неужели изъ многихъ англійскихъ офицеровъ въ Гибралтарѣ не найдется одного, который былъ-бы настолько великодушень, чтобы перевезти нѣсколько обезьянъ въ противоположнаго берберійскаго берега, что легко исполнить, такъ какъ сообщеніе между берегами происходитъ еженедѣльно довольно правильно? Неужели никто не купитъ хоть полдюжины этихъ животныхъ, чтобы пустить ихъ къ соотечественникамъ на гибралтарскія скалы? Тогда могли бы мы надѣяться, что обезьяны опять расплодятся, и въ Европѣ не исчезнетъ этотъ видъ млекопитающихъ».

Годъ спустя Поселътъ пишетъ объ этихъ-же обезьянахъ слѣдующее. «При переездѣ изъ Кадикса въ Гибралтаръ, я освѣдомился объ обезьянахъ, и англійскій, коренной житель Гибралтара, увѣрилъ меня, что ихъ больше тамъ нѣтъ. Въ городѣ-же мнѣ сказали, что нѣсколько штукъ обезьянъ, безъ всякаго сомнѣнія, еще есть и даже указали, что, вѣроятно, ихъ отъ 3 до 15, но ихъ трудно считать, такъ какъ онѣ живутъ въ недоступныхъ скалистыхъ мѣстахъ и очень

пугливы. Безъ проводника медленно поднялся я по самой удобной дорогѣ къ высочайшей сѣверной вершинѣ скалы, къ флаговой мачтѣ, и, добравшись до дугѣ третей высоты, отклонился влѣво, направляясь къ сѣверной вершинѣ. Великолѣпный ландшафтъ, разстилавшійся подо мной, такъ приковалъ меня, что я совершенно забылъ объ обезьянахъ, какъ вдругъ, при послѣднемъ поворотѣ дорогѣ, вниманіе мое было возбуждено своеобразнымъ, рѣзкимъ звукомъ, который я сначала принялъ за отдаленный собачій лай. Шагахъ въ 200 передо мной стояла первая батарея съ ея, къ Испаніи обращенными, грозными пушками. По вымпелу бѣлому брустверу этой батареи бѣжало, удаляясь отъ меня, какое-то животное, величиною съ шотландскую таксу; оно и производило этотъ звукъ. Я остановился и увидѣлъ, что это была одна изъ обезьянъ, которая, вѣроятно, стояла на сторожѣ, такъ какъ на краю стѣны, по направленію къ Средиземному морю, лежали еще двѣ другія, приятно потягиваясь на солнцѣ. Шагъ за шагомъ приближался я къ интересной группѣ обезьянъ, которыя, плотно прижавшись другъ къ другу, внимательно слѣдили за мной. Приблизившись шаговъ на 100, я остановился и сталъ наблюдать за животными, которыя очевидно перестали бояться меня. На тысячахъ ладовъ проявляли онѣ свое довольство отъ согрѣванія теплыми солнечными лучами: то обнимаясь, то приятно катаясь по стѣнѣ. Иногда одна изъ обезьянъ влѣзала черезъ казенную часть въ пушу и, вылѣзши изъ дула, снова возвращалась къ товарищамъ. Словомъ, обезьянки, казалось, расположились здѣсь какъ дома и рѣшили, вполне насладиться чуднымъ солнечнымъ днемъ. Прежде ихъ было очень много, а теперь всего три; онѣ уже болѣе не размножаются, безъ всякаго сомнѣнія, потому, что принадлежать къ одному полу, или всѣ самцы, или всѣ самки, такъ что маленькая семейка скоро вся вымретъ. Владѣльцы садовъ заботились прежде о раваствленіи ловушекъ, чтобы оберегать свои плоды отъ нападенія прожорливыхъ гостей, причинявшихъ большія опустошенія, но теперь эта предосторожность уже излишня. Покровительства могущественной Англіи не было достаточно, чтобы предохранить древнихъ обитателей сильной крѣпости отъ погибѣли, и чрезъ нѣсколько лѣтъ европейская фауна лишится одного интереснѣйшаго вида».

Для успокоенія всѣхъ друзей животныхъ, я могу сообщить, что опасенія Поселятъ не оправдались, и свѣдѣнія его оказались невѣрными. Черезъ посредство брата я обратился къ самому коменданту Гибралтара съ просьбой дать мнѣ свѣдѣнія объ обезьянахъ, и узналъ слѣдующее.

«Число обезьянъ, паселяющихъ скалы, въ настоящее время простирается до одиннадцати; убѣдившись, что онѣ безъ труда находятъ достаточное количество пищи, ихъ теперь не кормятъ, а вполне предоставляютъ самимъ себѣ. Сигнальный сторожъ, равно какъ и полицейскіе чиновники слѣдятъ за ихъ безопасностью и запрещаютъ гоняться за ними и причинять имъ какой-либо вредъ. Первый записываетъ свѣдѣнія о нихъ въ особую книгу, и такъ какъ эти обезьяны всегда вмѣстѣ, то онъ въ точности знаетъ ихъ число, замѣчая прибавленіе и исчезновеніе отдѣльныхъ обезьянъ. Когда я какъ попали онѣ на скалы, не можетъ никто сказать, хотя объ этомъ ходятъ различныя мнѣнія. Шесть или семь лѣтъ тому назадъ ихъ оставалось только три, но сирѣ Вильямъ Кодрингтонъ, боясь, что онѣ совершено вымрутъ, привезъ изъ Тангера еще трехъ или четырехъ, и съ тѣхъ поръ онѣ размножились до упомянутого количества».

Къ послѣднему времени число ихъ болѣе, чѣмъ удвоилось. На запросъ посланный одному изъ офицеровъ англійскаго гарнизона въ Гибралтаръ, былъ полученъ отъ капитана Е. С. Шифарда слѣдующій отвѣтъ. «Трудно опредѣлить съ

трудностью, пишет Шифардъ 18 марта 1899 года, «количество находящихся на живом обезьянъ. Вчера только видѣлъ я ихъ въ числѣ 12, но прошлое лѣто приходилось мнѣ встрѣчать ихъ штукъ до 25, и я думаю можно смѣло сказать, что ихъ всего штукъ около 30-ти. Въ это время года ихъ не часто можно видѣть, такъ какъ жаръ и вода не всегда изобилуютъ на верхнихъ мѣстахъ скалъ, и въ лѣтнія жары недостатокъ пищи заставляетъ ихъ спускаться ниже; тогда онѣ причиняютъ садамъ значительный вредъ. Около іюня или іюля прошлаго года у обезьянъ было не мѣнѣе шести дѣтенышей. Взрослые самцы довольно велики; они достигаютъ полныхъ трехъ футовъ длины, взрослые же самки тоже довольно статны, но тоньше и не такого сильнаго и плотнаго сложенія. Самый сильный самецъ держится въ сторонѣ отъ стада».

Эти новѣйшія наблюденія показываютъ, слѣдовательно, что отнюдь не надо опасаться уничтоженія послѣдней, въ дикомъ видѣ живущей въ Европѣ, породы обезьянъ.

* *
* *
* *

Павіаны (*Супосерпалусъ*. *Pavian*. *Супосерпале*) принадлежатъ къ самой замѣчательной, но не къ самой привлекательной и пріятной группѣ обезьянъ. Мы находимъ въ ней, напротивъ того, самыхъ безобразныхъ, грубыхъ, нахальныхъ, слѣдовательно, самыхъ отвратительныхъ членовъ всего класса. Благородство и красота формъ, замѣчаемая у другихъ обезьянъ, здѣсь совершенно исчезла, а необузданность страстей подавила умственныя способности.

Согласно съ Аристотелемъ, мы называемъ павіановъ собачоголовыми, потому что устроено ихъ головы болѣе подходитъ къ головѣ некрасивой собаки, чѣмъ къ человѣческой, съ которою головы прочихъ обезьянъ имѣютъ отдаленное сходство. Но правда сказать, вышеуказанное сходство—самое поверхностное и неточное. Голову павіана можно съ тѣмъ же правомъ назвать карриатурою собачьей головы, какъ голову гориллы—карриатурою человѣческой. Но такъ какъ выдающаяся, подобно мордѣ собаки, часть лица павіановъ служитъ отличительнымъ ихъ признакомъ, то названіе, данное Аристотелемъ, остается до сихъ поръ въ своей силѣ. Собачоголовыя, послѣ човѣкообразныхъ, самыя большія обезьяны. Тѣлосложеніемъ онѣ коренасты; сила мускуловъ ихъ изумительна. Ихъ тяжелая голова удлиняется въ видѣ массивной, спереди обрубленной, ребристой или морщиистой морды, съ выдающимся носомъ. Зубы ихъ, своими страшными вѣлками, съ острыми задними краями, напоминаютъ зубы хищныхъ млекопитающихъ. Губы ихъ подвижны, уши малы, надъ глазами высокія дуги бровей; сами же глаза, хитрые и коварные, отражаютъ, какъ въ зеркалѣ, все существо этихъ обезьянъ. Конечности коротки и сильны, на рукахъ по пяти пальцевъ; хвостъ—то короткій, то длинный, иногда весь покрытъ волосами; иногда оканчивается только пучкомъ волосъ. Щечные вѣшки очень велики. Сѣдалищныя наросты достигаютъ ужасающихъ размѣровъ и часто окрашены самыми яркими цвѣтами. У нѣкоторыхъ видовъ волосы удлиняются на головѣ, шеѣ и на плечахъ въ видѣ густой гривы и имѣютъ обыкновенно неопредѣленный оттѣнокъ, сходный съ цвѣтомъ земли или скалъ, какъ, напримѣръ, желтовато-сѣрый или зеленовато-бурый. Собачоголовыя живутъ въ Африкѣ, Аравіи и Индіи: въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ находятъ особенныя виды ихъ, которые, впрочемъ, какъ болѣе распространенныя, общи многимъ странамъ.

Павіаны большею частію живутъ въ скалистыхъ мѣстностяхъ, однако нѣкоторыя ихъ виды встрѣчаются и въ лѣсахъ. Они даже весьма ловко лазаютъ по деревьямъ, чего, по наблюденіямъ за ними въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, нельзя и предположить. На горы взбираются они отъ 3 до 4,000 ф. выше уровня моря, и

даже доходить до снѣжной линіи; однако они, повидимому, предпочитаютъ мѣстности менѣе возвышенныя: отъ 1000 до 2000 ф. надъ уровнемъ моря. Самые древніе путешественники уже упоминаютъ о томъ, что настоящее отечество павиановъ — гористыя мѣстности. Такъ, Бартема Волонскій, путешествовавшій въ 1503 г. въ Аравію, рассказываетъ, что, проѣзжая по дорогѣ въ г. Цибиту, въ полдня пути отъ Чермнаго моря, онъ увидаль, на высокой горѣ, болѣе 1000 этихъ обезьянъ, какъ видно, такъ и силою напоминающихъ львовъ. Поэтому онъ не совѣтуетъ пускаться по этому пути въ одиночку, а собираться партіями до 100 человекъ, чтобъ быть въ состояніи защищаться отъ нихъ.

Пищу павиановъ составляютъ преимущественно луковицы, клубни, коренья, ягоды, яйца и мелкія животныя. Однако, не должно думать, что эти отважныя и ловкія обезьяны довольствуются одними мелкими животными: кровожадность побуждаетъ ихъ нападать и на большихъ. Въ восточной Африкѣ, по словамъ Фишера, бабуны ловятъ не только куръ, но подстерегаютъ и маленькихъ птилицъ. Посѣвамъ и виноградникамъ павіаны приносятъ величайшій вредъ. Утверждаютъ даже, что они производятъ свои нападенія въ обдуманномъ порядкѣ. Кроме того, они, какъ говорятъ, уносятъ съ собою большое количество плодовъ на вершины горъ, гдѣ собираютъ себѣ запасы на черный день. Что они при грабежахъ выставляютъ часовыхъ — не подлежитъ сомнѣнію; однако, должно считать преувеличенными рассказы, встрѣчающіеся у Гесснера, напримѣръ, что эти обезьяны, становясь одна за другой, образуютъ цѣпь для передачи изъ рукъ въ руки сорванныхъ плодовъ. Точно также мало вѣроятно, что павіаны, застигнутые въ своей работѣ, обираютъ всѣ огурцы, дыни и гранаты, которые успѣютъ сорвать, и уносятъ ихъ въ безопасное мѣсто и тамъ сваливаютъ все въ кучи, изъ которыхъ, мало по малу, такимъ же порядкомъ утаскиваютъ добычу на вершины горъ. Часовые (которые действительно выставляютъ) должны всякій разъ крикомъ звать своихъ товарищей о приближеніи человека, бдительность часовыхъ обезпечивается тѣмъ, что, въ случаѣ оплошности, товарищи колотятъ ихъ до полусмерти. Во всякомъ случаѣ, въ населенныхъ и бѣдныхъ странахъ павіаны — настоящіе бичъ, приводящіе жителей огромный вредъ.

Болѣе всѣхъ остальныхъ обезьянъ павіаны своимъ наружнымъ видомъ выказываютъ принадлежность къ земнымъ животнымъ. Все строеніе ихъ тѣла вызываетъ ихъ къ землѣ. Походкой они напоминаютъ неуклюжую собаку; при ходьбѣ, они всетаки часто подпираютъ свое туловище одной рукою. Походка ихъ обыкновенно тихая и тяжелая, превращается, когда ихъ преслѣдуютъ, въ удивительный галопъ, сопровождаемый самыми странными тѣлодвиженіями. Движенія ихъ отличаются какимъ-то нахальнымъ безстыдствомъ; надо ихъ видѣть, чтобъ имѣть о нихъ понятіе. Это какое-то качаніе изъ стороны въ сторону всего туловища, а въ особенности задней его части, которое у другихъ животныхъ одна изъ встрѣчается; при этомъ, животныя такъ выгибаютъ хвостъ и такъ безстыдно вытряхиваютъ своими маленькими блестящими глазками, что одинъ взглядъ на нихъ даетъ полное понятіе о ихъ наглости. Правъ ихъ вполне соответствуетъ наружному виду. Пользуюсь словами Шейтлина для описанія ихъ:

«Павіаны всѣ болѣе или менѣе злы, свирѣпы, безстыдны, сладострастны и коварны; ихъ морда грубо напоминаетъ морду собаки, лицевая часть безобразная и задняя до-нельзя неприлична. Взглядъ ихъ лукавый, душа злобная. Зато они понятливы мелкхъ породъ обезьянъ и выказываютъ много ума и хитрости. У нихъ проявляется въ высшей степени, свойственная всѣмъ обезьянамъ, способность къ подражанію, посредствомъ которой они могли бы дѣлаться сообразными

походки на людей, но никогда этого не достигаютъ. Неприличіе ихъ превосходить всякое описаніе; женщинамъ и дѣтямъ не слѣдуетъ позволять приближаться къ нимъ. Но западни и опасности замѣчаютъ они легко и защищаются мужественно и упорно. Какъ ни дурны природныя качества павіановъ, въ юности ихъ, однако, можно приручить и сдѣлать послушными. Но къ старости, когда умъ и чувства притупляются, дурная природа беретъ свое: они опять дѣлаются непослушными, скалятъ зубы, царапаются и кусаются. Воспитаніе не успѣло пустить глубокіе корни. Говорятъ, что на свободѣ они умѣе и развитѣе, въ неволѣ — болѣе кротки и понятливы. Это семейство называютъ собакоголовыми. Хорошо бы имъ къ собачьей головѣ прибавить и собачій нравъ!»

Не могу не согласиться съ Шейтлингомъ: нарисованная имъ картина совершенно вѣрна. Душевные качества павіановъ представляютъ признаки, свойственные всѣмъ обезьянамъ, но у павіановъ они обращены въ дурную сторону. Однако, мы не можемъ имъ отказать и въ нѣкоторыхъ хорошихъ качествахъ: они чрезвычайно привязаны другъ къ другу и къ своимъ дѣтенышамъ, любятъ тоже человека, который ихъ воспиталъ и выходилъ, и стараются быть ему полезными; но безнравственность и порочность павіановъ совершенно затемняютъ ихъ немногія хорошія стороны. Хитрость и коварство свойственны всѣмъ этимъ обезьянамъ: кромѣ того онѣ часто впадаютъ въ совершенную ярость. Глѣвъ ихъ вспыхиваетъ мгновенно, какъ солома, но не такъ легко его потушить. Неосторожное слово, насмѣшливая улыбка, даже просто косой взглядъ можетъ привести павіана въ страшное бѣшенство, и тогда онъ забываетъ все, даже тѣхъ, кого прежде любилъ. Поэтому павіановъ должно всегда считать опасными животными, такъ какъ ихъ дикая натура легко можетъ прорваться наружу, даже послѣ долгаго промажутка. Для враговъ же своихъ они положительно страшны.

Павіаны большею частью бѣгутъ при приближеніи человека, но, въ случаѣ крайности, вступаютъ какъ съ нимъ, такъ и съ хищными звѣрями въ бой, который можетъ быть очень опасенъ. Леопардъ считается страшнѣйшимъ ихъ врагомъ, однако, онъ нападаетъ больше на дѣтенышей, такъ какъ не всегда можетъ справиться со взрослыми павіанами. Съ собаками павіаны справляются легко, но, несмотря на это, охота за павіанами составляетъ лучшее удовольствіе этихъ благородныхъ животныхъ. Собаки, леопарды и львы почти единственные опасные враги павіановъ. Однако, нужно думать, что этимъ обезьянамъ часто плохо приходилось отъ ядовитыхъ змѣй. Ни одинъ павіанъ не поднимаетъ камня, не вступать въ кусты, не удостовѣрившись сначала, что тамъ не скрывается змѣя. Скорѣе всего эти умныя животныя не боятся; напротивъ того, они весьма искусно ихъ ловятъ и вырываютъ ихъ ядовитое жало, не причинивъ себѣ вреда. Послѣ того они сдѣлаютъ ихъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ пауковъ и раковъ.

Ни у одного животнаго течка не проявляется въ такихъ ужасающихъ размахѣхъ, какъ у павіановъ. Я неоднократно замѣчалъ, что они легко распознають мужчину отъ женщины и своею навязчивостью и безстыдствомъ могутъ быть востерены для женскаго пола. У самцовъ половое возбужденіе почти не прекращается, у самокъ появляется каждыя 30—35 дней. По моимъ наблюденіямъ, насколько можно судить по наружнымъ признакамъ, течка у самокъ продолжается отъ 14—20 дней. Она начинается замѣтнымъ распуханіемъ половыхъ частей, которыя раздуваются и краснѣютъ, такъ что весь задъ кажется воспаленнымъ и покраснѣвшимъ, по истинѣ, отвратительный видъ. Дней черезъ посемь опухоль уменьшается и, мало по малу, исчезаетъ совершенно. Въ началѣ течки, самки загрызаются съ самцами, какъ самцы съ ними въ теченіе цѣлаго года. Хотя павіаны

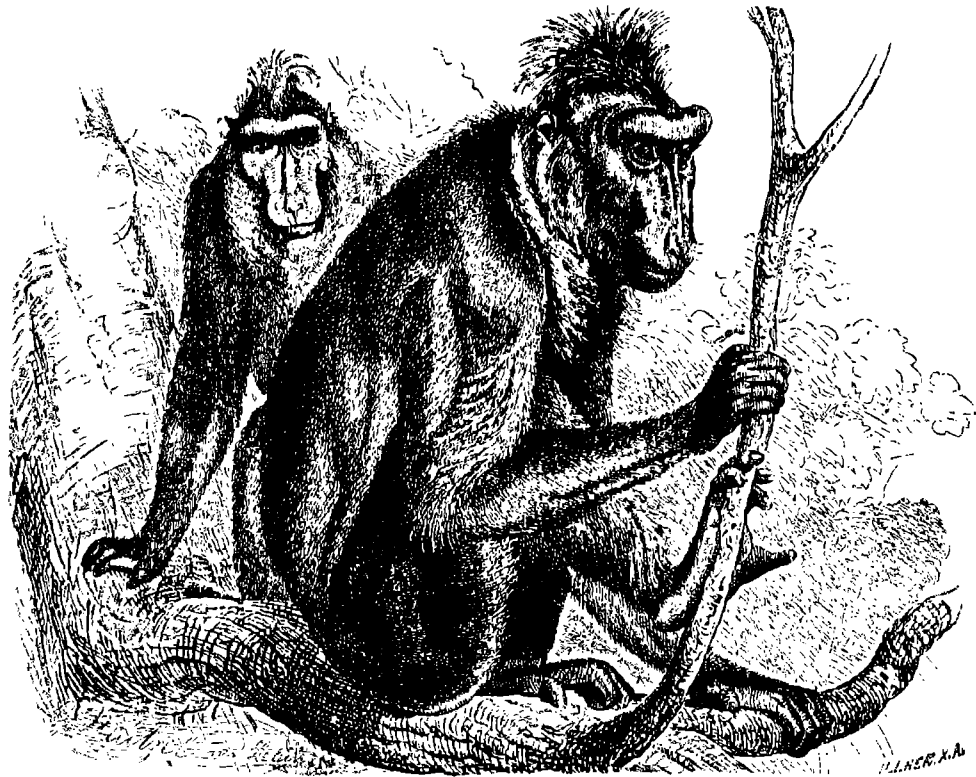
размножаются въ неволѣ, но до сихъ поръ еще не дознано, сколько времени продолжается беременность самки.

Польза, приносимая павіанами—весьма незначительна. Однако, они способны къ изученію разныхъ штукъ; говорятъ, что въ южной Африкѣ ихъ приучаютъ къ отыскиванію воды въ пустынѣ; поэтому ихъ часто приручаютъ и берутъ съ собою въ тѣ безводныя мѣстности, гдѣ сами бушмены находятъ воду только въ самомъ незначительномъ количествѣ. Когда запасъ воды приходитъ къ концу, павіану даютъ съѣсть что-нибудь соленое, черезъ нѣсколько часовъ его привязываютъ къ веревкѣ и пускаютъ бѣжать. Мучимое жаждой животное бросается то вправо, то влѣво, то впередъ, то назадъ, обнюхиваетъ воздухъ, вырываетъ изъ земли растенія, начинаетъ наконецъ рыть землю, указывая такимъ образомъ на скрытый источникъ, или рѣшительно несется впередъ къ отдаленной еще водѣ.

Въ сказаніяхъ и разказахъ арабовъ павіаны играютъ выдающуюся роль. Историки лучше всего знаютъ этихъ обезьянъ потому, что онѣ водятся въ Іерусалѣ (Аравіи) и привозятся живыми въ Египетъ и Сирію; къ нимъ, въ особенности, относится мнѣніе Магомета и его послѣдователей,—что Аллахъ, въ гнѣвъ своемъ, превратилъ ихъ изъ людей въ обезьянъ. Шахъ Кемаль-Эдинъ Демири, умершій въ 1405 г. нашего лѣтосчисленія, написалъ большое сочиненіе, подъ названіемъ Гейагъ-ель-Гейванъ (Жизнь животныхъ). «Не по приказу высокаго покровителя написалъ эта книга», говоритъ онъ, «а потому, что люди вообще слишкомъ мало знаютъ о животныхъ». Онъ передаетъ легенду о павіанахъ, какъ истый правовѣрный. Не позволяя себѣ ни малѣйшей критики. Городъ назывался Айла и былъ расположенъ на Черномъ морѣ, а жители были евреи. Причиной превращенія былъ грѣхъ, который совершили іудеи, заляпшавъ въ субботу рыбной ловлей и осквернивъ такимъ образомъ день Господень. Нѣкоторые благочестивые и мудрые жители старались отмѣшать святотатству, но, видя, что всѣ увѣщанія напрасны, оставили несчастный городъ. Три дня спустя они вернулись, но нашли ворота запертыми. Персаякъ черезъ стѣну, они увидали себя окруженными павіанами, изъ которыхъ нѣкоторые подошли къ нимъ ближе и, ласкаясь, грустно и просительно на нихъ поглядывали: тогда имъ пришло на мысль, что павіаны, вѣрно, ихъ бывшіе родственники. «Скажи мнѣ, павіаль», спрашивали они, «не ты ли мой племянникъ Ибрагимъ или Ахмедъ или Мұза? И павіаны подкакивали, грустно кивая головами. Такимъ образомъ стало извѣстно, что надъ ними произнесенъ былъ страшный приговоръ. Шейхъ Демири, который въ остальномъ весьма благоразуменъ, полагаетъ, что этому разсказу должно повѣрить, хотя и можно доказать, что павіаны существовали раньше евреевъ. Послѣ этого вступленія онъ переходитъ къ самимъ животнымъ и описываетъ ихъ чрезвычайно мѣтко. «Эти животныя», говоритъ онъ, «очень схожи съ людьми по своимъ свойствамъ и правамъ: они смѣются, радуются, садятся на заднія лапы, чешутся ногтями, подають что-нибудь рукой, имѣютъ суставчатые пальцы и ногти, какъ люди, и дружелюбно, относятся къ человѣку. Общественно они ходятъ на четверинкахъ; но могутъ ходить и на заднихъ лапахъ. Нашнее ихъ вѣко вооружено рѣсницами, а это встрѣчается только у людей. Уши въ воду, они тонуть, какъ люди, не умѣющие плавать. Они живутъ въ брачномъ сожителствѣ (?) и ревнуютъ своихъ самокъ,—явленія, которыя свойственны только человѣку. Самки носятъ своихъ дѣтенышей у груди, какъ женщины. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти животныя обладаютъ свободной волей; иначе имъ было бы невозможно выучиваться вешамъ, несвойственнымъ ихъ природѣ».

Мы начнемъ разсмотрѣніе павіановъ съ обезьяны, которую нѣкоторые естествоиспытатели причисляютъ къ павіанамъ, другіе-же къ макакамъ. Дѣло идетъ о павіанѣ

вадной черной обезьянѣ, о которой упомянуто ранѣе, какъ о мучительѣ буденга. Какъ мы тамъ видѣли, она своими свойствами совершенно схожа съ павіанами, но въ общемъ видѣннѣ нѣсколько отличается отъ другихъ собакоголовыхъ, отчего и происходитъ различіе въ мнѣніи натуралистовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я ее видѣлъ живую, я присоединился къ мнѣнію Кювье, который первый причислялъ эту обезьяну къ павіанамъ. Нельзя не сознаться, что она своимъ видомъ очень напоминаетъ макаковъ, только мнѣ кажется, что свойства собакоголовыхъ все-таки преобладаютъ. Слѣдуетъ на нихъ смотрѣть, какъ на переходную ступень отъ одной группы къ другой. Мы не можемъ обвинить въ ошибкѣ тѣхъ, которые причисляютъ ихъ къ макакамъ, но и тѣ тоже правы, которые считаютъ ихъ собакоголовыми.

Черный или хохлатый павіанъ. *Cynopithecus niger*. $\frac{1}{2}$ наст. велич.

Черный или хохлатый павіанъ (*Cynopithecus niger*, *Cynocephalus*, *Macacus* и *Simia niger*, *Simia nigra*, *Cynopithecus malayanus*, Schopfravian. *Cynocephale nègre*.) отличается отъ прочихъ собакоголовыхъ совсѣмъ короткимъ хвостомъ и формою морды, которая широка, плоска и коротка, причѣмъ носъ не выдается надъ верхней губой, какъ у павіановъ, и не достигаетъ конца морды. Поэтому наша обезьяна считается представительницей особаго рода собакоголовыхъ, именно, собако-обезьянъ (*Cynopithecus*). Лицо и задъ голы, остальные части тѣла покрыты длинной, мягкой шерстью, которая на головѣ еще удлинняется въ видѣ довольно вы-состаго хохла. Шерсть вездѣ равнаго чернаго цвѣта, какъ и покрытое бархати-стымъ кожей лицо; сѣдалище красное. Хохлатый павіанъ ростомъ меньше всѣхъ остальныхъ видовъ этого рода; длина его 65 см., длина хвоста только 3 см.

Родина черного павиана—Целебесъ и тамъ онъ водится въ довольно большомъ количествѣ. О его жизни на волѣ еще мало извѣстно. Розенбергъ рассказываетъ о немъ слѣдующее: «Онъ встрѣчается на горахъ, покрытыхъ лѣсомъ, на высотѣ 1,300 метровъ надъ уровнемъ моря; собираются они стадами въ нѣсколько сотъ головъ, чтобы переочевываться съ одной мѣстности въ другую. Одинъ мой знакомый встрѣтилъ, во время служебной поѣздки, такое кочующее стадо обезьянъ, перегородившее ему дорогу, по которой онъ ѣхалъ верхомъ, и ему стоило большаго труда защититься отъ этихъ животныхъ ударами кнута. Въ Тулабала мѣся приходилось, почти каждый вечеръ, слышать ихъ неприятный крикъ, похожий на лай собакъ. Однажды мой охотникъ принесъ мнѣ дѣтеныша этой породы. Черное время я его кормилъ молокомъ и спѣлыми плодами пианга, которые онъ высасывалъ; впоследствии онъ ѣлъ вареный рисъ и размяченные въ водѣ сухари. Мало по малу, онъ сталъ ручнымъ, но за то и страшно надѣдливымъ. Когда его оставляли одного, онъ постояннымъ крикомъ выражалъ свое неудовольствіе. Если онъ слышалъ въ ближайшемъ лѣсу дѣніе птицы или крикъ животного, то сейчасъ же отвѣчалъ также крикомъ. Этотъ видъ павиановъ встрѣчается еще на маленькомъ островѣ Батьянь, находящемся къ югу отъ Галмагеры, величайшаго изъ Молукскихъ острововъ; но туда онъ, вѣроятно, былъ занесенъ. Султанъ Молукскихъ острововъ помнитъ, что слышалъ еще въ дѣтствѣ, будто, въ правленіе его отца или дѣда, на Батьянь переселили пару этихъ обезьянъ. Отъ этой пары произошла всѣ живущія тамъ обезьяны, которыя, впрочемъ далеко не распространены по всему острову и на Галмагерѣ еще не встрѣчаются.

Въ послѣднее время ихъ часто стали перевозить въ Европу, гдѣ они подолгу живутъ въ неволѣ. Хохлатый павианъ, котораго я видѣлъ въ амстердамскомъ зоологическомъ саду, казалось, чувствовалъ себя тамъ прекрасно. Днемъ его перенесли въ большую обезьянью клетку къ мартышкамъ, которыя забавляли тамъ зрителей. Послѣ сказаннаго мною выше, мнѣ почти нечего прибавить о его привычкахъ. Больше робкихъ обезьянъ властолюбивый черный павианъ такъ же избивалъ, какъ мучилъ бѣднаго буденга, но ловкія мартышки всегда отъ него укрывались. Съ макаками онъ ладилъ, а съ самкой бабуина свелъ даже весьма приятную дружбу, оказывая ей всевозможное вниманіе, въ благодарность за что она часами и очинчала отъ паразитовъ. На приложенномъ рисункѣ онъ изображенъ очень удачно. Въ этой позѣ онъ просиживаетъ въ задумчивости по нѣсколькимъ минутъ; вѣроятно, въ это время складывается у него въ умѣ планъ новыхъ шалостей и проказъ.

Для обезьяняго театра, по словамъ Брукмана, ни одна обезьяна не можетъ сравниться съ хохлатымъ павианомъ. Онъ учится всему легко, прекрасно понимаетъ выученное и «работаетъ» съ величайшимъ удовольствіемъ. Однако, вслѣдствіе рѣдкости и высокой цѣны этой обезьяны, ее не часто можно встрѣтить на сценѣ, тѣмъ болѣе, что она скоро начинаетъ хирѣть.

Между павианами, въ собственномъ смыслѣ (безъ епанчи), мнѣ удалось особенно близко познакомиться съ бабуиномъ. (*Cynocercus babuin*, *Paria babuin*, *Sitona cynocercus* es. *Babuin*, *Babouin*). Къ сожалѣнію, я наблюдалъ на немъ въ неволѣ. Съ только-что описанными породами обезьянъ смѣшать бабуина трудно, но нельзя отказать ему въ сходствѣ съ хохмой (*Cynocercus porcarius* *Tehakma*, *Parion noir*) и сфинсомъ (*Cynocercus sphinx*, *Sphinx*, *Parion*). Гладкій, ровный, нигдѣ не удлиняющійся мѣхъ его сверху зеленовато-желто-оливковый; каждый волосъ попеременно съ черными и желтыми колечками, внизу мѣхъ свѣтлѣе; въ щечкахъ желтовато-бѣлый. Лицо и уши черновато-сѣраго цвѣта; верхнія губы бѣловатыя; руки—буровато-сѣрыя, а глаза свѣтло-коричневые. Взрослые самцы

достигаютъ 65—70 см. вышины при длинѣ въ $1\frac{1}{2}$ метра, третью часть которой занимаетъ, относительно тонкій, хвостъ. Хахма значительно больше, неуклюже и темнѣе цвѣтомъ; сфинксъ меньше, но сильнѣе и приземистѣе. На лицѣ послѣдняго бросается въ глаза странное утолщеніе скуль; мѣхъ его не зеленовато-желтый, а красно-бурый, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ.

Въ образѣ жизни и нравахъ этихъ трехъ павіановъ едва-ли можно найти

Бабуинъ. *Cynocephalus babuin*. $\frac{1}{8}$ н. в.

какое нибудь значительное различіе. О хахмѣ я уже говорилъ раньше и потому займусь преимущественно болѣе известнымъ мнѣ видомъ.

Бабуинъ живетъ почти тамъ же, гдѣ гамадриль, но проникаетъ дальше во внутренность Африки. Онъ очень распространенъ въ Абиссиніи, Кордофанѣ и средней Африкѣ. Встрѣчается тоже, по свидѣтельству Бема и Рейхарда (если они не смѣшиваютъ видовъ), въ большомъ количествѣ, въ германскихъ восточнопурчанскихъ владѣніяхъ и еще дальше, къ югу отъ озера Танганьика, до верхняго теченія рѣки Луалабы.

О жизни на свободѣ нашей обезьяны Гартиманъ могъ сообщить мнѣ только

слѣдующее: «На плоскогорьѣ Джебель-Гули бабуинъ живетъ въ довольно большомъ количествѣ; онъ тамъ питается луковицами, винными ягодами, тамариндами и т. д. живетъ онъ крайне пріятно, изо дня въ день, пока появившійся въ его горахъ леопардъ не спугнетъ, а если возможно, не растерзаетъ его. Туземцы мало обращаютъ на него вниманія; иногда, впрочемъ, ловятъ и приручаютъ дѣтенышей. Но бывають случаи, когда эти павіаны очень непріятны, а именно, когда встрѣчаются съ молодыми туземными дѣвушками въ горныхъ ручьяхъ. Фунги (туземцы) жалуются, что павіаны тогда набрасываются на нихъ и совершаютъ надъ ними разныя насилія. Поэтому, когда молодыя дѣвушки идутъ за водой къ источнику, ихъ всегда сопровождаютъ вооруженные молодые люди».

«Величайшее удовольствіе доставляли намъ наблюденія надъ этими обезьянами, которыя рядами, одна за другою, перебирались черезъ крутизны Джебель-Гули и играли подъ деревьями, растущими на горахъ. При каждомъ отрядѣ встрѣчались самцы огромнаго роста. Охота за ними, впрочемъ, никогда намъ не удавалась, такъ какъ, при нашемъ приближеніи, онѣ своевременно спасались бѣгствомъ. Однако, намъ удалось получить дѣтеныша этой породы павіановъ и на немъ подтвердились всѣ наши наблюденія».

О жизни на свободѣ бабуиновъ Ноокъ сообщаетъ намъ слѣдующее (изъ наблюденій столь рано умершаго Бема): «Они встрѣчаются часто, какъ въ степныхъ рощахъ, такъ и въ мѣстностяхъ около рѣкъ, до озера Танганика, также въ Урра и Катанга. Дѣтенышей, сидящихъ на спинахъ матерей, видалъ я преимущественно отъ марта до мая, но, повидимому, самки рожаютъ въ разное время года. Большими стадами пробіраются они по лѣсамъ и набрасываются, во время жатвы, на расположенныя тамъ и сямъ маисовыя и просяныя поля, которымъ причиняютъ страшный вредъ. Они очень смѣлы и хитры. Когда сторожа выгоняютъ ихъ въ поля криками или бросаніемъ въ нихъ кошей, они только удаляются на небольшое разстояніе и выжидаютъ, пока опасность миновала. Женщинъ они вовсе не боятся, часто нападаютъ на нихъ и вырываютъ изъ рукъ пищу. Огнестрѣльное оружіе они знаютъ отлично. Отъ охотниковъ они спасаются не спѣша, отъ времени до времени прыгая на невысокія деревья или прислоняясь къ стволамъ деревьевъ для осмотра мѣстности, сидятъ тамъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла, но тотчасъ же бѣгутъ дальше, при видѣ направленаго на нихъ дула. Дѣтеныши, даже довольно взрослые, остаются при убитой матери. Подстрѣленныхъ животныхъ старые самцы уводятъ и охраняютъ. Нападеніе собакъ павіаны часто отражаютъ успѣшно; однако, ихъ все-таки травятъ и ловятъ собаками. Старые опытные самцы всегда составляютъ арьергардъ. Если стадо остановилось для отдыха на землѣ, эти самцы прохаживаются передъ фронтомъ; если оно расположилось на верхушкѣ дерева—эти часовые, отъ времени до времени, безстрашно садятся для наблюденій на выдающійся сукъ. Павіаны хотя кажутся тяжелыми и неуклюжими, но очень смѣло взбираются на высочайшія деревья, но, при видѣ опасности съ большимъ шумомъ соскакиваютъ съ нихъ тяжелыми прыжками. Ночью они спятъ на высокіхъ деревьяхъ, однако часто перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто и въ темныя ночи. Звукъ голоса у старыхъ самцовъ ниже и сильнѣе и походитъ на отрывистый лай; испуганное же стадо кричитъ пронзительно. Короткое и грубое «о! о!» выражаетъ удивленіе и недовольство; протяжное «о-о»—какое-нибудь желаніе. Въ молодости они очень забавны и легко привыкають къ людямъ, но среди нихъ имѣють своихъ любимцевъ, которымъ позволяютъ носить себя, къ другимъ же относятся непріязненно. Ихъ можно тоже, какъ собакъ, пріучить къ травлѣ людей. Разсердившись, они скалятъ зубы, приподымають брови, загибають назадъ уши и смѣшно

W Kuhnert.

Доста Цена С.Б.Б. 14 Апр. 1904 г.

ХРОМО-ЛИТ Т. КНЕСЕЛЬ С.П.Б.

ПАВІАНЫ.

вытягиваются во весь ростъ. Передъ грозой или ливнемъ они выказываютъ большое волненіе и вообще они легко пугаются и тогда доходятъ до изступленія. Особенно характерно то конвульсивное подергиваніе, которое нападаетъ на нихъ вовсе не вслѣдствіе болѣзни, а когда они замѣчаютъ, что ихъ наблюдаютъ. При встрѣчѣ съ европейцемъ, они иногда, какъ бы движимые невидимой силой, со страхомъ подходятъ къ нему, но, дотронувшись, мгновенно отскакиваютъ съ громкимъ крикомъ. Они охотно ѣдятъ кузнечиковъ, а также мышей и т. д.». Что эти павіаны нападаютъ и на большихъ животныхъ, уже сказано нами выше. Своими движеніями и фигурою бабуинъ напоминаетъ всѣхъ остальныхъ павіановъ, явнымъ же своимъ онъ выгодно отъ нихъ отличается. Это умное животное; по-

Хахма. *Суцосерпалусъ поркариусъ*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

манное молодымъ, оно легко привыкаетъ къ человѣку, безъ труда выучивается разнымъ штукамъ и остается преданнымъ своему хозяину, несмотря даже на дурное обращеніе. Самки болѣе кротки и добродушны, самцы своими коварными и злыми шалостями иногда вредятъ даже своему хозяину, съ которымъ самка всегда живетъ въ большомъ ладу. Перваго бабуина, жившаго у меня, я назвалъ Перро. Это была красивая, веселая обезьяна и въ три дня совершенно привыкла ко мнѣ. Я далъ Перро должность сторожа при домѣ, для чего привязалъ его у входной двери. Здѣсь онъ скоро нашелъ себѣ уютное мѣстечко и усердно принялся за исполненіе своей обязанности. Только насъ и знакомыхъ ему лицъ онъ пропускалъ въ дверь безпрепятственно, на незнакомыхъ же такъ сердито набрасывался, что его надо было держать, пока незнакомецъ не скрывался за дверь; иначе Перро набрасывался на него, какъ бѣшеная собака. Вообще, въ раздраженномъ состояніи, онъ опять становился павіаномъ съ ногъ до головы, со всѣми свойственными этой породы живот. ВРЭМА. Т. I.

родѣ привычками, нравами и недостатками. Въ гнѣвѣ онъ поднималъ хвостъ, становился на ноги, подпираясь одной рукой, между тѣмъ, какъ другою сердито стучалъ по землѣ, какъ раасердившійся человѣкъ стучить о столъ; только онъ при этомъ не сжималъ руки въ кулакъ. Глаза его сверкали и искрились, онъ испускалъ пронзительный крикъ и бѣшено нападалъ на своего противника. Онъ умѣлъ тоже отлично лицемѣрить, принималъ самый кроткій, дружественный видъ, чмокала губами, что всегда служило у него выраженіемъ любви, и протягивалъ, какъ бы съ мольбою, руки къ человѣку, которому хотѣлъ нанести вредъ. Но стоило тому протянуть свою руку, какъ онъ схватывалъ ее, притягивалъ къ себѣ врага, царапалъ и кусалъ его. Со всѣми звѣрями онъ жилъ въ дружбѣ, кромѣ нашихъ страусовъ, которые, впрочемъ, сами были въ этомъ виноваты. Когда его услуги не были нужны, то Перро сидѣлъ спокойно на своемъ заборѣ, защищая цыновкой свою голову отъ солнечныхъ лучей. При этомъ онъ упускалъ изъ виду свой хвостъ, который спускался вдоль стѣны. Страусы же имѣютъ глупую привычку клевать и схватывать все, что можно сдвинуть съ мѣста. Поэтому часто случалось, что которая-нибудь изъ этихъ птицъ подходила, раскачиваясь, къ стѣнѣ и, прежде чѣмъ Перро успѣвалъ опомниться, хвостъ его уже оказывался въ клювѣ глупой птицы и былъ больно пскусанъ. Перро вмигъ сбрасывалъ съ головы цыновку и съ громкимъ крикомъ хваталъ страуса за голову и трясъ его, что было мочи. Часто случалось, что обезьяна послѣ того цѣлую четверть часа не могла преодолѣть своего волненія. Поэтому неудивительно, что она пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы толкнуть или ударить страуса.

Во время нашего обратнаго путешествія въ Египетъ, Перро, который подругился со всѣмъ экипажемъ, былъ привязанъ на длинной веревкѣ къ борту барки. Онъ страшно боялся воды, но, чувствуя жажду, всегда умѣлъ безопасно спуститься къ ней; прежде всего онъ пробовалъ крѣпость своей веревки и спускался по ней осторожно за бортъ, пока ноги его не достигали воды; тогда онъ опускалъ ихъ въ воду, а затѣмъ облизывалъ ихъ, утоляя такимъ образомъ жажду.

Къ молодымъ животнымъ выказывалъ онъ нѣжную привязанность. При нашемъ вѣздѣ въ Александрію, Перро былъ привязанъ къ фурѣ съ багажемъ, причемъ веревка его была настолько длинна, что давала ему большую свободу движеній. При вѣздѣ въ городъ Перро вдругъ замѣтилъ около самой дороги собаку, спокойно кормившую четырехъ прелестныхъ щенковъ. Спрыгнуть съ фуры и схватить одного щенка—было для Перро дѣломъ одной минуты. Но не такъ-то было легко вернуться со своей ношей на прежнее мѣсто. Страшно разсерженная сука яростно бросилась на дерзкаго похитителя, и Перро долженъ былъ напрягать всѣ свои силы, чтобы защищаться отъ ея нападеній. Борьба была трудная: фура должна двигаться и обезьянѣ никакъ не удавалось на нее вскарабкаться. Тогда обезьяна, притиснувъ щенка одной рукой къ груди, и той же рукой притянувъ къ себѣ веревку, которая ее давила, побѣжала на заднихъ лапахъ, храбро отражая, въ то же время, нападенія собаки. Мужественная защита обезьяны такъ восхитила арабовъ, что ни одинъ изъ нихъ не вздумалъ отнять у нея щенка: они, напротивъ, отогнали собаку. Такимъ образомъ Перро безпрепятственно принесъ щенка въ наше жилище и самымъ усерднымъ образомъ нянчился съ нимъ; онъ скакалъ по заборамъ и балкамъ съ бѣднымъ животнымъ и иногда оставлялъ его тамъ въ самомъ опасномъ мѣстѣ; подобныя, весьма рискованныя эквилибристическія упражненія, очевидно, вовсе не нравились щенку. Вообще Перро продѣлывалъ со щенкомъ разные головоломныя штуки, которыя были бы не очень опасны для молодой обезьяны, но для щенка были совсѣмъ невозможны. Повидимому, Перро сильно привя-

зался къ щенку, что не мѣшало ему съѣдать все, что приносили собачкѣ; онъ даже заботливо отстранялъ рукой своего голоднаго питомца, пока самъ пожиралъ его пищу. Я еще въ тотъ же вечеръ приказалъ отобрать у него щенка и отнести къ матери. Это его такъ разсердило, что онъ нѣсколько дней дулся и продѣлалъ въ это время много скверныхъ проказъ.

Во время моего вторичнаго пребыванія въ восточномъ Суданѣ, у меня на дворѣ жило нѣсколько павіановъ. Они частью принадлежали мнѣ, частью одному моему пріятелю. Каждый павіанъ отлично зналъ какъ своего господина, такъ и свое имя. Научить ихъ этому было легко. Для этого мы впускали одного павіана въ наше жилище, заботясь, чтобъ онъ не могъ убѣжать; одинъ изъ насъ грозилъ ему бичемъ, другой же дѣлалъ видъ, что защищаетъ его. Почти никогда не встрѣчалось надобности дѣйствительно ударить павіана: онъ понималъ и угрозу, и предложенную защиту, и выказывалъ всегда сильную благодарность своему защитнику. Точно также легко заставить павіановъ запомнить свою кличку. Мы просто выкрикивали имена и колотили тѣхъ павіановъ, которые отвѣчали невпопадъ. Не было надобности жестоко съ ними обращаться: каждый павіанъ понималъ уже одну угрозу и приходилъ отъ нея въ сильное волненіе.

Во время тропическихъ дождей мы принуждены были часто сидѣть дома. Лихорадка трясла то того, то другого; я былъ тогда очень бѣденъ, только-что испытывалъ самыя тяжелыя потери и находился въ весьма грустномъ положеніи. Обезьяны тогда служили для меня главнымъ развлеченіемъ и ихъ общество стало для насъ необходимымъ. Мы продѣлывали съ ними вмѣстѣ самыя дикія шалости, учили ихъ всевозможнымъ проказамъ и производили надъ ними разные курьезные опыты. При этомъ намъ удалось отлично изучить этихъ оригинальныхъ животныхъ. Въ настоящее время, когда я все съ возрастающимъ интересомъ слѣжу за жизнью животныхъ и стараюсь расширить кругъ своихъ наблюденій—эти глупыя шалости оказываются для меня очень важными.

Своихъ павіановъ мы учили и верховой ѣздѣ. Для этой пѣли мы пользовались толстымъ осломъ, на которомъ ѣздилъ обыкновенно еще болѣе толстый и несносный грекъ. Обезьяны сильно трусили, когда имъ въ первый разъ пришлось сѣсть на спину осла, но достаточно было одного урока, чтобъ дать имъ полное понятіе о высшей школѣ верховой ѣзды. Въ скоромъ времени мы уже имѣли удовольствіе видѣть своихъ обезьянъ, крѣпко сидящихъ на спинѣ осла, хотя съ отчаяніемъ въ душѣ. Оселъ былъ также смущенъ необычными сѣдоками. При этихъ опытахъ бросалась въ глаза та ловкость, съ которою обезьяны пользовались своими передними и задними руками. Мы ихъ пріучили садиться втроемъ, вчетверомъ и даже впятеромъ на спину терпѣливаго животнаго. Первый павіанъ нѣжно обнималъ руками шею осла, ногами же судорожно вѣсплался въ шерсть его, такъ что казался сросшимся съ нимъ; второй павіанъ обнималъ руками перваго, ногами же точно такъ же вѣсплался въ осла; такъ же поступали и всѣ остальные. Нельзя вообразить себѣ болѣе комичнаго зрѣлища, какъ этихъ обезьянъ, сидящихъ, одна за другой, на ослѣ, который, конечно, пользовался этимъ случаемъ, чтобы поупрямиться.

Всѣ наши павіаны пристрастились къ меризѣ (родъ пива), любимому напитку туземцевъ, который они готовятъ изъ сѣмянъ дурры или дохи (просо). Обезьяны напивались имъ до-пьяна и тѣмъ доказали мнѣ справедливость рассказовъ суданцевъ о ловлѣ павіановъ. Красное вино павіаны пили охотно, отъ водки же отказывались; однажды мы имъ влили въ ротъ силой по стаканчику водки. Последствія не заставили себя ждать, тѣмъ болѣе, что павіаны уже передъ тѣмъ вы-

пили изрядное количество меризы. Они совершенно опьянѣли, корчили страшныя рожи, стали наглы, страстны, безстыдны, однимъ словомъ, обратились въ самую отвратительную каррикатуру грубаго, пьянаго челоуѣка. На другой день настало похмѣлье, со всѣми его ужасами. Бѣдныя животныя дѣлали страшныя гримасы; замѣтно было, что у нихъ сильно болитъ голова. Они, какъ люди, двумя руками поддерживали отяжелѣвшую голову и испускали жалобные стоны. Похмѣлье такъ мучило ихъ, что они отказывались отъ предложенной имъ пищи, а отъ вина, которое обыкновенно пили охотно, отворачивались съ отвращеніемъ. Напротивъ того, они съ наслажденіемъ утоляли жажду маленькими сочными лимонами и, конечно, не отсазались бы и отъ обычной въ этихъ случаяхъ селедки, если бы мы могли ее предложить имъ.

Съ другими жившими у меня животными Перро отлично ладалъ. Ручная львица пугала только мартышекъ, но храбрые павіаны ея не боялись. Они, правда, избѣгали страшнаго звѣря, но мужественно защищались, въ случаѣ нападенія ея на одного изъ нихъ. То же наблюдалъ я и въ другихъ подобныхъ же случаяхъ. Мои ручныя павіаны пускались въ бѣгство, когда я на нихъ натравлялъ своихъ охотничьихъ собакъ, но стоило одной изъ нихъ укусить павіана и всѣ обезьяны набрасывались на собакъ и обращали ихъ въ бѣгство. Только-что преслѣдуемая обезьяна мгновенно оборачивалась и съ страшнымъ ревомъ вцѣплялась въ собаку, била, кусала и царапала ее, такъ что озадаченный противникъ съ визгомъ убѣгалъ. Тѣмъ забавнѣе было видѣть непреодолимый страхъ павіановъ передъ всѣми гадами и пресмыкающимися. Видъ самой безвредной ящерицы или лягушки приводилъ ихъ въ ужасъ. Они буквально доходили до бѣшенства и, судорожно цѣпляясь за балки и стѣны, старались подняться выше, на сколько позволяла имъ веревка. Однако любопытство ихъ было настолько сильно, что они не могли воздержаться отъ желанія разсмотрѣть поближе страшное животное. Я приносилъ имъ нѣсколько разъ ядовитыхъ змѣй въ жестяныхъ коробкахъ. Они отлично знали, какія опасныя твари находились въ этихъ ящикахъ, и все же приподымали крышки коробокъ и какъ бы наслаждались своимъ собственнымъ ужасомъ.

Одинъ изъ нашихъ павіановъ погибъ трагическимъ образомъ: мой слуга хотѣлъ его выкупать въ Нилѣ и сбросилъ его за бортъ въ рѣку. Обезьяна была привязана къ длинной веревкѣ, конецъ которой находился въ рукахъ слуги; къ несчастью, онъ ее выронилъ и обезьяна потонула, не сдѣлавъ даже попытки къ спасенію.

Другого павіана я привезъ на свою родину, въ Германію. Этотъ павіанъ былъ необыкновенно уменъ, но зато большой проказникъ. Наша дворовая собака была очень сердитаго нрава и въ старости стала такъ зла, что не могла ни съ кѣмъ жить въ мирѣ, а въ гнѣвѣ или, когда ожидала наказанія, кусала даже своего хозяина. Но въ Атилѣ—такъ звали нашего павіана—она нашла достойнаго себѣ противника, который не только могъ вести борьбу съ собакой, но даже и побѣждаетъ ее. Атила не зналъ лучшаго удовольствія, какъ всячески злить несчастную собаку. Когда та, удобно растянувшись на зеленой травѣ, предавалась послѣобѣденному отдыху, обезьяна тихо появлялась около нея. Замѣтивъ, что собака сладко спитъ, коварная обезьяна тихонько брала ее за хвостъ и, вдругъ дернувъ его со всей мочи, брала свою жертву самымъ непріятнымъ образомъ. Бѣшено вскакивала собака и съ громкимъ лаемъ и ворчаньемъ набрасывалась на мучителя. Атила принимала вызывающую позу, билъ рукой о землю и спокойно выжидалъ своего озаобленнаго противника. Но, къ великой досадѣ собаки, ей никогда не удавалось настичь своего врага. Едва собака приближалась къ нему, Атила перепрыгивалъ черезъ

своего врага и снова хваталъ его за хвостъ. Понятно, что послѣ такихъ мученій собака приходила въ совершенную ярость; но ничего не помогало и, въ концѣ концовъ, она съ опущеннымъ хвостомъ бѣжала съ поля сраженія. Атила любилъ всякаго рода пріемышей; Гассанъ (мартышка, о которой я говорилъ раньше) пользовался его особымъ расположеніемъ, пока дѣло не касалось ѣды. Добродушный Гассанъ долженъ былъ дѣлиться съ нимъ каждымъ кускомъ пищи, и павіанъ находилъ это совершенно естественнымъ и не заслуживающимъ благодарности. Онъ требовалъ отъ Гассана рабской покорности и безъ церемоніи раскрывалъ ему ротъ и вытаскивалъ изъ защечныхъ мѣшковъ всѣ тѣ запасы, которые Гассанъ осмѣливался иногда припрятать для себя. Впрочемъ, Атилѣ мало было одного питомца, его любовь требовала болѣе обширнаго примѣненія. Онъ кралъ, гдѣ только могъ котятъ и щенковъ, и подолгу возился съ ними. Когда котенокъ разъ оцарапалъ его, то Атила внимательно осматрѣлъ лапы питомца и, отыскавши когти, которые причинили ему боль, безъ церемоніи откусилъ ихъ. Обществомъ людей онъ очень дорожилъ, но очевидно предпочиталъ мужчинъ женщинамъ, которымъ старался всячески досадить. На мужчинъ онъ сердился только тогда, когда они его обижали, или если думалъ, что я хочу его натравить на нихъ. Въ такихъ случаяхъ онъ велъ себя совершенно какъ дрессированная собака. Стоило ему сказать слово или указать на человѣка, чтобъ онъ тотчасъ набрасывался и кусалъ его. Обиды онъ долго не забывалъ и мстилъ за нихъ при первомъ случаѣ.

Онъ былъ очень догадливъ, кралъ мастерски, умѣлъ отворять и затворять двери и весьма ловко развязывалъ узлы, если думалъ этимъ достигнуть своей цѣли. Шкатулки и ящики онъ отворялъ и обворовывалъ до чиста. Мы пытались иногда пугать его, высыпавъ на полъ немного пороха, который потомъ зажигали трутомъ. Въ началѣ, когда порохъ вспыхивалъ, онъ обыкновенно громко вскрикивалъ и отскакивалъ въ сторону, насколько позволяла веревка. Однако, скоро онъ догадался, какимъ образомъ предупреждать взрывъ, и сталъ руками тушить трутъ и преспокойно съѣдалъ порохъ, селитряный вкусъ котораго вѣроятно правился ему.

Зимой отъ жилъ въ тепломъ хлѣву съ козами, гдѣ совершалъ, однако, разнаго рода безчинства, снималъ, напримѣръ, двери съ петель и выпускалъ козъ и свиней, выламывалъ доски изъ стѣнъ и позволялъ себѣ разныя другія проказы. Мѣсиво изъ струбей онъ очень любилъ и часто изъ-за него вступалъ въ споръ съ козами, для которыхъ кормъ былъ приготовленъ. При этомъ онъ дѣйствовалъ весьма ловко: схвативъ одной рукой кадеу или ведро, другою онъ держалъ козу за рога или за веревку, обмотанную вокругъ нихъ, не допуская ее до чапа, пока самъ пилъ. Если коза бодала его, онъ громко кричалъ и схватывалъ за горло своего противника, чтобы наказать его. Онъ ѣлъ все съѣдобное, въ особенности картофель, который и составлялъ его главную пищу. Пряныя сѣмена, а въ особенности тминъ, были его любимымъ лакомствомъ. Любилъ онъ тоже табакъ и табачный дымъ и широко раскрывалъ ротъ, когда я курилъ передъ нимъ, стараясь какъ можно больше втянуть въ себя табачнаго дыма.

Привязанность его ко мнѣ была безгранична. Я могъ съ нимъ дѣлать, что хотѣлъ, и любовь его отъ этого не уменьшалась. Повидимому, онъ меня никогда не видалъ въ тѣхъ непріятностяхъ, которыя съ нимъ случались. Когда я принужденъ былъ его наказывать, то онъ сердился не на меня, а на тѣхъ людей, которые случайно присутствовали при этомъ, считая ихъ, вѣроятно, виновниками наказанія. Предпочитая меня всѣмъ своимъ знакомымъ, онъ сейчасъ отворачивался отъ тѣхъ, кого только-что ласкалъ, когда я подходилъ къ нему. Похвалы очень радовали его, смѣхъ же сердилъ, особенно, когда онъ замѣчалъ, что смѣются надъ нимъ. На зовъ

онъ тотчасъ же отделился и подходилъ ко мнѣ, когда я этого желалъ. На самыхъ длинныхъ прогулкахъ мнѣ не было надобности его вести на веревкѣ; онъ слѣдовалъ за мной какъ собака, дѣлая, впрочемъ, большіе обходы. Гассанъ же бѣжалъ неизмѣнно за нимъ.

Когда Гассанъ умеръ, Атила былъ сильно огорченъ и жалобно кричалъ не только днемъ, но и во снѣ, между тѣмъ какъ обыкновенно спалъ превосходно. Мы боялись, что онъ не переживетъ смерти друга и потому продали его владѣльцу звѣринца, гдѣ онъ свелъ другія знакомства.

Бабуина ловятъ въ Суданѣ, откуда перевозятъ внизъ по Нилу въ Египетъ и въ Европу; но, должно быть, ихъ привозятъ и изъ другихъ мѣстъ, такъ какъ они здѣсь часто встрѣчаются въ неволѣ.

Въ Египтѣ бабуинъ почти также полезенъ фокусникамъ, какъ гамадриль, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Въ Европѣ онъ постоянный житель зоологическихъ садовъ и звѣринцевъ; встрѣчается обыкновенно въ обезьяньемъ театрѣ, потому что его гибкій хвостъ прячется въ одеждѣ, а умъ и добродушіе дѣлаютъ способнымъ ко всякой дрессировкѣ. Мы уже видѣли, какъ легко онъ всему учится. Онъ хорошо запоминаетъ пройденное и охотно участвуетъ въ представленіяхъ, и потому его можно причислить къ лучшимъ дѣтелямъ обезьяньего театра.

Мы уже нѣсколько разъ упоминали о другомъ павіанѣ, именно, гамадриль или павіанъ съ епанчей (*Cynocephalus hamadryas*, *C. toth*, *Simia*, *Cercopithecus* и *Pario hamadryas*, *Hamadryas caeropithecus*, *Mantelpavian*, *Tartarin*). Благодаря своей наружности, замѣчательному уму, а, можетъ быть, и неприятнымъ качествамъ, онъ особенно почитался древними египтянами. Трудно понять, почему этой обезьянѣ дано названіе древнегреческой лѣсной нимфы, тогда какъ въ наружности ея весьма мало женственнаго. Достоверно извѣстно, что названіе это дано было ей не древними народами. Геродотъ, Плутархъ и Плиній называютъ эту обезьяну *Cynocephalus*, Страбонъ называетъ его *Sebus*, Ювеналь—*Cercopithecus*, Агатархидъ—*Sphinx*. У нынѣшнихъ абиссинцевъ она носитъ названіе Гебе, у арабовъ—Робахъ, а въ Египтѣ—Кирдъ. Между всѣми этими названіями ни одно не напоминаетъ нимфу; или, можетъ быть, наивные люди приняли сфинкса за нимфу?

О почитаніи которымъ пользовался гамадриль въ Египтѣ, сообщилъ уже намъ Дюмикенъ. Слѣды этого почитанія видны еще до сихъ поръ: жители степныхъ странъ внутренней Африки и большая часть абиссинцевъ стараются прической волосъ какъ можно болѣе походить на гамадрила. Не поддѣжигать, впрочемъ, сомнѣнію, что они подражаютъ скорѣе изображеніямъ на памятникахъ, чѣмъ живымъ звѣрямъ. Въ настоящее время гамадрилу больше не поклоняются: вредъ, приносимый этой обезьяной, слишкомъ великъ, чтобъ она могла возбудить къ себѣ какое-нибудь хорошее чувство въ людяхъ.

Теперь въ Египтѣ нѣтъ уже этихъ обезьянъ въ дикомъ состояніи; уже Пресперъ Альбинусъ, путешествовавшій по Египту въ 1580 году, удостовѣряетъ, что тамъ нѣтъ обезьянъ, а что ихъ привозятъ изъ Аравіи. «Онъ такъ талантливъ», продолжаетъ онъ, «что имъ невозможно отказать въ разсудкѣ. Вожаки обучаютъ ихъ безъ труда всевозможнымъ остроумнымъ штукамъ, которыми онѣ увеселяютъ публику. Такихъ дрессированныхъ обезьянъ можно часто видѣть въ Каирѣ, Александріи и другихъ мѣстностяхъ. Туземцы особенно любятъ держать при себѣ самцовъ, но трудно себѣ представить, какъ непристойны эти животныя. Гамадрилы похожи на большихъ собакъ и преслѣдуютъ на поляхъ арабскихъ женщинъ, которыя принуждены красить себѣ лицо и даже тѣло шафраномъ, чтобы спастись

отъ ихъ нападеній. Павіаны думаютъ тогда, что женщины больны и онѣ перестаютъ имъ нравиться».

Относительно послѣдняго предположенія, нашъ наблюдатель не совсѣмъ правъ. Я самъ часто замѣчалъ, что арабскія женщины мажутъ себѣ лицо шафраномъ, но не для спасенія отъ обезьянъ, а просто по той же причинѣ, по какой наши дамы натираютъ свои щеки румянами.

Гамадригъ. *Cynascephalus hamadryas*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

Альварецъ, который почти въ одно время съ Альпинусомъ былъ въ Африкѣ, а именно въ Абиссиніи, рассказываетъ, что видалъ цѣлыя стада этихъ павіановъ, и даетъ весьма вѣрное описаніе, какъ внѣшняго ихъ вида, такъ и нрава: «Они», говоритъ онъ, «не оставляютъ въ покоѣ ни одного камня. Если одной, двумъ или тремъ обезьянамъ не подѣ силу сдвинуть камень съ мѣста, онѣ садятся вокругъ него въ большемъ числѣ, соединенными усиліями непремѣнно перевертываютъ его и ищутъ подѣ нимъ любимую пищу. Онѣ тоже очень любятъ муравьевъ и, чтобъ достать ихъ, кладутъ свои руки, ладонью вверхъ, въ муравейникъ; когда рука открыта муравьями, онѣ быстро облизываютъ ее. Онѣ опустошаютъ всѣ сады и поля,

если не защищаться отъ нихъ. Впрочемъ, павіаны никогда не выступаютъ на эти грабежи безъ лазутчиковъ: но получивъ знакъ, что никакая опасность не угрожаетъ имъ, они врываются въ садъ или поле и опустошаютъ ихъ совершенно. Сначала они ведутъ себя тихо и спокойно, и если глупому дѣтенышу вздумается крикнуть, то онъ получаетъ пощечину, но мало-по-малу они забываютъ всякую осторожность и громкими криками выражаютъ радость по поводу удавшегося наѣрнія. Они бы страшно размножались, еслибъ леопарды не уничтожали ихъ дѣтенышей въ огромномъ количествѣ, несмотря на храбрую защиту матерей.»

Между новѣйшими изслѣдователями Эренбергъ даетъ намъ довольно подробное описаніе этихъ обезьянъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ Аравіи и на абиссинскомъ берегу, въ одиночку и цѣлыми стадами. Еще позднѣе о нихъ были сообщенія Родатца и Бессіера. Въ первую свою поѣздку по Африкѣ мнѣ не случилось встрѣчать гамадриловъ на свободѣ. За то во время моего, къ сожалѣнію, весьма короткаго пребыванія въ Абиссиніи (весною 1862 года), я очень часто ихъ видѣлъ, такъ что могу о нихъ сообщить собственныя наблюденія. Гамадрилы живутъ въ довольно большомъ количествѣ на прибрежныхъ горахъ Абиссиніи и южной Нубіи до сѣверной границы области тропическихъ дождей. Чѣмъ богаче растительность на горахъ, тѣмъ охотнѣе тамъ живутъ обезьяны. Вода по близости тоже необходимое условіе благосостоянія стада этихъ животныхъ. Довольно большими обществами они спускаются иногда на холмы Самхара или степной полосы морскаго побережья, но масса все-таки остается на горахъ. Здѣсь каждое стадо занимаетъ пространство земли отъ 1½ до 3 миль въ поперечникѣ. Гораздо рѣже встрѣчаются маленькія общества этихъ обезьянъ: мнѣ только разъ случилось видѣть группу въ 15—20 штукъ; чаще встрѣчались стада въ 150 штукъ и болѣе. Между ними находятся отъ 10—15 взрослыхъ самцовъ огромнаго роста; челюсти ихъ вооружены зубами гораздо болѣе длинными и крѣпкими, чѣмъ зубы леопардовъ. Взрослыхъ самокъ, приблизительно, бываетъ вдвое больше. Остальная часть стада состоитъ изъ дѣтенышей и полу-взрослыхъ обезьянъ. Старые самцы отличаются огромнымъ ростомъ и длинной епанчей. У убитаго мною самца длина волосъ епанчи достигала до 27 см. У самокъ грива короче и все тѣло темнѣе, т. е. оливковаго цвѣта; дѣтеныши походятъ на мать. Приложенная картина избавляетъ меня отъ необходимости описывать странное расположеніе волосъ на головѣ гамадрила. Относительно окраски шерсти я долженъ замѣтить, что каждый волосокъ гривы имѣетъ поперемѣнные колечки зеленовато-бураго и желтаго цвѣта, вслѣдствіе чего весь мѣхъ принимаетъ весьма странный оттѣнокъ, нѣсколько напоминающій цвѣтъ высушенной травы. На заднихъ ногахъ и на головѣ, по бокамъ, волосы свѣтлѣе, голое лицо грязно-мяснаго цвѣта, сѣдалище—ярко-красное. Чѣмъ старше павіанъ, тѣмъ свѣтлѣе волосы его епанчи. Однако, по всей вѣроятности, слѣдуетъ различать два вида этихъ павіановъ: одинъ изъ нихъ меньше ростомъ, съ пепельно-сѣрой епанчей, живетъ въ Азій, и другой гораздо большіхъ размеровъ живетъ въ Африкѣ; у него епанча всегда сохраняетъ зеленовато-сѣро-голубой оттѣнокъ. На нашемъ рисункѣ изображенъ первый видъ. Длина взрослыхъ самцовъ 0,9—1 м.; отъ 20—25 см. приходится на хвостъ, оканчивающійся пучкомъ волосъ; вышина тѣла до загривка—50 см. При восходѣ солнца или въ дождливые дни, все общество можно застать на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно провело ночь, въ углубленіяхъ недоступныхъ отвѣсныхъ скалъ и подъ выдающимися карнизамъ. Павіаны сидятъ, плотно подсѣвши другъ къ другу, молодыя и слабыя обезьяны въ серединѣ, какъ можно ближе прижавшись къ матерямъ и къ отцамъ. Утромъ, въ хорошую погоду, все стадо подымается съ мѣста довольно рано и направляется,

медленно и спокойно, вдоль отвѣсныхъ скалъ; при этомъ они то сорвутъ растеніе, котораго корень употребляется ими въ пищу, то свернуть съ мѣста камень, чтобъ достать изъ-подъ него насѣкомыхъ, улитокъ и червей, до которыхъ павіаны большіе охотники. Когда завтракъ оконченъ, они опять поднимаются на вершину горнаго хребта. Самцы серьезно и важно садятся на камни, спиной къ вѣтру. Самки прохаживаются и присматриваютъ за дѣтенышами, которые весело играютъ и борются между собою. Къ вечеру, все стадо направляется къ ближайшей водѣ, чтобы напиться, потомъ идетъ опять на поиски за пищею, послѣ чего уже отыскиваетъ себѣ удобный ночлегъ. Если мѣсто, выбранное для ночлега, удобно и имъ понравилось, то они возвращаются туда каждый вечеръ, конечно, если только ихъ не напугаютъ преслѣдованіемъ. Ночлегъ около полей, засѣянныхъ просомъ, пользуется особымъ ихъ расположеніемъ, и тогда должно очень остерегаться, иначе дерзкіе грабители появляются ежедневно, разоряютъ еще больше, чѣмъ поѣдаютъ и такимъ образомъ губятъ всю жатву.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что они перекочевываютъ изъ разоренной ими мѣстности въ другую, гдѣ еще надѣются найти себѣ пищу. Меня, по крайней мѣрѣ, увѣрили туземцы, что павіаны не живутъ постоянно въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, а что они то появляются, то опять исчезаютъ, по своему усмотрѣнію.

Половые потребности не имѣютъ большого вліянія на измѣненіе образа жизни этихъ павіановъ. Я не думаю, чтобы и роды всегда происходили въ извѣстное время года; изъ своихъ наблюденій надъ живущими въ неволѣ самками и надъ кровотеченіемъ у нихъ, я заключаю, что роды происходятъ во всякое время года. Мое пребываніе въ мѣстностяхъ, гдѣ водятся гамадрилы, было слишкомъ непродолжительнымъ, чтобъ я могъ себѣ совершенно выяснитъ этотъ вопросъ; поэтому я ограничусь сообщеніемъ только своихъ наблюденій надъ размноженіемъ гамадриловъ, жившихъ въ неволѣ.

Одна изъ многихъ самокъ, которыхъ я воспитывалъ, неожиданно родила, въ началѣ октября мѣсяца, совершенно доношеннаго дѣтеныша. Послѣднее кровотеченіе происходило у нея $4\frac{1}{2}$ мѣсяца тому назадъ; но едва ли можно принять этотъ промежутокъ времени за срокъ беременности. Дѣтенышъ родился съ закрытыми глазами, съ совершенно образовавшимися ногтями и покрытый мягкой перстью, которая сверху имѣла черноватый, а по бокамъ сѣроватый оттѣнокъ. Нижнія части тѣла были совсѣмъ голы или едва покрыты рѣдкими волосами. Кожа на этихъ мѣстахъ была ярко-кирпичнаго цвѣта. Звѣрекъ имѣлъ въ длину 38 см.; длина хвоста 17 см.; длина ступни 5,5 см., а кисти 4,5 см.

Дѣтенышъ родился въ очень холодное утро, въ то время, какъ мать его находилась въ большой клѣткѣ съ другими обезьянами. Сейчасъ же послѣ его рожденія, или, вѣрнѣе, когда оно было нами замѣчено, самка съ дѣтенышемъ была переведена въ болѣе удобное помѣщеніе. Мать была чрезвычайно нѣжна къ своему дѣтенышу и казалась очень озабоченной. Она прижимала его къ груди и вылизывала его съ ногъ до головы. Когда къ ней подходили, она отчаянно кричала, испуская звуки: «эк, эк, эк», которые обыкновенно служатъ выраженіемъ испуга; при этомъ она поворачивалась спиной къ наблюдателю. Пуповину, которая сначала была довольно длинна, она откусила спустя два часа послѣ родовъ у самаго пупка, причемъ кровотеченія не послѣдовало. Дѣтенышъ казался очень слабымъ, почти не двигался и издавалъ только слабые, едва слышные звуки. Послѣ полудня мать, должно быть, замѣтила, что дѣтенышъ умираетъ; она положила его на полъ клѣтки, стала прохаживаться мимо него вездѣ и впередъ и смотрѣла на него повидимому равнодушно. Однако она не позволяла намъ его брать на руки, а тотчасъ хватала его

и прикладывала къ груди, какъ только замѣчала, что кто-нибудь хочетъ его тронуть. Къ вечеру онъ уже не двигался, а къ утру умеръ.

Вслѣдствіе ли родовъ или по другой причинѣ, но нѣсколько времени послѣ нихъ самкѣ очевидно нездоровилось: она мало ѣла, сидѣла по долгу на одномъ мѣстѣ, пряталась въ солому, дрожала, какъ въ лихорадкѣ, лежала и вообще имѣла жалкій видъ. На другихъ обезьянъ она не обращала никакого вниманія; не заботѣла и смотрѣть на двухъ самокъ макаковъ, которыхъ ей ввели въ клѣтку для компаніи. Все это, однако, измѣнилось, когда, въ половинѣ ноября, у одной изъ самокъ макака родился дѣтенышъ. Почти тотчасъ по его рожденіи сторожа увидели дѣтеныша въ рукахъ гамадрила, такъ что они пришли къ странному заключенію, что она вторично родила. Мнѣніе это, впрочемъ, скоро было опровергнуто поведеніемъ самого гамадрила, который обращался съ дѣтенышемъ далеко не съ материнской нѣжностью, бросалъ на солому, и по-долгу не обращалъ на него никакого вниманія. Наконецъ, настоящая мать получила свое дитя обратно, но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, такъ какъ на другое утро обезьянка тоже околяла. Несмотря на не слишкомъ нѣжное обращеніе гамадрила съ чужимъ дѣтенышемъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что ея предъидущая болѣзнь была слѣдствіемъ огорченія отъ потери своего дѣтеныша; можетъ быть она и похитила у макака ея дѣтеныша, изъ желанія вознаграждать себя въ этой потерѣ. По крайней мѣрѣ, это вполне соответствуетъ моимъ наблюденіямъ надъ другими обезьянами; то же самое свидѣтельствуетъ и поведеніе свободно живущихъ гамадриловъ относительно своихъ дѣтенышей и вообще молодыхъ обезьянъ своей породы. Не только матери или самки, но и самцы выказываютъ большую нѣжность къ молодымъ обезьянамъ своего вида, и при случаѣ храбро заступаются за нихъ.

Когда общество гамадриловъ ушло, оно глубокомысленно молчитъ, пока ничто особенное не привлекаетъ его вниманія. При приближеніи людей или стада, они издаютъ странные звуки, напоминающіе лай нѣкоторыхъ собакъ, вѣролтно, съ цѣлью привлечь вниманіе общества. Но если грозитъ опасность отъ человѣка или хищнаго животнаго, слышатся всевозможные звуки. Вѣрнѣе всего можно сравнить крикъ испуганнаго стада гамадриловъ съ хрюканьемъ и визгомъ многочисленнаго стада свиней. Между этими звуками по временамъ выдается какъ бы рычаніе леопарда или глухой ревъ быка. Все общество мычитъ, реветъ, лаетъ, кричитъ, хрюкаетъ и визжитъ на перерывъ. Всѣ, способные къ борьбѣ самцы, выступаютъ по крайнѣ обрывовъ скалъ, внимательно осматривая долину, чтобы узнать степень опасности. Молодые обезьяны ищутъ защиты у старшихъ, дѣти вѣшаются къ матерямъ на шею или влѣзаютъ имъ на спину, и все стадо быстро приходить въ движеніе и поспѣшно скрывается изъ виду.

Туземцевъ гамадрилы совсѣмъ не боятся: они спокойно проходятъ мимо черпокожаго человѣка и пьютъ изъ одного съ нимъ ручья. Бѣлый человѣкъ уже возбуждаетъ въ нихъ нѣкоторое опасеніе, хотя нельзя утверждать, чтобы гамадрилы всегда бѣжали отъ него. Павіаны эти еще болѣе, чѣмъ остальные обезьяны, умѣютъ во всякихъ случаяхъ сохранить обдуманное спокойствіе, которое имъ даетъ возможность выдти изъ всякаго опаснаго положенія.

Однако дѣло принимаетъ другой оборотъ, когда гамадрилы замѣтятъ приближеніе собакъ или леопарда. Тогда старые самцы поднимаютъ страшный ревъ и рычанье, бьютъ одной рукой о скалу, скалятъ зубы и сверкающими глазами смотрятъ сверху на нарушителей своего спокойствія, очевидно готовые ринуться на нихъ всей толпой.

Первое общество гамадриловъ, которое я видѣлъ, отдыхало послѣ утренней

прогулки. Оно сидѣло на гребнѣ кряжа, довольно круто спускающагося въ обѣ стороны. Я уже издали замѣтилъ высокія фигуры старыхъ самцовъ, но принялъ ихъ за обломки скалъ, съ которыми эти животныя имѣютъ по цвѣту большое сходство. Но отрывистый, громкій лай, который можно передать звукомъ «кукъ», разубѣдилъ меня въ ошибкѣ. Всѣ головы повернулись въ нашу сторону, только дѣтеныши продолжали беззаботно играть и нѣсколько самокъ не бросали своего любимого занятія и усердно «искали» въ шерсти стараго самца. Общество такъ и осталось бы въ выжидательномъ положеніи, еслибы съ нами не было двухъ смѣлыхъ и чуткихъ борзыхъ собакъ, которыя были приучены отгонять гонящихъ отъ нашихъ янлицъ и даже могли бороться съ волками. Услыхавъ возгласъ обезьянъ, собаки тотчасъ же валааяли; тогда все стадо поднялось на ноги, вѣроятно, съ намѣреніемъ найти себѣ болѣе безопасное убѣжище. Всѣ обезьяны, одна за другой, двинулись вдоль горнаго кряжа и скоро исчезли съ нашихъ глазъ. Однако, обогнувъ долину, мы замѣтили вскорѣ все стадо, сидящее рядами и какъ бы прикрѣпленное къ совершенно отвѣсной скалѣ; я до сихъ поръ не могу объяснить себѣ, какимъ образомъ оно могло удержаться въ такомъ положеніи. Видѣ этихъ, спокойно сидящихъ животныхъ былъ слишкомъ заманчивъ, чтобъ не возбудить въ насъ желанія поохотиться. Жалость, возбуждаемая видомъ молодой безпомощной обезьяны; здѣсь не имѣла мѣста. На гамадриловъ мы не могли смотрѣть, какъ на подобіе челоувѣка, а только какъ на злыхъ хищниковъ, которыхъ незачѣмъ было шадить. Къ сожалѣнію, стѣна была такъ высока, что на мѣткость выстрѣловъ надѣяться было трудно. Мы рѣшились по крайней мѣрѣ спугнуть ихъ. Звукъ первыхъ выстрѣловъ произвелъ между ними страшное смятеніе; все стадо принялось мычать, реветъ, лаять и кричать самымъ ужаснымъ образомъ. Потомъ вся цѣпь пришла въ движеніе и гамадрилы двинулись вдоль кряжа съ такой увѣренностью, какъ будто они шли по гладкому полу; между тѣмъ, мы никакъ не могли понять, на что они ступаютъ. Совершенно узкій карнизъ былъ для нихъ удобной дорогой. Только въ двухъ мѣстахъ, гдѣ имъ пришлось круто спуститься на три метра и потомъ подняться на ту же высоту, они ступали нѣсколько медленнѣе и осторожнѣе. Мы сдѣлали пять или шесть выстрѣловъ, но цѣлиться было трудно; кромѣ того, необычайность зрѣлища отняла у насъ всякое самообладаніе. Однако наши выстрѣлы довели волненіе обезьянъ до ужаса. Особенно комично казалось намъ, какъ всѣ обезьяны, послѣ каждаго выстрѣла, цѣплялись за скалу, какъ будто боялись отъ одного сотрясенія упасть внизъ. Кажется, что наши выстрѣлы не задѣли ни одной обезьяны, но ужасъ, имъ испытанный, лишилъ ихъ, вѣроятно, обычной разсудительности. При новомъ изгибѣ долины, мы застали все стадо уже не на вершинѣ скалы; оно спустилось на дно лоцины, съ очевиднымъ намѣреніемъ искать спасенія на противулежащихъ горахъ. Часть стада уже вскарабкалась на высоту, но большинство еще находилось въ долинѣ. Наши собаки были первую минуту озадачены видомъ этой волнообразно движущейся толпы чудовищъ. Но скоро съ веселымъ лаемъ онѣ ринулись на стадо. Тогда мы увидали весьма рѣдкое зрѣлище: при приближеніи враговъ, старые самцы поспѣшно спустились со скалъ, окружили собакъ, громко зарычали, разѣвая свои пасти со страшными зубами, сердито колотили руками о землю и бросали на собакъ такіе злобные, бѣшеные взгляды, что наши отважныя и храбрыя животныя отступили съ ужасомъ и вернулись къ намъ подъ защиту. Намъ, впрочемъ, удалось снова возбудить въ нихъ мужество и натравить на звѣрей. Но зрѣлище уже измѣнилось: довольные своей побѣдой, самцы послѣдовали за удаляющимися товарищами.

Когда собаки вновь бросились на гамадриловъ, ихъ оставалось въ долинѣ

уже немного, въ томъ числѣ, приблизительно полугодовой дѣтенышъ. Увидавъ собакъ, онъ пронзительно закричалъ и бросился на обломокъ скалы, около котораго наши собаки сдѣлали стойку по всѣмъ правиламъ охоты. Мы уже льстили себя надеждой достать его живымъ. Но случилось иначе: величественно и гордо не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія, спустился одинъ изъ самыхъ сильныхъ самцовъ прямо къ собакамъ, на которыхъ навелъ панической страхъ своими блестящими пронзительными глазами; онъ подошелъ къ дѣтенышу, обласкавъ его и съ нимъ на рукахъ направился въ обратный путь мимо собакъ, которыя такъ были сконфужены, что позволили ему спокойно удалиться. Мужественный подвигъ родоначальника внушилъ намъ такое уваженіе, что никто изъ насъ не подумалъ воспротивиться его обратному шествію, хотя онъ проходилъ отъ насъ на разстояніи выстрѣла. Изъ кустарника, сквозь который должно было пройти стадо, слышались теперь всевозможные звуки, среди которыхъ выдавалось рычаніе, то того похожее на ревъ леопарда, что я отправился искать слѣдовъ этого животнаго. Я воображалъ, что, потревоженный въ своемъ покоѣ, леопардъ вступилъ въ борьбу съ обезьянами. Но я скоро долженъ былъ убѣдиться, что голосъ, слышанный мною, принадлежалъ тѣмъ же павіанамъ.

На другой день я имѣлъ случай увидеть обезьянъ и леопардовъ вмѣстѣ, но рассказъ объ этомъ происшествіи я откладываю до описанія самого хищника, который игралъ въ немъ выдающуюся роль.

На слѣдующихъ охотахъ мнѣ удалось еще лучше изучить гамадриловъ и удивляться ихъ необыкновенной живучести. Если не удавалось всадить имъ пулю въ грудь или голову они постоянно отъ насъ уходили. Даже тяжело раненые спѣшили укрыться бѣгствомъ. Выстрѣлы дробью не имѣли никакого дѣйствія: обезьяны только потирали руками пораненое мѣсто и продолжали путь, какъ ни въ чемъ не бывало.

Когда я съ герцогомъ Кобургъ-Готскимъ, его свитой и другими путешественниками, вторично проѣзжалъ по долинѣ Менза, одинъ изъ абиссинцевъ обратилъ наше вниманіе на гамадриловъ, сидѣвшихъ на довольно высокихъ деревьяхъ. Я упоминаю объ этомъ обстоятельстве потому, что, какъ уже сказано, павіаны только въ крайнихъ случаяхъ влѣзаютъ на деревья. Само собою разумѣется, что мои товарищи тотчасъ начали охоту, хотя я ихъ удерживалъ, подозрѣвая не безъ основанія, что большая часть стада находится по другую сторону горы. И дѣйствительно, при изгибѣ долины, мы увидели огромное стадо, медленно двигавшееся по откосу. Тутъ произошло настоящее сраженіе. Мы произвели болѣе 20 выстрѣловъ, многіе павіаны были убиты, нѣсколько ранено и мало по малу все стадо загнано на горный хребетъ. Сначала мы стрѣляли изъ долины, но намъ пришлось скоро искать, на противоположной скалѣ, болѣе безопасной позиціи, такъ какъ съ вышины, по которой подымались павіаны, на насъ стали скатываться обломки скалъ, которые летѣли въ такомъ близкомъ разстояніи отъ нашихъ головъ, что угрожали намъ опасностью жизни. Что здоровые павіаны уносятъ съ поля битвы трупы убитыхъ, какъ это рассказываетъ Бессіеръ, намъ видѣть не случилось, но вполне можно допустить достоверность слѣдующаго разказа этого путешественника. Бессіеръ убилъ самку, которая несла въ рукахъ дѣтеныша; онъ не отошелъ отъ убитой матери и позволилъ себя взять; несмотря на свою первоначальную дикость, онъ скоро сталъ ручнымъ и смирнымъ. Этотъ путешественникъ тоже упоминаетъ о томъ, что павіаны при бѣгствѣ скатывали на нихъ камни со скалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ удалось наблюдать павіановъ на свободѣ, я совершенно повѣрилъ разказамъ арабовъ, абиссинцевъ и другихъ опытныхъ наблюдателей, какъ напр. Рюппеля и

Шимпера, что павіаны, въ минуты большой опасности, храбро нападаютъ на людей, впрочемъ, только въ томъ случаѣ, если эти послѣдніе не имѣютъ при себѣ огнестрѣльнаго оружія. Мнѣ не случалось, правда, провѣрить правильность этихъ наблюденій собственнымъ опытомъ, однако я видѣлъ нѣсколько разъ, какъ гамадрилы только медленно и неохотно удаляются, при видѣ даже хорошо вооруженнаго человѣка, причѣмъ грозно рычатъ и скалятъ зубы. Шимперъ мнѣ рассказывалъ, что гамадрилы въ раздраженіи не только нападаютъ на людей, но и убиваютъ ихъ, а старые самцы, по его словамъ, даже въ спокойномъ состояніи, бросаются на молодыхъ дѣвушекъ въ лѣсахъ и, встрѣчая сопротивленіе, убиваютъ ихъ. Рюпель тоже причисляетъ этихъ безобразныхъ животныхъ къ самымъ опаснымъ врагамъ человѣка.

Въ Египтѣ, а именно въ Каирѣ, можно часто видѣть гамадриловъ у фигляровъ и фокусниковъ. Вѣроятно, они даютъ зрителямъ тѣ же представленія, которыя видалъ когда-то Альпинусъ, точно такъ, какъ съ очковой змѣей продѣлываются все тѣ же старинные фокусы. На большихъ площадяхъ Каира, въ особенности въ праздничные дни, всегда можно встрѣтить нѣсколько вожаковъ обезьянъ и заклинателей змѣй. Но всѣ эти представленія ниже всякой посредственности, даже прямо таки грубы и пошлы. Можно сказать, что хозяинъ обезьяны воспользовался ея понятливостью, чтобъ дать въ этихъ представленіяхъ отвратительное изображеніе своего собственного безобразія. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что фокусники держатъ преимущественно самокъ, потому что самцы становятся съ годами слишкомъ злыми и опасными. Ихъ даже въ Египтѣ не позволено выводить безъ намордника, но и онъ не всегда помогаетъ. Проѣзжая однажды по улицамъ Каира, я нечаянно толкнулъ ногой сидящаго на дорогѣ гамадрила. Несмотря на то, что мой оселъ бѣжалъ галопомъ, гамадрилъ въ ту же минуту схватилъ меня за ногу, сдернулъ штиблетъ, чулокъ и башмакъ и оставилъ на ногѣ слѣды своей ловкости и злобы въ видѣ нѣсколькихъ, довольно глубокихъ, ранъ.

Позднѣе мнѣ самому удалось наблюдать за жившими въ неволѣ гамадрилами и даже ухаживать за ними. Въ молодости они добры, послушны, привязаны къ своему воспитателю, хорошо относятся къ людямъ вообще и живутъ въ мирѣ съ прочими обезьянами; правомъ и дѣйствіями они напоминаютъ кроткихъ бабуиновъ и пользуются общей симпатіей. Но все это мѣняется съ годами: чѣмъ старше гамадрилъ, тѣмъ рѣзче выказываются его непріятныя качества. Никогда не видалъ я стараго гамадрила, который бы не былъ олицетвореніемъ сварливости и злобы и зналъ только одного, который жилъ въ сносныхъ отношеніяхъ со своимъ сторожемъ. Кнутъ, конечно, держать его въ страхѣ, но не всегда въ достаточной мѣрѣ: постоянно можно опасаться коварства этой обезьяны. Переводъ гамадрила изъ одной клѣтки въ другую представляетъ не мало затрудненій, такъ какъ разсерженный павіанъ бросается, въ слѣпомъ бѣшенствѣ, даже на своего сторожа и, при своей большой силѣ, очень опасенъ. Только возбужденіемъ его страсти удается завлечь его иногда въ ловушку, такъ какъ въ бѣшенствѣ онъ легко поддается обману. Возбужденіемъ его любопытства, а въ особенности мстительности, можно заставить его сдѣлать, что хочешь. Въ влѣбѣ онъ забываетъ все, даже самаго себя: случайный взглядъ уже сердятъ его, смѣхъ приводитъ въ ярость, наказаніе доводитъ до бѣшенства. Другія обезьяны позволяютъ ухаживать за собою въ болѣзни и даютъ перевязывать свои раны, но съ гамадриломъ это немислимо. У одного гамадрила, котораго я воспитывалъ, показалась, какъ-то, на ногѣ незначительная сыпь. По помочъ ему не представлялось возможности, такъ какъ послѣ неудавшейся попытки словить его, накинуувъ сътъ, никто не рѣшался къ нему подойти. Сыпь, должно быть, страшно чесалась,

потому что онъ часто вздрагивалъ, и со всей мочи чесалъ ногу. Причиняемая этимъ боль такъ озлобила его, что онъ, схвативъ ногу обѣими руками, сталъ ее обшороно кусать, какъ бы имѣя дѣло со своимъ злѣйшимъ врагомъ. Та же самая страстность проявлялась у него въ обхожденіи съ самками. На свободѣ самка можетъ хоть спастись бѣгствомъ отъ слишкомъ бурныхъ любезностей самца. Въ клѣткѣ-же ей часто приходится плохо, несмотря на свою податливость. Безъ шипанія и кусанія не обходится почти ни одна случка и очень часто самка вся израненая, сплещается изъ объятій самца.

По сосѣдству съ гамадриломъ живетъ другой павіанъ, носящій епанчу, котораго возвели недавно въ представители особаго рода, хоти отъ гамадрила онъ отличается только устройствомъ ноздрей, которыя расположены не на концѣ морды, а сбоку, а также обнаженными мѣстами на груди и шеѣ, болѣе густой епанчей, болѣе длинной кистью на хвостѣ и незначительными особенностями въ устройствѣ зубовъ.

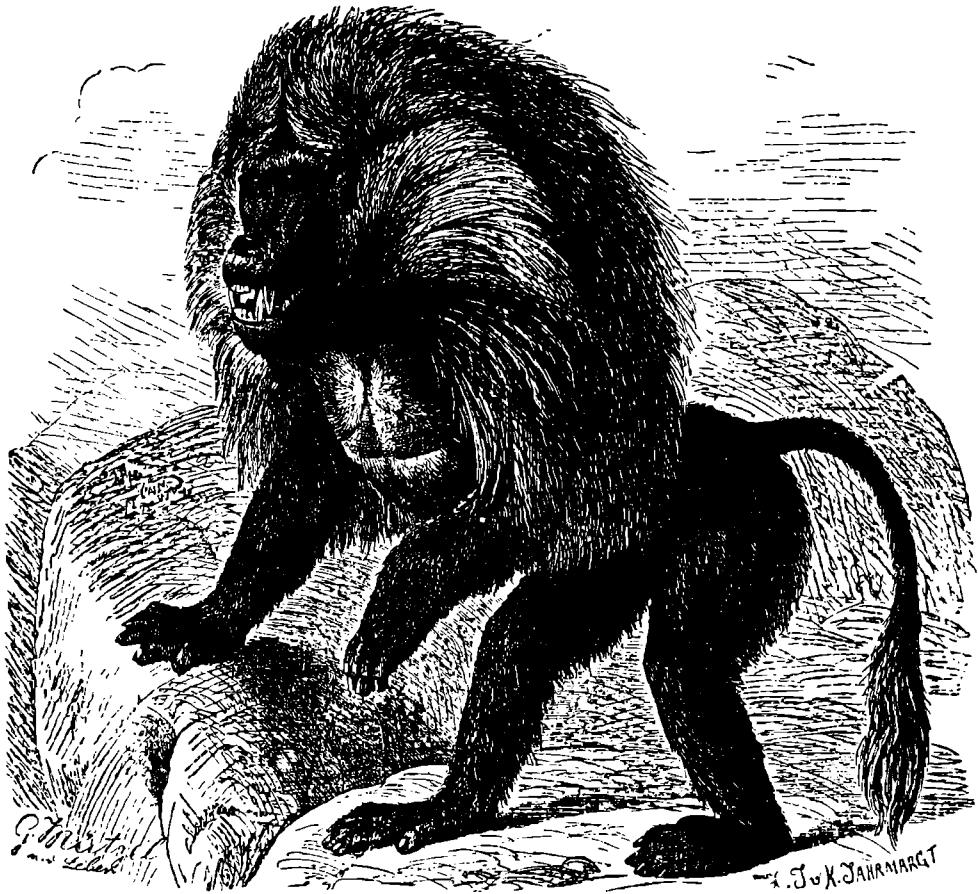
Гелада абиссинцевъ (*Cynopcephalus gelada*, *Theropithecus gelada* и *Mascasus gelada*) великанъ между павіанами и значительно больше гамадрила, съ чѣмъ, впрочемъ, не согласенъ Рюппель, которому мы обязаны открытіемъ этого вида. Между тѣмъ Шимперъ, жившій 30 лѣтъ тому назадъ въ Абиссиніи, и Гейглингъ утверждаютъ, что гелада достигаетъ почти человѣческаго роста. Отъ гамадрила, геладу можно отличить съ перваго раза: густой мѣхъ на задней части шеи, затылкѣ и спянкѣ удлиняется въ видѣ епанчи; цвѣтъ тѣла у него темно-бурый, голова, подбородокъ, грива и хвостъ свѣтло-бурые, шерсть на горлѣ, груди, животѣ и предплечьяхъ—черно-бураго цвѣта, лицо—черное. Голыя мѣста на передней части шеи и груди образуютъ два соединяющіеся остриями треугольника и напоминаютъ рисунокъ песочныхъ часовъ; они окаймлены бѣлыми и черными волосами. Въ отличіе отъ гамадрила у гелады очень маленькіе, совершенно отдѣленные другъ отъ друга, сѣровато-черные сѣдалищные наросты.

Почти въ тѣхъ же мѣстностяхъ водится еще другой павіанъ, сходный съ предыдущимъ и образующій, можетъ быть, отдѣльный видъ, это—Тонуро-зимдшеро. Шимперъ говоритъ, что этотъ видъ обезьянъ отличается значительной величиной, чернотой мѣха и ярко-краснымъ цвѣтомъ обнаженныхъ мѣстъ на груди. Образъ жизни его тоже отмѣченъ нѣкоторыми особенностями; такъ, на примѣръ, эти обезьяны живутъ небольшими стадами отъ 30 до 40 штукъ. По Рюппелю, гелада живетъ на высокаихъ горныхъ вершинахъ Симиі, самой возвышенной горной страны Абиссиніи. Шимперъ мнѣ говорилъ, что гелады живутъ обыкновенно на высотѣ отъ 3,000 до 4,000 метровъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь можно ихъ видѣть огромными стадами, а на нижней границѣ горной страны появляются онѣ только небольшими толпами отъ 100 до 200 штукъ. Обезьяны эти спускаются со скалъ, по крытыхъ тернистымъ кустарникомъ, только для грабежа. Ихъ пищу, обыкновенно составляють луковицы, которыя онѣ выкапываютъ изъ земли, орхидныя растенія, лиліи, злаки и всякаго рода плоды, а также насѣкомыя, черви, слизи и т. п. Онѣ нападаютъ тоже и на поля, но всегда, какъ увѣряютъ абиссинцы, въ отсутствіе сторожа. Хотя гелады не такъ нахальны и навязчивы, какъ гамадрилы, онѣ все же наносятъ большой вредъ полямъ, главнымъ образомъ потому, что нападаютъ всегда въ огромномъ числѣ. Отъ людей все стадо пускается въ бѣгство, но все же благоразумнѣе держаться подальше отъ гелады, доведенной до бѣшенства, такъ какъ зубы ея, по крайней мѣрѣ, такъ же страшны, какъ зубы гамадрила.

Съ гамадрилами гелада живетъ во враждѣ. Горы Симиі похожи на большіе дома; сверху онѣ спускаются отлого, какъ крыши, потомъ вдругъ, на сто и болѣе метровъ, обрываются болѣе или менѣе круто или почти вертикально внизъ. Въ

этих стѣнахъ много пещеръ, въ которыхъ ночуютъ обезьяны. Днемъ ихъ можно видѣть сидящими длинными рядами на карнизахъ и выступахъ, обществами до 1000 штукъ. Это—время ихъ отдыха послѣ прогулки за пищей на вершинахъ горъ. Къ самой подошвѣ крутыхъ скалъ онѣ спускаются только для того, чтобъ опустошить какое-нибудь поле. Во время подобныхъ вылазокъ, онѣ иногда встрѣчаются съ гамадрилами, и тогда обѣ арміи вступаютъ въ ожесточенный бой. Вражда противниковъ велика, какъ это можно видѣть по тому ожесточенію, съ которымъ они

Гелада. *Synocephalus gelada*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

нападаютъ другъ на друга. Дѣло, впрочемъ, не доходитъ до серьезной битвы. Гелады и гамадрилы поднимаютъ ужасный вой, рычатъ, ревутъ и лаютъ. Съ той и другой стороны выступаютъ иногда по старому исполннѣ, которые и набрасываются другъ на друга. Они таскаютъ одинъ другого за епанчу, служащую признакомъ возмужалости, иногда кусаются, но дѣло все-таки ограничивается главнымъ образомъ крикомъ и яростными взглядами. Для зрителя эти битвы чрезвычайно забавны. Шимьеръ предполагаетъ, однако, что, несмотря на вражду, между геладками и гамадрилами происходятъ скрещиванія.

Мы обязаны Гейглину прекраснымъ описаніемъ образа жизни токуро-зинд-шери. «Эти обезьяны живутъ многочисленными семьями въ ущельяхъ и пещерахъ

крутыхъ обрывовъ скалъ, откуда онѣ совершаютъ ежедневно весьма правильные переходы черезъ глубокія пропасти. Какъ только, послѣ холодной ночи, солнце покажется надъ вершинами горъ, павіаны эти покидаютъ свои ущелья, гдѣ они, въ безопасности отъ леопардовъ и гіенъ, провели ночь, близко прижавшись другъ къ другу. Медленно, подъ предводительствомъ стараго самца, поднимаются они, еще околѣбанные отъ ночного холода, на освѣщенную солнцемъ горную площадку. Здѣсь они усаживаются обыкновенно близко другъ къ другу, дѣтеныши около матерей, и дремлютъ, вѣроятно пригрѣтые утреннимъ солнцемъ. Нѣсколько старыхъ самцовъ бодрствуютъ; отъ скуки они, зѣвая, страшно раскрываютъ пасть, трутъ себѣ глаза и ворчатъ, когда порывъ вѣтра приводитъ въ безпорядокъ рыжеватые концы длинной гривы, въ которую они прячутся, какъ въ мѣховой воротникѣ. Между тѣмъ солнечные лучи грѣютъ все сильнѣе, старыя самки начинаютъ пріятно потягиваться; одна изъ нихъ занялась туалетомъ своего дѣтеныша, причемъ съ наслажденіемъ шелкаетъ въ зубахъ маленькихъ насѣкомыхъ, которыхъ нашла въ его шерсти. Общество мало по малу оживляется; молодые выказываютъ нетерпѣніе. Наконецъ все стадо, вставши въ рядъ, приходитъ въ движеніе, предводительствуемое старымъ самцомъ; другой старикъ становится въ концѣ линіи. Въ этомъ порядкѣ движется все общество по горизонтальному, крайне узкому выступу до ущелья, обросшаго кустарникомъ. Отсюда тропинка ведетъ внизъ до зеленой лужайки, окруженной со всѣхъ сторонъ скалами. Прежде чѣмъ стадо спустится въ долину, ее внимательно осматриваютъ; но другія, живущія по сосѣдству стада обезьянъ уже беззаботно носятъ по долинѣ; значитъ, опасности нѣтъ, и стадо спускается искать корма. Однако для безопасности выставляютъ нѣсколько караульщиковъ. Все общество отправляется въ поиски за пищей, которая состоитъ преимущественно изъ почекъ, листьевъ, плодовъ и злаковъ. Большіе камни, общими силами, сдвигаются съ мѣста, такъ какъ подъ ними находятся черви, жирныя личинки, жуки и улитки. Между тѣмъ молодые самцы предаются веселымъ играмъ, уморительно скачутъ, дразнятъ другъ друга или пристають къ родителямъ, которые, въ свою очередь, бьютъ ихъ по щекамъ, кусаютъ или дергаютъ за хвостъ. Съ наглою любезностью подходитъ франтъ къ интересной самкѣ; она скромно, съ большимъ достоинствомъ, отворачивается отъ него. Онъ становится назойливѣе. Но законный супругъ обратилъ вниманіе на продѣлки нахала: происходитъ шумъ, драка, и франтъ со стыдомъ обращается въ бѣгство. О приближающейся опасности караульщики даютъ знать отрывистымъ лаемъ. Тогда каждое стадо мгновенно группируется вокругъ своего предводителя. Матери заботливо приближаются къ своимъ дѣтенышамъ. Всѣ напряженно наблюдаютъ за врагомъ. Все общество направляется, не спѣша, къ безопасной скалѣ, отъ времени до времени останавливаясь и оглядываясь. Я пробовалъ травить стада собаками; онѣ, правда, легко догоняли обезьянъ, но въ драку съ ними вступать не рѣшались, когда старыя павіаны принимали угрожающій видъ и скалили на нихъ свои страшные зубы. Преслѣдуемые до подошвы скалъ, павіаны часто кидаются, или скорѣе нечаянно скатываются, камни на своихъ враговъ. По гладкой землѣ павіаны, большею частью, ходятъ на четверенькахъ, но отъ времени до времени они приподымаются на заднія лапы, при чемъ подпираютъ туловище крѣпкимъ хвостомъ. Я никогда не видалъ ихъ на высокихъ деревьяхъ. Стадо большею частью состоитъ изъ 20—30 штукъ, между которыми только немного старыхъ самцовъ. Но для большихъ набѣговъ они соединяются сотнями и принимаютъ путешествія въ нѣсколько миль. Обыкновенное время водопола — около 4 часовъ пополудни; у воды они очень смѣлы и подходятъ къ людямъ и домашнимъ животнымъ на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ. Съ наступленіемъ темноты

начинается обратное шествіе къ ночному приюту. Орлы ягнятники и леопарды—главные ихъ враги».

Самыхъ отвратительныхъ изъ всѣхъ павіановъ, не безъ основанія, отдѣлили отъ остальныхъ, такъ какъ они существенно отличаются отъ другихъ видовъ этого рода, хотя строеніе тѣла ихъ показываетъ родство съ павіанами. Голова ихъ, особенно черепъ, необыкновенно велика; очень маленькіе глаза стоятъ близко одинъ къ другому; надглазная дуга выдается ребромъ; по обѣимъ сторонамъ носа про-

Мандрилъ (*Сynoserphalus mormon*). $\frac{1}{40}$ наст. вел.

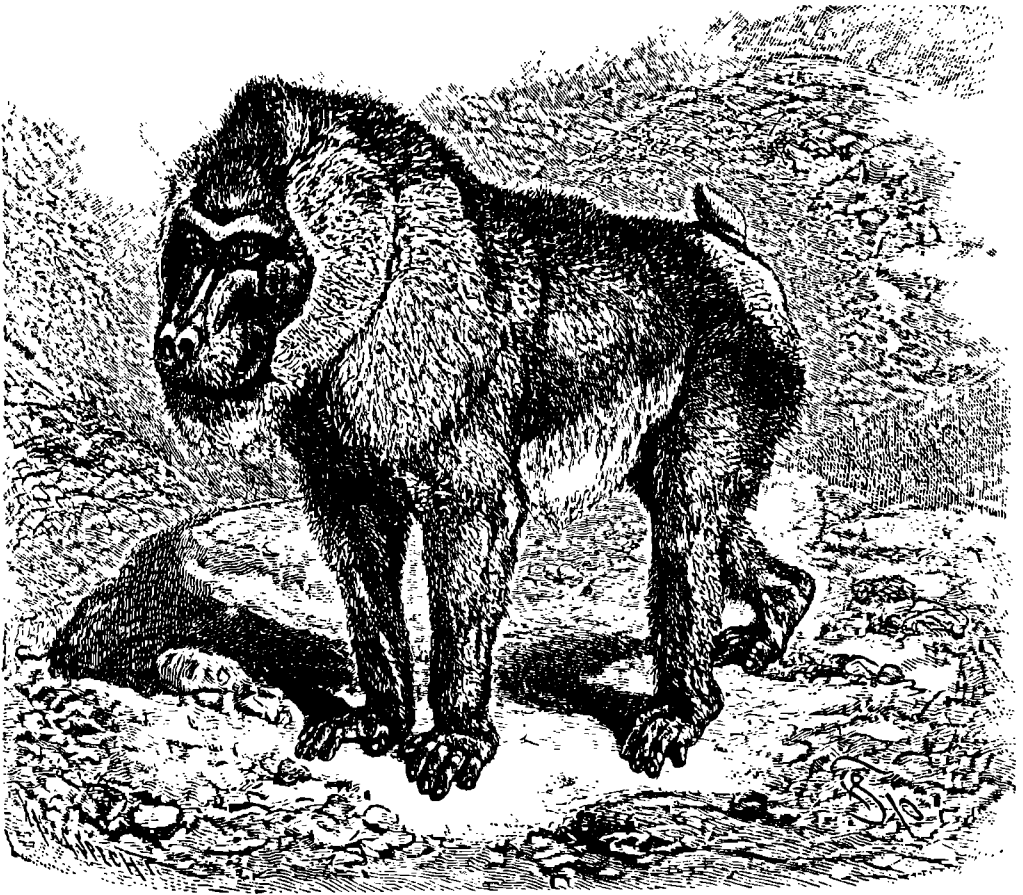
ходятъ продольный съ бороздками наростъ, который при раздраженіи распухаетъ. Конечности у нихъ очень сильныя, хвостъ имѣетъ видъ короткаго, вверхъ торчащаго обрубка; сѣдалищные наросты проходятъ по всей задней части туловища. Волосы на затылкѣ; кромѣ того, по крайней мѣрѣ у одного вида, замѣчается яркоокрашенная остроконечная борода. Оба нижеописанные павіана живутъ въ западной Африкѣ и уже въ продолженіи 300 лѣтъ первозятся въ Европу живыми. На томъ же основаніи, на которомъ мы могли назвать гверцу самой красивой обезьяной, мы можемъ назвать Мандрила (*Сynoserphalus mormon*, Mormon и жизнь животн. брѣма. т. 1.

Simia maimon, *Simia hircina*) безобразнѣйшею изъ всѣхъ обезьянъ. Въ старости онъ дѣлается по истинѣ отвратительнымъ звѣремъ во всѣхъ отношеніяхъ, и его нравственные качества совершенно соотвѣтствуютъ наружности. Тѣло у него очень сильное, можно сказать неуклюжее, голова безобразная, зубы страшные, шерсть очень жесткая и спутанная, окраска непокрытыхъ шерстью частей тѣла въ высшей степени яркая и отвратительная. Каждый отдѣльный волосокъ имѣетъ оливковыя и черныя кольца, вслѣдствіе чего шерсть верхнихъ частей пріобрѣтаетъ темно-бурый цвѣтъ съ оливковымъ оттѣнкомъ; на груди волоса желтые, на брюхѣ бѣлые, на бокахъ свѣтло-бурые; борода ярко-лимоннаго цвѣта, за ушами сѣровато-бѣлыя пятна. Руки и уши черныя, носъ и окружающія его части ярко-краснаго цвѣта; наросты на щекахъ васильковаго цвѣта съ черными бороздками, мошонка и задъ ярко-красные, сѣдалищные наросты красные и голубые. Старые самцы достигаютъ длины одного метра и болѣе, высота туловища до плечъ—60 см., а хвостъ не болѣе 3-хъ см. Сродный ему Дрилль (*Cynoscephalus leucorhaeus*, *Simia* и *Inius leucorhaeus*, *I. brachyurus*) немного меньше ростомъ, шерсть у него сверху оливково-бурая, снизу и по бокамъ бѣловатая, бакены желтовато-чалые, лицо черное, руки и ноги мѣдно-красныя, сѣдалищные наросты и мошонка—красные. Длина взрослого дрилля достигаетъ отъ 85—90 см., высота до плечъ 55—60 см., длина хвоста 8—9 см. Довольно странно, что мы не знаемъ ничего вѣрнаго о жизни этихъ двухъ обезьянъ на свободѣ, между тѣмъ какъ въ неволѣ онѣ намъ давно извѣстны. Обѣ онѣ считаютъ своей родиной Гвинеійскій берегъ, и къ намъ привозятся съ Золотога берега. Говорятъ, что онѣ водятся стадами въ горныхъ лѣсахъ и живутъ частью на скалахъ, а частью на деревьяхъ, но нерѣдко покидаютъ свои жилища, чтобы посѣщать и грабить ближнія поселенія. Рассказываютъ даже, что толпы ихъ нападаютъ на цѣлыя деревни и, въ отсутствіи мужчинъ, слѣпо обижаютъ дѣтей и женщинъ. Туземцы, говорятъ, больше боятся мандрилы, чѣмъ льва, никогда не вступаютъ съ нимъ въ бой поодиночкѣ, даже избѣгаютъ лѣсовъ, гдѣ эти обезьяны живутъ; или собираются хорошо вооруженной толпой и совершаютъ настоящіе походы противъ этого врага. Насколько правды заключаются въ этихъ разказахъ, рѣшить трудно, во всякомъ случаѣ нужно ихъ признавать преувеличенными и принимать ихъ на вѣру осторожно, иначе было-бы очень странно, что негры въ такомъ количествѣ ловятъ этихъ страшныхъ звѣрей и вымѣниваютъ ихъ на корабляхъ.

Раньше дриллы и мандрилы чаще попадали для продажи въ Европу, чѣмъ теперь. Древнимъ оба были неизвѣстны. «Это животное», говоритъ старикъ Геснеръ, «встрѣчается, хотя довольно рѣдко, въ индѣйскихъ пустыняхъ и иногда привозится шарлатанами на базары и ярмарки. Оно имѣетъ на ногахъ пальцы, какъ у человѣка и, когда ему грозили пальцемъ, то онъ оборачивался къ грозящему задомъ. Это животное ѣстъ яблоки, груши и другіе плоды, а также хлѣбъ и охотно пьетъ вино. Когда оно проголодается, то взбирается на деревья и страхиаетъ съ нихъ плоды. По характеру оно привѣтливо, особенно къ женщинамъ, дружбу свою къ которымъ выражаетъ различнымъ образомъ». Приложенное къ этому описанію изображеніе такъ удачно представляетъ мандрилу въ томъ положеніи, когда онъ поворачивается задомъ къ человѣку, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что это на самомъ дѣлѣ мандриль.

Молоденькій мандриль, очень милый звѣрекъ, отличный комикъ среди многочисленнаго общества въ обезьяней клѣткѣ, расположенный къ веселымъ и шаловливымъ продѣлкамъ всякаго рода, одаренный большою живостью, и, несмотря на свойственное ему безстыдство, нисколько не кажущійся противнымъ. Особенность,

о которой упоминает Геснеръ съ откровенностью, свойственно нашимъ предкамъ, выказываетъ уже и молодой мандрилъ: задняя часть тѣла играетъ очень важную роль въ его мимикѣ для выраженія чувствъ, но движенія эти совершаются еще съ такой видимой невинностью и комизмомъ, что невольно забывается ихъ неприличіе. Но это слишкомъ скоро измѣняется; гораздо раньше, чѣмъ другіе павіаны, мандрилъ показываетъ себя во всей своей гнусности. «Гнѣвъ другихъ обезьянъ», какъ выражается одинъ англійскій писатель, «сравнительно съ яростью мандрила,

Дрилль. (*Cynocephalus leucorhæus*), $\frac{1}{10}$ наст. веллч.

все равно, что легкій вѣтерокъ передъ ужаснымъ тропическимъ ураганомъ, который все уничтожаетъ на своемъ пути».

Насколько сильно его бѣшенство, настолько же велика и его непристойность. Для изображенія послѣдней не хватаетъ словъ. «Его крикъ, взглядъ и голосъ», говоритъ Кювье, «выражаютъ полнѣйшее скотское безстыдство. Свои грязныя похоти онъ удовлетворяетъ самымъ безстыднымъ образомъ. Кажется природа хотѣла олицетворить въ немъ порокъ со всѣмъ его безобразіемъ». Все, что казалось намъ отвратительнымъ въ гамадрилъ и другихъ павіанахъ, покажется умѣреннымъ сравнительно съ поведеніемъ мандрила. Его страстность не знаетъ границъ. Разгнѣванный, онъ впадаетъ въ такое раздраженіе, что все забываетъ и бросается,

очертя голову, на своего врага. Истинно демоническій огонь загорается въ глазахъ звѣря, который кажется тогда одареннымъ сверхъестественной силой и злобой. Въ эту минуту у него одна мѣсль: разорвать въ клочки врага и устранить съ своей дороги всякое препятствіе. Его тогда не пугаетъ ни кнуть, ни оружіе. Нападеніе его обуславливается тогда не отвагою, а просто безуміемъ; ни одного звѣря сторожа не боятся такъ, какъ разъяреннаго мандрила. Левъ и тигръ передъ нимъ ягнята, потому что они все таки держатся границъ благоразумія, гамадриль же и другіе павіаны, въ сравненіи съ нимъ—младенцы. Половыя побужденія у мандрила выражаются точно такъ же неистово, какъ и другія страсти. Геснеръ справедливо замѣчаетъ, что мандриль распространяетъ свою похоть не на однѣхъ самокъ своей породы. У мандриловъ, живущихъ въ неволѣ, замѣчена не только склонность къ жевщинамъ, но и ревность къ мужчинамъ, которые ухаживаютъ за знакомыми имъ женщинами. Они приходятъ въ бѣшенство, когда видятъ, что мужчина ласкаетъ или только дѣлаетъ видъ, что ласкаетъ предметъ ихъ страсти и долго не прощаютъ ему этотъ прѣступокъ. Въ Jardin des plantes въ Парижѣ однажды очень удачно воспользовались ревностью этого животнаго, чтобы захватить разломавшаго свою клѣтку и надѣлавшаго много вреда мандрила. Всѣ попытки изловить его оказались безуспѣшными и онъ успѣлъ уже ранить нѣсколькихъ сторожей, когда наконецъ одному изъ нихъ пришло на мысль завлечь обезьяну въ клѣтку, воспользовавшись его собственною страстью. Съ задней стороны клѣтки была маленькая дверца: за нею встала дочь одного изъ сторожей такъ, чтобы обезьяна могла ее видѣть; къ ней подошелъ одинъ сторожъ, обнялъ ее и сдѣлалъ видъ, что хочетъ ее поцѣловать. Этого было довольно для влюбленнаго мандрила. Онъ въ бѣшенствѣ кинулся на этого человѣка, конечно, съ намѣреніемъ разорвать его; но, чтобы достигнуть своей цѣли, онъ долженъ былъ войти въ клѣтку. Всякое благоразуміе было забыто: ревнивая обезьяна, безъ оглядки бросилась въ отворенную дверь и черезъ минуту очутилась за желѣзной рѣшеткой. Нельзя отрицать, что мандрила очень трудно воспитывать и что большинство ихъ, вслѣдствіе своей раздражительно-сти, въ неволѣ погибаетъ, но бывають и исключенія.

Еще Жардинъ передаетъ объ одномъ взросломъ мандрилѣ, который былъ со всѣмъ ручнымъ, слушался своихъ сторожей, но приходилъ въ ярость отъ постоянныхъ людей. «Этотъ мандриль», говоритъ онъ, «научился, между прочимъ, пить водку и курить табакъ. Первое онъ дѣлалъ очень охотно, но къ куренію его свачада нужно было принуждать обѣщаніемъ водки съ водой. Въ его клѣткѣ стояло маленькое кресло, на которое онъ, по повелѣнію сторожа, садился съ достоинствомъ и ждалъ дальнѣйшихъ приказаній. Всѣ свои движенія онъ совершалъ медленно и обдуманно. Когда сторожъ зажигалъ трубку и подавалъ ему, онъ тщательно осматривалъ ее и даже ощупывалъ, чтобы убѣдиться, что она дѣйствительно зажжена. Затѣмъ онъ вставлялъ ее въ ротъ, держалъ за конецъ и долго не выпускалъ дыма. Въ это время онъ наполнялъ имъ свои защечные мѣшки и свою широкую пасть; затѣмъ выпускалъ разомъ цѣлое облако дыма изъ пасти и изъ носу. Обыкновенно эту продѣлку онъ оканчивалъ питьемъ водки и воды изъ стакана, который тотчасъ хваталъ рукамъ».

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ мандриловъ жилъ въ Лондонѣ при очень счастливой обстановкѣ и былъ хорошо извѣстенъ подъ именемъ счастливаго Ивана; и теперь еще чучело его украшаетъ британскій музей. Онъ нѣсколько разъ удостоивался чести быть гостемъ королевской семьи: однимъ словомъ, по словамъ англійскаго очевидца, онъ наслаждался самою счастливою жизнью, какая только можетъ достаться на долю павіана.

Одинъ очень извѣстный мандрилъ былъ артистомъ обезьяняго театра Брукмана. Онъ находился болѣе 16 лѣтъ во владѣніи своего хозяина и былъ прирученъ и выдрессированъ, насколько это возможно для обезьяны. Передъ посторонними онъ, конечно, дѣлался вспыльчивымъ и раздражительнымъ; но къ своему хозяину относился вполнѣ довѣрчиво и даже тогда, когда, давая волю своей ярости, онъ, по обыкновенію всѣхъ павіановъ, трясъ прутья своей клѣтки, какъ бы желая ее разломать, Брукманъ могъ безнаказанно схватывать его за ошейникъ, вытаскивать изъ клѣтки и заставлялъ показывать свои фокусы.

«По общепринятому мнѣнію», говоритъ Рейхенбахъ, который также зналъ этого павіана, «мандрила воспитывать нельзя, потому что онъ можетъ жить только на свободѣ, а въ неволѣ, при бездѣйствіи и въ одиночествѣ погибаетъ отъ сильнаго развитія своихъ страстей. Но, если это вѣрно, то какъ могъ Брукманъ успѣшно воспитать двухъ мандриловъ и сохранить ихъ долго сильными и бодрыми? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы думаемъ найти въ тѣхъ же явленіяхъ, которыя при подобныхъ же обстоятельствахъ, приводятъ и людей къ тѣмъ-же результатамъ. Наши комнатныя собачки съ давнихъ поръ представляютъ по своей лѣни и раздражительности жалкихъ каррикатуръ собачьей природы; напротивъ, тѣ собаки, которыхъ употребляютъ въ дѣло и приучаютъ къ работѣ, служатъ достойными представителями своей породы. То-же самое наблюдаемъ мы и здѣсь, надъ однимъ изъ самыхъ дикихъ и грубыхъ видовъ обезьянъ. Его низкіе, чисто скотскіе инстинкты и похоти, подавляющіе его лучшія стороны, умоляли или вовсе не возбуждались, когда удавалось пробудить и употребить въ дѣло его лучшія способности. Въ этихъ случаяхъ человѣкъ извлекалъ животное изъ той сферы, которая привела-бы его къ гибели. Навыкомъ и любовью къ труду человѣкъ возбуждалъ въ животномъ первую искру нѣкоторой душевной дѣятельности и постепенно далъ ей другое, лучшее направленіе. Слѣдовательно, пробужденіе и направленіе высшихъ способностей—лучшее средство къ обузданію въ животномъ его низшихъ инстинктовъ. Это средство совершенно соответствуетъ истинному свойству всякой органической жизни, которая носитъ въ себѣ самой зачатки улучшенія и прогресса».

Я, съ своей стороны, совершенно согласенъ съ этими словами. Конечно, только постоянная правильная работа сдѣлала изъ этой обезьяны замѣчательнѣйшаго представителя своего вида, т. е. такого мандрила, какихъ еще никогда не случалось видѣть. Нужно было наблюдать, подобно мнѣ, это животное въ клѣткѣ, на сценѣ и за кулисами, слышать его бесѣду съ хозяиномъ, чтобы вполнѣ оцѣнить и понять, какихъ благихъ результатовъ можетъ достигнуть воспитаніе даже у такихъ грубыхъ и, повидимому, неподатливыхъ натуръ. Подобный примѣръ съ мандриломъ для насъ въ высшей степени поучителенъ.

О нравѣ мандриловъ, которыхъ наблюдали въ факторіи Чинчочо въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Пехуель-Леше пишетъ слѣдующее: «Мы держали на нашемъ дворѣ трехъ мандриловъ. Подобно черной мартышкѣ, они были привязаны на веревкахъ къ жердямъ, поддерживающимъ ихъ жилища. Это были по природѣ настоящіе павіаны, хитрые и лукавые, необузданные, постоянно замышляющіе какое-нибудь безчинство и отлично понимающіе, что насъ потѣшаютъ ихъ шалости. Однако, характеры ихъ были совершенно различны. Пэви, самецъ, былъ чрезвычайно добродушенъ, ласковъ и необыкновенно привязчивъ. Дженъ, небольшая самка, была юмористомъ въ полномъ смыслѣ этого слова: она шутила со всѣми, включая женщинъ, которыхъ она терпѣть не могла, но ни къ кому не была особенно привязана. Изабелла,—очень крупная самка, которую намъ подарили уже совер-

шенно взрослою, потому что, вслѣдствіе ея дурного характера, она не могла быть терпима на сосѣдней факторіи, — была очень зла и нападала на людей всѣхъ возрастовъ и обохъ половъ, которые къ ней приближались. Только послѣ довольно продолжительнаго времени наше постоянное дружелюбное отношеніе къ ней ее успокоило и довело до того, что по крайней мѣрѣ насъ, европейцевъ, она не считала своими врагами; но характеръ ея былъ все-таки испорченъ, и за добро она нисколько не была благодарна.

Пави и Джекъ сторожили насъ, какъ хорошія собаки. Сидя на своихъ высокихъ шестахъ, они внимательно разсматривали все происходящее вокругъ и давали знать о каждомъ необыкновенномъ происшествіи или о приближеніи кого-нибудь посторонняго. Такъ какъ мы изъ своихъ прогулокъ приносили нашимъ павіанамъ, а также и другимъ животнымъ, разныя любимыя ими лакомства, напр., вкусныя плоды, сочныя и сладкіе стебли, листья, жуковъ и кузнечиковъ, то они ожидали нашего возвращенія съ нетерпѣніемъ и кричали еще тогда, когда замѣчали за нѣсколько сотъ шаговъ отъ дома. При этомъ они очень смѣшно подымали головы вверхъ и выдѣлывали на шестахъ самыя смѣлыя гимнастическія упражненія. Все это значительно усиливалось, когда мы, приблизившись, звали ихъ по имени. Вообще, при нашемъ возвращеніи, на дворѣ начинался такой крикъ и шумъ, что приходилось затыкать уши: нашъ Арапка начиналъ свою обычную проповѣдь, шимпанзе орала самымъ возмутительнымъ образомъ и всѣ другія животныя подражали имъ, каждое по своему.

Меня очень удивляло, что павіаны забавлялись тѣмъ, что найдя какую-нибудь вещь, играли съ нею, какъ дѣти играютъ съ куклами; вечеромъ укладывали эти вещи въ постель и днемъ также куда-нибудь тщательно прятали. Изабелла, напр., мѣръ, очень долго, играла съ пустой жестяной, а Пави добылъ себѣ кривую палочку, которую онъ очень искусно кидаль вверхъ и снова ловилъ. Однажды онъ кинулъ палочку слишкомъ далеко и ею завладѣлъ Джекъ, отчего между двумя обезьянами произошла сильная вражда; но ихъ веревки были такъ размѣрены, что обезьяны не могли сойтись; поэтому онѣ могли выражать свою взаимную вражду только страшными гримасами и угрожающими жестами. Вражда эта продолжалась даже тогда, когда я возвратилъ Пави его палочку. Вслѣдствіи онъ очень мило занимался и ружейной пулей. Джекъ, напротивъ того, питалъ страсть къ моему термометру, какъ только онъ оставался на свободѣ и зналъ, что за нимъ не наблюдаютъ, то бросался на него, хваталъ и уносилъ. Онъ видимо любовался отблескомъ стекла, но обращался съ нимъ такъ заботливо, что никогда не повредилъ этого прибора, даже если бралъ его съ собою во время лазанія по деревьямъ и крышамъ.

Другой большой мандрилъ, котораго Пехуель-Леше бралъ со собою во время поѣздки на маленькомъ пароходѣ вдоль берега, не боялся ни огня, ни воды и показывалъ себя хорошимъ пловцемъ. «Мандрилъ этотъ былъ довольно добродушенъ, но большой проказникъ и шаловливъ до крайности; на нашемъ маленькомъ пароходѣ кухни не было и для приготовленія пищи зажигали огонь на палубѣ въ большой кадкѣ, наполненной пескомъ. Самое большое удовольствіе мандрила состояло въ тасканьи головешекъ изъ огня и въ разбрасываніи ихъ по палубѣ, что онъ совершалъ не только тогда, когда его никто не видѣлъ, но и въ присутствіи повара, постоянно опасавшагося за цѣлость своихъ кострюль и горшковъ. Такъ какъ на пароходѣ было много пороха и павіана не могли отучить отъ его опасной шалости, то его посадили въ лодку, которую пароходъ везъ на буксирѣ, на длинной веревкѣ. На лодку положили ящикъ, чтобы обезьяна могла въ немъ прятаться отъ дождя и солнца; но обезьянѣ новое жилище вовсе не нравилось и она

такъ сидѣла, жалобно поглядывая на корму нашего парохода; очевидно, ей хотѣлось убѣжать. Какъ только стало темно, и поваръ началъ заваривать вечерній чай, котель съ водой внезапно былъ опрокинутъ и головешки полетѣли по всей палубѣ. Павіанъ по веревкѣ добрался до парохода и, совершенно мокрый послѣ своей проказы, спасся на мачту, откуда ночью никакъ нельзя было его добыть. На слѣдующее утро его опять отправили въ лодку. Пароходъ шель довольно тихо и обезьяна тотчасъ же бросилась на веревку, погрузилась съ нею въ воду, очень скоро переплыла разстояніе отъ лодки до парохода и взобралась по канату на корму. Другой разъ павіанъ прямо бросился въ море и 10 минутъ плылъ за нами, пока разсердившійся на него капитанъ не сжалился надъ нимъ и не забралъ его снова на пароходъ. Обезьяна плыла, какъ плаваютъ собаки и была очень уставши когда ее спасли, такъ какъ въ то время волны были очень сильны. Урокъ этотъ однако пошелъ въ прокъ обезьянѣ: съ тѣхъ поръ она уже не пыталась выскакивать изъ лодки.

* *
* *

Отъ другихъ павіановъ довольно сильно отличается одна изъ самыхъ красивыхъ обезьянъ, которую часто причисляютъ къ макакамъ, это—Силень, бородатая обезьяна, обезьяна съ львинымъ хвостомъ по Пеннанту и другимъ англійскимъ натуралистамъ, которую индѣйцы называютъ Нилбандаръ, Шіябандаръ, Чингала, Сиягалика (*Cynoscephalus silenus*, *Macacus* и *Vitulus silenus*, *Simia fer ox*, *Silenus vetus*, *Bartaffe*, *Ouanderou*). Отличительными признаками этой обезьяны служатъ: приземистое тѣлосложеніе, длинная борода, окружающая все лицо, и не очень длинный хвостъ съ пучкомъ волосъ на концѣ. Длинная шерсть на верхней части тѣла блестящаго чернаго цвѣта, а на нижней свѣтло-буровато-сѣрая. Гривообразная борода бѣлаго цвѣта, а у молодыхъ—сѣрватая; руки и ноги черныя, а добродушные глаза имѣютъ коричневый раекъ. Длина тѣла съ хвостомъ не превышаетъ одного метра; по измѣренію Бурдильона два самца имѣли 87,5 и 89 см.; двѣ самки—77 и 70 см. длины, причемъ хвосты имѣли 25—38 см.

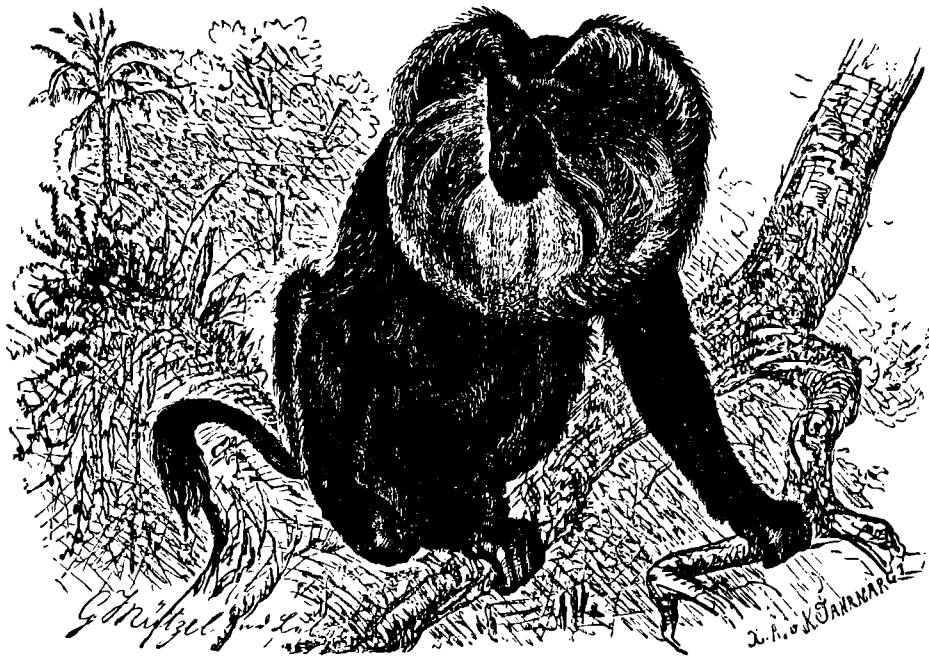
До сихъ поръ ошибочно считали островъ Цейлонъ отечествомъ силена, но новыя изслѣдованія показали, что онъ водится не только на Цейлонѣ, но и въ Малабарѣ и живетъ тамъ исключительно въ дремучихъ лѣсахъ, находящихся на возвышенностяхъ отъ 14° с. ш. до мыса Коморина. Ихъ встрѣчаютъ стадами отъ 12 до 20 штукъ. Гекель утверждаетъ, что видалъ эту обезьяну гораздо сѣвернѣе, около Бомбея, въ пещерныхъ храмахъ Карли. Теннентъ говоритъ, что всѣ силены, доставленные изъ Цейлона въ Европу, были привезены на этотъ островъ съ Индѣйскаго материка. Объ образѣ жизни этого животного на свободѣ мы знаемъ очень мало. Силень питается почками и листьями и иногда приноситъ значительный вредъ садамъ. Тирбахъ рассказываетъ, что опустошенія эти такъ значительны, что послѣ набѣга сады представляютъ самый печальный видъ: на кокосовыхъ пальмахъ не остается ни одного плода, а земля подъ деревьями вся покрыта орѣхами, очень часто неспѣлыми, которые обезьяны не ѣли, а только обрывали и бросали внизъ.

Малабарцы, однако, очень цѣнятъ эту обезьяну. Туземные князья любятъ ее за серьезный нравъ и понятливость. Въ ихъ домахъ часто воспитываютъ молодыхъ обезьянъ этого вида и приучаютъ ихъ къ разнымъ фокусамъ, которые онѣ удивительно хорошо исполняютъ.

«Бѣлобородая обезьяна», говоритъ Гейдтъ, «очень похожа на стараго индѣйца, съ большой сѣдой бородой. Она живетъ большею частью въ лѣсахъ и вреда не приноситъ. Отъ другихъ обезьянъ отличается она тѣмъ, что не такъ зла и имѣетъ болѣе веселый нравъ. Она очевидно осторожнѣе другихъ обезьянъ, можетъ

долго употреблять стеклянную посуду, не разбивая ее; хорошо знает, когда провинилась, причем выказывает жестаи свое сожалѣніе объ этомъ, а когда ее бьютъ, то у ней видны слезы на глазахъ».

Другой писатель увѣряетъ, что прочія обезьяны оказываютъ почтеніе къ нилбандару и въ его присутствіи ведутъ себя прилично, такъ какъ сознаютъ превосходство его силы. Беннетъ рассказываетъ про двухъ жившихъ въ неволѣ обезьянъ, которыхъ онъ воспитывалъ, что онѣ очень любили качаться на своихъ цѣпяхъ. «Какъ только кто-нибудь входилъ, одна изъ нихъ внезапно соскакивала со своего шеста и, воспользовавшись удобной минутой, неожиданно прыгала на спину посѣтителя, обнимала и дразнила его. Потомъ она, какъ ни въ чемъ не бывало, опять влѣзала на свой шестъ и радовалась успѣху своей шалости». Мнѣ случилось видѣть нѣсколькихъ подобныхъ обезьянъ; за одной я ухаживалъ до-

Силень (Cynopithecus Silenus), $\frac{1}{40}$ наст. велич.

вольно долго и долженъ сознаться, что совершенно согласенъ съ мнѣніемъ индѣйцевъ. Бородатый павіанъ дѣлаетъ впечатлѣніе разсудительнаго существа, обезьяны, полной чувства собственнаго достоинства, и каждое его движеніе соотвѣтствуетъ этому впечатлѣнію. Дѣйствія его расчитаны, движенія обдуманы. Большею частью онъ кажется погруженнымъ въ свои собственные мысли и часто сидитъ по долгу въ задумчивости. Окружающее занимаетъ его меньше, чѣмъ другихъ обезьянъ, хотя его возбужденный взглядъ ясно показываетъ, что онъ замѣчаетъ все вокругъ него происходящее. Онъ съ важнымъ спокойствіемъ наблюдаетъ за каждымъ человѣкомъ и животнымъ, которые къ нему подходятъ, такъ какъ все, что онъ видитъ, разсматривается имъ со свойственною ему серьезностію. По натурѣ онъ добродушенъ, но бываютъ обстоятельства, которыя пробуждаютъ въ немъ врожденные дурные инстинкты. Глаза, обыкновенно спокойные и кроткіе, сверкаютъ тогда необыкновеннымъ блескомъ, лицо принимаетъ злобое выраженіе, а вся

осанка показываетъ, что онъ ждетъ только удобной минуты, чтобы схватиться съ врагомъ и вымѣстить на немъ свою злобу. Но, какъ уже сказано, такое возбужденное состояніе—большая рѣдкость. Обыкновенно силенъ вовсе не помышляетъ о причиненіи кому бы то ни было вреда или непріятности. Его иногда можно видѣть въ обезьяньемъ театрѣ дѣйствующимъ лицомъ, въ роли почтеннаго старца, къ которой онъ прекрасно подходитъ по своей наружности. Своей спокойной и, по виду, обдуманной игрой, онъ постоянно обращаетъ на себя общее вниманіе и имѣетъ вполне заслуженный успѣхъ. Несмотря на это, онъ не въ большой милости у руководителей этихъ театровъ; Брукманъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ меня, что хотя силенъ нельзя назвать совершенно непонятливымъ, но онъ все-таки гораздо труднѣе усваиваетъ, медленнѣе запоминаетъ и участвуетъ въ представленіяхъ съ меньшей охотой, чѣмъ другія дрессированныя обезьяны.

* * *

Флора и фауна Южной Америки такъ рѣзко отличаются отъ естественныхъ произведеній жаркаго пояса Стараго Свѣта, что это различіе бросается съ перваго взгляда въ глаза. Поэтому, если счастливый случай дастъ намъ возможность удовлетворить своей страсти къ путешествіямъ и попасть въ Южную Америку, то намъ почти все тамъ кажется волшебнымъ и сказочнымъ: насъ поражаетъ прелесть новизны, а богатство природы заставляетъ забывать о преимуществахъ нашего полударія.

То же самое можно сказать и о тѣхъ животныхъ, къ описанію которыхъ мы теперь приступаемъ. Широконосыя обезьяны (*Platyrrhini*) могутъ считаться, конечно, довольно замѣчательными существами, но красивыми ихъ назвать нельзя, кромя, развѣ, рѣдкихъ исключеній; онѣ почти всѣ безпомощнѣе, лѣнливѣе, скучнѣе и тупоумнѣе обезьянъ Стараго Свѣта и значительно безобиднѣе, добродушнѣе и безвреднѣе послѣднихъ; но потому именно онѣ и не подходятъ подъ типъ настоящихъ обезьянъ. Съ понятіемъ о сихъ послѣднихъ мы привыкли соединять качества, исключительно имъ свойственныя, т. е. веселость, рѣзвость, нахальство, безстыдство, однимъ словомъ, всѣ ихъ худыя свойства. Мы уже привыкли видѣть въ этихъ удивительныхъ существахъ свою собственную каррикатуру по наружности и чувствуемъ себя неудовлетворенными, если эта каррикатура не высказывается также и въ душевныхъ качествахъ. И этого мнѣнія придерживаются не только мужчины, но и женщины, которыя постоянно очень чувствительны къ издѣвательству надъ ихъ поломъ и вообще надъ всѣмъ тѣмъ, что касается человѣка: я всегда слышалъ изъ устъ женщинъ, что широконосыя — отвратительныя существа. Однако, нѣкоторые сапажу составляютъ несомнѣнное исключеніе.

Широконосыя рѣзко отличаются отъ своихъ родичей на востокъ какъ тѣло-сложеніемъ и формою членовъ, такъ и зубною системою. Тѣло ихъ обыкновенно худощаво, члены стройны; хвостъ никогда не отсутствуетъ и почти всегда хорошо развитъ; онъ часто составляетъ какъ бы пятую руку, такъ какъ при помощи сильныхъ мускуловъ, находящихся на концѣ его, способенъ сильно свертываться и, такимъ образомъ, представляетъ собою хватательный органъ. Большой палецъ переднихъ рукъ не можетъ быть противопоставленъ другимъ пальцамъ, какъ большой палецъ на заднихъ конечностяхъ. Ногти плоски. Въмѣсто 32 зубовъ челюсти снабжены 36-ью; съ каждой стороны у нихъ по 6 коренныхъ зубовъ. У нихъ никогда не бываетъ ни защечныхъ мѣшковъ, ни сѣдалищныхъ наростовъ. Носовая перемычка широкая. Ни одинъ изъ родовъ этого семейства не достигаетъ значительнаго роста, и ни у одного изъ нихъ нѣтъ выдающейся морды. Окраска шерсти

у нихъ довольно разнообразна, но никогда не бываетъ такъ цѣстра, какъ у многихъ обезьянъ Азіи и Африки.

Отечествомъ широконосыхъ служитъ исключительно Южная Америка. Сѣверную границу его составляетъ 29° сѣв. широты. Границу ихъ распространенія на западѣ составляетъ цѣпь Андскихъ горъ, на востокѣ—Атлантическій океанъ, на югѣ—25° южной широты.

Всѣ широконосыя живутъ исключительно на деревьяхъ и потому водятся преимущественно въ дѣвственныхъ лѣсахъ. Сухимъ мѣстностямъ онѣ предпочитаютъ болотистыя и изобилующія водой. На землю онѣ спускаются только въ крайнемъ случаѣ и на водоюй отправляются не такъ, какъ другіе звѣри: пробираясь по вьющимся растеніямъ и нависшимъ сучьямъ, онѣ спускаются къ водѣ и пьютъ, не покидая вѣтвей. Очень возможно, что нѣкоторыя изъ этихъ обезьянъ проходятъ сотни миль, ни разу не коснувшись земли въ продолженіи своего путешествія. Деревья снабжаютъ ихъ всѣмъ необходимымъ, такъ какъ пища ихъ состоитъ изъ различнаго рода частей растеній, а также изъ насѣкомыхъ, пауковъ, птичьихъ яицъ или молодыхъ птенцовъ и меда; только немногіе изъ нихъ оустошаютъ иногда какою-нибудь плантацію.

Большинство видовъ дѣятельны днемъ, но небольшое число ихъ—сумеречныя и настоящія ночныя животныя. Какъ тѣ, такъ и другія въ свое время бѣгаютъ проворны и ловки, но между ними есть нѣсколько видовъ въ высшей степени неповоротливыхъ обезьянъ, которыхъ можно было-бы назвать орангъ-утанами Новаго Свѣта. Лазять онѣ всѣ превосходно, причемъ, какъ я уже указывалъ выше, отлично умѣютъ пользоваться своимъ замѣчательнымъ хвостомъ. Многимъ изъ этихъ, очень неуклюжихъ въ другомъ отношеніи, животныхъ хвостъ замѣняетъ собою все: они совершенно не могутъ жить безъ него. Благодаря своей неповоротливости они нуждаются постоянно въ извѣстной поддержкѣ своему тѣлу, для чего имъ и служить дѣлкій хвостъ при всякихъ обстоятельствахъ. Въ какомъ-бы положеніи обезьяна ни находилась, даже во время полнѣйшаго покоя, она обвиваетъ хвостомъ какой-нибудь предметъ, хотя бы даже одинъ изъ собственныхъ членовъ. Мускульная сила хвоста, значительно превосходящая силу остальныхъ членовъ, и тонкая чувствительность, которою онъ обладаетъ на концѣ, даютъ обезьянамъ возможность пользоваться этимъ замѣчательнымъ даромъ природы при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Въ ихъ жизни хвостъ во многихъ отношеніяхъ замѣняетъ недостающее имъ проворство, какъ умственное, такъ и физическое, которыми отличаются ихъ заморскіе родичи. Несмотря на все это, настоящіе древолазы Старога Свѣта несомнѣнно превосходятъ ихъ въ прыганьи и лазаньи. Обезьяны Новаго Свѣта почти всегда ходятъ на четверинкахъ и отличаются болѣе или менѣе неуклюжей, неуверенной и шаткой походкой.

По понятливости онѣ значительно уступаютъ обезьянамъ Старога Свѣта. Въ общемъ, это—кроткія, добродушныя и довѣрчивыя существа, но въ то же время онѣ глупы, неловки, непонятливы и тяжелы на подъемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ любопытны, шаловливы и довѣрчивы, большинство-же, напротивъ, угрюмы, упрямы, злы, коварны и задорны. Онѣ также похотливы, лакомы, вороваты и жадны, следовательно имѣютъ тѣ-же дурныя качества, какъ и обезьяны Старога Свѣта; хорошія же стороны этихъ послѣднихъ у нихъ совершенно отсутствуютъ. Если-бы кому-нибудь пришлось выбрать между обезьянами Старога и Новаго Свѣта, то никто-бы не сталъ долго задумываться надъ тѣмъ, которымъ изъ нихъ отдать предпочтеніе. На свободѣ эти обезьяны всегда дики и пугливы и не въ состояніи отличить истинную опасность отъ воображаемой. Поэтому онѣ бѣгутъ при всякомъ

необыкновенномъ явленіи и стараются какъ можно скорѣе скрыться въ густой листвѣ. Будучи ранены, онѣ сильно кусаютъ тѣхъ, кто ихъ хочетъ схватить; въ здоровомъ же состояніи онѣ защищаются только противъ слабыхъ хищниковъ. Это безсильныя, трусливыя животныя.

Въ плѣну онѣ вскорѣ начинаютъ вести себя послушно и довѣрчиво, но въ старости все-таки дѣлаются влыми и задорными, хотя и не всегда. Сонливость ихъ права и тихія движенія, ихъ тоскливый видъ, жалобные звуки, которые онѣ иногда, не переставая, издаютъ въ теченіе нѣкотораго времени съ удивительною настойчивостью, ихъ нечистоплотность, изнѣженность и хилость, все это—качества и нравы, не рекомендующіе ихъ какъ сожителей и забавниковъ челоѣка. Нѣкоторыя породы составляютъ, правда, похвальное исключеніе; поэтому ихъ часто приручаютъ и ухаживаютъ за ними съ большою охотою. По отношенію внѣшнихъ впечатлѣній нѣкоторыя изъ нихъ обладаютъ въ высокой степени воспримчивостью: онѣ выражаютъ свои чувства улыбками и жалобными звуками, за что ихъ очень любятъ мягкосердечныя женщины.

Материнская любовь у нихъ развита такъ-же сильно, какъ и у обезьянъ Стараго Свѣта. Онѣ рожаютъ заразъ одного или двухъ дѣтенышей, любятъ и балуютъ ихъ, ухаживаютъ за ними и защищаютъ ихъ съ такою заботливостью и сердечной теплотой, что въ этомъ отношеніи нельзя не отнести къ нимъ съ участіемъ.

Челоѣку Американскія обезьяны не вредятъ, или вредятъ только въ незначительной степени. Родина ихъ—просторный, большой, богатый лѣсъ; онѣ ихъ кормить и снабжаетъ всѣмъ необходимымъ; онѣ не нуждаются въ челоѣкѣ и его учрежденіяхъ. Только немногіе виды дѣлаютъ набѣги на поля, лежащія вблизи убоствъ, которые наносятъ плантанціямъ обезьяны Стараго Свѣта. Челоѣкъ охотится на нихъ ради ихъ мяса и шкуры. Многіе путешественники бывали поставлены въ необходимость смотрѣть на этихъ обезьянъ, какъ на цѣнную дичь, и готовить себѣ супъ и жаркое изъ мяса ихъ, и многія красавицы прячутъ и грѣютъ свои лѣжныя руки въ муфтѣ изъ мѣха, который прежде покрывалъ тѣло обезьяны.

Для туземнаго жителя Америки обезьяны являются въ высшей степени полезными животными, такъ какъ мясо ихъ составляетъ значительную часть его пищи, почему за ними ревностно охотятся. Обыкновеннымъ оружіемъ для этого служатъ лукъ, нѣрдко, однако, пользуются сарбаканомъ и маленькими, но пропитанными ужаснѣйшимъ ядомъ стрѣлками. Хотя всѣ обезьяны стараются вытащить эту маленькую стрѣлку изъ раны какъ можно скорѣе, но хитрый челоѣкъ надрѣзаетъ стрѣлку до половины, вслѣдствіе чего ядовитый кончикъ ея почти всегда ломается и остается въ ранѣ; а сила его дѣйствія достаточно велика для того, чтобы лишить жизни и болѣе крупное животное.

Этимъ же оружіемъ пользуются индѣйцы, если хотятъ добыть обезьянъ для неволи. «Индѣйцы-арекуны», рассказываетъ Шомбургкъ, «желая укротить старую упрямую обезьяну, намазываютъ стрѣлу разбавленнымъ ядомъ урари. Когда ошеломленная обезьяна падаетъ, рану ея тотчасъ высасываютъ; затѣмъ зарываютъ ее въ землю по горло и вливаютъ ей въ ротъ крѣпкаго раствора селитры или сахарнаго сока. Когда обезьяна придетъ нѣсколько въ себя, ее вытаскиваютъ и пеленаютъ, какъ груднаго ребенка. Связавъ ее такимъ образомъ, ей въ теченіе нѣсколькихъ дней, даютъ пить исключительно сахарную воду и кормятъ пищей, отваренной въ селитряной водѣ и сильно приправленной испанскимъ перцемъ. Если эта насильственная мѣра окажется недостаточной, неукротимое животное на нѣкоторое время вѣшаютъ надъ дымомъ. Тогда ярость его скоро утихаетъ, коварный

взоръ становится кроткимъ и молить о прощеніи. Тутъ ему возвращаютъ свободу, и даже самая злая обезьяна, повидимому, совершенно забываетъ о томъ, что когда-то жила въ лѣсу на свободѣ».

Изъ обезьянъ этого семейства относительно небольшое число попадаетъ въ европейскіе зоологическіе сады и звѣринцы, и то не постоянно. У торговцевъ звѣрями чаще всего мы видимъ сапажу, гораздо рѣже другихъ цѣпкохвостыхъ, и очень рѣдко ночныхъ американскихъ обезьянъ и прыгуновъ. Изъ ревуновъ, насколько мнѣ извѣстно, лишь небольшое количество экземпляровъ привезено въ Европу живыми.

Широконосыхъ раздѣляютъ на два подъ-семейства, изъ которыхъ первое мѣсто занимаютъ Цѣпкохвостыя (Cebidae). Своимъ цѣпкимъ хвостомъ онѣ отличаются отъ родовъ другой главной группы, а именно, отъ Мяхкохвостыхъ (Pitheciidae).

* *
*

Изъ цѣпкохвостыхъ мы на первомъ мѣстѣ поставимъ Ревуновъ (Mycetes). Тѣло ихъ плотно, голова высока, пирамидальной формы, морда выдается впередъ; большой палецъ передней руки тонокъ. Густая шерсть, удлиняясь на подбородкѣ, принимаетъ форму бороды. Типическимъ признакомъ ревуновъ прежде всего служитъ пузыревидно-вздутая подъязычная кость. Александръ фонъ-Гумбольдтъ былъ первымъ естественнымъ испытателемъ, изслѣдовавшимъ этотъ органъ анатомически. «У маленькихъ американскихъ обезьянъ», говоритъ онъ, «которыя щебечутъ какъ воробы, имѣется простая тонкая подъязычная кость, у большихъ же обезьянъ языкъ поддерживается широкимъ костянымъ барабаномъ. Верхняя часть гортани снабжена шестью пазухами, задерживающими голосъ, изъ коихъ двѣ имѣютъ форму голубиного гнѣзда и представляютъ большое сходство съ нижнею гортанью у птицъ. Свойственный ревунамъ жалобный крикъ происходитъ, когда воздухъ съ силою врывается въ костяной барабанъ. Если принять въ соображеніе большую величину этой костяной коробки, то не покажутся удивительными сила и объемъ голоса этихъ животныхъ, которыя съ полнымъ правомъ носятъ свое имя». Хвостъ ревуновъ очень длиненъ, съ нижней стороны на концѣ обнаженъ, богатъ нервами и сосудами и снабженъ сильными мышцами, благодаря чему служитъ орудіемъ для хватанія.

Область распространенія ревуновъ очень обширна, и они водятся почти во всѣхъ странахъ Южной Америки. Густые, высокіе и сырые лѣса служатъ ихъ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ; на равнинахъ они живутъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отдѣльныя группы деревьевъ образуютъ небольшія рощи и гдѣ по близости находится вода. Сухихъ мѣстностей они избѣгаютъ совершенно, но встрѣчаются въ холодныхъ полосахъ. Такъ, напримѣръ, въ болѣе южныхъ странахъ Америки есть мѣстности, въ которыхъ разность температуръ зимою и лѣтомъ, и безъ того ощутительная, еще болѣе увеличивается, благодаря высотѣ ихъ надъ уровнемъ моря. Такъ, какъ сообщаетъ Гензель, зимою, по ночамъ, бываютъ довольно сильныя морозы и къ утру лѣсъ покрывается бѣлымъ инеемъ: лужи до того крѣпко замерзаютъ, что тяжелыя мускусныя утки переселенцевъ не проваливаются, и онъ не ломается даже если на него бросаютъ камни величиною съ кулакъ. «Такой холодъ конечно, держится не долго, и ночной морозъ скоро исчезаетъ подъ теплыми лучами полуденнаго солнца. Холодные зимніе дожди бываютъ чувствительнѣе этихъ морозовъ; при температурѣ, стоящей на точкѣ замерзанія, они льютъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, изрѣдка даже недѣлями, и сопровождаются пронизывающимъ холоднымъ южнымъ вѣтромъ. Въ то время, какъ домашнія животныя, если

ихъ плохо кормятъ, погибають подъ вліяніемъ такихъ перемѣнъ погоды, дикія животныя чувствуютъ себя при этомъ очень хорошо, и какъ только погода прояснится и солнце снова вступитъ въ свои права, голосъ ревуна раздастся снова, свидѣтельствуя о томъ, что состояніе его здоровья ничѣмъ не потревожено. Если утромъ, послѣ холодной ночи, при первыхъ теплыхъ лучахъ солнца, взойти на какое-нибудь возвышенное мѣсто, такъ, чтобы можно было обозрѣть всю лѣсистую мѣстность какой-нибудь горной долины, то даже невооруженнымъ глазомъ, то тамъ, то сямъ, можно замѣтить красноватая точки: это старые самцы ревуновъ, которые, взобравшись на сухія верхушки самыхъ высокыхъ деревьевъ и съ удобствомъ расположившись на вѣтви дерева или на распорѣхъ двухъ вѣтвей, грѣютъ свою шкуру на солнцѣ. Холоднѣе всего зимою бываетъ въ Рио-Гранде-до-Сулъ, на плоской возвышенности Сьерры, гдѣ не растетъ больше ни одного апельсина и зимніе холодные вѣтры, дующіе изъ пампасовъ и Патагоніи, очень чувствительны. Здѣсь нерѣдко выпадаетъ много снѣгу, который не таетъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней; никогда, однако, не замѣчалось, чтобы холодъ заставлялъ ревуна покидать свое мѣстопребываніе».

Описывая жизнь ревуновъ, мы основываемся на наблюденіяхъ, собранныхъ Александромъ фонъ-Гумбольдтомъ, принцемъ Максомъ фонъ-Видъ, Ренггеромъ, Шомбургкомъ, Гензелемъ и Капплеромъ. По мнѣнію первыхъ, описанія ихъ относятся къ двумъ различнымъ видамъ, а именно, Алуату и Карайю. «Ревуны Рио-Гранде-до-Сулъ», говоритъ Гензель, «отличаются необыкновенно густою шерстью, которою покрыты главнымъ образомъ, верхняя часть головы и спина, тогда какъ брюхо и внутренняя сторона бедеръ покрыты только рѣдкими волосами; густота волосъ, повидимому, и лѣтомъ и зимою остается одинакова, по крайней мѣрѣ, во время моего здѣшняго пребыванія, я не замѣчалъ разницы между лѣтними и зимними шкурами обезьянъ, а также и другихъ животныхъ. Я долженъ, однако, замѣтить, что видѣлъ въ Національномъ музеѣ Рио-де-Жанейро нѣсколько чучель ревуновъ изъ Парагвая, какъ черныхъ, такъ и рыжихъ, отличающихся короткою, тонкою и гладкою шерстью, въ то время какъ другіе, изъ провинціи Св. Екатерины, были похожи на ревуновъ изъ Рио-Гранде-до-Сулъ. Окраска шерсти этихъ животныхъ своеобразна и различна у самцовъ и самокъ: самцы рыжіе и совершенно похожи по цвѣту волосъ на нашу бѣлку; на верхней части тѣла, главнымъ образомъ на верхней части головы и на крестцѣ, волосы обыкновенно болѣе свѣтлы, иногда желтовато-рыжаго цвѣта; въ рѣдкихъ случаяхъ даже все животное бываетъ скорѣе желтаго, чѣмъ рыжаго цвѣта; нѣкоторые экземпляры — рыжеватого бурого цвѣта, который переходитъ въ черно-бурый. Самки всегда меньше ростомъ и черно-бурого цвѣта; на спинѣ, однако, кончики волосъ отливаютъ лимонно-желтымъ или буровато-желтымъ цвѣтомъ. Онѣ нерѣдко бываютъ также рыжеватого цвѣта, иногда даже совершенно рыжія, какъ и самцы, такъ что только при осмотрѣ убитаго животного можно убѣдиться въ томъ, какого оно пола. Если видишь стадо, сидящее на вершинѣ высокаго дерева, то самцы кажутся вообще рыжими, а самки черными; дѣтеныши обоюго пола такого же цвѣта, какъ и взрослые самки. Легко можетъ быть, что измѣненія климатическихъ условій въ мѣстностяхъ, гдѣ живетъ ревуно, влекутъ за собою также различныя измѣненія въ цвѣтѣ его шерсти; повидимому, уже на сравнительно небольшомъ пространствѣ бываютъ замѣтны цвѣтныя различія. Такъ, напримѣръ, мнѣ казалось, что въ сырыхъ мѣстностяхъ, по берегамъ рѣкъ, протекающихъ въ чащахъ, лежащихъ южнѣе полосы первобытныхъ лѣсовъ, рыжія самки попадались чаще, чѣмъ въ горахъ, и что у животныхъ этого пола кончики волосъ, главнымъ образомъ на спинѣ, принимаютъ тѣмъ болѣе тем-

ную окраску, чѣмъ выше лежитъ мѣстность, въ которой они обитаютъ, и чѣмъ холоднѣе становится ея климатъ. Было бы совсѣмъ не удивительно, если бы оказалось, что рыжій цвѣтъ самцовъ и самокъ становится темнѣе въ дремучихъ, сырыхъ лѣсахъ сѣверной Бразиліи и, наконецъ, переходитъ въ черный». Тотъ же естественный испытатель замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что, сравнивая черепа, онъ убѣдился въ томъ, что существуетъ нѣсколько отдѣльныхъ видовъ ревуновъ.

Алуать или рыжій ревуноу (*Mycetes seniculus*, *Simia*, *Cebus*, *Stentor seniculus*, *Rote Brüllaffe*, *Hurler roux*) отличается рыжевато-бурою шерстью, которая посреди спины золотисто-желтаго цвѣта; волоса короткіе, жесткіе, въ корнѣ одноцвѣтные; подшерстка не замѣчается. Длинною онъ около 1,35 м. изъ коихъ 70 см. приходится на долю хвоста. Самка меньше ростомъ и болѣе темнаго цвѣта.

У Карайя или чернаго ревуна (*Mycetes niger*, *caraya*, *Simia caraya*, *Stentor niger*, *Schwarze Brüllaffe*, *Hurler noir*) волоса значительно длиннѣе, совершенно черные и только съ боковъ нѣсколько рыжеватые, у самки на брюхѣ они также желтоваты; длиною онъ около 1,3 м., изъ коихъ на долю хвоста приходится половина. Первый обитаетъ на востокѣ почти всей Южной Америки, послѣдній живеть въ Парагваѣ.

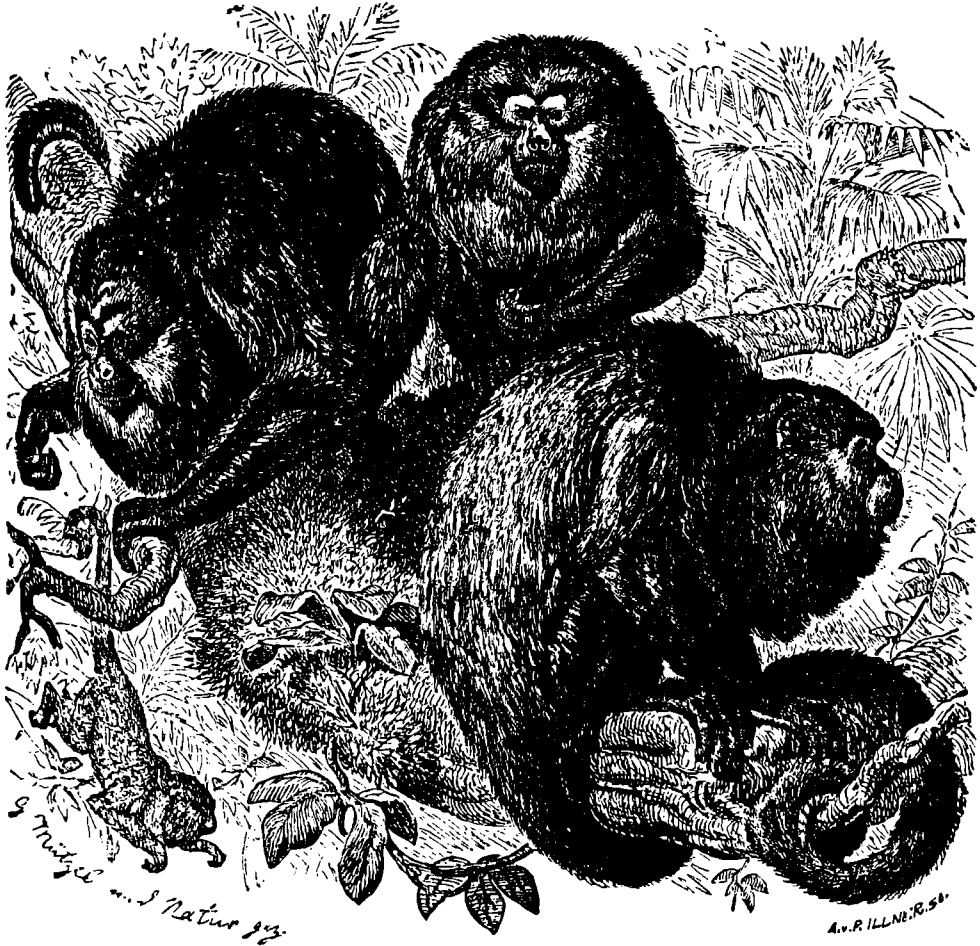
Ревуноу—одно изъ тѣхъ американскихъ животныхъ, съ которыми путешественники были знакомы уже съ самыхъ древнихъ историческихъ временъ; знакомство это было, однако, всегда неполное, что и послужило поводомъ ко многимъ сложившимся про него баснямъ. Такимъ баснямъ еще до сихъ поръ вѣрятъ бѣлые и индѣйцы, которые сами не наблюдали этихъ обезьянъ. Мы, однако, оставимъ ихъ въ сторонѣ и обратимся къ сообщеніямъ извѣстныхъ натуралистовъ.

«По приѣздѣ моемъ», говоритъ очень опытный наблюдатель Шомбургкъ, «мнѣ приходилось слышать, при восходѣ и заходѣ солнца, ужасный ревъ многочисленныхъ ревуновъ, доносившійся до меня изъ дремучаго лѣса; во время моихъ охотъ, однако, мнѣ долго не удавалось самому выслѣдить этихъ животныхъ. Однажды утромъ, когда я, позавтракавъ и взявъ ружье, направлялся къ лѣсу, изъ глубины его снова раздался этотъ дикій ревъ и возбудилъ во мнѣ охотничью страсть. Я поспѣшилъ черезъ чащу по тому направленію, откуда раздался ревъ, и, послѣ большихъ усилій и продолжительныхъ поисковъ, достигъ того мѣста, гдѣ расположилось общество, не замѣтившее моего приближенія. Оно сидѣло передо мной на высокомъ деревѣ и давало такой страшный концертъ, что издали могло показаться, будто всѣ лѣсные дикіе звѣри вступили между собою въ смертельный бой. Впрочемъ, нельзя было не замѣтить, что въ этихъ звукахъ господствовало нѣкоторое согласіе. По временамъ общество, разсѣвшееся по всему дереву, сразу умолкало, какъ бы по данному знаку, затѣмъ также неожиданно раздавался опять немусыкальный голосъ одного изъ пѣвцовъ, и ревъ начинался снова. Костяной мѣшокъ, который находится на подъязычной кости и который, отражая звуки, придаетъ голосу необыкновенную силу, замѣтно двигался во время рева вверхъ и внизъ. Звуки то напоминали хрюканье свиньи, то походили на ревъ ягуара, когда тотъ бросается на свою добычу, то снова переходили въ страшное рычанье этого хищника, когда, окруженный со всѣхъ сторонъ, онъ чуетъ грозящую опасность. Однако, это страшное общество имѣло также свою смѣшную сторону и способно было вызвать на мгновеніе улыбку на лицѣ даже самаго мрачнаго ипохондрика, если-бы онъ видѣлъ, съ какимъ серьезнымъ выраженіемъ лица эти длиннородные пѣвцы смотрѣли другъ на друга. Мнѣ говорили, что у каждаго стада есть свой запѣвало, который отличается отъ остальнаго хора, состоящаго изъ однихъ басовъ не только своимъ высокимъ пронзительнымъ голосомъ, но также гораздо болѣе

стройнымъ и худощавымъ тѣломъ. Первое изъ этихъ сообщеній я нашелъ вполнѣ справедливымъ, но худощаваго и стройнаго заповалы не видалъ; зато на ближайшемъ деревѣ я замѣтилъ двухъ молчаливыхъ обезьянъ, которыхъ принялъ за караульныхъ. Если онѣ дѣйствительно стояли на стражѣ, то довольно-таки плохо исполняли свою обязанность, такъ какъ я стоялъ по близости, не будучи замѣченъ ими».

Этотъ интересный рассказъ достаточно ясно доказываетъ намъ, съ какими

Ревунъ. *Mycetes niger*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

своеобразными созданіями мы имѣемъ дѣло. Можно утверждать, не преувеличивая, что вся жизнь и дѣятельность ихъ заключаетъ въ себѣ рядъ странностей и представляетъ поэтому богатый матеріалъ для наблюдений; съ другой стороны нужно признать, что индѣйцамъ простиительно презирать и ненавидѣть ревуновъ за ихъ непріятную наружность и скучный нравъ. Можно также объяснить себѣ всѣ напрасныя обвиненія, направленные на ревуна, если подумать, до чего непривлекательны эти животныя не только въ неволѣ, но и на свободѣ, и до чего однообразенъ ихъ образъ жизни.

«Ревуны», говоритъ Гензель, «живутъ въ первобытныхъ лѣсахъ Рио-Гранде-до-Суль въ большомъ количествѣ; изъ дикихъ животныхъ ихъ легче всего бываетъ выслѣдить и убить на охотѣ; трудно даже бываетъ не встрѣтить ихъ. Они живутъ небольшими стадами въ 5—10 штукъ, на опредѣленномъ небольшомъ пространствѣ, которое они обыкновенно не покидаютъ. Въ каждомъ стадѣ находится, по крайней мѣрѣ, одинъ старый самецъ, на которомъ, повидимому, лежитъ обязанность вожака; въ большинствѣ же случаевъ, если стадо не слишкомъ мало, въ немъ имѣется нѣсколько взрослыхъ самцовъ, изъ которыхъ одинъ, самый старшій или сильный вѣроятно, имѣетъ начальство надъ другими. При этомъ дѣло ведется не совсѣмъ-таки миролюбивымъ способомъ, о чемъ свидѣлствуютъ рубцы, замѣтные часто на мордахъ самцовъ, а иногда—даже самокъ. Въ общемъ, однако, животныя эти очень безобидны и, въ сравненіи съ другими обезьянами, спокойны и флегматичны». Эти сообщенія вполне согласуются съ наблюденіями, сдѣланными раньше. Притомъ замѣтимъ еще, что обезьяны наши въ нѣкоторыхъ лѣсахъ попадаютъ въ такомъ количествѣ, что Гумбольдту случалось видѣть до сорока штукъ вмѣстѣ, изъ чего онъ могъ заключить, что на каждой квадратной милѣ лѣса ихъ живетъ около 2000 (?)

Въ продолженіе дня любимымъ мѣстопребываніемъ ревуновъ служатъ самыя высокія деревья въ лѣсу; съ наступленіемъ сумерекъ они спускаются на болѣе низкія деревья и, спрятавшись въ ихъ густой, переплетенной ползучими растеніями листвѣ, предаются сну. Медленно, почти ползкомъ, перелѣзаютъ ревуны съ одной вѣтви на другую, выбирая листья и почки, неторопливо срывая ихъ рукою и медленно поднося ихъ ко рту. Насытившись, они усаживаются скорчившись на какомъ-нибудь суку и остаются здѣсь сидѣть безъ движенія; въ такомъ положеніи они имѣютъ видъ дремлющихъ дряхлыхъ стариковъ; иногда они также ложатся по длинѣ сука, спускаютъ руки и ноги по обѣимъ сторонамъ его и держатся только хвостомъ. Что дѣлаетъ одинъ, то дѣлаютъ и другіе, медленно и безсмысленно подражая ему въ движеніяхъ. Если одинъ изъ взрослыхъ самцовъ покинетъ дерево, на которомъ помѣстилось семейство, то остальные члены этого общества слѣдуютъ за нимъ безъ оглядки. «Поистинѣ удивительно», говоритъ Гумбольдтъ, «до чего однообразны движенія этихъ обезьянъ. Каждый разъ, когда вѣтви двухъ сосѣднихъ деревьевъ падаются на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, самецъ, идущій во главѣ толпы, вѣшается за хвостъ, и, повиснувъ такимъ образомъ на вѣткѣ, раскачивается до тѣхъ поръ, пока не ухватится за вѣтвь сосѣдняго дерева. Все стадо, вслѣдъ за нимъ, въ точности продѣлываетъ на томъ же мѣстѣ такія же движенія».

Хвостъ у ревуновъ играетъ несомнѣнно самую важную роль при движеніи: какое бы положеніе они ни приняли, они придерживаются имъ за что-нибудь, хватаютъ имъ и притягиваютъ къ себѣ различные предметы. Они чувствуютъ необходимость пользоваться имъ на каждомъ шагѣ, чтобы придать увѣренность своимъ медленнымъ движеніямъ. Нельзя сказать, чтобы они лазали дурно: напротивъ, они даже очень ловки, но никогда не дѣлаютъ далекихъ, смѣлыхъ прыжковъ, какъ другія обезьяны. Двигаясь впередъ по какому-нибудь суку, они до тѣхъ поръ не выпускаютъ его изъ рукъ, пока хвостъ, которымъ они вертятъ во всѣ стороны, не оцупаетъ надежной точки опоры и не обовьется вокругъ нея одинъ или два раза; слѣзая съ дерева, они до тѣхъ поръ держатся хвостомъ за вѣтку, которую собираются покинуть, пока не найдутъ руками новой точки опоры; а, влѣзая на дерево, держатся хвостомъ за нижнюю вѣтку, пока руками и ногами крѣпко не ухватится за верхнюю. Хвостъ сильнѣе рукъ, такъ какъ мускулы на концѣ его настолько сильны, что держать его постоянно свернутымъ, подобно часовой пружинѣ. Ревунъ можетъ повиснуть на концѣ своего хвоста, какъ на крючкѣ, обернувъ имъ сучекъ даже только

за половину; онъ можетъ употреблять это орудіе для всевозможныхъ цѣлей и, будучи лишень его, обречень на погибель. Хвостъ долгое время еще поддерживаетъ тяжесть тѣла уже мертвѣаго животнаго, и мускулы, свертывающіе конецъ его, не всегда разгибаются подъ этою тяжестью. Азара рассказываетъ, что иногда находятъ уже полусгнившихъ карайевъ, все еще крѣпко висящихъ на своемъ суку.

Немногимъ другимъ животнымъ деревья служатъ такимъ исключительнымъ мѣстопробываніемъ, какъ для ревуновъ. На землю они спускаются въ высшей степени рѣдко и дѣлаютъ это, вѣроятно, только тогда, когда не могутъ напиться, свѣсившись съ низкихъ вѣтвей и вьющихся растений. Гумбольдтъ говоритъ, что они не могутъ предпринять не только путешествій, но даже короткихъ прогулокъ по ровному мѣсту, а Ренггеръ называетъ разсказъ индѣйцевъ о томъ, будто-бы ревуны иногда переплываютъ широкія рѣки—сказкою, выдуманною ими для иностранцевъ. «Они до того боятся воды», говоритъ онъ «что если во время быстрого разлива рѣки они бывають застигнуты водою врасплохъ на какомъ-нибудь деревѣ и отрѣзаны ею отъ сообщенія съ другими деревьями, то скорѣе умрутъ съ голода, чѣмъ рѣшатся переправиться до другого дерева вплавь. Однажды я встрѣтилъ такое стадо обезьянъ, сидѣвшее на деревѣ, которое, со всѣхъ сторонъ было окружено водою. Онѣ то того искудали и были такъ слабы, что едва могли двигаться. Онѣ объѣли не только всѣ листья и нѣжные побѣги, но даже часть коры своего дерева. А между тѣмъ до ближайшаго лѣса имъ приходилось проплыть разстояніе не болѣе, какъ въ 60 футовъ». Тотъ же естествоиспытатель увѣряетъ, что никогда не видѣлъ ревуновъ въ открытомъ полѣ и никогда не встрѣчалъ слѣдовъ ихъ на землѣ.

Если ревуна не преслѣдуютъ, то онъ всегда держится въ опредѣленной области, имѣющей въ окружности не болѣе мили. Семейство часто проводитъ цѣлый день на одномъ и томъ же деревѣ. По одиночкѣ они встрѣчаются въ высшей степени рѣдко. Члены семьи вѣрно держатся другъ друга. «Они, повидимому, какъ бы сознають свое безопасное положеніе», говоритъ Гензель, «такъ какъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не пугають ни выстрѣлы, ни лай собакъ, они совершенно не боятся человека. Здѣсь часто можно, стоя подъ какимъ-нибудь деревомъ и случайно взглянувъ кверху, увидѣть на немъ цѣлое стадо ревуновъ, которые уже долго съ серьезнымъ видомъ слѣдили за пришельцемъ; они обращаются въ бѣгство только тогда, когда видятъ, что возбудили его вниманіе. Бѣгутъ они въ такихъ случаяхъ безъ особой поспѣшности, и также не на далекое разстояніе, а стараются, какъ можно скорѣе, скрыться на вершинахъ сосѣднихъ высокихъ деревьевъ. Тамъ, гдѣ ихъ часто беспокояють, они гораздо болѣе дики и исчезаютъ уже при первомъ лаѣ собаки. Когда они прячутся, то умѣють воспользоваться всѣми преимуществами съ такою ловкостью, что иногда приходится долго и тщетно искать ихъ, зная въ то же время навѣрное, что они не могли оставить дерева. Они забираются охотнѣе всего въ густую листву вьющихся растений и сидятъ здѣсь безъ движенія. Съ помощью подзорной трубы иногда можно различить въ кустѣ орхидныхъ растений черную морду ревуна, неподвижно уставившагося на охотника и не сводящаго съ него глазъ, чтобы не упустить ни одного изъ его движеній; однако цвѣтъ шкуры старыхъ самцовъ обыкновенно выдаетъ ихъ, такъ какъ трудно бываетъ ошибиться, если видишь, какъ она свѣтится между листьями.

«Когда лѣтомъ утренніе лучи солнца разгоняють свѣжесть ночи и туманъ, лезавшій въ долинахъ по откосамъ горъ, тогда маленькое общество ревуновъ, которое провело ночь, сидя въ кучѣ на вѣтвяхъ густого дерева, расходится по сторонамъ. Прежде всего они отправляются отыскивать себѣ пищу. По утоленіи голода имъ остается, до наступленія душнаго и жаркаго дня, еще достаточное количество

времени, чтобы предаться сообщая своему любимому удовольствію; само собою разумѣется, что у звѣря съ такимъ серьезнымъ нравомъ, какъ у ревуна, забава лишена той шаловливости, которая характеризуетъ забавы его родичей. Вотъ общество избрало себѣ исполнинскую смоковницу, густая листва которой защищаетъ ихъ отъ солнечныхъ лучей, а мощныя, горизонтальныя вѣтви приспособлены какъ нельзя лучше для прогулокъ. Глава семьи избираетъ себѣ одну изъ этихъ вѣтвей, остальные члены общества по своему усмотрѣнію разсаживаются по близости, и онъ, поднявъ хвостъ, начинаетъ прогуливаться по вѣтви, взадъ и впередъ, съ серьезною важностью. Вскорѣ онъ начинаетъ ревѣть, издавая вначалѣ тихіе, отрывистые звуки, какъ это обыкновенно дѣлаетъ левъ, когда собирается испытать силу своихъ легкихъ. Звуки эти, производимые, повидимому, вдыхательными и выдыхательными движеніями груди, дѣлаются все сильнѣе и все чаще слѣдуютъ другъ за другомъ; слышно, какъ усиливается возбужденіе пѣвца. Наконецъ, оно достигаетъ высшаго предѣла: промежутки между отдѣльными звуками становятся все меньше, постепенно исчезаютъ, и звуки эти, наконецъ, сливаются въ непрерывный ревъ. Въ это мгновеніе остальными, молчаливыми до тѣхъ поръ, членами семейства, какъ женскаго, такъ и мужскаго пола, овладѣваетъ безконечное одушевленіе: всѣ они присоединяютъ свои голоса къ голосу запѣвалы, и ужасный хоръ около десяти секундъ раздается въ тихомъ лѣсу. Ревъ оканчивается такими же отрывистыми звуками, какими былъ начать, но они не такъ продолжительны, какъ вначалѣ».

«Голосъ ревуновъ, единственный въ своемъ родѣ среди всего класса млекопитающихъ, не поражаетъ безусловно своей силой, такъ какъ не можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ ревомъ льва или оленя во время течки: но сила его громадна для такого маленькаго тѣла, которое обыкновенно бываетъ не больше объема крупной лисицы. Часто пытались описать голосъ ревуна; кто, однако, не слышалъ его самъ, тотъ не въ состояніи будетъ составить себѣ о немъ достаточно ясное представленіе».

По Ренггеру ревуны чаще и громче всего кричатъ въ теплое время года, притомъ какъ утромъ, такъ и вечеромъ. Въ холодную или дождливую погоду ихъ слышно рѣдко, въ ночное время ихъ никогда не бываетъ слышно (?). Иногда они ревутъ по цѣлымъ часамъ почти безъ умолку. Гумбольдтъ нашель, что ревъ слышенъ на разстояніи приблизительно 1,5 километра, а принцъ фонъ-Видъ полагаетъ, что онъ слышенъ еще дальше; однако, показаніе Гумбольдта основано на точномъ наблюденіи, а не на приблизительномъ расчетѣ. Замѣчено, что обезьяны во время бѣгства, вѣроятно изъ страха, постоянно извергаютъ жидкій калъ; этимъ объясняется разсказъ о томъ, будто бы преслѣдуемыя животныя забрасываютъ неприятеля своими испраженіями.

О рывѣ ревуны, обитающемъ въ Гвианѣ, Капплеръ говоритъ: «Онъ живетъ небольшими стадами, состоящими рѣдко болѣе, чѣмъ изъ десяти штукъ, среди которыхъ, однако, всегда находится старый самецъ, который занимаетъ на деревьяхъ болѣе высокое мѣсто и управляетъ этимъ отвратительнымъ концертомъ. Каждый разъ, когда мнѣ случалось совершенно близко наблюдать этихъ крикуновъ, на вершинѣ дерева сидѣлъ старый самецъ, держась передними руками за какую-нибудь вѣтвь и обвивъ другую своимъ длиннымъ хвостомъ, въ то время какъ другіе члены общества—самцы, самки и дѣтеныши, помѣщались въ различныхъ положеніяхъ нѣсколько ниже. Вдругъ старый самецъ испускалъ ужасно хриплый крикъ, вродѣ «роху!, роху!», и, повторивъ его пять или шесть разъ, поднималъ немаловажно громкій ревъ; къ нему присоединялись всѣ остальные и ревели съ такимъ

силою, что можно было опасаться оглохнуть. Ревъ этотъ такъ силенъ, что въ тихія ночи бываетъ слышенъ на разстоянїи двухъ часовъ ходьбы (?). То, что Пинегрю и его товарищи, во время бѣгства ихъ изъ Кайенны въ Суринамъ, приняли за ревъ тигровъ, такъ сильно напугавшій ихъ, было очевидно ни что иное, какъ крикъ ревуновъ, который долженъ вселять ужасъ въ каждомъ, кто слышитъ его въ первый разъ и кто не знаетъ, что его испускаютъ эти безобидныя обезьяны. Не знаю, что побуждаетъ кричать это животное. Въ колонїи полагаютъ, что оно реветъ, когда начинается приливъ, но это предположеніе ошибочно, такъ какъ обезьяны эти кричатъ во всякое время дня. Весьма вѣроятно, что на крикъ ихъ имѣютъ вліяніе какія-нибудь особенныя явленія въ атмосферѣ. Половныя побужденія, однако, не могутъ служить причиной этого крика, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, старые и малыя не стали бы ревать въ одно и то-же время. Ревунъ лѣнивъ и угрюмъ; онъ прыгаетъ только, когда его преслѣдуютъ, обыкновенно же онъ лазаютъ по деревьямъ съ большою осмотрительностью, постоянно придерживаясь за что-нибудь хвостомъ. Будучи пойманъ молодымъ, онъ скоро ручнѣетъ и дѣлается очень довѣрчивымъ, играетъ также съ кошками и собаками, но большею частью остается угрюмымъ. Если человекъ, котораго онъ любитъ, удалится на время, онъ начинаетъ, не переставая, издавать хриплые крики, которые въ высшей степени неприятны. Ревуны обладаютъ особеннымъ противнымъ запахомъ, по которому легко узнать въ лѣсу о близости ихъ. Они производятъ на свѣтъ только одного дѣтеныша. Главный врагъ ихъ хохлатый орель».

Воздушное жилище ревуна въ изобилїи снабжаетъ его всѣмъ необходимымъ. Благодаря разнообразію и богатству различныхъ плодовъ, онъ никогда не терпитъ нужды въ пищѣ. Кромѣ плодовъ онъ питается сѣменами, листьями, почками и различнаго рода цвѣтами, а также, подобно другимъ обезьянамъ, вѣроятно ѣстъ насѣкомыхъ, яйца и молодыхъ безпомощныхъ птенцовъ. Ревуны никогда не вредятъ плантаціямъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда проводятъ цѣлые дни въ ихъ окрестностяхъ; древесныя листья они предпочитаютъ мансу и дынямъ.

Гензель рассказываетъ, что можно иногда видѣть, какъ ревушъ, повиснувъ на концѣ своего хвоста на какомъ-нибудь сукѣ, срываетъ листья съ вѣтви, расположенной ниже, и тутъ же захлываетъ въ ротъ и сѣдаетъ ихъ, не перемѣняя положенія. Что пища ревуновъ состоитъ преимущественно изъ листьевъ, доказываютъ не только зубы ихъ, постоянно черные, но также желудки убитыхъ обезьянъ, всегда заключающіе зеленоватую, состоящую какъ бы изъ разжеванныхъ листьевъ, пищевую кашиду.

Въ Южной Америкѣ въ іюнѣ или іюлѣ, иногда уже въ концѣ мая или только въ началѣ августа, самка мечетъ одного дѣтеныша. Гензель увѣряетъ, что размноженіе ревуновъ не совпадаетъ съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ временемъ года, такъ какъ новорожденныхъ дѣтенышей можно находить въ продолженіи всего года и, такимъ образомъ, въ одинъ и тотъ же день добыть какъ утробныхъ зародышей, такъ и дѣтенышей самаго различнаго развитія и возраста. У нихъ, повидимому, никогда не бываетъ болѣе одного дѣтеныша. Въ продолженіи первой недѣли послѣ рожденія, дѣтенышъ, какъ и у обезьянъ Стараго Свѣта, виситъ на брюхѣ матери, ухватившись за нее руками и ногами; впоследствии она носитъ его на спинѣ. Она не выражаетъ ласками своихъ чувствъ, какъ то дѣлаютъ другія обезьяны; однако никогда, по крайней мѣрѣ въ первое время, не покидаетъ своего любимца, хотя впоследствии, когда дитя подрастетъ, она иногда, обращаясь въ бѣгство, въ страхѣ сбрасываетъ его съ себя, или насильно сажаетъ на какую-нибудь вѣтку, чтобы самой быть легче на бѣгу. Индѣйцы, видѣвшіе это, утверждали, что самка реву-

новъ вообще не любить своихъ дѣтенышей и относится къ нимъ равнодушно; но принцъ фонъ-Видъ говоритъ положительно: «Опасность усиливаетъ заботливость матери, которая, даже будучи смертельно ранена, не покидаетъ своего дѣтеныша». Дѣтенышъ также скученъ, какъ и мать его, и, благодаря большой выдающейся гортани, выглядитъ, пожалуй, еще безобразнѣе.

«Къ врагамъ ревуновъ», говоритъ Гензель, «кромѣ человѣка нужно причислить, конечно, только такихъ хищниковъ, которые живутъ на деревьяхъ, въ особенности пуму, оцелота и, главнымъ образомъ, гиару (*Galictis barbara*), лаящее животное, по строенію тѣла похожее на росомаху. Я привезъ съ собою черепъ гиары, убитой днемъ однимъ охотникомъ въ тотъ моментъ, когда она спускалась съ дерева, таща крупнаго самца ревуна, уже на половину задушеннаго ею. Охотника привлекъ ужасный крикъ всего стада обезьянъ, и онъ послѣлъ какъ разъ во-время, чтобы наказать хищника. Весьма вѣроятно, что самыхъ опасныхъ враговъ ревуны имѣютъ среди птицъ. Большая, бѣлая, хищная птица, которая, какъ говорятъ, встрѣчается очень рѣдко и летаетъ только во мракѣ лѣсовъ,—вѣроятно гарпія,—уноситъ молодыхъ обезьянъ. Подобно ястребу, летящему надъ кустарникомъ, мчится она надъ самыми вершинами деревьевъ, нападаетъ съ-налету на беззаботное стадо обезьянъ и похищаетъ дѣтенышей со спинъ матерей. Страхъ, который овладѣваетъ животными при этомъ неожиданномъ нападеніи, такъ великъ, что они не только не защищаются, но даже забываютъ о бѣгствѣ и только съ отчаянными воплями закрываютъ голову руками, какъ бы желая отстранить опасность».

Въ тѣхъ областяхъ Южной Америки, по которымъ путешествовалъ Гензель, на ревуновъ охотятся съ собаками. Последнія отдають этой обезьянѣ предпочтеніе передъ всѣми другими; изъ всей дичи она составляетъ ихъ любимую пищу, тогда какъ до мяса капуцина онѣ не дотрогиваются даже во время сильнѣйшаго голода. Притомъ запахъ, распространяемый ревуномъ, очень силенъ и неприятенъ для человѣка. Это относится въ особенности къ его мочѣ и испражненіямъ. Собаки, однако, придерживаются другого мнѣнія; онѣ въ состояніи отыскать даже самую небольшую каплю мочи, упавшую съ дерева на землю, или на листья кустарниковъ, и тогда способны лаять подъ такимъ деревомъ въ продолженіи цѣлыхъ часовъ, такъ что достаточно бываетъ выпустить ихъ въ лѣсъ, чтобы въ короткое время выслѣдить стадо ревуновъ. Если охотнику случится нѣсколько разъ убивать этихъ звѣрей, то собаки вскорѣ до того привыкають къ охотѣ за обезьянами, что не хотять больше охотиться ни на чѣмъ другимъ и ищуть только однахъ обезьянъ. Охотники, поэтому, обыкновенно щадять обезьянъ, и только изрѣдка можно найти какого-нибудь жителя Бразиліи, который стрѣляетъ ихъ изъ-за-мяса. Для собакъ, пріученныхъ къ охотѣ на обезьянъ, уже первый звукъ ихъ рева подаетъ знакъ къ охотѣ; онѣ скоро находятъ дерево, на которомъ сидятъ ревуны и начинаютъ лаять подъ нимъ; ревуны тотчасъ-же прекращають свою пѣсню, прячутся и обращаются въ бѣгство. Однако, въ уединенныхъ мѣстностяхъ, или въ такихъ, гдѣ ихъ не беспокоятъ, старый самецъ спускается на одну изъ нижнихъ вѣтвей и начинаетъ отсюда дразнить собакъ и доводитъ послѣднихъ до страшной ярости. Если въ это мгновеніе охотникъ выстрѣлитъ въ животное и оно упадетъ съ дерева, то собаки безстрашно хватають его уже на-лету. Во время такой ссоры съ собаками, звукъ голоса самца-ревуна нѣсколько измѣняется и дѣлается совершенно похожимъ на голосъ разъяренной свиньи, которая, при входѣ кого-нибудь незнакомаго въ хлѣвъ, боится за безопасность своего потомства.

Когда по ревунамъ стрѣляютъ, они спасаются какъ можно скорѣе; при этомъ даже не раненные звѣри теряють иногда мочу и калъ, хотя обыкновенно это слу-

чается только съ тяжело-ранеными обезьянами, которыми, при видѣ неминуемой гибели, овладѣваетъ величайшій страхъ, въ особенности, когда онѣ пытаются пере-скакнуть съ одного дерева на другое. «Въ высшей степени бываетъ смѣшно», рассказываетъ Гензель, «когда одинъ изъ полузрелыхъ дѣтенышей въ первую минуту испуга вскакиваетъ на спину которому нибудь изъ старыхъ самцовъ, чтобы такимъ образомъ спастись какъ можно скорѣе, и подлучаетъ отъ озлобленной обезьяны вздоровую пощечину, въ доказательство того, что подобныя дружескія услуги не входятъ въ обязанности отца семейства».

«Ревунъ, продолжаетъ рассказывать Гензель, «очень живучъ, и не перестаетъ бѣжать, получивъ уже такія тяжкія раны, отъ которыхъ другія животныя неминуемо должны были-бы свалиться съ дерева. Даже тогда, когда ревунъ смертельно раненъ и умираетъ, онъ нерѣдко еще ускользаетъ отъ охотника, особенно если въ него попасть зарядъ дроби. Дѣло въ томъ, что подстрѣленный звѣрь только тогда тотчасъ валится съ дерева, когда внезапно теряетъ сознание; въ другихъ же случаяхъ онъ успѣваетъ уцѣпиться концомъ своего хвоста за какой-нибудь тонкій сучекъ и повиснуть на немъ, и остается висѣть въ такомъ положеніи еще нѣсколько дней послѣ смерти, пока, подъ влияніемъ сильнаго вѣтра, судорожное сжатіе его хвоста мало по малу не ослабнетъ и наконецъ окончательно не прекратится. Отсюда видно, что обезьяны вѣшаютъ на хвостъ произвольно, но остаются въ висающемъ положеніи уже совершенно механически. У всѣхъ настоящихъ цѣпкохвостыхъ нижняя часть плоскаго конца хвоста остается голою на большомъ протяженіи и, какъ своею бархатистою и все-таки неровною поверхностью, такъ и вообще всѣмъ своимъ строеніемъ напоминаетъ ладонь руки. Когда обезьяна хочетъ повиснуть на какомъ-нибудь сукѣ, она достигаетъ этого, обернувъ свой хвостъ дважды вокругъ него, причемъ второй оборотъ переходитъ черезъ первый, а шаршавая поверхность хвоста не даетъ ему соскользнуть съ вѣтви. Мертвую обезьяну такимъ способомъ можно повѣсить на палкѣ такъ же легко, какъ и живую, и животное падаетъ на землю только тогда, когда, при раскачиваніи тѣла его въ различныя стороны, одинъ оборотъ хвоста соскользнетъ съ другого».

Впрочемъ, лучшія наши ружья не могутъ сравниться съ ужаснымъ, и все-таки очень простымъ, оружіемъ индѣйцевъ—съ сарбаканомъ. Почему-то краснокожимъ гораздо легче нашего бываетъ убить ревуна. Несмотря на неподражаемую ловкость, съ которою они владѣютъ своимъ оружіемъ, они кромѣ того еще охотно выбираютъ на сосѣднее дерево и съ вершины его пускаютъ смертельную стрѣлу въ беззаботное стадо.

Въ большей части Парагвая за ревунами охотятся усердно. Мѣхъ ихъ въ большомъ ходу, а мясо индѣйцы очень любятъ. Одинъ изъ президентовъ Парагвая велѣлъ однажды изготовить изъ мѣха чернаго ревуна болѣе сотни гренадерскихъ шапокъ. Кромѣ того изъ него выдѣлываютъ мѣшки, чепраки и проч. Путешественники, какъ напримѣръ, принцъ фонъ-Видъ, долгое время почти исключительно питались ихъ мясомъ. Увѣряютъ, что оно очень вкусно и даетъ очень крѣпкій бульонъ. Но во всякомъ случаѣ пища эта представляетъ собой нѣчто отвратительное, въ особенности, когда индѣйцы спалить обезьянѣ волоса, или, обваривъ ее, положить въ горшокъ, или посадятъ на вертелъ, чтобы жарить. Во многихъ странахъ южной Америки европейцы не дотрогиваются до мяса обезьянъ и считаютъ его самой скверной пищей; индѣйцы, напротивъ того, до него большіе охотники.

Прирученіемъ ревуновъ занимаются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и воспитаніе ихъ сопряжено съ большими затрудненіями. Ренггеръ видѣлъ только двухъ ручныхъ ревуновъ, которымъ обоимъ было больше года. Ихъ кормили листьями раз-

ныхъ деревьевъ, которые они предпочитали всякой другой пищѣ. По словамъ сторожей ихъ, они заблѣвали, когда имъ давали маиса, маниога или мяса. Пили они мало и рѣдко, и то только воду и молоко. По праву своему они были постоянно грустны и скучны, кротки и довѣрчивы, но никогда въ нихъ не было замѣтно и тѣни веселости. Сидѣли они обыкновенно, скорчившись въ углу, съ вытянутой впередъ и опущенной на грудь головой, а переднія руки или клали на колѣни, или опирались ими около заднихъ конечностей о землю. При этомъ они обвивали хвостъ вокругъ ногъ такъ, что онъ лежалъ на рукахъ. Въ такомъ положеніи они могли оставаться цѣлыми часами, пока голодъ не заставлялъ ихъ идти искать пищи. Тогда они ходили тихими шагами на четверинкахъ; бѣгали и прыгали они очень рѣдко. Въ прямомъ положеніи они не могли удержаться долѣе минуты. Всѣ пять чувствъ у нихъ были развиты, повидимому, превосходно: они тщательно выбирали себѣ пищу, хорошо слышали и видѣли и обнаруживали хорошо развитое чувство осязанія. Понятливости у нихъ замѣтно было мало; сторожу своему они не оказывали больше вниманія, чѣмъ всякому постороннему, и ничему не могли научиться. Прочихъ ручныхъ ревуновъ. Видъ рассказываетъ, что они были необыкновенно преданы своему хозяину и поднимали жалобный крикъ, когда тотъ удалялся отъ нихъ, хотя бы на минуту. Но своею лѣнью, печальнымъ и угрюмымъ видомъ, а также скрипучимъ, хриплымъ голосомъ эти молодые ревуны были неприятны и противны всѣмъ, даже своему хозяину. То же самое говоритъ Капплеръ, которому никогда не удавалось воспитать ревуна.

Въ Европу эти животныя попадаютъ очень рѣдко. Въ обезьяннихъ вѣткахъ Лондонскаго зоологическаго сада нѣсколько лѣтъ тому назадъ жилъ ревунокъ, пользовавшійся, повидимому, прекраснымъ здоровьемъ; но голоса своего онъ не подавалъ и этимъ очень отличался отъ другихъ ревуновъ, звучный голосъ которыхъ описанъ выше. Другой экземпляръ недавно попалъ живымъ въ руки одного изъ нашихъ крупныхъ торговцевъ звѣрями, что дало Мютцелю возможность сравнить свое прекрасное изображеніе ревуна, первое вѣрное изъ видѣнныхъ мною до сихъ поръ, съ живымъ экземпляромъ.

* * *

Въ высшей степени худое тѣло и длинныя, сухошавыя конечности служатъ отличительными признаками Паукообразныхъ или Цѣпныхъ обезьянъ (Ateles. Klammergaffen. Atèles). Натуралистъ, впервые назвавшій ихъ паукообразными обезьянами, охарактеризовалъ ихъ очень удачно: даже не натуралистъ невольно приходится къ подобному сравненію. Чтобы точнѣе опредѣлить этихъ животныхъ, скажу еще, что голова ихъ очень мала, лицо безбородое, а большой палецъ передней руки очень не развитъ или вовсе отсутствуетъ.

Отечествомъ цѣпныхъ обезьянъ служитъ Южная Америка до 25° южной широты, а мѣстопребываніемъ—вершины самыхъ высокихъ деревьевъ. Живутъ онѣ, повидимому, очень однообразно, причемъ различные виды по образу жизни существенно походятъ другъ на друга. Чуди, согласно съ другими натуралистами, говорятъ, что онѣ живутъ стадами въ 10 или 12 штукъ; иногда встрѣчаются парами, нерѣдко даже по одиночкѣ. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ намъ попадалась одна обезьяна этой породы все въ одной и той же мѣстности; когда она была убита, то оказалось, что это былъ еще не особенно старый самецъ. Общества этихъ обезьянъ выдають свое присутствіе непрерывнымъ трескомъ вѣтокъ, которыми онѣ сгибають очень проворно, чтобы безъ шума пробираться впередъ. Будучи подстрѣлены, онѣ поднимають громкій, пронзительный крикъ, и стараются убѣжать. Совершенно молодые дѣтеныши не покидають своихъ матерей; когда тѣ убиты, онѣ

крѣпко цѣпляются за нихъ и ласкаютъ ихъ еще долго послѣ того, какъ тѣ, уже оконченъвъ, висятъ на сукѣ дерева; поэтому овладѣть молодыми обезьянами бываетъ очень легко. Ихъ безъ труда можно приручить; онѣ добродушны, довѣрчивы и привязчивы, но не могутъ долго выносить неволи. У нихъ легко появляется сыпь, а также случаются часто поносы, причѣмъ онѣ ведутъ себя самымъ неприличнымъ образомъ.

Виды ихъ мало отличаются другъ отъ друга; тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ изобразить нѣкоторыхъ изъ нихъ на рисункахъ, чтобы дать наглядное представленіе отъ ихъ разнообразныхъ положеній, которыя онѣ иногда принимаютъ.

Изъ цѣпкохвостыхъ обезьянъ, живущихъ въ Гвіанѣ, особенно часто встрѣчаются два вида: Коата (*Ateles paniscus*, *Simia paniscus*,) и Маримонда или Ару (*Ateles beelzebuth*, *Simia beelzebuth*). Первый изъ нихъ является однимъ изъ болѣе крупныхъ представителей рода. Его тѣло длиною около 1,35 метра, изъ которыхъ на долю хвоста приходится болѣе половины, высота плечъ равна приблизительно 40 см. Грубая шерсть на плечахъ длиннѣе и на спинѣ гуще, чѣмъ на брюхѣ; на лбу она поднимается на подобіе гребня; цвѣтъ ея черный, на лицѣ слегка рыжеватый; кожа темнаго, а на ладоняхъ рукъ совершенно чернаго цвѣта. Живые каріе глаза придають его добродушному лицу чрезвычайно симпатичное выраженіе.

Въ Квито, на Панамскомъ перешейкѣ и въ Перу вышеназванныхъ обезьянъ замѣняютъ Чамень (*Ateles pentadactylus*, *Simia*, *Ateles chamek*). Онъ достигаетъ около 1,3 метра въ длину, изъ коихъ, правда, больше половины приходится на долю хвоста; покрытъ длиною, совершенно черною шерстью и вмѣсто большого пальца имѣетъ короткій отростокъ.

Мирики (*Ateles hypoxanthus* или *oriodes Brachyteles hypoxanthus*), съ которыми познакомилъ насъ главнымъ образомъ принцъ фонъ-Видъ, живетъ во внутреннихъ частяхъ Бразиліи. Длинною онъ онъ около 1,4 метра, обладаетъ крѣпкимъ сложениемъ, маленькою головою, короткою шеею, длинными конечностями и покрытъ густою, волнистою шерстью. Шерсть его окрашена въ чалый, а иногда также въ блѣдовато-сѣро-желтый цвѣтъ; на внутренней сторонѣ конечностей цвѣтъ шерсти обыкновенно свѣтлѣе. Голое лицо въ молодости черно-бураго, въ старости темно-сѣраго, но средняя часть его тѣлеснаго цвѣта. Большой палецъ передней руки представляетъ собою короткій отростокъ безъ ногтя.

Безспорно самая красивая изъ всѣхъ цѣпкохвостыхъ обезьянъ есть Золотолобая обезьяна (*Ateles Bartlettii*, *Goldstirnaffe*), открытая лишь недавно младшимъ Барлетомъ въ восточной части Перу и названная въ честь открывшаго. Густой длинный и мягкій мѣхъ имѣетъ на всей верхней и наружной сторонѣ чисто черную окраску; полоса на лбу золотисто-желтая, бакенбарды бѣлыя, нижняя сторона тѣла и хвоста, внутренняя поверхность конечностей и наружная сторона голеней заднихъ ногъ буровато-желтыя, немного свѣтлѣе, чѣмъ полоска на лбу, и испещрены мѣстами отдѣльными черными волосами. Всѣ голыя части лица и рукъ черно-бураго цвѣта. Что касается величины, то, повидимому, это великолѣпное созданіе равнаго роста съ близкими видами того же рода, такъ какъ ни Грэй, ни Барлетъ, давшіе этому виду названіе, ничего не говорятъ объ этомъ.

Барлетъ добылъ золотолобую обезьяну въ горахъ такъ называемой миссіонерской области, по верхнему теченію Амазонки, недалеко отъ Хебероса, у индѣйцевъ, которые чрезвычайно высоко цѣнили это животное; позднѣе, въ одномъ маленькомъ индѣйскомъ городѣ, онъ купилъ болѣе молодой экземпляръ, едва отличавшійся отъ стараго, котораго держали живымъ и также цѣнили очень высоко. По этимъ двумъ экземплярамъ и былъ установленъ видъ.

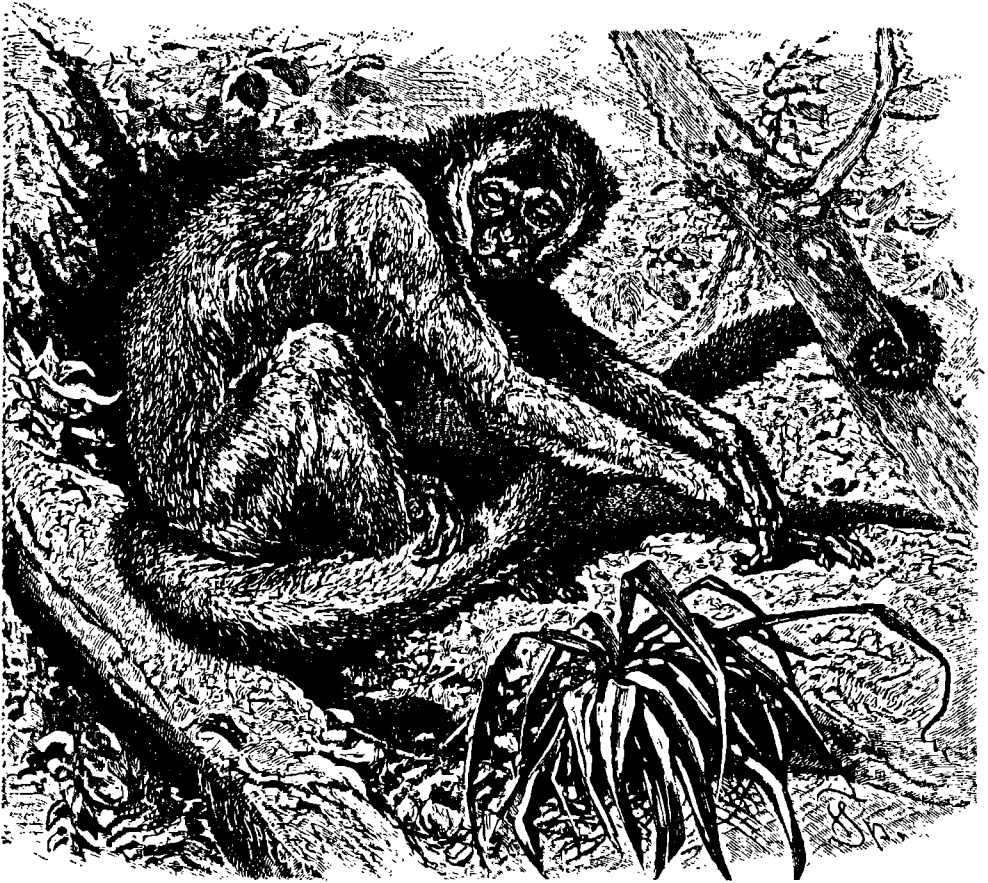
Съ жизнью цѣпкохвостыхъ обезьянъ на свободѣ насъ познакомили Гумбольдтъ, принцъ Максъ фонъ-Видъ и Шомбургкъ. Въ Гвианѣ онѣ встрѣчаются лишь въ болѣе низко лежащихъ лѣсахъ, не выше 500 метровъ надъ уровнемъ моря; онѣ совершенно избѣгаютъ обнаженнаго лѣса высотъ. По большей части онѣ попадаются стадами приблизительно изъ 6 штукъ, рѣже отдѣльно или парами, еще рѣже болѣе значительными обществами. Каждое изъ такихъ стадъ тихо и спокойно пробирается своимъ путемъ записей, не заботясь о другихъ неопасныхъ для нихъ существахъ.

Чаекъ (*Ateles pentadactylus*), $\frac{1}{6}$ наст. вел.

Движенія ихъ по сравненію съ жалкимъ ковыляньемъ ревуновъ должно назвать быстрыми. Значительная длина конечностей способствуетъ бѣганью и лазанью. Онѣ далеко хватаются своими длинными руками и потому, даже безъ особеннаго напряженія, такъ быстро подвигаются впередъ, что желающій преслѣдовать ихъ долженъ отнюдь не терять времени. На вершинахъ деревьевъ онѣ обнаруживаютъ довольно значительную ловкость. Онѣ лазаютъ увѣренно и по временамъ дѣлаютъ небольшіе прыжки; однако при всѣхъ движеніяхъ страннымъ образомъ размахиваютъ въ разные стороны конечностями. Обыкновенно обезьяна протягиваетъ впередъ хвостъ, чтобы отыскать себѣ точку опоры, прежде чѣмъ оставить вѣтвь, на которой она

сидятъ. Иногда случается встрѣчать цѣлыя общества, привѣсившіяся хвостами и представляющія самыя странныя группы. Нерѣдко видишь, какъ цѣлое семейство сидятъ или лежатъ на вѣтвяхъ, комфортабельно грѣясь на солнцѣ, загнувъ назадъ голову, заложивъ руки за спину и поднявъ глаза къ небу. На ровномъ мѣстѣ цѣпкохвостыя обезьяны съ трудомъ подвигаются впередъ, какъ-бы хромая; глядя на нихъ, все думается, что онѣ сейчасъ повалятся; походка ихъ въ высшей степени шаткая и невѣрная, а длинный хвостъ, которымъ обезьяны, съ цѣлью поддерживать равновѣсіе, отчаянно двигаютъ туда и сюда, еще болѣе увеличиваетъ неловкость

Мярики (*Ateles hyoxanthos*), $\frac{1}{10}$ наст. вел.

движенія. Впрочемъ, никто изъ европейскихъ наблюдателей не видалъ цѣпкохвостыхъ обезьянъ на землѣ, и принцъ Максъ фонъ-Видъ увѣряетъ, что пока эти обезьяны здоровы, онѣ лишь тогда спускаются на землю, если не могутъ папиться съ низко свѣшивающихся вѣтвей, какъ онѣ дѣлаютъ обыкновенно.

Размноженіе, повидимому, не связано съ какимъ-либо опредѣленнымъ временемъ года; по крайней мѣрѣ Шомбургкъ замѣчаетъ, что въ каждомъ обществѣ, которое онъ встрѣчалъ, почти всегда находилось нѣсколько дѣтенышей, которыхъ матери чаще носятъ на груди подъ руками, чѣмъ на спинѣ. О нѣжной привязанности послѣднихъ къ своимъ дѣтенышамъ мнѣ нѣтъ надобности прибавлять ни слова послѣ того, что было сказано выше.

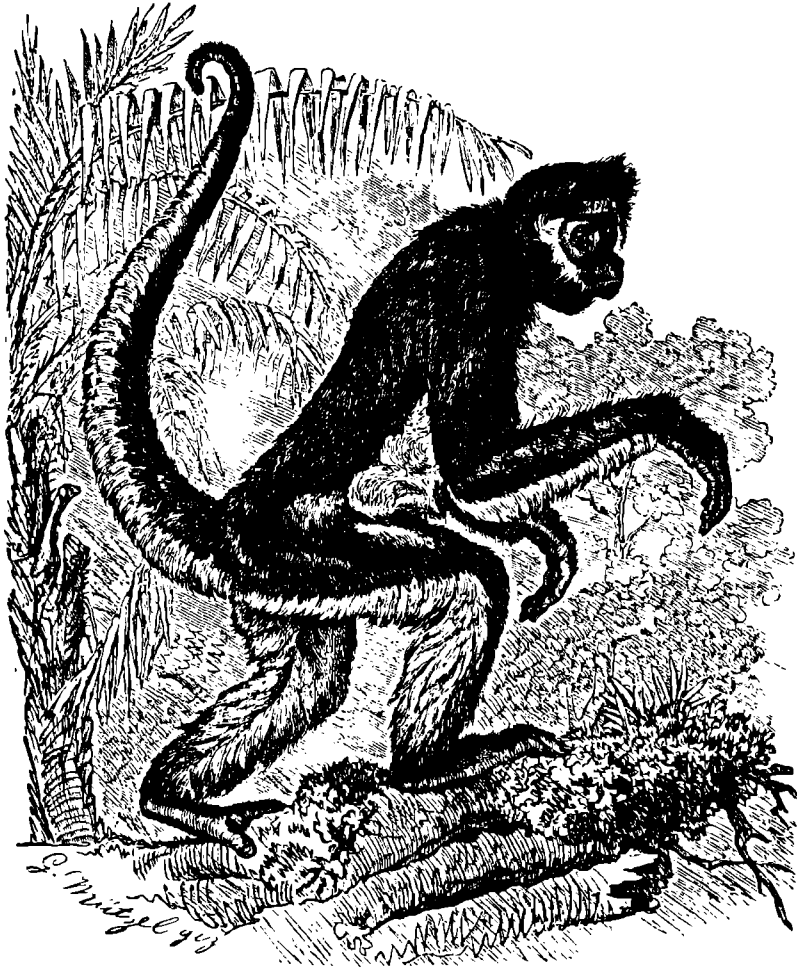
Въ богатыхъ дѣвственныхыхъ лѣсахъ нетребовательныя цѣпкохвостыя обезьяны, довольствующіяся листьями и плодами, не приносятъ никому вреда. Тѣмъ не менѣе ихъ ревностно преслѣдуютъ. Португалцы охотятся за ними ради шкуръ, индѣйцы ѣдятъ ихъ мясо, причѣмъ нѣкоторые индѣйскія племена предпочитаютъ его всякой другой дичи. Они охотятся за обезьянами большими обществами и убиваютъ ихъ сотнями. Во время охоты они тщательно осматриваютъ верхушки деревьевъ и обращаютъ вниманіе на всякіе признаки присутствія обезьянъ. Тихій по сравненію съ ревомъ ревуновъ, но все же довольно громкій голосъ выдаетъ нашихъ животныхъ уже на довольно значительномъ разстояніи. Какъ только безобидныя лѣсныя животныя замѣчаютъ своихъ страшныхъ враговъ, т. е. людей, они обращаются въ быстрое бѣгство, съ боязливой поспѣшностью протягиваютъ впередъ длинныя конечности, хватаясь за вѣтви хвостомъ и, такимъ образомъ, быстро перемищаясь впередъ. Иногда наиболѣе доврчивыя изъ нихъ пытаются испугать чело-вѣка гримасами и громкимъ крикомъ; говорятъ, что иногда они, даже послѣ того, какъ нѣсколько ихъ убито выстрѣлами, какъ бы обезумѣвъ, подчиняются своей судьбѣ и остаются на мѣстѣ. Подстрѣленные испускаютъ мочу и полужидкій калъ. Тяжело раненыя часто долго еще висятъ на вѣтвяхъ, пока наконецъ смерть не расслабитъ мускуловъ хвоста; тогда тѣло шумно падаетъ на землю.

«Коата», говоритъ Капллеръ, «не такъ лѣнива, какъ ревуны; она не встрѣчается вблизи береговъ, а только въ болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ. Почти голое, узкое, красноватое лицо ея очень похоже на лицо старой индѣянки. Хвостъ, достигающій въ длину 80 см., на нижней сторонѣ, какъ у ревуна, совершенно лишень волосъ на протяженіи около 25 см.; этотъ кончикъ хвоста обладаетъ наиболѣе тонкимъ осязаніемъ: обезьяна беретъ имъ различные предметы и часто пользуется имъ, какъ рукой. При ходьбѣ и лазаніи обезьяна всегда опирается на хвостъ и хватается имъ вѣтви. Во время лазанія часто нельзя различить, гдѣ у нихъ ноги и гдѣ хвостъ, и ихъ совершенно правильно назвали паукообразными обезьянами. такъ какъ, вися между вѣтвями, онѣ похожи на громадныхъ пауковъ. Въ неволѣ онѣ становятся очень ручными, но менѣе живы и забавны, чѣмъ капуцины. Пятаются онѣ исключительно растеніями и очень охотно ѣдятъ древесныя почки, но никогда не ѣдятъ насѣкомыхъ. Коата очень страдаетъ отъ вшей, а также и отъ песчаныхъ блохъ, если живетъ въ неволѣ и бѣгаетъ поэтому по землѣ. Такъ какъ она всегда обвиваетъ хвостъ вокругъ какой-нибудь вѣтви, то иногда случается, что застрѣленная обезьяна продолжаетъ висѣть на хвостѣ и падаетъ внизъ лишь тогда, когда начинаетъ разлагаться. Индѣйцы внутреннихъ областей бьютъ ихъ поэтому стрѣлами, намазанными урари (кураре); отъ дѣйствія этого яда мускулы расслабляются и животное падаетъ внизъ тотчасъ, какъ получить рану».

«Одинъ изъ нашихъ индѣйцевъ», рассказываетъ Шомбургкъ, «принесъ убитую коату, которую добылъ изъ стада. Это, безспорно, одна изъ самыхъ безобразныхъ обезьянъ и когда охотники тотчасъ по приходѣ ободрали ее, чтобы приготовить ее для ужина, то сходство ея съ ребенкомъ-негромъ (?) такъ побранило меня, что я долженъ былъ отказаться отъ ѣды, чтобы не возбудить снова едва подавленное отвращеніе. Увѣренія индѣйцевъ, что эти обезьяны во время преслѣдованія отламываютъ сухія вѣтви и плоды и бросаютъ ими въ преслѣдователей, было подтверждено Гудаллемъ, принимавшимъ участіе въ охотѣ».

Шомбургкъ называетъ цѣпкихъ обезьянъ каждый разъ, какъ упоминаетъ о нихъ, безобразными и отвратительными и полагаетъ, что именно, благодаря ихъ непріятной вѣшности, индѣйцы и не приручаютъ ихъ. Если бы онъ хоть разъ держалъ въ неволѣ этихъ животныхъ, о которыхъ такъ худо отзывался, и озна-

комья съ ихъ безобиднымъ добродушіемъ, то, несмотря на непривлекательную вѣшность и странныя, точно вывихнутыя конечности, онъ полюбилъ бы ихъ и во всякомъ случаѣ перемѣнилъ бы свое мнѣніе. Къ сожалѣнію, онъ и въ настоящее время рѣдко появляются въ нашихъ зоологическихъ садахъ; правда, ежегодно нѣсколько экземпляровъ привозятся въ Европу, но нашъ климатъ по большей части скоро убиваетъ ихъ, даже при самомъ тщательномъ уходѣ и попеченіи. Поэтому я каждый разъ могъ наблюдать ихъ лишь въ теченіе короткаго времени и предо-

Золотолобая обезьяна (*Ateles Bartletii*), $\frac{1}{6}$ наст. вел.

ставляю говорить за меня моему коллегѣ Шмидту. «Въ состояніи покоя цѣпкія обезьяны сидятъ на задней части тѣла, приподнявъ вверхъ колѣна; грудью онѣ опираются о колѣна и часто низко свѣшиваютъ голову, такъ что лицо наклонено къ землѣ, а плечи представляютъ самую высокую точку всей фигуры. Хвостъ при этомъ обвиветъ вокругъ ногъ, локти почти достаютъ до земли, а переднія руки скрещены передъ ногами, или на нихъ. Спокойная ходьба на ровномъ мѣстѣ наблюдается лишь въ видѣ исключенія и то на короткихъ разстояніяхъ и съ перваго взгляда видно, что она совершенно не свойственна этимъ животнымъ. Обы-

иновенно цѣпкохвостыя обезьяны ходять на четверинкахъ, держа хвостъ надъ спиною. Руки при этомъ касаются земли не ладонями, а наружными краями или верхними поверхностями. Одинъ видъ цѣпкохвостыхъ обезьянъ опирается на суставы пальцевъ, напротивъ, другой видъ опирается при ходьбѣ на тыльную поверхность кисти, причемъ пальцы загнуты кверху. Это животное направляетъ при ходьбѣ локти кнаружи, а кисти рукъ внутрь и представляетъ собою поэтому чрезвычайно странный видъ. Спина при этомъ сильно согнута, голова низко опущена и вся фигура производитъ впечатлѣніе, будто животное ежеминутно готово кувирнуться черезъ голову. Иногда, особенно при возбужденномъ и бодромъ настроеніи, эти животныя ходять довольно ловко, держась вертикально на заднихъ конечностяхъ. Они выгибаютъ при этомъ спину, выпячиваютъ брюхо и высоко поднимаютъ хвостъ, изогнутый въ видѣ латинскаго S; рѣже они держатся имъ за что-нибудь еще рѣже опираются о землю загнутымъ внизъ концемъ хвоста. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ руки при этомъ скрещиваются надъ головой или высоко поднимаются вверхъ, причемъ вертикально вверхъ поднимается то плечевая часть, то предплечіе, согнутое подъ прямымъ угломъ къ плечу; кисти рукъ при этомъ слегка согнуты внутрь».

«Въ этой позѣ обезьяны очень охотно прислоняются къ нагрѣваемой солнцемъ стѣнѣ. Когда мы по временамъ брали ихъ зимою изъ клѣтки и помѣщали передъ нагрѣтой печью, то онѣ становились на заднія конечности, вытянувъ и вертикально поднимавъ руки, причемъ такъ сильно выгибали брюхо впередъ, что, при разсматриваніи сбоку, оно вмѣстѣ съ грудью составляло почти полуокружность. Онѣ также охотно ходять на заднихъ конечностяхъ, когда ихъ держатъ за руку или за хвостъ, особенно когда сторожъ выводитъ ихъ изъ клѣтки на чистый воздухъ. Въ своемъ лѣтнемъ помѣщеніи онѣ очень часто взбѣгаютъ на заднихъ ногахъ по наклонному стволу, но тотчасъ же хватаются концемъ хвоста за верхнюю рѣшетку, какъ скоро могутъ достать до нея».

«Лазаніе совершенно соответствуетъ ихъ природѣ, и онѣ проявляютъ при этомъ, въ противоположность безпомощному ковылянію на ровномъ мѣстѣ, удивительную живость, ловкость и увѣренность движеній. Обыкновенно онѣ нѣкоторое время лазаютъ по рѣшеткѣ, служащей крышею клѣтки, цѣпляясь за перекладки крючкообразно согнутыми руками, но не обхватывая пальцами прутьевъ. При этомъ онѣ то пользуются всеми четырьмя конечностями, то только передними; хвостъ при этомъ всегда играетъ важную роль и помогаетъ, въ качествѣ пятой руки, передвиженію тѣла. Хвостъ дѣйствуетъ всегда крайне увѣренно и самостоятельно, такъ что животному вовсе не приходится слѣдить за нимъ глазами; онъ постоянно занятъ отыскиваніемъ твердыхъ точекъ опоры, какъ будто бы на руки и на ноги нельзя было положиться или онѣ были недостаточны для того, чтобы доставить тѣлу необходимую опору. Хвостъ большею частью дѣлаетъ одинъ оборотъ вокругъ того предмета, за который обезьяна хватается имъ; обвивается онъ всегда только концемъ и какъ можно плотнѣе. Обвиваніе происходитъ по винтовой линіи такъ, что конецъ хвоста ложится рядомъ съ остальною частью, а не подъ нее или на нее. Если животное—что наблюдается очень часто—хочетъ повиснуть на одномъ лишь хвостѣ, то оно просовываетъ хвостъ черезъ одну изъ перекладинъ рѣшетки и прикрепляется концемъ его къ слѣдующей перекладинѣ. Благодаря этому, прикрепленіе становится болѣе прочнымъ. Такимъ образомъ животное въ любой моментъ можетъ повиснуть на хвостѣ внизъ головою; повидимому, это его любимая поза, такъ какъ оно охотно пріѣтствуетъ въ этой позѣ знакомыхъ людей. Обезьяна обращаетъ при этомъ къ подходящему лицу, свѣшиваетъ внизъ по сторонамъ го-

Ловы вытянутыя ноги и затѣмъ обыкновенно протягиваетъ одну изъ ногъ какъ можно ближе по направленію къ посѣтителю. Въ большой клѣткѣ, на чистомъ воздухѣ наши плѣнники иногда привѣшиваются хвостомъ и затѣмъ бросаются, разжимая этотъ хватательный органъ, чтобы схватиться руками за другую часть рѣшетки. Зимой, когда ихъ нельзя было выносить на воздухъ, мы иногда давали имъ для игры палку, длиною около метра и толщиною въ палецъ; съ этой палкой оны продѣлывали самыя курьезныя штуки. Одною изъ очень любимыхъ игръ была слѣдующая: обезьяна удерживала палку, опертую въ землю, въ вертикальномъ

Коата (*Ateles paniscus*), $\frac{1}{16}$ наст. вел.

положеніи въ то время, какъ сама поднималась по ней вверхъ, не прислоня ея къ стѣнѣ. Добравшись доверху, она тотчасъ хваталась хвостомъ за жердь, находящуюся въ клѣткѣ, а затѣмъ начинала качаться на хвостѣ, держа палку въ рукахъ. Было бы слишкомъ долго описывать всѣ акробатическія упражненія, которыя эти обезьяны продѣлывали передо мною. Замѣчу только, что, благодаря помощи хвоста, всѣ движенія при лазаніи получаютъ воздушный характеръ, а серьезно-печальное, даже угрюмое выраженіе лица обезьянъ стоитъ въ самомъ странномъ противорѣчьи съ ихъ веселыми и шаловливыми движеніями. Хвостъ служитъ и органомъ хватанія, точно также, какъ и органомъ передвиженія. Переднія руки, благодаря отсутствію большого пальца, мало пригодны для того, чтобы держать пищу, и хотя эта обезьяна и подноситъ иногда пищу ко рту руками, однако, охот-

нѣ беретъ съ земли пищу прямо губами, если только это возможно. Предметы, находящіеся за рѣшеткой, которые поэтому нельзя взять губами, обезьяна беретъ рукой; если длина руки оказывается недостаточной для этого, то обезьяна поворачивается и старается схватить ихъ ногою; если и это не удается, то она пытается достать ихъ самой длинной изъ своихъ конечностей—хвостомъ. Это можно было легко замѣтить лѣтомъ, когда обезьяны старались притянуть къ себѣ, обломать и разгрызть всѣ вѣтви, находившіяся по близости клѣтки. При этомъ онѣ всегда прибѣгали подъ конецъ къ хвосту, чтобы притянуть вѣтви къ себѣ, и тогда же замѣчали, если деревья, нѣсколько отяжелѣвъ отъ дождя, нагибались немного ниже и, вслѣдствіе этого, еще какая-нибудь вѣточка попадала въ сферу дѣятельности ихъ хватательнаго аппарата. Стоящихъ передъ клѣткой людей онѣ тоже очень часто схватываютъ концомъ хвоста. Я часто видѣлъ, какъ онѣ таскали хвостомъ тѣ предметы, съ которыми играли, а одна изъ нихъ, желая выпить разбитое на тупомъ концѣ сырое яйцо, схватывала его обыкновенно хвостомъ и безопасно поднимала на свое высокое сидѣніе, чтобы съ полнымъ комфортомъ, не торопясь, полакомиться имъ». Шмидтъ говоритъ, что кормилъ своихъ плѣнниковъ хлѣбомъ, овощами, сухарями, яйцами и варенымъ рисомъ, въ случаѣ поноса давалъ имъ съ успѣхомъ хорошее красное вино, въ маломъ количествѣ давалъ имъ вареный картофель и какъ можно дольше держалъ ихъ на чистомъ воздухѣ, даже если погода и не была особенно теплой. Благодаря такому уходу, ему удалось продержать одну изъ этихъ обезьянъ 3½ года.

Во время своего путешествія въ Шингу К. фонъ-денъ-Штейнень много разъ возилъ съ собою коать и наблюдалъ во-первыхъ, что онѣ пьютъ такимъ же образомъ какъ, по рассказамъ, пьютъ различные гиббоны, т.е. черпаютъ воду рукой. Въ описаніи посѣщенія одного индѣйскаго поселенія на островѣ мы находимъ у него слѣдующее мѣсто: «Остальная часть скалы занята шумнымъ обществомъ животныхъ. Коаты, большія черныя обезьяны, съ возрастающимъ безпокойствомъ наблюдаютъ за приближающимся чужестранцемъ, съ быстротою мысли бросается одна изъ нихъ на верхушку крыши дома, становится на заднія ноги, поднявъ хвостъ въ видѣ вопросительнаго знака до самой головы, держа на плечѣ рукою толстую дубину, и протестуетъ, горячо размахивая другой рукою, ворчаніемъ, быстрымъ шелканьемъ зубовъ, угрожающимъ воемъ и гоготаньемъ противъ необычнаго посѣщенія—она не знаетъ, какимъ образомъ лучше выразить свое неудовольствіе по случаю нашей дерзости». Эту обезьяну купили, назвали Юруна, и она вмѣстѣ съ многими другими животными сопровождала экспедицію во время дальнѣйшей поѣздки порѣкъ. «Моя Юруна» продолжаетъ фонъ-денъ-Штейнень, «благодаря довольно умѣренному употребленію плетки, стала нѣсколько смириѣе. Она сидитъ на привязи на краю лодки около меня, схватившись за какую-нибудь опору своимъ длиннымъ цѣпкимъ хвостомъ, сильно наклоняется впередъ и дѣлаетъ видъ, что гребетъ. Нѣсколько четвертей часа сряду она размахиваетъ по воздуху обѣими руками съ самымъ дѣловымъ видомъ, то приближая къ груди воображаемыя весла, то снова заноса ихъ; если я мѣшаю ей, она съ удивленіемъ поворачиваетъ ко мнѣ свое старообразное бѣлое лицо и оскаливаетъ зубы, затѣмъ однимъ прыжкомъ перескакиваетъ на другую сторону лодки и снова ревностно продолжаетъ свое дѣло. По временамъ она подкрѣпляется глоткомъ воды, нагибаясь къ поверхности рѣки и черпая воду руками. Она обнаруживаетъ большую благосопитанность и не позволяетъ себѣ испражняться внутри лодки». Юруна умѣла развязывать узлы веревки и, благодаря этому, спаслась бѣгствомъ. Вмѣсто нея въ одномъ индѣйскомъ поселеніи была куплена коата, едва достигшая двухмѣсячнаго возраста, «страшный черный чертенокъ, на морщинистомъ

старческомъ лицѣ котораго виднѣлись огромные усы и самые наглые обезьяньи глаза. Сунь, какъ ее называли, тоже пьетъ воду изъ рѣчки, черпая рукою; по жердямъ тента (шлюпочной палатки) она лазаетъ, прыгаетъ и кувыркается безъ устали, занимаясь гимнастикой; а по вечерамъ ужасно кричитъ, если я не хочу взять ее къ себѣ въ гамакъ».

Одинъ англійскій морякъ, у котораго была цѣпкохвостая обезьяна, привлекательно описываетъ ея наружность и нравъ въ слѣдующихъ словахъ. Это была самка, пойманная въ британской Гвианѣ и принесенная къ намѣстнику Демерары; отъ него и получилъ ее нашъ разскащикъ. Онъ такъ полюбилъ свою питомицу, какъ привязываются къ благоправному ребенку. «Миловидная наружность Салли,» говоритъ онъ, «не разъ была увѣковѣчена фотографіей». Мнѣ удалось достать три такихъ фотографій. На одной изъ нихъ Салли изображена спокойно и съ удовольствіемъ отдыхающею на колѣняхъ своего хозяина; ея маленькое сморщенное лицо выглядываетъ изъ-подъ его руки, хвостъ обвить вокругъ колѣна хозяина, о которое она опирается также одною ногой. На другой она стоитъ на скамьѣ рядомъ съ моимъ боцманомъ, попеченію котораго она была поручена; лѣвой рукою она ласково обвила его шею, хвостъ обвить нѣсколькими кольцами вокругъ его правой руки, къ которой она прислонилась. На третьей фотографіи она тоже стоитъ рядомъ съ боцманомъ, опираясь одною ногою объ его руку и обвивъ концомъ хвоста его шею. Но на каждомъ изъ этихъ изображеній есть недостатки, такъ какъ было трудно убѣдить подвижное животное смиренно простоять цѣлыхъ двѣ секунды сряду. Члены ея переданы относительно точно и своеобразная поза изображена достаточно отчетливо».

«Салли очень кроткое животное. Она кусалась только два раза, и то разъ, защищаясь отъ врага. На верфи въ Антигуа она сорвалась съ привязи и ее усленно преслѣдовали; наконецъ загнали въ уголъ, гдѣ ее легко было-бы поймать, если бы рабочіе не боялись обезьяны. Хозяинъ Салли поймалъ ее, чтобы показать, что ея нечего бояться, и былъ награжденъ довольно сильнымъ удушеніемъ въ большой лапцѣ. Если-бы животное не было сильно напугано, то, конечно, не провинилось-бы такимъ образомъ. Вообще Салли такъ добродушна, что всегда спокойно переноситъ наказаніе и затѣмъ причется куда-нибудь. Злость, повидимому, ей совершенно несвойственна; она скоро забываетъ обиды и не питаетъ злобы противъ наказавшаго ее хозяина. Ея владѣлецъ утверждаетъ, что если она кусаетъ кого-нибудь, то пострадавшій навѣрное виноватъ самъ. На кораблѣ ее не привязывали цѣпью или веревкой, а предоставляли ей бѣгать на свободѣ, гдѣ ей вздумается. Она ловко лазала по снастямъ и, въ веселомъ расположеніи духа, начинала такъ весело, рѣзко и странно скакать по канатамъ, что зрители едва могли отличать у ней руки и ноги отъ хвоста. Въ такіе моменты названіе «паукообразная обезьяна», какъ нельзя лучше подходитъ къ ней; она кажется въ это время чрезвычайно похожей на гигантскаго тарантула. Во время этой веселой игры она, отъ времени до времени, приостанавливается и, дружески покачивая головою, смотритъ на своихъ друзей, морщитъ и вытягиваетъ носъ и отрывисто и тихо покрикиваетъ. Обыкновенно она становится живѣе всего къ времени солнечнаго заката. Особенно любить она взбираться вверхъ по снастямъ до тѣхъ поръ, пока не доберется до горизонтально натянутого каната или тонкаго шеста. Здѣсь она вѣриво привѣшивается концомъ хвоста, медленно раскачивается туда и сюда и третью одну руку другою отъ запястнаго сочлененія до локтя, какъ бы желая взерошить шерсть. Она всегда старается обвить хвостъ вокругъ чего-нибудь и по возможности стремится не дѣлать ни шагу, не урѣзавшись этимъ длиннымъ и гибкимъ придаткомъ.

«Въ противоположность многимъ другимъ обезьянамъ, которыя оказывались неисправимыми ворами, и спокойно и незамѣтно крали разныя вещи концомъ своего хвоста, Салли очень честна и никогданичего не похищала, развѣ только утаскивала иной разъ какой-нибудь плодъ или кусочекъ пирожного. Ёсть она въ то же время, какъ и ея хозяинъ, и ведетъ себя при этомъ въ высшей степени прилично; она даже не принимается за ѣду, пока не получитъ позволенія, и, какъ существо благовоспитанное, никогда не беретъ ничего съ чужихъ тарелокъ. Пища ея состоитъ главнымъ образомъ изъ растительныхъ веществъ, плодовъ и блага хлѣба, хотя по временамъ ее угощаютъ и крылышкомъ курицы. Въ пищу она довольно разборчива и если ей даютъ кусокъ черстватаго хлѣба, то она недовѣрчиво обнюхиваетъ его, бросаетъ на землю и съ презрительной миной показываетъ, что она въ этомъ кускѣ вовсе не нуждается. Она отличаетъ безвредное отъ вреднаго; послѣ того, какъ она уже долго не видала никакого тропическаго плода, она тотчасъ схватила предложенное ей яблоко и съѣла его безъ колебаній.

«Въ Белицѣ ей позволили гулять нѣсколько дней по городу, на свободѣ. Однажды утромъ, когда ея хозяинъ шелъ по улицѣ, онъ услышалъ надъ собой глухой звукъ, обратившій на себя его вниманіе по сходству съ голосомъ обезьяны. Взглянувъ вверхъ, онъ увидѣлъ Салли, сидящую на балконѣ; она издавала довольное ворчаніе, радуясь свиданію съ хозяиномъ. Только разъ Салли попала въ печальное положеніе. Войдя въ свою каюту, хозяинъ увидѣлъ, что Салли, совсѣмъ скорчившись, сидитъ на одеялѣ. Онъ заговорилъ съ нею, животное подняло голову, взглянуло ему въ лицо и снова опустилось, принявъ ту же страдальческую позу. «Иди сюда, Салли», сказалъ хозяинъ.—Салли не трогалась. Приказаніе было повторено еще и еще разъ, но безъ обычнаго послушанія со стороны Салли. Удивленный этимъ страннымъ обстоятельствомъ капитанъ взялъ ее на руки и сдѣлалъ неожиданное открытіе, что обезьяна была сильно пьяна. Она едва имѣла достаточно сознанія, чтобы узнать своего друга. Салли была очень больна эту ночь и страдала сильнымъ похмѣльемъ на слѣдующій день.

«Причиной этого печальнаго происшествія было слѣдующее: офицеры ко рабля устроили пирушку и, такъ какъ они очень любили обезьяну, то и накормили ее такъ обильно миндаемъ, изюмомъ и различными фруктами, сухарями и маринованными оливками, какъ давно не случалось. Салли особенно любила оливки и, такъ какъ она обильно угостилась ими, то ее стала мучить страшная жажда. Когда стали разносить воду съ водой, Салли сунула морду въ одинъ изъ бокаловъ и почти опорожнила его, въ большому удовольствію офицеровъ. Капитанъ упрекалъ ихъ за эту продѣлку, но несчастную обезьяну было бесполезно привлекать къ отвѣту. Водка такъ опротивѣла послѣ того бѣдному животному, что оно потомъ не могло выносить ни вкуса, ни даже запаха ея. Даже сохранныя въ водкѣ вишни, которыя до тѣхъ поръ служили для нея лакомствомъ, она перестала ѣсть.

«Повидимому, Салли довольно хорошо переносила холодъ; притомъ же она была достаточно снабжена теплой одеждой, которая оказалась очень кстати у льдистыхъ береговъ Ньюфаундлэнда. Тѣмъ не менѣе она чувствовала себя дурно при холодной погодѣ, и нездоровье проявлялось у ней въ видѣ постояннаго озноба. Для защиты отъ холодной погоды она сама напала на счастливую мысль. Для двухъ молодыхъ ньюфаундлэндскихъ собакъ, находившихся на кораблѣ, была устроена конура, хорошо снабженная соломой. Салли вползала въ это жилище и дружелюбно обнимала руками шею обѣихъ собакъ; если ей удавалось, кромѣ того, укрыться ихъ хвостами, то она чувствовала себя совершенно довольной и счастливой. Она относилась дружески ко всевозможнымъ животнымъ, особенно маленькимъ, моло-

дымъ; но главными ея любимцами остались эти двѣ собаки. Ея привязанность къ нимъ была такъ велика, что она проявляла по отношенію ихъ даже ревность, и если кто-нибудь проходил мимо нихъ ближе, чѣмъ слѣдовало по ея мнѣнію, то она выскакивала изъ конуры и протягивала руки къ пришельцу съ такимъ видомъ, какъ будто-бы желала остановить его. Для нея самой тоже былъ выстроенъ домикъ, но она никогда не входила въ него. Она очень чувствительное животное и не можетъ выносить пребыванія подъ кровлей; поэтому она избѣгала своего домика и для сна охотнѣе свертывалась въ койкѣ. Она довольно сонлива, охотно рано ложится спать и долго спитъ утромъ.

«Она уже около трехъ лѣтъ живетъ у своего господина. Судя по зубамъ, ей можно дать четыре года, хотя по ея морщинистому лицу ее можно было бы признать за столѣтнюю старуху».

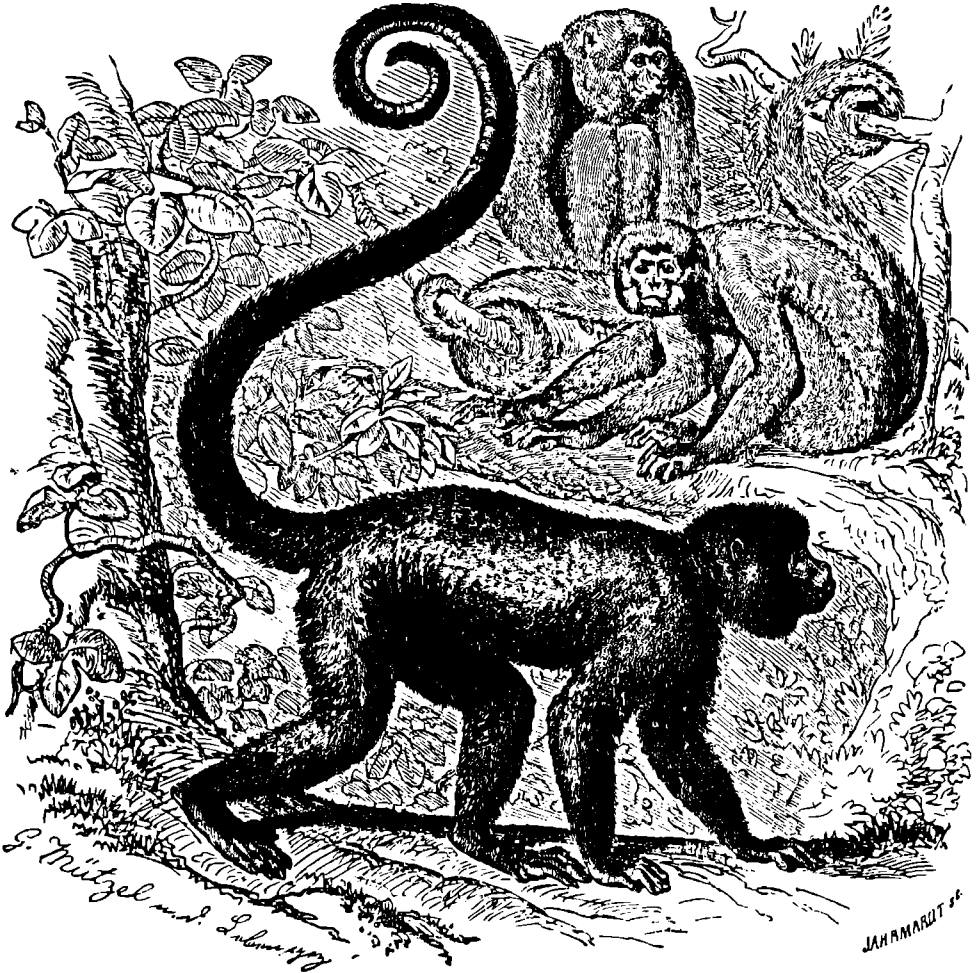
* * *

Къ цѣпкохвостымъ обезьянамъ Америки принадлежатъ также мохнатая обезьяна (*Lagothrix*, *Wollaffen*), отличающаяся коренастой фигурой, большой круглой головой съ кроткими добродушными глазами и очень маленькими, какъ бы обрѣзанными ушами, покрытыми со всѣхъ сторонъ волосами, сильными и равномерно развитыми конечностями, пятипалыми передними и задними руками и равнымъ по длинѣ тѣлу, очень сильнымъ хвостомъ, на концѣ голомъ снизу. Ногти довольно сильно сжаты, но ноготь большого пальца плоскій. Довольно длинные, мягкіе, волнистые волосы, удлиненные на груди въ видѣ гривы, покрываютъ тѣло. Отъ близкихъ къ нимъ цѣпкохвостыхъ обезьянъ онѣ отличаются коренастостью сложеньемъ, особенностями котораго становятся замѣтными на скелетѣ, бороздчатыми клыками и шерстистымъ мѣхомъ, помимо другихъ, менѣе выдающихся особенностей. Онѣ населяютъ лѣса страны, лежащихъ по Амазонской рѣкѣ и Ориноко, а также Перу; живутъ обществами на деревьяхъ; онѣ добродушны, питаются плодами и издають негромкій глухой вой.

Барригудо или **Каппаро**, **Каридагуэресъ**, **Аспидная обезьяна** (*Lagothrix Humboldtii*, *Timia lagothrix*, *Lagothrichia sarago*. Grauer *Wollaffe*. *Sarago*) по величинѣ почти равняется ревуноу. Бѣсъ опредѣляетъ длину тѣла измѣреннымъ имъ самца, второй по величинѣ изъ видѣнныхъ имъ американскихъ обезьянъ, въ 70 см., а длину хвоста въ 68 см. Живой, полувзрослый самецъ, измѣренный мною, имѣлъ въ длину отъ конца носа до основанія хвоста 51 см., хвостъ—60 см., рука и нога по 20 см., кисть руки и стопа по 11,5 см. Мягкіе шерстистые волосы удлинены на хвостѣ, бедрахъ, плечахъ и брюхѣ, а на груди образуютъ постоянную гриву; середина брюха и паховая область почти обнажены; на головѣ волосы кажутся подстриженными, хотя они только здѣсь немного короче, чѣмъ на спинѣ; на наружной сторонѣ переднихъ рукъ они направлены снизу вверхъ, на внутренней—сверху внизъ, на бедрахъ, напротивъ, лишь сверху внизъ. Лицо, тыльная сторона рукъ и ногъ, ладони и пятки, голое мѣсто на хвостѣ и языкъ буровато-чернаго цвѣта, глаза темнокоричневые, бѣлки глазъ нечистаго бѣлаго цвѣта. Мѣхъ верхней стороны головы матово-черный, у корней волосъ сѣро-черный, цвѣтъ шеи нѣсколько свѣтлѣе, середина брюха матово-черная, верхняя сторона темно-сѣрая; каждый волосъ здѣсь свѣтлый при основаніи, далѣе покрытъ широкими темными кольцами, а на концѣ бѣловатъ; на предплечіи и голени эта окраска становится менѣе ясной, темнѣя по направленію къ внутренней сторонѣ и доходя до черно-сѣраго цвѣта; на задней половинѣ хвоста цвѣтъ шерсти переходитъ въ темный буровато-желтоватый. Старые экземпляры того же цвѣта.

По словамъ Чуди, барригудо живетъ въ лѣсахъ стадами, однако иногда встрѣ-
жизнь живот. времѣн. т. I.

чаются и отдельные экземпляры. «Если общество этих обезьян во время своих странствований избрало себѣ мѣсто для отдыха, то тотчас же раздаётся ихъ однообразный, полуподавленный, глухой вой, который, однако, не такъ непріятенъ и надоедливъ, какъ вой ревуновъ. Каждая обезьяна по своему старается провести время; большая часть удобно усаживается на вѣтвяхъ и грѣется на солнцѣ, другія срываютъ плоды, третьи играютъ и ссорятся. Вообще, мы не замѣтили, чтобы харак-

Аспидная обезьяна (*Laqothrix Humboldtii*), $\frac{1}{3}$ наст. вел.

теръ этихъ обезьянъ былъ смиренный, какъ описываетъ ихъ Гумбольдтъ; мы нашли, напротивъ, что онѣ болѣе злы, дерзки и безстыдны, чѣмъ всѣ другіе виды американскихъ обезьянъ. Часто онѣ такъ нахальны, что на значительныя разстоянія преслѣдуютъ индѣйцевъ, которые несутъ плоды изъ плантацій, лежащихъ на опушкѣ первобытныхъ лѣсовъ, чтобы продать ихъ въ выше лежащихъ долинахъ. Нерѣдко онѣ бросаютъ въ нихъ вѣтвями и плодами, такъ что индѣйцамъ приходится защищаться отъ нихъ камнями. Намъ не разъ приходилось быть очевидцами этихъ забавныхъ битвъ и прекращать ихъ выстрѣломъ. Барригудо лазаютъ медленно, чѣмъ сапалу, даже медленнѣе, чѣмъ коата; ихъ движенія медленны и даже нѣсколько

неуклюжи. Особенно бросается это въ глаза въ то время, когда онѣ висятъ на деревѣ, прицѣпившись своимъ цѣпкимъ хвостомъ и долго покачиваются туда и сюда прежде, чѣмъ имъ удастся добраться до другой вѣтви и лѣзть дальше. Подстрѣленные, онѣ быстро падаютъ на землю, вѣроятно вслѣдствіе значительной тяжести тѣла; худощавыя и болѣе легкія цѣпкія обезьяны падаютъ рѣдко: въ предсмертной агоніи онѣ судорожно цѣпляются хвостомъ за вѣтвь и даже послѣ смерти остаются цѣлые дни въ этомъ положеніи. На землѣ барригудо не пыгается бѣжать, а старается приклониться спиною къ древесному стволу и яростно защищается руками и зубами, хотя, конечно, неравная борьба кончается не въ его пользу. Очень часто обезьяна, находясь въ такомъ крайнемъ положеніи, издаетъ рѣзкій крикъ, вѣроятно, зовъ на помощь, обращенный къ товарищамъ; эти послѣдніе тотчасъ же начинаютъ собираться на помощь животному, находящемуся въ бѣдѣ. Но скоро раздается другой крикъ, совершенно отличный отъ перваго, короткій, громкій и болѣе глухой, крикъ агоніи—все стадо, идущее на помощь, рассыпается, и каждая изъ обезьянъ ищетъ спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ. Мясо барригудо имѣетъ непріятный вкусъ, сухо и волокнисто, однако, иной разъ, въ нуждѣ, оно казалось намъ лакомствомъ».

Бэтсъ замѣчаетъ, что индѣйцы ревностно преслѣдуютъ барригудо, такъ какъ мясо этой обезьяны имъ кажется очень вкуснымъ. «На основаніи словъ нанятаго мною охотника», говоритъ онъ, «который долгое время прожилъ среди индѣйцевъ племени Тукана, по близости отъ Табатинга, я могу предположить, что вышеназванное племя индѣйцевъ, состоящее приблизительно изъ 200 человекъ, ежегодно убиваетъ и съѣдаетъ, по крайней мѣрѣ, 2000 барригудо». Животное это весьма обыкновенно въ лѣсахъ возвышенностей и лишь по близости отъ селеній оно стало рѣдкимъ; это достаточно объясняется тѣмъ, что за нимъ охотятся съ давнихъ поръ.

«Аспидная обезьяна въ неволѣ», прибавляетъ Бэтсъ, «отличается серьезнымъ нравомъ; она кротка и довѣрчива, какъ и цѣпкохвостыя обезьяны. Благодаря этимъ качествамъ, барригудо охотно покупается любителями животныхъ; ему недостаетъ, однако, живучести цѣпкохвостыхъ обезьянъ, и онъ лишь рѣдко выдерживаетъ путешествіе внизъ по рѣкѣ до Пары». Еще рѣже попадаетъ онъ живымъ въ Европу. Тѣмъ болѣе была моя радость, когда мнѣ удалось, наконецъ, увидѣть его живымъ, хотя немного наблюдавъ его и снять рисунокъ съ живого животного.

Мнѣ никогда не приходилось видѣть болѣе привлекательнаго животного во всемъ семействѣ цѣпкохвостыхъ обезьянъ. Чтобы измѣрить его, я вошелъ въ клѣтку и былъ встрѣченъ самымъ дружественнымъ образомъ. Довѣрчиво и вопросительно смотря на меня, какъ бы желая узнать, чтѣ я за человекъ, онъ медленно и осторожно подошелъ ко мнѣ, еще разъ взглянулъ мнѣ въ лицо и затѣмъ взлѣзъ, при дѣятельной помощи хвоста, ко мнѣ на руки, усѣлся здѣсь полулежа, полусидя, положилъ голову мнѣ на грудь и съ видимымъ удовольствіемъ и покорностью позволялъ себя ласкать. Я могъ гладить его, раздвигать его шерсть, изслѣдовать лицо, уши, языкъ, руки и ноги, поворачивать и перевертывать его: онъ съ удовольствіемъ относился къ этому, не дѣлая ни малѣйшаго движенія. Всѣ привлекательныя качества цѣпкихъ обезьянъ, ихъ привязчивость и покорность проявлялись и у него, но въ гораздо болѣе степени; своимъ выраженіемъ лица онъ показывалъ ясно, какъ безконечно пріятно чувствовалъ онъ себя въ обществѣ человекъ послѣ общества обезьянъ, своихъ товарищей по клѣткѣ. Къ мартышкамъ и сапажу, которыя жили вмѣстѣ съ нимъ, онъ, правда, тоже относился доброжелательно, благодушно переносилъ разныя ихъ выходки, участвовалъ даже въ играхъ, но, повидимому, смотрѣлъ на нихъ, какъ на существа низшія; напротивъ, во мнѣ, человекѣ, онъ, очевидно, видѣлъ высшее существо, и тотчасъ сталъ играть роль балованнаго ребенка.

Серьезность и спокойное достоинство, которыми отличается все поведение этой обезьяны, проявляются и в ее движениях. Они обдуманы и размерены, никогда не бывают порывистыми и буйными, но их вовсе нельзя назвать медленными, тяжелыми и неловкими. Аспидная обезьяна лазает очень уверенно; оставляя свое место, заручается предварительно другой надежной точкой опоры и самым разнообразным способом пользуется своим цепким хвостом, но она вполне способна делать большие прыжки, быстро перемещаться на известное пространство, причем обнаруживает отвагу, ловкость и проворство, которых от нее нельзя бы и ожидать. При этом всевозможные положения кажутся для нее правильными и удобными: держится ли она одним хвостом, или хвостом и руками, или ногами, одними руками или ногами, движется ли вверх или вниз головой, это ей совершенно безразлично. Всего милостивее она тогда, когда, повиснув на хвосте, делает что-нибудь руками и ногами, напр. возится с какой-нибудь вещью или играет с другою обезьяною. Во время отдыха, а может быть и сна, сидит скорчившись, как и другие цепкохвостые обезьяны, но охотно ложится и на бок, загибает хвост наверх и кладет голову на свернутый конец его, как на подушку, затем она закрывает лицо рукою, высовывая его между плечом и предплечьем в локтевое сочленение, и спокойно закрывает глаза. В противоположность цепким обезьянам и сапажу, которые постоянно визжать и издавать другие звуки, мне приходилось слышать от нее только резкое однократное «чэ».

Барригудо не особенно требователен относительно пищи; он ест то же, что и другие обезьяны. Его необыкновенное добродушие и миролюбие проявляются и во время кормления и скорее вредят ему, чем помогают. Тем не менее он, повидимому, вовсе не сердится на своих жадных товарищей.

* * *

Сапажу (*Cebus Rollaffen. Sapajou*) отличаются от цепкохвостых обезьян тем, что их хвост со всех сторон покрыт волосами и хотя и может обвиваться вокруг ветвей, но не служит настоящим органом хватания.

В то время, как три вышеописанных рода обезьян Нового Света и до настоящего времени редко встречаются в зоологических садах, некоторых из сапажу можно видеть почти в каждом зверинце. Обезьяны эти отличаются от вышеупомянутых прежде всего более пропорциональным телосложением. Темная часть головы их округлена, руки средней длины, кисти всегда пятипалые. Более или менее густая борода украшает лицо; остальной мех густой и короткий.

Можно, если угодно, назвать сапажу маргышками Америки. Они представляют большое сходство с веселыми маргышками, хотя это сходство более проявляется в их поведении, чем во внешнем виде. Это настоящие обезьяны, т. е. живые, перемчивые, шаловливые, любопытные и капризные животные. Именно поэтому люди чаще приручают их, чем всех других, а потому их чаще привозят и к нам. Голос у них плаксивый и довольно тихий, почему их еще называют визгунами (*Winselaffen*). Но этот голос тих лишь до тех пор, пока они в хорошем расположении духа. При малейшем возбуждении они кричат и визжат отвратительным образом. Сапажу живут исключительно на деревьях и чувствуют себя здесь настолько же дома, как маргышки на мимозах и тамариндах. Они водились в Бразилии уже в первобытные времена и заселяют и в настоящее время в большом числе все более значительные леса жаркой части Южной Америки. Они встречаются довольно многочисленными

обществами, часто вмѣстѣ съ другими родственными видами. Ихъ общественность такъ велика, что они охотно соединяются со всѣми близкими къ нимъ обезьянами, съ которыми случайно встрѣчаются, и странствуютъ затѣмъ вмѣстѣ. Нѣкоторые естествоиспытатели полагаютъ поэтому, что различные экземпляры, уклоняющіеся отъ нормальнаго типа, можно вообще считать ублюдками. «Ни одинъ родъ обезьянъ», говоритъ Шомбургкъ, «не представляетъ столько уклоненій въ величинѣ, цвѣтѣ и мѣхѣ, какъ сапажу; по этой причинѣ установлено множество видовъ, которые представляютъ въ сущности ни что иное, какъ разновидности происшедшія путемъ скрещиванія капуцина и апеллы. Я почти никогда не встрѣчалъ стада первыхъ, въ которомъ бы не находилось нѣсколькихъ апеллъ. Благодаря постоянной совмѣстной жизни обоихъ видовъ, произошло, повидимому, ихъ скрещиваніе, а благодаря этому скрещиванію, произошло множество уклоненій въ мѣхѣ и окраскѣ, затрудняющихъ зоологовъ». Этотъ взглядъ Шомбургка лишень, по всей вѣроятности, основанія. Съ тѣхъ поръ, какъ мы могли постоянно и въ большомъ числѣ держать и наблюдать живыхъ сапажу, мы знаемъ, что такъ называемыя разновидности ихъ представляютъ постоянныя формы, которыя мы, по господствующимъ теперь воззрѣніямъ, должны считать за виды.

Въ неволѣ сапажу обнаруживаетъ всѣ качества мартышекъ и еще нѣкоторыя другія. Несмотря на нечистоплотность, необычайную даже для обезьянъ, индѣйцы очень любятъ сапажу, почему ихъ и встрѣчаешь особенно часто въ ручномъ состояніи. Какъ доказательство ихъ нечистоплотности, можно указать, что они мочатся на руки и затѣмъ вытираютъ ихъ о свое тѣло. Подобно павіанамъ сапажу любятъ одуряющія и опьяняющія вещества. «Если на ручного сапажу», говоритъ Шомбургкъ, «пустить табачный дымъ или предложить ему немного нюхательнаго табаку, то онъ начинаетъ потирать себѣ все тѣло, дѣлая сладострастныя движенія, и закрываетъ глаза. При этомъ у него течетъ изо рта слюна, онъ подбираетъ ее руками и размазываетъ по всему тѣлу. Иногда истеченіе слюны бываетъ такъ сильно, что обезьяна, наконецъ, кажется совершенно вымокшей; въ это время она обнаруживаетъ признаки утомленія. Такой же восторгъ вызываетъ и данная обезьянѣ закуренная сигара, и мнѣ кажется, что табачный дымъ возбуждаетъ въ ней сладострастное чувство. Чай, кофе, водка и другіе возбуждающіе напитки обусловливаютъ тѣ же явленія».

Наиболѣе извѣстный представитель рода сапажу есть найи или кай (*Sebi-sarucinus*, *Simia sarucina*. Karuziner. *Sarucin*), капуцинъ. Кайи на языкѣ гуарановъ означаетъ «обитатель лѣса». Слово это было различнымъ образомъ исковеркано европейцами и въ настоящее время оно менѣе употребительно, чѣмъ названіе капуцинь, которое, впрочемъ, необыкновенно удачно. Эта обезьяна извѣстна намъ уже лѣтъ двѣсти и, должно быть, подалась живою на глаза старику Линнею, такъ какъ въ описаніи ея образа жизни онъ говоритъ слѣдующее: «Ходитъ опираясь на сочлененія, которыя соединяютъ кисть съ остальной конечностью, не прыгаетъ; печальна и постоянно издаетъ жалобные звуки, пугаетъ враговъ ужаснымъ крикомъ; часто чиликаетъ такъ же, какъ цикада, а разсерженная лаетъ, какъ собачка; загибаетъ хвостъ винтообразно, часто обвиваетъ его вокругъ шеи, пахнетъ мускусомъ». Капуцина должно причислить къ болѣе крупнымъ видамъ этой группы, такъ какъ длина его тѣла достигаетъ 45 см., а длина хвоста—35 см.; къ намъ попадаютъ обыкновенно лишь экземпляры средней величины. Отличительнымъ признакомъ этой обезьяны является голый уже съ ранней юности, морщинистый или покрытый складками лобъ свѣтлаго мясного цвѣта. Преобладающій цвѣтъ—болѣе или менѣе темно-бурый; покрытые рѣдкими волосами виски, бакенбарды,

горло, грудь и брюхо, а также плечи светло-бурого цвета. Родина этой обезьяны— южная часть Бразилии.

Близка къ капуцину живущая въ Костарикѣ бѣлоплечая обезьяна (*Cebus hyroleucus*. Weissschulteraffe. Sarajou à gorge blanche), которую поэтому часто и смѣшиваютъ съ нимъ. По величинѣ оба вида не отличаются другъ отъ друга, по цвѣту—очень мало; легко замѣтный отличительный признакъ нашей обезьяны составляетъ лобъ, покрытый даже въ старости волосами. На преобладающей черно-бурой окраскѣ мѣха рѣзко выступаютъ свѣтло или бѣло-желтыя части: лобъ, щеки, горло, грудь, брюхо и передняя сторона плечъ.

Фавиъ (*Cebus Fatuellus*). Капуцивъ (*C. carucinus*), $\frac{1}{8}$ наст. вел.

Чалая обезьяна (*Cebus olivaceus*. Fahlaaffe. Sarajou olivâtre) изъ Гвианы достигаетъ большаго роста, чѣмъ упомянутые родственники ея; длина тѣла равна 60 см., длина хвоста—до 50 см. Лицо и лобъ покрыты густыми длинными волосами; полоска на лбу и начинающееся отсюда, расширяющееся треугольное пятно, доходящее до затылка—черно-бурого цвѣта; виски, плечи и переднія конечности свѣтлые; нижняя сторона темнѣблѣдно-оливково-буроватой спины; руки и ноги темно-бурья; отдѣльные волосы верхней стороны темно-бурые, концы ихъ свѣтлые, желтовато-бурые. У другихъ видовъ на головѣ находится хохолъ, похожій на парикъ.

У бѣлородой обезьяны (*Cebus leucogenys*. Weissbartaffe. Sarajou à barbe blanche), изъ Бразилии, хохолъ особенно развитъ надъ бровями. Длинные шелковистые волосы мѣха, обладающаго и подшерсткомъ, сѣровато-чернаго цвѣта, бакебарды свѣтло-желтаго или желтовато-бѣлаго.

Такъ какъ еще и въ настоящее время господствуетъ неясность въ разграниченіи видовъ, то нельзя опредѣлить, которыя изъ показаній путешественниковъ мы должны относить къ тому или другому виду; поэтому можно набросать лишь общую картину этой группы. Такимъ образомъ, въ нижеслѣдующихъ строкахъ я вовсе не имѣю въ виду одного капуцина, хотя и называю его чаще другихъ видовъ.

Область распространенія капуцина простирается за южный тропикъ и за

1) Бѣлобородая обезьяна (*Cebus leucogenys*). 2) Апельла (*C. apella*). 3) Бѣлоплечая обезьяна (*C. hypoleucus*), 4) Чалая обезьяна (*C. olivaceus*), $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Анды. Онъ обыкновененъ вездѣ отъ Баги до Колумбіи. Онъ предпочитаетъ тѣ лѣса, въ которыхъ почва не поросла низкимъ кустарникомъ. Несравненно большую часть своей жизни онъ проводитъ на деревьяхъ; онъ оставляетъ ихъ вообще лишь тогда, когда хочетъ пить или посѣтить маисовое поле. Онъ не имѣетъ опредѣленнаго мѣстопребыванія. Днемъ онъ переходитъ съ дерева на дерево, отыскивая пищу, ночью отдыхаетъ между перепутанными вѣтвями дерева. Обыкновенно онъ встрѣчается небольшими семьями изъ 5—10 штукъ, изъ которыхъ большая часть самки. Изрѣдка попадаются и отдѣльные старые самцы. Животное это трудно на-

блюдать, такъ какъ оно очень пугливо и робко: Ренггеръ увѣряетъ, что ему лишь случайно удавалось дѣлать наблюденія. Однажды его вниманіе привлекли пріятные тоны, похожіе на звуки флейты, и онъ увидѣлъ стараго самца, который, пугливо озираясь, приближался, переходя на верхушку ближайшихъ деревьевъ; за нимъ слѣдовало 12 или 13 другихъ обезьянъ обоего пола, изъ которыхъ три самки несли на спинѣ или подъ мышкой дѣтенышей. Вдругъ одна изъ обезьянъ замѣтила близко стоящее померанцевое дерево со зрѣлыми плодами, издала нѣсколько звуковъ и перепрыгнула на него. Черезъ нѣсколько мгновеній все общество собралось тамъ и занялось срываніемъ и поѣданіемъ сладкихъ плодовъ. Нѣкоторыя ѣли на томъ же деревѣ, другія захвативъ два померанца, перепрыгивали на одно изъ ближайшихъ деревьевъ, толстые сучья котораго представляли для нихъ удобное сидѣніе. Онѣ садились на вѣтвь, обвивая ее хвостомъ, клали померанецъ между ногами и старались пальцами отдѣлать кожицу, начиная съ мѣста прикрѣпленія стебелька. Если это не удавалось имъ тотчасъ, то онѣ съ недовольнымъ видомъ ворча, колотили плоды о вѣтвь, пока кожица не лопалась. Ни одна изъ нихъ не пробовала отдѣлать кожицу зубами, вѣроятно потому, что онѣ знали ея горькій вкусъ; но какъ только на кожицѣ образовалось маленькое отверстіе, онѣ тотчасъ сдирали часть кожицы, жадно подлизывали стекающій сокъ не только на плодѣ, но и на рукахъ и поѣдали затѣмъ мякоть. Дерево скоро было очищено и теперь болѣе сильныя обезьяны стали пытаться ограбить болѣе слабыхъ, строили при этомъ самыя странныя гримасы, щелкали зубами, вѣплялись другъ другу въ волосы и порядочно трепали другъ друга. Другія изслѣдовали высохшую часть дерева, осторожно поднимали засохшую кору и поѣдали живущихъ подъ нею личинокъ насѣкомыхъ. Насытившись, онѣ ложились отдыхать въ позѣ, указанной выше, при описаніи ревуновъ, вдоль горизонтальной вѣтви. Болѣе молодыя стали играть между собою и обнаруживали при этомъ большое проворство. Онѣ качались на хвостѣ или поднимались по немъ вверхъ, какъ по веревкѣ.

Матерямъ приходилось много возиться съ дѣтенышами, которымъ очень хотѣлось сладкихъ плодовъ. Сначала онѣ тихонько отодвигали рукой своихъ потомковъ, затѣмъ начинали выражать свое нетерпѣніе ворчаніемъ, наконецъ схватывали непослушнаго дѣтеныша за голову и сильно толкали его въ спину. Но какъ только онѣ насытились, снова тихонько привлекали дѣтеныша къ себѣ и прикладывали къ груди. Материнская любовь проявлялась въ большой заботливости, съ которою каждая мать обращалась съ дѣтенышемъ, въ прикладываніи его къ груди, въ постоянномъ наблюденіи за нимъ, въ отыскаваніи паразитовъ на его кожѣ и въ угрозахъ, обращенныхъ къ остальнымъ обезьянамъ, которыя къ нему приближались. Насосавшись, дѣтеныши вернулись на своепрежнее мѣсто: два старшихъ взобрались на спины своихъ матерей, а самый маленькій и слабый остался висѣть на груди матери. Движенія дѣтенышей не были ни легки, ни красивы; а, напротивъ, неуклюжи и беспомощны, и эти маленькія животныя казались очень сонливыми.

Другой разъ Ренггеръ наткнулся на семейство обезьянъ, собиравшееся ограбить маисовое поле, лежащее у самаго лѣса. Онѣ медленно спускались съ дерева, заботливо озираясь, отламывали одинъ или два початка и, прижимая ихъ рукою къ груди, возвращались какъ можно поспѣшнѣе въ лѣсъ, чтобы съѣсть тамъ свою добычу. Когда вышеназванный наблюдатель показался, все стадо съ визгливымъ крикомъ бросилось бѣжать по вершинамъ деревьевъ, но каждая обезьяна захватила съ собою по крайней мѣрѣ по одному початку. Ренггеръ выстрѣлилъ въ бѣгущихъ и увидѣлъ, что одна самка съ груднымъ дѣтенышемъ падаетъ внизъ съ вѣтви на вѣтвь. Онъ считалъ ее уже своею, когда она, борясь со смертью, обвилась хво-

томъ вокругъ вѣтви и висѣла на хвостѣ по крайней мѣрѣ четверть часа, пока хвостъ не разслабъ и не развился, благодаря тяжести тѣла обезьяны. Дѣтенышъ не оставилъ мать, а, напротивъ, крѣпко прижался къ ней, хотя и обнаруживалъ нѣкоторое безпокойство. Когда она ооченѣла, и его удалили отъ матери, то бѣдное покинутое животное продолжало ее звать жалобными криками и, какъ только его пускали, ползло къ матери. Лишь черезъ нѣсколько часовъ, когда тѣло ея остыло, дѣтенышъ видимо сталъ бояться ея и охотно оставался за пазухой своего новаго покровителя.

Нашъ авторъ говоритъ, что и въ семействѣ капуциновъ число самокъ больше числа самцовъ, и совершенно основательно предполагаетъ, что эта обезьяна живетъ въ многоженствѣ. Въ январѣ самка мечетъ дѣтеныша и носить его первыя недѣли на груди, потомъ на спинѣ. Мать никогда не покидаетъ своего дѣтеныша, даже если она ранена. Ренггеръ наблюдалъ, правда, какъ одна самка, которой его товарищъ по охотѣ раздробилъ выстрѣломъ бедро, оторвала отъ груди своего дѣтеныша и посадила его на вѣтвь; но очень вѣроятно, что она поступила такъ скорѣе для того, чтобы спасти дѣтеныша отъ опасности, чѣмъ для того, чтобы доставить себѣ облегченіе.

Капуцина часто ловятъ и приручаютъ. Старыя животныя не привыкаютъ къ неволѣ: они становятся печальны, не принимаютъ пищи, не дѣлаются ручными и обыкновенно умираютъ черезъ нѣсколько недѣль; напротивъ, молодая обезьяна скоро забываетъ свободу, привязывается къ человѣку и, подобно многимъ другимъ представителямъ отряда, очень скоро привыкаетъ ѣсть и пить то же, что и человѣкъ. Капуцины, какъ и другіе виды того же рода, отличается тихимъ нравомъ, который, повидимому, плохо гармонируетъ съ его проворствомъ. Обыкновенно онъ становится на руки и на ноги и вытягиваетъ назадъ слегка свернутый на концѣ хвостъ. Походка его на ровномъ мѣстѣ весьма разнообразна: капуцинъ подвигается то шагомъ, то рысью, то въ припрыжку или, наконецъ, большими прыжками. На заднихъ ногахъ онъ по собственному желанію проходитъ самое большее—три, четыре шага; однако его можно заставить ходить вертикально, завязывая ему руки за спину. Сначала онъ, правда, часто падаетъ лицомъ внизъ и потому его приходится поддерживать сзади за веревку. Ложась спать, онъ свертывается клубкомъ и закрываетъ лицо руками и хвостомъ. Спитъ онъ ночью и въ большой жаръ и въ полдень; въ теченіе остальнаго дня онъ находится въ постоянномъ движеніи.

Изъ чувствъ этого животнаго выше всего осязаніе; остальные слабы. Капуцинъ близорукъ, а ночью и вовсе не видитъ; слышитъ онъ плохо, такъ что къ нему легко подкрасться. Еще слабѣе, повидимому, его обоняніе; каждый предметъ, который онъ хочетъ обнюхать, онъ держитъ у самаго носа и тѣмъ не менѣе часто ошибается, руководясь обоняніемъ, и начинаетъ ѣсть то, что оказывается не съдобнымъ. При сильномъ голодѣ и жаждѣ онъ ѣсть свои испражненія и пьетъ свою мочу. Осязаніе замѣняетъ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, остальныя слабо развитыя чувства. Оно обнаруживается особенно на рукахъ, въ высшей степени на ногахъ и вовсе не замѣтно въ хвостѣ. Путемъ упражненія и воспитанія это чувство становится способнымъ къ большому усовершенствованію. Обезьяна, бывшая Ренггера, довела это чувство до такой степени, что узнавала своего хозяина въ самую темную ночь, оцупавъ его одежду.

Звуки, издаваемые капуциномъ, измѣняются соотвѣтственно его настроенію. Чаще всего приходится слышать тонъ, похожій на звукъ флейты; этотъ звукъ онъ издастъ, повидимому, отъ скуки. Если же онъ требуетъ чего-нибудь, то стонетъ. Удвленіе и смущеніе онъ выражаетъ полусвистящимъ тономъ; въ гнѣвѣ онъ нѣ-

сколько разъ кричить глубокимъ и грубымъ голосомъ: «ху, ху!» Въ страхѣ или отъ боли онъ пищитъ, при радостномъ возбужденіи—хихикаетъ. Этими различными тонами вожакъ сообщаетъ и на свободѣ своему стаду свои ощущенія. Эти послѣднія выражаются, впрочемъ, не только звуками и движеніями, но также особаго рода смѣхомъ и плачемъ. Первый состоитъ въ оттягиваніи назадъ угла рта; обезьяна не издаетъ при этомъ никакого звука. При плачѣ глаза наполняются слезами, которыя, однако, никогда не текутъ по щекамъ.

Капуцины очень нечистоплотны, испражняются гдѣ попало, часто пачкаются въ испражненіяхъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше свободы ему даютъ; мочу свою онъ безпрестанно пускаетъ на самого себя. Эта обезьяна тоже отличаетъ мужчинъ отъ женщинъ; самцы любятъ больше женщинъ и дѣвушекъ, самки—мужчинъ и мальчиковъ.

Въ неволѣ капуцины нерѣдко спариваются и рождаютъ дѣтенышей. Ихъ нѣжность поотношенію къ этимъ послѣднимъ здѣсь, повидимому, еще больше, чѣмъ на свободѣ. Матери цѣлый день возятся со своимъ дѣтенышемъ, не даютъ никому изъ людей трогать его, показываютъ его лишь тѣмъ людямъ, къ которымъ относятся благосклонно, и мужественно защищаютъ его отъ другихъ. Эта обезьяна очень чувствительна къ холоду и сырости. Въ воду она никогда не идетъ добровольно. Никогда не случалось наблюдать также, чтобы она пыталась спастись вплавь. Напротивъ, хорошо извѣстно, что она скоро тонетъ, если ее бросить въ воду. Въ неволѣ она подвержена многимъ болѣзнямъ, особенно насморку и кашлю, и, подобно своимъ родичамъ Стараго Свѣта, довольно часто заболѣваетъ чахоткой. Противъ легкихъ болѣзней помогаютъ врачевныя средства или по крайней мѣрѣ производятъ то же дѣйствіе, какъ и на человѣка. По расчету Ренггера, возрастъ, котораго онъ можетъ достигать, равняется приблизительно 15 годамъ.

Душевыя качества капуцина заслуживаютъ нашего полнѣйшаго вниманія. Уже въ первые дни своей неволи онъ пріучается узнавать хозяина и сторожа, ищетъ у нихъ пищи, тепла, защиты и помощи, вполне довѣряетъ имъ, радуется, когда они съ нимъ играютъ, охотно переноситъ всѣ шутки, при свиданіи послѣ разлуки обнаруживаетъ бурную радость и, наконецъ, такъ привязывается къ своему владѣльцу, что скоро совершенно забываетъ свободу и становится полудомашнимъ животнымъ. Старый самецъ, котораго держалъ Ренггеръ, по временамъ отрывался отъ своего ремня и убѣгалъ подъ первымъ впечатлѣніемъ радости, что находится на свободѣ; но черезъ 2—3 дня онъ возвращался обратно въ неволю, отыскивая своего сторожа и позволяя ему безпрекословно привязать себя снова. Тѣ животныя, съ которыми никогда не обращались дурно, обнаруживаютъ большую довѣрчивость, особенно по отношенію къ неграмъ, которыхъ они вообще болѣе любятъ, чѣмъ бѣлыхъ. Капуцины привязываются, впрочемъ, не только къ людямъ, но и къ домашнимъ животнымъ, съ которыми они воспитывались. Въ Парагваѣ капуцина нерѣдко воспитываютъ вмѣстѣ со щенкомъ, который служитъ ему верховой лошадей. Если ихъ разлучаютъ, то обезьяна кричитъ; при свиданіи она осыпаетъ щенка ласками. При этомъ любовь ея способна и къ самопожертвованію, такъ какъ въ дракахъ съ другими собаками она очень мужественно защищаетъ своего друга.

Совершенно инымъ бываетъ это животное въ томъ случаѣ, когда ему приходится терпѣть дурное обращеніе. Если оно чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, то старается отвѣчать на насиліе насиліемъ и сильно кусаетъ человѣка, когда онъ его обижаетъ. Если же оно боится своего противника, то прибѣгаетъ къ притворству и пытается отомстить ему неожиданнымъ нападеніемъ. Плѣнникъ Ренггера самымъ коварнымъ образомъ кусалъ людей, которые раньше дразнили

его, и затѣмъ всегда быстро взбирался на высокую балку, гдѣ до него нельзя было добраться. Всѣ капуцины, которыхъ прежде дразнили, относятся къ каждому крайне недоувѣрчиво и ихъ приходится остерегаться. Сами они охотно дразнятъ другихъ и не даютъ проходу ни одному животному. Собакъ и кошекъ они дергаютъ за хвостъ, у куръ и утокъ выдираютъ перья, даже лошадей, привязанныхъ около нихъ, они дергаютъ за узду, и ихъ радость бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ они болѣе разозлили и напугали животное.

Капуцины тоже очень любятъ лакомиться и скоро научаются, если его поймать за этимъ дѣломъ, красть потихоньку, употребляя всевозможныя уловки. Если застаютъ на мѣстѣ преступленія, то онъ начинаетъ уже впередъ громко кричать отъ страха передъ наказаніемъ; если же онъ останется незамѣченнымъ, то ведетъ себя такъ невинно и беззаботно, какъ будто-бы ничего не случилось. Маленькія вещи онъ прячетъ, если ему помѣшаютъ, въ ротъ и съѣдаетъ ихъ лишь послѣ. Бѣдность его весьма велика. Чѣмъ онъ разъ овладѣлъ, то не легко отнять у него, самое большее—онъ отдаетъ это хозяину, если очень любитъ его. Кромѣ этихъ качествъ онъ обнаруживаетъ въ высокой степени любопытство и страсть къ разрушенію.

Онъ очень самостоятеленъ и не охотно подчиняется волѣ человѣка. Его можно, конечно, удержать отъ чего-нибудь, но нельзя принудить. Напротивъ, онъ старается то ласками, то угрозами подчинить своей волѣ другія существа и даже человѣка. Тѣ животныя, которыя уступаютъ ему въ силѣ и ловкости, принуждены исполнять его волю. Это обстоятельство сильно вредитъ его перемѣчивости. Онъ научается лишь тому, что ему полезно, напримѣръ, отрывая ящики, изслѣдовать карманы своего хозяина, и т. д. Съ годами онъ приобретаетъ большую опытность и умѣетъ хорошо пользоваться ею. Когда ему въ первый разъ даютъ яйцо, онъ разбиваетъ его такъ неловко, что теряетъ большую часть содержимаго; позднѣе онъ открываетъ яйцо лишь на верхушкѣ и не теряетъ ничего. Рѣдко удается болѣе раза обмануть его чѣмъ-нибудь. Уже черезъ короткое время онъ научается понимать выраженіе лица и тонъ голоса своего господина и обнаруживаетъ страхъ или радость, смотря по тому, строго или кротко съ нимъ говорятъ или смотрятъ на него. Онъ не позволяетъ смѣяться надъ собою, вѣроятно потому, что смѣхъ напоминаетъ ему прежнія неприятыя приключенія. Приобрѣтенный опытъ онъ искусно примѣняетъ въ различныхъ случаяхъ, т. е. умѣетъ самымъ широкимъ образомъ пользоваться тѣмъ, чему разъ научился. Такъ, онъ научается употреблять молотокъ для разбиванія, рычагъ для взламыванія. Разстояніе онъ опредѣляетъ очень точно и соображаетъ съ этимъ свои движенія. Часто можно убѣдиться въ его вѣрной памяти и понятливости. Обѣ эти душевныя силы, конечно, равномерно развиты у всѣхъ, но у старыхъ животныхъ выражены яснѣе, чѣмъ у молодыхъ.

Одни только индѣйцы употребляютъ шкуру и мясо этого животного и потому охотятся за нимъ съ лукомъ и стрѣлами. Бѣлые преслѣдуютъ его развѣ въ томъ случаѣ, если оно слишкомъ безстыдно ведетъ себя относительно плантацій, но охотно держатъ его въ неволѣ. Въ Европу ихъ привозятъ постоянно, можно сказать, на каждомъ суднѣ, капитанъ котораго любитъ животныхъ, а потому и цѣна имъ не велика. Въ общей клѣткѣ обезьянъ капуцины скоро приобретаютъ себѣ извѣстное положеніе, но тѣмъ не менѣе ясно обнаруживаютъ, насколько онъ стоитъ позади проворныхъ и задорныхъ мартышекъ. Лишь тогда, когда сравнивать его съ ними, можно замѣтить, что его рѣзвость и веселость совершенно другого рода, чѣмъ у шаловливыхъ обезьянъ Стараго Свѣта, которыя продѣлываютъ свои проказы съ величайшей серьезностью и при каждомъ удобномъ случаѣ проявляютъ крайнюю

степень дерзости. Напротивъ, капуцинь обнаруживаетъ боязливость, даже почти беспомощность, а его постоянные жалобные крики только усиливаютъ это впечатлѣніе. Насколько онъ самовластно обращается съ болѣе слабыми обезьянами, настолько же бываетъ смиренъ и покоренъ въ обществѣ обезьянъ Старога Свѣта, совершенно, какъ иной человѣкъ, властолюбивый по отношенію низшихъ и хорошо умѣющій гнуть спину передъ высшими. Въ обществѣ мартышекъ капуцинь всегда является жертвой, надъ которой онъ потѣшаются, сколько душѣ угодно; въ обществѣ павіановъ онъ, видимо, чувствуетъ себя гораздо лучше, такъ какъ его визгъ рано или поздно трогаетъ сострадательную душу какой-нибудь самки павіана и побуждаетъ ее вступить за беспомощнаго. Такую защиту капуцинь принимаетъ съ большой благодарностью и позволяетъ лелѣять и няньчить себя, какъ младенца, хотя-бы онъ уже давно вышелъ изъ дѣтскаго возраста.

Апелла или бурая крючкохвостна, а также и бѣлый сапажу (*Cebus apella*, *Cimbia apella*, *Braune Rollaffe*, *Sajouassou*) живетъ въ Гвіанѣ. Туловище и конечности ея коротки и толсты. Что-же касается окраски шерсти, то она такъ разнообразна, что не легко поддается описанію. Такъ, сравнительно изобильная шерсть состоитъ изъ блестящихъ волосъ, которые на лбу, темени и вискахъ вихрятся, а на лицѣ удлиняются и окаймляютъ его пушистою бородою. Цвѣтъ же шерсти, будучи вообще темнобурнымъ, переходитъ на спинѣ, бедрахъ и на хвостѣ въ черный; на лицѣ и передней части шеи онъ обыкновенно бываетъ свѣтлѣе, а чрезъ темя проходитъ, кромѣ того, темная полоса. Часто также бока и ноги бываютъ окрашены въ густой темнокаштановый цвѣтъ. Величиною эта обезьяна почти съ капуцина.

По словамъ Капплера, она у туземцевъ имѣетъ различныя названія: кези-кези, меку и пфуити. Живетъ она либо парами, либо стадами, состоящими самое большее (?) изъ 30 обезьянъ, въ числѣ которыхъ всегда бываетъ по нѣсколько старыхъ самцовъ; у послѣднихъ вихры на лбу настолько вздымаются вверху, что кажутся, будто это маленькіе рожки. Бурый сапажу весьма пугливъ и, замѣтивъ что-либо подозрительное, поспѣшно убѣгаетъ. Голосъ у него своеобразный, похожій на звуки флейты, а иногда онъ визжитъ; подражая этимъ звукамъ, индѣйцы и завлекаютъ самое животное въ засаду, при охотѣ за нимъ. Бурые сапажу питаются плодами, яйцами птицъ и можетъ быть также и самими птенчиками; однако, листья и насѣкомыхъ они не ѣдятъ. Будучи пойманы молодыми, они быстро привыкаютъ, при чемъ оказываются въ высшей степени забавными, и къ тому, кто съ ними хорошо обращается, обнаруживаютъ страстную привязанность, которую и выказываютъ ласками и даже слезами. Они весьма любятъ табачный дымъ, а если имъ дать самый табакъ, то они мочатся на него и затѣмъ растираютъ имъ все свое тѣло. У этой обезьяны постоянно встрѣчаютъ болѣе самцовъ, чѣмъ самокъ.

Свѣдѣніями о жизни апеллы на свободѣ мы болѣе всего обязаны Шомбургку. «Притаившись у дерева», рассказываетъ этотъ путешественникъ, «мы поджидали обезьянье стадо. Вотъ появился передъ нами передовой отрядъ, вскорѣ за нимъ показались главныя силы, а спустя около четверти часа явился и арьергардъ, который, однако, я обратилъ въ бѣгство своимъ хохотомъ, не будучи въ состояніи болѣе его сдерживать. Да и кто-бы могъ не разсмѣяться, видя этихъ проворныхъ животныхъ, съ преувеличенными торопливостью и стремительностью перебѣгавшихъ съ вѣтки на вѣтку, слыша визгъ, свистъ и пѣніе младшихъ членовъ этого стада и подмѣчая злобные взгляды, которые они бросали на старшихъ, бусавшихъ и бывшихъ ихъ, какъ только они сталкивались другъ съ другомъ на пути; наблюдая не по лѣтамъ умные взоры дѣтенышей, буквально приклеенныхъ къ спинамъ матерей; затѣмъ, тѣ серьезныя мины, съ которыми на пути отыскивались на-

сѣкомыя подѣ каждымъ листомъ и въ каждой щели и, наконецъ, то необыкновенное проворство, съ которымъ ловились взлетавшіе тамъ и сямъ жукъ или бабочка! Гримасничал такимъ образомъ, мимо насъ быстро пробѣжали (такъ какъ иной способъ передвиженія имъ, повидимому, неизвѣстенъ) почти уже 400—500 апелль, когда сдерживаться болѣе мнѣ стало не въ мочь. Тогда, какъ бы пораженный громомъ, тѣ изъ обезьянокъ, которыя оказались непосредственно передъ нами, присѣли, на мгновеніе остались неподвижными, а затѣмъ испустили особенный крикъ, которому стали вторить позади и подлѣ насъ; пугливо озираясь по сторонамъ, онѣ, наконецъ, примѣтили, гдѣ мы, съ минуту еще пристально уставились на насъ глазами и, прокричавъ еще пронзительнѣе, чѣмъ въ первый разъ, при посредствѣ усиленныхъ прыжковъ буквально пронеслись надъ нами. Эти прыжки онѣ совершили уже въ безмолвіи и только сильный шорохъ вѣтвей былъ единственнымъ звукомъ, сопровождавшимъ ихъ бѣгство.

«При этомъ приключеніи мнѣ довелось также быть свидѣтелемъ поистинѣ трогательнаго примѣра самоотверженной материнской любви. Именно, я уже хотѣлъ было возвратиться къ своей лодкѣ, какъ на одномъ изъ деревьевъ надо мною раздались испуганные обезьяныя крики, явственно позволявшіе заключить, что это былъ дѣтенышъ, вабный своею матерью въ суматохѣ бѣгства. Тогда одинъ изъ моихъ индѣйцевъ взобрался на дерево, а животное, въ свою очередь, увидя въ немъ нѣчто чуждое, стало громкими звуками выражать свой страхъ; вдругъ съ ближайшаго дерева послышался отвѣтъ возвратившейся матери, на который испуганный звѣрекъ отделинулся уже совершенно особеннымъ голосомъ, а изъ своей засады отвѣтила ему также и мать. Но здѣсь ее подстрѣлили и хотя въ началѣ она, правда, и пустилась было убѣгать, но затѣмъ, заслыша новыя тоскливыя возгласы своего любимца, а также не обращая вниманія и на второй выстрѣлъ—не причинившій ей, впрочемъ, вреда—она, хотя и съ трудомъ для себя, но все-таки перепрыгнула на вѣтку къ своему дѣтенышу. Быстро вскинувъ его къ себѣ на спину, мать хотѣла уже ускользнуть, какъ третій, вопреки моему строгому воспрещенію, выстрѣлъ поразилъ ее на смерть. И вотъ теперь, уже борясь со смертью, она все-таки прижимала къ себѣ своего любимца и все еще стремилась убѣжать; но попытки къ этому уже не могли удасться, и обезьяна свалилась мертвою наземлю.

«Эта миловидная обезьяна водится въ Британской Гвіанѣ только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Чаше всего я встрѣчалъ ее въ горахъ Бануку многочисленными стадами, а въ одиночку также и въ стадахъ капуцина, отъ сожителства съ которымъ, повидимому, и возникаютъ безчисленныя помѣси, столь часто встрѣчающіяся между этими родами. Такъ, хотя ни одна изъ другихъ обезьянъ не бываетъ столь часто приручаема, какъ апелла, тѣмъ не менѣе мнѣ никогда не доводилось видѣть двухъ или трехъ экземпляровъ, которые своею окраскою или длиною волосъ вполне походили-бы другъ на друга; не удавалось этого подмѣтить также и въ той охотничьей добычѣ, какъ нашей, такъ и у индѣйцевъ, которая зачастую достигала 10—16 убитыхъ животныхъ этого вида.

«Число животныхъ, составляющихъ одно общество, часто достигаетъ многихъ сотенъ. Они въ высшей степени подвижны, проворны и лукавы; пушна вся хитростью индѣйца, чтобы подрастаться къ нимъ, затѣмъ безшумно выпущенная охотникомъ отравленная стрѣла навѣрняка рѣшаетъ дѣло, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ у животнаго, вслѣдствіе дѣйствія яда, начинаютъ слабѣть конечности и оно сваливается внизъ. При этомъ въ то время, какъ спутники этого сваливаемаго животнаго, вытянувъ шею и испуская короткіе своеобразные звуки, въ недоумѣніи разсматриваютъ его трупъ, индѣецъ, благоразумно оставляя его лежать

на землѣ, шлетъ, между тѣмъ, изъ надежной засады—и снова безшумно—вторую, третью и дальнѣйшія стрѣлы, сваливающія одну за другою обезьянокъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ охотникъ не набьетъ ихъ столько, сколько ему заблагоразсудится. Мясо этихъ обезьянъ составляетъ часть обычной пищи индѣйцевъ».

Прирученная апелла и другія обезьяны встрѣчаются во всѣхъ мѣстахъ пребыванія индѣйцевъ, такъ какъ послѣдніе, какъ повѣствуетъ Шомбургкъ въ другомъ мѣстѣ, ревностно стараются объ увеличеніи въ своихъ хозяйствахъ числа прирученныхъ животныхъ. Съ величайшимъ удивленіемъ наблюдалъ нашъ очевидецъ въ семействахъ индѣйцевъ, вмѣстѣ съ сосущими еще грудь младенцами, и ихъ четвероногихъ молочныхъ братьевъ и сестеръ, по большей части обезьянъ, двуутробокъ, агути и тому подобныхъ животныхъ, которымъ индианка столь-же охотно, съ одинаковою нѣжностью во взорѣ и въ выраженіи лица, даетъ другую грудь, послѣ того какъ, быть можетъ, изъ одной насосалось уже ея собственное дитя. «Гордость женщины состоитъ главнымъ образомъ въ обладаніи большимъ числомъ прирученныхъ ими животныхъ. Поэтому всѣхъ пойманныхъ еще юными животными-сосуновъ онѣ вскармливаютъ своею грудью, а эти послѣдніе, въ свою очередь, и между ними, именно, обезьяны, проникаются къ своимъ приемнымъ матерямъ такою привязанностью, что слѣдуютъ за ними по пятамъ».

Апелла весьма часто привозится и къ намъ, а потому она и не составляетъ особой рѣдкости ни въ зоологическихъ садахъ, ни въ звѣринцахъ. Затѣмъ и страствующіе по всей южной Европѣ савойяры пользуются ими, какъ равно и нѣкоторыми видами мартышекъ, для выманиванія подачекъ у богатыхъ людей. Чѣмъ болѣе дѣйствительно, чѣмъ звуки ихъ шарманокъ. Музыка послѣднихъ до того пріѣлась всѣмъ въ городахъ Франціи, Испаніи и Италіи, что разыгрываемыя на нихъ мелодіи не достигаютъ уже до сердецъ, и кошельки не раскрываются. Тутъ-то музыкантъ и посылаетъ свою прирученную мартышку или апеллу за подаченіемъ. Животное обыкновенно бываетъ привязано на длинной бичевкѣ, большая часть которой, при ненадобности въ ней, остается намотанною на ружь савойяръ; теперь эта веревка распускается и подъ звуки марсельезы или какой-либо другой популярной пѣсни, маленькой нищій устремляется по окнамъ изъ этажа въ этажъ, до самыхъ мансардъ включительно. Когда онъ появляется у открытыхъ оконъ, то его прежде всѣхъ увидятъ дѣти и несказанно радуются. Здѣсь ему, вмѣстѣ съ кусочками сахара, печеньемъ и т. п. съдобными вещами, подаются также сундучки и кварио; всѣ эти денежки обезьяна сбрасываетъ внизъ своему владѣльцу, который, по окончаніи такого лазанія по окнамъ одного дома, уходитъ со своимъ пособникомъ по сбору милостыни далѣе и черезъ нѣсколько домовъ снова начинаетъ ту-же продѣлку.

Апелла весьма хорошо переноситъ неволю и потому уже неоднократно посылалась и въ Европѣ. Однако, она вовсе нежеланный сотоварищъ, такъ какъ весьма опрятна, неотзывчива сердцемъ и угрюма; по крайней мѣрѣ она непрерывно или жалобно голоситъ или визжитъ. Къ тому же, она все время отвратительно гримасничаетъ. Но она кротка и добродушна, хотя, впрочемъ, только относительно большаго числа животныхъ. Маленькихъ, и въ особенности птицъ, она поѣдаетъ безъ всякихъ церемоній, разъ только до нихъ доберется.

Болѣе къ юго-востоку, именно, по восточнымъ берегамъ Бразиліи водится фавнь, мио или рогатая крочкохвостка, рогатый саламу (*Cebus fatuellus*, *Simia fatuellus*, *Cebus niger*, *frontatus* и *vellerosus*. *Pifferraffe*. *Sapajou cornu*). Этотъ видъ весьма бросается въ глаза и легко распознается, вслѣдствіе своеобразнаго разрастанія волосъ на головѣ. Великою фавнь приближается къ капуцину, а, по словамъ

принца фонъ-Вида, онъ ростомъ съ большого кота: конечности у него мускулисты, голова и лицо круглыя, хвостъ жедлиннѣ тѣла, довольно толстъ и густо усаженъ волосами. На щекѣ и вискахъ замѣчаются тонкіе волосы бѣло-желтоватаго цвѣта; вокругъ всего лица образуется какъ-бы вѣпчикъ изъ гляцовитыхъ черныхъ волосъ, которые, перейдя на темя, вихрятся и дѣлятся на два хохолка, высотой до 4 см.; между этими пучками волоса короче и тоже гляцовито-чернаго цвѣта; на шеѣ шерсть бурѣетъ; подъ подбородкомъ черно-бурая, а въ области горла, на груди, шеѣ, по бокамъ, на животѣ и на переднихъ частяхъ рукъ желтовато-бурого цвѣта; затѣмъ на остальныхъ частяхъ тѣла волоса черно-бурого, на спинѣ почти чернаго цвѣта, но кончики волосъ повсюду свѣтло-желтоваты. Голое лицо окрашено въ грязно-темно-тѣлесный цвѣтъ, а пальцы покрыты свѣтло-бурыми волосами. Въ молодости цвѣтъ шерсти этой обезьяны постоянно черный, но не столь гляцовитый, какъ впоследствии. Своеобразный головной уборъ появляется впервые у обоихъ половъ лишь въ позднемъ возрастѣ, причемъ у самца онъ все-таки бываетъ болѣе развитъ, чѣмъ у самки. Иногда встрѣчаются отдѣльные экземпляры со свѣтло-бурою переднею частью тѣла, но на нихъ слѣдуетъ смотрѣть просто какъ на случайное уклоненіе отъ обычнаго типа.

Принцъ фонъ-Видъ встрѣчалъ рогатаго сапажу въ большихъ лѣсахъ между 23° и 21° ю. ш., а Гензель столь-же часто въ Рио-Гранде-до Сулъ. Гензелю же мы обязаны прекраснымъ описаніемъ этого рода обезьянъ. «Мико, говоритъ онъ, составляетъ противоположность ревуны, такъ какъ изъ всѣхъ созданий южно-бразильскаго первобытнаго лѣса мико есть самое быстрое и самое умное. Ни одно изъ другихъ животныхъ, даже гирара, не можетъ сравняться съ нимъ въ лазаніи и въ скаканіи. Онъ постоянно живетъ большими обществами до 30 и 40 штукъ; число это приблизительное, такъ какъ во время сумятицы проносящагося по макушкамъ деревьевъ обезьяняго стада едва-ли возможно точно опредѣлить ихъ число. Стада этихъ обезьянъ не имѣютъ столь опредѣленнаго мѣстожителства, какъ ревуны, или же, вѣроятно, они живутъ на весьма большомъ участкѣ лѣса, въ цѣломъ округѣ его, изъ котораго, затѣмъ, и дѣлаютъ по произволу, набѣги сегодня на одну плантацію, а завтра на сосѣднюю съ нею. Фавнъ страшный воръ, который основательно грабитъ маковья поля; однако, онъ не приближается къ жилищамъ и гораздо охотнѣе отыскиваетъ тѣ изъ плантацій, которыя находятся въ глубинѣ лѣса. Что онъ, при своихъ разбойничьихъ набѣгахъ, выставляетъ стражу—конечно, сказка; но, вмѣстѣ этого, въ толпѣ всегда бываютъ чуткіе экземпляры, можетъ быть старыя самки, которыя не только воруютъ, но также внимательно смотрятъ по сторонамъ; когда приближается человѣкъ или слышится лай собакъ, онѣ испускаютъ свой предостерегательный кликъ, выражающійся въ далеко разносящемся свистѣ. Если возбуждвшій страхъ предметъ находится еще далеко, то обезьяны пытаются еще сохранить награбленное и съ початками макса въ рукѣ или во рту юпотливо взбираются по вышущимся растеніямъ. Если же собаки появятся между ними внезапно, то онѣ спѣшатъ побросать свою добычу и исчезаютъ во мгновеніе ока. Даже, если къ нимъ удается и подкрасться, то и тогда изъ одностовольнаго ружья едва ли достанетъ времени сдѣлать болѣе одного выстрѣла. Затѣмъ, такъ какъ разсѣявшись, онѣ стремятся снова собраться вмѣстѣ и для этого подсвистываютъ другъ другу, то, умѣя подражать этому свисту, а также и хорошо притаившись—и, конечно, въ отсутствіи собаки—можно бываетъ выстрѣлить и еще разъ; однако убѣдиться въ результатѣ такого выстрѣла весьма трудно, ибо хотя этотъ сапажу и не имѣетъ цѣпкаго хвоста, но передъ смертью онъ охотно прилегаетъ къ суку дерева и оттуда не падаетъ на землю. Въ томъ же случаѣ, когда онъ, притаившись

за какимъ-нибудь сукомъ, пугливо посматриваетъ изъ-за него внизъ, вслѣдствіе его головнаго убора кажется, будто у него на головѣ есть рожки. Достопримѣчательнѣе затѣмъ весьма тонкій и пріятный мускусный запахъ, издаваемый самцомъ, и именно его головою; запахъ этотъ сохраняется въ теченіе многихъ дней даже и послѣ снятія съ животнаго шкурки.

«Однако, какъ ни велико у фавна искусство лазанья, тѣмъ не менѣе мнѣ вспоминается одинъ случай, когда оно оказалось недостаточнымъ. Такъ, однажды, охотясь за косулями, я догадался по гону, что моя собака гонить не косулю, а какою-либо изъ хищныхъ животныхъ, котораго она, подъ конецъ, шагахъ въ 50-ти отъ меня, настигла и задушила; но такъ какъ животное это не издало ни одного звука, то только послѣ долгихъ поисковъ во встрѣтившемся непроходимомъ терновникѣ, я, къ моему безконечному удивленію, нашелъ старую самку рогатаго сапажу, которую собака и умертвила, разорвавъ ей животъ. Самка эта, какъ оказалось, была беременна, ибо рядомъ съ нею лежалъ и вырванный собакою, вполне доношенный плодъ. Я недоумѣвалъ, почему обезьяна позволила собакѣ гнаться за ней внизъ по густообросшей растеніями горѣ и не попыталась спастись на деревья или на вьющіяся растенія. Тщѣтно я разсматривалъ ее: она казалась вполне здоровою, а также нельзя было открыть никакого недостатка и въ ея органахъ чувствъ. Поэтому я могъ только допустить, что, будучи преслѣдуема собакою по пятамъ, обезьяна не отъаживалась на скачекъ въ высоту, ибо для такого скачка всегда необходимо пріостановиться, а тутъ-то собака и могла-бы ее настигнуть. Еще менѣе понятно мнѣ казалось то обстоятельство, что обезьяна дала себя захватить собакою на землѣ, между тѣмъ какъ эта послѣдняя очевидно производила сильный шумъ, пробираясь между кустами. Не должна ли обезьяна спускаться на землю, чтобы родить? Какіхъ-либо дальнѣйшихъ наблюденій по этому вопросу я сдѣлать не могъ».

«Хотя молодыхъ сапажу гораздо труднѣе достать, чѣмъ ревуновъ, все-таки встрѣчаешь ихъ иногда у жителей дѣвственныхъ лѣсовъ, которые держатъ этихъ обезьянъ въ ручномъ состояніи ради ихъ забавности. Это всегда самцы и, говоря, что самокъ воспитывать не удастся». Послѣднее свидѣніе Гензеля, кажется имѣетъ долю справедливости, такъ какъ у торговцевъ звѣрями въ Европѣ самки сапажу встрѣчаются весьма рѣдко. Не могу я, однако, найти причину, почему самка была бы болѣе чувствительна къ перемѣнѣ образа жизни и климата, чѣмъ самецъ; у другихъ обезьянъ ничего подобнаго не замѣчалось.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ Бразиліи, гдѣ путешествовалъ принцъ фонъ-Видъ, часто охотятся и за фавномъ, хотя по своей чуткости это животное сильно затрудняетъ охоту, такъ какъ къ нему трудно подкрасься. Туземные охотники стараются обмануть этихъ обезьянъ, подражая ихъ свисту и тѣмъ приманивая ихъ. Если стадо увидитъ своего врага, то бѣжитъ поспѣшно большими прыжками, ползая при этомъ даже самыми тонкими и гибкими вѣтвями, и движеніе это такъ быстро, что въ нихъ трудно попасть даже дробью. Мясо этихъ обезьянъ въ холодное время года дѣлается очень жирнымъ и, по словамъ принца фонъ-Вида, его всѣ ѣдятъ охотно; для индѣйцевъ же это лакомое блюдо, почему они усердно охотятся за этимъ видомъ и другими, ему сродными, причѣмъ очень искусно попадаютъ въ нихъ своими длинными стрѣлами, пущенными изъ сильныхъ луковъ, даже если обезьяны сидятъ на верхушкахъ высокихъ деревьевъ.

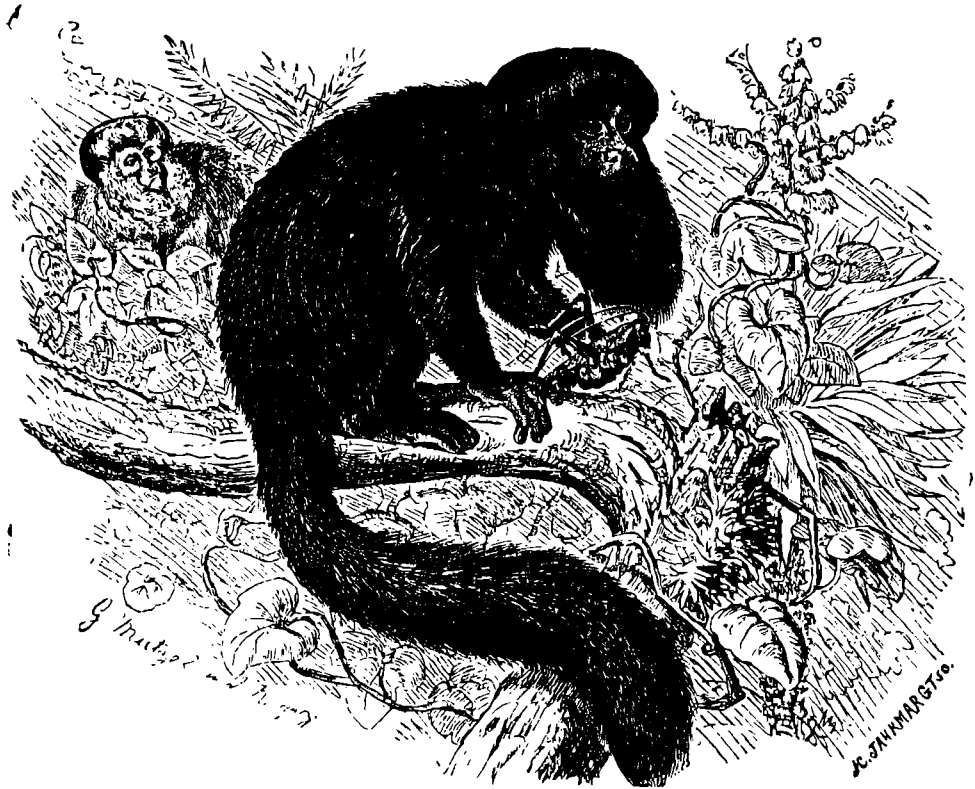
* * *

Во второмъ подраздѣленіи семейства обезьянъ Новаго Свѣта мы соединимъ мягкохвостыхъ (Pitheciidae). Это большею частью маленькія, или средняго роста

обезьяны, съ мягкими, пушистыми, не цѣпкими и кнзизу утончающимися хвостами.

Лисьехвостыя обезьяны или Сами (Pithecia, Schweifaffen, Taki.) большею частью коренасты, длинная пушистая шерсть придаетъ имъ еще болѣе неуклюжій видъ; конечности довольно толсты, а хвостъ покрытъ густыми пушистыми волосами, которые внизу большею частью удлинняются. Волосы на верхней части головы раздѣлены проборомъ, на щекахъ же и подбородкѣ оканчиваются густою и болѣе или менѣе длинной бородой.

Отъ прочихъ американскихъ обезьянъ онѣ отличаются еще устройствомъ

Жидовскій или чертовъ саки. *Pithecia satanas*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

зубовъ: очень большіе трехгранные клыки отдѣлены промежуткомъ отъ тѣсно сидящихъ, остроконечныхъ и наклоненныхъ впередъ рѣзцовъ.

Немногочисленные виды этого рода водятся исключительно въ сѣверной части Южной Америки. Здѣсь они живутъ въ сухихъ высокихъ лѣсахъ, гдѣ нѣтъ кустарниковъ, и держатся въ сторонѣ отъ другихъ обезьянъ. По Чуди—это ночныя животныя, дѣятельность которыхъ начинается съ закатомъ солнца и оканчивается съ его восходомъ. Днемъ они спятъ и тогда за ними охотиться трудно, потому, что они никакимъ звукомъ не выдаютъ своего присутствія и только, будучи преслѣдуемы, начинаютъ двигаться быстрѣе. Приручаются они легко, но въ неволѣ угрюмы и скучны, а если имъ не дать днемъ выспаться, то они становятся лѣнвыми и грустными. Но Шомбургкъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ Чуди, по крайней мѣрѣ, касательно ночной жизни этихъ обезьянъ. По его мнѣнію, раз-
жизнь животн. брѣма. т. 1.

личные виды этих обезьян строго придерживаются известных мѣстностей; всѣ они держатся отдѣльно другъ отъ друга и пѣкоторые выдають себя путешественникамъ своимъ голосомъ. «Вездѣ, гдѣ по берегамъ растетъ густой лѣсъ», говоритъ Шомбургъ, «встрѣчалъ я цѣлыя стада обезьянъ, сидящихъ на вѣтвяхъ, и между ними большинство составляли дѣйствительно миловидные саки. Длинные волосы, раздѣленные проборомъ, пышная борода и бакенбарды, пушистый хвостъ, похожій на лисій, и ласковый, умный взглядъ—придаютъ этимъ звѣрькамъ чрезвычайно пріятный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, комичный видъ. Это были первые саки, которыхъ мнѣ случилось встрѣтить. Я, конечно, тотчасъ же выскочилъ на берегъ, чтобы поохотиться на нихъ и застрѣлил самца и самку. Но я почти раскаялся въ своемъ выстрѣлѣ, когда услышалъ жалобный, за душу хватающій крикъ самца, котораго я только тяжело ранилъ. Этотъ жалобный крикъ похожъ на стонъ страдающаго ребенка.

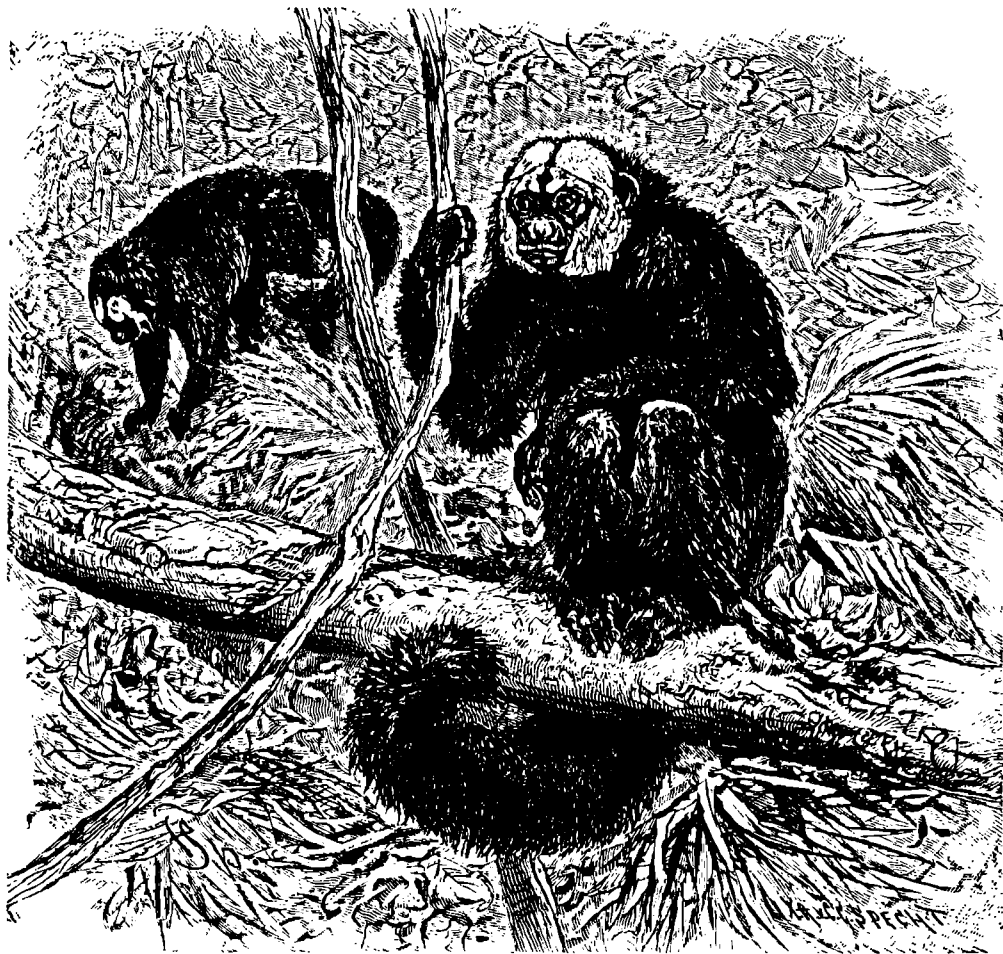
Въ большихъ лѣсахъ верховьевъ Мараньона и Ориноко водится преимущественно самый обыкновенный видъ этого рода. Это жидовскій или чертовъ саки, *Нуксіо индѣйцевъ* (*Pithecia satanas*, *Cebus* и *Saki satanas*, *Simia chirotopes* и *sagialala*, *Pithecia israelitica*, *Satansaffe*, *Saki noir*) величиною въ 65 см. и почти такимъ же длиннымъ хвостомъ. Совершенно круглая голова его покрыта какъ бы шапкою, образованной не очень длинными густыми волосами, лучеобразно исходящими отъ темени. Спереди они раздѣлены проборомъ. Щеки и подбородокъ опушены густою черною бородою. «Ни одинъ щеголь въ мірѣ не могъ бы держать своихъ волосъ въ большемъ порядкѣ, чѣмъ это красивое животное», говоритъ Каплеръ. Верхняя часть тѣла покрыта густою, но не длинною шерстью, нижняя едва покрыта волосами, хвостъ очень пушистый. У старыхъ обезьянъ шерсть черная, съ блѣдно-желтою спиною, у молодыхъ—буро-сѣрая. Есть, впрочемъ, многія отступленія относительно цвѣта. Каплеръ говоритъ, что эту обезьяну въ Гвіанѣ зовутъ *шю*; она живетъ небольшими семействами отъ 4—6 штукъ, не очень распространена, и въ неволѣ рѣдко выживаетъ.

Второй видъ этой породы бѣлоголовый саки (*Pithecia leucoccephala*, *Simia pithecia*, *Pithecia nocturna*, *adusta*, *rufiventer*, etc. *Weisskopffaffe*, *Saki à tête blanche*). Наружность котораго значительно измѣняется, смотря по возрасту и полу, получилъ, вслѣдствіе этого, множество названій. У старыхъ самцовъ шерсть почти вездѣ черная, только на переднихъ конечностяхъ нѣсколько свѣтлѣе. Спереди до самыхъ бровей, голова покрыта короткою, свѣтлою шерстью, которая на лбу раздѣлена полоскою черной кожи; на щекахъ длинныя бакенбарды. Но шерсть бываетъ тоже желтоватаго цвѣта, лицо же окаймляютъ ржаво-красныя волосы. Черное лицо покрыто рѣдкими волосами ржаваго цвѣта. Уши, пятки, пальцы и ногти—черныя. У самокъ шерсть на верхнихъ и наружныхъ частяхъ тѣла—бурая, на нижнихъ—ярко-рыжая; бакенбарды—черныя. Молодыя обезьяны походятъ на мать. Шерсть по большей части длинная, жесткая, грубая и только на нижней части тѣла и рукахъ—тонкая и рѣдкая. Свѣтлая рамка волосъ окаймляетъ лицо и образуетъ бакенбарды.

Бѣлоголовый саки, котораго также называютъ Ванану, Ариги, водится въ мѣстностяхъ неподалеку отъ Амазонской рѣки, и въ Гвіанѣ, и живетъ больше въ кустарникахъ, чѣмъ на высокихъ деревьяхъ; они встрѣчаются обществами отъ 6—10 штукъ и на видъ кажутся довольно лѣнливыми. Покрытое желтовато-бѣлыми густыми волосами лицо имѣетъ видъ маски, посреди которой черный носъ и ротъ рѣзко выступаютъ. По словамъ Лаборда, пища этого саки состоитъ изъ ягодъ, плодовъ и пчелиныхъ сотовъ. Самки приносятъ по одному дѣтенышу и долгое время таскаютъ

его на спинѣ. Это подтверждаетъ и Капплеръ, который прибавляетъ, что этотъ видъ легко дѣлается ручнымъ, но всегда остается робкимъ и грустнымъ.

Чертовъ сами живутъ въ подчиненіи у цѣпкохвостыхъ обезьянъ, которыя нерѣдко принуждаютъ его слѣзать съ высокихъ деревьевъ въ кусты, отнимаютъ у него добычу, а иногда и колотятъ. Говорятъ, что длинная борода мѣшаетъ этой

Бѣлоголовый саки. *Pithecia leucoscephala*, $\frac{1}{6}$ наст. вел.

обезьянѣ пить воду обыкновеннымъ способомъ, такъ что она подноситъ ее ко рту рукой. Только замѣтивъ, что за ней наблюдаютъ, она рѣшается пить прямо ртомъ.

Чуди, напротивъ, увѣряетъ, что она пьетъ воду, какъ всѣ вообще обезьяны, т. е. опустившись на колѣни и сунувъ морду прямо въ воду. Нашъ натуралистъ часто давалъ жившей у него обезьянѣ воду въ кувшинѣ съ узкимъ горлышкомъ, такъ что она не могла сунуть въ него морды; но и тогда она изъ горсти не пила, а поступала, какъ большая часть своихъ родичей, которые, опустивъ въ сосудъ руку до половины, слизываютъ воду съ руки. По увѣренію Гумбольдта, чертовъ саки дикъ и въ высшей степени раздражителенъ. Поэтому его трудно приручить,

и въ неволѣ онъ всегда довольно злѣ. Свое неудовольствіе онъ выражаетъ, при малѣйшемъ поводѣ, скаля зубы, гримасничая и сверкая глазами. При сильномъ гнѣвѣ онъ подымается на заднія ноги, третъ конецъ бороды рукою и дико скачетъ вокругъ предмета, возбудившаго его злобу. Иногда онъ впадаетъ въ ярость и впивается зубами въ подставленную ему палку съ такою силою, что ее едва можно вырвать.

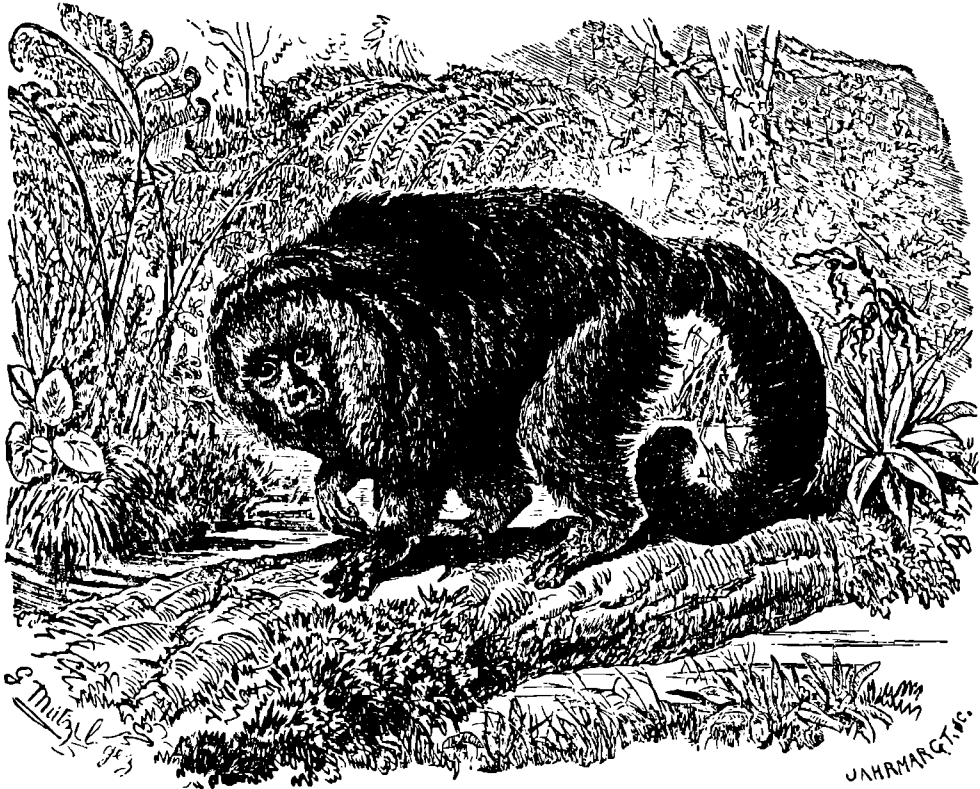
Рѣдко удается перевести живую обезьяну этого вида въ Европу. Только въ Лондонѣ, зоологическій садъ котораго снабжается лучше всѣхъ остальныхъ садовъ вслѣдствіе любви англичанъ къ путешествіямъ и собиранію животныхъ—можно видѣть живыхъ экземпляровъ чертова саки. До 1883 года въ Реджентъ-Паркъ побывало только всего 18 лисьехвостыхъ обезьянъ, пяти разныхъ видовъ.

Но въ противоположность этимъ рассказамъ и скорѣе согласно прежнимъ показаніямъ Спикса, описываетъ памъ Бэтсъ близкаго родственника чертова саки—мохнатого саки. Изъ этихъ показаній можно вывести заключеніе, что не всѣ виды по праву своему соотвѣтствуютъ описанію Гумбольдта. Мохнатый саки или Парауакъ (*Pithecia hirsuta*, *Simia hirsuta*, *Zarkea hirsuta*, *Zottelaffe Saki velu*) достигаетъ почти метра общей длины, половину которой занимаетъ хорошо развитой хвостъ. Онъ покрытъ густою длинною (почти 12 см.) шерстью, которая спереди падаетъ на гладкій лобъ, закрывая отчасти лицо; на остальныхъ частяхъ тѣла мѣхъ его имѣетъ большое сходство съ мѣхомъ медвѣдя. Черный съ сѣрыми крапинками мѣхъ принимаетъ на головѣ орѣховый, на груди красновато-бурый оттѣнокъ; на внутренней части бедеръ онъ переходитъ въ красновато-бурый цвѣтъ. Щетинистыя бакенбарды грязно-сѣраго цвѣта, пятки—желтовато-бурыя; лицо, гдѣ нѣтъ волосъ, черное.

Спиксъ открылъ эту обезьяну въ лѣсахъ Бразиліи между рѣками Амазонской и Рио Негро; онъ рассказываетъ, что мохнатые саки утромъ и вечеромъ выходятъ изъ своихъ лѣсовъ, собираются огромными обществами и наполняютъ тогда воздухъ своимъ пронзительнымъ крикомъ. Они чрезвычайно осторожны и проворны: при малѣйшемъ шумѣ, все стадо пускается въ бѣгство и скрывается въ лѣсу, такъ что охотнику рѣдко удается достать живьемъ хоть одну обезьяну. Но, разъ прирученные, они очень привязываются къ своему хозяину. Бэтсъ подтверждаетъ это послѣднее мнѣніе. «Эта обезьяна,» говоритъ онъ, «весьма нѣжное созданіе, которое рѣдко выдерживаетъ даже нѣсколько недѣль неволи; но за то, если удастся сохранить ее живую, приобретаешь въ ней самое преданное созданіе. У моего со-сѣда въ Эга, французскаго портнаго, жила такая обезьяна, которая въ нѣсколько недѣль такъ привязалась къ нему, что, какъ собака, слѣдовала за нимъ не только въ компань, но и по улицѣ. Пока мой знакомый работалъ, она садилась къ нему на плечо; но къ чужимъ и даже къ другимъ членамъ семьи относилась она враждебно. Мнѣ не случалось видѣть обезьяны, болѣе привязанной къ своему хозяину, чѣмъ это милостивое, трусливое и молчаливое созданіе. Можно допустить, что страстный и живой капуцинъ по своему уму и понятливости, а апельла по своей чувствительности и игривости стоятъ выше всѣхъ обезьянъ Новаго Свѣта; но задумчивый и печальный парауакъ превосходитъ всѣхъ своею привязанностью къ человѣку. Впрочемъ, ручная обезьяна, о которой идетъ рѣчь, доказала памъ надежды, что ни въ умѣ, ни въ находчивости у нея недостатка не было. Мой со-сѣдъ ушелъ однажды утромъ изъ дому, не взявъ съ собою обезьяны, какъ дѣлаетъ это обыкновенно; соскучившись по немъ, она рѣшила, должно быть, что найдетъ своего хозяина у меня, такъ какъ портной имѣлъ привычку ежедневно заходить съ нею ко мнѣ. Обезьяна не пошла по улицѣ, а спѣшила добраться до моего дома кратчайшимъ путемъ, по садамъ, сквозь кустарники и чащи, какъ сообщили намъ

наблюдавший за нею другой сосѣдь. Никогда раньше не ходила она этимъ путемъ. Но, когда, явившись ко мнѣ, она не нашла и тутъ своего хозяина, то съ несоимѣннымъ выраженіемъ разочарованія и покорности на лицѣ съѣла ко мнѣ на столѣ и стала терпѣливо ждать своего господина. Онъ дѣйствительно скоро пришелъ и, въсколько мгновеній спустя, нашъ любимецъ сидѣлъ уже на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, т. е. на плечѣ своего хозяина.

Къ близкимъ родичамъ только-что описанныхъ нами животныхъ должно причислить короткохвостыхъ обезьянъ (*Brachyurus*. *Kurzschwanzaffe*. *Brachiupe*). Онѣ

Мохнатый саки (*Pithecia hirsuta*), $\frac{1}{3}$ наст. вел.

отличаются отъ прочихъ необыкновенно короткимъ, какъ-бы обрубленнымъ хвостомъ и не густою бородою, которая окаймляетъ только щеки. Туловище ихъ приземисто, конечности довольно сильны; голова удлинняется въ видѣ яйца; лицо тоже продолговатое и плоское; узкія ноздри находятся совсѣмъ по сторонамъ носа. Пальцы рукъ и ногъ вооружены узкими, длинными ногтями. Нѣсколько мохнатая шерсть на головѣ короче, жесткіе волосы здѣсь какъ-бы подрѣзаны подъ гребенку, шея голая; толстая морда обружена отдѣльными пучками щетинистыхъ волосъ. На каждой челюсти мы находимъ 4 рѣзца между 2 клыками и 5—6 коренныхъ зубовъ на каждой сторонѣ. Рѣзцы наклонены впередъ; верхніе не равны между собою, такъ какъ два среднихъ почти вдвое шире и длиннѣ боковыхъ; нижніе длиннѣе и острѣ верхнихъ; изъ нихъ боковые нѣсколько длиннѣ среднихъ; клыки короткіе, крѣпкіе, почти прямые; въ нижней челюсти они нѣсколько заострены крючкомъ. Позвоночный

столбъ имѣеть, кромѣ шейныхъ позвонковъ, 12—14 грудныхъ, 6—7 поясничныхъ и 14—17 хвостовыхъ позвонковъ.

Короткохвостыя обезьяны водятся тоже на сѣверѣ Южной Америки; онѣ, кажется, не имѣютъ большого распространенія; образъ жизни ихъ на свободѣ мало извѣстенъ. Только въ новѣйшее время получены отъ Бэтса нѣкоторыя болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ. Отъ прежнихъ наблюдателей мы узнаемъ только, что онѣ появляются небольшими стадами на берегахъ рѣкъ, и во время своего странствованія издаютъ непріятные звуки. Кромѣ того еще извѣстны нѣкоторыя наблюденія надъ жившими въ неволѣ животными.

Гумбольдтъ первый описалъ намъ обезьяну, носящую у туземцевъ нѣсколько названій, какъ-то: Какайло, Чукута, Чукуцо, Каруири, Монофео (некрасивая обезьяна) Мано-рабонъ и др. (*Brachyrus melanocephalus*, *Simia*, *Pithecia* и *Sacaia melanoscephala*, Р. и В. ouakari). Она имѣеть 65 см. общей длины, изъ которыхъ хвостъ занимаетъ 15 см.

Нѣсколько косматая шерсть ея блестящаго свѣтло-коричневаго цвѣта; на груди, животѣ и нижней сторонѣ конечностей—свѣтлѣе; верхняя сторона рукъ и ногъ сѣро-бурая, на головѣ и хвостѣ большею частью черная. У отдѣльныхъ экземпляровъ руки и кисти также черныя, и свѣтло-коричневый цвѣтъ спины переходитъ на бедрахъ и началѣ хвоста въ ржаво-красный. Всѣ голыя части матово-черныя; вокругъ глазъ орѣхово-бурое кольцо.

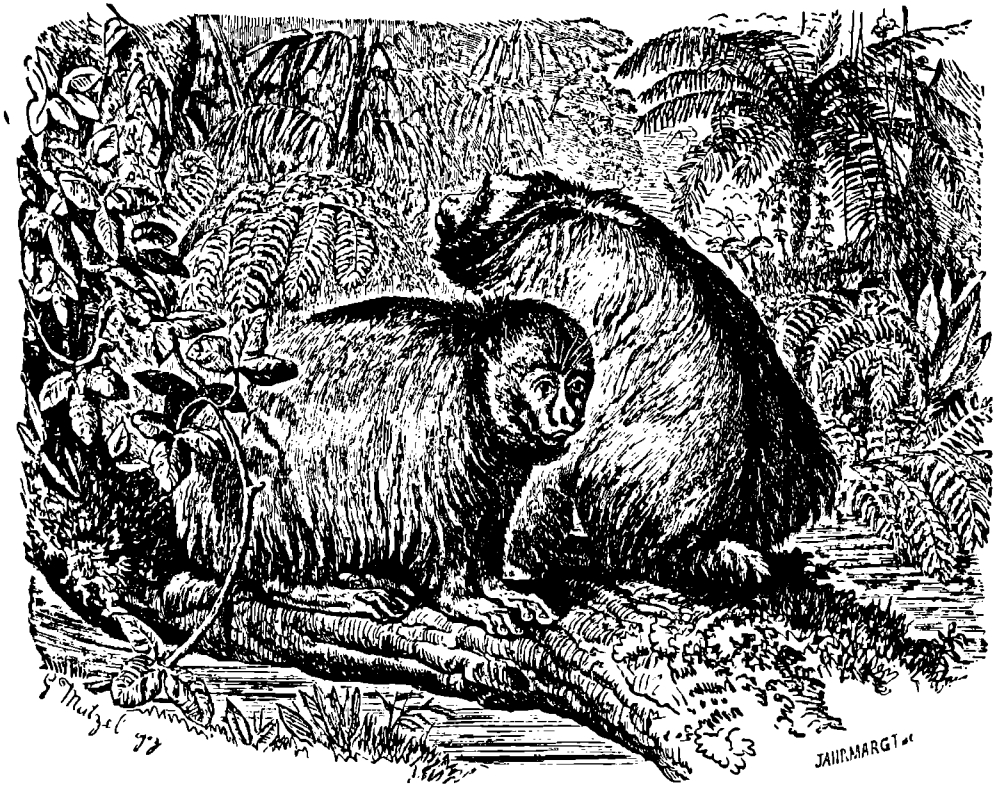
Другой видъ этого рода—краснолицый самъ, названный туземцами Уакари (*Brachyrus calvus*, *Ouakaria calva*, *Scharlachgesicht*, *Ouakari*), отличается отъ Какайло еще болѣе короткимъ хвостомъ въ видѣ толстаго отростка, болѣе длинною шерстью на спинѣ и болѣе свѣтлой окраской шерсти. Однообразный, грязно-желтый или красноватый оттѣнокъ его мѣха переходитъ на спинѣ въ грязно-бѣлый, на нижнихъ частяхъ туловища въ золотисто-желтый. У очень старыхъ животныхъ цвѣтъ шерсти еще болѣе свѣтлый и дѣлается почти бѣлымъ. Отъ этого еще рѣзче выступаетъ ярко-красный цвѣтъ лица со щетинистыми желтыми бровями и красновато-желтыми глазами. Кромѣ того, короткіе, будто остриженные волосы головы, составляющіе рѣзкій контрастъ съ длинною шерстью спины, придаютъ всей наружности этой обезьяны совершенно своеобразный видъ.

«Въ одно прекрасное утро 1855 года», говоритъ Бэтсъ, «увидаль я на улицахъ города Эга нѣсколькихъ индѣйцевъ, несшихъ на плечахъ большую клѣтку, въ 4 метра длины и 1 м. 5 сант. вышины, сооруженную изъ лѣанъ. Очевидно она направлялись къ пароходу. Въ клѣткѣ находилось до 12 обезьянъ самой странной наружности. Это были Уакари—обезьяны, живущія только въ окрестностяхъ Эги и которыхъ предводитель индѣйцевъ посылалъ, въ видѣ богатаго подарка, въ Рио-Жанейро, правительственному чиновнику. Обезьяны эти были пойманы съ величайшею трудностью въ лѣсахъ, въ глубинѣ страны, и именно близъ устья Уапуры, около 50 километровъ отъ Эги.

Уакари живетъ въ лѣсахъ, которые большую часть года залиты водою; поэтому короткій хвостъ его нельзя принять за признакъ его пребыванія на ровной землѣ, какъ, на примѣръ, у макаковъ и павіановъ. Кажется, что уакари живетъ исключительно въ вышеупомянутыхъ мѣстностяхъ, въ особенности на одномъ напосномъ островѣ р. Уапуры, близъ главнаго устья ея, и даже, насколько я могъ узнать, онъ водится только на западной части этой рѣки. Тутъ можно видѣть, какъ они переходятъ небольшими группами по верхушкамъ высокихъ деревьевъ для добыванія плодовъ, составляющихъ ихъ пищу. По словамъ охотниковъ, движенія ихъ быстры и ловки, хотя они почти никогда не перепрыгиваютъ, а предпочитаютъ перебѣ-

гать съ дерева на дерево по крѣпкимъ сучьямъ. Матери несутъ своихъ дѣтенышей на спинѣ, подобно нѣкоторымъ другимъ обезьянамъ Южной Америки. Всѣ жидшіе въ неволѣ уакари были пойманы съ помощью сарбаканы и стрѣлъ, намазанныхъ слабымъ ядомъ. Подстрѣленные уакари бѣгутъ еще довольно долго по лѣсу, такъ что только опытный охотникъ можетъ преслѣдовать ихъ. Между индѣйцами считается особенно ловкимъ тотъ охотникъ, который, не отставая отъ раненой обезьяны, въ состояніи подхватить ее на руки въ ту минуту, когда, потерявъ силы, она падаетъ съ дерева. Тогда обезьянѣ дають щепотку соли, какъ противоядіе, и она обыкновенно приходитъ опять въ себя. Какъ рѣдка краснолицая обезьяна,

Уакари. *Brachyurus calvus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

даже въ своемъ ограниченномъ мѣстожительствѣ, можно заключить уже изъ того, что для поймки 12 штукъ уакари вышеупомянутый предводитель долженъ былъ выслать шесть своихъ самыхъ ловкихъ охотниковъ, которые охотились цѣлыхъ три недѣли. Вольный охотникъ, которому удалось поймать такую обезьяну, требуетъ за нее большую цѣну (на наши деньги отъ 35 до 50 рублей); и все-таки находятъ всегда покупателей, такъ какъ уакари особенно цѣнятся, какъ подарокъ вліятельнымъ особамъ.

«Старые уакари, пойманные вышеописаннымъ способомъ, навсегда остаются угрюмыми и грустными, отвергають всякую ласку и кусаютъ тѣхъ, кто до нихъ дотронется. Даже въ своихъ лѣсахъ они почти никогда не издають звука; въ неволѣ же, они совсѣмъ молчаливы. Если уходъ за ними не довольно заботливый,

они, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, дѣлаются равнодушными ко всему, не принимаютъ пищи и начинаютъ хирѣть. Многіе изъ нихъ умираютъ отъ болѣзни, которая имѣетъ всѣ признаки воспаленія въ легкихъ. Одинъ изъ нихъ умеръ отъ этой болѣзни послѣ трехъ недѣль пребыванія у меня. Несмотря на то, что я его держалъ въ верандѣ, на чистомъ воздухѣ, онъ скоро утратилъ аппетитъ; его длинный, гладкій и блестящій мѣхъ потерялъ цвѣтъ и сталъ всклокоченнымъ, какъ у чучель въ музеяхъ, и яркая краснота лица приняла тусклый оттѣнокъ. Смерть была очень тихая, такъ какъ мой плѣнникъ, въ продолженіе послѣднихъ 24 часовъ, лежалъ вытянувшись на спинѣ, тяжело и громко дыша. Въ теченіе этого времени окраска его лица становилась все блѣднѣе, но и при послѣднемъ издыханіи лицо еще оставалось красноватымъ и совсѣмъ поблѣло только 2—3 часа послѣ смерти.

«Привыкнувъ видѣть уакари всегда угрюмыми, я былъ весьма удивленъ, встрѣтивъ однажды въ домѣ одного знакомаго необыкновенно веселую и обходительную обезьяну этого вида. Не успѣлъ я присѣсть, какъ она выбѣжала изъ сосѣдней комнаты, взобралась по моимъ погамъ на колѣни, гдѣ, устроившись поудобнѣе, стала оглядываться кругомъ и, съ обыкновенными обезьяньими ужимками, доврѣчиво посматривала на меня. Это, впрочемъ, былъ молодой уакари, котораго захватили груднымъ у трупa матери, росли среди дѣтей хозяина и не держали никогда на привязи.

«Уакари принадлежить къ тѣмъ многимъ видамъ животныхъ, которыхъ бразиллыцы называютъ «смертными», т. е. нѣжными и хилыми, въ противоположность тѣмъ, которыхъ они называютъ «крѣпкими». Большое число животныхъ этого вида, которыхъ посылаютъ изъ Эги, умираютъ, не достигнувъ Пары, и едва одинъ экземпляръ изъ дюжины доставляется живымъ до Рио-Жанейро. Очень можетъ быть, что трудность пріучить ихъ къ другимъ условіямъ жизни находится въ зависимости отъ того ограниченного пространства, на которомъ они водятся, и отъ климатическихъ особенностей этого пространства. Во время моего путешествія внизъ по рѣкѣ на нашемъ суднѣ, большой шхунѣ, находился старый прирученный уакари, который свободно могъ вездѣ расхаживать. При нашемъ прибытіи въ Рио-Негро мы были принуждены цѣлыхъ четыредня стоять передъ таможеней; нашъ лодманъ, однако-жъ не бросилъ якорь, а прикрѣпилъ шхуну къ дереву бугшпритомъ. Однажды утромъ мы не нашли нашего уакари: онъ убѣжалъ въ лѣсъ. Два человека посланы были за нимъ въ погоню, но вернулись черезъ нѣсколько часовъ, не отыскавъ и слѣда нашего бѣглеца. Мы уже потеряли надежду вернуть его себѣ, какъ вдругъ онъ появился у опушки лѣса, подходилъ все ближе и ближе и по той же дорогѣ, по которой ушелъ, а именно по бугшприту, вернулся на свое обычное мѣсто на палубѣ. Онъ, очевидно, нашелъ, что лѣса Рио-Негро весьма не похожи на лѣса Уапуры и предпочелъ неволю свободной жизни въ неудобной для него мѣстности».

Этотъ интересный и вѣрный рассказъ превосходнаго наблюдателя Бэтса со-держитъ, по моему мнѣнію, самое лучшее жизнеописаніе короткохвостыхъ обезьянъ, такъ какъ всѣ наблюденія, сообщенныя другими натуралистами, даютъ довольно смутное понятіе объ этихъ животныхъ. Гумбольдтъ, у котораго долго жила такая обезьяна, рассказываетъ про нее, что она была прожорлива, тупоумна и труслива, въ возбужденномъ состояніи раскрывала ротъ самымъ страннымъ образомъ, дѣлала ужасныя гримасы или вдругъ поднимала крикъ, похожій на громкій смѣхъ. Вообще она была чрезвычайно беспомощна и, когда хотѣла что-нибудь взять, то принимала самую странную позу: садилась, совершенно согнувшись, на заднія лапы и вытягивала передъ собою руки. При видѣ крокодила или змѣи приходила въ

страшный ужасъ и дрожала всѣмъ тѣломъ. Но во всемъ этомъ едва ли можно найти какія-нибудь черты, характеризующія именно этотъ видъ. Другой видъ уакари (*Brachyurus rubicundus*), котораго Девиль семь мѣсяцевъ держалъ въ неволѣ и наблюдалъ, былъ очень кротокъ съ своимъ господиномъ и со всѣми людьми, которыхъ онъ зналъ хорошо, лизалъ имъ лицо и руки, но не могъ терпѣть индѣйцевъ. Когда сердился, то теръ одну руку о другую. Его пищу составляли плоды, сладкое пирожное и молоко; но онъ больше всего любилъ бананы и сладкое печенье. Если ему давали нѣсколько банановъ, онъ бралъ въ руки только одинъ, а другіе клалъ на полъ. Онъ ежедневно два раза пилъ изъ чашки и держалъ ее очень искусно руками. Табачнаго дыма онъ очень не любилъ; когда ему пускали дымъ прямо въ лицо, онъ почти всегда вырывалъ сигару изо рта и разламывалъ ее на мелкіе куски. Подобно обезьянамъ Стараго Свѣта, онъ часто подымался на заднія ноги и могъ даже пройти довольно большое пространство въ этомъ положеніи. Хотя онъ былъ совсѣмъ прирученъ, но постоянно проявлялъ сильное стремленіе къ свободѣ: когда наша лодка приближалась къ берегу, онъ дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы убѣжать.

Есть еще одна небольшая группа американскихъ обезьянъ, которыхъ вслѣдствіе ихъ подвижности назвали Прыгунами (*Callithrix*, *Springaffe*, *Sagouin*). Главнѣйшіе признаки этой группы слѣдующіе: стройное тѣло съ тонкими конечностями и тонкимъ мягкимъ хвостомъ, круглая голова съ безбородымъ лицомъ, живыми глазами и большими ушами, ноги и руки съ пятью пальцами.

Но еще лучшими признаками для характеристики этой группы служатъ особенности въ устройствѣ зубовъ и скелета. Рѣзцы стоятъ почти вертикально, клыки малы, имѣютъ конусообразную форму, а съ внутренней стороны выгнуты дугою; первый одноконечный коренной зубъ имѣетъ бугорокъ съ внутренней стороны, оба слѣдующіе, болѣе широкіе, чѣмъ длинныя, снабжены снаружи двумя остріями, а сзади двумя маленькими плоскими бугорками; послѣдній зубъ не великъ и плоскобугорчатый. Три передніе коренныя зуба внизу одноконечныя, съ бугоркомъ на внутренней сторонѣ; три послѣднихъ немного болѣе длинныя, чѣмъ широки и имѣютъ четыре острія. Въ позвоночномъ столбѣ насчитываютъ отъ 12 до 13 грудныхъ позвонковъ, 7 поясничныхъ, 13 крестцовыхъ и 24—32 хвостовыхъ. Изъ мягкихъ частей отличается надгортанный хрящъ своей необыкновенной величиной.

Прыгуны живутъ небольшими обществами, состоящими изъ одной или нѣсколькихъ семей, въ тихихъ лѣсахъ Южной Америки; ихъ громкій голосъ выдаетъ ихъ присутствіе путешественникамъ. По верхушкамъ деревьевъ движутся они скорчившись и не такъ скоро, какъ проворныя лисьехвостыя обезьяны, отъ которыхъ они отличаются согнутымъ туловищемъ, длиннымъ густымъ мѣхомъ и тонкимъ хвостомъ, который обыкновенно спущенъ внизъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ приподнятъ вверхъ. Голосъ ихъ сильнѣе и звучнѣе голоса всѣхъ другихъ американскихъ обезьянъ, кромѣ ревуновъ; онъ и выдаетъ ихъ охотникамъ, которые усердно ихъ преслѣдуютъ ради вкуснаго мяса, вслѣдствіе чего этотъ видъ обезьянъ самый трусливый. Любители животныхъ, напримѣръ индѣйцы, стараются поймать живыхъ дѣтенышей, которыхъ воспитываютъ, такъ какъ эти обезьянки очень кротки, въ высшей степени привязчивы и доверчивы.

Благодаря изслѣдованіямъ двухъ замѣчательныхъ наблюдателей, принца фонъ-Вида и Гумбольдта, мы хорошо знаемъ образъ жизни двухъ видовъ этой группы: *Saguassu* и *Вдовушки*. У перваго (*Callithrix personata*, *Simia personata*, *Sahuassu*. *Sagouin à masque*), по словамъ Вида, вся голова, отъ темени до груди, черно-бурая,

затылокъ и верхняя часть шеи желтовато-бѣлые, остальная часть тѣла блѣдно-сѣровато-бурая, каждый волосъ на концѣ свѣтлѣе. На передней части рукъ шерсть темнѣе, отчего кончики волосъ еще рѣзче выдѣляются; ноги и руки—черныя; внутреннїя части рукъ и голеней черно-бурыя; переднїя части бедеръ блѣдно-желтовато-сѣрыя; мѣхъ на животѣ сѣро-коричневый съ красноватыми кончиками; наконечъ, хвостъ красновато-сѣро-коричневый съ нижней стороны и ржаво-красный у основанїя. У самокъ окраска свѣтлѣе и на шеѣ и затылкѣ нѣтъ бѣлаго пятна; переднїя части бѣловаты. Передняя часть рукъ и ногъ желтая, внутренняя—темно бурая. Глаза у тѣхъ экземпляровъ, у которыхъ шерсть на пальцахъ ногъ бѣловатая, карїе, у остальныхъ—свѣтло-коричневые, какъ, по словамъ Вида, у большей части бразильскихъ обезьянъ. Впрочемъ, окраска мѣха сагуассу иногда измѣняется, отчего думаютъ, что ихъ нѣсколько видовъ. Общая его длина 80 см. длина хвоста 45—50 см.

«Сагуассу», замѣчаетъ Видъ, «встрѣтили мы въ первый разъ въ большихъ дѣвственныхъ лѣсахъ, растущихъ на берегахъ Итабапуаны и Итапемирама; мы находили его дальше у Иритабы и Еспирито Санто и къ сѣверу, за Рио-Доце. Спьякъ встрѣчалъ его и близъ Рио-де-Жанейро. Здѣсь, въ огромныхъ лѣсныхъ пространствахъ, гдѣ ихъ рѣдко кто беспокоитъ, живутъ эти милостивыя кроткія животныя небольшими обществами, переходя, смотря по созрѣванію плодовъ, изъ одной части лѣса въ другую; иногда они совершенно исчезаютъ изъ какой-нибудь мѣстности и вдругъ опять появляются на прежнемъ мѣстѣ. Громкій голосъ ихъ, издаваемый какъ самцами, такъ и самками, гулко отдается по тихой лѣсной чащѣ и похожъ на громкое хрипѣніе: его можно отчасти воспроизвести, порывисто втягивая въ себя и выдыхая воздухъ. Подкравшись къ нимъ ближе, можно увидѣть, какъ они, согнувшись, сидятъ на вѣткѣ, причемъ хвостъ свободно виситъ внизъ; но стоитъ имъ что-нибудь почуять, какъ они пускаются въ бѣгство по толстымъ сучьямъ деревьевъ. Бѣгство свое они совершаютъ въ глубокомъ молчанїи. Впрочемъ, они кричатъ только въ спокойномъ состоянїи духа, да и то, большею частью, утромъ и вечеромъ, въ теплую погоду. Самки родятъ только по одному дѣтенышу, котораго мать носитъ на рукахъ, пока онъ не въ состоянїи слѣдовать за старшими. Въ октябрѣ принцъ фонъ-Видъ видѣлъ уже совсѣмъ окрѣпшихъ дѣтенышей, но въ то же время случилось убивать и матерей, съ дѣтенышами на рукахъ. «Если подстрѣлишь на деревѣ самку», говоритъ намъ наблюдатель, «то почти всегда можно захватить живымъ дѣтеныша, котораго она постоянно носитъ или на спинѣ или подъ мышкой; и тогда его легко воспитать и сдѣлать ручнымъ, такъ какъ онъ скоро прїучается ѣсть и становится кроткимъ и доверчивымъ. Обезьяны этого вида совсѣмъ не сердятся и не кусаются, когда ихъ ранятъ, а, напротивъ, очень тихи. Въ довольномъ настроенїи духа, онѣ мурлычатъ, какъ котята».

Туземные бразильцы, также какъ и негры и индѣйцы, охотятся за этими обезьянами ради ихъ вкуснаго мяса. Если раненый сагуассу останется висѣть на деревѣ, то индѣецъ не лѣнится влѣзть на самыя толстыя и высокія деревья, хотя, въ другихъ случаяхъ, никакіе обѣщанїя и уговоры не способны его вывести изъ его обычной апатїи. Индѣйцы Пури, живущіе въ лѣсахъ, гдѣ водятся сагуассу, связываютъ себѣ ноги вѣющимися растенїями и влѣзаютъ на страшную высоту, пользуясь каждой шероховатостью коры.

Еще красивѣе, чѣмъ сагуассу, окрашена Вдовушка (*Callithrix lugens, torquatus, Simialugens и vidua, Cebus torquatus, Witwenaffe, Sagouin veuve*), которая принадлежитъ къ самымъ красивымъ представителямъ этого семейства. Длина ея 90 см., изъ которыхъ 50 беретъ хвостъ. «У этого звѣрька», говоритъ Гумбольдтъ, «той-

кая блестящая черная шерсть, бѣловато-голубое лице, имѣющее видъ маски, среди которой выступаютъ глаза, носъ и ротъ. Его красивое, почти голое ухо имѣетъ загнутый внизъ край. Спереди на шеѣ бѣлая полоска въ дюймъ ширины образуетъ какъ бы ошейникъ. Ноги черныя, какъ остальное тѣло; руки снаружи бѣлыя, съ внутренней стороны блестящаго чернаго цвѣта. Эти бѣлыя пятна и показались миссионерамъ, которые впервые увидели эту обезьяну, похожими на вуаль, шарфъ и перчатки вдовы въ траурѣ.

«По наружному виду этой маленькой обезьяны, которая только во время ѣды садится на заднія ноги, нельзя ничего заключить о ея нравѣ. Она кажется кроткой и робкой, въ неволѣ часто не дотрогивается до предлагаемой пищи, даже если очень голодна. Она, кажется, избѣгаетъ общества другихъ обезьянъ и убѣгаетъ даже отъ маленькой саймири. Но глаза ея очень блестящи и выдаютъ живость ея характера. Она часто сидѣла часами неподвижно, но не спала, а внимательно разсматривала окружающее. Нужно сказать, что робость и кротость ея только наружныя. Если вдовушка предоставлена самой себѣ, то впадаетъ въ сильное возбужденіе при видѣ какой-нибудь птицы; вскакиваетъ, лазаетъ съ изумительной ловкостью, кидается на добычу какъ кошка, и душитъ ее».

«Эта рѣдкая и нѣжная обезьяна живетъ на правомъ берегу Орпноко, на гранитныхъ горахъ, за миссіей Санта Барбара и дальше въ Чавіарѣ, у Санъ-Фернандо де Атапабо. Одна ручная вдовушка сопровождала насъ во время нашего путешествія по Касаквиари и Рио-Негро и два раза переходила съ нами черезъ пороги».

Въ нашихъ зоологическихъ садахъ прыгуны большая рѣдкость, хотя отъ времени до времени какой-нибудь экземпляръ этихъ животныхъ и привозится къ намъ живымъ. Мнѣ не случалось видѣть ни одной такой обезьяны, такъ что я ничего не могу о ней сообщить изъ своихъ собственныхъ наблюденій.

* * *

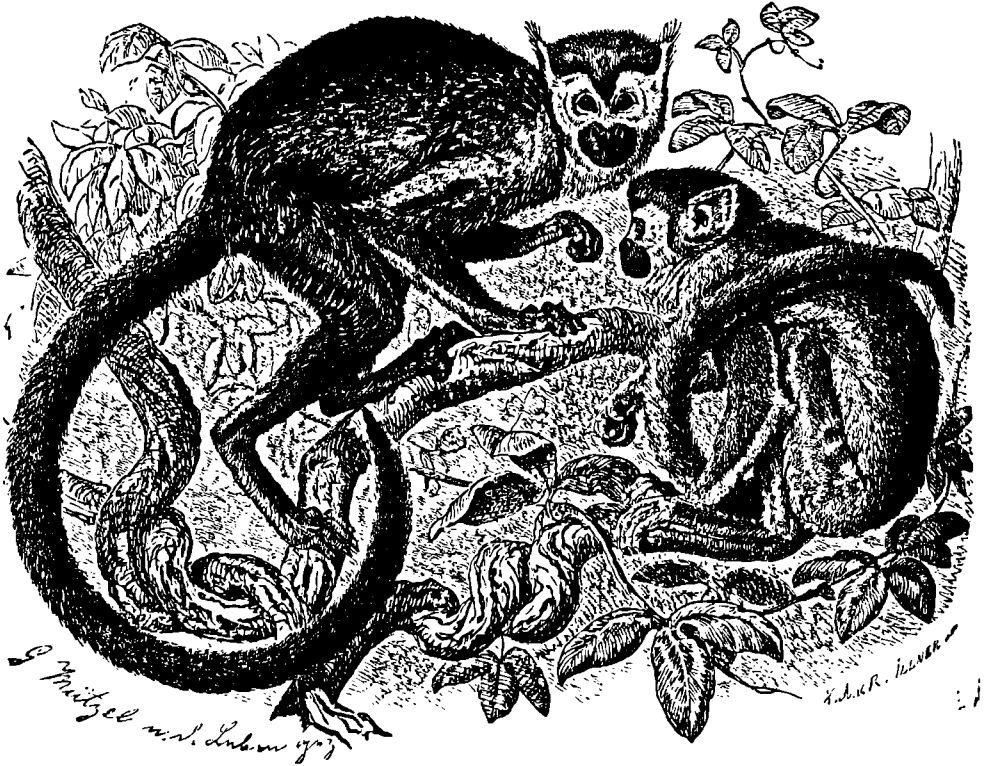
Какъ переходную степень между цѣпкохвостыми и мягкохвостыми обезьянами Нового Свѣта, можно назвать Саймири. Хотя ея хвостъ нельзя вполне назвать цѣпкимъ, но, закрученный болѣе чѣмъ въ полъоборота вокругъ вѣтки дерева, онъ придаетъ обезьянѣ большую увѣренность при лазаньѣ.

Саймири (*Chrysothrix*, *Saimiri*) стройныя обезьяны съ тонкими конечностями, большой продолговатой головой, съ особенно сильно развитой затылочной частью, высокимъ лбомъ, короткимъ лицомъ, большими и близко сидящими другъ къ другу глазами и большими ушами. Шерсть у нихъ жидкая и состоитъ изъ своеобразно окрашенныхъ кольцами волосковъ. Очень длинныя и широкіе клыки, вверху трехгранные, имѣютъ спереди одну, а сзади двѣ бороздки. Рѣзцы стоятъ прямо. Изъ позвонковъ 14 грудныхъ, 6 поясничныхъ; кромѣ того насчитываютъ 3 крестцовыхъ и 30 хвостовыхъ позвонковъ. Объемъ мозга соответствуетъ величинѣ черепа и, относительно, тяжелѣе, чѣмъ у остальныхъ животныхъ, но имѣетъ мало извилинъ. До сихъ поръ еще не рѣшено, на сколько видовъ распадается эта группа. Нѣкоторые натуралисты допускаютъ нѣсколько видовъ, другіе соединяютъ всѣ виды въ одинъ, разсматривая всѣ описанныя формы, какъ разновидности хорошо извѣстнаго вышеописаннаго животнаго.

Саймири или Мертвая голова (*Chrysothrix sciurea*, *Pithesciurus*, *Cebus*, *Saimiris sciureus*, *Simia sciurea* и *morta*, *Lemur leucopsis*, *Todtenköpfchen*, *Saimiri tête de mort*) замѣчательна какъ своей миловидною фигурой, и красивой, пріятной для глазъ, окраской шерсти, такъ и граціозностью движеній и веселостью. Ее можно смѣло назвать одной изъ красивѣйшихъ обезьянъ Нового Свѣта. Ея нѣсколько страшное

название (Мертвая голова) совсѣмъ, въ сущности, не соответствуетъ настоящему виду ея головы. Название это дано ей вслѣдствіе самаго поверхностнаго схода, исчезающаго при ближайшемъ сравненіи. У стройной Мертвой головы очень длинный хвостъ. Ея мягкая шерсть на спинѣ красновато-черная; въ глубокой старости она померанцеваго цвѣта съ сѣрыми крапинками на конечностяхъ, а на животѣ бѣлая. Иногда преобладаетъ сѣрый цвѣтъ, но встрѣчаются обезьяны съ черною, какъ уголь, головою, ярко-желтымъ тѣломъ съ черными крапинками; конечности въ такомъ случаѣ, золотисто-желтыя. Общая длина 80 см., длина хвоста 50 см.

Родиной этой миловидной обезьяны слѣдуетъ считать Гвиану, гдѣ она водится

Саймири мертвая голова. *Chrysothrix sciurea*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

преимущественно по берегамъ рѣкъ этой богатой страны. Живетъ она тамъ большими стадами. По словамъ Шомбургка, она принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ видамъ обезьянъ этой полосы. Подобно встрѣчающемуся тамъ капуцину, саймири живутъ многочисленными (въ сто штукъ и болѣе) стадами не въ высокихъ лѣсахъ, а въ кустарникѣ, на окраинахъ лѣсовъ, и подымается иногда до 600 метр. надъ уровнемъ моря. Нерѣдко соединяются онѣ со стадами капуциновъ. Саймири цѣлый день въ постоянномъ движеніи, а ночь проводитъ на вершинахъ пальмъ, которыя служатъ ей самымъ вѣрнымъ убѣжищемъ. Она очень пуглива, ночью не смѣетъ шевельнуться, но и днемъ обращается въ бѣгство при малѣйшей опасности, и тогда можно видѣть, какъ все стадо тянется длинною вереницею по верхушкамъ деревьевъ. Впереди идетъ вожакъ, который, благодаря проворству этихъ животныхъ, скоро приводитъ все стадо въ безопасное мѣсто. Матери носятъ своихъ дѣтенышей

сначала на руках, а потом, когда они немного окрѣпнутъ—на спинѣ. Впрочемъ, дѣтенышей можно видѣть у матерей круглый годъ, изъ чего мы заключаемъ, что сами родятъ въ разное время года.

Всѣ движенія саймири удивительно граціозны. Онѣ превосходно лазаютъ и перепрыгиваютъ съ изумительной легкостью довольно большія пространства. Въ покоѣ онѣ часто принимаютъ позу сидящей собаки; во время сна онѣ опускаютъ голову между ногъ, такъ что она касается земли. Хвостъ служитъ имъ, большею частью, только какъ руль, при перепрыгиваніи. Онѣ, правда, обматываютъ его иногда вокругъ какого-нибудь предмета, но не въ состояніи удержаться на немъ. Голосъ ихъ состоитъ изъ нѣсколько разъ повтореннаго свистка. Когда съ ними случается что-нибудь непріятное, онѣ начинаютъ жалобно кричать и визжать. Часто утромъ и вечеромъ слышатся подобные крики цѣлаго общества, и даже ночью раздаются по лѣсу визжаніе пугливыхъ животныхъ и пробуждаетъ въ немъ заснувшую жизнь. «Если спросить индѣйцевъ», говоритъ Гумбольдтъ, «почему лѣсные звѣри, въ извѣстные часы ночи, поднимаютъ такой шумъ, они даютъ странный отвѣтъ: они празднуютъ полнолуіе». Я же думаю, что причина этихъ звуковъ,—завязавшаяся среди лѣса битва. Ягуары, напрімѣръ, преслѣдуютъ пекари или тапировъ, которые ищутъ спасенія отъ нихъ въ бѣгствѣ, такъ тѣсно сплотившись цѣлыми стадами, что вырываютъ съ корнемъ растущіе на дорогѣ кусты. Чуткія и пугливыя обезьяны, испуганныя этой охотой, вторятъ съ деревьевъ крику большихъ животныхъ; онѣ будятъ птицъ и скоро все населеніе лѣса приходятъ въ смятеніе.

Мертвая голова принадлежитъ къ самымъ трусливымъ животнымъ; но во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ выказываетъ себя настоящей обезьяной. Правомъ она напоминаетъ ребенка, на котораго похожа и лицомъ: «тоже выраженіе невинности, та же лукавая улыбка, тотъ же быстрый переходъ отъ радости къ печали». Ея лицо служитъ вѣрнымъ отраженіемъ внѣшнихъ впечатлѣній и внутреннихъ ощущений. Въ минуты испуга на ея большихъ глазахъ показываются слезы; горе тоже выражается слезами. «Если», говоритъ Гумбольдтъ, «выставить клѣтку съ нѣсколькими саймири на дождь и при этомъ температура упадетъ на 2—3°, онѣ обвиваютъ другъ другу шею хвостами и сплетаются ногами и руками, чтобъ взаимно согрѣться. Индѣйскіе охотники рассказываютъ, что въ лѣсахъ нерѣдко можно встрѣтить цѣлую кучу въ 10—12 такихъ обезьянъ, которыя отчаянно кричатъ, такъ какъ каждая, находящаяся съ наружной стороны клубка, старается проникнуть въ его центръ, гдѣ надѣется найти тепло и защиту». Въ неволѣ саймири жалуются и визжатъ по самому незначительному поводу. Чувствительность и раздражительность ея одинаково велики, но она вовсе не своевольна, а постоянно такъ добродушна, что невозможно на нее сердиться. Саймири внимательно слѣдятъ за всѣми дѣйствіями своего господина. Когда передъ нею говорятъ, она пристально всматривается въ лицо говорящаго, слѣдитъ глазами за каждымъ движеніемъ его губъ, старается къ нему приблизиться, садится на его плечо, дотрагивается до его зубовъ и языка, какъ будто стараясь угадать смыслъ непонятныхъ ей звуковъ. Пищу беретъ она руками, а иногда и ртомъ. Различные плоды и цвѣточныя почки составляютъ ея любимую пищу; но она охотится тоже за маленькими птичками и насѣкомыми. Прирученная Гумбольдтомъ обезьяна этого вида сначала даже нарисованныхъ насѣкомыхъ отъ другихъ изображеній и протягивала, когда ей показывали таблицы съ рисунками, свою маленькую ручку, въ надеждѣ поймать осу или стрекозу, между тѣмъ какъ скелетъ и черепъ млекопитающихъ не обращали ея вниманія.

Это животное всёми любимо за свой добрый нравъ; его охотно держать въ домахъ. Часто можно его встрѣтить даже въ хижинахъ дикихъ. Потерю свободы старыя саймири переносятъ рѣдко и даже, пойманныя еще въ молодости, живутъ онѣ среди людей недолго. Однако же Капплеръ, въ теченіе 13 лѣтъ, держалъ у себя на родинѣ такую обезьянку.

Индѣйцы выбираютъ для охоты за саймири преимущественно холодныя дождливые дни. Мясо ихъ не такъ вкусно, какъ у другихъ обезьянъ, и, говорятъ, пахнетъ козломъ; поэтому индѣйцы преслѣдуютъ ихъ не ради мяса, а для того, чтобы сдѣлать ручными. «Пусть стрѣлы, пропитанныя слабымъ растворомъ яда, въ кучу такихъ обезьянъ», говоритъ Гумбольдтъ, «можно поймать многоживыхъ дѣтенышей. Молодая саймири, даже при паденіи, не выпускаетъ шеи или плеча мертвой матери, и если сама не ранена, остается висѣть на ея трупѣ. Большая часть тѣхъ изъ обезьянъ, которыхъ встрѣчаешь въ хижинахъ индѣйцевъ, оторваны такимъ образомъ отъ тѣла матери. Взрослыя животныя, хотя легко выльчиваются отъ ранъ, большею частью умираютъ прежде, чѣмъ привыкнуть къ неволѣ. Поэтому ихъ очень трудно доставить изъ миссій на Ориноко къ берегу моря. Какъ только съ ними перейдутъ изъ лѣсной полосы въ степь—они становятся печальными и унылыми. Нельзя приписать эту перемѣну незначительному увеличенію тепла; она происходитъ скорѣе отъ усиленія свѣта, уменьшенія сырости и отъ какихъ-нибудь измѣненій въ составѣ воздуха на берегу моря». По этой причинѣ саймири почти никогда не встрѣчается у европейскихъ торговцевъ звѣрями и въ нашихъ зоологическихъ садахъ.

Капплеръ въ теченіе 26 лѣтъ постоянно держалъ при себѣ по три такихъ обезьянокъ; когда одна умирала, онъ сейчасъ же замѣнялъ околѣвшую новымъ экземпляромъ. По его словамъ, ихъ на мѣстѣ зовутъ еще аликама и кабуамама. «Эти обезьянки очень рѣзвы, цѣлый день въ движеніи, хотя любятъ въ теченіе дня и вздремнуть; онѣ тоже очень чувствительны къ холоду. Мнѣ ихъ всегда приносили очень молодыми, и онѣ скоро привыкали къ молоку, хлѣбу и спѣлымъ бананамъ. Первое время я давалъ имъ свободу бѣгать по комнатамъ, и тогда онѣ, какъ маленькія дѣти, цѣлый день сосали свой большой палецъ. Хорошенькое бѣленькое личико, рѣзко окаймленное темными волосами головы, черный ротъ, большіе, живые глаза и веселый, доверчивый нравъ дѣлаютъ ихъ общими любимцами. Въ нихъ не замѣтно того коварства, которое свойственно всёмъ почти обезьянамъ; онѣ легко раздражаются, но также скоро и успокаиваются. Кусаются онѣ только когда ихъ раздражаютъ, а при хорошемъ обращеніи это самые безобидные и веселые звѣрьки. Когда а мы имъ позволяли бѣгать на свободѣ, онѣ садились на свиней и заставляли ихъ возить себя по степи. Каждый день, въ 5 часовъ, послѣ того какъ ставни въ лучшихъ комнатахъ закрывались, мы выпускали ихъ. Тогда начиналась бѣшевавшаяся до самыхъ сумерекъ, когда обезьянки добровольно возвращались въ свое жилище, гдѣ ихъ и запирали. Хотя насѣкомыя составляютъ ея обыкновенную пищу, саймири, кажется, не умѣетъ отличить ядовитыхъ; такъ, напр., три обезьянки умерли у меня, поѣвши бабочекъ кокосовой гусеницы. Понятливостью онѣ не отличаются, и въ этомъ отношеніи стоятъ гораздо ниже капуциновъ. Когда онѣ довольны, въ мурлыкаютъ, какъ котята; въ испугѣ—издаютъ отрывочный горловой звукъ, въ гнѣвѣ кричатъ, какъ сороки. Большая часть ихъ была привезена ко мнѣ съ берега, гдѣ онѣ живутъ во множествѣ, весело перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку на пальмѣ; аварѣ, хотя она почти сплошь покрыта иглами въ три дюйма длины. Индѣйцы убиваютъ матерей съ дѣтенышами на спинѣ или трясутъ вѣтви деревьевъ и такимъ

образом сбрасывают молодых обезьянъ, которыхъ матери уже больше не посятъ. Самцы попадаются рѣдко; пойманныя обезьянки почти всѣ—самки.

Мнѣ удалось только два раза найти и купить этихъ хорошихъ обезьянокъ, и жили онѣ у меня довольно долго. При заботливомъ уходѣ онѣ выдерживаютъ въ неволѣ до 7 мѣсяцевъ, и только холодное время года губитъ ихъ. Гааке сообщаетъ, что въ 1889 году въ зоологическій садъ во Франкфуртѣ привезли изъ Лондона до четырехъ саймири. Онѣ прибыли туда благополучно, но остались вялыми и неповоротливыми и умерли черезъ 2—3 недѣли.

* * *

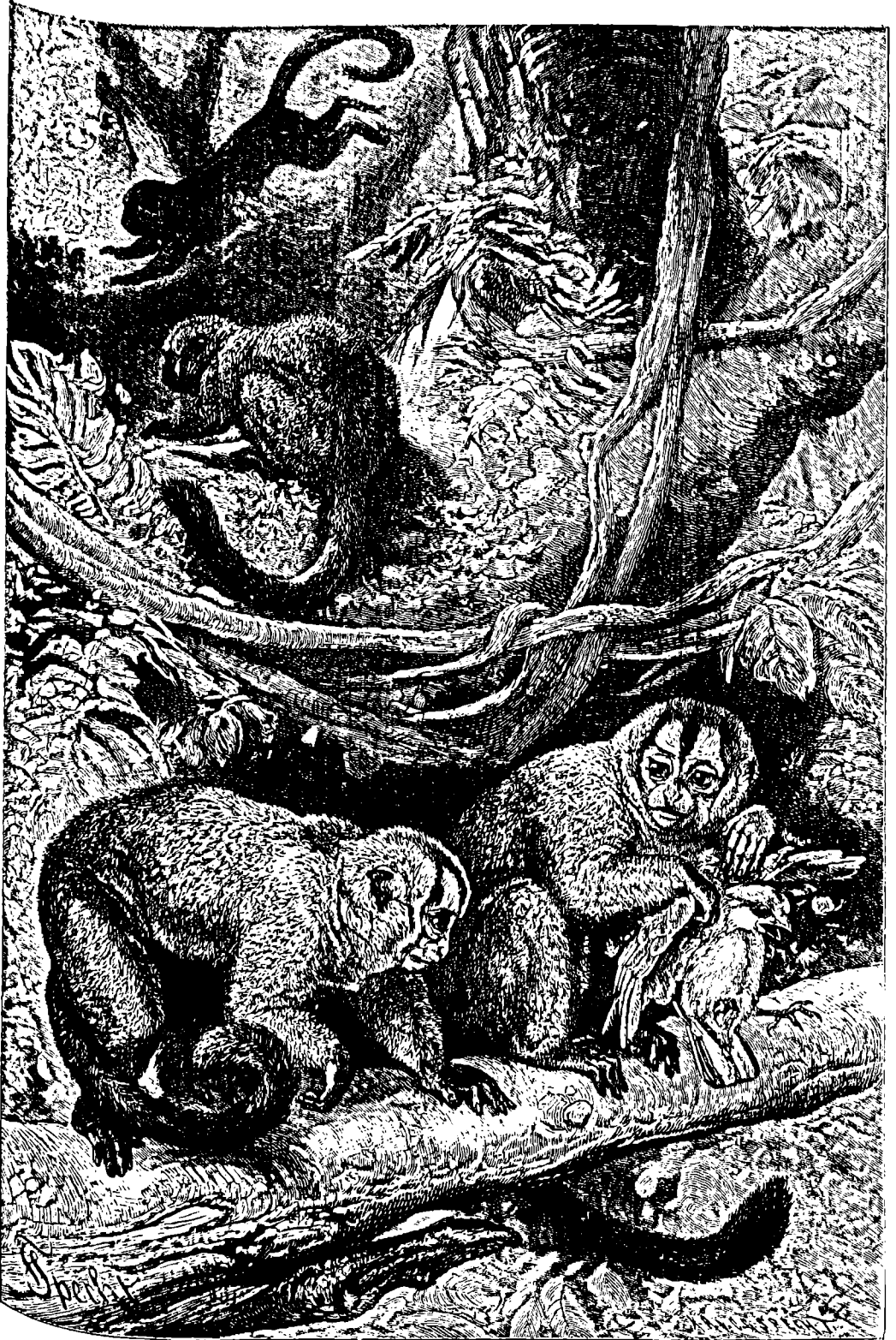
Апара былъ первый натуралистъ, познакомившій насъ съ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ обезьянъ, о которой мы хотимъ поговорить. Нѣсколько позже упоминаетъ о томъ же животномъ Гумбольдтъ, затѣмъ Ренггеръ, Шомбургкъ и, наконецъ, Бэтсъ. Ночная обезьяна (*Nyctipithecus*) составляетъ совершенно особый родъ обезьянъ. Она образуетъ, въ нѣкоторой степени, переходъ отъ собственно обезьянъ къ точно также ночнымъ и во многихъ отношеніяхъ сходнымъ съ нею полуобезьянамъ. Голова ея и выраженіе лица ясно ее характеризуютъ и отличаютъ отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ обезьянъ. У нея маленькая круглая голова съ большими совиными глазами; рыльце довольно большое, широкое, но мало выдающееся; отверстія ноздрей обращены внизъ; уши маленькія. Тѣло длинное, покрытое мягкими волосами, довольно пушистый хвостъ длиннѣе туловища, ногти сжаты и загнуты крючкомъ. Тонкое тѣло мирикины (*Nyctipithecus trivirgatus*, *Simia* и *Aotus trivirgatus*, *Nyctipithecus felinus* и *vociferus*. *Mirikina*. *Douroucoulî*) длиною въ 35 см., хвостъ 50 см. Цвѣтъ шерсти сверху сѣро-бурый, съ ржавымъ оттѣнкомъ, оконечность хвоста черная. На темени три продольныя черныя параллельныя полосы одинаковой ширины, а вдоль спины до основанія хвоста идетъ широкая свѣтлая желтовато-бурая полоса. Шерсть тонка и мягка на-ощупъ, и цвѣтъ ея одинаковый, какъ у самца, такъ и у самки.

Мирикина водится преимущественно въ жаркихъ странахъ восточной части Южной Америки, но мѣстопребываніе ея ограничивается только нѣкоторыми известными областями. Ренггеръ увѣряетъ, что мирикина обитаетъ на правомъ берегу Парагвая до 25° ю. ш., а на лѣвомъ берегу совсѣмъ не встрѣчается. Жизнь ея на свободѣ мало известна. Она проводитъ время на деревьяхъ или въ дуплахъ, ночью ищетъ себѣ пищу, а днемъ возвращается въ дупло, гдѣ и спитъ цѣлый день. Люди этого натуралиста, отправившись однажды за дровами, нашли двухъ такихъ обезьянокъ, спящихъ въ дуплѣ. Вспугнутыя животныя пытались было убѣжать, но, ослабленные яркимъ дневнымъ свѣтомъ, не были въ состояніи ни сдѣлать вѣрнаго прыжка, ни лѣзть на дерево. Поэтому съ ними легко справились, хотя они пытались защищаться своими зубами. Логовище ихъ состояло изъ листьевъ и было выложено древеснымъ мхомъ, изъ чего можно заключить, что эти животныя имѣютъ постоянное жилище и возвращаются ежедневно къ тому же самому мѣсту для ночлега. Ренггеръ увѣряетъ, что они встрѣчаются всегда парами, а большими обществами не живутъ. Бэтсъ же утверждаетъ противное. «Эти обезьяны», говоритъ онъ, «хотя и спятъ днемъ, но пробуждаются при малѣйшемъ шумѣ, такъ что люди, проходящіе мимо избраннаго мирикинами для ночлега дерева, бываютъ поражены внезапнымъ появленіемъ цѣлой группы полосатыхъ мордочекъ, скрывавшихся до сѣихъ поръ въ дуплѣ дерева. Именно такое гнѣздо открыто было однажды моимъ индѣйскимъ «кумомъ» и отъ него получилъ я въ подарокъ обезьянку». По сви-

дѣтельству охотника Ренггера, самка родить въ наши лѣтніе мѣсяцы по одному дѣтенышу, носить его сперва у груди, а потомъ на спинѣ.

Молодую мирикиву легко приручить, старая же остается всегда дикими и кусаются. При заботливомъ уходѣ она переноситъ неволю легко; но нечистоплотность губитъ ее. Обыкновенно ихъ держатъ въ большой клѣткѣ, гдѣ онѣ бѣгаютъ на свободѣ, потому что легко запутываются въ веревкѣ, если ихъ привязать. Въ теченіе дня мирикина скрывается въ самомъ темномъ мѣстѣ своего жилища и спитъ. При этомъ она сидитъ скорчившись и согнувшись, такъ что лицо прячетъ между скрещенными руками. Если ее разбудить, то слѣдуетъ все время ласкать и гладить ее, а то она тотчасъ же опять засыпаетъ. При дневномъ свѣтѣ она ничего не видитъ и зрачки ея едва замѣтны. Если изъ темноты внезапно вынести ее на свѣтъ, всѣ ея тѣлодвиженія и жалобные крики показываютъ, какое болѣзненное впечатлѣніе производитъ на нее свѣтъ. Но, съ наступленіемъ вечера, она просыпается, зрачки увеличиваются по мѣрѣ того, какъ уменьшается дневной свѣтъ, и наконецъ становятся такъ велики, что радужная оболочка почти исчезаетъ. Глаза блестятъ какъ глаза кошекъ и совъ, и она, съ наступающими сумѣрками, начинаетъ расхаживать по клѣткѣ, отыскивая себѣ пищу. При этомъ движенія ея легки, хотя не особенно граціозны, такъ какъ ея заднія конечности длиннѣе переднихъ. Но лазаетъ она весьма искусно и ловко перепрыгиваетъ съ дерева на дерево. Въ звѣздныя и лунныя ночи Ренггеръ позволялъ иногда своей пойманной мирикинѣ расхаживать на свободѣ по загороженному стѣною двору, обсаженному померанцевыми деревьями. Тамъ прыгала она весело съ дерева на дерево и нельзя было думать о томъ, чтобъ поймать ее до наступленія дня. Только утромъ ее легко было захватить, когда она, ослѣпленная яркими солнечными лучами, неподвижно сидѣла среди густыхъ вѣтвей. Во время своихъ ночныхъ путешествій ей почти всегда удавалось поймать птичку, заснувшую на вѣткѣ. Другія мирикины, за которыми наблюдалъ Ренггеръ, необыкновенно искусно охотились за насѣкомыми. Ночью мирикина часто испускаетъ сильный, глухой, нѣсколько разъ подрядъ повторенный звукъ, который охотники сравниваютъ съ отдаленнымъ ревомъ ягуара. Гнѣвъ выражаетъ она повтореннымъ звукомъ «гр-гр». Изъ чувствъ самое развитое у нея, по видимому, слухъ. Малѣйшій шумъ возбуждаетъ ея вниманіе. Зрѣніемъ пользуется она только ночью, такъ какъ дневной свѣтъ такъ ее ослѣпляетъ, что она ничего не можетъ видѣть. Понятливость ея очень ограничена: хозяйина своего она не узнаетъ, на его зовъ не откликается, а къ ласкамъ его очень равнодушна. Даже для удовлетворенія своихъ желаній она не прибѣгаетъ къ мѣрамъ, которыя бы вывели изъ нѣкоторую сообразительность. Ренггеръ замѣтилъ только сильную привязанность между самцомъ и самкой. Если изъ пойманной четы одна обезьяна умираетъ, другая не переживаетъ ее. Свободу цѣнять онѣ больше всего и потому пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы убѣжать, даже если пойманы молодыми и нѣсколько лѣтъ уже живутъ въ неволѣ.

Мнѣніе Ренггера относительно понятливости мирикины не безусловно вѣрно. Очень можетъ быть, что большая часть мирикинъ не знаетъ своего хозяйина и равнодушна къ его ласкамъ, но исключенія встрѣчаются и тутъ: очень много зависитъ отъ того возраста, въ которомъ обезьяна попала въ неволю, и отъ обращенія съ нею. «Я принужденъ былъ», говоритъ Бэтсъ, «держатъ свою обезьяну на привязи, что и помѣшало нашему сближенію. Но я зналъ обезьяну, которая была чрезвычайно кротка и забавна. Такая же живая и ловкая, но не такая злобная и фальшивая, какъ цѣпкохвостая обезьяна, она очень радовалась, когда приходившіе въ домъ люди ее ласкали. Ея господинъ очень ласково съ ней обращался, въ теченіе нѣ-

МИРИКИНА.

сколькихъ недѣль позволялъ ночью лежать въ своемъ гамакѣ, а днемъ прятаться у него за пазухой. Она была общей любимицей, вслѣдствіе красоты фигуры и движеній, чистоплотности и преимущественно кротости своего характера.

Слѣдующее описаніе Шомбургка кажется мнѣ тоже нѣсколько преувеличеннымъ. «Во время моего пребыванія въ Аскурдѣ», пишетъ онъ, «я познакомился съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ животныхъ—ручною ночью обезьяною или дурукули, какъ ее зовутъ индѣйцы. Это была первая ночная обезьяна, которую мнѣ случилось видѣть; вторую нашелъ я впоследствии. Это красивое оригинальное животное, которое такъ же боится свѣта, какъ сова и летучая мышь. Его маленькая круглая головка, съ большими желтыми глазами и маленькія, короткія уши—придаютъ ему въ высшей степени странный и смѣшной видъ. Его боязливыя неловкія движенія возбуждаютъ положительно жалость. Днемъ дурукули почти ничего не видятъ, шатаются какъ слѣпой, прижимается лицомъ къ первому попавшему на пути предмету, чтобы избѣжать болѣзненнаго ощущенія, которое производитъ на него свѣтъ. Любимымъ его мѣстопребываніемъ днемъ служитъ самый темный уголъ хижины, гдѣ онъ и лежитъ въ теченіе дня въ глубокомъ снѣ, изъ котораго его можно вывести только нѣсколькими ударами. Но чуть наступитъ ночь, соня выходитъ изъ своей васады и становится самымъ веселымъ созданіемъ. Она обходитъ всѣ гамаки, причѣмъ облизываетъ лицо и руки лежащимъ въ нихъ людямъ, взбирается на самыя высокія жерди хижинъ, и всѣ предметы, недостаточно хорошо прикрѣпленные, лежатъ обыкновенно утромъ на полу. Вслѣдствіе длины своихъ заднихъ конечностей, сравнительно съ передними, дурукули принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ прыгунамъ. Очень интересно было наблюдать животное вечеромъ, когда оно, порѣзвившись подъ столомъ, влѣзало по ногамъ сидящихъ за ужиномъ людей къ нимъ на колѣни и вдругъ, какъ бы укушенное тарантуломъ, отбрасывалось назадъ, увидавъ свѣтъ зажженныхъ свѣчей. Въ темнотѣ его глаза блестятъ ярче, чѣмъ глаза кошекъ. Дурукули, какъ всѣ обезьяны, ѣсть почти все, но маленькія птички—его любимая пища: Вѣроятно, это животное потому такъ рѣдко и встрѣчается въ неволѣ, что свѣтобоязнь заставляеть его прятаться въ теченіе цѣлаго дня».

Въ Европу привозятъ ночныхъ обезьянъ рѣдко и всегда въ одиночку. Отъ времени до времени можно увидать одну изъ нихъ въ томъ или другомъ зоологическомъ саду, но показываютъ ее всегда только послѣ особеннаго требованія, такъ какъ днемъ она старается какъ можно лучше скрыться отъ глазъ посѣтителей. Даже люди, особенно хорошо относящіеся къ животнымъ, не всегда ей пріятны. Сонливость ея въ теченіе дня заставляеть забывать всю привлекательность ея права ночью. Я получилъ такую обезьянку въ подарокъ и потому могъ за ней наблюдать довольно продолжительное время. Наше изображеніе чрезвычайно вѣрно передаетъ различныя положенія, въ которыхъ можно видѣть это животное.

Жившая у меня обезьяна была уже вполне приручена, когда перешла въ мое владѣніе. Она не кусалась и не сопротивлялась, когда ее трогали и гладили; спокойно позволяла вынимать себя изъ ящичка, который служилъ ей кроватью, носить по комнатамъ, опять укладывать; вообще уходъ за ней былъ болѣе легкій и безопасный, чѣмъ за болшею частью обезьянъ. Ея нравъ соответствовалъ описаніямъ, даннымъ Ренггеромъ и Шомбургкомъ. Днемъ она была совершенно сонная, такъ что ничего не понимала, ночью же она дѣлалась очень ловкою, веселою и привлекательною во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Однако же, я все-таки замѣтилъ, что она и тогда не отличала тѣхъ изъ моихъ служителей, которымъ былъ порученъ спеціальныи уходъ за нею, а была одинаково ласкова или, лучше сказать, «жизнь животн.» ВРѢМА. Т. I.

зять, равнодушна ко всѣмъ. Я не замѣчалъ въ ней боязни свѣта лампъ или свѣчей, о которой говорить Шомбургъ. Напротивъ того, могу сказать, что съ минуты своего окончательнаго пробужденія даже яркій газовый свѣтъ ее больше не беспокоилъ: вѣдь ее только и можно было показывать при ламповомъ освѣщеніи, и тогда помѣщеніе, въ которомъ она находилась, должно было освѣтиться, по возможности, сильно. Но она даже миганьемъ глазъ не выказывала, что ее беспокоилъ свѣтъ газовыхъ рожковъ. Когда она окончательно развеселилась, то, казалось, находила въ движеніяхъ особенное удовольствіе: она скакала безостановочно цѣлыя четверть часа по своей клѣткѣ, но скорѣе какъ куница, а не какъ другія обезьяны; хватала мимоходомъ кусочекъ положенной ей пищи, ѣла ее, держа въ переднихъ лапахъ, какъ бѣлка, причемъ на минуту останавливалась на одномъ мѣстѣ; потомъ снова принималась прыгать. Когда ей, однажды, принесли живую птицу, она мгновенно ее схватила и также быстро откусила ей голову. Послѣ того она ощипала ее съ той же поспѣшностью, съ которой это дѣлаютъ другія обезьяны, и, наконецъ, съѣла мозгъ. Послѣ мозга ей, кажется, больше всего понравились внутренности. Изъ прочихъ частей тѣла птицы она постоянно отбрасывала ноги. Она охотно ѣла мясо, но большею частью довольствовалась предложенной ей пищей: рисовой кашей, булкой въ молокѣ и плодами. Она катала иногда подолгу яйца по полу; случалось, что роняла ихъ и тогда постоянно пугалась, медленно подходила къ разбитому яйцу, какъ бы желая его лучше рассмотреть, и вылизывала жидкость.

Странный случай былъ причиною ея смерти. Послѣ нѣсколькихъ недѣль наблюденія я рѣшился помѣстить ее въ большую клѣтку. Я надѣялся оказать ей этимъ благодѣяніе, такъ какъ въ этой клѣткѣ поддерживалась довольно высокая температура. Но уже вторую ночь послѣ своего перемѣщенія она сумѣла отворить дверь своей клѣтки и исчезла; несмотря на самые тщательные поиски, мы нигдѣ ее не нашли. Только спустя четыре недѣли мы нашли ея трупъ въ узкой щели стѣны. Она, очевидно, надѣялась проложить себѣ тамъ дорогу, но проходъ былъ слишкомъ узокъ, и она, разъ увязнувъ, не могла двинуться ни взадъ, ни впередъ, и такимъ образомъ погибла. * * *

Нѣкоторые естествоиспытатели считали животныхъ, которыхъ мы объединяемъ въ особое семейство, лишь родами предшествующей группы, почему и причисляли ихъ туда; но признаки, отличающіе ихъ отъ предыдущихъ обезьянъ, настолько значительны, что оправдываютъ наше дѣленіе.

Обезьяны Игрунновыя (*Arctopithecus*, *Eichhornaffen*, *Ouistitis*.) отличаются отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ обезьянъ главнымъ образомъ тѣмъ, что у нихъ на всѣхъ пальцахъ, за исключеніемъ большихъ пальцевъ ногъ, узкіе когти; на большихъ же пальцахъ ногъ широкіе, черепицеобразные ногти. Сверхъ того, у нихъ замѣчаются слѣдующіе признаки: округленная голова съ короткимъ, плоскимъ лицомъ, маленькіе глаза и большія, украшенные пучками волосъ уши, стройное тѣло, короткія конечности, цѣпкія переднія конечности, большіе пальцы которыхъ не могутъ быть противопоставлены остальнымъ, что возможно на заднихъ конечностяхъ, длинный пушистый хвостъ и шелковистая шерсть. Ихъ руки сдѣлались, слѣдовательно, настоящими лапами, и только ноги сохранили еще такое же строеніе, какъ у другихъ обезьянъ. Какъ и у обезьянъ Старога Свѣта, во рту у нихъ 32 зуба. Изъ верхнихъ рѣзцовъ два среднихъ больше двухъ крайнихъ, и всѣ они, обыкновенно, имѣютъ около корней рубчики, тогда какъ нижніе рѣзцы широкой долотообразной или цилиндрической формы и удлиняются. Клыки отлича-

ются величиною и толщиной, верхніе притомъ трехгранной формою съ проходящею снаружи и изнутри бороздкою. Кроме того, въ каждой челюсти находятся по 3 ложнокоренныхъ и по 2 настоящихъ коренныхъ зуба. Первые изъ нихъ конусообразны, сжаты съ боковъ и въ нижней челюсти снабжены небольшими бугорками; настоящіе коренные зубы съ двумя бугорками. Черепъ вполне круглый, лицо довольно плоское, лобъ плоскій и широкій. На скелетѣ замѣчается: 13 грудныхъ, 6 поясничныхъ, 3 крестцовыхъ и 21—31 хвостовыхъ позвонковъ; къ 7-ми переднимъ груднымъ прикрѣпляются настоящія, а къ 5-ти слѣдующимъ ложныя ребра.

Область распространения игрунковыхъ обезьянъ обнимаетъ всѣ сѣверныя страны Южной Америки и простирается на сѣверъ до Мексики, на югъ же едва ли переходитъ предѣлы Бразиліи. Въ послѣднемъ государствѣ, такъ же, какъ и въ Гвианѣ и Перу, встрѣчается наибольшее число видовъ; въ Мексикѣ попадаются, по имѣющимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ, только два вида. Насколько эти виды сходны между собой по внѣшнему образу и окраскѣ, настолько же различаются по существеннымъ признакамъ. Прежніе изслѣдователи считали многихъ изъ нихъ лишь за разновидности, и принцъ фонъ-Видъ былъ вначалѣ того же мнѣнія; однако, благодаря очевидности, убѣдился, что очень сходныя животныя принадлежатъ къ различнымъ видамъ и что между животными одного вида даже незначительныя отклоненія встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Одинаковая фигура, одинаковый мѣхъ, даже одинаковая окраска удивительнымъ образомъ повторяются у различныхъ видовъ, такъ что часто можно указать только на маловажные признаки различія. Области распространения различныхъ игрунковыхъ обезьянъ такъ тѣсно соприкасаются, вслѣдствіе чего мѣстопробываніе каждаго вида кажется очень ограниченнымъ, и только въ видѣ исключенія, какой-нибудь одинъ видъ распространяется на большое пространство. «Широкія рѣки», говоритъ Видъ, «служатъ часто границами разныхъ видовъ игрунковыхъ, и путешествующій наблюдатель замѣчаетъ, какъ одинъ видъ внезапно смѣняется другимъ, отличающимся отъ перваго хотя бы и незначительными, но все же опредѣленными видовыми признаками». Какъ высоко встрѣчаются онѣ въ горахъ, пока съ точностью не опредѣлено; Шомбургкъ встрѣчалъ ихъ на высотѣ до 500 м. надъ поверхностью моря; безъ сомнѣнія, въ Андахъ онѣ попадаютъ еще выше.

Всѣ игрунковыя обезьяны живутъ исключительно на деревьяхъ. Онѣ населяютъ разнообразныя и обширныя лѣса своей родины и встрѣчаются не только въ высокоствольныхъ, сырыхъ, первобытныхъ лѣсахъ морского берега или низменностей, но и въ низкихъ, кустарниковыхъ лѣсахъ центральныхъ частей. Обыкновенно онѣ держатся въ пустынныхъ, необитаемыхъ челоѣкомъ мѣстахъ и только въ видѣ исключенія заходятъ въ плантаціи и даже въ города и селенія, какъ это случается, на примѣръ, въ Парѣ. Образомъ жизни и нравами игрунки напоминаютъ бѣлокъ настолько же, какъ и обезьянъ. Встрѣчаясь приблизительно въ томъ же числѣ видовъ и экземпляровъ, какъ бѣлки, водящіяся въ Индіи или на Зондскихъ островахъ, онѣ какъ бы замѣняютъ этихъ грызуновъ въ Бразиліи, гдѣ послѣднія встрѣчаются крайне рѣдко. Онѣ не сидятъ на заднихъ ногахъ, подобно другимъ обезьянамъ, напротивъ, сидятъ обыкновенно на всѣхъ четырехъ лапахъ или же лежатъ, вытянувшись, на животѣ, причемъ ихъ длинный, густо поросшій волосами хвостъ свѣшивается внизъ; въ противоположность цѣпкохвостымъ обезьянамъ, лучшимъ изъ извѣстныхъ намъ лазуновъ, игрунки не любятъ лазать по тонкимъ вѣтвямъ деревьевъ, но держатся, подобно бѣлкамъ, больше на толстыхъ сучьяхъ, употребляя въ дѣло при передвиженіи свои длинныя когти. Игрунковыя обезьяны не рискуютъ перепрыгивать съ дерева на дерево, такъ какъ не въ состоя-

ни послѣ прыжка укрѣпиться съ достаточной силой и увѣренностью; вотъ почему, при преслѣдованіи, онѣ иногда падаютъ на землю съ большой высоты, какъ это однажды наблюдалъ Бэтсъ; напротивъ того, вверхъ, вертикально и вокругъ ствола онѣ взлѣзаютъ съ такою же ловкостью и увѣренностью, какую мы наблюдаемъ у бѣлокъ. Никогда ихъ не видѣли ходящими на двухъ ногахъ; при ходьбѣ онѣ ступаютъ всей ступнею и кистью; переднюю часть туловища онѣ поднимаютъ только, когда подносятъ что-нибудь ко рту, причемъ дѣлаютъ это совсѣмъ какъ бѣлки.

Ни одинъ изъ путешественниковъ, сочиненія которыхъ мнѣ извѣстны, не описываетъ, какъ и гдѣ проводятъ ночь игрунковы обезьяны. Онѣ не строятъ гнѣздъ, подобныхъ бѣличьимъ; вѣроятно, дупла деревьевъ служатъ имъ пріютомъ на ночь; я заключаю это изъ повадокъ обезьянъ этого вида, находящихся въ неволѣ; онѣ сразу начинаютъ пользоваться ящиками, предложенными имъ для сна, въ нихъ онѣ прячутся часто и днемъ, и при какой-либо опасности всегда быстро туда скрываются. По всей вѣроятности, на свободѣ въ дуплахъ деревьевъ онѣ сворачиваются въ такіе же общіе клубки, какіе образуютъ въ неволѣ, гдѣ всѣ члены общества тѣсно прижимаются другъ къ другу, взаимно прикрываясь хвостами. Вскорѣ по восходѣ солнца онѣ начинаютъ свои рысканія, обходятъ при этомъ большую или меньшую часть лѣса; онѣ появляются, какъ говоритъ принцъ фонъ-Видъ, то тутъ, то тамъ и на нѣкоторомъ отдаленіи выдаютъ свое присутствіе охотнику или натуралисту короткимъ, одно-или двусложнымъ свистомъ. Если при приближеніи врага стадо игрунковъ не успѣетъ убѣжать, то оно скрывается за толстыми вѣтвями, время отъ времени пугливо выглядывая оттуда и слѣдя за всѣми движеніями чело-вѣка. Бэтсъ считаетъ игрунковыхъ обезьянъ очень любопытными, такъ какъ онѣ, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ напр. въ Парѣ, пользуются всеобщей защитой и гдѣ поэтому сдѣлались не столь боязливыми; провожаютъ каждаго мимо проходящаго чело-вѣка нѣкоторое время внимательнымъ взглядомъ и потомъ уже снова принимаются за свое обычное времяпрепровожденіе. Въ этомъ онѣ также выказываютъ свое сходство съ бѣлками: онѣ проявляютъ такое же безпокойство, такую же подвижность и пугливость, какъ и послѣднія. Головка ихъ ни на минуту не остается въ покоѣ, темныя глазки всегда послѣдно перебѣгаютъ съ одного предмета на другой и, какъ кажется, блуждаютъ безъ особеннаго пониманія, свидѣтельствуя лишь объ очень быстрой смѣнѣ впечатлѣній. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы игрункамъ можно было бы приписывать большую понятливость; напротивъ того, изъ всѣхъ обезьянъ ихъ слѣдуетъ считать самыми ограниченными созданіями, душевныя способности которыхъ едва возвышаются надъ способностями грызуновъ того же роста. Какъ и послѣдніе, онѣ кажутся умнѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Поступки ихъ обнаруживаютъ мало обдуманности; онѣ слѣдуютъ вполнѣ воу-шенію минуты и забываютъ о томъ, чѣмъ только-что занимались, ради новаго, возбуждающаго ихъ вниманіе, предмета. Такое непостоянство нрава этихъ обезьянъ проявляется также въ выраженіяхъ удовольствія и неудовольствія, на которыя онѣ не скупаются; иногда онѣ кажутся чрезвычайно довольными своей судьбой и радуются ласкамъ своихъ друзей; но вдругъ оскалываютъ зубы даже на своего господина, дѣлаются пугливыми, точно имъ угрожаетъ смерть или, разсердившись, скре-жущутъ зубами и стараются укусить. Въ душевномъ отношеніи онѣ настолько же подходятъ къ грызунамъ, какъ и къ обезьянамъ; сходны съ тѣми и другими по раздражительности и гнѣву, но лишены, однако, той индивидуальности, какою отличаются всѣ вышестоящія обезьяны, и похожи одна на другую какъ по внѣшности, такъ и по душевнымъ свойствамъ: каждая изъ нихъ ведетъ себя, какъ другая

даже принадлежность къ разнымъ видамъ не обуславливаетъ значительнаго различія въ характерѣ и образѣ жизни. Пугливыя, недовѣрчивыя, мелочныя и забывчивыя игрушки постоянно ведутъ себя какъ бы бессознательно, произвольно отдаваясь внушеніямъ минуты и не обращая вниманія на только-что достигнутое, если на глаза попалось что-либо новое. Имъ присущи всѣ качества трусливыхъ существъ: жалобный голосъ, явная неспособность или нежеланіе подчиниться неизбежному, воспріятіе всѣхъ впечатлѣній въ дурную сторону, болѣзненное стремленіе относить къ себѣ всѣ поступки другихъ существъ, привычка то хвастливо выставляться впередъ, то прятаться за другихъ, непостоянство поступковъ, а также желаній и дѣйствій. Эти вѣчныя перемѣны, проявляющіяся у игрунковыхъ, какъ въ движеніяхъ, такъ и въ поведеніяхъ ихъ, заключаютъ въ себѣ черты въ высшей степени отталкивающія и непріятныя и существенно уменьшаютъ число ихъ друзей.

Пища этихъ обезьянъ состоитъ главнымъ образомъ изъ разныхъ плодовъ, сѣмянъ, листочковъ и цвѣтовъ растений; попутно онѣ очень ревностно преслѣдуютъ различныхъ маленькихъ животныхъ: насѣкомыхъ, пауковъ и т. под., предпочитая ихъ несомнѣнно маленькимъ позвоночнымъ, но не пренебрегая и сими послѣдними. Во всякомъ случаѣ онѣ болѣе плотоядны, чѣмъ другія обезьяны, и наряду съ растительными питаются и животными веществами.

На родинѣ размноженіе игрунковыхъ обезьянъ, кажется, нельзя приурочить къ опредѣленному времени, потому что взрослыхъ съ дѣтенышами можно видѣть во всѣ времена года. У самки, какъ у другихъ обезьянъ, рождается обыкновенно одинъ дѣтенышъ, но иногда двое и даже трое. Тогда она одного изъ нихъ сажаетъ на спину, другого на грудь и сосутъ они по очереди. По наблюденіямъ надъ находящимися въ неволѣ, оба пола облегчаютъ другъ другу тягость воспитанія юнцовъ. Иногда самка предлагаетъ самцу таскать нѣкоторое время одного изъ дѣтенышей, и, кажется, онъ исполняетъ это безъ сопротивленія. Молодые при рожденіи не больше домашней мыши, однако уже покрыты волосами и, какъ всѣ юныя обезьяны, относительно довольно развиты.

На хищныхъ птицъ указываютъ, какъ на самыхъ злыхъ враговъ этихъ красивыхъ созданий. Отъ лазающихъ кошекъ онѣ часто спасаются, благодаря быстротѣ и ловкости своей, а также осторожному выбору мѣстъ для ночлега; но отъ орловъ и соколовъ бѣгствомъ имъ не спастись. Безчисленное множество ихъ становится добычей этихъ опасныхъ хищниковъ; вся ихъ жизнь изо дня въ день есть въ сущности борьба за существованіе. Человѣкъ преслѣдуетъ ихъ не столько изъ-за ихъ полезности, сколько изъ-за легкости ихъ прирученія. Хотя туземцы питаются мясомъ ихъ, но ставятъ его ниже мяса другихъ обезьянъ; ихъ мѣхъ только въ рѣдкихъ случаяхъ идетъ въ пользу: его обрабатываютъ для шапокъ или же для какихъ-нибудь опушекъ. Тѣмъ чаще можно видѣть пойманныхъ игрунковыхъ обезьянъ въ хижинахъ индѣйцевъ или въ жилищахъ южно-американцевъ европейскаго происхожденія. Овлаживаютъ какъ молодыми, такъ и взрослыми, отнимая первыхъ отъ убитой матери, стрѣляя въ послѣднихъ слегка отравленными стрѣлами и вылѣчывая ихъ потомъ указаннымъ уже способомъ; заманиваютъ ихъ также въ рыболовные верши, наполненныя бананами или другими любимыми плодами; верши прикрѣпляются на деревьяхъ, которыя постоянно ими посѣщаются; обезьяны лѣзутъ въ вершу черезъ узкое отверстіе и неизбежно попадаютъ во власть ловцевъ, такъ какъ не могутъ отыскать выхода черезъ направленные во внутрь острокопечные прутья, расположенные воронкообразно. По увѣренію принца фонъ-Вида такимъ образомъ ловятъ часто въ одну вершу по нѣсколько штукъ. Если игрун-

ковыя обезьяны попадаютъ въ такія нехитрыя ловушки, то это не говоритъ въ пользу ихъ умственныхъ способностей.

Въ первое время своей неволи всѣ игрушковые обезьяны почти невыносимы. Ихъ безграничное недоверіе проявляется по отношенію каждаго и немало проходитъ времени, пока онѣ привыкнутъ относиться къ заботящемуся о нихъ человѣку иначе, чѣмъ къ врагу. Отличительными чертами ихъ вначалѣ слѣдуетъ считать прежде всего лишь очень значительную боязливость и безсильную вспыльчивость, непрерывно смѣняющія другъ друга. Позже послѣдняя до нѣкоторой степени смирѣется, и мѣсто ея заступаетъ тихая грусть. Это нисколько не смущаетъ туземца; онъ съ самаго начала поступаетъ съ этимъ, мало общающимся животнымъ со своей собственнѣйшей ему особенной и настойчивой лаской, и постепенно дѣйствительно внушаетъ ему довѣріе къ себѣ. Молодыхъ игрушковыхъ обезьянъ индѣйки носятъ обыкновенно въ волосахъ, по всей вѣроятности, чтобы онѣ могли тамъ прицѣпиться, какъ къ шерсти матери; тѣ, которыя постарше, помѣщаются за пазухой заботливыхъ женщинъ. Ихъ отдають также на попеченіе большихъ американскихъ ручныхъ обезьянъ. Какъ въ нашихъ зоологическихъ садахъ американскія обезьяны безъ сопротивленія подчиняются проявленіямъ материнскаго чувства любвеобильной самки павіана, такъ игрушковые охотно допускають, чтобы крупныя породы обезьянъ за ними ухаживали и воспитывали ихъ. Безъ приглашенія прицѣпляются онѣ крѣпко къ спинѣ своей названной матери, добродушіе которой не можетъ не поддаваться такой довѣрчивости, и скоро обѣ обезьяны прекрасно сживаются. Недовѣрчивая игрушковая обезьяна признаетъ въ большой свою попечительницу и защитницу, а послѣдняя относится къ ней, какъ къ отдачному ей на попеченіе дѣтенушу, выдающемуся въ руководствѣ болѣе толковаго существа. Въ началѣ большая пробуетъ избавиться отъ непривычной тяжести, а послѣ она тоскливо зоветъ къ себѣ свою питомицу, если та на время удаляется. Что игрушковая обезьяна при такихъ условіяхъ очень скоро оставляетъ значительную долю своего недоверія, легко понять; она все же настолько умна, чтобы отличить благодѣтеля отъ другихъ существъ. Это особенно замѣтно, когда игрушка живетъ исключительно въ людскомъ обществѣ, въ которомъ къ ней хорошо относятся, и чѣмъ ласковѣе люди, тѣмъ и она довѣрчивѣе. Бѣзъ увѣрять, что видѣла одну изъ такихъ обезьянокъ, которая была игрива и весела, какъ котенокъ, бѣгала съ дѣтьми по дому и внѣ его и очень хорошо знала, что въ нихъ она имѣетъ лучшихъ друзей, такъ какъ по отношенію къ чужимъ она поступала иначе, на примѣръ, не могла переносить, чтобы кто-нибудь садился на койку, гдѣ она спала вмѣстѣ со своимъ господиномъ. Подобныя же наблюденія дѣлаются всѣми, обращающимися съ игрушками нѣжно и ласково. Капплеръ также сообщаетъ, что онѣ могутъ дѣлаться очень ручными; своимъ онѣ позволяють всегда свободно бѣгать по комнатамъ. Онѣ жили въ доброй дружбѣ съ мертвой головой и капуцинами и говорятъ, что всѣ три вида также согласно живутъ другъ съ другомъ и въ лѣсу.

Обыкновенная пища, которую дають недавно пойманнѣмъ игрушкамъ, состоитъ изъ сладкихъ плодовъ, особенно банановъ. Ни европейцы, ни индѣйцы не принимаютъ во вниманіе, что всѣ игрушковые обезьяны, по крайней мѣрѣ, настолько же питаются животными веществами, насколько и растительными; впрочемъ, индѣйцы, какъ замѣчено, предоставляютъ своимъ плѣнницамъ большую свободу и этимъ даютъ возможность запасаться недостающими веществами, между тѣмъ, какъ европейцы содержатъ ихъ въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Въ этомъ я вижу главную причину, иначе непонятной, хилости и смертности этого животного, какъ на родинѣ, такъ и еще болѣе во время морскаго переезда. Изъ безчисленнаго множества игрушковыхъ

обезьянъ, предлагаемыхъ иностранцамъ вдоль всего восточнаго берега Бразиліи, только очень ничтожная часть доставляется живыми въ Европу. Большинство возвращающихся сюда европейцевъ покупаютъ себѣ такихъ обезьянокъ, но дорогою, по словамъ Гензеля, кормятъ ихъ только сладкими печеньями и сахаромъ, или же запираютъ ихъ кучами въ такія маленькія клѣтки, что онѣ едва могутъ двигаться. «Если», говоритъ этотъ изслѣдователь, «принять еще во вниманіе чисто нервную боязливость этихъ глупенькихъ животныхъ, которыя поэтому менѣе забавны, чѣмъ другія обезьяны, и кромѣ миловидности не имѣютъ ничего говорящаго въ ихъ пользу, то не будетъ ничего удивительнаго, что онѣ такъ плохо переносятъ свой плѣнъ». Въ Бразиліи, какъ и въ Европѣ, игрушки считаются очень вѣжными, въ частности, въ сильной степени и чувствительными къ холоду. Но ни то, ни другое не доказано фактически. При надлежащемъ уходѣ, а именно когда ихъ не устраняютъ отъ насѣкомыхъ, или взамѣнъ послѣднихъ, по меньшей мѣрѣ, даютъ мясо или яйца, они проживаютъ довольно долго, нерѣдко по 6—8 лѣтъ и при томъ даже размножаются. Поразительно, что, по увѣреніямъ путешественниковъ, послѣднее явленіе не происходитъ въ Бразиліи, и этимъ подтверждается, что тамъ не умѣютъ надлежащимъ образомъ ухаживать за ними. Если бы дѣйствительно, какъ принято думать, недостатокъ тепла такъ вредилъ имъ, то въ Европѣ ни одна игрушковая обезьяна не просуществовала-бы долго, и напротивъ въ Бразиліи онѣ сохранялись-бы отлично, между тѣмъ, въ родной странѣ, при уходѣ европейцевъ, онѣ умираютъ сравнительно въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ Европѣ, чѣмъ даже въ холодныхъ частяхъ нашей части свѣта; мы беремъ доказать фактами, что онѣ могутъ переносить даже небольшой морозъ. Во Франкфуртскомъ зоологическомъ саду ихъ содержатъ лѣтомъ безъ опасеній на открытомъ воздухѣ и только въ зимніе мѣсяцы переводятъ въ отопляемыя помѣщенія; въ звѣринцахъ имъ приходится иногда подвергаться еще большимъ невздамъ. Рейхенбахъ рассказываетъ, что однажды въ очень холодную зиму ему высланъ былъ изъ звѣринца сагуинъ для приготовленія чучела. «Послѣдній замерзъ до окоченѣнія, но очень скоро ожилъ въ теплой комнатѣ, причемъ прежде всего сталъ подергивать ногами, потомъ началъ слабо дышать, затѣмъ мало-по-малу производить всѣ обычныя движенія, такъ что черезъ два часа вновь ожившій любимецъ могъ быть возвращенъ хозяйкѣ. Многія лица были свидѣтелями этого случая». Этотъ фактъ доказываетъ, что игрушки и въ этомъ отношеніи напоминаютъ грызуновъ и лучше всякихъ длинныхъ объясненій подтверждаетъ, что причину хилости, на которую жалуются со всѣхъ сторонъ, нельзя приписывать недостаточному количеству тепла. По страстности, съ какою всѣ игрушки, воспитываемыя обыкновеннымъ образомъ.—т. е. которыхъ кормятъ только плодами и сладостями, въ лучшемъ случаѣ булкой съ макомъ,—набрасываются на недостающее въ ихъ питаніи, можно судить, если дать имъ насѣкомыхъ, особенно майскихъ жуковъ. Онѣ мгновенно бросаютъ тогда все остальное, оставляютъ и то, что, по мнѣнію ихъ содержателей, составляетъ для нихъ лакомство, поспѣшно набрасываются на страстно желанную пищу и сколько можно сѣдаютъ ее. Поэтому я совѣтую всякому другу животныхъ, который ищетъ удовольствіе въ этихъ для меня мало привлекательныхъ существахъ, и желаетъ на продолжительное время поддержать ихъ жизнь, а если возможно и стремленіе къ размноженію, извлечь себѣ изъ вышесказаннаго пужныя указанія.

Послѣднее время семейство игрушковыхъ раздѣлили на нѣсколько родовъ; отличія между ними ограничиваются однако внѣшними признаками; строеніе вубовъ, скелетъ и устройство внутреннихъ частей тѣла почти одинаково у всѣхъ родовъ

этого семейства. Мы будемъ различать три группы, которыя всё соединяются въ одинъ родъ «игрунки» (*Норале. Krallenneffe. Ouistitis*).

Львиными игрунками называютъ тѣ виды, которые имѣютъ голое лицо и уши. довольно тонкій хвостъ, иногда съ пучкомъ волосъ на концѣ, и по величинѣ почти равный длинѣ тѣла; на одной головѣ или на головѣ, шеѣ, плечахъ и переднихъ конечностяхъ шерсть удлинена и образуетъ болѣе или менѣе длинную гриву.

Типическимъ видомъ этой группы слѣдуетъ считать львиную игрунку (*Норале leonina, Simia leonina, Midas, Leontopithecus, leoninus, Leontopithecus fuscus. Löwen-äffchen. Ouistiti leonien*), которую открылъ Александръ Гумбольдтъ. Длина этого маленькаго животнаго 20—22 см., хвостъ такой же величины. Цвѣтъ шерсти представляетъ трудно опредѣляемый оливково-бурый оттѣнокъ, а на спинѣ замѣтны желтовато-бѣлыя пятна и полосы. Длинная грива—буровата-желтая, хвостъ сверху черный, а снизу печеночно-бурый. Всѣ голая части тѣла, т. е. лицо, руки и ноги—черныя, округлость рта—бѣлая.

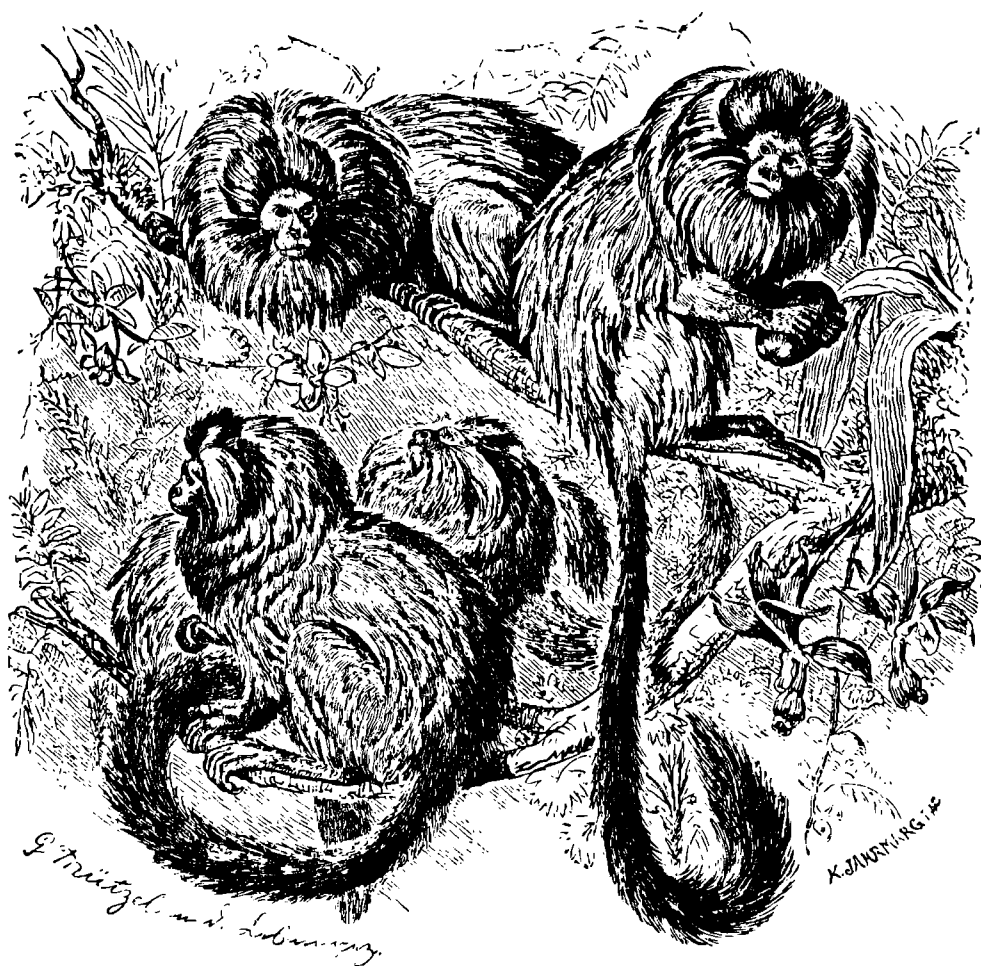
Гумбольдтъ получилъ львиную игрунку въ лѣсахъ, около Мокоа, отъ туземцевъ, которые ему сказали, что это животное избѣгаетъ болѣе умѣренныхъ горныхъ мѣстностей и живетъ въ низкихъ плодородныхъ равнинахъ съ жаркимъ климатомъ, которыя находятся съ восточной стороны у подошвы Кордильероу и омываются рѣками Путумайо и Каквета. «Это одно изъ самыхъ красивыхъ и изящныхъ животныхъ, которое я когда-нибудь видѣлъ», говоритъ Гумбольдтъ. «Игрунка имѣетъ живой и веселый нравъ, очень любитъ играть, но, какъ почти всё маленькія животныя, лукава и вспыльчива. Если ее разсердить, то у нея надувается шея, волосы гривы приподнимаются, и сходство этого звѣрка съ африканскимъ львомъ дѣлается очень замѣтно. Къ сожалѣнію, я могъ наблюдать только два экземпляра этого вида, первые, которые живыми были перевезены на западную сторону Кордильероу въ восточныхъ равнинахъ. Такъ какъ они были очень дики, то ихъ держали въ большой клеткѣ и они въ ней такъ неустанно прыгали и скакали, что мнѣ нужно было довольно продолжительное время, чтобы замѣтить всё ихъ отличительные признаки. Голосъ ихъ сходенъ съ голосомъ другихъ игрунокъ и иногда похожъ на щебетанье, а иногда на свистъ. Меня увѣрили, что въ хижинахъ индѣйцевъ, около Мокоа, ручныя игрунки этого вида размножаются, между тѣмъ какъ другія обезьяны въ ручномъ состояніи точно такъ же рѣдко размножаются въ тропическихъ странахъ, какъ и въ Европѣ».

«Въ области верховья Амазонской рѣки», говоритъ Бэтсъ «я видѣлъ ручную львиную игрунку, которая была ласкова со всѣми людьми и особенно любила прыгать на входящихъ въ домъ и лазать по платью на плечи. Когда я съ ней познакомился, то она бросилась черезъ всю комнату къ стулу, на которомъ я сидѣлъ, влѣзла ко мнѣ на плечо, обернулась и стала смотрѣть мнѣ въ лицо, показывая свои маленькіе зубы и, тихо щебеча, точно спрашивала о моемъ здоровьѣ. Къ своему хозяину она выказывала привязанность еще сильнѣе, чѣмъ къ чужимъ: въ теченіе часа она разъ двѣнадцать лазала къ нему на голову и опять спрыгивала. а, сидя на головѣ, тщательно разсматривала волосы, и ща нѣкоторыхъ насѣкомыхъ». Жофруа замѣчаетъ, что эта обезьянка узнаетъ предметы, изображенные на рисункахъ, когда они раскрашены: она боится изображенія кошки и пытается схватить нарисованныхъ жуковъ и кузнечиковъ. Живыя львиныя игрунки очень рѣдко приносятся въ Европу.

* * *

Наши торговцы звѣрями называютъ «львиной обезьянкой» другой сходный видъ, Розалію или Марикину (*Норале rosalia, Simia, Callithrix, Midas, Jacchus, Marikina*

rosalia, Rötelaäffchen. Marikina), которая во многих отношеніяхъ похожа на предыдущій видъ, но однако и отличается отъ него. Розалія принадлежитъ къ крупнымъ видамъ этой группы, такъ какъ длина ея тѣла 25—30 см., а длина хвоста 30—40 см. Лицо у нея голое и буровато-мясного цвѣта, большая ушная раковина окаймлена темно-бурыми волосами: щеки и лобъ, который къ темени оканчивается острымъ угломъ, покрыты тонкими, короткими желто-бурыми волосами; руки и ноги сверху

Розалія. *Parale rosalia*, $\frac{1}{2}$ наст. вел.

и снизу желтовато-бурая, а на ногахъ желтый цвѣтъ преобладаетъ. Грива раздѣлена на темени проборокъ, покрытымъ короткими темно-бурыми волосами; по сторонамъ головы эта грива очень длинна и имѣетъ темно-бурю окраску. Прочія части головы, горло, грудь и плечи темно-оранжеваго цвѣта, а остальные части тѣла покрыты красновато-желтою шерстью съ золотистымъ отливомъ. Основаніе хвоста у нѣкоторыхъ экземпляровъ такого же цвѣта, какъ и тѣло, затѣмъ съ темными пятнами, къ концу темнѣе, а самый кончикъ желтый; но пятенъ на хвостѣ можетъ и не быть. Самка по окраскѣ не отличается отъ самца.

«Это милое животное», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «можно найти въ боль-

ших лѣсахъ около Рио-де-Жанейро, Кабо-Фриу, Санъ-Джоао и пр., но далеко на северъ оно не заходитъ, по крайней мѣрѣ, на рѣкѣ Паранахибо оно ужь не встрѣчается. Согласно этому область распространенія этой обезьянки очень незначительна и ограничивается лѣсами восточнаго берега Южной Америки отъ 22° до 23° ю. ш. Красный Сагуи, какъ называютъ эту обезьяну бразильцы, нигдѣ не встрѣчается въ большомъ количествѣ. Мы его видѣли отдѣльными экземплярами или небольшими семьями на Сьеръ-де-Инуа, въ лѣсу около Санъ-Джоао и въ лѣсныхъ мѣстностяхъ около Понто-Негро и Гурапина. Кажется, что онъ живетъ не только въ высокихъ горныхъ лѣсахъ, но и въ кустахъ песчаныхъ равнинъ; если онъ испугается какого-нибудь необычнаго предмета, то прячется въ листьѣ верхушекъ деревьевъ. Пища марикинь состоитъ изъ плодовъ и насѣкомыхъ. У нихъ родится по одному или по два дѣтеныша, которыхъ самка носитъ на спинѣ или на груди до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлаются настолько сильны, что могутъ за ней слѣдовать. Въ ручномъ состоянii звѣрки эти лучше другихъ игрунковыхъ переносятъ переѣздъ черезъ море въ Европу, въ другихъ же отношенiяхъ они по образу жизни совершенно сходны съ прочими видами этой группы. Ихъ очень любятъ за красоту, такъ какъ они похожи на маленькихъ львовъ. Въ возбужденномъ состоянii у нихъ приподнимается грива кругомъ лица, и тогда они особенно красивы».

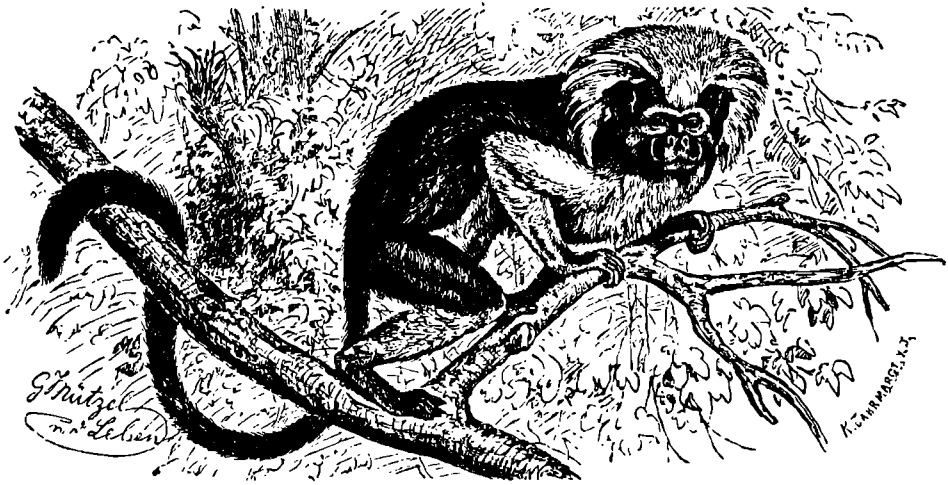
Въ Европѣ предлагается ежегодно на продажу нѣсколько паръ этихъ коротенькихъ животныхъ и всегда находятъ покупателей, хотя цѣна ихъ относительно довольно высока. Но истинный любитель охотно платитъ высокую цѣну за этихъ красивыхъ обезьянокъ. Марикинь слѣдуетъ считать самыми прiятными изъ всѣхъ видовъ игрунковыхъ, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ, которые привозятся въ Европу; онъ живетъ у насъ дольше въ неволѣ, чѣмъ прочiя игрунки, можетъ быть вслѣдствiе того, что за ними лучше ухаживаютъ, такъ какъ приходится за нихъ дорого платить. Уже Бюффонъ говоритъ, что одна марикина жила въ Парижѣ пять или шесть лѣтъ при самомъ обыкновенномъ уходѣ. Холодъ на этихъ обезьянокъ дѣйствуетъ не такъ сильно, какъ быстрая перемена температуры и непосредственное дѣйствiе солнечныхъ лучей. Это совершенно понятно, если принять во вниманiе, что всѣ игрунковыя на родинѣ въ жаркое время дня не подвергаются лучамъ солнца, а прячутся въ густыхъ тѣнистыхъ мѣстахъ на деревьяхъ, и что онѣ привыкли, относительно говоря, къ довольно свѣжимъ ночамъ Южной Америки. Рейхенбахъ сдѣлалъ наблюденiе, что марикина, подвергнутая непосредственнымъ лучамъ солнца, захворала со всѣми признаками солнечнаго удара и скоро околѣла, что я по собственному опыту считаю вполне возможнымъ.

По своему образу жизни и привычкамъ, марикина мало отличается отъ своихъ родичей и имѣетъ одинаковыя съ ними прiятныя и непрiятныя черты характера. Какъ всѣ игрунковыя, она очень пуглива и недоувѣрлива, раздражительна и вспыльчива; она научается узнавать своего хозяина, предпочитаетъ его другимъ лицамъ и болѣе къ нему доувѣрлива, но никогда не показываетъ ему такой прiязности и такого расположенiя, какъ другiя вышестоящiя обезьяны; однако, никогда марикина не можетъ совершенно преодолѣть свою боязливость и недоувѣрчивость. Когда она увидитъ незнакомое животное или чужого человѣка, то приподымаетъ гриву, скалитъ зубы, какъ будто желая придать себѣ страшный видъ и задомъ отступаетъ въ какой-нибудь темный уголокъ. Однако, я замѣтилъ, что обезьянки, выставленныя на показъ, мало по малу прiучаются къ людямъ и не выказываютъ того страха, который замѣчается у нихъ вначалѣ. Марикины живутъ дружно между собою, и между самцомъ и самкой никогда не бываетъ ссоръ. Оба они сидятъ рядомъ, ѣдятъ изъ одной плошки, не выказывая свойственной

другимъ обезьянамъ жадности и эгоизма и мирно снѣтъ вмѣстѣ въ одномъ гнѣздышкѣ. Изрѣдка, какъ, напримѣръ, недавно въ Антверпенскомъ зоологическомъ саду, у нихъ рождаются дѣтеныши, но это принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ. Ихъ кормятъ, какъ и другіе виды этого семейства, варенымъ рисомъ, плодами и хлѣбомъ, размоченнымъ въ молоко, но кромѣ того имъ непремѣнно нужно давать и животную пищу, мясо, жуковъ, червей и пр., такъ какъ замѣчено, что это необходимо для ихъ здоровья.

* * *

Отъ настоящихъ львиныхъ обезьянокъ отличаются Тамарины только тѣмъ, что на головѣ и плечахъ большой гривы нѣтъ, и хвостъ длиннѣе туловища; кромѣ того у нихъ большія, перепончатая, голыя ушныя раковины. Эти признаки точно такъ, какъ и небольшое различіе въ устройствѣ зубовъ, на которыхъ основывали

Пинче. *Narale oedipus*, $\frac{1}{2}$ наст. вел

раздѣленіе этихъ обезьянъ на отдѣльные роды, слѣдуетъ считать не особенно важными.

Обезьяну, называемую Пинче (*Narale oedipus*, *Simia*, *Midas*, *Oediponeichos oedipus*, *Pinche*, *Tamarin oedipe*), слѣдуетъ считать переходною формою отъ игриковыхъ, снабженныхъ гривой, къ такимъ, у которыхъ ея нѣтъ. Животное это имѣетъ на головѣ длинныя волосы, которые падаютъ на лобъ и на затылокъ, но стороны лба ими не покрыты. Взрослые самцы имѣютъ 16—18 см. длины и хвостъ длиною въ 40—42 см.; шерсть землянисто-бурого цвѣта и состоитъ изъ волосъ, которые у основанія сѣрые, а на концѣ имѣютъ три свѣтло-бурыхъ пятна. Нижняя сторона тѣла, волосы на головѣ, руки и голени почти чистаго бѣлаго цвѣта; хвостъ у основанія каштаново-бурый, а на концѣ темно-бурый. Черное лицо съ веселыми свѣтло-бурыми глазами ярко выдается изъ-подъ бѣлыхъ волосъ головы и приобретаетъ особенное выраженіе вслѣдствіе сросшихся бровей и узкой бороды, окружающей ротъ, которая состоитъ изъ небольшихъ сѣровато-желтыхъ волосковъ; ладони и нижняя часть ступней также окрашены въ черный цвѣтъ.

Область распространения пинча ограничивается, кажется, лишь сѣверо-западной частью Южной Америки. О жизни этой обезьяны на свободѣ еще подробныхъ свѣдѣній нѣтъ, да и въ неволѣ ее мало наблюдали, такъ какъ она рѣдко попадала живую въ руки европейцевъ. Однако извѣстно, что по своему образу жизни пинче

мало отличается отъ другихъ видовъ игрунковыхъ. Она точно такъ-же боязлива и сердита, какъ большинство другихъ игрунокъ, трудно привязывается къ извѣстному человѣку; увидя чужого, она пугается и прячется въ какой-нибудь уголокъ; каждое безобидное животное считаетъ своимъ врагомъ и потому доставляетъ мало удовольствія своимъ хозяевамъ. По словамъ знатоковъ, обезьянки эти еще труднѣе, чѣмъ другія, уживаются въ неволѣ и какъ на своей родинѣ, такъ и у насъ считаются за самыя нѣжныя изъ всѣхъ игрунокъ. Парочка этихъ обезьянокъ, которая жила нѣсколько недѣль въ Берлинскомъ зоологическомъ саду, поразила меня особенно своимъ голосомъ, который удивительно похожъ на голосъ птицы: онъ состоитъ то изъ продолжительныхъ звуковъ, похожихъ на флейту, то изъ трелей, которыя начинаются высокимъ звукомъ «ди, ди, ди», затѣмъ, понижаясь, переходятъ въ «дре-дере-де» и оканчиваются короткимъ «гакъ, гакъ, гекъ». Мнѣ не извѣстно ни одного млекопитающаго и даже ни одной игрунки, у которой голосъ былъ бы такъ поразительно сходенъ съ голосомъ птицы.

* * *

Въ видѣ дополненія скажу нѣсколько словъ о серебряной обезьянкѣ (*Narale argentata*, *Simia* и *Callithrix argentata*, *Mico* и *Sagouin argentatus*. *Silberäffchen*, *Ouistiti argenté*). Это животное, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ красивыхъ обезьянокъ, имѣетъ всего 17—20 см. длины, а хвостъ около 25 см. Длинная шелковистая шерсть серебристо-бѣлаго цвѣта, хвостъ матово-черный и почти голое лицо мясного цвѣта.

«Маленькая серебряная обезьяна», говоритъ Бэтсъ, «одна изъ самыхъ рѣдкихъ американскихъ обезьянъ и встрѣчается, какъ кажется, только вблизи Каметы. по крайней мѣрѣ я не слышалъ, чтобы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ ее находили. Въ Каметѣ я видалъ трехъ обезьянокъ этого вида, на кокосовой плантаціи, и онѣ издали очень походили на бѣлыхъ котятъ. По своимъ движеніямъ и характеру онѣ сходны съ другими видами этого семейства. Впослѣдствіи я имѣлъ случай наблюдать одну изъ этихъ обезьянокъ въ неволѣ: это былъ очень пугливый и чувствительный звѣрекъ. Обладательница носила эту обезьянку всегда за пазухой и такъ любила ее, что не хотѣла продать ни за какія деньги. Обезьянка брала пищу у нея изъ губъ и позволяла хозяйкѣ себя ласкать и цѣловать, но никого чужого къ себѣ не допускала; если кто-нибудь ее хотѣлъ тронуть, то она страшно пугалась, все тѣло дрожало отъ страха, зубы стучали и животное издавало дрожащія звуки. При этомъ черные глазки съ любопытствомъ и недовѣрчивостью обращались на того, кто къ ней подходилъ».

Кондаминъ рассказываетъ, что губернаторъ города Пара ему подарилъ серебряную обезьянку, которая жила около года въ неволѣ и перенесла путешествіе въ Европу, но околѣла передъ самымъ приѣздомъ во французскую гавань. Привозили ли когда-нибудь этихъ обезьянъ въ Европу живыми, я сказать не могу; въ списокъ Лондонскаго зоологическаго сада, самаго богатаго животными, я эту обезьянку не нахожу.

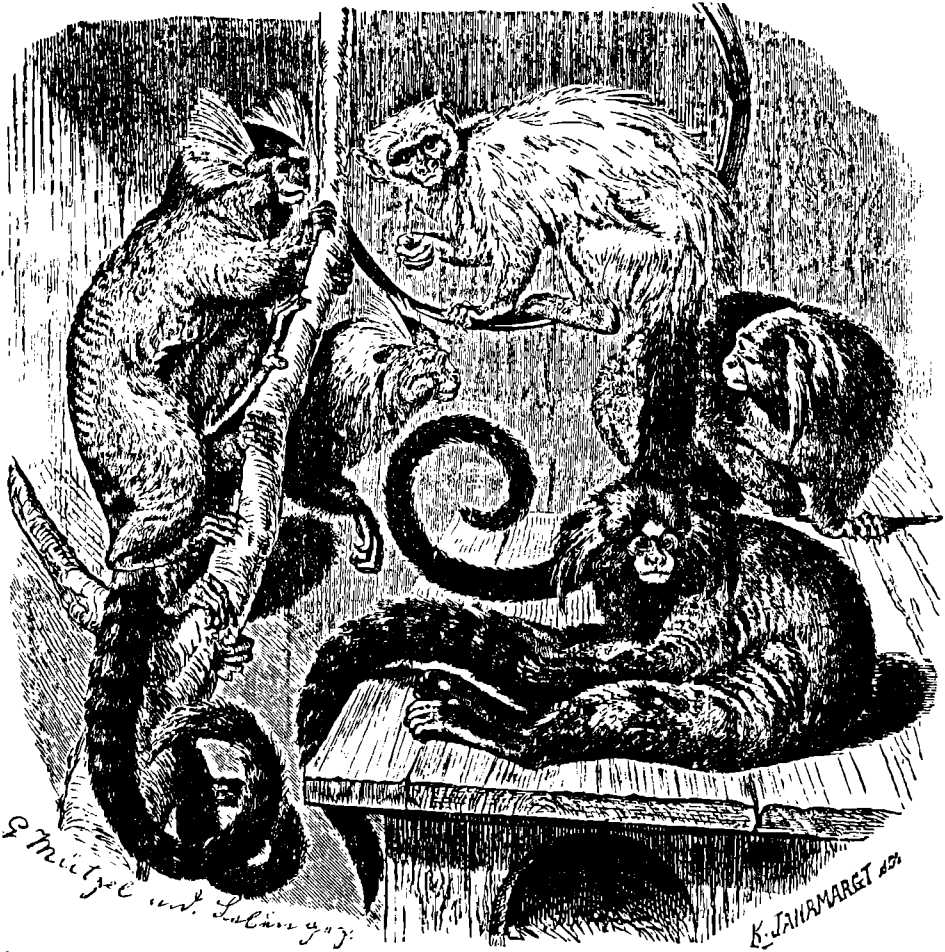
* * *

Шелковистыя обезьянки отличаются отъ вышеописанныхъ видовъ главнымъ образомъ волосистыми пучками, болѣе или менѣ развитыми на головѣ, а также ушами, края которыхъ большею частью усажены волоскамъ.

Самый обыкновенный видъ этой группы, это Сагуинъ, Уистити или Мармозетъ (*Narale jacchus* и *leucotis*, *Simia jacchus*, *Jacchus vulgaris*, *Saguin*, *Sagouin*): игрунка эта средняго роста, туловище 22-27 см., а хвостъ 30-35 см. Она очень

красива и покрыта длинною, мягкою шерстью. Цвѣтъ шерсти состоитъ изъ смѣшенія чернаго, бѣлаго и ржаво-желтаго. Смѣшеніе это происходитъ вслѣдствіе того, что волоски у основанія черные, затѣмъ рыжеватые, потомъ опять черные съ бѣлымъ кончикомъ. На верхней части спины преобладаетъ желтоватый цвѣтъ, а на нижней ея части замѣтны черныя и бѣлыя поперечныя волнистыя линіи. На животѣ и конечностяхъ всѣ волосы имѣютъ бѣлые кончики, отчего втотъ цвѣтъ

1) Уистити. *Napale jachus*. 2) Серебряная обезьяна. *P. argentata*. 3) Темный уистити. *N. penicillata*, $\frac{1}{4}$ наст. вел.

здѣсь яснѣе выступаетъ. Хвостъ черный, но на немъ замѣтны около двадцати бѣловатыхъ колечекъ, и кончикъ также бѣлый. Треугольное бѣлое пятно на лбу и чисто бѣлые пучки на ушахъ ясно выдѣляются на темно-бурой головѣ. Лицо темнаго тѣлеснаго цвѣта и покрыто рѣдкими бѣловатыми волосками.

Почти также часто встрѣчается Темный уистити (*Napale penicillata*, *Jachus penicillatus*, *Simia penicillata*, *Pinseläffchen*, *Ouistiti à pinceau*), по величинѣ похожій на предыдущую обезьянку, а по цвѣту темнѣе ея. Круглое пятно на лбу и лицо, покрытое короткими волосами, бѣлаго цвѣта; длинные пучки волосъ на ушахъ,

голова, затылокъ и шея темно-бурые; волосы на шеѣ длиннѣе и образуютъ родъ воротника. Шерсть на прочихъ частяхъ тѣла красновато-сѣрал, такъ какъ волосы у основанія темно-сѣрые, въ серединѣ блѣдно-красные, а на концѣ бѣлые; руки и ноги свѣтло-сѣрыя, а иногда темно-бурыя; колючки на хвостѣ попеременно сѣрыя и грязновато-бѣлыя.

Сагуинъ встрѣчается, по словамъ принца фонъ-Вида, въ окрестностяхъ города Баги и заходитъ даже на плантаціи, которыя расположены у опушки лѣса, гдѣ растетъ низкій кустарникъ; темный уистити живетъ въ лѣсахъ восточнаго берега Южной Америки, между 14° и 17° ю. ш. Образъ жизни тотъ же, что и у другихъ игрунковыхъ. Этихъ обезьянокъ можно встрѣтить небольшими обществами, отъ 3 до 8 штукъ, на низкихъ деревьяхъ и кустахъ; онѣ свистятъ и щебечутъ, какъ маленькія птички. Пища ихъ состоитъ изъ различныхъ плодовъ, напримѣръ, банановъ, а также изъ насѣкомыхъ и пауковъ. Днемъ эти звѣрки въ постоянномъ движеніи, а ночью сидятъ смирно и спятъ, съжившись и покрывши голову своимъ хвостомъ. У самки родится нѣсколько дѣтенышей, но почти всегда вырастаетъ только одинъ, котораго она носитъ, какъ другія обезьяны.

Уистити попадаютъ въ Европу чаще другихъ обезьянокъ этой группы. Ихъ уже знали скоро послѣ открытія Америки и съ тѣхъ поръ они встрѣчаются уже въ ручномъ состояніи. Кормятъ ихъ плодами, зеленью, насѣкомыми, улитками и даже мясомъ и они дѣлаются скоро ручными, но привыкаютъ только къ тѣмъ, кто за ними ходитъ. Къ чужимъ они относятся недовѣрчиво и ихъ боится, и вообще они капризны, какъ балованныя дѣти. Недовольство свое они выражаютъ особымъ свистомъ. Все незнакомое приводитъ ихъ въ смущеніе. Они такъ пугливы, что даже мимо летящая оса внушаетъ имъ страхъ. Когда они пойманы старыми, то сначала очень дики, кричатъ, когда кто-нибудь къ нимъ приближается, и долго не позволяютъ себя трогать. Когда же сдѣлаются ручными, то привыкаютъ не только къ людямъ, но дружатся и съ домашними животными, особенно съ кошками, съ которыми они даже любятъ спать, вѣроятно ради теплоты. Вообще они стараются всячески защититъ себя отъ холода и сносятъ въ уголъ своей кѣтки вату, шерсть и разныя тряпки, изъ которыхъ устраиваютъ себѣ постельку, куда ночью зарываются. Очень красивое зрѣлище представляетъ звѣрекъ, когда высовываетъ маленькую головку изъ постели, если знакомый человѣкъ принесетъ ему какое-нибудь лакомство.

Въ Парижѣ эти обезьянки спарились въ концѣ сентября и самка родила въ концѣ апрѣля, т. е. черезъ семь мѣсяцевъ, трехъ дѣтенышей—одного самца и двухъ самокъ. Молодые животныя были при рожденіи покрыты короткими сѣрыми волосками. Они тотчасъ же прицѣпились къ матери и спрятались въ ея шерсти, но раньше, чѣмъ начали еще сосать, мать откусила у одного дѣтеныша голову и съѣла ее. Другіе два дѣтеныша насосались вдоволь и какъ мать, такъ и отецъ стали за ними ухаживать. Когда мать находила, что дѣтеныши ей слишкомъ тяжелы, то она терлась о стѣну и сбрасывала ихъ съ себя; тогда отецъ позволялъ имъ влѣзть себѣ на спину. Иногда случалось, что самка подходила къ самцу и жалобными звуками какъ бы просила его освободить ее отъ дѣтенышей, и онъ дѣлалъ это всегда охотно. Самецъ носилъ дѣтенышей, какъ и самка, иногда на спинѣ, иногда на груди и держалъ ихъ у себя до тѣхъ поръ, пока они не требовали пищи, тогда онъ ихъ возвращалъ матери. Последняя, однако, даже меньше заботилась о своихъ дѣтенышахъ, чѣмъ отецъ, и, вѣроятно потому, маленькіе околѣли черезъ нѣсколько времени одинъ за другимъ. Послѣ нѣсколькихъ недѣль самка уже, очевидно, уставала таскать на себѣ дѣтенышей, а также и отецъ отказывался брать

ихъ къ себѣ; дѣтеныши тогда лѣзли на верхнюю стѣнку клѣтки, отсюда не умѣли спуститься и принимались жалобно кричать. Родители иногда помогали имъ въ этомъ затруднительномъ положеніи, но случалось, что не обращали вниманія на ихъ крикъ, и тогда сторожа должны были придти къ нимъ на помощь. Относительно вышеприведеннаго описанія слѣдуетъ замѣтить, что указаніе о семимѣсячной беремености во всякомъ случаѣ невѣрно: самка сагуина бываетъ беременна, какъ это видно изъ послѣдующаго, не болѣе 3—мѣсяцевъ.

Выше разсказанный примѣръ не единственный и уистити уже много разъ плодились въ Европѣ и однажды даже въ Петербургѣ, при самыхъ неудобныхъ условіяхъ: животныхъ держали въ холодную осень и весну въ нетопленной комнатѣ и не выпускали на свободу. Несмотря на это въ теченіе двухъ лѣтъ у нихъ три раза рождались дѣтеныши, которыхъ они благополучно выростили. Свѣдѣнія эти сообщаетъ извѣстный естествоиспытатель Палласъ и мы приводимъ здѣсь въ извлеченіи разсказъ его объ образѣ жизни и привычкахъ уистити въ неволѣ.

«Уистити, какъ всѣ другія игрунковыя Новаго Свѣта», говоритъ Палласъ, «менѣе обезьяна, чѣмъ крупныя породы. Онъ, правда, прыгаетъ и лазааетъ, когда захочетъ, очень быстро, но далеко не находится въ такомъ постоянномъ движеніи и покоѣ, какъ другія обезьяны; очень часто, наѣвшись и желая насладиться солнечнымъ свѣтомъ, онъ выказываетъ большую лѣность и тогда проводитъ цѣлыя часы въ обществѣ своихъ товарищей, не шевелясь и прицѣпившись къ прутьямъ своей клѣтки. Онъ лазааетъ по всѣмъ направленіямъ, иногда головою внизъ, иногда держась однѣми задними ногами, иногда вытягивается, держась передними ногами, какъ лѣнивый человѣкъ; но дѣлаетъ все это флегматично, безъ одушевленія. При тепломъ солнечномъ свѣтѣ уистити часто чистятъ другъ друга передними лапами и зубами и дѣлаютъ это иногда, вися рядомъ на рѣшеткѣ клѣтки, иногда сидя на полу, причѣмъ тотъ, котораго чешутъ, лежитъ растянувшись во всю длину. Во время этого занятія они тихо щебечутъ или воркуютъ. Съ подобнымъ же воркованьемъ отправляются они часовъ въ шесть вечера спать въ ящички, набитые соломой. До шести или семи часовъ утра обыкновенно ихъ не слышно и не видно; изрѣдка только выходила одна или другая обезьянка изъ своего гнѣзда по извѣстной надобности, потому что уистити никогда не пачкаетъ своего гнѣзда. Въ остальное время, т. е. 11 или 12 часовъ сряду, они бодрствовали, въ свои гнѣзда не заглядывали и возлизи въ своей клѣткѣ, издавая свое обыкновенное щебетанье и воркованье. Кромѣ этихъ звуковъ они по временамъ, особенно когда ихъ звали ѣсть, громко выкрикивали нѣсколько разъ сряду звукъ, сходный съ ихъ французскимъ названіемъ «уистити». Насытившись или нѣжась на солнцѣ, взрослые испускали иногда, широко раскрывая пасть, длинный, однообразный и въ высшей степени пронзительный свистъ, котораго нельзя было унять ни шиканьемъ, ни крикомъ. Завидя какое-нибудь неизвѣстное имъ животное, напримѣръ собаку или ворону, они нѣсколько разъ сряду отрывисто гоготали, почти какъ сорока, и, вытянувъ голову, поворачивали верхнюю часть тѣла то въ ту, то въ другую сторону, какъ человѣкъ, который что-нибудь высматриваетъ и принаравливается какъ бы лучше видѣть. Старые самцы иногда какъ бы трещали или хрюкали, когда ихъ сердили или показывали пищу издали и не давали ее. При этомъ они вытягивали лицо, какъ дѣлаютъ и другія обезьяны, когда сердятся, отрывисто кричали и старались передними лапами опарать того, кто ихъ дразнилъ, но сильно пугались, если ихъ хватили за лапку и удерживали ее внѣ клѣтки. Молодые уистити въ первый же годъ своей жизни, не успѣвши еще вырасти и покрыться шерстью, какъ взрослые, отрывисто кричали, какъ и большіе, когда между

собой или со старыми ссорились изъ-за лакомства; когда же имъ приходилось уступать, то они жалобно мяукали, какъ котята».

«Обезьянки эти всякую пищу берутъ прямо ртомъ, если же онѣ хватаютъ что-нибудь чрезъ рѣшетку, то дѣлаютъ это весьма неловко передними лапами, такъ какъ большой палецъ на нихъ не противопоставляется другимъ пальцамъ; очень большіе куски, которыхъ нельзя положить разомъ въ ротъ, уистити держатъ между двумя лапками, какъ бѣлки. На заднихъ лапахъ большой палецъ очень силенъ и единственный, имѣющій ноготь, между тѣмъ какъ на другихъ пальцахъ ногти, по этому задними лапами уистити хватаютъ и держатся съ большой силой. Пьютъ они, стоя на четверенькахъ и вытянувши или скорчивши туловище, при этомъ они лакаютъ, какъ кошки, или хлебаютъ прямо губами; точно также ѣдятъ они и размоченный въ молоко хлѣбъ, обыкновенно служащій имъ пищею. Уистити очень любятъ сахаръ и отлично грызутъ его своими тупыми зубами, хотя челюсти ихъ не сильны и они только при сильномъ раздраженіи прокусываютъ кожу человѣка. Мухъ, бабочекъ и пауковъ они ѣли съ удовольствіемъ, но вообще были умѣренны въ пищу и показывали большое разнообразіе вкусовъ; то, что нравится одному, не нравится другому. Одна самка, родившаяся въ Петербургѣ, была особенно разборчива на пищу».

«Свойственной другимъ обезьянамъ нечистойности у этихъ игрунокъ было вовсе не замѣтно. Въ своихъ гнѣздахъ онѣ никогда не дѣлали чего-либо неприличнаго; только когда ихъ дразнили и раздражали, то онѣ имѣли обыкновеніе пускать мочу на людей и самцы это продѣлывали чаще съ женщинами, чѣмъ съ мужчинами. Утромъ онѣ были вообще нечистоплотны, потому что старались какъ можно дальше выбросить изъ себя накопившійся за ночь калъ или мочу, хотя въ другое время дня испражнялись въ находящееся на полу кѣлѣтки сѣно. Моча ихъ имѣетъ очень сильный, протавный мускусный и вмѣстѣ съ этимъ гнилой запахъ и, какъ чисто ихъ ни содержать, ежедневно перемѣняя сѣно и вымывая полъ кѣлѣтки, отъ нихъ бываетъ все-таки, особенно въ маленькихъ комнатахъ, сильная вонь, которая, кажется, очень вредна для здоровья людей. Гнѣзда свои эти животныя содержали въ чистотѣ и тамъ не мочились».

«Уистити вовсе не такъ зябли, какъ слѣдовало бы ожидать отъ южно-американской обезьяны. Въ холодные осенніе дни я ихъ держалъ въ неотапливаемой комнатѣ, у окошка, при температурѣ, которая была постоянно близка къ точкѣ замерзанія. Правда, они грѣлись цѣлыми часами на солнцѣ или, прижавшись къ той части кѣлѣтки, которая была ближе къ желѣзной печкѣ, стоявшей въ этой комнатѣ. Замѣчательно, что они здѣсь, въ Петербургѣ, не любятъ сильной жары. Хозяинъ ихъ меня увѣрялъ, что въ жаркіе лѣтніе дни у нихъ часто дѣлаются судороги, которыя обыкновенно у нихъ бываютъ рѣдко, при этомъ очень трогательно видѣть, какъ здоровые ухаживаютъ за больнымъ и стараются помочь ему.

«Самка носитъ около трехъ мѣсяцевъ и у ней дѣтеныши рождаются два раза въ годъ. У нашей самки въ два года три раза рождалось по два дѣтеныша, большею частью самцы; всѣ они благополучно выросли и только двое умерло, и то уже взрослыми. Въ первыя недѣли послѣ рожденія молодые уистити почти совершенно голые и сидятъ на шеѣ матери, за еямохнатыми бѣлыми ушами; онитакъ зарываются въ шерсть, что видна только одна головка съ парю живыхъ глазокъ. Когда матери надоѣстъ таскать дѣтенышей, то она ихъ срываетъ и сажаетъ самцу на шею или бьетъ его и огрызается до тѣхъ поръ, пока онъ не возьметъ маленькихъ. Черезъ мѣсяцъ или шесть недѣль, когда у дѣтенышей выростетъ шерсть, мать ихъ отъ себя отучаетъ и даже не защищаетъ ихъ отъ старшихъ братьевъ, съ которыми они часто дерутся, причѣмъ слабѣйшихъ иногда чуть не душатъ».

Къ этой же группѣ относится самая маленькая изъ всѣхъ обезьянъ, карликовая игрушка (*Haralee pygmaea*, *Jacchus pygmaeus*, *Zwergseidenäffchen*, *Ouistiti pain*), величиною въ 16 см. съ такой же величины хвостомъ. Шерсть ея сверху и по сторонамъ глинисто-желтаго цвѣта съ черными полосками; лапки красновато-желтыя. Темныя полосы идутъ отъ спины къ бокамъ и на бедра; хвостъ имѣетъ неясныя кольца, состоящія изъ черныхъ, красновато-желтыхъ и бѣлыхъ волосковъ.

Спиксъ открылъ это красивое животное въ Бразиліи, на берегу Амазонской рѣки, около Табатинга; Бэтсъ видалъ карликовую игрушку въ окрестностяхъ Санъ-Пауло и объ образѣ жизни ея ничего не сообщаетъ, но говоритъ только, что при возвращеніи въ Европу, былъ очень удивленъ, что въ британскомъ музеѣ обезьянка эта считается живущей также въ Мексикѣ.

Отрядъ II.

Полуобезьяны (Prosimii).

Прежніе естествоиспытатели считали животныхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, за настоящихъ обезьянъ и потому соединяли ихъ въ одинъ отрядъ, мы же совершенно отдѣляемъ полуобезьянъ отъ настоящихъ обезьянъ и считаемъ нужнымъ изъ нихъ образовать совершенно отдѣльный отрядъ. На самомъ дѣлѣ полуобезьяны, которыхъ можно также назвать лемурувыми, мало похожи на четырехрукихъ. Все строеніе ихъ тѣла совершенно другое, а зубы не имѣютъ почти никакого сходства съ зубами обезьянъ. Если желать сохранить названіе четырехрукихъ, то оно скорѣе относится къ лемурувымъ, чѣмъ къ обезьянамъ, потому что различіе между рукой и ногой гораздо менѣе замѣтно у первыхъ, чѣмъ у послѣднихъ. Можно считать этихъ животныхъ за переходную ступень отъ обезьянъ къ сумчатымъ или за потомковъ неизвѣстныхъ животныхъ, сходныхъ съ двуутробками; обезьянами ихъ во всякомъ случаѣ считать нельзя.

Описаніе общихъ признаковъ полуобезьянъ сдѣлать довольно трудно. Ростъ, величина тѣла и конечностей, зубы и скелетъ у этихъ животныхъ очень разнообразны. Величина тѣла колеблется между ростомъ большой кошки и крысы. У большинства видовъ туловище тонкое, у иныхъ даже совсѣмъ худощавое; у нѣкоторыхъ голова и морда нѣсколько похожи на голову собаки или лисицы, у другихъ она похожа на голову сони, летяги или даже совы. Заднія конечности большею частью замѣтно длиннѣе переднихъ; величина первыхъ иногда очень значительна. У нѣкоторыхъ животныхъ этой группы ступня на заднихъ конечностяхъ довольно коротка, у другихъ, напротивъ, длинна. Строеніе рукъ и ногъ довольно разнообразно. У большинства полуобезьянъ и кисти и ступни похожи на руки. Пальцы на всѣхъ четырехъ конечностяхъ сходны между собой; большой палецъ отдѣляется отъ другихъ пальцевъ и на всѣхъ ихъ есть ногти, кромѣ второго, у котораго виденъ коготь; но вышеуказанное строеніе конечностей встрѣчается не у всѣхъ полуобезьянъ: замѣтны небольшія различія въ длинѣ, толщинѣ, а также въ отношеніи большого пальца къ прочимъ.

Величина хвоста очень разнообразна: у многихъ онъ длиннѣе туловища, у иныхъ очень коротокъ, иногда даже незамѣтенъ, у нѣкоторыхъ хвостъ пушистый, у другихъ почти голый. Большіе глаза, хорошо развитыя, иногда перепончатыя, иногда покрыты шерстью ушные раковины и густой мягкой мѣхъ, ко-

торый только у немногихъ состоитъ изъ жесткихъ волосъ, указываютъ, что полуобезьяны должны быть отнесены къ сумеречнымъ или ночнымъ животнымъ. Расположеніе, форма и число зубовъ гораздо болѣе разнообразны, чѣмъ у обезьянъ. Черепъ отличается сильнымъ округленіемъ затылка, короткими, но узкими лѣчными костями и большими глазами впадинами, которыя лежатъ близко одна къ другой, окружены выдающимися костями, но не представляютъ вполнѣ законченныхъ стѣнокъ, а соединяются отверстіемъ съ теменною впадиной. Въ хребетномъ столбѣ

Скелетъ мертвой головы (1) для сравненія со скелетами Монго (2) и Лори (3).

мы замѣчаемъ кромѣ 7 шейныхъ позвонковъ, 9 спинныхъ, 9 или болѣе поясничныхъ, отъ 2—5 крестцовыхъ и 8—30 хвостовыхъ. Въ противоположность обезьянамъ полуобезьяны имѣютъ соски не только на груди, но и на животѣ.

Мѣстомъ жительства полуобезьянъ служатъ Африка, главнымъ образомъ Мадагаскаръ и сосѣдніе острова, затѣмъ Индія и Зондскіе острова; здѣсь онѣ водятся чаще всего въ густыхъ лѣсахъ, богатыхъ различными плодами.

Всѣ эти животныя живутъ почти исключительно на деревьяхъ, иныя изъ нихъ на землѣ никогда не бываютъ. Нѣкоторыя полуобезьяны отличаются ловкостью и живостью своихъ движеній на вѣтвяхъ, у другихъ замѣчаются движенія тихія, обдуманная, какъ бы таинственные и мало замѣтныя, только немногія изъ нихъ двигаются днемъ, большинство же начинаетъ свою дѣятельность только ночью, а утромъ засыпаетъ. Нѣкоторыя питаются различными плодами, почками и молодыми листьями, другія—насъкомыми, небольшими позвоночными, а также и

растительными веществами. Въ неволѣ полуобезьяны привыкають ко всякой пищѣ. Животныя эти не приносятъ замѣтнаго вреда, но и пользы отъ нихъ мало; несмотря на это, туземцы относятся къ нимъ неравнодушно и считаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ за существа священные и неприкосновенныя, на другихъ же смотрятъ, какъ на существа опасныя и могущія принести вредъ человѣку. Вслѣдствіе вышесказаннаго туземцы отклоняють путешественниковъ и натуралистовъ отъ охоты за полуобезьянами, иногда даже мѣшаютъ этой охотѣ и не дозволяютъ дѣлать наблюдений надъ этими животными. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть причину, почему въ нашихъ звѣринцахъ и зоологическихъ садахъ полуобезьяны встрѣчаются рѣдко, хотя въ своемъ отечествѣ онѣ довольно обыкновенны и живутъ иногда большими стадами. Поймать ихъ живыми не особенно трудно и уходъ за ними въ неволѣ очень простъ и не представляетъ затрудненій; большинство видовъ переносятъ неволю гораздо лучше обезьянъ и даже размножаются въ клеткахъ, если пользуются мало-мальски хорошимъ уходомъ. Тѣ изъ полуобезьянъ, которыя отличаются живымъ нравомъ, понятливѣе другихъ, легко привыкають къ людямъ, ухаживающимъ за ними, и даже пріучаются исполнять по приказанію нѣкоторыя движенія, между тѣмъ какъ ночныя полуобезьяны всегда сонны и угрюмы и очень рѣдко показываютъ нѣкоторую благодарность за хорошей уходъ.

* * *

Римляне считали лемуровъ воплощеніемъ душъ умершихъ, изъ которыхъ добрыя охраняли семейство и домъ въ видѣ боговъ—Ларовъ, а злыя, въ видѣ скитающихся и лукавыхъ привидѣній, беспокоили бѣдныхъ смертныхъ; чтобы по возможности ублажить злыхъ, римляне устраивали особыя полночныя пиршества. Наука, обращающая, какъ извѣстно, вниманіе только на вполне ясныя стороны жизни организмовъ и часто приходящая въ затрудненіе при наименованіи безконечно разнообразныхъ произведеній природы, подразумѣваетъ подъ лемурами, правда, тоже ночныхъ бродягъ, но никакъ не безтѣлесныхъ существъ, а, напротивъ того, простыхъ животныхъ, которыя имѣють болѣе или менѣе пріятный видъ и красивую наружность. Признаки эти относятся къ типическимъ формамъ описываемаго отряда, именно, къ семейству лемуровыхъ, къ которому принадлежатъ самыя разнообразныя роды и виды.

Къ лемурамъ (*Lemuridae*) можно отнести вообще все только-что сообщенныя признаки животныхъ этого отряда, такъ какъ оба остальныхъ семейства полуобезьянъ существенно отличаются только по зубамъ, строенію конечностей и по шерсти. Зубы лемуровыхъ отличаются тѣмъ, что рѣзцы верхней челюсти мелки, стоятъ попарно и почти отвѣсно и раздѣлены по срединѣ промежуткомъ, а на нижней челюсти они больше и нѣсколько наклонены впередъ. Прочіе признаки родовъ этого семейства довольно разнообразны, на чемъ и основывается раздѣленіе ихъ на различныя виды. Отличія эти я укажу при разсмотрѣніи каждаго животнаго отдѣльно.

Лемуры живутъ главнымъ образомъ на Мадагаскарѣ и сосѣднихъ съ нимъ островахъ, встрѣчаются также по всей средней Африкѣ отъ восточнаго до западнаго берега, и только нѣкоторые виды находятся въ Индіи и на Зондскихъ островахъ. Все безъ исключенія полуобезьяны живутъ въ лѣсахъ, предпочитая тѣ дремучіе лѣса, которые изобилуютъ плодами и насѣкомыми; близость же людей, хотя ими и не избѣгается, но и не ищется. Все онѣ въ большей или меньшей степени ночныя животныя и, какъ все виды этого отряда, днемъ забираются въ темнѣйшую часть лѣса или въ дупла и спятъ тамъ, скорчившись или обнявшись. Ихъ позы при

этомъ въ высшей степени своеобразны: онѣ или сидятъ на заднихъ лапахъ, уцѣпившись руками за сукъ и низко опустивъ голову между притянутыми передними конечностями и обвивъ хвостомъ какъ голову, такъ и плечи; или же свертываются, попарно, обвивъ другъ друга хвостами такъ тѣсно, что образуютъ собою шаръ, и, если потревожить такой мѣховой клубокъ, то внезапно изъ него высовываются двѣ головы и широко раскрытыми глазами смотрятъ на нарушителя ихъ покоя.

Сонъ лемуриновъ очень чутокъ, жужжанье мухи или шорохъ отъ ползанья жука будить большую часть изъ нихъ; уши ихъ тогда приподнимаются и большіе глаза сонно смотрятъ по сторонамъ, но только нѣсколько мгновений, такъ какъ они чрезвычайно боятся дневного свѣта; ихъ глаза болѣе чувствительны и переносятъ дневной свѣтъ труднѣе другихъ млекопитающихъ. Днемъ они какъ бы мертвы и живущіе на волю пробуждаются лишь съ наступленіемъ сумерекъ, но къ находящимся въ неволѣ этого вполне отнестись нельзя.

При наступленіи сумерекъ они пробуждаются, чистятъ и приглаживаютъ мѣхъ, громко и непріятно кричатъ и отправляются странствовать за добычей по своимъ воздушнымъ владѣніямъ. Тогда начинается очень своеобразная у каждого отдельнаго вида лемуриновъ жизнь. Большинство видовъ начинаетъ свою дѣятельность общимъ крикомъ, который можетъ наполнить новичка ужасомъ, потому что онъ необыкновенно громокъ и напоминаетъ рычанье опаснѣйшихъ звѣрей, какъ напримѣръ львовъ. Этотъ общій ревъ означаетъ, какъ кажется, у лемуриновъ, такъ и у другихъ животныхъ, начало ихъ ночного скитанія. Они обходятъ послѣ этого пространства, избранныя ими для охоты или скорѣе для пастбища, и при этомъ выказываютъ такую подвижность, ловкость и проворство, которыхъ никакъ нельзя было ожидать при воспоминаніи о ихъ дневной сонливости. Они, можетъ быть, превосходятъ еще обезьянъ въ искусствѣ лазанья, прыганья и кривлянья. Кажется, что у нихъ вырастаютъ крылья: такіе огромные прыжки дѣлаютъ они съ одной вѣтки на другую, такъ быстро вбѣгаютъ вверхъ по стволамъ или по толстымъ вѣткамъ и такъ непрерывно двигаются самымъ различнымъ образомъ. Шайка, состоящая обыкновенно изъ довольно значительнаго числа животныхъ, достигаетъ наконецъ фруктоваго дерева и тутъ при грабежѣ они выказываютъ такую же дѣятельность, какъ и раньше при бѣганьѣ, лазаньѣ и прыгаеньѣ. Они пожираютъ большое количество плодовъ, но еще больше портятъ, и если бы эти обезьяны напали на плантацію, то причинили бы человѣку значительный вредъ. Но ихъ родные лѣса такъ богаты всевозможными и разнообразными плодами, что они не имѣютъ никакой причины посягать на имущество человѣка.

Совершенною противоположною только-что описаннымъ родамъ и видамъ этого семейства представляютъ другія лемуриновы по ихъ качествамъ, нраву и движеніямъ. Украдкой и неслышными шагами прокрадываются они съ вѣтки на вѣтку. Ихъ большіе круглые глаза свѣтятся въ сумеркахъ какъ огненные шары и только по нимъ и можно узнать о ихъ присутствіи: благодаря темному цвѣту шерсти, даже очень зоркому глазу нельзя замѣтить ихъ ночью, а бѣлая нижняя часть тѣла достаточно прикрывается сучьями, по которымъ они пробираются, или же принимается за проникшія въ чашу лучъ мѣсяца. Всѣ ихъ движенія совершаются такъ обдуманно и тихо, что ни одинъ звукъ не выдаетъ прислушивающемуся человѣку близкаго присутствія живого существа. Горе беззаботно спящей птичкѣ, на которую упадетъ этотъ огненный взглядъ! Ни одинъ индѣецъ тише не прокрадывается по военной тропѣ, никакой кровожадный дикарь не крадется къ своему врагу съ болѣе страшнымъ намѣреніемъ, чѣмъ лори къ спящей добычѣ. Безъ малѣйшаго шума, почти безъ видимаго движенія переставляетъ онъ одну лапу за

другую и все болѣе и болѣе приближается, пока не достигнетъ своей добычи. Потомъ онъ также тихо и осторожно поднимаетъ и медленно протягиваетъ руку, пока почти не прикоснется ея къ спящей. Тутъ лори дѣлаетъ быстрое, почти неслыханное движеніе и прежде, чѣмъ сонная птица успѣетъ почувать близость страшнаго врага, она уже схвачена и задушена. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить той жажды, съ которою на видъ такое добродушное четверорукое пожираетъ только-что убитое животное. Не удѣлѣютъ также ни птенцы, ни яйца, если только онъ замѣтитъ ея гнѣздо. Вся ночная жизнь лемурувыхъ проходитъ въ хищничествѣ; кажется, что они рѣшительно предпочитаютъ мясную пищу растительной, хотя и не отказываются отъ послѣдней. Всѣ сюда относящіяся виды расчетливы и осторожны. Они лазаютъ по деревьямъ медленно, но увѣренно. Прежде чѣмъ выпустить вѣтку, они всегда удостовѣряются, будетъ ли для нихъ другая достаточно надежной опорой. По землѣ они ходятъ плохо и скорѣе ползаютъ, какъ жабы, по лягушечьи, чѣмъ бѣгаютъ. О размноженіи лемурувыхъ мы знаемъ до сихъ поръ очень мало, несмотря на то, что многіе виды этого семейства размножались ужъ нѣсколько разъ въ неволѣ. У нихъ рождается по одному дѣтенышу, который тотчасъ послѣ рожденія прицѣпляется къ матери и носится ею до тѣхъ поръ, пока не научится самостоятельно двигаться. У нѣкоторыхъ видовъ, по рассказамъ жителей Мадагаскара, какъ самка, такъ и самецъ принимаютъ участіе въ ухаживаніи за дѣтенышемъ, но до сихъ поръ это не подтверждается наблюденіями. Для этихъ животныхъ необходима постоянная и довольно высокая температура; отъ холода они становятся вялы и заболѣваютъ. Въ неволѣ лемурувы выказываютъ неудовольствіе, когда имъ холодно, или когда нарушаютъ ихъ сонъ. Если же они довольны, то многіе изъ нихъ мурлычатъ на подобіе кошки.

За немногими исключеніями понятливость ихъ довольно ограничена; всѣ они робки, трусливы, хотя храбро защищаются, когда ихъ ловятъ. Привыкнувъ къ людямъ, они дѣлаются до нѣкоторой степени довѣрчивы, выказываютъ кротость, миролюбіе и добродушіе, но рѣдко теряютъ природную пугливостъ и пріобрѣтаютъ смѣлость. Нѣкоторые виды этого семейства переносятъ, впрочемъ, довольно хорошо неволю и, подчинившись человѣку, пріучаются даже оказывать ему услуги, напримѣръ, на охотѣ за другими звѣрями. Безхвостые же виды, напротивъ того, не измѣняютъ въ неволѣ своего унылаго характера, сердятся, когда ихъ беспокоятъ, и едва привыкаютъ отличать ухаживающаго за ними отъ другихъ людей, къ которымъ относятся всегда очень недовѣрчиво.

* * *

Индри-Индри!—посмотри! посмотри! говорили мадагассы путешествующему естествоиспытателю Соннера, обращая его вниманіе на лемура, который по своему особому строенію дѣйствительно возбудилъ вниманіе туземцевъ и былъ замѣченъ вышеназваннымъ естествоиспытателемъ. Соннера невѣрно понялъ восклицаніе мадагассовъ и назвалъ это животное индри, что, конечно, для туземцевъ совершенно непонятно. Когда найденъ былъ другой видъ этихъ животныхъ, то это названіе стало обозначать родъ, который мы здѣсь подъ этимъ именемъ и сохраняемъ.

Индри (*Lichanotus Indri*) соотвѣтствуетъ между полуобезьянами, если можно такъ выразиться, горилламъ и шимпанзе и считается высшими между всѣми лемурувыми. Голова его, въ сравненіи съ довольно крупнымъ тѣломъ, кажется маленькой, а на самомъ дѣлѣ средней величины и имѣетъ острую мордочку; переднія конечности только немного короче заднихъ, обѣ пары конечностей отличаются длиною кисти и ступни и сильнымъ развитіемъ большого пальца, который можетъ

быть противопоставленъ прочимъ пальцамъ, до середины соединеннымъ между собою кожицей; такимъ образомъ у индри конечности очень хорошо устроены для хватанья. Хвостъ имѣетъ видъ совершенно неразвитаго отростка. Дальнѣйшими отличительными признаками служатъ: относительно небольшіе глаза и маленькія, почти спрятанныя въ шерсти уши, раковины которыхъ внутри голыя, а снаружи покрыты шерстью. Все тѣло, конечности, даже пальцы до когтей покрыты густымъ мягкимъ мѣхомъ. Зубы состоятъ на верхней челюсти изъ четырехъ рѣзцовъ съ большимъ промежуткомъ по срединѣ, на нижней челюсти также изъ четырехъ, но плотно другъ къ другу стоящихъ рѣзцовъ, затѣмъ мы замѣчаемъ по одному клыку, двумъ ложно-кореннымъ и тремъ настоящимъ кореннымъ зубамъ съ четырьмя бугорками на каждой сторонѣ челюсти.

Прежде извѣстенъ былъ только одинъ видъ этого рода, настоящій индри, называемый мадагассами Бабаото «отцовскій сынъ» (*Lichanotus brevicaudatus*, Lemur indri, *Indris brevicaudatus*); позднѣе открылъ Петерсъ другой, вѣроятно отдѣльный видъ. Индри достигаетъ 85 см. длины, изъ которыхъ 2,5 см. слѣдуетъ отнести къ хвосту. Почти голое лицо имѣетъ темную, у живыхъ экземпляровъ, вѣроятно, темно-бурую окраску. Голова съ ушами, плечи, предплечье и руки—чернаго цвѣта. Верхняя часть спины и голени—бураго, передняя часть заднихъ конечностей темно-бураго цвѣта. Лобъ, темя, горло, грудь, хвостъ, нижняя сторона бедеръ и бока бѣлаго цвѣта. Измѣняется-ли эта окраска, до сихъ поръ еще точно неизвѣстно. Животное это еще такъ мало было наблюдаемо, что нельзя съ достовѣрностью сказать, отличаются-ли между собою по окраскѣ самцы отъ самокъ и дѣтеныши отъ взрослыхъ.

Хохлатый индри (*Lichanotus mitratus*, *Propithecus diadema*, *Kronenindri*, *Propithecus diadème*) вышеупомянутый второй видъ, а можетъ быть и разновидность настоящаго индри, по росту мало отличается отъ перваго: длина его 75 см., причемъ хвостъ занимаетъ 4,5 см. Шерсть у него шелковистая и мягкая, окраска ея очень красивая, хотя безъ яркихъ цвѣтовъ. Черная, голая морда и щеки, обросшія рѣдкими сѣрыми волосами, окружены широкимъ вѣнцемъ довольно длинныхъ волосъ чалаго цвѣта. Сзади вѣнецъ этотъ окруженъ черными волосами; онъ обрамляетъ все лицо ото лба до горла, гдѣ обѣ полосы соединяются. На темени находится ярко-бѣлое пятно, которое переходитъ и на ушные раковины и продолжается на задней части головы и на шеѣ въ видѣ сѣровато-бѣлыхъ полосъ. Внутренняя часть ушной раковины, затылокъ, плечи, спина до крестца, вся грудь, передняя часть бедеръ и внутренняя часть голени до самой ступни, кисти рукъ и передняя часть ступней чернаго цвѣта, причемъ отдѣльные волоса при основаніи сѣрые или сѣровато-черные. На задней части тѣла, начиная отъ крестца и, расширяясь, къ основанію хвоста, замѣтно бѣлое пятно въ видѣ удлиненаго треугольника. Внутреннія стороны переднихъ конечностей и бедеръ бѣлаго цвѣта. Задъ и хвостъ красновато-рыжаго цвѣта. Волоса на хвостѣ на концѣ сѣрые, предплечье и наружная часть бедеръ пепельно-сѣраго цвѣта, наружная часть голени до середины ступни и вся покрытая шерстью ступня сѣраго цвѣта.

Этотъ видъ живетъ тамъ-же, гдѣ и настоящій индри. Соннера, который далъ первое описаніе хохлатаго индри, рассказываетъ о немъ слѣдующее: «бабаото, точно такъ, какъ и настоящій индри, двигается ловко и проворно, отлично прыгаетъ съ дерева на дерево и питается преимущественно плодами; когда ѣсть, то сидитъ на заднихъ лапахъ, какъ векша, а передними держитъ пищу; голосъ его похожъ на крикъ плачущаго ребенка. По характеру своему хохлатый индри добродушенъ, крокъ, и легко приручается, почему туземцы южной части Мадагаскара часто дер-

жать его въ домахъ и дрессируютъ къ охотѣ, какъ собакъ». Полдень сообщаетъ намъ объ этомъ животномъ нѣсколько болѣе, но къ сожалѣнію не собственныя наблюденія, а то, что онъ слышалъ отъ туземцевъ.

«До сихъ поръ», говоритъ этотъ натуралистъ, «хохлатый индри встрѣчается только во внутренней части восточнаго Мадагаскара и почти исключительно только на сѣверо-востокѣ этого острова; туземцы по крайней мѣрѣ меня увѣрили, что въ другихъ мѣстахъ нигдѣ его не видно». Винсонъ, проходя черезъ большой лѣсъ въ Аланамазотрао два дня сряду былъ оглушенъ крикомъ бабакото, и сообщаетъ, что эти животныя встрѣчаются въ этихъ лѣсахъ въ большомъ числѣ, но замѣтить

Хохлатый индри. *Lichanotus mitratus*, $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ихъ въ густой листьѣ никакъ нельзя. Туземцы считаютъ бабакото сверхъестественнымъ и священнымъ существомъ, такъ какъ они думаютъ, что ихъ родители и предки послѣ смерти превращаются въ этихъ лемуровъ. На этомъ основаніи они глубоко вѣрятъ, что деревья, на которыхъ живутъ бабакото, содержатъ въ себѣ самыя лучшія лѣкарственные вещества отъ самыхъ неизлѣчимыхъ болѣзней и потому срываютъ листья съ того дерева, гдѣ сидѣлъ бабакото и прячутъ ихъ для употребленія въ видѣ лѣкарства, когда въ немъ встрѣтится надобность. Туземцы рассказываютъ также, что на бабакото очень опасно нападать съ копьями, потому что онъ умѣетъ схватывать ихъ на лету и съ большою вѣрностью мечетъ ими обратно въ охотника. Согласно другому разсказу туземцевъ, самка тотчасъ послѣ рожденія дѣтенышей кидаетъ ихъ самцу, сидящему въ нѣкоторомъ разстояніи на томъ-же деревѣ; тотъ, въ свою очередь, бросаетъ дѣтеныша обратно самкѣ, и такимъ обра-

зомъ, говорятъ, животныя узнаютъ, стоитъ-ли воспитывать дѣтеныша или нѣтъ. Если это перекидыванье, повторенное разъ двѣнадцать, удастся, т. е. несчастный дѣтенышъ не свалится на землю, то мать его принимаетъ и начинаетъ кормить, если-же онъ упадетъ, то родители его не поднимаютъ и онъ такимъ образомъ погибаетъ. Само собою разумѣется, что рассказы эти намъ только несомнѣнно доказываютъ, что туземцы совсѣмъ мало знакомы съ образомъ жизни этого интереснаго животнаго.

«Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Мадагаскара», говоритъ Полленъ, «пріучаютъ бабакого къ охотѣ за птицами, причемъ, какъ утверждаютъ, онъ оказываетъ такія-же услуги, какъ хорошая собака; хотя онъ питается преимущественно плодами, но не пренебрегаетъ и маленькими птичками, очень ловко ихъ ловитъ и лакомится ихъ мозгомъ».

На сколько извѣстно, хохлатаго индри, точно такъ, какъ и настоящаго, никогда не привозили въ Европу живымъ. Это тѣмъ болѣе странно, что, какъ выше сказано, животныя эти встрѣчаются на Мадагаскарѣ даже въ ручномъ состояніи, и содержаніе ихъ, безъ сомнѣнія, не представляетъ трудностей.

* * *

Другой родъ этого семейства носитъ названіе Маки, которое, какъ говорятъ, есть звукоподражаніе его крику; научное-же названіе этого рода Lemur. Почти отъ всѣхъ другихъ родовъ этого семейства маки отличаются удлиненой мордой, похожей на лисью, не очень большими глазами, часто мохнатыми, средней величины ушами, хорошо развитыми конечностями почти одинаковой величины, хвостомъ, длина котораго равняется длинѣ тѣла, и мягкимъ, шелковистымъ, а иногда шерстистымъ мѣхомъ. На каждой сторонѣ верхней челюсти замѣчаются 2 большею частью маленькихъ и тупыхъ рѣзца, а на нижней челюсти съ каждой стороны по три длинныхъ, острыхъ и прямо-стоящихъ рѣзца. Острые клыки сжаты со стороны; коронки верхнихъ трехъ ложно-коренныхъ имѣютъ трехгранную форму, а три нижнихъ настоящихъ коренныхъ имѣютъ по четыре неясныхъ бугорка и различны по величинѣ: передній самый большой, а задній самый маленькій. На длинномъ, сзади округленномъ черепѣ, челюсти рѣзко выдаются своей длиною. На скелетѣ кромѣ шейныхъ позвонковъ, мы замѣчаемъ: 12 паръ спинныхъ, 7 или 8 поясничныхъ, отъ 2—4 крестцовыхъ и отъ 22—29 хвостовыхъ; грудная клѣтка образуется 8 парами настоящихъ и 4 парами ложныхъ, узкихъ и острыхъ реберъ. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что желудокъ имѣетъ довольно большое боковое расширеніе и что отро-стокъ слѣпой кишки довольно великъ.

Прежде отличали много родовъ маки, но новѣйшія изслѣдованія показали, что многія изъ этихъ различій зависятъ отъ пола, а также указываютъ на нѣкоторыя разновидности этихъ животныхъ.

Только благодаря превосходнымъ наблюденіямъ Поллена, мы получили довольно обстоятельныя свѣдѣнія о жизни маки на свободѣ. Всѣ маки живутъ въ лѣсахъ Мадагаскара и сосѣднихъ острововъ; днемъ они прячутся въ густой листвѣ лѣса, а ночью отправляются на добычу, при чемъ двигаются очень быстро и громко кричатъ. Выше названный естествоиспытатель наблюдалъ преимущественно тотъ видъ маки, который извѣстенъ подъ названіемъ Майотта (*Lemur mayottensis*, Mayotte); описаніе его и даетъ намъ понятіе объ образѣ жизни всѣхъ маки вообще. Животныя эти живутъ стадами отъ 6—12 штукъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ острова, питаются преимущественно дикими финиками, и для отысканія ихъ странствуя изъ одной части лѣса въ другую. Ихъ можно видѣть какъ днемъ, такъ и ночью большею ча-

стью на деревьяхъ, съ которыхъ они, однако, по временамъ слѣзаютъ, чтобы собирать плоды, упавшіе съ деревьевъ. Тотчасъ послѣ захода солнца слышенъ ихъ жалобный крикъ, который обыкновенно издается всѣми животными одного стада сразу. Движенія ихъ, какъ и другихъ лемуновыхъ, необыкновенно легки и ловки; когда они находятся въ движеніи, то точно летаютъ по вершинамъ деревьевъ и совершаютъ прыжки по истинѣ поразительные. Если ихъ преслѣдуютъ собаки, то они спасаются на верхушку дерева, уставляютъ свои глаза на врага, шевелятъ хвостомъ туда и сюда и при этомъ ворчатъ; когда же они увидятъ охотника, то поспѣшно спасаются въ густой лѣсъ, почему гнаться за ними и застрѣлить ихъ очень трудно. Раненые маки храбро защищаются противъ собакъ и, по свѣдѣтельству Поллена, прыгаютъ собакамъ на спину и зубами впиваются имъ въ уши или шею. Для охоты за майоттами обыкновенно употребляютъ шницевъ, которые лаемъ указываютъ, что они пашли маки, и передними лапами скребутъ по дереву, на которомъ эти животныя сидятъ; послѣднія тогда обращаютъ главное вниманіе на собакъ и тѣмъ облегчаютъ охотникамъ возможность къ нимъ приблизиться. Охота эта очень интересна, но въ высшей степени утомительна вслѣдствіе непроходимости тамошнихъ лѣсовъ. Мясо майотта считается очень вкуснымъ и нѣсколько напоминаетъ кролика, поэтому за этими животными много охотятся, несмотря на то, что сходные виды на другихъ островахъ считаются неприкосновенными.

По своимъ душевнымъ способностямъ маки не стоятъ выше другихъ обезьянъ, но въ неволѣ довольно пріятны. Обыкновенно они кротки и смиренны, но въ-которые экземпляры дики, непонятливы и любятъ кусаться. Они позволяютъ себя ласкать, но къ хозяину не показываютъ особаго расположенія и одинаково любезны ко всѣмъ людямъ, или же ко всѣмъ одинаково худо относятся.

Нѣкоторые виды довольно часто привозятся въ Европу и подолгу живутъ въ неволѣ: одинъ вари, напримѣръ, жилъ въ Парижѣ въ теченіе 19 лѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ они скоро дѣлаются ручными, и содержаніе ихъ не представляетъ затрудненій, такъ какъ они привыкаютъ ко всякой пищѣ. Они обыкновенно схватываютъ пищу передними конечностями и подносятъ ко рту, но случается, что берутъ ее прямо ртомъ съ земли. Когда они довольны, то тихо мурлычатъ и этимъ же мурлыканьемъ убаюкиваютъ себя передъ сномъ.

У Бюффона жилъ самецъ маки, который радовалъ хозяина своими быстрыми, ловкими и красивыми движеніями, но сильно досаждалъ нечистоплотностью и разными проказами. Онъ нерѣдко забирался въ сосѣдніе дома и кралъ тамъ плоды, сахаръ и другія вкусныя вещи, и въ случаѣ необходимости отлично умѣлъ открывать двери комнатъ и шкафовъ, а также крышки ящичковъ. Его нужно было привязывать, а когда онъ убѣгалъ, то поймать его было очень трудно, такъ какъ онъ кусалъ даже тѣхъ людей, которыхъ хорошо зналъ и, казалось, любилъ. Онъ очень охотно лизалъ руку своего хозяина, причѣмъ рука скоро краснѣла, такъ какъ языкъ маки такой же шершавый, какъ у кошки; когда рука сильно краснѣла, то онъ часто кусалъ ее вмѣсто того, чтобы лизать. Онъ постоянно мурлыкалъ, но когда его оставляли одного, то онъ очевидно скучалъ и издавалъ звукъ, похожій на кваканье лягушки. Этотъ маки очень боялся холода и мокроты и зимой почти всегда сидѣлъ около огня, иногда даже становился на заднія лапы, чтобы лучше погрѣться.

Маки, который долго жилъ въ Парижѣ, точно также любилъ огонь и постоянно сидѣлъ передъ каминомъ; бѣдное, южное животное было такъ зябко, что не только руки, но и морду свою подносило такъ близко къ огню, что нѣсколько разъ обжигало себя усы. Въ противоположность вышеупомянутому, этотъ маки былъ чистоплотенъ, имѣлъ на всемъ тѣлѣ блестящую шерсть и старательно берегъ ее

отъ всякой гризи. Кромѣ того онъ былъ очень живъ, подвиженъ и любопытенъ: онъ все разсматривалъ и изслѣдовалъ и любилъ бросать, рвать и опрокидывать все, что ему попадалось. Онъ относился пріятливо ко всѣмъ лицамъ, которыя его ласкали, и скакалъ на колѣни даже къ незнакомымъ. Вечеромъ онъ прыгалъ и танцевалъ какъ-бы по такту около получасу, затѣмъ укладывался на полку надъ дверью и тихо мурлыкалъ до тѣхъ поръ, пока не засыпалъ. Въ молодости онъ былъ не разборчивъ на пищу и даже пилъ вино, но съ возрастомъ сталъ разборчивѣе, а также смирше и понятливѣе.

Въ Парижѣ жила парочка бѣлолобыхъ маки, которые между собой были очень дружны. Послѣ четырехъ-мѣсячной беременности у самки родился дѣтенышъ, величиною съ крысу и съ открытыми глазами; дѣтенышъ тотчасъ прицѣпился къ матери и расположился поперекъ тѣла на нижней части живота. Мать подымала бедра кверху и ими почти совершенно закрывала дѣтеныша, а когда кто-нибудь изъ людей приближался, то она становилась къ нему спиной, чтобы нельзя было разглядѣть дѣтеныша. Она была очень ручна, но послѣ рожденія дѣтеныша стала сердита и показывала зубы всякому, кто къ ней подходилъ. Шестъ недѣль послѣ рожденія дѣтенышъ по окраскѣ мѣха не отличался отъ матери и началъ пробовать пищу, предлагаемую родителямъ, но пересталъ сосать только на шестомъ мѣсяцѣ.

Въ Парижскомъ Jardin des Plantes одинъ вари былъ посаженъ въ одну клѣтку съ другимъ маки, меньшаго роста, и жилъ съ нимъ очень дружно, но когда ихъ обоихъ посадили въ другое помѣщеніе, то болѣе сильный вари загрызъ своего товарища въ первую же ночь.

О маки, которые нынѣ живутъ во Франкфуртскомъ зоологическомъ саду, Гаакъ сообщаетъ слѣдующее: «Нашъ краснолобый маки меня убѣдилъ, что даже полуобезьяны умѣютъ довольно ясно выражать свои желанья. Ему доставляетъ, видимо, большое удовольствіе легкое почесыванье затылка. Такъ какъ онъ знаетъ, что я по возможности часто и охотно доставляю ему это пріятное ощущеніе, то какъ только я появляюсь передъ его клѣткой, онъ спрыгиваетъ со своей жердочки, прижимается къ рѣшеткѣ и подставляетъ свой затылокъ для чесанья. Если я не сразу исполняю его желаніе, то онъ скрещиваетъ свои руки назадъ и, дѣлая пальцами движеніе, какъ-бы для чесанья, указываетъ мнѣ на то, чего онъ отъ меня ожидаетъ. Монго, который живетъ въ той же клѣткѣ, также приближается къ рѣшеткѣ, чтобы быть почесаннымъ, но не умѣетъ такъ ясно выразить свое желаніе, какъ первый. Бѣлолобый маки, который живетъ въ сосѣдней клѣткѣ, умѣетъ также хорошо обратить на себя вниманіе: чтобы выпросить лакомство или заставить себя почесать, онъ прыгаетъ назадъ и впередъ у рѣшетки до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ своей цѣли. Другой маки, его сожителю по клѣткѣ, напротивъ того, очень смирень и неповоротливъ, вѣроятно потому, что хвораетъ. Вари и черные маки, которыхъ мы держали, также не умѣли привлекать къ себѣ вниманія посѣтителей. Я замѣтилъ у всѣхъ маки, за которыми ухаживалъ, за исключеніемъ, впрочемъ, вари, совершенно своеобразное движеніе головой. Маки любятъ бѣгать вдоль стѣнокъ помѣщенія, высоко поднявъ голову кверху и опираясь передними конечностями частью о полъ, а частью о стѣну. Когда они достигнутъ угла клѣтки, то быстро поворачиваютъ голову по тому направленію, куда собираются двигаться, такъ что голова при этомъ опережаетъ движеніе всего тѣла. Всѣ наши маки, опять за исключеніемъ вари, имѣютъ большое пристрастіе къ живымъ птичкамъ, которымъ они живо отрывають голову и съѣдаютъ ее съ особеннымъ удовольствіемъ».

Къ тѣмъ видамъ, которые имѣютъ одноцвѣтный хвостъ и мохнатя уши, спрятанныя въ длинной шерсти, принадлежитъ Вари (*Lemur varius*, Vari), одно изъ крупныхъ животныхъ этого рода. Длина его туловища около 40 см., а хвостъ оцоло 50 см. Довольно густой мѣхъ, который особенно длиненъ на головѣ и по сторонамъ шеи, окрашенъ большими бѣлыми и черными пятнами, при чемъ у иныхъ экземпляровъ преобладаетъ бѣлый цвѣтъ, а у иныхъ черный, случается даже встрѣчать животныхъ почти совсѣмъ бѣлыхъ или почти совсѣмъ черныхъ. У иныхъ половина спины бѣлая, а брюхо черное, у другихъ цвѣта эти расположены въ обратномъ порядкѣ. Лицо, хвостъ и переднія конечности почти всегда черныя; щеки и мѣста около ушей чаще всего бѣлыя. Болѣе точныхъ указаній о цвѣтѣ животныхъ дать нельзя, развѣ только, что обѣ половины тѣла окрашены всегда одинаково.

«До сихъ поръ,» замѣчаетъ Полленъ, «вари находили только въ лѣсахъ вну-

Вари. *Lemur varius*, $\frac{1}{7}$ част. вел.

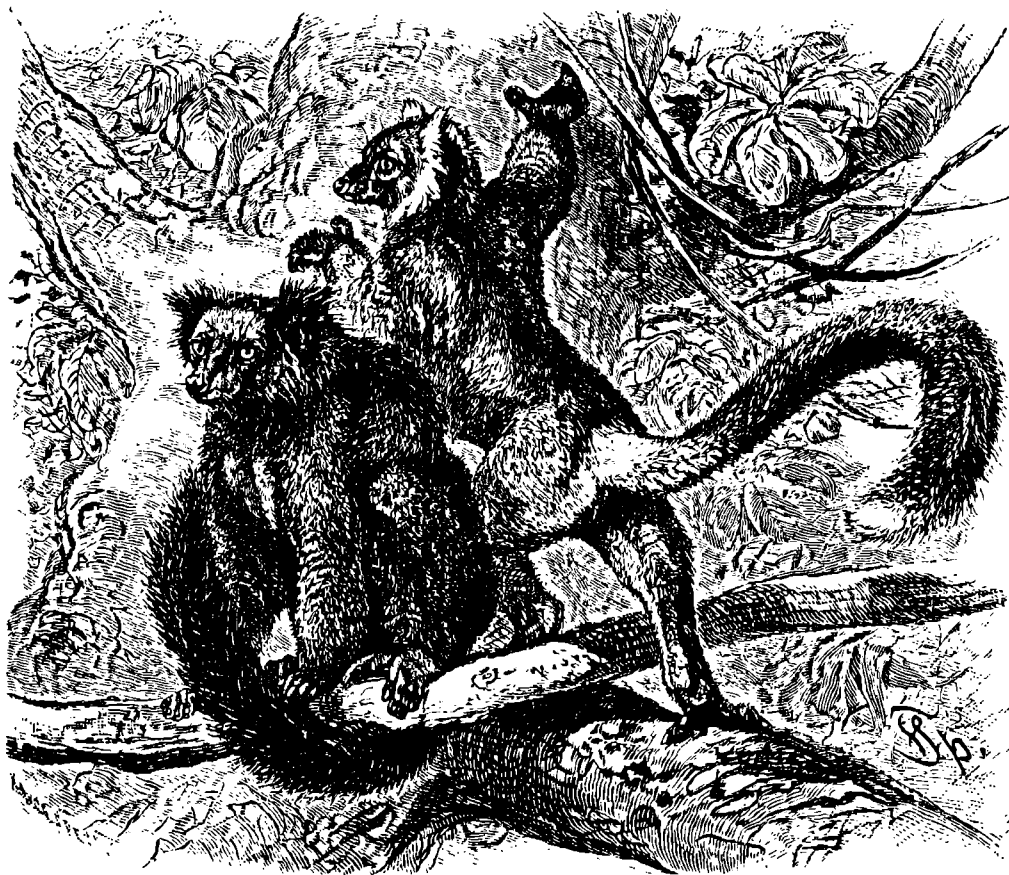
тренней части Мадагаскара, т. е. въ мѣстности, которая простирается между Тинтинге, Таматаве и Антананариво. Онъ живетъ большими стадами, которая питаются плодами. Вари пугливое, дикое животное, голосъ у него сильный и потому слышенъ издали; завываніе стада этихъ животныхъ напоминаетъ ревъ льва и звучитъ такъ страшно, что невольно вздрогнешь, когда первый разъ его услышишь. Образъ жизни его, на сколько извѣстно, мало отличается отъ образа жизни сродныхъ видовъ».

«Въ неволѣ,» пишетъ Гаакъ, «вари тише другихъ маки; онъ не приближается въ посѣтителемъ, чтобы выпрашивать отъ нихъ ласки или лакомства; только молодя животныя любятъ играть, но ручными дѣлаются и старыя. Вари можетъ переносить довольно низкую температуру. Прекрасный самецъ, который жилъ въ нашемъ саду, страдалъ отъ чахотки и пересталъ ѣсть. Я объяснилъ его болѣзнь отчасти дурнымъ воздухомъ въ томъ помѣщеніи, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ обезья-

янами, и хотя у насъ была зима, я пересадилъ его въ клѣтку на чистый воздухъ. Ночью термометръ падалъ до 8° ниже нуля, но вари переносилъ очень хорошо этотъ морозъ. У него возстановился аппетитъ и увеличивался со дня на день, и вниманіе къ окружающимъ предметамъ также возрасло. Днемъ вари сидѣлъ и лазалъ по сухому дереву, которое было поставлено въ клѣткѣ, а ночью спалъ на сѣнѣ на полу. Къ сожалѣнію, болѣзнь была уже такъ сильна, что свѣжій воздухъ и увеличеніе питанія не могли спасти животное. Этотъ вари умеръ въ довольно теплую погоду».

Изъ сходныхъ видовъ упомянемъ сначала о Черномъ мани, котораго сакалавы

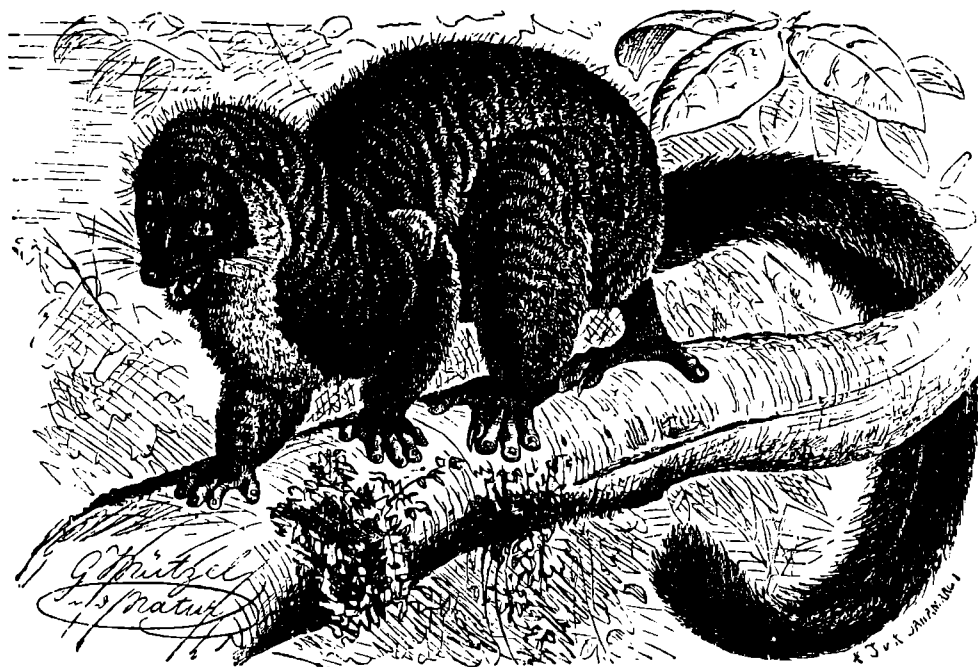

Черный мани. *Lemur macaco*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

называютъ Акумба (*Lemur macaco*, *L. niger*, *L. leucomystax*. Morenмаки. Маки ма-сасо). Животное это замѣчательно тѣмъ, что, по новѣйшимъ изысканіямъ, оно ясно доказываетъ, какъ рѣзко могутъ отличаться другъ отъ друга помы у одного и того-же вида. Самецъ, которому собственно и дано названіе чернаго маки, весь окрашенъ въ черный цвѣтъ, только у нѣкоторыхъ замѣчается красновато-бурый налетъ на сторонахъ тѣла и на конечностяхъ; а въ хвостѣ иногда встрѣчаются нѣсколько бѣлыхъ волосъ. Самку же Бартлетъ описалъ какъ отдѣльный видъ и назвалъ бѣлородымъ мани (*Lemur leucomystax*. Weisstirnмаки. Маки à front blanc); она значительно отличается по цвѣту отъ самца и у нея преобладаетъ ржаво-крас-

ный цвѣтъ, который бываетъ то свѣтлѣе, то темнѣе, а на серединѣ спины переходить иногда въ пурпурово-красный; щеки, ноги и хвостъ чаще всего бѣлаго цвѣта и только въ видѣ исключения иногда также рыжіе. Верхняя часть головы у большинства экземпляровъ бѣлаго цвѣта, но часто съ сѣрымъ или черноватымъ налетомъ, который иногда замѣтенъ очень ясно; большое черное пятно на задней части головы переходитъ иногда въ ржаво-красный цвѣтъ. Раекъ у обоихъ половъ буровато-оранжеваго цвѣта. Величина животного мало отличается отъ величины другихъ мака.

Животныя эти, какъ самцы такъ и самки, были извѣстны въ неволѣ гораздо раньше, чѣмъ Полленъ намъ сообщилъ извѣстіе о ихъ образѣ жизни на свободѣ; я уже прежде зналъ, что черный и бѣлородый мака принадлежать къ одному и

Монгоцъ. Lemur mongoz. $\frac{1}{7}$ наст. вел.

тому же виду, а наблюденія Поллена и другихъ естествоиспытателей доказали это вполне достоверно, такъ какъ они узнали то же, что и я зналъ раньше.

Акумба живетъ въ лѣсахъ, простирающихся между заливомъ Діега Суарецъ и заливомъ Бомбедокъ, также въ лѣсу Луку-Бе, на островѣ Носси-Бе, но держится почти исключительно на высочайшихъ деревьяхъ самой непроницаемой чащи. Какъ и другіе мака, онъ живетъ небольшими стадами и по ночамъ странствуетъ по лѣсу за добычей, по вечерамъ же все стадо издаетъ общими усиліями страшный крикъ. Иногда, напримѣръ, при взглядѣ на какіе-нибудь подозрительные предметы крикъ прерывается особеннаго рода хрюканьемъ. Ловкость, которую выказываютъ мака при прыганьи съ одного дерева на другое, кажется невѣроятной. За ними трудно слѣдить глазами и гораздо легче убить на лету птицу, чѣмъ акумбу. Они имѣютъ обыкновеніе, когда за ними гонятся, падать съ вершины дерева внизъ и такимъ образомъ обманываютъ охотника, который полагаетъ, что убилъ ихъ, между

тѣмъ какъ они черезъ нѣсколько времени снова влѣзаютъ на деревья, находящіяся на довольно большомъ разстояніи. Вслѣдствіе этого охота за ними въ высшей степени затруднительна. Тѣ, которые пойманы молодыми, дѣлаются скоро ручными и довѣрчивыми, садятся на плечо своего хозяина и пріучаются ко всякой пищи, которую имъ предлагаютъ. Въ дикомъ состояніи они питаются растительной пищей, чаще всего бананами, но никогда не отказываются отъ мозга какой-нибудь птички, который они высасываютъ, раскусивши черепъ.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ Мадагаскара запрещено убивать или даже живыми держать у себя маки. Когда Полленъ посѣщалъ островъ Носси-Фалія, то туземцы осматривали его багажъ, чтобы узнать, не везетъ-ли онъ съ собой маки, которые, по ихъ мнѣнію, осквернили бы островъ. Однажды путешественникъ этотъ, возвращаясь съ охоты, долженъ былъ свезти всю свою добычу на Мадагаскаръ и только послѣ этого его допустили на островъ Носси-Фалія. Туземцы объяснили ему, что они требуютъ этого потому, что маки принесутъ имъ непременно несчастье. Въ зоологическомъ саду общества акклиматизаціи на островѣ Соединенія Полленъ видалъ одного самца и двухъ самокъ чернаго маки, а также нѣсколько дѣтенышей мужского пола, которые по окраскѣ тѣла не отличаются отъ взрослыхъ самцевъ. Жители Мадагаскара знаютъ очень хорошо различіе половъ этихъ животныхъ.

Я могу дополнить вышеизложенныя свѣдѣнія своими собственными наблюденіями. Среди другихъ животныхъ получилъ я разъ также двухъ живыхъ маки, самца и самку, которые жили вполне дружно и потому не были раздѣлены: это были первые маки, за которыми мнѣ пришлось ухаживать, и я могъ надъ ними сдѣлать подробныя наблюденія. Прежде всего я узналъ, что эти животныя вовсе не такъ сильно любятъ мясо и насѣкомыхъ, какъ до сихъ поръ думали. Я предложилъ своимъ плѣнникамъ сырое и вареное мясо, мышей, воробьевъ и яйца; они ѣли все, но не показывали особой жадности къ этой пищѣ: внутренность и яйца они только лизали; воробьевъ они хватали быстро, но жадности при этомъ не выказывали; только мухъ ловили они съ настоящей страстью и очень искусно умѣли ихъ схватывать. Напротивъ того, плоды были для нихъ, очевидно, самою любимую пищу: они охотно ѣли всѣ наши европейскіе плоды, а также вареный рисъ и картофель, иногда хлѣбъ съ молокомъ.

Въ концѣ марта у самки совершенно неожиданно родился дѣтенышъ; а беременность ея нельзя было вовсе замѣтить, и я не обратилъ вниманія на то, что нѣсколько дней до рожденія она кусала свои соски. Дѣтенышъ родился съ открытыми глазами и показывалъ съ самаго начала довольно большую самостоятельность. Мать старательно его вылизала и съ большою нѣжностью положила на грудь, придерживая его сначала, когда онъ сосалъ, но черезъ нѣсколько дней онъ въ этомъ болѣе не нуждался. Мать однако выказывала большую заботу о дѣтенышѣ, прикрывала его хвостомъ, съживалась, чтобы спрятать его отъ постороннихъ взглядовъ. Я изъ предосторожности перевелъ самца въ другое отдѣленіе клѣтки, но самка скучала по немъ, засматривалась на него въ щель перегородки, пріятно мурлыкала, когда онъ шевелился, и вообще наблюдала за всѣми его движеніями.

Въ первый мѣсяцъ дѣтенышъ развивался очень быстро. Въ началѣ онъ прицѣплялся не такъ, какъ большинство другихъ молодыхъ обезьянъ, къ груди матери, а скорѣе къ бокамъ ея, потомъ онъ часто лазалъ по погамъ вверхъ и внизъ, влѣзалъ ей на спину, тамъ прятался въ мѣхъ и оттуда довѣрчиво выглядывалъ своими умными глазками. Черезъ мѣсяцъ уже онъ былъ такъ самостоятеленъ, что отцѣпился отъ матери и пробовалъ лазать по жердямъ клѣтки. Тотчасъ послѣ рожденія меня поразило то, что дѣтенышъ по окраскѣ былъ совершенно похожъ на отца и

не показывалъ и слѣда смѣшенія цвѣтовъ, свойственныхъ дѣтенышамъ, происшедшимъ отъ скрещиванья, тогда только я изслѣдовалъ своихъ маки и узналъ, что всѣ черныя маки—самцы, а всѣ бѣлобородныя—самки. Послѣ справокъ, сдѣланныхъ въ различныхъ зоологическихъ садахъ, именно въ Лондонѣ, Кельнѣ, Роттердамѣ, а также у моихъ знакомыхъ въ Занзибарѣ, подтвердились мои наблюденія, и такимъ образомъ предположеніе, что черныя и бѣлобородныя маки суть только различныя полы одного и того же вида, превратилось въ достовѣрный фактъ.

Для дополненія свѣдѣній о маки, упомяну еще о двухъ видахъ, которые довольно часто встрѣчаются живыми въ зоологическихъ садахъ. Первый видъ это Монгоцъ (*Lemur mongoz*, *L. nigrifrons* Mongoz), которые привозятся въ Европу довольно часто. По величинѣ онъ мало отличается отъ другихъ видовъ, именно, длина его 95 см., изъ которыхъ половину занимаетъ хвостъ. Верхняя часть тѣла темно-

Катта. *Lemur catta*. $\frac{1}{7}$ наст. вел.

пешельнаго цвѣта, такъ какъ волоса имѣютъ черныя и бѣлыя колечки. Голова темно-сѣрая, а на задней части спины и виѣшнихъ частяхъ бедеръ сѣрый цвѣтъ переходитъ въ свѣтло-бурый. Подъ горломъ идетъ бѣлая полоса, которая въ видѣ воротника доходитъ до ушей. Внутренняя часть конечностей также бѣлая; животъ свѣтло-рыжій, морда черная, а глаза коричневыя. И у этого вида были замѣченны различія въ окраскѣ, но не столь значительныя, какъ у предыдущаго вида. Мнѣ неизвѣстно никакого хорошаго описанія образа жизни этихъ животныхъ на свободѣ, а въ неволѣ они по своему нраву не отличаются отъ другихъ маки.

* * *

Другой замѣчательный видъ, это Катта (*Lemur catta*, *Catta*), который отличается красотой формы и окраски, а также длиннымъ хвостомъ, на которомъ замѣтны свѣтлыя кольца, и относительно большими глазами. По величинѣ онъ нѣсколько меньше предыдущихъ. Длина его тѣла 35—40 см., а хвостъ около 50 см. Плотный, мягкій и нѣсколько волнистый мѣхъ сѣраго цвѣта, который въ нѣко-

торыхъ мѣстахъ переходить въ пепельно-сѣрый, а въ другихъ въ ржаво-красный. Лицо, уши и брюхо бѣловатаго цвѣта; морда и округлость глазъ черного. Самцы отъ самокъ, повидимому, цвѣтомъ не отличаются.

По наблюденьямъ Поллена, катта, котораго нельзя смѣшать съ другими маки, водятся только въ лѣсахъ юго-западной части Мадагаскара, и въ другихъ мѣстностяхъ острова нигдѣ не былъ замѣчаемъ. Онъ живетъ, какъ и другіе маки, стадами и по образу жизни отличается отъ нихъ развѣ только миловидностью и необыкновенною подвижностью. По Поллену, катта прыгаетъ съ дерева на дерево очень ловко и красиво и черезъ извѣстные промежутки издаетъ крикъ, который по силѣ вовсе не походитъ на крикъ другихъ маки, а напоминаетъ мяуканье нашей домашней кошки. Пойманный катта очень скоро привыкаетъ къ своему хозяину. Полленъ рассказываетъ объ одномъ молодомъ животномъ этого вида, принадлежавшемъ чиновнику на французскомъ корветѣ, которое такъ хорошо знало своего хозяина, что легко узнавало его среди экипажа и пассажировъ. Оно охотно играло съ юнгами и съ собакой, которая была на кораблѣ. Маленькую обезьянку одного матроса катта ласкалъ, какъ своего собственнаго дѣтеныша, но иногда хваталъ за хвосты куръ, которыя подходили къ его клеткѣ и дергалъ перья до тѣхъ поръ, пока куры не раскричатся; иногда онъ сидѣлъ безъ движенія съ вытянутыми руками и пристально глядѣлъ на солнце. Я только разъ видалъ катта въ неволѣ, но не имѣлъ случая ихъ наблюдать и потому не могу чѣмъ нибудь дополнить свѣдѣнія, сообщенныя Полленомъ.

Полумани (*Naralemur. Halbmakis*) отличаются отъ упомянутыхъ выше формъ тонкимъ кунцеобразнымъ тѣломъ, съ довольно короткими и похожими между собою конечностями и хвостомъ, длина котораго почти равна длинѣ тѣла. Голова круглая съ острой мордой, маленькими глазами и широкими, но очень короткими, почти совсѣмъ скрытыми въ мѣхъ ушами, которыя густо покрыты волосами и снаружи, и внутри. Руки и ноги снабжены тонкими пальцами, большой палецъ на рукахъ коротокъ, а на ногахъ умеренной длины. Зубовъ, какъ у маки, — 36; они особенно отличаются тѣмъ, что оба верхнихъ среднихъ рѣзца стоятъ впереди наружныхъ.

Шерстистый мѣхъ единственнаго извѣстнаго до настоящаго времени представителя этого рода *Naralemur griseus*, *Lemur griseus*, *Naralemur olivaceus*, *Halb-maki*. *Maki gris*) оливково-буроватаго цвѣта, который у нѣкоторыхъ экземпляровъ переходитъ въ желтоватый, у другихъ въ рыжій; обыкновенно цвѣтъ этотъ ярче всего по сторонамъ головы; нижняя сторона тѣла болѣе сѣраго цвѣта, чѣмъ верхняя; брюхо ржаво-желтое, хвостъ чало-сѣрый; раекъ глаза бурый. Тыльная сторона рукъ и ногъ покрыта до самыхъ ногтей рѣдкими волосами. Длина равняется 60—65 сп., изъ которыхъ 35 приходится на хвостъ.

Полумаки, называемый мадагаскарцами сѣверъ-западной части острова Бокомбуль, живутъ преимущественно въ бамбуковыхъ лѣсахъ. Въ такихъ лѣсахъ нашелъ его Полленъ на разстояніи нѣсколькихъ дней пути отъ морского берега, на берегахъ рѣки Амбассуана. «Туземцы», говоритъ онъ, «такъ часто рассказывали мнѣ объ этомъ животномъ, что я не могъ отказать себѣ въ посѣщеніи этихъ лѣсовъ, чтобы наблюдать его лично. Когда я объявилъ проводникамъ свое намѣреніе, то они стали представлять тысячу затрудненій, утверждали, что для блага опасно охотиться въ бамбуковыхъ лѣсахъ, которые разорвутъ на каждомъ шагу мою одежду и поранятъ меня, что мѣстопробываніе животнаго находится слишкомъ далеко, что я по дорогѣ могу захворать и т. п., и мнѣ удалось уговорить ихъ лишь послѣ того, какъ я роздалъ имъ различныя маленькіе подарки.

«Послѣ очень труднаго пути въ теченіе нѣсколькихъ часовъ мы пришли къ

густому бамбуковому лѣсу, въ которомъ мнѣ удалось убить нѣсколько этихъ животныхъ. Охота на нихъ дѣйствительно крайне трудна. Приходится ползти по землѣ, вытянувшись во весь ростъ, а острые листья бамбука безпрестанно ранятъ охотника. «Въ теченіе дня бокомбуль спитъ на высочайшихъ бамбуковыхъ стволахъ согнувъ спину, спрятавъ голову между бедрами и положивъ хвостъ на спину. Хотя онъ ведетъ совершенно ночной образъ жизни, тѣмъ не менѣе и днемъ замѣчаетъ враговъ, и очень часто ему удается избѣгнуть охотника. Его пища со-

Полумаки. *Haplorhina griseus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

стоитъ изъ бамбуковыхъ листьевъ; по крайней мѣрѣ я нашелъ, что его желудокъ былъ набитъ ими. Лѣнливый и медленный днемъ, онъ обнаруживалъ ночью невѣроятную дѣятельность и проворство. Его голосъ состоитъ изъ слабого хрюканья, напоминающаго хрюканье свиньи, но гораздо менѣе громкаго. Какъ кажется, онъ рождается на свѣтъ дѣтенышей въ декабрѣ или январѣ. Я держалъ одно изъ этихъ животныхъ нѣсколько мѣсяцевъ въ неволѣ и кормилъ его бананами, манго и варенымъ рисомъ, но убѣдился при этомъ, что животное ѣло рисъ лишь при очень сильномъ голодѣ. Мой плѣнникъ имѣлъ дурную привычку обгладывать свой хвостъ,

какъ иногда дѣлають въ неволѣ обезьяны. Если ему показывали палець, то онъ приходилъ въ ярость, оскаливалъ зубы и издавалъ часто повторяемое хрюканье».

* * *

Ближе всего стоятъ къ описанному роду кошачьи мака (Chirogaleus. Katzenmakî. Chirogale), полуобезьяны, которыя представляютъ въ общемъ то же строеніе, какъ полумаки. Тѣло ихъ тонкое, голова не велика съ довольно острой мор-

Кошачій маки. *Chirogaleus furcifer*, $\frac{1}{4}$ наст. вел.

дой, переднія конечности коротки, заднія—средней длины, хвостъ длиннѣе тѣла. Глаза велики, умѣренно большія уши совершенно голы, мягкій мѣхъ, скучно одѣвающий лицо и руки, но очень сильно развитый на хвостѣ, нѣсколько воднистъ. Верхніе рѣзцы раздѣлены промежуткомъ, но стоятъ въ одномъ ряду. Наиболѣе извѣстный представитель этого рода, называемый туземцами Валуви (*Chirogaleus furcifer*, *Lepilemur*, *Microsebus furcifer*), по величинѣ приблизительно равенъ полумаки: общая длина его равна 65—70 см., длина хвоста 33—40 см.; свѣтло-буроватосѣрый цвѣтъ представляетъ преобладающую окраску верхней стороны, а рѣзко огра-

иченный светло-чало-сѣрый цвѣтъ—преобладающую окраску нижней стороны; стороны головы и шеи имѣютъ рыжеватый оттѣнокъ. На вискахъ начинается черная полоса, которая окружаетъ глазъ, оставляя на лбу свѣтлый промежутокъ, на макушкѣ соединяется съ такой же полосой другой стороны и тянется отсюда по шеѣ и срединѣ спины до хвоста; хвостъ при основаніи сѣрый, къ концу черный; радужная оболочка глаза черная.

Кошачій маки, по словамъ Поллена, очень часто встрѣчается въ лѣсахъ западной части Мадагаскара, но, кажется, попадаетъ мѣстами и въ восточныхъ областяхъ. «Лишь съ наступленіемъ ночи онъ оставляетъ то убѣжище, въ которомъ проспалъ весь день. Убѣжищами этими чаще всего служатъ дупла деревьевъ съ двумя отверстиями, иногда даже такія, въ которыхъ одновременно съ нимъ живутъ пчелы; въ этомъ случаѣ онъ отдѣляетъ свое гнѣздо отъ насѣкомыхъ кучей соломы и сухихъ листьевъ. Туземцы полагаютъ, что онъ потому предпочитаетъ общество пчелъ, что страстно любитъ медъ. Я наблюдалъ ночью этихъ миловидныхъ животныхъ. Они гораздо бодрѣе и подвижнѣе, чѣмъ маки, и дѣлаютъ чрезвычайно большіе прыжки. Крикъ ихъ, который они во время бодрствованія издаютъ почти непрерывно, рѣзко звучитъ какъ «ка-ка-ка-ка», напоминая до нѣкоторой степени крикъ цесарокъ».

Охота на валуви крайне трудна и требуетъ большого напряженія. Полленъ пространно рассказываетъ, какъ онъ разъ вечеромъ, при свѣтѣ полной луны, отправился съ неохотно сопровождавшимъ его мадагаскарцемъ въ глубину лѣса, наполненнаго ядовито кусающимися мошками, и, остановившись тамъ на полянкѣ, напрасно ждалъ цѣлый часъ, пока не услышалъ крикъ животного надъ самой головой; но самого крикуна замѣтилъ лишь послѣ продолжительныхъ поисковъ; наконецъ ему удалось убить кошачьяго маки направленнымъ въ ту сторону выстрѣломъ. Въ сущности онъ описываетъ при этомъ лишь охоту на всѣхъ ночныхъ животныхъ, живущихъ на деревьяхъ, окраска мѣха которыхъ хорошо подходитъ къ цвѣту вѣтвей. О жизни этого животного въ неволѣ нашъ изслѣдователь не сообщаетъ ничего, и я не могу поэтому сказать, отличается ли оно въ какомъ-либо отношеніи отъ родственныхъ видовъ.

О другомъ видѣ кошачьихъ маки (*Chirogaleus coquereli*) Гаакке рассказываетъ слѣдующее: «Кошачій маки Франкфуртскаго зоологическаго сада ведетъ и въ неволѣ гораздо болѣе ночной образъ жизни, чѣмъ другіе маки, которыхъ мнѣ приходилось наблюдать, такъ какъ онъ проводитъ весь день безъ всякаго перерыва въ ящикѣ, въ которомъ спитъ, или, если этотъ ящикъ отнять у него, совершенно зарывшись въ сѣно. Лишь съ наступленіемъ темноты онъ становится бодрѣе и тогда очень проворно изслѣдуетъ всѣ уголки своей клѣтки, причемъ выказываетъ себя искуснымъ лауномъ. Своими большими глазами, довольно короткой мордой, расширенными концами пальцевъ переднихъ и заднихъ конечностей и крадущею походкой, при которой брюхо прижимается къ землѣ или стѣнѣ, онъ напоминаетъ гекко, такъ же, какъ маки-домовой напоминаетъ древесную лягушку. По отношенію къ игрункамъ, которыхъ нѣкоторое время жили въ одной съ нимъ клѣткѣ, онъ велъ себя хорошо».

* * *

Между тѣмъ какъ всѣ маки, по крайней мѣрѣ въ извѣстное время, обнаруживаютъ большую живость, дѣятельность и подвижность, Лори (*Stenops*) отличаются противоположными качествами. Они до нѣкоторой степени представляютъ въ своемъ отрядѣ лѣнливыхъ, ихъ и называютъ поэтому лѣнливыми обезьянами. Сюда относятся маленькія, довольно красивыя полуобезьяны съ тонкими безхвостымъ тѣломъ, большіе

шой круглой головой и тонкими стройными конечностями, задняя пара которых несколько длиннее передней. Морда острая, но короткая; очень большие глаза сближены между собою, уши средней величины и покрыты волосами. На руках указательный палец очень укорочен, четвертый удлинен, а мизинец снабжен острым и длинным когтем. Самка имеет лишь два грудных железы, но каждая из них с двумя сосцами. Между зубами средние верхние рѣзцы бросаются въ глаза по своей величинѣ, между тѣмъ какъ наружные совершенно недоразвиты; шесть нижнихъ рѣзцовъ стоятъ вертикально и представляютъ различную ширину, увеличивающуюся изнутри кнаружи, клыки толсты, согнуты, но остры; оба ложно коренныхъ зуба довольно велики и имѣютъ по одному бугорку, настоящие коренные зубы четырехбугорчатые. Позвоночный столбъ, кромѣ шейныхъ позвонковъ, состоитъ изъ 15—16 грудныхъ съ ребрами, 8—9 поясничныхъ, 2—5 крестцовыхъ

Тонкій Лори. *Stenops gracilis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

и 8—9 хвостовыхъ. Очень своеобразно кистевидное развѣтвленіе бедренной и подкляичной артерій: обѣ раздѣляются на столько вѣтвей, сколько мускуловъ въ соответствующей конечности. Помимо своей странности, это замѣчательно особенно потому, что у лѣнивцевъ соответственныя артеріи представляютъ совершенно подобное развѣтвленіе.

Немногіе виды этого рода населяютъ Индію и прилежащіе острова; но жизнь ихъ на свободѣ почти совершенно неизвѣстна намъ. Они замѣщаются въ южной Азіи болѣе подвижныхъ мака, однако лишь по строенію тѣла, а не по характеру.

Крайне миловидный представитель этого рода есть тонкій Лори (*Stenops gracilis*, *Loris*, *Arachnosebus gracilis*, *Loris ceylonicus*, *Schlanklori*, *Lori grèle*), маленькое животное, ростомъ едва съ бѣлку—длиною только 25 см.—съ тонкимъ тѣломъ, большими глазами и острой мордой, тонкими конечностями и длиннымъ, похожимъ наплюшъ, бархатистымъ мѣхомъ рыжеватого-сѣраго и желтовато-бураго цвѣта сверху и сѣроватаго или блѣдно-желтоватаго снизу. Вокругъ глазъ, которые орѣхово-бураго цвѣта, мѣхъ темнѣе и тѣмъ болѣе рѣзко отдѣляется отъ свѣтлой верхней стороны

морды. Это милое существо, которое туземцы называют *Тевангу* и *Уна халлолава*. Живетъ въ лѣсахъ низменностей южной Индіи, начиная отъ *Годавари*, и на *Цейлонѣ*. Днемъ оно спитъ въ дуплахъ деревьевъ и появляется лишь вечеромъ. На свободѣ его не наблюдали еще никто, хотя уже давно существуютъ рассказы о жизни его на свободѣ.

Тевено (*Thévenot*) первый говоритъ о тонкомъ лори. Онъ видѣлъ (къ концу 17-го столѣтія) нѣсколько этихъ животныхъ въ *Аурангабадѣ*, въ прежнемъ царствѣ Великаго *Могола*. Имъ очень удивлялись, такъ какъ они отличались отъ настоящихъ обезьянъ особенно своею малою величиною. Когда животныхъ наблюдали, они часто становились на заднія конечности, обнимали другъ друга и при этомъ пристально смотрѣли на людей. Хозяинъ называлъ ихъ «дикими людьми».

Около середины прошлаго столѣтія рассказываетъ о *тевангу* *Себа* и даетъ при этомъ превосходное изображеніе его. Онъ называетъ это животное «цейлонскимъ лѣнивцемъ», замѣчаетъ, что оно носитъ это имя совершенно незаслуженно, такъ какъ оно—что доказывается уже стройнымъ тѣлосложеніемъ животного—не лѣново, не медлительно, а, напротивъ, очень проворно къ ходбѣ и крайне ловко и быстро во время лазанія. Оно питается плодами и сѣменами большихъ деревьевъ, которые самецъ собираетъ, пробуетъ и передаетъ потомъ самкѣ; но и эта послѣдняя тоже очень вѣжлива по отношенію къ самцу. Число дѣтенышей иногда доходить до четырехъ. Эти два старыхъ сообщенія собственно самыя подробныя изъ тѣхъ, которыя мы имѣемъ относительно тонкаго лори; въ новѣйшее время *Теннетъ* упоминаетъ о немъ въ своемъ сочиненіи о *Цейлонѣ*. «На островѣ существуютъ двѣ разновидности тонкаго лори», говоритъ онъ: «одна бураго цвѣта, другая большая съ чернымъ мѣхомъ. Я получилъ живого *тевангу* или «тонкотѣлаго» изъ *Чиллава* (*Chillav*) съ западнаго берега. Онъ жилъ у меня нѣкоторое время въ *Коломбо* и ѣлъ рисъ, плоды и другія растительныя вещества, а особенно охотно муравьевъ и вообще насѣкомыхъ. Онъ съ особенною жадностью пилъ молоко и ѣлъ мясо птицъ. Его неслышныя движенія облегчаютъ ему охоту за птицами больше, чѣмъ думаютъ. Туземцы увѣрили меня, что онъ ночью нападаетъ даже на павлиновъ, душитъ ихъ и лакомится затѣмъ мозгомъ своей добычи. «Замѣчательно большіе и живые глаза лори возбудили вниманіе сингалезцевъ. Они ловятъ *тевангу* ради его глазъ, изъ которыхъ готовятъ волшебныя и любовныя средства, и держатъ бѣдное животное у огня, пока глазныя яблоки не лопнутъ!»

По словамъ *Жердона*, тонкій лори, повидимому, мало извѣстенъ на *Малабарскомъ* берегу; напротивъ, онъ очень обыкновененъ на восточномъ берегу, гдѣ представители этого вида иногда въ большомъ количествѣ привозятся живыми на продажу въ *Мадрасъ*, такъ какъ и тамъ глаза употребляются на различныя снадобы мѣстными знахарями. *Бленфордъ* говоритъ, что тонкій лори очень любитъ сиропъ и медъ. *Келертъ* (*Kelaart*) утверждаетъ, что кишечникъ одного изслѣдованнаго имъ лори имѣлъ въ длину почти 90 см.

Къ моему величайшему удивленію и радости я нашелъ живого тонкаго лори у одного содержателя звѣринца. Это нѣжное созданіе попало въ Европу четыре года передъ этимъ, вмѣстѣ съ тремя другими, и было продано упомянутому лицу однимъ изъ нашихъ первыхъ крупныхъ торговцевъ звѣрями; оно превосходно вынесло такимъ образомъ не только путешествіе въ Европу, но и жизнь въ неволѣ въ болѣе холодной странѣ. Я приобрѣлъ за дорогую цѣну это маленькое животное, чтобы дать срисовать его живымъ и быть въ состояніи наблюдать его, и, конечно, заботливо за нимъ ухаживалъ.

Днемъ тонкій лори лежитъ или вѣрнѣе виситъ на перекладинѣ своей клѣтки

въ позѣ, очень хорошо переданной Теннентомъ, и спитъ, приче́мъ внѣшній міръ и его тревоженія нисколько не тревожатъ его; послѣ наступленія сумерекъ онъ развѣртывается, вытягиваетъ и разминаетъ еще въ полуснѣ свои длинныя тонкія конечности и начинаетъ затѣмъ медленно и неслышно шагать по жердямъ своей кѣтки или вверхъ и внизъ по перекладинамъ рѣшетки. На жерди или вѣтви онъ движется съ замѣчательной ловкостью, все равно, находится ли онъ на вѣтви или виситъ подъ нею; однако, при каждомъ шагѣ онъ удостовѣряется въ новой точкѣ опоры и потому часто растопыриваетъ свои ноги сверхъ всякой мѣры и ими, точно такъ, какъ и руками, ощупываетъ пространство передъ собою, если ему приходится перейти съ одной вѣтви на другую. Если онъ не тотчасъ находитъ себѣ опору, то

Тонкій лорп, пробуждающийся и спящій.

конечности у него начинаютъ дрожать, какъ будто онъ чувствуетъ себя въ опасности или по крайней мѣрѣ въ затруднительномъ положеніи. Онъ обладаетъ необыкновенно тонкимъ осязаніемъ въ рукахъ и ногахъ, которыми онъ пользуется приблизительно одинаковымъ образомъ, предпочитая, однако, дѣйствовать руками. Прежде чѣмъ ухватиться за что-нибудь, онъ изслѣдуетъ этотъ предметъ съ помощью осязанія. Вѣтвь онъ обхватываетъ, противопоставляя большой палецъ руки остальнымъ, такъ же хватается онъ и ногами; расширенныя утолщенія пальцевъ онъ такъ плотно прикладываетъ къ схватываемой вѣтви, что они кажутся прилипшими, а средніе суставы пальцевъ тоже сгибаются внутрь. На гладкомъ полу онъ передъ каждымъ шагомъ ощупываетъ вокругъ, какъ бы ища предмета, за которой можно ухватиться, затѣмъ твердо устанавливаетъ до крайности растопыренныя переднія

и заднія конечности и наконецъ передвигается впередъ, согнувъ конечности въ колѣнѣ и поднявъ колѣна высоко вверхъ, ползкомъ и необыкновенно медленно, почти такъ, какъ ходитъ жаба, съ тою лишь разницей, что послѣдняя быстрѣе движется. Каждому препятствію, каждому возвышенію онъ очень радъ и тотчасъ же хватается за него руками и ногами, повидимому, тревожно надѣясь снова попасть на родныя верхушки деревьевъ и вѣтви. Самой подвижной частью тѣла является голова, которую животное умѣетъ поворачивать внезапно и съ быстротою молніи, между тѣмъ какъ рукою или ногою оно лишь рѣдко производитъ такое же быстрое движеніе. Его глаза свѣтятся въ полумракѣ буквально, какъ раскаленные уголья, и производятъ крайне своеобразное впечатлѣніе, такъ какъ они очень сближены и отдѣлены другъ отъ друга лишь бѣлымъ пятномъ. Уши нѣсколько оттопыриваются, раковины ихъ при этомъ вполне развернуты.

Въ раздраженіи тонкій лори издаетъ рѣзкое храпѣніе, которое больше всего напоминаетъ голосъ хомьяка, но гораздо слабѣе его. Этимъ онъ проявляетъ высшую степень своего гнѣва. Раздражительность его впрочемъ, повидимому, довольно незначительна, такъ какъ его трудно вывести изъ состоянія покоя и равнодушія. На людей и животныхъ, которые движутся или дѣлаютъ что-нибудь внѣ его клѣтки, онъ едва обращаетъ вниманіе; на собакъ онъ вытаращиваетъ глаза, какъ на совершенно чуждыя ему существа. Даже если просунуть руку въ его клѣтку, то онъ едва измѣняетъ свои движенія и лишь тогда, если его трогаютъ, издаетъ упоминутое храпѣніе, причемъ пытается и укусить. Легкое поглаживаніе, кажется, нравится ему; если ему тихонько чесать голову, то онъ закрываетъ глаза.

Главная пища этого лори состоитъ изъ размоченной въ молоко булки. Оводей онъ избѣгаетъ почти совершенно, мяса и яицъ тоже; на живыхъ птицъ онъ до сихъ поръ тоже не обнаруживалъ желанія броситься. Насѣкомыхъ, особенно мушкетъ червей, онъ ѣстъ чрезвычайно охотно, но слишкомъ неловокъ или лѣнивъ, чтобы брать ихъ самому и лишь тогда хватается ихъ ртомъ, если сторожъ держитъ лакомый кусочекъ прямо передъ ртомъ. Вѣроятно, его равнодушіе къ птицамъ и ихъ мясу обуславливается единственно тѣмъ, что онъ отвыкъ отъ нихъ въ теченіе своей долгой неволи; наблюденія Теннента сохраняютъ поэтому во всякомъ случаѣ свое значеніе, несмотря на мои наблюденія.

Толстый лори, Шарминди билли, а также Лайяръ банаръ индѣйцевъ, Кукангъ и Бру-самунди малайцевъ (*Stenops tardigradus*, *Nycticebus*, *Bradylemur tardigradus*, *Loris*, *Nycticebus*, *bengalensis*, *Plumplori*, *Parasseux du Bengale*.) извѣстнѣе нѣсколько болѣе; вѣроятно потому, что онъ обыкновеннѣе и болѣе распространенъ, чѣмъ его тонкій родичъ. Западной границей области распространенія его должно считать приблизительно устья Брампутры и 89-й градусъ восточной долготы, такъ какъ онъ встрѣчается еще недалеко отъ Рангпура. Его не находили на Гималаѣ, но онъ встрѣчается въ Ассамѣ и всѣхъ странахъ, лежащихъ къ югу и юго-востоку оттуда, а также на островахъ Суматрѣ, Явѣ и Борнео. Онъ больше и болѣе плотнаго сложенія, чѣмъ тонкій лори и представляетъ различныя уклюненія въ величинѣ и цвѣтѣ, которыя, однако, повидимому, непостоянны, хотя нѣкоторые изслѣдователи считали ихъ достаточными для того, чтобы на основаніи ихъ различать рядомъ съ *Nycticebus bengalensis* еще *N. cinereus* и *N. javanicus*. Преобладающій цвѣтъ болѣе свѣтлый или болѣе темный пепельно или серебристо-бѣлый на верхней сторонѣ, часто съ красноватымъ оттѣнкомъ, который внизу становится блѣднѣе; вдоль спины пробѣгаетъ полоса болѣе или менѣе густого каштаново-бураго цвѣта, которая исчезаетъ на темени или оканчивается адѣсь широ-

кнѣмъ пятномъ, доходящимъ иногда до ушей, или продолжается въ видѣ двухъ полосокъ до глазъ (такіе экземпляры встрѣчаются въ Тенассеримѣ), или четырехъ полосокъ до глазъ и ушей (это наблюдалось на Явѣ). Глаза всегда окружены бурными кольцами, даже въ томъ случаѣ, когда никакія полосы не украшаютъ лицо животного; голыя части носа и пятки мясного цвѣта. Длина тѣла равняется 32—37 см., длина хвоста отъ 1,5 до 2 см. Джонсъ (Jones) указываетъ, что кишечникъ изслѣдованнаго имъ экземпляра равнялся въ длину 158 см.

Толстый лори, очень трудно наблюдаемый обитатель лѣсовъ, живетъ семьями, которые днемъ спятъ въ дуплахъ деревь, и при наступленіи сумерекъ становятся

Толстый лори. *Stenops tartigradus*. $\frac{2}{5}$ наст. вел.

бодрыми и пускаются отыскивать пищу. На свободѣ европейцамъ едва приходится видѣть это животное. Розенбергъ сообщаетъ лишь, что оно всю ночь безшумно и медленно лазаетъ по вѣтвямъ деревьевъ, ища пищи, которая состоитъ изъ листьевъ и плодовъ; животное не пренебрегаетъ однако также птичьими яйцами и птенцами. Этотъ лори, по его словамъ, больно кусается и чрезвычайно живучъ; на Суматрѣ онъ обыкновененъ. По Тиккелю онъ довольно обыкновененъ въ Тенассеримѣ и Араканѣ, но его рѣдко случается видѣть, такъ какъ онъ живетъ въ самыхъ густыхъ лѣсахъ и бродитъ лишь ночью. Добровольно онъ не покидаетъ дѣрева, но если его посадить на землю и испугать, то онъ можетъ бѣжать нетвердой шатающейся походкою. Самки рожаютъ лишь одного дѣтеныша. Въ юго-восточной части Борнео толстый лори, по словамъ Бока, всюду обыкновененъ: «Куканга труднѣе убить, чѣмъ какое-либо изъ тѣхъ животныхъ, которыя мнѣ попа-

дались, такъ какъ онъ очень живучъ и мучительно видѣть его предсмертныя страданія. Добывъ на Суматрѣ двѣ шкуры этого лори, я рѣшилъ не покупать ихъ болѣе. Однажды я ранилъ одного изъ нихъ и, зная живучесть этого животнаго, я придушилъ его, вскрылъ и проткнулъ ему сердце. Прошелъ часъ прежде, чѣмъ мнѣ понадобилась его шкура и, когда я хотѣлъ ободрать его, то нашелъ его еще живымъ; милые глаза его были широко раскрыты. Когда я, въ надеждѣ окончательно убить животное, проткнулъ ему иглою мозгъ, то оно начало кричать и прошло еще нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ оно было дѣйствительно мертво. Подъ кожей этого лори находится толстый слой жира, издающаго невыносимый запахъ».

Толстаго лори часто приручали и много разъ привозили живымъ въ Европу. Онъ ползаетъ такъ медленно, что въ минуту едва ли проходитъ болѣе 4 сажени. Въ высшей степени рѣдко проходитъ онъ шага два на заднихъ лапахъ, вообще же всегда ходитъ на четверенькахъ. Лучше умѣетъ онъ лазать, но и при этомъ его медленность бросается въ глаза. Повидимому онъ крайне чувствителенъ къ дневному свѣту, ночью же видитъ превосходно, и его глаза, которые днемъ лишены блеска, свѣтятся въ это время. Слухъ его такъ тонокъ, что онъ даже во снѣ тотчасъ замѣчаетъ шорохъ отъ ползанья приближающагося къ нему насѣкомаго и просыпается. Онъ умѣетъ мастерски подкрадываться къ насѣкомымъ и маленькимъ птицамъ и сразу, съ быстротою молніи, схватывать ихъ. Обыкновенный голосъ его состоитъ изъ тихаго свиста, который измѣняется смотря по тому, выражаетъ ли онъ удовольствіе, боль, досаду или нетерпѣніе; въ гнѣвѣ онъ издаетъ пронзительные звуки.

У туземцевъ Явы нашъ лори, можетъ быть, вслѣдствіе его своеобразнаго нрава, пользуется, говорятъ, дурною славою. Полагаютъ, что его присутствіе приноситъ несчастіе, болѣзнь, смерть или другую бѣду, и потому каждый избѣгаетъ это животное, насколько можетъ. «Когда я помѣстилъ въ своемъ домѣ такого гостя», пишетъ мнѣ Гаскарль, которому я обязанъ приведенными данными, «всѣ предостерегали меня и указывали на различныя предстоящія мнѣ опасности. Я не долго продержалъ его живымъ; вѣроятно островитяне и именно моя прислуга, страшно боявшаяся его и которой былъ крайне непріятенъ его противный запахъ, умертвили его тѣмъ или другимъ способомъ».

«Въ неволѣ лори смиренъ, терпѣливъ и печаленъ. Цѣлый день они спятъ, скорчившись и опираясь головою о сложенные руки. Одинъ изъ нихъ былъ сначала привязанъ веревкой и нѣсколько разъ поднималъ ее съ печальной гримасой. Въ какъ-бы жалуюсь на свои оковы: освободиться отъ нихъ онъ не пробовалъ. Въ первое время онъ пытался укусить своего сторожа, но нѣсколько небольшихъ наказаній оказались достаточными, чтобы подавить такія вспышки гнѣва. Если его гладили, то онъ бралъ ласкающую руку, прижималъ ее къ груди и обращалъ полуоткрытые глаза на своего воспитателя. Съ наступленіемъ ночи онъ оживлялся. Сначала онъ протиралъ себѣ глаза, какъ сонный человѣкъ; потомъ осматривался и начиналъ бродить. При этомъ онъ ловко передвигался и по натянутымъ для него веревкамъ. Онъ очень охотно ѣлъ плоды и молоко, но особенно лакомъ былъ только до птицъ и насѣкомыхъ. Если ему показывали этихъ животныхъ, то онъ подходилъ, крадучись осторожными шагами, часто переходя черезъ всю комнату, точно такъ-же, какъ человѣкъ, который крадется на цыпочкахъ, чтобы застать другого врасплохъ. Приблизившись къ своей добычѣ на разстояніе около одного фута, онъ останавливался, приподнимался, подвигался еще ближе, тихонько протягивалъ руки и наконецъ съ быстротою молніи бросался на добычу и душилъ ее въ нѣсколько мгновеній».

Другой лори этого вида, котораго наблюдали живымъ въ Голландіи, просыпался изъ своей дремоты лишь вечеромъ къ 9 часамъ и двигался затѣмъ крайне медленно и однообразно; его нельзя было побудить къ болѣе быстрому движенію, даже погоняя его. При лазаніи онъ никогда не отнималъ ноги отъ предмета, за который держался, не ухватившись ранѣе крѣпко другой ногой. Птицъ и насекомыхъ онъ ловилъ съ большою ловкостью; кромѣ того онъ ѣлъ вареный рисъ, хлѣбъ, яйца и плоды. Его голосъ, который слышался лишь ночью, жалобно звучалъ приблизительно, какъ «ай, ай»; будучи недоволенъ, онъ бормоталъ или ворчалъ, какъ бѣлка.

Джонсъ держалъ одного толстаго лори въ неволѣ во время своего пребыванія въ Индіи. Этотъ лори былъ очень кротокъ въ теплое время года, но измѣнялъ свой нравъ при наступленіи холода, который видимо разстраивалъ животное, и оно сердилось по самому незначительному поводу. Въ теченіе жаркаго времени лори былъ очень доволенъ, когда его купали, въ холодное время онъ выказывалъ неудовольствіе, какъ скоро его вообще какимъ-нибудь образомъ беспокоили. Черезъ полчаса послѣ восхода солнца онъ впадалъ въ сонъ, причѣмъ свертывался клубкомъ, какъ ежъ; черезъ полчаса послѣ заката онъ просыпался, облизывался и чистился, какъ кошка, ѣлъ немного, еще дремалъ нѣкоторое время и оживлялся вплоть лишь тогда, когда наступали настоящія сумерки. Обыкновенную пищу его составляли сладкіе плоды Индіи, за немногими исключеніями. Хотя онъ не былъ прожорливъ, однако никогда не отказывался отъ кузнечиковъ и другихъ насекомыхъ и охотился за ними, особенно въ жаркое время года, всю ночь. Если какое-нибудь насекомое садилось около него, онъ пристально устремлялъ на него свои свѣтящіеся глаза, подавался затѣмъ немного назадъ, вдругъ дѣлалъ быстрый прыжокъ впередъ и ловилъ добычу обѣими руками. Обыкновенно онъ подносилъ пищу ко рту одною рукой, вообще же пользовался всѣми четырьмя руками, не отдавая особаго предпочтенія передней парѣ. Часто онъ держался одною рукой вверху за клетку, въ то время какъ остальными тремя дѣлалъ что-нибудь внизу; охотнѣе всего онъ привѣшивался тѣломъ внизъ, держась руками и ногами за верхнюю рѣшетку своей тюрьмы, и нѣсколько минутъ сряду медленно раскачивался назадъ и впередъ, какъ будто желая доставить себѣ недостающій ему моціонъ. Передъ утромъ онъ казался наиболѣе склоннымъ играть со своимъ сторожемъ, и если этотъ послѣдній давалъ ему тогда палецъ, то онъ очень мило лизалъ и сосалъ его. Съ наступленіемъ дня глаза лори утрачивали свой блескъ, онъ становился спокойнѣе и приготавлился къ своему десяти или двѣнадцати-часовому сну. Однажды я нашелъ его мертвымъ въ его обыкновенномъ положеніи.

Величайшая непріятность, доставляемая въ неволѣ этимъ хорошенькимъ животнымъ, есть издаваемый имъ противный запахъ; но это охотно забывается, благодаря тому удовольствію, которое доставляетъ хозяину это столь рѣдкое и нѣжное созданіе.

Я до настоящаго времени видѣлъ и наблюдалъ лишь двухъ живыхъ толстыхъ лори: перваго изъ нихъ въ Амстердамскомъ зоологическомъ саду и лишь днемъ. Онъ однако оказался вовсе не такимъ дружелюбнымъ, какъ я ожидалъ, судя по приведеннымъ выше рассказамъ. Былъ ли онъ разстроены тѣмъ безпокойствомъ, которое мы ему причинили или вообще отличался раздражительнымъ характеромъ, — но только онъ очевидно былъ крайне разсерженъ причиненной ему непріятностью. Выраженіе лица только-что проснушагося животнаго представляло, правда, нѣчто странное, но вовсе не «вызывающее состраданіе», какъ говоритъ Вейнландъ объ одномъ экземплярѣ, который онъ наблюдалъ въ Лондонскомъ саду. Нашъ амстердамскій плѣнникъ фыркалъ весьма выразительно и выражалъ свои чувства, пыта-

лсь укусить безпокоющую его руку сторожа, что онъ уже дѣлалъ и раньше. На этотъ разъ ему не удалось укусить руку и въ досадѣ на это онъ медленно пятился назадъ. Способъ, которымъ онъ производилъ это, очень удивилъ меня, несмотря на прекрасное изображеніе, которое Гарвей (Harvey) далъ уже 30 лѣтъ тому назадъ. Неподвижно устремивъ на насъ свои большіе глаза, онъ крайне медленно отступалъ задомъ, шагъ за шагомъ, и притомъ двигался вверхъ по столбу, едва отклоняющемуся отъ вертикальнаго направленія. При извѣстныхъ обстоятельствахъ онъ лазаеъ слѣдовательно снизу вверхъ, оборачивая лицо внизъ. Насколько мнѣ извѣстно, этого не дѣлаетъ никакое другое животное. Дойдя до развилки, онъ остановился и остался въ своей позѣ, ни дѣлая ни малѣйшаго движенія, чѣмъ онъ очень облегчилъ работу живописца, которому было поручено срисовать его.

Другого толстаго лори воспитываю я самъ уже давно. Это было довольно добродушное, правильнѣе сказать—сносно прирученное созданіе и потому съ нимъ не трудно было обращаться. Однако и онъ вовсе не любилъ грубыхъ прикосновеній и защищался отъ нихъ страннымъ крикомъ, не очень громкимъ, хотя и рѣзкимъ «кеке-кекеръ», а иногда и зубами. Если же онъ кусаетъ, то такъ сильно, что изъ укушеннаго мѣста всегда течетъ кровь: своему сторожу онъ однажды прокусилъ ноготь большого пальца. Днемъ онъ отдыхаетъ въ такой же позѣ, какъ и тонкій лори, свернувшись клубкомъ, низко нагнувъ и спрятавъ между бедрами голову и держась руками и ногами за вертикальную или горизонтальную вѣтвь. Когда его перенесли въ большую клѣтку, полъ которой нагрѣвался снизу, онъ оставилъ жерди, чтобы пользоваться благодѣтельной теплотой, зарылся въ положенное на полъ сѣно и улегся, свернувшись по обыкновенію, но наклонившись нѣсколько на бокъ. Во время сна онъ дышетъ спокойно и глубоко около 22 разъ въ минуту. Онъ не заботится о томъ, что происходитъ около него; къ зову остается равнодушнымъ; но отъ повторяемыхъ прикосновеній онъ просыпается, открываетъ глаза и съ соннымъ видомъ устремляетъ ихъ въ пространство.

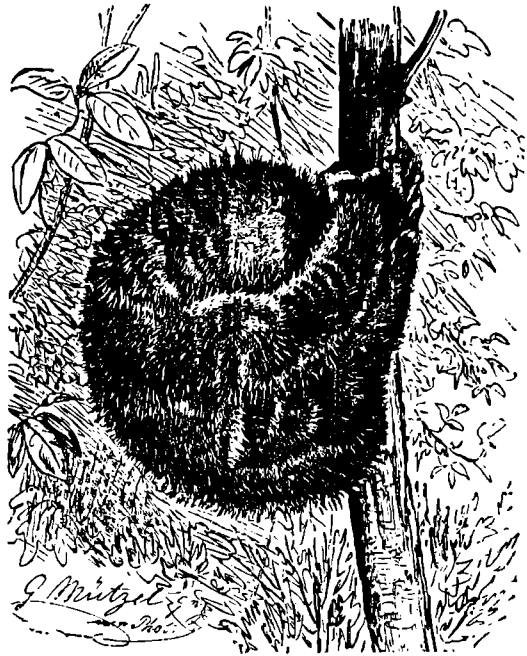
Проспавъ добрыхъ часовъ двѣнадцать, онъ оживляется, влѣзаетъ, не торопясь на одну изъ жердей для сидѣнія, крѣпко ухватывается своими густо покрытыми волосами, большими, похожими на клещи ногами и начинаетъ чистить и пригладивать руками и языкомъ свой бархатистый мѣхъ. При этомъ онъ поварачивается съ такою гибкостью, какой отъ него нельзя бы и ожидать, такъ что можетъ достать до всѣхъ частей своего мѣха и привести ихъ въ порядокъ. Сидя, онъ нерѣдко принимаетъ позу, которой едва ли могла бы подражать какая-либо изъ цѣпкохвостыхъ обезьянъ; при этомъ опирается бедрами о перекладину, на которой сидитъ, руками держится за ближайшую перекладину, протягиваетъ ноги впередъ надъ руками и складываетъ ихъ стопами. Кромѣ того онъ можетъ по обезьяньи сидѣть скорчившись на задней части тѣла, но всегда при этомъ ухватывается ногами за вѣтвь. При ходьбѣ по горизонтальнымъ вѣтвямъ онъ всегда поднимаетъ заднюю часть тѣла гораздо выше, чѣмъ переднюю. Ходьба его по вѣтвямъ вовсе не неуклюжа, какъ говорятъ нѣкоторые наблюдатели; она, напротивъ, очень легка и ловка и притомъ гораздо быстрѣе, чѣмъ обыкновенно утверждаютъ; правда, толстый лори не дѣлаетъ ни одного шага, не будучи увѣренъ, что при слѣдующемъ шагѣ найдетъ твердую точку опоры, и каждый разъ, ступая на вѣтвь, плотно и крѣпко обхватываетъ ее; однако шаги такъ быстро и равномерно слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ у многихъ дневныхъ обезьянъ. Большіе пальцы переднихъ и заднихъ конечностей онъ при ходьбѣ такъ же часто направляетъ впередъ, какъ и назадъ, а иногда одновременно поварачиваетъ одну конечность впередъ, другую назадъ. Подобно другимъ лори онъ

иногда необыкновенно широко разставляет ноги, что вѣрно изображено нашимъ художникомъ на заднемъ планѣ рисунка (стр. 313). На землѣ онъ впрочемъ движется неуклюже.

Очистивъ мѣхъ, онъ прежде всего думаетъ объ ѣдѣ. Онъ изслѣдуетъ глазами и носомъ внутренность клѣтки, идетъ затѣмъ къ чашкѣ съ пищей, беретъ рукою часть пищи и подноситъ ко рту, понемногу съѣдая ее маленькими кусочками. Въ выборѣ пищи онъ является скорѣе хищникомъ, а не травояднымъ животнымъ. Онъ ѣстъ размоченную молочную булеу, потому что приученъ къ ней, охотѣе, чѣмъ вареный въ молокѣ рисъ или различнаго рода плоды, но предпочитаетъ наѣкомыхъ и мелкихъ животныхъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ, всякой другой пищѣ. Мучныхъ червей онъ пожираетъ дюжинами; маленькія живыя птицы тотчасъ же возбуждаютъ его вниманіе и жажду убійства. Однако замѣтивъ живую птицу внутри своей клѣтки, онъ не обнаруживаетъ особой жадности и не измѣняетъ своихъ привычныхъ тихихъ движеній. Внимательно слѣдя за каждымъ движеніемъ жертвы, онъ наконецъ начинаетъ двигаться, подходитъ къ ней, шагая не быстрѣе обыкновеннаго, приближается болѣе и болѣе, бросается съ быстротою молніи, вѣрно схватываетъ добычу и такъ же медленно и осмотрительно подноситъ ее ко рту, какъ и всякую другую пищу, чтобы сначала сильнымъ укушеніемъ раздробить ей черепъ и затѣмъ, не ощипывая ее, поѣдаетъ, не торопясь, сначала мозгъ, потомъ мясо, обрывая губами и отбрасывая всѣ перья.

Когда его въ первый разъ поставили около тонкаго лори, запертаго въ другую клѣтку, онъ сталъ разсматривать его съ видимымъ вниманіемъ, не дѣлая однако попытки ближе подойти къ нему; позднѣе онъ относился къ своему родичу такъ же равнодушно, какъ и ко всякому другому животному, конечно за исключеніемъ тѣхъ, которыя кажутся ему годными въ пищу. Понятливость его, какъ выясняется изъ всѣхъ произведенныхъ надъ нимъ до сихъ поръ наблюдений, крайне незначительна и безучастіе его къ вѣшнему міру очень велико; вниманіе его видимо вращается въ очень тѣсныхъ предѣлахъ. Стоитъ ли онъ въ духовномъ отношеніи выше галаго,—вопросъ; во всякомъ случаѣ онъ стоитъ въ этомъ отношеніи ниже лемуровъ. * * *

Молодой Потто. *Perodicticus potto*, $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Къ лори примыкаютъ двѣ африканскія полуобезьяны съ недоразвитыми хвостами, которыя по вѣшнему виду въ высшей степени сходны между собою, но по различію въ строеніи рукъ и длинѣ хвоста, а также въ строеніи зубовъ отличаются другъ отъ друга и разсматриваются поэтому какъ представители двухъ родовъ. Потто (*Perodicticus potto*, *Nycticebus potto*, *Potto geoffroyi*, *P. bosmani*) имѣетъ

тонкое тѣло, округлую голову съ выдающейся мордою, глазами средней величины и маленькими кожистыми ушами, руки и ноги почти равной длины съ большими кистями рукъ и ступнями ногъ, недоразвитый, но ясно еще замѣтный указательный палецъ безъ ногтя, другіе ногти плоскіе, заисключеніемъ большого, кривого, плоскаго, вертикально поднятаго когтя на второмъ пальцѣ ноги, и короткій хвостъ. Зубная система состоитъ изъ 2 рѣзцовъ, 1 клыка, 3 ложнокоренныхъ и 3 настоящихъ коренныхъ зубовъ въ каждой челюсти наверху и внизу, всего, слѣдовательно, 36 зубовъ; нижніе рѣзцы наклонены впередъ, верхніе передніе коренные зубы съ четырьмя бугорками, между тѣмъ какъ послѣдній имѣетъ лишь два бугорка, а послѣдній коренной зубъ нижней челюсти представляетъ пять бугорковъ. Изъ позвонковъ 14 или 15 имѣютъ ребра, 7 или 8 составляютъ поясничную часть позвоночника. Короткошерстый мѣхъ сверху рыжевато-сѣраго цвѣта, смѣшаннаго съ чернымъ, на головѣ, рукахъ и ногахъ болѣе рыжеватаго, въ области плечъ чало-сѣраго, на нижней и внутренней сторонѣ мѣхъ еще свѣтлѣе, на хвостѣ сѣровато-рыжаго, волосы съ черпобурными концами. Общая длина равна приблизительно 35 см., изъ которыхъ хвостъ занимаетъ 6 см. Родина потто, на сколько намъ вѣстно до сихъ поръ, западная Африка, но онъ водится не только въ Верхней Гвинее и далѣе на сѣверъ въ Сьерра-Леоне, но также, какъ показала экспедиція Гусфельдта въ Лоанго, и въ Нижней Гвинее, по крайней мѣрѣ до Конго. Нашъ рисунокъ представляетъ потто въ своеобразной позѣ, которую онъ обыкновенно принимаетъ для сна.

Медвѣжий маки (*Arctocebus calabarensis*, *Perodicticus calabarensis*. Вагеншакі.) отличается отъ потто по внѣшнему виду большими глазами и ушами, указательнымъ пальцемъ, недоразвитымъ до такой степени, что онъ представляетъ видъ бородавки, и едва замѣтнымъ хвостомъ въ видѣ короткаго зачатка; зубы, число которыхъ то же, что и у потто, отличаются послѣдними коренными зубами, такъ: верхній имѣетъ три, а нижній пять бугорковъ. Изъ позвонковъ 15 имѣютъ ребра, 7 составляютъ поясничную область. Густой, длинный волнистый мѣхъ, болѣе рѣдкій и короткій на лицѣ и спинной сторонѣ рукъ и ногъ, буровато-сѣраго цвѣта, на нижней и внутренней сторонѣ свѣтло-сѣроватаго, на лицѣ, рукахъ и ногахъ темно-буратаго. Длина равняется 25—30 см. Медвѣдеобразный маки тоже водится въ западной Африкѣ и именно въ области устьевъ Нигера.

Объ образѣ жизни обоихъ животныхъ мы знаемъ крайне мало, хотя потто былъ открытъ уже въ началѣ прошлаго столѣтія, а медвѣдеобразный маки еще раньше, именно въ 1680 г., и перваго изъ нихъ уже не разъ привозили живымъ въ Европу, именно въ Лондонскій зоологическій садъ. Босманъ, открывшій потто, говоритъ, что онъ неповоротливъ, какъ лѣнивѣцъ, и поэтому голландцы въ Гвинее называютъ его лѣнтяемъ; Бойль (Boyle), который позднѣе прислалъ одинъ экземпляръ въ Европу, указываетъ, что потто ведетъ уединенный образъ жизни, показывается рѣдко и только ночью, ѣстъ растенія и главнымъ образомъ маниокъ и извѣстенъ у поселенцевъ подъ названіемъ *Buschhund*. Молодой потто, котораго держали въ Чинчочо на берегу Лоанго, проводилъ обыкновенно день во снѣ, то лежа свернувшись, то вися въ видѣ шара на пальцѣ или проволочной рѣшеткѣ: при этомъ для него, повидимому, было совершенно безразлично, имѣла ли его жердь вертикальное, наклонное или горизонтальное положеніе. Если его будили днемъ, то иногда онъ пытался схватить предложенныхъ ему насѣкомыхъ. При этомъ онъ дѣлалъ прыжки, которые живо напоминали прыжки большой лягушки. Онъ скоро сталъ совершенно ручнымъ, былъ добродушенъ, но скученъ. Туземцы рассказываютъ, что въ лѣсу онъ по временамъ поднимаетъ ночью ужасный крикъ и что во время войны

съ Апангиями этотъ самый крикъ не разъ заставлялъ англійскихъ часовыхъ поднимать тревогу.

Объ обоихъ плѣнникахъ Лондонскаго зоологическаго сада Склатеръ (Sclater) сообщилъ мнѣ слѣдующее: «наши потто никогда не показываются добровольно днемъ, но вечеромъ являются своевременно прежде всего за пищей; въ это время они необыкновенно дѣятельны и живо прыгаютъ всю ночь по вѣтвямъ, укрѣпленнымъ въ ихъ маленькихъ влѣткахъ. Ихъ пища состоитъ изъ зрѣлыхъ плодовъ, яб-

Медвѣжий маки. *Arctocebus calabarensis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

локовъ, грушъ, винныхъ ягодъ, банановъ, винограда и т. п.; они ѣдятъ также вареный рисъ, подслащенный хлѣбъ съ молокомъ и немного варенаго мяса, которое имъ даютъ маленькими кусочками. Маленькихъ птицъ, посаженныхъ къ нимъ въ клетку, они ловятъ очень ловко и мгновенно растерзываютъ ихъ; повидимому, они бываютъ въ высшей степени довольны такой замѣной своей обыкновенной пищи».

* * *

Вагнеръ и другіе отдѣлили отъ выше названныхъ полуобезьянъ въ качествѣ отдѣльнаго семейства родъ, о которомъ намъ предстоитъ теперь упомянуть; отли-

чительнымъ признакомъ этого семейства являются относительно длинныя кости ступней. Внѣшній видъ такъ называемыхъ длинноногихъ представляетъ тоже нѣчто своеобразное, такъ какъ они напоминаютъ сонь. Однако они представляютъ въ сущности такъ много сходства съ описанными уже видами, что, по мнѣнію новѣйшихъ зоологовъ, упомянутое раздѣленіе неосновательно.

У карликовыхъ мака (*Microsebus*, *Zwergmaki*, *Microsebe*) глаза болѣе развиты, чѣмъ уши. Тѣло ихъ сжато, голова коротка, морда округлена, хвостъ немного длиннѣе тѣла, конечности вообще равномерно развиты, такъ какъ заднія не существенно длиннѣе переднихъ. Другими внѣшними отличіями этихъ маленькихъ жи-

Маки-полчокъ. *Microsebus mioxinus* $\frac{1}{2}$, наст. вел.

вотныхъ являются большіе глаза, средней величины уши, голыя внутри и покрытыя снаружи очень тонкими и рѣдкими волосами; необыкновенно изящныя руки и ноги съ короткими пальцами и относительно толстыми и большими, а также пѣжный, мягкій шелковистый и отчасти волнистый мѣхъ. Зубная система состоитъ изъ 4 рѣзцовъ сверху и снизу, одного клыка въ каждой челюсти и 6 коренныхъ зубовъ въ верхней и 5 въ нижней челюсти. Верхніе рѣзцы имѣютъ широкую двойную коронку, верхніе коренные зубы—два наружныхъ бугорка и одинъ средній. Позвоночникъ состоитъ изъ 23 грудныхъ позвонковъ, 7 поясничныхъ, 3 крестцовыхъ и 28 хвостовыхъ.

Маки-полчокъ (*Microsebus mioxinus*, *Bilchmaki*, *Maki-loir*), длина тѣла котораго равна 14—15 см., а длина хвоста 16—17 см., одинъ изъ болѣе извѣстныхъ представителей этого рода, сверху рыжевато-сѣраго цвѣта, снизу бѣлаго. Эта полуобезьяна

и близкіе ей виды живутъ тоже на Мадагаскарѣ; но о ея образѣ жизни мы знаемъ до сихъ поръ чрезвычайно мало, что достаточно объясняется назначительной величиной и ночнымъ образомъ жизни животнаго. Одинъ представитель этого рода, описанный Полленомъ, живетъ въ непроходимыхъ лѣсахъ острова, днемъ прячется въ гнѣздѣ, построенномъ имъ самимъ изъ соломы и сухихъ листьевъ, равномъ по величинѣ гнѣзду бѣлки; ночью же, какъ и всѣ другія подобныя животныя, онъ бродитъ и отыскиваетъ пищу, которая вѣроятно болѣе состоитъ изъ насѣкомыхъ, чѣмъ изъ плодовъ. Этимъ и ограничиваются пока наши свѣдѣнія о немъ.

* * *

Къ наилучше извѣстнымъ намъ полуобезьянамъ принадлежатъ ушастые макаки Галаго, съ жизнью и нравами которыхъ насъ познакомили уже старые путешественники. Между тѣмъ какъ у карликовыхъ макаки выше всего стоитъ чувство зрѣнія, у галаго главную роль играетъ слухъ, что замѣтно по очень большимъ кожистымъ ушамъ, которыя напоминаютъ уши нѣкоторыхъ летучихъ мышей. Тѣло галаго можно скорѣе назвать тонкимъ, чѣмъ плотнымъ, но, благодаря густому мѣху, оно кажется толще, чѣмъ въ дѣйствительности; относительно большая голова отличается кромѣ необыкновенно развитыхъ голыхъ ушей, большими сближенными глазами; переднія и заднія конечности средней длины, руки и ноги хорошо развиты; указательный палецъ и второй палецъ ноги, а у нѣкоторыхъ также средний палецъ рукъ и ногъ снабжены когтеобразнымъ ногтемъ, всѣ остальные — плоскими. Во рту мы замѣчаемъ четыре большихъ узкихъ долотообразныхъ рѣзца, отдѣленныхъ другъ отъ друга промежутками. въ верхней челюсти, 6 большихъ, широкихъ и длинныхъ рѣзца въ нижней, длинный гладкій клыкъ, снабженный на наружной сторонѣ бороздкой, 3 ложныхъ и 6 настоящихъ коренныхъ зубовъ въ верхнихъ и болѣе короткій, но зато болѣе крѣпкій клыкъ, 2 ложно коренныхъ и три настоящихъ въ нижнихъ челюстяхъ. 13 позвонковъ, снабженныхъ ребрами, 6 безреберныхъ, 3 крестцовыхъ и 22—27 хвостовыхъ образуютъ вмѣстѣ съ шейными позвоночный столбъ.

Всѣ галаго обитатели Африки и нѣкоторыхъ изъ ея западныхъ и восточныхъ острововъ; они должны въ противоположность макаки считаться хищниками, которые лишь между прочимъ ѣдятъ плоды. Для описанія ихъ я повторю здѣсь то, что я вмѣстѣ съ Керстеномъ говорилъ на основаніи его указаній и собственныхъ наблюдений въ книгѣ о путешествіи фонъ-деръ-Деккена. «Галаго — ночныя животныя въ буквальномъ смыслѣ этого слова, существа, для которыхъ мѣсяцъ служитъ солнцемъ, созданія, для которыхъ половина дня проходитъ безслѣдно, болѣе сонливыя, чѣмъ соня; они весь день лежатъ, свернувшись клубкомъ, въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстѣ, а если имъ помѣшаютъ отыскать такое убѣжище, то стараются защититься отъ ненавистнаго солнечнаго свѣта, бояливо пряча голову, и даже складываютъ уши, чтобы обезопасить себя отъ каждаго звука. Если какая-либо причина насильно пробудитъ ихъ отъ глубокаго сна, то они сначала безсознательно вытаращиваютъ глаза въ пространство, затѣмъ постепенно приходятъ въ себя и выказываютъ сопротивленіемъ, какъ непріятно было для нихъ пробужденіе. Совершенно другими являются тѣ-же животныя послѣ захода солнца. Какъ скоро въ лѣсу наступаютъ сумерки, ушастый макаки просыпается, можетъ быть, благодаря становящейся чувствительной для него вечерней прохладѣ, разгибаетъ свернутый надъ головою хвостъ, открываетъ глаза и расправляетъ кожистыя уши, которыя были свернуты или вѣрнѣе смяты въ видѣ крышки, хорошо запирающей слуховой аппаратъ. Огъ тогда покидаетъ свое убѣжище, чистится, лижется и начинаетъ затѣмъ бродить, какъ привидѣніе, ведя образъ жизни хищника въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова, жизнь животн. брѣма. т. 1.

у котораго ненасытная жажда крови соединяется съ жестокостью, не обыкновенною у четырехрукаго животнаго. Дальновзоркій какъ рысь, чуткій, какъ летучая мышь, стовкимъ обоняніемъ лисицы, не очень умный, но весьма хитрый, галаго соединяетъ въ себѣ проворство обезьяны и сони, отличается большою смѣлостью и является по истинѣ однимъ изъ самыхъ страшныхъ враговъ мелкихъ животныхъ, чѣмъ существенно отличается отъ большинства другихъ родовъ этого отряда».

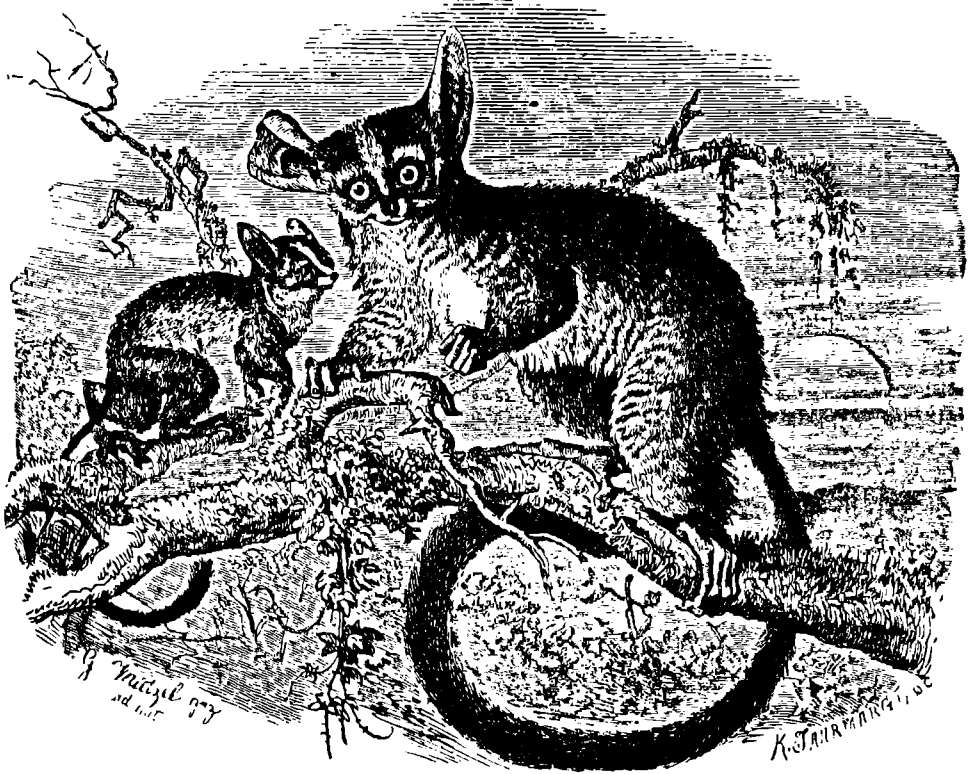
Въ этихъ словахъ заключается почти все то, что было извѣстно до настоящаго времени о жизни ушастаго маки на свободѣ; да и не легко было бы приобрести болѣе подробныя данныя, такъ какъ наблюденія за образомъ жизни этихъ животныхъ въ ночное время представляютъ большія трудности. У насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній о времени и способѣ размноженія; мы можемъ сказать лишь одно—что ушастыя маки, какъ и почти всѣ остальные полуобезьяны, рождаютъ лишь одного дѣтенка. Въ Занзибарѣ нерѣдко предлагаютъ на продажу пойманную самку галаго съ дѣтенкомъ. Послѣдній виситъ, какъ обыкновенно у обезьянъ, полуобезьянъ и летучихъ мышей, на груди и брюхѣ матери, крѣпко вцѣпившись всѣми четырьмя руками въ густой мѣхъ своей матери, такъ крѣпко, что она можетъ выполнять съ нимъ всѣ движенія и что его едва можно отдѣлать отъ тѣла матери.

Изъ немногихъ открытыхъ до настоящаго времени видовъ ушастыхъ маки. величайшій изъ которыхъ почти равенъ по величинѣ взрослому кролику, а самый маленькій видъ едва превышаетъ величиною мышь, мы, со времени Адамсона, знаемъ обыкновеннаго галаго (*Otolocnus galago*, *Lemur galago*, *O. senegalensis*, *O. teng*, *Galago senegalensis*, *G. moholi*, *G. cuvieri*, *Galago*), изящное созданіе величиною съ бѣлку, тѣло котораго имѣетъ въ длину 16—20 см., а хвостъ 23—25. Его короткій, но густой и мягкій какъ шелкъ мѣхъ буланно-сѣраго цвѣта сверху, на головѣ и спинѣ слабо рыжеватаго, на внутренней сторонѣ конечностей и на брюхѣ желтоватобѣлаго; подобную же окраску представляютъ виски и продольная полоска, начинающаяся между глазами и доходящая до конца носа. Уши мясного цвѣта, глаза бураго.

Галаго водится въ большей части Африки. Адамсонъ открылъ его въ лѣсахъ на рѣкахъ Сенегамбіи, позднѣйшіе путешественники наблюдали его въ Южной Африкѣ и Суданѣ. Здѣсь находилъ его нѣсколько разъ и я, но всегда лишь къ западу отъ Бѣлаго Нила и именно въ Кордофанѣ. Туземцамъ онъ хорошо извѣстенъ подъ именемъ тенджъ; они полагаютъ, что онъ первоначально былъ обезьяной и такъ опустился лишь благодаря своей сонливости. Мы встрѣчали тенджа лишь въ мимозовыхъ лѣсахъ. Обыкновенно находилась вмѣстѣ парочка. Животныя спали, сидя на толстыхъ вѣтвяхъ у самаго ствола, но тотчасъ же оживлялись, слышавъ наши шаги. Когда мы спугивали ихъ, то они днемъ быстро и ловко начинали лазать по вѣтвямъ, но никогда не убѣгали, а всегда скоро, спокойно и довѣрчиво снова усаживались на мѣстѣ и прислушивались и присматривались къ намъ сквозь густую листву. Они умѣли очень ловко двигаться между многочисленными острыми шипами мимозъ, а также дѣлать большіе прыжки съ одного дерева на другое. Ночью, какъ намъ говорили, они быстро, но безшумно занимаютъ охоту за насекомыми или, по крайней мѣрѣ, собирающимъ плоды, и глаза ихъ горятъ тогда какъ огонь. Говорили, что эти животныя очень легко попадаютъ въ петли и что днемъ человѣкъ, хорошо умѣющій лазать, можетъ даже схватить ихъ рукою; ловцу нужно только хорошенько трясти вѣтвь, на которой сидитъ тенджъ; тогда онъ крѣпко цѣпляется за нее изъ боязни упасть и позволяетъ схватить себя. Я думаю, что этотъ способъ ловли даетъ хорошіе результаты, такъ какъ я самъ часто съ успѣхомъ при-
мѣнялъ его къ ловлѣ молодыхъ бѣлокъ.

Купецъ Бакль, который въ началѣ нашего столѣтія путешествовалъ по Се-

вегамби, получил парочку галаго от негра, который поймал их в лесах абацій, доставляющих аравійскую камедь. Галаго тамъ называли «камедными животными» (Gummithiere) и увѣряли, будто-бы они очень охотно поѣдаютъ смолу мимозъ. Пойманная цара подтвердила на дѣлѣ это указаніе, но предпочитала, однако, насѣкомыхъ всякой другой пищѣ. Во время переѣзда оба животныя мгновенно приходили въ движеніе, лишь только мимо ихъ прожужжитъ насѣкомое; они подкарауливали таракановъ и ловко и быстро схватывали ихъ, какъ только они достаточно приближались. Ихъ кормили яйцами, варенымъ мясомъ, овощами, молокомъ, и они чувствовали себя при этомъ совершенно хорошо. Своимъ поведе-

Галаго. *Otolicnus galago*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ніемъ они столько же напоминали маки, сколько и летучихъ мышей. Ихъ раздражительность, живость и особенно сила прыжковъ приводили въ изумленіе всѣхъ пассажировъ; наиболѣе замѣчательнымъ оставалось, однако, движеніе ихъ ушей. Желая спать, они могли закрывать уши совершенно. Сначала уши морщатся и укорачиваются при основаніи, затѣмъ верхушка уха загibtается внутрь, такъ что его почти не видно. Но при самомъ незначительномъ шумѣ верхній край снова развѣртывается, и вся раковина растягивается и становится гладкой. Совершенно такимъ же образомъ поступаютъ нѣкоторыя летучія мыши, чтобы притупить свой чрезвычайно тонкій слухъ и быть въ состояніи спать среди дневного шума.

Живущій на островѣ Занзибарѣ ушастый маки, который, повидимому, отличается отъ живущаго на прилежащемъ материкѣ Комба Суагеловѣ (*Otolicnus* [*Otolimur*] *agizumbanus*) превосходитъ по величинѣ галаго: длина тѣла его равна

20—30 см., длина хвоста 22—25 см. Преобладающий цвѣтъ мѣха желтовато-или буровато-сѣрый, такъ какъ волоса при основаніи пепельно-сѣрые, на концѣ бурые. Въ области морды и носа, а также на пальцахъ рукъ и ногъ цвѣтъ темнѣе, на подбородкѣ и вискахъ цвѣтъ становится свѣтлѣе, доходя до сѣровато-бѣлаго, на груди, брюхѣ и внутренней сторонѣ конечностей онъ переходитъ въ болѣе свѣтло-сѣрый. Хвостъ при основаніи рыжій, а на концѣ чернобурый. Большія, почти голыя уши пепельно-сѣрыя.

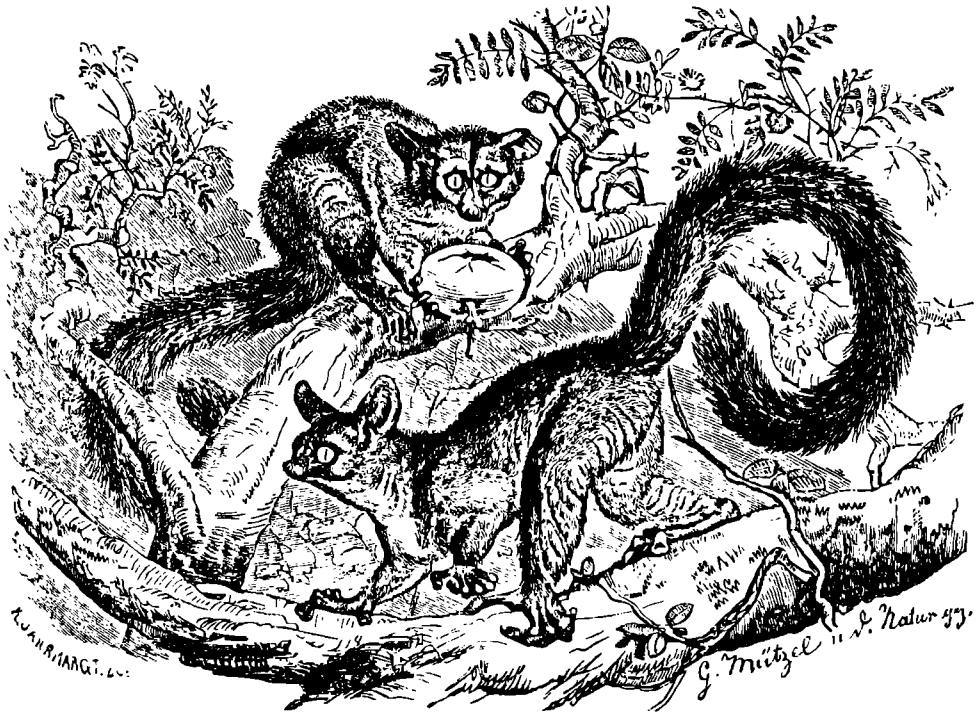
На Занзибарѣ, по словамъ Керстена, примѣняютъ очень простое средство, чтобы овладѣть комба; его ловятъ, не охотясь собственно за нимъ: его губить страсть къ лакомству. Несмотря на свою хищническую натуру, комба вовсе не пренебрегаетъ сладкими лакомствами; напротивъ, онъ обнаруживаетъ къ нимъ такое сильное пристрастіе, примѣры котораго мы встрѣчаемъ развѣ у обезьянъ и въ некоторыхъ грызуновъ. «Когда приготавливаютъ пальмовое вино, нашъ ушастый маки нерѣдко является въ качествѣ незваного гостя на въ высшей степени привлекательный для него пиръ, пьетъ сладкій освѣжающій напитокъ, и это-то его и губить. Жидкость, вытекающая изъ верхушки пальмы, оказывается не только сладкою, но и опьяняющей, и тѣмъ болѣе, чѣмъ дольше она пробыла въ соприкосновеніи съ воздухомъ. Мучимый жаждою комба пьетъ много, теряетъ сознание, падаетъ съ вершины дерева на землю и остается лежать, обезсиленный тяжелымъ опьяненіемъ. Здѣсь находятъ его на-утро негръ, посланный собирать вытекшее за ночь пальмовое вино, поднимаетъ съ земли лишенное движенія сиящее животное, прятчетъ его сначала въ простую клѣтку, или привязываетъ веревкой, обвитой вокругъ туловища, приносить въ городъ и предлагаетъ на продажу кому-нибудь изъ европейцевъ, которые охотно покупаютъ такихъ животныхъ.

«Дитя лѣса, проснувшись въ клѣткѣ или на привязи, бываетъ очень удивлено и конечно въ высшей степени недоволено. Комба не обнаруживаетъ ни малѣйшаго пониманія дружелюбнаго отношенія къ нему хозяина, а выказываетъ лишь отвращеніе, неудовольствіе и злость. Его слабая понятливость не въ состояніи такъ скоро примѣниться къ измѣненнымъ обстоятельствамъ. Онъ воздастъ ненавистью за оказываемую ему любовь, дѣлаетъ, какъ нарочно, всегда противоположное тому, чего желаетъ его хозяинъ, избѣгаетъ пищи и питья и возбуждается лишь для того, чтобы оскалить зубы.

«Съ неудовольствіемъ рѣшается наконецъ европеецъ, незнакомый съ нравами и привычками комба, предоставить упрямое созданіе самому себѣ, устройтъ ему предварительно въ клѣткѣ удобное гнѣздо, можетъ быть въ надеждѣ, что сонъ и покой измѣнятъ къ лучшему настроеніе плѣнника, сдѣлаютъ его болѣе ручнымъ. При утреннемъ визитѣ, сдѣланномъ своему питомцу, хозяинъ къ своему не малому удивленію видитъ дверцы удобно устроенной клѣтки открытыми, гнѣздо пустымъ, а бѣглеца лежащимъ, свернувшись клубкомъ, въ клѣткѣ, въ которой до того жили два огненныхъ ткачика. Въ первое мгновеніе онъ не въ состояніи понять, что побудило комба убѣжать изъ своего просторнаго, уютно устроеннаго убѣжища, взобраться съ трудомъ по гладкой стѣнѣ, протиснуться въ узкую неудобную клѣтку и открыть ее для освобожденія птицъ. Однако послѣ того, какъ онъ напрасно осмотрѣлъ всѣ уголки помещенія, ища птицъ, и нигдѣ не могъ найти слѣда ихъ, въ немъ пробуждается предчувствіе истины. Онъ быстро снимаетъ со стѣны клѣтку съ комба и видитъ, что на полу ея лежатъ нѣсколько остатковъ великолѣпныхъ птицъ. Въ досадѣ хватаетъ онъ убійцу, чтобы наказать его; но комба, нисколько не сознающій своей вины, его больно кусаетъ и открываетъ такимъ образомъ своему воспитателю еще одну неизвѣстную ему сторону своего характера.

«Однако наша полуобезьяна слишком привлекательное животное, чтобы гнѣвъ любителя животных могъ продолжаться долго. Потеря огненныхъ ткачиковъ забывается, за то приобрѣтается расположеніе комба. Упрямецъ понемногу дружится со своимъ благодѣтелемъ. Въ качествѣ любителя опьяняющихъ напитковъ онъ избѣгаетъ воду, если даже его заставляютъ долго терпѣть жажду, чтобы побѣдить его упрямство. Предложенная ему наконецъ чашечка шербета оказывается, однако, слишкомъ соблазнительной, чтобы онъ могъ оставить ее нетронутой. Онъ выпиваетъ ее до дна, выражая свое удовольствіе звуками, напоминающими мурлыканье кошки, и благодарно облизываетъ за-одно и смоченный сладкой жидкостью палець. Если первый шагъ сдѣланъ, его уже не трудно приручить. Скоро онъ начинаетъ

Большой галаго. *Otilicnus crassicaudatus*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

ѣсть размоченный въ молокѣ бѣлый хлѣбъ; черезъ короткое время онъ находитъ уже удовольствіе въ сладкомъ чаѣ и кофе; наконецъ онъ такъ привыкаетъ къ этимъ напиткамъ, что никогда не забываетъ добровольно явиться къ столу во время чаепитія. По отношенію къ твердой пищѣ онъ остается болѣе вѣрнымъ своимъ привычкамъ; мясо всегда бываетъ его любимой пищей, хотя онъ и ѣстъ иногда бананы, сосетъ манго, или лакомится другимъ подобнымъ плодомъ. Однако онъ ѣдаетъ это, можетъ быть, лишь потому, что сладкій плодъ кажется ему скорѣе стущеннымъ напиткомъ, чѣмъ твердой пищей. Мясо различнѣйшихъ позвоночныхъ, а особенно насѣкомья, остаются главной его пищей и лишь послѣ продолжительной жизни въ неволѣ онъ рѣшается считать съѣдобнымъ и вареное мясо.

Съ теченіемъ времени онъ оплачиваетъ за потраченные на него заботы хорошими услугами. Въ томъ помѣщеніи, гдѣ живетъ комба, мыши ужиться не могутъ; въ комнатахъ или на кораблѣ, гдѣ онъ обитаетъ, онъ неутомимо преслѣдуетъ

надождливыхъ большихъ таракановъ. Неслышно ступая, приближается онъ къ замѣченному таракану, широко растопыривъ наукообразные пальцы, быстро хватается и въ то же мгновеніе раздавливаетъ добычу и тотчасъ же подноситъ ее ко рту, аппетитно чавкая. Мы съ удовольствіемъ вспоминаемъ наблюденіе, сдѣланное во время скучнаго морского переѣзда. Множество таракановъ, населявшихъ наше судно, принуждали насъ осматривать отъ времени до времени наши сундуки съ платьемъ. Вонь отъ этихъ насѣкомыхъ, поразившая насъ, когда мы открыли сундукъ, привлекла нашего ручного ушастаго маки. Несмотря на неудобное для него время дня онъ сталъ съ большимъ вниманіемъ изслѣдовать содержимое сундука и очень скоро доказалъ намъ, что хорошо знаетъ, зачѣмъ пришелъ; ему было теперь много дѣла, чтобы управиться съ обезпеченнымъ нами войскомъ таракановъ. Съ удивительною ловкостью бросался онъ съ быстротою молніи то туда, то сюда, схватывая тутъ взрослаго таракана, тамъ куколку, и въ то время, какъ одною рукою онъ держалъ у рта только-что схваченную и поѣдаемую добычу, другая была занята ловлей другого таракана. Такимъ образомъ онъ присматривался, прислушивался, хлопоталъ и чавкалъ, пока мы не окончили работу.

«Дѣйствительно прирученный комба гораздо милѣе и привлекательнѣе, чѣмъ обезьяна. Конечно даже самому смирному изъ нихъ бываетъ крайне непріятно, если мѣшаютъ его дневному сну; но вечеромъ, вполне оживившись, онъ обнаруживаетъ большую привязанность и даже любовь къ своему хозяину, хотя и уступаетъ въ этомъ отношеніи другимъ маки. Онъ позволяетъ, однако, чтобы его брали, съ удовольствіемъ встрѣчаетъ оказываемыя ему ласки и не думаетъ уже болѣе о томъ, чтобы пускать въ дѣло своя острые зубы. Съ себѣ подобными онъ съ самаго начала ведетъ себя отлично; онъ привыкаетъ и къ другимъ домашнимъ животнымъ. Коль скоро его приучили питаться различной пищей, его уже не трудно привезти въ Европу».

Величайшій изъ извѣстныхъ до сихъ поръ ушастыхъ маки, котораго мы будемъ называть Большимъ галаго (*Otolienus* [*Otolemur*] *crassicaudatus*), почти равняется по величинѣ кролику: длина его тѣла равна 30—32 см., длина хвоста 40—42 см. Густой волнистый мѣхъ, который особенно пушистъ на хвостѣ и лишь на спинной сторонѣ рукъ и ногъ укорачивается и прилегаетъ къ тѣлу, рыже-бураго цвѣта на верхней части головы, сѣровато-ржаваго на спинѣ, сѣраго или желтовато-бѣлаго на нижней сторонѣ тѣла, буровато-рыжаго на хвостѣ, черно-бураго на пальцахъ обѣихъ паръ конечностей; каждый волосъ при основаніи голубовато или черновато-сѣраго цвѣта, на концѣ серебристо-сѣраго съ черными и бурными кольцами или же совершенно черный.

Область распространения его простирается на довольно большую часть восточной Африки, по крайней мѣрѣ отъ Джубы до Мозамбика, но о жизни животнаго на свободѣ мы не знаемъ еще почти ничего. Въ послѣднее время живые галаго попадаютъ перѣдко въ наши клѣтки, и я самъ имѣлъ случай наблюдать ихъ; въ этихъ наблюденіяхъ слѣдуетъ, что большой галаго не отличается значительно по образу жизни отъ своихъ родичей. Подобно имъ онъ представляетъ настоящее ночное животное, которое цѣлый день спитъ, а цѣлую ночь бодро и живо бродитъ и лишь утромъ, когда станетъ совсѣмъ свѣтло, отправляется въ свое гнѣздо. Въ теченіе дня онъ отдыхаетъ свернувшись, полулежа, полусидя на корточкахъ въ самомъ темномъ углу своей клѣтки. При этомъ онъ помѣщаетъ голову между передними руками, тѣсно обвиваетъ ее своимъ пушистымъ хвостомъ и схватываетъ сей послѣдній обѣими задними руками, которыя онъ протягиваетъ насколько возможно впередъ. Такимъ образомъ онъ такъ хорошо прячетъ голову, что кромѣ ушей, ко-

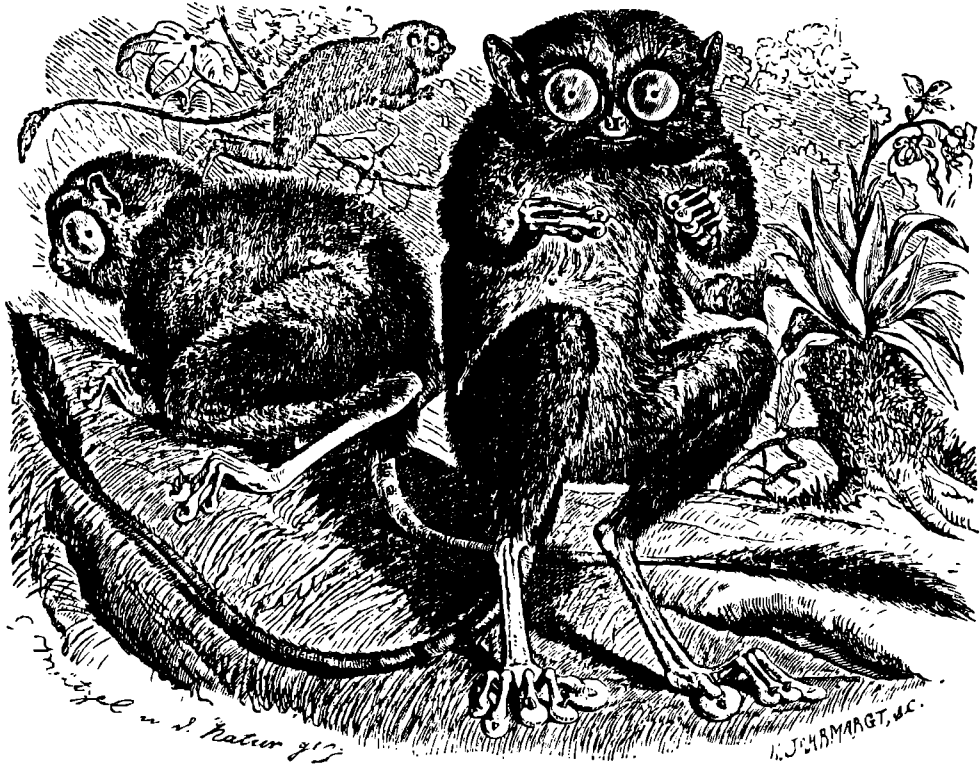
торыхъ онъ никогда не прикрываетъ, не видно ничего. Одинъ изгибъ хвоста окружаетъ обыкновенно одно ухо и прикрываетъ глаза. Уши обыкновенно бываютъ завернуты и кажутся повислыми и измятыми. Приблизительно въ 5 часовъ вечера онъ просыпается, потягивается и осматривается пристально вокругъ, причемъ попеременно то вытягиваетъ, то снова прячетъ голову. Потомъ онъ чистится и лишь теперь начинаетъ лазать. Движенія его всегда медленны и осмотрительны; шаги совершенно не слышны. При ходьбѣ пальцы широко растопыряются, хвостъ волочится по землѣ. Онъ лазаютъ медленно, но очень искусно головой вверхъ и внизъ, крѣпко привѣшивается передней или задней ногой и качается, лазаютъ по потоку клѣтки и т. п. Пища его состоитъ изъ размоченной въ молоко булки, мяса и плодовъ. Винныя ягоды и изюмъ онъ ѣстъ особенно охотно и жаденъ до наѣкомыхъ, ихъ личинокъ и куколокъ. Предлагаемую пищу онъ беретъ ртомъ или руками; неизвѣстное ему онъ обыкновенно ощупываетъ языкомъ. На живыхъ птицъ онъ смотритъ жаднымъ, много говорящимъ взглядомъ. Когда онъ ходитъ, то сначала обнюхиваетъ каждый предметъ и лишь потомъ ощупываетъ его языкомъ. Онъ добродушенъ и ему очень нравится, если его слегка чешутъ пальцами; только если его берутъ въ руки, то онъ обыкновенно кусается. Его наружность выражаетъ почитливость; красивые бурные, сильно выпуклые глаза смотреть умно. Днемъsrачекъ сжатъ въ видѣ маленькой узкой щели, ночью онъ значительно расширяется. Скоро послѣ пробужденія животное обыкновенно издаетъ свой оригинальный крикъ, который напоминаетъ воркованье нѣкоторыхъ голубей. Онъ начинается тихо издаваемымъ глухимъ звукомъ «ду», усиливается затѣмъ и оканчивается болѣе слабымъ мяукающимъ «дью». Весь крикъ звучитъ очень глухо, приблизительно какъ «ду, ту, ту, ту, ту, туи, дью, дью». * * *

Большая, круглая, плотносидающая на плечахъ голова съ настоящимъ лягушечьимъ лицомъ, короткія переднія и длинныя заднія конечности и болѣе длинный, чѣмъ тѣло, хвостъ составляютъ виѣшніе признаки, а странно устроенные зубы, похожіе на зубы хищниковъ, питающихся наѣкомыми, — главнѣйшій внутренній признакъ одной полуобезьяны, которая уже съ давнихъ поръ считается представителемъ особаго рода, а въ новѣйшее время съ полнымъ правомъ отдѣлена въ особое семейство. Вслѣдствіе необыкновенно удлиненныхъ ступней этому семейству дали названіе долгопятовъ (Tarsidae. Fusswu zelhiera. Tarsiers), послѣ того, какъ эти странныя животныя различными изслѣдователями считались то за тушканчиковъ, то за сумчатыхъ, то накопецъ за лемуровъ. Такъ какъ до сихъ поръ извѣстна лишь одна опредѣленная видъ, или самое большее два вида, то признаки ихъ примѣняются и ко всему семейству.

Маки-домовой или Долгопять-пугала (*Tarsius spectrum*, *Lemur spectrum*, *Didelphic macrotarsus*, *Tarsius maucouco*, *T. pallasii*, *T. bancanus*, *T. fuscomanus*, *T. fischeri*, *Koboldmaki*. *Tarsier spectre*.) представляетъ, если можно такъ выразиться, воспроизведение лягушки въ классѣ млекопитающихъ. Его морда имѣетъ очевидное сходство съ головой древесной лягушки, и точно также его руки и ноги нѣкоторыми особенностями, которыя мы опишемъ ниже, напоминаютъ конечности упомянутого земноводнаго, съ движеніями котораго сходны до извѣстной степени и его движенія. Большая голова была бы шарообразной, если-бы морда не выдавалась въ видѣ короткаго, довольно широкаго копуса. Именно благодаря этому, а также необыкновенно большому, по отношенію къ длинѣ морды, разрѣзу рта, оканчивающемуся подъ глазами, и толстымъ губамъ, морда получаетъ лягушечье выраженіе. Выраженіе это существенно увеличивается еще необыкновенно большими совиными гла-

зами, относительно наибольшими въ классѣ млекопитающихъ. Они буквально занимаютъ большую часть всего лица, стоятъ довольно близко другъ къ другу и имѣютъ въ діаметрѣ по меньшей мѣрѣ 1, 5 ст. Менѣе своеобразными являются уши, такъ какъ такія уши встрѣчаются и у другихъ млекопитающихъ; они похожи на большія широкія ложки, сидяція на короткой трубчатой рукояткѣ, и представляютъ на переднемъ краю узкую поверхность, оканчивающуюся снаружи острымъ краемъ, а изнутри ограниченную началомъ ушной складки, на заднемъ краю углубленную кайму, отдѣленную противоположной складкой, а внутри раковины четыре расположенныхъ одна надъ другой поперечныхъ дуги. Шея представляетъ лишь незначительную длину и едва замѣтна; тѣло шире всего сверху, такъ какъ плечи сильно выдаются; спина кажется вдавленной, грудь уже спины. Переднія конечности также бросаются въ глаза своей короткостью, благодаря очень короткой плечевой части, какъ заднія своей длиной, которая превышаетъ даже длину тѣла. По отношенію къ длинѣ всей передней конечности, кисти рукъ могутъ быть названы очень длинными. Отношеніе отдѣльныхъ пальцевъ иное, чѣмъ у большинства лемуновъ, такъ какъ средній палецъ длиннѣе всѣхъ и втрое длиннѣе большого пальца, который въ свою очередь значительно меньше мизинца. Какъ у нѣкоторыхъ галаго, на ладони и концахъ пальцевъ развиты большія подушкообразныя утолщенія. Одно изъ нихъ лежитъ ниже основанія большого пальца, два ниже основанія средняго и безымяннаго и по одному на концахъ пальцевъ. Бедрa довольно сильны, голени напротивъ кажутся по сравненію съ ними тонкими, а плюсны, покрытыя рѣдкими волосами до пятки, т. е. до начала пальцевъ, кажутся даже сухими какъ щелки. Нога, за исключеніемъ строенія ногтей втораго и третьяго пальца, похожа на руку, съ тѣмъ лишь различіемъ, что большой палецъ заднихъ конечностей можетъ болѣе совершенно противопоставляться остальнымъ пальцамъ, чѣмъ большой палецъ переднихъ конечностей, и что утолщенія на концахъ пальцевъ задней конечности значительно больше, чѣмъ на передней; притомъ же не третій, а четвертый палецъ длиннѣе всѣхъ. Всѣ пальцы переднихъ конечностей снабжены треугольными, плоскими, лишь вдоль середины нѣсколько выпуклыми, согнутыми на краяхъ и вытянутыми на концѣ ногтями; большой и оба наружныхъ пальца ноги имѣютъ такіе-же ногти, а оба внутреннихъ, вмѣсто плоскихъ ногтей, вооружены прямостоящими, мало изогнутыми, острыми на концѣ и по краю ногтями. Наконецъ хвостъ круглый въ разрѣзѣ и постепенно слегка утончается къ концу. Зубная система отличается отъ зубной системы всѣхъ остальныхъ полуобезьянъ тѣмъ, что представляетъ не узкіе горизонтально вытянутые впередъ нижніе рѣзцы, а вертикальные, почти столько же напоминающіе рѣзцы хищниковъ, питающихся насѣкомыми, какъ и рѣзцы другихъ полуобезьянъ и обезьянъ, и относительно широкіе, острые, рѣжущіе и бугорчатые ложнокоренные и настоящіе коренные зубы. Рѣзцовъ, по изслѣдованіямъ Бурмейстера, въ верхней челюсти 4, въ нижней два, кромѣ того съ каждой стороны вверху находится по одному клыкку, по два тупобугорчатыхъ ложнокоренныхъ зуба и по три настоящихъ коренныхъ; снизу по одному клыкку, по два остробугорчатыхъ, одному тупобугорчатому ложному и 3 настоящихъ коренныхъ зуба. Черепъ по своей формѣ совершенно соответствуетъ шарообразному наружному виду головы и отличается отъ черепоовъ всѣхъ остальныхъ полуобезьянъ короткими острыми носовыми костями и огромными глазными впадинами. Эти послѣднія особенно бросаются въ глаза своими острыми, почти рѣжущими, сильно выдающимися краями и шириною отходящаго отъ верхнечелюстной и лобной кости отростка, составляющаго заднюю стѣнку впадины. Всѣ кости тонки и нѣжны, сводъ черепа едва толще игральной карты, такъ что его легко прорѣзать ножемъ. Въ позвононикѣ насчиты-

ваются 7 шейныхъ позвонковъ, 13 или 14 спинныхъ, 6 поясничныхъ, 3 крестцовыхъ и 31—33 хвостовыхъ. Изъ 13 или 14 паръ реберъ 7 или 8 истинныхъ и 6 ложныхъ, и на этомъ, т. е. на различномъ числѣ реберъ, основывается принятое нѣкоторыми натуралистами раздѣленіе этого рода на два вида. Нѣсколько волнистый мягкій мѣхъ равномерно густо одѣваетъ голову, спину и наружную сторону конечностей, укорачивается на груди и брюхѣ и становится на носу, воздрыхъ и верхнемъ краю рта настолько короткимъ, тонкимъ и рѣдкимъ, что эти части кажутся почти голыми, хотя онъ въ дѣйствительности покрытъ волосами. На упшой раковинѣ спаружи, особенно при основаніи и посрединѣ, замѣтны короткіе волоски, а

Маки-домовой. *Tarsius spectrum*. $\frac{1}{2}$ насг. вел.

на внутренней поверхности раковины—крайне тонкіе, едва замѣтныя волоски, верхняя же часть раковины совершенно обнажена. На нѣкоторыхъ мѣстахъ головы, какъ, напримѣръ, на верхней и нижней губѣ, на носу, у внутренняго угла глаза и на щекѣ торчатъ отдѣльныя щетинки, а края вѣкъ окружены мягкими удлиненными рѣсницами. На переднихъ и заднихъ конечностяхъ болѣе густые волосы доходятъ до основанія пясти и плюсны, замѣняясь здѣсь короткими, тонкими и рѣдкими волосками, одѣвающими всю тыльную поверхность руки и пальцевъ. Хвостъ при основаніи покрытъ длинными и густыми волосами, потомъ рѣдкими щетинистыми, а на послѣдней трети длинными, образующими почти кисть. Цвѣтъ мѣха буровато-сѣрый, съ легкимъ рыжимъ оттѣнкомъ. На лбу, спинѣ и верхней сторонѣ бедеръ, на темени и затылкѣ цвѣтъ темнѣе, на груди онъ переходитъ въ бѣловатый. Волосы, покрывающіе конецъ хвоста, желтоваты. Глазъ, по словамъ Кёмминга (*Cumming*), имѣетъ

бурую радужную оболочку, по Ягору, желтоватую. Взрослые экземпляры достигают въ длину 40 см.; изъ которыхъ 23—24 см. приходится на хвостъ.

Объ образѣ жизни маки-домового существуютъ разсказы Раффлеса (Raffles), Кемминга и Саломона Мюллера, къ которымъ я могу прибавить нѣсколько важныхъ указаній Розенберга и Ягора. Область распространенія его обнимаетъ Малайскіе острова; однако это маленькое животное нигдѣ не встрѣчается часто. На материкѣ онъ неизвѣстенъ. Большое количество его названій, а еще болѣе басни, распространенныя о немъ, доказываютъ, что всѣмъ туземцамъ онъ кажется въ высшей степени удивительнымъ созданіемъ. На Суматрѣ, гдѣ Розенбергъ никогда не наблюдалъ его, онъ, по Раффлесу, называется «сингапу», на островѣ Богаль, принадлежащемъ къ Филиппинскимъ; по словамъ Кемминга—«мальмай», у даяковъ, по указанію Саломона Мюллера—«ингеръ», на Целебесѣ, по Розенбергу—«тандабана», на Самарѣ, по Ягору—«майю». Мѣстомъ пребыванія маки-домовой избираетъ, по словамъ Розенберга, лѣса на равнинахъ, гдѣ днемъ прячется въ темныхъ, влажныхъ мѣстахъ, въ густой листвѣ или дуплахъ деревьевъ. По словамъ Кемминга, онъ живетъ между корнями деревьевъ, особенно большихъ бамбуковыхъ стволовъ, исключительно въ самыхъ густыхъ лѣсахъ и всюду встрѣчается довольно рѣдко. Самцовъ и самокъ обыкновенно видятъ вмѣстѣ, почему туземцы, поймавъ одно животное, стараются добыть и другое. По тому, какъ онъ сидитъ и прыгаетъ, онъ невольно напоминаетъ, по словамъ Саломона Мюллера и Розенберга, который называетъ его «самымъ милымъ существомъ», лягушку; онъ дѣлаетъ прыжки почти въ метръ. Днемъ онъ такъ мало пугливъ, что спрыгиваетъ съ высокаго дерева или куста внизъ на прохожаго и позволяетъ схватить себя рукою. Его непропорціонально большіе вытаращенные глаза, зрачекъ которыхъ можетъ быстро увеличиваться и уменьшаться, смотря по количеству падающихъ на него лучей свѣта, доставили ему среди туземцевъ репутацію животнаго, олицетворяющаго собою нечистую силу. Его считаютъ заколдованнымъ животнымъ и, на основаніи ученія о переселеніи душъ, признаютъ душою злодѣя, обладающей волшебными силами. «Сингапу» значитъ, по Раффлесу, «маленькій левъ», и это названіе связано тоже съ одною басней туземцевъ, которая гласитъ, что животное это было первоначально величиною съ льва, но впоследствии уменьшилось до настоящей величины. Туземцы Суматры такъ боятся его, что тотчасъ оставляютъ свои рисовыя поля, если увидятъ на деревѣ около нихъ маки-домового, такъ какъ, по мнѣнію ихъ, въ противномъ случаѣ съ ними или съ ихъ семействами должно случиться несчастіе. Басни эти касаются и пищи нашего животнаго. Уже Петеръ Камель повѣствуетъ въ началѣ прошлаго столѣтія, что, по мнѣнію туземцевъ, маки-домовой питается древеснымъ углемъ, но что это ложь, такъ какъ онъ употребляетъ въ пищу бананы и другіе плоды. Ягоръ, который поучилъ двухъ живыхъ маки-домовыхъ, тоже слышалъ эти разсказы, но убѣдился изъ собственныхъ опытовъ, что животное избѣгаетъ растительной пищи и поѣдаетъ главнымъ образомъ насѣкомыхъ, однако съ большимъ выборомъ. Кеммингъ утверждаетъ, что пища маки-домового состоитъ изъ ящерицъ и что онъ предпочитаетъ этихъ пресмыкающихся всякой другой добычѣ, однако при большомъ голодѣ поѣдаетъ также мелкихъ раковъ и таракановъ; Саломонъ Мюллеръ указываетъ, что долгопята питается кромѣ насѣкомыхъ также различными плодами.

Кеммингъ первый сообщилъ болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни маки-домового въ неволѣ. «Онъ очень чисто плотенъ», говоритъ онъ: «никогда не трогаетъ пищи, которая была уже частью съѣдена, и никогда не пьетъ второй разъ ту же воду. Сравнительно съ величиною онъ ѣстъ очень много. Пьетъ онъ, лакая воду, какъ кошка, но очень медленно. Замѣчательны большіе для такого маленькаго

животнаго комки кала, похожіе на пометъ собаки. Днем онъ много спитъ и обнаруживаетъ величайшее отвращеніе къ свѣту, почему и прячется всегда въ самыя темныя мѣста. Если приблизиться къ его клѣткѣ, то онъ долго смотритъ на приближавшагося, открывъ свои большіе глаза и не двигая ни однимъ мускуломъ; если подойти ближе или бросить что-нибудь около него, то онъ по обезьяньи щелкаетъ зубами, двигая мускулами лица. Онъ рѣдко кричитъ, а если и издаетъ звукъ, то простое визжаніе. При надлежащемъ уходѣ онъ очень скоро приручается и становится необыкновенно довѣрчивъ, лижетъ руки и лицо, ползаетъ по тѣлу своего друга и любитъ, чтобы его ласкали».

Не менѣе благопріятно высказывается и Ягоръ. «Въ Ловвилокунѣ и Бораньей я имѣлъ случай приобрести двухъ маки-домовыхъ. Эти крайне нѣжные, рѣдкіе звѣрки, какъ увѣряли на Люцонѣ, водятся лишь на Самарѣ. Мой первый маки долженъ былъ сначала поголодать, такъ какъ избѣгалъ растительной пищи, но потомъ онъ съ большимъ удовольствіемъ поѣдалъ живыхъ кузнечиковъ. Онъ имѣлъ крайне смѣшной видъ, когда его кормили днемъ; прямо стоя и опираясь на тонкія ноги и голый хвостъ, онъ двигалъ большую круглую голову съ огромными желтыми глазами во все стороны, какъ ворочается на шарообразномъ сочлененіи потайной фонарь, стоящій на трехногой подставкѣ. Ему не сразу удавалось направить глаза прямо на предлагаемый предметъ; когда онъ наконецъ замѣчалъ его, то быстро протягивалъ руки въ стороны и нѣсколько назадъ, какъ ребенокъ, радующійся чему-нибудь, быстро хваталъ добычу руками и мордой, и потомъ, неторопясь, съѣдалъ ее.

«Днемъ маки были сонный, близорукой и если его тревожили, то и сердитый; но когда дневной свѣтъ ослабѣвалъ, онъ становился бодрымъ и зрачекъ его расширялся. Ночью онъ живо и проворно двигался безшумными прыжками, охотнѣе всего вбожь. Онъ скоро приручился, но къ сожалѣнію умеръ черезъ нѣсколько дней; точно также я могъ сохранить живымъ и второе животное лишь короткое время».

Относительно размноженія маки-домового мы обязаны нѣкоторыми данными Кемпингу: «Я имѣлъ счастье», говоритъ онъ, «самъ не зная этого, приобрести беременную самку и потому былъ не мало удивленъ разъ утромъ, увидѣвъ, что она родила дѣтеныша. Этотъ послѣдній казался нѣсколько слабымъ, но былъ совершенно похожъ на мать. Его глаза были открыты, тѣло покрыто уже волосами. Онъ постоянно сосалъ и держался между ногами матери и былъ такъ закрытъ ею, что рѣдко можно было увидѣть что-нибудь кромѣ его хвоста. Его силы быстро увеличивались и уже на второй день онъ началъ ползать по клѣткѣ, хотя еще съ видимымъ напряженіемъ. Однако онъ добирался до верхушекъ палокъ, изъ которыхъ была сдѣлана клѣтка. Если окружающіе желали видѣть дѣтеныша въ то время, какъ мать закрывала его, то достаточно было потревожить ее. Она при этомъ обыкновенно злилась, брала дѣтеныша зубами совершенно какъ кошка, и таскала его нѣсколько времени такимъ образомъ. И въ другое время, когда ее не беспокоили, я видѣлъ, какъ она выходила изъ гнѣзда, держа дѣтеныша въ зубахъ. Послѣдній очень выросъ въ теченіе трехъ недѣль, когда кто-то къ несчастью наступилъ матери на хвостъ, послѣ чего она черезъ нѣсколько дней умерла. Дѣтенышъ послѣдовалъ за нею черезъ нѣсколько часовъ».

* * *

Сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ путешественникъ Соннера (Sonnerat) получилъ изъ лѣса на западномъ берегу Мадагаскара пару крайне странныхъ животныхъ, о существованіи которыхъ никому до того времени не было извѣстно.

Даже на противоположномъ берегу они были совершенно неизвѣстны; по крайней мѣрѣ жившіе тамъ мадагаскарцы увѣряли нашего естествоиспытателя, что два животныхъ, которыхъ онъ держалъ при себѣ живыми, были первыми, которыхъ они видѣли. При видѣ ихъ они громко вскрикивали, выражая свое удивленіе, и Соннера избралъ этотъ возгласъ «ай, ай», чтобы назвать открытое имъ созданіе.

«Это четвероногое», говоритъ Соннера или первый переводчикъ его книги «представляетъ большое сходство съ бѣлкой, но отличается отъ нея нѣсколькими существенными признаками: оно похоже до нѣкоторой степени также на мака и обезьяну».

«Ай-ай имѣетъ на каждой ногѣ по пяти пальцевъ; пальцы переднихъ ногъ очень длинны и нѣсколько согнуты; вслѣдствіе этого онъ ходитъ очень медленно: пальцы эти снабжены кривыми ногтями. Два послѣднихъ сустава среднего пальца длинны, тонки и не покрыты волосами: животное пользуется ими, чтобы доставать изъ трещинъ деревьевъ червей, которыми оно питается, и чтобы проталкивать этихъ червей въ глотку; повидимому они служатъ ему еще ватѣмъ, чтобы вѣшаться на вѣтвяхъ деревьевъ. На заднихъ ногахъ четыре пальца снабжены кривыми когтями, пятый или внутренній представляетъ большой палецъ и снабженъ плоскимъ ногтемъ, похожимъ на ногти человѣка».

«Ай-ай имѣетъ въ каждой челюсти по два рѣзца, которые стоятъ очень близко другъ къ другу и похожи на клювъ попугая; нижніе гораздо больше верхнихъ. Онъ имѣетъ большія, широкія и плоскія уши; они чернаго цвѣта, гладки, блестящи и усажены снаружи длинными волосами. Надъ глазами и носомъ, на щекахъ и подбородкѣ, у него находятся пучки длинныхъ волосъ».

«Все животное покрыто желтовато-бѣлымъ пухомъ или нѣжными волосами, изъ которыхъ торчатъ большіе черные волоса. Передняя часть головы и шея желтовато-бѣлаго цвѣта. Хвостъ плоскій, мохнатый и усаженный длинными волосами. Хотя онъ и кажется совершенно чернымъ, однако его волосы отъ корня до середины длины бѣлаго цвѣта. Ай-ай имѣетъ въ длину отъ головы до хвоста 18 дюймовъ 6 линий, а хвостъ его—1½ фута».

Гдѣ встрѣчается и живетъ это животное, объ этомъ Соннера не говоритъ ничего, о поведеніи его въ неволѣ очень мало: «Это животное», говоритъ онъ: «повидимому принадлежитъ къ тѣмъ, которыя роются въ землѣ. Днемъ оно не видитъ; его глазъ красноватъ и неподвиженъ, какъ у совы. Оно очень лѣнливо, а потому и очень смирно. У меня были самецъ и самка, но оба прожили не долѣе двухъ мѣсяцевъ; я кормилъ ихъ варенымъ рисомъ и они употребляли для ѣды два тонкіе пальца переднихъ конечностей, какъ китайцы свои палочки. Они были робки, пугливы, очень любили тепло, всегда сползались вмѣстѣ, чтобы спать, ложились на бокъ и прятали голову между передними ногами. Они лежали весь день неподвижно, и лишь продолжительнымъ встряхиваніемъ можно было заставить ихъ двигаться».

До новѣйшаго времени ай-ай, привезенный Соннера въ Европу, оставался единственнымъ извѣстнымъ, а появившееся въ 1782 году описаніе—единственнымъ источникомъ свѣдѣній о жизни этого рѣдкаго животнаго. Были склонны уже считать его вымершимъ. Первое извѣстіе въ противоположномъ смыслѣ стало извѣстнымъ ученому міру въ 1844 г., благодаря Де-Кастелю. Этому путешественнику удалось достать живого молодого ай-ай и онъ рѣшилъ подарить его парижскому зоологическому музею. Къ несчастію животное умерло, не дохавъ до Европы; но шкура и скелетъ его поступили въ упомянутый музей и благодаря этому было доказано, что послѣднее животное и ай-ай Соннера принадлежали къ одному и тому

же виду. До самого начала шестидесятых годов эти два экземпляра оставались единственными известными. Лишь в 1862 г. лондонское зоологическое общество получило радостное известие, что два Руконожника, как между темъ называли это странное существо, пойманы на Мадагаскарѣ и находятся на пути въ Европу для зоологического сада въ Реджентъ-Паркъ. Одинъ изъ этихъ экземпляровъ благополучно прибылъ въ Европу живымъ, другой по крайней мѣрѣ въ спирту. Нѣсколько позднее послѣдовало еще нѣсколько экземпляровъ, изъ которыхъ берлинскій музей могъ приобрести трехъ.

Лишь теперь зоологи могли несомнѣнно установить родственныя отношенія ай-ай и указать ему должное мѣсто въ системѣ. До того времени взгляды сильно расходились. Бюффонъ, который могъ изслѣдовать экземпляръ ай-ай, привезенный

Руконожка. *Cheiromys madagascariensis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Соннера, сближалъ его съ маки домовымъ, котораго онъ соединялъ съ тушканчиками; Гмелинъ помѣщалъ его между бѣлками; Шреберъ, который правда самъ не изслѣдовалъ это животное, первый рѣшился причислить его къ полуобезьянамъ; Илягеръ образовалъ изъ него отдѣльное семейство въ установленномъ имъ отрядѣ, который долженъ былъ заключать въ себѣ обезьянъ, полуобезьянъ и часть сумчатыхъ; Блэнвилль въ 1816 году, послѣ тщательнаго изслѣдованія черепа и части заднихъ конечностей, рѣшительно высказался въ пользу отдѣленія руконожки отъ грызуновъ и соединенія ея съ полуобезьянами, между тѣмъ какъ большинство зоологовъ, и между ними даже знаменитый Кювье, все еще оставляли его среди грызуновъ. Жоффруа Сентъ-Илеръ въ 1831 году безусловно примкнулъ къ взгляду Блэнвилля, между тѣмъ какъ другіе выдающіеся изслѣдователи, какъ на примѣръ Мильнъ-Эдвардсъ и фанъ-деръ Хувенъ слѣдовали Кювье; Брандтъ пришелъ къ заключенію, что группа руконожекъ хотя и родственна полуобезьянамъ по большому числу признаковъ, но по не малому числу существенныхъ признаковъ родственна

и грызунамъ, и предложилъ поэтому составить для этого животнаго отдѣльный отрядъ, который-бы стоялъ между обезьянами, полуобезьянами и грызунами; наконецъ Гибель, несмотря на разъясненія Жоффруа, все еще оставлялъ руконожку въ появившемся въ 1859 г. сочиненіи о млекопитающихъ среди грызуновъ. Лишь благодаря изслѣдованіямъ Оуена и Петерса, спорный вопросъ былъ окончательно рѣшенъ.

На основаніи этихъ изслѣдованій Руконожка (*Chiromys madagascariensis*, Lemur psylodactylus, *Sciurus*, *Daubentonia madagascariensis*, Fingerthier. Aye-Aye) составляетъ не только особый родъ, но и особое семейство (*Leptodactyla* или *Chiromyida*, *Daubentoniada*, *Glirisimia*, *Glirimorpha*) въ отрядѣ полуобезьянъ.

Ай-ай или руконожка представляетъ слѣдующіе внѣшніе признаки: голова очень велика, шея коротка, туловище довольно толстое, хвостъ по длинѣ приблизительно равенъ тѣлу. Конечности почти равной длины. По отношенію къ величинѣ головы глаза кажутся маленькими, кожистыя уши, напротивъ, очень большими. На рукѣ и ногѣ особенно бросаются въ глаза очень удлинненные пальцы. На рукѣ утолщенный снизу большой палецъ толстъ и коротокъ, указательный нѣсколько тоньше, безымянный почти такой же толщины, какъ большой, мизинецъ тоже очень толстъ, но третій палецъ недоразвитъ, такъ какъ онъ кажется какъ бы сошедшимся. Плюсна умѣренно развита, большой палецъ ноги средней длины и такого же строенія, какъ большой палецъ руки, между тѣмъ какъ остальные пальцы ноги почти одинаковой длины и сходнаго строенія. Лицо рыжевато-сѣраго цвѣта за исключениемъ болѣе темнаго кольца вокругъ глазъ и свѣтлаго пятна надъ ними. На вискахъ и горлѣ мѣхъ кажется желтовато-сѣрымъ; на остальныхъ частяхъ крапивоцвѣтъ кажется буровато-чернымъ съ просвѣчивающей желтизной и бѣлыми крапинками, такъ какъ мѣхъ состоитъ изъ волосъ двоякаго рода: густого сѣровато-желтаго подшерстка и черныхъ волосъ грани, мѣстами съ бѣлыми крапинками. Щетинистые темные волосы хвоста имѣютъ сѣрые корни, сильно развитыя щетинки надъ глазами и у уголъ рта совершенно черныя. Взрослые экземпляры достигаютъ общей длины въ 1 метръ, изъ котораго 45 см. приходится на разстояніе отъ конца морды до корня хвоста и болѣе 50 см. на хвостъ.

Я могъ хоть короткое время наблюдать руконожку, которая жила нѣсколько лѣтъ въ Лондонѣ; къ сожалѣнію я располагалъ такимъ короткимъ временемъ, что могъ посвятить этому животному лишь одинъ вечеръ. Этотъ одинъ вечеръ убѣдилъ меня, что описаніе Соннера нуждается не только въ дополненіяхъ, но и въ исправленіи. Я хочу поэтому коротко изложить здѣсь мои ограниченныя наблюденія и все, что я разспросилъ у сторожей.

Животное не представляетъ значительнаго сходства буквально ни съ какимъ другимъ млекопитающимъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно напоминаетъ галага; однако едва-ли какому-нибудь изслѣдователю придетъ въ голову соединить его съ ними въ одно семейство. Толстая широкая голова съ большими ушами, благодаря которымъ голова кажется еще шире, маленькіе, выпуклые, неподвижные, но горящіе глаза съ гораздо меньшимъ зрачкомъ, чѣмъ у ночной обезьяны, ротъ, который дѣйствительно представляетъ извѣстное сходство съ клювомъ попугая, значительная величина тѣла и длинный хвостъ, который, подобно всему тѣлу, усаженъ рѣдкими, но длинными, жесткими, почти щетинистыми волосами ости, и наконецъ замѣчательныя руки, средній палецъ которыхъ имѣетъ такой видъ, какъ будто-бы онъ засохъ,—все эти признаки, взятые вмѣстѣ, придаютъ всему виду животнаго нѣчто настолько своеобразное, что невольно ломаешь себѣ голову въ бесплодныхъ стараніяхъ пайти близкое ему существо.

Для зоолога, который видитъ это странное существо живымъ передъ собою, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнiю, что онъ имѣеть дѣло съ совершенно ночнымъ животнымъ. Ай-ай болѣе боится свѣта, чѣмъ всѣ извѣстныя млекопитающія. Ночную обезьяну можно по крайней мѣрѣ разбудить, она оцепыиваетъ вокругъ себя, съ удивленiемъ смотритъ на мiръ, освѣщенный дневнымъ свѣтомъ, съ участiемъ прислушивается къ жужжанiю пролетающаго мимо насекомага, даже чистится и лижется; ай-ай днемъ, если даже его и удастся съ большимъ трудомъ растрести и заставить проснуться, кажется совершеннымъ автоматомъ. Манинально тащится онъ назадъ въ свое темное мѣсто, свертывается клубкомъ, закрываетъ лицо густымъ хвостомъ, которымъ онъ какъ обручемъ окружаетъ голову. Въ каждомъ движенiи, въ каждомъ дѣйствии онъ проявляетъ вялость и равнодушия въ самой сильной степени. Лишь тогда, когда наступила темная ночь, спустя долгое время послѣ сумерекъ, онъ оживляется и выползаетъ изъ своего темнаго помѣщенiя, видимо все еще боясь, чтобы какой-нибудь лучъ свѣта не освѣтилъ его. Свѣтъ свѣчи, который нисколько не тревожитъ другихъ ночныхъ животныхъ, заставляетъ его поспѣшно спрятаться.

Его движенiя медленны и лѣнны, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ можно бы ожидать. Если дѣло идетъ о томъ, чтобы избѣжать безпокоющаго его свѣта, то ай-ай доказываетъ, что онъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ даже быть довольно проворнымъ. Походка его похожа на походку другихъ ночныхъ обезьянъ, съ тѣмъ только различiемъ, что она несравненно медленнѣе. При этомъ животное держитъ заднюю часть тѣла гораздо выше, чѣмъ переднюю, которая опирается на сильно разставленные и согнутые пальцы, и горизонтально протягиваетъ отъ себя мохнатый хвостъ, не волоча его по землѣ. Можно подумать, что животное дѣлаетъ каждый шагъ обдуманно; по крайней мѣрѣ оно всегда даетъ себѣ достаточно времени для размышленiя. Я не имѣлъ случая наблюдать, какъ оно лазаетъ; но и это движенiе совершается, говорятъ, также медленно, какъ и ходьба.

Если наблюденiя Соннера точны, то ему приходилось, должно быть, имѣть дѣло съ особенно добродушной руконожкой. Та, которую я видѣлъ, вовсе не была свирна, напротивъ того, очень раздражительна и зла. Если къ ней приближались, она фыркала, какъ кошка; если ей протягивали руку, то она, издавая тѣ же звуки, бѣшено кидалась на нее и пыталась схватить ее обѣими лапами. При этомъ она отличала руку отъ желѣзной палочки; если ее трогали съ помощью этой послѣдней, то она не фыркала и не хваталась за нее. Сторожа, которые очень остерегались зубовъ вѣрвнаго имъ животнаго, увѣряли, что получили убѣдительныя доказательства ея злобности: они были нѣсколько разъ сильно укушены. Нельзя поэтому, строго говоря, называть ай-ай робкимъ, онъ только застѣнчивъ и избѣгаетъ всякаго общества. Даже ночью малѣйшій шумъ заставляетъ его съ возможной поспѣшностью искать убѣжища.

Единственная пища, которую даютъ животному, состоитъ изъ молока, съ подмѣшаннымъ въ него варенымъ и растертымъ желткомъ. Маленькое блюдо его оказывается достаточнымъ на день. Во время ѣды ай-ай пользуется обѣими руками; онъ бросаетъ ими жидкую пищу себѣ въ ротъ. Мясной пищи онъ до сихъ поръ упорно избѣгалъ; пытались ли прiучить его къ какой-нибудь другой пищѣ, я не знаю.

Достойнымъ вниманiя кажется мнѣ еще одно наблюденiе. Всѣ вѣтви дерева, находящагося въ клѣткѣ ай-ай, облуплены и искусаны имъ. Это указываетъ на способъ употребленiя его рѣзцовъ, которые заставили естествоиспытателей причислять его къ грызунамъ. Я думаю, что изъ этого можно заключить, что на свободѣ

онъ отыскиваетъ пищу на засохшихъ деревьяхъ и дѣйствительно поѣдаетъ насѣкомыхъ, какъ указываетъ Соннера. Я предполагаю, что онъ обдираетъ кору деревьевъ своими превосходно приспособленными для этого рѣзцами, открываетъ такимъ образомъ мѣста, гдѣ прячутся нѣкоторые насѣкомыя или ихъ личинки, и затѣмъ вытаскиваетъ ихъ изъ щелей и трещинъ своими длинными пальцами для того, чтобы съѣсть.

Къ этимъ наблюденіямъ, написаннымъ въ 1863 г., я хочу прибавить данныя, позднѣе обнаруженныя Полленомъ, такъ какъ они существенно пополняютъ наши свѣдѣнія о жизни ай-ай на свободѣ. «Это животное, столь замѣчательное въ научномъ отношеніи», говоритъ нашъ сотоварищъ, «живетъ предпочтительно въ бамбуковыхъ лѣсахъ внутри большого острова. По словамъ туземцевъ, оно такъ рѣдко, что его лишь случайно удается видѣть; живетъ поодиночкѣ или парами, но никогда не стадами, появляется лишь ночью, а цѣлый день спитъ въ самыхъ густыхъ и непроходимыхъ бамбуковыхъ чащахъ среди лѣсовъ. Оно питается сердцевинной бамбуковаго или сахарнаго тростника, а также и жуками и ихъ личинками. Для того, чтобы достать пищу, все равно, состоитъ ли она изъ сердцевинны бамбуковаго или сахарнаго тростника, или изъ насѣкомыхъ, оно прогрызаетъ своими сильными рѣзцами отверстіе въ стволѣ растеній, запускаетъ въ него свой тонкій средній палецъ и вытаскиваетъ имъ растительное вещество или насѣкомыхъ. Насколько это животное сонливо днемъ, настолько же оно оживленно движется ночью. Оно спитъ начиная съ восхода солнца, причѣмъ прячетъ голову между ногами и кромѣ того закутываетъ ее еще своимъ длиннымъ хвостомъ. Съ наступленіемъ ночи оно выходитъ изъ своего соннаго состоянія, лазаетъ вверхъ и внизъ по деревьямъ и съ ловкостью маки прыгаетъ съ вѣтви на вѣтвь, тщательно изслѣдуя при этомъ всѣ отверстія, щели и дыры, чтобы найти добычу; но еще до начала утренней зари прячется обратно въ лѣсъ. Его крикъ, громкое хрюканье, часто случается слышать ночью».

Кромѣ того Полленъ упоминаетъ, что ай-ай, котораго держалъ въ неволѣ одинъ изъ друзей Поллена, Винсонъ, поѣдалъ личинокъ насѣкомыхъ изъ древесины леббековой акаціи, но избѣгалъ тѣхъ, которыя жили въ манговомъ деревѣ; это животное съ жадностью пило сильно подсахаренный кофе съ молокомъ, причѣмъ съ невѣроятной быстротою то погружало въ жидкость свой средній палецъ. то облизывало его.

Отрядъ III.

Рукокрылыя (Chiroptera).

Не успѣетъ еще солнце закатиться, какъ у насъ начинается своеобразная дѣятельность крылатыхъ существъ, принадлежащихъ къ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ группъ млекопитающихъ. Изъ всѣхъ скважинъ, дырокъ и щелей выползаютъ тѣмъ летучихъ мышей, которыя робко скрывались днемъ, какъ бы не смѣя показываться при дневномъ свѣтѣ, и теперь готовятся къ ночному полету. Чѣмъ больше сгущаются сумерки, тѣмъ больше появляется этихъ темныхъ существъ; ночной мракъ дѣлаетъ ихъ бодрѣе, и они увѣренно носятся по воздуху.

Германія лежитъ на крайней границѣ области распространенія летучихъ мышей, а потому здѣсь водятся только самыя мелкія, нѣжныя и слабыя ихъ породы; на югѣ же дѣло другое. Чѣмъ ближе подвигаемся мы къ теплomu поясу, тѣмъ многочисленнѣе становится число рукокрылыхъ и тѣмъ болѣе разнообразія мы замѣчаемъ во внѣшнемъ видѣ этихъ животныхъ. Югъ можно считать родиною большинства этихъ млекопитающихъ. Уже въ Италіи, Греціи и Испаніи замѣчаемъ мы очень много летучихъ мышей. Здѣсь, по мѣрѣ приближенія вечера, не сотнями, а тысячами выползаютъ онѣ изъ своихъ убѣжищъ и тѣсняются въ воздухъ. Изъ каждаго дома, изъ каждаго полуобрушившагося стараго зданія, изъ каждой пещеры въ утесахъ слетаются онѣ на просторъ, подобно большому войску, совершающему выступленіе, и уже въ сумеркахъ весь горизонтъ буквально заполняется ими. По истинѣ изумительно является необычайная численность рукокрылыхъ въ жаркихъ странахъ. Весьма привлекательно и интересно провести вечеръ у воротъ какого-нибудь большого города на востокѣ. Пробуждающіяся тогда летучія мыши въ полномъ смыслѣ слова тучами заволакиваютъ небо. Скоро теряешь счетъ имъ, потому что со всѣхъ сторонъ и по всѣмъ направленіямъ стремятся въ воздухъ скученныя массы этихъ темныхъ созданій. Онѣ живутъ и движутся вездѣ: въ садахъ, рощахъ и лѣсахъ, перелетаютъ между деревьями, проносятся надъ полями на болѣе или менѣе значительной высотѣ, кишатъ надъ улицами города, во дворахъ и даже влетаютъ въ комнаты. Сотни ихъ исчезаютъ и замѣняются новыми сотнями, и вась постоянно окружаютъ рой этихъ летающихъ существъ.

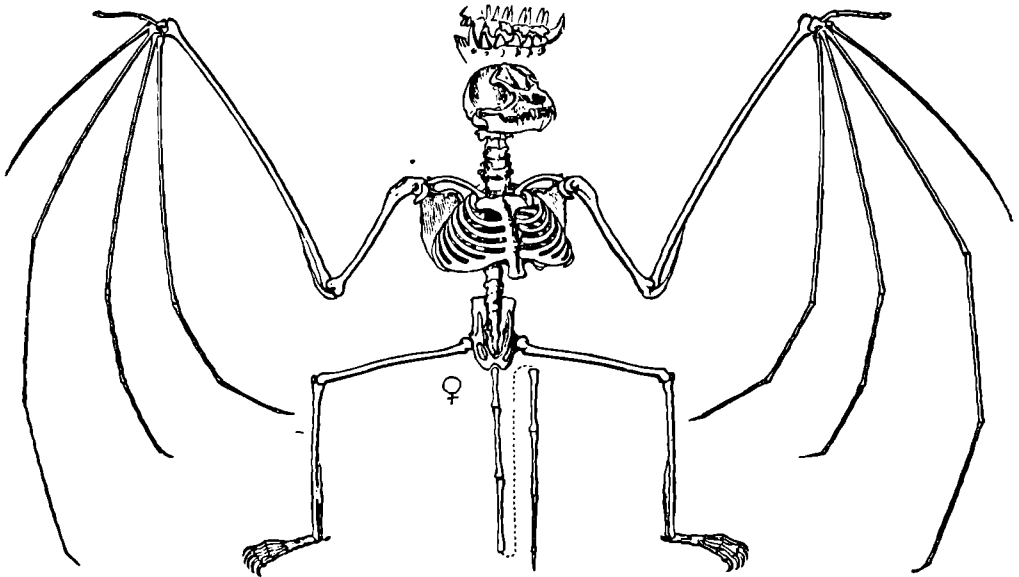
То же самое происходитъ въ Остѣ-Индіи, а также и въ южной Америкѣ. «Вечерній ландшафтъ на Цейлонѣ», говоритъ Теннентъ, «не мыслимъ безъ множества летучихъ мышей. Массами живутъ онѣ въ каждой пещерѣ, въ каждомъ под-

земномъ ходѣ, въ водосточныхъ трубахъ высокихъ улицъ, въ крѣпостныхъ галлереяхъ, подъ крышами домовъ, въ развалинахъ храмовъ и строеній. Съ закатомъ солнца онѣ покидаютъ свои дневныя убѣжища, чтобы начать охоту за насѣкомыми; когда стемнѣетъ и зажжены свѣчи манять въ комнаты ночныхъ бабочекъ, тогда, въ погонѣ за ними, летятъ въ дома и летучія мыши и при свѣтѣ лампъ хватаютъ свою добычу». Въ средней и южной Америкѣ рукокрылыя живутъ повсюду, и неизмѣнно размножились, представляя при этомъ и разнообразіе видовъ. «Онѣ населяютъ», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «дремучіе первобытные лѣса, живутъ въ густыхъ заросляхъ, въ дуплахъ, скалахъ и истребляютъ безчисленное множество насѣкомыхъ. Путешественники, быстро объѣзжающіе эти края, не могутъ составить себѣ и приблизительнаго понятія о разнообразіи этихъ животныхъ, находеніе и изученіе которыхъ сопряжено съ большими трудностями». «Идя по лѣсу днемъ», говоритъ Бэтсъ, «всегда приходится спугнуть нѣсколько летучихъ мышей, висящихъ на деревьяхъ, а ночью можно наблюдать ихъ въ состояніи напряженнаго оживленія какъ въ первобытныхъ лѣсахъ, такъ и по берегамъ ручьевъ и рѣкъ».

То-же самое можно сказать и объ Африкѣ: здѣсь мы также находимъ множество большихъ и малыхъ видовъ этихъ млекопитающихъ, живущихъ при такихъ же условіяхъ по берегу моря, въ саваннахъ, во внутреннихъ лѣсахъ и даже въ пустынѣ. Пехуэль-Леше въ несмѣтномъ числѣ изгонялъ ихъ изъ ущелій въ самыхъ пустынныхъ скалистыхъ мѣстностяхъ, и чѣмъ могли они питаться тамъ во время засухи—оставалось для него тайной, пока, поближайшемъ изслѣдованіи, не попались ему многочисленные остатки сѣдненныхъ ими позвоночныхъ животныхъ.

Рукокрылыя отличаются преимущественно своимъ внѣшнимъ видомъ. Они имѣютъ вообще коренастое тѣлосложеніе, короткую шею и толстую, продолговатую голову съ большою ротовою щелью. По общему строенію они скорѣе всего напоминаютъ обезьянъ, и, подобно имъ, снабжены двумя грудными сосцами; но во всемъ другомъ они совершенно отличаются отъ названныхъ животныхъ. Ихъ руки превращены въ органы летанія и потому необыкновенно увеличены, тогда какъ туловище уменьшено до самой незначительной величины. Отъ этого происходитъ, что они съ виду кажутся довольно большими, а въ дѣйствительности ихъ слѣдуетъ причислить къ самымъ маленькимъ млекопитающимъ. Внутреннія части тѣла представляютъ много замѣчательнаго. Скелетъ ихъ состоитъ изъ довольно тонкихъ, но крѣпкихъ костей; кости однако вѣкогда не заключаютъ въ себѣ наполненныхъ воздухомъ пространствъ, характеризующихъ кости птицъ. Черепъ явственно дѣлится на очень нѣжную собственно черепную часть и еще болѣе нѣжную часть, лицевую; всѣ отдѣльныя кости срастаются между собою безъ видимыхъ швовъ; обѣ половинны между челюстной кости раздѣлены или срослись и прикрѣплены къ нѣбу. Позвоночки—широкіе и короткіе, ребра—длинные, широкія и сильно загнутыя, тазовыя кости тонкія и вытянутыя, а ключицы и лопатки, напротивъ, толстыя и крѣпкія. Главнымъ отличительнымъ признакомъ рукокрылыхъ является строеніе руки. Плечо, предплечье и пальцы рукъ чрезвычайно удлинены, въ особенности послѣдніе три пальца, которые по длинѣ превосходятъ плечевую часть руки. Благодаря этому удлиненію, пальцы оказываются превосходно приспособлены къ расширенію натянутой между ними летательной перепонки, но зато почти вовсе непригодны для какого-либо другаго употребленія. Одинъ только большой палецъ, непринимавшій никакого участія при летаніи, сохраняетъ еще сходство съ пальцами другихъ млекопитающихъ; обыкновенно онъ короткій, состоитъ изъ двухъ суставовъ и вооруженъ острымъ когтемъ, благодаря чему палецъ этотъ замѣняетъ всю руку для

животного, когда оно ползаетъ или удерживаетъ себя въ висячемъ положеніи. Бедреная кость гораздо короче и слабѣ плечевой, и всѣ вообще кости ноги замѣтно слабѣ развиты соответствующихъ костей руки. Ноги представляютъ довольно правильное строеніе: ступня имѣетъ пять пальцевъ, снабженныхъ когтями. Но только и она имѣетъ свою особенность: отъ пятки выступаетъ имѣющаяся только у однѣхъ летучихъ мышей кость, такъ называемая шпора, служащая для натягиванія летательной перепонки между хвостомъ и ногою. Такимъ образомъ строеніе скелета рукокрылыхъ напоминаетъ съ одной стороны скелетъ птицъ, а съ другой—скелетъ допотопныхъ летучихъ ящерицъ. Изъ мускуловъ заслуживаютъ вниманія очень сильные грудные мускулы; кромѣ того, есть еще одинъ, совершенно отсутствующій у другихъ млекопитающихъ мускуль, пріоросій однимъ концомъ къ черепу, а дру-

Скелетъ летучей мыши. *Nycteris fuliginosus*.

гимъ къ рукѣ и помогающей расправлять крыло. Строеніе зубовъ сходно со строеніемъ ихъ у насѣкомоядныхъ; мы находимъ у рукокрылыхъ въ замкнутомъ ряду всѣ три рода зубовъ; что же касается числа и формы ихъ, то въ этомъ отношеніи замѣчается большое разнообразіе. Можно отмѣтить еще сильныя жевательныя мускулы, свободный языкъ, имѣющіеся у нѣкоторыхъ внутренніе щечныя мѣшки, морщинистый мѣшкообразный желудокъ и длинный кишечникъ безъ слѣпой кишки.

Изъ всѣхъ признаковъ летучихъ мышей наиболѣе замѣчательнымъ является развитіе кожи, потому что оно обуславливаетъ не только всю форму тѣла, но и выраженіе лица, а вмѣстѣ съ этимъ служитъ причиною того, что фізіономіи нѣкоторыхъ летучихъ мышей имѣютъ видъ положительно чудовищный. Широко раскрытый ротъ, безъ сомнѣнія, также способствуетъ тому, что выраженіе ихъ лица столь своеобразно. Но главнѣйшимъ образомъ сильное развитіе на кожныхъ образваній на ушахъ и на носу придаетъ лицу совершенно необычайный характеръ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, дѣлаетъ его безобразнымъ. «Ни въ какой другой группѣ животныхъ», говоритъ Блазюсъ, «не можемъ мы указать подобнаго развитія кожныхъ наростовъ. Они играютъ важную роль при образованіи ушей и носа, а такъ

ле и летательная перепонка представляет чрезвычайно сильное развитие той же кожи. Уши у всех рукокрылых несоразмерно велики. Длина их у некоторых видов превосходит длину тела; а в ширину оба уха иногда развиваются до того, что срастаются в одну сплошную замкнутую ушную раковину. У многих видов места, примыкающие к ноздрям и носовому гребню, столь странным образом принимают участие в этом разрастании кожи, что, благодаря такой особенности, получаются физиономии, не имеющие себе подобных. Не только развитие летательной перепонки, но и все прочие кожные образования ушей и носа оказываются у летучих мышей такими особенностями, по которым они резко отличаются от прочих животных,—и от которых безусловно зависят их движения и весь их образ жизни».

Кожа рукокрылых, а в особенности летательная перепонка заслуживает больше обстоятельного рассмотрения. Она, как и кожа всего тела, состоит из трех слоев: верхней кожицы, пигментного слоя и собственной кожи и состоит из двух пластов, из которых один тянется по спинной, а другой по брюшной стороне. Кроме этих двух пластов летательная перепонка содержит еще особый, эластический слой кожи и два слоя мускульных волокон, лежащих по средине. Эластический слой, недавно открытый, в высшей степени растяжимый или, лучше сказать, сократимый, при увеличении в 300 раз показывает строение, подобное войлочной ткани, и имеет очень важное значение, так как посредством его происходит питание всей летательной перепонки. Но, кроме этого, животное еще сильно смазывает свою летательную перепонку липкой, маслянистой, сильно пахнущей жидкостью. Эта мазь выделяется желтыми сплюснутыми железами, которые находятся на лице между ноздрями и глазами и имеют один или даже несколько выводных каналов. Животное смазывает свою летательную перепонку всякий раз после пробуждения и непосредственно перед полетом, и таким образом она постоянно жирна и гибка.

Вся летательная перепонка подразделяется на летательную перепонку предплечья, боков, пальцев, бедра или хвоста и перепонку шпоры; летательная перепонка между пальцами тоже разделяется на четыре части; стоит только взглянуть на изображение животного, чтобы уяснить себе эти подразделения.

Очень своеобразно у рукокрылых строение их волос. Здесь не может быть речи ни об ости, ни о подшерстке: отдельные волосы соединяют в себе назначение обоих. У корня каждый отдельный волос тонок и расщеплен; выше на нем показываются явственные винтовые обороты; волос сначала утолщается, а потом снова дѣлается тоньше, обороты становятся меньше заметны, волос снова утолщается, а ближе к концу постепенно суживается. Число оборотов колеблется между 500—1000. Цѣль такого замѣчательнаго строения очень понятна. Волосы эти замѣняютъ недостающій подшерстокъ, задерживая своей большою поверхностью поднимающійся отъ тѣла нагрѣтый воздухъ, равномерно распространяютъ его и этимъ сохраняютъ животному его теплоту. Надо замѣтить, что строение отдельных волосъ у различныхъ породъ тоже различно.

Высшія чувства у летучих мышей превосходно развиты, но однако не одинаково у различных родов и видов. Отдельные органы чувств, как я уже намекалъ, отличаются самыми причудливыми придатками и своеобразными утолщениями.

По всей вероятности, чувство вкуса стоит на самой низкой ступени; но и это чувство нельзя считать совсем недействительным, судя по свойствам языка, мягкости губ и обилию нервов в обоих органах. Притом были сделаны и опыты, доказывающие тонкость вкуса. Если спящим и даже на половину оочень-

лымъ летучимъ мышамъ въ открытый ротъ влить каплю воды, онѣ сейчасъ же ее принимаютъ и проглатываютъ. Но если дать имъ каплю водки, чернилъ или другой какой-нибудь невкусной жидкости, то все это неминуемо будетъ выплюнуто. Не менѣе развитъ у нихъ и органъ зрѣнія. Сравнительно съ величиною тѣла, глазъ должно назвать небольшимъ, но зрачекъ способенъ къ значительному расширенію. Нѣкоторые виды имѣютъ особенно маленькіе глаза, и эти послѣдніе, какъ указываетъ Кохъ, такъ запряты въ густыхъ волосахъ лица, что никакимъ образомъ не могутъ соответствовать цѣлямъ зрѣнія. Подобныхъ животныхъ съ маленькими глазами видятъ иногда летающими даже днемъ, тогда какъ настоящія ночныя рукокрылыя имѣютъ большіе и открытые глаза. Но глазъ можетъ и бездѣйствовать, однакожь животное не потерпитъ отъ этого никакого замѣтнаго ущерба. Чувство зрѣнія подкрѣпляется главнымъ образомъ обоняніемъ, слухомъ и осязаніемъ. Много разъ пробовали ослѣплять летучихъ мышей, заклеивая имъ глаза кусочками англійскаго пластыря. Послѣ этого, не смотря на свою слѣпоту, онѣ летали по комнатѣ такъ же искусно, какъ прежде, и прекрасно умѣли избѣгать всякихъ препятствій, напр. многихъ протянутыхъ по разнымъ направленіямъ нитей. Чувство осязанія, кажется, особенно сильно развито въ летательной перепонкѣ; къ этому заключенію приводятъ, повидимому, всѣ наблюденія. Но еще болѣе совершенными, чѣмъ это чувство, оказываются обоняніе и слухъ. Носъ у всѣхъ настоящихъ рукокрылыхъ представляетъ высокую степень цѣлесообразнаго развитія. Мало того, что ноздри, сами по себѣ очень открытыя, при посредствѣ особыхъ мускуловъ то расширяются, то суживаются и могутъ совсѣмъ закрыться; но здѣсь имѣются еще большіе листовидные придатки, которые во всякомъ случаѣ служатъ только для усиленія обонянія. При пораненіи листовидныхъ придатковъ летаніе животныхъ ухудшается, а при болѣе сильномъ поврежденіи они окончательно утрачиваютъ эту способность. «Подкожнось», говоритъ Кохъ, «можетъ быть оглушенъ самымъ незначительнымъ жаганіемъ на носовую кожцу и послѣ оглушенія приходитъ въ себя очень медленно; во многихъ случаяхъ онъ даже умираетъ въ скорости послѣ причиненнаго ему жаганія на носовую кожцу».

Подобно носу, превосходно устроенное ухо состоитъ изъ очень большой, часто достигающей угла рта, ушной раковины, снабженной лопастями и вырѣзками и чрезвычайно подвижной. Надъ ушнымъ отверстіемъ находится особая ушная крышка, такъ называемый козелокъ; это большой, подвижный, различно устроенный клапанъ, который при шумѣ и тонахъ болѣе сильныхъ, чѣмъ тѣ, какіе летучая мышь можетъ вынести, запираетъ ей ухо и этимъ избавляетъ ее отъ мучительныхъ ощущеній; тотъ же самый придатокъ, когда это нужно, дѣлаетъ животное способнымъ улавливать даже самый слабый звукъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что летучая мышь на далекомъ разстояніи слышитъ летающее насѣкомое и направляется къ нему, главнымъ образомъ руководствуясь своимъ тонкимъ слухомъ. Если отрѣзать листовидный придатокъ или ушную лопасть и козелокъ, то всѣ рукокрылыя начинаютъ летать неправильно и вездѣ натываются на разные препятствія.

«Когда летучая мышь», замѣчаетъ Альгумъ, «очень внимательна, то ухо у нея совершенно приподнято и остается въ неподвижномъ положеніи—растопыреннымъ, а у родовъ съ большими ушами—даже нѣсколько наклоненнымъ впередъ для воспріянія впечатлѣній, причиняемыхъ жужжаніемъ насѣкомаго или дуновеніемъ вѣтра. Когда же она находится въ состояніи глубочайшаго покоя, то внѣшній край уха складывается, и оно плотно прижимается къ головѣ сзади и снаружи. Если же она не очень возбуждена, но и не чувствуетъ себя совершенно покойной, то ухо у нея принимаетъ какое-нибудь среднее положеніе. Повидимому, летучія

мыши воспримчивы только къ свистящимъ тонамъ, подобнымъ ихъ собственному крику, или жужжанію насѣкомыхъ,—и невоспримчивы къ другого рода звукамъ, напр. къ треску, громкому разговору, крику и пр. Если въ ящикъ, покрытый стекломъ, помѣстить вмѣстѣ съ комаромъ карликовую летучую мышъ или ушана, то какъ только комаръ начинаетъ летать, животное приходитъ въ сильнѣйшее безпокойство, расширяетъ ухо, ловить ртомъ вокругъ себя: ясно, что оно руководится не столько зрѣніемъ, сколько слухомъ. Даже можетъ показаться, что жужжаніе насѣкомаго животное чувствуетъ сильнѣе и вѣрнѣе при посредствѣ своей ушной кожицы, чѣмъ самого уха».

Понятливость летающихъ животныхъ отнюдь не ничтожна, какъ это можно было бы предположить, и не соотвѣтствуетъ выраженію ихъ лицъ, указывающему на нѣкоторое скудоуміе. Мозгъ у нихъ большой и имѣетъ извилины; это уже указываетъ на то, что душевныя способности довольно хорошо развиты. Всѣ крылья отличаются хорошей памятью, а инныя изъ нихъ даже и нѣкоторую долю сообразительности. Послѣ летанія они всегда возвращаются въ свои логовища, а на время зимней спячки цѣлесообразно избираютъ наиболѣе подходящія мѣста: уже одно это говорить за то, что они не такъ глупы, какъ кажутся. «Въ ихъ удивительно развитой памяти мѣста», говоритъ Кохъ, «можно убѣдиться при скольконибудь внимательномъ наблюденіи, такъ какъ всякая летучая мышъ, покидающая свой привычный уголокъ, опять находитъ его тотчасъ же безъ малѣйшаго затрудненія. Это случается какъ ночью при ихъ обычныхъ полетахъ, такъ равно и днемъ когда случайная или умышенная тревога гонитъ ихъ прочь при самомъ яркомъ солнечномъ свѣтѣ. Такимъ же доказательствомъ ихъ сообразительности можетъ служить выборъ ими своихъ убѣжищъ для дневного покоя и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которыя онѣ избираютъ для зимней спячки. Летучая мышъ не поселяется въ такомъ мѣстѣ, куда входъ оказывается небезопаснымъ и гдѣ она можетъ быть заперта; она предварительно съ большою предусмотрительностью изслѣдуетъ внутреннее и внѣшнее расположеніе пещеры, ямы или свода, которымъ намѣрена воспользоваться. Никогда нельзя найти летучую мышъ въ такихъ мѣстахъ, куда ведетъ входъ, который легко можетъ обвалиться, или въ рудникахъ съ временными деревянными подпорками, хотя въ другихъ случаяхъ летучія мыши охотно прячутся въ деревянныхъ постройкахъ и въ дуплахъ деревьевъ. Дальнѣйшимъ доказательствомъ ихъ понятливости могутъ служить многочисленные факты индивидуальныхъ привычекъ у летучихъ мышей».

Очень хорошо знаютъ онѣ своихъ недруговъ и умѣютъ избавляться отъ нихъ хитростью; въ свою очередь умѣютъ перехитрить маленькихъ животныхъ, которыхъ преслѣдуютъ сами. Коленати рассказываетъ, напр., что одна летучая мышъ, охотясь въ липовой аллеѣ за бабочками, падила самку, замѣтивъ, что она привлекла много самцовъ, которыхъ она могла хватать одного за другимъ. Напрасно пытались ловить летучихъ мышей при помощи вздѣтыхъ на удочку бабочекъ. Липотныя приближаются, изслѣдуютъ висящее насѣкомое, но сейчасъ же замѣчаютъ тонкій конскій волосъ съ укрѣпленнымъ на немъ крючкомъ и оставляютъ приманку нетроннутою, даже и въ томъ случаѣ, если нуждаются въ пищѣ. Что при хорошемъ обращеніи летучія мыши дѣлаются очень ручными и преданными своему хозяину, это подтверждаютъ наблюденія многихъ ученыхъ и любителей. Нѣкоторые изслѣдователи пріучили этихъ животныхъ принимать пищу у нихъ изъ рукъ или добывать ее изъ стакановъ, и они, разъ понявъ, въ чемъ дѣло, исполняли это. Мой братъ такъ приручилъ къ себѣ ушана, что онъ слѣдовалъ за нимъ по всѣмъ комнатамъ, и, какъ только онъ предлагалъ ему муху, мгновенно садился къ нему на

руку и подал добычу. Большія рукокрылыя, содержащія въ неволѣ, бываютъ очень милы, дѣлаются чрезвычайно ручными и оказываются очень толковыми.

«Отъ формы летательной перепонки», говоритъ Блазіусъ, «вполнѣ зависитъ способность летать и характеръ летательныхъ движеній. Такого большого разнообразія въ этомъ отношеніи не встрѣчается даже у птицъ. Породы съ длинными стройными крыльями летаютъ быстро и ловко, какъ ласточки; а тѣ, у которыхъ крылья широкія и короткія, своимъ полетомъ напоминаютъ безпомощныя летательныя попытки куръ. О формѣ крыла можно довольно точно судить по отношенію длины пятого пальца къ длинѣ третьяго или къ длинѣ цѣлой летательной перепонки. Длина летательной перепонки захватываетъ, кромѣ длины третьяго пальца, длину предплечья и плеча; ширина летательной перепонки приблизительно равняется длинѣ пятого пальца.

«Кто наблюдалъ летучихъ мышей на свободѣ, тотъ долженъ признать, что вышеуказанные признаки совершенно соответствуютъ быстротѣ и ловкости летательныхъ движеній отдѣльныхъ видовъ. Наибольшею быстротою и ловкостью въ летаніи между нѣмецкими породами отличается обыкновенный кожанъ (*Vesperugo postula*). Иногда, еще раньше солнечнаго заката, ихъ видятъ уже летающими высоко, вмѣстѣ съ ласточками, совершая быстрые, смѣлые повороты; этотъ видъ обладаетъ сравнительно самыми длинными и стройными крыльями, въ которыхъ длина болѣе чѣмъ въ три раза превышаетъ ширину. Къ нимъ примыкаютъ всѣ виды, крылья которыхъ по своему построенію представляютъ сходство съ крыльями кожанана. Всѣ онѣ летаютъ быстро и высоко, дѣлая разнообразнѣйшіе, часто внезапные повороты, и такъ увѣрены въ своихъ движеніяхъ, что не боятся бури и непогоды. Крыло у нихъ на лету описываетъ небольшой острый уголъ и только при внезапныхъ поворотахъ размахъ становится шире, и такимъ образомъ наиболѣе быстрый и разнообразный полетъ достигается легкимъ, менѣе напряженнымъ движеніемъ крыльевъ.

«Наименьшею летательною способностью обладаютъ породы, принадлежащія къ родамъ *Vespertilio* и *Rhinolophus*. Онѣ имѣютъ сравнительно съ другими самыя широкія и короткія крылья, длина которыхъ развѣ лишь въ два съ половиною раза болѣе, чѣмъ ширина. Крылья у нихъ описываютъ большой, чаще всего тупой уголъ; полетъ ихъ бываетъ размашистый, медленный и неувѣренный. Онѣ летаютъ по улицамъ и аллеямъ, не уклоняясь отъ прямого направленія, безъ быстрыхъ поворотовъ и боковыхъ движеній, обыкновенно очень низко,—нѣкоторыя изъ нихъ только въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ поверхности земли или воды.

«Нетрудно по высотѣ полета, роду движеній и величинѣ животнаго отличить на лету всякій видъ, и нельзя ошибиться, если по устройству крыла судить о летательной способности. Альтумъ прибавляетъ къ этому, что вообще можно признать правильнымъ слѣдующее общее положеніе: чѣмъ безпомощнѣе полетъ, тѣмъ нѣжнѣе вся кожная система, тѣмъ тоньше летательная перепонка и ушная раковина,—и наоборотъ: чѣмъ быстрѣе и искуснѣе летательныя движенія, тѣмъ плотнѣе всѣ кожные образованія. Не такое полное соответствіе наблюдается между величиною ушей и слабою летательною способностью, между малыми ушами и сильнымъ полетомъ; но слѣдуетъ, однако, признать, что европейскія породы, снабженныя самыми большими ушами, летаютъ медленно, а быстрѣйшія изъ нихъ имѣютъ уши самыя маленькія. Такое же отношеніе къ летанію имѣютъ форма и твердость наружнаго уха. Лучше летающія имѣютъ короткую ушную раковину съ плотной кожей, а у плохо летающихъ, наоборотъ, она вытянута въ длину и состоитъ изъ тонкой кожи. Это имѣетъ значеніе относительно цѣлыхъ группъ.

«Вообще полетъ рукокрылыхъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ длиться долго и бываетъ только прерывистый. Онъ совершается посредствомъ непрекращающагося движенія рукъ. Птица можетъ парить, а летучая мышь только летаетъ. Процессъ летанія весьма облегчается для нея ея тѣлосложеніемъ. Сильные грудные мускулы, легкая и сплюснутая нижняя часть туловища, руки, своею длиною почти въ три раза превосходящія длину тѣла, натянутая между пальцами и всѣми частями конечностей, лишенная перьевъ летательная перепонка,—всѣ эти условія способствуютъ летанію; но висѣть въ воздухѣ летучая мышь не можетъ, потому что въ костяхъ у нея не содержится воздуха, и въ тѣлѣ нѣтъ имѣющихся у птицъ воздушныхъ мѣшковъ,—а главнѣе всего еще потому, что рукокрылыя не имѣютъ перьевъ ни въ крыльяхъ, ни въ хвостѣ. Ихъ летаніе есть рядъ непрерывныхъ взмаховъ по воздуху и, слѣдовательно, рѣять въ воздухѣ или прорѣзывать его безъ движенія крыльевъ для нихъ невозможно.

«Чтобы быть въ состояніи для взлета скорѣе развернуть свою летательную перепонку, всѣ рукокрылыя во время покоя прицѣпляются когтями заднихъ конечностей къ какому-нибудь возвышенному предмету и свѣшиваются головою внизъ. Прежде чѣмъ взлетѣть, они выпрямляютъ голову, поднимаютъ руку, широко раздвигаютъ пальцы и кисть руки, вытягиваютъ поджатый во время сна хвостъ вмѣстѣ со шпорами на ногѣ, перестаютъ держаться когтями и тотчасъ же начинаютъ быстро и безъ перерыва взмахивать по воздуху руками. Кожа хвоста служитъ имъ рулемъ, хотя далеко не такимъ совершеннымъ, какъ хвостъ у птицъ. Такой способъ движенія обуславливаетъ совершенно особенное направленіе полета, которое Коленати очень удачно сравниваетъ съ ломаною линіею.

«Съ земли поднимаются рукокрылыя не такъ легко; помогаютъ они себѣ въ этомъ случаѣ тѣмъ, что, расширивъ сначала руки и летательную перепонку и подобравъ подъ себя ноги, нѣсколько выпрямляютъ тѣло, дѣлаютъ одинъ или въ сколько скачковъ вверхъ и затѣмъ сильными взмахами крыльевъ стараются подняться на воздухъ. Если имъ посчастливилось подняться, то далѣе они продолжаютъ летѣть довольно быстро. Какъ утомительны для нихъ летательныя движенія, видно изъ того, что летучія мыши часто послѣ самаго непродолжительнаго летанія ищутъ отдыха, подвѣсиваясь на сучьяхъ деревьевъ, на выступахъ стѣнъ и т. п.; отдохнувъ, онѣ снова принимаются за дѣло. Ни одна летучая мышь не въ состояніи была бы безъ перерывовъ летѣть такъ долго, какъ, напр., ласточки; а изъ этого слѣдуетъ, что дальнія зимнія странствованія, какія предпринимаютъ у насъ перелетныя птицы, для рукокрылыхъ совершенно невозможны.

«Впрочемъ, руки рукокрылыхъ служатъ не единственно только для летанія, а и для ходьбы по землѣ. Походка у всѣхъ породъ, хотя и не такая плохая, какъ можно было бы предположить заранѣе, но все же она является жалкимъ ковыляньемъ. При этомъ животныя притягиваютъ подъ себя ноги, приподымаютъ заднюю часть тѣла и этимъ способомъ подталкиваютъ все тѣло впередъ, потому что кисть руки, а именно когти большого пальца, у нихъ служатъ только опорой передней части тѣла. Нѣкоторые виды рукокрылыхъ бѣгаютъ, однако, почти такъ же скоро, какъ крысы. При лазаньи они цѣпляются острымъ когтемъ большого пальца или всею рукою и попеременно перемѣщаютъ заднія конечности. Ловкихъ движеній и поворотовъ, которыми отличается ихъ полетъ, они неспособны дѣлать ни при хожденіи, ни при лазаньи,—и стоять на однѣхъ заднихъ ногахъ тоже не могутъ, потому что тяжесть тѣла тянетъ ихъ впередъ, а заднія конечности у нихъ очень слабы. Тѣмъ не менѣе эти слабыя конечности имѣютъ достаточно силы, чтобы вы-

держивать тяжесть тѣла не только въ теченіе цѣлаго дня, но и во все время зимняго сна, продолжающагося часто болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

Насколько разнородны и разнообразны движенія у кажущихся столь неуклюжими летучихъ мышей, удобнѣе всего наблюдать, схвативъ какую-нибудь изъ нихъ за кожу на затылкѣ и крѣпко держа ее. Тогда она буквально вертится вокругъ себя самой, потому что она изо всѣхъ силъ старается укусить, причѣмъ пользуется передними и задними конечностями, чтобы какъ-нибудь зацѣпиться и вырваться, а въ борьбѣ съ неискусными всегда успѣваетъ освободиться. При хожденіи летучія мыши касаются земли ступнею ноги и большимъ пальцемъ крыла «Ступня у нихъ», говоритъ Альтумъ, «посредствомъ особаго сгиба ноги обращена назадъ, а не впередъ, какъ у прочихъ млекопитающихъ; отъ этого снабженные острыми когтями пальцы заднихъ конечностей загибаются не какъ обычно, къ спинной, а къ брюшной сторонѣ животнаго. При передвиженіи по землѣ, какъ и при лазаніи, онѣ притягиваются впередъ острымъ когтемъ большого пальца крыла и подвигаются послѣдовательнымъ переступаніемъ заднихъ конечностей, обращая при этомъ пальцы ногъ въ стороны. Во время хожденія мы направляемъ пальцы ногъ впередъ и кнаружи, а летучія мыши къзадъ и кнаружи. У нихъ заднія конечности отличаются особенною гибкостью. Животныя искусно пользуются пальцами и когтями ногъ для удаленія различныхъ паразитовъ, а также и для приведенія въ порядокъ своихъ волосъ на спинѣ, очень ловко умѣютъ ими счищать съ себя грязь и каждой конечностью достигаютъ по спинѣ почти середины линіи между плечъ, расчесывая, чистя и приводя въ порядокъ волосы».

Голосъ всѣхъ извѣстныхъ летучихъ мышей почти одинаковъ; различіе состоитъ, насколько простираются наши наблюденія, только въ томъ, что у отдѣльныхъ видовъ онъ звучитъ сильнѣе или слабѣе, выше или глубже. Мелкіе виды издаютъ дрожащій звукъ, который походитъ на звукъ «крикрикри»; такими же звуками и летучія собаки выражаютъ свой гнѣвъ и всякое пное безпокойство. Независимо отъ высоты или глубины тона, всѣ эти голоса производятъ непріятное ощущеніе въ нашемъ ухѣ.

Всѣ рукокрылыя днемъ спятъ, а ночью охотятся. Большая часть изъ нихъ показываются при наступленіи сумерекъ и еще задолго до восхода солнца удаляются въ свои убѣжища; нѣкоторые виды, однако, появляются гораздо ранѣе, а иные около 3—5 часовъ пополудни уже весело носятся въ воздухѣ, несмотря на самый яркій солнечный свѣтъ.

«Что касается времени начала вечернихъ полетовъ», говоритъ Альтумъ, «то при сравненіи съ временемъ ежедневнаго солнечнаго заката обнаруживается слѣдующее замѣчательное обстоятельство. Въ этомъ отношеніи мнѣ случилось сдѣлать много наблюденій надъ нетопырями-карликами. Зимой и ранней весной начало ихъ вечерняго полета почти совпадаетъ съ солнечнымъ закатомъ. Они появляются 4—6-минутами позднѣе его, а иногда 4-мя минутами ранѣе его. Съ конца марта до конца мая начало полета слѣдуетъ за солнцемъ уже черезъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ часа, а въ самый длинный день оно наступаетъ черезъ 1— $\frac{1}{2}$ часа по захожденіи солнца. Съ конца іюля по октябрь животныя снова вылетаютъ нѣсколько ранѣе, именно $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ часа спустя по закату солнца, а съ этой поры и поздней осенью уже вслѣдъ за нимъ опять только почти черезъ $\frac{1}{4}$ часа. Несмотря на нѣкоторыя незначительныя уклоненія, при сравненіи данныхъ часовъ, дней и мѣсяцевъ съ соотвѣтствующимъ временемъ солнечнаго заката, нельзя не замѣтить нѣкоторой правильности. Нетопыри-карлики появляются вслѣдъ за закатомъ солнца тѣмъ ранѣе, чѣмъ холоднѣе погода, и тѣмъ позднѣе, чѣмъ теплѣе бываетъ обычная температура для

данного времени года. По всей вѣроятности, главная причина этого замѣчательнаго явления лежитъ въ зависящихъ отъ состоянія погоды условіяхъ размноженія насѣкомыхъ. При обиліи пищи летучія мыши вылетаютъ позднѣе, а въ голодное время ранѣе. Только при такомъ предположеніи становится яснымъ, почему при одинаковой продолжительности дня и одинаковыхъ часахъ солнечнаго захода животныя ранней весною, когда насѣкомыхъ еще мало, начинаютъ охоту уже съ закатомъ солнца, а осенью, когда насѣкомыхъ бываетъ очень много, они, наоборотъ, на $\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{4}$ ч. запаздываютъ. Въ одно время, чтобы добыть необходимое количество пищи, достаточно непродолжительной охоты, а въ другое время требуется больше времени. Независимо отъ времени заката солнца и продолжительности сумерекъ, летучія мыши делятъ или сокращаютъ время охоты, сообразуясь съ господствующими въ странѣ условіями погоды, отъ которыхъ зависитъ количество летающихъ вечеромъ насѣкомыхъ. Чѣмъ бѣднѣ насѣкомыми бываетъ время года, тѣмъ долѣе охотятся за ними летучія мыши, — и чѣмъ оно богаче насѣкомыми, тѣмъ скорѣе прекращается ихъ охота».

Каждый видъ рукокрылыхъ имѣетъ особыя мѣста охоты въ лѣсахъ, садахъ, аллеяхъ и улицахъ, надъ медленно текущими или стоячими водами, рѣже — въ открытомъ полѣ, по той простой причинѣ, что здѣсь имъ не за кѣмъ охотиться. Въ болѣе богатыхъ странахъ юга они также живутъ вблизи маисовыхъ и рисовыхъ полей, потому что послѣднія даютъ убѣжище множеству насѣкомыхъ, представляющихъ для нихъ хорошую добычу. Обыкновенно вращаются они на малыхъ участкахъ, имѣющихъ какихъ-нибудь тысячу шаговъ въ діаметрѣ. Болѣе крупныя породы захватываютъ болѣе большой районъ, — чтобы облетѣть его требуется, болѣе получаса времени, — о большихъ южныхъ породахъ, такъ называемыхъ летающихъ собакахъ, извѣстно, что онѣ безъ передышекъ пролетаютъ многія мили, перебираются съ одного острова на сосѣдніе, удаленные на нѣсколько миль, а оттуда на материкъ и обратно, посѣщая при этомъ другіе, обѣщающіе пищу острова. Летающія собаки, живущія не только въ Остѣ-Индіи, но и вдоль всего берега восточной Африки и на сосѣднихъ островахъ, напр. на Мадагаскарѣ, безъ сомнѣнія, должны были перелетѣть находящіеся между обѣими частями свѣта моря и проливы, отдѣляющіе материкъ отъ острововъ».

«На своихъ охотахъ», продолжаетъ Альтумъ, «летучія мыши, рыская по всему участку, слѣдуютъ опредѣленному плану: какую-нибудь улицу или аллею онѣ облетятъ взадъ и впередъ, обыщутъ уголь, кружась между зданій, изслѣдуютъ внутри и снаружи чердакъ, висятъ какъ бы на невидимыхъ нитяхъ; онѣ неизмѣнно одинаковымъ способомъ машутъ крыльями надъ поверхностью воды, пока не убѣдятся, что долѣе искать здѣсь нечего; тогда онѣ внезапно, поступая такимъ же образомъ, избираютъ новую мѣстность, хотя по прошествіи нѣкотораго времени нерѣдко возвращаются на прежнее мѣсто. Величина охотничьихъ участковъ обыкновенно находится въ точномъ соотношеніи съ величиною самихъ охотниковъ. Пока онѣ въ конецъ не обыщутъ выбранный ими районъ, ихъ не потревожитъ даже внезапно раздавшійся неудачный выстрѣлъ». «Во внутренности Новой Гвиней», прибавляетъ Гаакъ, «однажды вечеромъ, возвращаясь изъ первобытнаго лѣса послѣ одного изъ моихъ охотничьихъ походовъ, я наблюдалъ множество крошечныхъ летучихъ мышей, озабоченно летавшихъ вокругъ небольшого дерева, которыхъ я сначала принялъ за стрекозъ. Черезъ минуту онѣ такимъ же образомъ хлопотали вокругъ сосѣдняго дерева, избравъ его новымъ средоточіемъ охоты. При крайне быстромъ полетѣ эти маленькія животныя съ такою точностью придерживались опредѣленнаго пути, что каждая летучая мышь всегда возвращалась къ

тому самому мѣсту, которое она разъ уже выбрала для своего отдыха. Эти отдыхи длились между тѣмъ такъ недолго, что не позволяли мнѣ нажать курокъ ружья, которое я, удобно расположившись, держалъ на прицѣлѣ, и только послѣ долгаго времени удалось мнѣ убить пару животныхъ». Когда летучія мыши утомляются, онѣ, какъ я уже замѣтилъ, подвѣшиваются на нѣкоторое время и, отдохнувъ, снова летятъ. Различные виды какъ бы усвоили извѣстную правильность въ распределеніи времени: самыя раннія изъ нихъ летаютъ въ вечернія сумерки, другія до и послѣ утреннихъ сумерекъ, а нѣкоторыя только въ полночныя часы.

«Днемъ всѣ рукокрылыя прячутся въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ. Въ Германіи по селамъ дуплистыя деревья, пустые дома, рѣже скважины въ утесахъ и пещеры служатъ имъ пристанищами для сна. Въ тропическихъ странахъ многіе виды висятъ открыто на вѣтвяхъ деревьевъ, если только эти вѣтви образуютъ достаточно густой кровъ. То же самое наблюдается и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, но рѣже. Такъ, Кохъ много разъ наблюдалъ подобныя убѣжища летучихъ мышей въ густыхъ сплетеніяхъ плюща въ старыхъ замкахъ. Въ первобытныхъ лѣсахъ Африки я находилъ множество настоящихъ рукокрылыхъ висящими въ нѣжной листвѣ мимозъ. Въ Нижней Гвиней Пехуель-Леше видѣлъ ночныхъ собакъ, сотнями отдыхавшихъ среди сухихъ листьевъ вѣрныхъ пальмъ, по берегу моря; въ лѣсахъ Южной Америки Бэтсъ встрѣчалъ нѣкоторыя виды подъ широкими листьями геликоній и другихъ растений, любящихъ тѣнистую мѣстность. Летучія собаки не всегда ищутъ деревьевъ съ листовымъ кровомъ, общающимся имъ тѣнь, и охотнѣе висятъ на совершенно обнаженныхъ сучьяхъ, не боясь солнечныхъ лучей, отъ которыхъ онѣ защищаютъ свои глаза, скрывая все свое лицо въ летательной перепонкѣ. Въ Новой Гвиней Гаакъ наблюдалъ, что ночныя собаки особенно любятъ подвергать себя дѣйствию палищихъ лучей тропическаго солнца, избирая съ этою цѣлью растущія по берегамъ рѣкъ низкія деревья съ бѣдной листвою. Здѣсь часто висятъ онѣ многими тысячами, и своими крыльями, какъ вѣромъ, навѣваютъ себѣ прохладу.

«Повсюду однако большинство летучихъ мышей предпочитаютъ скрываться, иныя подъ корою деревьевъ и въ ихъ дуплахъ, другія подъ крышами между драпицъ и черепицъ, наконецъ большая часть въ пещерахъ скалъ, въ дырахъ стѣнъ, подъ сводами обрушившихся или мало посѣщаемыхъ зданій, въ глубокихъ колодцахъ, шахтахъ, штольняхъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ. «Подъ южнымъ небомъ гдѣ рукокрылыя живутъ такими массама», говоритъ Кохъ, «едва ли можно найти хоть одно попорченное дерево, которое не было бы обитаемо ими, если бы не имѣлось тамъ столько животныхъ, оспаривающихъ у нихъ мѣсто, какъ это дѣлаютъ древолазы, многіе грызуны и хищныя животныя, змѣи и даже нѣкоторыя общественно живущія перепончатокрылыя. Когда летучія мыши находятъ въ бодрственномъ состояніи, эти насѣкомыя служатъ имъ пищею, но зато очень безпокоятъ ихъ во время сна. Мнѣ случалось видѣть, что муравьи поселились тамъ гдѣ до тѣхъ поръ жили летучія мыши, и послѣднія вскорѣ совершенно исчезали. Немного есть такихъ рукокрылыхъ, о которыхъ можно было бы сказать, что ихъ никогда не находили въ пригодныхъ для нихъ дуплахъ деревьевъ. Хотя большая часть изъ нихъ селятся въ то же время и въ другихъ убѣжищахъ, но есть однако же многіе виды изъ числа живущихъ на югѣ, которые для своего мѣстопробыванія исключительно ищутъ дуплистыя деревья. Для иныхъ видовъ скважины въ старыхъ стѣнахъ представляются желаннымъ пріютомъ, а многіе въ этомъ случаѣ предпочитаютъ деревянныя части строеній каменнымъ. По свѣжихъ каменныхъ стѣнъ, гдѣ не вся еще известка, черезъ воспріятіе угольной кислоты, потеряла свои ѣдкія ка-

чества, летучія мыши не терпятъ, и поэтому въ новыхъ зданіяхъ ихъ не бываетъ, хотя здѣсь нашлись бы пригодныя для нихъ щели и впадины. Во всѣхъ странахъ и климатахъ природныя пещеры въ скалахъ оказываются любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ рукокрылыхъ. Въ пещерахъ однѣ породы главнымъ образомъ отыскиваютъ для себя узкія щели и трещины, куда онѣ втискиваются порознь и обществами; другія чаще усматриваются открыто висящими и рѣже въ скважинахъ, а листоносые, которыхъ можно считать преимущественно обитателями пещеръ, висятъ почти всегда открыто, хотя отчасти также и въ высокихъ недоступныхъ сводахъ этихъ пещеръ. Въ странахъ, гдѣ не находится природныхъ пещеръ, летучія мыши вмѣсто нихъ пользуются старыми рудниками, подвалами, склепами и катакомбами, и эти подземныя жилища заселяются тѣмъ гуще, чѣмъ они древнѣе и уединеннѣе и чѣмъ менѣе безпокойствъ имѣютъ тамъ животныя. Число летучихъ мышей, попадающихъ какъ въ природныхъ пещерахъ, такъ и въ сходныхъ съ ними искусственныхъ сооруженіяхъ, пеймовѣрно велико. Въ Зигенѣ, въ княжеской усыпальницѣ, я насчиталъ ихъ болѣе 1000 штукъ, и все же это были далеко не всѣ, жившія подъ этимъ сводомъ.

«Рудникъ долженъ обладать нѣкоторыми опредѣленными свойствами, чтобы привлечь къ себѣ летучихъ мышей. Прежде всего сильнаго вѣтра онѣ не выносятъ, а также и сильнаго капанія воды на разстояніяхъ, которыя имъ слѣдуетъ пролетать; равнымъ образомъ стѣны въ рудникѣ должны быть не особенно сухія и не особенно сырыя. Напротивъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вода можетъ скопляться, животныя держатся очень охотно, можетъ быть, потому, что здѣсь они чувствуютъ себя въ безопасности отъ своихъ преслѣдователей. Въ сталактитовыхъ пещерахъ никогда не бываетъ летучихъ мышей, вѣроятно, онѣ боятся насыщенной известкой воды, и къ тому же гладкія сталактитовыя стѣны мало удобны для прицѣпленія когтями».

Многіе виды рукокрылыхъ даже, быть можетъ, большая часть изъ нихъ, живутъ между собою согласно. Нѣкоторые виды образуютъ многочисленныя общества, которыя вмѣстѣ охотятся и отдыхаютъ. Совсѣмъ безъ ссоры и драки дѣло, конечно, не обходится: лакомый кусочекъ или удобный уголокъ для сна можетъ подать достаточный поводъ къ раздору. Но зато здоровыя стараются поддерживать больныхъ и оказываютъ имъ посильную помощь, и такъ поступаютъ не только сильныя летучія собаки, но и меньшія рукокрылыя, напр. листоносые. «Моему слугѣ», рассказываетъ Гензель, «пришла счастливая мысль помѣстить нѣсколько живыхъ бразильскихъ летучихъ мышей въ открытыя высокія стеклянные сосуды и поставить ихъ вечеромъ на открытое мѣсто. На слѣдующее утро въ трехъ сосудахъ оказалось 325 мышей той же самой породы, привлеченныхъ криками уже находившихся тамъ животныхъ и не имѣвшихъ возможности выбраться изъ тюрьмы по причинѣ гладкихъ стѣнъ сосудовъ». Очевидно, что эти летучія мыши присоединились къ прежнимъ изъ желанія какъ-нибудь имъ помочь. Несмотря на всю общительность летучихъ мышей одного и того же вида, рукокрылыя живутъ въ мирѣ не со всѣми другими родами этого отряда: различныя виды ненавидятъ и даже пожираютъ другъ друга; такъ, на примѣръ, вампиры, какъ рассказываетъ Коленати, нападаютъ на ушановъ и сосутъ изъ нихъ кровь, а эти послѣдніе пожираютъ за это своихъ непріятелей.

Пищу летучихъ мышей составляютъ плоды, насѣкомыя, при обстоятельствахъ даже другія позвоночныя животныя и кровь, которую онѣ высасываютъ изъ болѣе крупныхъ животныхъ. Послѣднее имѣетъ значеніе только относительно живущихъ въ Америкѣ рукокрылыхъ, между тѣмъ какъ вампиры Стараго Свѣта не такъ от-

важны и осмѣлняются нападать почти исключительно на маленькихъ, беззащитныхъ и притомъ свободно живущихъ животныхъ, съ которыми они освоились съ самаго начала и въ мѣстопребываніи которыхъ они не могутъ быть потревожены человѣкомъ. Между тѣмъ какъ вампиры въ большинствѣ случаевъ причиняютъ только безвредное кровопусканіе, другіе виды рукокрылыхъ истребляютъ позвоночныхъ животныхъ, вѣроятно, въ большемъ количествѣ, чѣмъ это теперь намъ извѣстно. Одинъ врачъ въ бразильскомъ поселеніи Блуменау рассказывалъ Гензелю слѣдующій, относящійся сюда случай. Онъ наблюдалъ именно, какъ однажды вечеромъ, въ открытое окно его комнаты, влетѣла большая летучая мышь, бросилась на ласточку, собиравшуюся строить себѣ здѣсь гнѣздо и потому ночевавшую въ комнатѣ, и загрызла ее. О нѣкоторыхъ остъ-индскихъ рукокрылыхъ рассказываютъ, что они ловятъ лягушекъ и загрызаютъ ихъ; въ землѣ Гереро, на такихъ мѣстахъ, гдѣ отдыхаютъ летучія мыши, Пехуэль-Леше всегда находилъ свѣжіе остатки ящерицъ, маленькихъ птицъ и даже другихъ летучихъ мышей. Словомъ, хищническихъ наклонностей, въ обыкновенномъ значеніи этого слова, у рукокрылыхъ отрицать нельзя. Живущіе въ Европѣ виды этого отряда, настоящія летучія мыши, поѣдаютъ главнымъ образомъ насѣкомыхъ, именно: ночныхъ бабочекъ, жуковъ, мухъ и комаровъ, и войдя утромъ, послѣ теплой лѣтней ночи, въ садъ, конечно, очень часто приходится видѣть обглоданныя крылья и другіе остатки ихъ пиршествъ. Appetitъ у нихъ необычайный; крупнѣйшія изъ нихъ свободно съѣдаютъ дождину майскихъ жуковъ, а меньшія—штукъ 60 мухъ и все-таки не чувствуютъ себя сытыми. Поймавъ болѣе крупныхъ насѣкомыхъ, онѣ прижимаютъ ихъ головою къ груди и затѣмъ медленно пожираютъ ихъ; мелкихъ насѣкомыхъ глотаютъ прямо. Чѣмъ живѣе ихъ движеніе, тѣмъ болѣе требуется для нихъ пищи, и по этой уже причинѣ онѣ являются очень полезными для насъ животными, заслуживающими величайшей пошады. Этого нельзя сказать о тѣхъ летучихъ мышахъ, которыя сосутъ кровь и иногда могутъ причинять большой вредъ, а также и о тѣхъ видахъ, которыя, питаясь плодами, опустошаютъ цѣлыя фруктовыя плантаціи, виноградники и пр.,—что, по новымъ наблюденіямъ, отнюдь не слѣдуетъ исключительно приписывать только первому семейству рукокрылыхъ, т. е. летучимъ собакамъ. «Въ Южной Америкѣ», сообщаетъ Гензель, «есть даже между настоящими летучими мышами такія, которыя питаются сочными плодами; хотя много говорятъ о нихъ, но, къ несчастію, мнѣ ни разу не удалось поймать такихъ животныхъ или же хотя бы наблюдать ихъ при уничтоженіи ими плодовъ. Въ Рио-де-Жанейро однако мнѣ рассказывалъ одинъ нѣмецкій купецъ, занимающійся естествознаніемъ и заслуживающій, какъ кажется, полного довѣрія, что ему самому стоило много труда защищать въ своемъ саду деревья съ сочными плодами отъ летучихъ мышей. Въ Порто-Алегре у одного нѣмецкаго ремесленника передъ окномъ стояло дикое фиговое дерево, приносящее фиги величиною не больше обыкновеннаго орѣха. По словамъ этого человѣка, во время созрѣванія плодовъ къ дереву слетается безчисленное множество летучихъ мышей, которыя поѣдаютъ фиги». Что эти сообщенія имѣютъ фактическое основаніе, подтверждается позднѣе сообщенными изслѣдованіями Бэтса. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между гладконосыми и листошосыми существуютъ также пожиратели плодовъ, потому что и въ другихъ тропическихъ странахъ наблюдается то же, что и въ Бразиліи.

Всѣ рукокрылыя часто садятся около воды и пьютъ очень много. Вообще они чаще всего попадаютъ вблизи водомѣстилищъ, и, конечно, не потому только, что здѣсь они могутъ легче всего утолять жажду, но и потому еще, что здѣсь же встрѣчается ими обильная добыча насѣкомыхъ.

Пищевареніе у всѣхъ рукокрылыхъ происходитъ весьма быстро, — поэтому въ ихъ убѣжищахъ скоро накаплиются большія массы изверженій, распространяющихъ такой нестерпимый запахъ, что цѣлыя зданія рѣшительно зачумляются этими животными. Такой случай былъ на Конго, на станціи Альтъ-Виви, гдѣ домики строятся съ двойными досчатыми стѣнами. Въ пустыхъ промежуткахъ жили въ количествахъ нѣсколькихъ тысячъ небольшихъ летучія мыши, которыя вечеромъ, подобно роямъ пчелъ, съ шумомъ вылетали изъ отверстій между крышею и стѣнами. Весьма своеобразнымъ является способъ, посредствомъ котораго эти животные испражняются. Можно заранѣе предугадать это при взглядѣ на висящую летучую мышь, но надо наблюдать ее при этомъ занятіи, если хотятъ составить себѣ вѣрное о немъ представленіе. Всякая летучая мышь, желающая испражниться, должна привести себя въ горизонтальное положеніе, чтобы имѣть возможность сдѣлать это. При этомъ она освобождаетъ одну изъ заднихъ конечностей и упирается ею въ крышу, чтобы раскачаться. Достигнувъ надлежащаго размаха, она когтемъ большого пальца распростертой руки схватывается за крышу или за другую, ближе висящую къ ней, летучую мышь и прицѣпляется. Принявъ такимъ образомъ соотвѣтственное положеніе, она можетъ исполнить нужное дѣло. Рукокрылы мочатся или находясь въ горизонтальномъ положеніи, или, какъ обыкновенно дѣлаютъ это, напр., летучія собаки, подвѣшиваются для этого одними только когтями большихъ пальцевъ и оставляютъ нижнюю часть тѣла свободно висящей. «Большинство летучихъ мышей», говоритъ Кохъ, «мочатся такъ же, на лету, какъ это можно очень неприятнымъ образомъ почувствовать, если вспугнуть непосредственно висящую надъ собою кучку животныхъ. При этомъ происходитъ также изверженіе кала, но рѣже. Многія изъ нихъ, будучи схвачены за спину или за шею, имѣютъ привычку обрызгивать мочей своихъ неприятелей».

Особеннаго вниманія заслуживаетъ наблюденіе, сдѣланное Гейглиномъ: въ Африкѣ летучія мыши ради продовольствованія себя сопутствуютъ стадамъ. «Въ землѣ Богосовъ», замѣчаетъ этотъ изслѣдователь, «ведется очень большое скотоводство, и стада, находя для себя въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ лучшія пастбища и лучшіе водопой, по цѣлымъ мѣсяцамъ не возвращаются къ жилищамъ своихъ козлеву. При нашемъ прибытіи въ Кееренъ, весь рогатый скотъ, сопровождаемый мириадами мухъ, вездѣ ему сопутствующихъ, пасся въ глубокихъ долинахъ Барки, гдѣ летучія мыши попадаются очень рѣдко. Около конца времени дождей въ ближайшихъ окрестностяхъ на цѣлый почти мѣсяць собрались почти всѣ стада, принадлежавшія здѣшнимъ Богосамъ, и одновременно съ ними явились насѣкомоядныя летучія мыши въ несмѣтномъ количествѣ. Въ ночь подъ 1-е октября мы разбили наши палатки на высокой плоскости, находившейся въ 3-хъ часахъ разстоянія южнѣ Кеерена, вблизи загородей, предназначавшихся для загона скота. Такъ какъ въ это время стада находились въ другихъ частяхъ горъ, то мы замѣтили только одну или двухъ летучихъ мышей въ столь благоприятной для этихъ животныхъ мѣстности. Но день спустя вернулись сюда стада, и уже въ тотъ же самый вечеръ число летучихъ мышей значительно увеличилось. Является вопросъ: дѣйствительно-ли онѣ перемѣняютъ мѣстожителство или каждый вечеръ принимаютъ дальніе походы на поиски за мухами, сопровождающими стада? Я допускаю перемѣну мѣстожителства, потому что въ описываемомъ случаѣ животные вечеромъ появлялись такъ своевременно, что они не имѣли никакой возможности быть на мѣстѣ, не совершая длинныхъ путешествій днемъ, а я никогда не могъ открыть здѣсь летучихъ мышей, летающихъ раньше наступленія вечернихъ сумерекъ».

Я съ своей стороны, въ своихъ прежнихъ путешествіяхъ по Африкѣ, не обращалъ особеннаго вниманія на летучихъ мышей, но зато много наблюдалъ ихъ на послѣднихъ своихъ охотахъ, именно въ тѣхъ странахъ, о которыхъ говоритъ Гейглицъ, — и могу только съ нимъ согласиться. Въ западной Африкѣ Пехуэль-Леше много разъ наблюдалъ въ сухое время пальмовыхъ крылановъ, когда тѣ несмѣтными стаями пролетали въ определенномъ направленіи не только при нѣскольکو пасмурномъ небѣ, но даже днемъ и преимущественно по направленію къ берегу моря; однажды онъ видѣлъ ихъ на верхнемъ Конго. Тамъ эти странствованія хорошо извѣстны, а равно и наклонность животныхъ придерживаться въ горахъ извѣстныхъ долинъ и ущельевъ. На этихъ мѣстахъ туземцы ставятъ высокіе шесты, на которыхъ безчисленные петли, искусно соединенныя, образуютъ широко раскинутую перепутанную сѣть: въ эту-то сѣть и ловятся летучія собаки. Въ Новой Гвинее Гааке наблюдалъ странствующій полетъ этихъ животныхъ во время утреннихъ сумерекъ. На разсвѣтѣ онъ насчиталъ около тысячи летучихъ собакъ, которыя порознь и небольшими стаями, все въ одномъ направленіи, пересѣкали рѣку.

Послѣ этого мнѣ кажется несовсѣмъ не правдоподобнымъ предположеніе, что и среди европейскихъ летучихъ мышей есть больше, чѣмъ мы предполагаемъ странствующихъ видовъ, хотя и въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, чѣмъ птицы. Что нѣкоторыя летучія мыши у насъ часто перебираются съ высокихъ мѣстъ въ низкія и обратно, что онѣ къ зимѣ стремятся въ лежація южнѣе мѣстности, — это давно уже было извѣстно. Между тѣмъ нѣкоторыхъ изъ нихъ находятъ лѣтомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ въ иное время года ихъ никогда не бываетъ. Такъ, бродячая летучая мышь (*Vesperugo nilssonii*), по словамъ Коха, въ суровое время года исчезаетъ изъ большей части сѣверной Россіи, странствуетъ по Силезіи, Моравіи, верхней Франконіи и даже до Альпъ, гдѣ она и зимуетъ. Точно также прудовая летучая мышь (*Vespertilia dasycneme*) лѣтомъ носится надъ поверхностью водъ въ сѣверныхъ нѣмецкихъ равнинахъ и въ это время только случайно попадаетъ въ горахъ средней Германіи, тогда какъ зимою, на время спячки, она очень часто пользуется именно скалистыми пещерами этихъ и другихъ горъ. Въ лѣсахъ Гессена крайне трудно найти зимою обыкновеннаго кожана (*Vesperugo noctula*), хотя здѣсь достаточно душлистыхъ деревьевъ, представляющихъ для него удобное помѣщеніе; напротивъ того, лѣтомъ здѣсь часто встрѣчаются въ лѣсахъ рои летучихъ мышей этого вида, а въ горахъ Таунуса и въ долинѣ Лана онѣ регулярно зимуютъ, но лѣтомъ, однакожь, не водятся въ большомъ числѣ тамъ, гдѣ перезимовываютъ. «Если-бы наблюденія надъ странствованіями летучихъ мышей были не такъ затруднительны и чаще обращалось вниманіе на ихъ перелеты, то въ нашемъ распоряженіи было бы больше соотвѣствующихъ фактовъ, чѣмъ сколько мы имѣемъ въ настоящее время. Въ теплыхъ краяхъ, гдѣ летучія мыши водятся въ такомъ множествѣ, странствованія ихъ гораздо замѣтнѣе. Тамъ во время засухъ иныя породы перебираются въ горы, а иныя удаляются въ дальнія страны и спустя нѣкоторое время снова возвращаются; нѣкоторые виды въ болѣе холодное время стараются приблизиться къ экватору, а другіе, наоборотъ, въ болѣе теплые мѣсяцы таятся къ болѣе прохладнымъ странамъ, или выше, въ горы. Во многихъ случаяхъ причина этихъ переселеній лежитъ, вѣроятно, въ климатическихъ условіяхъ, но въ большинствѣ случаевъ животныя видимо летятъ туда, гдѣ больше насѣкомыхъ».

Довольно высокая температура для всѣхъ рукокрылыхъ составляетъ необходимое условіе не потому только, что она оживляетъ насѣкомыхъ, а потому, что сами летающія животныя не выносятъ стужи. Частое появленіе летучихъ мышей въ болѣе теплыхъ странахъ находится, конечно, въ связи съ преобладающимъ

тамъ обиліемъ насѣкомыхъ; но теплота этихъ странъ оказывается также въ высшей степени необходимою и для благосостоянія самихъ летучихъ мышей. Въ Германіи только очень немногія летучія мыши непосредственно подвергають себя дѣйствию солнечныхъ лучей, вылетая въ послѣобѣденное время; въ тропическихъ же странахъ эти животныя часто располагаются на залитыхъ палящими лучами мѣстахъ, и это дѣлають не только летучія собаки, которыя, не нуждаясь въ тѣни, дремлютъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, почти или совершенно утратившихъ свои листья, — но и гладконосыя, и листоносыя. Такъ, Шомбургкъ упоминаетъ объ одномъ вампирѣ (*Phillostoma bidens*), который живетъ большими обществами преимущественно на утесахъ, а днемъ подвѣшивается спать на стволахъ прибрежныхъ деревьевъ, поднимающихся на 2—3 метра надъ поверхностью почвы; но не въ тѣни, а на солнечной сторонѣ ихъ, чтобы быть совершенно освѣщеннымъ солнечными лучами. «Еще въ большемъ количествѣ», говоритъ онъ, «встрѣчалъ я ихъ на выдающихся надъ рѣкою утесахъ. Если мы приближались къ такимъ мѣстамъ, то животныя вылетали изъ своихъ убѣжищъ сами, или будучи понуждаемы къ тому индѣйцами, брызгавшими въ нихъ водою при помощи весель. Полетавъ вдоль берега нѣсколько разъ взадъ и впередъ онѣ снова располагались на прежнихъ мѣстахъ». Что летучія мыши могутъ выдержать значительную степень жара, — это доказываютъ уже многіе изъ нашихъ видовъ, которые лѣтомъ проводятъ день подъ крышами домовъ и церквей, не взирая на господствующій здѣсь сильный жаръ, не говоря уже о выдахъ южныхъ странъ. Бразильскій нетопырь (*Nyctonomus Brasiliensis*), обыкновеннѣйшая летучая мышь южной Бразиліи, по словамъ Гензеля, часто живетъ во множествѣ подъ черепичными крышами старыхъ домовъ и выноситъ невѣроятную температуру, такъ какъ черепицы до того накаляются солнцемъ, что на нихъ ступить нельзя голыми ногами, не потерпѣвъ поврежденія». Равнымъ образомъ со вмѣстное тѣсное скучиваніе летучихъ мышей, развивающее большое количество теплоты, служить новымъ доказательствомъ вышесказаннаго. Суровая погода, дождь, вѣтеръ удерживають большинство породъ въ ихъ убѣжищахъ; хотя нѣкоторыя изъ нихъ летаютъ и по холоднымъ вечерамъ, но всегда очень недолго и какъ можно скорѣе стараются вернуться къ мѣсту обычнаго сна. При этомъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ значеніе и то обстоятельство, что въ суровую погоду охота болѣе или менѣе бесполезна, потому что тогда насѣкомыя тоже скрываются, а къ тому же сколько-нибудь сильный вѣтеръ необыкновенно затрудняетъ летательныя движенія летучихъ мышей, такъ какъ только длинокрылыя породы могутъ до нѣкоторой степени сопротивляться сильнымъ теченіямъ воздуха. Въ южной Австраліи Гааке по дѣльнымъ мѣсяцамъ наблюдалъ одну летучую мышь, обыкновенно проводившую день въ опредѣленномъ мѣстѣ, позади оконнаго ставня. Если же ночью поднималась буря, то на другой день убѣжище ея всегда оставалось незанятымъ.

Съ наступленіемъ стужи — всѣ рукокрылыя, живущія въ умѣренныхъ странахъ, впадаютъ въ болѣе или менѣе глубокой зимній сонъ, большая или меньшая продолжительность котораго соответствуетъ суровости или мягкости климата ихъ родины. Когда начинается холодное время, всякая порода отыскиваетъ для себя наиболѣе защищенное отъ вліяній непогоды пристанище: въ пещерахъ, погребахъ, подъ теплыми крышами, на чердакахъ по близости трубъ и въ другихъ мѣстахъ. Наименѣе чувствительныя къ стужѣ породы животныхъ иногда прерываютъ зимній сонъ, пробуждаются и летаютъ въ своихъ защищенныхъ убѣжищахъ, повидимому, не столько ради добычи, сколько для того, чтобы доставить себѣ движеніе. Нѣкоторыя летучія мыши вылетаютъ также на открытый воздухъ и порхаютъ нѣкоторое время надъ покрытой снѣгомъ землей; большинство, однако, спятъ непре-

ривно. «Мѣста», говоритъ Кохъ, «избираемыя летучими мышами для зимняго сна, различны, смотря по видамъ, и представляютъ иногда сходство, но далеко не всегда, съ тѣми мѣстами, на которыхъ онѣ водворяются лѣтомъ для дневного отдыха. Такъ, напр., листоносые встрѣчаются лѣтомъ въ тѣхъ самыхъ пещерахъ, гдѣ онѣ проводятъ зимнюю спячку; такъ, малорослые нетопыри (*Nanigo*) отдыхаютъ обыкновенно въ трещинахъ тѣхъ же самыхъ зданій, куда они залѣзаютъ на зиму, и такихъ примѣровъ много. Между тѣмъ сѣрыя летучія мыши (*Myotis morinus*), живущія лѣтомъ на церковныхъ чердакахъ большими обществами, зиму спятъ въ пещерахъ и кояхъ въ одиночку. Тѣ же самыя привычки свойственны многимъ другимъ здѣшнимъ породамъ. Но и у летучихъ мышей южныхъ странъ мы замѣчаемъ, что онѣ избираютъ себѣ, на время дождей или короткой зимы, не то мѣстопробываніе, какимъ довольствуются во время засухи: такъ, ни одна летучая мышь не станетъ жить въ дождливую пору подъ листовою деревьевъ; такъ, вампиръ изъ открытыхъ скотныхъ дворовъ перекочевываютъ въ закрытыя зданія пещеры; скрытнохвостыя во время дождей переселяются въ подземныя помѣщенія и пещеры, а короткохвостыя, наоборотъ, на зиму расползаются по древеснымъ щелямъ. Рѣшительно большая часть рукокрылыхъ занимаютъ во время зимняго сна пещеры и всякія подземныя помѣщенія; тѣ же виды, для которыхъ онѣ служатъ и лѣтнимъ мѣстопробываніемъ, по крайней мѣрѣ, на зиму забираются въ другія помѣщенія, а гдѣ есть выборъ, перебираются въ другія пещеры и копи. Лѣтомъ они предпочитаютъ небольшія углубленія по близости входа и прячутся здѣсь въ трещинахъ, скважинахъ и узкихъ сводахъ совершенно такимъ же образомъ, какъ и въ открытыхъ развѣдинахъ утесовъ; напротивъ, зимою они прячутся дальше въ болѣе просторныя пещеры, уединяясь въ самыя заднія части, куда не проникаетъ морозъ. Только немногіе виды на время зимняго сна не переменяютъ мѣстопробыванія и остаются въ своихъ обычныхъ щеляхъ.

«Положеніе тѣла, въ которомъ летучія мыши спятъ зимою, бываетъ очень различно и очень характеристично для отдѣльныхъ группъ и семействъ; самое простое и обычное положеніе для зимняго сна онѣ принимаютъ, подвѣсиваясь когтями заднихъ конечностей и прижимая крылья къ бокамъ. При этомъ многія висятъ совершенно вольно подъ потолкомъ или сводомъ, другія такимъ же точно образомъ — на стѣнахъ, а нѣкоторыя пользуются также и передними конечностями, какъ опорою. Вообще можно указать на дѣльный рядъ измѣненій въ положеніи тѣла во время зимняго сна. Между летучими мышами, живущими въ теплыхъ странахъ, есть породы, которыя, какъ для продолжительнаго, такъ и для ежедневнаго отдыха болѣе или менѣе расширяютъ крылья, чтобы, такъ сказать, прочнѣе утвердиться. Большая часть листоносыхъ принимаютъ такое странное положеніе, что, проходя мимо нихъ, можно подумать, что видишь передъ собою не животное, а грибъ. Они совершенно завертываются въ свои летательныя перепонки и висятъ свободно на заднихъ конечностяхъ; перепонка бедеръ закидывается на спину, верхняя часть рукъ образуютъ на спинѣ клинъ и лежатъ плотно одна возлѣ другой; летательная перепонка боковъ и пальцевъ покрываетъ тѣло такимъ образомъ, что концы пальцевъ направляются кверху, а большой палецъ служитъ для замыканія; высовывается одинъ носъ, но и тотъ прячется во время крѣпкаго зимняго сна. Почти такое же различіе наблюдается въ положеніи ушановъ. Многіе изъ нихъ вытягиваютъ уши и поднимаютъ ушную крышку какъ бы для того, чтобы, во время зимней спячки, сдѣлать эти органы воспримчивѣе; другіе болѣе или менѣе сгибаютъ уши, а иные опять таки плотно прижимаютъ крышку къ внутреннему отверстию уха; большой ушанъ укладываетъ свои длинныя уши подъ прижатые къ бокамъ крылья и т. д.»

Сказанное о всеобщности летучих мышей имѣетъ общее значеніе и применимо къ нимъ даже на время ихъ зимней спячки. Есть летучія мыши, которыя зимуютъ исключительно обществами, располагаясь не только одна возлѣ другой, но и многими рядами, висящими плотно одинъ надъ другимъ и образующими различной формы группы по нѣскольکو сотенъ штукъ; нѣкоторыя общественно зимующія породы покрываютъ цѣлыя стѣны и плоскости внутри дуплистыхъ деревьевъ, гдѣ особи висятъ одна возлѣ другой отдѣльно; нѣкоторыя летучія мыши проводятъ зиму въ одиночку и никогда не попадаютъ спящими совместно, а нѣкоторыхъ находятъ зимой вислицами и особнякомъ, и обществами.

«Замѣчательнымъ и крайне поразительнымъ въ фізіологическомъ отношеніи явленіемъ», продолжаетъ Кохъ, «представляется тотъ фактъ, что столь прожорливое животное, какъ летучая мышь, которое во время своего роста нуждается въ обильномъ количествѣ пищи, можетъ проводить болѣе трети своей жизни безъ всякаго питанія; и что при крайне ограниченной дѣятельности органовъ питанія и обмѣна веществъ въ жаркой влажной атмосферѣ мягкія части его могутъ сохраняться такъ долго, безъ всякихъ существенныхъ матеріальныхъ измѣненій. Температура крови у летучихъ мышей въ нашемъ европейскомъ климатѣ, во время ихъ жизни лѣтомъ, бываетъ всегда выше 32° Цельсія (25,6° Реомюра); въ южныхъ климатахъ она значительно выше, и даже въ Германіи въ іюнѣ мѣсяцѣ мнѣ случилось измѣрить у сѣрой летучей мыши температуру крови въ 36° Цельсія. Эта температура крови значительно падаетъ въ теченіе зимы, и степень пониженія ея болѣе или менѣе зависитъ отъ температуры воздуха. У живущихъ въ жаркихъ странахъ летучихъ мышей, температура крови которыхъ бываетъ выше 40° Цельсія, различіе, сравнительно съ зимнимъ временемъ или временемъ дождей, относительно не такъ значительно, какъ у видовъ нашихъ сѣверныхъ странъ, гдѣ низкая температура воздуха оказываетъ сильное вліяніе и температура крови падаетъ настолько, что летучія мыши окоченѣваютъ и погибаютъ. Наименьшую температуру крови я нашелъ у курносаго ушана (*Synotis barbastellus*), который вообще, повидимому, оказывается довольно нечувствительнымъ по отношенію къ погодѣ, такъ какъ для зимняго своего сна онъ занимаетъ переднія части пещеръ, рудниковъ и зданій, гдѣ бываетъ мало защищенъ отъ холода. У экземпляровъ, перезимовавшихъ подъ сводомъ Дилленбургскаго замка, между камнями, на которыхъ они висѣли надъ ледяными сосульками длиною въ футъ, температура крови все еще достигала полныхъ 12° Цельсія. Между тѣмъ мнѣ никогда не случалось въ болѣе защищенныхъ мѣстахъ наблюдать летучихъ мышей, температура крови которыхъ была бы такъ низка; она колеблется почти всегда между 14° и 18°; въ большинствѣ случаевъ, именно въ началѣ зимы, доходитъ даже до 20° и выше, не говоря уже о болѣе высшихъ градусахъ температуры тотчасъ по наступленіи зимняго сна. По моимъ наблюденіямъ, температура крови понижается постоянно по мѣрѣ продолженія зимняго сна; заснувшая летучая мышь пробуждается когда только это пониженіе достигло извѣстнаго градуса, который, по моему измѣренію, а также смотря по организаціи извѣстнаго вида, колеблется между 12° и 18° Цельсія. Въ глубокихъ рудникахъ и пещерахъ, гдѣ перезимовываетъ большая часть летучихъ мышей, нельзя предполагать на столько сильнаго вліянія наружной температуры, чтобы животныя могли замѣтить эту разницу. Равнымъ образомъ представляется немислимымъ, при томъ непрерывно продолжительномъ зимнемъ снѣ, которому предаются летучія мыши, опредѣленіе времени, согласно съ которымъ онѣ могли бы измѣрять продолжительность сна: конечно, ихъ окончательное пробужденіе должно быть обусловлено вполне опредѣленной фізіо-

логической причиной, а послѣдняя, какъ мнѣ думается, лежитъ въ предѣльномъ градусѣ температуры крови, всегда постоянномъ для извѣстнаго рода летучихъ мышей. Съ этимъ согласуется и то неоднократно сдѣланное наблюденіе, что летучія мыши, находившіяся въ менѣ защищенныхъ мѣстахъ, пробуждались во время зимняго сна и приходили въ бодрственное состояніе всякій разъ, какъ внѣшняя температура воздуха и соотвѣтственно ей температура крови летучихъ мышей понижались ранѣе. Я часто находилъ замерзшихъ летучихъ мышей въ штольняхъ, куда сильное теченіе воздуха давало доступъ холоду, а также и въ неглубокихъ штольняхъ, гдѣ летучія мыши не находили для себя никакой защиты отъ проникающаго холода. Но эти замерзшія летучія мыши не находились въ томъ положеніи, какое свойственно имъ во время зимняго сна: ихъ крылья были болѣе или менѣе распростерты и въ такомъ положеніи онѣ лежали на землѣ. Но мнѣ случалось также находить мертвыхъ летучихъ мышей весною въ положеніи, обычномъ во время зимняго сна: эти послѣднія походили скорѣе на высохшихъ мумій, чѣмъ на трупы окоченѣвшихъ отъ холода. Это же явленіе имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, если внести летучихъ мышей, во время зимняго сна или не задолго передъ нимъ, въ комнату или въ другое какое-либо мѣсто, гдѣ температура довольно низка: онѣ продолжаютъ оставаться въ своемъ безсознательномъ состояніи или опять впадаютъ въ него. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ, что летучія мыши во время зимняго сна вбираютъ въ себя посредствомъ дыханія извѣстное количество влаги. Прежде чѣмъ впасть въ обычное безсознательное состояніе, онѣ представляются достаточно упитанными и имѣютъ много жира между мускулами и кожей, а также между кишками. У нѣкоторыхъ родовъ летучихъ мышей, а именно у вампировъ, количество жира часто бываетъ настолько значительно, что по объему и вѣсу превышаетъ мускулистую часть. Въ началѣ зимы жиръ бываетъ очень жидкій и чистаго бѣлаго цвѣта; уже въ началѣ января замѣтнымъ становится уменьшеніе слоевъ жира, а равно и матеріальное измѣненіе его, причѣмъ жиръ становится менѣе жидкимъ и темнѣе, и бываетъ окрашенъ розовымъ цвѣтомъ отъ пронизывающихъ его кровеносныхъ сосудовъ. Съ этого времени жиръ все болѣе и болѣе уменьшается, становится при этомъ все темнѣе и менѣе жидкимъ, и въ концѣ зимы, приблизительно въ началѣ марта, послѣдніе остатки его имѣютъ желтовато-коричневый цвѣтъ съ красными прожилками. Я убѣдился, что летучая мышь во время зимняго сна теряетъ среднимъ числомъ отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{5}$ своего вѣса. Это уменьшеніе большею частью происходитъ вслѣдствіе израсходованія жира; при этомъ мясо также болѣе или менѣе уменьшается. Жиръ служитъ не для питанія, но для дыханія, благодаря чему поддерживается необходимая температура; но такъ какъ при этомъ долженъ задерживаться необходимый обмѣнъ веществъ, то вопросъ этотъ остается все еще темнымъ. Для сохраненія жизни въ животныхъ, предающихся зимнему сну, необходимо поглощеніе влаги; такъ, выдѣленіе почекъ и кожи совершается своимъ порядкомъ, хотя и несравненно медленнѣе, чѣмъ у животныхъ въ бодрственномъ состояніи. Летучія мыши, находящіяся въ сухомъ воздухѣ и поэтому не имѣющія возможности вдыхать въ себя водяные пары, засыхаютъ во время зимняго сна,—это представляется тѣмъ болѣе замѣчательнымъ и удивительнымъ, что легкія въ этомъ случаѣ проявляютъ совершенно противоположную дѣятельность, чѣмъ у бодрствующаго животнаго, у котораго наоборотъ при выдыханіи—изъ крови выдѣляется вода. Всѣ органы тѣла во время зимней спячки продолжаютъ свою дѣятельность, хотя гораздо медленнѣе: въ кишечный каналъ выдѣляется желчь; мочевой пузырь постепенно наполняется мочою, которая въ концѣ сна кажется окрашеною темнымъ цвѣтомъ и только послѣ пробужденія удаляется животнымъ изъ организма; отдѣлительныя железы кожи, по-

видимому, во время бессознательнаго состоянія проявляютъ свою дѣятельность съ особенною напряженностью. Но, чѣмъ ниже падаетъ температура тѣла, тѣмъ медленнѣе можетъ совершаться этотъ процессъ, и, повидимому, пробужденіе именно совпадаетъ съ пониженіемъ температуры крови».

У животныхъ, достигшихъ полнаго развитія, пора полового совокупленія наступаетъ передъ началомъ зимняго сна. Особи различнаго пола, говоритъ Кохъ, примааниваютъ другъ друга своеобразнымъ призывнымъ звукомъ, который существенно отличается отъ сердитаго чавканья, издаваемого ими, когда ихъ тревожатъ. Въ жаркихъ странахъ при спариваніи крупные виды летучихъ мышей производятъ невыносимый шумъ. Во время спариванія самцы гоняются за самками, задираютъ ихъ, кувыркаются съ ними въ воздухѣ и продѣлываютъ всякаго рода фокусы; впрочемъ, это скучиваніе и соединеніе парамине у всѣхъ родовъ летучихъ мышей предшествуетъ спариванію. Послѣднее у всѣхъ взрослыхъ животныхъ происходитъ осенью. «Хотя летучія мыши принадлежатъ вообще къ драчливымъ, неуживчивымъ животнымъ, которыя нападаютъ часто другъ на друга, задираютъ и кусаютъ такъ, что болѣе нѣжныя части ихъ тѣла часто на всю жизнь сохраняютъ слѣды ихъ взаимной борьбы, тѣмъ не менѣе ревность, повидимому, не свойственна ихъ натурѣ, и у нѣкоторыхъ видовъ наблюдаются замѣчательные случаи уживчивости въ такую пору жизни, когда бѣольшая часть другихъ животныхъ теряетъ всякую искру врожденнаго добродушія». Я имѣлъ случай наблюдать, что многіе самцы мало-рослаго нетопыря оставались совершенно спокойными и ни малѣйшимъ образомъ не обнаруживали ревности и враждебнаго настроенія въ то время, когда кто-нибудь изъ нихъ начиналъ явно добиваться любви самки. Пагенштехеръ наблюдалъ, что многіе самцы спокойно совокуплялись съ одной и той же самкой. При совокупленіи летучія мыши обнимаютъ другъ друга передними членами и отчасти закутываются въ летательную перепонку. Вскорѣ послѣ того особи обоихъ половъ разъединяются, и самки поселяются теперь въ общемъ убѣжищѣ, между тѣмъ какъ самцы проводятъ жизнь въ одиночествѣ, часто даже въ другихъ мѣстностяхъ. Мой отецъ наблюдалъ, что самцы послѣ совокупленія живутъ каждый самъ по себѣ и совершенно отдѣльно, между тѣмъ какъ самки соединяются вмѣстѣ и живутъ обществомъ въ дуплахъ деревьевъ или въ другихъ убѣжищахъ; онъ считаетъ весьма вѣроятнымъ, что ни одинъ изъ самцовъ летучихъ мышей не дерзаетъ проникнуть въ пристанище, занимаемое самками. Между дюжинами летучихъ мышей, находимыхъ вмѣстѣ, онъ, а позднѣе также и Каушъ, никогда не встрѣчали самца, а всегда однѣхъ беременных самокъ.

Оплодотвореніе яичекъ самки сѣменемъ самца происходитъ только весной, а съ осени оно сохраняется въ маткѣ самки. Немного недѣль спустя рождаются дѣтеныши. Самка во время родовъ, по словамъ Блазіуса и Коленати, вопреки своему обыкновенію, держится въ всячемъ положеніи при помощи острыхъ когтей обоихъ большихъ пальцевъ рукъ, подгибаетъ хвостъ къ брюху вмѣстѣ съ его перепонкою и такимъ образомъ устраиваетъ родъ мѣшка или таза, въ который и падаетъ новорожденный. Тотчасъ послѣ рожденія мать перегрызаешь пуповину и облизываетъ дѣтеныша, а затѣмъ дѣтенышъ крѣпко прицѣпляется къ груди матери и начинаетъ сосать. У листоносыхъ летучихъ мышей самки вблизи половыхъ органовъ имѣютъ два короткихъ придатка въ видѣ железъ, похожихъ на сосцы: къ нимъ во время процесса родовъ присасываются дѣтеныши, чтобы не упасть на землю, потому что этого рода летучія мыши во время родовъ сжимаютъ плотно ноги и перегибаютъ хвостъ на спину, — слѣдовательно не образуютъ мѣшка для принятія ново-

рожденного. Впоследствии и эти дѣтеныши также переползаютъ къ грудямъ, гдѣ крѣпко присасываются.

Всѣ рукокрылыя животныя во время летанія носятъ своихъ дѣтенышей съ собою, и притомъ довольно долгое время, даже и тогда, когда маленькія животныя уже сами могутъ хорошо летать и по временамъ оставлять грудь матери: послѣднее обстоятельство мнѣ случилось наблюдать самому у летучихъ мышей, которыхъ я встрѣчалъ въ всячемъ положеніи на деревьяхъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Африки. Въ шесть—восемь недѣль дѣтеныши достигаютъ полнаго роста; осенью и зимою дѣтенышей можно узнать по ихъ болѣе сплюснутой головѣ, по болѣе короткимъ конечностямъ и болѣе темной окраскѣ шерсти, чѣмъ они и отличаются отъ старыхъ.

Находящійся въ утробѣ матери дѣтенышъ имѣетъ весьма замѣчательный видъ. Если онъ настолько развитъ, что можно различать его органы, но нельзя еще замѣтить летательной перепонки, то онъ представляетъ нѣкоторое сходство съ зародышемъ ребенка. Заднія ноги бываютъ значительно короче переднихъ и выдающееся впередъ рыльце обличаетъ звѣрка; но строеніе тѣла, короткая, какъ бы втянутая въ грудную кѣтку шея, широкая грудь, форма лопатокъ и въ особенности вышній видъ переднихъ конечностей, которыя съ ихъ еще короткими пальцами очень похожи на руки, живо напоминаютъ человѣчскій зародышъ въ раннемъ состояніи его развитія.

«Суевѣрный человѣкъ», говоритъ Кохъ, «много клеветаетъ на этихъ безобидныхъ животныхъ и многие чувствуютъ къ нимъ отвращеніе, вмѣсто того, чтобы, ради собственной же пользы, заботиться о нихъ и защищать ихъ. Несправедливо утверждаютъ, будто летучія мыши пожираютъ сало въ кладовыхъ, потому что летучія мыши вовсе не ѣдятъ сала, и нѣмецкое названіе «Speckmaus» (салоѣжка), перешедшее даже въ науку, повидимому, произошло оттого, что летучія мыши, ради сохранения во время продолжительнаго зимняго сна, отлагаютъ подъ кожей довольно значительное количество жира, и послѣдній выступаетъ наружу, когда, убивая животное, разрываютъ его нѣжную кожу. Позднѣе съ вышеупомянутымъ прозвищемъ соединили уже мысль о мнимомъ преступленіи летучихъ мышей, и взглядъ этотъ нашель для себя существенную поддержку въ томъ обстоятельствѣ, что такъ называемыя Speckmäuse охотно скрываются въ темныхъ мѣстахъ, а потому весьма часто бываютъ находимы также въ копильняхъ. Въ дѣйствительности же сало пожираютъ мыши и крысы; при приближеніи челоѣка онѣ убѣгаютъ въ свои норы, между тѣмъ какъ безобидныя летучія мыши и днемъ и зимою продолжаютъ оставаться спокойной тамъ, гдѣ совершена кража сала. Если съ одной стороны обокраденному часто нельзя ставить и въ вину, что онъ, вслѣдствіе недостаточности своихъ познаній, думаетъ, что захватилъ своего врага на мѣстѣ преступленія, то съ другой — основательный наблюдатель легко можетъ убѣдиться, что летучая мышь не только не пожираетъ сала, но и сохраняетъ его, уничтожая ветчинныхъ кожеѣдовъ и ихъ личинокъ. Общерапространенное мнѣніе, будто летучія мыши вцѣпляются въ волосы, такъ что ихъ нельзя отцѣпить, также лишено всякаго основанія. По собственной волѣ летучая мышь никогда не опускается на голову челоѣка; но случается иногда какой-нибудь несчастной летучей мыши влетѣть въ комнату, гдѣ находится общество; присутствующіе устраниваютъ за нею настоящую облаву, машутъ и бьютъ ее платками и т. п.; бѣдное животное, испуганное и искалѣченное падаетъ, хватается за всякій подвернувшійся предметъ и при этомъ, конечно, случайно можетъ упасть на голову дамы, куафюра которой какъ бы нарочно оказывается наиболѣе удобною для того, чтобы можно было крѣпко въ нее вцѣпиться. Подобнаго рода случаи и могли, конечно, послужить первымъ

поводомъ къ вышеуказанному неосновательному разсказу. Летучихъ мышей нѣкоторые считаютъ спутниками злыхъ духовъ. Одинъ молодой образованный испанецъ съ полной увѣренностью утверждалъ, будто онъ слышалъ, что летучія мыши выкрикиваютъ проклятія, если раздражаютъ ихъ зажженной лучиной. Можно наслушаться еще и другихъ диковинныхъ разсказовъ, если только поговорить съ людьми менѣе образованными о рукокрылыхъ, которыя всѣхъ поражаютъ своеобразностью своей фигуры. Только-что было замѣчено о проклятіяхъ при раздраженіи летучихъ мышей, но не сама летучая мышь проклинаетъ нарушителя ея покоя, а очень часто самъ тотъ, кто позволяетъ себѣ подобнаго рода издѣвательства надъ нею, потому что большія породы летучихъ мышей не позволяютъ надъ собою никакой шутки: когда ихъ сердятъ, то онѣ сильно кусаются; зубы и когти ихъ очень остры и нѣкоторыя изъ летучихъ мышей могутъ причинять глубокія раны. Не будучи въ состояніи ускользнуть отъ своихъ преслѣдователей, онѣ приходятъ въ гнѣвъ, становятся смѣлыми и умѣютъ ловко пользоваться своими естественными орудіями защиты; но сами по себѣ онѣ никогда не нападаютъ и вообще, по своей природѣ, являются крайне безобидными созданіями.

«Пребываніе летучихъ мышей въ темныхъ мѣстахъ, устройство тѣла такое же, какъ и у мыши, столь удивительныя руки, служащія для летанія, а равнымъ образомъ возбуждающее страхъ выраженіе лица и непріятно прозительный голось летучей мыши, все это, вмѣстѣ взятое, придаетъ всему ея существу нѣчто таинственное, чтó сознавали уже и древніе. Въ то время, какъ добрые духи изображаются съ крыльями голубя, злыхъ духовъ рисовали, да и теперь еще рисуютъ, съ крыльями летучей мыши. Подобно тому, какъ древній драконъ, этотъ страшный фантастическій звѣрь, имѣлъ крылья летучей мыши, такъ и теперь еще сатана изображается съ крыльями рукокрылаго. Подобнаго рода изображенія естественно дѣйствуетъ на дѣтскій умъ, какъ и на склонный къ суевѣріямъ умъ необразованнаго народа, и возбуждаютъ отвращеніе и питаютъ ненависть къ животнымъ, имѣющимъ всѣ права на то, чтобы ихъ щадили и берегли. Вотъ почему обяванность всѣхъ свѣдущихъ людей — возвысить свой голось въ пользу этихъ оклеветанныхъ животныхъ. При одной уже мысли о томъ, какую великую пользу приносятъ эти животныя, въ нашихъ глазахъ утрачиваетъ всякое значеніе многое изъ свойственной имъ непріятности, и стоитъ только провести прекрасный теплый лѣтній вечеръ на открытомъ воздухѣ, чтобы понять, что летучія мыши своимъ ловкимъ полетомъ вносятъ много пріятнаго и оживляющаго въ тихій ландшафтъ.

Полезьа, которую приносятъ человѣку большая часть многочисленныхъ животныхъ этого отряда, далеко превышаетъ вредъ, какой они причиняютъ ему непосредственно. Множество вредныхъ насѣкомыхъ летаетъ именно ночью, и такимъ образомъ попадаетъ на глаза своимъ врагамъ. Къ числу этихъ-то враговъ, кромѣ козодоя, жабы и землероекъ, принадлежатъ и летучія мыши, которыя въ это именно время и преслѣдуютъ вредныя полчища насѣкомыхъ, а необыкновенная прожорливость, свойственная всѣмъ рукокрылымъ, служитъ причиною истребленія насѣкомыхъ въ громадныхъ размѣрахъ. Чтобы составить себѣ хотя бы поверхностное представленіе объ этомъ, достаточно изслѣдовать пристанище летучихъ мышей. «Здѣсь высотой въ футъ», говоритъ Кохъ, «лежитъ масса испражнений летучихъ мышей, и ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что отдѣльные комочки ихъ состоятъ изъ частей весьма многихъ и различныхъ насѣкомыхъ. Въ одномъ кубическомъ сантиметрѣ кала летучей мыши мы нашли 41 голень различныхъ большихъ и малыхъ насѣкомыхъ, а въ старыхъ руинахъ въ церковныхъ колокольняхъ и т. п. мѣстахъ кала летучей мыши лежитъ, надѣюсь, болѣе одного кубическаго метра,

и кучи его, безъ сомнѣнія должны заключать въ себѣ до $1\frac{1}{2}$ милліона насѣкомыхъ. Конечно, такія огромныя кучи не могли образоваться въ теченіе одного лѣта, и представляютъ изверженіе многихъ летучихъ мышей; но съ другой стороны слѣдуетъ принять во вниманіе то обстоятельство, что только небольшая часть кала извергается летучею мышью при ея спокойномъ положеніи во время дня, обыкновенно же она испражняется во время летанія. Пришлось бы составить длинный списокъ, если бы захотѣли перечислить всѣхъ тѣхъ бабочекъ, мухъ и вообще разнаго рода насѣкомыхъ, которыми питаются летучія мыши; достаточно ограничиться замѣчаніемъ, что летучія мыши истребляютъ именно вредныя породы насѣкомыхъ, между тѣмъ какъ полезныя между ними, какъ летающія большею частью днемъ, не дѣлаются ихъ добычею. Всѣ водящіяся въ нашихъ странахъ летучія мыши приносятъ намъ только пользу, а на вредъ, приносимый немногими изъ нихъ, такъ какъ онѣ питаются плодами, не стоитъ обращать вниманія; равнымъ образомъ и кровососы вовсе не такъ вредны, какъ обыкновенно о томъ рассказываютъ. По новѣйшамъ и вполне достовѣрнымъ свѣдѣніямъ летучія мыши, сосущія кровь, никогда не причиняютъ смерти большимъ животнымъ или людямъ, даже и въ томъ случаѣ, если онѣ нѣсколько ночей подрядъ сосутъ кровь изъ ихъ тѣла; что же касается рукокрылыхъ, питающихся плодами, то онѣ водятся въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ природа доставляетъ имъ столь обильную пищу, что употребленіе ими плодовъ становится замѣтнымъ для человѣка только въ томъ случаѣ, когда онѣ съ особливою заботливостью выращиваютъ ихъ въ садахъ; но и въ этомъ случаѣ плоды легко могутъ быть защищены отъ крылановъ съ помощью сѣтки и т. п. Такимъ образомъ мы считаемъ себя въ правѣ причислить весь этотъ отрядъ животныхъ къ числу самыхъ полезныхъ существъ.

Древніе смотрѣли на летучихъ мышей еще съ бѣльшимъ отвращеніемъ, чѣмъ наши невѣжественные мужчины и наши жеманныя женщины; даже египтяне, эти замѣчательные изслѣдователи природы, ихъ не любили, почему и избѣгали изображать ихъ на своихъ памятникахъ. «Изображенія ихъ», замѣчаетъ Дюмихенъ, «крайне рѣдко и въ весьма ограниченномъ числѣ встрѣчаются на стѣнахъ храмовъ. Кромѣ гіероглифическаго имени Сетахемъ, при отдѣльныхъ изображеніяхъ летучихъ мышей, встрѣчается въ надписяхъ еще слово Тами, изъ чего мы можемъ вывести то вѣроятное заключеніе, что египтяне различали нѣсколько видовъ летучихъ мышей».

До послѣдняго времени летучихъ мышей, само собою разумѣется, причисляли къ птицамъ, хотя еще Геснеръ указывалъ на то, что летучая мышь представляетъ собою нѣчто среднее между птицей и мышью, слѣдовательно справедливо названа летучею мышью и не можетъ быть причислена ни къ птицамъ, ни къ мышамъ. О летучихъ мышахъ на нѣмецкомъ языкѣ существуетъ слѣдующее двустишіе:

«Ein Vogel ohn'Zungen,
Der säugt seine Jungen». *)

Приводимыя Геснеромъ разнаго рода вѣрныя и невѣрныя наблюденія древнихъ надъ летучими мышами въ высшей степени любопытны.

«Саламандра и летучая мышь», говоритъ Геснеръ, «родятъ дѣтенышей безъ послѣда и не въ кожицѣ, безъ сомнѣнія, потому что дѣтеныши рождаются собственно изъ яицъ, чего не бываетъ у мышей, полевокъ и у другихъ подобныхъ животныхъ.

*) Птица безъ языковъ (перьевъ), которая кормитъ дѣтенышей своихъ молокомъ.

Албертусъ говоритъ, что эта *птица* (лет. мышь), равно, какъ и удоудь, зимою предаются спячкѣ. Африканъ и Зороастръ говорятъ, что летучихъ мышей можно прогнать дымомъ зажженаго сѣна. Дерево клень, по латыни *Platanus*, летучимъ мышамъ очень противно, и если повѣсить его листья у оконъ и дверей, то ни одна летучая мышь въ домъ не влетитъ; такъ пишутъ Африканъ и Плиній. Аистъ—большой врагъ летучей мыши, такъ какъ сія послѣдняя только черезъ прикосновеніе портитъ яйца аиста, если онъ не закроетъ ихъ листьями клена, которые противны летучей мыши, это утверждаютъ Эліанъ, Пилесъ и Зороастръ. Въ Италіи есть ядовитый видъ муравьевъ, называемыхъ Цицерономъ *Salpuga*, а обыкновенно *Salpuga Vetica*, которымъ очень противно сердце летучей мыши. Поэтому, если совы хотятъ прогнать отъ своихъ дѣтенышей этихъ муравьевъ, то онѣ кладутъ въ гнѣздо сердце летучей мыши,—такъ учитъ Опіанъ. Орусъ говоритъ, что если положить калъ летучей мыши на муравейникъ, то ни одинъ муравей къ этому мѣсту не приблизится. Если вечеромъ, когда стемнѣетъ, держать передъ собою блестящій, острый мечъ, то летучія мыши бросаются на него такъ, что прокалываютъ самп себя и падаютъ на землю. Если саранча опустошаетъ какую-нибудь мѣстность, то слѣдуетъ на верхушку деревьевъ привязать нѣсколько летучихъ мышей; тогда саранча пролетаетъ мимо, какъ утверждаетъ Демокритъ въ своемъ сочиненіи *Geoponica*. Когда летучія мыши, противъ своего обыкновенія, много и часто летаютъ, то это означаетъ, что на слѣдующій день будетъ хорошая и теплая погода *)).

Число палеонтологическихъ видовъ летучихъ мышей очень не велико. Въ янтарѣ найдены волоса, а въ нѣкоторыхъ известнякахъ отпечатки костей рукокрылыхъ. Нынѣ живущихъ видовъ насчитываютъ до 300, изъ которыхъ около 35 встрѣчаются въ Европѣ. Необыкновенно большое разнообразіе формъ при кажущемся сходствѣ очень затрудняетъ раздѣленіе и опредѣленіе рукокрылыхъ даже для специалистовъ. Мы считаемъ долгомъ познакомить нашихъ читателей только съ наиболѣе характерными формами. Тѣ, которые желаютъ подробнѣе ознакомиться съ этими животными, могутъ обратиться къ специальнымъ сочиненіямъ, напр. на нѣмецкомъ языкѣ «*Das Wesentlichste der Chiropteren, von Karf Koch*».

* * *

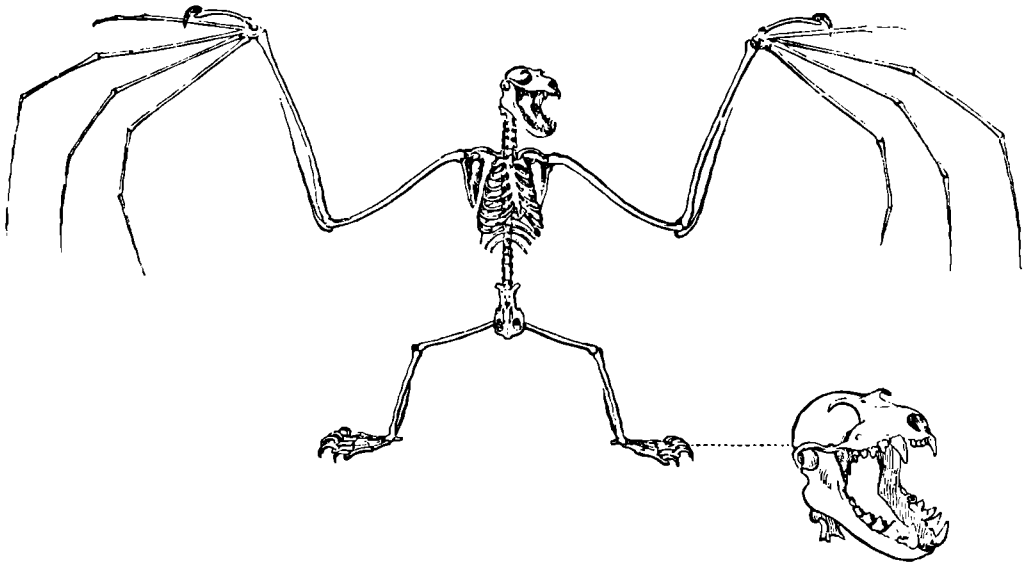
Семейство Летучихъ собакъ или плодоядныхъ летучихъ мышей (*Pteropina*) составляетъ первый главный отдѣлъ разсматриваемыхъ животныхъ.

Всѣ принадлежащія къ этой группѣ рукокрылыя животныя водятся исключительно въ жаркихъ странахъ Стараго Свѣта, именно въ Южной Азіи и ея островахъ, въ Средней и Южной Африкѣ, Австраліи и Океаніи. На животныхъ этихъ, вслѣдствіе ихъ величины, уже съ древнѣйшихъ временъ, смотрѣли какъ на истинныя чудовища. Этихъ безвредныхъ и добродушныхъ животныхъ называли отвратительными гарпіями и страшными вампирами; къ числу ихъ относили и то воображаемое ужасное существо, которое опускалось на спящихъ людей и высасывало у нихъ изъ сердца кровь; въ нихъ видѣли души осужденныхъ на вѣчное проклятіе и полагали, что укушеніе ихъ можетъ превратить невиннаго человека въ проклятаго. Словомъ, законнѣлое суевѣріе съ истиннымъ удовольствіемъ занималось этими млекопитающими животными, которыя ни въ чемъ иномъ неповинны, какъ развѣ въ томъ только, что имѣютъ нѣсколько странный внѣшній видъ, и въ ихъ

*) Здѣсь считаемъ нужнымъ пропустить страницу нѣмецкаго текста, гдѣ приводятся разные рецепты Геснера о приготовленіи лекарствъ изъ летучихъ мышей. Замѣтки эти не имѣютъ по нашему мнѣнію, ни практическаго, ни научнаго значенія.

отрядъ, но не въ этомъ семействѣ, имѣются нѣсколько маленькихъ и именно, вслѣдствіе своей незначительной величины, довольно безвредныхъ видовъ, которые дѣйствительно сосутъ кровь.

И въ настоящее еще время есть не мало невѣжественныхъ, незнакомыхъ съ изученіемъ природы людей, которые склонны видѣть въ этихъ животныхъ отвратительныхъ вампировъ; поэтому естественная исторія обязана и самыхъ суевѣрныхъ людей познакомить подробнѣе съ плодоядными летучими мышами или летучими собаками. Онѣ имѣютъ почти такое же устройство, какъ и другія летучія мыши, но отличаются болѣе значительной величиною и сходствомъ головы съ головою собаки или лисицы, вслѣдствіе чего и называютъ ихъ летучими собаками или летучими лисицами. Летательная перепонка, а въ зависимости отъ нея также и устройство рукъ и ногъ, сходны съ устройствомъ этихъ частей и у другихъ летучихъ

Черепъ и скелетъ калонга $\frac{1}{10}$ наст. вел.

мышей. Кромѣ большого пальца онѣ имѣютъ коготь на указательномъ пальцѣ. На носу имѣтъ кожистаго нароста, и уши не имѣютъ клапана. По этимъ признакамъ онѣ легко могутъ быть отличены отъ остальныхъ летучихъ мышей. Въ ряду зубовъ имѣется по четыре рѣзца вверху и внизу, по одному клыку съ каждой стороны каждой челюсти, пять коренныхъ зубовъ съ каждой стороны верхней и шесть коренныхъ зубовъ—нижней челюсти. Всѣ коренные зубы имѣютъ, по крайней мѣрѣ у старыхъ животныхъ, плоскія коронки и небольшія продольныя борозды. У одного вида нѣтъ нижнихъ рѣзцовъ

Летучія собаки живутъ охотнѣе всего въ темныхъ лѣсахъ и днемъ часто въ несмѣтномъ количествѣ покрываютъ деревья, на вѣтвяхъ которыхъ висятъ рядами, покрывши голову и тѣло крыльями. Ихъ находятъ также и въ дуплистыхъ деревьяхъ и иногда въ количествѣ многихъ сотенъ штукъ. Въ мрачныхъ первобытныхъ лѣсахъ онѣ летаютъ по временамъ и днемъ; но собственно жизнь ихъ, какъ и вообще жизнь всѣхъ рукокрылыхъ животныхъ, начинается только съ наступленіемъ сумерекъ. Ихъ острое зрѣніе и ихъ чуткое обоняніе даютъ имъ возможность находить деревья, на которыхъ имѣются сочные зрѣлые плоды; къ нимъ онѣ полетаютъ по-одиночкѣ, но скоро собираются большою толпою и могутъ объѣсть по-

добное дерево до-чиста. Въ виноградникахъ онѣ нерѣдко появляются въ значительномъ числѣ и причиняютъ большой убытокъ, потому что онѣ выбираютъ только зрѣлыя и сладкія ягоды; прочія же оставляютъ для другихъ плодоядныхъ животныхъ. Временами онѣ предпринимаютъ далекія путешествія и перелетаютъ при этомъ съ острова на островъ, а иногда и черезъ довольно широкіе морскіе проливы. По Стерндалю, однажды поймали летучую лисицу на пароходѣ въ разстояніи отъ суши по крайней мѣрѣ на сто англійскихъ миль, конечно, въ весьма истощенномъ состояніи и очень голодною. Плоды летучія собаки болѣе высасываютъ, чѣмъ пожираютъ; волокнистое же вещество выплевываютъ. Сладкіе и душистые плоды онѣ рѣшительно предпочитаютъ другимъ, а потому любимую пищу ихъ составляютъ бананы, фиги и т. п., а также вкусныя ягоды, иногда виноградъ. Когда имъ удается забраться въ плодовый садъ, онѣ ѣдятъ всю ночь и производятъ при этомъ такой шумъ, что ихъ слышно на далекомъ разстояніи. Выстрѣлами и т. п. средствами ихъ нельзя прогнать, потому что, спугнутыя въ одномъ мѣстѣ, онѣ перелетаютъ на другое дерево и здѣсь продолжаютъ свое пиршество.

Днемъ онѣ бываютъ очень болзливы и обращаются въ бѣгство всякій разъ, какъ только замѣтятъ что-нибудь подозрительное. Хищная птица приводитъ ихъ въ ужасъ, а сильный ударъ грома—въ настоящее отчаяніе. Въ испугѣ онѣ падаютъ сверху внизъ на землю, бросаются здѣсь въ разные стороны съ изумительною скоростью, цѣпляются за всякіе возвышенные предметы, проворно взбираются даже на лошадей и людей, ничѣмъ не стѣсняясь, крѣпко привѣшиваются, распускаютъ крылья, дѣлаютъ нѣсколько взмаховъ и улетаютъ, чтобы укрыться въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Полетъ ихъ быстръ и силенъ, но не высокъ; однакожъ, боязливость заставляетъ ихъ въ исключительныхъ случаяхъ подниматься на высоту свыше 100 метровъ. Онѣ могутъ взлетать только съ возвышенныхъ предметовъ, но не съ земли,—однако, и на ней онѣ довольно ловки и бѣгаютъ какъ крысы, взбираются такъ же хорошо по древеснымъ стволамъ и вѣтвямъ, до самой вершины. Онѣ много кричатъ, даже и тогда, когда спокойно висятъ на деревѣ; крикъ этотъ похожъ на скрипъ и пискъ, а по временамъ онѣ шипятъ какъ гуси.

Самка рождаетъ одинъ разъ въ годъ одного или двухъ дѣтенышей, которые крѣпко держатся за грудь матери; послѣдняя носитъ ихъ на себѣ очень долго и очень любитъ ихъ.

Въ неволѣ, уже спустя незначительное время, онѣ становятся ручными, привыкаютъ въ нѣкоторой степени къ лицамъ, которыя за ними ухаживаютъ и обнаруживаютъ даже нѣкоторую привязанность къ нимъ. Онѣ скоро привыкаютъ брать у нихъ пищу изъ рукъ и не пытаются при этомъ ни кусаться, ни царапаться. Но иначе онѣ ведутъ себя, если ихъ ранятъ или внезапно схватятъ: тогда онѣ энергично защищаются и довольно больно кусаются. Въ неволѣ ихъ кормятъ варенымъ рисомъ, свѣжими или засушенными плодами, вареною морковью, сердцевинной сахарнаго тростника и т. п.; равнымъ образомъ онѣ пожираютъ во всякое время и насѣкомыхъ. Если давать имъ пищу и питье на голой рукѣ, то онѣ скоро привыкаютъ лизать ее, какъ собаки. Днемъ онѣ бываютъ спокойны, даже во время ѣды; но съ наступленіемъ вечера начинаютъ двигаться.

Польза, которую приносятъ эти рукокрылыя, гораздо меньше причиняемаго ими вреда, который, однако, въ ихъ родинѣ, столь богатой плодовыми деревьями, не имѣетъ большого значенія. Польза отъ нихъ, конечно, также не велика. Ихъ употребляютъ въ пищу, и Гаакъ находитъ, что мясо ихъ очень вкусно и похоже на мясо кроликовъ и курницъ. Въ особенности хвалятъ мясо молодыхъ животныхъ, достигшихъ пятимѣсячнаго возраста. Употребляютъ въ дѣло даже и ихъ мѣхъ.

Весьма любопытно и поучительно познакомиться со взглядами различных народов на этих животных. Уже Геродотъ говоритъ о большихъ летучихъ мышахъ въ Аравіи, которыя живутъ на растущемъ въ болотахъ растеніи *Casia*, причемъ прибавляетъ, что онѣ отличаются силою и страшно кричатъ. Люди, собирающіе это растеніе, покрываютъ все свое тѣло и лицо до глазъ кожею, чтобъ только не видѣть этихъ животныхъ, и могутъ только тогда приняться за жатву. «Впрочемъ Цицій говоритъ», присовокупляетъ къ этому Геснеръ, «что это ложь и выдумана только ради выгоды». Страбонъ рассказываетъ, что въ Месопотаміи, по близости Евфрата, водится чрезвычайное множество летучихъ мышей, которыя отличаются своимъ большимъ ростомъ сравнительно съ летучими мышами въ другихъ мѣстахъ: ихъ ловятъ и ѣдятъ. Шведъ Кёпингъ упоминаетъ, что летучія собаки появляются ночью цѣлыми стадами, высасываютъ очень много пальмоваго сока, пьянѣютъ отъ него и, какъ жертвы, падаютъ на землю. Ему самому удалось поймать такую летучую собаку и прибить ее къ стѣнѣ гвоздями; но животное обгрызло гвозди и округлило ихъ, точно напильникомъ. Каждый повѣжественный европеецъ, а въ особенности женщины, смотрятъ на летучихъ собакъ, какъ на отвратительныхъ вампировъ, и боятся ихъ, словно чудовищъ. Напротивъ, индусы смотрятъ на нихъ, какъ на священные существа. Когда Гюгель, въ бытность свою въ Нурпурѣ, проходя вечеромъ по улицамъ, увидѣлъ надъ собою летающее животное, онъ выстрѣлилъ по нему изъ своей дустволки и подстрѣлилъ летучую мышъ, величиною съ кунницу. Почти въ то же мгновеніе сбѣжалась толпа людей, подняла страшный крикъ и яростный вопль и держала предъ нимъ кричащее и визжащее животное. Чтобы обезопасить себя отъ натиска толпы, онъ прислонился спиною къ стѣнѣ и выставилъ впередъ ружье; но успокоить волненіе онъ могъ только съ помощью ложнаго увѣренія, будто прибилъ животное за сову.

* * *

Собственно летучія собаки въ тѣсномъ смыслѣ (*Pteropus*) имѣютъ морду, похожую на собачью, довольно длинную, голыя, заостренныя уши и весьма развитую летательную перепонку, которая однакъ между голеньями образуетъ только узкую кожистую каемку. Хвоста совсѣмъ нѣтъ. Рядъ зубовъ состоитъ изъ 4 рѣзцовъ въ каждой челюсти, съ каждой стороны по одному клыку, и по 5 коренныхъ зубовъ въ верхней и по 6 коренныхъ зубовъ въ нижней челюсти.

Наибольшій изъ всѣхъ извѣстныхъ родовъ, Калонгъ или Летящая собака (*Pteropus edulis*, *P. assamensis*, *P. javanicus*, *Fliegender Hund*, *Roussette*), при длинѣ тѣла въ 40 см., имѣетъ размахъ крыльевъ въ 1,5 метра. Окраска спины темно-бурая, на брюхѣ ржаво-черная, на головѣ и шеѣ рыжевато-красная; летательная перепонка коричневаго цвѣта.

Калонгъ живетъ на индѣйскихъ островахъ, а именно на Явѣ, Суматрѣ, Бандѣ и Тиморѣ, какъ и всѣ члены этого семейства, или въ большихъ лѣсахъ, или въ рощахъ изъ плодовыхъ деревьевъ, которыя окружаютъ всѣ деревни Явы, и здѣсь преимущественно выбираетъ для своего спокойнаго пребыванія горизонтальныя вѣтви капока (*Eriodendron*) и дурьона (*Durio zibethinus*). Иногда калонгъ покрываетъ такъ густо эти вѣтви, что ихъ даже и не видно. Отдѣльныя деревья буквально бьются увѣшаны сотнями и тысячами этихъ животныхъ, которыя, не будучи ни какъ обезпечены, предаются здѣсь своему дневному сну; но спугнутыя, громадными стаями кружатся въ воздухѣ. Съ наступленіемъ вечера вся эта масса приходитъ въ движеніе, и при этомъ каждый калонгъ летаетъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ другого; но случается также, что стаи ихъ тѣсною толпою прилетаютъ вмѣстѣ на одно какое-нибудь мѣсто. Такъ, Окслей рассказываетъ, что стая этихъ живот-

ныхъ въ теченіе многихъ часовъ пролетала предъ стоящимъ на якорѣ въ Малакскомъ проливѣ кораблемъ. Логанъ видѣлъ миллионы висѣвшихъ калонговъ въ болотахъ на сѣверномъ берегу острова Сингапура: вечеромъ становилось въ воздухѣ совершенно темно отъ этой массы животныхъ. Напротивъ Гаскарль пишетъ мнѣ: «я никогда не замѣчалъ, чтобы калонгъ леталъ тѣсно скученными стаями, но постоянно видалъ въ Батавіи только отдѣльные экземпляры, впрочемъ въ значительномъ числѣ, направляющимися вечеромъ большею частію въ сторону ко взморью». Подъ деревьями, которыми калонги пользуются въ теченіе того или другого промежутка времени, какъ пріютомъ для сна, ихъ калъ находится массами и распространяетъ столь сильный запахъ, что животное часто можно почуять скорѣе при помощи обонянія, чѣмъ зрѣнія.

Въ письмѣ изъ Суматры Розенбергъ сообщаетъ: «калонгъ принадлежитъ къ числу обычныхъ животныхъ и встрѣчается какъ по берегу, такъ и внутри страны. Онъ живетъ обществами, часто большими стаями, и при заходѣ солнца направляется съ мѣста ночлега къ лѣсу, въ мѣста, гдѣ имѣется кормъ. Во время моего пребыванія въ Лумутъ мнѣ каждый вечеръ приходилось наблюдать стаю этихъ животныхъ, пролетающую на значительной высотѣ надъ небольшою крѣпостью, по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и съ восходомъ солнца возвращающуюся въ противоположномъ направленіи къ острову Мазалларъ, гдѣ и былъ ихъ пріютъ. Когда я выстрѣлилъ по довольно низко летящей самкѣ, съ груди ея сорвался дѣтенышъ; но прежде чѣмъ онъ упалъ на землю, мать, съ быстротою молніи кинувшись за нимъ внизъ, схватила его зубами, поднялась на воздухъ и улетѣла вмѣстѣ со спасеннымъ дѣтенышемъ».

Пища калонговъ состоитъ изъ самыхъ различныхъ плодовъ, въ особенности изъ многихъ родовъ смоквы и манго, ради которыхъ они массами нападаютъ на плодовые сады въ Явѣ, причѣмъ часто приносятъ значительный убытокъ. Впрочемъ они ни въ какомъ случаѣ не довольствуются одною только растительною пищею, но преслѣдуютъ также различныхъ насѣкомыхъ и даже маленькихъ позвоночныхъ животныхъ. Такъ напримѣръ, Шортъ (Shortt), къ немалому своему удивленію, недавно открылъ, что они занимаются рыболовствомъ. «Когда я жилъ въ Кондіеврамѣ», говоритъ онъ, «мое вниманіе привлекъ къ себѣ прудъ, образовавшійся отъ недавно выпавшаго дождя; онъ буквально былъ наполненъ мелкими рыбешками, которыя играли въ водѣ и часто показывались на поверхности ея. Внезапное появленіе рыбъ въ прудѣ, по временамъ высохавшемъ и снова наполнявшемся водою выпадавшаго дождя, не представляло для меня ничего новаго; вниманіе мое было направлено на множество большихъ, тяжело летавшихъ птицъ, которыя носились надъ водою, своими ногами схватывали то тамъ, то сямъ рыбку и удалялись съ своею добычею на тамариндовыя деревья, чтобы тамъ съѣсть ее. При болѣе внимательномъ наблюденіи я убѣдился, что предполагаемыя птицы были калонги. За наступившей вечерней темнотой я могъ ихъ наблюдать только короткое время; на слѣдующій вечеръ я пришелъ къ пруду часомъ раньше и замѣтилъ то же самое. Тогда я попросилъ моего спутника Уатсона зарядить свое ружье и выстрѣлить по калонгамъ, чтобы получить возможность убѣдиться вполнѣ, что это за животныя. Уатсонъ застрѣлилъ двухъ или трехъ изъ числа охотившихся за рыбой, и такимъ образомъ было разсѣяно всякое сомнѣніе въ томъ, что это были калонги. При посѣщеніи пруда въ другое время я опять замѣчалъ то же самое».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ калонги подвергаются преслѣдованію не столько вслѣдствіе причиняемаго ими вреда, сколько ради ихъ мяса. При охотѣ за калонгомъ, малаецъ пользуется сарбаканомъ, цѣлится въ крыло, какъ въ наиболѣе чув-

ствительную часть тѣла, оглушает животное и такимъ образомъ овладѣваетъ имъ, европейцы же съ большимъ усилѣхомъ стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей. Во время полета весьма легко стрѣлать по животнымъ: крылья ихъ тотчасъ же теряютъ равновѣсїе, коль скоро хотя бы единственная косточка пальцевъ была перебита дробинкой. Когда стрѣляютъ по нимъ днемъ, въ то время, когда они сонные висятъ на вѣтвяхъ, то, желая улетѣть, калонги такъ беспорядочно скучиваются, что мѣшаютъ другъ другу, а подстрѣленные, не будучи въ состоянїи расправить

Калонгъ. *Pteropus edulis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

свои крылья, обыкновенно такъ крѣпко цѣпляются за вѣтви, что не падаютъ даже и тогда, когда ихъ убьютъ. «Я видѣлъ», замѣчаетъ Гаскарль, «какъ любители охоты стрѣляли въ кучу тѣсно другъ подлѣ друга висящихъ калонговъ, причемъ падали только нѣкоторые, остальные же не отлетали прочь, хотя и дѣлались безпкойными, но подползали тѣснѣ другъ къ другу и крѣпко держались своими длинными крыльями». Ягоръ, напротивъ, рассказываетъ, что изъ общества калонговъ, при выстрѣлѣ въ него, только часть остается висѣть на деревѣ, между тѣмъ какъ вся остальная толпа кружится въ воздухѣ. Мясо калонга не вездѣ и немногими

изъ европейцевъ употребляется въ пищу. Уоллесъ замѣчаетъ, что почти только одни жители Батшіана въ Зондскомъ архипелагѣ употребляютъ въ пищу летающихъ собакъ. «Эти отвратительныя созданія» говоритъ онъ, «считаются большимъ лакомствомъ, и потому ихъ сильно преслѣдуютъ, когда въ началѣ года они являються въ большомъ числѣ на островъ, чтобы здѣсь кормиться плодами. Днемъ во время сна они легко могутъ быть пойманы или убиты палками, затѣмъ ихъ собираютъ въ корзины и относятъ домой. Приготовление изъ нихъ пищи требуетъ особой заботливости, такъ какъ ихъ кожа жиръ имѣютъ прогорѣлый запахъ, сильно похожій на запахъ лисицы. По этой причинѣ ихъ варятъ большею частью вмѣстѣ съ обильнымъ количествомъ пряныхъ кореньевъ и приправъ, и приготовленное такимъ образомъ мясо ихъ становится дѣйствительно весьма вкуснымъ, какъ мясо хорошо прожареннаго зайца». Въ неволѣ они быстро привыкаютъ къ потерѣ своей свободы, становятся ручными и ухаживать за ними не трудно. Насколько они притворливы на свободѣ, когда выбираютъ только самые сочные плоды, настолько же невзыскательными оказываются въ неволѣ, ѣдя всякіе фрукты, какіе даютъ имъ, но въ особенности предпочитаютъ мясо.

Рокъ привезъ во Францію самца-калонга. Въ продолженіе 109 дней онъ кормилъ его на кораблѣ сначала бананами, послѣ вареньемъ, затѣмъ рисомъ и въ заключеніе свѣжимъ мясомъ. Мертваго попугая калонгъ сожралъ съ большою жадностью, а когда нашли для него гнѣздо крысъ и предоставили ему крысятъ, онъ казался, повидимому, весьма довольнымъ. Наконецъ, онъ продовольствовался рисомъ, водою и сладкимъ хлѣбомъ. По прибытіи въ Гибралтаръ, ему снова дали плодовъ, и затѣмъ онъ болѣе уже не ѣлъ мяса. Ночью становился онъ рѣзвъ и пытался вылѣзть изъ клѣтки; днемъ же держалъ себя спокойно и, подобно всѣмъ летучимъ мышамъ, подвѣшивался на одной ногѣ, закутавшись въ свои крылья, въ которыя пряталъ даже и голову. Когда ему хотѣлось испражняться, онъ, подобно всѣмъ летучимъ мышамъ, также зацѣплялся переднимъ когтемъ и такимъ образомъ приводилъ свое тѣло въ горизонтальное положеніе. Онъ скоро привыкъ къ людямъ, которые за нимъ ухаживали, въ особенности же хорошо зналъ своего хозяина, позволялъ ему дотрогиваться до себя и гладить шерсть, не дѣлая никакой попытки укусить. Точно также онъ держалъ себя и по отношенію къ негрятянкѣ, которая ухаживала за нимъ на родинѣ. Другой недавно пойманный калонгъ привыкъ ласкаться къ каждому, лизать руку, какъ собака, и былъ очень доврчивъ.

Летучую собаку, которую я самъ изучалъ, хотя и въ неволѣ, можно назвать Летучей лисицей; индусы же ее называютъ «бадуль, вурбагуль и тоггуль-бавали» (*Pteropus edwardsi, medius, leucosephalus, Flugfuchs, Roussette d'Edwards*): она бываетъ длиною отъ 28—32 см., а съ распростертыми крыльями 1,1—1,25 м. Морда ея, покрытая рѣдкою шерстью, и голыя уши—чернаго цвѣта, голова и верхнія стороны боковъ отъ середины спины—темно-коричневаго, полосы, идущія вдоль горла, грудь и животъ—красновато-желто-бураго цвѣта, широкая лента на затылкѣ, служивающая къ серединѣ спины и окружающая шею—блѣдно-сѣраго цвѣта, переходящаго саади сверху и внизу, т. е. у головы и спины, въ свѣтло-бурый цвѣтъ; раекъ глаза—темно-бураго цвѣта; летательная перепонка, какъ и у большей части родовъ этого животнаго, черно-бураго цвѣта.

Летучая лисица распространена въ мѣстностяхъ отъ Бирмы, Индостана и Цейлона до Мадагаскара; предполагается, что водящаяся на Мадагаскарѣ летучая собака принадлежитъ къ одинаковому роду съ живущей въ Индіи. Здѣсь, какъ и тамъ, живетъ она въ лѣсахъ, рощахъ и садахъ въ громадномъ количествѣ;

на Цейлонѣ, по словамъ Теннента, весьма часто по всѣмъ прибрежнымъ мѣстностямъ острова; на Мадагаскарѣ и Майоттѣ, по словамъ Поллена, встрѣчается въ не менѣе многочисленномъ количествѣ; на островахъ же Согласія водятся только въ небольшомъ числѣ экземпляры, предпочитающіе больше всего отдѣльно расположенныя рощи и группы деревьевъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега.

Подобно своимъ сородичамъ, летучія лисицы живутъ обществами и, гдѣ только возможно, выбираютъ старыя деревья для своего дневного пріюта. Ихъ любимымъ мѣстомъ служилъ и служить ботаническій садъ Пераденія, недалеко отъ Канди на Цейлонѣ, гдѣ Теннентъ могъ наблюдать ихъ ежедневно. Нѣсколько лѣтъ ранѣе онѣ были здѣсь найдены и ихъ можно было осенью видѣть здѣсь ежедневно; зимою онѣ переселялись въ другія мѣста. На большихъ деревьяхъ великолѣпнаго саза онѣ висѣли такую громадную толпою, что даже крѣпкія вѣтви обламывались подъ ихъ тяжестью. Каждое утро между 9 и 11 часами онѣ летали по воздуху, повидимому, для того, чтобы упражнять свои крылья, погрѣться на солнцѣ и напиться утренней росы. Въ этомъ случаѣ онѣ составляли такіе рои, которые по ихъ скученности можно было только сравнить съ роями комаровъ или пчелъ. Полетавъ нѣкоторое время, онѣ возвращались на излюбленныя деревья съ крикомъ и шумомъ, подобно стаду обезьянъ, ссорясь и вздоря другъ съ другомъ, потому что каждая старалась занять находящееся въ тѣни мѣсто. Всѣ вѣтви, на которыхъ онѣ располагались, въ короткое время обнажались отъ листьевъ, именно вслѣдствіе этой безпокойной поспѣшности, съ какою размѣщались летучія лисицы, причемъ онѣ не обращали никакого вниманія, куда вѣтвлялись ихъ когти. Съ заходомъ солнца онѣ предпринимали свои хищническіе походы и пролетали при этомъ, по всей вѣроятности, довольно большія разстоянія, такъ какъ, вслѣдствіе своего значительнаго числа и прозорливости, онѣ по необходимости должны были занимать большія пространства.

Нѣсколько десятилѣтій спустя (1881 г.) Геккель нашелъ ихъ все еще въ качествѣ жителей Пераденія. «Одно изъ самыхъ старыхъ баньяновыхъ деревьевъ, величественная вершина котораго покоилась на многихъ стволахъ, представляло чрезвычайно странный видъ: оно было большею частью лишено своей зеленой листвы, и его голыя вѣтви, казалось, были увѣшаны большими темными плодами. Но каково же было мое изумленіе, когда, приблизившись, я увидѣлъ, какъ нѣкоторые изъ этихъ предполагаемыхъ плодовъ срывались и отлетали прочь. Нѣсколько мѣтнихъ выстрѣловъ свалило около полудюжины изъ нихъ на землю, причемъ вся стая (нѣсколько сотъ штукъ) поднялась и съ громкимъ крикомъ улетѣла прочь. Нѣкоторые изъ упавшихъ животныхъ, которые не были ранены смертельно, энергически защищались своими острыми зубами и острыми когтями. Полетъ ихъ очень отличается отъ полета нашихъ летучихъ мышей и походить скорѣе на полетъ воронъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ пьютъ они сладкое пальмовое вино, и въ сосудахъ, которые вѣшаютъ сингалезцы для собиранія его высоко на вершины пальмъ, утромъ находятъ нерѣдко пьяныхъ летучихъ лисицъ. Въ ихъ красномъ мѣхѣ, похожемъ на мѣхъ лисицы, я находилъ большихъ безкрылыхъ паразитовъ—наѣкомыхъ паукообразной формы изъ группы кровоскоковыхъ мухъ (*Nycteribia*)».

Поллепъ замѣчаетъ также, что онъ очень часто въ теченіе дня видѣлъ летучихъ лисицъ носящимися въ воздухѣ, и иногда могъ замѣтить, какъ высоко онѣ поднимались, чтобы перелетѣть къ другому лѣсу. При этомъ наблюдателю кажется, будто онъ видитъ полетъ воронъ, такъ какъ летучія лисицы, подобно этимъ птицамъ, подаются впередъ медленными и непрерывными взмахами крыльевъ. Съ наступленіемъ вечера можно видѣть, какъ онѣ носятся взадъ и впередъ вдоль лѣса по-

добно другимъ летучимъ мышамъ, и въ особенности вблизи такихъ деревьевъ, которыя растутъ по берегамъ моря или на берегу рѣкъ. На Майоттѣ Полленъ видѣлъ ихъ летающими на подобіе ласточекъ низко надъ поверхностью воды, почти касаясь ея своими крыльями; по всей вѣроятности, онѣ дѣлали это, какъ я предполагаю, для ловли рыбокъ. На Мадагаскарѣ онѣ питаются главнымъ образомъ дикими финиками и истребляютъ ихъ въ громадномъ количествѣ, насколько можно судить объ этомъ по кучамъ кала подъ деревьями, на которыхъ онѣ спятъ. На Цейлонѣ онѣ питаются гуаявами, бананами и плодами смоковницъ, иногда также цвѣточными почками различныхъ деревьевъ. Сверхъ того съ особеннымъ удовольствіемъ онѣ высасываютъ сокъ кокосовой пальмы, съ жадностью его лакаютъ и при этомъ впадаютъ въ состояніе совершеннаго оцѣненія. Не подлежитъ сомнѣнію, что, вмѣстѣ съ растительною, онѣ питаются также и животною пищею: насѣкомыми различныхъ родовъ, яйцами и птенцами маленькихъ птицъ, рыбой и, по увѣренію сингалезцевъ, также и пресмыкающимися животными, такъ какъ онѣ нападаютъ, напримѣръ, на древесныхъ змѣй. Несмотря на свою общительность, каждая летучая лисица, по словамъ Теннента, во время ѣды дѣлается предметомъ нападенія со стороны другихъ и бываетъ вынуждаема охранять захваченную добычу отъ своихъ подругъ и удалаться въ такое мѣсто, гдѣ бы она могла поѣсть спокойно. При происходящихъ въ этомъ случаѣ распряхъ, онѣ сильно кусаются, царапаютъ друга друга когтями, постоянно кричатъ, пока наконецъ преслѣдуемой не удастся достигнуть безопаснаго мѣста. Здѣсь она обыкновенно подвѣшивается одной ногой, другой же держитъ плодъ такъ, чтобы ей удобно было его ѣсть. Во время питья летучія лисицы свѣшиваютъ съ низкихъ вѣтвей надъ водою и лакаютъ жидкость, какъ собаки.

Сингалезцы и мадагаскарцы охотятся за летучими лисицами ради ихъ мяса. Послѣдніе, по словамъ Поллена, употребляютъ весьма простыя сѣти, чтобы добыть себѣ любимую дичь. На какомъ-нибудь деревѣ, которое посѣщаютъ летучія лисицы, они укрѣпляютъ на самыхъ высокихъ вѣтвяхъ два длинныхъ шеста, снабженныхъ съ каждой стороны блоками, по нимъ протягиваютъ веревки, которыя могутъ быть вздергиваемы вверхъ и опускаемы внизъ, на подобіе бичевокъ для флаговъ, и къ такимъ веревкамъ привязываютъ сѣть. Какъ только какая-нибудь изъ летучихъ собакъ повиснетъ на сѣти, охотникъ тотчасъ же, какъ можно скорѣе, тянетъ ее къ землѣ, и такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ ему удается овладѣть животнымъ, которое не успѣло или не хотѣло освободиться. Убивать ихъ выстрѣлами изъ ружья, когда онѣ сидятъ на деревьяхъ, дѣло далеко не легкое, между тѣмъ какъ во время полета ихъ можно убивать безъ труда. Когда хотятъ убить ихъ побольше, то пользуются для этого однимъ изъ раненыхъ животныхъ: его привязываютъ, чтобы заставить кричать; тогда всѣ находящіеся по сосѣдству летучія собаки съ жалобными воплями приближаются къ своему товарищу, какъ бы желая оказать помощь. Мясо ихъ, по увѣренію туземцевъ и нѣкоторыхъ изъ европейцевъ, которые преодолѣли легко понятное отвращеніе къ такому жаркому, — превосходно на вкусъ, особенно въ то время, когда летучія собаки жирны, и все тѣло ихъ представляетъ кусокъ мяса, залитого жиромъ. Мадагаскарцы бросаютъ назначенный для жаренья кусокъ летучей лисицы просто на уголья, не сдирая предварительно кожи, поворачиваютъ и переворачиваютъ его, пока онъ не сжарится. Нечего и говорить, что приготовленное подобнымъ образомъ жаркое не можетъ не возбуждать отвращенія въ цивилизованномъ человѣкѣ; впрочемъ со временемъ ко всему можно привыкнуть, особенно если предлагаемое дѣйствительно вкусно.

Изъ числа всѣхъ извѣстныхъ крылановъ удается привозить живыми въ Европу,

Дар. ЦМН. С. 66 14 Апр. 1904 г.

ХРОМО-ЛИТ. Т. КИРЬСКИЙ С. П. Б.

КРЫЛАНЫ

чаще всего только-что описанных летучих лисицъ; при соответствующемъ уходѣ онѣ живутъ въ неволѣ довольно долгое время. Въ январѣ 1871 года однимъ англичаниномъ изъ Индіи было привезено въ Европу разомъ пятьдесятъ паръ этихъ животныхыхъ; это обстоятельство дало мнѣ возможность купить нѣкоторыхъ изъ нихъ и производить наблюденія довольно долгое время. Хотя я уже и опубликовалъ мои наблюденія, однакожъ считаю полезнымъ повторить здѣсь вкратцѣ сказанное.

Въ теченіе дня летучія собаки висятъ на одной изъ своихъ ногъ, то на правой, то на лѣвой, не соблюдая при этомъ какой-либо правильности. Свободная нога въ наклонномъ положеніи сверху внизъ или сзади напередъ кладется на животъ, голова опускается на грудь и отклоняется нѣсколько на-сторону, такъ что затылокъ составляетъ крайній пунктъ тѣла, и только заостренныя уши нѣсколько выдаются внизъ. Принявши такое положеніе, животное сперва укладываетъ одно крыло съ полуразвернутой летательной перепонкой около тѣла, затѣмъ второе крыло съ нѣскольکو болѣе развернутой перепонкой—поверхъ его, и такимъ образомъ совершенно окутываетъ голову до половины лба, тѣло—до спины. Похожая на руку нога, съ ея большими, сильными, загнутыми, острыми когтями, находитъ на каждой вѣтви или проволоцѣ клѣтки надежную для себя опору, и поэтому положеніе висячей летучей собаки, представляющееся столь необыкновеннымъ несвѣдущему человеку, оказывается непринужденнымъ, удобнымъ и естественнымъ. Летательная перепонка защищаетъ глазъ отъ лучей солнца и вполне ограждаетъ отъ внѣшняго міра все органы чувствъ, за исключеніемъ ушей; но по сторонамъ головы оставляетъ все-таки пространство, достаточное для доступа воздуха, необходимого для дыханія, и такимъ образомъ лучше всякаго одѣяла укрываетъ животное. Для сообщенія съ внѣшнимъ міромъ оказывается достаточнымъ органъ слуха, который, насколько можно судить объ этомъ по короткимъ заостреннымъ и оголеннымъ ушамъ, повидимому, долженъ бы значительно уступать остротѣ этого органа у другихъ рукокрылыхъ, но все-таки онъ достаточно развитъ для того, чтобы спящее животное могло уловить каждый нарушающій тишину или угрожающій опасностью шумъ. Сонъ длится, пока солнце находится на небѣ, но по временамъ прерывается, если животному нужно совершить какое-нибудь важное или неотложное дѣло. Къ регулярнымъ занятіямъ летучихъ собакъ принадлежитъ чищенье летательной перепонки. При этомъ дѣло идетъ не объ одной только чистотѣ, но болѣе о томъ, чтобы смазать ее жиромъ и придать гибкость этому важному органу. Каждая отдѣльная часть его при помощи остраго рыльца растягивается во все стороны, и каждая отдѣльная сальная железка освобождается отъ содержимаго, затѣмъ кожа съ внутренней и внѣшней стороны облизуется языкомъ и пригладывается. Послѣ этого животное обыкновенно распластываетъ сперва одно крыло, а потомъ другое, во всю ихъ ширину, какъ бы желая убѣдиться, что никакая часть не оставлена безъ надлежащаго осмотра. Исполнивъ эту работу, животное снова закутывается, какъ и прежде. Когда является необходимость удовлетворить естественной потребности, животное развертываетъ оба крыла, съ помощью скачка перевертывается вверху головой, схватывается обоими когтями большихъ пальцевъ за вѣтвь или проволоку, на которой оно до сихъ поръ висѣло, освобождаетъ ноги, вслѣдствіе чего заднюю часть опускается книзу, и такимъ образомъ получаетъ теперь возможность испражниться, не запачкавшись и не замочившись. Непосредственно затѣмъ оно снова подвѣшивается ногами вверху и, хорошенько прикрѣпившись, принимаетъ прежнее положеніе. При заходѣ солнца, а болѣею частью нѣскольکو позже, летучія собаки пробуждаются отъ своего дневного сна, нѣскольکو освобождаясь изъ плотно окутывающаго ихъ покрова, шевелятъ

ушами, чистятъ нѣкоторое время летательную перепонку, вытягиваются и расправляются. Неровной походкой, то ползкомъ, то цѣпляясь, онѣ подвигаются впередъ, ища всюду пальцами и когтями ногъ какой-нибудь опоры, пока не достигнутъ наконецъ мѣста, гдѣ находится кормъ и сосудъ съ питьемъ. Охотнѣе всего онѣ ѣдятъ и пьютъ въ своемъ обычномъ положеніи, свѣсивъ голову надъ сосудомъ, заключающимъ въ себѣ кормъ или питье, берутъ затѣмъ одинъ кусочекъ за другимъ или пьютъ вышеуказаннымъ способомъ. Онѣ любятъ всѣ роды плодовъ, но больше всего финики, апельсины, вишни, груши, менѣе же всего яблоки и сливы; вареный рисъ имъ не очень нравится, а также и булка, хотя и то и другое, за неизмѣнимъ лучшимъ, достаточно для ихъ питанія. Кусокъ онѣ схватываютъ ртомъ, жууютъ его, при этомъ съ удовольствіемъ высасываютъ заключающійся въ немъ сокъ и оставшее, большую часть волоконъ, выплевываютъ; вообще, пожалуй, портятъ больше чѣмъ поѣдаютъ. Если данный кусокъ оказывается для нихъ великъ, то онѣ обращаются къ помощи свободной ноги; въ случаѣ надобности употребляютъ также для держанія и коготь большого пальца. Особенно любимую ими пищу составляетъ молоко, быть можетъ, благодаря своему вкусу, а можетъ быть также и потому, что онѣ чувствуютъ потребность возмѣстить недостающую имъ животную пищу. Онѣ ежедневно съ видимымъ удовольствіемъ опоражниваютъ чашечку молока, и, когда имъ показываютъ это лакомство, онѣ переходятъ въ сильное возбужденіе изъ своего сладкаго дремотнаго состоянія.

Только съ наступленіемъ настоящей темноты онѣ пробуждаются къ полной жизни. Онѣ миготъ насытились. Ихъ темные глаза свѣтло смотрятъ вдаль. Еще разъ онѣ облизали и пригладили всѣ мѣста летательной перепонки, поочередно расправили, растянули и снова сложили крылья, пригладили и вычистили чесаніемъ и лизаніемъ волосы, и—покончивъ все это, тщетно начинаютъ искать въ тѣсной клѣткѣ свободы для своихъ движеній. То приподнявши нѣсколько крылья, то сложивши ихъ совсѣмъ, непрерывно лазаютъ онѣ и вверхъ, и внизъ, то головою вверхъ, то головою внизъ, обходятъ всѣ стороны клѣтки, заползаютъ во всѣ углы ея. Жалко видѣть, какъ онѣ трудятся, чтобы открыть гдѣ-нибудь и какую-нибудь возможность удовлетворить своей любви къ движенію. Охотно хотѣлось бы имъ помочь, но, къ сожалѣнію, невозможно сдѣлать такъ, чтобы предоставить свободу всѣмъ ихъ стремленіямъ. Самая большая клѣтка была бы для нихъ все-таки мала и кромѣ того даже опасна, потому что при попыткахъ летать, хотя и въ довольно обширномъ пространствѣ, онѣ могли бы ударяться о стѣны и такимъ образомъ причинять себѣ вредъ. Въ болѣе обширномъ пространствѣ онѣ, впрочемъ, въ состояніи были бы летать съ высоко подвѣшенной клѣтки. Въ этомъ меня заставили убѣдиться мои плѣнницы, когда однажды высвободились на волю и на другое утро были найдены висящими на потолкѣ помѣщенія, гдѣ находилась клѣтка. Но имъ гораздо труднѣе взлетать на воздухъ съ земли или съ крышки стоящей на землѣ клѣтки. Сдѣланный мною опытъ наблюдать ихъ при лѣтаніи совершенно не удался. Я велѣлъ вѣнцѣсти ихъ клѣтку въ большую комнату и оставить дверцы открытыми. Обѣ летучія лисицы были совершенно бодры, лазали въ клѣткѣ, но не выходили изъ нея. Открытыя двери какъ бы не существовали для нихъ: такъ какъ имъ не случилось дѣлать подобнаго рода опыты, то имъ и въ голову не приходило мысли, что эти открытыя двери представляютъ имъ путь къ выходу на волю. Животное, привыкшее жить въ норахъ, и маленькая летучая мышь, живущая въ домахъ, навѣрное бы воспользовались открытою дверью. Наконецъ мы рѣшились силою извлечь ихъ изъ клѣтки—работа, казавшаяся намъ легкою, на дѣлѣ была не таковою; съ большимъ трудомъ пришлось отцѣплять ихъ отъ желѣзныхъ прутьевъ клѣтки, удо-

требля для этого силу. Если намъ счастливо удавалось освободить имъ обѣ ноги, онѣ схватывались когтемъ большого пальца и привѣшивались такъ крѣпко, что вельзя было освободить ихъ, не причиняя имъ боли; едва только удавалось овладѣть когтями большого пальца, какъ ноги выскальзывали изъ рукъ, или приходилось подвергнуться неожиданному укушенію, благодаря чему съ такимъ трудомъ захваченныя ноги и крючковатые когти становились тотчасъ же свободными. Но, какъ онѣ ни кусались, намъ удалось-таки наконецъ извлечь ихъ изъ клѣтки и посадить на нее. Однако надеждѣ моею, что онѣ взлетятъ на воздухъ, не суждено было осуществиться. Съ очевидною робостью лазали онѣ по внѣшнимъ стѣнкамъ клѣтки, съ любопытствомъ заглядывали во внутрь ея, изслѣдовали стѣнки со всѣхъ сторонъ, но не покидали ихъ. Тогда былъ принесенъ легкій шестъ, укрѣпленъ на нѣкоторой высотѣ надъ поломъ и на него были подвѣшены крыланы. Теперь они расправили свои сильныя крылья, отцѣпили ноги, сдѣлали, громко хлопая, нѣсколько взмаховъ крыльями и упали на полъ, гдѣ и стали ползать съ величайшею поспѣшностью и крайне неловко.

Парочка моихъ плѣнницъ жили въ совершеннѣйшемъ согласіи другъ съ другомъ. Конечно, особенной нѣжности онѣ не обнаруживали, но и ссоръ и распрей случалось между ними мало. Они ѣли одновременно изъ общаго блюда, пили вмѣстѣ изъ одной чашки и висѣли мирно вплотную другъ подлѣ друга. Такое прекрасное отношеніе не слѣдуетъ объяснять равнодушіемъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ летучія собаки обнаруживали большую страстность. Насколько онѣ казались добродушными, позволяли намъ свободно обращаться съ собою, прикасаться, гладить, настолько же становились раздражительными всякій разъ, когда кто-нибудь посторонній позволялъ себѣ беспокоить или дразнить ихъ. Крайне сердитое ворчаніе ясно давало знать тогда объ ихъ разгнѣванномъ состояніи. Страстность ихъ временами проявляется также и въ отношеніяхъ другъ къ другу, и потому двухъ летучихъ собакъ, хотя и пойманныхъ вмѣстѣ, но не свыкшихся другъ съ другомъ во время долгаго пути, заключать въ одно общее помѣщеніе довольно рискованно. Даже самка и самецъ, временно разлученные другъ съ другомъ, при новомъ знакомствѣ нерѣдко нападаютъ другъ на друга, вступаютъ въ ожесточенную борьбу и ранить настолько опасно, что который-нибудь изъ нихъ или оба погибаютъ. Въ недавнее время двухъ летучихъ лисицъ берлинскаго зоологическаго сада застали въ ожесточенной яростной борьбѣ не на животь, а на смерть. Съ величайшимъ трудомъ удалось разлучить этихъ въ высокой степени раздраженныхъ животныхъ; но было уже поздно. Побѣжденное животное издохло тотчасъ же: оно разъединеніи отъ полученныхъ ранъ; побѣдитель, все еще продолжавшій дрожать отъ гнѣва и яростно ворчать, былъ найденъ на другое утро мертвымъ на полу своей клѣтки. По изслѣдованію оказалось, что обѣ летучія лисицы вдѣпились въ одно и то же мѣсто, въ плечной суставъ. У погибшей ранѣ буквально были раздроблены укусами плечо, боковая часть груди и плечевой суставъ, разорваны кровеносные сосуды и частію раскусаны мускулы груди. Эта яростная борьба, какъ думаютъ, объясняется тѣмъ, что летучія собаки составляютъ замкнутыя общества, не хотятъ имѣть ничего общаго съ посторонними крыланами и, вѣроятно, вступаютъ въ борьбу съ каждымъ пришельцемъ. Заболѣвшій товарищъ становится для здороваго чрезъ нѣсколько дней разлуки столько же чуждымъ, какъ и новый, котораго ему приносятъ. Разница половъ не имѣетъ никакого значенія и борьба начинается.

Къ сожалѣнію, даже и при наилучшемъ уходѣ, крыланы, содержащіеся въ неволѣ, не живутъ долгое время. Имъ можно предоставить почти все, что они

утрачиваютъ вмѣстѣ съ свободой, одного только нельзя создать—условія для летанія, столь необходимаго для нихъ. Вслѣдствіе этого ихъ крылья рано или поздно покрываются нарывами, отъ которыхъ они и погибаютъ. Впрочемъ, нѣкоторые экземпляры ихъ выжили многіе годы въ лондонскомъ зоологическомъ саду и дали приплодъ. Равнымъ образомъ и мои плѣнницы въ клѣткѣ прожили много лѣтъ.

Родъ Ночныхъ Крылановъ (*Cynonycteris*) отличается отъ собственно летучихъ собакъ тѣмъ, что принадлежащія къ нему животныя имѣютъ короткій хвостъ и соединенный летательной перепонкой съ прочими большой палецъ; сосцы находятся на груди. Устройство зубовъ и всѣ остальные признаки сходны съ таковыми же у летучихъ собакъ. Родъ этотъ главнымъ образомъ распространенъ въ Африкѣ.

Водящійся по Бѣлому и Голубому Нилу исключительно на аѳіопской вѣрпой пальмѣ (*Borassus Aethiopicum*) Пальмовый крыланъ (*Cynonycteris stramineus*, *Pteropus stramineus*, *Palmflughund*, *Roussette paillée*), животное стройное; длина его тѣла равна 22—25 см., размахъ крыльевъ около 1 м. «Массивная голова его», говоритъ Гейглинъ, «съ бульдогообразными складчатыми губами и большими глазами, походить на голову собаки; мѣхъ его напередѣ шеи блестящаго оранжево-желтаго цвѣта, выше—желтаго или сѣровато-бѣлаго, ниже—чернаго.

Дорнъ (*Dorn*), по устнымъ сообщеніямъ, наблюдалъ этотъ видъ на Принцевыхъ островахъ; Гейглинъ встрѣтилъ ихъ въ верховьяхъ Бѣлаго Нила. Здѣсь пальмовые крыланы показываются непосредственно послѣ захода солнца, какъ только попугаи возвращаются послѣ своихъ грабительскихъ набѣговъ на поля, въ горные лѣса, чтобы продолжать дѣло пернатыхъ грабителей. Большихъ стай пальмовыхъ крылановъ не видно, но они всегда однакожь встрѣчаются обществомъ отъ 6 до 20 штукъ; длинными рядами они летятъ другъ за другомъ и собираются только вблизи извѣстныхъ деревьевъ съ мягкими плодами, какъ напр. манго, дынное дерево, абаката, которыми и причисляютъ значительный вредъ. На Бѣломъ Нилѣ они также живутъ только небольшими обществами и парами. Днемъ они скрываются подъ тощей листвою вѣрпой пальмы, при наступленіи же сумерекъ начинаютъ носиться всюду. «Въ свѣтлыя лунныя ночи», говоритъ Гейглинъ, «пальмовые крыланы всегда бываютъ въ бодрственномъ состояніи и движеніи, причѣмъ производятъ много шума, когда устроятся на вѣтвяхъ и даже во время полета при быстрыхъ поворотахъ. Ихъ пищу составляютъ главнымъ образомъ плоды; изъ послѣднихъ финики они предпочитаютъ всѣмъ другимъ. Во время созрѣванія сикоморъ голова и шея ихъ часто бываютъ облѣплены толстой желтой корой сока и сѣмянъ этихъ деревьевъ. Во время созрѣванія плодовъ пальмы они почти исключительно держатся на нихъ, объѣдаютъ ихъ буквально дочиста и такъ заняты этимъ дѣломъ, что ихъ легко застрѣлить, причѣмъ они падаютъ вмѣстѣ съ тяжелымъ плодомъ. Намъ удалось однажды поймать живымъ одного изъ этихъ больно кусающихся крылановъ и за немѣнѣемъ клѣтки пришлось помѣстить его въ небольшую, приготовленную изъ реберъ пальмовыхъ листьевъ клѣтку, которая на ночь была поставлена на тюкъ, недалеко отъ моей палатки на берегу. Едва только стемнѣло, какъ у плѣнника явилось желаніе двигаться. Съ визгомъ и крикомъ онъ метался въ своей тѣсной клѣткѣ и этимъ шумомъ привлѣкъ болѣе дюжины своихъ сородичей, которые, несмотря на наши выстрѣлы, всю ночь напролетъ мужественно и съ яростью, подобно птицамъ, нападающимъ на сову, толкались о клѣтку, безъ сомнѣнія, съ намѣреніемъ освободить своего товарища».

Къ этому же роду принадлежитъ также единственный видъ, который я имѣлъ случай изучить на свободѣ, Нильскій крыланъ (*Cynonycteris aegyptiacus*, *Pteropus aegyptiacus*, *geoffroyi*, *Niflughund*, *Roussette d'Egypte*); видъ этотъ распространенъ по всему Египту и Судану и всегда встрѣчается вблизи большихъ сикоморъ, нерѣдко по-

падаетъ и въ дельтѣ. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ по естественной исторіи говорится, будто днемъ онъ находитъ для себя убѣжище во внутренности пирамидъ. Но это рѣшительно невѣрно: этотъ крыланъ, какъ и всѣ остальные, спитъ на деревьяхъ

Для насъ было особеннымъ наслажденіемъ въ Египтѣ наблюдать въ прекрасные, ясные лѣтніе вечера этихъ летучихъ собакъ, когда онѣ набрасывались на никому ненужные плоды сикомора и спокойно ѣли въ прекрасныхъ густолиственныхъ вершинахъ этихъ деревьевъ. Мои слуги, два нѣмца, сначала, повидимому, думали найти въ этихъ животныхъ ужасныхъ кровопійцъ и преслѣдовали ихъ какъ опасныхъ, по ихъ мнѣнію, животныхъ, а потомъ уже только ради удовольствія, доставляемаго увлекательной охотой, которая часто длилась до полуночи. Мы убили многихъ и вначалѣ безъ всякаго труда; но съ теченіемъ времени крыланы сдѣлались боязливыми и всегда только тихо и обыкновенно съ противоположной стороны прилетали, такъ что бывало трудно замѣтить ихъ въ темныхъ вершинахъ дерева. Раненые, съ перебитыми крыльями, громко кричали и больно кусались. Пойманные мною, спустя короткое время, погибли; но другимъ изслѣдователямъ удавалось содержать это животное долгое время живымъ, и оно дѣлалось весьма ручнымъ и доврчивымъ. Такъ, Зелеморъ привезъ пару ихъ въ Шёнбруннъ и приучилъ ихъ къ себѣ настолько, что они тотчасъ же подлетали къ нему, когда онъ держалъ предъ ними финикъ. Равнымъ образомъ и постороннимъ они позволяли себя гладить и чесать ихъ шерсть.

Взрослыя летучія собаки этого вида достигаютъ почти 16 см. длины тѣла, размахъ крыльевъ 90—95 см. Короткій, мягкій мѣхъ ихъ вверху свѣтло-сѣробураго цвѣта, внизу—свѣтлѣе, по бокамъ и на рукахъ—блѣдно-желтаго цвѣта; летательная перепонка имѣетъ сѣро-бурую окраску.

Третій видъ, Златошейный крыланъ (*Cynonycteris collaris*. Halsbandflughund. *Roussette à collier*), водящійся въ Южной Африкѣ, не великъ ростомъ, съ блѣдно-желтымъ мѣхомъ и съ красивой, золотисто-желтой полосой на шеѣ у самцовъ; живетъ онъ въ неволѣ несравненно лучше летучей лисицы, такъ какъ крылья его не подвергаются заболѣванію, въ видѣ нарывовъ. Въ лондонскомъ зоологическомъ саду видъ этотъ живетъ уже около 20 лѣтъ и постоянно плодится.

* * *

Изъ 300 извѣстныхъ видовъ летучихъ мышей около 195 принадлежитъ къ гладконосымъ (*Gymnonychia*); группа эта въ послѣднее время раздѣлена на три семейства. Общіе признаки этой группы слѣдующіе: носъ не имѣетъ листовидныхъ придатковъ, уши съ козелками, остробугорчатые коренные зубы имѣютъ зубцы, похожіе на букву W. Въ другомъ отношеніи зубы разнообразны и на отличіяхъ ихъ основано раздѣленіе на роды. На верхней челюсти бываетъ 2—4 или 6 острыхъ рѣзцовъ, но иногда ихъ вовсе нѣтъ. Въ нижней челюсти рѣзцовъ бываетъ обыкновенно 4, рѣже—6, а въ исключительныхъ случаяхъ—2. Кромѣ того замѣчаются хорошо развитые клыки; ложнокоренныхъ отъ 1—3 съ каждой стороны верхней, и отъ 2—3—нижней челюсти, и по 3 настоящихъ коренныхъ на каждой сторонѣ обѣихъ челюстей, такъ что общее число зубовъ колеблется между 28—38. Шпоры въ этой группѣ очень развиты и снабжены иногда особой перепонкой, на присутствіи или отсутствіи которой основано различіе нѣкоторыхъ родовъ.

Величина гладконосыхъ бываетъ очень различна,—есть виды между ними, у которыхъ, при длинѣ тѣла въ 13 см., размахъ крыльевъ достигаетъ 60 см., а также есть такіе, у которыхъ длина тѣла около 3 см., а размахъ крыльевъ не больше 18 см. Насколько извѣстно въ настоящее время—гладконосыя въ наибольшую

шести количествъ встрѣчаются въ Америкѣ; затѣмъ больше всего ихъ находятъ въ Европѣ, но едва ли можно сомнѣваться, что въ Ази и Африкѣ ихъ все же больше, чѣмъ въ Европѣ. За исключеніемъ холоднаго пояса они распространены по всей землѣ, живутъ даже на значительной высотѣ въ горахъ. Объ ихъ мѣсто-пробынаніи сказано выше; можно только еще прибавить, что большая часть ихъ предпочитаетъ пещерамъ—деревья, именно вѣтви, кору и дупла. У многихъ видовъ бобы живутъ въ большомъ согласіи между собой, у другихъ—по одиночкѣ, или въ крайнемъ случаѣ небольшими обществами. Питаются гладконосыя почти исключительно насѣкомыми, иногда также мелкими позвоночными; крупные виды чѣще, чѣмъ думаютъ, нападаютъ на мелкихъ сородичей и пожираютъ ихъ, но есть ли между ними виды, питающіеся плодами, еще достовѣрно неизвѣстно. Вообще можно смѣло сказать, что всѣ виды этого семейства принадлежатъ къ полезнѣйшимъ млекопитающимъ и никакого вреда не приносятъ. По развитію эти летучія мыши стоятъ ниже летучихъ собакъ, но зато гораздо подвижнѣе ихъ. Ловкій полетъ ихъ отличается внезапными и быстрыми поворотами, такъ что хищная птица почти не можетъ поймать ихъ на лету; бѣгаютъ и лазаютъ онѣ тоже очень ловко. Изъ высшихъ чувствъ больше всего развито у нихъ чувство слуха, затѣмъ зрѣніе и осязаніе, и наконецъ обонаніе и вкуса. Объ ихъ умственныхъ способностяхъ сказано уже выше.

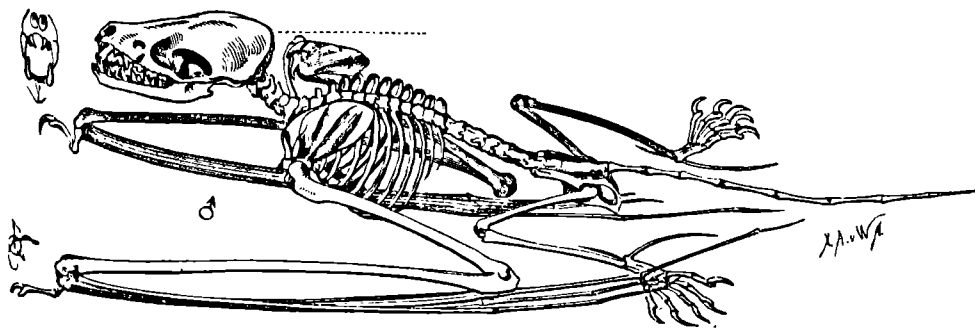
Семейства называются: Короткохвостыя, Скрытохвостыя и Равнохвостыя. У короткохвостыхъ (*Brachyura*) у основанія большого пальца крыла есть особая кожца; и летательная перепонка около голени выступаетъ далеко за хвостъ, конецъ котораго свободно отгибается въ сторону; у скрытохвостыхъ (*Gymnura*) большой палецъ только отчасти окруженъ кожей, летательная перепонка ногъ по всей своей длинѣ приросла къ хвосту и даже далеко заходитъ за конецъ его; у равнохвостыхъ (*Vespertiliones*), наконецъ, летательная перепонка ногъ почти такой же длины, какъ хвостъ, такъ что послѣдній или совсѣмъ исчезаетъ или выдается только небольшимъ кончикомъ. Первыхъ, т. е. короткохвостыхъ, въ Европѣ въ насчитываютъ; второе семейство, скрытохвостыхъ, имѣетъ въ Европѣ только одного представителя, живущаго по побережью Средиземнаго моря; что касается равнохвостыхъ или летучихъ мышей въ тѣсномъ смыслѣ, то ихъ насчитываютъ въ Европѣ до 29 видовъ. Изъ нихъ для обстоятельнаго описанія мы выбираемъ только нѣкоторые.

къ Ушанамъ (*Plecotus Bindeohr. Oreillard*) относятся очень распространенныя, насчитывающія нѣсколько видовъ, летучія мыши, которые отличаются слѣдующими признаками: уши надъ теменемъ срастаются; длинный ушной клапанъ или козелокъ къ концу суживается; крылья коротки и широки, вслѣдствіе чего эти животныя только порхаютъ и летаютъ не очень скоро; хвостъ почти такой же длины, какъ и туловище; на ногѣ со шпорой нѣтъ выдающихся боковыхъ лопастей кожи. Въ каждой части межчелюстной кости по 2 рѣза, въ нижней челюсти—6 сильныхъ рѣзцовъ; кромѣ того съ каждой стороны сверху и внизу по одному сильному клыку, въ верхней челюсти съ каждой стороны по два одно-бугорчатыхъ и за ними по 3 много-бугорчатыхъ, въ нижней челюсти по 3 много-бугорчатыхъ коренныхъ зуба, изъ которыхъ сверху одинъ и внизу два нужно считать ложно-коренными зубами,—всего, значитъ, 36 зубовъ.

Ушанъ обыкновенный (*Plecotus auritus, Vespertilio auritus, cornutus, otus, brevimanus. Ohrenfledermaus. Oreillard d'Europe*) при размахѣ крыльевъ въ 24 см. имѣетъ длину тѣла только 8,4 см.; изъ нихъ еще около 4 см. надо считать на хвостъ. Уши очень длинныя сравнительно съ величиной всего тѣла, а именно

3,3 см. Морда покрыта длинными волосами, идущими до ноздрей и вокруг глаз; бѣловатые волосы свѣшиваются по сторонамъ морды и надъ краемъ верхней губы. Мѣхъ довольно длинный, разныхъ оттѣнковъ, — сверху сѣро-бурый, съ нижней стороны нѣсколько свѣтлѣе; у молодыхъ животныхъ темнѣе, чѣмъ у старыхъ. Летательныя перепонки тонки, нѣжны и гладки, свѣтло-сѣро-бураго цвѣта; у самаго тѣла онѣ покрыты рѣдкими и чрезвычайно тонкими волосками. Особенно замѣчательны, равняющіяся почти длинѣ туловища, уши, имѣющія отъ 22—24 поперечныхъ складокъ, и сзади — правильно закругленный изгибъ. Козелокъ достигаетъ почти половины длины уха, къ концу суживается и замѣтно отгибается кнаружи; онъ, какъ и само ухо, состоитъ изъ крайне нѣжной и тонкой кожицы.

Ушанъ встрѣчается во всей Европѣ, за исключеніемъ тѣхъ странъ, которыя лежатъ за 60° сѣверной широты. Кромѣ того ихъ наблюдали въ сѣверной Африкѣ, западной Азіи и Остѣ-Индіи. Онъ нигдѣ не считается рѣдкостью, а въ сѣверной и средней Германіи это — одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ видовъ; живетъ всегда отдѣльно или небольшими группами. Повсюду онъ держится недалеко отъ человѣческихъ жилищъ, лѣтомъ привѣшивается иногда для сна на оконныхъ ставняхъ, въ

Скелетъ большого нетопыря. *Vespertilio myotis*. Паст. вел.

дуплахъ деревьевъ, зимой забирается въ ледники, подъ своды, въ известняковыя пещеры. Въ городахъ, по словамъ Альтума, онъ выбираетъ незастроенныя мѣста — площадки, обсаженныя деревьями и кустами, иногда попадаетъ въ бесѣдки и строенія, стоящія въ саду. Въ гористыхъ странахъ, напр. на Гарцѣ или на Альпахъ ушаны не поднимаются выше лѣсной полосы. Лѣтомъ ихъ чаще всего можно видѣть летающими на лѣсныхъ прогалинахъ и просѣкахъ, въ садахъ и аллеяхъ. Рѣдко поднимаются они выше 15 метровъ, обыкновенно летаютъ гораздо ниже, хлопаютъ крыльями и летятъ медленно, впрочемъ могутъ и разнообразить свои движенія. «Онѣ любятъ летать», говоритъ Альтумъ, «около плодовыхъ деревьевъ: подобно бражникамъ, отыскиваютъ свою пищу въ цвѣтущихъ растеніяхъ, причемъ по временамъ останавливаются неподвижно во воздухѣ, словить паука или моль и опять продолжаетъ летать». Во время полета онъ сгибаетъ свои громадные уши, очень подвижныя вслѣдствіе безчисленныхъ поперечныхъ складокъ и наклоняетъ ихъ дугообразно впередъ книзу, такъ что тогда торчатъ вверхъ только острые, длинные козелки. Когда ушанъ виситъ, то чаще всего складываетъ свои уши назадъ подъ крылья. Во время зимней спячки, по словамъ Коха, онъ виситъ на открытомъ мѣстѣ, рѣже въ расщелинахъ и обыкновенно по близости отъ входа въ свое убежище; можетъ выносить довольно значительный холодъ. Кохъ самъ находилъ ушановъ въ Далленбургскомъ замкѣ, въ стѣнахъ, которыя вблизи висащихъ живот-

ныхъ были покрыты нѣсколько недѣль сряду толстыми ледяными сосульками. Несмотря на то, что ушаны нечувствительны къ холоду, они очень рано забораются въ свое убѣжище, уже съ октября, и зимняя спячка ихъ длится до марта. Въ концѣ юня или въ началѣ юля самка приноситъ дѣтенышей. Пятается ушанъ преимущественно насѣкомыми, которыхъ ловить на лету и, по наблюденію Альтума, хватаетъ ихъ также съ листьевъ; это послѣднее, впрочемъ, оспаривается другими наблюденіями.

Ушановъ, подобно большей части летучихъ мышей, очень мучатъ всевозможные паразиты; кромѣ того имъ часто грозитъ опасность со стороны кунницъ, хорьковъ, нѣкоторыхъ дневныхъ хищныхъ птицъ, совъ, а иногда также и кошекъ. Хищные звѣри подкрадываются къ нимъ днемъ, а совы ловятъ ночью, когда они вылетаютъ за добычей,—въ это время даже и мелкія, ловкія ночныя хищныя птицы безъ труда хватаютъ ихъ на-лету.

Ушаны больше всѣхъ другихъ рукокрылыхъ выдерживаютъ неволю: при тщательномъ уходѣ они могутъ жить въ ней нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ. Вслѣдствіе этого ихъ выбираютъ чаще, чѣмъ другихъ летучихъ мышей, для наблюденій надъ условіями жизни рукокрылыхъ. Ихъ можно до извѣстной степени приручить. Фабержъ въ продолженіи многихъ недѣль производилъ наблюденія надъ жившимъ у него ушаномъ. Обыкновенно въ сумерки ушанъ былъ очень подвиженъ, леталъ часто и въ продолженіи дня, а въ серединѣ ночи отдыхалъ. Онъ легко и долго носился по комнатѣ, по большей части держа крылья спокойно, впрочемъ, могъ на лету опускать и расправлять ихъ. Чтобы миновать какое-нибудь препятствіе, онъ описывалъ дугу, быстро опускался на землю и безъ труда опять подымался на воздухъ. По стѣнамъ онъ лазалъ замѣчательно ловко при помощи большихъ пальцевъ переднихъ конечностей. Длинныя уши его были въ постоянномъ движеніи: онъ то приподнималъ ихъ, какъ лошадь, при малѣйшемъ шумѣ, то отгибалъ назадъ, на подобіе роговъ у молодыхъ барановъ, когда слышалъ продолжительный и сильный шумъ. Въ спокойномъ состояніи онъ постоянно складывалъ уши, часто вертѣлъ головою, облизывалъ себя языкомъ и нюхалъ во всѣ стороны носомъ. Какъ всѣ летучія мыши, этотъ ушанъ сильно страдалъ отъ всевозможныхъ паразитовъ и часто когтями чесалъ себѣ голову и все тѣло. Въ холодную погоду онъ сидѣлъ смирно. Какъ только заходило солнце, онъ начиналъ двигаться и бѣгалъ по клѣткѣ взадъ и впередъ. Запахъ отъ него былъ довольно неприятенъ, но все-таки сноснѣе, чѣмъ отъ другихъ видовъ. Прожорливость его, даже въ неволѣ, была чрезвычайно велика. Если къ нему пускали мухъ, то онъ сейчасъ-же начиналъ за ними охотиться и чтобы насытиться ему нужно было отъ 60—70 такихъ насѣкомыхъ. Онъ переваривалъ почти такъ же быстро, какъ и пожиралъ, и еще во время ѣды наполнялъ клѣтку своими черными испражненіями. Добычу ушанъ замѣчалъ не глазами, а помощью своего тонкаго слуха и обонянія. Какъ только мимо него пролетали мухи, ушанъ тотчасъ ихъ замѣчалъ, обнюхивалъ кругомъ, наострялъ и поворачивалъ уши, оставившись передъ мухой и ватѣмъ, съ распущенными крыльями, бросался на нее, чтобы поймать добычу, старался вогнать ее подъ крылья и потомъ схватывалъ ее съ клоненной впередъ мордой. Онъ быстро пережевывалъ пищу, проглатывалъ ее съ помощью языка,—при чемъ ловко выплевывалъ твердыя части, которые были ему не по вкусу, напр. ноги и крылья. Мертвыхъ насѣкомыхъ онъ ѣлъ только въ случаѣ сильнаго голода, но если только его добыча шевелилась, то всегда быстро бросался на нее. Послѣ окончанія ѣды онъ свертывался и сидѣлъ спокойно.

Ушаны принадлежатъ къ тѣмъ летучимъ мышамъ, на которыхъ, какъ я говорилъ выше (стр. 337), кромѣ ихъ постоянныхъ паразитовъ—блохъ, пауковъ и клещей.

нападаютъ еще кровососъ изъ того же отряда, но ушаны въ свою очередь похищаютъ и ихъ.

* * *

Родъ *Нетопырей* (*Vespertilio*, *Nachtschwirrer*, *Chauves-souris*) отличается свободными, т. е. не сросшимся продолговато-круглыми ушами съ удлиненнымъ ланцето-виднымъ козелкомъ; сравнительно широкими и короткими, но не короче тѣла.

Ушанъ обыкновенный. *Plecotus auritus* Наст. вел.

крыльями, безъ шпорцовыхъ лопастей; въ большинствѣ случаевъ короткимъ хвостомъ и довольно густымъ мѣхомъ, сверху сѣровато-бурого, снизу бѣловатаго, изрѣдка болѣе темнаго цвѣта. Зубовъ 38, — именно — 2 рѣзца въ верхней челюсти, 6 — въ нижней, по 3 — одно-бугорчатыхъ и 3 — многобугорчатыхъ коренныхъ зуба съ каждой стороны вверху и внизу; изъ нихъ два первыхъ нужно считать ложно-коренными зубами.

У подрода *Стрыхъ* летучихъ мышей (*Myotis*) уши длиннѣе головы, снабжены 9—10 поперечными складками, не имѣютъ посрединѣ наружнаго края выемки и вы-

даются, если их пригнуть за конец мордочки. Конец хвоста выступает свободно из летательной перепонки, нижний край которой не покрыт волосами.

Сърая летучая мышь или Большой нетопырь (*Vespertilio* [*Myotis*] *murinus*, *myotus*, *submurinus*, *Scotophylus murinus*, *Mauseohr*, *Chauve-souris ordinaire*) встрѣчается по всей средней Европѣ—отъ Англіи, Дани и средней Россіи, на югѣ Европы, въ сѣверной Африкѣ и въ большей части Азіи—до Гиммалайскихъ горъ. Это—самая большая изъ нашихъ туземныхъ летучихъ мышей, отъ 12—13 см. длины; изъ нихъ 5,3 приходится на хвостъ, размахъ крыльевъ—37 см. Съ верхней стороны пепельно-бурого цвѣта съ ржаво-краснымъ отливомъ, съ нижней—грязно-бѣлаго; отдѣльные волоски двухцвѣтные; при основаніи буровато-черные, на верхушкѣ свѣтлѣе; сравнительно тонкокожія просвѣчивающія уши и летательныя перепонки свѣтло-коричневаго цвѣта; молодые нетопыри окрашены болѣе пепельно-сѣрымъ цвѣтомъ.

Съ начала марта и до октября нетопыря всегда можно встрѣтить на обычныхъ мѣстахъ; его легко узнать по беспомощному тяжелому полету, болѣею частью прямому, безъ извивовъ. Нетопырь живетъ и на горахъ, гдѣ подымается до 1200 метровъ надъ уровнемъ моря. Онъ обыкновенно держится цѣлый день подъ крышами старыхъ, большихъ необитаемыхъ строеній, замковъ, церквей, иногда въ старыхъ каменныхъ стѣнахъ и подъ сводами, рѣже въ ямахъ и пещерахъ; здѣсь многочисленными обществами, часто тѣсно прижавшись, висятъ цѣлыми кучами, какъ бы клубками; не терпятъ по сосѣдству съ собой другихъ видовъ летучихъ мышей и даже при случаѣ на нихъ нападаютъ. На чердакѣ гостиничной церкви въ Ветцларѣ эти животныя, по словамъ Коха, лѣтомъ собираются въ такомъ множествѣ, что испраженія ихъ образуютъ цѣлыя кучи, высотой съ одинъ футъ, которыя можно прямо нагружать на телеги и пользоваться ими какъ удобреніемъ. Осенью нетопырей уже не находятъ; они опять возвращаются только послѣ того, какъ молодые станутъ летать вмѣстѣ со взрослыми. Зимой нетопыри ищутъ для своего пребыванія своды, пещеры и рудники или каменоломни; гдѣ много каменоломень, рудниковъ, какъ у Дилленбурга, въ Герборнѣ на Данѣ, въ Вестфаліи и т. д. тамъ они зимою распространены по всей области; встрѣчаются поэтому отдѣльно, рѣже по два и по три вмѣстѣ, а въ мѣстностяхъ, гдѣ для зимней спячки мало удобныхъ мѣстъ, собираются большими обществами и висятъ кучами или клубками отъ 30 до 50 и болѣе штукъ. Во время зимней спячки они залѣзаютъ далеко въ глубину рудника, пещеръ и сводовъ и висятъ здѣсь обыкновенно свободно, хотя тоже случается, что отдѣльныя животныя, именно самки, забираются въ щели и расщелины. Такъ какъ они болѣе кусаются и очень злы, то отъ себя прогоняютъ всѣхъ мелкихъ летучихъ мышей, за исключеніемъ кровососовъ; слабѣйшіе имѣютъ полное основаніе избѣгать ихъ, потому что они, какъ наблюдалъ Кохъ на пойманныхъ экземплярахъ, убиваютъ ихъ и пожираютъ.

Къ концу весны самка мечетъ обыкновенно одного дѣтеныша, рѣдко двухъ; вначалѣ она ихъ съ большою нѣжностью носить съ собою, но скоро бросаетъ, тѣмъ болѣе, что дѣтеныши необыкновенно быстро растутъ; такъ что къ началу зимней спячки не отличаются отъ старыхъ. При продолжительной оттепели зимой, залегшіе въ зимнюю спячку нетопыри пробуждаются, шевелятся, но не отваживаются вылетать, такъ же, какъ не любятъ и лѣтомъ летать въ пасмурные холодные дни. Даже при благоприятной погодѣ они вылетаютъ только по наступленіи сумерекъ.

«Соотвѣтственно ширинѣ крыльевъ», говоритъ Альтумъ, «полетъ ихъ медленный, можно сказать, вялый, беспомощный, въ родѣ вороньяго. Широко размахивая крыльями, летитъ нетопырь, не дѣлая быстрыхъ поворотовъ подъ острымъ угломъ.

прямо, надъ широкой проѣзжей дорогой, вдоль широкихъ аллей, по пустымъ площадямъ въ городѣ, вдоль большихъ улицъ и т. д., не подымаясь выше, какъ на 5, 6—8 метровъ надъ землей. Онъ, кажется, никогда не спѣшитъ, между тѣмъ какъ другіе представители этого рода находятся въ вѣчной суетѣ. Каждый отдѣльный вылетъ его за добычей длится не болѣе 5 минутъ. Я встрѣчалъ его не иначе, какъ въ близости городовъ или возлѣ надворныхъ строеній въ большихъ помѣстьяхъ. Онъ избѣгаетъ даже опушекъ лѣса, а равно и узкихъ улицъ, тѣсныхъ угловъ, низкихъ кустарниковъ; но не любитъ также и слишкомъ близко подлетать къ домамъ, деревьямъ и т. п., а держится на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ; не летаетъ низко надъ крышами, не забирается въ углы, летитъ большею частью надъ серединой широкихъ улицъ. Несмотря на спокойный однообразный полетъ нетопыря, онъ летаетъ все-таки такъ же быстро, какъ и нетопырь-карликъ. У него очень развиты осязаніе и слухъ, поэтому уже на значительномъ разстояніи онъ различаетъ добычу; внезапно быстрыми боковыми поворотами онъ неожиданно подлетаетъ къ ней совсѣмъ близко и схватываетъ ошеломленное животное. Я самъ видѣлъ, какъ онъ, на разстояніи 3 метровъ, почти незамѣтно тихо повернулся въ сторону на майскимъ жукомъ; иначе было бы необъяснимо, какъ онъ, при своемъ однообразномъ полетѣ, можетъ ловить насѣкомыхъ, летающихъ гораздо быстрѣе майскаго жука, какъ, напр., ночныхъ бабочекъ, а между тѣмъ онъ ихъ несомнѣнно истребляетъ въ большомъ количествѣ».

Нетопыри, по словамъ Коха, очень хорошо переносятъ неволю, приучаются даже къ мясной пищѣ, но не доставляютъ хозяину своему никакого удовольствія и хотя скоро становятся довольно довѣрчивыми, но все же не легко приручаются

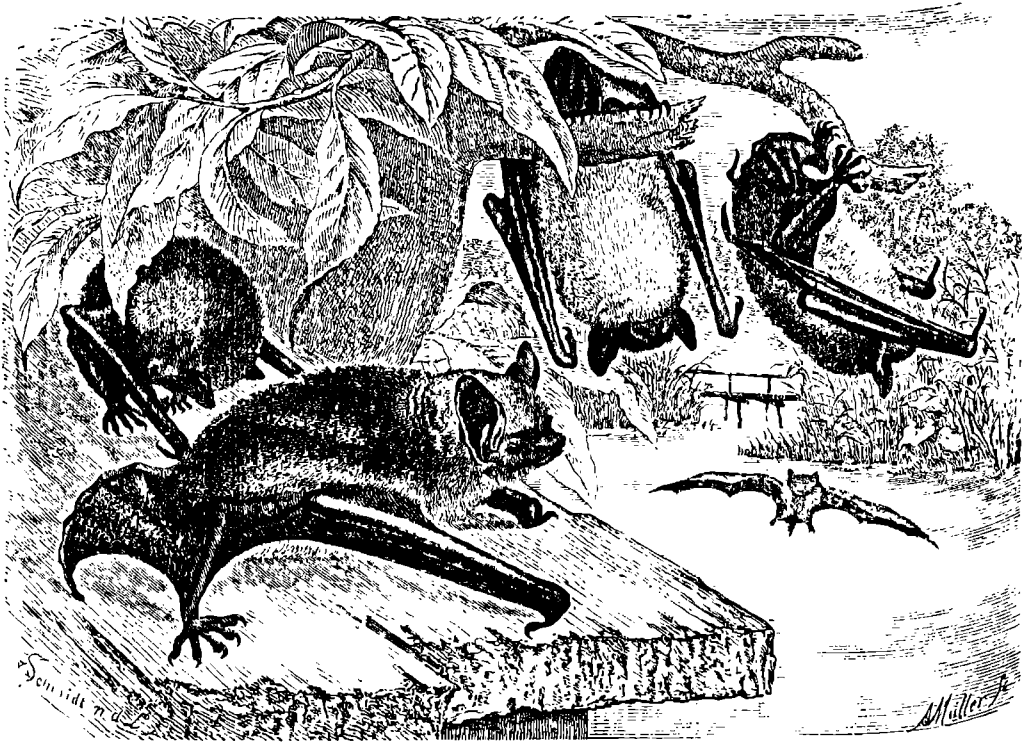
* * *

Подродъ—Короткоухія или Водяныя летучія мыши (*Brachyotus*) сходны съ нетопырями почти во всемъ, даже по расположенію зубовъ; отличаются только слѣдующими особенностями: болѣе короткія уши ихъ съ поперечными полосками, будучи пригнуты впередъ, не выдаются за конецъ мордочки; затѣмъ летательная перепонка хвоста, которая на заднемъ краѣ обыкновенно бываетъ безъ шерсти, въ некоторыхъ случаяхъ покрыта очень рѣдко стоящими волосками.

Одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ видовъ этой группы—Водяная или Красная короткоухая летучая мышь (*Vespertilio* [*Brachyotus*] *daubentonii*, *Myotis daubentonii*, *Vespertilio schinzii*, *aedilis*, *emarginatus*, *volgensis*, *Leuconoe danbentonii*, *Wassersfledermaus*, *Vespertillon de Daubenton*). Размахъ крыльевъ ея 23—24 см., общая длина тѣла 8,5 см., изъ которыхъ 4,7 составляютъ длину туловища, а 3,8 см., длину хвоста. Ее легко отличить отъ другихъ летучихъ мышей такой же величины по короткимъ ушамъ съ удлинненнымъ узкимъ козелкомъ и по отсутствію шпорцевъ; сверху она красновато-сѣро-бураго цвѣта, а снизу грязно-бѣлаго. Тонкокожистыя летательныя перепонки и уши сѣро-бурыя; послѣднія у основанія нѣсколько свѣтлѣе. Шерсть двуцвѣтная: у основанія черная, а концы волосъ свѣтло сѣро-бурые, снизу—бѣлые.

Водяная летучая мышь живетъ почти во всей Европѣ и, кажется, въ части Азіи; встрѣчается въ Германіи, Швеціи, Финляндіи, по всей западной Франціи, въ Венгріи, Сициліи, Сардиніи, средней Россіи и на Уралѣ. Въ гористыхъ странахъ поднимается довольно высоко, на Гарцѣ—на 600, а на Альпахъ—на 1200 метровъ надъ уровнемъ моря. Въ богатыхъ водой мѣстностяхъ она встрѣчается часто и мѣстами даже въ громадномъ количествѣ; появляется весной уже въ началѣ марта, а засыпаетъ въ концѣ октября. Для зимней спячки выбираетъ себѣ душистыя

деревья, своды, ямы, трещины въ скалахъ и разрушенныя зданія, но больше любить забираться въ темныя углы въ известняковыхъ пещерахъ, старыхъ штольняхъ, гдѣ или виситъ свободно, или заползаетъ въ тѣсныя щели. Повсюду, гдѣ она часто встрѣчается, живетъ обществами и только въ безводныхъ гористыхъ мѣстностяхъ — по одиночкѣ. На охоту за добычей вылетаетъ какъ только начнетъ смеркаться, иногда отлетаетъ на разстояніе въ четверть часа отъ своего убѣжища къ водѣ и быстро летаетъ надъ ней. Альтумъ говоритъ, что около Мюнстера она представляетъ обыкновенное явленіе вездѣ, гдѣ есть вода, все равно, стоячая или текучая, но только не заросшая очень высокими растеніями; недалеко отъ Берлина, гдѣ она также представляетъ очень обыкновенное явленіе, летучая мышь эта водится въ громадномъ количествѣ.

Водяная летучая мышь. *Vespertilio daubentonii*. Ил. в. вел.

«Большіе пруды», говоритъ Альтумъ, «съ нависшими надъ ними деревьями, окруженными садами и развалившимися каменными стѣнами, составляютъ любимѣйшее ея мѣстопребываніе. Полетъ ея очень быстръ и ловокъ; она летаетъ когда наступятъ уже сумерки, преимущественно надъ такими мѣстами, гдѣ темнѣе отъ деревьевъ или отъ какихъ-нибудь строеній, и представляется какимъ-то свѣтло-сѣрымъ призракомъ надъ темной поверхностью воды; ловя насекомыхъ, она очень низко проносится надъ водой; если встрѣчаетъ мосты, то залетаетъ подъ нихъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы тамъ оказались плывущія съ людьми лодки. Въ этомъ отношеніи она походитъ на летучую мышь-карлицу, которая тоже рѣшается залетать подъ проѣзжныя ворота или даже въ комнаты, гдѣ ищетъ укромнаго уголка, но больше пяти минутъ на одномъ мѣстѣ не остается и опять перелетаетъ на прежнее». Утомленная охотой эта летучая мышь привѣшивается для временнаго отдыха къ вѣт-

вямъ деревьевъ, растущихъ у воды, или къ стѣнамъ каменныхъ зданій, гдѣ часто можно наблюдать цѣлые ряды этихъ летучихъ мышей.

* * *

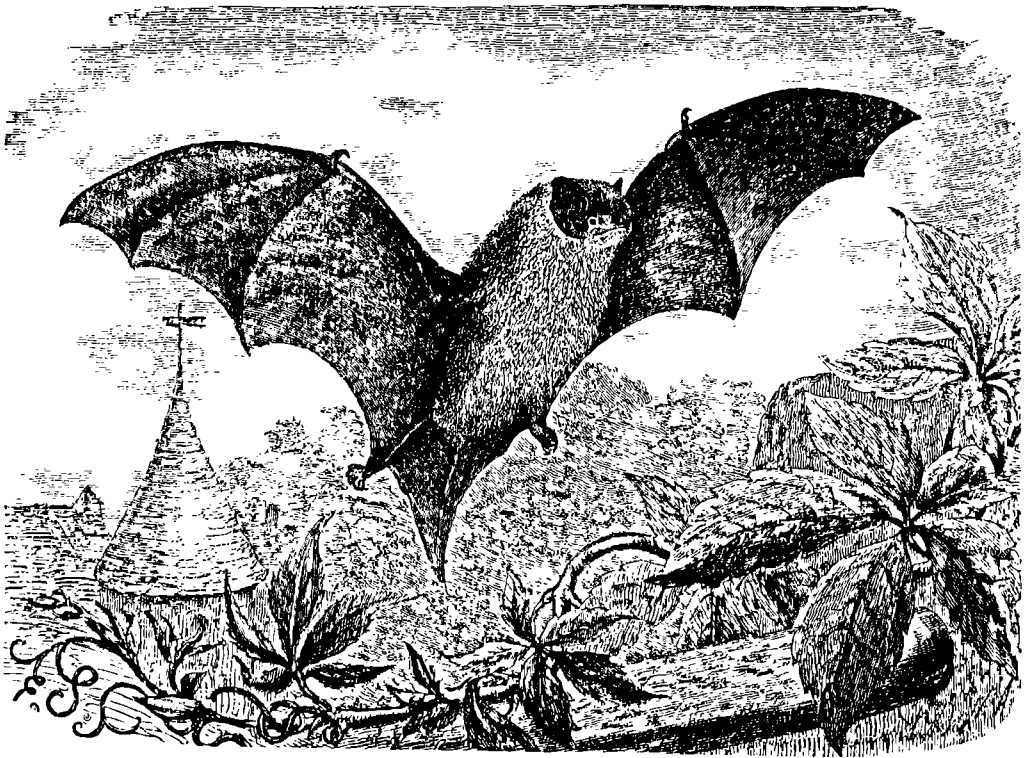
Родъ Ранолетающихъ летучихъ мышей (*Vesperugo*), распадающійся также на многіе подроды, отличается раздѣльными, не сросшимися, спереди закругленными, относительно короткими, толстокожими, мясистыми и темными ушами, въ которыхъ замѣчается козелокъ широкій, внутри съ выемкой, а снаружи выдающійся угломъ; гибкіи, довольно длинныя, толстокожія крылья со шпорцами; хвостъ величиной превышаетъ длину всего тѣла. Зубовъ у этихъ летучихъ мышей отъ 32—34, — по 2 рѣзца въ каждой вѣтви межчелюстной кости внизу, 6 сплошныхъ рѣзцовъ и, кромѣ клыковъ, еще вверху съ каждой стороны по одному или по два однобугорчатыхъ и по 3 многобугорчатыхъ, а въ нижней челюсти — по 2 одно- и по 3 многобугорчатыхъ коренныхъ зубовъ.

Подродъ Горныхъ летучихъ мышей (*Meteorus*) отличается 32 зубами и тѣмъ, что ушной клапанъ или козелокъ вверху нѣсколько расширенъ и концомъ направленъ впередъ; изъ представителей этого подрода замѣчательна Бродячая летучая мышь (*Vesperugo [Meteorus] nilssonii*. *Vesperus*, *Aristippe nilssonii*, *Vespertilio borealis*, *brachyotus* *Wanderfledermaus*. *Noctule de Nilson*); она средней величины, длина тѣла ея — 10 см., хвоста — 4, 5 см. и размахъ крыльевъ — 26 см.; сверху она чернобурого цвѣта, снизу — немного свѣтлѣе; молодья — темнѣе и болѣе грязнаго цвѣта, чѣмъ старья. Толстокожія уши и летательныя перепонки черно-бурья; волоса вездѣ двувѣтныя: у основанія темно-коричневые, концы свѣтлые желтовато-коричневые. «Свѣтлые концы волосъ верхней поверхности тѣла», говоритъ Блазіусъ, «образуютъ какъ-бы золотой отливъ на темно-коричневомъ фонѣ и придаютъ мѣху ея своеобразный видъ».

Этотъ видъ по мѣстожительству своему значительно отличается отъ другихъ. Нильсонъ получалъ бродячихъ летучихъ мышей съ горъ Скандинавскаго полуострова и предполагаетъ, что онѣ доходятъ чуть не до полярнаго круга. Я ихъ получаю изъ сѣверной Россіи, гдѣ онѣ водятся почти до Бѣлаго моря съ средняго Урала и съ Алтая; ихъ также наблюдали въ Петербургѣ, Финляндіи, въ Остзейскомъ краѣ и въ Копенгагенѣ. Блазіусъ думалъ, что единственное мѣстопробываніе ихъ въ Германіи — это Гарцъ и Восточная Пруссія и что южную границу ихъ распространенія составляютъ горы Гарца; но Коленати нашелъ ихъ также въ Моравіи, Силезіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Баваріи; самъ-же Блазіусъ получилъ ихъ въ послѣдствіи съ Альпійскихъ горъ. «Ея сѣверная природа», говоритъ онъ, «выказывается въ томъ, что она всегда живетъ на высотахъ, а никогда въ долинахъ или у подножья горъ. Она оставляетъ убѣжище вскорѣ послѣ захода солнца и летаетъ у лѣсныхъ опушекъ, по лѣснымъ просѣкамъ, также вблизи домовъ и по улицамъ; кончаетъ охоту только на разсвѣтѣ, можетъ летать продолжительно и ловко, движется быстро, легкими взмахами крыльевъ и часто внезапно поворотомъ бросается на свою жертву. Этотъ видъ менѣе всѣхъ другихъ чувствителенъ къ переѣнамъ погоды». Для зимней спячки она выбираетъ защищенные углы и отверстія въ домахъ, преимущественно деревянныхъ, гдѣ, по словамъ Коленати, не приѣшивается, а залѣзаетъ въ трещины, изъ которыхъ высовываетъ только конецъ мордочки. Зимняя спячка ея почти не прерывается, а весной животное пробуждается и вылетаетъ съ первыми же теплыми днями. Въ концѣ мая или въ началѣ іюня самка мечетъ обыкновенно двухъ дѣтенышей.

«На основаніи моихъ наблюденій», говоритъ Блазіусъ, «надъ бродячей летучей мышью на сѣверѣ Россіи, гдѣ только этотъ видъ и встрѣчается, мнѣ кажется, что она

подобно перелетнымъ птицамъ, мѣняетъ свое мѣстопробываніе сообразно временамъ года и иногда перекечевываетъ на большія разстоянія. Въ смѣніи тотъ фактъ, что область ея распространенія тянется отъ Остзейскаго края почти до Бѣлаго моря, но однако весной и въ началѣ лѣта въ болѣе сѣверной полосѣ ея не видно. Въ этомъ сходятся и рассказы туземцевъ и мои собственные наблюденія; много ночей я провелъ подъ открытымъ небомъ на сѣверѣ Россіи, желая увидѣть летучую мышь, но это мнѣ не удалось, а въ концѣ лѣта мнѣ ихъ оттуда присылали;— она появляется въ сѣверной широтѣ только въ августѣ, съ наступленіемъ болѣе длинныхъ и темныхъ ночей. Ей, повидимому, мѣшаютъ свѣтлыя іюньскія и іюльскія сѣверныя ночи, напротивъ, во второй половинѣ лѣта, послѣ того какъ достаточно

Нетопырь-карликъ. *Vesperugo pipistrellus*. Илл. вел.

выростутъ дѣтеныши, эти животныя перекечевываютъ къ сѣверной границѣ своей области распространенія. Полоса ихъ странствованія простирается на 10 градусовъ широты. Кромѣ оленя, который живетъ почти въ тѣхъ же сѣверныхъ странахъ, неизвѣстно ни одного млекопитающаго, которое бы каждый годъ регулярно переселялось на такія далекія разстоянія».

* * *

Къ подроду Малорослыхъ нетопырей (*Nannugo*) принадлежатъ самыя малыя по величинѣ летучія мыши этого семейства. Онѣ образуютъ группу, широко распространенную по землѣ, и, хотя насчитывающую много видовъ, но еще мало изученную; отличаются зубной системой, стройными крыльями, которыя имъ даютъ возможность долго и быстро летать и производить разнообразныя движенія, а также

особеннымъ строеніемъ уха. У нихъ въ верхней челюсти 4 рѣзца, раздѣленныхъ по срединѣ промежуткомъ, а въ нижней 6; затѣмъ по одному клыку и по 4 коренныхъ съ каждой стороны въ обѣихъ челюстяхъ,—всего 34 зуба. Козелокъ кверху съживается; остріемъ направляется во внутрь и по срединѣ достигаетъ наибольшей широты. Хвостъ окруженъ летательной перепонкой,

Самый малый представитель этой группы и вообще самая малая изъ летучихъ мышей въ Европѣ Нетопырь карликъ (*Vesperugo* [*Nannugo*] *pipistrellus*, *Vespertilo pipistrellus*, *pigmaeus* и *nigricans*. *Zwergfledermaus*. *Pipistrelle*). Общая длина его тѣла только 6,7 см., приче́мъ на хвостъ надо отнять 3,1 см., размахъ крыльевъ 17—18 см. Цвѣтъ шерсти непостоянный, на верхней сторонѣ туловища желтовато-ржаво-бурый; двудвѣтные волосы у корня темнѣе, на концахъ свѣтлѣе. Толстокожія уши и летательныя перепонки имѣютъ темно-коричневую, почти черную окраску.

Нетопырь-карликъ живетъ почти во всей Европѣ и въ большей части сѣверной и средней Азіи; область его распространенія занимаетъ пространство отъ Скандинавіи и Испаніи до Японіи; въ Россіи и Скандинавіи его находятъ, по словамъ Блазиуса, до 60° сѣверной широты. Онъ встрѣчается въ Англіи, Франціи, Германіи, Венгріи, Испаніи, Сициліи и Греціи, но чаще всего въ средней Европѣ, особенно въ Германіи, гдѣ считается самымъ обыкновеннымъ видомъ. Въ гористыхъ мѣстностяхъ поднимается до верхней границы пояса лѣсовъ, въ Альпахъ почти до высоты 2000 метровъ; живетъ даже на близкихъ къ матеріку островахъ. Въ Германіи нѣтъ ни одного города, ни одной деревни, даже почти ни одного двора, гдѣ бы его не было. Днемъ его можно найти въ углахъ подъ крышами, въ расщелинахъ каменныхъ стѣнъ, въ трещинахъ балокъ, подъ сводами арокъ, въ дуплахъ или подъ корой деревьевъ, подъ досками, въ густыхъ вѣтвяхъ, въ щеляхъ и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ. Въ замкѣ Вейльбургъ, по словамъ Коха, эта летучая мышь заползаетъ даже въ стеклянные фонари корридоровъ, а также въ ходы, проделанные въ старыхъ дубахъ личинками жука-оленья, однимъ словомъ она пользуется всякимъ доступнымъ для нея мѣстомъ. Для лѣтняго дневного сна и для зимней спячки выбираетъ такія же мѣста, но вообще неразборчива на этотъ счетъ, потому что лучше, чѣмъ всѣ другіе родичи, переноситъ неблагоприятную погоду. Нетопырь-карликъ позже всѣхъ другихъ, живущихъ въ Германіи летучихъ мышей, начинаетъ зимнюю спячку и раньше всѣхъ прекращаетъ ее, часто во время зимы пробуждается и охотится не только въ защищенныхъ мѣстахъ, но и на открытыхъ; всегда живетъ обществами; во время зимней спячки они часто сучиваются по нѣскольку сотенъ и тысячъ, образуя большіе клубки; они соединяются даже съ родственными видами, все равно хотя послѣдніе и сильнѣе ихъ.

Смотря повремени года нетопырь-карликъ вылетаетъ на охоту раньше или позднѣе. Альтумъ очень тщательно наблюдалъ за этимъ и увѣряетъ, что въ благоприятную погоду, можно точно опредѣлить даже по минутамъ время его появленія. Въ свѣтлые, ясные, болѣе или менѣе теплые вечера вылетъ этого вида летучей мыши начинается:

20-го Января	— въ 4 часа 30 м.	11-го Іюля	въ 9 часовъ 15 м.
20 »	Февраля » 5 » 15 »	20 »	» 8 » 45 »
3 »	Марта » 5 » 45 »	15 »	Августа » 8 » — »
23 »	» » 6 » 30 »	2 »	Сентября » 7 » 25 »
17 »	Апрѣля » 7 » 20 »	20 »	» 6 » 45 »
29 »	Мая » 8 » 25 »	10 »	Октября » 6 » — »
6 »	Іюня » 8 » 35 »	1 »	Ноября » 5 » — »
25 »	» » 9 » 25 »	22 »	» » 4 » 25 »

«Само собою разумѣется», замѣчаетъ этотъ наблюдатель, «что погода въ различные времена года по вечерамъ только изрѣдка была одинакова, такъ что я не могу утверждать, что всегда видѣлъ первую проснувшуюся мышь. Но вообще я производилъ свои наблюденія съ часами въ рукахъ и тамъ же на мѣстѣ записывалъ, такъ что по крайней мѣрѣ большая часть ихъ вполне вѣрна» *).

Полетъ нетопыря-карлика очень ловокъ, но, конечно, соответствуетъ его малой величинѣ; высота полета, по наблюденію Альтума, весьма различна; иногда онъ низко летаетъ надъ небольшими прудами, чаще порхаетъ между стволами деревьевъ, а въ хорошіе вечера подымается на высоту отъ 15—20 метровъ. Въ городахъ, гдѣ онъ тоже нерѣдко встрѣчается, не подымается выше второго этажа. Надъ серединой улицъ онъ летаетъ мало, больше же ближе къ зданіямъ, подымаясь то выше, то ниже; надъ высокими крышами совсѣмъ не летаетъ. Въ деревняхъ его можно видѣть у каждаго дома или недалеко отъ него; на дворахъ большихъ хозяйствъ онъ летаетъ по всѣмъ угламъ и закоулкамъ, какъ будто обшаривая ихъ, забирается въ открытые чердаки и конюшни; любитъ также залетать въ открытыя освѣщенныя комнаты и, при случаѣ, въ нѣсколько минутъ ихъ можетъ набратъ въ комнату 20—30 штукъ. «Выдаются вечера, конечно случайно» говоритъ Альтумъ, «что они въ большомъ количествѣ залетаютъ въ комнаты въ разные дома; меня однажды извѣстили изъ трехъ мѣстъ, что наканунѣ вечеромъ къ нимъ въ освѣщенныя комнаты налетѣло множество нетопырѣй-карликовъ». Но никогда онъ не залетаетъ въ низкія маленькія комнаты, а всегда въ большія; избѣгаетъ пустыхъ площадей безъ деревьевъ и только мимоходомъ проносится надъ ними.

Спариваніе, которое Кохъ наблюдалъ на бывшихъ въ неволѣ, совершается вышеописаннымъ образомъ при замѣтномъ безучастіи другихъ присутствующихъ самцовъ. Въ маѣ самка мечетъ двухъ, рѣдко одного дѣтеныша, которые въ концѣ іюня или въ началѣ іюля настолько уже вырастаютъ, что летаютъ вмѣстѣ съ матерью, но все же еще и помимо величины замѣтно отличаются отъ старыхъ. Последніе дѣлаютъ на лету разнообразныя, ловкія извивы, а молодые, по словамъ Альтума, шурша и шелестя крыльями, не особенно ловкими взмахами, летятъ болѣе или менѣе прямо, такъ что ихъ полетъ очень похожъ на полетъ дневныхъ бабочекъ.

Нетопыря-карлика можно до извѣстной степени приручить; онъ довольно хорошо выноситъ неволю, пьетъ молоко, ловитъ пущенныхъ къ нему насѣкомыхъ, ѣстъ и мертвыхъ, даже мясо сырое и вареное. «Однажды», говоритъ Кохъ, «мы набрали ихъ много въ концѣ зимней спячки, посадили въ приготовленное помѣщеніе и кормили, какъ выше сказано. Въ началѣ смертность между ними была очень велика, но пережившіе первое время потомъ долго хорошо выдерживали, такъ что мы достигли своей цѣли и могли ихъ опять пустить на волю. Въ ихъ помѣщеніи была устроена проволочная перегородка для раздѣленія половъ, — на время ихъ соединили—только черезъ три недѣли удалось наблюдать два случая спариванія. послѣ чего двухъ самокъ снова отдѣлили для наблюденія за продолжительностью беременности, но обѣ черезъ нѣсколько дней околѣли».

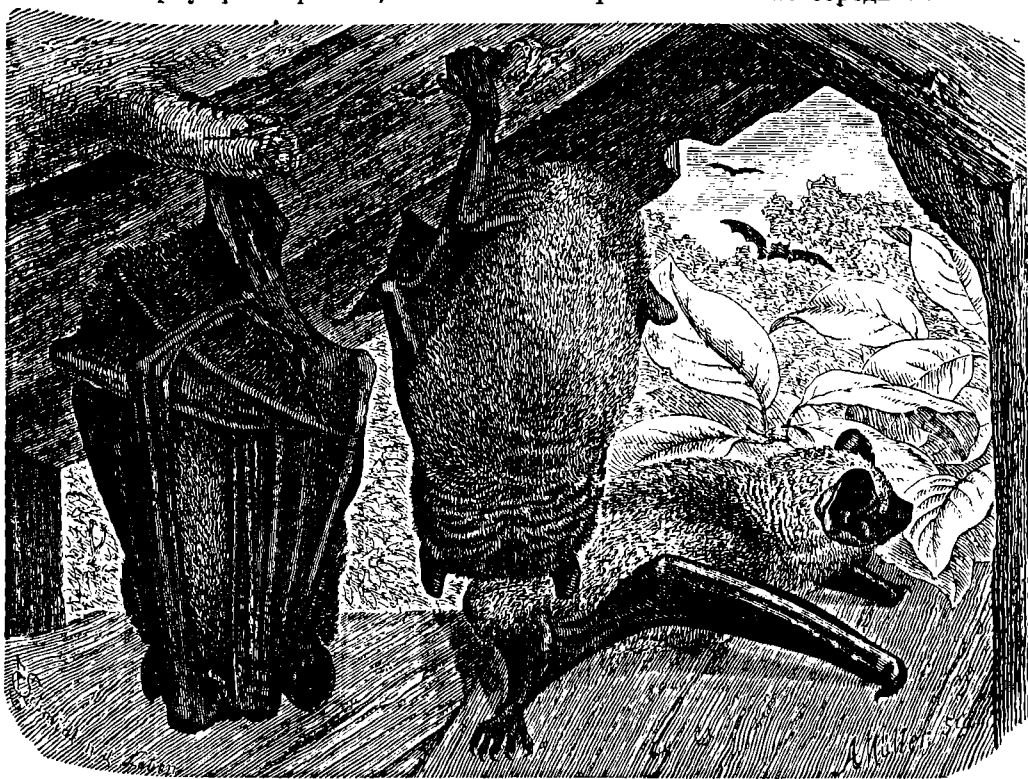
Нетопырь-карликъ больше всѣхъ другихъ рукокрылыхъ страдаетъ отъ всевозможныхъ враговъ. Остатки его находятъ въ погадкахъ **) дневныхъ и ночныхъ хищныхъ птицъ; Кохъ говоритъ, что онъ составляетъ любимую пищу башеннаго сокола, который его преслѣдуетъ, предпочитая всякой другой пищѣ. Также уви-

*) Наблюденія эти, конечно, имѣютъ значеніе только для Германіи (Прим. ред.)

**) *Погадками* называютъ непереваримыя остатки животныхъ: кости, перья и т. п., которые отрыгаются хищными птицами послѣ того, какъ онѣ проглотятъ добычу.

чтожают его хорьки, куницы, горностаи, ласка и даже мыши, которые забираются зимой въ его убѣжище, нападаютъ на него и пожираютъ. Но самый ужасный врагъ этого въ высшей степени полезнаго животнаго, которое живетъ вблизи нашихъ домовъ и истребляетъ моль, комаровъ, мухъ и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ, это, къ сожалѣнiю, человекъ—въ своемъ безумiи, необразованный, грубый, безпечный невѣжда, не цѣнящiй своихъ лучшихъ друзей и уничтожающiй сотнями этихъ безвредныхъ и благодѣтельныхъ созданий.

Подродъ Кожановъ (*Panugo*) отличается отъ малорослыхъ нетопырей только второстепенными признаками. Зубная система у нихъ сходна; ушной клапанъ или козелокъ кверху расширяется, наибольшая ширина его—выше середины. Лета-

Кожанъ обыкновенный. *Vesperugo noctula*. Наст. вел.

тельные перепонки съ нижней стороны, вдоль всей руки и у основанiя пятого пальца, густо покрыты волосами, а у малорослыхъ нетопырей они только изрѣдка покрыты волосами возлѣ туловища.

Представитель этой группы Обыкновенный кожанъ (*Vesperugo* [*Panugo*] *noctula*, *Vespertilio noctula*, *proterus*, *lasiopterus*, *ferrugineus*, *maculans*. Abendsegler. *Noctule*) одинъ изъ самыхъ крупныхъ европейскихъ видовъ, а именно 11 см. длины, причѣмъ 4 см. приходится на хвостъ; размахъ крыльевъ—37 см.; сверху и снизу одноцвѣтной красновато-бурой окраски, молодые—темнѣе; толстокожiя уши и летательныя перепонки темно-бурого цвѣта.

Онъ встрѣчается по всей Европѣ, отъ Англии и Сѣверной Германiи, даже въ сѣверо-восточной и южной Азiи, слѣдовательно распространенъ по большей части Стараго Свѣта; предпочитаетъ плоскогорiя и широкiя долины гористымъ и высоко

лежащимъ странамъ, и поэтому только въ области своего распространенія попадаетъ часто. Для дневного отдыха, по наблюденію Коха, забирается чаще всего въ трещины деревьевъ, въ дырки, выдолбленныя дятлами, въ конюшни, нежилые лѣсные домики и въ дупла деревьевъ, гдѣ его мѣстопробываніе легко замѣтить по тому, что входъ въ дупло гладкій и жирный, а также по особенному неприятному запаху. Такія же мѣста выбираетъ онъ себѣ и для зимней спячки, но предпочитаетъ зданія: чердаки церквей, старые необитаемые замки, гдѣ часто эти летучія мыши собираются сотнями, привѣшиваются другъ къ другу на подобіе черепицы на крышѣ и висятъ тамъ громадными клубками, — въ томъ случаѣ, если не совершаютъ перелета. Коленати наблюдалъ, что на Дунаѣ онѣ летѣли на западъ цѣлыми тысячами, а Кохъ говоритъ, что въ гористыхъ частяхъ южной Германіи осенью онѣ исчезаютъ и появляются опять только въ серединѣ лѣта. «Зимой мы никогда не находимъ у себя кожана, хотя годами слѣдили за нимъ съ помощью угольщиковъ и лѣсниковъ, между тѣмъ въ іюль и августъ эти, легко замѣтныя по своему полету, животныя въ тѣхъ же странахъ представляютъ вовсе не рѣдкое явленіе». Но въ другихъ мѣстахъ Германіи даже на сѣверѣ ихъ находили и зимой. Они въ это время собираются болѣе или менѣе группами, соединяются также съ родственными видами, хотя ихъ отнюдь нельзя назвать миролюбивыми. Зимняя спячка начинается довольно рано и продолжается непрерывно до поздней весны; это явленіе стоитъ въ нѣкоторомъ противорѣчій съ ихъ нечувствительностью къ холоду и суровой погодѣ. Размноженіе также совершается въ поздніе весенніе мѣсяцы; самка мечетъ двухъ дѣтенышей, которые даже къ началу зимней спячки еще отличаются отъ взрослыхъ животныхъ.

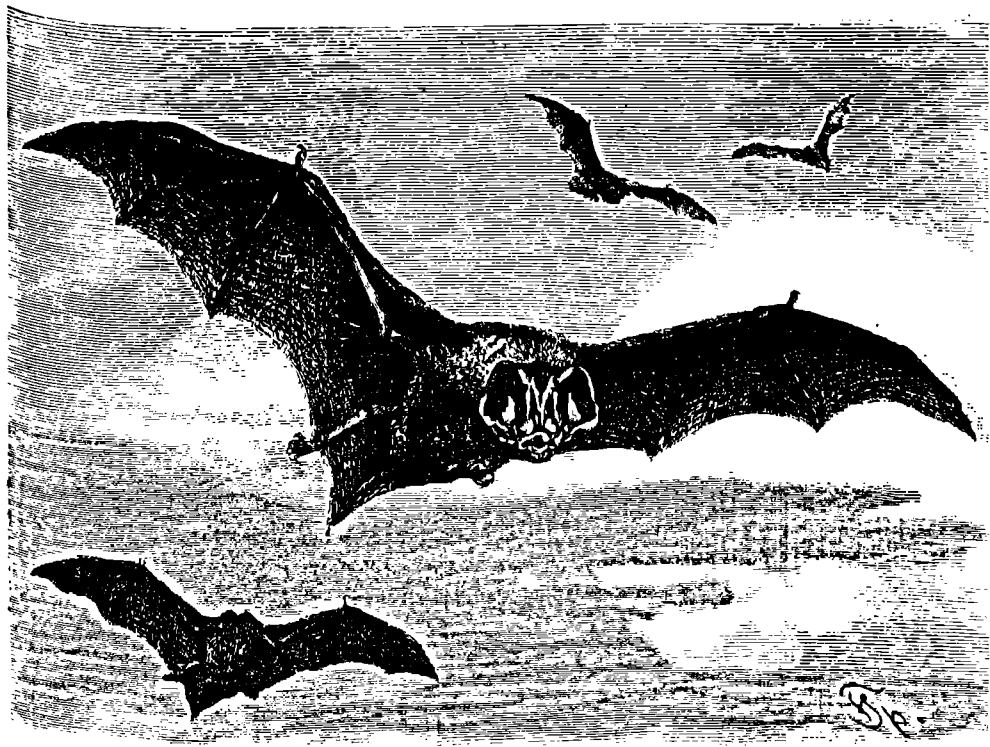
Изъ всѣхъ здѣшнихъ летучихъ мышей кожанъ самый сильный, летаетъ выше всѣхъ и вечеромъ появляется первымъ. Нерѣдко его можно видѣть за нѣсколько часовъ до заката солнца и, если можно такъ выразиться, довольно часто въ борьбѣ съ хищными птицами. Однако, быстро извиваясь, онъ очень ловко умѣетъ избавиться почти отъ всѣхъ нападений, часто даже ловкій соколъ-чеглокъ (*Falco subbuteo*), умѣющий ловить и ласточекъ, не въ состояніи догнать кожана. Изъ всѣхъ летучихъ мышей его можно назвать самымъ увертливымъ. «Быстрыми, отчасти дрожащими взмахами крыльевъ», говоритъ Альтумъ, «проносится онъ невѣроятно скоро между вершинами самыхъ высокихъ деревьевъ, уклоняясь то въ ту, то въ другую сторону и крутыми поворотами преслѣдуя насѣкомыхъ; иногда онъ несется нѣкоторое время, не дѣлая взмаховъ, иногда же быстро опускается внизъ или еще быстрее поднимается вверхъ». Питается всевозможными насѣкомыми, поэтому считается однимъ изъ полезнѣйшихъ нашихъ млекопитающихъ. Хотя кожаны меньше другихъ летучихъ мышей страдаютъ отъ враговъ, но все же въ погадахъ рыжей сибухи (*Strix flammea*) попадаются ихъ черепа. Опаснѣйшимъ врагомъ кожана является зима; Альтумъ утверждаетъ, что онъ ихъ чаще всѣхъ другихъ видовъ находилъ замерзшими.

Нѣкоторымъ образомъ переходную ступень отъ гладконосыхъ къ листоноснымъ образуетъ родъ Широноухихъ летучихъ мышей (*Synotis*), хотя онѣ не особенно рѣдко отличаются отъ первыхъ. Сросшіяся надъ черепомъ уши придають этимъ летучимъ мышамъ своеобразное выраженіе. Наружные края ушей очень расширяются, продолжаютъ на всю щеку и оканчиваются между глазомъ и верхней губой; внутренній край довольно равномерно закругленъ и отъ середины нѣсколько сильнѣе изогнутъ къ наружной сторонѣ; наружный край имѣетъ глубокую выемку; почти прямой возелокъ къ основанію сильно суживается и у своего внѣшняго края снабженъ ясно выдающимися зубцами. Крылья отличаются стройностью и

длинной; на заднихъ ногахъ возлѣ пятки есть шпорцы съ закругленнымъ выдающимся кожистымъ придаткомъ; хвостъ нѣсколько длиннѣе тѣла. Зубная система состоитъ изъ 34 зубовъ; на каждой сторонѣ верхней челюсти по два рѣзца съ промежуткомъ между ними, въ нижней челюсти 6 плотно сидящихъ рѣзцовъ, кромѣ того въ каждой челюсти, за сильными клыками, по 2 однобугорчатыхъ и по 3 многобугорчатыхъ коренныхъ зубовъ, изъ нихъ одинъ ложнокоренной и 4—настолицихъ.

Курносый ушанъ (*Synotus barbastellus*, *Vespertilio*, *barbastellus*, *Barbastellus communis*, *daubentonii*, *Mopsfledermaus*, *Barbastelle*.) длиною 9 см., хвостъ 5 см. а размахъ крыльевъ 26 см. Мѣхъ на верхней сторонѣ темно-бурого цвѣта, а на

Курносый ушанъ. *Synotus barbastellus*. Натур. вел.

нижней—свѣтлѣе, сѣро-бурого; волосы у корня черные, а на концѣ имѣютъ блѣдно-коричневую окраску; толстокожія летательныя перепонки и уши имѣютъ бурый цвѣтъ.

«Этотъ видъ хорошо извѣстенъ», говоритъ Блазиусъ, «въ Англіи, Франціи, Италіи, Германіи, Швеціи и въ Крыму. Также я наблюдалъ его въ Венгріи, въ средней Россіи и въ Альпахъ, гдѣ онъ поднимается до самыхъ высокихъ пастушескихъ хижанъ, встрѣчается на Сенъ-Готардѣ, также на Гарцѣ—до высшихъ обитаемыхъ пунктовъ». По словамъ Коха, онъ особенно любитъ гористыя страны и большіе лѣса, никогда не живетъ обществами и во время зимней спячки только изрѣдка привѣшивается вдвоемъ или втроемъ; курносые ушаны очень миролюбиваго нрава и не дерутся между собою и съ другими летучими мышами. Для дневного отдыха они прячутся преимущественно въ расщелины каменныхъ стѣнъ, рѣже привѣши-

ваются къ открытымъ темнымъ мѣстамъ на скалахъ или подъ сводами. Кенатилло считаетъ, что они тоже перекочевываютъ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣтомъ они встрѣчались въ большомъ количествѣ, зимой ихъ можно рѣдко видѣть. Зимняя спячка курносаго ушана, по Коху, начинается уже почти зимой—въ ноябрѣ; сонъ его не крѣпокъ, легко прерывается и оканчивается очень рано, съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ дней въ началѣ марта или даже въ концѣ февраля. При продолжительномъ холодѣ онъ, конечно, дольше остается въ своемъ убѣжищѣ, но уже не въ безсознательномъ состояніи, какъ во время спячки. Чаще всего забирается подъ арки, въ ледники, подвалы, рудники и пещеры, а въ известняковыя пещеры только въ случаѣ крайности, когда по близости нѣтъ ничего лучшаго. Во время спячки они висятъ, держась задними ногами, головой внизъ, предпочтительно на стѣнахъ, въ которыя упираются передними ногами, а не на потолокъ. Самцы висятъ отдѣльно, самки забираются въ щели. Въ своемъ убѣжищѣ курносый ушанъ не забирается далеко вглубь, а обыкновенно помѣщается сейчасъ у входа, такъ что до него доходить и свѣтъ, и холодъ. Кохъ во многихъ мѣстахъ находилъ висящаго на стѣнѣ курносаго ушана, окруженнаго со всѣхъ сторонъ ледяными сосульками. Въ хорошую погоду онъ иногда летаетъ по убѣжищу, ловить бабочекъ, которыя тоже тамъ зимуютъ.

Лѣтомъ курносый ушанъ вылетаетъ на волю при наступленіи сумерекъ во всякую погоду, не боится ни дождя, ни вѣтра, держится тогда возлѣ лѣсныхъ опушекъ, въ тѣнистыхъ садахъ, рѣже возлѣ домовъ и охотится преимущественно за мелкими бабочками; летаетъ очень высоко и скоро, дѣлаетъ разнообразныя извивы и быстрые повороты; по словамъ Альтума, онъ можетъ быстро взлетать на высоту 10 метровъ и также опуститься до 3 м. надъ землею, если хочетъ обыскать кусты; въ городѣ держится не выше крышъ домовъ. Рано весною производитъ на свѣтъ двухъ дѣтенышей, которые уже осенью настолько вырастаютъ, что дѣлаются похожими на взрослыхъ.

Изъ туземныхъ видовъ курносый ушанъ самый смирный, не злой, мало кусается, лучше всѣхъ выдерживаетъ неволю, если только у него нѣтъ недостатка въ живыхъ насѣкомыхъ. Даже старыя животныя быстро приручаются и привыкаютъ къ тому, кто за ними ухаживаетъ; черезъ нѣсколько дней уже перестаютъ бояться людей и до извѣстной степени становятся ручными.

* * *

Листоносы, Кровососы или Вампиры (*Istiophora* или *Phyllorhina* и *Phyllostomata*) составляютъ послѣднее семейство рукокрылыхъ.

Всѣ относящіяся сюда виды отличаются особымъ кожистымъ носовымъ придаткомъ, форма котораго весьма разнообразна у различныхъ видовъ, но въ общемъ состоитъ изъ болѣе или менѣе развитого листа кожи на носу. Когда придатокъ этотъ вполне развитъ, то онъ состоитъ изъ подковы, длиннаго гребня и придатка въ видѣ лапцета, а простѣйшая форма его имѣетъ видъ складки кожи, лежащей поперекъ конца носа. Позади ноздрей кромѣ того есть много особенныхъ углубленій и ямокъ, а вокругъ носового придатка, на губахъ и щекахъ—правильно расположенныя мясистыя бугры, играющіе опредѣленную роль; опытъ показалъ, что для этихъ животныхъ они важнѣе глазъ, такъ какъ въ высшей степени вѣроятно, что благодаря имъ сильнѣе обостряется чувство обонянія и осязанія; однакожь до сихъ поръ еще никому не удалось рѣшить этотъ вопросъ окончательно.

«Есть у листоносовъ и другіе органы, которые хотя и служили предметомъ остроумныхъ разсужденій, однако цѣль ихъ существованія все еще не выяснена;

такъ, у самки этого животнаго, кромѣ двухъ сосковъ на груди, какъ у всѣхъ вообще рукокрылыхъ, есть еще два сосковидныхъ придатка съ отверстиями, лежащіе непосредственно надъ половыми органами и выдѣляющіе лимфу; по наблюдениямъ Гекеля, они служатъ для присасыванія дѣтенышей тотчасъ послѣ рожденія, но выполняютъ они то назначеніе, которое предполагаетъ наблюдатель или нѣтъ—ихъ все-таки надо разсматривать, какъ недоразвитые брюшные соски». Наружный видъ и развитіе летательныхъ перепонокъ такъ же разнообразны, какъ и у гладконосыхъ, но подробнаго основанія этихъ особенностей мы здѣсь давать не намѣрены.

Листоносы распространены въ большомъ количествѣ во всѣхъ странахъ свѣта, но только въ жаркомъ и умѣренныхъ поясахъ. Нѣкоторые скрываются въ чащѣ большихъ лѣсовъ, въ дуплистыхъ деревьяхъ, на старыхъ пняхъ и между широкими листьями пальмъ и другихъ крупнолистныхъ растений; большинство прячется на день въ пещерахъ, въ обломкахъ развалившихся зданій, подъ темными сводами, а также между стропилами крышъ.

Извѣстные виды этого семейства живутъ отдѣльно, нѣкоторые же, въ особенности обитающіе въ пещерахъ, скопляются въ громадныя стаи. Съ наступленіемъ сумерекъ они просыпаются и часто летаютъ всюночь. Иные летаютъ низко и быстро, другіе—высоко и медленно. Пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ насѣкомыхъ, въ особенности сумеречныхъ и ночныхъ бабочекъ, жуковъ, поденокъ, комаровъ; но есть между ними не мало видовъ, сосущихъ кровь и нападающихъ на птицъ и млекопитающихъ, даже на человѣка во время сна. Хотя въ настоящее время часто наблюдали кровососовъ, но все же остается много неяснаго и даже фантастическаго въ этихъ легендахъ о вампирахъ. По всей вѣроятности всѣ листоносы сосутъ кровь, но только при извѣстныхъ обстоятельствахъ; ихъ трудно наблюдать во время сосанія, чѣмъ и объясняется масса разнообразныхъ описаній. Было бы полезно сопоставить здѣсь нѣкоторыя указанія путешественниковъ о высасыванія крови листоносами, не относя эти дѣянія ни къ какому извѣстному виду, а вообще, потому, что сообщенія путешественниковъ въ высшей степени противорѣчивы, и между всѣми, которыхъ я знаю, ни одного нѣтъ, гдѣ описывался бы извѣстный видъ листоносы съ несомнѣнною вѣрностью.

Самыя древнія изъ извѣстныхъ мнѣ описаній, я нахожу у моего любимаго стараго Геснера. «Въ Даріенѣ въ Новомъ Свѣтѣ ночью мучили испанцевъ летучія мыши; онѣ кусали ихъ до крови во время сна, такъ что тѣ исходили кровью и многихъ на утро находили мертвыми. Также это животное, найдя подъ открытымъ небомъ курицу или пѣтуха, захватываетъ своими зубами за гребень и убиваетъ, пишетъ Петръ Мартиръ. Во многихъ мѣстностяхъ Индіи испанцы встрѣчали летучихъ мышей величиной не меньше голубя-турмана, которыя съ наступленіемъ ночи нападали на нихъ, кусали своими ядовитыми зубами и совсѣмъ оглушали, такъ что тѣ едва имѣли силы бѣжать отъ нихъ. Такихъ же летучихъ мышей, не меньшей величины, въ громадномъ количествѣ находили на островѣ Ураба—одномъ изъ самыхъ большихъ острововъ Новаго Свѣта, гдѣ эти животныя причиняли такой же вредъ, какъ испытали и вышеописанные испанцы. Анцигусъ.—Фогтъ или полководецъ, когда я его спросилъ о такомъ ядовитомъ кусаніи, разсказалъ, что разъ лѣтомъ, во время жары, его укусила летучая мышь въ ногу, во это повредило ему не больше, чѣмъ и укусъ какого-нибудь неядовитаго животнаго. Другіе говорятъ, что хотя укусъ и ядовитъ, но если больное мѣсто смочить морской водой, то черезъ часъ все пройдетъ».

Точнѣе сообщаетъ объ этомъ испанецъ Азара, называющій кровососа «Mog-derog», т. е. кусатель. «Иногда», говоритъ онъ, «они кусаютъ спящихъ куръ въ

гребень или въ бородеи и высасываютъ изъ нихъ кровь, вслѣдствіе чего куры обыкновенно околѣваютъ, въ особенности, когда раны воспаляются, что случается почти всегда. Вампиры также кусаютъ лошадей, ословъ, муловъ и коровъ—чаще всего въ бока, плечи или въ шею, потому что въ этихъ мѣстахъ имъ легче удержаться. Кусаютъ они и людей; я самъ убѣдился въ этомъ, потому что четыре раза былъ укушенъ въ пальцы, когда спалъ подъ открытымъ небомъ или въ открытыхъ строеніяхъ. Я вовсе не чувствовалъ ранъ, нанесенныхъ мнѣ ими; онѣ были круглы или продолговато-круглыя и имѣли одну линію въ діаметрѣ, но такую незначительную глубину, что едва проникали черезъ кожу, и отличались отъ другихъ ранъ вздутыми краями. По моему вычисленію количество крови, вытекшей изъ раны, равнялось $2\frac{1}{2}$ унціямъ. У лошадей и у другихъ животныхъ это количество должно быть больше и доходить до 3 унцій, притомъ я полагаю, что уже вслѣдствіе толстой шкуры, кровососы должны наносить этимъ животнымъ болѣе значительныя и глубокія раны. Кровь выходитъ не изъ артерій, потому что рана до нихъ не доходитъ, а только изъ волосныхъ сосудовъ кожи, и безъ сомнѣнія вампиры вытягиваютъ ее отсюда высасываніемъ или лаканіемъ. Хотя мои раны и болѣли нѣсколько дней, но во всякомъ случаѣ были такъ незначительны, что я не считалъ нужнымъ употреблять противъ нихъ какое-нибудь средство, тѣмъ болѣе, что онѣ не мѣшали мнѣ ходить. Такъ какъ эти животныя вовсе не столь опасны и сосутъ кровь лишь въ тѣ ночи, когда имъ не удастся отыскать другой пищи, то нечего ихъ бояться и отъ нихъ прятаться. Рассказываютъ, будто бы они обмахиваютъ крыльями какъ вѣромъ то мѣсто своей жертвы, гдѣ хотятъ сосать, для того, чтобы животное ничего не чувствовало». Всѣ остальные народныя повѣрья о вампирѣ Азара опровергаются самымъ положительнымъ образомъ.

«Когда жгучая дневная жара смѣняется въ тропическихъ странахъ прохладой не менѣе длинной ночи», описываетъ Гумбольдтъ, «то рогатый скотъ и лошади не могутъ все-таки насладиться отдыхомъ. Чудовищныя летучія мыши, подобно вампирамъ, во время сна высасываютъ у нихъ кровь, крѣпко прицѣпившись къ нимъ на спину, гдѣ потомъ образуются гнойныя раны, на которыя садятся комары, оводы и множество другихъ жалящихъ насѣкомыхъ». Въ описаніи своихъ путешествій этотъ же натуралистъ еще нѣсколько разъ возвращается къ кровососамъ, которыхъ онъ самъ наблюдалъ. «Огромныя летучія мыши, по всей вѣроятности, изъ семейства листоносовъ (*Phyllostoma*), летали по обыкновенію добрую половину ночи надъ нашими гамаками; такъ и казалось каждую минуту, что онѣ хотятъ вцѣпиться комунибудь въ лицо». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «скоро послѣ этого страшныя летучія мыши, летающія надъ нашими гамаками, укусили или, какъ выражаются туземцы, ужалили нашего большого дога за морду. У нихъ длинные хвосты, какъ у молоссовъ (*Molossus*); но я думаю, что это были листоносы; ихъ языкъ усаженъ сосочками и служитъ орудіемъ сосанія; они могутъ его сильно сзунуть. Рава была небольшая и круглая; собака жалобно выла, но не отъ боли,—она испугалась летучихъ мышей, когда онѣ летали надъ нами. Подобные случаи бывають гораздо рѣже, чѣмъ обыкновенно въ этой странѣ думаютъ. Хотя мы были въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ вампиры встрѣчаются очень часто и много ночей проводили подъ открытымъ небомъ, но никогда они насъ не кусали. Кромѣ того ранка совсѣмъ не опасна, а боль отъ нея такъ незначительна, что просыпаются уже тогда, когда летучая мышь сдѣлала свое дѣло».

Ренгеръ прибавляетъ къ наблюденіямъ Азары слѣдующее: «Я изслѣдовалъ болѣе сотни ранъ у муловъ, лошадей и быковъ и не могъ составить себѣ яснаго понятія о томъ, какимъ образомъ вампиры производятъ ихъ. Воронкообразная

рана имѣеть около четверти дюйма ширины, иногда нѣсколько болѣе, и отъ одной до двухъ линий глубины. Рана никогда не проникаеть черезъ всю кожу до мускуловъ; на ней вовсе не бываетъ замѣтно слѣда зубовъ, какъ при обыкновенныхъ укушеніяхъ; напротивъ того, края раны сильно разрыхлены и распухли. Поэтому я не думаю, чтобы листовосы (*Phyllostoma*) и языкососы (*Glossophaga*) производили эти раны у крупнаго скота посредствомъ укушеній, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ каждое спящее животное непременно бы проснулось и прогнало врага. Можно скорѣе предположить, что вампиръ дѣлаеть сначала кожу нечувствительною посредствомъ сосанія губами, подобно тому, какъ это дѣлается, когда ставятъ банки, и затѣмъ, когда кожа вздуется, прокусываетъ зубами небольшое отверстіе. Въ это отверстіе, какъ мнѣ кажется, вампиръ потомъ всовываетъ свой вытягивающійся, приспособленный для сосанія языкъ, вслѣдствіе чего и образуется воронкообразное углубленіе. Изъ устройства крыльевъ очевидно, что летучая мышь не можетъ въ одно время и сосать и махать крыльями. Летательная перепонка соединена съ ногами до самой ступни, слѣдовательно для животнаго невозможно держаться ногами и въ то же время двигать ими, чтобы махать крыльями: ему бы тогда пришлось сосать на лету. Я по крайней мѣрѣ всегда видѣлъ, что летучія мыши садились на лошадей и должны были конечно при этомъ складывать крылья. Онѣ выбираютъ для того, чтобы легче держаться, тѣ мѣста, которыя покрыты волосами и не очень выпуклы, напр., у лошадей шею, загривокъ и крупъ, а у муловъ—шею и загривокъ, у быка—лопатку и складки шеи. Раны эти не опасны; но такъ какъ иногда въ одну и ту же ночь нѣсколько вампировъ сосутъ кровь изъ одного животнаго, и это иногда повторяется нѣсколько ночей кряду, то скотина ослабѣваетъ отъ потери крови, тѣмъ болѣе, что кромѣ крови, высосанной изъ каждой раны. Нерѣдко также мясныя мухи кладутъ свои яйца въ образовавшуюся такимъ образомъ рану, отчего она превращается въ большую опухоль. О томъ, что листовосы сосутъ также и людей, я не могу привести другого примѣра, кромѣ того, что рассказываетъ о себѣ самъ Азара».

«Извѣстные, часто описываемые кровососы», говоритъ Бурмейстеръ, «которые не основательно приписали столько дурнаго, распространены въ Бразиліи почти повсемѣстно и едва-ли не ежедневно выказываютъ свое присутствіе, кусая верховыхъ и вьючныхъ животныхъ. Они, впрочемъ, рѣдко приносятъ настоящій вредъ или убытки, такъ какъ количество крови, высасываемое ими у животныхъ, очень незначительно. Укушенія ихъ чаще всего замѣчаются въ холодное время года, когда летучимъ мышамъ трудно добыть насѣкомыхъ, и постоянно на опредѣленныхъ мѣстахъ, именно тамъ, гдѣ волосы животнаго расходятся во всѣ стороны, и летучая мышь легко можетъ проникнуть до голой кожи. Большую часть укушеній я находилъ на загривкѣ, въ особенности у тѣхъ животныхъ, у которыхъ были на этихъ мѣстахъ раны отъ хомута и сбруи. Второе любимое мѣсто вампировъ, это—впадина на бедрѣ, около тазовыхъ костей, гдѣ волоса расходятся; кусаютъ они также ноги внизу, но очень рѣдко подъ шеей. На головѣ, на носу и на губахъ раны встрѣчаются только въ исключительныхъ случаяхъ. Пока животное еще не спитъ, оно не подпуститъ къ себѣ летучей мыши, не стоитъ спокойно, топаетъ ногами, двигаетъ кожей и головой и всегда прогонитъ вьющагося около него врага; вампиръ можетъ спокойно сосать только спящихъ животныхъ. Рассказъ о томъ, что листовосы при этомъ машутъ крыльями, слѣдуетъ считать баснею. Иногда колюхи, во временахъ осматривающіе лошадей, даже схватываютъ сосущихъ летучихъ мышей, до того эти послѣднія бывають увлечены сосаніемъ и не обращаютъ ни на

что вниманіе. Объ укушеніяхъ людей я не имѣю точныхъ наблюденій, такъ какъ мнѣ не случалось видѣть человѣка, укушеннаго ими. Трудно съ точностью сказать какимъ образомъ кусаетъ летучая мышь. Извѣстно только, что она садится съ полураспущенными крыльями, раздвигаетъ слегка волосы, крѣпко прижимаетъ къ кожѣ бородавчатый подбородокъ и начинаетъ сосать. Рана имѣетъ видъ маленькой, неглубокой ямочки, совершенно непохожей на раны, нанесенныя острымъ орудіемъ. Я думаю, что отверстіе дѣлается замѣтнымъ только тогда, когда летучая мышь уже нѣсколько всосала кожу и прокусила или откусила часть ея двумя острыми верхними рѣзцами, но не клыками, которые для этого вовсе не годятся. Крови послѣ укушенія никогда не вытекаетъ много. Узкая высохшая полоска крови, вотъ все, что замѣчается впоследствии. О случаяхъ смерти животныхъ отъ потери крови я никогда не слышалъ. Они безъ сомнѣнія нѣсколько ослабѣваютъ отъ часто повторяющихся укушеній, въ особенности потому, что въ холодное время года нигдѣ нельзя найти обильнаго корма; но умираютъ такія животныя только въ томъ случаѣ, когда хозяинъ слишкомъ обременитъ ихъ тяжелымъ вьюкомъ, такъ что, по всей вѣроятности, животное околѣло бы и безъ потери крови».

Къ этому разсказу лучше всего присоединить обстоятельныя сообщенія Гензеля, показанія котораго заслуживаютъ полной вѣры, хотя иногда онъ исходитъ отъ ложныхъ предположеній. «Въ Бразиліи», говоритъ онъ, «часто можно видѣть на лошадахъ и мулахъ раны, причиненныя летучими мышами, высасывающими кровь. Въ Рио-де-Жанейро, гдѣ, вслѣдствіе жары, всѣ конюшни оставляются открытыми, чтобы отогнать этихъ летучихъ мышей, принуждены ночью ставить лампы и вѣшать полотно въ видѣ флаговъ, которые развѣваются вѣтромъ. Мнѣ самому часто случалась видѣть и находить безчисленныя раны, несомнѣнно таковаго же характера, на моихъ верховыхъ и вьючныхъ животныхъ; эти раны отнюдь не походятъ на раны отъ укушенія хищнаго звѣря, у котораго мелкіе рѣзцы, но большіе и острые клыки, такъ что обыкновенно на укушенномъ мѣстѣ остаются четыре дырочки—слѣды четырехъ клыковъ. Отъ укушенія хищнымъ животнымъ не бываетъ зияющей раны, и кровотеченіе прісходитъ только въ томъ случаѣ, если клыки проникли глубоко и повредили крупныя сосуды. Если укуситъ какой-нибудь небольшой хищникъ, напримѣръ, ласка, то крови вытекаетъ очень мало, и рана скоро затягивается. Зубная система большинства листоносовъ вполне походитъ по мелкости рѣзцовъ и по величинѣ клыковъ на зубную систему хищныхъ звѣрей; раны, произведенныя первыми, носятъ тотъ же отпечатокъ, въ чемъ легко убѣдиться во время ловли листоносовъ, которые въ это время сильно кусаются. Но раны лошадей и муловъ, укушенныхъ вампирами, совсѣмъ иного характера, онѣ представляютъ маленькую яйцевидную поверхность, которая слабо углублена и очертаніемъ походитъ на чечевицу. Порѣзъ не перпендикуляренъ къ поверхности укушеннаго мѣста, какъ въ ранахъ, сдѣланныхъ клыками, но идетъ почти параллельно кожѣ. Такую рану можно получить слѣдующимъ образомъ: приподнять щипчиками кожу немного вверхъ и затѣмъ срѣзать ее ножомъ, проводя имъ какъ бритвой во время бритья. Подобный укусъ или порѣзъ всегда сопровождается потерей частички кожи и сильнымъ продолжительнымъ кровоизліаніемъ, такъ какъ при этомъ перерѣзывается многоволосныхъ сосудовъ. У лошадей, укушенныхъ вампирами ночью или вечеромъ, нерѣдко и на слѣдующее утро еще струится кровь, стекая узкой струйкой съ шеи на землю или же съ плеча по переднимъ ногамъ. Такія раны могутъ быть причинены только большими, острыми, лопатообразными рѣзцами, а подобную зубную систему мы находимъ только у близкихъ между собою родовъ десмодовъ (*Desmodus*) и у ланцетоносовъ (*Diphylla*). Я убѣжденъ, что единственно только эти двѣ группы летучихъ мышей

сосутъ кровь, а что всѣ рассказы о другихъ летучихъ мышахъ, высасывающихъ кровь, основаны на ошибкахъ или на недоразумѣнїи».

Изъ послѣдующаго будетъ ясно видно, что заключеніе Гензеля ошибочно; по всей вѣроятности, онъ не сталъ бы такъ рѣшительно утверждать этого, если бы вспомнилъ, что наши европейскіе, а именно нѣмецкіе виды семейства листоносовъ также до нѣкоторой степени кровососы. Но эта ошибка, по моему мнѣнію, нисколько не умаляетъ значенія наблюденій Гензеля.

«Вмѣстѣ съ десмодами», продолжаетъ Гензель, «встрѣчаются въ Бразилїи и другіе листоносы; однако, раны, наблюдаемыя на тамошнихъ лошадяхъ, всегда такія же, какъ вышеописанныя. На рогатомъ скотѣ я никогда не замѣчалъ укушеній, такъ какъ кожа у нихъ слишкомъ толста и крѣпка; но за отсутствіемъ лошадей кровососы накидываются и на нихъ.

«Мнѣ кажется совершенно невѣроятнымъ, чтобы одну и ту же рану могли высасывать нѣсколько кровососовъ одинъ послѣ другого, потому что они оставляютъ свое убѣжище почти одновременно, да кромѣ того потребность въ пищѣ у нихъ одинаково велика. Въ Америкѣ, гдѣ лошадь не принадлежитъ къ числу туземныхъ животныхъ, кровососы первоначально имѣли другой источникъ питанія. Животныя, какъ олени, тапиры и водосвинки и др. защищены отъ нападеній кровососовъ, потому что живутъ въ непроницаемой чащѣ лѣсовъ или въ водѣ, а обезьяны, благодаря своей живости и ловкости, такъ что чаще всего вампиры ловятъ мелкихъ теплокровныхъ животныхъ—мышей, птицъ, и высасываютъ у нихъ кровь, а только въ исключительныхъ случаяхъ нападаютъ на лошадей или муловъ. Доказательствомъ того, что вампиры не употребляютъ въ пищу насѣкомыхъ, а исключительно питаются кровью, можетъ служить почти полное неразвитіе коренныхъ зубовъ, совершенно не приспособленныхъ къ жеванію. Кромѣ того, при вскрытіи находятъ внутренности ихъ наполненными черной, смолистой кашицей, образовавшейся отъ переваренной крови. Испражненія также черны и тягуче-жидки. Съ началомъ сумерекъ летучія мыши покидаютъ свои убѣжища въ самой глубинѣ темныхъ пещеръ или въ щеляхъ скалъ, но не вылетаютъ на открытый воздухъ тотчасъ же, а сначала собираются вблизи входа пещеры на удобномъ мѣстѣ, гдѣ ожидаютъ наступленія полной темноты и, между прочимъ, выпускаютъ свои жидкія испражненія. Поэтому почва въ такихъ пещерахъ покрыта толстымъ слоемъ массы, въ родѣ дегтя, съ своеобразнымъ запахомъ, свойственнымъ летучимъ мышамъ; въ посѣщенной мною пещерѣ слой этотъ достигалъ фута глубины. Большая собака, вошедшая туда, возвратилась совсѣмъ грязная, какъ будто въ черныхъ сапогахъ».

У меня относительно этого предмета мнѣніе иное, чѣмъ у Гензеля. Его предположеніе, что питаніе кровью содѣйствуетъ образованію жидкихъ испражненій,—невѣрно, въ чемъ легко можно убѣдиться на каждой кошкѣ или собакѣ, если ихъ намѣренно кормить кровью. Мнѣ кажется, что жидкія испражненія происходятъ отъ плодовъ, которые листоносы высасываютъ въ значительномъ количествѣ.

Кромѣ упомянутыхъ Геснеромъ испанцевъ и извѣстнаго Азары, еще нѣкоторые другіе путешественники были укушены кровососами, такъ напримѣръ, Бэтсъ, прожившій въ Бразилїи 11 лѣтъ. Во время своего пребыванія въ Карапе онъ жилъ въ комнатѣ, необитаемой уже нѣсколько мѣсяцевъ и стѣны которой имѣли во многихъ мѣстахъ отверстія. «Первую ночь», рассказывалъ онъ, «я спалъ крѣпко и не замѣчалъ ничего необыкновеннаго; на вторую—я былъ около полуночи разбуженъ шумомъ, который производила крыльями огромная стая летучихъ мышей, летавшихъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онѣ потушили лампу, и когда я ее опять зажгъ, то увидѣлъ, что вся комната была ими наполнена и казалась черной отъ

множества кружившихся въ ней летучихъ мышей. Нѣсколько минутъ я ихъ прогонялъ палкой, и онѣ исчезли черезъ отверстіе въ крышѣ между черепицами. Но какъ только все успокоилось, онѣ вернулись назадъ и опять затушили огонь. Я больше не обращалъ на нихъ никакого вниманія и легъ спать. На слѣдующую ночь нѣсколько этихъ животныхъ залѣзли въ мой гамакъ; тѣхъ изъ нихъ, которыя вскарабкались на меня, я схватилъ и бросилъ о стѣну. На разсвѣтѣ я напелъ на своихъ ногахъ рапу, несомнѣнно причиненную летучею мышью. Это наконецъ такъ мнѣ надоѣло, что я принялся вмѣстѣ съ неграми ихъ прогонять и убилъ массу висѣвшихъ на строилахъ. Негры же снаружи взобрались на крышу и оттуда притащили сотни старыхъ летучихъ мышей съ дѣтенышами. Ихъ было всего 4 вида—изъ нихъ два принадлежали къ бразильскимъ нетопырямъ (*Dysores*), третій—къ вампирамъ (*Phyllostoma*) и четвертый—въ языкососамъ (*Glossophaga*). Вампиръ былъ небольшое животное, темно-сѣрой окраски съ двумя бѣлыми полосками на спинѣ и съ вполне развитымъ носовымъ листовиднымъ придаткомъ. Кромѣ этого раза мнѣ никогда больше не приходилось выдерживать нападенія летучихъ мышей. Тотъ фактъ, что онѣ высасываютъ кровь у спящихъ людей, въ настоящее время признанъ несомнѣннымъ; но люди, дѣйствительно укушенные ими, встрѣчаются рѣдко. Негры считаютъ, что вампиръ—единственный видъ, который нападаетъ на людей. Тѣ летучія мыши, которыхъ я ловилъ, когда онѣ на меня лѣзли, были нетопыри, и поэтому я склоненъ думать, что сосаніемъ крови занимаются различные виды этихъ животныхъ».

По взгляду Каплера вредъ, приносимый летучими мышами, не можетъ идти въ сравненіе съ оказываемою ими пользою. «О высасываніи крови нѣкоторыми видами», говоритъ Каплеръ, «много уже писали и спорили. Я могу сказать на основаніи достаточнаго опыта, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти животныя составляютъ истинное мученіе не столько для людей, которые могутъ отъ нихъ защититься, сколько для скота. Три внутреннихъ военныхъ поста: Армина—на Марани, Викторія—на Суринамѣ и Саронъ—на Сарамаккѣ имѣли въ этомъ отношеніи особенно дурную репутацію; въ первомъ изъ нихъ солдаты должны были всю ночь поддерживать огонь, чтобы избѣжать укушенія летучихъ мышей. Если изъ бережливости огонь тушили, то на слѣдующій день находили подъ койками лужи крови, образовавшіяся изъ маленькихъ, едва замѣтныхъ ранокъ на пальцахъ ногъ спящихъ. Разъ какъ-то, проснувшись ночью, я почувствовалъ, что грудь и шея у меня мокрыя. Я зажегъ свѣчу и увидалъ, что руки и гамакъ—въ крови; я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но кровь шла изъ кончика носа, на которомъ былъ откусенъ кусочекъ кожи около 2 мм. длины и 1 мм. ширины. Позже однако мнѣ никогда не случилось быть укушеннымъ въ носъ, а исключительно въ пальцы на ногахъ, да и вообще летучія мыши крайне рѣдко кусаютъ людей въ какое-нибудь другое мѣсто. Впослѣдствіи, когда мнѣ случилось во время путешествій спать на открытомъ воздухѣ, я всегда надѣвалъ чулки и ни разу не былъ укушенъ. Когда въ іюнѣ 1853 г. я вмѣстѣ съ моими вюртембергскими земляками остановился въ Альбинѣ, гдѣ раньше не бывало случая, чтобы летучія мыши кусала людей, вдругъ началось это мученіе и продолжалось около двухъ мѣсяцевъ, а затѣмъ мало-по-малу вампиры исчезли, но однако появились снова, когда я завелъ себѣ скотъ, который отъ нихъ очень страдалъ. Рогатый скотъ, лошадей, ословъ, также свиней они кусаютъ преимущественно въ уши и въ спину. Эти раны гораздо значительнѣе, чѣмъ у людей, и животное страдаетъ сколько отъ потери крови, столько же и оттого, что мухи кладутъ въ раны яички, изъ которыхъ выходятъ личинки; на ранахъ образуются нарывы, и животное слабѣетъ и погибаетъ; куры, которыхъ они кусаютъ въ

гребень или въ шею, также худѣютъ и умираютъ. Но больше всего страдали отъ нихъ прирученныя животныя: тапиры, пекари, олени, обезьяны, которые, вмѣстѣ съ лѣсными птицами гокко, агами, жили на моемъ дворѣ подь открытымъ небомъ. Если летучія мыши забираются въ конюшни и тамъ кусаютъ скотъ, то ихъ можно прогнать, помѣстивъ туда взрослога козла; также онѣ не выносятъ запаха одной лианы, которая сильно пахнетъ чеснокомъ». Этотъ наблюдатель прожилъ въ тропической Америкѣ (Суринамѣ) 45 лѣтъ; онъ старался какъ можно обстоятельнѣе наблюдать за вампирами, однако ему, какъ и всѣмъ другимъ, не удалось точно опредѣлить тѣ виды, которые высасываютъ кровь, и замѣтить, какъ они это совершаютъ.

Такихъ обстоятельныхъ отчетовъ не имѣется изъ Африки и Индіи; нѣкоторые путешественники упоминаютъ мимоходомъ и очень кратко, что кровососы Старога Свѣта, поймавъ мелкихъ животныхъ, сначала высасываютъ у нихъ кровь, а потомъ пожираютъ, но это не особенно существенныя наблюденія. Во всякомъ случаѣ, въ этихъ странахъ ни люди, ни крупныя животныя не страдаютъ отъ кровососовъ.

* * *

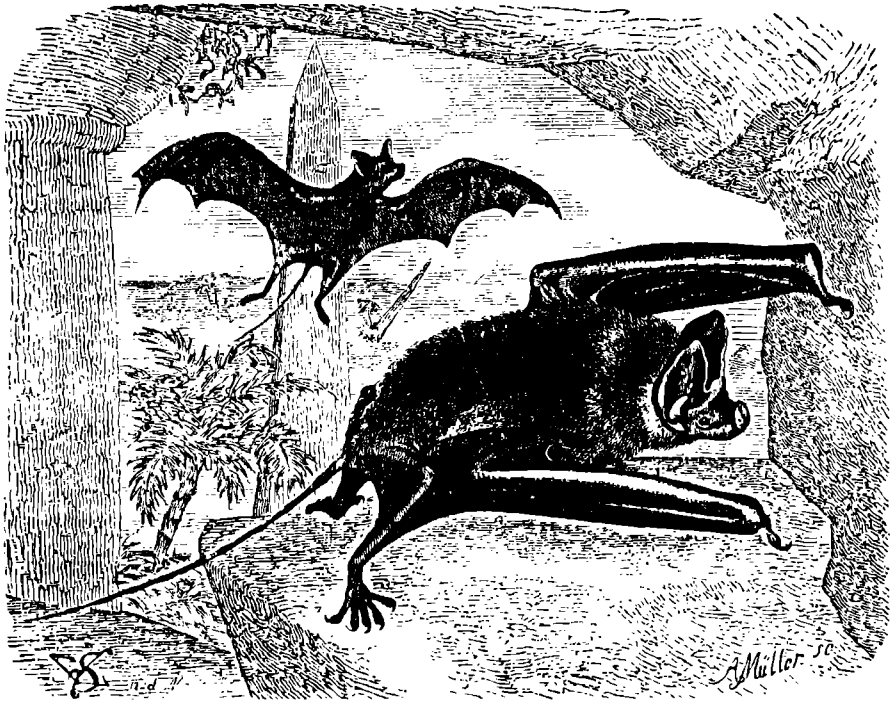
Группу листоносовъ нынѣ стали дѣлить на такое множество родовъ, что мы ограничимся только описаніемъ важнѣйшихъ изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что по образу жизни различныя виды листоносовъ въ общемъ, повидному, сходны между собой. Кожа дѣлится всѣ извѣстныя до сихъ поръ 80—85 видовъ листоносовъ сообразно формѣ ихъ листового придатка на носу, такъ: съ недоразвитымъ носовымъ придаткомъ (*Pseudophyllata*), съ простымъ придаткомъ (*Monophyllata*), съ двойнымъ (*Diphyllata*) и наконецъ съ вполне развитымъ или трехраздѣльнымъ носовымъ придаткомъ (*Triphyllata*); другіе натуралисты дѣлятъ ихъ на нѣсколько группъ, отличающихся строеніемъ зубовъ.

Къ листоносамъ съ недоразвитымъ носовымъ наростомъ принадлежитъ родъ *Десмодовъ* (*Desmodus*), у которыхъ глубоко вырѣзанный наростъ имѣетъ форму римской цифры V; широко разставленныя уши съ длиннымъ, острымъ, снаружи зубчатымъ козелкомъ; этотъ родъ летучихъ мышей отличается еще тѣмъ, что не имѣетъ хвоста, а летательная перепонка бедра представляетъ только оторочку. Зубная система состоитъ изъ 2 постоянныхъ и 6 выпадающихъ рѣзцовъ въ верхней челюсти, 4—въ нижней, по одному клыку съ каждой стороны въ каждой челюсти, затѣмъ сверху по 2 и внизу по 3 коренныхъ съ каждой стороны, коронки которыхъ сжаты съ боковъ и имѣютъ острые бугорки.

Одинъ изъ представителей этого рода, о которомъ уже много разъ упоминалось, получилъ названіе Рыжаго десмода (*Desmodus rufus*), данное ему принцемъ фонъ-Видъ. Эта летучая мышь сверху темнубураго цвѣта, потому что волосы посрединѣ имѣютъ такой цвѣтъ, а самыя верхушки ихъ и основанія бѣловатыя; снизу шерсть гораздо свѣтлѣе, блестящаго серебристаго цвѣта. Носовой наростъ, ушная раковина, руки и ноги кажутся мясного краснаго цвѣта и покрыты рѣдкими волосами. Летательныя перепонки почти такого же цвѣта, какъ и спина. Длина тѣла достигаетъ 6—5 см., размахъ крыльевъ—37 см.

Этотъ видъ, по словамъ Бурмейстера, часто встрѣчается въ пещерахъ Минасъ-Гераесъ. Днемъ онъ виситъ подь потолкомъ небольшими группами, легко приходитъ въ безпокойство при видѣ свѣта. Подобно листоносамъ, въ тѣсномъ смыслѣ, онъ питается кровью, что подтверждаетъ и форма его зубовъ—рѣзцовъ и коренныхъ. Наблюденія Бурмейстера очень существенно пополняютъ Гензель. «Эти летучія мыши, говоритъ онъ, живутъ большими обществами въ пещерахъ между скалами, иногда же встрѣчаются въ большихъ дуплистыхъ деревьяхъ. Во время ловли ихъ, онѣ

кусахи моихъ собакъ за носъ и меня самого за пальцы; я разсматривалъ эти раны и нашелъ, что онѣ совсѣмъ похожи на тѣ, которыя я видѣлъ у лошадей, покусаныхъ кровососами. Животное кусаетъ съ быстротою молніи: кажется, что оно только коснулось кожи, а между тѣмъ видно, что уже кусочекъ ея откушенъ. Поэтому они не могутъ впиваться зубами, какъ это дѣлаютъ другіе листоносы, которые, когда ихъ поймаютъ, приходятъ въ такую ярость, что захватываются зубами за что попало и такъ висятъ довольно долго. Еще много есть неизвѣстнаго въ образѣ жизни этого кровососа, такъ какъ число ранъ, наблюдаемыхъ отъ его укушенія, на лошадяхъ и мулахъ, слишкомъ незначительно въ сравненіи съ количествомъ этихъ летучихъ мышей. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ Санта-Круцъ есть въ песчаниковой горѣ пещера, гдѣ живутъ эти листоносы; я насчиталъ ихъ тамъ, по крайней

Египетскій ланцетонось. *Rhinorhina microphyllum*. Наст. вел.

мѣрѣ, штукъ 200. По близости этой пещеры было огороженное мѣсто, на которомъ дни и ночи паслись лошади и рогатый скотъ ближайшихъ поселенцевъ. Я часто туда ходилъ, но никогда не замѣчалъ на животныхъ очень большого количества ранъ или укушенія кровососовъ. Если бы всѣ тѣ летучія мыши, что жили въ пещерѣ, напали на нихъ, то здѣсь держать ихъ было бы невозможно.

Ланцетонось (*Rhinorhina*) отличаются длиннымъ свободнымъ хвостомъ и узкой бедровой летательной перепонкой, а также своеобразной зубной системой: вверху 2, внизу 4 рѣзца, въ обѣихъ челюстяхъ съ каждой стороны по 1 клыку, вверху съ каждой стороны по 4 коренныхъ, внизу по 1 ложно-коренному и по 4 настоящихъ коренныхъ—всего 28 зубовъ.

Наиболѣе извѣстный видъ этого рода Египетскій ланцетонось (*Rhinorhina microphyllum*, *R. hartwickii*, *Vespertilio microphyllos*. *Aegyptische Klappnase*. *Rhi-*

пороте microphylla) — маленький длинноволосый, светло-сѣрый звѣрекъ; длина тѣла $5\frac{1}{2}$ ст.; почти такой же длины и хвостъ; около 20 ст. размахъ крыльевъ; особенно бросается въ глаза очень длинный и тонкій хвостъ, который состоитъ изъ 11 позвонковъ и далеко выдается за летательную перепонку бедра. Вѣроятно, этотъ ланцетоносъ былъ извѣстенъ уже старому Геснеру, по крайней мѣрѣ слѣдующее описаніе его относится къ этому виду: «Въ большой каменной четырехугольной постройкѣ (пирамидѣ) въ Египтѣ мы находили много летучихъ мышей, тѣмъ непохожихъ на нашихъ, что у нихъ есть длинный хвостъ вродѣ мышинаго, который далеко выдается за крылья: сами же крылья не длиннѣе, чѣмъ у нашихъ лету-

Большой вампиръ. *Phyllostoma spectrum*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

чихъ мышей; онѣ рождаютъ одного, иногда двухъ дѣтенышей; матери привѣшпваются къ камнямъ кривыми когтями, а дѣтеныши присасываются къ груди матери, у которой есть два сосца, какъ у женщины, по описанію Белленіуса». Ланцетоносъ живетъ въ громадномъ количествѣ въ Египтѣ, преимущественно въ старыхъ, покинутыхъ памятникахъ, въ искусственныхъ и естественныхъ пещерахъ. Я находилъ ихъ въ громадномъ количествѣ въ большой крокодиловой пещерѣ въ Монфалутѣ, которая служила въ древности мѣстомъ погребенія священныхъ пресмыкающихся. Подъ однимъ изъ большихъ сводовъ этой пещеры они висѣли въ такомъ огромномъ количествѣ, что черный потолокъ казался отъ нихъ сѣрымъ. На полу лежалъ слой ихъ испражнений въ нѣсколько дюймовъ толщины, и вонь отъ нихъ заражала всю длинную пещеру. Когда мы вошли съ огнемъ въ этотъ спальный покой, то воздухъ огласился оглушительнымъ шумомъ, и насъ окружила цѣлая масса спугнутыхъ жи-

вотныхъ, которыя торопливо стремились найти другое убѣжище. Шумъ отъ ихъ полета раздавался далеко по всей пещерѣ и былъ похожъ на шумъ отдаленной грозы. Нѣсколько разъ они тушили у насъ свѣчи. При каждомъ взмахѣ палкой мы сбивали одну, а большею частью двухъ или трехъ летучихъ мышей; но и съ перебитыми крыльями онѣ съ пискомъ ползали по землѣ, стараясь куда-нибудь спастись. Пойманныя кусались смѣло и довольно чувствительно.

Въ вечернія сумерки эта летучая мышь часто появляется на Нилѣ, но еще чаще на залитыхъ имъ мѣстахъ и ловить здѣсь насѣкомыхъ, летающихъ надъ поверхностью воды. Впрочемъ, она распространяется далеко по Нилу и часто встрѣчается въ Донголь.

* * *

У Вампировъ (*Phyllostoma*), въ тѣсномъ смыслѣ, причисляющихся къ виду летучихъ мышей съ двойнымъ носовымъ листомъ, есть еще особый носовой наростъ, торчащій на подобіе ланцета или копья. Уши почти всегда раздѣлены и снабжены козелкомъ. Зубная система состоитъ изъ 4 рѣзцовъ въ каждой челюсти. по 1 клыку, по 1 ложно-коренному и по 4 настоящихъ коренныхъ зуба въ каждой сторонѣ каждой челюсти — всего 32 зуба.

Между многочисленными видами этой группы заслуживаетъ особаго вниманія самый большой изъ всѣхъ кровососовъ Южной Америки — Вампиръ или Упырь (*Phyllostoma spectrum*, *Vespertilio*, *Vampyrus spectrum*, *Vampire*). Длина его тѣла достигаетъ 16, а размахъ крыльевъ; по Бэтсу, 70 см. «Голова», говоритъ Бурмейстеръ, «толстая и длинная, съ вытянутой мордочкой. Уши торчатъ кверху и большей величины, чѣмъ у большинства видовъ, продолговатыя, яйцевидно-круглыя и безъ большой вырѣзки на наружномъ краѣ; узкій, острый козелокъ имѣетъ у основанія зубецъ; носовой листъ, сравнительно съ величиной животнаго, малъ и узокъ, по срединѣ его идетъ возвышеніе, стебелекъ довольно широкій, не отдѣленный вырѣзкой отъ остро-зубчатой и гладкой, безъ бородавокъ, окранныя ноза. Верхняя губа гладкая, на нижней есть спереди двѣ большія голыя бородавки. Мягкій и нѣжный мѣхъ на спинѣ темно-каштановый; летательныя перепонки, какъ и всѣ голыя части тѣла, бураго цвѣта».

Вампиръ живетъ въ сѣверной Бразиліи и Гвианѣ, какъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ, такъ и въ зданіяхъ. «Ничего не можетъ быть отвратительнѣе», говоритъ Бэтсъ, «выраженія лица этого созданья, особенно если разсматривать его спереди. Большія, кожистыя, стоящія широко по сторонамъ головы уши; прямостоящія, вродѣ копья, носовой наростъ; сверкающіе и блестящіе черные глаза, — все это, соединенное въ одно цѣлое, напоминаетъ сказочныхъ домовыхъ. Неудивительно, что народная фантазія надѣлила это отталкивающее созданье сверхъестественными свойствами. Но вампиръ одна изъ самыхъ неопасныхъ летучихъ мышей, и безвредность его хорошо знакома всѣмъ прибрежнымъ жителямъ Амазонской рѣки». По древнѣйшимъ и новымъ описаніямъ достовѣрныхъ изслѣдователей эта летучая мышь, хотя и представлена въ такомъ страшномъ видѣ, относится къ листоносамъ, но не къ кровососамъ; по ночамъ усердно охотится за насѣкомыми и кромѣ того питается плодами. «Во время свѣтлыхъ лунныхъ ночей», говоритъ Уатертонъ, «я часто видѣлъ, какъ упырь подлеталъ къ деревьямъ со спѣлыми плодами и сосалъ ихъ. Изъ лѣсу онъ приносилъ по временамъ къ намъ на дворъ круглый плодъ, величиной съ мускатный орѣхъ, походившій на плодъ дикой гуаявы, а, когда цвѣло мѣстное орѣховое дерево, носился вокругъ него. Въ одну свѣтлую лунную ночь я видѣлъ нѣсколько летучихъ мышей, которыя летали около вершины этого дерева и замѣтилъ, что цвѣтки по временамъ падали въ воду. Это происходило, конечно,

не безъ причины, потому что всѣ упавшіе цвѣты, изслѣдованные мною, оказались съѣжими и неповрежденными. Изъ этого я заключилъ, что ихъ срывали листоносы для того, чтобы съѣсть или завязывающійся плодъ, или насѣкомыхъ, которыя такъ часто сидятъ въ цвѣткахъ». Бэтсъ вполне подтверждаетъ наблюденія Уатертона. «Я нашелъ два различные вида вампировъ,—одинъ черноватаго, другой красноватаго цвѣта—и убѣдился, что оба питаются преимущественно плодами. Церковь въ Эга служила главнымъ пребываніемъ обоихъ видовъ, я ихъ видѣлъ каждый вечеръ, сидя передъ дверью моего дома: они стаями вылетали изъ церкви черезъ большое открытое окно позади алтаря. Я слышалъ ихъ пискъ прежде, чѣмъ они разлетались по лѣсу. Иногда они залетали даже въ дома и перваго изъ нихъ, котораго я увидѣлъ въ моей комнатѣ, когда онъ кружился подъ потолкомъ, я принялъ за исчезнувашаго передъ тѣмъ голубя моего сосѣда. Я вскрывалъ желудки многихъ изъ этихъ листоносовъ и находилъ, что они содержали множество мякоти и сѣмянъ различныхъ плодовъ, перемѣшанныхъ съ остатками насѣкомыхъ. Туземцы утверждаютъ, что они воруютъ въ садахъ зрѣлые плоды каюса и гуаявы. Но, при сравненіи выпутыхъ изъ ихъ желудка сѣмянъ съ зернами разводимыхъ въ Эга деревьевъ, я нашелъ, что этого не можетъ быть, и мнѣ кажется вѣроятнѣе, что упыри только въ лѣсахъ отыскиваютъ свою пищу, а къ утру возвращаются въ деревни, потому что они здѣсь, въ строеніяхъ, находятъ болѣе надежное мѣсто для отдыха, чѣмъ въ лѣсу».

* * *

Въ Европѣ представителями семейства листоносовъ являются Подковоносы (*Rhinolophus*), изъ которыхъ, насколько извѣстно, встрѣчается въ Старомъ Свѣтѣ четыре вида, а собственно въ Германіи два вида. Зубная система подковоносовъ состоитъ изъ 32 зубовъ, именно, раздѣленные промежуткомъ недоразвитые 2 рѣза на каждой сторонѣ верхней челюсти, а 4 сплошные—въ нижней, по одному сильному клыку, по 1 очень мелкому и по 4 большихъ коренныхъ зуба съ каждой стороны въ верхней челюсти и по 6 въ нижней челюсти. Второй изъ коренныхъ зубовъ нижней челюсти выдается изъ ряда другихъ и, подобно первому въ верхней челюсти—очень мелкій, иногда даже его трудно видѣть простымъ глазомъ; оба, хотя рѣдко, но иногда выпадаютъ. Вполнѣ развитой носовой наростъ состоитъ изъ трехъ частей подковы, продольнаго гребня и ланцета. Первая начинается спереди на верхушкѣ мордочки, окружаетъ лежащія на переносицѣ въ глубокой кожистой складкѣ ноздри, и оканчивается боковыми вѣтвями у самыхъ глазъ. Продолговатый гребень возвышается въ серединѣ подковы, сзади ноздрей и имѣетъ впереди расширенную поперечную поверхность, а сзади ея сѣдлообразное углубленіе, гдѣ онъ и оканчивается выдающимся впередъ остриемъ. Стоящій поперекъ лба кожистый ланцетъ возвышается между глазами подъ заднимъ краемъ вѣтвей подковы и имѣетъ съ каждой стороны выдающейся средней линіи по три клѣткообразныхъ углубленій, отдѣленныхъ одно отъ другаго поперечными перепонками. Ухо гораздо проще, кожистаго развитаго козелка не имѣется. Подковоносы имѣютъ широкія и сравнительно довольно короткія летательныя перепонки, поэтому они машутъ тяжело крыльями и полетъ ихъ менѣе ловокъ, чѣмъ у другихъ видовъ.

Одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ видовъ подковоносовъ, это Малый подковоносъ (*Rhinolophus hipposideros*, *Vespertilio minitus*, *Rhinolophus hippocrepis* и *bihastatus*, *Hipposideros bihastatus*. *Zwerghufeisennase*. *Le petit fer-à-cheval*); онъ принадлежитъ къ самымъ маленькимъ изъ нашихъ летучихъ мышей. Все тѣло его длиною только 6 см., а размахъ крыльевъ около 22 см. Шерсть свѣтлая, блѣло-пато-сѣрая, сверху нѣсколько темнѣе, чѣмъ снизу. Малый подковоносъ распро-

страненъ на сѣверѣ далѣе всѣхъ другихъ листоносовъ. Въ Европѣ онъ встрѣчается, по словамъ Коха, отъ береговъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей до Средиземнаго и отъ крайняго Запада Европы до Кавказа; въ Германіи мѣстами его совсѣмъ нѣтъ, а мѣстами водится въ большомъ количествѣ. На Рейнѣ, въ горахъ Таунуса и на рѣкѣ Ланѣ, нѣтъ почти ни одной развалины съ подземнымъ сводомъ, гдѣ бы ихъ не было; также часто живетъ въ старыхъ известняковыхъ пещерахъ и въ оставленныхъ рудникахъ и высоко поднимается на горахъ.

Къ климату и переменамъ погоды этотъ подковоносъ менѣе чувствителенъ, чѣмъ его сородичи, но неохотно вылетаетъ въ холодную, сырую погоду; для дневного отдыха всегда отыскиваетъ вполне защищенные мѣста, поэтому забирается далеко въ глубину рудниковъ и пещеръ. Зимняя спячка длится довольно долго, впрочемъ, смотря по обстоятельствамъ, его можно видѣть и съ первыми летучими мышами, рано вылетающими изъ своихъ убѣжищъ, и съ тѣми, которые вылетаютъ поздно; напротивъ, есть и такіе, которые поздно засыпаютъ и рано вылетаютъ. Это различіе во времени начала и окончанія зимней спячки, кажется, обуславливается не возрастомъ, а скорѣе поломъ животныхъ. Кохъ находилъ въ спячкѣ очень рано осенью большею частью самцовъ, а поздней весной—самокъ; нѣкоторые экземпляры подковоносовъ прерываютъ зимнюю спячку, другіе—нѣтъ.

Лѣтомъ малый подковоносъ живетъ преимущественно въ подземныхъ пещерахъ, въ старыхъ развалившихся ледникахъ, въ рудникахъ и въ нежилыхъ строенияхъ. И лѣтомъ, и зимой собирается обществами, но не скучивается такими громадными массами, какъ другія летучія мыши, и не виситъ скучившись, а каждое животное отдѣльно. Въ состояніи покоя виситъ на заднихъ ногахъ и заворачивается на-глухо или слегка въ летательную перепонку; во время же зимней спячки такъ плотно заворачивается, что его можно принять скорѣе за грибокъ, чѣмъ за летучую мышь. Лѣтомъ просыпается очень легко, такъ что и въ свѣтлый лѣтній день, когда онъ, повидимому, спокойно спитъ, безъ сѣтки нелегко его поймать, потому что при приближеніи челоуѣка онъ быстро просыпается и улетаетъ. Во время бодрствованія онъ поминутно вертитъ головой то въ ту, то въ другую сторону, обнюхивая все вокругъ, лижетъ себя, приглаживается, ловитъ въ своей шерсти паразитовъ. Малый подковоносъ самая живая, миловидная и занимательная изъ нашихъ летучихъ мышей, хотя онъ летаетъ не очень ловко, довольно медленно и невысоко надъ землей. Неволи, къ сожалѣнію, онъ не выносить; какъ большинство видовъ этого семейства, онъ очень раздражителенъ, возбуждается не только, когда его дразнятъ, но даже и когда только трогаютъ; вслѣдствіе раздраженія у него начинается кровотеченіе носомъ, которое часто причиняетъ смерть.

Главная пища подковоносы — насѣкомыя, непокрытыя жесткой кожей, а именно: мелкія ночныя бабочки, мухи и т. п.; тѣмъ не менѣе онъ принадлежитъ къ числу настоящихъ кровососовъ, что ясно доказано наблюденіями, произведенными Коленати. Этотъ изслѣдователь нашелъ зимой въ известняковой пещерѣ въ Моравіи 45 штукъ спящихъ летучихъ мышей, большею частью ушановъ и малыхъ подковоносовъ, взявъ ихъ съ собой въ Брюннъ и пустилъ всѣхъ вмѣстѣ въ одну большую комнату, въ которой находилась его коллекція, предоставляя имъ самимъ выбрать себѣ мѣсто для сна. Чтобы имѣть возможность точнѣе наблюдать за летучими мышами, онъ провелъ ночь въ одной комнатѣ съ ними. Ушаны летали отъ 7 до 12 часовъ вечера, потомъ успокоились; отъ часу до 3 летали подковоносы и затѣмъ также прицѣпились для сна; отъ 3 до 5 ч. утра опять летали нѣкоторые изъ ушановъ. Даже тогда, когда онъ стоялъ спокойно, ушаны держались отъ него на разстояніи, по крайней мѣрѣ, отъ 3 до 5 футовъ, подковоносы же при-

близкая къ его лицу на разстояніе двухъ дюймовъ, оставались нѣсколько мгновеній на одномъ мѣстѣ, но часто опускались къ ногамъ и тамъ, не отодвигаясь отъ него, продолжали махать крыльями. Спустия нѣсколько дней, нашъ натуралистъ хотѣлъ показать летучихъ мышей одному своему пріятелю и ввелъ его въ комнату, гдѣ были летучія мыши; къ немалому удивленію онъ увидѣлъ, что шесть подковоносовъ съѣдены, такъ что отъ нихъ остались лишь концы крыльевъ и когти, а у одного голова была страшнымъ образомъ изувѣчена. Многочисленные слѣды крови, окровавленные морды и вздушіея животы, а также множество испражнений изобличали ушановъ, число которыхъ не убавилось, въ убійствѣ исчезнувшихъ

Большой подковоносъ. *Rhinolophus ferrugineus*. $\frac{4}{5}$ наст. вел.

подковоносовъ. Когда убили одного изъ нихъ и изслѣдовали его желудокъ, то не осталось никакого сомнѣнія относительно этого предположенія. Въ то же время было замѣчено, что летательныя перепонки ушановъ вблизи тѣла были покрыты свѣжими ранами со вздутыми крыльями, и животныя, собравшись въ одну массу, сидѣли плотно одинъ около другого, подобно черепицамъ на кровлѣ, а подковоносы отыскивали себѣ самые скрытые углы для отдохновенія. Выводъ изъ этого наблюденія былъ очень простъ: не очень дружелюбно расположенныя другъ къ другу животныя вступили ночью въ драку. Въ продолженіи перваго отдыха ушановъ на нихъ напали подковоносы, переранили ихъ и сосали у нихъ кровь; въ отмщеніе за это ушаны, во время своего вторичнаго вылета, пожрали отдохнувшихъ злодѣевъ.

Одинъ любитель голубей рассказывалъ вышеупомянутому наблюдателю, что у его голубей часто оказываются маленькія ранки съ вывороченными краями; раны

эти являются ночью, и появленіе ихъ хозяинъ никакъ не могъ объяснить. Коленати справедливо заключаетъ, что раны эти также происходятъ отъ укушенія подковоноса. И такъ, въ Европѣ есть настоящіе вампиры—кровососы, хотя, впрочемъ, они вообще совершенно безвредны и ни въ какомъ случаѣ не могутъ подать людямъ ни малѣйшаго повода къ ужасу и страху.

* * *

Еще чаще, чѣмъ вышеописанный видъ, встрѣчается Большой подковоносъ (*Rhinolophus ferrum-equinum*, *Vespertilio ferrum-equinum*, *Rhinolophus unihastatus*. Hufeisennase. Grand fer-à-cheval). Длина его тѣла достигаетъ 5,5 см., длина хвоста—3,5 см., размахъ крыльевъ—33 см. Носовой наростъ очень великъ; ухо также довольно большое; волосы густые и длинные; цвѣтъ самцовъ сверху пепельно-сѣрый съ бѣловатымъ корнями волосъ, снизу—свѣтло-сѣрый; у самокъ сверху—свѣтло-красновато-бурый, а снизу—красновато-сѣрый.

Подковоносы водятся большею частью въ средней и южной Европѣ, также ихъ находятъ въ Азіи на Ливанскихъ горахъ. Въ горахъ лѣтомъ они поднимаются до высоты 2000 метровъ. Они живутъ охотно обществами, но не такъ часто, какъ другіе виды этого семейства; иногда соединяются съ родственными видами. Для зимней спячки и дневного сна они выбираютъ обычные мѣста, какъ и всѣ другія летучія мыши. Весной большой подковоносъ вылетаетъ рано, зимою же только изрѣдка и поздно вечеромъ.

Полетъ его, вслѣдствіе широкихъ, но короткихъ крыльевъ, не отличается ловкостью; онъ никогда не поднимается особенно высоко. Коленати полагаетъ, что онъ также высасываетъ кровь у другихъ животныхъ. Ночью онъ летаетъ надъ лѣсами и ущельями, отыскиваетъ серня, косуль и высасываетъ у нихъ кровь; также порхаетъ вокругъ гнѣздъ бѣлокъ, такъ что хотя его способность высасывать кровь еще не доказана, однако она очень вѣроятна.

Отрядъ IV.

Хищныя (Carnivora).

Едва ли какой-нибудь другой отрядъ млекопитающихъ представляетъ такое богатство формъ, какъ хищныя. Величина тѣла у этихъ животныхъ весьма различная—отъ средней до самой малой и по устройству тѣла мы здѣсь замѣчаемъ большое разнообразіе. Отъ огромнаго льва до маленькой ласки—сколько промежуточныхъ ступеней, сколько разнообразія внѣшняго вида! Человѣкъ, не получившій научнаго образованія, съ большимъ трудомъ можетъ распознать общій типъ хищнаго млекопитающаго среди всѣхъ многочисленныхъ и мало похожихъ другъ на друга животныхъ этого отряда. Здѣсь мы встрѣчаемъ красиво окрашенную и граціозную кошку, а рядомъ съ нею неуклюжую гіену; въ этомъ отрядѣ мы находимъ и стройную подвижную виверру съ шелковистымъ, гладкимъ мѣхомъ и большого, мохнатого пса, тяжеловѣснаго и неповоротливаго медвѣдя и быструю увертливую куньку; могутъ ли эти различныя животныя дѣйствительно относиться къ одному отряду? Можно ли ихъ соединить вмѣстѣ, когда одни изъ нихъ живутъ на землѣ, другія лазаютъ по деревьямъ, третьи чувствуютъ себя хорошо только въ водѣ? Съ научной точки зрѣнія все же необходимо всѣхъ этихъ разнообразныхъ звѣрей соединить въ одну группу.

Несмотря на различіе во внѣшнихъ признакахъ, всѣ хищныя во многомъ сходны между собой какъ по устройству тѣла, такъ и по своему нраву. Одинаковый образъ жизни и одинаковая пища указываютъ на то, что животныя эти должны быть сходны между собой по строенію конечностей и зубовъ, а также по привычкамъ и образу жизни. Каррикатурныхъ, уродливыхъ и совершенно отвратительныхъ на взглядъ существъ въ этомъ отрядѣ почти не встрѣчается.

Конечности хищныхъ по своей длинѣ и толщинѣ находятся въ строгомъ соотвѣтствіи со строеніемъ туловища; на этихъ конечностяхъ бываетъ отъ четырехъ до пяти пальцевъ съ болѣе или менѣе развитыми, тупыми или острыми, втяжными или не втяжными когтями. Всѣ органы внѣшнихъ чувствъ представляютъ высокое развитіе, несмотря на довольно большое разнообразіе въ устройствѣ. Во рту мы находимъ зубы всѣхъ родовъ: зубы эти въ большинствѣ случаевъ очень велики, имѣютъ острые бугорки или коническую острую форму и сидятъ въ челюстяхъ плотно; рядъ нижнихъ зубовъ помѣщается при закрытомъ ртѣ вплотную внутри ряда верхнихъ зубовъ, такъ что образуютъ прекрасное рѣжущее орудіе, а хорошо развитые жевательные мускулы придаютъ большую силу этому орудію. Желудокъ имѣетъ всегда видъ простаго мѣшка. Кишки никогда не бываютъ очень длинными, а иногда очень коротки, слѣпой отростокъ кишекъ мало развитъ. У задняго про-

хода встрѣчаются иногда особыя железки, которыя выдѣляютъ сильно пахнущую жидкость, служащую для защиты отъ враговъ, иногда же для приманки добычи, а иногда онѣ выдѣляютъ жирную массу, служащую для смазыванья мѣха.

Болѣе точные внѣшніе признаки хищныхъ слѣдующіе. Туловище представляетъ различное строеніе—отъ короткаго и толстаго туловища медвѣдя, до длиннаго, тонкаго туловища виверры; конечности почти всегда средней величины, съ четырьмя или пятью пальцами, которые постоянно снабжены когтями; голова большею частью округленная, кончикъ носа голый, глаза велики и зорки, уши стоячія, губы окружены усами, а иногда и бородой. Во рту мы замѣчаемъ, какъ на верхней, такъ и на нижней челюсти по 6 небольшихъ рѣзцовъ и по 2 длинныхъ коническихъ клыка, служащихъ для схватыванія добычи. Задніе ложнокоренные зубы верхней челюсти и передніе настоящіе коренные нижней челюсти имѣютъ коронку трехзубчатую и сжатую съ боковъ: эти зубы служатъ главнымъ образомъ для разрѣзыванія мяса; прочіе ложнокоренные зубы также сжаты съ боковъ, но имѣютъ по одному зубу, а нѣкоторые настоящіе коренные имѣютъ плоскую верхушку для растиранія пищи.

По внутреннему строенію тѣла хищныя представляютъ нижеслѣдующіе болѣе или менѣе ясно выраженные общіе признаки. Скелетъ, несмотря на легкость и красоту формы, состоитъ изъ очень плотныхъ костей. Черепъ удлинненный, мозговой часть его почти одинаковой длины съ личной, такъ что ни одна изъ этихъ частей замѣтно не преобладаетъ надъ другою. Сильные гребни и выдающіеся швы на черепѣ, а также очень выпуклыя скуловые дуги указываютъ на прикрѣпленіе сильныхъ мускуловъ, двигающихъ нижнюю челюсть; глазныя впадины очень велики; воздушныя теменной кости, гдѣ помѣщается внутреннее ухо, очень замѣтно; носовыя кости и хрящи также хорошо развиты: все это указываетъ на хорошее развитіе органовъ зрѣнія, слуха и обонянія. Спинныя и шейныя позвонки имѣютъ большіе отростки; поясничныя позвонки часто срастаются между собой; число хвостовыхъ позвонковъ очень разнообразно. Строеніе конечностей значительно измѣняется согласно образу жизни животнаго, но всегда указываетъ на силу и подвижность этихъ органовъ.

У нѣкоторыхъ хищныхъ носъ удлиняется въ видѣ хобота; онъ тогда снабженъ особыми косточками и хрящами и служитъ для рытья земли. Конечности иногда укорочены и представляютъ значительную толщину, и это указываетъ, что животное хорошо разрываетъ землю и ведетъ подземный образъ жизни. Иногда эти конечности очень длинны и тогда способствуютъ быстрому бѣгу. У нѣкоторыхъ животныхъ пальцы соединены плавательной перепонкой и служатъ признаками водной жизни хищнаго. Когти иногда бываютъ втяжные и тогда при ходьбѣ сохраняются отъ стиранія, а когда выпущены, то служатъ прекрасными орудіями для схватыванія и раздиранія; въ другихъ случаяхъ когти неподвижны и тогда не столь остры, и въ этомъ случаѣ служатъ опорой для ноги, а также для копанья земли и для лазанья. Между зубами главную роль играютъ очень длинныя клыки и острые коренные, такъ называемыя, плотоядные зубы; зубы эти служатъ для схватыванья и раздиранья добычи, а также для разрѣзыванья мяса. Нижняя челюсть двигается посредствомъ большихъ мускуловъ и толстыхъ сухихъ жилъ, которые обуславливаютъ очень сильныя и разнообразныя движенія этой кости.

Какъ уже сказано выше, органы чувствъ развиты у этихъ животныхъ прекрасно, только въ видѣ исключенія одинъ изъ нихъ бываетъ мало развитъ, и тогда недостатокъ этотъ вознаграждается особеннымъ развитіемъ прочихъ чувствъ.

Вообще нельзя сказать, чтобы какое-нибудь одно внѣшнее чувство было развито постоянно сильнѣе другихъ: у нѣкоторыхъ мы замѣчаемъ сильное развитіе обонянія, у другихъ — зрѣнія, у третьихъ — слуха, а въ иныхъ случаяхъ и осязаніе

играет важную роль. Въ большинствѣ случаевъ остротою отличаются два чувства, обоняніе и слухъ, въ болѣе рѣдкихъ—слухъ и зрѣніе.

Душевные способности хищныхъ вполне соотвѣтствуютъ развитію внѣшнихъ органовъ: мы находимъ въ этомъ отрядѣ необыкновенно умныхъ животныхъ, и потому неудивительно, что они выказываютъ много хитрости и притворства, которыя необходимы для успѣшной ихъ дѣятельности, какъ разбойниковъ и воровъ. Увѣренность въ собственной силѣ придаетъ этимъ животнымъ много смѣлости и предпримчивости, качества, которыя у другихъ животныхъ никогда не бываютъ такъ сильно развиты, какъ у хищныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ причиной нѣкоторыхъ недостатковъ этихъ столь совершенныхъ существъ. Хищныя такъ привыкли побѣждать, что у нихъ легко развивается властолюбіе, а также жестокость, иногда переходящая въ настоящую кровожадность, такъ что кровожадныхъ людей называютъ именами хищныхъ животныхъ.

Мѣстожителства и образъ жизни этихъ животныхъ находятся въ соотвѣтствіи съ устройствомъ тѣла и нравомъ ихъ. Хищныя живутъ и властвуютъ повсюду: на землѣ и въ водѣ точно такъ, какъ и на верхушкахъ деревьевъ, на горахъ, какъ и на равнинахъ, въ лѣсу, какъ и въ полѣ, на сѣверѣ и на югѣ. Между ними можно найти дневныхъ и ночныхъ животныхъ: нѣкоторыя ищутъ себѣ добычу при свѣтѣ солнца, другія въ сумеркахъ, третьи темною ночью.

Нѣкоторыя живутъ обществами, другія одиноко, иныя нападаютъ открыто на свою добычу, но большинство подкарауливаетъ ее втихомолку и нападаетъ на нее неожиданно, что даетъ имъ возможность захватывать животныхъ, которыя по росту иногда больше самихъ хищниковъ. Всѣ какъ можно дольше прячутся, чтобы не пугать преждевременно добычу своимъ появленіемъ и только немногія, сознавая свою слабость, ищутъ спасенія въ бѣгствѣ, если замѣтятъ что-либо подозрительное. Чѣмъ болѣе хищныя любятъ свѣтлый день, тѣмъ они веселѣе, живѣе и болѣе склонны къ общественной жизни; ночныя животныя, напротивъ того, по нраву своему—угрюмы, недовѣрчивы, иногда пугливы и общества не любятъ.

Всѣ хищныя питаются другими животными; только въ видѣ исключенія ѣдятъ они также плоды, сѣмена и другія растительныя вещества. Обыкновенно отличаются между ними всеядныхъ и плотоядныхъ, но первое изъ этихъ названій не вполне справедливо, потому что всеядныя все-таки предпочитаютъ, точно такъ, какъ и плотоядныя, хорошій кусокъ мяса всякой другой пищѣ. Всѣ животныя этого отряда по природѣ своей убійцы и разбойники, схватываютъ-ли они болѣе крупныхъ или мелкихъ животныхъ, и даже тѣ, которыя охотно ѣдятъ растительныя вещества, при случаѣ доказываютъ, что они не составляютъ исключенія изъ вышеуказаннаго правила, когда дѣло доходитъ до умерщвленія какого-нибудь слабого существа. Само собой разумѣется, что по пищѣ, или точнѣе по добычѣ своей, хищныя отличаются другъ отъ друга соотвѣтственно своему мѣстожителству, отечеству, строенію тѣла и образу жизни. Только немногія группы животнаго царства не подвергаются нападенію и не служатъ добычей этихъ хищниковъ. Самые большіе и сильные виды этого отряда питаются главнымъ образомъ млекопитающими, не пренебрегая, впрочемъ, и другими животными. Даже левъ исключительно не питается млекопитающими, остальные же кошки еще менѣ разборчивы; собаки же, главную пищу которыхъ хотя и составляетъ мясо, довольствуются вполне другою пищею. Между виверрами и кунницами часто находимъ мы такихъ, которыя исключительно ѣдятъ рыбу или, такъ же охотно, пресмыкающихся; медвѣдей обыкновенно называютъ всеядными, и дѣйствительно они одинаково охотно питаются и растительной и животной пищей. Позвоночныя животныя находятъ

между хищными охотниковъ или, лучше сказать, враговъ, точно такъ, какъ и безпозвоночныя. Ничто не спасаетъ животныхъ отъ нападенія хищниковъ, которые отыскиваютъ свою добычу, какъ на твердой землѣ и въ водѣ, такъ и на вѣтвяхъ деревьевъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, какъ на высокихъ горахъ, такъ и подъ землею: отдѣльные виды этого отряда распространяють хищничество и смерть повсюду, такъ какъ они этимъ живутъ, и слабый долженъ служить добычей сильнаго.

Нѣкоторыя хищныя млекопитающія живутъ, по общему мнѣнiю, парами, но пары эти никогда не соединены на всю жизнь. Во время спариванiя и послѣ него нѣкоторыя кошки и куницы живутъ болѣе тѣсно парами, чѣмъ въ прочее время года и соединяются вмѣстѣ для того, чтобы вскормить дѣтенышей, ихъ защищать и охранять, но во многихъ случаяхъ отецъ смотритъ на своихъ дѣтенышей какъ на добычу и долженъ быть отгоняемъ матерью отъ логовища ихъ, когда онъ случайно его найдетъ. Въ этихъ случаяхъ мать является единственной воспитательницей. Число дѣтенышей одного помета бываетъ очень различно, но рѣдко менѣе двухъ. Почти всегда дѣтеныши рождаются слѣпыми и первое время очень безпомощны, но потомъ развиваются, относительно говоря, довольно быстро. Мать обстоятельно учитъ своихъ дѣтенышей ловить добычу и отыскивать себѣ соответствующій кормъ, и защищаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не способны жить самостоятельно. Только немногiя хищныя таскають своихъ дѣтенышей на спинѣ или держатъ ихъ передними конечностями; большинство переноситъ ихъ съ мѣста на мѣсто въ зубахъ.

Человѣкъ живетъ почти со всѣми хищными животными въ открытой враждѣ; только немногихъ онъ сдѣлалъ ручными и пользуется ихъ услугами, но за то эти послѣднiя стали къ человѣку ближе всѣхъ другихъ животныхъ. Большинство хищниковъ считается болѣе или менѣе справедливо вредными существами и поэтому за ними безжалостно охотятся, и человѣкъ падитъ только немногихъ изъ нихъ. Мясо и жиръ нѣкоторыхъ животныхъ этого отряда употребляется въ пищу, драгоценный мѣхъ другихъ служитъ для одежды человѣка и, имѣя въ виду эту пользу, можно конечно извинить охоту на нихъ. Къ сожалѣнiю, часто мы замѣчаемъ, что человѣкъ, вслѣдствiе слѣпотаго стремленiя къ уничтоженiю, преслѣдуетъ не только безвредныхъ, но даже и полезныхъ хищныхъ животныхъ. Уже съ этой точки зрѣнiя можно посовѣтовать всякому подробнѣе ознакомиться съ образомъ жизни животныхъ этого отряда, такъ какъ въ высшей степени важно отличать своихъ друзей отъ враговъ.

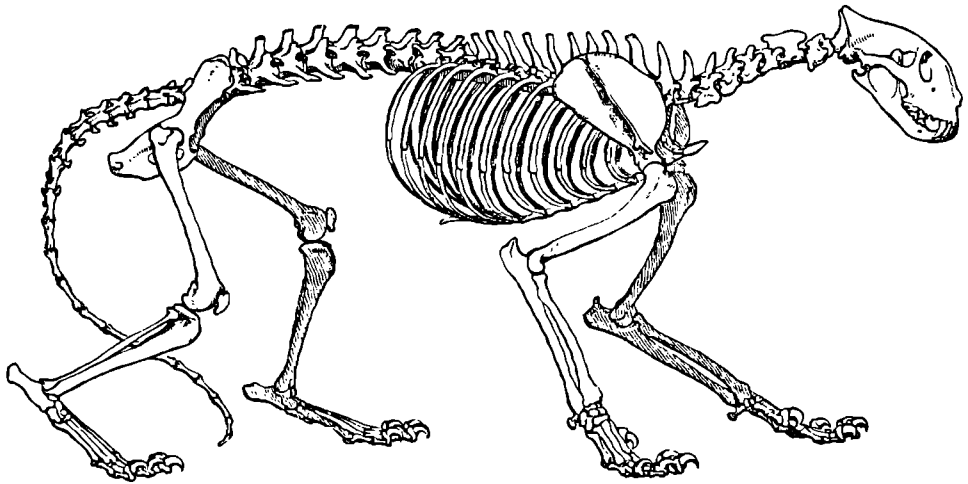
* * *

Даже незнакомые съ зоологiей едва-ли могутъ сомнѣваться какое семейство хищниковъ слѣдуетъ поставить во главѣ этого отряда. Всякiй при этомъ подумаетъ о львѣ, котораго еще древнiе народы называли царемъ звѣрей; при этомъ ему дается преимушество передъ самымъ любимымъ и вѣрнымъ домашнимъ другомъ человѣка—собакой, которая по своей понятливости и нраву должна была-бы быть поставлена еще выше льва. Но въ этомъ случаѣ наука вполне согласна съ общепринятымъ мнѣнiемъ и первымъ семействомъ хищныхъ считаетъ Кошекъ (Felidae).

Кошки составляютъ наиболѣе совершенный типъ хищниковъ. Подобнаго соответствiя между строенiемъ конечностей и туловища, подобной правильности и пропорциональности всѣхъ органовъ мы не встрѣчаемъ у другихъ хищныхъ животныхъ. Каждая отдѣльная часть тѣла кошекъ красива и граціозна, а потому и все животное удовлетворлетъ вполне нашему эстетическому чувству. Мы можемъ, не ошибаясь, считать нашу домашнюю кошку типическимъ животнымъ для всѣхъ кошекъ вообще, такъ какъ ни у какого другого семейства хищниковъ мы не замѣчаемъ такого сходства общихъ признаковъ у всѣхъ животныхъ одной группы.

Видовые признаки кошек кажутся второстепенными и лишь внѣшними признаками въ сравненіи съ тѣми, которые отличаютъ другъ отъ друга отдѣльные виды прочихъ семействъ: левъ съ своей гривой и рысь съ мохнатыми ушами и короткимъ хвостомъ все-таки остаются кошками, точно такъ, какъ и нашъ домашній котъ и леопардъ. Даже гепардъ, который значительно отличается отъ другихъ кошекъ, долженъ быть внимательно разсмотрѣнъ, прежде, чѣмъ мы узнаемъ его настоящую природу, именно, что онъ только на половину кошка, какъ бы помѣсь кошки съ собакой.

Строеніе тѣла кошекъ можно считать общеизвѣстнымъ; всякій достаточно знакомъ съ сильнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ красивымъ туловищемъ ихъ, округленной головой, сидящей на довольно толстой шеѣ, не очень длинными конечностями, съ утолщенными концами, съ длиннымъ ихъ хвостомъ и мягкимъ мѣхомъ, окрашеннымъ постоянно въ такой цвѣтъ, который вполне соответствуетъ окружающей

Скелетъ тигра.

животное мѣстности. Кошки снабжены очень внушительными орудіями для защиты и нападенія. Зубы у нихъ ужасны: клыки имѣютъ видъ тонкихъ, длинныхъ, острыхъ, на концѣ едва согнутыхъ конусовъ, которые гораздо длиннѣе другихъ зубовъ и при укушеніи образуютъ глубокія, почти всегда смертельныя раны. Очень маленькіе рѣзцы почти исчезаютъ въ сравненіи съ этими большими клыками и даже сильные, снабженные острыми треугольными зубцами и острыми коренные зубы кажутся передъ ними незначительными, а между тѣмъ какъ сіи послѣдніе хорошо приспособлены для разрѣзанія мяса и сухихъ жилъ. Зубамъ этимъ вполне соответствуетъ мясистый языкъ, который замѣчателенъ тѣмъ, что поверхность его покрыта тонкими роговыми, назадъ загнутыми шипами, которые сидятъ на большихъ бородавкахъ. Языкъ этотъ дополняетъ вооруженіе рта и дѣлаетъ его нѣсколько похожимъ на ротъ нѣкоторыхъ пресмыкающихся и хищныхъ рыбъ, у которыхъ зубы сидятъ не только на челюстяхъ, но и на небѣ. Хотя шипы кошачьяго языка и отличаются значительно отъ небныхъ зубовъ рыбъ, но все же они достаточно остры, чтобы при усиленномъ лизаніи опарапать до крови нѣжную кожу; кромѣ того языкъ дополняетъ дѣйствіе зубовъ, которые своимъ строеніемъ могутъ служить только для разрѣзанія мяса на куски, но для раздавливанія пищи вовсе не приспособлены. Зубы составляютъ однако не единственное оружіе кошекъ: своими

страшными когтями онѣ могутъ очень удобно схватывать добычу и наносить ей даже смертельныя раны.

Та часть ступни, которая касается земли, кажется у кошекъ очень короткой и округленной, вслѣдствіе того, что послѣдній суставъ пальцевъ приподнять вверхъ; такимъ образомъ при ходьбѣ послѣдніе суставы пальцевъ вовсе не касаются земли и сохраняютъ этимъ отъ притупленія на нихъ сидящія, серповидные, большіе и очень острые когти. Во время покоя и при обыкновенной ходьбѣ эти послѣдніе суставы пальцевъ сохраняютъ свое приподнятое положеніе, благодаря двумъ упругимъ сухимъ жиламъ, изъ которыхъ одна прикрѣплена сверху, а другая сбоку суставовъ пальцевъ; во время гнѣва и возбужденія сильный мускулъ, сухая жила котораго прикрѣпляется къ нижней сторонѣ послѣдняго сустава, оцускаетъ его, удлиняетъ ступню и превращаетъ ее въ такое страшное орудіе, которое едва-ли встрѣчается у другихъ животныхъ. Вышеуказанное строеніе ногъ служитъ причиною того, что на слѣдахъ кошекъ никогда не замѣтно отпечатка когтей; тихая поступь кошекъ происходитъ вслѣдствіе того, что нижняя сторона ступней снабжена мягкой подушкой, которая часто покрыта волосами.

Для читателей, знакомыхъ съ научнымъ описаніемъ животныхъ, привожу здѣсь слѣдующіе зоологическіе признаки семейства кошекъ. Хребетный столбъ ихъ имѣетъ двадцать грудныхъ и поясничныхъ позвонковъ, 2—3 крестцовыхъ и отъ 15—29 хвостовыхъ. Всѣхъ зубовъ 30, а именно: по 6 рѣзцовъ и по 2 клыка на каждой челюсти; по 3 ложнокоренныхъ на обѣихъ сторонахъ верхней челюсти и по 2 ложнокоренныхъ на нижней челюсти, и по 1 заднему плотоядному зубу на каждой сторонѣ челюсти вверху и внизу. Кости конечностей довольно коротки и толсты, но ключицы почти совсѣмъ не развиты. На переднихъ лапахъ по 5, а на заднихъ по 4 пальца. Кишечный каналъ отъ 3—5 разъ длиннѣе тѣла. У самки 4 сосца на животѣ, а иногда еще 4 на груди.

Кошки принадлежатъ къ числу сильныхъ и очень ловкихъ звѣрей. Каждое движеніе ихъ указываетъ на силу и на граціозное проворство. Между всѣми видами этого семейства нѣтъ большого различія, какъ по физическимъ, такъ и по душевнымъ свойствамъ, хотя нѣкоторые виды и имѣютъ извѣстныя преимущества передъ другими и наоборотъ, у иныхъ извѣстныя качества слабѣе, чѣмъ у прочихъ. Всѣ кошки ходятъ отлично, но медленно, осторожно и почти неслышно; онѣ бѣгаютъ быстро и могутъ дѣлать прыжки, длина которыхъ въ нѣсколько разъ превосходитъ длину ихъ тѣла. Лишь весьма немногіе изъ крупныхъ видовъ не способны лазать по деревьямъ, большая же часть дѣлаетъ это очень искусно. Хотя кошки и не любятъ воды, но все-же плаваютъ хорошо, если къ этому вынуждены, по крайней мѣрѣ ни одна кошка не тонетъ легко. Онѣ умѣютъ также сжимать и свертывать свою красивую тѣло, чрезвычайно быстро дѣйствуютъ лапами и могутъ съ большою ловкостью схватывать животное даже во время его бѣга или полета; ко всему этому надо еще прибавить большую силу конечностей этихъ животныхъ и ихъ выносливость. Большіе виды кошекъ однимъ ударомъ своей ужасной лапы и напоромъ при прыжкѣ повергаютъ на землю животное, которое ростомъ больше ихъ самихъ, и могутъ тащить на довольно далекія разстоянія большія тяжести.

Между органами чувствъ у кошекъ болѣе всего развиты органы слуха и зрѣнія: первое изъ нихъ безъ всякаго сомнѣнія играетъ самую важную роль во время ихъ хищническихъ набѣговъ. Хотя ушная раковина никогда не бываетъ очень велика у кошекъ, но онѣ слышатъ малѣйшій шумъ на большомъ разстояніи и прекрасно оцѣниваютъ всякій звукъ: отъ ихъ вниманія не ускользаютъ осторожныя шагидобычи и незначительное шуршаніе песка подъ ногами животныхъ; даже невиди-

кую их жертву находят онѣ посредствомъ слуха. Зрѣніе не такъ хорошо развито, но слабымъ его все-таки назвать нельзя. Глаза кошекъ вѣроятно далеко видѣть не могутъ, но для близкихъ предметовъ они очень зорки. Зрачекъ у большихъ видовъ имѣетъ круглую форму, и въ темнотѣ, а также при возбужденіи, расширяется значительно, но остается круглымъ: у маленькихъ видовъ зрачекъ поперечно продолговатый и также способенъ къ большому расширенію. У послѣднихъ днемъ, подвѣдліяніемъ яркаго свѣта, онѣ стягиваются въ узкую полоску, при раздраженіи же и въ темнотѣ принимаетъ почти совершенно круглый видъ. Послѣ зрѣнія мы должны упомянуть объ осязаніи, которое развито въ видѣ активнаго чувства для ощупыванія, а также въ видѣ пассивнаго—для воспріятія случайныхъ ощущеній. Для ощупыванія главнымъ образомъ служатъ длинные усы по сторонамъ рта, щетинки надъ глазами, а также вѣроятно кисточки на ухахъ у рыси. Если отрѣзать у кошки усы, то этимъ поставишь ее въ самое неприятное положеніе: она дѣлается, въ полномъ смыслѣ, беспомощною и теряетъ способность къ дѣятельности или по крайней мѣрѣ, выказываетъ беспокойство и неувѣренность въ своихъ движеніяхъ, которыя однако пропадаютъ, когда усы снова отрастаютъ. Лапы также очень хорошо организованы для осязанія, которое впрочемъ очень замѣтно на кожѣ всего тѣла. Кошки весьма чувствительны ко всѣмъ внѣшнимъ раздраженіямъ и выказываютъ очевидно неудовольствіе при неприятномъ ощущеніи, напротивъ, большое удовольствіе, когда ощущение пріятно. Когда тихонько гладятъ шерсть кошки, то всегда этимъ приводятъ ее въ пріятное расположеніе духа; если же шерсть ихъ смокнетъ или ее грубо ерошатъ, то онѣ приходятъ въ сильное озлобленіе. Обоняніе и вкусъ стоятъ почти на одной степеніи развитія: можно даже предположить, что вкусъ нѣсколько лучше развитъ, чѣмъ обоняніе. Несмотря на свой шероховатый языкъ большая часть кошекъ очень чувствительны къ вкусовымъ ощущеніямъ и болѣе всего любятъ слегка соленыя и сладкія вещества, особенно животныя жидкости, какъ на примѣръ кровь и молоко. Органы же обонянія могутъ быть возбуждены лишь сильно пахучими веществами. Странное пристрастіе нѣкоторыхъ кошекъ къ сильно пахучимъ растеніямъ, на примѣръ, валерьяну и кошачьей мятѣ, даетъ право предположить, что обоняніе у нихъ слабо развито, потому что животныя, одаренныя тонкимъ обоняніемъ, относятся съ отвращеніемъ къ подобнымъ, сильно пахучимъ веществамъ; кошки же набрасываются на эти растенія какъ сумасшедшія и въ упоеніи корчатся отъ ихъ запаха.

По своей понятливости кошки стоятъ ниже собакъ, но не такъ низко, какъ обыкновенно думаютъ. Не слѣдуетъ забывать, что при сравненіи душевныхъ способностей вышеупомянутыхъ двухъ семействъ хищныхъ, мы почти всегда имѣемъ въ виду двухъ домашнихъ животныхъ, отношеніе которыхъ къ человѣку совсѣмъ не одинаково; одно изъ нихъ—собаку, человѣкъ систематически воспитываетъ уже въ теченіи многихъ тысячелѣтій, за нимъ усердно ухаживаетъ, подвергаетъ, болѣею частью, строгому искусственному подбору и приближаетъ къ себѣ болѣе всѣхъ другихъ животныхъ; на другое изъ этихъ животныхъ—кошку—человѣкъ смотритъ почти всегда съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, о воспитаніи ея особенно не заботится и предоставляетъ ее собственнымъ инстинктамъ. Если же мы сравнимъ два дико живущихъ вида этихъ семействъ, на примѣръ лисицу и рысь, то преимущество понятливости собакъ почти вовсе исчезаетъ, и въ данномъ примѣрѣ сравненіе скорѣе благоприятно для рыси; поэтому очень несправедливо считать кошекъ за животныхъ, низко стоящихъ относительно развитія душевныхъ способностей, а между тѣмъ это мнѣніе часто высказывается, а еще чаще служитъ причиною нѣкотораго пренебреженія къ кошечкамъ. Правда, большая часть видовъ выказываетъ чаще отрицательныя стороны своихъ душевныхъ свойствъ, но наша домашняя кошка ясно

доказывает, что при хорошем уходе животные этого семейства способны к воспитанию и развитию своих душевных качеств. Домашняя кошка довольно часто выказывает очень большую привязанность к человеку и большую смывляемость. Человек обыкновенно вовсе не заботится о том, чтобы изучить способности кошек, а остается при раз навсегда установившемся воззрении и воздерживается от самостоятельных испытаний и опытов. Характер большинства этих животных представляет собою смесь спокойной осторожности, постоянного лукавства, кровожадности и безумной отваги. В человеческом обществе они скоро дѣлаются совершенно другими, чѣм на свободѣ: признают превосходство человека, выказывают благодарность к своему хозяину, любят, чтобы он их ласкал, одним словом, дѣлаются совершенно ручными, хотя иногда их естественныя склонности, остающіяся долго скрытыми, и прорываются внезапно наружу. Вот почему кошек часто называют лукавыми и фальшивыми; ни один человек, даже тот, который дразнить и мучает этих животных, не хочет за ними признать права, хотя на один миг, сбросить съ себя ярмо рабства.

Кошки встрѣчаются во всѣх частях Старого Свѣта и Америки; въ Австраліи ихъ нѣтъ, если не считать нѣсколькихъ одичалыхъ домашнихъ кошекъ. Они живутъ какъ въ равнинахъ, такъ и на горахъ, какъ на сухихъ, песчаныхъ мѣстностяхъ, такъ и на сырыхъ и низменныхъ, какъ въ лѣсахъ, такъ и на поляхъ. Нѣкоторыя поднимаются довольно высоко на горы и встрѣчаются тамъ на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря; другія живутъ въ открытыхъ степяхъ и пустыняхъ, поросшихъ кустарникомъ, третьи предпочитаютъ сырыя мѣста, покрытыя камышемъ на берегахъ рѣкъ и озеръ; но все-таки большую часть слѣдуетъ считать лѣсными животными. Деревья доставляютъ имъ все необходимое для жизни; прежде всего кошки находятъ тамъ удобныя убѣжища, въ которыхъ они могутъ прятаться какъ для того, чтобы нападать на добычу, такъ и для того, чтобы скрыться отъ враговъ. Небольшія кошки находятъ эти убѣжища въ дуплахъ деревьевъ, трещинахъ скалъ, оставленныхъ логовищахъ другихъ млекопитающихъ; большіе же виды прячутся въ чащѣ кустарниковъ. Хотя дикія кошки предпочитаютъ тѣ страны, гдѣ человекъ не успѣлъ еще сдѣлаться полнымъ властелиномъ, но все-таки многія изъ нихъ отважно и дерзко приближаются къ его жилищу, или чтобы напасть на него самого, или чтобы унести животное изъ его стада. Для этой цѣли они съ наступленіемъ темноты оставляютъ свое логовище и бродятъ кругомъ, высматривая добычу, или же ложатся близъ дорогъ и тропинокъ и сторожатъ людей и животныхъ. Очень немногія нападаютъ на добычу днемъ, и въ это время даже сами часто трусливо убѣгаютъ, когда на нихъ дѣлаютъ нападеніе. Настоящая ихъ жизнь начинается съ наступленіемъ темноты и оканчивается съ разсвѣтомъ. Логовище, находящееся въ выгодныхъ условіяхъ, почти всегда бываетъ занято соответствующими видами кошекъ; впрочемъ большинство изъ этихъ животныхъ не живетъ постоянно на одномъ мѣстѣ, а выбираетъ себѣ какое-нибудь безопасное убѣжище въ той мѣстности, гдѣ его застало утро.

Кошки берутъ себѣ пищу изъ всѣхъ классовъ позвоночныхъ, но млекопитающія несомнѣнно болѣе другихъ подвержены ихъ преслѣдованіямъ. Нѣкоторые виды чаще всего хватаютъ птицъ, другіе, хотя немногіе, ѣдятъ также мясо пресмыкающихся, напримѣръ, черепахъ, наконецъ есть такіе, которые не гнушаются и рыбной ловлей. Безпозвоночныхъ животныхъ кошки ѣдятъ рѣдко и только развѣ случайно ловятъ какого-нибудь рака или крупное насекомое. Всѣ кошки питаются преимущественно той добычей, которую сами умертвили и только весьма немногія ѣдятъ падаль и то только въ такомъ случаѣ, когда она осталась отъ ихъ собствен-

вой добычи. Многія кошки отличаются большою кровожадностью и нѣкоторые виды, если только могутъ, то питаются исключительно кровью, выказывая при этомъ какое-то опьяненіе этою животною жидкостью.

По способу нападенія почти всѣ кошки похожи другъ на друга; онѣ обыкновенно крадутся осторожными неслышными шагами по той мѣстности, гдѣ ищутъ добычу, внимательно оглядываясь и чутко прислушиваясь ко всему окружающему; малѣйшій шорохъ возбуждаетъ ихъ вниманіе и побуждаетъ найти причину его, при этомъ онѣ осторожно, въ согнутомъ положеніи, ползкомъ, подвигаются по землѣ, стараются держаться подъ вѣтромъ и, наконецъ, когда предполагаютъ, что достаточно приблизились къ добычѣ, онѣ въ одинъ или нѣсколько прыжковъ достигаютъ своей жертвы, схватываютъ ее своими страшными лапами за затылокъ или за бока, валятъ на землю и вонзаютъ въ нее нѣсколько разъ свои ужасные зубы; затѣмъ онѣ немного раскрываютъ челюсти, но такъ, чтобы пойманное животное не могло уйти, внимательно смотрятъ на добычу и снова кусаютъ, пока у животного остается хоть искра жизни. Многія издаютъ при этомъ рычаніе, выражающее удовольствіе, а также жадность и свирѣпость, и двигаютъ въ это время кончикомъ хвоста. Часто замѣчаемъ мы у кошекъ отвратительную привычку долго мучить свою жертву: онѣ предоставляютъ ей, повидимому, нѣсколько свободы и часто даже дозволяютъ пробѣжать небольшое разстояніе, но въ должный моментъ ее снова хватаютъ, затѣмъ опять выпускаютъ и продолжаютъ эту жестокую игру до тѣхъ поръ, пока животное не падаетъ, изнеможенное отъ ранъ. Даже большіе виды опасаются тѣхъ животныхъ, отъ которыхъ ожидаютъ значительнаго сопротивленія, и нападаютъ на нихъ только тогда, когда они посредствомъ опыта убѣдятся, что выйдутъ побѣдителями изъ предстоящей борьбы. Даже левъ, тигръ и ягуаръ въ первое время боятся человека и трусливо отъ него уходятъ, но когда узнаютъ его слабость и безпомощность, то становятся страшными его врагами. Хотя почти всѣ кошки отлично бѣгаютъ, однако онѣ почти всегда воздерживаются отъ продолжительнаго преслѣдованія добычи, если первое нападеніе ихъ было неудачно. Онѣ пожираютъ свою добычу на томъ мѣстѣ, гдѣ ее словили, только тогда, когда чувствуютъ себя въ полной безопасности; обыкновенно же онѣ тащатъ убитое или настолько раненое животное, что оно болѣе не въ состояніи сопротивляться, въ скрытое мѣсто и пожираютъ его тамъ съ полнымъ спокойствіемъ и наслажденіемъ. Если мѣстность изобилуетъ добычей, то кошки дѣлаются необыкновенно лакомыми и сѣдаютъ только лучшія части жертвы, предоставляя остальное болѣе мелкимъ хищникамъ, которые жавутъ около нихъ въ видѣ паразитовъ.

Самки обыкновенно мечутъ нѣсколько котятъ и только рѣдко одного; въ большинствѣ случаевъ ихъ бываетъ отъ 1—6, хотя говорятъ, что у нѣкоторыхъ видовъ ихъ бываетъ больше. Воспитательницей дѣтенышей бываетъ мать, а отецъ заботится о нихъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Кошка съ котятами представляетъ собою чрезвычайно привлекательную картину; ея материнская нѣжность и любовь видны въ каждомъ ея движеніи и въ каждомъ звукѣ ея голоса, который дѣлается необыкновенно мягкимъ и ласковымъ, чего никакъ нельзя было раньше предполагать. При этомъ мать съ такою заботливостью и вниманіемъ наблюдаетъ за дѣтенышами, что тотчасъ замѣчаешь, какъ они ей дороги. Въ семейномъ логовищѣ кошекъ наблюдателя поражаетъ чистота, къ которой съ самой ранней молодости приучаетъ мать своихъ дѣтенышей; она безпрестанно ихъ лижетъ, чиститъ, гладитъ, приводитъ логовище въ порядокъ и не терпитъ около него никакой нечистоты. Она защищаетъ дѣтенышей отъ всѣхъ враговъ съ полнымъ самоотверженіемъ, и крупныя кошки въ это время дѣлаются въ высшей степени страшными. У многихъ видовъ мать

должна защищать своих дѣтенышей и отъ отца, который ихъ часто пожираетъ, особенно пока они еще слѣпы: вѣроятно, потому всѣ самки кошекъ старательно заботятся о томъ, чтобы по возможности скрыть свое гнѣздо. Когда котята нѣсколько подрастутъ и становятся похожими на настоящихъ кошекъ, то самецъ уже ихъ не обижаетъ, и тогда начинается веселая жизнь котятъ, которые имѣютъ очевидную склонность къ забавамъ и разнымъ играмъ. Природныя способности кошекъ ясно высказываются въ каждомъ движеніи котятъ: ихъ дѣтскія игры состоятъ главнымъ образомъ въ подготовительныхъ упражненіяхъ къ той серьезной охотѣ, которую они будутъ заниматься, когда сдѣлаются взрослыми. Все, что двигается, привлекаетъ ихъ вниманіе; при малѣйшемъ шумѣ котята востораживають уши. Сначала материнскій хвостъ доставляетъ имъ наибольшую забаву: они внимательно слѣдятъ за его замѣвидными движеніями и стараются своими маленькими лапками остановить движеніе хвоста или словить его кончикъ. Мать не только не сердится на эти забавы, но нарочно продолжаетъ двигать хвостомъ, чтобы дать дѣтенышамъ наиграться, и вполне предоставляетъ этотъ придатокъ своему шаловливому потомству. Нѣсколько недѣль спустя можно уже видѣть семейство кошекъ занятымъ болѣе разнообразными играми, въ которыхъ мать принимаетъ дѣятельное участіе наравнѣ съ котятами, и это замѣчается какъ у львицъ, такъ и у нашихъ домашнихъ кошекъ. Часто вся семья свертывается какъ бы въ одинъ клубокъ, причемъ каждый членъ семьи ловитъ и кусаетъ хвостъ другого. Съ возрастомъ игры дѣлаются серьезнѣе: маленькіе научаются понимать, что хвостъ это часть ихъ самихъ, и пытаются пробовать свои силы на чемъ-нибудь другомъ. Мать имъ тогда приноситъ небольшихъ животныхъ, полуживыхъ или совсѣмъ живыхъ, и выпускаетъ ихъ на потѣху котятамъ, которые ревностно и терпѣливо преслѣдуютъ ихъ и такимъ образомъ упражняются въ хищническомъ ремеслѣ, которымъ будутъ заниматься позже. Наконецъ мать беретъ ихъ съ собой на охоту, и здѣсь они научаются владѣть собою, внезапно нападать на добычу, однимъ словомъ всѣмъ хитростямъ, которыя необходимы для будущей хищнической жизни. Только, когда котята всему научились и сдѣлались совершенно самостоятельными, они отдѣляются отъ матери и затѣмъ довольно долго ведутъ одинокую, бродячую жизнь.

Кошки стоятъ во враждебныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ прочимъ животнымъ, и потому вредъ, ими приносимый, очень значителенъ. Но слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что всѣ крупныя виды этого семейства живутъ въ странахъ, необыкновенно богатыхъ добычей, и можно съ нѣкоторою вѣроятностью утверждать, что, препятствуя излишнему размноженію нѣкоторыхъ жвачныхъ и грызуновъ, кошки приносятъ даже пользу. Что касается до маленькихъ видовъ, то польза, ими приносимая, очевидно пересиливаетъ причиняемый ими вредъ. Добыча ихъ ограничивается мелкими млекопитающими и птицами, а особенно много истребляютъ онѣ маленькихъ вредныхъ грызуновъ, которые такъ сильно размножаются около нашихъ жилищъ. Домашняя кошка сдѣлалась для насъ совершенно необходимой, но и мелкія дикія кошки приносятъ намъ много пользы и довольно мало вреда. Кромѣ того человѣкъ часто пользуется ихъ мѣхомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже ѣстъ мясо ихъ. Въ Китаѣ и часто въ Африкѣ мѣхъ нѣкоторыхъ кошекъ служитъ знакомъ извѣстнаго общественнаго положенія. Другіе народы цѣнятъ этотъ мѣхъ болѣе за его красоту, чѣмъ за настоящее его достоинство, которое во всякомъ случаѣ гораздо ниже мѣха нѣкоторыхъ другихъ млекопитающихъ. Охотою и ловлею вредныхъ видовъ кошекъ ревностно занимаются повсюду, и есть люди, которые въ опасностяхъ этой охоты находятъ высокое наслажденіе.

Раздѣленіе кошекъ на роды и виды въ высшей степени затруднительно, вслѣд-

стве незначительности признаковъ отличія одного вида отъ другого. Мы полагаемъ однако, что рысей (*Lynx*), гепардовъ (*Cynailurus*) и мадагаскарскую фоссу (*Sturpurgosta*) слѣдуетъ считать отдѣльными родами, а всѣхъ прочихъ кошекъ соединить въ одинъ родъ (*Felis*). Типическимъ животнымъ послѣдняго рода мы можемъ считать общезвѣстную домашнюю кошку, отъ которой другіе виды отличаются лишь незначительными признаками, а крайними формами настоящихъ кошекъ можно считать съ одной стороны льва, а съ другой тигра. Рыси отличаются отъ кошекъ короткимъ хвостомъ, длинными ногами и кисточками на ушахъ; гепарды—очень длинными конечностями и не вполне втяжными когтями, а фосса—особеннымъ строеніемъ зубовъ, голыми пятками и нѣкоторыми другими особенностями, которыя указываютъ на сродство этого замѣчательнаго животного съ виверрами или еще лучше характеризуютъ ее, какъ первобытную кошку.

Группировка видовъ настоящихъ кошекъ представляетъ такія же трудности, какъ и раздѣленіе семейства на роды. Намъ кажется всего цѣлесообразнѣе прежде всего отдѣлить кошекъ Старога Свѣта, отъ кошекъ Новаго Свѣта, и раздѣленіе это намъ кажется потому правильнымъ, что американскіе, а преимущественно южно-американскіе виды кошекъ точно такъ, какъ и прочія млекопитающія этой части Свѣта, отличаются отъ своихъ родичей Старога Свѣта особыми признаками, придающими американскимъ животнымъ извѣстный отпечатокъ первобытности. У кошекъ Южной Америки главнымъ признакомъ первобытности служатъ продольныя полосы на мѣхѣ, а пампасовая кошка, у которой замѣчается это расположеніе полосъ, не встрѣчающееся у другихъ животныхъ этого семейства, живетъ въ Южной Америкѣ; продольныя же полосы, по изслѣдованіямъ Эймерса, были самымъ первобытнымъ рисункомъ мѣха у млекопитающихъ. Всѣ другія южно-американскія пестрыя кошки по рисунку мѣха представляютъ нѣкоторую аналогію съ пампасовой кошкой, такъ какъ даже у ягуара въ расположеніи пятенъ мы можемъ замѣтить продольныя полосы, а между ягуаромъ и пампасовой кошкой встрѣчается нѣсколько промежуточныхъ формъ, у которыхъ отдѣльныя пятна понемногу сливаются въ полосы. У одноцвѣтныхъ кошекъ Южной Америки первобытность выказывается въ удлиненномъ тѣлѣ на низкихъ лапахъ, чѣмъ эти животныя рѣзко отличаются отъ одноцвѣтной кошки Старога Свѣта, именно льва, и приближаются къ самой древней формѣ кошекъ, именно къ фоссѣ.

Такимъ образомъ американскихъ кошекъ можно раздѣлить на двѣ группы: одноцвѣтныхъ, къ которымъ относятся пума, ягуарунди и эйра, и пестрыхъ, у которыхъ замѣтенъ переходъ отъ пятенъ къ продольнымъ полосамъ. Подобныя группы замѣчаются и у кошекъ Старога Свѣта. Какъ высшую степень развитія рисунка на мѣхѣ кошекъ мы здѣсь находимъ тигра съ его ясными поперечными полосами. Къ тигру примыкаютъ: дымчатый леопардъ, мраморная кошка, дикая кошка, степная кошка, буланая кошка и наконецъ домашняя кошка. У всѣхъ этихъ животныхъ поперечныя полосы на мѣхѣ болѣе или менѣе замѣтны. Второй группой кошекъ Старога Свѣта слѣдуетъ считать тѣхъ, у которыхъ на мѣхѣ замѣтны пятна и середину этой группы занимаетъ леопардъ, у котораго эти пятна выступаютъ яснѣе всего. Отъ него отдѣляются съ одной стороны одноцвѣтныя кошки, т. е. левъ, у котораго пятна замѣтны только въ молодости, а съ другой стороны ирбисъ, крапчатая кошка, карликовая кошка и наконецъ сервалъ, у котораго длинныя пятна довольно ясно расположены продольными полосами. Своими длинными ногами и ушами и короткимъ хвостомъ сервалъ приближается къ рысямъ, у которыхъ мы также замѣчаемъ переходъ отъ одноцвѣтнаго мѣха каракала къ пятнистому мѣху пардовой рыси и поперечно-полосатому мѣху болотной рыси. Немногіе виды пят-

нистых гепардовъ и единственный видъ фоссы дополняютъ собою обзорѣніе видовъ семейства кошекъ.

Слѣдующій обзоръ имѣетъ цѣлью кратко представить только-что установленное дѣленіе кошекъ и указать послѣдовательность, въ которой мы будемъ ихъ описывать:

I родъ: Собственно кошки (*Felis*). (Когти вполне втяжные, ноги средней вышины, хвостъ длинный, кисточекъ на ухахъ нѣтъ).

а. Кошки Старого Свѣта:

α) Поперечная полосатость (высшая степень развитія рисунка на мѣхѣ кошекъ) болѣе или менѣе отчетлива.

1. Тигръ (*Felis tigris*). [Наиболѣе сильное развитіе поперечной полосатости].
2. Дымчатый леопардъ (*Felis nebulosa*).
3. Мраморная кошка (*Felis marmorata*).
4. Дикая кошка (*Felis catus*).
5. Степная кошка (*Felis manul*).
6. Булаяя кошка (*Felis maniculata*).
7. Домашняя кошка (*Felis maniculata domestica*).

β) Пятнистость (менѣе высокая степень развитія рисунка на мѣхѣ кошекъ) переходитъ съ одной стороны въ одноцвѣтность, съ другой въ продольную полосатость.

1. Левъ (*Felis leo*). [Покрытъ пятнами лишь въ молодости]
2. Леопардъ или пантера (*F. pardus*). [Отчетливая пятнистость безъ опредѣленной правильности въ расположеніи пятенъ].
3. Ирбисъ (*F. uncia*).
4. Крапчатая кошка (*F. viverrina*)
5. Карликовая кошка (*F. bengalensis*).
6. Сервалъ (*F. serval*). [Пятна расположены явственными продольными рядами].

б. Кошки Нового Свѣта.

γ. Одноцвѣтность у взрослого животнаго достигаетъ полного развитія.

1. Пума (*F. concolor*).
2. Ягуарунди (*E. yaguarundi*).
3. Эйра (*F. eyra*).

β. Пятнистость всюду представляетъ еще расположеніе пятенъ въ видѣ продольныхъ рядовъ, которые переходятъ въ продольныя полосы (низшая степень развитія рисунка на мѣхѣ кошекъ).

1. Ягуаръ (*F. onca*).
2. Чати (*F. mitis*).
3. Оцелотъ (*F. pardalis*)
4. Тигровая кошка (*F. tigrina*).
5. Длиннохвостая кошка (*F. macrura*).
6. Кошка пампасовъ (*F. pajeros*). [Наиболѣе сильное развитіе продольной полосатости].

II родъ: Рыси (*Lynx*). (Когти вполне втяжные. Ноги высокія. Хвостъ короткий. Кисточки на ухахъ).

а) Съ поперечными полосами:

1. Болотная рысь (*Lynx chaus*).

б) Отъ одноцвѣтныхъ до пятнистыхъ:

1. Каракаль (*L. caracal*). [Одноцвѣтность достигаетъ наиболѣе полного развитія].

2. Полярная рысь (*L. canadensis*).

3. Обыкновенная рысь (*L. vulgaris*).

4. Пардовая рысь (*L. pardinus*). [Рисунокъ изъ пятенъ наиболѣе явственъ].

III родъ: Охотничьи леопарды или гепарды (*Cynailurus*).

(Когти не вполнѣ втяжные. Ноги очень высокія. Хвостъ длинный. Нѣтъ висточекъ на ушахъ).

I. Гепардъ (*Cynailurus guttatus*) [пятнистый].

IV родъ: Хорьковыя кошки (*Cryptoprocta*).

(Отличаются очень вытянутымъ низкимъ тѣломъ, особенностями въ строеніи зубовъ, голыми подошвами ногъ и порошичными железами. Переходная форма къ инверровымъ).

1. Фосса (*Cryptoprocta ferox*). [Одноцвѣтная].

Въ группѣ поперечно-полосатыхъ кошекъ первое мѣсто занимаетъ Тигръ, который вмѣстѣ со львомъ составляетъ наиболѣе совершенное развитіе кошачьяго типа. Тигръ есть настоящая кошка, безъ гривы, съ довольно большими бакенбардами и вполнѣ ясно развитыми поперечными полосами на мѣхѣ. Это самая страшная изъ всѣхъ кошекъ, хищникъ, передъ которымъ даже человѣкъ оказывается почти безпомощнымъ существомъ. Ни одно изъ хищныхъ млекопитающихъ не соединяетъ такъ удачно оборожительную красоту съ большою долей кровожадности, никто лучше не подтверждаетъ старой басни о глупомъ мышенкѣ, который видѣлъ въ кошкѣ красивое и любезное животное. Если степень опасности животнаго признать за масштабъ его значенія въ природѣ, то тигра, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдовало бы поставить на первое мѣсто между всѣми млекопитающими, такъ какъ ни одно существо не вело до сихъ поръ такъ успѣшно борьбу съ властелиномъ земли, какъ тигръ. Распространеніе людей въ извѣстной мѣстности и обработка земли не только не вытѣснили и не уничтожили тигра, какъ мы это замѣчаемъ относительно другихъ хищниковъ, а напротивъ того заставили его приблизиться къ человѣческимъ жилищамъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ему даже удалось выгнать людей изъ извѣстной области. Онъ не удаляется, подобно льву, изъ населенныхъ мѣстностей, благоразумно избѣгая опасности быть уничтоженнымъ, но смѣло и съ нѣкоторымъ коварствомъ идетъ на встрѣчу этой опасности и явно объявляетъ себя врагомъ человѣка, врагомъ тѣмъ болѣе опаснымъ, что со смѣлостью онъ соединяетъ скрытность и нападаетъ почти всегда неожиданно. Его свирѣпость и кровожадность, а также число съѣденныхъ имъ людей сильно преувеличивали, по крайней мѣрѣ, описывали слишкомъ яркими красками; но мы не должны этому удивляться, такъ какъ для большинства тѣхъ, кто его описывалъ, тигръ является олицетвореніемъ самой ужасной свирѣпости.

Королевскій тигръ, называемый индусами Бахъ, Шэръ и Нахаръ, маратами—Вахагъ, жители Бирмы—Кія, а малайцами—Харимау (*Felis tigris*, *Tigris regalis*) представляетъ собою очень красивую кошку, съ прекрасно окрашеннымъ мѣхомъ. Онъ выше и стройнѣе сложенъ, чѣмъ левъ, и ни въ какомъ случаѣ не уступаетъ ему въ красотѣ и силѣ. Длина его тѣла отъ морды до кончика хвоста опредѣляется очень различно. Эллиотъ даетъ очень наглядный примѣръ тому, какъ различны измѣренія, сдѣланныя разными наблюдателями: величина одного тигра была ими опредѣлена въ 284 см., а два другихъ охотника для того же тигра указали длину въ 355 и даже 365,7 см. Сандерсонъ не убивалъ самца, длина котораго была больше 290 см., а длина самокъ не превышала 255 см., Блэнфордъ убилъ двухъ взрослыхъ самокъ, длина которыхъ была 228,5 и 233,6 см. Райсъ даетъ болѣе крупныя цифры, а самую большую длину указываетъ Бересфордъ, среднимъ числомъ 320

см. для самца и 294 см. для самки; три тигра, убитые имъ въ Раджпутана, гдѣ, говорятъ, они прежде были особенно велики, имѣли длину въ 340, 345 и 375 см. Безъ сомнѣнія возможно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тигры достигаютъ особенно большой величины и между ними встрѣчаются и великаны, какъ напримѣръ, послѣдній изъ указанныхъ, который былъ убитъ Бересфортомъ въ 1862 году; но приведенныя цифры все-таки представляютъ исключенія и гораздо больше обыкновенно приводимыхъ, но очевидно также, что не только иногда не вѣрно мѣрятъ длину тигра, какъ указываетъ примѣръ Эллиота, но также не мѣрятъ отдѣльно длину туловища и длину хвоста, между тѣмъ какъ послѣдній по величинѣ довольно сильно измѣняется. Вслѣдствіе этого не очень большой тигръ съ длиннымъ хвостомъ называется по общей мѣрѣ длиннѣе большого тигра съ короткимъ хвостомъ, такъ что о величинѣ самого туловища дается невѣрное понятіе. Жердонъ считаетъ средней величиной 274—290 см. и сомнѣвается въ томъ, чтобы когда-либо убивали тигровъ длиннѣе 310 см. Многіе другіе охотники и натуралисты согласны съ нимъ въ этомъ. Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что общая длина взрослого самца колеблется между 260 и 300 см., а взрослая самка на 30—40 см. меньше. Хвостъ бываетъ длиною 80—95 см., высота въ плечахъ 90—106 см. Вѣсъ двухъ самокъ былъ опредѣленъ въ 108,8 килогр. и 158,7 килогр., а двухъ самцовъ въ 163,3 и 172,4 килогр.

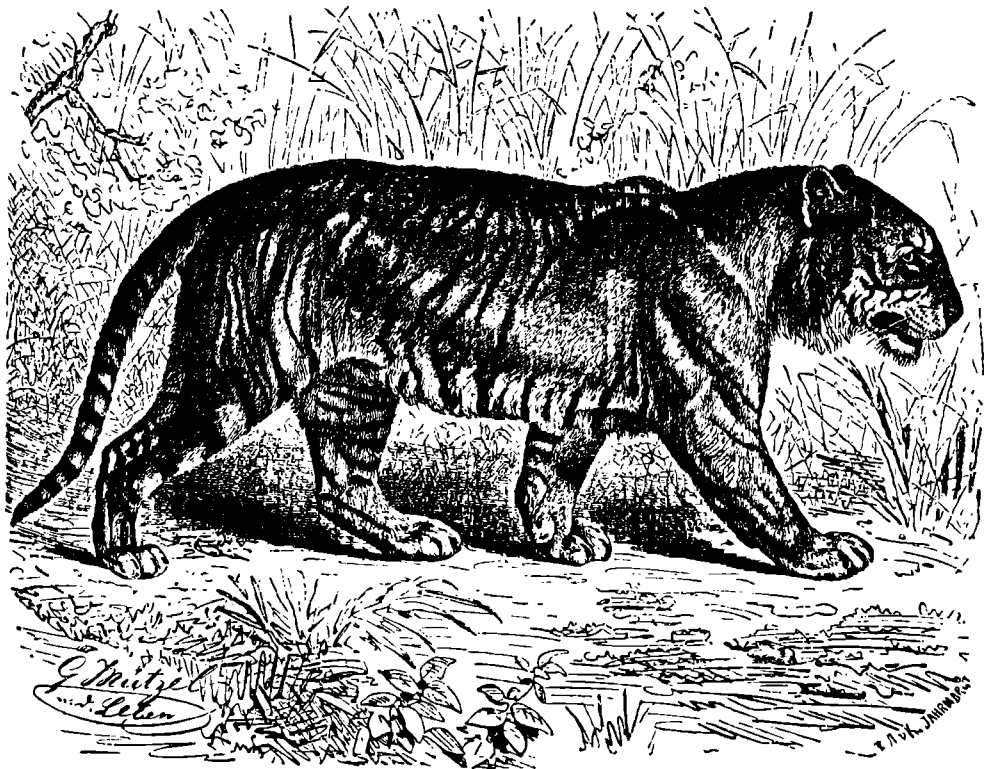
Туловище тигра нѣсколько тоньше, а голова круглѣе, чѣмъ у льва; хвостъ безъ кисточки на концѣ, шерсть довольно короткая и гладкая, а на щекахъ нѣсколько удлинена въ видѣ бакенбардъ. Самка ниже ростомъ и бакенбарды у нея короче. Тигры, которые живутъ въ болѣе сѣверныхъ странахъ, имѣютъ зябкую шерсть гуще и длиннѣе, чѣмъ тѣ, которые населяютъ жаркія равнины Индіи. Рисунокъ мѣха представляетъ очень красивую противоположность цвѣтовъ: на свѣтломъ ржаво-желтомъ фонѣ ясно выделяются темныя полосы, испещряющія мѣхъ тигра. Какъ у всѣхъ кошекъ, цвѣтъ мѣха на спинѣ темнѣе, а по бокамъ свѣтлѣе; на брюхѣ, на внутреннихъ сторонахъ конечностей, подъ хвостомъ, на губахъ и на нижнихъ частяхъ щекъ мѣхъ почти бѣлый. У лѣсныхъ тигровъ желтизна мѣха нѣсколько темнѣе, чѣмъ у тѣхъ, которые живутъ въ джунгляхъ. Отъ спины по бокамъ, наклоняясь нѣсколько впередъ, тянутся поперечныя черныя полосы довольно неправильнаго рисунка, причемъ разстояніе между ними бываетъ различно у разныхъ экземпляровъ. Нѣкоторыя изъ этихъ полосъ дѣлятся на части, а тѣ изъ нихъ, которыя сплошныя, темнѣе. Хвостъ окрашенъ свѣтлѣе туловища и также испещренъ черными кольцами. Усы имѣютъ бѣлую окраску. Большіе глаза имѣютъ круглый зрачекъ и раекъ желтовато-бурога цвѣта. Дѣтеныши окрашены точно такъ, какъ взрослые, только желтый цвѣтъ ихъ мѣха нѣсколько свѣтлѣе.

У тигровъ встрѣчаются различныя видоизмѣненія цвѣта, напримѣръ, желтый цвѣтъ бываетъ темнѣе или свѣтлѣе, а въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются совсѣмъ черныя тигры или бѣлые съ неясными черными полосами. Постоянная разновидность, а можетъ быть и видъ тигра, живетъ на Явѣ и Суматрѣ. Яванскій тигръ, какъ его называютъ въ зоологическихъ садахъ и зверинцахъ, постоянно меньше обыкновеннаго, имѣетъ болѣе плотное тѣлосложеніе и отличается еще, что очень замѣтно даже и для непросвѣщенныхъ зрителей, болѣе узкими, темными и очень чистыми полосками на мѣхѣ; по Розенбергу, основной цвѣтъ мѣха у яванскаго тигра имѣетъ менѣе буроватый оттѣнокъ, а хвостъ короче и тоньше.

Слѣдовало бы предполагать, что столь ярко окрашенный хищникъ уже издали долженъ быть замѣтенъ тѣмъ животнымъ, которыхъ онъ преслѣдуетъ, но это совершенно невѣрно. Я уже выше указалъ, что общая окраска всѣхъ животныхъ, а

въ особенности кошекъ, находится въ тѣсной зависимости отъ ихъ мѣстопробы-
ванія и потому здѣсь только напомнимъ, что тигръ живетъ главнымъ образомъ
среди тростниковъ, крупныхъ злаковъ и кустарниковъ, гдѣ цвѣтъ животнаго легко
сливается съ окружающей средой. Даже опытные охотники часто не замѣчаютъ
тигра, лежащаго очень близко отъ нихъ, а это, безъ сомнѣнія, случается и со
многими животными.

Область распространенія тигра очень обширна, такъ какъ онъ живетъ не
только въ жаркихъ странахъ Азіи, напримѣръ, Остѣ-Индіи, но встрѣчается и во
многихъ мѣстахъ этой огромной части свѣта, которая по величинѣ гораздо больше

Королевскій тигръ. *Felis tigris*. $\frac{1}{2}$, наст. вел.

Европы. Его находятъ отъ 6° ю. ш. до 53° с. ш., даже въ юго-восточной Сибири. Сѣверная граница области распространенія его лежитъ ближе къ полюсу, чѣмъ Берлинъ, причѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что Сибирь имѣетъ совсѣмъ иной и болѣе холодный климатъ, чѣмъ европейскія страны, лежащія подъ той же широтой. Все-таки слѣдуетъ считать Индію за главное отечество тигра; отсюда онъ распростра-
няется на сѣверо-востокъ черезъ весь Китай до береговъ Амура, а на западъ че-
резъ сѣверный Афганистанъ и Персію до южнаго берега Каспійскаго моря, гдѣ въ
болотистыхъ лѣсахъ Массендерана и Гилана онъ встрѣчается довольно часто. Но-
вѣйшія извѣстія о томъ, что тигры встрѣчаются въ Закавказьѣ, слѣдуетъ, по мнѣ-
нію Вальтера, считать невѣрными и основанными на смѣшеніи его съ леопар-
домъ. Радде и русскіе пограничные чиновники утверждаютъ, правда, что тигръ

встрѣчался довольно часто около Ленкорани, но слѣдуетъ предположить, что тамъ встрѣчаются только перебѣжчики черезъ персидскую границу, такъ какъ постоянное мѣстожительство тигра простирается до пограничной съ Персіей рѣки Астара. На юго-западѣ Каспійскаго моря тигра видали еще около Кумбашинска, въ 40 верстахъ отъ Ленкорани. Въ Средней Азіи онъ встрѣчается дальше на сѣверъ, главнымъ образомъ вдоль теченія рѣкъ, гдѣ онъ питается чаще всего дикими кабанами. На нижнемъ теченіи Аму-Дарьи онъ доходитъ до Аральскаго озера, что навѣрно составляетъ крайнюю западную границу его распространенія въ Средней Азіи, такъ какъ на Усть-Юртѣ и въ киргизскихъ степяхъ, на югѣ отъ Урала, тигра никто никогда не видалъ. Въ Туркестанѣ онъ переходитъ черезъ Сыръ-Дарью, гдѣ, говорятъ, онъ мѣстами очень обыкновененъ и на сѣверо-востокъ доходитъ до бассейна озера Балкашъ, гдѣ также встрѣчается нерѣдко. Эти мѣстности слѣдуетъ считать сѣверной границей распространенія тигровъ и можно предположить, что на юго-востокъ Сибири, къ Амуру тигры переходятъ изъ восточной Азіи черезъ Китай. Одинокіе экземпляры этого животнаго могутъ попадаться и за вышеуказанными границами, но на западѣ они навѣрно никогда не достигаютъ Кавказскихъ горъ и Чернаго моря. На островахъ Малайскаго архипелага тигръ встрѣчается только на Суматрѣ и Явѣ. Его не встрѣчаютъ также на островѣ Цейлонѣ и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что на этомъ островѣ мы встрѣчаемъ многихъ животныхъ, живущихъ въ Индіи, изъ чего, можетъ быть, слѣдуетъ заключить, что тигръ появился въ Индіи уже въ болѣе позднее время. Странно однако то, что тигръ достигаетъ своей сѣверной границы на востокѣ Азіи, а леопардъ напротивъ—на западѣ, между тѣмъ какъ сей послѣдній на островѣ Цейлонѣ встрѣчается часто. Въ нѣкоторыхъ областяхъ западнаго Индійскаго полуострова тигръ не встрѣчается; можетъ быть, онъ въ этихъ мѣстахъ истребленъ; къ этимъ областямъ относятся: нижнее теченіе Инда, Качъ, южная часть полуострова и Коромандельскій берегъ; во многихъ другихъ мѣстахъ число тигровъ въ послѣднее время значительно уменьшилось, главнымъ образомъ вслѣдствіе отравленія ихъ стрихниномъ.

Тигръ встрѣчается не только въ тростниковыхъ и травяныхъ чащахъ равнинъ, но и въ настоящихъ лѣсахъ, находящихся на нѣкоторой высотѣ надъ уровнемъ моря; однако, на южномъ склонѣ Гималайскихъ горъ тигръ не попадаетъ выше 2000 метровъ надъ поверхностью моря. Любимымъ мѣстопробываніемъ этой кошки слѣдуетъ все-таки считать заросшіе тростникомъ берега рѣкъ, а также непроходимыя заросли бамбука и другихъ подобныхъ растений; встрѣчаютъ его также часто на развалинахъ, гдѣ на верхушкѣ разрушившейся стѣны илдревняго храма тигры лежатъ, растянувшись, иногда даже по два и по три вмѣстѣ. Замѣчательно, что согласно многимъ наблюденіямъ, у тигровъ замѣчается гораздо болѣе, чѣмъ у другихъ животныхъ, предпочтеніе къ извѣстнымъ логовищамъ, въ которыхъ они постоянно возвращаются, хотя въ недалекомъ разстояніи отъ нихъ есть другія мѣста, еще болѣе удобныя для того, чтобы спрятаться. «Тигры живутъ постоянно», пишетъ Блэнфордъ, «на какой-нибудь площадкѣ, среди высокой травы или кустарника, на берегу рѣки или болота, или въ чащѣ тамарисковъ и миртъ, причѣмъ логовище это ничѣмъ не отличается отъ десятка другихъ подобныхъ же мѣстъ того же берега; иногда онъ выбираетъ себѣ мѣстомъ жительства логовище среди обломковъ скалъ, которое ничѣмъ не отличается отъ сотни подобныхъ мѣстъ на томъ же склонѣ холма; а между тѣмъ можно быть увѣреннымъ, что на этихъ опредѣленныхъ мѣстахъ всегда найдешь тигра, и даже если обитатель логовища будетъ убитъ охотниками, то пустую квартиру всегда занимаетъ другой

тигръ». Въ самое сухое и жаркое время въ Индіи, отъ марта до іюня, когда многія рѣчки, ручейки и лужи пересыхаютъ и часто случаются травяные пожары, тигры, вслѣдствіе необходимости, собираются около пересохшихъ рѣкъ и ищутъ спасенія отъ палящихъ лучей солнца подъ тѣнью вѣчно зеленыхъ деревьевъ и кустарниковъ. Такимъ образомъ на нѣкоторое время увеличивается число хищниковъ въ извѣстной мѣстности и ихъ иногда находили по четыре, пяти и даже семп экземпляровъ въ какой-нибудь не очень большой рощѣ. Это время, само собой разумѣется, самое лучшее для охоты на нихъ. Въ степяхъ юго-восточной Сибири, по словамъ Радде, тигръ любитъ покоиться въ какомъ-нибудь углу, между возвышающимися скалами, или просто разгребаетъ снѣгъ среди болотныхъ кустовъ и проводитъ часть дня въ этомъ временномъ логовищѣ.

Тигръ имѣетъ всѣ нравы и привычки кошекъ, только они принимаютъ у него размѣры, соотвѣтствующіе его величинѣ. Движенія его такъ-же граціозны, какъ и движенія маленькихъ кошекъ, но при этомъ необыкновенно быстры, ловки и продолжительны. Онъ крадется неслышно; во время своихъ хищническихъ набѣговъ быстро переходитъ большія разстоянія, очень скоро двигается галопомъ и прекрасно плаваетъ; его способность къ прыжкамъ часто преувеличивалась. По Сандерсону, въ Индіи тигръ никогда не перепрыгиваетъ черезъ рѣчки, имѣющія болѣе 6 метровъ ширины, и измѣреніями его слѣдовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ гонится за бѣгущей добычей, пришли къ убѣжденію, что скачки его не превышаютъ пяти метровъ длины. На деревья онъ не лазаетъ никогда, развѣ только въ видѣ исключенія, если стволъ ихъ сильно наклоненъ или очень сучковатъ; на гладкіе отвѣсныя стволы онъ влѣзаетъ не въ состояніи. Но онъ любитъ, какъ и другія кошки, прыгая, царапать мягкую кору нѣкоторыхъ деревьевъ, причемъ движеніе это никакой цѣли не имѣетъ и предпринимается для забавы. Въ Индіи часто находятъ слѣды когтей тигра на высотѣ вдвое болѣе, чѣмъ ростъ человѣка, преимущественно въ мягкой корѣ лакового дерева (*Botea frondosa*), и слѣды эти потому очень замѣтны, что изъ царапинъ вытекаетъ сокъ рубиноваго цвѣта. Туземцы утверждаютъ, что онъ царапаетъ стволы, чтобы очистить и заострить свои когти и потому предпочитаетъ лаковое дерево, что сокъ напоминаетъ ему кровь.

Тигра нельзя считать исключительно ночнымъ животнымъ: онъ, какъ всѣ прочія кошки, гоняется за добычей во всякое время дня, хотя предпочитаетъ часы, предшествующіе заходу солнца и слѣдующіе за нимъ. Охотяще всего ложится онъ для подкарауливанія добычи около водоемовъ, около мѣсть, гдѣ выступаетъ соль, что всегда привлекаетъ многихъ животныхъ, а также на большихъ дорогахъ и лѣсныхъ тропинкахъ. Въ юго-восточной Сибири, по показаніямъ Радде, тигръ лѣтомъ каждую ночь посягаетъ солончакъ, потому что точно такъ, какъ и туземные охотники, знаетъ, что на эти мѣста собираются олени, чтобы лизать соль, причемъ очень часто тигры встрѣчаются тамъ съ охотниками, пришедшими къ солончакамъ съ тою же цѣлью. За исключеніемъ самыхъ большихъ животныхъ, напримѣръ слона, носорога, дикаго буйвола и, можетъ быть, прочихъ хищниковъ, тигръ нападаетъ на всѣхъ млекопитающихъ даже крупныхъ, но довольствуется иногда и мелкими; иногда онъ пробуетъ свою силу, схватываясь съ сильнымъ, дикимъ буйволомъ, но при этомъ почти всегда бываетъ побѣждаемъ. Ему даже бываетъ трудно справиться съ большими домашними быками, и часто случается, что онъ долженъ бѣжать отъ дружнаго отпора нѣсколькихъ домашнихъ буйволовъ. Говорятъ, что старый зубастый кабанъ также при случаѣ можетъ обратить тигра въ бѣгство. Иногда онъ схватывается съ медвѣдемъ, но чаще всего охотится на дикихъ свиней, оленей и антилопъ и этимъ даже приноситъ пользу, такъ какъ вышеозначенныя животныя

въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сильно размножаются и вредятъ полямъ и посѣвамъ: однако польза эта уничтожается тѣмъ вредомъ, который тигръ приноситъ, умерщвляя многихъ домашнихъ животныхъ. Онъ умѣетъ справляться и съ дикобразами и не пренебрегаетъ обезьянами и павлинами, если только можетъ ихъ захватить. По необходимости онъ ѣстъ всякихъ животныхъ: во время наводненій въ Бенгаліи онъ питается рыбами, черепахами, ящерицами и крокодилами. Симсонъ убилъ однажды тигра, у котораго желудокъ былъ наполненъ саранчей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ не пренебрегаетъ и лягушками, а на сѣверѣ зимою, когда добычи дѣлается мало, онъ ловитъ и мышей. Ряде нѣсколько разъ находилъ слѣды подобной, недостойной тигра, охоты. Индусы рассказываютъ, что мать обучаетъ молодыхъ тигровъ хищническому ремеслу, заставляя ихъ подъ своимъ руководствомъ подкрадываться къ умнымъ и осторожнымъ обезьянамъ, а также къ павлинамъ.

Слѣдовательно всѣ животныя имѣютъ основаніе бояться тигра. Поэтому точно такъ, какъ у насъ галки и мелкія птицы съ крикомъ преслѣдуютъ коршуну и сову, и какъ пѣвчія птицы въ лѣсу своимъ громкимъ щебетаньемъ выдаютъ лисицу, вышедшую изъ своей норы, точно такъ и въ тропическихъ странахъ многія животныя издаютъ громкіе звуки, когда почуютъ тигра. Они знакомы съ нимъ, и по опыту знаютъ, какая опасность имъ угрожаетъ, когда тигръ выходитъ изъ своего логовища. Конечно случается, что они пугаются и другихъ хищниковъ, и также вообще какого-нибудь необыкновеннаго явленія, поэтому безпокойство и шумъ, производимый безвредными животными, не слѣдуетъ всегда считать признакомъ присутствія тигра. Однако безпокойство оленей, павлиновъ, другихъ птицъ, а особенно обезьянъ даетъ опытному охотнику очень важныя указанія о приближеніи опаснаго хищника, и вышеозначенныя животныя бывають часто причиною счастливаго исхода охоты на тигра. Форзигъ и другіе описываютъ многіе примѣры дѣятельнаго участія обезьянъ при охотѣ на тигровъ: долго преслѣдуемая тигрица, пожавшая уже многихъ людей, непременно бы скрылась отъ него въ скалистомъ ущельѣ, если бы бѣгавшій по скаламъ старшій хульманъ не указалъ охотнику ея убѣжища голосомъ и даже жестами. «Во время другой охоты», рассказываетъ Форзигъ, «шелъ я по слѣдамъ убѣгавшаго тигра, по иссохшему руслу ручья, и могъ слѣдить за нимъ только благодаря многочисленнымъ хульманамъ, которые срывали плоды на близъ растущихъ деревьяхъ. Когда тигръ пробѣгалъ мимо нихъ, то они спасались на верхушкѣ сосѣднихъ деревьевъ, шумно трясли вѣтвями и громко кричали, какъ бы другая нарушителя ихъ спокойствія, и по всему этому легко было угадать гдѣ находится тигръ. Каждое стадо шумѣло, пока хищникъ былъ въ виду, а затѣмъ спокойно возвращалось на нижнія вѣтви и лакомилось плодами, какъ ни въ чемъ не бывало; зато слѣдующія обезьяны начинали шумѣть и выдавали присутствіе тигра. Основываясь на этихъ точныхъ указаніяхъ, на одномъ изгибѣ русла я пробѣжалъ кратчайшимъ путемъ и такимъ образомъ обогналъ его. Онъ скоро показался, тихо и неувѣренно пробираясь по дорожкѣ, съ опущеннымъ хвостомъ, точно совѣсть его мучила вслѣдствіе совершенныхъ злодѣйствъ; при этомъ онъ боязливо поглядывалъ вверхъ на обезьянъ, какъ бы прося ихъ не выдавать его присутствія. Вѣрно пущенная пуля покончила его жизнь».

Голосъ тигра по силѣ далеко не можетъ сравниться съ голосомъ льва, онъ даже не такъ далеко слышенъ, какъ мычаніе нашихъ коровъ и быковъ; поэтому «ревъ» тигра не можетъ быть и рѣчи; обыкновенно онъ издаетъ протяжный жалобный звукъ, который иногда довольно быстро повторяется и оканчивается тремя или четырьмя краткими звуками. Кромѣ того, иногда слышится низкій, горловой звукъ «а-о-унъ», который часто можно слышать въ нашихъ зоологическихъ садахъ

а у другихъ большихъ кошекъ; когда онъ сильно удивленъ или испуганъ, то громко вскрикиваетъ «ху-абъ» или «вау»; когда онъ сердится, то онъ глухо рычитъ. а при нападеніи на добычу издаетъ крикъ ярости, похожій на сухой кашель. «Голось тигра» пишетъ Форзитъ, «производитъ сильное впечатлѣніе во время ночной тишины, хотя онъ далеко не такъ громокъ, какъ крикъ осла; голось его невольно возбуждаетъ представленіе о страшной силѣ».

Тигра вообще нельзя считать храбрымъ звѣремъ: онъ не только остороженъ и робокъ, но даже просто трусливъ, хотя принадлежитъ къ числу хитрыхъ и коварныхъ хищниковъ. Когда тигру приходится въ первый разъ встрѣчаться съ человѣкомъ, то онъ всегда бѣжитъ отъ него. Большинство изъ нихъ теряютъ присутствіе дѣла отъ сильнаго шума и энергическихъ жестовъ, и, вѣроятно, ни одинъ изъ нихъ не можетъ противустоять хладнокровному и рѣшительному противнику. Но многіе тигры убѣждаются по опыту, что съ человѣкомъ имъ не трудно справиться, и тогда они дѣлаются очень опасны, такъ какъ подкарауливаютъ людей и неожиданно нападаютъ на беззащитныхъ; такимъ образомъ тигры бывають въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только смѣлыми, но даже нахальными. Нѣкоторыя мѣстности дѣлаются почти необитаемыми вслѣдствіе хищническихъ набѣговъ тигровъ: утверждаютъ, что переходы отъ одной деревни къ другой иногда возможны только въ сопровожденіи извѣстнаго числа смѣлыхъ охотниковъ и то только съ зажженными факелами, если путешествіе происходитъ ночью. Изъ окрестностей деревень и даже между хижинами тигры хватають иногда людей среди бѣлаго дня и случается, доводятъ индусовъ до того, что они покидаютъ свои жилища. Чаще всего страдаютъ отъ нихъ люди, которые живутъ одиноко въ лѣсахъ или на поляхъ, напримѣръ, пастухи, дровосѣки, земледѣльцы; особенно плохо приходится пастухамъ, которые должны защищать не только самихъ себя, но и стада свои. Почтари также часто дѣлаются ихъ добычей.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Майсурѣ жилъ тигръ-людоедъ, который приобрѣлъ печальную извѣстность и распространялъ ужасъ во всей окрестности, пока наконецъ счастливая пуля не окончила его злодѣянія. Тамъ же появился другой тигръ въ 1873 году, именно тигрица съ дѣтенышемъ: она была менѣе опасна, чѣмъ вышеозначенный людоедъ, однако въ шесть мѣсяцевъ съѣла одиннадцать человѣкъ. Сандерсонъ преслѣдовалъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль этого хитраго звѣря, который распространялъ свои набѣги на очень большое разстояніе, и наконецъ въ одинъ вечеръ подкараулилъ и застрѣлилъ его у убитой имъ коровы. Форзитъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, обезопасилъ центральная провинціи Индіи, застрѣливъ нѣсколько тигровъ-людоедовъ, о злодѣяніяхъ которыхъ онъ рассказываетъ слѣдующее. Одинъ изъ нихъ совершенно прекратилъ движеніе по нѣкоторымъ дорогамъ, прогналъ жителей изъ многихъ деревень и заставилъ ихъ бросить свои хижины. Люди осмѣливались выходить въ лѣсъ только большими вооруженными толпами, барабаннымъ боемъ и крикомъ пугая тигровъ. Это было въ 1862 г., когда вновь строящаяся желѣзная дорога изъ Бомбея въ Аллахабадъ, дошла именно до этой мѣстности. Но работы должны были прекратиться, такъ какъ дровосѣки не осмѣливались болѣе идти въ лѣсъ, чтобы тамъ рубить деревья на шпалы. Этотъ тигръ распространялъ свои набѣги на область, имѣющую отъ 50 до 60 километровъ въ діаметрѣ, и пожралъ болѣе ста человѣкъ раньше, чѣмъ Форзиту удалось его убить. Въ той же мѣстности похитилъ, по словамъ Фэйрера, тигръ въ три года 108 человѣкъ, пока онъ не былъ убитъ скрытымъ въ приманкѣ самострѣльнымъ ружейнымъ стволомъ. Одна тигрица прогнала жителей изъ тринадцати деревень, препятствовала правильному сельскому хозяйству на пространствѣ 1000 кв. километровъ

и очень хитро избѣгала всевозможныхъ ловушекъ до тѣхъ поръ, пока англійскому охотнику не удалось ее застрѣлить. Другая тигрица была убита въ 1869 году на берегахъ Годавери, послѣ того какъ она умертвила 127 человекъ.

Изъ того, что подобные факты случались прежде и до сихъ поръ еще случаются, не слѣдуетъ однако заключать, что они обыкновенны и ежедневно повторяются. «Опасности дикихъ странъ» пишетъ Пехуэль-Лёше, «сильно преувеличиваются нѣкоторыми не совсемъ вѣрными описаніями. Въ безлюдномъ лѣсу или пустынѣ, гдѣ множество новыхъ впечатлѣній постоянно возбуждаютъ воображеніе, новичекъ и неопытный охотникъ слишкомъ легко вѣрятъ различнымъ мѣстнымъ рассказамъ и придаютъ фантастическій отбѣнокъ многимъ обыкновеннымъ явленіямъ. Человѣкъ тѣмъ болѣе податливъ на такія преувеличенія, чѣмъ менѣе у него развиты внѣшнія чувства и чѣмъ менѣе онъ привыкъ къ жизни среди природы: тотъ, кто съ молодости былъ мало знакомъ съ жизнью въ лѣсахъ и на поляхъ родины, не можетъ сдѣлаться хорошимъ наблюдателемъ въ мало населенной странѣ. Путешественники, довольствующіеся рассказами туземцевъ, которые любятъ удивлять чужестранца преувеличенными и ужасающими свѣдѣніями, безъ всякаго сомнѣнія не могутъ считаться хорошими изслѣдователями. Съ другой стороны точно также ошибочно вовсе отвергать мѣстные рассказы, а равно и чистосердечно принимать ихъ за несомнѣнныя истины, потому что животныя одного и того же вида, при различныхъ обстоятельствахъ, дѣйствуютъ различно и измѣняютъ нѣкоторыя черты своего характера, если человѣкъ становится къ нимъ въ другія отношенія, чѣмъ прежде. Все же слѣдовало бы осторожнѣе передавать и сначала по возможности повѣрять преувеличенныя и не совсемъ вѣроятныя рассказы о животныхъ, полученные отъ мѣстныхъ жителей».

Статистическія данныя о смертныхъ случаяхъ, причиненныхъ дикими животными, указываютъ, что число жертвъ постоянно возрастаетъ и въ 1886 году достигло 24,841 случая; но по многимъ причинамъ слѣдуетъ сомнѣваться въ справедливости этихъ цифръ, потому что девять десятыхъ смертныхъ случаевъ приписываются ядовитымъ змѣямъ, а почти одна десятая приходится на долю хищныхъ животныхъ. Опустошенія, произведенныя между людьми тиграми, которыя прежде казались столь страшными, нынѣ значительно сократились по свѣдѣтельству хорошихъ охотниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые убивали до ста тигровъ. Офіціальныя данныя о числѣ людей, умерщвленныхъ тиграми, и о числѣ убитыхъ тигровъ заключаются въ слѣдующей табличкѣ. *)

1877—819 челов.	1579 тигр.	1882—895 челов.	1726 тигр.
1878—816 »	1493 »	1883—985 »	1825 »
1879—698 »	1412 »	1884—831 »	2196 »
1880—872 »	1689 »	1885—838 »	1855 »
1881—889 »	1559 »	1886—928 »	1464 »

Изъ этого видно, что среднимъ числомъ ежегодно убивается въ два раза больше тигровъ, чѣмъ сколько они уничтожаютъ людей, при этомъ не принимаются въ расчетъ тѣ тигры, которые только ранены и умираютъ незамѣченными. Изъ этой таблички мы, къ сожалѣнію, не видимъ, сколько людей умираетъ въ послѣдствіи отъ ранъ, полученныхъ на охотѣ за тиграми или при защитѣ отъ нихъ стада. Если же принять въ расчетъ, что народонаселеніе тѣхъ областей Индіи, гдѣ живетъ тигръ,

*) Первое число указываетъ сколько въ этомъ году тиграми умерщвлено людей, а второе—сколько убито тигровъ.

въ 1886 году простиралось до 200 милліоновъ человѣкъ, а по нѣкоторымъ даннымъ до 250 милліоновъ, то вредъ, приносимый тиграми людямъ (менѣе 5 жертвъ на милліонъ людей), окажется очень незначительнымъ, особенно если мы сравнимъ съ этимъ достовѣрную статистику несчастныхъ случаевъ въ образованныхъ странахъ. Кромѣ того, какъ уже выше сказано, эти данныя никакъ нельзя считать безусловно вѣрными: официальные извѣстія эти, которыя съ такою точностью приводятъ убійства, совершенныя животными, вовсе не заключаютъ въ себѣ данныхъ о числѣ убійствъ, совершенныхъ людьми, и это въ полудикой странѣ, гдѣ даже существуетъ особая секта душителей, которые считаютъ убійство за добродѣтель. Можно возражать, что въ такой обширной и многочисленной области какъ Индія, трудно имѣть надлежащій надзоръ за всѣми злонамѣренными людьми и считать ихъ злодѣянія, но на это мы возражимъ, что надзоръ за дикими звѣрями еще труднѣе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда можно съ нѣкоторою точностью записывать число жертвъ отъ тигровъ, напримѣръ, въ гарнизонахъ и на военныхъ постахъ, европейскихъ плантаціяхъ и на походахъ и охотахъ, число жертвъ отъ тигровъ далеко не соответствуетъ общепринятому мнѣнію о страшномъ вредѣ этихъ хищниковъ.

«Итакъ, въ видѣ общаго заключенія, можно сказать: люди погибаютъ отъ тигровъ точно такъ, какъ и отъ другихъ хищныхъ животныхъ, большею частью только тогда, когда сами на нихъ нападаютъ. Нѣкоторые тигры однако нападаютъ сами на людей, но число жертвъ отъ этихъ нападеній бываетъ незначительно и ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться обыденнымъ явленіемъ».

По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, на Явѣ и Суматрѣ, въ одномъ 1862 году, погибло отъ тигровъ до 300 человѣкъ, но знатоки тамошней жизни не вѣрятъ этимъ свѣдѣніямъ. Ботаникъ Тейсманъ, который въ теченіе сорока лѣтъ изслѣдовалъ необитаемыя страны голландской Индіи, ни разу даже не встрѣтился съ тигромъ. Розенбергъ, который тридцать лѣтъ провелъ въ этихъ странахъ, слышалъ только объ одномъ человѣкѣ, умерщвленномъ тигромъ, и указываетъ еще на одну встрѣчу, гдѣ тигръ и человѣкъ благоразумно другъ отъ друга бѣжали. Подобныя же указанія даетъ и Форбесъ. Многіе путешественники, которые совершали продолжительныя поѣздки въ британской и голландской Индіи, ни разу не видали дикаго тигра. О томъ, что тигры вовсе не такъ обыкновенны, имѣемъ мы также и свидѣтельства охотниковъ за ними, которые въ этомъ случаѣ безъ сомнѣнія могутъ дать самыя достовѣрныя свѣдѣнія. Одинъ изъ нихъ, Форзитъ, напримѣръ, говоритъ: «по правдѣ сказать, въ Индіи вовсе нѣтъ никакой опасности путешествовать по пустынной мѣстности, за исключеніемъ развѣ очень хорошо извѣстной области, гдѣ совершаетъ свои набѣги тигръ-людоедъ. Для успокоенія робкихъ путешественниковъ могу и указать, что никогда ни одинъ тигръ не нападалъ на мою стоянку, хотя я странствовалъ съ малымъ числомъ спутниковъ, никакихъ особыхъ мѣръ предосторожности не принималъ и часто устраивалъ ночлегъ очень близко отъ логовища этого звѣря. Новичку покажется, конечно, страшнымъ, когда онъ видитъ, что въ теплыя ночи человѣкъ беретъ свою койку изъ палатки, вѣшаетъ ее шагахъ во ста отъ прочихъ спутниковъ, и тамъ, подъ открытымъ небомъ, покуривая трубочку, слушаетъ голоса разныхъ животныхъ, раздающіеся въ лѣсу, а затѣмъ спокойно засыпаетъ; но черезъ извѣстное количество времени и новичекъ такъ привыкнетъ къ этой жизни, что безъ всякаго страха будетъ дѣлать то же самое». Блэнфордъ, который двадцать лѣтъ сряду изслѣдовалъ Индію, соглашается съ Форзитомъ и говоритъ, что изъ тигровъ могутъ быть опасными для человѣка только довольно рѣдко встрѣчающіеся людоеды и, кромѣ того, развѣ тигрца, котораго защищаетъ своихъ дѣтенышей, или очень голодный тигръ, котораго отгоняютъ отъ его добычи. Прежде много

говорили, да и нынѣ еще отчасти толкуютъ о страхѣ, который наводилъ тигръ на жителей острова Сингапура. При занятіи этого острова въ 1819 году онъ былъ совершенно необитаемъ и тигровъ тамъ не было. Появленіе ихъ было замѣчено лишь въ 1835 году, слѣдовательно, для того, чтобы попасть на этотъ островъ тигры должны были проплыть морской проливъ, имѣющій около двухъ километровъ ширины. Скоро нашли доказательства справедливости вышесказаннаго. Однажды утромъ въ сѣтяхъ, которыя были разставлены у берега острова, нашли запутавшуюся и едва живую тигрицу. Такъ какъ сѣти были поставлены въ нѣсколько рядовъ, а нашли тигрицу въ одной изъ тѣхъ сѣтей, которыя были расположены дальше отъ берега, то очевидно, что животное не могло туда попасть съ острова, а приплыло съ материка. Впослѣдствіи число смертныхъ случаевъ, причиненныхъ тиграми въ Сингапурѣ, быстро увеличивалось и дошло до очень большихъ размѣровъ. Въ шестидесятихъ годахъ число жертвъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, доходило до 400 человекъ въ годъ, по другимъ извѣстіямъ тигры среднимъ числомъ пожирали по одному человеку въ день, преимущественно китайскихъ рабочихъ на плантаціяхъ. Слѣдуетъ удивляться, что люди могутъ при такихъ обстоятельствахъ жить на островѣ внѣ города, такъ какъ по вышеуказаннымъ цифрамъ видно, что изъ ста человекъ одинъ дѣлается въ то время жертвою тигровъ, а еще болѣе удивительно, что англійскіе охотники не занялись тамъ истребленіемъ тигровъ, тѣмъ болѣе, что не всѣ тигры занимаются охотою на людей, и не могли же въ Сингапурѣ собраться тигры-людоеды со всѣхъ окрестностей.

Съ другой стороны мы находимъ болѣе успокаивающія извѣстія объ островѣ Сингапурѣ. Ботаникъ Кунце, который путешествовалъ по острову въ 1875 году. многія изъ преувеличенныхъ извѣстій о вредѣ тигровъ называетъ баснями, такъ какъ, несмотря на всѣ его старанія, онъ не могъ получить достовѣрныхъ свѣдѣній о страшныхъ опустошеніяхъ, производимыхъ тиграми. Такъ какъ въ Европѣ ему не хотѣли вѣрить, то онъ написалъ нѣмецкому консулу въ Сингапурѣ, Биберу, сообщилъ ему ходячія извѣстія объ огромномъ числѣ людей, съѣденныхъ тиграми въ шестидесятихъ годахъ, и просилъ провѣрить ихъ на мѣстѣ. Биберъ ему отвѣчалъ: «По официальнымъ свѣдѣніямъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, отъ 1862 и 1866 г. полиція получала извѣстія о томъ, что тигръ съѣдалъ человека, черезъ шесть или восемь недѣль, т. е. примѣрно о восьми смертныхъ случаяхъ въ годъ; въ малайской части города постоянно можно видѣть двухъ или трехъ живыхъ тигровъ, которые показываются за деньги и пойманы туземцами въ западни, состоящія изъ глубокихъ ямъ. Въ послѣднія десять лѣтъ тигры въ Сингапурѣ стали очень рѣдки; теперь (1879) ихъ не болѣе двухъ или трехъ на всемъ островѣ». Кунце кромѣ того указываетъ, что въ газетѣ, которая издается въ Сингапурѣ, за весь 1879 годъ показаны только два смертныхъ случая, причиненныхъ тиграми. Эти извѣстія, значительно отличающіяся отъ прежнихъ, подтверждаются Гансомъ Мейеромъ, который нѣсколько разъ посѣщалъ островъ Сингапуръ въ 1882 году. Согласно этимъ новѣйшимъ свѣдѣніямъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что распространенное мнѣніе объ ужасахъ, производимыхъ тиграми въ шестидесятихъ годахъ, было сильно преувеличено, а что теперь о вредѣ тигровъ на Сингапурѣ почти говорить не стоитъ.

Слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что изъ многихъ тигровъ только нѣкоторые, такъ называемые людоеды, дѣйствительно страшны для человека, и что злодѣянія этихъ немногихъ экземпляровъ приписываются всѣмъ тиграмъ вообще. Тигръ останется все-таки опаснымъ звѣремъ, если даже болѣе справедливо отнесутся къ его вреду; онъ всегда занималъ важную роль въ разсказахъ и преданіяхъ мѣстныхъ жителей. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Индіи онъ считается боже-

ством и туземцы, говоря о немъ, употребляютъ различныя описательныя наименованія, а по имени его не называютъ. Народы Восточной Сибири, по сообщеніямъ Радде, имѣютъ такія же воззрѣнія и называютъ его звѣрь-человѣкъ, дауры—звѣрь-властелинъ, нѣкоторые тунгузы говорятъ о немъ неохотно и только шепотомъ и думаютъ, что, называя его «лавунъ», они придумали такое слово, которое для тигра непонятно и не вредно для того, кто его произноситъ. Эти тунгузы, точно такъ, какъ дауры и манджуры, полагаютъ, что тигры съ возрастомъ достигаютъ высшаго чина и поэтому требуютъ большихъ почестей, и что есть тигры, которые по чинамъ равны губернаторамъ. У многихъ туземцевъ Приамурскихъ областей почитаніе тигра имѣетъ религіозный характеръ: Радде слыхалъ, что тигра называютъ «бурханъ», что на мѣстномъ языкѣ означаетъ божество. Основанное на боязни почитаніе этого хищника составляетъ у южныхъ тунгузовъ важную часть ихъ религіозныхъ воззрѣній, состоящихъ изъ смѣшенія шаманства и буддизма. Живущіе въ горахъ Хинганъ моніяги и орочены не только болтятся самого тигра, но даже и слѣдовъ его, и когда найдутъ ихъ, то кладутъ на эту тропинку половину своей охотничьей добычи, чтобы умилостивить животное. Кто убьетъ тигра, говорятъ тунгузы, тотъ навѣрно будетъ съѣденъ другимъ тигромъ. На островѣ Суматрѣ убѣждены, что тигръ есть оборотень умершаго человѣка, поэтому его не осмѣливаются убивать. Въ Индіи имѣютъ обыкновеніе на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тигръ загрызъ человѣка, ставить высокій шестъ съ цвѣтной тряпкой на концѣ или складывать кучу камней, къ которой каждый проходящій прибавляетъ по камню; послѣдній обычай впрочемъ очень обыкновененъ въ различныхъ мѣстахъ земного шара и встрѣчается даже у многихъ образованныхъ народовъ. Индійцы также видятъ въ тигрѣ оборотня и рассказываютъ, что души его жертвъ постоянно окружаютъ его, охраняютъ отъ опасностей и указываютъ ему путь къ новымъ жертвамъ. По Боку, нѣкоторые туземцы въ Сіамѣ охотно ѣдятъ мясо тигра, думая, что оно придаетъ силы человѣку. Они упрекали Бока въ томъ, что онъ привлекаетъ тигровъ въ ихъ деревни, такъ какъ случайно, во время его присутствія, тигры подкрадывались къ самимъ жилищамъ и нападали на домашнихъ животныхъ, собакъ и рогатый скотъ. Усы тигра въ нѣкоторыхъ странахъ Индіи считаются за смертный ядъ и тотчасъ сжигаются, когда онъ убитъ; въ другихъ же мѣстахъ, по показаніямъ Жердона, особенно въ южной Индіи эти усы цѣнятся очень высоко, такъ какъ думаютъ, что обладатель ихъ получаетъ неограниченную власть надъ женскимъ поломъ. У нѣкоторыхъ народовъ Индіи торжественныя клятвы, по Бленфорду, прежде совершались, а можетъ быть и нынѣ еще производятся, стоя на тигровой шкурѣ.

Нѣкоторые индійскіе князья до сихъ поръ еще запрещаютъ въ своихъ владѣніяхъ тигровую охоту, считая ее царской забавой и предоставляя право на нее только самимъ себѣ, но въ другихъ мѣстахъ, гдѣ много европейскихъ поселеній и англичане заботятся объ истребленіи тигровъ, ихъ почти совсѣмъ уничтожили. Въ прежнее время индійскіе князья устраивали большія охоты на тигровъ, но при этомъ главную роль играли извѣстная торжественная обстановка, огромная свита, шумъ и блескъ лагерной жизни; тигровъ же убивали очень мало. Въ XVII столѣтіи, по отчету іезуитскаго миссіонера Вербье, китайскій императоръ однажды въ провинціи Леао-Тонгъ выступилъ на тигровую охоту съ цѣлымъ войскомъ, окружилъ большое пространство своими солдатами и устроилъ такимъ образомъ облаву въ огромныхъ размѣрахъ; при этомъ было убито болѣе тысячи оленей, много медвѣдей, кабановъ и шестьдесятъ тигровъ. Въ 1683 году китайскій императоръ отправился на охоту съ 60 тысячами людей и 10 тысячами лошадей, но охота

эта была не особенно удачна. Мекернъ описываетъ большую охоту, устроенную аудскимъ набобомъ. У этого князя было цѣлое войско пѣхоты и конницы, нѣсколько пушекъ, болѣе тысячи слоновъ и неисчислимое количество телѣгъ, верблюдовъ, вьючныхъ лошадей и носильщиковъ. Его жены сидѣли въ особыхъ закрытыхъ экипажахъ; въ свитѣ находились баядерки, пѣвцы, шуты, фокусники, охотничьи гепарды, соколы, боевые пѣтухи, соловьи и голуби. Было убито много разной дичи, но нашли только одного тигра, логовище котораго было окружено двумя стами слоновъ. Набобъ приказалъ гнать его къ тому мѣсту, гдѣ онъ сидѣлъ на слонѣ, окруженный своими воинами. Тигра сначала ранили, затѣмъ погнавши къ набобу, который его и убилъ. Карлъ фонъ-Герцъ былъ на охотѣ на тигра, которая была устроена начальникомъ индійскаго войска... Въ этой охотѣ участвовало до 40 слоновъ, изъ которыхъ восемь было назначено для охотниковъ, а остальные играли роль загонщиковъ; на нихъ, кромѣ вожаковъ, сидѣло по два или по три индуса. Во время этой охоты приходилось проѣзжать по такимъ мѣстамъ, гдѣ бамбуки и тростники были въ пять и шесть метровъ вышины. Убитъ былъ всего одинъ тигръ.

Индійскіе князья загоняютъ иногда тигра въ сѣти. Для этого устраиваютъ родъ перегородки изъ высокихъ бамбуковыхъ шестовъ, которые воткнуты въ землю на разстояніи 4—5 метровъ одинъ отъ другого; между шестами натягиваются шноркля, крѣпкія сѣти. Эта перегородка изъ сѣтей образуетъ въ концѣ острый уголъ, въ вершинѣ котораго устраиваютъ высокій помостъ на бревнахъ, гдѣ становятся охотники, вооруженные хорошими винтовками. Тигра загоняютъ въ этотъ уголъ, гдѣ стрѣлки его убиваютъ мѣткими выстрѣлами. Сѣти въ низкихъ мѣстахъ имѣютъ около 4 м. вышины и только слабо прикрѣплены къ шестамъ, такъ что, когда тигръ старается черезъ нихъ перепрыгнуть, то онъ падаетъ, и животное въ нихъ запутывается. Эта охота требуетъ, впрочемъ, большого количества загонщиковъ, которыхъ нельзя замѣнить, какъ это часто дѣлаютъ, слонами, такъ какъ эти послѣдніе очень часто, не замѣчая сѣтей, разрываютъ перегородку и даютъ такимъ образомъ тигру возможность сластись. Чтобы загнать тигра въ должное мѣсто, пугаютъ его всевозможными средствами: стучать, стрѣляютъ, барабанятъ, зажигаютъ огни, бросаютъ зажженные факелы въ тростникъ и съ особеннымъ успѣхомъ пускаютъ большія ракеты, которыя направляютъ совсѣмъ наклонно, чтобы онѣ летѣли на небольшомъ разстояніи отъ земли. Если тигръ дѣйствительно находится въ окруженномъ пространствѣ, то скоро замѣчаютъ, какъ онъ старается спастись поспѣшнымъ бѣгствомъ. Онъ, конечно, бѣжитъ въ ту сторону, гдѣ нѣтъ шума и огня, и скоро натывается на перегородку изъ сѣтей. Такъ какъ она слишкомъ высока, чтобы черезъ нее перепрыгнуть, и слишкомъ упруга, чтобы прорвать ее, то животное принуждено бѣжать вдоль сѣтей къ тому мѣсту, гдѣ охотники изъ своего безопаснаго убѣжища могутъ застрѣлить его, чѣмъ обыкновенно и оканчивается эта охота. Этотъ очень хорошій способъ охоты имѣетъ однако очень крупный недостатокъ: онъ требуетъ сложныхъ приготовленій, большого количества людей и, слѣдовательно, значительныхъ расходовъ и потому примѣняется рѣдко и считается у охотниковъ большимъ празднествомъ. Результаты такой охоты иногда вовсе не соответствуютъ большимъ приготовленіямъ; тигръ иногда прячется, пропустить мимо себя загонщиковъ и убѣгаетъ въ другую сторону, иногда же просто прорываетъ шумную, но въ сущности безопасную, цѣпь загонщиковъ.

Гораздо выгоднѣе, хотя не такъ торжественна, какъ вышеописанныя облавы, охота въ одиночку, когда какой-нибудь смѣльчакъ отправляется на тигра одинъ или съ немногими помощниками. Точно такъ, какъ въ Африкѣ есть храбрые охот-

ипки на львовъ, такъ и въ Индіи встрѣчаются специалисты по охотѣ на тигровъ. Въ мѣстностяхъ, поросшихъ высокою и густою травой, охотники большею частью ѣдутъ на слонахъ, такъ какъ, идя по землѣ, тигра очень часто и не увидишь. Файреръ сообщаетъ, что при подобныхъ условіяхъ четыре охотника съ 19-го апрѣля по 1-е мая 1855 года, въ Аудской области убили безъ всякаго вреда для себя одиннадцать тигровъ. Слоны однако стоятъ дорого, въ особенности хорошіе охотничьи слоны, поэтому охотники часто обходятся и безъ нихъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тигра легче замѣтить, т. е., гдѣ среди чащи встрѣчаются и не заросшія прогалины. Тогда охотникъ взбирается еще засвѣтло на дерево, около полусъѣденной добычи тигра и дожидается возвращенія къ ней тигра или приманиваетъ его какой-нибудь привязанной къ дереву, скотиной; днемъ отыскиваютъ его слѣды у его логовища, иногда окружаютъ сѣтями цѣлыя роши или загоняютъ его къ извѣстному мѣсту загонщиками, такъ какъ тигръ, который вообще охотнѣе ходитъ по тропинкамъ, сухимъ русламъ ручьевъ и другимъ открытымъ мѣстамъ, чѣмъ продирается сквозь густой кустарникъ, довольно легко, какъ всякая другая дичь, позволяетъ себя загонять по извѣстному направленію. Впрочемъ, туземцы знаютъ хорошо образъ жизни тигровъ, ихъ любимыя пристанища, привычки и т. д., а то, чего они не знаютъ, они на мѣстѣ узнаютъ, если охотникъ хорошо съ ними обращается и не требуетъ отъ нихъ невозможнаго и если они ему довѣряютъ и видятъ, что онъ можетъ ихъ освободить отъ опаснаго хищника. Туземцы не боятся даже въ небольшомъ числѣ обыскивать лѣсъ и кусты; но при этомъ становятся обыкновенно рядомъ и не въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи. При подобныхъ условіяхъ очень рѣдко случаются несчастія, потому что тигры почти никогда не рѣшаются броситься на толпу людей, которые шумятъ и кричатъ. Насколько смѣлости онъ выказываетъ при неожиданномъ нападеніи на свою жертву, настолько онъ трусливъ, когда ему самому грозить опасность. Стрѣлять въ тигра не представляетъ почти никакой опасности: онъ постоянно избѣгаетъ борьбы съ человѣкомъ и когда видитъ, что за нимъ гонятся, то всегда, какъ настоящій трусъ, обращается въ бѣгство. Точно такъ какъ левъ, тигръ опасенъ только тогда, когда онъ раненъ или загнанъ такъ, что со всѣхъ сторонъ видитъ опасность: въ такомъ случаѣ бываетъ, что онъ, видя себя въ безвыходномъ положеніи, яростно бросается на враговъ, не столько для того, чтобы отомстить за себя, сколько для того, чтобы прорваться на свободу или прогнать охотниковъ. Если бы это было не такъ, то ни одинъ охотникъ на тигровъ не могъ бы достать нужнаго для облавы числа загонщиковъ. Туземцы боятся только тигровъ—людодѣловъ, которые смѣло нападаютъ на людей до тѣхъ поръ, пока ихъ сильно не напугаютъ. Съ прочими тиграми индусы живутъ, такъ сказать, въ дружественныхъ отношеніяхъ и наиболѣе извѣстныхъ изъ нихъ называютъ даже собственными именами.

Стерндаль рассказываетъ, что въ шестидесятихъ годахъ во многихъ центральныхъ областяхъ Индіи смотрѣли на тигра, какъ на необходимую принадлежность извѣстной мѣстности. Случалось, что мальчишки выступали противъ него и бросали въ него камнями, если онъ устранивалъ свое логовище слишкомъ близко отъ человѣческихъ жилищъ. Стерндаль видѣлъ также, что пастухъ, у котораго тигръ схватилъ теленка, набросился на него съ ругательствами и до тѣхъ поръ колотилъ его палкой, пока хищникъ не оставилъ еще живую добычу. Пастухъ этотъ вовсе не считалъ, что онъ совершилъ какой-нибудь геройскій подвигъ и когда его хвалили за храбрость, то онъ удивленно спрашивалъ, неужели могли думать, что онъ добровольно отдастъ разбойнику скотину изъ своего стада. Конечно, мѣстные жители осмѣливаются такъ безцеремонно обращаться только съ такимъ тигромъ, характеръ котораго хорошо знаютъ: не со всякимъ можно это продѣлать.

Вслѣдствіе нынѣ болѣе обыкновенной и простой охоты на тигровъ, причѣмъ охотники отыскиваютъ его слѣды, подкарауливаютъ и наблюдаютъ за его движеніями, мы имѣемъ теперь очень подробныя свѣдѣнія объ образѣ жизни этихъ животныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ число охотниковъ за тиграми въ Индіи значительно увеличилось—даже нѣкоторыя дамы занимаются этимъ дѣломъ—разказы о разныхъ ужасахъ на охотѣ за этимъ хищникомъ почти совсѣмъ потеряли свою силу и нынѣ не трудно отличить обычныя явленія отъ необыкновенныхъ случаевъ.

Какъ выше уже указано, характеры отдѣльныхъ тигровъ бывають довольно разнообразны, но, по словамъ хорошихъ знатоковъ этихъ животныхъ, можно ихъ раздѣлить на три главныя группы, основываясь на обыкновенной ихъ добычѣ, имен-но: на тигровъ, уничтожающихъ дичь, на тигровъ, нападающихъ на скоть, и на людоѣдовъ. Первые, т. е. тигры, гоняющіеся за дичью, избѣгаютъ жилищъ человѣка, такъ какъ настоящимъ ихъ мѣстожителемъ слѣдуетъ считать безлюдныя мѣста, гдѣ они во всякое время могутъ спокойно рыскать по лѣсамъ, кустарникамъ и травянымъ чащамъ. Въ случаѣ нужды тигръ легко переселится изъ одной мѣстности въ другую, слѣдуетъ за дичью, смотря по перемѣщенію ея въ разные времена года съ мѣста на мѣсто, такъ что эти тигры встрѣчаются и въ горахъ, и въ равнинахъ, а также и въ холмистыхъ мѣстностяхъ. Для охотника этотъ тигръ конечно бываетъ частонедобнымъ соперникомъ, но для земледѣльца это добрый пріятель, который въ большихъ размѣрахъ играетъ роль домашней кошки, спасая посѣвы отъ нѣкоторыхъ животныхъ, напримѣръ отъ оленей и дикихъ свиней, которые сильно вредятъ земледѣльцу, и отъ которыхъ онъ не знаетъ какъ избавиться. Тигры, гоняющіеся за дичью, обыкновенно меньше ростомъ и болѣе ловки, чѣмъ другіе, хотя между ними встрѣчаются и очень большіе экземпляры. Къ этой группѣ относится наибольшее число тигровъ и въ жаркое и сухое время года они собираются у рѣкъ и озеръ, которыя еще не пересохли.

Тигры, похищающіе домашній скоть, поселяются обыкновенно вблизи деревень и чаще всего избираютъ себѣ добычу между домашними животными, которыхъ выгоняють на пастбище, или которыя ночью бродятъ безъ надзора между хижинами; но хозяева въ большинствѣ случаевъ запирають на ночь скоть въ хорошо огороженные хлѣвы, и потому тигры пріучаются хватать свою добычу еще днемъ: большею частію въ послѣобѣденное время. Если его не преслѣдуютъ и не пугають, то онъ живетъ постоянно вблизи извѣстныхъ деревень; въ противномъ случаѣ онъ распространяетъ дальше свои набѣги. Въ Майсурѣ, въ одной мѣстности, имѣющей 40 килом. длины при 20 килом. ширинѣ, жили 8 тигровъ, занимавшихся истребленіемъ скота. Само собою разумѣется, что эти тигры довольствуются иногда козами, овцами, ослами, а при случаѣ хватають и оленей, кабановъ и другую дичь. Только старшій, зажирѣвшій и избалованный тигръ исключительно довольствуется рогатымъ скотомъ и тогда избираетъ себѣ удобную мѣстность, гдѣ можетъ найти достаточно мясной пищи и воды для питья. Съ жителями деревень живетъ такой тигръ на условіяхъ взаимной снисходительности и черезъ три или четыре дня регулярно умерщвляетъ одну скотину. Часто случается, что пастухи, которые въ этихъ мѣстностяхъ уже умѣють обращаться съ тиграми, споряють съ нимъ изъ-за добычи и стараются его прогнать. Иногда и сильныя быки удачно защищаютъ стадо отъ нападенія хищника. Съ другой стороны тигры, которымъ иногда не удаются нападенія на домашній скоть, при удобномъ случаѣ загрызають нѣсколькихъ животныхъ про запасъ, причѣмъ число жертвъ бываетъ отъ 3—5 въ одинъ день. Сандерсонъ рассказываетъ даже, что однажды тигръ заѣлъ за одинъ разъ четырнадцать коровъ и телятъ, которые, правда, были полу-живыми вслѣдствіе холода и вѣтра.

Но при этомъ по количеству убиваемаго тигромъ рогатаго скота конечно нельзя судить о приносимомъ имъ вредѣ. Индусы вообще не убиваютъ рогатаго скота и потому въ каждой деревнѣ можно встрѣтить большое количество старыхъ и больныхъ животныхъ, которыя не только никому не приносятъ пользы, но даже скорѣе вредятъ, потому что распространяютъ между прочимъ скотомъ различныя болѣзни и, собственно говоря, они только развѣ и годятся на кормъ тигру. Свой-же хорошій молочный и рабочій скотъ поселяне стараются тщательнѣйшимъ образомъ оберегать и защищать отъ пападеній хищниковъ, хотя имъ это и не всегда удается. Вредъ, приносимый тиграми, прежде очень преувеличивали; считали, что подобный тигръ пожиралъ ежегодно скота на сумму 3,000—6,000 рублей. Но Сандерсонъ опровергаетъ эти свѣдѣнія; по его счету, если даже тигръ пожираетъ въ годъ среднимъ числомъ 70 штукъ рогатаго скота, при самой дешевой цѣнѣ большей части изъ нихъ, именно около 10 рублей за штуку, все-таки это составитъ только не болѣе 700 рублей. Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что тигръ приноситъ извѣстную пользу тѣмъ, что уничтожаетъ и отгоняетъ тѣхъ травоядныхъ животныхъ, которыя угрожаютъ полямъ и поселеніямъ. Безъ этой помощи со стороны тигровъ и леопардовъ противъ дикихъ свиней и оленей не стоило-бы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ засѣвать поля, такъ какъ жатва уничтожалась-бы этими животными. Поэтому земледѣльцы вовсе не бываютъ довольны, если убиваютъ слишкомъ многихъ изъ ихъ тигровъ, питающихся дичью, и тигровъ, питающихся скотомъ, которые для нихъ служили какъ-бы полевыми сторожами. Когда выстрѣломъ Сандерсона былъ убитъ давно всѣмъ извѣстный, весьма хитрый и чрезвычайнѣе большой тигръ, истребитель скота, туземцы, окружавшіе его трупъ, съ сожалѣніемъ сказали: «Жаль его! онъ никогда не приносилъ намъ вреда».

Тигръ-людоедъ большею частью ни что иное, какъ прежній истребитель скота, который, вслѣдствіе частыхъ столкновеній съ людьми и въ особенности съ пастухами, потерялъ къ нимъ всякій страхъ. Людоѣдами бываютъ чаще самки, чѣмъ самцы, вѣроятно, потому, что онѣ должны заботиться о своихъ дѣтенышахъ; иногда же людоедомъ бываетъ раненый или нѣсколько изувѣченный тигръ, который не можетъ обыкновеннымъ способомъ себя прокармливать. Такъ какъ на человѣка легче напасть и легче его осилить, чѣмъ домашняго или дикаго звѣря, то тигръ, уже переставшій бояться людей, нападаетъ на него, когда увѣренъ, что можетъ его схватить безъ опасности для себя. Вслѣдствіе этого составилось мнѣніе, что онъ предпочитаетъ человѣческое мясо всему другому. Но это предположеніе, и то, что тигръ-людоедъ бываетъ обыкновенно очень худъ, было вполне опровергнуто всѣми противоположными доводами. У старыхъ тигровъ шерсть становится свѣтлѣе и полосы какъ-бы выцвѣтаютъ, потому что въ нихъ появляется сѣдина. Эти опасныя хищники питаются не исключительно только людьми, но подкарауливаютъ также и всякую другую, попадающуюся имъ, добычу. Само собою разумѣется, что нравъ и привычки подобныхъ тигровъ весьма различны, и что нѣкоторые изъ нихъ бываютъ гораздо опаснѣе другихъ. Внѣшнія обстоятельства, а главнымъ образомъ, происхожденіе и воспитаніе играютъ при этомъ, вѣроятно, главную роль, потому что дѣтеныши, которыхъ мать выкармила человѣческимъ мясомъ и которые были свидѣтелями ея нападеній, конечно, скорѣе другихъ рѣшятся наброситься на туземцевъ. Тигры становятся людоедами преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда только въ извѣстное время года пригоняются стада, и гдѣ по ихъ уходѣ оставшіеся тигры, истребители скота, бываютъ принуждены, вслѣдствіе недостатка пищи, нападать на людей. Тигръ людоедъ не выказываетъ большей смѣлости, чѣмъ прочіе тигры; онъ, правда, очень нахаленъ, но точно такъ-же трусливо и хитро убѣгаетъ

отъ вооруженныхъ людей и нападаетъ на одинокихъ и безоружныхъ, которыхъ прекрасно умѣетъ узнавать. Охотиться на него весьма трудно, такъ какъ онъ, вслѣдствіе своего образа жизни, лучше другихъ тигровъ знаетъ привычки людей. «Этотъ страшный для робкихъ и безоружныхъ индѣйцевъ бичъ», пишетъ Сандерсонъ, «встрѣчается теперь, къ счастью, очень рѣдко; объ ужасныхъ людоедахъ уже почти не слышно и если подобный и является, то его очень скоро убиваютъ. До появленія въ Индіи многочисленныхъ европейскихъ охотниковъ, тигры, конечно, могли принуждать жителей выселяться изъ извѣстной мѣстности; еще и теперь можно найти въ пустынныхъ мѣстахъ остатки деревень, которыя были изъ-за тигровъ покинуты испуганными жителями. Въ Майсурѣ и окрестныхъ областяхъ от тигровъ людоедахъ тоже теперь почти не слышно. Въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ (до 1879 года) появился тамъ только одинъ значительный людоедъ, именно, извѣстный бенгипурскій тигръ; за уничтоженіе его правительство обѣщало выдать большую награду. Но между всѣми застрѣленными и выдаваемыми за этого людоеда тиграми, не могли узнать настоящаго, хотя можно предположить, что онъ былъ убить туземнымъ шивари, потому что несчастные случаи прекратились послѣ того, какъ этотъ охотникъ представилъ убитаго тигра самца со сломанной передней лапой, но такъ какъ опять нельзя было доказать, что это былъ разыскиваемый злодѣй, то награда и не была вовсе выплачена». Сандерсонъ даже совѣтуетъ извѣстнымъ образомъ щадить тигровъ; онъ впрочемъ ничего не имѣетъ противъ правильной охоты на тигровъ, но возстаетъ противъ тѣхъ, которые считаютъ полезнымъ истреблять ихъ всѣми мѣрами, даже западными и ядомъ. По его мнѣнію, при существующихъ условіяхъ, съ уничтоженіемъ тигровъ уменьшится во многихъ странахъ доходъ съ земли, такъ какъ земледѣльцы не будутъ въ состояніи защищаться отъ вреда, приносимаго имъ другими дикими травоядными животными. «Тигръ», пишетъ онъ, «не причиняетъ одинъ вредъ; дикія свиньи и олени, а не тигры и барсы угрожаютъ сельскому хозяйству, главному источнику существованія мѣстныхъ жителей, а съ ними справиться могутъ только крупные хищники, которымъ эти травоядные природою предназначены въ добычу. Жаль, что тигра нынѣ преслѣдуютъ и истребляютъ даже всякими не охотничьими способами, главнымъ образомъ вслѣдствіе поднявшагося въ Англій общенароднаго вопля о громадномъ вредѣ, причиняемомъ имъ, чему вовсе не слѣдовало придавать значенія. Всевозможнымъ образомъ находятъ выслѣживать и убивать каждаго тигра-людоеда, а также и вреднѣйшихъ истребителей скота, но обыкновенные тигры менѣе всего опасны и притомъ приносятъ свою извѣстную пользу. Да отдалится отъ насъ то время, когда всѣ тигры будутъ уничтожены!» Какъ начальнику правительственной охоты на слоновъ, Сандерсону приходилось жить сообразно своей должности въ пустынѣ между дикими звѣрями. Въ своихъ путешествіяхъ онъ ознакомился съ различными областями Индіи и поэтому болѣе, чѣмъ кто либо можетъ судить о тамошнихъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на его мнѣнія, которыя, впрочемъ, подтверждаются и другими наблюдателями.

Форзитъ, Блэнфордъ и другіе говорятъ о тигрѣ или то же самое, или очень сходное съ этимъ. Шервилль прямо говоритъ: «бенгальскій тигръ въ сущности безвредный и робкій звѣрь и дѣлается только тогда злымъ и опаснымъ, когда онъ раненъ. Онъ рѣдко беспокоитъ людей, развѣ только тогда, когда его раздражатъ, а людоеды почти не встрѣчаются въ Бенгаліи, за исключеніемъ развѣ окрестныхъ болотистыхъ лѣсовъ дельты устья Ганга». Фэйреръ, который признаетъ вредъ, причиняемый этимъ животнымъ, прибавляетъ, что всевозможныя несчастія во время охоты на тигровъ случаются не чаще, чѣмъ въ Англій на травляхъ лисицъ.

Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, что о тигрѣ слѣдуетъ судить иначе, чѣмъ до сихъ поръ это дѣлали. Это хищникъ, который во многихъ мѣстностяхъ (по крайней мѣрѣ въ Индіи) приноситъ болѣе пользы, чѣмъ вреда и только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ тѣмъ страшилищемъ, какимъ до сихъ поръ описывали всѣхъ тигровъ вообще.

Обыкновенно говорятъ, что тигръ и левъ бросаются на добычу слѣдующимъ образомъ: измѣривъ разстояніе, они прижимаются къ землѣ, а затѣмъ большимъ прыжкомъ бросаются на жертву, но это не совсѣмъ вѣрно; главная сила его нападенія заключается въ нечаянности. Если онъ сумѣлъ незамѣтно подкрасться къ добычѣ, то онъ схватываетъ животное безъ всякаго прыжка; если добыча довольно далеко отъ него, то онъ приближается къ ней нѣсколькими быстрыми скачками, если же животное убѣгаетъ, то онъ за нимъ гонится, стараясь у большихъ животныхъ ранить ихъ заднія ноги сильными ударами переднихъ лапъ; иногда, если оказывается возможнымъ, онъ пытается опередить добычу, пробираясь черезъ чащу и еще разъ бросаясь на нее съ боку. Слѣдовательно, онъ не бросаетъ, какъ другія кошки, ту добычу, которая въ первый разъ сумѣла отъ него спастись. Удары его лапъ рѣдко настолько сильны, что могутъ сломить большія кости. Обыкновенно думаютъ, что раны, нанесенныя тигромъ, очень тяжелы и трудно заживаютъ, но Фэйреръ отрицаетъ это и при этомъ основывается на собственномъ опытѣ, какъ врача и охотника. Большихъ звѣрей тигръ убиваетъ точно такъ, какъ и левъ, переламывая имъ шейные позвонки. По мнѣнію Форзита и Балдина онъ прямо схватываетъ животное зубами за затылокъ, но, по словамъ Сандерсона, Стерндаля, Блэнфорда и другихъ, онъ чаще схватываетъ животное за горло, а затѣмъ уже съ помощью лапъ переламываетъ ему шею. Изъ нѣсколькихъ сотенъ жертвъ только двѣ имѣли раны на затылкѣ, а у всѣхъ остальныхъ было перегрызано горло; да тигру и трудно напасть сверху на большихъ, особенно на рогатыхъ животныхъ.

Сандерсонъ рассказываетъ слѣдующій, сюда относящійся случай: одна тигрица рано утромъ загрызла корову и не имѣла времени сыто наѣсться; она стащила добычу въ ближайшіе кусты, а затѣмъ ушла въ свое логовище, которое было расположено на нѣсколько километровъ разстоянія. Такъ какъ Сандерсонъ не нашелъ около убитаго животнаго удобнаго дерева, для того, чтобы тамъ спрятаться и ожидать тигра, то онъ приказалъ привязать живого быка ко пню, посредствомъ очень короткой веревки и устроилъ себѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого мѣста, на деревѣ, скрытое помѣщеніе метра три отъ земли. «Я влѣзъ на дерево около пяти часовъ вечера. Послѣ заката солнца яркій свѣтъ луны освѣтилъ окружающую мѣстность. Въ началѣ седьмого часа услышалъ я издали глухое рычанье тигрицы, которая выходила изъ своего прохладнаго убѣжища въ прибрежныхъ кустахъ, гдѣ она провела жаркіе часы индѣйскаго дня. Безпокойство быка скоро меня извѣстило объ ея приближеніи. Скоро я замѣтилъ звѣря, который, припавши къ землѣ, стоялъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ жертвы и внимательно ее разсматривалъ. Между нею и быкомъ находился пень, отъ котораго несчастный быкъ, привязанный за рога, не могъ болѣе удалиться. Тигрица замѣчала, что добыча отъ нея уйти не можетъ, но она медлила не для того, чтобы насладиться смертельнымъ страхомъ своей жертвы, а потому, что веревка ей казалась подозрительной. Нѣсколько минутъ оба животныя оставались въ томъ же положеніи и при этомъ царствовала такая тишина, что малѣйшее мое движеніе могло бы помѣшать нападенію. Наконецъ, очевидно убѣдившись въ возможности нападенія, звѣрь поднялся и тихими шагами приблизился къ быку, причемъ никакого прыжка не было. Пасть тигрицы уже находилась на разстояніи одного фута отъ горла

быка, и она готова была его схватить, но мнѣ стало жалко несчастной жертвы, и я прицѣлился своею двустволкой. При этомъ я немного зашумѣлъ вѣтвями; тигрица тотчасъ оглянулась и стала внимательно смотрѣть въ мою сторону. Она навѣрно бы убѣжала, но я выстрѣлилъ, и моя первая пуля повалила ее на землю, а вторая убила ее на мѣстѣ. Быкъ, который до тѣхъ поръ стоялъ спокойно и не издавалъ звука, послѣ выстрѣловъ сталъ безумно кружиться около пня, перепрыгивал всякій разъ черезъ трупъ тигрицы».

Тигръ обыкновенно при наступающей темнотѣ тащить свою добычу въ какіе-нибудь густые кусты; иногда впрочемъ онъ ее несетъ на небольшое разстояніе. Сандерсонъ удостовѣряетъ, какъ очевидецъ, что сильный тигръ-самецъ пронесъ тяжелаго быка черезъ густой кустарникъ на разстояніи 300 шаговъ. Когда ему не мѣшаютъ, то онъ падается досыта и, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, можетъ съѣсть заразъ около 30 килограммовъ мяса (болѣе 1½ пудовъ). Онъ почти всегда начинаетъ съ задней части, только изрѣдка съ боковъ. Во время ѣды онъ отъ времени до времени подходитъ къ ближайшему водопою и пьетъ много, причемъ иногда опускаетъ голову въ воду до самыхъ глазъ, чавкаетъ и фыркаетъ, какъ будто хочеть хорошенько вымыть себѣ пасть. Послѣ сытой ѣды тигръ засыпаетъ и долго наслаждается дремотой, происходящей отъ полного насыщенія; онъ встаетъ только, чтобы напиться. Вечеромъ слѣдующаго дня между 4—9 часами онъ обыкновенно возвращается къ своей добычѣ, чтобы снова поѣсть, если только найдетъ остатки ея, такъ какъ его добычею питаются многіе мелкіе хищники, которые, конечно, поспѣшно убѣгаютъ, когда его завидятъ.

Тигръ, кажется, не разборчивъ на пищу; онъ не пренебрегаетъ и гнилымъ мясомъ, точно такъ, какъ и левъ. Теперь ужъ про него не говорятъ, что онъ пьетъ кровь своей жертвы, на самомъ же дѣлѣ онъ ѣстъ то, что найдетъ, и довольствуется иногда мясомъ животныхъ, которыхъ не самъ умертвилъ. Элліотъ видалъ тигрицу съ дѣтенышами, которые пожирали павшую отъ чумы скотину. Рассказываютъ даже случаи, что тигръ съѣдалъ другого тигра, котораго находилъ мертвымъ въ лѣсу. Жители Суматры увѣряютъ, что тигръ очень охотно ѣстъ дуріоны, плоды *Durio Zibethinus*, что вовсе не невѣроятно, такъ какъ Пехуаль-Леше убѣдился, что леопардъ въ западной Африкѣ поѣдаетъ плоды маслячной пальмы. Тигръ можетъ очень долго переносить голодъ и жажду. Два тигра, которые въ густой чащѣ были окружены сѣтями на пространствѣ въ 100 шаговъ въ діаметрѣ, были ранены лишь на пятый день, а убиты лишь на десятый день послѣ того, какъ попались въ ловушку. Несмотря на то, что было очень жарко и тигры во все это время не могли себѣ добыть ни пищи, ни питья, на десятый день, передъ смертью, они храбро защищались.

Ловля тигровъ посредствомъ сѣтей очень хорошо показываетъ нравъ и привычки тигра. Въ большихъ и густыхъ лѣсахъ почти невозможно охотиться инымъ образомъ, такъ какъ звѣря трудно увидѣть. Когда выслѣдили тигра, то недалеко отъ его логовища, на мѣстѣ, куда предполагаютъ его загнать, прорубаютъ довольно широкую извилистую просѣку; въ концѣ этой просѣки устраиваютъ перегородку изъ сѣтей, которая образуетъ половину или даже большую часть круга. Перегородка эта дѣлается изъ крѣпкой веревочной, довольно рѣдкой сѣти, причемъ отдѣльныя части ея имѣютъ отъ 12—15 метровъ длины при 4 метрахъ вышины. Сѣти эти укрѣпляются на двойныхъ жердяхъ, такъ что часть ихъ лежитъ на землѣ, а вышина перегородки не превышаетъ трехъ метровъ. За сѣтью становятся люди съ копьями, а вдоль по дорогѣ, по которой долженъ пройти тигръ, ставятъ загонщиковъ, а иногда и чучела, которые мѣшаютъ тигру броситься въ сторону. Между

тѣмъ какъ леопардъ. попавшійся въ эту ловушку, тотчасъ бросается на сѣть и иногда перепрыгиваетъ черезъ нее, а чаще бываетъ убитъ людьми, стоящими за сѣтью, тигръ постоянно очень осторожно крадется вдоль сѣти, не пытаясь перескочнуть черезъ нее, а стараясь прорваться сквозь цѣпь загонщиковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сѣти нѣтъ. Его повсюду встрѣчаютъ крикомъ и шумомъ и поэтому въ болѣе частыхъ случаяхъ онъ прячется въ густыхъ кустарникахъ, окруженныхъ сѣтью, и тогда его быстро вполне затворяютъ въ кругъ сѣтей, и тигръ оказывается запертымъ въ пространствѣ менѣе чѣмъ сто метровъ въ окружности. Кругомъ зажигаютъ огни и 100 или 150 индусовъ караулятъ окруженнаго тигра, причемъ нѣкоторые изъ нихъ стоятъ съ копьями у самой сѣти, чтобы прогнать тигра, если онъ приблизится къ ней; но чаще всего онъ вовсе не показывается. Вскорѣ 15 или 20 человекъ, вооруженныхъ копьями, входятъ въ помѣщеніе, окруженное сѣтью, и охраняютъ отъ нападеній тигра нѣсколько дровосѣковъ, которые вырубаютъ въ кустахъ просѣку, около 5 метровъ ширины. При этомъ люди держатся постоянно тѣсной толпой, такъ какъ они знаютъ, что ни одинъ тигръ и даже тигрица съ дѣтенышемъ не осмѣливаются нападать на толпу вооруженныхъ людей. Индусы боятся тигра только тогда, когда онъ раненъ. Когда просѣка готова, то охотники съ винтовками помѣщаются въ удобномъ мѣстѣ, а копыеносцы заставляютъ тигра пробѣжать по просѣкѣ, мимо охотниковъ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока тигръ не будетъ убитъ выстрѣлами. Если его только ранили, то загонщики удаляются, и приходится или воспользоваться услугами слоновъ, на спинѣ которыхъ сидятъ стрѣлки и такимъ образомъ разыскиваютъ раненое животное, или стрѣлки вмѣстѣ съ загонщиками идутъ смѣло на тигра и стараются покончить съ нимъ въ его убѣжищѣ. Послѣдній способъ представляетъ опасность, такъ какъ, поставленный въ безвыходное положеніе, раненый звѣрь иногда бросается на охотниковъ, особенно, если въ критическій моментъ они не выказываютъ достаточно мужества и пытаются бѣжать. Однако, если стрѣлки и загонщики мужественно подвигаются впередъ и не выказываютъ страха, то тигръ не рѣшается на нападеніе, старается улизнуть куда-нибудь въ сторону и бываетъ при этомъ застрѣленъ кѣмъ-нибудь изъ охотниковъ. Сандерсонъ удостовѣряетъ, на основаніи собственнаго опыта, что даже загнанный при выше изложенныхъ обстоятельствахъ тигръ не имѣетъ достаточно смѣлости, чтобы открыто напасть на толпу охотниковъ, которые, не выказывая боязни, прямо идутъ на него.

Совсѣмъ другое дѣло, когда приходится одному охотнику или нѣсколькимъ по одиночкѣ преслѣдовать раненаго тигра, не окруженнаго сѣтями. Только неопытный или безумно-смѣлый охотникъ рѣшается отыскивать тигра при этихъ условіяхъ среди джунглей, гдѣ животное находится въ самомъ выгодномъ положеніи, чтобы нечаянно напасть на преслѣдователя и броситься на него раньше, чѣмъ онъ успѣетъ прицѣлиться. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ подобномъ отчаянномъ положеніи тигръ храбро защищаетъ свою жизнь; онъ не отыскиваетъ человека, но не задумывается на него броситься, если тотъ подходитъ совсѣмъ близко къ его убѣжищу. Издаваемый въ это время тигромъ громкій ревъ, похожій на кашель, такъ страшенъ, что способенъ отнять мужество даже у смѣлаго охотника. Слоны оказываютъ въ этомъ случаѣ очень полезныя услуги и, сидя на нихъ, охотники чувствуютъ себя въ безопасности и вѣрнѣе стрѣляютъ; свора хорошихъ собакъ можетъ также принести большую пользу на охотѣ за тигромъ точно такъ, какъ и за львомъ: собаки почти вполне уничтожаютъ опасность для самого охотника. Разъ случилось, что опытная собака, схватившая тигра за хвостъ, дозволила себя тащить убѣгавшему звѣрю, не выпуская хвоста изъ пасти.

Если индусы сами устраиваютъ вышеописанную охоту съ сѣтями и не имѣютъ при себѣ хорошихъ ружей, то они нападаютъ на тигра съ одними копьями. Они при этомъ натягиваютъ на просѣки слабо привязанныя сѣти, которыя падаютъ на тигра и его запутываютъ, что облегчаетъ смѣльчакамъ возможность убить звѣря своими копьями; впрочемъ, если онъ освободится въ то время, когда окруженъ охотниками, то случается, что набрасывается на нихъ и наноситъ страшныя раны когтями или зубами, но своей судьбы онъ все-таки не избѣгнетъ, такъ какъ изъ окружающей его сѣти убѣжать не можетъ. Копья, употребляемыя при охотѣ на тигровъ, состоятъ изъ бамбуковаго древка въ два метра длины и желѣзнаго лезвія, имѣющаго 30 см. длины при 7 см. ширины. На Явѣ туземцы употребляютъ при охотѣ на тигровъ также одни только копья. Тамъ окружаютъ большое пространство вооруженными людьми и приказываютъ имъ понемногу сходитьсь, такъ что наконецъ хищный звѣрь бываетъ окруженъ тѣсною цѣпью вооруженныхъ копьями людей. Когда тигръ видитъ, что ему нельзя убѣжать, то онъ бросается на охотниковъ, но попадаетъ при этомъ на копья, которыми очень скоро его и закалываютъ.

Кромѣ вышеозначенныхъ, существуетъ еще много различныхъ, иногда очень оригинальныхъ, способовъ охоты на тигровъ. Устраиваютъ для этой цѣли различнаго рода ловушки; особенно часто употребляются глубокія ямы, куда тигръ проваливается. Прежде посреди этихъ ямъ ставили острый деревянный коль, но съ тѣхъ поръ, какъ одинъ несчастный европеецъ на прогулкѣ провалился въ такую яму и попалъ на коль, подобныя ловушки были запрещены, по крайней мѣрѣ въ Сингапурѣ. На островѣ Явѣ, по словамъ Гаскарла, ловушка устраивается изъ выскокаго сруба съ отверстіемъ, которое запирается падающимъ затворомъ; въ срубъ привязываютъ живую козу, которая привлекаетъ тигра своимъ бляньемъ. Когда хищникъ войдетъ въ срубъ и схватитъ привязанную козу, то дернетъ веревку, которая держитъ затворъ, и онъ падаетъ. Въ Индіи устраиваются подобныя же ловушки, состоящія изъ большой желѣзной клѣтки, которая подвозится до мѣста на колесахъ. Европейцы пробовали также устраивать большіе стальные капканы, вродѣ тѣхъ, которые употребляются для ловли лисицъ, но въ такіе капканы тигры рѣдко попадаютъ. Сандерсонъ рассказываетъ, какъ неудачно былъ употребленъ такой капканъ для поймки извѣстнаго тигра «Дона», который оказался гораздо хитрѣе, чѣмъ предполагали. Какъ искусно ни скрывали капканъ, тигръ всегда находилъ возможность спустить его пружину безъ вреда для себя, а живую козу, привязанную въ видѣ приманки, онъ бралъ въ награду за свое искусство. Такимъ образомъ нашъ тигръ истребилъ цѣлое небольшое стадо козъ, пока наконецъ не бросилъ этотъ недостойный способъ охоты, и тигръ не былъ убитъ выстрѣломъ Сандерсона. На Суматрѣ, по словамъ Форбса, туземцы прикрѣпляютъ острое копые къ длинной упругой жерди, которая натягивается веревкой; приборъ этотъ помещается около отверстія въ заборѣ, черезъ которое долженъ пролѣзть тигръ, чтобы приблизиться къ приманкѣ. Пробираясь сквозь отверстіе, тигръ задѣваетъ за веревку, натягивающую жердь: она выпрямляется и копые прокалываетъ тигра насквозь. Въ Ассамѣ, по словамъ одного путешественника, устраивается подобная же ловушка около того мѣста, куда тигръ ходитъ обыкновенно пить; но здѣсь употребляютъ въ дѣло лукъ со стрѣлой, намазанной ядомъ, которая при малѣйшей ранѣ уже причиняетъ смерть. Европейцы и туземцы, которые знакомы съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, устраиваютъ также ловушки съ заряженными стволами, которые стрѣляютъ, когда тигръ схватитъ приманку. Послѣднее время часто примѣняютъ въ дѣло стрихнинъ, которымъ отравляютъ положенное въ видѣ приманки мясо, но говорятъ, что сила яда терлется, если мясо начинаетъ разлагаться.

Выгоды, получаемыя опытнымъ охотникомъ на тигровъ, довольно значительны. Кромѣ правительственной награды, опредѣленной за убіеніе тигра, охотникъ можетъ выгодно продать жиръ его, который индусы считаютъ хорошимъ средствомъ отъ ревматизма и отъ нѣкоторыхъ болѣзней рогатаго скота; этого жира отъ одного тигра получается отъ 4 до 6 литровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мясо тигра употребляется въ пищу и Ягоръ утверждаетъ, что оно довольно вкусно. Послѣ одной охоты на тигровъ на Явѣ тамошній князь подарилъ этому путешественнику убитыхъ звѣрей. «Такъ какъ шкуры тигровъ были во многихъ мѣстахъ проколоты», говоритъ Ягоръ, «то я удовольствовался тѣмъ, что взялъ для моей коллекціи изъ внутренностей животныхъ многихъ глисть и велѣлъ себѣ сжарить нѣсколько котлетъ изъ мяса тигра. Противъ ожиданія, котлеты эти оказались довольно вкусными и нѣсколько похожими на мясо быка; прочіе гости не хотѣли этому вѣрить и не соглашались даже пробовать этого блюда, которое имъ казалось противнымъ». Въ юго восточной Сибири, по словамъ Радде, мясо тигра дозволяется ѣсть только охотникамъ, которые его убили, или пожилымъ, опытнымъ людямъ. Женщины же, по крайней мѣрѣ у тунгузовъ, совсѣмъ не допускаютъ до этого пиршества. Охотники глубоко вѣрятъ, что мясо тигра дѣйствуетъ благотворно и придаетъ силу и смѣлость; то же самое думаютъ и въ Сіамѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мясо тигра считается лѣкарствомъ, но китайскіе врачи полагаютъ, что кости тигра дѣйствуютъ еще сильнѣе, чѣмъ его мясо; выше всего цѣнятся колѣнные чашки, затѣмъ слѣдуетъ передняя пара реберъ. Въ другихъ странахъ зубы и когти тигра, его жиръ и печень цѣнятся выше, чѣмъ мясо и кости. Шикари украшаютъ себя зубами тигровъ не только какъ доказательствомъ побѣды надъ нимъ, но также и потому, что они считаютъ ихъ предохранительнымъ средствомъ противъ нападенія тигровъ: азіатскія и европейскія дамы носятъ когти тигра, отдѣланные въ золото и серебро, въ видѣ украшеній. Языкъ и печень тигра имѣютъ большую цѣнность, потому что индѣйскіе знахари изъ нихъ готовятъ различныя снадобья, которыя продаютъ вѣрующимъ индусамъ какъ самыя дѣйствительныя средства отъ разныхъ болѣзней. Жиръ, какъ уже выше сказано, считается хорошимъ средствомъ отъ ревматизма и потому его тщательно собираютъ. Шкура тигра предохраняется отъ насѣкомыхъ дубильными и другими предохранительными веществами и отправляется большею частью въ Европу или въ Китай. Богатые киргизы въ прежнее время за нее дорого платили и дѣлали изъ нея колчаны. Въ Европѣ шкура тигра имѣетъ различную цѣнность, смотря по величинѣ, красотѣ и полнотѣ, причѣмъ цѣна можетъ доходить до 650 рублей.

Кромѣ человѣка у тигра, кажется, нѣтъ враговъ, за исключеніемъ можетъ быть индѣйской дикой собаки (*Canis dukhunensis*). Это быстрое и сильное животное, которое обыкновенно охотится днемъ, собравшись въ стаю, по словамъ туземцевъ, при случаѣ преслѣдуетъ и встрѣтившагося тигра. Собаки эти гонятся за нимъ, окружаютъ его со всѣхъ сторонъ и самыя смѣлыя изъ нихъ кусаютъ даже его заднія ноги, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока обезсиленный и усталый тигръ не свалится и не бываетъ побѣжденъ большимъ количествомъ нападающихъ собакъ. Хотя эти рассказы и не могутъ считаться вполне достоверными, но довольно вѣроятно, что стая дикихъ собакъ можетъ въ концѣ концовъ побѣдить тигра, при чемъ конечно и многія собаки погибаютъ.

До какого возраста можетъ жить тигръ на свободѣ—трудно узнать. Индусы думаютъ, что возрастъ убитаго тигра можно узнать по числу лопастей его печени. Только у Сандерсона можно найти нѣкоторыя данныя для рѣшенія этого вопроса: крупный самецъ, котораго онъ убилъ въ Майсурѣ, былъ уже извѣстенъ туземцамъ

въ теченіе двадцати лѣтъ; въ немъ не видно было никакихъ признаковъ старости,—зубы у него были цѣлы и не очень стерты, только мѣхъ начиналъ нѣсколько выпцѣтать.

Время спариванія у тигра бываетъ различно, смотря по климату его родины: на сѣверѣ, говорятъ, спариваніе происходитъ правильно за четверть года до начала весны. Въ южныхъ странахъ, по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ Индіи, спариваніе не связано съ какимъ-нибудь временемъ года; рожденіе дѣтенышей происходитъ въ различные мѣсяцы. Лучшіе знатоки образа жизни тигровъ утверждаютъ, что тигрица рождаетъ не каждый годъ, а черезъ два или три года; такъ, при матери находятъ или очень молодыхъ дѣтенышей и взрослыхъ, но никогда не замѣчали котятъ двухъ возрастовъ, что должно бы было встрѣтиться, если бы тигрица рождала ежегодно. Во время спариванія голось тигровъ слышенъ чаще, чѣмъ въ другое время; часто нѣсколько самцовъ собирается около одной тигрицы, хотя наблюденія показываютъ, что самки болѣе обыкновенны, чѣмъ самцы. Это объясняютъ иногда тѣмъ, что много самцовъ погибаетъ въ борьбѣ съ другими во время течки, но причину можно проще искать въ томъ, что самки болѣе осторожны, чѣмъ самцы, и поэтому не такъ часто бываютъ убиты. Черезъ 100 или 105 дней послѣ спариванія тигрица родитъ 2-хъ—3-хъ, иногда и 4-хъ, а въ рѣдкихъ случаяхъ 5 и даже 6 дѣтенышей, причемъ устраиваетъ свое гнѣздо въ непроходимой чащѣ кустарниковъ или высокихъ травъ. Новорожденные тигрята по величинѣ вдвое меньше домашней кошки и, какъ всѣ котята, очень милы. Въ первыя недѣли тигрица оставляетъ своихъ дѣтенышей, и то не надолго, только чтобы утолить сильный голодь, но когда они немного подрастутъ, то она дѣлаетъ болѣе продолжительныя прогулки.

Сандерсонъ пишетъ объ индѣйскомъ тигрѣ: «туземцы говорятъ, что мать кормитъ сначала своихъ дѣтенышей полу-перевареннымъ мясомъ, которое она изрыгаетъ, возвратившись съ набѣговъ за добычею. Черезъ шесть недѣль дѣтеныши уже начинаютъ переходить вмѣстѣ съ матерью отъ одного логовища къ другому, но на охоту она ихъ еще не беретъ, а приводитъ иногда ихъ только къ убитой добычѣ, если не приходится идти слишкомъ далеко. Уже въ этомъ раннемъ возрастѣ тигрята очень умны и умѣютъ прятаться и даже защищаться, если ихъ застанутъ однихъ. Двое молодыхъ тигровъ, которые родились въ ноябрѣ 1875 года и жили не далеко отъ моей станціи въ Майсурѣ, въ іюнѣ слѣдующаго года стали охотиться за добычей сами, но они жили еще при матери. Имъ было еще трудно самимъ умертвить даже слабую, старую скотину и они терзали ее при нападеніи самымъ ужаснымъ образомъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что они не могли бы справиться и съ этой скотиной, если бы она не была привязана. Въ одномъ случаѣ несомнѣнные слѣды указывали, что мать сидѣла вблизи и наблюдала, какъ одинъ изъ ея дѣтенышей загрызалъ привязаннаго быка. Я застрѣлилъ обоихъ молодыхъ тигровъ около убитой добычи, къ которой они возвратились, чтобы вторично поѣсть мяса; убитая 29 іюля 1876 г. молодой самка имѣла 190,5 см. длины и вѣсила 53,5 килограмм., а молодой самецъ, убитый 25 ноября того-же года, имѣлъ 211 см. длины; взвѣситъ я его, къ сожалѣнію, не могъ».

Вышеупомянутый охотникъ застрѣлилъ тигрицу, дѣтенышъ которой убѣжалъ и такъ хорошо спрятался въ чащѣ лѣса, что его нельзя было найти. Сандерсонъ велѣлъ поскорѣе окружить небольшими сѣтями его убѣжище. Когда охотникъ съ загонщиками вошли въ огражденное пространство, то маленькій тигръ храбро бросился на нихъ; фыркающая и скалящая зубы, онъ съ яростью пробовалъ царапать загонщиковъ и не отставалъ отъ нихъ даже тогда, когда они его больно били палками.

Наконецъ его схватили и связали. Онъ вѣсилъ нѣсколько болѣе 18 килогр. и ему было въ это время не болѣе десяти недѣль; такъ какъ въ этомъ возрастѣ приручить тигровъ нельзя, то его посадили въ клѣтку, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ продали за тысячу марокъ. Пара восьми-мѣсячныхъ ручныхъ тигровъ была продана за двѣ тысячи марокъ. «Молодые тигры», продолжаетъ Сандерсонъ, «очень милы и необыкновенно добродушны, но необходимо, чтобы они были захвачены рано, когда имъ еще нѣтъ мѣсяца отъ роду, пока они не приучились къ жизни на волѣ, въ родномъ лѣсу, и не привыкли бояться человѣка; если они старше, то приручить имъ уже трудно. Дѣтеныши очень привязываются къ своему господину, повсюду за нимъ слѣдуютъ, ложатся подъ его стуломъ, когда онъ сидитъ, и издають своеобразное, радостное фырканье, когда онъ ихъ ласкаетъ. Когда имъ даютъ мясо, то они уже другой пищи не хотятъ и отворачиваются отъ молока, даже въ самомъ юномъ возрастѣ. Напрасно думаютъ, какъ я могъ убѣдиться изъ собственныхъ опытовъ, что молодые тигры дичаютъ отъ сыраго мяса; напротивъ того, только при такомъ кормѣ они нормально и растутъ, и если имъ давать много мяса, то они легче дѣлаются ручными. Четырехмѣсячные тигры уже довольно велики и сильны, но ихъ можно еще смѣло нѣкоторое время держать на свободѣ. Я держалъ парочку молодыхъ тигровъ до восьми мѣсяцевъ и они очень мило играли между собой, съ людьми и съ ручнымъ медвѣдемъ, который жилъ у меня въ домѣ. По моимъ наблюдениямъ, съ-молоду прирученные тигры вовсе не выказываютъ ни коварства, ни хищничества, если имъ только даютъ пищи до-сыта. У меня жилъ довольно большой тигръ, который былъ приученъ спать въ моей комнатѣ. Когда я засыпалъ, то онъ часто вскакивалъ на мою кровать, чтобы лечь около меня, но вовсе не сердился, когда я его пинками и толчками заставлялъ вернуться опять на полъ».

Спариваніе у тигровъ происходитъ не очень шумно, и, при совокупленіи, самецъ не бьетъ самку лапами, какъ это часто случается у другихъ видовъ кошекъ, но глухое рычаніе и ворчаніе обыкновенны. Съ новорожденными дѣтенышами мать обращается очень нѣжно, сама прикладываетъ ихъ къ сосцамъ и таскаетъ съ мѣста на мѣсто въ своей клѣткѣ, чтобы найти имъ болѣе удобное убѣжище. Нѣкоторыя тигрицы, которыя, до рожденія дѣтеныша, очень хорошо обращались со своими сторожами, дѣлаются въ высшей степени недовѣрчивы къ нимъ, когда у нихъ есть дѣтеныши, и иногда даже выказываютъ это недовѣріе очень ощутительнымъ образомъ; другія, впрочемъ, не измѣняютъ своего поведенія и остаются попрежнему привязанными къ людямъ, которые за ними ухаживаютъ. Молодые тигрята рождаются совсѣмъ слѣплыми или съ чуть прорѣзавшимися глазами, но растутъ быстро и скоро начинаютъ играть совершенно по-кошачьи со своею матерью дерутся между собой, сначала фыркаютъ и шипятъ, при видѣ своего сторожа, но скоро приучаются къ нему, оказываются благодарными за хорошее обращеніе и наконецъ вполне ручнѣютъ. Они привыкаютъ и къ другимъ животнымъ, часто, напримѣръ, дружатся съ собаками и, по наблюденію нѣкоторыхъ натуралистовъ, могутъ такъ хорошо сжиться съ другими большими кошками, напримѣръ со львами, что между ними происходятъ спариванія и даже рождаются ублюдки. Одна тигрица въ Берлинскомъ зоологическомъ саду, которая родила двухъ дѣтенышей и счастливо ихъ выкормила, яростно бросилась на ихъ отца, когда его снова впустили въ общую клѣтку; она его била лапами и такъ страшно ревла, что заставила его обратиться въ бѣгство. Очевидно она боялась, чтобы самецъ не обидѣлъ дѣтенышей, тогда какъ до тѣхъ поръ жила съ нимъ въ полномъ согласіи.

Тигровъ въ послѣднее время приучали къ различнымъ фокусамъ. Укротители звѣрей нынѣ часто входятъ къ нимъ въ клѣтку, заставляютъ прыгать и продѣлы-

вають съ ними разныя другія штуки, но забавы эти все-таки очень опасны. Какъ настоящая кошка, тигръ показываетъ привязанность и послушаніе тѣмъ лицамъ, которыя съ нимъ ласковы. Онъ спокойно принимаетъ ласки или даже отвѣчаетъ на нихъ, но дружелюбіе его всегда подозрительно и продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока онъ признаетъ въ человѣкѣ своего повелителя, вслѣдствіе чего и дозволяетъ ему многое, что противорѣчитъ природѣ хищнаго звѣря. Вполнѣ положиться на него никогда нельзя и это слѣдуетъ приписать не его коварству, а совершенно естественному сознанію собственной силы. Его не слѣдуетъ считать хитрымъ, лукавымъ и коварнымъ, точно такъ, какъ и нашу домашнюю кошку; но онъ не дозволяетъ производить надъ собой никакихъ насилій, точно такъ, какъ сія послѣдняя, и инстинктивно защищается, когда человѣкъ отъ него требуетъ дѣйствія, которое ему не нравится. Отъ хищнаго звѣря нельзя требовать поведенія, противорѣчащаго его природѣ; ему точно такъ же трудно побороть давнишніе поръ чувствуетъ надъ собой владычество человѣка: эти хищническіе инстинкты составляютъ несомнѣнное свойство его природы и вполнѣ подавлены быть не могутъ. Поэтому я считаю совершенно естественнымъ, что тигръ, который съ молодю былъ сдѣланъ ручнымъ, все-таки нападаетъ на домашній скотъ и другихъ животныхъ когда выростетъ и будетъ выпущенъ на свободу; ему невозможно противустоять тому инстинктивному стремленію, которое соотвѣтствуетъ его организаціи; точно также въ порядкѣ вещей, что этотъ звѣрь выказываетъ передъ человѣкомъ свою силу, когда онъ раздраженъ. Очень несправедливо называть его за это коварнымъ, лукавымъ и хитрымъ, тѣмъ болѣе, что животное, созданное для хищнической жизни на свободѣ, находится въ очень неестественныхъ условіяхъ если заперто въ тѣсную клѣтку, и это совершенно объясняетъ его раздражительность и отъ времени до времени повторяющееся дурное расположеніе духа.

Азіатскіе владетели за нѣсколько столѣтій уже владѣли искусствомъ притрачивать тигровъ и даже пользоваться ими во время охоты. Марко Поло пишетъ: «утарскаго хана въ завоеванномъ имъ городѣ Камбалу много леопардовъ и рысей, съ которыми онъ охотится; точно также у него есть львы, которые больше вавилонскихъ львовъ, имѣютъ красивый мѣхъ съ бѣлыми, черными и рыжими полосами и могутъ быть употребляемы для охоты на дикихъ кабановъ, буйволовъ, дикихъ ословъ, медвѣдей, оленей, ланей и другихъ животныхъ. Въ высшей степени удивительно наблюдать, какъ такой левъ бросается на добычу, и съ какою быстротою и силою онъ производитъ нападенія. Ханъ возитъ ихъ въ клѣткахъ на колесахъ и въ каждой клѣткѣ находится маленькая собачка, къ которой левъ привыкаетъ. Ихъ возятъ въ клѣткахъ потому, что они слишкомъ яростно бросаются на дичь, когда ее почуютъ, такъ что невозможно ихъ удержать. Слѣдуетъ ихъ подвозить къ дичи противъ вѣтра: иначе животныя чуютъ льва издалека и отъ него бѣгутъ».

И въ наши дни индійскіе князья для забавы устраиваютъ побоища между плѣнными тиграми и другими сильными животными, напримѣръ, слонами и буйволами. Ташаръ видѣлъ такое побоище въ Сіамѣ. На площадъ, окруженную высокимъ частоколомъ, ввели трехъ слоновъ, головы которыхъ были покрыты чѣмъ-то вроде панцыря. Тигръ уже находился въ оградѣ и его удерживали двумя веревками. Онъ былъ не изъ крупныхъ, и когда увидѣлъ слоновъ, хотѣлъ убѣжать, но тотчасъ же получилъ отъ нихъ нѣсколько чувствительныхъ ударовъ хоботомъ по спицѣ, такъ что упалъ на бокъ и нѣкоторое время лежалъ какъ мертвый; однако, когда его отвязали, то онъ вскочилъ, заревѣлъ и вдѣпился въ хоботъ одного слона: тотъ приподнял тигра кверху и такъ сильно ударилъ его бивнями, что тигръ полетѣлъ высоко

вверхъ, тяжело упалъ и болѣе не осмѣлился нападать, а сталъ карабкаться на частоколъ, чтобы убѣжать изъ ограда. На него направили тогда всѣхъ трехъ слоновъ, которые такъ сильно били тигра, что онъ снова упалъ какъ мертвый, и послѣ этого уже только старался спастись отъ враговъ. Побоище тогда приказали кончить, но было очевидно, что слоны могли бы легко убить тигра.

Бои между буйволами или людьми, вооруженными копьями, и тиграми или другими хищными звѣрями принадлежать къ любимымъ удовольствіямъ южно-азиатскихъ князей, особенно на островѣ Явъ. Мартенсъ и Ягоръ описываютъ почти одинаковыми словами подобное побоище. «Князь вмѣстѣ съ резидентомъ и со всѣми присутствующими европейцами отправились въ павильонъ, чтобы смотрѣть на бой между королевскимъ тигромъ и буйволомъ. Цилиндрическая клѣтка въ 6 метровъ вышины служила помѣщеніемъ для буйвола, украшеннаго вѣнками. Тигръ помѣщался по сосѣдству, въ клѣткѣ меньшей величины. Когда отворили дверцу, соединяющую эту послѣднюю клѣтку съ клѣткою буйвола, то всѣ зрители напряженно ожидали появленія тигра, но онъ не выходилъ; его пришлось выгнать, довольно долго пугая его зажженными факелами; онъ тогда выползъ въ большую клѣтку, но вовсе не выказывалъ желанія начать борьбу. Онъ бѣгалъ вдоль ограда и очевидно трусилъ. Буйволъ, который нѣкоторое время равнодушно на него поглядывалъ, вдругъ бросился на хищнаго звѣря и ударилъ его рогами; тигръ тогда со страху ползъ по бамбуковой оградѣ вверхъ, его оттуда прогнали, обливая кипяткомъ, прыскаая ему въ морду отваромъ перца и панося удары копыями. Обоихъ животныхъ взаимно раздражали люди, сидящіе на верхней части клѣтки, такъ что тигръ наконецъ кинулся на буйвола, вцѣпился зубами въ его правое ухо, а передней лапой захватилъ его за затылокъ. Буйволъ громко ревѣлъ, напрасно старался освободиться отъ тигра и нѣсколько разъ прижималъ его къ землѣ. Наконецъ тигръ упалъ и получилъ нѣсколько такихъ сильныхъ ударовъ рогами, что лежалъ на землѣ какъ мертвый; буйволъ сталъ его обнюхивать и, когда тигръ пытался снова укусить его, такъ его ударилъ рогами, что тотъ растянулся во весь ростъ и лежалъ неподвижно. Зрители были недовольны исходомъ боя и старались различными средствами раздражить животныхъ, но старанія эти были напрасны, пришлось открыть дверь тигровой клѣтки, и тигръ, испуганный горящими факелами, поспѣшно удалился въ свое логовище.

«Въ пять часовъ пополудни на площади передъ домомъ князя было снова устроено побоище, которое на туземномъ языкѣ называется ромпокъ. Большая четырехугольная площадь была окружена нѣсколькими рядами воиновъ, вооруженныхъ копьями; ихъ было около двухъ тысячъ человѣкъ. Въ серединѣ четырехугольника стояли двѣ небольшія клѣтки, окруженные соломой и третья побольше, имѣющая видъ крыши. Въ каждой изъ маленькихъ клѣтокъ сидѣло по тигру. За копье-носами стояла огромная толпа зрителей. По данному знаку зажгли соломѣ, окружавшую одну изъ клѣтокъ, но тигръ долго не выходилъ. Это былъ тотъ же несчастный звѣрь, который утромъ такъ сильно пострадалъ во время борьбы съ буйволомъ. Уже боялись, что тигръ въ клѣткѣ сгорѣлъ или задохся, но наконецъ онъ показался, выползая изъ клѣтки заднею частью впередъ. Когда она наконецъ выбѣжалъ и оглянулся, то такъ испугался, что ползъ обратно въ горящую клѣтку и долго тамъ скрывался, пока наконецъ огонь не заставилъ его вторично выскочить. Не трогаясь съ мѣста, тигръ сталъ осматриваться и искать какое-нибудь другое убѣжище. Тогда люди, скрывшіеся подъ высокою крышею, изъ отверстія которой повсюду торчали копья, подвинулись вмѣстѣ со своимъ помѣщеніемъ впередъ и при-
нуждали звѣря подняться. Такъ какъ тигры охотнѣе всего бѣгутъ противъ направ-

ления вѣтра, то соответствующая сторона четырехугольника была окружена большим числомъ людей, но тигръ въ этомъ случаѣ поступилъ противъ своего обыкновенія и въ отчаяніи бросился на ту сторону ограды, гдѣ людей было меньше и которая приходилась вблизи нашего павильона. Но и адѣсь его очень скоро убили нѣсколькими ударами копій. Послѣ этого была зажжена солома второй клѣтки. Второй тигръ выказалъ больше храбрости: однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ клѣтки, осмотрѣлъ своихъ враговъ и старался прорваться съ подвѣтренной стороны. Прогнанный оттуда, онъ повторилъ свою попытку нѣсколько шаговъ дальше, но тутъ былъ заколотъ, при чемъ люди, возбужденные этимъ зрѣлищемъ, совершенно напрасно кололи копьями уже мертваго тигра».

Мартенсъ дополняетъ вышеприведенное описаніе Ягора еще тѣмъ, что люди, которые отворяютъ клѣтку тигра, бываютъ вооружены только одними кинжалами. «Обычай требуетъ, чтобы эти люди, отворивши клѣтку, удалялись отъ нея тихими шагами, не оглядываясь, и при этомъ никогда не случалось, чтобы они подвергались нападенію тигра». Гансъ Мейеръ подтверждаетъ это, что впрочемъ совершенно понятно, такъ какъ хищный звѣрь, уже усмиренный неволею и напуганный большимъ количествомъ вооруженныхъ людей, вовсе не выказываетъ желанія начать борьбу.

Древніе познакомились съ тигромъ довольно поздно. Въ Библии о немъ не упоминается, и греки о немъ почти ничего не знали. Неархъ, полководецъ Александра Македонскаго, видалъ тигровую шкуру, но самого звѣря не видалъ, а узналъ отъ индусовъ, что онъ величиною съ крупную лошадь и превосходить всѣ другія существа силою и быстротою. Только Страбонъ говоритъ нѣсколько подробнѣе о тигрѣ. Римлянамъ онъ былъ вовсе не извѣстенъ до Пуническихъ войнъ; когда же они распространили свое владычество въ Азіи, то царяне имъ доставляли тигровъ, которые были привезены въ Римъ. Плиній пишетъ, что Скарръ первый показалъ римлянамъ тигра въ клѣткѣ въ 743 году отъ основанія Рима, т. е. за десять лѣтъ до Р. Х. Императоръ Клавдій уже имѣлъ четырехъ тигровъ и послѣ этого эти животныя довольно часто появляются въ Римѣ, такъ что Геліогабалъ запрягалъ ихъ въ свою колесницу, когда изображалъ собою Вахха, а при императорѣ Авитѣ (455 г. послѣ Р. Х.) ихъ было убито пять штукъ въ одинъ вечеръ въ циркѣ, чего прежде никогда не случалось.

* * *

Тигръ точно такъ, какъ и левъ, не имѣетъ близко стоящихъ видовъ, такъ какъ наиболѣе сходное съ нимъ животное—пещерный тигръ, который жилъ въ средней Европѣ, уже давно вымеръ. Рядомъ съ нимъ приходится поставить одну южно-азиатскую кошку—Дымчатого леопарда, Харимау Даханъ (древесный тигръ) малайцевъ (*Felis nebulosa*, *Neofelis*, *Tigris macroscelis*, *F. diardii*, *macrosceloides*, *Nebeloparder*, *Agimaou Dahan*), который гораздо меньше тигра, но болѣе другихъ кошекъ напоминаетъ его. Онъ похожъ на тигра своимъ удлиненнымъ туловищемъ на короткихъ, но сильныхъ лапахъ, маленькой, очень короткой головой съ округленными ушами и рисункомъ своего длиннаго и мягкаго мѣха, но съ перваго взгляда отличается отъ него болѣе короткими лапами и хвостомъ, длина котораго равняется длинѣ тѣла. Основной цвѣтъ его мѣха довольно неопредѣленный; иногда онъ бываетъ пепельно-сѣрымъ или буровато-сѣрымъ, но часто переходитъ въ сѣровато-бѣлый съ желтоватымъ или красноватымъ отливомъ; нижняя часть тѣла чаще всего блѣдно-рыжая. Голова, конечности и животъ покрыты черными округленными и искривленными пятнами и полосами. По сторонамъ шеи тянутся три неправильныя

продольныя, темныя полосы; вдоль спины тянутся также двѣ подобныя же полосы, а по сторонамъ головы замѣчаются нѣсколько узенькихъ полосокъ; надъ плечами и бедрами и по бокамъ тѣла расположены неправильныя черныя пятна съ угловатыми очертаніями; подобныя же пятна встрѣчаются и на хвостѣ. Губы имѣютъ черную каемку, а уши снаружи черныя съ сѣрыми пятнами. Длина туловища около одного метра; хвостъ отъ 74 до 92 см. Старый самецъ, имѣвшій 170 см. общей длины, вѣсилъ 20,2 килогр. Область распространенія этого животнаго довольно обширна и зани-

Дымчатый леопардъ. *Felis nebulosa*. 1/10 наст. вел.

маетъ собою весь юго-востокъ Азии и Большіе Зундскіе острова. Дымчатый леопардъ встрѣчается преимущественно въ горныхъ лѣсистыхъ странахъ Ассамы, Бирмы, Сиама, полуострова Малакки, точно такъ, какъ на Суматрѣ, Явѣ и Борнео. Въ юго-восточныхъ частяхъ Гималайскихъ горъ, Сиккимъ и Бутамъ, по показаніямъ Жердона, эта кошка подымается до 3000 метровъ надъ поверхностью моря, но Блэнфордъ полагаетъ, что выше 2000 метровъ она не встрѣчается. Положительно извѣстно, что дымчатый леопардъ найденъ въ Дардшилингѣ (4000 метровъ), а по Годжсону—и въ Тибетѣ, что однако невѣроятно, такъ какъ онъ

встрѣчается только въ лѣсистыхъ странахъ. На островѣ Формозѣ встрѣчается разновидность этой кошки съ болѣе короткимъ хвостомъ.

До послѣдняго времени дымчатый леопардъ былъ очень рѣдокъ въ зоологическихъ садахъ и музеяхъ, да и теперь встрѣчается тамъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. О его жизни на свободѣ мы знаемъ почти только то, что рассказываютъ о немъ туземцы. Жители Суматры увѣряютъ, что это животное вовсе не свирѣпо и питается только маленькими млекопитающими и птицами. Къ послѣднимъ слѣдуетъ отнести также и домашнихъ куръ, которыхъ онъ истребляетъ часто въ большомъ количествѣ. Малайское имя указываетъ, что дымчатый леопардъ живетъ болѣею частью на деревьяхъ и повидимому дѣйствительно онъ проводитъ значительную часть дня на вѣткахъ деревьевъ, тамъ спитъ и охотится, очень ловко лазая по сучьямъ и стволамъ. Въ Гималайскихъ горахъ онъ нападаетъ, говорятъ, на овецъ, козъ, свиней и собакъ.

По всѣмъ рассказамъ видно, что дымчатый леопардъ добродушенъ, на сколько можетъ быть добродушна кошка. Несмотря на свою величину и силу, которые дѣлаютъ его похожимъ на настоящаго леопарда, животное это отличается необыкновенно кроткимъ нравомъ. Два экземпляра, которые жили у Рэфлеса (Raffles), были очень забавны и любили играть между собой. Ихъ длинные хвосты, которыми они, какъ и домашнія кошки, выражали свое душевное настроеніе, служили имъ также какъ средства забавы. Кромѣ того они охотно играли, какъ котята, со всякими катящимися и быстро двигающимися предметами. Ихъ можно было гладить и ласкать, не боясь ихъ зубовъ и когтей; напротивъ того они охотно отъѣдали на эти ласки. Они дружились и съ другими животными, одинъ изъ нихъ подружился на кораблѣ съ маленькой собачкой и игралъ съ нею съ большою осторожностью, постоянно заботясь о томъ, чтобы не повредить ей своею силою. Пока онъ былъ на кораблѣ, его кормили главнымъ образомъ курами и онъ всегда выказывалъ свои хищническія способности, когда ему давали убитую курицу. Передъ ѣдой онъ бросался на нее большимъ прыжкомъ, совершенно по-кошачьи, какъ будто курица была живая, кусалъ ее за горло и старался высосать кровь. Иногда онъ игралъ съ птицей довольно долго, какъ кошка съ мышью и, позабавившись съ ней болѣе часа, наконецъ съѣдалъ.

Въ лондонскомъ зоологическомъ саду жилъ прекрасный, здоровый дымчатый леопардъ, совершенно ручной и добродушный, такъ что сторожъ съ нимъ обращался какъ съ домашней кошкой. Въ этомъ отношеніи съ нимъ можно сравнить только гепарда. Онъ часто лежалъ на толстомъ сукѣ дерева, опустивши внизъ всѣ четыре лапы, что обыкновенно дѣлаютъ только одни леопарды.

Бокъ говорить, что на островѣ Борнео мѣхъ дымчатаго леопарда, который не очень обыкновененъ, высоко цѣнится даяками, какъ военное украшеніе. Они дѣлаютъ въ мѣхѣ отверстіе около шеи и просовываютъ въ него голову, такъ что большая часть мѣха виситъ сзади въ видѣ плаща. Иногда разрѣзаютъ мѣхъ и дѣлаютъ изъ него ковры, а также круглыя шапки, которыя одѣваются даяками только во время военныхъ дѣйствій, а въ большинствѣ случаевъ висятъ сзади и служатъ подушкой для сидѣнья. Зубы и когти употребляются какъ талисманы и какъ украшенія для ушей.

* * *

Мраморная кошна, Дозаль, Синмаръ (*Felis marmorata*, *F. charltoni*, *Leopardus dosul*, *Marmelkatze*, *Chat marbré*), похожа на дымчатаго леопарда въ уменьшенномъ видѣ и также очень красива. Она больше нашей домашней кошки: общая длина ея тѣла до

ходить до 100—106 см., изъ которыхъ хвостъ занимаетъ 35—40 см. Ея мягкій и густой мѣхъ имѣетъ буровато-желтую, свѣтло-желтую или красновато-бурю основную окраску. Нижняя часть тѣла свѣтлѣе и иногда даже бѣлая. Отъ лба черезъ голову, затылокъ и спину тянутся продольныя черныя полосы, которыя спереди и сзади состоятъ изъ отдѣльныхъ пятенъ и только на затылкѣ составляютъ сплошную полосу. Отъ спины къ животу тянутся изогнутыя, угловатыя и неправильныя ряды черныхъ пятенъ, которые расположены въ косомъ направленіи—спереди назадъ. Верхнія стороны конечностей покрыты удлиненными или круглыми темно-бурыми

Мраморная кошка. *Felis marmorata*. ¹/₅ наст. вел.

или черными пятнышками, которыя часто замѣтны и на внутреннихъ сторонахъ конечностей, а также и на животѣ; но случается, что ихъ вовсе не бываетъ. На горлѣ замѣтны поперечныя, темныя полосы надъ глазами и подъ нимъ очень часто бываетъ свѣтлое пятно, а на щекахъ—черныя полоски. Уши короткія и округленныя, снаружи серебристо-сѣрыя съ черной каймой, а внутри рыжеватожелтыя; мохнатый хвостъ сѣровато-бурый съ темными пятнами и кольцами и почти одинаковой толщины до самаго конца.

Мраморная кошка живетъ также въ горныхъ, лѣсистыхъ странахъ юговосточной Азіи, въ восточныхъ предгоріяхъ Гималайскихъ горъ, Ассамѣ, Бирмѣ, на полуостровѣ Малаккѣ, Суматрѣ. Явѣ и, можетъ быть, въ Борнео; въ Непалѣ, кажется, она не встрѣчается. О жизни ея на свободѣ ничего не извѣстно, но вѣроятно она жи-

веть на деревьяхъ, какъ и дымчатый леопардъ. Въ неволѣ встрѣчается рѣдко. Красивый мраморный котъ, жившій у меня довольно долго, сидѣлъ обыкновенно на сложенныхъ заднихъ лапахъ, какъ домашняя кошка, голову держалъ прямо и хвостъ загибалъ такъ, что кончикъ его лежалъ на переднихъ лапахъ. Я никогда не замѣчалъ, чтобы онъ лѣниво валялся, какъ леопарды, хотя мой котъ былъ совсѣмъ ручной, людей не боялся и имѣлъ бы полную возможность растянуться во весь ростъ. Если бы это ему нравилось. Голоса его я никогда не слышалъ, въ иныхъ случаяхъ онъ только фыркалъ. Животное это имѣло спокойный нравъ и его трудно было раздражить; въ этомъ отношеніи онъ былъ похожъ на оцелота, съ которымъ вообще имѣлъ довольно большое сходство по своимъ привычкамъ. Онъ ѣлъ охотѣе всего птицъ, затѣмъ маленькыхъ млекопитающихъ; говядину ѣлъ охотѣе, а отъ лошадиного мяса совсѣмъ отказывался. При наступленіи холодовъ этотъ красивый звѣрь, къ сожалѣнію, околѣлъ, несмотря на заботливый уходъ за нимъ.

* *
*

Изъ кошекъ Старога Свѣта намъ болѣе всѣхъ извѣстна Диная кошка (*Felis catus. Catus ferus. Wildkatze. Chat sauvage*), такъ какъ только она одна еще не вполне истреблена у насъ въ Европѣ. Очень долго думали, что наша домашняя кошка происходитъ отъ этого дикаго вида, и до сихъ поръ нѣкоторые натуралисты держатся еще этого мнѣнія, хотя точныя наблюденія и изслѣдованія указали, что оно несправедливо. Дикая кошка по росту почти равняется лисицѣ, слѣдовательно значительно больше нашей домашней кошки. Отъ сей послѣдней она отличается еще болѣе густымъ мѣхомъ, большимъ количествомъ усовъ, дикимъ взглядомъ и большими и сильными зубами; голова у дикой кошки толще, туловище короче, а хвостъ болѣе пушистъ и также короче, чѣмъ у домашней кошки; кромѣ того хвостъ этихъ кошекъ еще отличается тѣмъ, что у дикой кошки онъ по всей длинѣ одной толщины и на концѣ какъ бы обрубленъ, а у домашней онъ къ концу постепенно утончается. Отличительными признаками еще считаются желтовато-бѣлыя пятна на горлѣ и темноцвѣтныя или черныя пятки. Дикая кошка вѣситъ отъ 8—9 килограммовъ. Общая длина ея тѣла 100—120 см., изъ которыхъ 30—35 см. занимаетъ хвостъ, высота въ плечахъ отъ 35—42 см. Нѣкоторые коты иногда достигаютъ еще большей величины: такъ напр., лѣсничій Хаузіусъ застрѣлилъ въ октябрѣ 1888 года около Зангерхаузена кота, который вѣсилъ 7,5 килограммовъ, но длина котораго была въ 128 см. Въ той же мѣстности, позднѣе, былъ убитъ котъ, который зимою при глубокомъ снѣгѣ очень сильно похудѣлъ, но былъ совершенно здоровъ и могъ съ большою поспѣшностью убѣгать отъ охотника; по показанію лѣсничаго, который его застрѣлилъ, онъ вѣсилъ всего 3,25 килограммовъ.

Мѣхъ у дикой кошки длинный и густой, у самца блѣдно-сѣрый, иногда темно-сѣрый, у самки желтовато-сѣрый; морда рыжевато-желтая, носъ тѣлеснаго цвѣта. Уши снаружи ржаво-сѣрыя, а внутри желтовато-бѣлыя. Ото лба идутъ назадъ три параллельныя черныя полосы, которыя, нѣсколько загибаясь, проходятъ между ушами; двѣ среднія полосы скоро соединяются вмѣстѣ и образуютъ одну полосу, которая таетъ по срединѣ спины и продолжается даже на верхней части хвоста. Отъ нея расходятся по бокамъ не очень ясныя поперечныя полосы темнаго цвѣта, которыя направляются къ брюху. Брюхо у дикой кошки желтоватое съ нѣсколькими черными пятнами, на лапахъ тоже замѣтно нѣсколько черныхъ поперечныхъ полосъ, около пальцевъ онѣ болѣе желтаго цвѣта; внутренняя сторона заднихъ лапъ также желтоватая и безъ пятенъ, пятки, какъ уже сказано выше, темныя,

на хвостъ замѣтно три или четыре черныхъ кольца, которыя у основанія темнѣе хвоста. Глаза желтые.

Дикая кошка живетъ до сихъ поръ еще по всей Европѣ, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ странъ, именно Скандинавіи и сѣверной Россіи. Въ Германіи она живетъ поодиночкѣ во всѣхъ гористыхъ и лѣсистыхъ странахъ отъ Шварцвальда до Исполиновыхъ горъ; встрѣчается впрочемъ и на равнинахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ еще не вполне истребленъ. и число ихъ, по всей вѣроятности, гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Еще чаще встрѣчается она на югѣ, особенно на юго-востокѣ Европы; въ лѣсистыхъ предгоріяхъ Альпъ живетъ она повсюду и въ большемъ числѣ, чѣмъ на самыхъ Альпахъ; въ Босніи, Сербіи, Кроаціи, Южной Венгріи, Румыніи и вѣроятно на всемъ Балканскомъ полуостровѣ она считается самымъ обыкновеннымъ хищникомъ. Въ Испаніи она довольно обыкновенна, въ лѣсахъ Франціи встрѣчается не рѣже, чѣмъ въ Германіи; даже въ Великобританіи ее не удалось совершенно истребить. Можно съ нѣкоторою достовѣрностью утверждать, что область ея распространенія не заходитъ далеко за предѣлы Европы. Ее находили въ Закавказьѣ, но въ другихъ азіатскихъ странахъ она, кажется, не встрѣчается. Большіе высокоствольные лѣса, преимущественно хвойные, составляютъ любимое мѣстопребываніе дикой кошки; чѣмъ менѣе населена мѣстность, тѣмъ чаще она тамъ встрѣчается. Въ этихъ лѣсахъ она предпочитаетъ мѣстности, гдѣ есть скалы, такъ какъ тамъ ей легче прятаться. Устраиваетъ она также себѣ логовище въ ямахъ, гдѣ жили лисицы и барсуки, а также въ дуплахъ толстыхъ деревьевъ, а за недостаткомъ такихъ мѣстъ она гнѣздится на сухихъ прогалинахъ болотъ и въ каменоломняхъ. Дикая кошка возвращается ночью въ свое логовище только въ холодное время года, а постоянно въ немъ живетъ только тогда, когда у нея есть дѣтеныши; лѣтомъ же она странствуетъ съ мѣста на мѣсто, чтобы по возможности избавиться отъ сильно надоедающихъ ей блохъ, и проводитъ ночь гдѣ попало, особенно въ дуплахъ деревьевъ. Какъ часто еще встрѣчается этотъ опасный хищникъ въ Германіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ: зимою 1884—85 года были застрѣлены въ Эльзасѣ и Лотарингіи 152 дикія кошки. Въ Пруссіи въ 1885—86 году ихъ было убито 606 штукъ, изъ которыхъ почти половина, именно 299 штукъ, въ Прирейнскихъ провинціяхъ.

Въ то время, когда дѣтеныши еще малы, дикія кошки живутъ парами, а во всякое другое время ихъ встрѣчаютъ только поодиночкѣ. Котята довольно скоро отстаютъ отъ матери и начинаютъ охотиться самостоятельно. Оберъ-егермейстеръ Мейерринкъ пишетъ: «Я не помню, чтобы когда-нибудь видали двухъ дикихъ кошекъ вмѣстѣ; эти кошки предпринимаютъ, особенно когда онѣ беременны, очень большія странствованія. Около Нейгальденслебена дикія кошки встрѣчаются очень рѣдко, но мнѣ извѣстно два случая, когда ихъ видали въ этихъ мѣстахъ весною. Оба раза въ слѣдующую затѣмъ зиму въ сосѣднихъ лѣсахъ было убито по четыре кошки, которыхъ прежде никто тамъ не видалъ. Это были, очевидно, выросшіе котята тѣхъ кошекъ, которыя были замѣчены весною».

Во время этихъ странствованій, дикія кошки почти всегда завладѣваютъ лисьими и барсучьими норами; днемъ онѣ тамъ обыкновенно спятъ, а ночью рыскаютъ за добычей, причѣмъ ихъ еще труднѣе замѣтить, чѣмъ лисицу, которую часто обвиняютъ въ опустошеніяхъ, произведенныхъ дикой кошкой.

«Одинъ лѣсничій», продолжаетъ Мейерринкъ, «нашелъ лисью нору, гдѣ предполагалъ захватить лисицу, хотя слѣды ему показались странными; онъ задумалъ раскопать эту нору и выпустилъ въ нее таксу, чтобы она задержала лисицу;

копать пришлось долго, такъ какъ только на глубинѣ двухъ метровъ нашли конецъ прохода въ гнѣздо. Когда собирались посредствомъ багра вытащить лисицу, изъ норы выскочила дикая кошка, которая была крупнѣе лисицы». Зимой эти кошки часто оставляютъ лѣса и иногда живутъ близъ одиноко стоящихъ человѣческихъ жилищъ. Учитель Шахъ въ Руссдорфѣ около Криммичау застрѣлилъ большого взрослого дикаго кота, который нѣсколько дней сряду прятался въ одномъ овиѣ этой деревни. Ленцъ утверждаетъ, что въ Венгріи дикіе коты живутъ зимою по преимуществу въ нежилыхъ строеніяхъ деревни.

Съ наступленіемъ сумерекъ дикая кошка отправляется на охоту; она очень опасна для маленькихъ и даже средней величины животныхъ, такъ какъ имѣетъ прекрасно развитыя внѣшнія чувства, очень осторожна и хитра, крадется совсѣмъ неслышно и терпѣливо выжидаетъ удобнаго случая для нападенія. По мнѣнію одного нѣмецкаго охотника, ни одно животное не превосходитъ дикую кошку въ зоркости глазъ, которые ночью горятъ, какъ пылающіе угли,—въ чуткости обонянія (?) и въ умѣніи подкрадываться къ добычѣ; я же съ своей стороны прибавлю, что она превосходно выслѣживаетъ животныхъ и отлично умѣетъ ихъ схватывать посредствомъ удачныхъ прыжковъ. Съ хитростью, свойственною всѣмъ кошкамъ, подкрадывается она къ спящей въ гнѣздѣ птицѣ и къ зайцу, заснувшему въ своемъ логовищѣ, подкарауливаетъ кролика, выходящаго изъ норы, и вѣроятно схватываетъ и бѣлокъ въ дуплахъ деревьевъ. На крупныхъ животныхъ она нападаетъ, вскакивая имъ на спину и перегрызая имъ шейныя артеріи. Если прыжокъ былъ неудаченъ, то она не преслѣдуетъ животное, а охотнѣе отыскиваетъ себѣ новую добычу; въ этомъ отношеніи она поступаетъ какъ всѣ кошки. Къ счастью для охотниковъ, обыкновенную добычу ея составляютъ мыши и мелкія птицы; на большѣе крупныхъ животныхъ нападаетъ она только въ случаѣ крайности, но фактически доказано, что она загрызала иногда молодыхъ косуль и оленей. Около озеръ и лѣсныхъ ручьевъ она подкарауливаетъ водяныхъ птицъ и даже очень искусно умѣетъ схватывать изъ воды рыбъ. Особенно вредна она въ тѣхъ рощахъ и паркахъ, гдѣ сохраняется дичь для охоты, преимущественно тамъ, гдѣ содержатся фазаны. Иногда дикія кошки появляются въ птичникахъ и голубятняхъ нѣкоторыхъ деревень, особенно такихъ, которыя расположены около лѣса: въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года, въ герцогствѣ Нассау крестьянка убила стараго дикаго кота съ тупыми зубами и когтями, который однако задушилъ много куръ въ ея птичникѣ.

Дикая кошка, въ сравненіи со своей величиной, очень опасный хищникъ и точно такъ же кровожадна, какъ большинство другихъ кошекъ, поэтому охотники ее сильно ненавидятъ и прилежно преслѣдуютъ; при этомъ не обращается вниманія на ту пользу, которую она приноситъ, уничтожая множество мышей; а какъ она можетъ много истребить этихъ опасныхъ грызуновъ, видно изъ показаній Чуди, который утверждаетъ, что въ желудкѣ убитой дикой кошки были найдены остатки 26-ти мышей. Въ остаткахъ, которые собирали около логовища дикихъ кошекъ, можно найти кости и волосы куницы, хорьковъ, горностаевъ, ласокъ, хомяковъ, крысъ, водяныхъ, полевыхъ и лѣсныхъ мышей и рѣже бѣлокъ и нѣкоторыхъ птицъ. Изъ этого видно, что мелкія млекопитающія составляютъ главную добычу дикихъ кошекъ, а такъ какъ между ними наиболѣе часто встрѣчаются мыши, то является вопросъ, дѣйствительно ли вредъ, причиняемый этимъ хищникомъ, больше приносимой имъ пользы. Дикая кошка конечно истребляетъ много дичи, и потому охотники едва-ли когда-либо будутъ ее защитниками, но сельскіе хозяева и лѣсничіе должны бы считать ее полезнымъ звѣремъ. Зеллеборъ защищаетъ дикую кошку въ одной статьѣ охотничьяго журнала, доказывая ея пользу и

я съ своей стороны, съ извѣстной точки зрѣнія, съ нимъ согласенъ. Обобщивъ все вышесказанное, можно придти къ слѣдующему заключенію: дикая кошка вредить только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но пользу приноситъ постоянно: она истребляетъ болѣе вредныхъ животныхъ, чѣмъ полезныхъ, и потому нѣтъ никакой причины особенно хлопотать объ ея истребленіи.

Дикія кошки спариваются въ февралѣ, котята рождаются въ апрѣлѣ и время беременности продолжается 9 недѣль. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ дикія кошки еще многочисленны, крики спаривающихся кошекъ и шумныя драки котовъ между собою точно такъ же невыносимы, какъ страшный ночной визгъ нашихъ домашнихъ кошекъ. «Въ Шотландской горной странѣ», говоритъ Сентъ-Джонсъ, «дикіе коты теперь выводятся, но прежде я часто слышалъ ихъ своеобразный крикъ, которымъ они въ тихія ночи другъ друга зовутъ и отвѣчаютъ. Ни одинъ звукъ не кажется столь страннымъ въ тишинѣ ночи, какъ визгъ дикой кошки, и совершенно понятно, что онъ возбуждаетъ суевѣрный страхъ простодушныхъ шотландцевъ. Я нѣсколько разъ встрѣчалъ дикіихъ кошекъ въ лѣсахъ и на скалистыхъ мѣстахъ; однажды я засталъ цѣлое семейство ихъ, состоящее изъ двухъ старыхъ и трехъ довольно большихъ котятъ». Кажется достовѣрнымъ, что дикія и домашнія кошки между собою спариваются, хотя вообще онѣ относятся другъ къ другу не дружелюбно. Видно, что во время полового возбужденія, старая вражда иногда забывается. Около Гильдесгейма въ шестидесятихъ годахъ убили ночью дикаго кота въ саду лѣсничества, гдѣ домашнія кошки въ это время спаривались и по обыкновенію громко визжали. Лѣсничій утверждаетъ, что этотъ визгъ и привлекъ дикаго кота, который былъ такъ возбужденъ, что не обращалъ вниманія на окружающее. Кромѣ того часто случается убивать въ лѣсу кошекъ, которыя очевидно произошли отъ скрещиванія дикіихъ кошекъ съ домашними.

Дикая кошка устраиваетъ свое гнѣздо въ пустой норѣ барсука или лисицы, въ расщелинѣ скалы, или въ душѣ дерева и родить тамъ 5 или 6 котятъ, которые очень похожи на домашнихъ и также рождаются слѣпыми. Когда они перестаютъ сосать, то мать ихъ заботливо кормитъ мышами и другими грызунами, кротами и маленькими птичками. Черезъ нѣсколько времени котята уже начинаютъ лазать по деревьямъ, вѣтви которыхъ впоследствии будутъ служить имъ мѣстомъ для игръ и убѣжищемъ въ случаѣ опасности. Если котята увидятъ врага, то они чаще всего стараются спастись тѣмъ, что прижимаются къ толстой вѣткѣ и лежатъ тамъ спокойно, надѣясь на то, что ихъ не замѣтятъ; и дѣйствительно, цвѣтъ ихъ мѣха такъ хорошо подходитъ къ цвѣту древесной коры, что только очень опытный глазъ можетъ открыть присутствіе животнаго. Взрослыя дикія кошки дѣлаютъ то же самое, особенно лѣтомъ, когда листья затемняютъ верхушки деревьевъ и, по мнѣнію Винкеля, въ 9-ти случаяхъ изъ 10-ти такимъ образомъ спасаются даже отъ зоркихъ охотниковъ. Даже если увидишь, что кошка взобралась на дерево или если собака, почувлавъ ее, стоитъ подъ деревомъ и лаетъ, то и въ этомъ случаѣ охотнику приходится тщательно осмотрѣть дерево со всѣхъ сторонъ, чтобы замѣтить спрятавшееся животное.

Дикая кошка по природѣ своей не можетъ считаться смѣлымъ животнымъ и болѣею частью осторожно и даже трусливо убѣгаетъ отъ враговъ, если не поставлена въ безвыходное положеніе или не ранена. Мать даже не защищаетъ своихъ котятъ и часто покидаетъ ихъ при приближеніи человѣка. Нижеслѣдующій рассказъ Ленца доказываетъ только-что сказанное: «Въ 1856 году мой плотникъ, проходя по лѣсистому холму, около 500 шаговъ отъ моего дома, услышалъ въ бро-личей норѣ голоса, похожіе на голоса котятъ. Нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ

просиль у меня котенка, а такъ какъ у меня такихъ не было, то онъ былъ очень радъ, найдя гнѣздо кошки и, предполагая, что домашняя кошка устроила здѣсь свое гнѣздо, онъ сталъ копать нору и дѣйствительно нашелъ 3-хъ котятъ, величиною съ крысу. Когда онъ ихъ положилъ въ свою сумку и пошелъ дальше, то онъ увидалъ старую кошку, которая кралась невдалекѣ отъ него; она шла очень тихо и вовсе не собиралась на него нападать; тутъ онъ замѣтилъ, что это была дикая кошка, такъ какъ она была величиною съ большого зайца, имѣла настоящій цвѣтъ дикихъ котовъ и короткій толстый хвостъ. Котята также сильно отличались отъ домашнихъ своимъ цвѣтомъ и болѣе короткимъ хвостомъ. Замѣчательно, что дикость права была очень замѣтна уже у этихъ крошечныхъ звѣрковъ: они царапались, кусались и всячески выказывали свою злобу. Всѣ старанія хорошо ихъ воспитать и приручить ни къ чему не привели; они отказывались отъ пищи и питья, продолжали злиться и скоро околѣли». Всѣ тѣ, которые старались воспитать дикихъ кошекъ, знаютъ, что это задача вовсе не легкая: необходимо большое вниманіе и заботливость, чтобы сохранить здоровыми дикихъ котятъ; особенно трудно кормить ихъ, такъ какъ болѣею частью въ неволѣ они отказываются отъ пищи; если доведешь ихъ до того, что они схватятъ мышенка или птичку, то ужъ это большой успѣхъ. Когда они видятъ человѣка, то все-таки по прежнему злобствуютъ; но когда они одни, то играютъ между собой, какъ и домашніе котята. Но при малѣйшемъ шумѣ игра прекращается, спокойствіе замѣняется недоувѣріемъ, которое скоро переходитъ въ настоящую ярость. Они загибаютъ свои треугольныя уши назадъ и въ стороны, вся фигура ихъ выражаетъ, что они во всѣхъ видятъ враговъ; они стоятъ въ оборонительной позиціи, причемъ громко мурлыкаютъ или даже кричать, желто-зеленые глаза искрятся, шерсть взъерошена и лапы приготовлены для защиты. Мало-по-малу, однако, дикіе котята привыкаютъ къ своему воспитателю, остаются по крайней мѣрѣ на своихъ мѣстахъ, когда онъ приближается, не выказываютъ прежней злобы и даже въ рѣдкихъ случаяхъ позволяютъ себя трогать и гладить. Все зависитъ, очевидно, отъ способа обращенія съ ними.

Зеллеборъ увѣряетъ, что даже взрослые дикія кошки могутъ быть сдѣланы ручными. «Пойманныя кошки сначала выказываютъ себя очень дикими, неукротимыми: онѣ сердились, громко рычали, широко раскрывая пасть, и прыгали на рѣшетку клѣтки при видѣ каждаго приближающагося человѣка или звѣря; онѣ были такъ страшны, что даже внушали страхъ смѣлымъ охотникамъ; посаженныхъ въ ихъ клѣтку животныхъ — крысъ, воробьевъ, и даже кроликовъ и курицъ. — онѣ убивали однимъ ударомъ лапы и затѣмъ не трогали своей жертвы. Но, при дружелюбномъ обращеніи, ярость понемногу утихала; каждый день онѣ становились спокойнѣе и черезъ недѣлю брали, правда, съ глухимъ ворчаніемъ, кормъ, прикрѣпленный къ концу длинной палки».

Старая, захваченная со своими котятами дикая кошка, приняла на воспитаніе подкинутого ей домашняго котенка, она кормила его вмѣстѣ со своими болѣе взрослыми котятами и ласкала его, какъ и своихъ дѣтенышей. Эта кошка черезъ нѣсколько недѣль стала такъ ручна, что, мурлыча, играла съ охотничьими собаками Зеллебора. Относительно пищи, дикія кошки очень разборчивы; охотнѣе всего онѣ ѣдятъ мышей и маленькихъ птичекъ; молоко онѣ лакаютъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и домашнія кошки, но отъ лошадиного мяса упорно отказываются и скоро околѣваютъ, если ихъ кормить исключительно хорошей говядиной. Трудностью ихъ содержанія можно объяснить то обстоятельство, что дикія кошки рѣдко встрѣчаются въ зоологическихъ садахъ и тамъ чаще найдешь десять африканскихъ леопардовъ или львовъ, чѣмъ водящуюся въ Европѣ дикую кошку.

Охота за дикими кошками производится повсюду въ Германіи съ большимъ ожесточеніемъ: охотники въ нихъ видятъ только животныхъ, которыя сильно вредятъ дачи. Чаще всего загоняютъ ихъ посредствомъ облавы. Мейеррингъ говоритъ, что дикую кошку довольно легко загнать на облавъ и она приближается къ стрѣлку скорѣе, чѣмъ лисица. «Я самъ разъ застрѣлилъ крупную кошку въ Гарцѣ при облавѣ на всякую дичь; такъ какъ былъ довольно сильный морозъ, то я издали слышалъ, какъ она приближается, шелестя упавшими листьями и точно такъ же иногда останавливаясь и оглядываясь на загонщиковъ, какъ лисица». Зимомъ по порошѣ находятъ ее по слѣдамъ, загоняютъ въ гнѣздо, или на дерево, удерживаютъ ее на мѣстѣ съ помощью собаки и вѣтвямъ убиваютъ мѣткимъ выстрѣломъ. Охотники приманиваютъ ее также, подражая пищанію мыши или щебетанію птички. Охота на это животное однако не всегда бываетъ удачна. Говорятъ, что дикую кошку можно приманить нѣкоторыми зажаренными въ жирѣ или маслѣ растеніями, напр. ягодами паслена (*Solanum dulcamara*), татарскимъ просомъ (*Setaria italica*), кошачьей травой (*Teucrium marum*) и фіалковымъ корнемъ (*Iris florentina*); она такъ сильно бываетъ привлечена запахомъ этихъ травъ, что не замѣчаетъ приближающагося охотника, и тогда ее легко застрѣлить. Въ Венгріи ее загоняютъ собаками къ гнѣзду или въ дуплистое дерево, которое потомъ срубаютъ, чтобы добыть животное.

Зеллеборъ говоритъ, что труднѣе всего добыть живую изъ дупла туда спрятавшуюся дикую кошку: «Два или три смѣлыхъ человѣка надѣваютъ на руки толстые перчатки и кромѣ того еще заворачиваютъ ихъ въ тряпки; но и при этихъ предосторожностяхъ они только съ трудомъ захватываютъ дикую кошку и суютъ ее въ мѣшокъ.» Признаюсь, что не вѣрю возможности захватить такимъ образомъ этого звѣря, такъ какъ, по свидѣтельству опытныхъ людей, съ дикой взрослой кошкой бороться нельзя. Винкель совѣтуетъ охотнику быть очень осторожнымъ, не жалѣть второго выстрѣла, когда первый не былъ смертельнымъ, подойти къ кошкѣ только тогда, когда она болѣе не шевелится, и взять ее изъ руки только послѣ того, какъ сильнымъ ударомъ по мордѣ не убьешь ее окончательно. Раненныя дикія кошки бываютъ иногда очень опасны.

«Берегись дикой кошки» говоритъ Чуди, и «хорошенько прицѣливайся въ нее! Если она только ранена, то бросается на охотника съ выгнутой спиной и поднятымъ хвостомъ; фыркаетъ и рычитъ, какъ дикій звѣрь, готовится она къ защитѣ и смѣло прыгаетъ на человѣка; она такъ глубоко вонзаетъ свои острые когти въ мясо, особенно въ грудь, что ее трудно оторвать, и раны эти трудно заживаютъ. Она такъ мало боится собакъ, что когда собака приближается къ ней одна, то кошка иногда добровольно спускается съ дерева, чтобы съ ней подраться, и борьба тогда бываетъ страшная; кошка яростно царапаетъ своими когтями, преимущественно стараясь попасть въ глазъ собаки, и защищается съ большимъ остервененіемъ до тѣхъ поръ, пока въ ней есть еще искра жизни; она ужасно живуча.»

Сентъ-Джонсъ такъ разказываетъ о встрѣчѣ своей съ дикой кошкой въ горной Шотландіи: «Я собирался ловить рыбу на удочку и, чтобы сыскать хорошее мѣсто на берегу, полѣзъ черезъ прибрежныя скалы. При этомъ я попалъ ногой въ кучу вереска и чуть не на дикую кошку, которая тамъ пряталась. Я испугался точно такъ, какъ вѣроятно и кошка, которая съ приподнятою шерстью пробѣжала между моими ногами. Мои собаки прогнали ее на кучу камней, гдѣ она нашла убѣжище отъ преслѣдователей и остановилась, огрызаясь и фыркаетъ, какъ домашняя кошка. Такъ какъ я былъ безоруженъ, то срѣзалъ себѣ въ кустахъ хорошую палку, чтобы прогнать ее, но какъ только я приблизился къ ней на 6 или 7 футовъ, то она че-

резъ головы моихъ собакъ бросилась на меня, стараясь вцѣпиться въ лицо. Я получилъ навѣрно прескверныя раны, если бы къ счастью не ударилъ ее на лету палкой. Она упала съ полу-переломленнымъ хребетнымъ столбомъ прямо на собаку, которая ее съ моею помощью и придушили.» Другой случай изъ стараго времени рассказываетъ намъ Гобергъ. «Въ 1640 году около Пардубица отправился я на охоту за утками, и моя собака выгнала изъ густаго тростника дикую кошку, которая влѣзла на дерево. Собака стала бѣгать кругомъ него и лаять на кошку, такъ какъ она была большимъ врагомъ кошекъ и умѣла съ ними хорошо справляться. Я схватилъ свое ружье, заряженное крупною утиною дробью и прицѣлился въ кошку, но она вдругъ спрыгнула въ густой тростникъ, находящійся вблизи, куда за ней поспѣшила собака и схватила ее. Я не хотѣлъ стрѣлять въ тростникъ, такъ какъ могъ ранить свою собаку, поэтому вынулъ шпагу и пошелъ самъ въ кусты, гдѣ собака и кошка вели ожесточенную борьбу; я нѣсколько разъ проткнулъ кошку своей шпагой. Когда кошка почувствовала мои удары, то оставила собаку и вся израненая яростно вцѣпилась въ мою руку, такъ что я невольно уронилъ шпагу; но собака, освободившись отъ кошки, схватила ее зубами за ватылокъ и держала ее такъ крѣпко, что я имѣлъ время вынуть шпагу изъ тѣла кошки и ей нанести смертельный ударъ». По свидѣтельству нѣкоторыхъ охотниковъ случалось иногда, что человѣкъ въ борьбѣ съ дикой кошкой получалъ очень опасныя раны и иногда даже умиралъ отъ нихъ.

Слѣдуетъ отличать настоящихъ дикихъ кошекъ отъ одичалыхъ домашнихъ. Послѣднихъ довольно часто можно встрѣтить въ лѣсахъ средней Европы, но онѣ никогда не достигаютъ величины дикихъ кошекъ, хотя крупнѣе домашнихъ. Онѣ точно такъ-же смѣлы и вредны, какъ и дикія кошки и, если размножились въ лѣсу въ числѣ нѣсколькихъ поколѣнй, то по цвѣту шерсти дѣлаются похожими на свою африканскую прародительницу, буланую кошку, а также и на дикаго кота, несмотря на то, что первоначальный цвѣтъ домашнихъ кошекъ, отъ которыхъ онѣ произошли, былъ черный, бѣлый или пестрый. У этихъ кошекъ мы всегда замѣчаемъ отъсутствіе слѣдующихъ признаковъ: короткаго, какъ бы отрубленнаго хвоста, свѣтлаго пятна на горлѣ и темной окраски голой кожи на пальцахъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда эти признаки не очень ясны, можно предполагать, что животное произошло отъ скрещиванья домашней кошки съ дикой.

* * *

Въ скалистыхъ мѣстностяхъ юго-восточной Сибири, въ татарскихъ и монгольскихъ степяхъ нашу дикую кошку, не встрѣчающуюся во всей Сибири, замѣняетъ манулъ, который у пограничныхъ казаковъ Забайкалья называется степною кошкою, а у тунгузовъ — мала (*Felis manul*, *Catus manul*, *Felis nigripectus*). По величинѣ своей животное это подходит къ домашней кошкѣ. Влэнфордъ такимъ образомъ опредѣляетъ раздѣлы самца: туловище съ головою имѣетъ 48 см., хвостъ 21 см., высота плечъ 23 см., вѣсъ, по Шалласу, 33,5 килогр. Очень густой мѣхъ его, выцвѣтающій подъ старость, а въ молодости темно-серебристо-сѣрый, состоитъ изъ свѣтло-желтыхъ съ бѣлыми концами и темно-бурыхъ волосъ ости, между которыми рѣзко выдѣляются черные волоса подшерстка; темя испещрено мелкими черными пятнами; короткія, широкія округленныя уши снаружи покрыты желтоватою съ бѣлыми кончиками шерсткою, внутри-же довольно длинными бѣлыми волосами; отъносительно большой пушистый хвостъ имѣетъ по желто-бурому фону 6-7 симметрично размѣщенныхъ черныхъ колецъ и совершенно черный кончикъ, который у молодыхъ животныхъ имѣетъ бурюю окраску; на сочлененіяхъ тоже иногда быва-

ють черныя поперечныя полосы. Переносѣе и верхняя губа сѣро-бураго цвѣта, по обѣимъ сторонамъ дымчато-сѣрыхъ щекъ идутъ двѣ расходящіяся отъ глазъ, черныя полосы, грудь тоже черная, усы бѣлыя.

Только благодаря изслѣдованіямъ Радде, мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ образѣ жизни этихъ кошекъ. Область распространенія ихъ на сѣверѣ Азіи ограничена горнымъ хребтомъ и не столько самими горами, сколько ихъ лѣсами. Въ противоположность рыси, жителю дремучихъ хвойныхъ лѣсовъ, манулъ селится исключительно въ средне-азиатскихъ степяхъ. Его нельзя уже встрѣтить въ сѣверной части Саянскихъ горъ, какъ равно ни въ области средней Оки (притока Верхней Тунгузки), ни на Соіотскихъ горахъ, но въ рѣчныхъ областяхъ Бей-Кхема и Улу-Кхема и по озеру Коссоголу манулъ попадаетъ нерѣдко. Въ чрезмѣрно суро-

Буланая кошка. *Felis maniculata*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

вая зимы они, какъ и корсаки, переселяются цѣлыми семьями изъ Монголіи въ русскія степи. Страхѣй находилъ ихъ также въ Ладакѣ и Тибетѣ. Пищею ихъ, главнымъ образомъ, служатъ маленькія животныя изъ породы грызуновъ, напр. альпійскіе зайцы, а также различныя виды степныхъ птицъ, особенно куропатки.

* * *

За родоначальника нашей домашней кошки можно признать буланую кошку (*Felis maniculata*, *Catus maniculatus*, *F. guerpelii*, *F. pulchella*, *Falbkatze*, *Chat ganté*). Рюппель открылъ ее въ Нубіи, въ западной части Нила, у Амбукола въ пустынной степи, гдѣ, на ряду со скалистыми мѣстами, встрѣчаются роскошныя кустарники. Позднѣйшіе изслѣдователи, впрочемъ, находили ее по всему Судану, въ Абиссиніи, въ глубинѣ Африки и даже въ Палестинѣ. Туловище ея длиною въ 50 см., длина хвоста немного болѣе 25-ти см. Положимъ, эти размѣры не совсѣмъ точно сходятся съ размѣрами нашей домашней кошки, но все-таки очень къ нимъ близки. И по облику своему буланая кошка очень походитъ на нѣкоторыя разновидности домашней. Ея мѣхъ на верхней части туловища имѣетъ болѣе или менѣе блѣдно-

желтую или булано-сѣрую окраску; на загривкѣ и по спинному хребту онъ рыжеватѣе, по бокамъ свѣтлѣе, на брюхѣ совсѣмъ бѣловатый. По всему туловищу проходятъ темныя, узкія, волнообразныя поперечныя полосы, которыя на ногахъ выступаютъ яснѣе; на верхней части головы и на затылкѣ восемь узкихъ, продольныхъ полосъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ туловища мѣхъ пестритъ мелкимъ чернымъ крапомъ. Хвостъ сверху булано-желтый, снизу бѣлый; онъ завершается тремя широкими, черными кольцами и совсѣмъ чернымъ концомъ.

Муміи и изображенія кошекъ, встрѣчающіяся въ Египтахъ и на различныхъ египетскихъ развалинахъ, соответствуютъ болѣе всего этому виду и заставляютъ предполагать, что ее-то и держали древніе египтяне за домашнюю. Очень можетъ быть, что изъ южной Нубіи въ Египетъ ее занесло духовенство; тогда она могла распространиться по Аравіи и Сиріи, а позже—черезъ Грецію и Италію—по западной и сѣверной Европѣ; дальнѣйшее-же распространеніе ей могли дать европейскіе путешественники.

Для меня эти предположенія получаютъ особенное значеніе по наблюденіямъ, которыя я сдѣлалъ во время своей послѣдней охотничьей поѣздки въ Абиссинію. Домашнія кошки іеменцевъ и арабовъ западнаго берега Краснаго моря имѣютъ не только одинаковую съ булаными кошками окраску мѣха, но и обладаютъ совершенно общею съ ними стройностью и художбою сложенія. Хотя положеніе домашней кошки тамъ совсѣмъ иное, чѣмъ у насъ, такъ какъ хозяева нисколько не заботятся о ней и предоставляютъ самой снискивать себѣ пропитаніе, но врядъ-ли будетъ основательнымъ предположеніе, что это-то и служитъ причиною ея худощавости: въ тѣхъ странахъ ни въ какомъ случаѣ недостатка въ пищѣ для хищниковъ не бываетъ. Я полагаю, что кошка сѣверо-восточной Африки лучше другихъ сохранила свой первоначальный образъ. Обыкновенная окраска африканской кошки ближе всего подходитъ къ окраскѣ ея предполагаемой прародительницы, но и здѣсь уже попадаются трехцвѣтные выродки, похожіе на нашу домашнюю кошку, именно: бѣлаго, чернаго и рыжаго цвѣта.

Особенный вѣсъ получаютъ эти наблюденія при сравненіяхъ, которыя сдѣлалъ Деницъ съ черепами домашней кошки и буланой, привезенной Швейнфуртомъ изъ центральной Африки. Эти сравненія показали, что буланая кошка разнится отъ домашней исключительно тонкостью костей, что вообще и составляетъ отличительный признакъ дикихъ животныхъ. Во всякомъ случаѣ на черепахъ нашихъ дикихъ кошекъ замѣчаются различія съ домашними кошками, а на черепѣ буланой такого отступленія не нашлось.

У меня, одно время, жила буланая кошка, но я напрасно старался хоть немного отучить ее отъ той дикости, которую она проявляла. Животное это было поймано въ степяхъ восточнаго Судана уже старымъ и доставлено мнѣ въ клѣткѣ, чрезмѣрная прочность которой доказывала, что въ ней содержался опасный хищный звѣрь. Я ни разу не рѣшался выпустить ее изъ клѣтки, такъ какъ она вообще никого не подпускала къ себѣ; лишь только къ ней приближались, она начинала огризаться и свирѣпѣла, какъ бѣшеная, стараясь вдѣпиться въ подошедшаго; не помогали никакія наказанія. Мнѣ всего разъ пришлось видѣть буланую кошку въ зоологическихъ садахъ, и это было въ Лондонѣ. Оба экземпляра, содержавшіеся тамъ довольно продолжительное время, были привезены изъ Палестины и, очевидно, взяты прямо изъ логовища еще очень юными, такъ какъ они вели себя замѣчательно тихо и благонаравно, чего никакъ нельзя ожидать отъ дикой кошки.

Для установленія того мнѣнія, что буланая кошка есть прародительница нашей домашней, чрезвычайно важны наблюденія, сдѣланныя Швейнфуртомъ въ

странѣ Ньямъ-Ньямъ. По устнымъ его сообщеніямъ, буланая кошка встрѣчается тамъ чаще, чѣмъ въ какой-либо другой изъ изслѣдованныхъ частей Африки, такъ что можно предполагать, что самый центръ внутренней Африки и есть настоящее отечество или главная область распространенія этого животнаго. Туземцы не держатъ домашней кошки, въ прямомъ значеніи слова, но для этой-же цѣли они заводятся булаными кошками, которыхъ ловятъ мальчики, ихъ держатъ на привязи по близости жилья, и въ короткое время кошки настолько приручаются, что сами не бѣгутъ отъ жилья и весьма скоро привыкаютъ къ ловлѣ мышей.

* * *

«Кошка», говоритъ Эберсъ въ своемъ романѣ «Дочь египетскаго царя», «считалась за самое священное изъ всѣхъ почитавшихся египтянами животныхъ. Для всякаго подданнаго фараоновъ она была неприкосновенною святынею, тогда какъ другія животныя почитались только относительно». Геродотъ сообщаетъ, что когда въ Египтѣ случался пожаръ, то прежде всего заботились о томъ, чтобы спасти кошекъ, а затѣмъ уже отправлялись тушить огонь. Смерть же кошки чествовали обыкновенно особаго рода трауромъ—обрѣзываніемъ себѣ волосъ. Если кто-нибудь съ намѣреніемъ или по нечаянности убивалъ кошку, того, какъ убійцу, безусловно приговаривали къ смертной казни. Діодоръ былъ свидѣтелемъ, какъ одного несчастнаго римскаго гражданина, позволившаго себѣ убить кошку, египтяне лишили жизни, несмотря на то, что правительство, изъ страха передъ могущественными римлянами, принимало всевозможныя мѣры, чтобы успокоить народъ. Трупы кошекъ искусно бальзамировали и погребали съ почетомъ. Изъ всѣхъ мумій животныхъ чаще всего находили муміи кошекъ, тщательно обернутыя въ полотняныя пелены.

Въ восточной Дельтѣ, въ г. Бубастисѣ, находился храмъ богини Пахты или Басты,—которую изображали съ кошачьею головою,—куда обыкновенно свозились для погребенія трупы кошекъ; впрочемъ, муміи ихъ попадаются и въ другихъ мѣстахъ, особенно часто близъ Серапеума. По Геродоту, богиня Пахта была тождественна съ греческой Артемидой и называлась Бубастійскою. По Стефану Византійскому кошка по египетски называлась «бубастось»; впрочемъ, большею частью животное это извѣстно подъ названіемъ «Мау-ми». Богиню Пахту почитали покровительницею дѣтей и помощницею при родахъ; судя-же по обнаруженной Дюмихеномъ надписи на храмѣ въ Дендрахъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ Пахтѣ, т. е. кошкѣ, египтяне чтили нѣкоторыя божественныя свойства Астарты, Венеры и Ураніи, усвоивъ эти вѣрованія отъ финикійянъ.

Въ то время, какъ у древнихъ египтянъ кошка почиталась за божество, у древне-германцевъ она (или вѣрнѣе дивая кошка, преимущественно рысь) признавалась за животное богини любви Фрейи, возвышее по облакамъ ея колесницу; впоследствии въ представленіи народа она сдѣлалась какимъ-то призрачнымъ существомъ и по настоящее время внушаетъ еще къ себѣ нѣкоторый суевѣрный страхъ. По Вуттке, кошка владѣетъ даромъ чародѣйства и предвѣщанія. Трехцвѣтная кошка имѣетъ свойство предохранять домъ отъ пожара и другихъ несчастій, а людей—отъ лихорадки; сама-же въ огонь не горитъ и потому простымъ народомъ въ Германіи называется «огненною кошкою». Тотъ, кто утопитъ ее, не познаетъ болѣе счастья совсѣмъ, или-же семь лѣтъ подрядъ будетъ несчастенъ; кто убьетъ—тоже не увидитъ больше счастья; кому встрѣтится надобность побить ее, долженъ бить по задку. Кошка притягиваетъ къ себѣ болѣзни; трупъ-же ея, зарытый у порога дверей, приноситъ тому дому несчастіе. Кошачье мясо полезно противъ чахотки

и напротивъ, если кому случится проглотить кошачій волосъ, тотъ получаетъ эту болѣзнь, а если это приключится съ ребенкомъ, тотъ больше не вырастетъ. Черныя кошки служатъ колдунамъ для гаданья и средствомъ дѣлаться невидимками. Кроме того онѣ чтимы, какъ охранители полей и садовъ и какъ цѣлители отъ падушей болѣзни и жабы; особенно славятся чародѣйственною силою черныя коты. Достигнувъ семи или девяти-лѣтняго возраста, они сами становятся колдунами и въ Вальпургіеву ночь ходятъ на собраніе вѣдьмъ или стерегутъ подземные входы.

По кошкамъ узнаютъ разныя примѣты: когда, напримѣръ, она умывается или выгибаетъ горбомъ спину, это предвѣщаетъ приходъ гостей; если при этомъ проводитъ лапой по ушамъ, то придутъ какія-нибудь важныя особы; если кошка тянется, то придетъ кто-нибудь съ палкою; на комъ во время умыванья кошка остановитъ свой взоръ, тотъ долженъ ожидать въ этотъ день побоевъ. Когда кошка кричитъ передъ домомъ, то предвѣщаетъ какую-нибудь бѣду, ссору, даже иногда смерть; если кошки передерутся между собою въ ночь на пятницу, то въ этомъ домѣ непременно поссорятся; если, передъ вѣнчаніемъ, кошка сидитъ на алтарѣ, то бракъ будетъ несчастливъ. Появленіе на улицѣ бѣлой кошки, мяукающей подъ окномъ, предвѣщаетъ, что черезъ два часа въ домѣ будетъ покойникъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, впрочемъ, иначе толкуютъ эти примѣты и на хорошенькое животное смотрятъ болѣе миролюбиво: такъ, напримѣръ въ южной Германіи и въ прирейскихъ провинціяхъ у молодыхъ дѣвушекъ существуетъ обычай прикармливать это покровительствующее любви животное богини Фрейи для того, чтобы обезпечить себѣ счастливое супружество; обычая этого я посовѣтовалъ бы держаться и всѣмъ домовитымъ дѣвушкамъ.

Въ нѣмецкихъ народныхъ пословицахъ кошкамъ отведено также не послѣднее мѣсто; говорятъ, напримѣръ: «лукава, какъ кошка», «сгибаться по кошачьи въ дугу» — когда хотятъ выразить лезть, «умыть рыльце» — когда выражаютъ хитрую уловку, «жить какъ собака съ кошкою» — выражая этимъ недружелюбіе, «кошка всегда падаетъ на ноги» — въ смыслѣ выдти изъ воды сухимъ, «ходить вокругъ да около, подобно кошкамъ передъ горячимъ киселемъ» — въ смыслѣ не знать, какъ взяться за дѣло, «покупать кошку въ мѣшкѣ» — въ смыслѣ покупать что-нибудь заглазно.

Сдѣланныя до сего времени изслѣдованія заставляютъ предполагать, что кошка прежде другихъ была приручена древними египтянами, а не индѣйцами и не сѣверными народами. По крайней мѣрѣ первыя опредѣленныя извѣстія о ней даютъ намъ египетскіе памятники, описанія, рисунки и муміи, тогда какъ въ исторіи другихъ народовъ мы никакихъ свѣдѣній о кошкахъ не находимъ. Опираясь на тѣ факты, что въ мѣстахъ погребенія находили муміи не только домашней кошки, но даже и болотной рыси, можно съ увѣренностью подтвердить вышесказанное мнѣніе, такъ какъ это вполне доказываетъ, что во время процвѣтанія древне-египетскаго царства была распространена ловля дикой кошки, а также занимались и ея прирученіемъ. До Геродота мы не встрѣчаемъ у древнихъ египетскихъ писателей названія кошки; это обстоятельство, а также и то, что даже позднѣе она только мелькомъ упоминается у греческихъ и латинскихъ писателей, — свидѣтельствуетъ, что распространеніе ея изъ Египта шло весьма медленно. Изъ Египта кошка сначала, по всей вѣроятности, распространилась болѣе на востокъ; намъ извѣстно, напримѣръ, что это животное было любимцемъ пророка Магомета. До X вѣка оно было почти вовсе неизвѣстно въ сѣверной Европѣ. Въ Валлійскомъ сводѣ законовъ есть, между прочимъ, постановленіе Ховелла Да или Ховела Лебона, умершаго въ половинѣ X вѣка, въ которомъ опредѣляется стоймость домашней кошки, а равно и наказанія за жестокое обращеніе съ нею, за увѣче

или убійство ея. Судя по этому постановленію, цѣна молодой кошки, не пойманной еще ни одной мышью, была вдвое меньше той, за какую продавали уже опытныхъ кошекъ. Покупатель имѣлъ право требовать, чтобы глаза, уши и когти животного были неповреждены, чтобы она умѣла ловить мышей и, если это самка, чтобы знала, какъ воспитывать котятъ. Если купленная кошка оказывалась съ изъяномъ, то покупателю предоставлялось требовать съ продавца треть цѣны обратно. Если кто-нибудь воровалъ или убивалъ кошку въ княжескомъ амбарѣ, тотъ долженъ былъ искупить свое преступленіе, пожертвовавъ овцу или барана, или-же столько мѣръ пшеницы, сколько требовалось для того, чтобы засыпать кошку, повѣшанную за хвостъ такъ, чтобы носомъ она упиралась въ землю.

Этотъ законъ имѣетъ для насъ большое значеніе, такъ какъ свидѣтельствуешь, что въ тѣ времена на домашнюю кошку смотрѣли, какъ на цѣнное имущество, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что дикая кошка не можетъ считаться родоначальницей домашней, потому что въ то время въ Англіи было такое изобиліе дикихъ кошекъ, что не представлялось ни малѣйшаго затрудненія разводить и домашнихъ, ловя молодыхъ и приручая ихъ въ какомъ угодно количествѣ. Впрочемъ, намъ совершенно излишне заимствовать такъ издалека доказательства разности породъ дикой и домашней кошекъ: непосредственное сравненіе обоихъ животныхъ само говоритъ за самостоятельность той и другой породы. Начнемъ съ того, что размѣры ихъ различны рѣшительно во всемъ. Туловище домашней кошки на треть меньше и значительно слабѣ дикой; на концѣ утончающійся и заостряющійся хвостъ длиннѣе, чѣмъ у дикой, голова болѣе сплюснута, кишка въ пять разъ, тогда какъ у дикой всего въ три раза, длиннѣе туловища. Въ скелетѣ, а въ особенности въ строеніи черепа, эта разница устанавливается труднѣе. Хотя Блазиусъ и указывалъ нѣкоторые признаки различія, но Деницъ цѣлымъ рядомъ наблюдений надъ черепами опровергъ его показанія. Во всякомъ случаѣ, при подобныхъ сравненіяхъ надо быть всегда осторожнымъ и имѣть въ виду, что каждый отдѣльный экземпляръ, вслѣдствіе прирученія и продолжительной неволи, можетъ имѣть свои особенности. Впрочемъ, кошка—одно изъ наиболѣе самостоятельныхъ нашихъ домашнихъ животныхъ и менѣе другихъ, напр. собаки, лошади или овцы, пострадала отъ послѣдствій неволи, что вполне убѣдительно доказываютъ наблюденія, сдѣланныя надъ тысячелѣтними муміями. Въ настоящемъ она совершенно такова, какою была въ древности и несомнѣнно состоитъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ буланною кошкою, которую могли приручить древніе египтяне, какъ болшіе любители всякаго рода животныхъ. Прирученная дикая кошка могла бы попасть въ Египетъ только изъ Европы или изъ Малой Азіи, но въ то время еще въ Европѣ никто не думалъ дѣлать опыты надъ прирученіемъ разныхъ животныхъ; буланную-же кошку древніе египтяне имѣли въ своемъ отечествѣ, и при своей острой наблюдательности, они убѣдились, что изъ нея можно сдѣлать превосходнаго друга дома. Этимъ и исчерпывается для меня вопросъ о происхожденіи домашней кошки.

Въ настоящее время кошка водится во всѣхъ странахъ, доступныхъ людямъ для осѣдлаго образа жизни, за исключеніемъ лишь окраинъ сѣвера и, по Чуди, высочайшаго пояса Андовъ. Въ Европѣ она встрѣчается повсюду; въ Америкѣ кошка распространилась вскорѣ послѣ ея открытія, въ Азіи и въ Австраліи она—довольно частое явленіе; лишь въ Африкѣ, особенно во внутренней ея части, она падается гораздо рѣже. По распространенію кошки можно судить о степени развитія народа. Чѣмъ развитѣе народъ, чѣмъ опредѣленнѣе осѣдлость его образа жизни, тѣмъ болѣе распространена тамъ кошка. Въ Европѣ болѣе всего она цѣнится и поль-

зается лучшимъ уходомъ у нѣмцевъ, англичанъ и французовъ; во всей Индіи, въ Китаѣ и Японіи, а также и на Явѣ она причисляется къ обыкновеннымъ домашнимъ животнымъ; кромѣ того, въ Китаѣ, какъ сообщаетъ Гукъ, она повсюду служитъ измѣрителемъ времени, такъ какъ по суженію ея зрачковъ опредѣляютъ часы дня. Въ Египтѣ кошка, какъ любимица пророка, пользуется особеннымъ уваженіемъ и принимаетъ участіе въ торжественныхъ процессіяхъ, а въ Каирѣ кошки даже содержатся на общественный счетъ, такъ какъ въ пользу ихъ составлено завѣщаніе и оставленъ капиталъ, проценты съ котораго и должны служить источникомъ ихъ пропитанія. По Гензелю, въ Южной Америкѣ кошка встрѣчается по преимуществу въ городахъ, гдѣ, какъ и во Франціи, существуетъ обычай держать ихъ при магазинахъ для ловли крысъ, а иногда просто для украшенія. Въ Новой Зеландіи кошка одичала. Наблюденія показываютъ, что больше всего кошки распространены тамъ, гдѣ люди умѣютъ извлекать изъ нихъ извѣстнаго рода пользу для себя. Нѣкоторые народы Азіи, напр. манджуры, ведутъ ими довольно обширную торговлю. У народовъ, обитающихъ въ южной части Восточной Сибири, ведущихъ пастушескій образъ жизни и занимающихся охотою, кошка, можетъ быть, и до сихъ поръ еще не привилась. Въ 1857 и 1858 г.г. изъ деревень, лежащихъ при истокахъ рѣки Амура, она попала въ селенія по среднему теченію рѣки, между тѣмъ, какъ въ устьяхъ Амура она водится уже съ 1853 г. Зимой 1858 г. ее еще совсѣмъ не было въ горахъ Малаго Хингана, но въ сѣверной ихъ части она скоро уже начала показываться. Въ Гренландіи кошки были разведены датчанками, привезшими ихъ сюда изъ своего отечества и распространены ими на югъ и на сѣверъ этого полуострова, такъ что еще во времена естествоиспытателя Фабриціуса, въ концѣ прошлаго вѣка, ихъ можно было встрѣтить во всѣхъ поселеніяхъ. Съ португальцами кошка попала въ ихъ владѣнія на юго-западѣ Африки, откуда туземцами была перевезена въ Конго и съ этихъ поръ развелась во всѣхъ факторіяхъ по западному берегу Африки. Въ настоящее время и въ восточной Африкѣ кошка распространяется все дальше во внутрь страны. Расширяя мало-по-малу область своего распространенія къ югу и сѣверу всѣхъ странъ, кошка повсюду начинаетъ пользоваться правами гражданства и является вездѣ живымъ свидѣтельствомъ человѣческаго прогресса, осѣдлости и развивающейся цивилизаціи. Собака—животное всеобщее и всеобщее, въ обширномъ значеніи этого слова; кошка-же по преимуществу домашнее животное, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; первая отвоевала себѣ мѣсто и въ переносномъ шатрѣ кочевника, и въ прочномъ домѣ осѣдлаго жителя, тогда какъ кошка привилась только къ дому и привязалась къ цивилизованному человѣку.

Тѣмъ не менѣе кошка сохраняетъ до нѣкоторой степени свою самостоятельность и во многихъ случаяхъ подчиняется человѣку лишь настолько, насколько находитъ эту зависимость выгодною для себя. Чѣмъ больше человѣкъ занимается ею, тѣмъ сильнѣе она привязывается къ семейству, а чѣмъ меньше стѣсняеть ей свободу, предоставляя ее самой себѣ, тѣмъ прочнѣе ея привязанность къ дому, въ которомъ она выросла. Степень прирученія и привязанности кошки къ домашнимъ зависитъ всецѣло отъ человѣка. Нерѣдко случается, что кошка, предоставленная самой себѣ, убѣгаетъ на лѣто въ лѣса, гдѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ совершенно одичать. Но въ большинствѣ случаевъ на зиму она снова возвращается въ прежнее жилище и притомъ не одна, а вмѣстѣ съ котятками, которыхъ успѣла расплодить во время лѣтняго скитанія по лѣсамъ. Иногда, особенно въ теплыхъ странахъ, случается, что кошка, по возвращеніи домой, вовсе не сближается съ людьми, съ которыми жила прежде. Въ особенности, въ Парагваѣ, какъ сообщаетъ Ренгеръ, кошка пользуется большою самостоятельностью, но несмотря

на это, тамъ въ лѣсахъ не встрѣчается вполнѣ дикихъ кошекъ, которыя исчезли даже изъ прежде обитаемыхъ ими мѣстъ, гдѣ ихъ оставили выселившіеся европейцы.

Наша домашняя кошка вполнѣ пригодна для того, чтобы по ней ознакомиться со всѣмъ семействомъ кошекъ, потому что она всякому доступна для наблюденія. Это чрезвычайно красивое, чистоплотное, миловидное и пріятное животное. Каждое движеніе кошки обнаруживаетъ много граціи и ловкости, часто достойныхъ удивленія. Ея походка въ высшей степени плавна; при ходьбѣ она подбieraетъ когти и ступаетъ своими бархатистыми лапками такъ осторожно, что при

Домашняя кошка. *Felis maniculata domestica*. $\frac{1}{2}$ част. вел.

этомъ не производитъ ни малѣйшаго шума; при каждомъ своемъ шагѣ она проявляетъ свойственную ей подвижность, соединенную съ изяществомъ и легкостью; только въ тѣхъ случаяхъ, когда ее преслѣдуетъ другое животное или испугаютъ чѣмъ-нибудь, она измѣняетъ свою плавную походку на бѣгъ, который сопровождается частыми скачками, способствующими быстрому передвиженію. Благодаря ловкости своего бѣга, а также разумному пользованію всякою лазейкою и умѣнью взбираться на высоту, ей почти всегда удается спастись отъ преслѣдованія. Она легко и ловко лазааетъ по деревьямъ и по мягкимъ или негладкимъ стѣнамъ, удерживаясь на нихъ своими цѣпкими когтями; на открытомъ полѣ она бѣжитъ настолько медленно, что каждая собака легко можетъ ее догнать. Особенную ловкость кошка выказываетъ въ своихъ прыжкахъ, которые она дѣлаетъ или добровольно,

или же по принужденію. Она можетъ упасть, какъ угодно, и тотчасъ же встать на ноги; особенно легко она падаетъ на нѣжныя подошвы ногъ. Мнѣ никогда не удавалось заставить кошку упасть на спину, хотя для этого я даже умышленно держалъ ее спиною внизъ надъ столомъ или стуломъ. Когда я опускалъ руки, она съ быстротою молніи перевертывалась и, какъ ни въ чемъ не бывало, становилась на всѣ четыре лапы. Совершенно непонятно, какъ можетъ кошка продѣлывать подобныя воздушныя пируэты на такомъ незначительномъ разстояніи; при паденіи съ значительной высоты это можно объяснить себѣ тѣмъ, что прямо вытянутый хвостъ служитъ ей рулемъ и регулируетъ направленіе полета. Кошка умѣетъ также и плавать, но она пользуется этою способностью только въ крайнихъ случаяхъ, когда на примѣръ, ей приходится спасаться изъ воды. Добровольно-же въ воду она никогда не идетъ и боится даже дождя. Гаакъ зналъ, однако, одну кошку, которая прыгала въ прудъ для ловли золотыхъ рыбокъ. Кошка, подобно собакѣ, сидитъ на задней части туловища и опирается на переднія лапы; когда спитъ, она свертывается и ложится на бокъ; при этомъ любитъ спать на мягкой и теплой подстилкѣ, но не выноситъ одѣяль. Особенное предпочтеніе кошка оказываетъ постели изъ сѣна, вѣроятно потому, что любитъ его аромать. Отъ этой постели и шерсть ея пріобрѣтаетъ пріятный запахъ. Гибкость хриплаго въ сущности голоса кошки по истинѣ замѣчательна: «Онѣ мяукають на самые разнообразныя лады», замѣчаетъ совершенно справедливо Геснеръ, «смотря потому, хотятъ ли выразить своимъ мяуканьемъ какое-нибудь требованіе, или ласку, или, наконецъ, приготовленіе къ отпору и ссорѣ». Собака далеко не такъ краснорѣчива, какъ кошка. «Мяу» этихъ послѣднихъ мѣняется самымъ разнообразнымъ образомъ; оно то коротко, то длинно, то отрывочно, то протяжно, выражая собою просьбу, жалобу, настоятельное требованіе или угрозу; къ «мяу» присоединяются иногда еще другіе, неопредѣленные звуки, которые, говоря словами поэта,

« . . . . . камень могутъ размягчить
И въ бѣшенство людей привести»—

это какое-то раздражающее уши смѣшеніе мяуканья, рычанья, хрипѣнья, воя и фырканья.

Изъ внѣшнихъ чувствъ кошки лучше всего развиты осязаніе, зрѣніе и слухъ. Слабѣ всего у нея дѣйствуетъ обоняніе, въ чемъ легко убѣдиться, подложивъ ей любимое кушанье такъ, чтобы она могла узнать объ этомъ только посредствомъ обонянія. Она подходитъ къ предмету и, подойдя совершенно близко, такъ усиленно ворочаетъ головою изъ стороны въ сторону, что уже по этимъ движеніямъ можно убѣдиться, какъ мало руководитъ ею обоняніе. Наконецъ, когда она уже совсѣмъ подлѣ предмета, то и тутъ дѣйствуетъ больше своими усами—лучшими ея органами осязанія—нежели носомъ. Если спрятать въ рукѣ мышъ, то надо поднести ее очень близко къ кошкѣ, чтобы она почувала ее. Гораздо тоньше развито ея осязаніе, и это лучше всего доказываютъ ея усы: стоитъ только тихонько коснуться одного волоска ихъ, какъ копка моментально вздрагиваетъ и отскакиваетъ назадъ. Бархатныя лапки ея также ей служатъ органомъ осязанія, хотя и въ значительной меньшей степени. Зрѣніе по истинѣ превосходно: днемъ она видитъ столь-же хорошо, какъ и ночью; она умѣетъ приспособливать свои зрачки къ разнообразному освѣщенію, и именно: при яркомъ свѣтѣ она ихъ уменьшаетъ, а при темнотѣ—сильно расширяетъ, и потому глаза во всякое время способны оказывать ей незамѣнимыя услуги.

Но выше всѣхъ чувствъ у кошекъ стоитъ все-таки слухъ; онъ у нихъ замѣ-

чательно тонкій. Ленцъ рассказываетъ, какъ однажды, сидя съ кошкою на дворѣ, онъ былъ удивленъ поразительнымъ проявленіемъ слуха у этого животнаго; кошка крѣпко спала у него на колѣнахъ, но вдругъ она порывисто вскочила и бросилась въ кусты; оказалось, что черезъ дворъ, по гладкой мостовой, отъ одного куста къ другому, перебѣжалъ мышенокъ, причемъ человѣку нельзя было уловить ни малѣйшаго шороха; Ленцъ размѣрилъ потомъ разстояніе, на которомъ кошка услышала мышъ, и оно оказалось въ 14 полныхъ метровъ.

Душевные свойства кошки въ большинствѣ случаевъ оцѣнены весьма ошибочно. Ее считаютъ невѣрнымъ, фальшивымъ и лукавымъ животнымъ и полагаютъ, что ей никакъ не слѣдуетъ довѣряться. Многіе питаютъ къ ней даже непреодолимое отвращеніе. Принято, почему то, сравнивать ее съ собакою, съ которою она совершенно несравнима, и, не находя въ ней похвальныхъ качествъ этого животнаго, не хотятъ больше заниматься ею и смотрятъ какъ на негодное животное. Даже естествоиспытатели судятъ о ней крайне односторонне, выставляя только ея неблагопріятныя качества. Съ ранней молодости я всегда съ любовью относился къ кошкамъ и много занимался ими, такъ что во взглядѣ на душевные свойства ихъ вполне схожусь съ Шейтлиномъ, который, съ полнымъ пониманіемъ дѣла, даетъ вѣрную оцѣнку нрава этого милаго животнаго. «Кошка», говоритъ онъ, «богато одаренное животное. Превосходство ея надъ другими сказывается уже въ самомъ строеніи тѣла. Это маленькій хорошенькій львенокъ, или тигръ въ миниатюрѣ. Все въ ней соразмѣрно, ни одна часть туловища не бросается въ глаза исключительностью своихъ формъ; поэтому малѣйшая неправильность портила бы общее впечатлѣніе; все въ ней вполне закончено и округлено. Красивѣе всего—форма головы, что можно видѣть и на черепѣ: ни одно животное не имѣетъ такой красивой головы, какъ кошка. Весь скелетъ прекрасенъ и своими формами свидѣтельствуетъ о необыкновенной легкости и ловкости къ граціознымъ мягкимъ движеніямъ. Кошка изгибается не по ломаной линіи и не подъ острымъ угломъ, а едва уловимыми для глазъ поворотами; кажется, будто она вовсе не имѣетъ костей, а сдѣлана изъ какого-то мягкаго вещества. Душевные ея способности также высоки и вполне соотвѣтствуютъ строенію тѣла. Обыкновенно мы очень мало цѣнимъ достоинства кошекъ, можетъ-быть, потому, что слишкомъ ужъ преувеличиваемъ вредъ ея когтей и привычки въ воровству, сравнивая ее въ этомъ отношеніи съ другимъ близкимъ человѣку животнымъ — съ собакою, ненавистью которой къ кошкѣ отчасти заражаемся и сами.

«Обратимъ теперь вниманіе на главные особенности кошки. Прежде всего насъ поражаетъ ея ловкость: и духъ, и тѣло одинаково подвижны, какъ будто отлиты изъ одной массы. Какъ ловко переворачивается она на воздухѣ, когда падаетъ спиною внизъ хотя-бы съ высоты всего нѣсколькихъ футовъ! Какъ искусно держится она на самыхъ узкихъ карнизахъ и вѣтвяхъ дерева даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ сильно трясутъ! Ея любовь къ чистотѣ слѣдуетъ причислить какъ къ тѣлеснымъ, такъ и къ душевнымъ качествамъ; она постоянно лижется и чиститъ себя. Всѣ волоски ея персти, отъ головы до кончика хвоста, должны лежать въ совершенномъ порядкѣ, чтобы пригладить волосы на головѣ она облизываетъ лапки и проводитъ ими по головѣ; даже самый кончикъ хвоста не остается не умытымъ. Нечистоты свои она прячетъ, зарывая ихъ въ ямки, которыя закапываетъ собственными лапками. Кошка обладаетъ высшимъ тѣлеснымъ развитіемъ, которое по крѣпости нервъ и отсутствію головокруженія соотвѣтствуетъ силѣ ея душевныхъ качествъ. Она умѣетъ различать цвѣта и звуки, способна узнавать человѣка по одеждѣ и по голосу; когда ее зовутъ, она стремится къ дверямъ; кошка об-

ладаетъ замѣчательною памятью мѣста и постоянно пользуется этою своею способностью. Она вѣчно скитается по ближайшимъ къ дому окрестностямъ, по всѣмъ домамъ, комнатамъ, погребамъ, лазаетъ по крышамъ, дровянымъ сараямъ и сѣноваламъ. Это въ полномъ смыслѣ слова животное мѣста, такъ какъ привязанность ея относится больше къ дому, чѣмъ къ обывателямъ. При переѣздахъ она не слѣдуетъ за хозяиномъ, а остается на старомъ мѣстѣ; если-же ее увезутъ силою, то она снова возвращается въ прежній домъ. Замѣчательно, что если даже ее запести куда-нибудь далеко отъ дому въ завязанномъ мѣшкѣ, она и тогда съумѣетъ отыскать свой домъ или свою родину.

«Кошка отличается необыкновенною смѣлостью противъ самыхъ большихъ собакъ и бульдоговъ, несмотря на все несоотвѣтствіе своихъ силъ и разбѣровъ. Какъ только она увидитъ собаку, тотчасъ же грозно выгибаетъ спину дугой; глаза ея загораются гнѣвнымъ огнемъ, въ нихъ сверкаетъ отвага и какаля-то ненависть; еще издали она начинаетъ фыркать и искать спасенія въ побѣгѣ, для чего носится по комнатамъ, вскакиваетъ на карнизы, на печку или просто бросается къ дверямъ. Но если при ней котята, и собака подойдетъ довольно близко, то кошка безстрашно бросается на врага, вскакиваетъ ему прямо на голову и беспощадно расцарапываетъ глаза и всю морду. Иногда, впрочемъ, кошка не бѣжитъ отъ собаки, а мужественно ожидаетъ нападенія врага, вооружившись поднятою лапою съ выпущенными когтями. Пока у нея спина свободна, она совершенно покойна; цѣлость боковъ своихъ она можетъ отстаивать ударами, употребляя для этого лапы, которыми орудуетъ какъ руками. Случается, что она выдерживаетъ осаду пяти и болѣе собакъ и все таки не сдается. Она могла бы однимъ прыжкомъ перескочить черезъ нихъ, но умное животное сознаетъ, что въ такомъ случаѣ оно погибло, такъ какъ собаки непременно догонятъ его. Если собакамъ надоѣтъ держать кошку въ осадѣ и онѣ уйдутъ, не тронувши ея, то она все еще остается сидѣть въ прежнемъ выжидательномъ положеніи, готовая выдержать еще хоть десять нападеній. Другія же пользуются своею способностью лазать и взбираться на какую-нибудь высоту, случившуюся по близости. Тамъ онѣ сидятъ, скорчившись елико возможно, и полузакрытыми глазами смотрятъ на враговъ, какъ будто хотятъ показать этимъ, что кто въ себѣ самомъ носитъ орудіе своего спасенія, тотъ можетъ съ полнымъ презрѣніемъ взирать на забавы низшихъ созданій. Ей отлично извѣстно, что собака не можетъ ни лазать, ни прыгать такъ высоко. Если же во врагѣ своемъ она увидитъ человѣка, который пожелаетъ схватить ее, то она взбирается еще выше или убѣгаетъ совсѣмъ: его-она боится гораздо больше собаки. Преслѣдуемая въ открытомъ полѣ, кошка быстро оборачивается и, если только увѣрена въ своихъ силахъ, то неустрашимо бросается на собаку; та со страху убѣгаетъ. Иныя кошки, по непреодолимой ненависти, бросаются на каждую собаку, вдѣпляются ей въ голову и выцарапываютъ глаза. Бываютъ кошки, которыя живутъ исключительно въ кухняхъ и никогда не показываются въ комнатахъ; такія ни за что не дустятъ въ кухню собаку, такъ какъ онѣ хотятъ быть тамъ полными хозяевами. Ихъ постоянную любовь къ буйству, дракамъ и ссорамъ между собою слѣдуетъ приписать ихъ смѣлости. Источникомъ этихъ побужденій бываетъ ихъ склонность къ играмъ и проказамъ: это ночные повѣсы. Хотя и днемъ онѣ дерутся на крышахъ, беспощадно треплютъ другъ друга и часто, вертась и кувырякаясь, скатываются съ крыши, а затѣмъ и на улицу, продолжая еще на воздухѣ свою драку; но все-таки главныя войны котовъ происходятъ ночью изъ-за кошеть. Иной котъ, въ извѣстное время года, каждое утро возвращается домой съ оброчавленной головой и выщипанной шерстью; тогда онъ, проученный опытомъ, ос-

тается нѣкоторое время дома; но это не на долго: онъ забываетъ про потасовку, какъ только раны его начнутъ заживать, и снова принимается за старые грѣхи. Котъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ живетъ внѣ дома, въ неограниченной сферѣ свободы; его уже считаютъ безвозвратно пропавшимъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, онъ снова возвращается домой. У кошекъ, гораздо болѣе, чѣмъ у другихъ животныхъ, развито стремленіе къ домовитости и любовь къ своему семейству. Не всегда забіяками бываютъ только сильнѣйшіе коты, и не только между ними попадаются отчаянные драчуны; есть забіяки и между самками, бойцы женскаго пола. Онѣ бѣгаютъ за всѣми кошками безъ исключенія, нимало не боятся самыхъ сильныхъ котовъ, преслѣдуютъ всѣхъ своимъ грознымъ мяуканьемъ и наводятъ страхъ на цѣлую улицу, по крышамъ домовъ которой онѣ обыкновенно переходятъ, не касаясь самой улицы.

«Со смѣлостью въ кошкѣ совмѣщается еще неустрашимость и присутствіе духа. Ее нельзя, какъ собаку или лошадь, сильно испугать чѣмъ нибудь, но лишь слегка спугнуть. Тѣ животныя болѣе благоразумны, кошка же болѣе смѣла; ее ничѣмъ нельзя ни озадачить, ни удивить. Много говорятъ по поводу ея лукавства и хитрости,—и говорятъ совершенно справедливо; хитрая кошка тихонько подкрадывается къ мышиной норѣ, вся съживается и терпѣливо поджидаетъ врага, при чемъ только глаза ея усиленнымъ блескомъ выдаютъ ея волненіе; вотъ мышь уже вышла на половину изъ своей норки, а она все-таки еще выдерживаетъ, улучая болѣе удобный для нападенія моментъ. Она—полный господинъ надъ собою, какъ всѣ хитрыя существа, и рѣдко когда попадаетъ въ просакъ. Чувство гордости, тщеславіе развиты у кошки весьма въ слабой степени; она—существо не общительное, а скорѣе замкнутое; она побѣдамъ своимъ не радуется, но за то и не стыдится пораженія. Когда она сознаетъ за собою какую-нибудь вину, то боится лишь наказанія. Послѣ выпавшихъ на ея долю грубой брани и побоевъ, она встряхиваетъ свою шкуру и возвращается чрезъ нѣсколько минутъ по прежнему невредимой. Но все-таки и ей бываетъ лестно получить похвалу за свое умѣнье охотиться за мышами, и она старается всегда принести людямъ на глаза свои побѣдные трофеи, чтобы услышать отъ нихъ одобрительные отзывы объ ея охотничьемъ искусствѣ.

«Очень любятъ распространяться насчетъ лести, коварства и даже мстительности кошекъ, а, между тѣмъ, кошка можетъ такъ же сильно любить, какъ и ненавидѣть. Если она кого-нибудь полюбитъ, то выражаетъ это своеобразными ласками: она прижимается своими щеками или боками къ своему любимцу, всячески ластится, приходитъ къ нему на постель, ложится по возможности ближе и начинаетъ его лизать. Конечно, нѣкоторымъ кошкамъ не всегда можно довѣряться: онѣ часто кусаются и царапаются тогда, когда этого совсѣмъ и не ожидаешь; но въ большинствѣ случаевъ, это является результатомъ ея личной обороны, потому что и съ нею часто лукавятъ и стараются изъ-подтишка помучить ее. Положимъ, собака во всѣхъ отношеніяхъ смиреннѣе кошки, но это доказываетъ не только добродушіе, но отчасти и глупость собаки. Во всякомъ случаѣ, отсутствіе добродушія еще не можетъ быть признано за коварство. Безусловно коварныя кошки представляютъ собою рѣдкое исключеніе, которое можетъ встрѣтиться и у собаки, хотя, конечно, гораздо рѣже. Существуетъ даже пословица, относящая понятія «коварный песъ» къ мужчинѣ, а «коварная кошка»—къ женщинѣ. Чтò дѣлаетъ чело-вѣка коварнымъ, то же заставляеть лукавить и наиболѣе совершенныхъ животныхъ.

«Очень интересна у кошекъ пора любви. Котъ въ это время бываетъ очень

свирѣпь, и кошки, приходящія къ нему, садятся обыкновенно вокругъ него; сидя среди нихъ, онъ начинаетъ ворчать своимъ густымъ басомъ, а кошки подтягиваютъ теноромъ, альтомъ, дискантомъ и другими всевозможными тонами. Концертъ принимаетъ постепенно все болѣе и болѣе дикій характеръ. Въ промежуткахъ между пѣніемъ кошки надѣляютъ другъ друга оплеухами и преимущественно самки—кота; хотя онѣ и пришли къ нему сами, но, изъ инстинктивнаго чувства стыдливости, даютъ ловеласу отпоръ. Онъ долженъ взять любовь съ бою. Въ свѣтлыя лунныя ночи они буняютъ не хуже любыхъ разнузданныхъ ночныхъ кутиль».

Спариваніе кошекъ происходитъ обыкновенно два раза въ годъ: въ концѣ февраля или въ началѣ марта и въ началѣ іюня. 55 дней спустя послѣ спариванія, у кошки рождаются 5—6 котятъ, которые появляются на свѣтъ совершенно слѣпыми и начинаютъ видѣть только на девятый день по рожденіи. Въ первомъ случаѣ они рождаются обыкновенно въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая; во второмъ въ началѣ августа. Ко времени появленія дѣтенышей мать всегда заранее выбираетъ какое-нибудь укромное мѣстечко, по большей части, сѣноваль или незанятая нѣкъ кровати, скрываетъ тамъ своихъ котятъ по возможности дольше, особенно опасаясь котовъ, которые, найдя дѣтенышей, зачастую съѣдаютъ ихъ.

Маленькіе котята чрезвычайно хорошенькія симпатичныя существа. Любовь матери къ нимъ замѣчательна. Еще до ихъ рожденія мать приготовляетъ имъ гнѣздышко и лишь только почуветъ опасность для новорожденныхъ какъ моментально переноситъ ихъ на другое мѣсто; при этомъ она очень нѣжно беретъ ихъ своими губами за шиворотъ и несетъ такъ осторожно, что дѣтеныши едва чувствуютъ это прикосновеніе. Въ періодъ кормленія она отлучается отъ нихъ только для того, чтобы себѣ и имъ добыть пищи. Нѣкоторыя кошки не умѣютъ обращаться съ дѣтенышами, и въ такомъ случаѣ люди или старыя опытыя кошки должны научить несвѣдущихъ матерей, какъ поступать съ новорожденными. Одна кошка взяла привычку таскать ловимыхъ ею мышей за хвостъ и поздиѣ, когда у нея родились котята, она хотѣла примѣнить такой-же способъ переноски и къ своимъ первымъ дѣтенышамъ, но онъ оказался не удобенъ, такъ какъ котята цѣплялись когтями за полъ и этимъ мѣшали матери переносить ихъ. Хозяйка дома показала родильницѣ, какъ нужно обращаться съ котятами; она тотчасъ-же поняла и въ послѣдствіи стала носить ихъ такъ-же, какъ и другія кошки. Тотъ фактъ, что всѣ кошки съ теченіемъ времени научаются совершенствоваться въ воспитаніи котятъ, вполне неопровержимъ.

Когда къ кормящей кошкѣ подходитъ чужая собака или какая-нибудь другая кошка, то она съ яростью поднимается на нарушителя ея спокойствія, и даже самого хозяина дома неохотно подпускаетъ къ маленькимъ котятамъ. Въ это же время она выказываетъ большое участіе къ другимъ животнымъ: извѣстно много случаевъ, когда кошки вскармливали своимъ молокомъ щенятъ, маленькихъ лисичекъ, кроликовъ, зайчатъ, бѣлокъ и даже мышей; я самъ еще мальчикомъ производилъ надъ моей кошкой подобныя опыты, и они вполне подтвердили эти случаи. Когда взрошенная мною кошка окотилась, я принесъ ей еще слѣзную бѣлочку, единственную оставшуюся въ живыхъ изъ всего бѣличьяго помета, который мы взяли къ себѣ, чтобы воспитать; такъ какъ всѣ прочіе братья и сестры этого хорошенькаго грызуна не вынесли нашего ухода и умерли, то мы рѣшились испробовать, не усыновить-ли наша кошка оставшуюся сиротку. И кошка оправдала наши надежды. Она ласково приняла чужого дѣтеныша въ число собственныхъ, кормила и грѣла его наравнѣ со своими съ истою материнскою нѣжностью. Бѣлочка успѣвала сосать вмѣстѣ со своими сводными братьями и оставалась еще у матери послѣ того, какъ котята были розданы. Тогда кошка сосредоточила на ней все свое

материнское чувство; между приемышем и матерью установились самая теплая отношенія; онъ отлично понимали другъ друга и на кошачье мурлыканье бѣлочка отвѣчала своимъ ворчаньемъ. Вскорѣ приемышь сталъ слѣдовать по пятамъ своей кормилицы сначала по всему дому, а потомъ и по саду. Слѣдуя естественному влеченію, бѣлочка легко и ловко влѣзала на деревья; кошка на минуту прищуривалась, какъ-бы удивляясь скороспѣлому развитію своей питомицы, и пускалась вслѣдъ за нею, тяжелою перепрыгивая съ сучка на сучекъ. Обѣ онѣ любили играть между собою и если бѣлочка оказывалась въ этомъ случаѣ не столь ловкою, то мать терпѣливо переносила ея промахи и ни мало не ослабляла своей цѣлности къ ней. Эта же самая кошка не разъ въ послѣдствіи вскармливала кроликовъ, крысъ и щенятъ и потомство этой кошки оказалось вполне достойнымъ своей прекрасной воспитательницы и само, въ свою очередь, воспитывало другихъ осиротѣвшихъ животныхъ. Могу сообщить еще одинъ примѣръ кошачьяго великодушія, случившійся съ другою кошкою. Она, какими-то обстоятельствами, была разлучена со своими дѣтенышами, которые рисковали погибнуть безъ материнскаго молока. Тогда хозяйину ихъ пришла счастливая мысль взять для нихъ сосѣднюю кошку, у которой отняли котятъ. Новая мать охотно приняла на себя попеченіе о чужихъ дѣтенышахъ и обращалась съ ними, какъ съ собственными. Вдругъ возвратилась родная мать, полная заботъ о своихъ маленькихъ. Къ успокоенію своему она нашла ихъ въ хорошихъ рукахъ, и что-же произошло?—обѣ кошки стали раздѣлять между собою обязанности кормленія котятъ и попеченія о нихъ.

Гибель объясняетъ подобныя примѣры материнской любви слѣдующимъ образомъ: «Кошка совершенно оставляетъ на это время, т. е. пока у нея котята, свои кровожадные инстинкты и дѣлается способною вскармливать даже крысъ, мышей, кроликовъ, зайчатъ и щенятъ, если этихъ животныхъ прилаживаютъ къ ея сосцамъ. Но въ этомъ—хотя кошка и сохраняетъ привязанность къ своимъ питомцамъ,—еще нельзя признать настоящую любовь: она питаетъ чужихъ дѣтенышей только потому, что этотъ процессъ успокаиваетъ раздраженіе молочныхъ железъ и сосцовъ». Однако такое объясненіе Гибеля нельзя считать безусловно вѣрнымъ. Дѣйствительно, кошка, лишенная дѣтенышей вскорѣ послѣ ихъ рожденія, старается подыскать себѣ другихъ питомцевъ, чтобы успокоить раздраженіе молочныхъ железъ, но это еще не доказываетъ исключительность ея цѣли, такъ какъ достоверно извѣстно, что кошка не отказывается кормить чужихъ дѣтенышей даже и тогда, когда у нея есть собственные сосуны, т. е. значить и въ тѣхъ случаяхъ, когда ей вовсе не требуется искать успокоенія противъ раздраженія молочныхъ железъ. Вѣрнѣе будетъ объяснить это ея стремленіемъ къ великодушію и даже милосердію, вызваннымъ материнскимъ чувствомъ къ собственнымъ дѣтенышамъ. О временномъ исчезновеніи въ ней кровожадныхъ инстинктовъ и рѣчи быть не можетъ, потому что кошка грабитъ такъ-же, какъ и прежде, если еще не больше; но развитіе въ ней, особенно въ періодъ кормленія, нѣжныхъ чувствъ и привязанности не подлежитъ сомнѣнію. Ни въ какомъ другомъ животномъ материнскія чувства не проявляются такъ очевидно, какъ въ кошкахъ. Опровергать это или толковать многочисленные примѣры случайностями можетъ только тотъ, кто чуждъ пониманія душевныхъ свойствъ животнаго. Самый простой наблюдатель кошки—матери, ухаживающей за своими дѣтенышами, убѣдится въ этомъ.

Ни одна женщина—мать не можетъ отдаваться уходу за своими малютками съ большею нѣжностью и беззащитностью, какъ кошка. Въ каждомъ ея движеніи, въ звукѣ голоса, во всѣхъ поступкахъ видна искренность, заботливость, горячая любовь и вниманіе не только къ потребностямъ, но и къ капризамъ своихъ дѣте-

нышей. Пока котята слабы и вполне беспомощны, мать вся сосредоточивается на физическом уходе за ними. Съ замѣчательною осторожностью пробирается она по постели, между беспорядочно карабкающимися и поминутно падающими на своих крохотных лапках котятками, берет губами то одного, то другого, подкладывает къ соскамъ и, пока тотъ сосетъ, любовно занимается его мытьемъ, старательно вылизывая каждый волосокъ его еще шершавой шерстки, его слѣпыя, иногда загноившіеся глазки, ушки и даже задній проходъ, вобтятся, чтобы все было безукоризненно чисто. Въ этотъ первый періодъ любовь свою она не выражаетъ звуками, которыхъ еще котятки не понимаютъ, и развѣ только иногда мурлычить себѣ подъ носъ для собственнаго развлечения. По мѣрѣ роста котятъ мѣняется и обращеніе матери. Сознательное развитіе котенка является съ того момента какъ онъ раскрываетъ глаза, которые первое время еще бессмысленно и мутно смотрятъ въ пространство. Но скоро онъ начинаетъ узнавать мать и сосредоточиваетъ на ней сознательный взоръ. Съ этого времени къ физическому уходу кошка присоединяетъ и нравственный; она начинаетъ бесѣдовать съ своими малютками, и ея голосъ, обыкновенно непріятный, получаетъ особенное благозвучіе; протяжное «мяу» измѣняется въ нѣжное «ми», въ которомъ изливается вся полнота ея материнской любви; нѣсколько грубоватое въ обыкновенное время мурлыканье, выражающее ея внутреннее довольство, получаетъ задумчивый тонъ меланхолической мелодіи, которою она передаетъ свою безграничную любовь и материнскія радости. Котятки скоро усваиваютъ значеніе всей этой сердечной музыки и, заслышавъ меланхолическое мурлыканье матери, тяжело и спотыкаясь торопятся подползти къ ней, чтобы доставить ей блаженное ощущеніе, испытываемое матерью при кормленіи. Мало-по-малу неуклюжие члены котятъ становятся болѣе гибки, и они начинаютъ владѣть ими по своему произволу; кости укрѣпляются, мускулы получаютъ упругость, и пробуждающаяся физическая сила требуетъ исхода. Съ этого момента начинается третій періодъ жизни котятъ—періодъ игръ и забавъ.

Потребность къ играмъ проявляется у котятъ очень рано и, съ своей стороны, мать не только не подавляетъ ея, но всячески старается поддерживать. Подобно тому, какъ мать—женщина изъ любви къ малюткамъ сама становится ребенкомъ и готова играть съ ними съ утра до вечера, такъ и кошка рѣзвится и забавляется со своими котятами, не меньше ихъ самихъ.

Съ напускною серьезностью она садится посреди котятъ, но движеніе ея хвоста краснорѣчиво выражаетъ ея внутреннее возбужденіе. Кстати здѣсь замѣтить, что о хвостѣ кошки еще Геснеръ упоминаетъ какъ о выразителѣ ея настроенія. Но глупыя малютки еще не понимаютъ этого разговора, хотя само движеніе дѣйствуетъ на нихъ заразительно и возбуждающее: глазки ихъ разгораются, ушки, навостряются, и они неуклюже ловятъ движущійся кончикъ хвоста; одинъ карабкается спереди, другой сзади, этотъ пытается перелѣзть черезъ спину матери, тотъ сосредоточилъ свое вниманіе на шевелящихся ушахъ кошки, а пятый ничего знать не хочетъ и съ наслажденіемъ потягиваетъ въ себя вкусное молоко, цѣпляясь остеренькими когтями въ брюшко матери. Любящая кошка съ невозмутимымъ спокойствіемъ, которое можно рекомендовать иной женщинѣ—матери, позволяетъ продѣлывать надъ собою все, что имъ угодно; ни малѣйшаго проявленія протеста съ ея стороны, одно лишь добродушное мурлыканье, выражающее внутреннее довольство. Пока послѣдній котенокъ сосалъ, кошка, боясь помѣшать ему, ограничивала свое участіе въ забавахъ другихъ лишь движеніемъ хвоста; но когда онъ удовлетворился, она начинаетъ принимать болѣе дѣятельное участіе; ложится, наприкладъ, на спину и подбрасываетъ лапами котятъ, какъ мячикъ, или, сидя среди нихъ, раз-

бираетъ имъ когти и учитъ разумному пользованію этимъ важнымъ кошачьимъ орудіемъ нападенія и обороны, или-же вдругъ вскочить и убѣжить отъ нихъ за нѣсколько шаговъ, а потомъ мурлыканьемъ приманиваетъ къ себѣ всю мелюзгу съ очевидною цѣлью развить въ нихъ гибкость и проворство. Въ нѣсколько такихъ уроковъ котята оказываютъ замѣчательные успѣхи: отъ прежней неловкости ихъ и неуклюжести и слѣда не осталось; въ цѣикости и умѣннѣ схватывать движущіеся предметы они проявляютъ уже замѣтное совершенствованіе; только съ лазаньемъ дѣло подвигается не столь успѣшно, но постепенныя упражненія въ этомъ искусствѣ мало-по-малу помогаютъ преодолѣть и эти трудности. Наступаетъ наконецъ для кошки время вызвать въ своихъ дѣтенышахъ проявленіе еще дремлющихъ хищныхъ инстинктовъ. вмѣсто неодушевленныхъ предметовъ, служащихъ игрушками, вродѣ влюбковъ шерсти, катушекъ, комковъ бумаги и пр., кошка приноситъ котятѣ пойманную ею, еще живую и по возможности невредимую мышъ или птичку, а за неимѣніемъ того и другого даже стрекозу. Въ обществѣ мелюзги такое необычайное появленіе возбуждаетъ переполохъ; недоумѣніе, впрочемъ, разсѣивается въ одну минуту, его смѣняетъ необузданная жажда игры, во время которой начинаютъ заявлять себя и инстинкты хищничества. Необыкновенная игрушка кажется чрезвычайно завлекательной: она не только движется, но и оказываетъ противо-дѣйствіе, надо много смѣлости и ловкости, чтобы не только схватить, но и удержать ее. Первые опыты всегда неудачны: прижатая маленькою, слабосильною лапкою мышка быстро выскальзываетъ изъ когтей своего неопытнаго врага и, конечно, она спаслась-бы бѣгствомъ, если-бы внимательная мать, зорко слѣдящая за первыми опытами своего дѣтеныша, не задержала во-время бѣглянцу. слѣдующій опытъ оказывается удачнѣе, но и тутъ не обходится безъ бѣды: мышка успѣваетъ укусить притиснувшую ее лапку; котенокъ отъ боли трясетъ лапкою, но это только на одинъ моментъ; онъ уже устыдился своей слабости и съ остервененіемъ проснущагося хищника бросается на свою первую жертву, думая только о мести. Мышка раздавлена—хищникъ выработанъ.

Думаютъ обыкновенно, что кошку нельзя воспитать, но такое мнѣніе совершенно ошибочно. При хорошемъ и разумномъ обращеніи съ нею она проявляетъ столько-же привязанности къ человѣку, сколько и ума. Бываютъ кошки,—и я самъ зналъ такихъ,—которые переѣзжаютъ со своими хозяевами съ квартиры на квартиру и имъ въ голову не приходитъ возвращаться на старое жильѣ; въ этомъ случаѣ привязанность къ человѣку у нихъ проявляется сильнѣе привычки къ мѣсту. Нѣкоторыя кошки, завидя еще издали своего хозяина, бѣгутъ къ нему на встрѣчу, лапаются, привѣтливо мурлычатъ и всячески стараются выказать предъ нимъ свое расположеніе. Онѣ отлично распознаютъ своихъ отъ чужихъ и позволяютъ имъ, а въ особенностяхъ дѣтямъ, продѣлывать надъ собою всякія издѣвательства, хотя все-таки не въ той мѣрѣ, какъ собаки. Есть кошки, которыя до такой степени любятъ своихъ хозяевъ, что провожаютъ ихъ по саду, по двору, иногда даже по полямъ и по лѣсу; я самъ зналъ двухъ котовъ, которые имѣли обыкновеніе самымъ любезнымъ образомъ провожать гостей своей хозяйки на разстояніи 10—15 минутъ ходьбы отъ дому, затѣмъ привѣтливо прощались съ ними выразительнымъ мурлыканьемъ и возвращались домой. Кошки способны под-держивать дружбу и съ другими животными. Вопреки сложившейся пословицѣ, встрѣчается много примѣровъ тѣснѣйшей дружбы между кошками и собаками. Рассказываютъ объ одной кошкѣ, что она любила, когда ея другъ, собака, та-скала ее въ зубахъ по комнатамъ; о другихъ кошкахъ извѣстно, что онѣ во время собачьихъ дракъ нерѣдко заступались за своего друга, собаку, употребляя при этомъ

всѣ свои кошачьи силы и увертки, и точно также сами были защищены другою—собакою во время кошачьихъ дракъ. У Пехуэля-Леше была кошка, которая умѣла по приказанію, приносить брошенные предметы, начиная съ диванной подушки, кончая маленькой булавкой, прыгать черезъ стулья и столы, скакать на плечо и притворяться мертвою; эта кошка жила въ большой дружбѣ съ сѣрымъ попугаемъ, шла на его зовъ, когда онъ ее кликалъ ея именемъ «Ихабодъ», никогда не обижалась, если онъ нарушалъ ея сонъ укусомъ хвоста и забавно удивлялась, слыша, какъ онъ подражалъ ея мяуканью; большимъ удовольствіемъ для обоихъ было сидѣть рядышкомъ на окнѣ и смотрѣть на улицу.

Нѣкоторыя кошки проявляютъ замѣчательныя доказательства своего ума. Иные любители птицъ доходятъ въ своемъ воспитаніи кошекъ до того, что тѣ не наносятъ ни малѣйшаго вреда пернатымъ любимцамъ своихъ хозяевъ. Гибель нѣсколько разъ наблюдалъ, какъ его прекрасный котъ, по имени Петръ, приносилъ со двора домой трясогузку, вылетавшую изъ комнаты на свободу, и при этомъ не причинялъ ей ни малѣйшаго вреда. Такой-же случай былъ въ одной деревнѣ, въ моей родинѣ; тамъ кошка одного любителя птицъ возвратила ему, къ его великой радости, пропадавшую изъ дома нѣсколько дней красношейку, которую она не только узнала, но и постаралась поймать, чтобы доставить удовольствіе своему горевавшему хозяину. Принимая во вниманіе эти факты, я полагаю, можно считать достовѣрнымъ и слѣдующій рассказъ: одна кошка жила въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ канарейкою своего хозяина и охотно позволяла птичкѣ садиться себѣ на сплву и играть съ собою. Однажды хозяинъ кошки видитъ, что она съ бѣшенствомъ бросается на канарейку, схватываетъ ее зубами и ворча вскакиваетъ на бюро, не выпуская птицу изъ рта. Подняли крикъ, чтобы спасти канарейку и въ это время замѣтили другую, чужую кошку, которая пробралась въ комнату; тогда все стало ясно: кошка желала спасти своего пернатого друга отъ когтей и зубовъ пришлагаго гостя, которому, она знала, нельзя довѣрять.

Есть еще не мало и другихъ доказательствъ ума и понятливости этого прекраснаго животнаго. Вотъ одно изъ нихъ: въ маѣ 1859 г. наша домашняя кошка родила на сѣновалѣ четырехъ котятъ и бережно спрятала ихъ тамъ; но несмотря на всѣ ея старанія, черезъ 10—12 дней это удалось открыть, и кошка болѣе не стала уже таиться. Такъ прошло 3—4 недѣли, какъ вдругъ однажды она подбѣгаетъ къ моей матери, начинаетъ усиленно ласкаться и какъ-бы просить чего-то, то подходя къ дверямъ, то снова приближаясь къ матери. Родители мои поняли, что у кошки произошло что-то особенное, и пошли за нею; она привела ихъ къ самому сѣновалу, сама взобралась на верхъ и сбросила на пучекъ сѣна одного котенка, вслѣдъ за этимъ снова спустилась, подняла котенка и поднесла его къ ногамъ матери. Когда она убѣдилась, что котенка не бросать, а примутъ, то снова отправилась на сѣноваль и продолжала то-же самое со вторымъ; послѣднихъ двухъ она только сбросила, но не хотѣла, вѣроятно изъ усталости, нести дальше; когда-же мать моя нарочно сдѣлала видъ, что уходитъ, оставляя котятъ на произволь судьбы, то кошка подобрала и ихъ. Потомъ оказалось, что у нея пропало молоко и ей нечѣмъ было кормить котятъ, но она была настолько умна, что сообразила, какъ помочь бѣдѣ, и перенесла все свое семейство къ тѣмъ, кто кормилъ ее самое.

Эта кошка проявляла по отношенію моего отца такую сильную привязанность, что могла въ этомъ случаѣ конкурировать даже съ самою преданною собакою. Она знала, что этотъ другъ животныхъ любить ее больше другихъ и старалась отплатить ему благодарностью. Каждую пойманную ею птицу она бережно приносила домой, предоставляя хозяину или дать ей свободу, или-же присоединить къ своей кол-

лекціи; она никогда не трогала чучель, какъ это зачастую дѣлають другія кошки, въ слѣдствіе чего могла безпрепятственно разгуливать по кабинету, гдѣ на всѣхъ столахъ и шкафахъ были разставлены чучелы. По первому зову отца она являлась къ нему, ласкаясь или просительно мяукая, смотря по тому, для чего ее звали— для общества-ли просто или для того, чтобы дать оставленную ей порцію лакомаго блюда. Когда мой отецъ писалъ или читалъ, кошка обыкновенно сидѣла у него на плечѣ, ласково мурлыча; когда онъ выходилъ изъ дому, она провожала его; въ продолженіи его болѣзни она по цѣлымъ часамъ сидѣла или лежала подлѣ него, стараясь по мѣрѣ силъ развлекать его. Называйте это какъ хотите, тщеславіемъ или хитростью этого животнаго, но отвергнуть въ ея поступкахъ пониманіе желаній своего хозяина положительно нельзя. Я допускаю, что это было просто случайностью, но все таки не могу не отмѣтить того факта, что, когда мой отецъ умеръ, его любимица—кошка не отходила отъ его гроба и сколько разъ ни выгоняли ее изъ этой комнаты, она снова возвращалась въ нее.

«Недавно», рассказываетъ въ «Естественной исторіи» Вуда (Woods «Natural History»), одна любительница кошекъ «умерла одна изъ замѣчательнѣйшихъ и превосходнѣйшихъ кошекъ, какихъ я когда-либо знала. Звали ее Претъ, уменьшенное Преттина, что значитъ «хорошенькая»; она вполне оправдывала свою кличку, потому-что дѣйствительно была красивой масти съ шелковистою шерстью. Когда Претъ была еще котенкомъ, я заболѣла нервной горячкою; она тотчасъ-же замѣтила мое отсутствіе, стала повсюду искать меня и, догадавшись, что я въ своей комнатѣ, выжидала перваго случая, когда отворять двери, чтобы прошмыгнуть въ нихъ. Тутъ она изощрялась во всемъ своемъ умѣннѣ, чтобы развеселить меня, но, убѣдившись, что я слишкомъ больна для того, чтобы забавляться ею, она усѣлась подлѣ и съ этого момента сдѣлалась самою старательною сидѣлкою. Можно положительно сказать, что немногіе изъ людей были-бы въ состояніи проявить такую неусыпную бдительность и нѣжную заботливость къ больному, какъ эта кошечка по отношеніи меня. Надо было удивляться, какъ скоро она пріучилась распознавать часы, въ которые мнѣ слѣдовало принимать лѣкарство или пищу; ночью, когда моя профессиональная сидѣлка засыпала, Претъ будила ее въ опредѣленные часы, кусая слегка за носъ. Вниманіе свое кошечка проявляла во всѣхъ мелочахъ и стоило мнѣ лишь взглянуть на нее, какъ она съ привѣтливымъ мурлыканьемъ подсаживалась ко мнѣ. Всего удивительнѣе, конечно, было то, что въ расчетѣ времени, днемъ ли, ночью ли, она рѣдко когда ошибалась и то не больше, какъ минутъ на пять, несмотря на то, что въ комнатѣ, гдѣ я лежала, не было даже часовъ съ боемъ.

«Грозные раскаты грома наводили на Претъ ужасъ, а разныхъ раздражающихъ душу звуковъ, вродѣ шарманочныхъ, она просто не выносила. Во время грозы она съ трепетомъ прислонялась ко мнѣ, какъ-бы ища защиты, или пряталась подъ мое платье. Претъ терпѣть не могла маленькихъ нищихъ и если одинъ изъ нихъ приближался къ ней, она выражала свое недовольство грознымъ ворчаньемъ. Къ вѣкоторымъ животнымъ она относилась съ большою любовью и жила въ тѣсной дружбѣ со щенкомъ, кроликомъ и турухтаномъ, которыхъ я держала при домѣ. Но больше всѣхъ она несомнѣнно любила меня, до того, что даже ѣсть предпочитала въ моемъ присутствіи и непремѣнно по близости меня».

Изъ всего вышесказаннаго можно безъ всякихъ колебаній вывести то заключеніе, что кошка вполне заслуживаетъ дружбы человѣка и что, со временемъ, я увѣренъ, ложныя и неблагоклонныя сужденія о ней совершенно исчезнутъ. Къ тому же, я полагаю, у насъ не умѣють цѣнить ту несомнѣнную пользу, которую приносятъ кошка. Кто никогда не жывалъ въ старыхъ домахъ, гдѣ господствуютъ

мыши, тотъ, конечно, и не пойметъ, что такое значить хорошая кошка. Но кому случалось нѣсколько лѣтъ страдать отъ этихъ докучливыхъ грызуновъ и убѣдиться, насколько человѣкъ безсиленъ въ борьбѣ съ ними, тотъ сумѣетъ оцѣнить пользу кошки и поставить это домашнее животное въ ряду необходимыхъ сожителей человѣка, заслуживающихъ не только пощады и уходъ, но даже благодарность и любовь. Достаточно только держать при домѣ кошку, чтобы наглыя, но трусливыя мыши убрались изъ дома, такъ какъ онѣ отлично знаютъ остроту кошачьихъ зубовъ, которыхъ имъ не миновать, если по-добру по-здорову они не уберутся во-время.

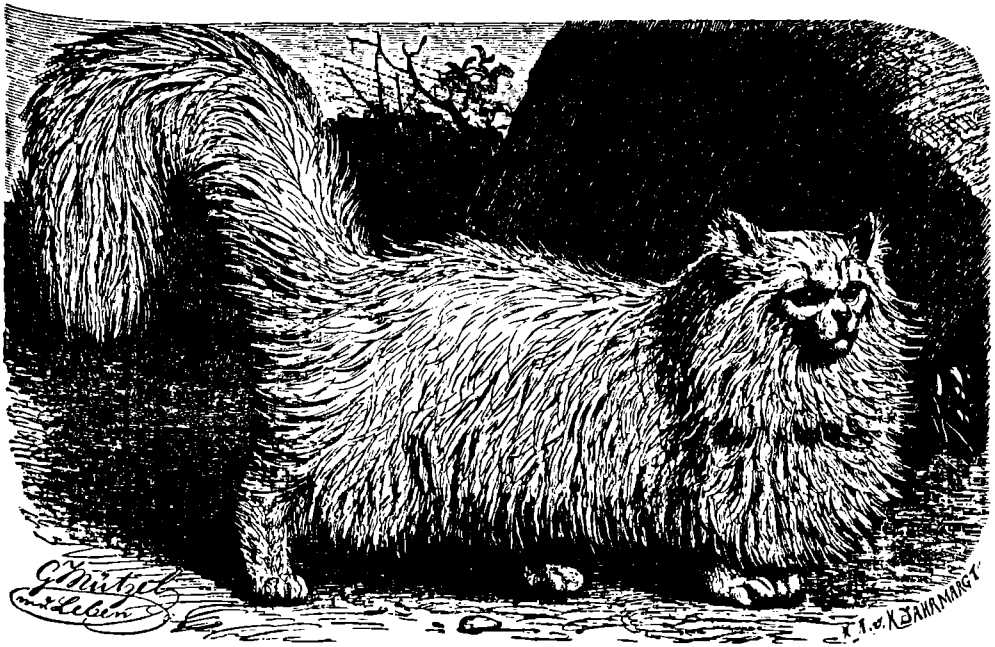
Главными предметами охоты кошекъ служатъ мыши, какъ домашнія, такъ и полевая; къ крысамъ онѣ иногда не рѣшаются подступиться, но это только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда крыса уже слишкомъ велика; за землеройками кошки гоняются только съ-молоду, но и тогда не ѣдятъ ихъ, такъ какъ острый запахъ мускуса, издаваемый этими животными, противенъ имъ. Помимо мышей, кошки истребляютъ и нѣкоторыхъ вредныхъ насѣкомыхъ, даже гадъ, какъ-то: майскихъ жуковъ, стрекозъ, ящерицъ, лягушекъ и змѣй. Во время охоты своей кошка проявляетъ столько же терпѣнія, сколько и ловкости. Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда хищныя склонности кошки дѣлаютъ изъ нея весьма неприятное животное: она гоняется не только за птицами на свободѣ, зайцами и ранеными куропатками, но не брезгуетъ и отборнымъ кушаньемъ, въ родѣ цыплятъ отъ домашнихъ куръ, и даже ловить рыбу. Кухаркамъ нерѣдко приходится воевать съ этими грабителями и видѣть въ нихъ своихъ первыхъ враговъ. Но должно оговориться, что во всякомъ случаѣ польза, приносимая кошкою, гораздо значительнѣе того вреда, отъ котораго острожная хозяйка всегда можетъ уберечься. Повидимому, кажется невѣроятнымъ, чтобы польза кошки въ истребленіи мышей и крысъ была такъ велика; въ доказательство могу привести рассказъ Ленца изъ его личныхъ наблюденій: «Чтобы узнать, сколько мышей можетъ истребить кошка, я избралъ для своихъ наблюденій 1857 годъ, очень богатый мышами. Я заперъ въ особо приспособленный для этого чуланъ двухъ полуангорскихъ кошекъ цвѣта сѣлаго колоса, съ темными тигровыми пятнами, которымъ отъ роду было всего 48 дней; ежедневно имъ давали въ пищу молоко, хлѣбъ и кромѣ того на каждую по 4—10 мышей; и это все дочиста поѣдалось ими. Когда имъ исполнилось восемь недѣль, я сталъ давать одно молоко, безъ хлѣба, и по четырнадцати штукъ большихъ мышей. Кошечки и эти порціи истребляли такъ-же исправно, причемъ ихъ никогда не рвало отъ переполненія желудка, и на другой день аппетитъ ихъ былъ по прежнему хорошъ. Вслѣдъ за ними, когда эти два истребителя мышей были выпущены, я посадилъ въ тотъ-же чуланъ, въ 9 ч. вечера, другую кошку, трехцвѣтную, полуангорской породы, 5½ мѣсяцевъ отъ роду, и при этомъ пища ей на ночь не оставилъ. Кошка находилась въ грустномъ настроеніи, оттого что ее оторвали отъ товарищей и заключили въ одиночномъ заключеніи. На другое утро я принесъ ей на цѣлый день молока съ водою и, кромѣ того, время отъ времени, бросалъ ей полевыхъ мышей, которыхъ у меня было въ запасѣ 40 штукъ. Къ 9-ти часамъ вечера слѣдующаго дня, т. е. за сутки, она съѣла 22 мыши, причемъ половина ихъ были совершенно взрослыя, а другая половина полувзрослыя; несмотря на такую массу съѣденныхъ мышей, кошку ни разу не вырвало и она чувствовала себя прекрасно. Въ томъ году мои кошки ловили и поѣдали мышей и днемъ, и ночью, и все-таки когда я ихъ еще умышленно кормилъ ими, то онѣ оказывались способными въ продолженіи получаса съѣдать по восьми мышей.

«На основаніи этихъ данныхъ я смѣло могу утверждать, что каждая болѣе

или менѣе взрослая кошка въ года, изобилующіе мышами, можетъ истребить въ день среднимъ числомъ 20 мышей, въ годъ, стало быть, 7300 штукъ, а въ обыкновенные года—3650 мышей или соотвѣтствующее число крысъ. Изъ этихъ наблюденій, впрочемъ, можно вывести то заключеніе, что мыши мало питательны, потому что иначе кошки не могли-бы, безъ очевиднаго вреда для себя, истреблять ихъ въ такомъ громадномъ количествѣ».

Кошки приносятъ пользу и въ другомъ отношеніи: онѣ уничтожаютъ вредныхъ насѣкомыхъ и даже ядовитыхъ змѣй, притомъ не только гадюкъ, но и страшныхъ гремучихъ змѣй.

«Неразъявдѣль» — говоритъ Ренггеръ, — «какъ въ Парагваѣ, на песчаныхъ и голыхъ мѣстахъ, кошки преслѣдовали и убивали гремучихъ змѣй. Со свойственною имъ ловкостью онѣ наносятъ имъ удары лапою, а сами увертываются отъ укуса

Ангорская кошка (*Felis maniculata domestica angorensis*). $\frac{1}{7}$ наст. вел.

врага. Когда змѣя лежитъ свернувшись, кошка долго не нападаетъ на нее, а ходитъ все вокругъ до тѣхъ поръ, пока врагу не надоѣстъ поворачивать за нею голову; затѣмъ вдругъ снова наноситъ ударъ и ловко отскакиваетъ въ сторону. Послѣдующими ударами она въ какой-нибудь часъ убиваетъ змѣю на смерть и тотчасъ же уходитъ, не дотрогиваясь до ея мяса».

Въ Голландіи, Бельгіи и Шварцвальдѣ кошекъ разводятъ ради ихъ мѣха. По Войланду шварцвальдскіе крестьяне держатъ преимущественно одноцвѣтныхъ черныхъ и сѣрыхъ (синихъ) кошекъ; они убиваютъ ихъ зимою и продаютъ шкуры развѣзжающимъ торговцамъ. Шкуры обрабатываются обыкновенно некрашенными и лучшія, смотря по качеству, продаются по 2—4 марки за штуку. Даже мясо кошекъ находятъ сбытъ и нѣкоторымъ очень нравится своимъ вкусомъ. «Кошачій филе» — сообщаетъ мой дорогой другъ Альбертъ Жоффрау Сентъ-Илеръ, описывая свой обѣдъ во время осады Парижа, — «былъ превосходенъ. Это бѣлое мясо имѣетъ

пріятный видъ, нѣжно на вкусъ и напоминаетъ отчасти холодную телятину». Такимъ образомъ даже и въ этомъ отношеніи кошка можетъ быть полезнаю.

Я полагаю, что послѣ всего вышесказаннаго, можно замолвить доброе словечко за животное, къ которому такъ часто относятся несправедливо. «Кто имѣетъ кошку», говоритъ Ленцъ, «которая кусаетъ и царапаетъ дѣтей, разбиваетъ посуду, воруетъ провизію, душитъ цыплятъ и другихъ птицъ, и никогда не поймаетъ ни одной мыши, тотъ хорошо сдѣлаетъ, если убьетъ, застрѣлитъ или утопитъ такую кошку, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но у кого кошка служитъ лучшимъ другомъ дѣтей, никогда не блудитъ въ домѣ и неустанно ловить мышей, тому слѣдуетъ ухаживать за подобнымъ животнымъ, какъ за своимъ благодѣтелемъ».

Изъ кошачьихъ болѣзней самая опасная и частая—проказа, потому что она очень заразительна и даже смертельна. По Ленцу, такую болѣзнь слѣдуетъ лѣчить сѣрнымъ цвѣтомъ, намазывая его вмѣстѣ съ масломъ на хлѣбъ; хлѣбъ зтотъ разрѣзаютъ на мелкіе кусочки и кормятъ ими больную кошку. Подобное угощеніе можно дать иногда и здоровой кошкѣ, въ видѣ предохранительнаго средства. Отъ паразитовъ кошка, благодаря своей чистоплотности, страдаетъ мало; глисты мучаютъ ее тоже рѣдко; когда-же они заводятся, то кошку лѣчатъ сѣменами шиповника или отваромъ цвѣтовъ растенія куссо.

Кошка (*Felis maniculata domestica*) имѣетъ мало разновидностей. Наши обыкновенныя кошки бываютъ слѣдующихъ мастей: просто черныя съ бѣлымъ пятномъ посреди груди, совершенно бѣлыя, желтыя—цвѣта спѣлаго колоса—и рыжія (последняя окраска варьируется разными оттѣнками и пестрыми пятнами), одноцвѣтныя сине-сѣрыя, свѣтло-сѣрыя съ темными разводами и трехцвѣтныя съ крупными бѣлыми, желтыми или желто-бурыми, черными или сѣрыми пятнами. Сине-сѣрыя кошки очень рѣдки; свѣтло-сѣрыя или кипрскія—самыя обыкновенныя, но настоящія кипрскія должны имѣть черныя мозоли на нижней сторонѣ лапъ, а на заднихъ лапахъ черную подошву. Самыя красивыя кошки зебровыя, съ темно-сѣрымъ или черно-бурымъ тигровымъ рисункомъ. Замѣчательно, что трехцвѣтныя кошки, которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считаютъ вѣдьмами и потому истребляютъ,—почти всѣ безъ исключенія принадлежатъ къ женскому полу.

Самою породистою кошкою считается обыкновенно ангорская кошка (*Felis maniculata domestica angorensis*)—красивѣйшая изъ всѣхъ, какія только бываютъ; она отличается крупными размѣрами тѣла и длинною, мягкою какъ шелкъ шерстью, чисто бѣлаго или-же желтоватаго, сѣроватаго, даже смѣшаннаго оттѣнковъ; губы ея и подошвы ногъ мясного (тѣльнаго) цвѣта.

Мы уже говорили, что Палласъ склоненъ видѣть въ степной кошкѣ родоначальника ангорскія кошки, хотя последняя видомъ своимъ существенно отличается отъ него. Фицингеръ, отстаивающій взгляды Палласа, объясняетъ это скрещиваніемъ степной кошки съ домашнею кошкою, однако никакого фактическаго подтвержденія своему мнѣнію привести не можетъ. Мнѣ лично кажется самымъ вѣроятнымъ, что ангорская кошка ни что иное, какъ отпрыскъ горной породы, передавшей ей свои существенныя признаки. Радде встрѣчалъ на югѣ Сибири исключительно красивыхъ сѣрыхъ или сине-сѣрыхъ ангорскихъ кошекъ; первыя попадались ему въ г. Тюмени; вторыя-же онъ встрѣчалъ въ русскихъ поселеніяхъ по восточному склону Уральскихъ горъ; но и здѣсь онѣ попадались рѣже обыкновенныхъ домашнихъ кошекъ. Дѣйствительно-ли эти кошки родомъ изъ Ангоры, какъ полагаютъ нѣкоторые, я утверждать не берусь; по моему мнѣнію, объ ихъ настоящей родинѣ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Сравнительно съ домашнею кошкою ангорская считается очень лѣнливою

неповоротливой, но за то замѣчательно умною и привязчивою къ человѣку; насколько это послѣднее вѣрно—не ручаюсь.

Съ острова Мэнъ (въ Ирландскомъ морѣ) вывезена весьма интересная порода домашней кошки, безхвостая или мэнская кошна (*Felis maniculata domestica escaudata*). Эту породу отнюдь нельзя назвать красивою уже по одному тому, что она лишена своего лучшаго украшенія—хвоста, къ тому-же заднія ноги у этихъ кошекъ несоразмѣрно развиты и выше переднихъ; окраска шерсти ихъ бываетъ разная.

На Зондскихъ островахъ и въ Японіи Мартенсъ также наблюдалъ кошекъ съ короткими хвостами. Кессель рассказывалъ Вейнланду, что тамъ, особенно на Суматрѣ, у всѣхъ кошекъ, еще въ раннемъ возрастѣ, хвосты отпадаютъ; поэтому отсутствію хвоста особаго значенія придавать нельзя.

О мэнской кошкѣ Вейнландъ замѣчаетъ, что она неутомимо лазаетъ по деревьямъ, благодаря необыкновенно высокимъ заднимъ ногамъ можетъ совершать замѣчательные прыжки съ вѣтви на вѣтвь, и потому для птицъ она бываетъ гораздо опаснѣе обыкновенной домашней кошки. «Вслѣдствіе этого введеніе этой кошки вовсе не желательно въ Германію».

Ангорская и безхвостая—самыя извѣстныя породы нашей кошки. Кромѣ этихъ упоминаютъ еще о мартезіанской кошкѣ, которая отличается своими длинными, мягкими, шерстистыми волосами и одноцвѣтною, темно-синевато-сѣрою окраскою шерсти. Съ нею по внѣшнему виду схожа корассанская кошна изъ Персіи. Франкфуртскій зоологическій садъ получилъ недавно, вѣроятно изъ Средней Америки, два экземпляра домашнихъ кошекъ большого роста, съ длинною шелковистою шерстью темно-сѣраго цвѣта съ поперечными черными полосами. Можно еще упомянуть Куманскую кошну на Кавказѣ, рыжую Тобольскую кошну, рыжую и голубовато-сѣрую кошну мыса Доброй Надежды, нитайскую кошну, у которой шерсть длинная и шелковистая, а уши висячія, какъ у таксы; кятайцы ее откармливаютъ и ѣдятъ. Одна изъ самыхъ красивыхъ и дорого цѣнимыхъ европейскими любителями породъ—это Сіамская кошна съ короткою гладкою шерстью чалаго цвѣта, причѣмъ хвостъ, уши, лапы и морда темно-бурые; за этихъ кошекъ еще нынѣ платятъ до 100 рублей. Очень можетъ быть, что многія изъ вышеупомянутыхъ породъ происходятъ отъ скрещиванія съ другими видами, но какими именно—еще неизвѣстно. Наблюденія доказываютъ, что домашняя кошка легко спаривается съ другими видами. Нѣкоторые натуралисты даже утверждаютъ, что домашняя кошка спаривается съ африканскимъ хорькомъ и производитъ дѣтенышей, которые по окраскѣ шерсти очень похожи на хорька.

* *
*

Достаточно одного взгляда на тѣло льва и на выраженіе его лица, чтобы вполне согласиться съ возрѣніемъ всѣхъ древнихъ народовъ, которые знали это животное. Левъ царь четвероногихъ хищниковъ, властелинъ млекопитающихъ; таково мнѣніе и древнихъ, а отчасти и нынѣшнихъ народовъ.

Если естествоиспытатель, думалъ лишь о систематикѣ, и не признаетъ за львомъ царскаго достоинства и считаетъ его только кошкою болѣе сильнаго строенія, все же общее впечатлѣніе, производимое прекраснымъ животнымъ, таково, что заставляетъ исследователя помѣстить его на подобающее мѣсто между всѣми родичами.

Львовъ легко отличить отъ всѣхъ остальныхъ кошекъ. Главнѣйшіе признаки заключаются въ крѣпкомъ сложеніи сильнаго туловища, съ короткими, гладко стекающими одноцвѣтными волосами, въ широкомъ лицѣ съ сравнительно небольшими глазами, въ царской мантии, которою окружены плечи самцовъ, и въ пучкѣ

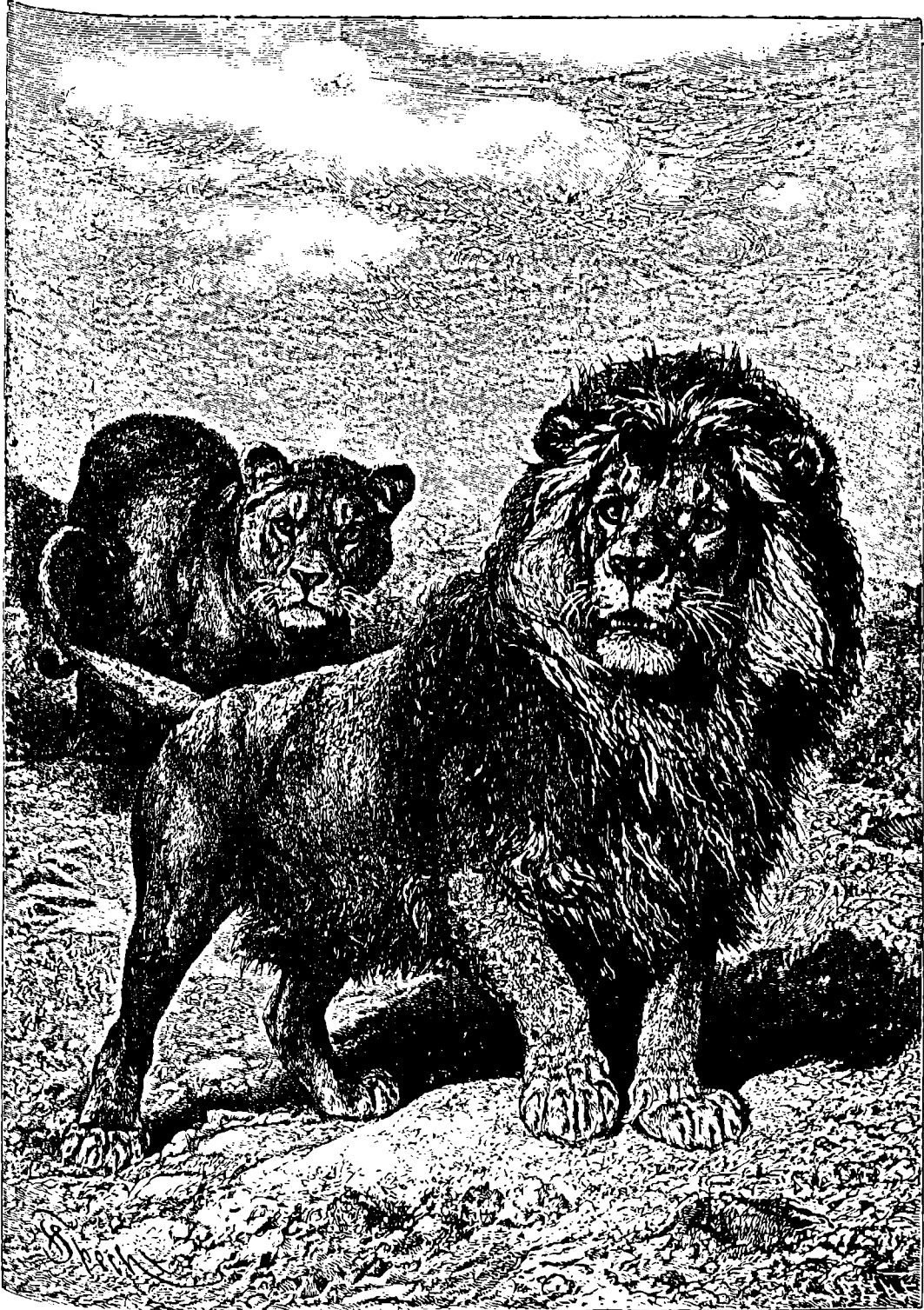
волосъ, украшающемъ конецъ хвоста. При сравненіи съ другими кошками туловище льва кажется короче, животъ подтянуть и все тѣло поэтому очень мощно, но не неуклюже. На концѣ хвоста имѣется спрятанный въ пучкѣ волосъ роговой ноготь, на который обратилъ вниманіе уже Аристотель, но который отвергали многіе изъ новѣйшихъ естествоиспытателей. Глаза имѣютъ круглый зрачекъ, усы расположены въ 6—8 рядовъ. Но грива всего болѣе отличаетъ льва отъ самки; она-то и придаетъ ему гордый царственный видъ:

Ein Königsmantel, dicht und schön,
Umwalt des Löwen Brust und Mähn,
Eine Königskrone wunderbar,
Straubt sich der Stirne straffes Haar. *)

Эта грива, въ полномъ своемъ развитіи покрывающая шею и переднюю часть груди, представляетъ такъ много видоизмѣненій, что по ней, справедливо или несправедливо, различаютъ нѣсколько разновидностей или даже видовъ львовъ. Трудно сказать, имѣются ли для такого дѣленія достаточныя основанія? Ниже я дамъ краткое описаніе различныхъ видовъ льва, и тогда читатель самъ рѣшитъ для себя этотъ вопросъ. Прежде всего мы обратимъ наше вниманіе на Варварійскаго льва, потому что именно онъ, еще въ древнѣйшія времена, получилъ прозвище царя звѣрей за свое мужество, за свою смѣлость и силу, храбрость и мощь, за геройскій нравъ, благородство и великодушіе, за свою серьезность и спокойствіе. Сила, самоувѣренность, спокойное мужество и увѣренность въ побѣдѣ свѣтятся въ его взглядѣ. Все въ немъ свидѣтельствуетъ о благородствѣ; каждое движеніе рассчитано и исполнено достоинства; тѣло и душевныя качества находятся въ полномъ соответствіи.

Варварійскій левъ (*Felis leo barbarus*), какъ и всѣ остальные, отличается сильнымъ, плотнымъ туловищемъ, передняя часть тѣла сильнѣе задней, благодаря широкой груди и подтянутому животу. Толстая, почти четырехугольная, голова оканчивается широкою и тупою мордою; уши закруглены, глаза средней величины, но живые и полные огня; конечности приземисты и необыкновенно крѣпки, лапы больше, чѣмъ у всѣхъ другихъ кошекъ, какъ абсолютно, такъ, быть можетъ, и относително; длинный хвостъ оканчивается короткимъ когтемъ, прикрытымъ пушистою кистью. Гладкая, короткая шерсть ярко-красно-желтаго или блѣдно-бурого цвѣта покрываетъ лицо, спину, бока, ноги и хвостъ; тамъ и сямъ попадаются волосы съ черными концами или совершенно черные и, благодаря именно этому, происходятъ ихъ смѣшанная окраска. Голова и шея покрыты густой и могучей гривой, которая состоитъ изъ длинныхъ, прямыхъ волосъ, спускающихся космами и доходящихъ спереди до пясти и сзади почти до половины спины и боковъ. Животъ также во всю длину покрытъ густорастущими прямыми волосами; даже на локтяхъ и на передней сторонѣ бедръ растутъ пучки волосъ. Въ гривѣ, имѣющей основной блѣдно-желтый цвѣтъ на головѣ и шеѣ, замѣчаются многіе черно-бурые волосы; послѣдніе особенно изобильно встрѣчаются по сторонамъ затылка; смѣшанные съ блѣдно-желтыми находятся и на животѣ, а также въ черныхъ пучкахъ волосъ на локтяхъ, бедрахъ и въ кисти хвоста. Все это относится къ взрослому льву самцу, высота

*) Какъ царской мантией густою и прекрасною
Окружены грудь и грива льва,
Какъ чудный царскій вѣпецъ
Вздываются крѣпкіе волосы на лбу.

Л Е В Ъ.

котораго съ загривкомъ простирается до 80—100 см. при 1,6—1,9 метровъ длины туловища и 75—90 см. длины хвоста. Такимъ образомъ общая длина животнаго отъ конца морды до конца хвоста оказывается около 2,4—2,8 метровъ. Длина новорожденныхъ львовъ приблизительно 33 см., но у нихъ нѣтъ ни гривы, ни кисти на хвостѣ; они покрыты волнистыми, сѣроватыми волосами; на головѣ, ногахъ, бокахъ, на спинѣ и на хвостѣ имѣются черныя пятна и полосы, напоминающія опытному глазу окраску леопарда. Уже въ первые годы блѣднѣетъ леопардовый узоръ; впрочемъ у самокъ слѣды его видимы еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, особенно на ногахъ и по нижней части туловища; признаки возмужалости появляются на третьемъ году. Лвица всегда болѣе или менѣе походитъ на молодое животное, отъ самца она отличается отсутствіемъ гривы; волосы на передней части тѣла такой же длины, какъ и на задней; иногда лишь нѣсколько удлинены. Варварійскій левъ встрѣчается исключительно въ странахъ, окружающихъ горы Атласа.

Сенегальскій левъ (*Felis leo senegalensis*) отличается отъ варварійскаго гривой, хорошо развитой на передней части тѣла и, напротивъ, слабою или совсѣмъ отсутствующей на нижней части тѣла; Капскій левъ (*Felis leo capensis*) и, какъ кажется, также абиссинскій поражаютъ своей значительной величиной и имѣютъ черную гриву. Селусъ (*Selous*) встрѣчалъ южно-африканскихъ львовъ до 305 см.; звѣщенный имъ сильный, но худой самецъ имѣлъ 170,5 килограммовъ вѣсу. Персидскій левъ (*Felis leo persicus*) съ гривой, смѣшанной изъ бурыхъ и черныхъ волосъ, встрѣчается отъ Персіи до Индіи; мы еще мало знаемъ о немъ, такъ что не можемъ сказать съ увѣренностью, съ кѣмъ у него больше сходства: съ сенегальскимъ львомъ или же съ иногда безгривымъ родичемъ изъ Гудшерата въ Индіи.

Распространеніе сенегальскаго льва и причисляемаго къ нему, не безъ основанія, капскаго льва обнимаетъ всѣ страны средней и южной Африки отъ западнаго до восточнаго берега, приблизительно отъ 20 градуса сѣверной широты до Капской земли; впрочемъ въ собственно экваторіальныхъ областяхъ западной Африки, приблизительно отъ Конго до Нигера, его не наблюдали пока. Въ Нильскихъ странахъ въ настоящее время онъ не заходитъ сѣвернѣе 17 градуса широты. На Голубомъ и Бѣломъ Нилѣ и въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Абиссиніи сенегальскій левъ обыкновенное, а во многихъ степныхъ странахъ средней и южной Африки частое явленіе.

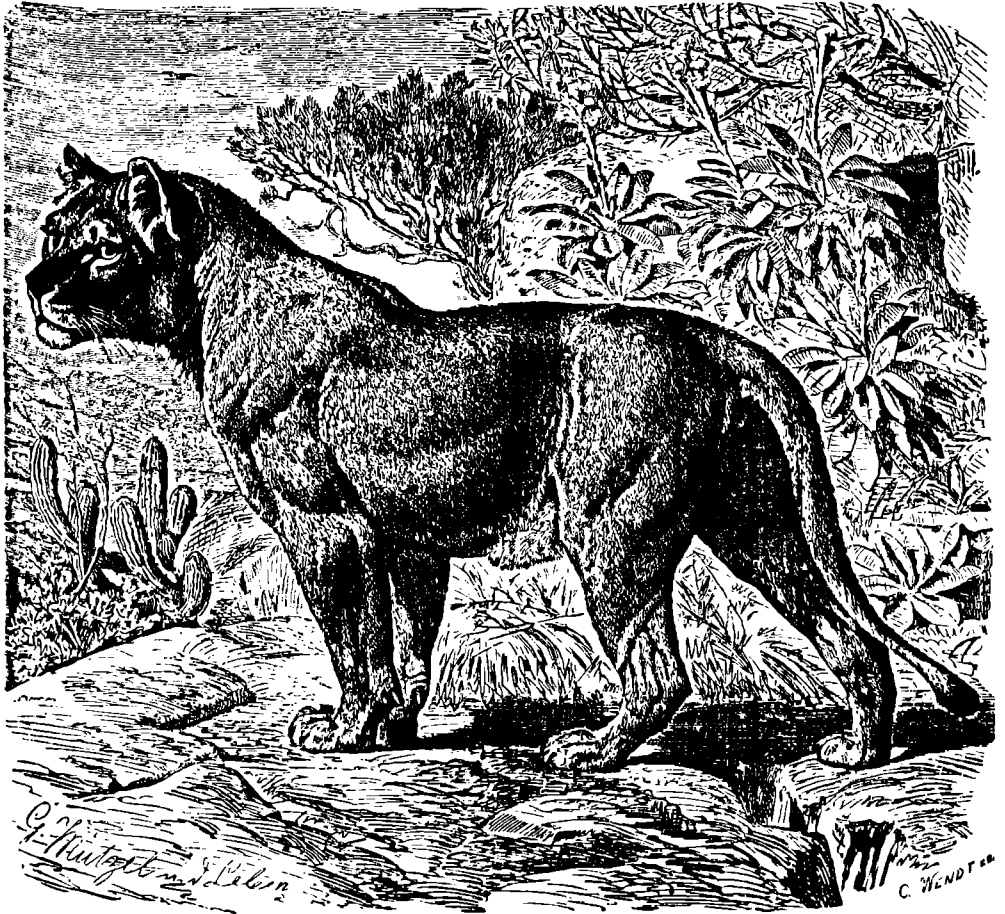
По указаніямъ Сми (*Smee*) полагали, что извѣстный уже древнимъ Гудшератскій левъ, не вѣрно называемый также безгривымъ, а у населенія Гудшерата извѣстный подъ именемъ Унгія-Баха или верблюжьяго тигра, Шера и Синха, меньше своихъ родичей и лишень гривы; какъ то, такъ и другое однако-же не подтвердилось. Весь онъ, кромѣ темнаго пучка на хвостѣ, также скрывающаго маленькій роговой коготь, и ушей, отличающихся у наружнаго основанія болѣе или менѣе чернымъ отѣнкомъ, окрашенъ блѣднымъ красно-желтымъ или желто-бурнымъ цвѣтомъ. Волоса гривы у вполне взрослага самца не рѣдко имѣютъ темные концы. По Блэнфорду общая длина самца простиралась до 269 см., самки до 243 см. безъ пучка на хвостѣ. Самецъ въ 268 см. длиною имѣлъ на загривкѣ значительную высоту, — именно 106 см. Несомнѣнно встрѣтятся и болѣшія и меньшія особи обоихъ половъ. Уже Райсъ (*Rice*) указалъ на то, что предполагаемое отсутствіе гривы нельзя считать отличительнымъ признакомъ, такъ какъ самъ онъ въ Гудшератѣ убивалъ густогривыхъ львовъ. Онъ готовъ признать, что грива у нихъ менѣе густа и полна, чѣмъ у нѣкоторыхъ африканскихъ львовъ, отъ которыхъ онъ впрочемъ не склоненъ отличать индійскихъ; по его измѣреніямъ длина волосъ доходитъ до 45 см., въ то время какъ Блэнфордъ принимаетъ ее въ 25 — 30 см. Блайтъ и Жердонъ.

также считаютъ отсутствіе гривы случайностью. Трудно рѣшить, встрѣчаются ли львы съ плохой гривой или даже безъ нея, подобные хранящемуся въ Лондонскомъ музеѣ чучелу самца (впрочемъ не вполне взрослому), повсемѣстно на ряду съ полногривыми, или же, напротивъ, они преобладаютъ въ нѣкоторыхъ странахъ. Можно допустить, что это украшеніе достигается у индѣйскаго льва такого же разнообразнаго развитія, какъ и у африканскаго. По словамъ Кинга, въ центральной Индіи, въ бассейнѣ рѣки Джуммы, постоянно встрѣчаются полногривые львы.

Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ левъ былъ распространенъ отъ бассейна рѣки Инда черезъ центральную Индію до бассейна р. Ганга, и еще въ шестидесятихъ годахъ два льва были убиты западнѣ Алахабада. Сми встрѣчалъ ихъ въ Гудшератѣ, особенно въ чащахъ лѣса по берегамъ рѣкъ, такъ часто, что въ теченіе мѣсяца было убито 11 штукъ. Теперь онъ почти совсѣмъ истребленъ и встрѣчается изрѣдка развѣ въ отдаленнѣйшихъ пустыряхъ, въ недоступнѣйшихъ мѣстностяхъ Раджпутаны. Если его не отдѣлять отъ другихъ львовъ, то и на западъ нельзя опредѣлить границу его распространенія; онъ попадаетъ въ прибрежныхъ областяхъ Белуджистана, особенно же въ южной Персіи и въ Месопотаміи.

Для нашей цѣли совершенно излишне рѣшать вопросъ, какого взгляда придерживаться при обсужденіи или рѣшеніи вопроса о томъ, составляютъ-ли упомянутые львы всѣ вмѣстѣ разновидности одного и того же вида или Варварійскіе, Сенегальскіе и Гудшератскіе львы должны быть признаваемы отдѣльными видами. Даже въ болѣе узкой средѣ одного и того же вида свойства гривы представляютъ значительныя различія, и, можетъ быть, основательно мнѣніе, что сильное или скудное произрастаніе волосъ на гривѣ должно быть отнесено къ климатическимъ причинамъ. Впрочемъ и это мнѣніе не безспорно. Наружность южно-африканскихъ львовъ представляетъ такія отступленія относительно густоты и цвѣта гривы у самцовъ, окраски мѣха, пятенъ на ногахъ, величины и фигуры у обоихъ половъ, что и опытные охотники различаютъ 2 и 3, а нѣкоторые даже 4 и 5 видовъ или породъ. Селусъ, напротивъ, принимаетъ ихъ за одинъ видъ. «Изъ 50 шкуръ льва самца», говоритъ онъ, «едва-ли найдутся двѣ, которыя были бы вполне сходны одна съ другой по окраскѣ и по развитію гривы. Не подлежитъ сомнѣнію, что можно найти всѣ промежуточные формы между едва намѣченной гривой и болѣе красивою, но и рѣже встрѣчающеюся, длинною темною волнистою гривой. И это не все. Я застрѣлилъ двухъ прекрасныхъ старыхъ львовъ, которые вмѣстѣ скрывались въ одномъ и томъ-же кустарникѣ. Одинъ изъ нихъ былъ очень темнаго цвѣта съ хорошо развитою гривой, другой звѣрь очень свѣтлаго цвѣта почти безъ намековъ на нее». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было убито два льва съ подобными же отличіями, которые опять-таки жили вмѣстѣ; вскорѣ послѣ этого убили львицу съ тремя, совершенно выношенными дѣтенышами (2 мужскаго и 1 женскаго пола); изъ нихъ одинъ изъ самцовъ былъ съ почти черною шерстью, другой-красно-желтой. «Я убѣжденъ», продолжаетъ Селусъ, «что юные самцы, выросши, обратились бы во львовъ, одинъ съ темнымъ мѣхомъ и черной гривой, другой со свѣтлою шерстью и со скудной гривой; кромѣ того я думаю, что оба только-что упомянутыя пары львовъ самцовъ происходятъ отъ одного помета и съ-молоду вмѣстѣ охотились. Бушмены подтвердили мое предположеніе относительно одной изъ этихъ паръ: «Да, это правда, мы ихъ хорошо знаемъ; они дѣти одной матери». «Такія отступленія нашъ наблюдатель встрѣчалъ какъ въ высокиихъ, такъ и въ низменныхъ странахъ, какъ въ открытыхъ травянистыхъ степяхъ, такъ и въ заросляхъ кустарника и въ густо поросшихъ лѣсахъ. «Я никогда не видалъ мѣха дикаго льва съ такой хорошо развитой гривой, съ какой они по большей части встрѣ-

чаются въ зоологическихъ садахъ. Всѣ дикіе львы съ вполне развитой гривой имѣютъ два маленькихъ пучка волосъ, одинъ на локтѣ, другой въ плечевомъ углубленіи; но я никогда не видалъ ни одного со сколько-нибудь длинными волосами на животѣ, между передними ногами и боками, какъ это можно видѣть у всѣхъ львовъ въ звѣринцахъ. У дикаго льва шерсть свѣтло-желтая п серебристо-сѣрая, очень коротка и гладка, тогда какъ у содержимаго въ неволѣ она гораздо длиннѣе и обыкновенно имѣетъ рыжеватый оттѣнокъ. Я могъ бы отличить мѣхъ

Сенегальская львица (*Felis leo senegalensis*). $\frac{1}{14}$ наст. вел.

льва изъ звѣринца среди сотни шкуръ дикихъ львовъ». Мнѣніе такого охотника и наблюдателя, какъ Селусъ, относящееся лишь къ южно-африканскихъ львамъ, конечно, достойно вниманія. Для насъ вопросъ о разныхъ видахъ львовъ не имѣетъ значенія, потому что образъ жизни всѣхъ ихъ въ существенномъ одинаковъ.

Тысячелѣтія прошли съ тѣхъ временъ, когда можно было собрать для борьбы на аренѣ 600 львовъ. Съ тѣхъ поръ царь звѣрей постоянно все далѣе и далѣе отступалъ отъ властелина земли. Геродотъ рассказываетъ намъ, что во время одного изъ походовъ Ксеркса въ Македонію ночью, на нагруженныхъ поклажей верблюдовъ, напали львы, ко всеобщему удивленію воиновъ, такъ какъ до этого времени

никто не подозрѣвалъ присутствія въ этой странѣ этихъ хищниковъ. Аристотель считаетъ рѣки Россъ и Ахелой границей мѣстопробыванія львовъ въ Европѣ и утверждаетъ, что въ Европѣ львы нигдѣ, кромѣ этой мѣстности (Греція), не встрѣчаются. Нельзя опредѣлить, когда именно были они истреблены въ нашей части Свѣта; но вѣроятно съ тѣхъ поръ прошло болѣе тысячелѣтій. О томъ, что въ старину въ Сиріи и Палестинѣ жили львы, мы знаемъ изъ Библии, но о времени ихъ истребленія въ Святой Землѣ у насъ нѣтъ извѣстій. Во всякомъ случаѣ было время, когда львы были повсемѣстно распространены, отъ мыса Доброй Надежды черезъ всю Африку и южную Азію до Индіи.

Какъ здѣсь, такъ и тамъ, повсемѣстно, опасному врагу стадъ приходится терпѣвать одно и то же: вездѣ человѣкъ выступаетъ съ нимъ въ бой со всею своею силою и будетъ и впредь такъ же настойчиво отгнѣнять его, пока наконецъ не истребитъ. Варварійскій левъ жилъ раньше во всей сѣверо-восточной Африкѣ и почти такъ же часто встрѣчался въ Египтѣ, какъ и въ Тунисѣ или Фецѣ и Марокко; но увеличеніе числа жителей и развитіе культуры вытѣснили его все дальше и дальше, такъ что теперь онъ уже не встрѣчается ни въ долину нижняго Нила, ни на всемъ южномъ берегу Средиземнаго моря. Но и въ настоящее время не рѣдко встрѣтитъ льва въ Алжирѣ и Марокко, въ Тунисѣ же и въ Фецанѣ онъ и теперь по меньшей мѣрѣ можетъ считаться довольно обыкновеннымъ животнымъ. Въ Алжирѣ число ихъ теперь значительно уменьшилось: ихъ вытѣснили частыя войны французовъ съ арабами, а французскіе охотники на львовъ, напр. Жюль-Жераръ, истребили многихъ изъ нихъ. Для Сенегальскаго льва обстоятельства неблагоприятны: средне-африканскій туземецъ, вооруженный по большей части копьемъ, рѣже—отравленными стрѣлами и только въ видѣ исключенія огнестрѣльнымъ оружіемъ, не въ состояніи нанести много вреда злѣйшему врагу его стадъ. И все же даже темнокожій человѣкъ все болѣе и болѣе отгнѣняетъ льва. Еще 50 лѣтъ тому назадъ Гемприхъ и Эренбергъ слышали рычаніе льва въ лѣсахъ южной Нубіи, но далеко отъ мѣстности Хандакъ; въ настоящее время тамъ уже вовсе нѣтъ львовъ. Въ бассейнѣ нижняго Нила они совершенно истреблены уже за нѣсколько вѣковъ; въ степяхъ Такаса, Сенаара и Кордофана изъ года въ годъ они встрѣчаются все рѣже. То же можно сказать о восточныхъ и западныхъ берегахъ, какъ и о югѣ этой части Свѣта, въ особенности же о всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поселился европеецъ. Противостоятъ огнестрѣльному оружію не въ состояніи даже этотъ хищникъ. Но все же несчетное множество львовъ находитъ пріютъ въ обширныхъ африканскихъ степяхъ и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока въ тѣхъ обширныхъ странахъ, на ряду съ домашними, будутъ встрѣчаться стада дикихъ животныхъ, на ряду съ сотнями тысячъ рогатаго скота будутъ бродить миллионы дикихъ антилопъ. Падо полагаютъ, что подъ вліяніемъ измѣняющихся условій измѣняется многообразно характеръ и нравы льва, въ особенности тамъ, гдѣ его настойчивѣе преслѣдуютъ. Преимущественно этими обстоятельствами можно объяснить иногда совершенно противурѣчивыя показанія относительно его образа жизни.

Левъ живетъ одиноко и только во время течки держится около самки. За исключеніемъ этого времени, каждый левъ сѣверной Африки живетъ въ своей собственной области, не вступая изъ-за пищи въ борьбу съ другими ему подобными. Въ южной Африкѣ часто случается, что нѣсколько львовъ соединяются для большихъ охотничьихъ предпріятій. По Ливингстону, группы въ 6—8 штукъ бродятъ вмѣстѣ для охоты. При исключительныхъ обстоятельствахъ львы соединяются иногда еще въ болѣе многочисленныя группы. «При наступленіи сухого времени года», пишетъ мнѣ Эдуардъ Моръ, «слѣдовательно съ мая до сентября, многочисленныя

стада антилопъ и кваговъ покидаютъ высохшія пустыни степей Калахара и Трансваальскихъ плоскогорій и стремятся къ далекимъ лугамъ, простирающимся во-кругъ залива Луція; стада эти по дорогѣ все увеличиваются и на мѣстѣ превращаются въ несмѣтныя толпы (1870). За такими дикими стадами слѣдуютъ иногда цѣлыя табуны львовъ». Да такъ оно и должно быть; чѣмъ же ему питаться, когда дичь на время перекочевываетъ изъ страны. Но мы не должны представлять себѣ, что хищные звѣри всегда держатся тѣсно сплоченными массами. Селусъ, рассказы котораго касаются новѣйшаго времени, также говоритъ, что «внутри южной Африки чаще можно встрѣтить 4 или 5 львовъ, держащихся вмѣстѣ, чѣмъ одиночекъ; группы въ 10 и 12—явленіе необычайно. Группа въ 12 вѣроятно состояла бы изъ 2-хъ старыхъ самцовъ, 3—4 старыхъ самокъ и изъ полудюжины почти выросшихъ молодыхъ львятъ.

Левъ не населяетъ сплошныхъ первобытныхъ лѣсовъ, а предпочитаетъ открытыя мѣстности: травянистые луга съ перелѣсками изъ кустарниковъ, скудныя степи съ колючими кустами и пустынные мѣстности, какъ среди горъ, такъ и на равнинахъ. Онъ охотно выбираетъ для своего логовища плоское углубленіе въ какомъ-нибудь защищенномъ мѣстѣ въ Суданѣ, а въ южной Африкѣ прячется въ кустарникахъ; онъ любитъ также высокіе камыши, опоясывающіе русла временно текущихъ рѣкъ, а за неимѣніемъ камышей довольствуется густыми зарослями терновника; здѣсь онъ отдыхаетъ одинъ или нѣсколько дней, смотря по тому, богата-ли мѣстность или нѣтъ, спокойна или опасна. Во время странствованій, онъ остается лежать тамъ, гдѣ застанетъ его утро.

Въ общемъ привычки льва сходны съ привычками другихъ кошечъ; но во многомъ онъ значительно отличается отъ нихъ. Онъ лѣнивѣе другихъ видовъ этого семейства и въ особенности не любитъ большихъ переходовъ; напротивъ, старается устроиться какъ можно удобнѣе. По извѣстіямъ Селуса, южно-африканскій левъ предпочитаетъ насыщаться дичью, убитою охотникомъ, чѣмъ самому умерщвлять ее. Въ восточномъ Суданѣ онъ, напримѣръ, постоянно слѣдуетъ за кочевниками, куда бы они ни направлялись. Онъ перебирается за ними въ степи и возвращается съ ними обратно въ лѣсъ: онъ взираетъ на нихъ, какъ на поданныхъ, обложенныхъ податью, и въ самомъ дѣлѣ взымаетъ съ нихъ самую тяжелую дань. Жизнь онъ ведетъ ночную. Днемъ его рѣдко встрѣтишь, только случайно въ лѣсу, да и то развѣ тогда, когда его систематически преслѣдуютъ и собаками выгоняютъ изъ логовища. Какъ я узналъ однако во время моего послѣдняго путешествія въ Абиссинію, все же случается видѣть его днемъ, крадущимся въ чащѣ лѣса или же сидящимъ тихо и спокойно на возвышенномъ мѣстѣ, откуда онъ, можетъ быть, старается выслѣдить животныхъ въ своемъ охотничьемъ районѣ. Это выслѣживаніе, замѣченное уже Левальяномъ, и которое было подтверждено позднѣйшими путешественниками, считали невѣроятнымъ, но и мы сами убѣдились въ этомъ; о пантерѣ извѣстно то же самое.

Къ деревнѣ онъ приближается не ранѣе третьяго часа ночи. «Троекратнымъ рычаніемъ», такъ говорятъ арабы, «возвѣщаетъ онъ о своемъ выступленіи и предостерегаетъ этимъ всѣхъ животныхъ не попадаться ему на пути». Къ сожалѣнію это доброе о немъ мнѣніе держится на шаткихъ основаніяхъ, потому что столько же разъ, сколько я слышалъ ревъ льва, мнѣ приходилось наблюдать, что ночью онъ безмолвно подкрадывался къ деревнѣ и уносилъ какое-нибудь домашнее животное. Другіе наблюдатели также рассказываютъ, что левъ очень часто тихо подкрадывается «какъ ночной воръ».

А все же арабы не говорятъ неправды; они только ложно толкуютъ сущность

дѣла. Мнѣ самому пришлось убѣдиться въ томъ, что ревъ льва не есть предостереженіе для подвергающихся опасности его нападенія животныхъ; напротивъ, я принужденъ былъ склониться къ мнѣнію, что рычаніе имѣеть цѣлью встревожить всю область охоты, побудить животныхъ къ бѣгству и этимъ доставить добычу тому или другому льву, если и не самому ревущему, то можетъ быть охотящемуся совместно и подстерегающему дичь товарищу. Въ южной Африкѣ послѣ рева отъ львовъ не ждутъ нападенія, такъ какъ они имѣють привычку возвышать свой могучій голосъ лишь тогда, когда они насытились или же ихъ спугнули. Охотящіеся львы тамъ или совсѣмъ тихи или только временами издають сердитое «ворчаніе», которое, даже если оно исходитъ изъ непосредственнаго сосѣдства, все же кажется далекимъ. Должно-ли это ворчаніе тревожить дичь, или имѣеть другое значеніе, остается не рѣшеннымъ. Въ южной Бенгуелѣ фонъ-Данкельманъ слыхалъ ревъ львовъ лишь послѣ неудачнаго нападенія на рабочихъ воловъ.

Я имѣю полное основаніе думать, что на сѣверѣ левъ преднамѣренно реветъ въ виду загона, чтобы побудить находящійся тамъ скоть безсознательно ринуться за ограду.

Съ заходомъ солнца кочевникъ загоняетъ свои стада въ безопасную «серибу», такъ называется ограда изъ густо-переплетенныхъ колючихъ вѣтвей мимозы, до 3-хъ метр. высоты и около 1 метр. толщины, самый надежный оплотъ, который онъ въ состояніи устроить. Овцы блеяніемъ сзываютъ ягнятъ, коровы уже выдоенныя улеглись. Стая сторожевыхъ собакъ бодрствуетъ. Становится все тише и спокойнѣе; шумъ умолкаетъ; надъ станомъ спускается ночной покой. Жены и дѣти владѣльца стада улеглись спать въ одной изъ палатокъ. Мужья исполнили послѣднія обязанности и также направляются къ ночлегу. На сосѣднихъ деревьяхъ африканскіе козодои затыгиваютъ свою ночную пѣсню или летаютъ, распустивъ въ воздухъ свой пышный хвостъ; они часто и охотно приближаются къ серибѣ и шмыгаютъ, какъ духи, вокругъ спящаго стада. Больше ничто не нарушаетъ тишины и покоя. Даже чуткія собаки, успокоенныя всеобщей тишиною, замолкли.

Вдругъ точно земля начинаетъ дрожать: это въ ближайшемъ сосѣдствѣ заревѣлъ левъ! Теперь онъ оправдываетъ свое арабское названіе «Эсседъ», т. е. «возбуждающій тревогу», такъ какъ дѣйствительно сильнѣйшее смятеніе и величайшая тревога обнаруживаются въ серибѣ. Овцы какъ безумныя бросаются къ терновой плетню, козы громко блеютъ, коровы со стопами ужаса собираются въ беспорядочную кучу, верблюдъ старается разорвать свою привязь, чтобы убѣжать, а храбрыя собаки побѣждавшія леопардовъ и гиенъ, громко и жалобно завываютъ и съ визгомъ ищутъ защиты у своихъ хозяевъ. Мощнымъ скачкомъ перепрыгиваетъ могучій хищникъ терновую стѣну, чтобъ избрать себѣ жертву. Отъ одного удара его страшныхъ лапъ падаютъ молодой быкъ; сильныя зубы ломають шейные позвонки не могущаго сопротивляться животнаго. Глухо рыча, лежитъ хищникъ на своей добычѣ, живые глаза ярко сверкають торжествомъ побѣды и жадностью грабежа; хвостомъ хлопаетъ онъ воздухъ. Онъ освобождаетъ на мгновеніе издыхающее животное и снова схватываетъ его своими всеразламывающими зубами, пока оно окончательно не перестанетъ шевелиться. Тогда онъ приступаетъ къ отступленію. Ему надо возвращаться назадъ черезъ изгородь, а покидать свою жертву онъ не хочетъ. Чтобы съ добычей въ пасти совершить обратный прыжокъ, необходима вся полнота его страшной силы. Но это ему удастся: я видѣлъ серибу высотой въ ростъ человека, черезъ которую перепрыгнулъ левъ съ двухлѣтнимъ воломъ въ пасти; я замѣтилъ проломъ, произведенный тяжелой ношей на вершинѣ забора, а на другой сторонѣ я самъ видѣлъ углубленіе, оставленное въ пескѣ паденіемъ вола, прежде чѣмъ левъ по-

тащилъ его дальше! Надо впрочемъ замѣтить, что рогатый скотъ въ тѣхъ странахъ не такъ тяжелъ, какъ у насъ. Часто съ полной отчетливостью можно видѣть на пескѣ борозду отъ протащенного животнаго, до того мѣста, на которомъ оно было растерзано.

Понятно, что всѣ животныя, знающія этого хищника, приходятъ въ ужасъ, какъ только услышатъ его ревъ. Но не слѣдуетъ думать, что ревъ льва слышенъ въ пустынѣ во всякое время. Обыкновенные звуки, издаваемые имъ—протяжный звукъ, напоминающій мяуканье испанской кошки, и глухое ворчаніе или рычаніе, прислугѣ-же—короткое, подобное кашлю «хуфъ» или «вау». Настоящимъ образомъ левъ реветъ настолько рѣдко, что нѣкоторымъ путешественникамъ, бывавшимъ на его родинѣ, совсѣмъ не удавалось его слышать. Ревъ этотъ отличительная черта нашего звѣря. Можно сказать, что ревъ—это выраженіе его силы: рычаніе, единственное въ своемъ родѣ, и силой звука превосходить голоса всѣхъ другихъ существъ, за исключеніемъ развѣ, по словамъ Пехуэля-Леше, самца гиппопотама. Такъ же судить объ этомъ Селусъ: «нѣтъ ничего болѣе величественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе возбуждающаго страхъ, какъ ревъ нѣсколькихъ львовъ, охотящихся вмѣстѣ, конечно, если онъ раздается невдалекѣ. Совершенно несправедливо и неправильно уподобленіе голосовъ льва голосу страуса, какъ сдѣлалъ это Линингстонъ въ своемъ очень одностороннемъ описаніи перваго. Безъ сомнѣнія, шумъ, производимый страусомъ самцомъ во время кладки яицъ, на разстояніи приблизительно въ 50 метровъ, напоминаетъ ревъ льва, слышимый за 35 километровъ, но сила ихъ такъ же различна, какъ звуки гармоники и соборнаго органа». Ревъ льва не поддается описанію. Арабы мѣтко называютъ его «раадъ» т. е. громъ гремитъ. Кажется, что онъ исходитъ изъ глубины груди и точно хочетъ разорвать ее. Трудно опредѣлить, откуда онъ раздается, потому что левъ реветъ по направленію къ землѣ и звукъ разносится по ней дѣйствительно подобно грому. Самый ревъ состоитъ изъ чрезвычайно могучихъ звуковъ, среднихъ между О и У. Онъ обыкновенно начинается 3-мя или 4-мя протяжными звуками, почти похожими на стонъ, потомъ все быстрѣй и быстрѣй раздаются эти отдѣльные звуки; къ концу они опять повторяются медленнѣе и все болѣе ослабѣваютъ, такъ что послѣдніе собственно больше походятъ на рычаніе.

Невозможно описать впечатлѣнія, производимаго голосомъ царя среди его подданныхъ. Воющая гіена хоть на нѣсколько мгновеній умоляетъ; леопардъ перестаетъ рычать; обезьяны начинаютъ громко визжать и полныя страха взбираются на самыя верхушки деревьевъ; антилопы въ бѣшенномъ бѣгствѣ пробиваются сквозь чащу, среди блеющаго стада водворяется мертвая тишина; навьюченный верблюдъ дрожить, перестаетъ повиноваться оклику своего погонщика, сбрасываетъ ношу и сѣдока и ищетъ спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ; лошадь становится на дыбы, сопить, раздуваетъ ноздри и опрокидывается назадъ; не приученная къ охотѣ собака съ визгомъ ищетъ защиты у своего хозяина—словомъ вполне оправдывается картина Фрейлиграта.

Dem Panther starrt das Rosefell,
Erzitternd flüchtet die Gasell',
Es lauscht Kamel und Krocodil
Des Königs Zürndem Gebrüll. *)

*) «Дыбомъ поднимается шерсть на итннстомъ мѣхѣ пантеры, Дрожа бѣжитъ газель, Верблюдъ и крокодилъ прислушиваются Къ грозному реву царя».

И даже человекъ, у котораго впервые среди ночи въ первобытномъ лѣсу въ ухахъ раздается этотъ голосъ, даже онъ спросить себя, достаточно-ли у него геройства, чтобы выступить противъ животнаго, издающаго этотъ страшный ревъ? То-же чувство страха, которое вызывается ревомъ льва, овладѣваетъ всѣми звѣрями, когда они замѣчаютъ его присутствіе своими другими внѣшними чувствами, даже когда чуютъ его запахъ, не видя его; всѣ они знаютъ, что близость льва равносильна ихъ смерти.

Сѣверо-африканскій левъ, гдѣ это возможно, поселяется по близости деревни и на нее исключительно направляетъ свои набѣги. Онъ пренепріятный собесѣдъ и прогнать его не такъ-то легко, тѣмъ болѣе, что при своихъ нападеніяхъ онъ обнаруживаетъ значительную степень хитрости. «Когда левъ по старости уже не можетъ охотиться за дичью», рассказываетъ Ливингстонъ, «то онъ вторгается въ деревню за козами и, если по дорогѣ ему попадается женщина или дитя, онъ также стаповатся его добычей. Львы, которые нападаютъ на людей, всегда стары, и если одинъ изъ этихъ опасныхъ хищниковъ разъ уже пробрался въ деревню и утащилъ козу, то туземцы говорятъ: «зубы его притупились; вскорѣ онъ умертвить и человека». Я также думаю, что въ деревни заходятъ только старые опытные львы, но по моему мнѣнію зубы ихъ и тогда часто совсѣмъ исправны. Довольно часто человекъ дѣлается единственною добычею льва, а если послѣдній хоть разъ побѣдилъ въ себѣ присущій ему страхъ передъ людскимъ поселеніемъ и по опыту знаетъ какъ легко именно здѣсь найти добычу, то онъ становится все болѣе дерзкимъ и смѣлымъ; тогда онъ поселяется какъ можно ближе къ деревнѣ и отсюда производитъ свою охоту до тѣхъ поръ, пока человекъ это терпитъ. По достовѣрнымъ сообщеніямъ, нѣкоторые львы становятся такъ смѣлы, что показываются днемъ; неоднократно, какъ утверждаютъ нѣкоторые, случилось, что ихъ не сдерживали и сторожевые огни. Противъ этого показанія говоритъ твердая увѣренность всѣхъ жителей сѣверо-восточной Африки, съ которыми у меня были сношенія, въ томъ, что огонь составляетъ самое вѣрное предохранительное средство противъ нападеній льва. Они утверждаютъ, что употребленіе огня достаточно, чтобы отогнать льва, и не знаютъ случая, когда бы хищникъ напалъ на лагерь, защищаемый заботливо поддерживаемыми сторожевыми огнями. Совершенно другое рассказываютъ они о леопардахъ; южно-африканскій левъ, впрочемъ, какъ говорятъ, не всегда боится огня.

Совсѣмъ иначе, чѣмъ съ домашними, поступаетъ левъ при нападеніи на дикихъ звѣрей. Онъ знаетъ, что они чуютъ его на значительномъ разстояніи и что достаточно быстроноги, чтобы убѣжать отъ него. Поэтому онъ подстерегаетъ ихъ или чрезвычайно осторожно подкрадывается къ нимъ, въ сообществѣ съ другими львами, противъ вѣтра, и притомъ не только въ ночное время, но и при солнечномъ свѣтѣ. Но все же такія дневныя охоты составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Обыкновенно левъ поджидаетъ по крайней мѣрѣ сумерекъ, прежде чѣмъ принимается за охоту. Онъ слѣдуетъ за дикими стадами, такъ же какъ за домашними животными и, подобно другимъ кошкѣмъ, поджидаетъ ихъ вблизи наиболѣе посѣщаемыхъ перекрестковъ. Такъ, напримѣръ, отыскиваютъ они, съ намѣреніемъ встрѣтить добычу, степные водопой, къ которымъ животныя пустыни приходятъ утолять жажду.

Когда спадаетъ дневной жаръ и мало-по-малу наступить прохладная ночь, граціозная антилопа, кроткоокая жираффа, полосатый зебръ и могучій буйволъ спѣшатъ къ водопою, чтобы освѣжить засохшій языкъ. Осторожно приближаются они къ источнику или лужѣ, зная, что для нихъ всего опаснѣе мѣста, сулящія имъ

наибольшее освѣженіе. Безпрестанно нюхая воздухъ и прислушиваясь, зорко вглядываясь въ темную ночь, ведетъ передовая антилопа свое стадо. Ни одного шага не сдѣлаетъ она, не убѣдившись, что все тихо и спокойно. Большею частью антилопы достаточно хитры и потому идутъ къ водопою также противъ вѣтра, почему передовая антилопа часто во-время чувствуетъ врага. Она останавливается, прислушивается, взглядывается, внюхивается, еще одно мгновеніе—и вдругъ бросается назадъ, обращаясь въ поспѣшное бѣгство. Другія слѣдуютъ за ней; далеко закидываютъ онѣ свои тонкія копыта, высоко подскакиваютъ, подобно пружинамъ, ноги прелестныхъ животныхъ. Онѣ мчатся черезъ кусты и высокую траву и находятъ спасеніе. Такъ-же приближается и умный зебръ, такъ подходит и жираффа: но горе имъ, если они пренебрегутъ этой предосторожностью! Горе жираффа, если она подходит по вѣтру къ лужѣ, заросшей кустами; горе ей, если изъ-за страстнаго желанія освѣжить горячій, засохшій языкъ, она хоть на мгновеніе забудетъ объ осторожности! Тогда высоко-поэтическое описаніе Фрейлиграта почти обращается въ дѣйствительность: ●

«Plötzlich regt es sich im Rohre, mit Gebrüll auf ihren Nacken
Springt der Löwe. Welch' ein Reitpferd! Sah man reichere Schabracken
In den Marstallkammern einer königlichen Hofburg liegen,
Als das bunte Fell des Renners, den der Tiere Fürst bestiegen?»

«In die Muskeln des Genickes schlägt er gierig seine Zähne,
Um den Bug des Riesenpferdes weht des Reiters gelbe Mähne.
Mit dem dumpfen Schrei des Schmerzes springt es auf und flieht gepeinigt;
Sieh', wie Schnelle des Kameles es mit Pardelhaut vereinigt!

«Sieh', die mondbestrahlte Fläche schlägt es mit den leichten Füßen!
Starr aus ihrer Höhlung treten seine Augen; rieselnd fließen
An dem braun gefleckten Halse nieder schwarzen Blutes Tropfen,
Und das Herz des flücht'gen Tieres hört die stille Wüste klopfen.

«Ihrem Zuge folgt der Geier; krächzend schwirrt er durch die Lüfte;
Ihrer Spur folgt gin Hyäne, die Entweiherin der Gräfte;

*) «Вдругъ зашевелился тростникъ; съ ревомъ на ея загривокъ
Бросается левъ; что за кони! Виданы ли болѣе богатые чепраки
Въ конюшенныхъ палатахъ царскихъ дворцовъ,
Чѣмъ пестрая шерсть скакуна, на которомъ засѣлъ царъ звѣрей.

Въ мускулы затылка онъ жадно вонзаетъ свои зубы.
Надъ спиной гигантской лошади вѣетъ желтая грива всадника.
Съ глухимъ крикомъ отъ боли вскакиваетъ она, терзаемая, мчится—
Смотри, какъ соединилась въ ней быстрота верблюда со шкурой леопарда!

Смотри, какъ бьетъ она легкими ногами освѣщенную луной равнину!
Неподвижные выступаютъ глаза ея изъ орбитъ, струясь стекаютъ
По пятнистой шеѣ черныя капли крови,
И тихая пустыня слышитъ бѣненіе сердца мчащагося животнаго.

Его сопровождаетъ гриффъ; каркая, прорѣзываетъ онъ воздухъ;
За нимъ слѣдуетъ гиена, оквернительница могилъ;
жизнь животн. врѣм. т. 1.

Folgt der Panther, der des Kaplands Hürden räuberisch verheerte;
Blut und Schweiss bezeichnen ihres Königs grausenvolle Fährte.

«Zagend auf lebend'gem Throne sehn sie dem Gebieter sitzen
Und mit scharfer Klaue seines Sitzes bunte Polster ritzen.
Rastlos, bis die Kraft ihr schwindet, muss ihn die Giraffe tragen;
Gegen einen solchen Reiter hilft kein Bäumen und kein Schlägen».

Могутъ сказать, что это описаніе почти вполнѣ совпадаетъ съ дѣйствительностью. Натуралистъ долженъ вычеркнуть грифа, потому что ночью онъ не спѣдуетъ за львомъ, а является лишь днемъ, чтобы воспользоваться остатками царскаго престола. Въ остальномъ поэтъ едва-ли многое существенно преувеличилъ. Ливингстонъ утверждаетъ, правда, что льву невозможно вспрыгнуть на спину жираффы или сломать буйвола, но я не понимаю, почему бы могучему хищнику не попытаться своей силы и ловкости на жираффы? Часто-ли удастся ему осѣлать такую верховую лошадь—это безъ сомнѣнія остается вопросомъ.

По Ливингстону, онъ обыкновенно хватается свою добычу за шею, иногда въ пахи, съ которыхъ охотнѣ всего начинаетъ жрать. «Иногда встрѣчаются остатки антилопы, которую онъ вполнѣ выпотрошилъ». Селусъ подтверждаетъ, что левъ всегда прежде всего разрываетъ заднія части туловища своей жертвы и начинаетъ поѣдать ее съ внутренностей и благородныхъ органовъ; онъ наблюдалъ также, что иногда онъ свертываетъ эти части въ кучу въ сторону, и покрываетъ ее землею, безъ сомнѣнія для того, чтобъ сохранить ее до слѣдующей ночи и скрыть отъ грифовъ, которые навѣрное явятся днемъ.

О способѣ его охоты онъ говоритъ: «По моимъ свѣдѣніямъ левъ самымъ разнообразнымъ способомъ нападаетъ на звѣрей. Я видѣлъ лошадь, молодого слона и двухъ антилопъ, которые всѣ были умерщвлены укусомъ въ горло; я же видѣлъ лошадь и нѣсколькихъ зебръ, умерщвленныхъ укушеніями въ затылокъ. Буйволовъ, какъ мнѣ кажется, онъ одолеваетъ посредствомъ перелома шейныхъ позвонковъ; достигаетъ онъ этого вспрыгнувъ на плечи жертвы, при чемъ лапой хватается ее за морду и, притягивая ее къ себѣ, производитъ крутой поворотъ затылка. Я видѣлъ и убивалъ много буйволовъ, которые во-время успѣли освободиться ото льва, но у которыхъ затылокъ и плечи были ужасно покусаны. Блэнфордъ не рѣшаетъ вопроса о томъ, умерщвляетъ-ли такимъ способомъ индійскій левъ болѣе крупныхъ звѣрей; онъ видѣлъ, какъ львица схватила верблюда за горло и въ продолженіи многихъ минутъ держала такимъ образомъ, не пытаясь скрутить ему затылокъ.

Левъ предпочитаетъ большихъ животныхъ малымъ, но не пренебрегаетъ и послѣдними, если онъ можетъ ихъ схватить; утверждаютъ, что по временамъ онъ довольствуется даже саранчѳю. По Ливингстону, онъ становясь слабымъ и старымъ, начинаетъ охотиться за мышами и другими маленькими грызунами. Можно съестъ

Мчатся за ней и пантера, разбойнически опустошавшая капскія стада,
Кровь и потъ обозначаютъ слѣдъ страшнаго пути ихъ царя.

Съ трепетомъ видятъ они повелителя, сидящаго на живомъ престолѣ
И острыми когтями рвущаго пеструю обивку своего трона;
Безъ отдыха, пока есть силы, должна нести его на себѣ жираффа.

Не сбросить ему такого всадника, какъ бы ни становился онъ на дыбы, какъ бы ни
опрокидывался онъ!

это рѣдкимъ исключеніемъ; строеніе его тѣла вовсе не приспособлено для добыванія такой мелкой дичи. Охотится онъ преимущественно за крупной добычей, какъ это видно ужъ изъ того, что онъ всего чаще появляется тамъ, гдѣ много дикихъ травоядныхъ и крупнаго рогатаго скота. Главной пищей ему служатъ всѣ домашнія млекопитающія животныя, зебры, всѣ антилопы, какъ равно и дикіе кабаны. «Въ южной Африкѣ», замѣчаетъ Моръ, «левъ попадаетъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ водится крупная дичь, т. е. гдѣ встрѣчаются буйволы, кваги и крупные виды антилопъ. Слоновъ и носороговъ онъ никогда не трогаетъ; на кафрскаго же буйвола нападаетъ не безъ успѣха, по крайней мѣрѣ, не безъ значительныхъ поврежденій мощнаго, способнаго сопротивляться травояднаго. Я убѣдился въ этомъ по старому быку, котораго я убилъ 15 іюля 1870 г. Не задолго до этого левъ сдѣлалъ нападеніе на этого степного великана и страшно изувѣчилъ его. Оба уха его были буквально изодраны въ клочки, а на шеѣ и на затылкѣ находились страшныя раны, произведенныя когтями хищника; одинъ изъ огромныхъ роговъ былъ сломанъ и изъ него сочилась кровь. И все-же старый боецъ отбился ото льва». Послѣдній обыкновенно питается имъ же убитою дичью, еще охотнѣе тою, которая достается ему послѣ охотника; при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ онъ не брезгаетъ и падалью. Такъ, Селусъ говоритъ: «Южно-африканскій левъ часто оказывается очень грязнымъ обжорой. Если были убиты слоны, то львы часто насыщаются зловоннымъ, разлагающимся подъ тропическимъ солнцемъ и кишущимъ червями мясомъ великановъ; еженощно возвращаются они на пиршество до тѣхъ поръ, пока не останется ни кусочка мяса». Конечно имъ помогаютъ въ этомъ многіе паразиты, не пропускающіе удобнаго случая, чтобы раздѣлить трапезу царя звѣрей. Лѣнивая и трусливая гіена и разныя породы шакаловъ считаютъ для себя большимъ удобствомъ, чтобы другіе приготовляли для нихъ добычу, и потому приходятъ и жадно наѣдаются до отвала, какъ только левъ кончаетъ свой пиръ. Онъ, впрочемъ, не всегда терпитъ ихъ за своимъ столомъ; положительно извѣстно, что иногда изъ-за этого происходятъ серьезныя драки».

На человѣка левъ нападаетъ очень рѣдко. Кажется, что высокій станъ человѣка внушаетъ ему почтеніе. Въ Суданѣ по крайней мѣрѣ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ часто встрѣчаются львы, почти неизвѣстны случаи, когда бы они съѣли человѣка. Тамъ люди чаще становятся жертвою крокодиловъ и даже гіенъ, чѣмъ львовъ. Въ южной Африкѣ, напротивъ, извѣстно довольно много случаевъ, когда львы, несмотря на сторожевыя костры, пробрались за ограду загоновъ для похищенія домашнихъ животныхъ, унося даже людей, сидящихъ около огня. Вѣроятно къ этому побуждаетъ ихъ крайній голодъ, какъ ту страшную львицу съ совершенно пустымъ желудкомъ, о которой рассказываетъ Селусъ: несмотря на огонь, на сторожей и на выстрѣлы, она трижды въ продолженіи ночи напала на лагерь, въ первый разъ схватила лошадь, а потомъ двухъ туземцевъ непосредственно вождѣ огня, но всякій разъ была прогоняема и въ концѣ концовъ убита. «Голодный левъ—чортъ», говорятъ въ южной Африкѣ. При такихъ обстоятельствахъ, силенъ ли онъ, или старъ и слабъ, онъ днемъ или ночью нападаетъ на людей, а когда изъ опыта убѣдится, что къ человѣку легко подкрасться и побороть его, тогда онъ чаще начинаетъ стремиться къ такой удобной добычѣ. Впрочемъ настоящіе людоеды тамъ вырабатываются рѣдко, такъ какъ большинство южно-африканскихъ туземцевъ не изъ тѣхъ людей, которые долго станутъ терпѣть нападенія льва. Если какому-нибудь льву взбредетъ мысль кормиться изъ ихъ стадъ, то воинственныя племена выслѣживаютъ его и убиваютъ или изгоняютъ изъ своей мѣстности. По словамъ Кера въ странѣ Чибинга (южнѣе Замбезе) ежегодно около 10 человѣкъ

становятся жертвою львовъ, особенно въ дождливое время года, когда люди работаютъ на плантаціяхъ и тутъ же засыпаютъ. Относительно поведения нашего хищнаго звѣря въ нѣмецкой восточной Африкѣ, можно воспользоваться еще слѣдующими сообщеніями Ноака изъ дневника Бема: «левъ встрѣчается во всей странѣ, начиная съ морского берега, гдѣ онъ появляется, напримѣръ, даже около плантацій іезуитской миссіи въ Багамайо. Иногда находятъ нѣсколько штукъ дичи, растерзанной львами, такъ какъ они имѣютъ обыкновеніе охотиться вдвоемъ или втроемъ. Въ общемъ, льва боятся меньше, чѣмъ леопарда; я самъ видѣлъ стараго самца, который, получивъ зарядъ крупной дроби въ лицо, не отважился сдѣлать нападеніе, а съ ревомъ обратился въ бѣгство. Въ декабрѣ, напротивъ, на насъ бѣшено напала львица, которая съ четырьмя дѣтенышами отдыхала въ густыхъ кустарникахъ, недалеко отъ растерзанной антилопы. Близъ Багамайо какъ близъ Гондо, во время нашего пребыванія тамъ, было разорвано львами нѣсколько человѣкъ».

Судя по собраннымъ мною въ Суданѣ свѣдѣніямъ, я имѣю право сомнѣваться въ томъ, что левъ передъ каждымъ нападеніемъ ложится на разстояніи 3 или 4 метровъ чтобы отжѣрить прыжокъ. Арабы увѣряютъ, что человѣкъ, которому встрѣтится отдыхающій левъ, если только у него хватитъ смѣлости пойти прямо на него, можетъ прогнать его, бросивъ камень. Напротивъ, тотъ, кто обратится въ бѣгство—безвозвратно погибаетъ. Почти всѣ достовѣрные наблюдатели подтверждаютъ, что львы дѣйствительно отступаютъ передъ человѣкомъ. Конечно, совсѣмъ иное дѣло, если льву приходилось уже бороться съ людьми, или если онъ очень голоденъ.

Никто проще и обстоятельнѣе не описалъ южно-африканскаго льва, какъ Селусъ: «Мнѣ всегда казалось, что слово «величественный» совсѣмъ не подходитъ къ дикому льву, потому что днемъ у него всегда неувѣренное и пугливое выраженіе, которое несовмѣстимо съ понятіемъ о величіи. Чтобы соответствовать этому названію, онъ долженъ былъ бы держать высоко голову. А онъ дѣлаетъ это рѣдко. Когда онъ идетъ, онъ опускаетъ голову низко, ниже линіи спины и только, если замѣчаетъ близость человѣка, онъ иногда подымаетъ ее, окидываетъ взглядомъ разрушителя своего покоя, потомъ обыкновенно снова опускаетъ ее и, ворча, убѣгаетъ. Ни одно животное не имѣетъ болѣе грознаго вида, чѣмъ левъ, поставленный въ безвыходное положеніе: тогда пасть его открыта, глаза сверкаютъ, голова глубоко опущена между плечами; онъ издаетъ непрерывающееся глухое рычаніе и хвостомъ клещетъ себѣ бока; но даже въ это время въ обликѣ его нѣтъ ничего величественнаго. Если левъ два или три раза подъ рядъ подбрасываетъ хвостъ вертикально вверхъ—то берегитесь, потому что это почти всегда служитъ признакомъ скорого нападенія. При встрѣчѣ днемъ львы почти всегда отступаютъ передъ человѣкомъ, даже въ томъ случаѣ, когда имъ помѣшаютъ насыщаться только-что убитымъ животнымъ, и когда они по всей вѣроятности голодны. Если же ихъ разсердятъ или ранятъ, то слѣдуетъ ждать нападенія. Судя по моимъ наблюденіямъ, пріобрѣтеннымъ опытомъ, львы все-таки болѣе другихъ южно-африканскихъ звѣрей склонны къ нападенію на человѣка. Такъ какъ ихъ умѣнье скрываться, ихъ быстрота и живость въ нападеніяхъ гораздо значительнѣе, чѣмъ у слоновъ, буйволовъ и носороговъ, то, по моему, они гораздо опаснѣе этихъ звѣрей. Безъ сомнѣнія, подобно людямъ и другимъ животнымъ, львы также имѣютъ различный нравъ и потому было бы ошибочно предполагать, что поступокъ одного льва будетъ повторенъ и слѣдующимъ; поэтому я настаиваю, что никто не имѣетъ права называть льватрусливымъ звѣремъ на томъ основаніи, что два или три экземпляра, которыхъ охотникъ застрѣлилъ, не обнаружили мужества въ борьбѣ. Если больше несчастныхъ случаевъ происходитъ отъ столкновенія съ буйволами, чѣмъ со львами, то это не

потому, что первые опаснѣ послѣднихъ, а объясняется тѣмъ, что ихъ гораздо больше, такъ что въ семидесятихъ годахъ на охотахъ одинъ левъ приходился на 50 буйволовъ».

«Если преслѣдовать льва съ собаками, то почти нѣтъ опасности, потому что все его вниманіе привлекаетъ окружающая его шумная стая собакъ, а не приближающійся злѣйшій врагъ, т. е. человѣкъ; иногда случается, впрочемъ, что онъ хватаетъ охотника среди собакъ. Верхомъ охотникъ часто можетъ спастись, благодаря быстротѣ своего коня; я не думаю, чтобы левъ могъ догнать порядочную лошадь; это удастся ему развѣ въ лѣсной чащѣ или въ глубокомъ сыпучемъ пескѣ. Для лѣшаго охотника безъ собакъ наименѣе опасно первое столкновеніе, зато опасность значительнѣе при выслѣживаніи уже раненаго льва, въ особенности въ высокой травѣ или въ лѣсной чащѣ, потому что трудно найти другого звѣря такой значительной величины, который бы умѣлъ такъ хорошо скрываться за самымъ незначительнымъ прикрытіемъ и съ быстротой молвіи бросаться на врага. При томъ я никогда не видѣлъ, чтобы левъ дѣлалъ прыжокъ; мнѣ всегда казалось, что онъ, подобно собакѣ, приближается тяжеловатымъ галопомъ, при чемъ удивительно быстро подвигается впередъ. Далѣе, я никогда не наблюдалъ, чтобы левъ уносилъ на себѣ свою добычу; по моимъ наблюденіямъ все они, безъ исключенія, имѣютъ привычку схватывать трупъ за затылокъ и тащить его по землѣ. Такъ поступаютъ они даже съ маленькими антилопами, и я не думаю, чтобы южно-африканскій левъ, какъ это рассказываютъ про сѣверо-африканскаго, въ состояніи былъ унести такое тяжелое животное, какъ волъ, не говоря уже о томъ, чтобы, держа его въ пасти, перепрыгнуть черезъ ограду». Это мнѣніе, подтверждаемое другими опытными охотниками, достойно вниманія тѣмъ болѣе, что южно-африканскій левъ больше сѣвернаго.

Седусъ сообщаетъ еще, что по его свѣдѣніямъ, мясо льва довольно вкусно, подобно телятинѣ, бѣловатаго цвѣта, и вовсе лишено какого-либо отталкивающаго запаха. Живучесть льва, по крайней мѣрѣ южно-африканскаго, самаго виднаго изъ всѣхъ, не велика; въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ даже большинству антилопъ. Онъ умираетъ гораздо скорѣе послѣднихъ, если въ сердце или легкія его проникаетъ небольшая свинцовая пуля изъ винтовки калибра въ 4,5 линіи, которую опытные охотники въ Индіи также считаютъ лучшимъ ружьемъ противъ тигровъ.

Внѣшній образъ льва, внушающій почтеніе, его могучая сила, отважная смѣлость издавна признавались и вызвали удивленіе. И если это удивленіе часто оказывалось преувеличеннымъ и приписывало льву качества, которыми онъ въ дѣйствительности не обладаетъ, то все же оно было не безъосновательно. Въ числѣ качествъ, приписываемыхъ льву самыми лучшими естествоиспытателями, занимаетъ видное мѣсто и достаточная доля благородства. Кто ближе познакомился со львомъ, какъ я, въ продолженіи многихъ лѣтъ ежедневно встрѣчался съ этимъ животнымъ въ неволѣ, тотъ испытаетъ то же, что и я. Онъ станетъ любить и уважать его, какъ только можетъ человѣкъ любить звѣря. Ниже я расскажу о моемъ любимомъ звѣрѣ, о пойманной львицѣ, которая доставила мнѣ не мало пріятныхъ и веселыхъ часовъ.

Время, когда левъ сблизается съ львицей очень различно въ разныхъ обитаемыхъ имъ мѣстностяхъ, потому что время рожденія дѣтенышей совпадаетъ съ весной. Во время течки за одной львицей часто слѣдуютъ 10 — 12 львовъ и между ними изъ-за любви происходитъ много битвъ и соръ. Но какъ только львица избрала себѣ супруга, остальные удаляются и пара живетъ въ полномъ согласіи. Хотя течка у льва не имѣютъ столь бурнаго характера, какъ у другихъ большихъ кошекъ, но случка и у львовъ повторяется много разъ: по наблюденіямъ Шепера пара львовъ

въ Дрезденскомъ зоологическомъ саду въ теченіе 8 дней случалась 360 разъ. Левъ самецъ во время случки сохраняетъ свою важность и спокойствіе, но не всегда свободенъ отъ ревности. Статный левъ, который въ настоящее время находится во Франкфуртскомъ зоологическомъ саду, когда у одной изъ львицъ течка и ее содержатъ въ одной съ нимъ клеткѣ, всегда преслѣдуетъ своего надсмотрщика—правда только его одного—ударами лапъ и бѣшеннымъ ревомъ. Львица сластолюбивѣе самца. Это она подходитъ къ суровому супругу съ ласками и нѣжностями и какъ будто приглашаетъ его; онъ спокойно лежитъ, насупротивъ, пристально устремивъ на нее глаза и подымается только тогда, когда она приближается къ нему. Не обходится безъ нѣкотораго рычанія и фырканья львицы; однакожь она не неистовствуетъ такъ бѣшено, какъ другія большія кошки,—точнѣе, не раздастъ подобно имъ ударовъ лапою. 15—16 недѣль или 100—108 дней послѣ случки львица рождаетъ 1—6, но чаще 2—3 дѣтенышей. Они появляются на свѣтъ съ открытыми глазами при рожденіи и величиной приблизительно съ полувзрослую кошку. Для родовъ мать отыскиваетъ себѣ мѣсто въ чашѣ, какъ можно ближе отъ водопоя, чтобъ не ходить далеко за добычей. Левъ, говорятъ, помогаетъ ей доставать пищу и въ случаѣ надобности защищаетъ ее и дѣтенышей съ самопожертвованіемъ. Львица обыкновенно выказываетъ относительно своихъ дѣтенышей большую нѣжность и трудно представить себѣ болѣе привлекательное зрѣлище, чѣмъ львицу со своими дѣтенышами. Маленькіе, прелестные звѣрки играютъ другъ съ другомъ, какъ шаловливые котята, а мать строго, хотя и съ безконечнымъ удовольствіемъ смотритъ на эти дѣтскія игры. Это часто наблюдали у находящихся въ неволѣ, потому что львица въ клеткѣ рождаетъ очень часто. Въ благоустроенныхъ и хорошо руководимыхъ зоологическихъ садахъ въ настоящее время размножаютъ львовъ такъ же вѣрно и правильно, какъ собакъ; даже въ звѣринцахъ, гдѣ, какъ извѣстно, животныя пользуются очень незначительнымъ просторомъ для движенія и часто даже не получаютъ достаточной пищи, рождаются и вырастаютъ львы.

Въ первое время молодые львята довольно беспомощны. Только на второмъ мѣсяцѣ своей жизни они начинаютъ ходить, а свои дѣтскія игры начинаютъ еще позже. Вначалѣ они мяукаютъ совсѣмъ какъ кошки, позже голосъ ихъ становится сильнѣе и полнѣе. Въ играхъ они неповоротливы и неуклюжи; но со временемъ является и ловкость. Черезъ шесть мѣсяцевъ мать ихъ перестаетъ кормить молокомъ, но они еще раньше сопровождаютъ мать, а иногда и обоихъ родителей въ набѣгахъ, но только на незначительныя разстоянія. Къ концу перваго года они достигаютъ величины большой собаки. Вначалѣ оба пола представляютъ полное сходство. Но скоро обнаруживается разница между самцемъ и самкой, выражающаяся въ болѣе крѣпкихъ и мощныхъ формахъ самца. Къ третьему году у самца начинается пробиваться грива; но только на шестомъ или седьмомъ году оба пола достигаютъ полного развитія и окончательной окраски. Возрастъ, до котораго они доживаютъ, находится въ соотношеніи съ этимъ медленнымъ развитіемъ. Извѣстны случаи, когда даже въ неволѣ львы жили 70 лѣтъ, хотя тамъ даже при наилучшемъ уходѣ они довольно скоро дряхлѣютъ и теряютъ значительную долю своей красоты.

При разумномъ уходѣ, пойманные молодыми, львы становятся очень ручными. Они признаютъ человѣка своимъ кормильцемъ и чѣмъ больше онъ возится съ ними, тѣмъ больше они привыкаютъ къ нему. Трудно представить себѣ болѣе пріятное существо, чѣмъ такой левъ, который забываетъ свою свободу,—я могъ бы сказать свою львиную природу,—и всей душой отдается человѣку. Въ продолженіи двухъ лѣтъ я воспитывалъ такую львицу. Бахида, такова была ея кличка, раньше принадлежала Латифъ-Пашѣ, египетскому намѣстнику въ Восточномъ Суданѣ, и

была подарена одному изъ моихъ друзей. Очень скоро она привыкла къ нашему двору и могла бѣгать тамъ на свободѣ. Скоро она стала слѣдовать за мной, какъ собака, ласкала меня при всякомъ случаѣ и надоѣдала лишь тѣмъ, что иногда приходила ночью на мою постель и будила меня своими ласками.

Спустя нѣсколько недѣль она присвоила себѣ господство надъ всѣми живущими во дворѣ, больше ради забавы со звѣрями, чѣмъ ради причиненія имъ вреда. Только дважды она умертвила и сожрала звѣрей: въ первый разъ обезьяну, во второй—барана, съ которымъ она передъ тѣмъ играла. Она обращалась съ большинствомъ животныхъ съ величайшимъ задоромъ, дразнила и пугала ихъ на разные лады. Единственное животное, умѣвшее ее обуздывать, былъ марабу; когда они познакомились другъ съ другомъ, онъ сталъ наступать на нее со своимъ сильнымъ клинообразнымъ клювомъ и такъ отколотилъ ее, что она, хоть и послѣ долгой борьбы, принуждена была уступить ему побѣду. Часто, ради собственного удовольствія, ложилась она по кошачьи на землю и, выбирая кого-либо изъ насъ, мгновенно вспрыгивала на него, какъ кошка на мышъ, но лишь съ намѣреніемъ подразнить насъ. Съ нами она всегда обращалась любезно и честно. Коварство было ей чуждо; даже когда ее однажды наказали, она, спустя нѣсколько минутъ, подошла и по прежнему стала доврчиво прижиматься ко мнѣ. Гнѣвъ ея мгновенно исчезалъ, и ее можно было немедленно смягчить ласкою.

Во время путешествія по Нилу изъ Хартума въ Каиръ, она все время находилась на баркѣ въ клѣтѣ, но какъ только мы причаливали, была немедленно выпускаема на волю. Тогда она долгое время мчалась туда и сюда, какъ шаловливый жеребенокъ и прежде всего всегда испражнялась, потому что была такъ опрятна, что никогда въ продолженіи пути не загрязняла своей клѣтки. Во время этихъ прогулокъ она много разъ позволяла себѣ разные непростительные проступки. Такъ, между прочимъ, она въ одной деревнѣ задушила ягненокъ, въ другой начала душить маленькаго негра; къ счастью я былъ въ состояніи освободить его, потому что вообще по отношенію ко мнѣ она никогда не обнаруживала непослушанія. Я могъ гулять съ ней въ Каирѣ, ведя ее на привязи, а при переѣздѣ изъ Александріи въ Триестъ я, ко всеобщей радости моихъ спутниковъ, выводилъ ее каждый день на палубу. Ее повезли въ Берлинъ, и я не видѣлъ ее два года. Послѣ этого промежутка я посѣтилъ ее, и она меня тотчасъ узнала. Послѣ всего этого у меня нѣтъ основанія сомнѣваться въ другихъ подобныхъ разсказахъ, сообщаемыхъ о плѣнныхъ львахъ.

Какъ уже было замѣчено, при хорошемъ питаніи левъ выдерживаетъ много лѣтъ неволю. Онъ нуждается ежедневно въ 4 килограммахъ хорошаго мяса. При такихъ условіяхъ онъ чувствуетъ себя хорошо и становится дороднымъ и жирнымъ.

Никто не станетъ удивляться тому, что африканецъ всѣми имѣющимися у него въ распоряженіи средствами старается истребить львовъ. Все же страхъ его передъ львомъ не такъ великъ, какъ это намъ представляется. Этому могучаго хищника встрѣчаютъ даже тамъ, гдѣ онъ водится отнюдь не ежедневно. Онъ не вторгается безпрестанно въ загоны, а старается отыскать себѣ пропитаніе въ пустынѣ; нѣкоторымъ племенамъ опъ своими охотами даже полезень. Бушмены часто обязаны ему за вкусную пищу. Рано утромъ они обыскиваютъ мѣстность, гдѣ онъ охотился и адѣсь имъ часто попадаются значительные остатки дичи, которую левъ ночью убилъ. Они даже рѣшаются согнать хищника съ его добычи, чтобъ для нихъ осталось возможно больше.

Но и жители сѣверной Африки мало жалуются на убытки, претерпѣваемые отъ львовъ. Правда, о его хищническихъ подвигахъ толкуютъ, но безъ особаго не-

годованія, по поводу потери скота, уже понесенной или которой еще опасаются, и скорѣе относятся къ этому, какъ къ злему року, какъ къ чему-то неизбѣжному. У поселенцевъ европейскаго происхожденія конечно нѣсколько другія понятія о цѣнности имущества, чѣмъ у беззаботныхъ африканцевъ. По вычисленію Жюля Жерара въ 1855 году въ провинціи Константины 30 львовъ причинили убытковъ только истребленіемъ домашнихъ животныхъ на 170,000 франковъ: слѣдовательно каждый левъ употребляетъ для своего пропитанія скота приблизительно на 5660 франковъ. Съ 1856 по 1857 г., по сообщенію того же охотника, въ окрестностяхъ города Боны жило 60 львовъ, которые съѣли 10,000 штукъ мелкаго и крупнаго скота. Дальше вглубь страны вредъ, приносимый ими, гораздо меньше, потому что скотоводство, которое составляетъ единственное занятіе жителей, ведется въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ странахъ, гдѣ преобладаетъ земледѣліе. Все же вредъ и тамъ довольно ощутителенъ, и бѣдный скотоводъ иногда приходитъ въ отчаяніе отъ разоренія, причиняемаго львомъ.

Въ горахъ Атласа за львомъ охотятся различными способами. Если онъ выбираетъ сосѣдство становища бедуинскаго племени и присутствіе его дѣлается слишкомъ тягостнымъ, то всѣ мужчины, способные носить оружіе, окружаютъ кустарники, въ которыхъ скрывается ихъ главный врагъ, и пытаются криками и выстрѣлами выгнать его оттуда. Когда онъ наконецъ показывается, они направляютъ на него такую массу пуль, что онъ обыкновенно падаетъ, хотя предварительно иногда изувѣчиваетъ или умерщвляетъ нѣсколькихъ своихъ преслѣдователей. Убиваютъ также львовъ, подкарауливая ихъ около приманки. Арабы выкапываютъ яму, плотно закрываютъ ее сверху, такъ что открытыми остаются только отверстія для ружей, и кладутъ недалеко отъ этой ямы только-что убитаго кабана, или же они вѣздзаютъ на деревья и стрѣляютъ оттуда. Кромѣ того арабы ловятъ львовъ въ ямахъ, которыя имѣютъ 10 м. въ глубину и 5 м. въ ширину. Какъ только левъ попадаетъ въ яму, со всѣхъ сторонъ сбѣгаетъ всякій людъ и вокругъ поднимается страшный шумъ. Каждый кричитъ, ругается и бросаетъ внизъ камни. Особенно шумятъ женщины и дѣти. Въ концѣ концовъ мужчины разстрѣливаютъ льва. Когда онъ наконецъ лежитъ вполне неподвижно, отваживаются спуститься внизъ и привязываютъ веревку къ ногамъ, потомъ поднимаютъ трупъ на верхъ съ немалымъ трудомъ, такъ какъ вѣсъ взрослога льва самца доходитъ до 200 килогр. Каждому мальчику, чтобъ онъ сталъ мужественнымъ, даютъ для съѣденія по кусочку сердца. Изъ волосъ гривы приготавливаются амулеты, такъ какъ думаютъ, что тотъ, кто носитъ при себѣ подобные волосы, предохраняется ими отъ львиныхъ зубовъ.

Для дополненія предыдущаго я приведу еще сообщенія моего спутника и друга, Буври: «Теперь рѣдко случается, чтобы алжирецъ добровольно и открыто объявлялъ войну льву и тревожилъ бы его до тѣхъ поръ, пока онъ не приметъ вызова. Нынѣшнее поколѣніе арабовъ, хотя у нихъ нѣтъ недостатка въ мужествѣ, предпочитаетъ побѣждать его менѣе опасными способами. Выслѣживаютъ его слѣды и въ сосѣдствѣ съ ними выкапываютъ яму около двухъ метровъ глубины, которал суживается кверху и похожа на таковую же для зерна. Въ этой ямѣ прячется арабъ и покрываетъ отверстіе вѣтвями. Тамъ караулитъ онъ много ночей до тѣхъ поръ, пока левъ, отправляясь въ какой-нибудь набѣгъ, не попадетъ снова на ту же тропу. Когда хищникъ достаточно приблизится къ засадѣ, охотникъ цѣлитъ ему въ голову или въ сердце. Благодаря господствующей темнотѣ, выстрѣлъ всегда ненадеженъ; поэтому охотникъ только ранитъ льва, который начинаетъ бить вокругъ своими страшными лапами. Обыкновенно онъ не скоро удаляется съ мѣста, гдѣ былъ раненъ, и ищетъ скрывающагося врага, и въ это время его наста-

гаетъ вторая, уже смертельная пуля. Тутъ арабъ выльзаетъ изъ своей засады, зажигаетъ большой костеръ, закутывается въ свой бурнусъ и такимъ образомъ проводитъ остатокъ ночи. На завтра онъ представляетъ свою добычу начальству, чтобъ получить узаконенное вознагражденіе. Мѣхъ промѣнивается, а туловище расчленяется мясникомъ и также продается европейцамъ; въ Алжирѣ мясо льва ѣдятъ очень охотно. Молодыхъ львовъ арабы ловятъ или въ волчьихъ ямахъ или же идутъ по слѣдамъ матери на недавно выпавшемъ свѣгу до ея убѣжища и похищаютъ дѣтенышей въ ея отсутствіе. Ясно, что такое предпріятіе не безопасно».

Мало найдется животныхъ, о которыхъ бы издавна распускалось, да и въ настоящее время сочиняется, столько басенъ, сколько о львахъ. Легко понять, что извѣстія о нихъ простираются до самой сѣдой старины. Египетскіе памятники изображаютъ его въ разнообразныхъ положеніяхъ и доказываютъ намъ, что древніе египтяне отлично знали его и уже вполне вѣрно опредѣлили его мѣсто въ ряду другихъ звѣрей. Дюмхенъ, который былъ такъ добръ и написалъ нижеслѣдующее для «Жизни животныхъ», замѣчаетъ, что въ «древне-египетскомъ языкѣ одно и то же слово служило для обозначенія льва и кошки. Группа, изображающая это слово въ предметныхъ письменахъ, выговаривалась «Маау», слово, въ которомъ нельзя не замѣтить звуко-подражательной основы. Имѣетъ ли эта группа въ рукописяхъ то или другое изъ двухъ значеній, рѣшается опредѣлительнымъ рисункомъ, то есть изображеніемъ, которое ставилось вслѣдъ за упомянутой группой, въ нашемъ случаѣ изображеніемъ льва или кошки. Кромѣ «маау» встрѣчаются еще слова «Аръ» и «Тамъ», послѣднее преимущественно для обозначенія солнечнаго божества, почитавшагося подъ видомъ льва—защитника восточныхъ воротъ и побѣдоноснаго борца противъ азіатскаго Ваала въ Талѣ, библейскомъ Цоанѣ, греческомъ Танисѣ и нынѣшнемъ Санѣ, городѣ на востокѣ Дельты. Не подлежитъ сомнѣнію, что древніе Египтяне отводили льву первое мѣсто среди всѣхъ хищныхъ звѣрей, такъ какъ слово «маау» употреблялось ими и для обозначенія всего отряда. Такъ, въ папирусѣ Гарриса значится: «о, владыка боговъ! соблаговоли защитить меня отъ всѣхъ дикихъ хищныхъ звѣрей (маау-у) страны, крокодиловъ въ рѣкѣ и всѣхъ жалящихъ змѣй.» Въ іероглифической буквенной системѣ употребляется, какъ звукъ, изображеніе покоющагося льва, обозначающее звуки *p* или *l*, которые въ египетскомъ языкѣ не различались еще, такъ что въ коптскомъ языкѣ, происшедшемъ отъ древне-египетскаго, тѣ слова, которыя въ соотвѣтствующихъ іероглифическихъ группахъ снабжены изображеніемъ покоющагося льва, какъ знакомъ для *p* или *l*, встрѣчаются писанными иногда съ *p*, иногда съ *l*».

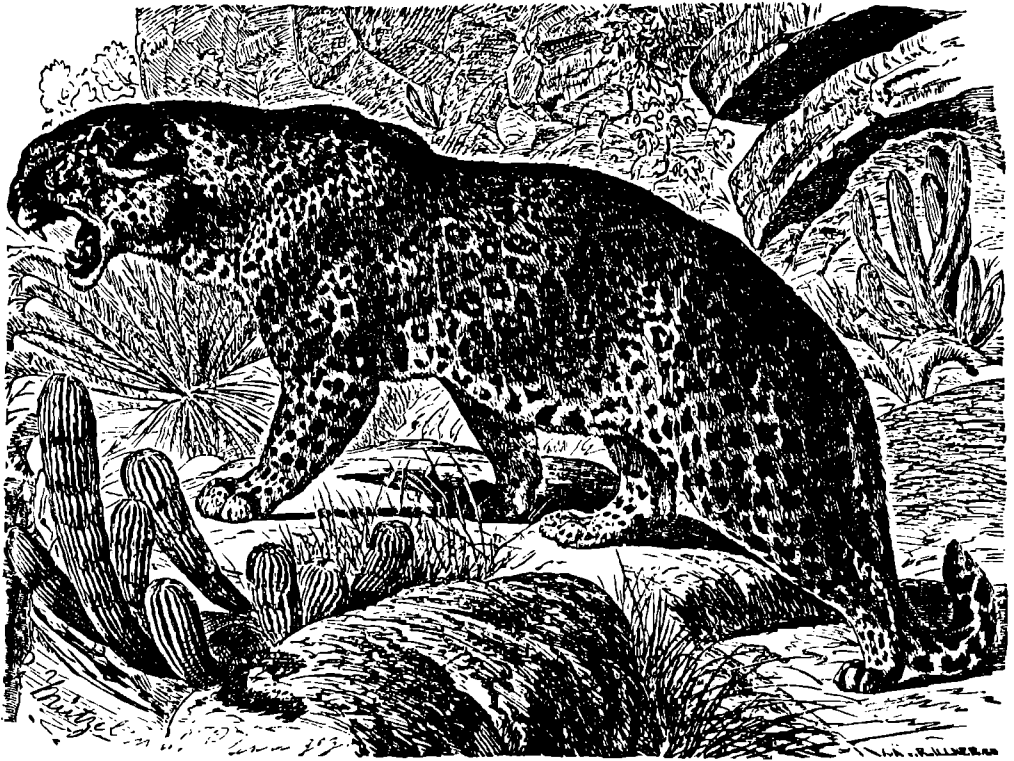
«На памятникахъ почти всѣхъ временъ египетскаго царства, даже на тѣхъ, которымъ мы должны приписать древность по крайней мѣрѣ въ 4000 лѣтъ, какъ напримѣръ на гробницахъ при пирамидахъ въ Сакхарѣ, намъ попадаются нередко между рисунками, украшающими стѣны въ храмахъ и усыпальницахъ, изображенія дикихъ и прирученныхъ львовъ; особенно достойно вниманія, что встрѣчается здѣсь не только африканскій, но и азіатскій левъ, послѣдній или приводимый азіатскими племенами въ видѣ дани, или же преслѣдуемый царями во время походовъ въ Азію. Древнѣйшее извѣстное мнѣ изображеніе львиной охоты находится въ одной изъ гробницъ въ Сакхарѣ, рисунки которой безъ сомнѣнія принадлежатъ въ наиболѣе удачнымъ произведеніямъ древне-египетскаго искусства, а на изображенія животныхъ смѣло можно обратить вниманіе зоологовъ. Владѣлецъ гробницы, называемый въ рукописяхъ Пта-Хотебъ, былъ знатнымъ сановникомъ царствованія Таткара Асса, Танхереса пятой Манеонской династіи; онъ вѣроятно тождественъ съ тѣмъ, который въ царствованіе названнаго царя сочинилъ прославившіяся муд-

рыя изреченія объ обхожденіи съ людьми; гробница доказываетъ, что онъ умѣлъ обращаться также съ животными и зналъ, какъ охотиться на нихъ. Къ первой части моей книги «Результаты археологической экспедиціи» я приложилъ изображенія и надписи всѣхъ четырехъ стѣнъ; между ними есть и упомянутая охотничья сцена. Здѣсь не изображается, какъ въ другихъ случаяхъ, нападеніе на льва съ копьемъ и дротикомъ, а, напротивъ, передается стремленіе перехитрить его. Привлекаютъ его посредствомъ служащаго приманкой вола, ужасъ котораго художникъ пытался выразить самымъ наивнымъ образомъ, въ то время, какъ благородныя борзья собаки, пока еще связанные въ своры, ждутъ мгновенія, когда ихъ освободятъ и воспользуются ими для одолженія льва. Другая половина большой картины показываетъ намъ сенаарскаго или сенегальскаго льва съ жидкой гривой, подъ замкомъ въ клеткѣ, несомой многими мужчинами, въ доказательство того, что охота была удачна, или, можетъ быть, того, что уже въ тѣ раннія времена въ состояніи были изловить могучаго хищника. Но это не все; древніе египтяне умѣли приручать не только гепарда, но даже льва и приспособляли его для своей охоты. На многихъ изображеніяхъ мы видимъ царя, выступающаго съ копьемъ и дротикомъ противъ царя звѣрей и узнаемъ, что Аменофисъ III хвалится убійствомъ не менѣе 110 львовъ въ первые 10 лѣтъ своего царствованія; въ другихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ изображеніе льва, который вмѣстѣ съ царемъ сражается противъ нападающихъ враговъ. Такъ изображенъ, напримѣръ, въ нубійскихъ пещерныхъ храмахъ Деръ и Абу-Симбаль, царь Рамзесъ Великій въ сопровожденіи рядомъ сражающагося льва, а служащая для объясненія іероглифическая надпись надъ нимъ гласитъ: «Левъ, спутникъ его величества, разрываетъ въ куски его враговъ».

Библия во многихъ случаяхъ упоминаетъ о львахъ, и евреи имѣли для нихъ цѣлый рядъ названій. Греки и римляне очень обстоятельно рассказываютъ о царственномъ животномъ и сообщаютъ при этомъ массу сказокъ. Кости льва будто-бы такъ тверды, что ими можно высѣкать огонь; левъ презираетъ маленькихъ животныхъ, щадитъ женщинъ и т. д.; сильная и жестокая львица рождаетъ во всю свою жизнь одного лишь дѣтеныша, потому что онъ своими острыми когтями разрываетъ матку; тоже происходитъ и у гадюки. Аристотель знаетъ, что львица рождаетъ много разъ, что молодые львята очень малы и только на второмъ мѣсяцѣ начинаютъ ходить, знаетъ даже, что есть два вида львовъ: болѣе короткіе съ вьющейся гривой, которые трусливѣе, и болѣе длинныя, съ густой гривой—сильнѣйшіе. Плиній говоритъ, что молодые львята сначала представляютъ безформенный кусокъ мяса, не больше чѣмъ ласочка, что они черезъ два мѣсяца едва двигаются и только послѣ шестаго начинаютъ ходить. Они будто-бы пьютъ очень рѣдко, жрутъ черезъ день и могутъ по три дня ничего не ѣсть, все проглатываютъ цѣликомъ и потомъ вытаскиваютъ когтями изъ пасти то, что желудокъ не можетъ вмѣстить, чтобы въ случаѣ надобности имѣть возможность спастись бѣгствомъ. Между всѣми хищными животными только левъ милостивъ къ просящимъ, щадитъ падающихъ передъ нимъ ницъ и изливаетъ свой гнѣвъ болѣе на мужчинъ, чѣмъ на женщинъ, на дѣтей же только при сильнѣйшемъ голодѣ. Въ Либіи, будто бы, думаютъ, что ему понятны просьбы, такъ какъ одна плѣнница рассказывала, что на нее нападало много львовъ, но она всѣхъ ихъ смягчала увѣщаніями, повторяя имъ, что она лишь бѣглая и больная женщина, просительница у великодушнѣйшаго, повелѣвающаго всѣми остальными животными, добыча, не достойная его славы: тогда левъ отпускалъ ее.

Первую борьбу львовъ устроилъ адилъ Сцевола, вторую—диктаторъ Сулла. У него было уже 100 львовъ; Помпей же заставилъ сражаться—600, а Юлій Цезарь не менѣе 400. Ловля ихъ прежде была тяжелымъ дѣломъ и болѣею частью

производилась съ помощью ямъ. При Клавдіи пастухъ случайно открылъ легкое средство ловить льва; онъ накиннулъ ему на голову свою одежду, левъ былъ такъ озадаченъ этимъ, что спокойно допустилъ поймать себя. Потомъ средство это часто употреблялось въ циркѣ. Маркъ Антоній, послѣ Фарсальской битвы, вѣхалъ по городу съ одной актрисой въ колесницѣ, запряженной львами. Ганонъ, уже известный намъ карагенянецъ, первый сталъ собственноручно управлять колесницей, въ которую были запряжены прирученные львы. Его изъ-за этого однако изгнали изъ его отечества, потому что подумали, что человекъ, властвующій надъ львами, навѣрно желаетъ властвовать и надъ людьми. Императоръ Адрианъ приказалъ въ одинъ день убить 100 львовъ въ циркѣ и при Маркѣ-Авреліи было убито стрѣ-

Леопардъ (*Felis pardus*). 1/2, наст. вѣл.

лами 100 львовъ. Отъ этого число львовъ такъ уменьшилось, что отдѣльнымъ лицамъ было запрещено за ними охотиться, чтобы имѣть ихъ достаточное количество для игривъ. Но настоящее истребленіе львовъ началось только съ изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія.

* * *

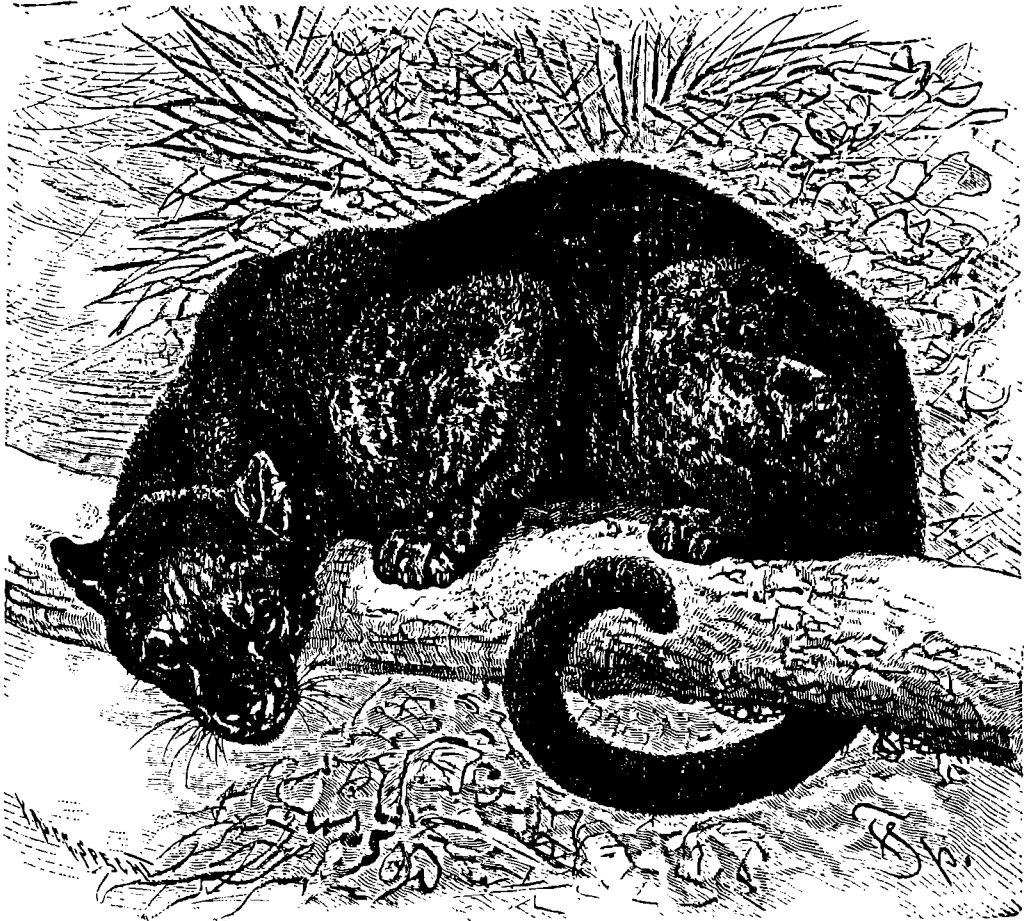
Уже со временъ Аристотеля и Плиція среди изслѣдователей существуетъ разногласіе относительно систематическаго опредѣленія трехъ кошекъ Стараго Свѣта, пантеръ, которыхъ называли леопардомъ, пантерой и зондской пантерой и считали то за разновидности одного и того же животнаго, то за особые виды.

Леопарду (*Felis pardus*, *Leopardus antiquorum*, *Felis leopardus*) приписываютъ слѣдующіе признаки: общая длина равняется 170—200 см., изъ которыхъ

хвостъ беретъ 60—80 см. Голова велика и округла, морда мало выдается, шея очень коротка, тѣло сильное, вся фигура плотная; ноги средней вышины и умѣренно толсты, лапы не особенно велики. Основной блѣдно-красновато-желтый цвѣтъ темнѣетъ на спинѣ и переходитъ въ области горла и передней части груди въ свѣтло или блѣло-желтый, на нижней и внутренней сторонѣ конечностей въ желтовато-бѣлый, но кажется относительно темнымъ, такъ какъ пятна малы и расположены довольно густо. По верхней губѣ пробѣгаютъ въ горизонтальномъ направленіи 3—4 довольно широкія черныя полосы; большія продолговато-округлыя также поперечныя пятна огибаютъ углы рта, маленькое вертикальное пятно находится надъ каждымъ глазомъ; вообще же лицо, темя, затылокъ, стороны головы и шеи, плечи, плечевая часть переднихъ конечностей и предплечія, бедра и ноги на наружной сторонѣ, горло и передняя часть груди густо покрыты черными сплошными, круглыми или кругловатыми пятнами, величина которыхъ колеблется отъ величины горошины до величины грецкого орѣха. Нѣкоторыя изъ нихъ расположены около ключицъ въ поперечныя полосы, другія по два и по три соединяются вмѣстѣ на плечахъ и ногахъ, образуя неправильныя крапины, и раздѣляются здѣсь узкими свѣтлыми полосками, которыя тянутся между ними въ видѣ сѣти. Такимъ образомъ происходятъ разорванные ряды пятенъ, имѣющіе направленіе сверху внизъ, между тѣмъ какъ пятна головы и шеи совершенно неправильны. Нѣкоторыя пятна образуютъ какъ бы кольца, т. е. темныя пятна окружаютъ маленькое срединное поле, чтò наблюдается на всѣхъ пятнахъ верхней части спины, боковъ тѣла и верхней части хвоста у его основанія. Поле, которое всегда представляетъ болѣе темную, чѣмъ остальной фонъ, обыкновенно ярко красно-желтую окраску, охватывается на серединѣ спины, по которой тянутся 2 или 4 параллельныхъ полоски, однимъ кольцеобразнымъ или двумя по большей части сливающимися полуданными пятнами; на бокахъ, гдѣ ряды расположены скорѣе поперечно, чѣмъ продольно, это поле окружено 3 или 4-мя—въ послѣднемъ случаѣ парными—полуданными пятнами. Хвостъ при основаніи очень неправильно разрисованъ вытѣнутыми въ длину кольцеобразными и сплошными пятнами, потомъ же лишь этими послѣдними; на концѣ хвостъ снизу почти чисто-бѣлаго цвѣта. Наконецъ на нижней и внутренней сторонѣ конечностей мы замѣчаемъ простыя или двойныя сплошныя пятна. Ухо снаружи черновато-сѣраго цвѣта, а на концѣ его видно большое бѣловатое пятно; глаза имѣютъ зеленовато-желтую радужную оболочку и круглый зрачокъ. Ни животныя разнаго пола, ни взрослые и молодыя, ставшія самостоятельными, не отличаются существенно другъ отъ друга; но есть болѣе темныя и даже черныя экземпляры. Леопардъ блестящаго буро-чернаго цвѣта, который лишь при совершенно свѣтѣ кажется пятнистымъ, называется въ Абиссиніи гезела и ревностно преслѣдуется ради своей дѣльной шкуры.

Пантеръ (*Felis panthera*, F. var a. *Leopardus panthera*, G. *varius*) приписываютъ слѣдующія признаки: общая длина 200—240 см., изъ которыхъ около 82—96 см. приходятся на хвостъ. Голова умѣренной величины и продолговато-округлая морда выдается довольно сильно, шея коротка, тѣло вытянутое; сильныя ноги относительно очень толсты, лапы велики. Основной свѣтлый охряно-желтый цвѣтъ переходитъ на спинѣ въ темно-красновато-желтый, на нижней сторонѣ тѣла и внутренней сторонѣ конечностей въ желтовато-бѣлый, какъ у леопарда, но выступаетъ гораздо рѣзче, такъ какъ рисунокъ, состоящій изъ пятенъ, здѣсь совершенно другой. Темныя полосы на верхней губѣ неясно видны, частью лишь намѣчены; продолговато-округлое пятно на углу рта не отличается отъ того же пятна у леопарда; пятна на головѣ лежатъ рѣже, чѣмъ у послѣдняго, са-

мы пятна вообще нѣсколько меньше, и голова кажется поэтому болѣе свѣтлой. Кромѣ головы, затылка, боковъ шеи, горла и верхней части груди, на которой нѣсколько пятенъ тоже сливаются въ 2 или 3 полоски, лишь предплечія и голени покрыты сплошными пятнами, но большей части состоящими изъ двухъ или трехъ слившихся отдѣльныхъ пятенъ, между тѣмъ какъ плечи и бедра, а также спина и бока усажены окаймленными или кольцевидными пятнами. Всѣ кольцевыя пятна или розетки отличаются отъ такихъ же пятенъ леопарда своей значительной вели-

Черный экземпляр Зондской пантеры (*Felis variegata*). $\frac{1}{11}$ наст. вел.

чиною: широкое поле внутри ихъ яркаго красновато-желтаго цвѣта, окружающія его полулунныя пятна малы и узки и группируются по 2 и 3, 3 и 4, а въ видѣ исключенія и по 5 вокругъ средняго пятна, такъ что каждое поле окружено 5—7 и даже 8 полулунными пятнами. По средней линіи спины тянутся два параллельныхъ ряда розетокъ, а около нихъ два почти параллельныхъ; первые состоятъ по большей части изъ замкнутыхъ, послѣдніе изъ частью разорванныхъ полулунныхъ пятенъ, мелкихъ по сравненію съ пятнами на бокахъ, между тѣмъ какъ розетки на бокахъ расположены, какъ у леопарда, въ ряды, довольно правильно тянущіеся косо сверху и спереди назадъ и внизъ. На верхней сторонѣ хвоста до се-

рединь его преобладает рисунокъ, состоящій изъ большихъ розетокъ, какъ на спинѣ, нижняя сторона покрыта здѣсь болѣе свѣтлыми полудунными пятнами; вторая половина хвоста представляетъ сверху широкія черныя полукольца, раздѣленные узкими свѣтлыми полосками, а снизу однотонная бѣлая. Желтовато-бѣлая или чисто бѣлая нижняя и внутренняя сторона конечностей покрыта большими продолговато-округлыми рѣдкими черными пятнами. Окраска и рисунокъ уха такіе же, какъ у леопарда; радужная оболочка обыкновенно желтаго цвѣта. Далѣе на востокъ встрѣчается разновидность пантеры, которую Грэй описалъ какъ отдѣльный видъ (*Leopardus japonicus*), такъ какъ мѣхъ ея соотвѣтственно климату гораздо гуще и особенно на хвостѣ пушистѣе; другая разновидность со сходными признаками (*Felis tulliana*) водится преимущественно въ Малой Азій.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, зондскую или длиннохвостую пантеру (*Felis variegata* и *chalybeata*, *L. pantherinus*, *macrurus* и *variegatus*. *Langschwanzpanther*. *Panthère de Java*.), изъ Суматры и Явы, не слѣдуетъ, строго говоря, смѣшивать съ леопардомъ и пантерой. Отличительными признаками ея, по сравненію съ обоими родственными видами, считаютъ маленькую длинную голову, удлинненную шею, очень вытянутое тѣло, хвостъ по длинѣ почти равный тѣлу, низкія сильныя ноги, снабженныя крѣпкими когтями, и наконецъ особый рисунокъ пятенъ. Какъ сплошныя пятна, такъ и розетки гораздо меньше и темнѣе и расположены чаще, чѣмъ у родственныхъ формъ. Мѣхъ получаетъ, благодаря этому, синевато-черный отблескъ, который рѣзко выступаетъ, если смотрѣть на мѣхъ по шерсти. Основной цвѣтъ темный охра-желтый, цвѣтъ полей буровато-желтый, цвѣтъ нижней и внутренней стороны конечностей сѣровато или желтовато-бѣлый. Голова, затылокъ, предплечія и голени такъ густо покрыты крапчатыми пятнами, что эти части кажутся почти черными; кольца на шеѣ выражены очень рѣзко, пятна на плечахъ и бедра за немногими исключеніями сплошныя; розетки, расположенныя замѣчательно густо, образуютъ изъ 3—5 по большей части слившихся пятенъ; поля всегда малы, на нѣкоторыхъ розеткахъ едва видимы; пятна на хвостѣ очень вытянуты въ длину и по большей части связаны между собою, ихъ поля тоже малы; темныя полукольца конца хвоста раздѣлены лишь очень узкими свѣтлыми промежутками, продольныя пятна нижней стороны хвоста неправильны. Край уха густого чернаго цвѣта. Радужная оболочка зеленовато-желтаго цвѣта.

Такъ называемая черная пантера или черный леопардъ (*Felis melas*, *Leopardus melas*. *Schwarzpanther*. *Panthère noire*) представляетъ ни что иное, какъ болѣе черныя экземпляры того же животнаго; какъ справедливо замѣчаютъ Рейнвардъ и Кули и, какъ извѣстно, по словамъ Розенберга, каждому яванцу, этихъ пантеръ находятъ въ одномъ помѣтѣ съ желтыми и притомъ, какъ на Зондскихъ островахъ, такъ и на материкѣ. По Сандерсону и Блэнфорду эти черныя экземпляры, представляющіе совершенно окраску черной кошки и у которыхъ можно различить пятна лишь при извѣстномъ освѣщеніи, болѣе обыкновенны на Малайскомъ полуостровѣ и въ Южной Индіи, особенно въ Травангурѣ и Найрусѣ, чѣмъ въ болѣе сѣверныхъ областяхъ. По словамъ Сандерсона, они живутъ исключительно въ большихъ густыхъ лѣсахъ, между тѣмъ какъ свѣтлѣе окрашенные представители того же вида встрѣчаются повсюду. Въ настоящее время можно встрѣтить черныхъ пантеръ почти во всѣхъ зоологическихъ садахъ, и въ нѣкоторыхъ ихъ правильно разводятъ. Если спариваются черныя экземпляры съ черными же, то и потомство представляетъ такую же окраску.

Охотники и торговцы отличаютъ довольно увѣренно по внѣшнимъ признакамъ и образу жизни леопарда, какъ болѣе мелкое и плотнѣе сложенное животное,

отъ пантеры, которая крупнѣе ростомъ и тоньше сложена—точно такъ же, какъ всякій умѣетъ отличать легкую лошадь отъ тяжелой или какъ въ Индіи отлѣчаютъ коренастаго тигра горныхъ мѣстностей отъ худощаваго тигра равнинъ. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что тутъ рѣчь идетъ о крайнихъ предѣлахъ уклоненій; въ систематикѣ же это раздѣленіе однако не признается, такъ какъ рѣзкаго различія между видами провести нельзя. Пантера и леопардъ составляютъ въ систематикѣ лишь одинъ видъ: *Felis pardus*, называемый западноафриканскими народами Нго въ Персіи—Пелангъ, въ Индіи Тшита, Андара, Хонига, Керкаль, а малайцами—Харимау-бинтангъ. Величина, форма головы, плотное или тонкое сложение, длина хвоста, длина и густота, пятнистость и основная окраска мѣха бывають у этихъ животныхъ очень различны. а желтоватые или красноватые, а также свѣтло или темно-бурые и совершенно черные экземпляры, мѣхъ которыхъ кажется пятнистымъ лишь при извѣстномъ освѣщеніи, встрѣчаются въ разныхъ мѣстностяхъ, значительно удаленныхъ другъ отъ друга. Встрѣчаются и альбиносы. Различія въ величинѣ во многихъ случаяхъ должны быть отнесены къ различію возраста, мѣста жительства и способа питанія. Во всякомъ случаѣ знатоки умѣють сразу отличить африканскія шкуры отъ азіатскихъ.

Слѣдовательно можно считать леопарда и пантеру за различныхъ животныхъ или не дѣлать между ними различія, какъ кому болѣе нравится. Можно также называть африканскую форму леопардомъ, а азіатскую пантерой, хотя въ сѣверной Африкѣ леопарды называются пантерами, а въ Индіи, какъ напр. на Цейлонѣ, различають по обыкновенному способу обѣ формы, водящіяся рядомъ. Но мы однако будемъ придерживаться только-что упомянутой номенклатуры. Одинъ только Стердаль называетъ, наоборотъ, болѣе крупное животное, водящееся въ Цейлонѣ, леопардомъ, а болѣе мелкое—пантерой. По своему характеру и по образу жизни обѣ разновидности сходны между собою, насколько допускають это различія въ величинѣ и силѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ кошекъ предпочитаютъ болѣе мелкую дичь и болѣе мелкихъ домашнихъ животныхъ, другія нападаютъ также на крупную дичь и крупный скотъ всякаго рода, а также и на людей и, по хищности, ближе всего стоятъ къ тигру, а въ Индіи во многихъ случаяхъ считаются даже болѣе опасными. Такія же наблюденія получимъ мы и изъ Африки, когда она будетъ основательнѣе изслѣдована; что и здѣсь различія въ величинѣ и другіе виѣшніе признаки значительно колеблются, въ этомъ теперь нельзя болѣе сомнѣваться. Для двухъ западноафриканскихъ, навѣрно уже не молодыхъ леопардовъ. Пехуэль-Леше даетъ слѣдующіе размѣры: тѣло и голова 121 и 114 см., хвостъ безъ кончиковъ волосъ 59 и 67 см.; большее животное имѣло такимъ образомъ болѣе короткій хвостъ. Другой экземпляръ, котораго, къ сожалѣнію, не удалось убить, онъ, на основаніи того, что въсколько разъ видѣлъ его и что отъ него остались отчетливые слѣды, призналъ равнымъ наибольшимъ изъ извѣстныхъ. Можно сравнить съ этими числами отношенія трехъ экземпляровъ, измѣренныхъ въ Индіи Жердономъ, Тиккелемъ и Стердальемъ: тѣло и голова 145, 117 и 106 см., длина хвоста 96,5, 86 и 75 см. И такъ, общую длину описываемаго хищника въ обѣихъ частяхъ свѣта мы можемъ въ среднемъ принять равной 180—240 см., изъ которыхъ 60—96 см. приходится на хвостъ, который обыкновенно состоитъ изъ 24 или 25 позвонковъ, а можетъ быть даже 22—28; высота плечъ равняется приблизительно 45—62 см. Въсь болѣе мелкихъ животныхъ этого вида въ Индіи едва-ли превосходить, по Сандерсону, 25 килограммовъ.

Область распространенія этого животнаго очень велика: она обнимаетъ всю Африку и всю южную Азію. «Пантера», пишетъ А. Вальтеръ, «въ противополож-

ность тигру является, повидимому, по отношенію къ своему распространенію формой, происходящей съ запада; это могло бы, можетъ быть, лучше доказать тождество африканскаго леопарда съ азіатской пантерой, чѣмъ споры систематиковъ о рисункѣ ихъ шкуръ. Именно на западѣ она далѣе заходитъ на сѣверь, чѣмъ тигръ, напротивъ, на востокѣ она остается далеко позади его. Въ Персіи, а также на Малоазійскомъ и примыкающемъ къ нему Армянскомъ плоскогоріяхъ пантера доходитъ до Кавказскихъ горъ.

Хотя въ настоящее время на Кавказѣ она уже сильно истреблена, однако все еще встрѣчается въ южномъ Дагестанѣ; напр. около города Закаталы ее находятъ постоянно. Говорятъ, что на западномъ склонѣ Кавказа къ Черному морю пантера распространена еще далѣе на сѣверь (по нѣкоторымъ даннымъ до Анапы?); однако до настоящаго времени нельзя указать здѣсь съ достовѣрностью самаго сѣвернаго пункта ея распространенія. Въ средней Азіи распространеніе ея ограничено среднимъ и нижнимъ теченіемъ Аму-Дарьи, а также и туркменскими степями, находящимися по этой рѣкѣ. Во всякомъ случаѣ въ Туркменіи она свойственна лишь Копеть-Дагу и короткимъ рѣчнымъ долинамъ рѣкъ, у истока которыхъ и должно провести сѣверную границу распространенія пантеры. Между тѣмъ какъ во всемъ русскомъ Туркестанѣ, на нижнемъ теченіи Аму-Дарьи и у Аральскаго моря, а также въ западной Бухарѣ ея навѣрное нѣтъ; нельзя также еще рѣшить съ увѣренностью, встрѣчается ли она или нѣтъ въ юго-восточномъ углу Бухары. Недостаточныя свѣдѣнія оттуда разнорѣчивы, такъ что и верхняя Аму-Дарья, повидимому, служитъ границей. Въ Индіи, по словамъ Блэнфорда, ея нѣтъ въ Пэнджабѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Синда; точно также она не встрѣчается и на Восточно-Гималайской возвышенности.

Леопардовъ можно назвать молчаливыми животными, такъ какъ рѣдко слышится ихъ негромкій голосъ. У находящихся въ неволѣ замѣчались нѣкоторые жалобные звуки, напоминающіе голосъ кошки. Иногда они издають въ пустынѣ грубый крикъ, повторяющійся 3—4 раза, который, по словамъ Пехуэль-Лепе, можно передать черезъ «хура-акъ»; а если они испуганы, раздражены или нападаютъ, то рѣзко издають въ видѣ сухого кашля, тотъ же самый хриплый крикъ, смѣшанный съ неподдающимся описанію дребезжащимъ ворчаніемъ, похожимъ на ворчаніе бѣшеной собаки. Голосъ ихъ во всякомъ случаѣ не громче, чѣмъ голосъ собаки средней величины.

Леопардъ или пантера самая красивая изъ всѣхъ кошекъ на земномъ шарѣ. Правда, мы видимъ во львѣ царя животныхъ, тигръ считается самымъ опаснымъ видомъ этой семьи хищниковъ, мѣхъ оцелота красивѣе окрашенъ, но по отношенію къ гармоніи строенія тѣла, красотѣ рисунка на мѣхѣ, силѣ и ловкости, мужеству и изяществу движеній они и всѣ остальные кошки стоятъ позади леопарда. Онъ соединяетъ въ себѣ все то, чѣмъ отличаются въ частности отдѣльныя кошки, такъ какъ въ наибольшемъ совершенствѣ проявляетъ ихъ тѣлесныя и душевныя качества. Его бархатная лапа соперничаетъ по своей мягкости съ лапой домашняго кота; но она скрываетъ когти, которые могутъ помѣряться со всякими другими; зубы его относительно гораздо сильнѣе, чѣмъ зубы льва. Столь же красивый, какъ гибкій, столь же сильный, какъ ловкій, столь же смѣлый, какъ хитрый, онъ представляетъ собою хищника во всей полнотѣ своего развитія.

На первый взглядъ можетъ показаться, что одежда леопарда слишкомъ пестра для хищника, который, чтобы овладѣвать добычею, долженъ подстергать ее, прятаться и подрачиваться, скрываясь отъ ея зоркаго взгляда. Однако достаточно поверхностнаго наблюденія тѣхъ мѣстностей, гдѣ это животное водится, чтобы вся-

Дозв. Цента С.П.Б. 19. Апр. 1904 г.

Хромолит Т. Кнвель С.П.Б.

ПАНТЕРА.

кое подобное мнѣніе исчезло. Кто знаетъ его мѣстопробываніе по собственному опыту, тотъ найдетъ совершенно естественнымъ, что среди растительности и камней, покрывающихъ эти мѣста, можетъ остаться незамѣченнымъ такое пестрое существо даже на очень незначительномъ разстояніи. Леопардъ встрѣчается всюду, гдѣ есть непрерывные, густые и высокіе или даже рѣдкіе лѣса, и притомъ попадается въ относительно большомъ числѣ. Онъ не любитъ травянистыхъ равнинъ, хотя и въ степи онъ вовсе не представляетъ собою рѣдкаго явленія, а въ населенныхъ мѣстностяхъ онъ часто залегаетъ на поляхъ и плантаціяхъ или въ прилегающемъ имъ кустарникѣ. Весьма охотно удаляется онъ въ горы, которыхъ богато заросшія возвышенности доставляютъ ему не только удобныя мѣста для того, чтобы прятаться, но и обильную добычу. Въ Абиссиніи даже поясъ высотъ отъ 2000 до 3000 метровъ надъ уровнемъ моря доставляетъ леопарду всевозможныя удобства. Совсе не рѣдко онъ селится по близости отъ человѣческихъ жилищъ или даже въ нихъ, и отсюда предпринимаетъ свои хищническіе походы. Такъ, Шимперъ рассказывалъ мнѣ, что леопардъ даже родилъ дѣтенышей въ одномъ изъ домовъ города Адуа въ Абиссиніи. Но при всякихъ обстоятельствахъ хитрый хищникъ выбираетъ себѣ такія мѣста, которыя возможно болѣе скрываютъ его отъ постороннихъ взоровъ.

Несмотря на свою не слишкомъ значительную величину, леопардъ оказывается однимъ изъ самыхъ страшныхъ враговъ всѣхъ животныхъ и даже человѣка, хотя онъ и избѣгаетъ этого послѣдняго по мѣрѣ возможности. Благодаря ловкости всѣхъ своихъ тѣлодвиженій и хитрости, которою онъ обладаетъ въ болѣе значительной степени, чѣмъ другія кошки, онъ умѣетъ завладѣть даже самою быстро пугливою дичью. Въ лазаніи онъ лишь немного уступаетъ другимъ кошкамъ. Почти такъ же часто встрѣчаешь его спрятавшимся на деревѣ, какъ и въ кустѣ. Если его преслѣдуютъ, то онъ всегда выбирается на дерево. Въ случаѣ надобности онъ не задумывается переплывать довольно широкія рѣки. Лишь при движеніяхъ онъ выказываетъ себя во всей красотѣ. Каждое движеніе такъ гибко, такъ эластично, ловко и проворно, что, несмотря на ненависть къ нему, какъ къ хищнику, можно только любоваться имъ, когда удастся его наблюдать. Въ его движеніяхъ нельзя замѣтить ничего, указывающаго на напряженіе. Тѣло изгибается и поворачивается во всѣхъ направленіяхъ, а нога ступаетъ такъ тихо, какъ будто бы несетъ самое легкое тѣло. Каждый изгибъ изященъ, округленъ и мягокъ, однимъ словомъ бѣгущій или подкрадывающійся леопардъ доставляетъ истинное наслажденіе глазамъ cadaго, и можетъ быть сравненъ въ этомъ отношеніи развѣ только съ однимъ гораздо меньшимъ хищникомъ — генеттою.

Къ сожалѣнію душевный образъ его не соответствуетъ тѣлесной красотѣ, крайней мѣрѣ по человѣческимъ понятіямъ. Леопардъ хитеръ, золь, дикъ, кровожаденъ, мстителенъ и вовсе не робокъ. Въ Африкѣ его называютъ мѣстами, какъ ягуара въ Америкѣ, прямо тигромъ, обозначая этимъ именемъ прототипъ кровожаднаго существа. И дѣйствительно, это безъ сомнѣнія самый опасный видъ семейства кошекъ Стараго Свѣта. Онъ умерщвляетъ всѣ существа, которыя можетъ одолѣть, все равно, велики они или малы, могутъ ли они защищаться или безъ сопротивленія становятся его добычею. Антилопы, шакалы и мелкій скотъ составляютъ его главную пищу; но онъ лазаетъ также по деревьямъ за обезьянами, по скаламъ за даманами, бросается на дрофъ и цесарокъ, а также и на другихъ птицъ до самыхъ маленькихъ, и безъ сомнѣнія не избѣгаетъ и земноводныхъ. Всякое животное годно для него, но онъ глотаетъ также, по наблюденіямъ Пехуэля-Леше, жирные плоды маслячной пальмы. Павіановъ онъ преслѣдуетъ постоянно и

препятствуетъ опасному размноженію этихъ животныхъ, что очень замѣтно по большому количеству этихъ обезьянъ на тѣхъ высотахъ, куда онъ не доходить.

Если стада находятся въ загороди, то леопардъ, при случаѣ, устраиваетъ, говорятъ, настоящую бойню и въ одну ночь умерщвляетъ дюжину и болѣе овецъ. Поэтому владѣльцы скота боятся его гораздо болѣе, чѣмъ другихъ хищниковъ, которые по большей части довольствуются одною добычей. За курами онъ охотится постоянно. Въ южной Африкѣ полагаютъ, что онъ предпочитаетъ козъ овцамъ. «Фермеръ», говоритъ Фритшъ, «доволенъ поэтому, если его пастухъ держитъ нѣсколько собственныхъ козъ, такъ какъ если козы пасутся вмѣстѣ съ его овцами, то леопардъ навѣрное схватитъ первыхъ и пощадитъ его скотъ». Это мнѣніе возникло, конечно, главнымъ образомъ, потому, что козы менѣе быстры, чѣмъ овцы, и особенно при дальнихъ переходахъ и путешествіяхъ гораздо скорѣе устаютъ, чѣмъ овцы, отстаютъ, и такимъ образомъ легче достаются хищнику.

Со смѣлостью и хищностью леопардъ соединяетъ еще величайшую дерзость. Нагло и безстыдно проникаетъ онъ въ самое село или городъ и даже въ обитаемыя хижины. Когда Рюппель находился въ абиссинской провинціи Сименъ, большой леопардъ схватилъ не далеко отъ лагеря и среди бѣла дня одного изъ ословъ, но былъ своевременно прогнанъ крикомъ мальчиковъ-пастуховъ. «Около Гондара», говоритъ тотъ же естествоиспытатель: «насъ разбудилъ крикъ козы, находившейся на нашемъ дворѣ. Оказалось, что леопардъ перелѣзъ черезъ стѣну, окружавшую дворъ и имѣвшую 9 футовъ вышины, и схватилъ за горло спавшую козу. Выстрѣлъ изъ пистолета, не попавшій въ цѣль, прогналъ хищника со двора, на которомъ онъ оставилъ умирающую козу. Черезъ два часа леопардъ снова перескочилъ на дворъ и проникъ даже въ мою спальню, гдѣ лежала мертвая коза. Услышавъ, что мы вскочили, онъ снова убѣжалъ невредимымъ. Семь дней спустя мы были разбужены ночью жалобнымъ крикомъ нашихъ куръ, которыя сидѣли высоко подъ крышей прихожей на подвѣшенномъ шестѣ. Три леопарда сразу задумали сдѣлать намъ визитъ. Въ то время, какъ мой негръ Абдаллахъ, взведя курокъ ружья, прислушивался къ ворчанію одного изъ этихъ звѣрей на переднемъ дворѣ около муловъ, я увидѣлъ двухъ остальныхъ на стѣнѣ задняго двора, куда я направился; они расхаживали тихимъ, но такимъ увѣреннымъ шагомъ, что я былъ совершенно пораженъ. Слишкомъ большая темнота ночи дѣлала невозможнымъ вѣрный выстрѣлъ. Такъ какъ леопардамъ удалось схватить нѣсколько куръ, то мы могли быть увѣрены въ скоромъ повтореніи ихъ посѣщенія. Дѣйствительно, они явились снова уже на слѣдующую ночь. Но одному изъ нихъ, который поималъ уже двухъ птицъ, пришлось поплатиться жизнью, такъ какъ Абдаллахъ удачнымъ выстрѣломъ раздробилъ ему хребетный столбъ».

Леопардъ далъ и мнѣ поразительное доказательство своей отваги и кровожадности. Мы ѣхали верхомъ въ предобѣденное время черезъ часть Богосскихъ горъ. Вдругъ мы услышали надъ собою всегда возбуждающій къ охотѣ ревъ большихъ павіановъ и рѣшили испробовать на нихъ свои ружья. Наши люди остались внизу въ долинѣ, чтобы держать муловъ; мы медленно взобрались вверхъ по обрыву горы, выбрали довольно удобное мѣсто и открыли огонь по сидѣвшимъ выше обезьянамъ. Онѣ сидѣли довольно высоко и иные выстрѣлы не попадали въ цѣль; нѣкоторые оказались однако удачными: жертвы ихъ или падали внизъ или раненыя искали спасенія въ бѣгствѣ. Такъ, мы увидѣли, какъ одинъ очень старый гамадриль, раненый въ шею, хромя, невѣрной походкой спускался съ утеса и прошелъ мимо насъ, все ближе и ближе направляясь къ долинѣ, гдѣ мы рассчитывали найти его уже мертвымъ.

Вдругъ среди обезьянъ началось страшное смятеніе, а нѣсколько секундъ спустя раздался бѣшеный шумъ внизу въ долину. Всѣ павіаны самцы наклонялись внизъ съ края утеса, хрюкали, ворчали, ревѣли и яростно били руками по землѣ. Глаза всѣхъ были устремлены внизъ, все стадо бѣгало взадъ и впередъ; нѣкоторые особенно свирѣпые самцы стали спускаться по обрыву скалы. Мы думали уже, что на насъ будетъ произведено нападеніе и нѣсколько болѣе обыкновеннаго поторопились заряжать ружья. Въ это время вниманіе наше привлекъ шумъ внизу. Мы услышали, что собаки наши лаютъ, люди кричатъ, и различали наконецъ слова: «На помощь! На помощь! Леопардъ!» Всмотриваясь внизъ по обрыву, мы замѣтили дѣйствительно этого хищника, который слѣшилъ прямо къ нашимъ людямъ, но уже занялся какимъ-то предметомъ, который мы не могли разобрать, такъ какъ онъ былъ закрытъ леопардомъ. Вслѣдъ затѣмъ внизу раздалось два выстрѣла и все стихло, кромѣ продолжавшагося лай собакъ.

Все это совершилось такъ быстро, что мы все еще не знали, въ чемъ дѣло. Поэтому мы довольно поспѣшно спустились въ долину. Здѣсь мы нашли своихъ людей, которые въ самыхъ различныхъ позахъ смотрѣли, не сводя глазъ, на кустъ, гдѣ, какъ они говорили, сидѣлъ леопардъ. Я осторожно приблизился къ кусту, но какъ ни напрягалъ зрѣніе, все еще не могъ замѣтить животное. Тогда одинъ изъ людей указалъ рукою на определенное пятно. Здѣсь, совсѣмъ близко передъ собою я увидѣлъ наконецъ лежащаго леопарда. Онъ былъ мертвъ. Шаговъ 10 далѣе по направленію къ долину лежалъ тоже мертвый гамадрилъ.

Теперь все объяснилось. Взбираясь наверхъ, мы безъ сомнѣнія прошли чрезвычайно близко мимо логовища хищника. Затѣмъ мы сдѣлали около 10 выстрѣловъ, щелканье которыхъ каждый разъ вызывало многократное эхо. Леопардъ бросился на раненую обезьяну, хромая спускавшуюся въ долину, несмотря на людей, которыхъ онъ видѣлъ и слышалъ, несмотря на пугающіе всѣхъ животныхъ выстрѣлы, несмотря на ясный, солнечный день. Сидя какъ всадникъ на конѣ, онъ съѣхалъ на павіанѣ внизъ въ долину и даже крикъ и шумъ людей не могъ прогнать его. Нашъ поварь, который оставался при лошадяхъ, какъ онъ признался «въ смертельномъ страхѣ», схватилъ второе ружье своего господина, направилъ его въ ту сторону, гдѣ находился леопардъ, и счастливо всадилъ ему пулю въ середину груди. Затѣмъ онъ убилъ и гамадрила, вѣроятно и самъ не зная, зачѣмъ. Какъ оказалось потомъ, леопардъ схватилъ обезьяну обѣими передними лапами прямо за морду и нанесъ здѣсь глубокія раны, а задними лапами пытался крѣпко вцѣпиться въ ягодицы животнаго, мѣстами впрочемъ давая имъ волочиться по землѣ. Непонятно для насъ было то, почему гамадрилъ, несмотря на полученную рану, не воспользовался своими страшными зубами.

Въ городахъ и селахъ, лежащихъ по близости отъ лѣса, леопардъ безпрестанно посѣщаетъ дома, похищаетъ здѣсь на глазахъ людей какое-нибудь животное и утаскиваетъ его, причемъ крикъ людей не въ силахъ сбить его съ толку и заставить бросить добычу. Всякое домашнее животное годно ему; онъ съ особенной охотою хватается даже собакъ, хотя онѣ храбро защищаются. Во многихъ мѣстностяхъ Африки туземцы принуждены строить для своихъ домашнихъ животныхъ крѣпкія помѣщенія изъ бревенъ и толстыхъ кольевъ, чтобы ихъ хотя ночью защитить отъ леопарда.

Если леопардъ думаетъ, что его дѣтенышамъ грозитъ опасность, если на него нападаютъ или ранять его, то онъ иногда бросается на противника, какъ бѣшеный. Кеммингъ рассказываетъ, что, когда одинъ изъ его друзей только ранилъ пантеру, она мгновенно бросилась на него, сбила его съ ногъ и ужасно истер-

зала; но къ счастью ему удалось спастись, такъ какъ и самъ противникъ его тотъ часъ же околѣлъ отъ полученной раны. То же самое случилось въ странѣ Хереро и съ молодымъ Эриксономъ, извѣстнымъ южно-африканскимъ охотникомъ, когда онъ въ первый разъ выстрѣлилъ въ леопарда. Слуга пастора Стелла въ странѣ Богосъ былъ, какъ мнѣ сообщили, умерщвленъ леопардомъ, въ котораго онъ выстрѣлилъ. Извѣстны также случаи, когда этотъ хищникъ нападалъ на людей, даже не будучи ничѣмъ раздраженъ. Кольбе рассказываетъ, что на бургомистра Капштадта неожиданно бросился леопардъ; ему удалось, правда, послѣ упорной борьбы одолѣть животное, но онъ долго страдалъ потомъ отъ ранъ. Въ Абиссиніи ежегодно происходятъ несчастные случаи; леопарды нападаютъ даже на взрослыхъ вооруженныхъ людей и умерщвляютъ ихъ, еще чаще схватываютъ они дѣтей.

И въ западной Африкѣ леопардъ тоже угрожаетъ иногда людямъ. Пехуаль Леше рассказываетъ два подобныхъ случая, происшедшихъ на берегу Лоанго въ серединѣ семидесятыхъ годовъ. Одинъ леопардъ пробрался въ рыбацкой деревнѣ сквозь камышевую стѣну хижины и напалъ на спавшую тамъ дѣвушку, у которой въ это время были крови. Дѣвушка была достаточно сильна, чтобы обороняться отъ хищника, который и былъ прогнанъ поднявшимся въ деревнѣ шумомъ. Дѣвушка оказалась жестоко исцарапанной. Другой разъ леопардъ явился подвечеръ въ Юмба на дворъ факторіи и схватилъ мальчика—туземца, который заимался на верандѣ жилого дома чистой ножей. Храбрая собака напала на хищника, который бросилъ человѣка, но за то схватилъ собаку и убѣжалъ съ нею въ ближній лѣсъ. Мальчикъ на слѣдующій день умеръ отъ ранъ. Это были единственные случаи на памяти людей въ этой обширной береговой полосѣ, что леопарды нападали на людей, не будучи раздражены; поэтому туземцы были твердо увѣрены, что имѣли дѣло съ оборотнями. Леопардъ въ Юмба какъ до того, такъ и послѣ дѣлалъ мѣстность небезопасной. Разъ онъ среди бѣла дня прошелъ по открытому мѣсту передъ факторіей въ 50 шагахъ отъ управляющаго, который разговаривалъ съ толпою шумѣвшихъ туземцевъ. Засады, подкарауливаніе и охота съ загонщиками были одинаково безуспѣшны, между тѣмъ какъ дерзкаго хищника видѣли то на одномъ, то на другомъ берегу широкой рѣки Банья и онъ похищалъ овецъ, козъ, собакъ, куръ. Лишь два года спустя удалось одному англичанину убить крупной дробью это страшное животное, когда оно днемъ, преслѣдуя нѣсколькихъ овецъ, забѣжало во дворъ дома. Вообще же въ Лоанго и прилежащихъ областяхъ не особенно боятся леопардовъ: мужчины, женщины, дѣти безстрашно ходятъ по лѣсамъ и чащамъ, гдѣ живутъ эти хищники. О леопардахъ людодѣдахъ въ Африкѣ вовсе не слышно.

Не то мы видимъ въ Индіи. По даннымъ официальныхъ учрежденій въ послѣднее десятилѣтіе (до 1886 г.) въ этой странѣ леопардами ежегодно умерщвлялось по 194—300 человѣкъ, а всего за это время 2368; въ то же время ежегодно убивалось по 3047—5466 этихъ звѣрей. Сколько этихъ несчастныхъ случаевъ причинено раздраженными или ранеными животными, объ этомъ имѣется точно такъ же мало свѣдѣній, какъ и относительно тигра. Сандерсонъ говоритъ рѣшительно, что ему не встрѣтилось ни одного случая, когда бы пантеры стали, подобно тигру, людодѣдами, хотя на это и жалуются въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи. Блэнфордъ пишетъ, что онѣ «иногда приучаются пожирать людей, и въ этомъ случаѣ, благодаря своей смѣлости, становятся даже болѣе страшными бичами, чѣмъ тигры съ такими же привычками».

По словамъ Стерндаля и Форсита, населеніе центральныхъ провинцій особенно страдало отъ пантеръ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, и Форсита рассказываетъ объ одной пантерѣ, которая въ 1858 г. умертвила въ Сеони около 100 человѣкъ,

пока ее не убилъ одинъ шикари. Она прокрадывалась въ дома, чтобы душиль въ постеляхъ спящихъ, и взбиралась на деревья и постройки, чтобы оттуда бросаться на полевыхъ сторожей. Если ее прогоняли съ одного конца деревни, то она спѣшила на другой и во время суматохи находила себѣ жертву. Къ тому же животному относятся еще болѣе грустныя данныя, приводимыя другимъ свидѣтелемъ, Стерндалемъ, по которымъ леопардъ-людоедъ свирѣпствовалъ въ теченіе трехлѣтъ въ области, имѣющей километровъ 30 въ поперечникѣ, и умертвилъ тамъ болѣе 200 человѣкъ, однажды даже троихъ въ одну ночь. Повидимому онъ умерщвлялъ иногда изъ одной только страсти къ убійству, такъ какъ много разъ находили его жертвы совершенно нетронутыми, кромѣ перекушеннаго горла. Стерндаль отличаетъ правда, именно это животное, какъ леопарда отъ пантеры; но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что оно принадлежало къ менѣе крупнымъ представителямъ этого вида, такъ какъ онъ примѣняетъ на выворотъ употребительныя названія. По указаніямъ его, эта пантера, при всей своей отвагѣ, была необыкновенно труслива, и ее можно было отогнать отъ жертвы крикомъ или если на шумъ сбѣгались люди.

Къ этому животному тоже примѣнялась сказка объ оборотняхъ. Рассказываютъ именно, что два странника, мужъ и жена, возвращались домой съ паломничества въ Бенаресь: имъ встрѣтилась на пути большая пантера, которая испугала женщину. Мужъ ободрилъ ее увѣреніемъ, что несетъ съ собою порошокъ, который онъ можетъ принять и превратиться въ любое животное. Онъ передалъ часть его женѣ съ тѣмъ, чтобы она потомъ отдала его ему, чтобы снова сдѣлаться человѣкомъ, а остальную часть порошка проглотилъ, превратился въ пантеру и прогналъ дѣйствительную пантеру, стоявшую на дорогѣ. Но когда онъ возвратился, чтобы снова принять свой прежній видъ, жена испугалась его и уронила въ грязь остатки волшебнаго средства, гдѣ онъ и пропалъ. Такимъ образомъ мужу пришлось на всегда оставаться пантерой; въ ярости онъ сначала растерзалъ жену, а потомъ сталъ страшнымъ людоедомъ Сеони.

Если имѣющіяся данныя и неполнѣ согласны между собою, то тѣмъ не менѣе мы можемъ принять вмѣстѣ съ Блэнфордъ, что въ нѣкоторыхъ областяхъ Индіи пантеры иногда дѣйствительно становятся настоящими людоедами. Большое значеніе имѣютъ при этомъ тѣ обстоятельства, при которыхъ эти животныя имѣютъ случай отвѣдать человѣческаго мяса. Приведенные выше случаи относятся именно ко времени кроваваго военнаго возстанія, когда обиліе человѣческихъ труповъ приучило животныхъ къ человѣческому мясу. Не даромъ же говорить, что и тигры-людоеды болѣе всего свирѣпствовали именно въ это время.

По Тенненту, можно бы думать, что пантеры на Цейлонѣ тоже занимаются охотой на людей, однако данныя объ этомъ недостаточно точны, такъ какъ не даютъ права заключать съ увѣренностью, что въ данномъ случаѣ животное дѣйствительно вело образъ жизни людоеда въ полномъ смыслѣ этого слова; несчастные же случаи съ людьми происходятъ иногда повсюду, гдѣ водятся наши хищники. Леопардъ еще и потому считается болѣе опаснымъ, чѣмъ тигръ, котораго однако по болѣе части охотно выставляютъ самымъ страшнымъ животнымъ, что онъ болѣе смѣль и дерзокъ, не боится человѣка и такъ же охотно схватываетъ ребенка или взрослога человѣка, какъ и домашнее животное, смотря по тому, кто ему подвернется. Никто въ Индіи не назоветъ пантеру безвредной, а тигра, умерщвляющаго только дичь и похищающаго скотъ, иадѣйцы считаютъ за безвреднаго звѣря.

Блэнфордъ говоритъ, что пантера охотище всего хватаетъ шакаловъ и собакъ; Сандерсонъ называетъ лишь собакъ. Вообще же она нападаетъ на всѣхъ и пожираетъ все, что попадется: рогатый скотъ, лошадей, ословъ, овецъ, козъ, свиней.

антилопъ, обезьянъ, павлиновъ, куръ и всякихъ мелкихъ животныхъ до мыши и ящерицы: она не брезгаетъ и падалью. Извѣстны случаи, когда она нападала на лошадей около лагеря путешественниковъ и охотниковъ, но не приводится ни одного случая, когда бы она похищала людей, сопровождавшихъ этихъ лошадей. Большимъ животнымъ она, какъ говорятъ, часто, подобно льву и тигру, перегрызаетъ затылокъ. Бэкеръ приводитъ одинъ такой случай на Цейлонѣ, когда пантера пала на большого быка; чаще же она разрываетъ имъ лишь горло, какъ и болѣе мелкимъ животнымъ. Добычу свою она старается утащить и спрятать: Форсайтъ увѣряетъ, что она иногда втаскиваетъ добычу на деревья и сохраняетъ ее въ развилкахъ вѣтвей; онъ самъ нашелъ разъ въ этомъ положеніи трупъ только-что унесеннаго ребенка. Блэнфордъ тоже говоритъ: «то, что пантеры не съѣдаютъ, онѣ прячутъ очень часто на деревьяхъ».

Пантеры живутъ какъ въ большихъ лѣсахъ и на опушкахъ ихъ, такъ и въ мѣстахъ, поросшихъ кустарникомъ, и въ застроенныхъ мѣстахъ по близости человѣческихъ жилищъ. По Блэнфорду—болѣе мелкіе изъ этихъ хищниковъ, слѣдовательно тѣ, которые и въ Индіи называются леопардами, а по Сандерсону болѣе крупные, слѣдовательно пантеры, предпочитаютъ послѣднія мѣста; по Эллиоту болѣе мелкіе предпочитаютъ углубленія въ скалахъ; отсюда опять-таки видно, какъ трудно различать ихъ. Всѣ леопарды любятъ отдѣльныя скалистыя вершины, которыя, что характерно для центральной Индіи, усѣяны глыбами и обломками камней и доставляютъ имъ превосходныя убѣжища. Повидимому эти убѣжища сильно привлекаютъ пантеръ, и Форсайтъ рассказываетъ, что одинъ шикари въ теченіе года убилъ изъ засады на одномъ изъ такихъ холмовъ 52 пантеры; это вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо поясняетъ обиліе пантеръ. Изъ такихъ разбойничьихъ замковъ онѣ выходятъ, по Сандерсону, подъ вечеръ и обходятъ свой охотничій районъ, ища запоедалаго или возвращающагося домой въ-разбродъ скота, и производятъ свои нападенія. При этомъ онѣ часто сталкиваются съ туземцами и нерѣдко случается, что въ деревняхъ или прилегающихъ къ нимъ плантаціяхъ, среди шума и суматохи, люди убиваютъ одну изъ пантеръ послѣ храбраго сопротивленія съ ея стороны; каждый изъ жителей спѣшитъ при этомъ на мѣсто побоища, чтобы излить свой гнѣвъ на ненавистнаго хищника. При этомъ многимъ достаются раны отъ когтей и зубовъ звѣря; случаются и болѣе серьезныя несчастія.

Правильная охота на пантеръ труднѣе, чѣмъ на тигровъ. Хотя ихъ и гораздо больше, но онѣ не имѣютъ такой сильной потребности въ водѣ, не связаны съ опредѣленной мѣстностью и потому ихъ гораздо труднѣе найти, тѣмъ болѣе, что онѣ обладаютъ изумительной способностью всюду прятаться. Что онѣ къ тому же представляютъ болѣе мужественныхъ и ловкихъ противниковъ, чѣмъ тигры, почему охотникамъ не легко убить ихъ, это ясно видно изъ всѣхъ рассказовъ. Онѣ иногда смѣло кидаются на слоновъ, нападаютъ и на загонщиковъ, и съ крайнимъ ожесточеніемъ нѣсколько разъ сряду бросаются на встрѣчу преслѣдователямъ; мать упорно защищаетъ своихъ дѣтенышей даже при такихъ обстоятельствахъ, когда тигрица оставила бы ихъ на произволъ судьбы; она нападаетъ даже, не будучи вызвана на это. Форсайтъ рассказываетъ, какъ очевидецъ, рядъ крайне характерныхъ случаевъ, а Блэнфордъ подтверждаетъ каждую подробность.

Сандерсонъ тоже считаетъ пантеру болѣе раздражительной, мужественной и гораздо болѣе рѣшительной въ своихъ нападеніяхъ, чѣмъ тигръ. Во всѣ его охоты на тигровъ ни ему, ни кому-нибудь изъ загонщиковъ и помощниковъ ни разу не пришлось пострадать, между тѣмъ какъ на болѣе рѣдко устранившихся охотахъ на пантеръ два раза сильно пострадало по нѣскольку людей. Разъ пантера-самецъ,

которую они выслѣживали на скалистомъ холмѣ, гдѣ она пряталась, неожиданно бросилась на нихъ, въ одно мгновеніе очень опасно искусила и изранила когтями двухъ туземцевъ и была застрѣлена Сандерсономъ въ послѣднее мгновеніе, когда она бросалась на него самого. Другая, которую хотѣли поймать въ сѣть, бросилась на только-что выставленные тенета, опрокинула ихъ, бросилась на стоящаго около сторожа, раврвала ему лѣвую руку и исчезла, прежде, чѣмъ кто-нибудь могъ помочь ему. За нею погнались и нашли ее спрятавшейся въ группѣ кустовъ и снова окружили сѣтями; но она упорно не хотѣла покинуть чащу, не смотря на бросаемые палки и камни. Преслѣдователи были слишкомъ раздражены, чтобы терпливождать: Сандерсонъ сопровождаемый плотно сомкнувшейся толпою своихъ спутниковъ, вооруженныхъ копьями, вступилъ въ окруженное сѣтями пространство и направился въ кусты. Какъ мы знаемъ, тигръ всегда отступаетъ передъ такой фалангой; но эта пантера вдругъ выскочила изъ своего убѣжища, съ быстротою молніи набросилась на человѣка, третьяго слѣва отъ Сандерсона, изранила его когтями, сдѣлала тоже со стоявшимъ около него и позади него, прорвалась черезъ середину толпы и исчезла прежде, чѣмъ копье или пули коснулись ея. Такимъ образомъ одна и та же пантера въ одинъ день изранила четырехъ изъ своихъ преслѣдователей и невредимо спаслась сама.

Гдѣ водится леопардъ или пантера, тамъ противъ нихъ ведутъ непримиримую войну. Способы охоты естественно крайне различны, такъ какъ огнестрѣльное оружіе играетъ роль лишь мѣстами; вообще же это единственное оружіе, гарантирующее охотника и въ то же время обещающее ему успѣхъ. Шикари въ Индіи сажаютъ козленка или собаку въ яму, прикрытую плетнемъ, и помѣщаются около въ возможно безопасномъ мѣстѣ, откуда и убиваютъ изъ ружья подкрадывающагося хищника. Но чтобы приманить его, надо заставить приманку кричать. Для этого они укрѣпляютъ крючекъ въ ухѣ козленка или собаки и дергаютъ его съ помощью шнурка, вызывая такимъ образомъ по желанію жалобные крики. При этомъ у кроткаго индуса не появляется никакого чувства жалости. У кого есть хорошія собаки и кто охотится на этого хищника днемъ, тому нечего бояться его ни въ Азіи, ни въ Африкѣ. Собаки, которыхъ, правда, сами подвергаются при этомъ величайшей опасности, занимаютъ его и даютъ охотнику время неторопясь послать въ пеструю шкуру хорошей зарядъ крупной дроби или вѣрную пулю.

Такъ какъ леопардъ или пантера настолько отважнѣе и кровожаднѣе тигра, то его легче и перехитрить; при этомъ употребляются всѣ способы ловли, которые были уже приведены при описаніи льва и тигра. Въ Абиссиніи патерь Филиппини поймалъ до 25 леопардовъ въ ловушки, устроенныя по образцу мышеловокъ, но понятно гораздо большія. Въ самомъ заднемъ отдѣленіи ловушки въ качествѣ приманки помѣщала еурица или молодая коза. Раньше или позже кровожадность преодолевала осторожность, и хищникъ сидѣлъ въ тюрмѣ, гдѣ на слѣдующее утро патерь спокойно и безопасно убивалъ его выстрѣломъ.

Разъ въ такую ловушку попался и левъ, но для него не была еще отлита пуля. Въ гнѣвѣ онъ однимъ ударомъ лапы разбилъ дверь ловушки и убѣжалъ. Такую же ловушку употребляютъ и въ южной Африкѣ. Для всей окрестной страны бываетъ праздникъ, если одна изъ нихъ исполнить свое назначеніе и отдать ненавистнаго хищника во власть человѣка.

Азіатскіе вельможи употребляютъ для боевъ вмѣсто тигра также и пантеру. Такой ромпокъ на Явѣ описываетъ въ новѣйшее время Гаясъ Мейеръ. «Толпа туземцевъ, состоящая изъ многихъ тысячъ, тѣсно окружала четырехугольную часть дуга. Это внутреннее пространство, имѣвшее около 500 шаговъ въ длину и ши-

рину, представляло собственно арену, окруженную со всѣхъ сторонъ живой стѣною вооруженныхъ копьями яванцевъ; это не были служащіе или мѣстные солдаты, а просто яванцы, жадные до интереснаго зрѣлища. Тамъ, гдѣ на одной сторонѣ арены была построена эстрада для резидента и регентовъ, вооруженные копьями люди стояли нѣсколько чаще, въ другихъ мѣстахъ они стояли лишь въ одинъ рядъ; всего ихъ было 1800—2000. Позади ихъ тѣснилось множество зрителей, всѣ деревья вокругъ были полны ихъ. Посрединѣ арены стоялъ большой продолговатый деревянный ящикъ, содержавшій животное, предназначенное для боя, позади него, лицомъ къ княжеской эстрадѣ, сидѣли, скорчившись на землѣ, восемь туземцевъ, тоже вооруженныхъ копьями; это и были собственно бойцы. Около нихъ сидѣлъ молодой человекъ въ красной курткѣ, вооруженный лишь своимъ «крисомъ», т. е. княжалою, своего рода пикадоръ, задача котораго заключалась въ томъ, чтобы открыть клѣтку. Ровно въ пять часовъ раздался съ эстрады знакъ начинать представленіе. Копьеносцы сняли ножи съ отточенныхъ наконечниковъ копій и наклонили оружіе какъ для приступа; восемь бойцовъ ромпока, выстроившись въ два ряда, сдѣлали то же; а пикадоръ сталъ передъ ящикомъ, привѣтствовалъ опустившись на колѣна находившихся на эстрадѣ, затѣмъ повернулся къ ящику, перерѣзалъ крисомъ нѣсколько веревокъ и сильнымъ движеніемъ вытянулъ обѣ продольныя стѣнки. Мы увидѣли великолѣпную пантеру. Пикадоръ, опустившись на колѣна, повторилъ свое привѣтствіе и, не бросивъ ни одного взгляда назадъ, размѣреннымъ шагомъ прошелъ и сталъ позади своихъ товарищей. При видѣ такого стоическаго спокойствія я тотчасъ же пересталъ беспокоиться за этого смѣльчака. Ослѣпленный сначала свѣтомъ звѣрь, прилегая къ землѣ, выползъ изъ своей тѣсной темницы; затѣмъ, испуганный камнемъ, брошеннымъ пикадоромъ, онъ сдѣлалъ прыжокъ въ сторону и съ недоумѣніемъ осмотрѣлся въ этомъ странномъ кругѣ. Копьеносцы медленно приближались къ нему замкнутымъ рядомъ; вдругъ пантера замѣтила ихъ, прилегла къ землѣ, размахивая хвостомъ, и однимъ высокимъ прыжкомъ бросилась на враговъ. Раненое во время прыжка двумя остріями копій, животное упало назадъ, отбѣжало въ другую сторону и, громко заревѣвъ отъ ярости и боли, побѣжало вдоль направленного на него ряда копій. Наконецъ пантера остановилась, съ быстротою молніи снова обратилась къ приближающейся фалангѣ, снова сдѣлала прыжокъ и опять упала назадъ; на этотъ разъ изъ тѣла ея торчала переломленная рукоятка копья. Теперь она какъ безумная побѣжала на копыя; отвратительное зрѣлище представилось намъ, когда животное, окончательно лишенное силъ и раненое сразу всѣми восемью копьями, сдѣлало наконецъ попытку бѣжать, обливаясь кровью и волоча за собою выпущенныя внутренности. Тогда съ трибуны прозвучалъ наконецъ второй сигналъ и люди, вооруженные копьями, сотнями бросились изъ окружающей толпы на животное, отъ котораго видѣлась лишь безформенная масса: каждый желалъ омочить свое оружіе въ его крови. Такъ какъ второго хищника не имѣлось, то народъ скоро разошелся и черезъ полчаса на этомъ мѣстѣ снова была глубокая тишина.

«Не всегда эти битвы оканчиваются такъ хорошо. Часто леопардъ бѣшеннымъ натискомъ прорываетъ ряды копьеносцевъ и его удается одолѣть лишь послѣ жестокой битвы внѣ арены, или же пантера перепрыгиваетъ черезъ фалангу и взбирается на одно изъ стоящихъ по близости деревьевъ, такъ что сидящіе на немъ зрители падаютъ внизъ, какъ зрѣлые плоды, пока какой нибудь мужественный яванецъ не вонзитъ ей въ бокъ свой крисъ; или же звѣрь въ послѣднее мгновеніе наноситъ удары вокругъ себя и ранитъ многихъ человекъ. Это впрочемъ и пола-

гается при этомъ, такъ какъ безъ того варварское игрище не имѣло бы въ глазахъ туземцевъ своей главнѣйшей привлекательности*.

Отъ убитаго леопарда не пользуются ничѣмъ, кромѣ его пестрой шкуры, которая по своей красотѣ всюду стоитъ въ хорошей цѣнѣ и употребляется въ Европѣ на чепраки и украшеніе комнатъ. Въ Суданѣ эти шкуры высоко цѣнятся и при томъ болѣе неграми, чѣмъ магометанами; послѣдніе употребляютъ ихъ самое большое на покрывку ногъ, между тѣмъ, какъ негры видятъ въ нихъ знакъ побѣды. Среди народовъ Банту шкура леопарда тоже пользуется почетомъ и савонники любятъ украшать себя кромѣ когтей также лобными повязками и т. п. изъ шкуры леопарда; у многихъ она считается королевскимъ украшеніемъ, которое не прилично простому человѣку. Восточно-африканскіе старшины обыкновенно насаживаютъ головы убитыхъ леопардовъ на шести около главныхъ воротъ деревни *).

Время спариванія леопарда приходится на мѣсяцы, предшествующіе веснѣ тѣхъ странъ, гдѣ онъ живетъ. Въ это время часто собираются въ одно мѣсто нѣсколько самцевъ, отвратительно кричатъ на подобіе влюбленныхъ кошекъ, но гораздо громче и болѣе низкими тонами и свирѣпо дерутся между собою. Какъ извѣстно изъ наблюденій надъ животными, содержавшимися въ неволѣ, самка, послѣ приблизительно 90-дневной беременности, рождаетъ на свѣтъ 3—5 слѣпыхъ дѣтенышей, которые открываютъ глаза на десятый день. Продолжительность беременности у живущихъ на свободѣ точно неизвѣстна. Блэнфордъ полагаетъ, что у пантеры беременность продолжается не менѣе 15 недѣль. Въ Индіи дѣтеныши, числомъ 2—4, рождаются приблизительно въ февралѣ и мартѣ. Это маленькія, крайне привлекательныя созданія, какъ по своей внѣшности, такъ и по игривости нрава. Они, какъ кошки, весело играютъ между собою и съ матерью, которая нѣжно любить и мужественно защищаетъ ихъ. На свободѣ она прячетъ свое потомство въ пещерѣ скалы, подъ корнями большого дерева, въ густыхъ кустарникахъ, но какъ скоро дѣтеныши достигли величины крупной кошки, они сопровождаютъ самку въ ея ночныхъ походахъ за добычей; благодаря хорошему обученію которымъ пользуются, они скоро научаются самостоятельно добывать себѣ пропитаніе. Мать, кормящая молокомъ дѣтенышей, становится бичемъ для всей области. Она грабить и умерщвляетъ съ величайшей смѣлостью, не тѣмъ не менѣе становится болѣе осторожной, чѣмъ когда-либо, и благодаря этому лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удается овладѣть ею или дѣтенышами. Впрочемъ леопарды причиняютъ очень много вреда на одномъ и томъ же мѣстѣ уже во время спариванія, хотя пока они заняты любовью, они, говорятъ, менѣе кровожадны и хищны. Ихъ замѣчали иногда одновременно по 6—8 штукъ.

Хотя лишь самая незначительная часть леопардовъ, пойманныхъ молодыми или старыми, привозится въ Европу, однако эта красивая кошка вовсе не рѣдка въ зоологическихъ садахъ и зверинцахъ. При надлежащемъ уходѣ леопардъ долго выноситъ неволю. Онъ требуетъ, какъ всѣ кошки, теплой и чистой клѣтки и ежедневно нѣсколько болѣе одного килограмма хорошаго мяса; въ другихъ отношеніяхъ онъ очень невзыскателенъ. При особенно хорошемъ расположеніи духа онъ непрерывно прыгаетъ взадъ и впередъ по клѣткѣ, быстрыми, своеобразными и ловкими прыжками, которые обыкновенно составляютъ два концентрическихъ круга. Для отдыха онъ избираетъ, пока не свыкнется со своею обстановкой, самый темный уголокъ

*) Шкуры леопардовъ въ прежнее время часто одѣвались въ видѣ ментиковъ гусарами въ Венгріи и Польшѣ, а до сихъ поръ на каскахъ французскихъ драгунъ красуется кусокъ шкуры этого животнаго.

своей клѣтки, позднѣе же предпочитаетъ высокую древесную вѣтвь или нѣчто подобное. Если ему не мѣшать, то онъ спитъ среди дня по нѣскольку часовъ сряду; но какъ ни крѣпко онъ, повидимому, спитъ, тѣмъ не менѣе хорошо слышитъ каждый шумъ, уши его настораживаются, глаза открываются, чтобы изслѣдовать причину шума, и вниманіе напрягается. Каждое животное, проходящее мимо его клѣтки, возбуждаетъ его кровожадность: онъ беззвучно присѣдаетъ къ землѣ, готовится къ прыжку и слѣдитъ за всѣми движеніями страстно желаемой добычи, если даже онъ безчисленными опытами убѣдился въ томъ, что рѣшетка клѣтки дѣлаетъ бесплодную всякую попытку хищничества. Его хищная природа сказывается въ этомъ; онъ по крайней мѣрѣ пытается совершить какой-нибудь разбой. Стоитъ дать ему больше свободы, чѣмъ прежде, въ немъ опять становится замѣтнымъ прежній нравъ и снова узнаешь въ немъ хищника пустынь; какимъ онъ былъ на свободѣ, такимъ остается и въ неволѣ.

Во время моего пребыванія въ Африкѣ я долгое время держалъ въ неволѣ леопарда-самца, но никогда не могъ добиться того, чтобы между мною и имъ установились свосныя отношенія. Какъ скоро я приближался къ клѣткѣ, онъ выражалъ свое неудовольствіе оскаливаніемъ и щелканьемъ зубовъ, а также хриплымъ фырканьемъ; если-же я подходилъ хоть на дюймъ ближе обыкновеннаго, то могъ быть увѣренъ, что онъ постарается ударить меня лапой и притомъ конечно всегда въ такое время, когда я менѣе всего ожидалъ этого. Я приказалъ посадить его на длинную цѣпь, какъ и всѣхъ хищниковъ, которыхъ я везъ съ собою, и такимъ образомъ могъ доставить себѣ удовольствіе выпускать его иногда изъ клѣтки. Какъ только онъ выходилъ на дворъ, онъ начиналъ формально бѣсноваться, прыгалъ какъ сумасшедшій вверхъ, потягивался, строилъ гримасы, фыркалъ и бросалъ во всѣ стороны самыя дикіе взгляды. При этомъ онъ тотчасъ же кидался на каждого, кто приближался къ нему, и дѣлалъ такіе краснорѣчивыя жесты, что мы хорошо знали, что онъ растерзалъ бы насъ, если-бы могъ до насъ добраться. Чѣмъ болѣе я удлинялъ цѣпь съ помощью привязанной къ ней веревки, тѣмъ безумнѣе становились его движенія, тѣмъ болѣе увеличивалась его ярость. Вся дикость свободнаго животнаго, которая въ теченіе долгаго времени была насильно подавлена, казалось, прорывалась наружу, кровожадность выказывалась очень ясно, и его глаза грозили всѣмъ остальнымъ животнымъ смертью и уничтоженіемъ. Обезьяны со звуками, похожими на полосканіе горла, прыгали вверхъ по стѣнамъ, жердямъ и столбамъ, козы боязливо блеяли, страусы, какъ сумасшедшіе, бѣгали взадъ и впередъ по своей клѣткѣ, злобно посматривалъ левъ на нектоваго Роланда. Этотъ послѣдній пытался освободиться всѣми возможными способами, и не разъ мы испытывали страхъ и безпокойство при этихъ наблюденіяхъ. Труднѣе всего было возвратитъ леопарда обратно въ клѣтку. Добровольно онъ не входилъ въ нее, а принудитъ его къ этому было почти невозможно. Угрозы были безсильны надъ нимъ: если мы показывали ему кнутъ, онъ въ отвѣтъ показывалъ намъ когти; если мы кричали на него, онъ фыркалъ и ревелъ, если подходили къ нему, онъ ложился, приготовляясь къ прыжку. Нужно было сломить его сопротивленіе, не причиняя ему никакого вреда: онъ принадлежалъ не мнѣ, и я долженъ былъ его щадить. Я ни разу не посмѣлъ пустить въ дѣло кнутъ, вырѣзанный изъ кожи гишопотама, который для другихъ животныхъ обыкновенно оказывался совершенно достаточнымъ; и я не осмѣливался дѣлать это потому, что кнутъ казался мнѣ не достаточно длиннымъ, а между тѣмъ я долженъ былъ загнать животное въ клѣтку. Я взялъ поэтому новую конюшенную метлу и укрѣпилъ ее на длинномъ тонкомъ шестѣ; этою метлой я и колотилъ его, но и она оказалась бесполезной, и я долженъ былъ подумать о другихъ средствахъ.

Лучше всего, какъ я случайно открылъ, было обливать его водою, и въ этомъ случаѣ мнѣ опять сослужилъ отличную службу ручпой насосъ. Какъ только ему выливали ведро воды на голову, или нѣсколько времени обливали его струей воды изъ насоса, онъ старался какъ можно скорѣе уйти въ клѣтку, а позднѣе я добился того, что стоило мнѣ показать ему насосъ и метлу, какъ онъ мгновенно убѣгалъ въ свое убѣжище.

Тѣмъ не менѣе леопардовъ тоже можно приручать почти такъ же, какъ льва и тигра, хотя обыкновенно въ болѣе продолжительный промежутокъ времени. Именно самые дикіе экземпляры часто становятся, говорятъ, если не самыми ручными, то по крайней мѣрѣ самыми понятливыми. Однако характеръ этихъ животныхъ бываетъ очень различенъ: нѣкоторые изъ нихъ научаются своимъ, такъ называемымъ, фокусамъ въ 8—14 дней, другія не научаются ничему; укротители звѣрей называютъ ихъ поэтому «глухими» и стараются какъ можно скорѣе сбыть ихъ. Пантеры, которыя съ юности имѣли дѣло съ умными воспитателями, становятся на столько же ручными, какъ и другія большія кошки, охотно принимаютъ ласки отъ знакомыхъ, издавая довольное мурлыканье, и нѣжно прижимаются къ хозяину, изгибая свое змѣеобразное гибкое тѣло, или по крайней мѣрѣ съ довольнымъ видомъ трутся о рѣшетку своей клѣтки. Одна пантера, которую я держалъ, отвѣчала на зовъ особымъ фырканьемъ, радостно прыгала на встрѣчу мнѣ и другимъ знакомымъ, протягивала ко мнѣ лапу, чтобы привлечь меня къ себѣ, позволяла гладить и ласкать себя и очень нѣжно лизала протянутую ей руку, совершенно какъ хорошо воспитанная собака. Она никогда и не думала пускать въ дѣло свои когти; ея опасныя лапы въ рукѣ друга всегда оставались мягкими и бархатистыми. У Крейцберга была пантера, которая была настолько благовоспитана, что ее рѣшались держать въ одной комнатѣ съ семействомъ хозяина и позволяли играть съ дѣтьми. Одинъ ребенокъ, четырехлѣтняя дѣвочка, пользовался особымъ расположениемъ животнаго и могъ обращаться съ нимъ какъ съ собакой, на примѣръ ложиться ему на грудь и засыпать въ этой позѣ, не боясь никакого коварства съ его стороны. Но полнаго довѣрія леопардъ можетъ заслуживать лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ: его необузданный характеръ, вспыльчивость и хитрость, которыя всѣ въ немъ признаютъ, что ясно выражается на лицѣ его, заставляютъ всегда опасаться съ его стороны коварнаго, злого поступка.

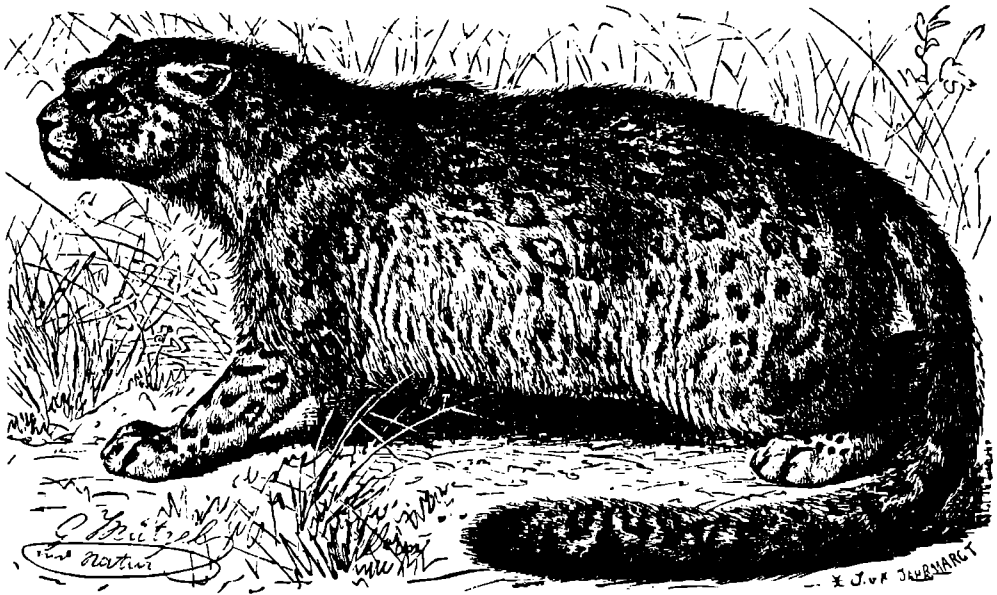
Изображеніе леопарда часто встрѣчается на египетскихъ памятникахъ. «Древнѣйшее извѣстное мнѣ изображеніе», сообщаетъ мнѣ Дюмикенъ, «находится на гробницѣ Птахъ-Хотепъ, на табличѣ, вырѣзанной во внутренности пирамиды, о которой я упоминалъ уже, говоря о львѣ, и относится къ третьему тысячелѣтію до начала нашего лѣтосчисленія. Среди рисунковъ и надписей этой гробницы, на одной стѣнѣ, во второмъ сверху ряду, виденъ леопардъ въ клѣткѣ, которую несутъ люди. Въ гробницѣ номарха Нехера, въ Бени-Хассанѣ, на одной сторонѣ стѣны нарисована великолѣпная охотничья сцена; среди представленныхъ на ней животныхъ, въ которыхъ князь Нехера и его сынъ Нехтъ воззаютъ свои стрѣлы, мы видимъ и леопарда. Напротивъ въ храмѣ съ террасами въ Деиръ эль-Баххери, построенномъ во время владычества Тутмосиса въ 17 столѣтіи до начала нашей эры, главные картины котораго я опубликовалъ въ своемъ сочиненіи «Флотъ египетской царицы», мы видимъ нѣсколько очень удачныхъ изображеній, которыя несомнѣнно представляютъ пантеру. Крайне характерно, что болѣе кроткій характеръ этого животнаго указывается тѣмъ, что люди ведутъ его на веревкѣ. Шкура леопарда, укрѣпленная на лѣвомъ плечѣ, служила особымъ знакомъ высокаго духовнаго званія; но и богиня Сафехъ «владычица письма и покровительница

библіотекъ», какъ ее называютъ въ надписяхъ, носятъ обыкновенно шкуру леопарда. Среди даней изъ южныхъ странъ, которыя обозначены на различныхъ памятникахъ въ видѣ изображеній и надписей, часто видны большія кучи шкуръ, которыя въ надписяхъ, сопровождающихъ рисунки, названы «шкурами леопардовъ юга». Наконецъ историческіе тексты, излагающіе подвиги царя, нерѣдко упоминаютъ, что его величество приходилъ въ чрезвычайную ярость «подобно леопарду».

У Римлянъ леопарды и пантеры часто употреблялись для звѣриныхъ боевъ въ столицѣ. Во времена Римлянъ пантера была въ Малой Азіи гораздо болѣе обыкновенна, чѣмъ теперь, и Целій писалъ Цицерону, который былъ тогда наместникомъ Сициліи: «Если я на своихъ бояхъ не показываю цѣлыхъ стадъ леопардовъ, то вина въ этомъ падеть на тебя». Скарръ первый прислалъ въ то время, какъ занималъ должность эдила, въ циркъ 150-тихъ животныхъ; затѣмъ Помпей послалъ 410, а Августъ 420 штукъ. По древнему рѣшенію сената было запрещено привозить въ Италію такъ называемыхъ «африканскихъ звѣрей»; но трибунъ Ауфидій сдѣлалъ народу предложеніе и добился позволенія привозить ихъ для представленій въ циркѣ. Это случилось въ 670 г. послѣ построенія Рима. Названіе леопардъ впервые употребилъ въ концѣ 3-го столѣтія историкъ Юлій Капитолинъ, такъ какъ думали, что это животное представляетъ помѣсь льва съ пантерой. Сюда же относятся и одно мѣсто изъ Плинія, который довольно хорошо знаетъ этихъ животныхъ, но говоритъ, что левъ чувствуетъ, если пантера сблизилась съ его львицей, и мститъ за это. Тотъ же естествоиспытатель рассказываетъ, что леопарды приманиваютъ всѣхъ четвероногихъ животныхъ своимъ запахомъ, но отпугиваютъ ихъ своею гадкой головою; поэтому они прячутся, чтобы ловить животныхъ, привлеченныхъ ихъ запахомъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что львы, леопарды и всѣ другіе звѣри того же рода имѣютъ языки шероховатые, какъ напильникъ, и лизаньемъ стираютъ имъ кожу человѣка. При этомъ даже ручные приходятъ въ ярость, когда доберутся до крови. Греки называли леопарда «Pardalis»; Аристотель нѣсколько разъ говоритъ о немъ. Онъ рассказываетъ, что у этого животнаго четыре соска, что оно покрыто пятнами, встрѣчается лишь въ Азіи, но никогда не попадаетъ въ Европѣ, что самки крабѣе самцевъ и что леопарды умѣютъ сами вылѣчивать себя, если отравятся травою Pardalianches; они отыскиваютъ тогда человѣческія испражненія, которыя и помогаютъ имъ. Трава эта убиваетъ, по его словамъ, также и львовъ и потому охотники вѣшаютъ на дерево человѣческія испражненія, чтобы животное не уходило далеко; если же оно прыгнетъ за нимъ вверхъ, то погибаетъ. Оппіанъ различаетъ два вида опасныхъ Pardalis: большихъ, болѣе неуклюжихъ (пантеры) и меньшихъ (леопарды), которые однако не уступаютъ первымъ въ силѣ. Въ міеологіи говорится, что это животное было кормилицей Ваха, потому оно и любитъ вино.

Басни отдѣльныхъ писателей древности встрѣчали еще до самыхъ временъ Геснера безусловное довѣріе: «Это жестокое, свирѣпое, прожорливое и проворное животное», такъ описываетъ леопарда нашъ старый другъ; «оно съ особою жадностью растерзываетъ и проливаетъ кровь. Леопарды живутъ обыкновенно около рѣкъ, въ мѣстностяхъ, покрытыхъ деревьями и густымъ кустарникомъ; они чрезвычайно охотно пьютъ вино, напиваются до пьяна и такимъ образомъ ихъ иногда ловятъ пьяными. Иногда они также облираются; въ такомъ случаѣ они ложатся въ свои логовища спать до тѣхъ поръ, пока не переварятъ пищу; если они съѣдятъ ядъ, то лѣчятся испражненіями человѣка. Съ удивительной хитростью ловить леопардъ обезьянъ, какъ пишетъ Эліанъ, и именно слѣдующимъ образомъ: когда леопардъ выслѣдитъ стадо обезьянъ, онъ ложится недалеко отъ нихъ на землю,

вытягиваетъ ноги, широко раскрываетъ пасть и глаза и удерживаетъ дыханіе, притворяясь мертвымъ. Увидѣвъ это, обезьяны очень радуются, но сначала не особенно вѣрятъ леопарду и посылаютъ самую смѣлую, чтобы хорошенько разузнать дѣло. Она робко подкрадывается и снова отступаетъ; наконецъ она осматриваетъ глаза и обращаетъ вниманіе на дыханіе, чтобы убѣдиться нѣтъ ли еще какихъ-нибудь признаковъ жизни; но леопардъ остается неподвижнымъ, какъ бы онъ былъ мертвъ. Когда другія обезьяны увидятъ, что первая невредимо кричится около врага, онѣ теряютъ страхъ, сбѣгаютъ къ леопарду, радуются, пляшутъ и прыгаютъ на мертвомъ врагѣ и вокругъ него, какъ бы насмѣхаясь надъ нимъ. Когда же леопардъ полагаетъ, что онѣ достаточно устали и стали совершенно беззаботны и что лучше всего приняться за дѣло, онъ неожиданно вскакиваетъ, схватываетъ и растерзываетъ значительную часть ихъ и пожираетъ самыхъ луч-

Ирбисъ (*Felis irbis*). $\frac{1}{10}$ наст. вел.

шихъ и жирныхъ. Пантера, какъ говорятъ, рождаетъ рѣдко и лишь одного дѣтеныша, который подобно, какъ у другихъ кошекъ, родится слѣпымъ; роды сопровождаются большими мученіями, хотя дѣтенышъ малъ. По временамъ та же пантера спаривается съ волкомъ; при этомъ рождается животное, называемое «тоэсъ», съ пятнистой кожей пантеры и—головой, похожей на голову волка; о немъ будетъ сказано кое-что, когдабудетъ говоритья о волкѣ. Левъ очень похожъ на храбраго, откровеннаго и честнаго мужчину; леопардъ же или пантера на злую, хитрую и коварную женщину; въ дополненіе къ этой злобной хитрости и коварству, смѣшанному съ трусостью, это животное получило отъ природы такъ же подходящій внѣшній видъ и пригодныя для этого конечности. Они питаютъ удивительно сильную любовь къ своимъ дѣтенышамъ; объ этой любви Деметрій Физикъ написалъ прекрасный рассказъ: одинъ человѣкъ встрѣтилъ на дорогѣ леопарда, который сталъ ласкаться къ нему, какъ бы прося его о чемъ-то. Человѣкъ сначала испугался, но наконецъ послѣдовалъ за леопардомъ и пришелъ къ ямѣ, въ которую упали дѣтеныши леопарда. Человѣкъ вынулъ ихъ оттуда, и животное съ ласковыми

жестами проводило его на дорогу, как будто благодаря за услугу. Разъ также леопардъ не хотѣлъ съѣсть козленка, вмѣстѣ съ которымъ онъ былъ воспитанъ и выкормленъ. Однако нѣкоторые пишутъ, что какъ бы леопардъ ни былъ прирученъ, хотя бы даже онъ воспитывался съ юности, онъ не оставляетъ своего коварства, совершенно какъ злая женщины. Леопардъ внушаетъ ненависть всѣмъ животнымъ и почти всѣ животныя бѣгутъ отъ него, даже самъ драконъ. Говорятъ, что онъ до такой степени ненавидитъ людей, что растерзываетъ даже нарисованныя красками изображенія; такъ же не терпитъ онъ пѣтуха и змѣй. Свои когти онъ втягиваетъ подобно лвамъ, чтобы они не притупились и не стали негодными для драки. Животное, называемое гиеной, обжорой или могильнымъ животнымъ, внушаетъ леопарду страхъ; при видѣ его леопардъ, говорятъ, такъ пугается, что не пытается даже сопротивляться, и если повѣсить рядомъ шкуры обоихъ животныхъ, то изъ шкуры леопарда, если вѣрить Плинію, выпадаютъ волосы. По этой причинѣ египтяне, желая означить, что болѣе благородный сильный и великій можетъ быть побѣжденъ болѣе ничтожнымъ, рисуютъ рядомъ двѣ такихъ шкуры. Эскулапій (Aesculapius) пишетъ, что, увидѣвъ мертвую человѣческую голову, леопардъ обращается въ бѣгство».

* * *

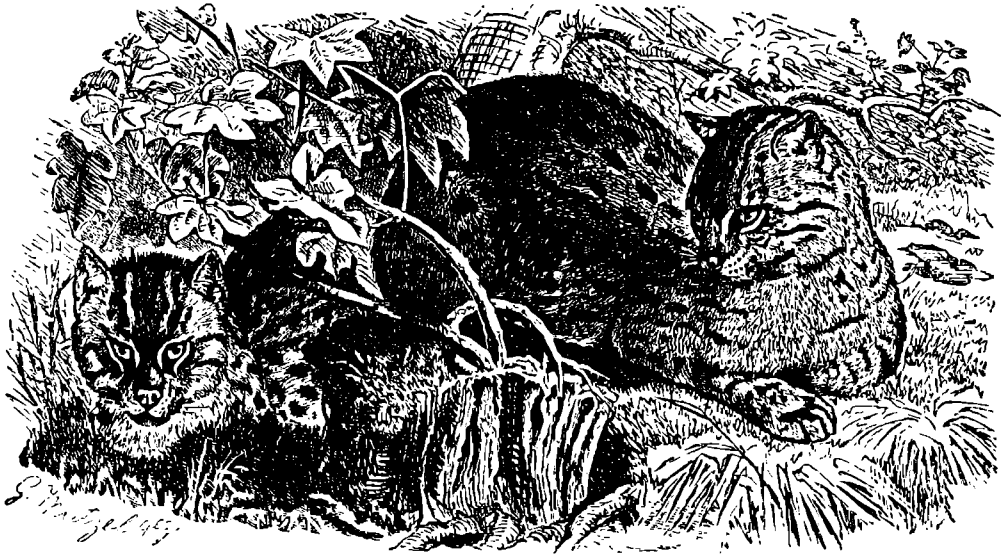
Вѣроятно ближе всего къ леопарду стоитъ одна большая кошка средней Азіи, именно Ирбисъ.

Ирбисъ или сѣбжый леопардъ (*Felis uncia*, *F. irbis*, *Leopardus irbis* и *uncia*), которую Бюффонъ неосновательно назвалъ *Once*, называемая въ Тибетѣ инаръ, сигъ, сачанъ, по величинѣ едва стоитъ ниже пантеры; общая длина его равняется приблизительно 220 см., длина хвоста около 90 см., высота плечъ 60 см. Основной цвѣтъ мѣха бѣловато-сѣрый съ свѣтло-желтоватымъ оттѣнкомъ, какъ обыкновенно, болѣе темный на спинѣ и бѣлый на нижней сторонѣ. Отчетливо обрисованныя черныя пятна на головѣ малы и сплошныя, на шеѣ больше и кольцеобразны, на концѣ на тѣлѣ расширяются въ крапчатые кольца съ темной серединой. На спинѣ тянется темная линія, которая продолжается безъ перерыва вдоль покрытаго матово-черными пятнами хвоста; на нижней сторонѣ находятся сплошныя пятна. Короткія тупыя уши при основаніи и на концѣ чернаго цвѣта, посредніи же бѣлаго; расположенныя четыремя рядами усы частью бѣлые, частью черныя.

Уже своей одеждой ирбисъ показываетъ, что живетъ въ болѣе холодной странѣ, чѣмъ леопардъ. Родина его Средняя Азія до Сибири. «Онъ замѣняется», по письменному сообщенію А. Вальтера, «пантеру въ Туркестанскихъ горахъ, населяетъ Алтай и южно-сибирскія возвышенности и распространенъ по юго-восточной Бухарѣ, Памиру, Кашмиру и далѣе на востокъ по всему Тибету. Блэнфордъ и Финшъ упоминаютъ, что ирбисъ встрѣчается въ Персіи; однако можно считать вопросомъ, не произошло ли въ данномъ случаѣ смѣшенія съ *F. tulliana*, которая долгое время описывалась всѣми вмѣстѣ съ ирбисомъ, вслѣдствіе чего стало невозможнымъ опредѣлить область ея распространенія. Денфордъ и Альстонъ полагаютъ, конечно основательно, что *F. tulliana*, которая водится преимущественно въ Малой Азіи, можно считать за замѣчательно свѣтлую и длинношерстную разновидность настоящей пантеры, но ни коимъ образомъ не за *F. uncia*. Жердонъ, который указываетъ, что ирбисъ живетъ во внутренней Азіи на высотахъ отъ 3000—6000 м., допускаетъ, что на западъ онъ распространенъ до Смирны, между тѣмъ какъ Блэнфордъ, подобно Вальтеру, принимаетъ смѣшеніе съ *F. tulliana* и высказываетъ теперь сомнѣніе даже по отношенію къ Персіи. Въ Гималаяхъ ирбисъ обыкновеннѣе на тибетской сторонѣ горъ, чѣмъ на индѣйской, встрѣчается въ высокихъ

долинахъ Индіи и Сетледжа и, по словамъ Скулли, зимою спускается ниже 3000 м. до 2000 м. «Ирбисъ», замѣчаетъ Радде, «очень рѣдокъ даже въ тѣхъ областяхъ юговосточной Сибири, гдѣ часто встрѣчается тигръ. О нахожденіи его въ восточной части Саянскаго хребта, Байкальскихъ горахъ и Забайкальѣ мнѣ не удалось ничего узнать въ теченіе моего путешествія. Точно также ничего нельзя было узнать объ этомъ и во время двукратнаго проѣзда черезъ область верхняго теченія Амура. Лишь у Бирарскихъ тунгусовъ рассказы объ ирбисѣ приобрѣли такую достовѣрность, что я могу причислить его въ качествѣ весьма рѣдкаго животнаго къ фаунѣ Малаго Хингана. Поэтому онъ, кажется, чаще встрѣчается въ Западной Сибири, такъ какъ, по устному сообщенію Лессинга, онъ показывается по одиночкѣ даже въ окрестностяхъ Красноярска, а въ южномъ Алтайѣ даже и не рѣдокъ. Бирарскіе тунгусы указывали Лессингу на покрытыя высокой травой, похожія на степи равнины около Сунгари, какъ на мѣстность, гдѣ часто живетъ ирбисъ. Имъ

Крапчатая кошка (*Felis viverrina*). $\frac{1}{4}$ наст. вел.

было извѣстно, что ирбисъ охотно взбирается на деревья и съ нихъ бросается на добычу, какъ рысь; но вмѣстѣ съ тѣмъ они указывали на длинный хвостъ, какъ на отличіе ирбиса отъ рыси. Они приводили нѣкоторые примѣры его хитрости. Его боятся гораздо меньше, чѣмъ тигра, и увѣряютъ, что нѣсколько хорошихъ собакъ загоняютъ его на дерево». На Гималаяхъ онъ питается дикими овцами, дикими козами, грызунами, птицами, похищаетъ также мелкихъ домашнихъ животныхъ и нападаетъ, какъ говорятъ, даже на лошадей; но, по словамъ Блэнфорда, никто не слышалъ, чтобы онъ нападалъ и на людей.

Этимъ и ограничиваются свѣдѣнія о жизни ирбиса на свободѣ. О его поведеніи въ неволѣ я не знаю ничего. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ два живыхъ ирбиса привезены были, правда, въ 1871 г. въ Московскій зоологическій садъ, но, насколько мнѣ извѣстно, надъ ними не производилось тамъ наблюденій, и они скоро умерли.

* * *

Крапчатая кошка или кошка—рыболовъ, называемая въ Индіи банбираль, багдаша, махбаграль, на Цейлонѣ Хандун-дива (*Felis viverrina*. *F. viverriceps*, hima-

laupa, celidogaster, Viverriceps viverrina. Tüpfelkatze. Chat-civette) достигает самое большее величины нашей дикой кошки. Всю длину самца, въсвѣвшего 7,7 килограмма, Блэнфордъ опредѣляетъ въ 105 см., изъ которыхъ 29 см. приходится на хвостъ, вышину плечъ въ 38 см. По Жердону же вся длина достигаетъ 118 см., а иногда и еще болѣе, длина хвоста до 32 см., вышина плечъ до 40 см. Мѣхъ грубый, безъ блеска. Основной цвѣтъ—трудно опредѣлимый желтовато-сѣрый, который то болѣе приближается къ сѣроватому, то болѣе къ буроватому, смотри по тому, на сколько сильно развита окраска средней части волосъ, которые при основаніи темно-сѣраго цвѣта, посрединѣ желтоватаго, на концѣ буроватаго или черноватаго. Нижняя сторона свѣтлѣе. Животное испещрено крапинами; крапины эти всегда больше въ длину, чѣмъ въ ширину, однако различаются у разныхъ животныхъ по величинѣ, рѣзкости контура и отчетливости. По лбу тянутся двѣ боковыхъ полоски, состоящія изъ сближенныхъ между собою пятенъ и 3—5 непрерывныхъ среднихъ продольныхъ полосокъ, которыя между плечами превращаются въ крапины, но отчетливо продолжаютъ вдоль спины; по щекамъ, которыя, подобно верхней губѣ, горлу и нижней сторонѣ тѣла кажутся бѣловато-сѣрыми, тянутся двѣ непрерывныхъ боковыхъ полоски. На ногахъ находятся обыкновенно образованныя изъ пятенъ поперечныя перевязки; хвостъ опоясанъ 8—9 кольцами, которыя снизу прерваны. Глазъ, имѣющій круглый зрачекъ, бронзовато-желтаго цвѣта; ухо, за исключеніемъ яйцеобразнаго свѣтлаго пятна, посрединѣ чернаго, внутри бѣловатаго цвѣта. Нижняя сторона лапъ бурая. Различныя уклоненія въ основномъ цвѣтѣ и рисункѣ подали поводъ къ описанію разновидностей нашей кошки въ качествѣ отдѣльныхъ видовъ.

Область распространенія крапчатой кошки обнимаетъ Цейлонъ, въ южной Индіи Малабарскій берегъ, на сѣверѣ область Ганга, вѣроятно начиная уже съ Ориссы до области Инда, страны, лежащія у подножія Гималаевъ, на западѣ лишь до Непала, даже всю Бирму, южный Китай и Малайскій полуостровъ. По словамъ Свинго (Swinhoe), она встрѣчается также на Формозѣ; о томъ, водится ли она на Большихъ Зондскихъ островахъ, неизвѣстно ничего. О жизни ея на свободѣ существуетъ мало рассказовъ, но рассказы эти довольно согласны между собою. Она предпочитаетъ влажныя чащи у береговъ рѣкъ, мѣстности около устьевъ, которыя по временамъ заливаются водою, и болота, такъ какъ, въ противоположность большей части кошекъ, она можетъ быть предпочитаетъ питаться водяными животными, особенно рыбой. По словамъ Буханана Гамильтона, она пожираетъ даже прѣсноводныхъ моллюсковъ; Ходжсонъ получилъ экземпляръ этой кошки, которая съѣла большую змѣю. Но Блэнфордъ полагаетъ совершенно основательно, что она, подобно всѣмъ ея родичамъ, охотно будетъ ѣсть и млекопитающихъ и птицъ, какихъ только можетъ поймать. Она похищаетъ также, судя по различнымъ рассказамъ, собакъ, овецъ, отваживается нападать даже на молодыхъ телятъ, а на Малабарѣ она, по словамъ Бэкера, утаскивала даже нѣсколько разъ изъ селеній маленькихъ дѣтей. Что она представляетъ собою опасное и сильное животное, вытекаетъ и изъ слѣдующаго сообщенія Блейта: только-что принесенный ему самецъ умертвилъ молодого ручного леопарда—самку, хотя этотъ послѣдній былъ приблизительно вдвое больше, чѣмъ нападающій. Рэви (Raine) подвергся нападенію одной такой кошки, забравшейся ночью въ курятникъ, тотчасъ же, какъ только онъ отворилъ дверь.

Крапчатая кошка въ неволѣ считается обыкновенно дикой, злобной и неприручимою. Блейтъ произвелъ болѣе удачныя опыты и держится того мнѣнія, что это животное вовсе не трудно приручить. Пойманныя крапчатые кошки, которыя находились въ лондонскомъ зоологическомъ саду, держали себя робко и недружелюбно,

и обхождение съ ними было такъ-же трудно, какъ и съ другими дикими кошками; отъ этихъ послѣднихъ онѣ отличались еще крайне сильнымъ запахомъ, который дѣлалъ наблюденія и уходъ за ними очень неприятными; свойство это, конечно, говорить не въ ихъ пользу. На ихъ родинѣ этотъ дурной запахъ замѣчался не во всѣхъ случаяхъ.

* * *

Въ большей части Азіи встрѣчается маленькая пятнистая кошка: карликовая кошка или нузрукъ, леопардовая кошка, вагати, чита, билла, бан-бираль индѣйцевъ, римау-анаръ малайцевъ (*Felis bengalensis*, *F. undata*, *minuta*, *javanensis*, *sumatрана*, *Zwergkatze*, *Chat-nain*.) Великою она приблизительно равняется нашей домашней кошкой, но часто бываетъ и замѣтно меньше ея, хотя и выше. По Жердону

Карликовая кошка (*Felis bengalensis*). $\frac{1}{6}$ наст. вел.

вся длина ея равна 88—96 см., изъ которыхъ 28—30 см. приходятся на хвостъ; по Тиккелю экземпляръ, убитый въ Бирмѣ, имѣлъ общую длину въ 65 см., при длинѣ хвоста въ 24 см. Блэнфордъ говоритъ: «по нѣкоторымъ измѣреніямъ длина хвоста болѣе половины длины тѣла; однако по большей части хвостъ короче, иногда быть можетъ не болѣе трети длины тѣла и головы». Основной цвѣтъ сверху буровато-свѣтлосѣрый, болѣе или менѣе выпадающій въ сѣрый, снизу бѣлый, пятна сверху темно-ржаво-бурья, снизу черно-бурья. Отличительный признакъ составляютъ четыре продольныхъ полосы, изъ которыхъ двѣ начинаются надъ глазами, двѣ между ними по обѣ стороны носа и которыя идутъ сначала параллельно по лбу, темени и затылку, у нѣкоторыхъ экземпляровъ на лбу начинается еще короткая неясная пятая полоска, лежащая между ними. Глазныя полоски поворачиваютъ къ плечамъ, среднія полоски тянутся посрединѣ спины; въ области плечъ, гдѣ всѣ полоски раздѣляются на пятна, между средними полосками начинается пробѣгающій вдоль спины рядъ пятенъ въ видѣ продолговатыхъ крапинъ, приблизительно одинаково отстоящихъ отъ обохъ упомянутыхъ продольныхъ рядовъ. Позади уха начинается неясная полоска, которая ограничиваетъ его снаружи, но едва доходить до плечъ.

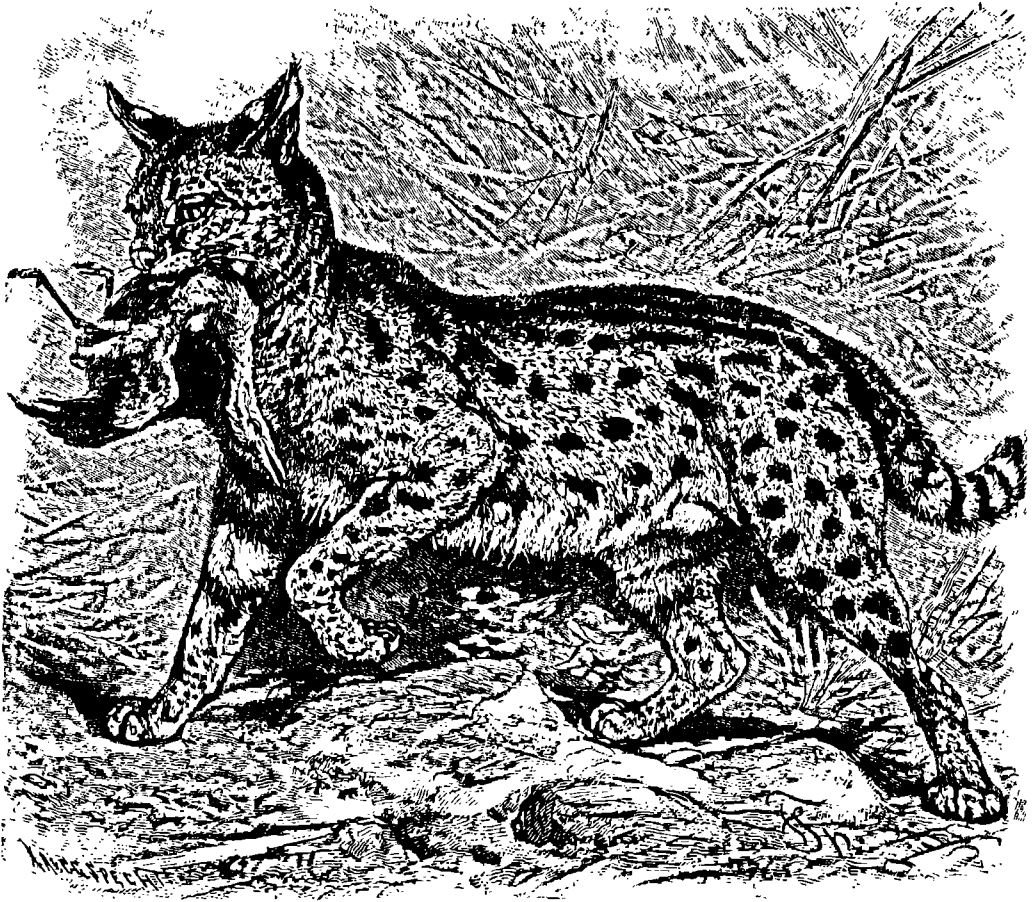
Отъ глаза пробѣгаетъ болѣе короткая полоска къ серединѣ шеи; отъ середины шеи другая полоска къ углу челюсти, гдѣ она сливается въ видѣ буквы V съ поперечной полоской на горлѣ. На верхней части груди замѣтны три или четыре, болѣе или менѣе расплывающіяся темныя поперечныя полоски; бока тѣла, плечи и бедра испещрены округлыми мелкими крапинками; хвостъ сверху тоже покрытъ крапинками, снизу, напротивъ, бѣловатъ, на концѣ темнѣе; ноги желто-сѣраго цвѣта, пальцы буровато-сѣраго. Въ качествѣ дальнѣйшихъ отличительныхъ признаковъ можетъ служить то, что верхушка морды и полоска, окружающая усы, ржаво-бурого цвѣта; полоска съ каждой стороны между глазомъ и носомъ и другая, болѣе узкая, подъ каждымъ глазомъ бѣловато-желтая; уши снаружи черно-бурья съ бѣлымъ пятномъ, внутри бѣловатыя; наконецъ, глаза, имѣющіе круглый зрачекъ, бурого цвѣта.

Какъ величина, такъ и окраска этого животнаго очень разнообразны, а такъ какъ и область распространенія его чрезвычайно обширна, то, какъ пишетъ Блейтъ, «существуютъ безконечныя разновидности этой красивой маленькой кошки и по нимъ можно устанавливать сколько угодно видовъ, пока не надоѣстъ». Этимъ объясняется многочисленность названій этой кошки, изъ которыхъ приведу еще слѣдующія: *Felis Ogilbii*, *jerdoni*, *Perschellii*, *wagati*, *jovensis*, *chinensis*, *ipalensis pardochrous*, *inconspicua* и *Leopardus Ellioti*, *Horsfieldi* etc.

Изслѣдованіями Шренка и Раде повидимому твердо установлено, что область распространенія карликовой кошки простирается гораздо дальше, чѣмъ принимали до сихъ поръ. Уже прежде знали, что это животное водится въ Индіи и на Зондскихъ островахъ, предполагали, что оно встрѣчается и въ Японіи; но вышеназванные изслѣдователи указываютъ, что сюда слѣдуетъ причислить одинъ видъ, найденный въ Амурской области, и что притомъ и Китайскую дикую кошку должно также считать за карликовую.

О жизни ея на свободѣ до сихъ поръ извѣстно мало. По словамъ Блэнфорда она обыкновенна въ Гималаяхъ къ западу до Симлы, въ нижней Бенгаліи, Ассамѣ, Бирмѣ, на Малайскомъ полуостровѣ, въ Южномъ Китаѣ, на Суматрѣ, Явѣ, Борнео и Филиппинскихъ островахъ, рѣже въ южномъ Индостанѣ. Жердонъ и Стеридаль указываютъ, что она водится также на Цейлонѣ, хотя наилучшіе знатоки острова не приводятъ ее въ числѣ животныхъ, тамъ водящихся. Розенбергъ упоминаетъ лишь, что онъ досталъ одну живую карликовую кошку на Суматрѣ. По словамъ Юнгхуна она очень часто встрѣчается во многихъ лѣсахъ Явы, живетъ на поросшихъ мхомъ вѣтвяхъ деревьевъ, на высотѣ 20—30 метровъ надъ землей, и почти никогда не спускается оттуда на землю. «Она превосходитъ всѣхъ другихъ животныхъ (?) быстротою въ лазаніи и прыганіи, питается главнымъ образомъ птицами, которыхъ ловитъ въ избыткѣ въ своихъ родныхъ лѣсахъ, и часто попадаетъ живую въ руки аванцевъ при рубкѣ деревьевъ». Говорятъ, что она принадлежитъ къ числу самыхъ дикихъ и кровожадныхъ видовъ кошекъ. Тотъ фактъ, что экземпляръ дикой кошки изъ Амурской области, называемой куэрукъ, былъ застигнутъ и убитъ въ овчарнѣ, гдѣ онъ задушилъ уже одного ягненка, говоритъ въ пользу приведеннаго только-что мнѣнія. Эллиотъ говоритъ тоже, что кромѣ куръ она нападаетъ на зайцевъ и даже на мелкихъ оленей, а Макъ Мэстеръ рассказываетъ, что видѣлъ, какъ такая кошка благополучно утащила курицу почти такой же величины, какъ она сама, хотя ее преслѣдовали крикомъ и кидали въ нее различными предметами. Плѣнныя, которыхъ я видѣлъ въ Амстердамскомъ и Роттердамскомъ зоологическихъ садахъ, и еще одна, которую я держалъ самъ, не противорѣчили этому. Я всѣми способами старался приручить ее, но всѣ мои старанія уничтожались бѣшеною яростью этой кошки. Она фыркала и шипѣла въ слѣпой ярости, какъ скоро кто-

нибудь приближался къ ея клѣткѣ. Сторожъ, который очень хорошо обращался со своими животными, тоже не могъ подружиться съ нею. Во время кормленія онъ долженъ былъ тщательно остерегаться, такъ какъ куэрукъ старался вцѣпиться въ руку, а не въ мясо. Если его тревожили, то онъ обыкновенно отступалъ въ уголь, выгнувъ спину горбомъ, ошетинивался, ворчалъ и неистовствовалъ, бросая бѣшеные взгляды, пока его не оставляли въ покоѣ. Любимымъ мѣстомъ его была толстая древесная вѣтвь въ клѣткѣ. На ней онъ оставался, сидя

Сервалъ (*Felis serval*). $\frac{1}{4}$ наст. вел.

въ очень скорченной позѣ, часто цѣлые часы, не дѣлая ни одного движенія. Его злоба внушала всѣмъ ненависть, и смерть его, происшедшая послѣ внезапной перемены погоды, мало огорчила насъ, такъ какъ мы наконецъ потеряли всякую надежду приручить это свирѣбое животное.

Было бы невѣрно приписывать болѣе чѣмъ относительную цѣну наблюденіямъ, приведеннымъ выше и подтвержденнымъ большинствомъ изслѣдователей. При оцѣнкѣ поведения всѣхъ умныхъ животныхъ, попадающихъ въ наши клѣтки, существенно важно то, попали ли они въ неволю взрослыми или молодыми, и какъ съ ними обращались въ молодости. Одна кошка можетъ быть болѣе дикой и злобной, чѣмъ другія; но ни одну изъ нихъ нельзя считать неспособной къ прирученію. Это

добазывается и карликовая кошка. Юнгхунъ замѣчаетъ, правда, тоже, что хотя воспитанныя имъ молодыя и играли между собою, какъ домашнія кошки, когда думали, что онѣ однѣ и никто ихъ не замѣчаетъ, но оставались боязливыми по отношенію къ человѣку и не измѣняли своего дикаго характера; у Бодинуса была, напротивъ, кошка этого вида, которая вовсе не буйствовала подобнымъ образомъ, а была отъносительно ручной и довѣрчивой. Шмидтъ по крайней мѣрѣ не худо отзывается о тѣхъ, которыхъ онъ держалъ. «Эти маленькія животныя», говоритъ онъ, «которыхъ мы получили прямо съ Явы, проворно лазаютъ, увѣренно ходятъ даже по тонкимъ вѣтвямъ и хорошо прыгаютъ. Часто они однимъ ловкимъ прыжкомъ вскакиваютъ на деревянный обрубокъ, укрѣпленный на стѣнѣ ихъ клѣтки, гдѣ потомъ обыкновенно просиживаютъ цѣлыя часы. Они спокойны, но не ручны, недовѣрчивы, хотя и позволяютъ трогать себя рукою. Однако такая ласка не доставляетъ имъ, повидимому, удовольствія, такъ какъ они обыкновенно спокойно идутъ дальше. По временамъ они издаютъ звукъ, похожій на короткое грубое «мау». Отъ нихъ сильно пахнетъ мускусомъ. Блэнфордъ зналъ одну карликовую кошку, которую держали въ клѣткѣ; она была довольно ручна, по крайней мѣрѣ шла на зовъ.

Рожденныя въ клѣткѣ карликовыя кошки несомнѣнно были бы гораздо болѣе ручными, а потомки ихъ черезъ нѣсколько поколѣній обратились бы можетъ быть уже въ полудомашнихъ кошекъ. Родоначалница нашихъ Васекъ и Машекъ (*Felis paniculata*), какъ мы видѣли выше, по дикости и злобности не уступаетъ карликовой кошкѣ и тѣмъ не менѣе доставила намъ одно изъ самыхъ милыхъ и пріятныхъ домашнихъ животныхъ.

* * *

Сервала можно было бы считать представителемъ отдѣльнаго рода; его и отдѣляли въ особый родъ, но затѣмъ снова соединили съ остальными кошками. Внешній видъ и характеръ дѣлаютъ его соединительнымъ звеномъ между кошками и рысьями. Онъ имѣетъ худощавое тѣлосложеніе, но высокъ, голова его удлинена, сжата съ боковъ и кажется особенно высокой, благодаря замѣчательно большимъ ушамъ, широкимъ при основаніи и яйцеобразно закругленнымъ на концахъ; хвостъ его средней длины и достигаетъ не дальше, какъ до пятки, глаза малы и замѣтно косо направлены; зрачекъ продолговато-округлый; шерсть довольно длинная, густая и грубая.

Сервалъ, нустарниковая кошка у поселенцевъ южной Африки, Чунъ—суагеловъ, Барабара нѣкоторыхъ другихъ африканскихъ народовъ (*Felis serval*, *F. capensis* и *galeopardus*, *Serval galeopardus*, *Chaus servalina*), достигаетъ при вышинѣ въ 50 см. у загривка общей длины въ 1,35 метра, изъ которыхъ около 30—35 см. приходится на хвостъ; желтовато-сѣрый основной цвѣтъ его мѣха бываетъ то болѣе свѣтлымъ, то болѣе темнымъ и покрытъ небольшими темными пятнами; конецъ и спинка носа чернаго цвѣта, нижній край глаза и узкая короткая полоска между глазомъ и носомъ свѣтло-желтаго цвѣта, короткое узкое продолговатое пятно, тянущееся отъ внутренняго края глаза къ щекамъ—бѣлаго; ухо при основаніи-желтоватаго цвѣта и остальная часть его черная; глазъ свѣтло-желтый. Надъ каждымъ глазомъ начинается рядъ мелкихъ круглыхъ пятенъ, которыя пробѣгаютъ по лбу и продолжаютъся на темени и затылкѣ, затѣмъ полоска расширяется и распадается на болѣе крупныя, далѣе отстоящія другъ отъ друга пятна; между ними вдаются двѣ болѣе узкія полоски, которыя тянутся по средней линіи, тоже скоро раздѣляются на пятна и вмѣстѣ съ остальными косо пробѣгаютъ по спинѣ. Рѣдкими крапинами на щекахъ начинаются другіе ряды пятенъ, покрывающіе бока тѣла, и дополняютъ рисунокъ на тѣлѣ вмѣстѣ съ неправильными продолговато-округлыми пятнами бедеръ и ногъ. Горло и верхняя часть груди у нѣкоторыхъ экземпляровъ лишены

пятенъ, у другихъ разрисованы поперечными полосками; хвостъ при основаніи покрытъ продольными пятнами, къ концу же онъ у однихъ экземпляровъ покрытъ тремя или четырьмя кольцами, у другихъ этихъ колець отъ шести до восьми; вообще рисунокъ представляетъ различныя уклоненія.

Хотя сервалъ и очень хорошо извѣстенъ голландскимъ поселенцамъ въ южной Африкѣ подъ именемъ *Boschkatte* (кустарниковая кошка), у насъ нѣтъ еще однако точнаго описанія его образа жизни. Мы знаемъ, что онъ не только довольно часто встрѣчается въ южной Африкѣ, но также далеко распространенъ на западъ и востокъ. Въ высшей степени вѣроятно, что онъ встрѣчается вообще во всѣхъ степныхъ странахъ Африки: въ Алжирѣ, напимѣръ, онъ встрѣчается навѣрно, точно такъ же, по Пехуэль-Леше, въ западной части области Конго и далѣе къ югу въ Анголѣ, Бенгуэлѣ и нѣмецкой юго-западной Африкѣ; къ сѣверу онъ распространенъ по крайней мѣрѣ до Юмбы, по Бюттикоферу также въ Либеріи и, по Вему, въ нѣмецкой восточной Африкѣ. Въ непосредственной близости отъ Капштадта его въ настоящее время болѣе не встрѣчаютъ, но онъ водится въ лѣсахъ и на покрытыхъ кустарникомъ горахъ внутри страны. По Гейлину, онъ у верхняго Бѣлаго Нила живетъ также въ скалистыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ расщелины и пещеры доставляютъ ему днемъ хорошее убѣжище. Онъ преслѣдуетъ и душитъ зайцевъ, молодыхъ антилопъ, ягнятъ и т. п., а особенно птицъ, и потому ночью часто заходитъ во дворы и забирается въ дурно охраняемые курятники, гдѣ можетъ произвести большія опустошенія. Днемъ онъ прячется и спитъ. Лишь при наступленіи сумерекъ начинается онъ свои разбойничьи странствованія. При этомъ онъ, какъ говорятъ, выказываетъ себя настоящей кошкой и, подобно ей, пускаетъ въ дѣло всякія хитрости, чтобы подкрасться къ добычѣ и овладѣть ею посредствомъ внезапныхъ прыжковъ. За нимъ рѣдко приходится охотиться, такъ какъ днемъ онъ лежитъ спрятавшись въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ; но онъ часто попадаетъ въ ловушки. Мяса этого животнаго не ѣдятъ въ восточной Африкѣ одни только магометане, между тѣмъ какъ всѣ языческія племена охотно употребляютъ его въ пищу: Спикъ получилъ въ подарокъ отъ одного туземца въ Уніоро молодого сервала съ условіемъ, если кошка умретъ, отдать трупъ ея прежнему владѣльцу, такъ какъ этотъ послѣдній не хотѣлъ лишиться хорошаго блюда.

Сервалы, пойманные молодыми, при надлежащемъ обращеніи, скоро становятся очень ручными; напротивъ, пойманные старыми долго сохраняютъ, по словамъ Керстена, полную неукротимость, какъ безумные бѣсятся въ клеткѣ, фыркаютъ и шипятъ, замѣтивъ человѣка, и всегда готовы нанести въ удобный моментъ хорошо намѣченный ударъ. Однако и надъ такими дикарями цѣлесообразное обращеніе одерживаетъ наконецъ побѣду, такъ какъ характеръ этого животнаго относительно добродушный. Дѣйствительно ручной сервалъ принадлежитъ къ числу самыхъ милыхъ кошекъ; онъ обнаруживаетъ благодарность къ своему воспитателю, слѣдуетъ за нимъ, прижимается къ нему, трется о его платье и мурлычетъ при этомъ, какъ наша домашняя кошка, охотно играетъ съ человѣкомъ или себѣ подобными, а также и съ самимъ собою, и можетъ цѣлыя часы заниматься брошенными ему шарами или развлекаться игрою съ собственнымъ хвостомъ. При этомъ его большая подвижность и гибкость, повидимому, доставляетъ ему удовольствіе, и онъ безъ всякаго принужденія дѣлаетъ по собственному побужденію самые странныя прыжки. Его можно долго продержатъ, кормя сырымъ мясомъ, и даже приучить его къ пицѣ кошекъ, причемъ молоко ему очень нравится. Его приходится очень оберегать отъ простуды. Одинъ сервалъ, жившій у меня, и который сталъ уже настолько ручнымъ, что забавлялъ всѣхъ зрителей, умеръ черезъ нѣсколько ча-

совъ послѣ переменъ погоды, при которой термометръ понизился на 15 градусъ. Онь сразу пересталъ ѣсть и на слѣдующее утро околѣлъ. Шкура сервала поступаетъ въ продажу подъ именемъ «африканской тигровой кошки» и употребляется на ковры и полости, но по своей грубости не выдерживаетъ сравненія со шкурами другихъ кошекъ и поэтому цѣнится низко.

* * *

Среди кошекъ Новаго Свѣта думали (именно въ Пумѣ) найти ближайшаго родича льва, но это оказывается цвѣрнымъ: стройное тѣло на короткихъ ногахъ и чрезвычайно маленькая голова, безъ бороды и гривы, принуждаетъ насъ признать въ одноцвѣтныхъ кошкахъ Новаго Свѣта гораздо болѣе низкихъ представителей этого семейства.

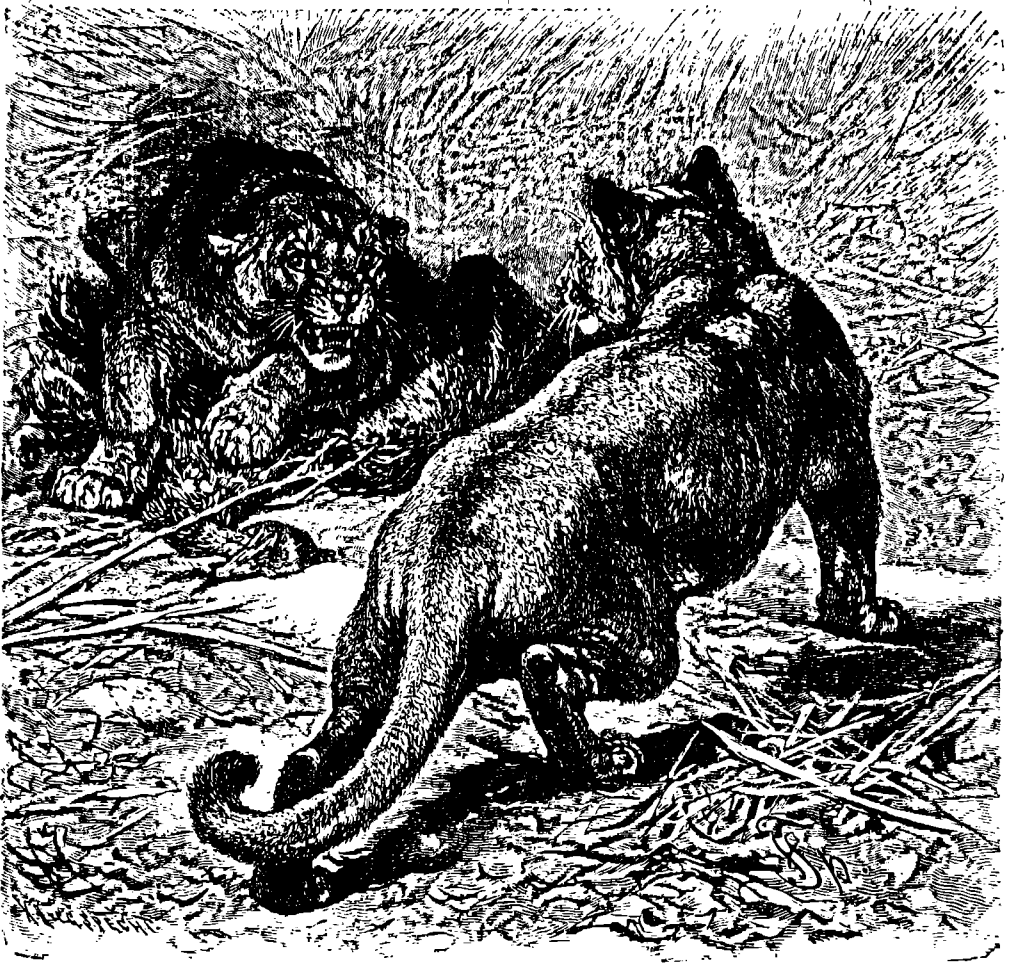
Самымъ замѣчательнымъ видомъ одноцвѣтныхъ американскихъ кошекъ долженъ быть признанъ Кугуаръ, Серебряный левъ или Пума (*Felis concolor*, *Puma concolor*, *Felis puma*). Гуаронцы называютъ его гуаццара, чилийцы—пани, мексиканцы—мицли, сѣверные американцы—пантерой, а гаучосы—львомъ. Длина туловища 1,2 метра, длина хвоста 65 см., а высота у загривка 65 см. Густая, короткая и мягкая шерсть нѣсколько гуще на животѣ, чѣмъ на спицѣ. Общая окраска шерсти темно-желтовато-красная, на спицѣ темнѣе всего, такъ какъ тутъ каждый волосокъ имѣетъ черную верхушку; на животѣ шерсть красновато-бѣлая; на внутренней сторонѣ конечностей и на груди свѣтлѣе, на шеѣ и внутренней сторонѣ ушей—бѣлая, на вѣшной—черная, въ срединѣ—впадаетъ въ красноватый цвѣтъ. Подъ глазами и надъ ними видны маленькія бѣлыя пятнышки; передъ глазомъ—пятно темно-бураго цвѣта; впрочемъ этихъ пятенъ иногда и не бываетъ. Голова сѣрая, кончикъ хвоста темный. Между самцами и самками нѣтъ различія въ цвѣтѣ, дѣтеныши же очень отличаются отъ старыхъ. Нужно сказать, впрочемъ, что и цвѣтъ старыхъ пумъ не всюду одинаковъ: на югѣ онъ свѣтлѣе, почти серебристо-сѣрый, въ Мексикѣ и Соединенныхъ Штатахъ—чаще темно-рыжій и даже буровато-сѣрый.

Кугуаръ распространенъ очень далеко. Онъ встрѣчается не только во всей Южной Америкѣ, отъ Патагоніи до Новой Гренады, но и за Панамскимъ перешейкомъ въ Соединенныхъ Штатахъ и попадаетъ даже въ Канадѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ это животное живетъ въ большомъ количествѣ; въ другихъ этотъ видъ почти вовсе вывелся уже съ конца прошлаго столѣтія, когда Азара далъ намъ первое хорошее описаніе его. Кугуаръ выбираетъ свое мѣстожительство, смотря по свойствамъ мѣстности, гдѣ онъ живетъ. Въ лѣсистыхъ странахъ онъ предпочитаетъ лѣсъ открытому полю; больше всего онъ любитъ опушки лѣсовъ и покрытыя высокой травой равнины, хотя послѣднія посѣщаетъ, кажется, только для добыванія себѣ пищи; по крайней мѣрѣ, онъ тотчасъ же бросается въ лѣсъ, когда замѣчаетъ за собой погоню. Однако онъ часто встрѣчается въ пампасахъ Буеносъ-Айреса, гдѣ нѣтъ лѣсовъ, и прячется тамъ весьма искусно въ травѣ. Повидимому онъ не любитъ береговъ потоковъ и рѣкъ и вообще мѣстностей, часто заливаемыхъ водою. Какъ многіе хищники, кугуаръ не имѣетъ постояннаго мѣстопребыванія. Днемъ онъ спитъ на деревьяхъ, въ кустахъ или въ высокой травѣ; вечеромъ и ночью отправляется за добычей. Во время своихъ набѣговъ онъ въ одну ночь пробѣгаетъ огромныя пространства, такъ что охотникъ рѣдко можетъ его подкараулить на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ наканунѣ умертвилъ какое-нибудь животное. Всѣ движенія кугуара легки и сильны; говорятъ, что онъ дѣлаетъ прыжки въ шесть метровъ и даже болѣе. Глаза его большіе и сіякопные, взглядъ вовсе не свирѣпъ. Ночью и въ сумерки онъ видитъ лучше, чѣмъ днемъ, но незамѣтно, чтобъ и солнечный свѣтъ слишкомъ

ослаблялъ его. Обоняніе слабо, но слухъ превосходный. Только въ крайней нуждѣ выказываетъ онъ мужество, вообще же убѣгаетъ отъ человѣка и собакъ. Гензель говоритъ, что при совершенномъ недостаткѣ другой добычи, онъ иногда нападаетъ на человѣка; но случается это только въ тѣхъ случаяхъ, когда продолжительный голодъ довелъ его почти до изступленія: вообще же онъ нападаетъ только на слабыхъ животныхъ.

Всѣ маленькія слабыя млекопитающія служатъ ему добычей: коати (*Nasua*),

Пума. (*Felis concolor*). $\frac{1}{10}$ наст. вел.

агути (*Dasypus*), папки (*Coelogenis*), лани, ягнята и жеребята, когда послѣдніе уже отдѣлены отъ матери. Даже проворныя обезьяны и быстроногіе американскіе страусы не ограждены отъ его нападений, потому что онъ такъ же легко перепрыгиваетъ по деревьямъ, какъ носится по землѣ. Ренгеръ наблюдалъ за нимъ однажды во время его охоты на обезьянъ. Свѣсть нѣсколькихъ капуциновъ обратилъ вниманіе естествоиспытателя и онъ схватилъ свое ружье, въ надеждѣ застрѣлить хоть одну обезьяну. Вдругъ все стадо подняло пронзительный крикъ и кинулось въ его сторону; со свойственнымъ имъ проворствомъ, животные эти перепрыгивали съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево, причемъ выражали свой ужасъ жалобными

криками, и особенно тѣмъ, что безпрестанно испражнялись. Тогда Ренгеръ замѣтилъ, что ихъ преслѣдуетъ кугуаръ, который съ неимовѣрной ловкостью пробирался среди сучьевъ деревьевъ, обвитыхъ вьющимися растеніями; соскользнувъ до того мѣста на вѣтви, когда она начинала подъ нимъ гнуться, кугуаръ, вѣрнымъ прыжкомъ, достигалъ ближайшей вѣтви.

Когда кугуаръ схватитъ свою жертву, онъ прежде всего перегрызаетъ ей горло и вылизываетъ кровь. Маленькихъ животныхъ онъ сѣдаетъ цѣликомъ; отъ большихъ сѣдаетъ онъ только часть, обыкновенно переднюю, а остальное зарываетъ, по наблюденію Азары, въ песокъ или покрываетъ травой. Насытившись, онъ выбираетъ себѣ удобное мѣсто для ночлега; но рѣдко засыпаетъ около своей добычи, а почти всегда удаляется отъ этого мѣста на полмили и далѣе. На слѣдующую ночь, если ему не удастся добыть себѣ другой пищи, онъ возвращается къ зарытымъ остаткамъ вчерашняго обѣда; если же встрѣтится другая добыча, онъ не трогаетъ больше падали. Кугуаръ часто не довольствуется одной жертвой, такъ что владѣльцы большихъ стадъ считаютъ его влѣйшимъ своимъ врагомъ. Никогда не уноситъ кугуаръ свою добычу далеко отъ мѣста, гдѣ убилъ ее. Онъ рѣдко нападаетъ на болѣе крупныхъ животныхъ; лошади, мулы, волы и коровы безопасны отъ него; даже собакъ онъ не трогаетъ, хотя крадется часто вблизи самыхъ жилищъ. Рѣдко остается онъ подолгу въ одномъ и томъ же мѣстѣ, обыкновенно же рыщетъ безъ устали взадъ и впередъ. Но рѣки переплываетъ онъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, хотя плаваетъ весьма искусно.

О размноженіи пумъ мы до новѣйшаго времени почти не имѣли никакихъ свѣдѣній. Отъ натуралистовъ, наблюдавшихъ въ Америкѣ этихъ животныхъ, мы узнаемъ, что во время течки пары, жившіе до сихъ поръ раздѣльно, сблизаются. что самка послѣ трехмѣсячной беременности родитъ 2—3 слѣпыхъ дѣтенышей, съ пятнистой шерстью, которыхъ она прячетъ въ травѣ, но не защищаетъ отъ нападений людей и собакъ, а напротивъ спокойно беретъ въ скоромъ времени съ собою на охоту и въ сравнительно короткое время совсѣмъ бросаетъ. Этимъ ограничивались наши свѣдѣнія. Надъ жившими у меня въ неволѣ я успѣлъ сдѣлать слѣдующія наблюденія. Какъ почти у всѣхъ большихъ кошекъ, за которыми былъ долгое время правильный уходъ, течка у кугуаровъ наступаетъ правильно, два раза въ годъ, а именно зимою и лѣтомъ. Парочка, жившая до той поры дружно, становится очень нѣжной. Самка подходитъ къ самцу, лижетъ и ласкаетъ его, пока онъ наконецъ отвѣтитъ на ея ласки. Тогда она ложится на землю и отдается, ворча, но не сопротивляясь самцу, который ложится на нее во всю длину и придерживается за нее, захватившись зубами за кожу ея затылка. Это должно быть не особенно пріятно самкѣ, потому что она пытается освободиться, но уже поздно, и конецъ совокупленія почти всегда одинъ и тотъ же: оба скалятъ зубы, сердито фыркаютъ, ворчатъ и угощаютъ другъ друга полновѣсными ударами лапъ. Но почти тотчасъ же самка начинаетъ снова ласкаться, такъ что во время самой сильной точки совокупленія среднимъ числомъ происходятъ каждыя пять минутъ.

Родившіеся послѣ 96 дневной беременности дѣтеныши—дѣйствительно прелестны и очень различны по виду отъ своихъ родителей. Общая длина ихъ отъ 25—30 см.: длина туловища — 15—18 см. Преобладающій цвѣтъ ихъ мягкой шерсти—сѣровато-бурый; на спинѣ онъ темнѣе, а на животѣ переходитъ въ свѣтло-сѣрый; по всей наружной сторонѣ идутъ продолговатая, долевая и поперечныя пятна чернаго цвѣта. Начиная отъ верхней губы, которая спереди бѣлая, отъ самыхъ ноздрей къ углу рта идетъ черная полоска; на щекахъ, отъ глазъ къ уху, другая—внутри бѣлая, снаружи черная полоса; на затылкѣ, между ушами, менѣе

ясная поперечная полоска до которой тянутся через лобъ три ряда пятень. Подъ каждымъ глазомъ—два круглыхъ черныхъ пятна, на плечахъ тоже черныя—поперечныя; а на задней части туловища долевыя пятна, которыя сливаются на хребтѣ почти въ сплошную линію; хвостъ покрытъ перемѣнно-бѣлыми и черными полосками; шея—сѣровато-черная; внутренняя часть ногъ покрыта свѣтло-сѣрыми пятнами и полосками.

Родившая нѣсколько разъ самка пумы такая же нѣжная мать, какъ большая часть кошекъ, но перворожденныхъ дѣтенышей она часто закусываетъ до смерти и даже съѣдаетъ; извѣстно, впрочемъ, что также поступаютъ многіе хищники, пока не выяснятъ себѣ своихъ материнскихъ обязанностей. Только опытъ указываетъ, насколько близки имъ эти, внезапно появившіяся, безпомощныя, но движущіяся существа. Когда они наконецъ познаютъ, что это «плоть отъ плоти, и кость отъ кости ихъ», то обращеніе ихъ съ ними измѣняется, и первоначальное равнодушіе, даже вражда и кровожадность, уступаютъ мѣсто сильной и сознательной нѣжности. Пума, надъ которой я дѣлалъ наблюденія, удалилась, за нѣсколько дней до вторыхъ родовъ, въ избранное ею заранее убѣжище, откуда, въ первое время по рожденіи дѣтенышей, выходила только для принятія пищи; остальное время она оставалась при дѣтенышахъ, облизывала и чистила ихъ, мурлыкала имъ пѣсенки на манеръ прочихъ кошекъ и отъ времени до времени выражала свою материнскую нѣжность звуками, очень похожими на кошачье мяуканье, но они были болѣе громки и звучали примѣрно какъ «мі-э-рр». Обращалась она вообще съ дѣтенышами совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ наши домашнія кошки: то таскала дѣтенышей взадъ и впередъ, подобно куску мяса, то катала ихъ по землѣ, какъ мячикъ, а потомъ тщательно облизывала, нѣжно мурлыча, отъ холода согрѣвала и охраняла ихъ своимъ тѣломъ, затѣмъ вдругъ опять бросала, повидимому безъ вниманія. Однако она не допускала, чтобъ кто-нибудь занимался ея дѣтенышами, даже не любила, чтобъ на нихъ смотрѣли, чему старалась помѣшать, ложась между ними и наблюдателемъ. Обращеніе же ея съ самцомъ и знакомыми людьми почти не измѣнилось: къ первому она ласкалась по прежнему, къ послѣднимъ выказывала ту же привязанность, позволяя трогать и гладить себя, и только тогда выказывала нѣкоторое неудовольствіе, когда обращали слѣшкомъ большое по ея мнѣнію вниманіе на ея дѣтенышей. Молодые пумы открываютъ глаза на девятый или десятый день и вскорѣ послѣ того начинаютъ двигаться живѣе; вначалѣ онѣ очень неловки, шатаются и спотыкаются при хожденіи, падаютъ навзничъ и неуклюже подползаютъ къ матери. Но это очень скоро измѣняется. Уже по прошествіи 5—6 недѣль начинаютъ онѣ играть между собою и съ матерью или по крайней мѣрѣ, съ ея хвостомъ. На 10—12-й недѣль начинаютъ блѣднѣть пятна, и послѣ перваго линянья онѣ становятся совершенно похожими на родителей. вмѣстѣ съ этимъ онѣ дѣлаются самостоятельными и болѣе или менѣе искусными хищниками.

Вслѣдствіе кровожадности кугуара и причиняемаго имъ поэтому значительнаго вреда его вездѣ истребляютъ весьма усердно. Охота за нимъ едва ли можетъ назваться опасной, такъ какъ, при извѣстной осторожности, можно оградить себя даже отъ нападенія раненой пумы. Въ сѣверной части штата Нью-Йоркъ Пехуэль-Леше однажды убилъ крупною дробью пуму, пробиравшуюся мимо него, между кустарниками. Обыкновенно, при видѣ людей, это трусливое животное спасается бѣгствомъ и, отлично умѣя прятаться, скоро исчезаетъ изъ виду. Въ лѣсу его очень трудно догнать, потому что, выгнанное изъ засады собаками, оно влѣзаетъ тотчасъ на деревья и продолжаетъ свой путь уже среди листвы. Гаучосы, эти безумно смѣлые наѣзники степей или пампасовъ Лаплаты, находятъ особое удовольствіе

въ охотѣ на кугуара. Они травятъ его своими огромными собаками въ открытомъ полѣ, или, преслѣдуя его на своихъ быстрыхъ лошадяхъ, мѣтко набрасываютъ ему на шею арканъ, послѣ чего гонять лошадей галопомъ и ташутъ кугуара за собой, пока не задуютъ. Въ Сѣверной Америкѣ ихъ собаками загоняютъ на деревья и потомъ подстрѣливаютъ. Ловятъ ихъ также въ западни.

Между многими рассказанными мнѣ охотничьими приключеніями слѣдующее особенно хорошо характеризуетъ это животное. Одинъ англійскій путешественникъ, охотившійся въ пампасахъ Южной Америки за дикими утками, подползалъ къ нимъ однажды, вооруженный только легкимъ охотничьимъ ружьемъ; онъ завернулъ себѣ голову и часть туловища обыкновенною національною одеждою тѣхъ мѣстъ—повчо, чтобъ не быть замѣченнымъ среди травы. Внезапно услышалъ онъ короткий, хриплый ревъ и почувствовалъ чье-то прикосновеніе. Сбросивъ поспѣшно съ себя одѣяло, онъ, къ немалому своему удивленію, увидалъ передъ собою кугуара. Но и тотъ былъ не менѣе озадаченъ и, поглядѣвъ на охотника нѣсколько мгновеній, отступилъ на десять шаговъ, немного еще постоялъ и потомъ пустился бѣжать огромными прыжками.

Въ провинціяхъ Санъ-Луи и Сіера Мендоза Герингъ видалъ на оградахъ, за которыя загоняютъ на ночь скотъ, много головъ пумъ, воткнутыхъ на колья забора. Ему объяснили, что эти трофеи здѣсь воткнуты, чтобы удержать другихъ пумъ отъ посѣщенія стадъ, подобно тому, какъ въ прежнія времена имѣли обыкновеніе выставлять головы преступниковъ передъ воротами города, въ округѣ котораго они получали должное возмездіе за свои преступныя дѣянія. Владѣльцы головъ пумы очень ими дорожили и не позволяли Герингу снять ни одной изъ нихъ съ кола. Между этими людьми существуетъ удивительное суевѣріе, будто пума непременно нападаетъ на стадо, не защищенное головою одного изъ товарищей.

Кугуаръ, пойманный старымъ, отказывается иногда отъ пищи и добровольно умираетъ голодною смертью; молодые же, напротивъ того, очень скоро становятся ручными. Ренгеръ увѣряетъ, что кугуара можно бы сдѣлать домашнимъ животнымъ, еслибъ его кровожадность все-таки не прорывалась и не побуждала его набрасываться на домашнихъ птицъ. Вскармливаютъ его молокомъ и варенымъ мясомъ. Растительная пища ему противна, и должна быть сварена на мясномъ бульонѣ, чтобъ онъ сталъ ее ѣсть; если не даютъ ему мясо, онъ скоро заболѣваетъ. Своей любимой пищи, теплой крови, можетъ онъ, какъ утверждаетъ достовѣрный свидетель, вынѣть, безъ вреда для себя, отъ 2¹/₂ до 3 килогр. за разъ. Сырое мясо онъ, какъ многія кошки, облизываетъ раньше, чѣмъ начнетъ ѣсть; во время ѣды онъ держитъ голову на бокъ, какъ наша домашняя кошка. Послѣ ѣды онъ сперва вылизываетъ себѣ лапы и часть туловища, а потомъ ложится спать и проводитъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ. Живущему въ неволѣ кугуару слѣдуетъ давать часто пить, особенно лѣтомъ, такъ какъ кровь не можетъ ему замѣнить вполнѣ воду; а когда онъ чувствуетъ жажду, то гораздо опаснѣе для домашнихъ птицъ. Онъ мало-по-малу знакомится со своими сожителями, какъ съ людьми, такъ и съ животными, и не причиняетъ имъ вреда. Съ собаками и кошками онъ живетъ въ ладу и играетъ съ ними, но почти никогда не можетъ отказаться отъ нападенія на домашнихъ птицъ. Подобно кошкамъ, онъ часто играетъ цѣлыми часами съ легко движущимися предметами, особенно шарами.

Нѣкоторымъ кугуарамъ позволяютъ бѣгать на свободѣ по всему дому. Они отыскиваютъ своихъ хозяевъ, ласкаются къ нимъ, лижутъ имъ руки и кротко ложатся къ ихъ ногамъ. Когда ихъ гладятъ, они мурлычатъ, какъ кошки; впрочемъ они дѣлаютъ это всегда въ хорошемъ расположеніи духа. Свой страхъ они выража-

ють фыряцнемъ, неудовольствіе — ворчаньемъ. Никто не слыхалъ, чтобъ онъ когда-нибудь рычалъ. Но Герингъ, который нѣсколько лѣтъ путешествовалъ по мѣстностямъ, гдѣ водятся кугуары, сообщаетъ дамъ, что на волѣ кугуары издають очень громкіе звуки. Герингъ пишетъ между прочимъ: «присутствіе пумы очень замѣтно, и я живо припоминаю тѣ ночи, которыя я проводилъ въ Кордильерахъ, къ востоку отъ Мендозы, когда десятокъ пумъ подымали въ разныхъ направленіяхъ такой ревъ, что мы съ трудомъ могли заснуть. Обыкновенный крикъ пумы короткое «у-у», когда она крадется въ травѣ, а такъ какъ это «у-у» походитъ на крикъ пиллоклюва (*Prionites*); то туземцы называютъ эту птицу *Pajagoleon* (птица-левъ).

Двѣ пумы, которыхъ я воспитывалъ, постоянно встрѣчали знакомыхъ имъ лицъ не слишкомъ громкимъ, но пронзительнымъ отрывистымъ свистомъ, какого я никогда не слыхалъ у другихъ кошекъ. Ручной кугуаръ только однимъ непріятенъ: онъ имѣетъ обыкновеіе, когда хорошо привыкнетъ къ своему хозяину и полюбитъ съ нимъ играть, прятаться отъ него и вдругъ выскакивать ему на встрѣчу, какъ это дѣлають часто ручные львы. Можно легко себѣ представить, какъ непріятно такое неумѣстное проявленіе нѣжности. При этомъ кугуаръ, правда, въ видѣ игры, но все же очень чувствительно пускаетъ въ ходъ свои когти и зубы. Говорятъ что удавалось иногда дрессировать кугуара для охоты, но это сообщеніе требуетъ подтвержденія. Азара, у котораго молодой кугуаръ жилъ 4 мѣсяца, рассказываетъ кромѣ того, что это животное постоянно сопровождало своихъ сторожей до рѣки и при этомъ проходило цѣлый городъ, не вступая въ драку съ собаками. Когда ему позволяли бѣгать по двору, на свободѣ, онъ часто перепрыгивалъ черезъ заборъ, обѣгалъ весь городъ и возвращался добровольно домой. Мясо, которое ему приносили, онъ часто закапывалъ въ песокъ, но всегда мылъ его въ водѣ, раньше чѣмъ принимался ѣсть. Когда оно наконецъ было чисто, онъ клалъ его на доску и начиналъ ѣсть, какъ это дѣлають обыкновенно кошки, откусывая понемногу отъ куска, а не разрывая его на части.

Мѣхъ пумы въ Парагваѣ не идетъ въ прокъ, но на сѣверѣ Америки онъ употребляется на ковры. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ѣдятъ его мясо, которое, по словамъ Дарвина, очень вкусно и похоже на телячье, а Каролинскіе плантаторы считаютъ его даже лакомствомъ.

* * *

Ближайшимъ родственникомъ пумы можно считать ягуарунди (*Felis jaguarundi*, *Puma jaguarundi*) гато муриско — бразильцевъ. Это — стройное, тонкое животное, которое своимъ вытянутымъ тѣломъ и длиннымъ хвостомъ нѣсколько напоминаетъ куницу. Голова мала, глаза довольно большіе, уши округленныя, мѣхъ короткій и густой — темнаго сѣровато-бураго цвѣта; отдѣльные волосы у корня и немного ниже бураго кончика — черныя, вслѣдствіе чего ягуарунди кажется то свѣтлѣе, то темнѣе. Когда животное находится въ совершенно спокойномъ состояніи, шерсть его лежитъ гладко и тогда, естественно, выступаютъ черныя верхушки и шерсть его кажется темнѣе, когда же онъ раздраженъ, то шерсть его подымается; тогда становятся видны болѣе свѣтлыя корни волосъ, и шерсть кажется свѣтлѣе. Лапы и губы имѣють сѣроватый цвѣтъ, усы имѣють бурю окраску. Иногда волосы бывають черныя съ желтыми колечками, а кончики сѣрые. Самка всегда свѣтлѣе самца. Ягуарунди гораздо меньше кугуара; длина его туловища не болѣе 55 см., длина хвоста 32 см., а вышица въ плечахъ 34 см.

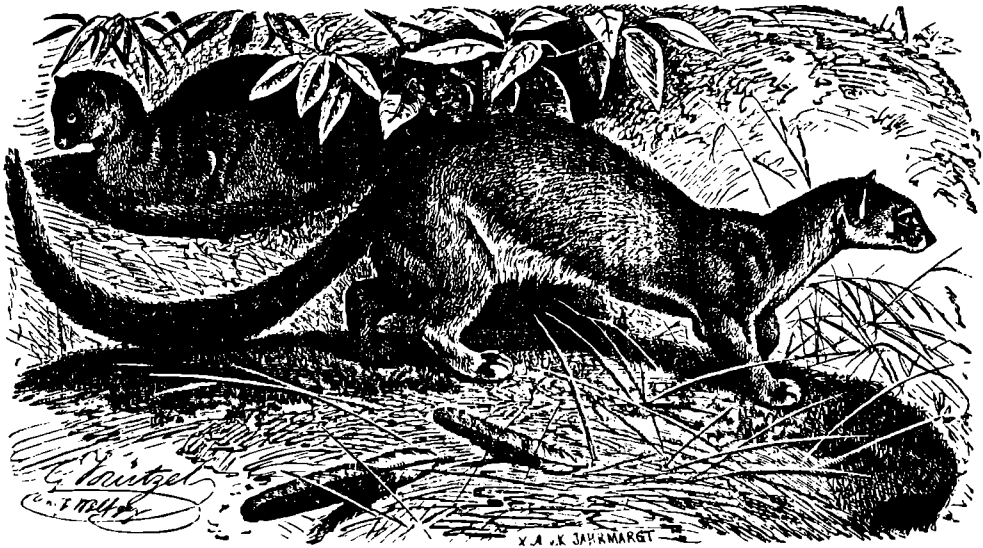
Ягуарунди живеть въ Южной Америкѣ отъ Парагвая до Панамы, а можетъ быть и дальше, какъ утверждаетъ Штоль, т. е. до Южной Гватемалы, гдѣ онъ называется гато-де-Монте. Въ Парагваѣ, гдѣ его наблюдалъ Ренгеръ, онъ живеть

въ лѣсахъ; но лучше любить опушки лѣсовъ и густой кустарникъ, чѣмъ высокій лѣсъ. На открытомъ полѣ онъ никогда не встрѣчается. За добычей выходитъ онъ утромъ и вечеромъ, но рѣдко днемъ; въ слишкомъ бурную погоду онъ не оставляетъ своего убѣжища и выжидаетъ болѣе благоприятнаго времени. Главную его пищу составляютъ птицы, а также и молодыя и небольшія млекопитающія: мыши, агуты, кролики, а можетъ быть и молодые олени, которые въ Южной Америкѣ едва достигаютъ величины нашихъ косуль. Однако, Азара говоритъ, что онъ нападаетъ и на большихъ животныхъ; подобно рыси онъ вцѣпляется имъ въ шею, прокусываетъ ее и не даетъ стряхнуть себя съ испуганнаго животного, пока оно не околѣетъ. Впрочемъ онъ большую часть своей пищи добываетъ изъ скотныхъ дворовъ, почему часто бродитъ около жилищъ. Ренгеръ наблюдалъ, не только за его разбойничьими набѣгами, но даже далъ ему разъ случай поохотиться въ его присутствіи. Этотъ наблюдатель привязалъ къ длинной веревкѣ курицу, неподалеку отъ изгороди изъ бромелій, за которою скрывался ягуарунди, а самъ сталъ насторожѣ. Нѣсколько времени спустя онъ замѣтилъ, что голова хищника стала показываться то тамъ то сямъ, изъ-за кустарника, причемъ онъ осторожно осматривался кругомъ. Потомъ онъ старался незамѣтно приблизиться къ курицѣ, причемъ, совершенно прильнувъ къ землѣ, крался такъ осторожно, что едва шевелилъ траву. Приблизившись къ своей жертвѣ на 6 или 8 шаговъ, онъ вдругъ съежился и прыгнулъ на курицу, схватилъ ее зубами за голову или шею и старался унести къ кустамъ. Куриные породы вообще, повидимому, составляютъ его любимую добычу, и Ренгеръ увѣряетъ, что онъ хватаетъ птицъ даже съ деревьевъ во время ихъ сна. Но онъ никогда не убиваетъ больше одного животного заразъ. Если добыча слишкомъ незначительна и не насытила его, онъ вторично отправляется на грабежъ и добываетъ себѣ новую жертву, пока не насытится совершенно.

Ягуарунди живутъ обыкновенно парами, въ опредѣленной мѣстности, откуда и производятъ недалекіе набѣги. Иногда нѣсколько паръ живутъ вмѣстѣ, что не въ обычаѣ другихъ дикихъ кошечъ: собаки Ренгера выгнали одинъ разъ шесть взрослыхъ ягуарунди изъ одной группы кустарниковъ. Во время случки, которая происходитъ въ ноябрѣ и декабрѣ, сходятся конечно нѣсколько самцевъ, и тогда можно слышать, среди тернистаго кустарника бромелій, какъ они между собою дерутся, визжать и пищать. Около девяти или десяти недѣль послѣ случки, самка родитъ двухъ-трехъ дѣтенышей въ логовищѣ среди густаго кустарника, или во рву, обросшемъ кустами, а иногда въ дуплѣ дерева. Мать никогда не отходитъ далеко отъ своихъ дѣтенышей. Она снабжаетъ ихъ, по мѣрѣ того, какъ они подрастаютъ, птицами и мелкими грызунами, пока ея потомство само не выучится охотиться. Но при близкой опасности, она трусливо покидаетъ своихъ дѣтенышей и никогда не осмѣливается защищать ихъ отъ людей или собакъ. Ягуарунди никогда не нападаютъ на людей, такъ что охота на него не представляетъ опасности. Его подстрѣливаютъ изъ ружей или ловятъ въ западни, а иногда охотятся за нимъ съ собаками, которымъ онъ сопротивляется только въ крайнемъ случаѣ. Обыкновенно онъ старается скрыться отъ преслѣдователей среди мелкаго иглистаго лѣса, но, наступившій слишкомъ близко, бросается на деревья или въ воду и старается спастись вплавать.

Ренгеръ держалъ у себя въ неволѣ нѣсколькихъ ягуарунди, прирученныхъ съ юности. Они были такъ же ручны, какъ самая кроткая домашняя кошка, но страсть къ грабежу была въ нихъ еще такъ сильна, что Ренгеръ не рѣшался свободно пускать ихъ бѣгать по всему дому. Поэтому онъ ихъ держалъ въ клеткѣ или привязывалъ къ веревкѣ, которую они никогда не пытались перегрызть. Они позво-

ляли себя гладить, играли рукой, которую имъ протягивали. Когда къ нимъ кто-нибудь подходилъ, они выражали свое удовольствіе прыжками, но, повидимому, ни къ кому не чувствовали особенной привязанности или отвращенія. Какъ только имъ давали свободу, они тотчасъ же начинали гоняться за домашними птицами по двору и схватывали первую попавшуюся курицу или утку. Даже будучи на привязи, они старались поймать птицъ, подошедшихъ къ нимъ близко, и для этой цѣли коварно прятались на время. Никакія наказанія не могли отучить ихъ отъ грабежа или принудить выпустить уже схваченную добычу. Капплеръ подтверждаетъ эти сообщенія Ренгера. Пойманный въ молодости и вскормленный молокомъ и мясомъ ягуарунди становится совсѣмъ ручнымъ. «У меня жилъ» говоритъ онъ, «долгое время ягуарунди, который свободно ходилъ по всему дому, игралъ съ кошкой и обезьяной и былъ ласковъ со всѣми. Но онъ никакъ не могъ отвыкнуть отъ привычки каждый день съѣдать по курицѣ, а такъ какъ я не могъ рѣшиться за-

Эйра (*Felis eyra*). $\frac{1}{6}$ наст. вел.

пирать такое ласковое животное, мнѣ пришлось его отдать въ чужія руки». Ренгеръ, схвативъ ягуарунди, у котораго въ зубахъ былъ цыпленокъ, за ошейникъ нѣсколько разъ подбрасывалъ его въ воздухъ, но онъ все-таки не выпускалъ свою добычу. Если у ягуарунди вырывали пищу силой, они принимались бѣшено прыгать вверхъ, стараясь укунить руку, отнявшую у нихъ ее. Жившіе въ неволѣ ягуарунди предпочитали мясо—крови и ѣли растительную пищу только въ случаѣ сильнѣйшаго голода. Если имъ бросали кусокъ мяса, они старались его спрятать, прежде чѣмъ съѣсть. Они откусываютъ понемногу отъ куска, какъ наши домашнія кошки, но при этомъ держатъ пищу передними лапами. Когда они сыты, то облизываютъ тщательно себѣ лапы и укладываются спать. Когда холодно, они свертываются клубкомъ и закидываютъ хвостъ черезъ все туловище и голову назадъ; если тепло, они вытягиваютъ во всю длину всѣ четыре ноги и хвостъ. Если имъ утромъ не дадутъ пищи, они почти цѣлый день не спятъ и безостановочно прохаживаются взадъ и впередъ по клеткѣ; сытые—они, напротивъ того, спятъ почти все послѣобѣденное время и часть ночи.

Два ягуарунди, посаженные в одну клетку, живут между собою очень дружно. Они лижут друг друга, играют между собою и ложатся спать рядом. Только во время еды они награждают иногда друг друга ударами лап. Но до сих пор не было еще случая, чтобы они плодились в неволе, и все старания Ренгера в этом отношении остались безуспешными. В Европу, и именно в Лондон, ягуарунди привозили только в небольшом числе экземпляров.

* * *

Почти все южно-американские кошки имеют очень стройное тело; но Эйра (*Felis eura*, *Puma eura**), которую бразильцы называют гато вермелью (красная кошка), так длинна, что представляет, по крайней мере в этом отношении, переходную степень между кошками и куницами. Ее мягкая шерсть почти равномерно светло-желтовато-красная; только над верхней губой с каждой стороны по одному желтовато-белому пятну и того же цвета усы. Длина туловища этого животного 53 см., длина хвоста 32 см., а вышина в плечах 27 см. Она водится в тех же странах, как и ягуарунди.

Эйра не оправдывает своей многообещающей наружности; можно было бы думать, что она соединяет в себе все качества кошек и куниц; но в ней не больше ловкости, чем в ягуарунди, и только ее ненасытная кровожадность и жестокость ставят ее (с точки зрения хищников) выше его, и доказывают, что сходство с куницей не одно только наружное. Эйра тоже живет парами. Азара, который ее открыл, уверяет, что ни одна кошка не может сравниться с этим маленьким хищником в скорости, с которой он умерщвляет захваченную добычу. Ренгер держал этих животных в неволе, но ручными их сделать не мог. Когда они еще были так малы, что едва держались на ногах, то уже хватали животных, хотя не имели еще достаточно силы, чтобы с ними справиться; один из этих дятенышей схватил даже взрослого петуха, который убил его ударом шпоры в горло. Другого, вследствие его неукротимаго хищничества, надо было постоянно держать в заперти, а когда его однажды выпустил, он немедленно задушил нескольких утят. Исключая этой страсти к грабежу, это маленькое животное было очень ручное; в молодости Эйра играла с кошками и собаками, катала апельсины и бумажные шарики и была особенно привязана к одной обезьяне, вероятно вследствие того, что та искала у нее блох. С возрастом Эйра сделалась менее любезна к другим животным, но осталась ласковой и кроткой с людьми, если они ей не мешали во время еды. Впрочем она не делала никакого различия между своими хозяевами и посторонними лицами: равнодушно было тоже, чтобы она помнила оказанные ей благодарности или испытанные обиды.

Эйру удавалось несколько раз привозить живую в Лондон. С двух из них Вольф срисовал то изображение, которым мы теперь воспользовались для нашего рисунка.

* * *

Между пятнистыми и полосатыми кошками Нового Света находится и самый страшный тамошний хищник—Ягуар или Унца (*Felis onca*, *F. panthera*, *Leopardus onca*). Его можно считать и самую большую и сильною американскую кошку. Мы узнали о нем уже из первых сведений, дошедших до нас из Америки, но и теперь почти у всех путешественников встречаются о нем рассказы, из

*) Имяевское и французское названия не приводятся в тех случаях, когда они сходны с русским.

которыхъ можно заключить, что прежнія свѣдѣнія о его свирѣпости нѣсколько преувеличены. Очень естественно, что при первыхъ описаніяхъ допущено было много басенъ. Животное это знали мало и поэтому слишкомъ довѣрили рассказамъ туземцевъ.

Во всей фигурѣ ягуара выражается болѣе силы, чѣмъ ловкости, такъ что онъ кажется даже нѣсколько тяжеловатымъ на ходу. Тѣло его не такъ длинно, какъ у леопарда или тигра, и конечности, сравнительно съ туловищемъ, короче, чѣмъ у этихъ кошекъ. Вполнѣ взрослый ягуаръ имѣетъ 145 см. отъ начала морды до корня хвоста и 68 см. отъ этого мѣста до конца хвоста. А фонъ-Гумбольдтъ говорить, что видалъ ягуаровъ, которые были никакъ не меньше королевскаго тигра; по увѣренію Пеппига, длина ягуара, безъ хвоста, достигаетъ даже 180—200 см. Вышина въ плечахъ около 80 см. Мѣхъ его короткій, густой, блестящій и мягкій; на горлѣ, нижней части шей, груди и животѣ длиннѣе, чѣмъ на остальномъ тѣлѣ. Окраска мѣха весьма разнообразна, какъ въ основномъ цвѣтѣ, такъ и въ расположеніи пятенъ. У большей части экземпляровъ шерсть красновато-желтая, исключая внутренности уха, нижней части морды, челюстей, горла и вообще нижней части туловища и внутренней стороны ногъ, гдѣ преобладаетъ бѣлый цвѣтъ. Весь мѣхъ покрытъ частью небольшими черными круглыми или продолговатыми неправильными пятнами, частью большими пятнами или кольцами, которыя окаймлены желтовато-красными или черными полосками и имѣютъ посрединѣ одно или два черныхъ пятна. Сплошныя пятна находятся въ особенности на головѣ, шеѣ, нижней части тѣла и конечностяхъ; тамъ, гдѣ основной цвѣтъ бѣлый—они рѣже, но больше и болѣе неправильной формы, чѣмъ на прочихъ частяхъ тѣла и образуютъ иногда на внутренней части ногъ поперечныя полосы. Они тоже больше на задней части головы, чѣмъ на передней и на нижней трети черного хвоста они образуютъ едва три полныхъ кольца. У всѣхъ разновидностей встрѣчается непременно по черному пятну у каждаго угла рта и по другому, съ бѣлой или желтой точкой посрединѣ, на задней части уха. На спинѣ пятна соединяются въ видѣ неправильной полосы, которая у хвоста раздваивается. По бокамъ туловища эти пятна образуютъ болѣе или менѣе правильныя продольныя полосы. Болѣе опредѣленнаго ничего сказать нельзя, потому что едва найдутся два, три мѣха, на которыхъ пятна были бы совершенно одинаково расположены. У самки ягуара цвѣтъ мѣха блѣднѣе, чѣмъ у самца, меньше колеобразныхъ пятенъ на шеѣ и плечахъ, но за то больше маленькихъ пятенъ на бокахъ. Нерѣдко встрѣчаются и черныя ягуары; у нихъ цвѣтъ мѣха такъ темень, что черныя пятна мало выдаются.

Должно быть встрѣчается большое разнообразіе въ величинѣ, цвѣтѣ и расположеніи пятенъ, но главнѣйшіе признаки болѣе или менѣе одинаковы вездѣ. Вѣроятно вслѣдствіе различія въ цвѣтѣ и расположеніи пятенъ, ягуаръ имѣетъ въ каждой мѣстности свое мѣстное названіе, и даже самые опытные наблюдатели различаютъ нѣсколько видовъ. Пеппигъ считалъ черную унцу отдѣльнымъ видомъ. Бэтсъ увидѣлъ разъ черного ягуара, пьющаго на берегу Амазонской рѣки, около Эги, но при видѣ его ягуаръ тотчасъ же убѣжалъ. Этотъ натуралистъ увѣряетъ, что въ той странѣ черныя ягуары встрѣчаются чаще другихъ. Въ Мексикѣ тоже ходитъ много рассказовъ о черномъ хищникѣ, который живетъ въ отдаленныхъ пустыняхъ и наводитъ еще бѣльшій страхъ, чѣмъ ягуаръ или кугуаръ и котораго, какъ утверждаетъ Освальдъ, зовутъ нарагуаръ или ночной тигръ. Капплеръ говоритъ: «не подлежитъ сомнѣнію, что въ Гвианѣ существуетъ нѣсколько видовъ ягуара или что рисунокъ его мѣха измѣняется смотря по возрасту и мѣстопребыванію». Изъ новѣйшихъ сообщеній К. фонъ-денъ-Штейпена явствуетъ, что въ Мато Гроссо, по на-

ружнымъ признакамъ, различаютъ нѣсколько видовъ ягуаровъ; бразильцы причисляютъ къ нимъ и пуму, которая, говорятъ, спаривается съ ягуарами. Спутникъ этого натуралиста, опытный охотникъ, убившій больше пятидесяти ягуаровъ, изъ которыхъ трое было черныхъ, увѣряетъ, что эти послѣдніе не больше и не свѣрѣе другихъ (Генцель говоритъ то-же). Но собаки по чутью отличаютъ ихъ отъ обыкновенныхъ ягуаровъ и не такъ охотно гонятся за ними. Названіе ягуаръ происходитъ отъ языка гуарановъ, которые называютъ это животное ягуаретте, т. е. собачье тѣло. Испанцы называютъ его тигромъ, португальцы—онса. Онъ распространенъ на большомъ протяженіи: отъ Буеносъ-Айреса и Парагвая черезъ всю Южную Америку до самой Мексики и въ юго-западной части Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ. Чаще всего встрѣчается онъ въ умѣренныхъ странахъ Южной Америки, рѣже въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ европейцы все болѣе и болѣе вытѣсняютъ его. Онъ живетъ въ лѣсистыхъ берегахъ большихъ рѣкъ и ручьевъ, на опушкахъ лѣсовъ близъ болотъ, или вообще въ болотистыхъ, покрытыхъ высокой травой и тростникомъ мѣстностяхъ. Въ открытомъ полѣ или въ глубинѣ большихъ лѣсовъ онъ показывается рѣдко, и только въ такихъ случаяхъ, когда перекочевываетъ изъ одной мѣстности въ другую. Тамъ, гдѣ его застанетъ солнце, онъ ложится въ густую траву или въ чащѣ лѣса и проводитъ тамъ день. Подобно тигру, онъ любитъ царапать когтями мягкую кору деревьевъ и въ особенности, какъ говоритъ Капплеръ, одного дерева въ Суринамѣ (*Sapota milleri*), котораго кора, на два метра въ вышину, часто оказывается совершенно исцарапанной. Капплеръ увѣряетъ, что ягуаръ встрѣчается довольно часто и въ Гвианѣ.

Онъ выходитъ на добычу въ утреннія или вечернія сумерки или въ свѣтлыя, лунныя ночи, но никогда не охотится среди дня или въ темныя ночи. Всѣ большія позвоночныя животныя, которыхъ ягуаръ можетъ осилить, служатъ ему пищей. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ опасный разбойникъ. Какъ ни тяжела, повидимому, его походка, онъ можетъ, въ случаѣ нужды, двигаться весьма ловко и быстро. Сила его, въ сравненіи съ его ростомъ, очень велика и можетъ сравниться только съ силой льва или тигра. Органы чувствъ правильно и хорошо развиты: зрѣніе у него острое, слухъ превосходный, только обоняніе, какъ почти у всѣхъ кошекъ, не особенно остро; однако онъ чуетъ добычу на довольно большомъ разстояніи. Такимъ образомъ ягуаръ въ физическомъ отношеніи снабженъ всѣмъ необходимымъ для опаснаго хищника. Впрочемъ онъ не разборчивъ въ пищу. Азара находилъ въ его пометѣ иглы ежа; Ренгеръ въ его желудкѣ части крысы и агуты, изъ чего можно заключить, что онъ охотится и на мелкихъ животныхъ. Точно также онъ крадется въ камышахъ за болотными птицами и весьма искусно таскаетъ изъ воды рыбъ. Онъ не падаетъ, какъ утверждаетъ Пеппигъ, даже каймановъ. Бэтсъ, во время охоты, нашелъ свѣжій слѣдъ ягуара къ водѣ, которая была очевидно только-что взволнована; вскорѣ послѣ того онъ услышалъ шелестъ въ кустахъ, въ которыхъ скрылся хищникъ, нѣсколько шаговъ дальше нашелъ онъ голову, переднюю часть и шкуру аллигатора; остатки эти были совершенно еще теплы, и кругомъ виднѣлся слѣдъ ягуара. Такимъ образомъ не подлежало сомнѣнію, что аллигаторъ былъ разтерзанъ ягуаромъ. Нельзя тоже не вѣрить наблюденіямъ Гумбольдта, принца фонъ-Вида, Пеппига, Бэтса и Капплера, которые всѣ утверждаютъ, что ягуаръ ѣстъ и пресмыкающихся. «Ягуаръ», говоритъ А. Гумбольдтъ, «жесточайшій врагъ морской черепахи и преслѣдуетъ ее по берегу, гдѣ она кладетъ свои яйца. Онъ нападаетъ на нее на песокъ и, чтобъ удобнѣе было ее ѣсть, переворачиваетъ на спину. Черепахи уже не могутъ сами перевернуться, а такъ какъ ягуаръ поворачиваетъ ихъ гораздо большее число, чѣмъ можетъ съѣсть въ одну ночь, то его трудами часто

пользуются индѣйцы. Нельзя при этомъ не удивляться ловкости, съ которой животное отдѣляетъ двойной панцирь черепахи: связки мускуловъ будто подрѣзаны хирургическими инструментами».

«Опытному охотнику», говоритъ Ренгеръ, «не трудно наблюдать за ягуаромъ во время его охоты за добычей, въ особенности вдоль рѣкъ. Можно видѣть, какъ онъ подкрадывается къ берегу, гдѣ подстерегаетъ преимущественно водосвинокъ и выдръ. Отъ времени до времени онъ останавливается и внимательно осматривается кругомъ. Но я никогда не могъ замѣтить, чтобъ онъ, руководясь чутьемъ, выслѣживалъ дичь по землѣ. Нельзя не удивляться той осторожности и терпѣнію, съ которыми онъ крадется къ замѣченной имъ водосвинкѣ. Онъ извивается по землѣ, какъ змѣя, останавливается на минуту, чтобъ лучше замѣтить мѣсто, гдѣ находится его жертва, дѣлаетъ часто большіе обходы, чтобъ напасть на нее съ той стороны, съ которой его труднѣе замѣтить. Когда ему наконецъ удастся подойти незамѣченнымъ къ жертвѣ, онъ однимъ, рѣдко двумя прыжками набрасывается на добычу, прижимаетъ ее къ землѣ, прокусываетъ ей горло и уноситъ еще трепещущее въ предсмертныхъ судорогахъ животное въ чашу.

Но трескъ сухого дерева подъ его ногами часто выдаетъ его присутствіе рыбакамъ, расположившимся на ночлегъ у берега, или водосвинки, почувавъ его приближеніе, бросаются съ громкимъ крикомъ въ воду. Утверждаютъ, впрочемъ, что ягуары иногда бросаются въ воду вслѣдъ за намѣченными жертвами и вылавливаютъ ихъ въ самый моментъ ихъ исчезновенія подъ водою. Во то время, какъ ягуаръ подкрадывается къ какому-нибудь животному, вниманіе его такъ поглощено имъ, что онъ не замѣчаетъ ничего происходящаго вокругъ и не слышитъ даже сильнаго шума. Если онъ не можетъ подойти незамѣченнымъ къ добычѣ, то онъ ложится на-сторожѣ въ кусты. Положеніемъ тѣла онъ тогда походить на кошку, подкарауливающую мышъ: тѣло сжато, глаза неподвижно устремлены на свою жертву и только вытянутый хвостъ медленно двигается туда и сюда. Но ягуаръ не всегда преслѣдуетъ добычу: часто прячется онъ среди камышей на болотахъ или на берегахъ небольшихъ рѣкъ и спокойно ждетъ, когда животныя придутъ на водопой».

Ягуаръ очень опасенъ для стадъ; онъ преслѣдуетъ въ особенности молодой рогатый скотъ, лошадей и муловъ. Азара увѣряетъ, что ягуаръ убиваетъ этихъ животныхъ такимъ же способомъ, какъ это дѣлаютъ всѣ большія кошки, т. е. вспрыгивувъ своей жертвѣ на шею, онъ кладетъ ей одну лапу на затылокъ, другую на кончикъ морды и такъ быстро поворачиваетъ ей голову назадъ, что въ одно мгновеніе ломаетъ ей позвоночникъ на затылкѣ. Но Ренгеръ не наблюдалъ ничего подобнаго на трупахъ убитыхъ ягуаромъ животныхъ. «Напротивъ того», говоритъ онъ, «я всегда замѣчалъ, что ягуаръ убиваетъ большихъ животныхъ, прокусывая имъ горло, а маленькихъ, перегрызая имъ затылокъ. На воловъ и быковъ онъ нападаетъ рѣдко и только въ крайней нуждѣ. Они мужественно идутъ на него и обращаютъ большею частью въ бѣгство. Даже коровы успѣшно защищаютъ противъ ягуара своихъ телятъ, но при этомъ часто бываютъ сами тяжело ранены. Лошади и мулы дѣлаются легко его добычей, если подходятъ близко къ лѣсу».

Ягуаръ ловить свою добычу такъ же легко въ водѣ, какъ и на сушѣ; по деревьямъ онъ не охотится, хотя довольно ловко влѣзаетъ на нихъ, спасаясь отъ погони.

Много ходитъ басенъ о тѣхъ способахъ, которые онъ употребляетъ, чтобы достать себѣ рыбы. Такъ, напримѣръ, говорятъ, что онъ приманиваетъ ее пѣной своей слюны или ударяя хвостомъ объ воду. «Очень опытный охотникъ», го-

ворить Ренгеръ, «которому я обязанъ многими хорошими совѣтами и наблюденіями сообщилъ мнѣ по этому предмету болѣе точныя свѣдѣнія, которыя впоследствии и самъ провѣрилъ своимъ собственнымъ опытомъ. Когда я однажды въ жаркій лѣтній вечеръ возвращался въ лодкѣ съ охоты на утокъ, сопровождавшій меня индѣецъ замѣтилъ ягуара на берегу рѣки. Мы подплыли къ тому мѣсту и спрятались, чтобы наблюдать за нимъ. Онъ сидѣлъ, свернувшись на выступѣ берега, гдѣ теченіе было сильнѣе, около того мѣста, гдѣ обыкновенно водятся хищная рыба, которую туземцы называютъ «дорадо». Онъ пристально смотрѣлъ на воду, нагибаясь отъ времени до времени впередъ, какъ будто высматривалъ что-то на днѣ. Четверть часа спустя я увидѣлъ, какъ онъ быстро опустилъ лапу въ воду и выбросилъ оттуда на берегъ большую рыбу. Такимъ образомъ я убѣдился, что онъ ловить рыбу тѣмъ же способомъ, какъ домашняя кошка».

Небольшихъ животныхъ ягуаръ съѣдаетъ тотчасъ съ кожей и костями; но у лошадей, оленей и тому подобныхъ большихъ животныхъ онъ объѣдаетъ только мягкія части, не выказывая пристрастія ни къ какимъ изъ нихъ въ особенности, только до внутренностей онъ не дотрогивается. Насытившись, онъ возвращается въ лѣсъ, но удаляется не болѣе какъ на $\frac{1}{4}$ часа ходьбы отъ того мѣста, гдѣ ѣлъ, и тамъ засыпаетъ. Вечеромъ, или на другой день утромъ, онъ возвращается къ убитому животному, обглядываетъ его вторично и остатки оставляетъ коршунамъ.

Ягуаръ, по словамъ Ренгера, никогда не возвращается больше одного раза къ убитой имъ добычѣ; до падали же никогда не дотрогивается. Впрочемъ, послѣднее еще подлежитъ сомнѣнію: врядъ ли онъ, въ этомъ отношеніи, отличается отъ другихъ кошекъ. Вообще нужно сказать, онъ почти никогда не возвращается къ убитой добычѣ. Если ягуаръ словилъ какое-нибудь животное вдали отъ лѣса, онъ уноситъ его съ собою въ чащу. Случается, что онъ свою добычу переноситъ черезъ рѣку. Однажды ягуаръ убилъ лошадь, неподалеку отъ жилища Азара, и волокъ ее сначала шаговъ шестьдесятъ по полю, а потомъ перетащилъ черезъ быструю рѣку на противоположный берегъ (?). Ягуаръ никогда не убиваетъ болѣе одной жертвы за разъ и тѣмъ выгодно отличается отъ другихъ видовъ большихъ кошекъ.

Ягуаръ, еще мало знакомый съ людьми, почтительно уступаетъ имъ при встрѣчѣ дорогу или съ любопытствомъ слѣдитъ за ними глазами издали. «Нерѣдко случалось намъ», говоритъ Ренгеръ, «наткаться во время нашего путешествія по пустыннымъ мѣстамъ сѣвернаго Парагвая, на одну или нѣсколькихъ уницъ, которыя тотчасъ убѣжали отъ насъ въ лѣсъ или останавливались на опушкѣ и хладнокровно наблюдали за нами издали. Не было примѣра, чтобы среди необитаемыхъ лѣсовъ человѣкъ былъ растерзанъ ягуаромъ; но тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ населенныхъ мѣстностяхъ или у судоходныхъ рѣкъ, скоро утрачиваютъ свою робость передъ людьми и нападаютъ на нихъ. Ходятъ слухи, что они иногда ночью осмѣливаются влѣзть на привязанныя къ берегу суда и оттуда таскаютъ мясо или собакъ и даже смертельно ранятъ матросовъ; но обыкновенно люди платятся жизнью только за свою неосторожность, такъ какъ осторожныя лица всегда съумѣютъ избѣжать опасности. Такъ, на примѣръ, нападенія хищниковъ на рыбаковъ, которые, при противномъ вѣтрѣ, выходятъ на берегъ варить себѣ ужинъ, не имѣютъ почти никогда кроваваго исхода, потому что рыбаки, при малѣйшемъ подозрительномъ шорохѣ, тотчасъ спасаются на судно. Они предоставляютъ ягуару жарящееся на огнѣ мясо, которымъ онъ и довольствуется. Достоверно тоже, что онъ совсѣмъ не боится огня». Гумбольдтъ утверждаетъ то же самое: «Мы замѣтили къ своему удивленію», говоритъ онъ, «что ягуары совсѣмъ не боялись нашего огня. Они переплывали рукавъ рѣки, отдѣлявшій насъ отъ берега, и утромъ мы

слышали ихъ ревъ въ близкомъ разстояніи». Въ другомъ мѣстѣ своего разказа онъ сообщаетъ намъ, что ягуаръ выхватилъ однажды изъ самой середины ихъ лагеря добрую собаку всего общества и уволокъ ее. Собака, которая вечеромъ слышала ревъ ягуара, забилась подъ гамакъ своего господина, но утромъ она все-таки исчезла.

Знаменитый «ревъ» ягуара, кажется, вовсе не особенно страшенъ. Можетъ быть, прежніе путешественники необдуманно дали это названіе крику ягуара, или они приняли другіе голоса за ревъ этого животнаго; можетъ быть тоже, что звуки, среди невѣдомой имъ дикой природы, показались имъ величественнѣе, чѣмъ были въ дѣйствительности. Шеппигъ говоритъ, правда, «о страшномъ, громкомъ «ревѣ» который раздается въ лѣсахъ, въ тихія ночи»; но, конечно, его происхождение должно быть провѣрено; этотъ же натуралистъ говоритъ, что, когда ягуаръ крадется вокругъ стана или жилища, то испускаетъ «только короткое отрывистое ворчаніе». Новѣйшіе путешественники ничего не сообщаютъ о ревѣ. Аппунъ говоритъ о крикѣ ягуара, похожемъ на «кошачье мяуканье», Пехуэль-Леше напрасно старался услышать нѣчто похожее на ревъ ягуара; Заксъ слышалъ ночью изъ лагеря у Ориноко «тихий кошачій визгъ, громкій вой» и «глухіе, сердитые звуки въ близкомъ разстояніи. «Мои спутники», говоритъ онъ, «проснулись, а индѣецъ пробормоталъ равнодушно: «тигръ близко» и принялся разжигать огонь». У К. фонъ-Штейнена встрѣчается слѣдующая фраза: «Ночью рычалъ ягуаръ, т. е. съ противоположнаго берега раздавались довольно жалобные звуки, похожіе на мяуканье кошки или кваканье лягушки». Почти всѣ натуралисты, къ которымъ обращались съ письменными запросами, отрицаютъ ревъ ягуара. «Даже тамъ, гдѣ ягуаровъ было много», пишетъ Герингъ, «мнѣ случилось ихъ слышать только одинъ разъ, когда они бродили кругомъ нашего лагеря; но звуки были отрывистые и тихіе и далеко не походили на ревъ. Сиверсъ сообщаетъ: «На сколько хватаетъ мой опытъ, о рычаніи ягуара не можетъ быть и рѣчи. Ревуны гораздо громче кричатъ, и я предполагаю, что нѣкоторые путешественники приняли крики этихъ обезьянъ за рычаніе ягуара, какъ это случилось и со мной. Крикъ ягуара, во всякомъ случаѣ, очень не громкій». Штюбель сообщаетъ то же: «Я не помню, чтобъ когда-нибудь, во время моего пребыванія въ первобытномъ лѣсу, такъ же, какъ и по дорогѣ въ Мойобамбу, я былъ обезпкоенъ ревомъ ягуара; во всякомъ случаѣ это названіе дано невѣрно крику ягуара; въ крайнемъ случаѣ его можно назвать воемъ, но, вѣрнѣе всего, кошачьимъ мяуканьемъ». Наконецъ фонъ-Штейненъ выражается слѣдующимъ образомъ: «какъ днемъ глазъ тщетно осматривается кругомъ, отыскивая яркость красокъ и изобиліе цвѣтовъ, такъ ночью ухо самымъ жалкимъ образомъ бываетъ обмануто въ ожиданіи обѣщанныхъ наслажденій, когда оно съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивается, «чтобъ дѣвственный лѣсъ проснулся», а въ особенности, чтобъ ягуаръ зарычалъ, какъ это описываетъ Гумбольдтъ. Конечно можетъ случиться, что разсерженный звѣрь, во время борьбы испускаетъ болѣе сильныя и сердитые звуки, которые, при нѣкоторой фантазіи, можно назвать «рычаньемъ». но пресловутому реву около лагеря я положительно не вѣрю. Во всякомъ случаѣ тутъ есть преувеличеніе: мы ягуара слышали вообще рѣдко, а рева его не слышали никогда. Тѣ звуки, которыми у него выражалось самое сильное волненіе, можно назвать только громкимъ, сердитымъ и, пожалуй, злобщимъ ворчаньемъ. Наши люди долго спорили однажды ночью о томъ, кому принадлежитъ слышанное ими громкое жалобное ворчанье: ягуару или птицѣ соко-бой (родъ цапли). Мой двоюродный братъ въ своей записной книжкѣ обозначилъ крикъ ягуара звуками: «гао-гао, гао-его», подобно особѣ, страдающей сильною болью въ желудкѣ; это, конечно, не такъ поэтично, но очень характерно для нашего вопроса, такъ какъ

крикъ этотъ соответствуетъ скорѣе всего вою влюбленной кошки, но никакъ не реву». Послѣ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ о рычаніи ягуара не можетъ быть и рѣчи. Подобно леопарду и тигру ягуаръ не принадлежитъ къ громко кричащимъ животнымъ: онъ ворчитъ, хрюкаетъ, воетъ или испускаетъ мяуканье, соответствующее, по своей силѣ, величинѣ этой кошки.

Азара утверждаетъ, что когда ягуаръ набредетъ на общество спящихъ людей, онъ прежде всего убиваетъ негровъ, а потомъ европейцевъ; но Ренгеръ съ этимъ не соглашается. Ягуаръ никогда не убиваетъ больше одного человѣка за разъ, если ему не приходится защищаться. Одно только достоверно, что онъ на негровъ нападаетъ чаще, чѣмъ на бѣлыхъ, причемъ можно допустить, что онъ, конечно, первыхъ встрѣчаетъ чаще, чѣмъ вторыхъ. Рассказываютъ, что, когда люди случайно днемъ натыкались на ягуара, имъ удавалось испугать его громкими и дружными криками, и это показаніе кажется намъ правдоподобнымъ, смотря по наблюденіямъ надъ другими кошками.

Цеппигъ говоритъ, что на равнинѣ Майнаса почти году не проходитъ безъ человѣческихъ жертвъ. Ягуары появлялись среди бѣлаго дня въ населенныхъ мѣстностяхъ и похищали собакъ, которыя составляютъ ихъ любимую пищу. Особенно худо славою пользовалась дорога черезъ густые лѣса, между Сапуозой и Мойо-бамбой, потому что на ней въ теченіе 30 лѣтъ было растерзано до 20 индѣйцевъ, которыхъ посылали пѣшими съ какимъ-нибудь порученіемъ. Одинъ изъ индѣйцевъ Шомбургка всю жизнь носилъ на груди слѣды зубовъ ягуара, который бросился на него, когда онъ былъ еще мальчикомъ; хищникъ схватилъ его за грудь и уволокъ было его, но потомъ бросилъ, когда мать мальчика выбѣжала ему на помощь съ охотничьимъ ножомъ. Въ дѣвственныхъ лѣсахъ, у подошвы Перуанскихъ Андъ, ягуаръ живетъ, по свидѣтельству Чуди, преимущественно вблизи деревень; онъ всю ночь бродитъ вокругъ нихъ и похищаетъ то собаку, то свинью, а иногда и человѣка. Онъ не только не боится людей, но самъ нападаетъ на одинокихъ и, даже мучимый голодомъ среди бѣлаго дня проникаетъ въ лѣсныя деревни. Но Капшлеръ, который жилъ въ Гвианѣ почти 45 лѣтъ, говоритъ: «До сихъ поръ былъ только одинъ случай, что ягуаръ напалъ на человѣка и загрызъ его, хотя на плантаціяхъ онъ часто заѣдаетъ рогатый скотъ или свиней». Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, что ягуаръ не во всѣхъ мѣстностяхъ одинаково опасенъ для человѣка, что онъ вообще питается, какъ и тигръ, животными, похищаетъ преимущественно домашній скотъ и лакомится только въ рѣдкихъ случаяхъ человѣческимъ мясомъ.

Ягуаръ остается въ той же мѣстности до тѣхъ поръ, пока находитъ въ ней достаточно пищи и его не очень беспокоятъ въ ней. Когда же онъ удостоверится, что нельзя больше тутъ надѣяться на обильную добычу или люди слишкомъ усердно его преслѣдуютъ, онъ удаляется въ другое мѣсто. Странствуетъ онъ обыкновенно ночью, причемъ не боится пробѣгать по населеннымъ мѣстностямъ; даже самыя широкія рѣки не служатъ ему препятствіемъ, такъ какъ онъ отлично плаваетъ.

Можно было бы думать, что плывущаго ягуара легко убить, но онъ еще страшенъ и въ водѣ. Только очень умѣлые лодочники рѣшаются нападать на него; если онъ замѣтитъ преслѣдованіе или почувствуетъ себя раненымъ, то часто самъ нападаетъ на людей, сидящихъ въ лодкѣ. Вотъ что рассказываетъ Ренгеръ: «Въ 1819 году, вскорѣ послѣ моего прибытія въ Асунсіонъ, я былъ свидѣтелемъ, во время такой охоты, происшествія, которое, по счастью, имѣло только комическій исходъ. Ягуаръ плылъ съ противоположнаго берега рѣки. Три иностранныхъ матроса, несмотря на предостереженіе парагвайца, схватили ружье, бросились въ лодку и

поѣхали на встрѣчу ягуару. Подѣхавши на разстояніе одного или двухъ метровъ, передній матросъ выстрѣлилъ и ранилъ ягуара. Но прежде чѣмъ матросы успѣли опомниться, ягуаръ ухватился за бортъ лодки и вскочилъ въ нее, несмотря на удары веслами и прикладомъ. Тогда матросамъ ничего болѣе не осталось дѣлать, какъ броситься самимъ въ воду и пуститься вплавъ къ берегу. Ягуаръ же улегся въ лодкѣ и преспокойно плылъ внизъ по рѣкѣ, пока, замѣтивъ за собою погоню другихъ охотниковъ, не прыгнулъ самъ въ воду и не спасся на ближнемъ берегу».

«Ежегодные разливы рѣкъ вытѣсняють ягуаровъ съ острововъ и лѣсистыхъ береговъ, такъ что они въ это время приближаются къ населеннымъ мѣстностямъ, гдѣ причиняють людямъ и стадамъ много вреда. Во время большихъ наводненій, можно нерѣдко видѣть ягуара въ деревняхъ или въ городахъ, расположенныхъ на высокомъ берегу рѣки. Одинъ ягуаръ былъ убитъ въ Вилла-Реале въ 1819 году, другой—въ столицѣ Парагвая въ 1820 году, наконецъ въ томъ же году въ Вилладель Пиларъ убито два ягуара. Когда мы въ 1825 году прибыли во время большаго наводненія въ Сантафенамъ, тамъ рассказывали, что нѣсколько дней передъ тѣмъ одинъ францисканскій монахъ, пришедшій въ церковь служить раннюю обѣдню, былъ растерзанъ ягуаромъ у самой двери ризницы. Впрочемъ не всегда случаются несчастія, когда ягуаръ забредетъ въ городъ, такъ какъ лай собакъ и стеченіе народа его такъ смущають, что онъ старается скрыться. Раны, причиняемыя этимъ хищникомъ, всегда очень опасны, не столько по глубинѣ, какъ по особенымъ свойствамъ своимъ: зубы его и когти не очень остры, поэтому онъ давитъ и рветъ мясо, когда кусаетъ и царапаетъ. Въ теплыхъ странахъ послѣдствіемъ подобныхъ поврежденій, особенно при недостаткѣ медицинской помощи, обыкновенно бываетъ мѣстный или общій параличъ». Ягуаръ большую часть года живетъ одинъ, какъ утверждаетъ Ренгеръ; только въ августѣ и сентябрѣ, когда настаетъ время случки, самки и самцы сходятся. «Если во время случки сойдутся около одной самки нѣсколько самцовъ, то происходитъ между ними борьба, послѣ которой слабѣйшіе удаляются. Оба пола недолго остаются вмѣстѣ, не болѣе 4—5 недѣль, и опять расходятся. Въ это время они опасны для человѣка. Какъ долго продолжается беременность самки—я навѣрно не знаю; смотря по тому времени, которое проходитъ между случкой и появленіемъ на свѣтъ дѣтенышей—она, вѣроятно, продолжается отъ трехъ до трехъ съ половиной мѣсяцевъ. Самка мечетъ двухъ, рѣдко трехъ дѣтенышей въ самой непроницаемой густотѣ лѣса или въ ямѣ около вырваннаго съ корнемъ дерева. Мать никогда не отходитъ далеко отъ своихъ дѣтенышей въ первые дни ихъ жизни и при малѣйшей опасности перетаскиваетъ ихъ въ зубахъ на другое мѣсто. Вообще материнское чувство въ ней очень сильно развито, и она съ яростью защищаетъ своихъ дѣтенышей и преслѣдуетъ похитителя ихъ цѣлыми часами. Послѣ шести недѣль молодые ягуары уже всюду сопутствуютъ своей матери. Первое время они еще прячутся въ чашу, пока мать охотится, но скоро они сами начинаютъ подстергать добычу. Когда они достигаютъ величины обыкновенной охотничьей собаки, мать бросаетъ ихъ, но нѣсколько времени они остаются еще вмѣстѣ». Цвѣтомъ молодые ягуары тогда еще отличаются отъ родителей, но уже съ седьмого мѣсяца они становятся совершенно похожими на нихъ.

Молодыхъ ягуаровъ часто воспитываютъ въ домахъ, но они должны быть пойманы еще сосунами, такъ какъ впослѣдствіи ихъ приручить уже нельзя. Они играютъ съ молодыми кошками и собаками, но особенно охотно—деревянными шарами. Движенія ихъ легки и граціозны. Они хорошо знаютъ своего сторожа, ищутъ его и выражаютъ радость при его появленіи. Каждый предметъ, который движется, привлекаетъ ихъ вниманіе. Они тотчасъ припадаютъ къ землѣ, поводятъ хвостомъ

и готовятся къ прыжку. Въ молодости, мучимые голодомъ, жаждой или скукой, они издають свойственное имъ однимъ мяуканье; у старыхъ этого звука уже больше не замѣчается. Въ неволѣ они никогда не рычатъ. Во время ѣды они ворчатъ, особенно если кто-нибудь къ нимъ подходитъ. Въ водѣ они никогда не должны терпѣть недостатка. Для ѣды они ложатся на землю, держатъ мясо передними лапами, наклоняютъ голову на бокъ, чтобы имѣть возможность употреблять и коренные зубы, и откусываютъ одинъ кусокъ за другимъ. Мелкія кости съѣдаютъ они совершенно, отъ большихъ отгрызаютъ только суставы. Послѣ ѣды ручные ягуары укладываются спать; если они сыты, то не такъ легко сердятся, и тогда можно съ ними играть; въ то время и домашнія животныя и птицы могутъ безнаказанно проходить мимо нихъ. Пойманныхъ ягуаровъ въ Южной Америкѣ держатъ не въ клѣткахъ, а на дворѣ, привязанныхъ ременной веревкой, или подъ померанцевыми деревьями передъ домомъ. Имъ никогда не приходится въ голову грызть веревку. Воздухъ, выдыхаемый ягуаромъ, какъ у всѣхъ почти хищныхъ звѣрей, имѣетъ неприятный запахъ, точно такъ же, какъ свѣжій мѣхъ, мясо, жиръ, моча и пометъ.

Даже самые молодые ягуары имѣютъ очень острые зубы. Какъ только плѣнный ягуаръ начинаетъ чувствовать свою силу, т. е. еще раньше трехъ лѣтъ, онъ спѣшитъ употребить свои зубы въ ущербъ своему хозяину. Напрасно ему отпиливаютъ клыки и рѣзцы и обрѣзаютъ когти: они могутъ одной своей силой еще много причинить вреда. Такимъ образомъ я видѣлъ, какъ ручной и такимъ образомъ искалѣченный ягуаръ, на котораго дѣти сажались безъ боязни, однажды попалъ на десятилѣтнюю негрятянку, которая за нимъ ухаживала; въ припадкѣ гнѣва, однимъ ударомъ своей лапы, повалилъ ее на землю и, несмотря на то, что ребенка тотчасъ изъ-подъ него вытащили, онъ своимъ беззубымъ ртомъ такъ придавилъ ей руку что она потеряла сознаніе и пришла въ себя только черезъ нѣсколько часовъ. Самки легке приручаются, чѣмъ самцы, и если сихъ послѣднихъ «облегчить», то они дѣлаются еще коварнѣе, чѣмъ прежде; кромѣ того они тогда быстро начинаютъ жирѣть и скоро умираютъ. Пока они малы, ихъ еще можно усмирить побоями, но потомъ трудно уже съ ними сладить. Чувство великодушія и благодарности совершенно чужды ягуару; онъ не выказываетъ никакой привязанности къ своему хозяину или къ другому животному и потому всегда опасно его долѣе году держать на свободѣ.

Въ клѣткахъ нашихъ зоологическихъ садовъ и звѣринцевъ ягуаръ ведетъ себя совершенно такъ же, какъ и леопардъ. По наблюденіямъ въ различныхъ зоологическихъ садахъ, я сдѣлалъ предположеніе, что ягуаръ трудно приручается и дрессируется для представленій. Но одинъ изъ опытнѣйшихъ и искуснѣйшихъ укротителей звѣрей, Крейдбергъ, успѣшно опровергъ это мнѣніе. Именно самые дикіе ягуары становятся наиболѣе понятливыми учениками въ рукахъ искуснаго учителя; но прежде всего имъ надо дать почувствовать, что они въ укротителѣ нашли себя господина, противъ воли котораго всякое сопротивление напрасно.

Въ неволѣ ягуаръ плодится не только въ звѣринцахъ, но и у торговцевъ звѣрями. Отъ скрещиванья ягуара съ леопардомъ и пантерой происходятъ сильныя, способныя къ продолженію рода ублюдки. Возведенная Фицингеромъ въ особый видъ сѣрая пантера (*Leopardus palioleopardus*) происходитъ, какъ увѣряетъ Крейдбергъ, отъ спариванія ягуара и черной пантеры. Леопарды, безъ сомнѣнія, нѣсколько разъ спаривались съ ягуарами и всякій разъ производили одинаковыхъ ублюдковъ. Одна самка, происшедшая отъ такого скрещиванія, которую спарили съ леопардомъ, произвела на свѣтъ двухъ дѣтенышей, изъ которыхъ одинъ былъ всѣми статьями похожъ на отца, а другой на мать. Въ Бразиліи увѣряютъ, что ягуаръ часто скрещивается съ пумою.

Изъ-за вреда, который онъ наноситъ населеннымъ мѣстностямъ, ягуара сильно преслѣдуютъ и истребляютъ. Въ Южной Америкѣ индѣйцы употребляютъ противъ него стрѣлы, пропитанныя страшнымъ ядомъ урари. Гораздо болѣе опасный способъ охоты на ягуара слѣдующій: охотникъ, заворотивъ лѣвую руку въ овечью шкуру и вооружившись обоюдоострымъ ножомъ или кинжаломъ, около двухъ футовъ длины, отправляется въ сопровожденіи двухъ—трехъ собакъ по слѣду ягуара, который не робѣетъ передъ небольшимъ числомъ собакъ. Охотникъ подходит къ нему близко и старается раздражить словами и жестами. Ягуаръ мгновенно вскакиваетъ какъ медвѣдь на заднія лапы и набрасывается на охотника съ широко разинутой пастью. Тогда охотникъ протягиваетъ къ переднимъ лапамъ животного свою обмотанную руку и, нагнувшись нѣсколько вправо, вонзаетъ ему ножъ въ лѣвый бокъ. Раненый ягуаръ тѣмъ скорѣе падаетъ на землю, что ему трудно удержаться въ равновѣсіи; въ принятомъ имъ положеніи, собаки же тотчасъ на него набрасываются. Если первая рана не смертельна, то ягуаръ легко освобождается отъ собакъ и снова нападаетъ на своего противника, который вторично ударяетъ его кинжаломъ. Ренгеръ зналъ одного индѣйца изъ города Бахалы, который такимъ образомъ убилъ до ста ягуаровъ. Онъ былъ страстный охотникъ, однако въ 1821 году на такой охотѣ полатился жизнью за свою смѣлость. Герингу рассказывали объ одномъ гаучосѣ, который получилъ названіе истребителя тигровъ. Этотъ смѣльчакъ тоже убилъ кинжаломъ большое число ягуаровъ.

По увѣренію Ренгера, за ягуаромъ охотятся въ Парагваѣ слѣдующимъ образомъ: хорошій стрѣлокъ, въ сопровожденіи двухъ человѣкъ, вооруженныхъ одинъ пикою, другой вилою въ пять футовъ длины, выходитъ съ 6—10 собаками на охоту. Какъ только охотники замѣтятъ ягуара, они становятся всѣ въ рядъ, стрѣлокъ въ серединѣ. Этотъ старается ранить звѣря выстрѣломъ въ грудь или въ голову. Послѣ удачнаго выстрѣла собаки нападаютъ на своего ненавистнаго врага и придавливаютъ его къ землѣ, гдѣ уже легко съ нимъ справиться. Если же выстрѣлъ былъ неудачный или ягуаръ оказался только легко раненымъ, то онъ самъ часто нападаетъ на противниковъ. Какъ только онъ подыметъ на заднія лапы, одинъ изъ охотниковъ приставляетъ ему къ груди вилу, другой ударяетъ его въ бокъ копьемъ, но тотчасъ же вытаскиваетъ оружіе изъ раны и готовится нанести второй ударъ. Во время борьбы собаки стараются повалить звѣря, дергая его за хвостъ; только самыя сильныя и злобныя собаки рѣшаются нападать съ боку. При такой охотѣ, жизнь даже самыхъ смѣлыхъ и самыхъ опытныхъ людей всегда находится въ опасности, потому что, такъ какъ борьба происходитъ обыкновенно въ чащѣ лѣса, самое незначительное препятствіе можетъ помѣшать вѣрности удара.

Парагвайцы, впрочемъ, охотятся иногда за ягуарами верхами, вооруженные только лассо: они ловко набрасываютъ ему петлю на шею, послѣ чего скачутъ га-лопомъ, волоча его за собою, и такимъ образомъ душатъ его, иногда съ помощью еще второго лассо, который тянутъ въ противоположную сторону. Ягуаровъ подстерегаютъ тоже и бьютъ изъ засады или ловятъ въ западни, или ставятъ самозащиты у тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ оставилъ часть добычи.

Мѣхъ ягуара не особенно цѣнится въ Южной Америкѣ; онъ употребляется развѣ только на ковры и тому подобныя вещи. Мясо ягуара, которое ѣлъ фонъ-Штейнъ, оказалось жесткимъ, но о мясѣ другого имъ убитаго ягуара онъ отзывался слѣдующимъ образомъ: «мясо ягуара жирно, какъ свинина. Къ котлетамъ отличной приправой служила бы красная капуста.» Нѣкоторыя части тѣла ягуара употребляются какъ лѣкарство. Такъ, напр., думаютъ, что жиръ помогаетъ отъ глистовъ, а сожженные когти—противъ зубной боли. Кромѣ того дикіе натираютъ

себѣ тѣло его жиромъ, воображая, что сдѣлаются, вслѣдствіе того, такъ же сильны и мужественны, какъ онъ самъ. Мясо особенно опасныхъ ягуаровъ, которыхъ трудно отогнать отъ деревень и которые жителямъ ихъ постоянно угрожаютъ нападеніемъ, никогда не употребляютъ въ пищу; индѣйцы убѣждены, что это собственно не звѣри, а заколдованныя существа или оборотни умершихъ порочныхъ людей.

* *
*

Мбаракайя или Чати (*Felis mitis*, *maracaya*, *Leopardus maracaya*, *Chati*) очень близокъ, по строенію тѣла, съ ягуаромъ; но отличается отъ этого страшнаго хищника, какъ цвѣтомъ и рисункомъ мѣха, такъ и ростомъ. Онъ гораздо меньше ягуара, слѣдовательно и голова относительно меньше и хвостъ короче. Но чати принадлежитъ все-таки къ большимъ кошкамъ, такъ какъ длина его туловища—80 см., хвоста—30 см., а вышина у загривка—40 см. Основной цвѣтъ болѣе желтоватый, чѣмъ красный, похожій на основной цвѣтъ мѣха леопарда; нижняя часть туловища совершенно бѣлая. На головѣ, спинѣ, хвостѣ и на нижней части ногъ отдѣляются черныя пятнышки, которыя также неправильны, какъ по формѣ, такъ и по положенію: они то длинны, то круглы, то соединены въ полосы, то разбросаны неправильными группами. Пятна надъ глазами и на щекахъ совершенно бѣлыя, уши внутри бѣлыя, снаружи черныя, съ желтыми пятнами. Съ двухъ сторонъ головы тянутся двѣ черныя полосы, подъ шеей—одна бурая полоса. На нижней части хвоста видны широкія и узкія черныя полосы. Чати водится въ Южной Америкѣ до самой Патагоніи.

Чати неутомимый охотникъ и смѣло нападаетъ даже на довольно большихъ животныхъ, какъ, наприм., на молодыхъ оленей. Для птичьихъ дворовъ онъ весьма опасный и непріятный сосѣдъ, и каждый человѣкъ, который держитъ куръ, долженъ очень его остерегаться, такъ какъ онъ, кажется, куръ предпочитаетъ всякой дичи. Стѣны и частоколы не спасаютъ отъ его нападеній, потому что онъ такъ же хорошо пробирается черезъ самыя узкія отверстія, какъ и перепрыгиваетъ черезъ высокія стѣны. При томъ онъ крайне остороженъ во время ночныхъ нападеній, не оставляетъ ни малѣйшихъ признаковъ своего пребыванія и только на другое утро, по небольшимъ слѣдамъ крови, разбросаннымъ перьямъ и еще больше по недостающимъ курамъ можно узнать о его посѣщеніи. Въ продолженіе двухъ лѣтъ одному землевладѣльцу удалось поймать въ окрестностяхъ своего двора до восемнадцати чати, изъ чего можно заключить, что они въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ.

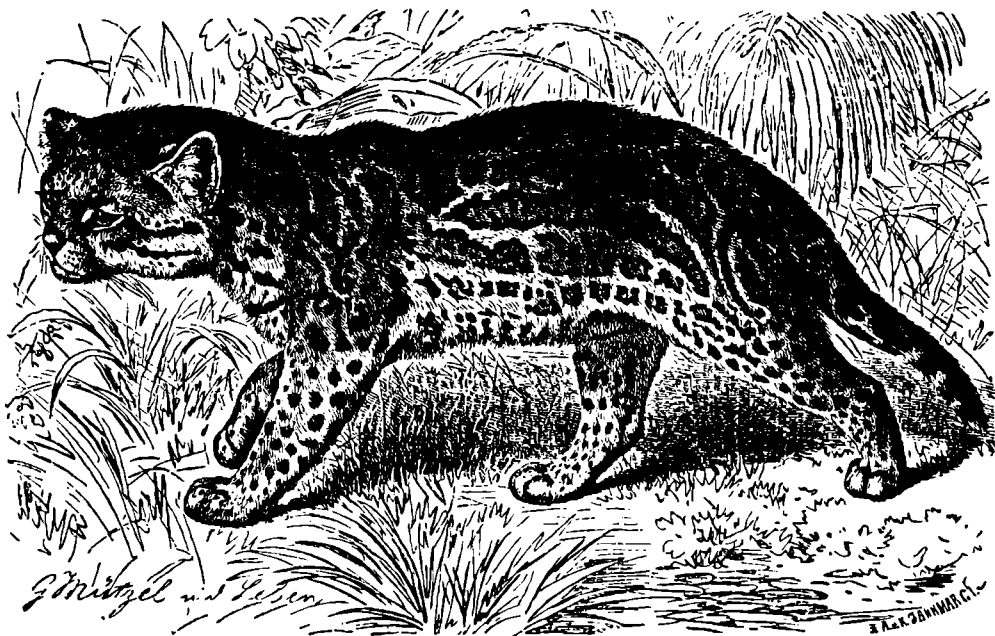
Говорятъ, что чати живутъ парами, но что самецъ и самка охотятся особо и никогда не помогаютъ другъ другу въ добываніи добычи. Животныя эти лежатъ цѣлый день въ тѣни густаго лѣса и спятъ до самаго заката солнца. Даже въ лунныя ночи онъ боится подходить къ дворамъ; но чѣмъ темнѣе и грознѣе ночь, тѣмъ смѣлѣе нападаетъ эта кошка на домашнихъ животныхъ.

Въ неволѣ чати весьма ласковое и привязчивое животное, которое часто забавляетъ своего хозяина своимъ игривымъ характеромъ. Одинъ чати, пойманный вышеупомянутымъ землевладѣльцемъ, сталъ такимъ ручнымъ, что ему дали свободу. Но на сколько онъ былъ милъ и ласковъ съ хозяиномъ, настолько выказался кровожаднымъ относительно домашнихъ птицъ. Кровожадность укоренилась въ немъ слишкомъ глубоко, чтобъ можно было его отучить отъ нея. Животное пользовалось всякой минутой, чтобъ, въ собственномъ домѣ или по содѣйствию, сдѣлать нападеніе на куръ, и наконецъ животное это было убито однимъ землевладѣльцемъ во время такого набѣга.

Въ Бразиліи охотятся за чати съ помощью собакъ, отъ которыхъ онъ тотчасъ спасается на деревья и становится, такимъ образомъ, легкой добычей для охотника. Негры и даже нѣкоторые туземцы ѣдятъ мясо чати, хотя оно, какъ говоритъ принцъ Фонъ-Видъ, издаетъ непріятный запахъ. Изъ прекраснаго мѣха, который слишкомъ малъ для попонъ, бразильскіе охотники приготовляли, во времена путешествія Фонъ-Вида, чехлы для предохраненія ружейныхъ замковъ отъ дождя.

* *
* *
* *

Къ чати примыкаетъ непосредственно Оцелоть (*Felis pardalis*, *Leopardus pardalis*, *Pardelkatze*, *Ocelot*). Длина его 1 метръ 30 см.; изъ нихъ 40—45 занимаетъ хвостъ. Вышина на плечахъ 50 см. Слѣдовательно это животное подходит по величинѣ къ нашей рыси, но гораздо ниже ея. Туловище его довольно широкое, голова до-

Оцелоть (*Felis pardalis*). $\frac{1}{6}$ наст. вел.

вольно большая, заостренный книзу хвостъ не очень длиненъ, уши короткія, широкія, округленныя; зрачки имѣютъ продолговатую форму, мѣхъ густой, блестящій, пестраго красиваго рисунка. Основной цвѣтъ его шерсти буровато-сѣрый или красновато-желто-сѣрый; на животѣ желтовато-бѣлый. Отъ глазъ тянется, съ каждой стороны, къ ушамъ черная полоса; на верхней части головы видны маленькія крапинки; по щекамъ проходятъ поперечныя полосы, а отъ нихъ идетъ полоса по горлу. По спинѣ проходитъ много продольныхъ полосъ (большую частью четыре), и цѣлый рядъ узкихъ черныхъ пятенъ, между которыми выступаютъ нѣсколько большихъ. По бокамъ выгнутыя продольныя полосы, которыя тянутся отъ плечъ къ заду и ярче окрашены, чѣмъ остальные, но съ черными краями, а иногда даже и съ черными точками посрединѣ. Нижняя часть туловища и ноги всѣ въ пятнахъ, которыя на хвостѣ переходятъ въ кольца. Впрочемъ вся эта окраска очень измѣняется: часто черныя продольныя полосы на спинѣ дѣлятся на восемь частей болѣе широкими блѣдными полосами, и широкія сплошныя полосы тянутся вдоль

боковъ; у другихъ полосы раздѣляются на пятна и на щекахъ бываютъ широкія черныя крапинки; еще у другихъ бываетъ полосатая вся нижняя часть туловища и т.д. Самки отличаются отъ самцовъ менѣе яркими красками пятенъ и кругообразно расположенными точками на плечахъ и поясницѣ. Капплеръ къ этимъ признакамъ еще прибавляетъ, что у оцелота глаза голубовато-сѣрые и носъ мясного цвѣта.

Оцелотъ очень распространенъ. Онъ живетъ, какъ въ южныхъ областяхъ Сѣверной Америки, такъ и въ Южной Америкѣ до Перу, Боливии и Парагвая. Онъ живетъ болѣе въ густыхъ, безлюдныхъ лѣсахъ, нежели около населенныхъ мѣстностей, хотя попадаетъ и въ послѣднихъ. Въ чистомъ полѣ его никогда не находятъ, но всегда въ лѣсахъ, въ скалистыхъ и болотистыхъ мѣстахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ попадаетъ очень часто; но, кажется, не имѣетъ постоянного мѣста жительства. Цѣлый день онъ спитъ въ самыхъ темныхъ уголкахъ лѣса, среди непроницаемой листвы или кустарника, иногда въ дуплахъ; въ утреннія и вечернія сумерки, и въ особенности ночью онъ выходитъ на добычу, одинаково какъ въ свѣтлую и звѣздную, такъ и въ бурную и въ темную ночь. Послѣдняя ему даже благоприятна, потому что тогда, незамѣченный собаками, онъ пробирается къ крестьянскимъ дворамъ и душитъ домашнихъ птицъ на овободѣ. Въ темныя ночи хозяевамъ приходится хорошенько запирать свои курятники, потому что если оцелотъ попадетъ къ курамъ, онъ перегрызетъ многихъ изъ нихъ. На свободѣ пища оцелота состоитъ изъ птицъ, которыхъ онъ достаетъ или на деревьяхъ, или на землѣ въ ихъ гнѣздахъ, а также изъ маленькихъ млекопитающихъ, молодыхъ оленей, свиней, обезьянъ, крысъ, агути, мышей и др. Думаютъ, что оцелота надо считать виновникомъ уменьшенія лѣсной дичи въ Америкѣ; во всякомъ случаѣ извѣстно, что онъ приноситъ птицамъ большой вредъ. За обезьянами онъ тоже гоняется по деревьямъ.

«Такъ какъ эта кошка выходитъ на добычу только ночью», говоритъ Ренгеръ, «то я и не могъ ни разу прослѣдить за нею на ея охотѣ. Но, кажется, она проходитъ большія пространства. Я часто по цѣлымъ часамъ шелъ по ея слѣдамъ въ дѣйственныхъ лѣсахъ. Гораздо рѣже можно напасть на остатки ея ѣды; большую частью они состоятъ изъ перьевъ какихъ-нибудь птицъ. Поэтому я не считаю ее кровожадной и думаю, что она убиваетъ только тѣхъ животныхъ, которыя ей нужны, чтобы насытиться. Это мнѣнiе подтверждается и захваченными въ неволю оцелотами, которыхъ я держалъ у себя. Оцелотъ хорошо лазаетъ и, когда его преслѣдуютъ, перепрыгиваетъ съ дерева на дерево, если они стоятъ густо, хотя въ лазаньи и не достигаетъ той легкости, какую обладаетъ кугуаръ. Въ воду онъ бросается только въ случаѣ нужды, напр. если наводненiемъ его оторвало отъ твердой земли и ему приходится достигнуть противоположнаго берега; однако онъ отличный пловецъ. Нерѣдко случается, что вынесенный наводненiемъ изъ лѣсовъ, оцелотъ пристааетъ къ берегу среди города. Я самъ видѣлъ оцелота, переплывшаго часть теченiя Парагвая и убитаго въ ту минуту, когда онъ присталъ къ гавани Ассунционъ. Оцелотъ живетъ парами въ извѣстномъ округѣ. Охотникъ можетъ быть увѣренъ, спугнувши одного, тотчасъ же встрѣтитъ другого по близости. Но больше одной пары никогда не встрѣчается въ одномъ лѣсу. Самка и самецъ никогда не выходятъ на добычу вмѣстѣ, но каждый охотится самъ по себѣ; на охотѣ и при нападенiяхъ они тоже не помогаютъ другъ другу. Сходятся они отъ октября до января; сколько времени они носятъ дѣтенышей — неизвѣстно. Число дѣтенышей рѣдко бываетъ болѣе двухъ. Мать прячетъ ихъ въ дуплахъ или въ чащѣ лѣса и, какъ только они могутъ ѣсть обыкновенную пищу, носить имъ маленькихъ млекопитающихъ и птицъ».

Человѣку оцелотъ вредитъ относительно мало: онъ слишкомъ боится людей и собакъ, чтобы приближаться къ заселеннымъ мѣстностямъ; только жилища, рас-

положенныя около лѣса, посѣщаются имъ отъ времени до времени; но и тогда онъ ограничивается одною или двумя утками или курами, затаскиваетъ ихъ въ ближній кустарникъ и тамъ сейчасъ же съѣдаетъ. Когда ему удастся первое предпріятіе, онъ обыкновенно возвращается въ слѣдующія ночи, пока его не поймаютъ или не спугнутъ. За нимъ охотятся въ Парагваѣ съ собаками или ловятъ въ западни. Онъ очень пугливъ и видитъ охотника въ лунныя ночи раньше, чѣмъ тотъ его замѣтитъ. Отъ собаки онъ поспѣшно влѣзаетъ на деревья и прячется въ листьяхъ ихъ вершинъ. Подстрѣленный оцелотъ защищается когтями отъ собакъ и можетъ быть опасенъ и для человѣка. Легче всего онъ ловится въ западни, позади которыхъ ставятъ клетку съ курицей или кускомъ мяса въ видѣ приманки.

Молодыхъ оцелотовъ часто ловятъ и приручаютъ. Обыкновенно ихъ дѣтеныши

Тигровая кошка (*Felis tigrina*). $\frac{1}{4}$ наст. вел.

выдаютъ свое мѣстопробываніе мяуканьемъ и такимъ образомъ ихъ довольно легко найти даже безъ помощи собакъ. Ихъ вскармливаютъ молокомъ и потомъ кормятъ варенымъ мясомъ; отъ одной растительной пищи они заболѣваютъ. Если ихъ кормятъ только сырымъ мясомъ, они дѣлаются больше и красивѣе, чѣмъ когда питаются только варенымъ мясомъ. Даже и старыя оцелоты дѣлаются спустя нѣкоторое время ручными, хотя только до извѣстной степени, такъ какъ все-таки причиняютъ во дворѣ много вреда. Если имъ удастся овладѣть маленькой собакой или кошкой, то они схватываютъ ее за затылокъ, опрокидываютъ и разгрызаютъ ей горло. Послѣ продолжительнаго употребленія кошачьяго мяса-они заболѣваютъ накожной болѣзью, издаютъ своеобразныя стоны и наконецъ околѣваютъ. Подобныя же стоны они издаютъ, когда хотятъ выразить свое неудовольствіе. Такъ напр. они мяукаютъ жалобнымъ образомъ, когда голодь вынуждаетъ ихъ ѣсть змѣй и жабы. Эти животныя причиняютъ имъ сильную рвоту, ослабляютъ ихъ пищеварительную силу до такой степени, что ихъ рветъ отъ всякой другой пищи, поэтому они худѣютъ и тоже умираютъ. Домашнюю птицу ручныя оцелоты не могутъ спо-

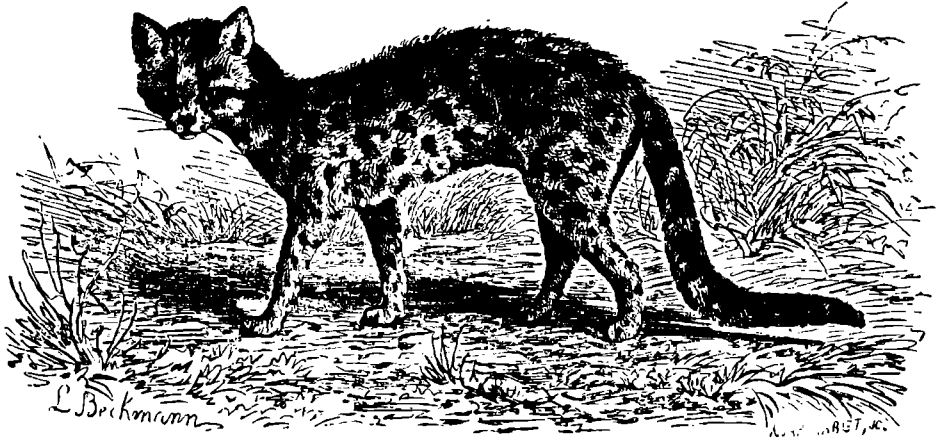
койно видѣть, схватываютъ, какъ только имъ удастся до нея добраться, за голову или шею и тотчасъ загрызаютъ. Затѣмъ они опипываютъ губами большую часть перьевъ и сѣдаютъ птицу. Насытившись, они облизываютъ себѣ морду, лапы и все туловище и ложатся спать. Свой пометь они никогда не зарываютъ, какъ кошки, но часто кладутъ его въ посуду, приготовленную имъ для питья.

Пойманный оцелотъ проводитъ большую часть дня во снѣ. При этомъ онъ свертывается, какъ наши домашнія кошки. Къ вечеру онъ дѣлается безпокойнымъ и всю ночь бодрствуетъ. Пока онъ молодъ, онъ часто мяукаетъ, особенно если его мучаетъ голодъ и жажда, или когда скучаетъ: вполсѣдствіи же эти звуки можно отъ него слышать только въ болѣзненномъ состояніи. Когда ему мѣшаютъ ѣсть, онъ рычитъ. Свое удовольствіе онъ выражаетъ мурлыканьемъ, а страхъ и гнѣвъ—фырканьемъ. Въ старости пойманные оцелоты подчиняются человѣку, но никогда не привязываются къ нему. Потеря свободы дѣлаетъ ихъ унылыми и равнодушными къ хорошему или дурному обращенію. Они позволяютъ бить себя, не защищаясь, не дѣлаютъ никакого различія между своимъ сторожемъ и другими людьми и не показываютъ ему ни довѣрія, ни радости при видѣ его. Но пойманные молодыми, они, наоборотъ дѣлаются въ высшей степени ручными. Подобно домашнимъ котятамъ они играютъ между собою, забавляются клочкомъ бумаги, маленькими апельсинами и т. п. Своего сторожа они скоро узнаютъ, прыгаютъ за нимъ, лижутъ ему руки, ложатся у его ногъ или лазаютъ на него. Они очень чувствительны къ ласкамъ и начинаютъ тотчасъ мурлыкать, какъ только ихъ приласкаютъ. Они никогда не выказываютъ коварства. Съ собаками и кошками, съ которыми имъ приходится жить, они уживаются очень хорошо, но домашнихъ птицъ постоянно преслѣдуютъ. Не помня о предшествовавшихъ наказаніяхъ, они бросаются, когда имъ вздумается, на курицу, и въ минуту похищенія никакое наказаніе не можетъ удержать ихъ отъ умерщвленія добычи. Ничѣмъ неукротимое хищничество заставляетъ держать ихъ въ клѣткѣ или на привязи.

Въ клѣткахъ нашихъ зоологическихъ садовъ оцелотъ не играетъ никакой выдающейся роли. Онъ лѣнивъ и не оживленъ, смотритъ на свѣтъ, повидимому, съ ненарушимымъ равнодушіемъ, довольствуется всякимъ помѣщеніемъ и требуетъ только, чтобы послѣднее было чисто и тепло и чтобы ему не было недостатка въ пищѣ и питьѣ. Большая часть оцелотовъ, достигнувшихъ Европы, прибываютъ уже въ прирученномъ состояніи и соотвѣтствуютъ вышеописанному образцу. Мнѣ не удавалось встрѣчать оцелотовъ, пойманныхъ старыми и приходящихъ въ ярость, подобно леопардамъ. Оцелоты, впрочемъ, появляются у насъ не очень часто и поэтому трудно соединять ихъ пары и разводить дѣтенышей.

Отъ оцелота отличаются двѣ слѣдующія американскія кошки: тигровая кошка и длиннохвостая кошка (*Felis tigrina*, *F. margay* и *guigna*, *Leopardus tigrinus*. *Tigerkatze*. *Chat-tigre*). Первая — называемая также Маргуай, а испанская Тигрилло, — достигаетъ величины нашей домашней кошки. Длина ея туловища достигаетъ 50, а хвоста 30 см. Ея мягкая кошачья шкурка имѣетъ на бокахъ блѣдно-желтую окраску, а снизу, какъ у большей части кошекъ, бѣлую. По щекамъ пробѣгаютъ двѣ темныя полосы, двѣ другія идутъ отъ угла глазъ къ затылку. Тутъ къ нимъ присоединяются еще другія и отъ затылка уже шесть полосъ, идутъ дальше и переходятъ въ широкія пятна. На горлѣ два черныхъ пятна, по груди проходятъ широкіе полукруги. Посреди спины идетъ сплошная полоса, а по сторонамъ ея нѣсколько рядовъ сплошныхъ пятенъ, изъ которыхъ многія обведены болѣе свѣтлой тѣнью. Лапы и нижняя часть туловища въ пятнахъ, уши черныя съ бѣлыми пятнами. Хвостъ болѣе пушистый къ концу, нежели у корня.

Въ образѣ жизни эта кошка почти во всемъ сходна съ оцелотомъ. Пойманная въ молодости и хорошо воспитанная, она дѣлается чрезвычайно понятливымъ и преданнымъ животнымъ; пойманная въ старости, она ведетъ себя сначала очень дико и буйно, но черезъ нѣкоторое время достигаетъ извѣстной степени прирученности. Уатерсонъ воспиталъ въ Гвіанѣ молодого маргуайя, который въ скоромъ времени совершенно съ нимъ освоился и въ послѣдствіи слѣдовалъ за нимъ, какъ собака. Онъ велъ постоянную войну съ крысами и мышами и сумѣлъ въ короткое время, насколько было возможно, очистить домъ отъ этихъ вредныхъ грызуновъ. Онъ съ самаго начала принялся за дѣло съ врожденнымъ знаніемъ нравовъ крысъ. Къ концу дня, лучшему времени для его охоты, онъ крался по всему дому, прислушиваясь у каждаго отверстія и обыскивая каждый уголь. Заслуги его были велики, такъ какъ крысы до его появленія изгрызли 32 двери и гуляли на свободѣ по всему дому. Этой ихъ свободѣ положила конецъ тигровая кошка, чѣмъ и приобрѣла себѣ искреннюю любовь своего воспитателя. Пойманныя тигровыя кошки попадаютъ изрѣдка въ Европу, но считаются рѣдкостью въ нашихъ зоологическихъ

Длиннохвостая кошка (*Felis macrura*) $\frac{1}{4}$ наст. вел.

садахъ. Тѣ изъ нихъ, которыхъ я видѣлъ и за которыми ходилъ, были тихія, повидимому, мирныя созданія, и, какъ животныя ночныя, днемъ скучали и большею частью лежали свернувшись на своемъ ложѣ, не заботясь объ окружающемъ. Ихъ кроткій нравъ, миловидность движеній и красота ихъ мѣха заставляютъ все-таки любить ихъ.

Кажется, чаще вышеописанныхъ двухъ видовъ этого семейства попадается въ бразильскихъ лѣсахъ длиннохвостая кошка (*Felis macrura*, f. *wiedii*, *Leopardus tigrinoides*, *Langschwanzkatze*, *Chat oceloide*); величина ея подходитъ къ величинѣ большой домашней кошки, но лапы у нея сильнѣе, чѣмъ у послѣдней. Общая длина туловища простирается отъ 90—100 см., изъ которыхъ отъ 30—35 идутъ на хвостъ. Отъ чати она отличается маленькой головой, большими глазами, округленными внизу и заостренными кверху, на подобіе ланцета, ушами и сильно загнутыми бѣловатыми когтями. Основной цвѣтъ ея шерсти рыжевато-сѣрый, на бокахъ свѣтлѣе, снизу бѣлый. По всему тѣлу проходятъ продольными рядами сѣрубурая или темно-бурая пятна; отдѣльныя пятна окружены болѣе свѣтлой тѣнью. По верхней части туловища идутъ пять продольныхъ рядовъ, на лбу двѣ черныя полосы и между ними точки, по бокамъ головы двѣ темныя продольныя полосы, подъ горломъ темныя поперечная полоса. Нижняя часть лапъ бурая. «Длиннохво-

стая кошка», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «живетъ во всѣхъ изслѣдованныхъ мною странахъ. Сначала я принималъ ее за чати, пока не сличилъ точно этихъ двухъ животныхъ. Она отличается и отъ маргуайя и отъ оцелота. Ея тонкое тѣло, пестрый мѣхъ, сходный, впрочемъ, съ мѣхомъ чати, дѣлаютъ ее однимъ изъ красивѣйшихъ животныхъ кошачьяго семейства. Мои охотники находили ее въ разныхъ мѣстахъ, поэтому я могу сказать, что она живетъ почти во всѣхъ дѣвственныхъ лѣсахъ Бразиліи. У бразильцевъ она носитъ названіе пятнистой дикой кошки, и они часто убиваютъ ее ради ея красиваго мѣха. Такъ какъ она легче и проворнѣе чати, то особенно легко взбѣгаетъ на деревья по вьющимся растеніямъ, разыскиваетъ на деревьяхъ разныхъ животныхъ и птичьи гнѣзда, ловить и сѣдаетъ всѣхъ маленькихъ животныхъ, какими только успѣваетъ овладѣть. Для лѣсныхъ птицъ и домашнихъ куръ она очень опасна и часто подходитъ къ жилищамъ, чтобы похитить птицу. Свое логовище она устраиваетъ въ дуплахъ, въ ущельяхъ скалъ или пещерахъ и тамъ подобно нашей дикой кошкѣ, производитъ на свѣтѣ своихъ дѣтенышей».

Обыкновенно ее ловятъ въ западни. Я изловилъ такимъ образомъ въ большихъ дѣвственныхъ лѣсахъ Мукури въ 14 дней трехъ такихъ кошекъ. Въ четвертую на деревѣ выстрѣлилъ одинъ изъ моихъ охотниковъ и хотѣлъ ее схватить, но она убѣжала, такъ какъ была только легко ранена. Собака, найдя ее, обыкновенно моментально загоняетъ ее на дерево, и тогда ее легко бываетъ пострѣлить. Только случай можетъ помочь охотнику овладѣть этимъ красивымъ животнымъ, такъ какъ оно быстро двигается по деревьямъ не только днемъ, но и ночью, и поэтому трудно за нимъ слѣдить».

Гензель мало прибавляетъ съ вышеприведенному. «Какъ всѣ кошки», замѣчаетъ онъ, «длиннохвостая кошка живетъ постоянно на землѣ и взбирается на деревья только тогда, когда ее преслѣдуютъ собаки, или во время дождя, когда почва въ лѣсу дѣлается слишкомъ мокрой. Тогда она ложится на горизонтальной вѣтви, чтобы погрѣться подъ горящими лучами солнца. Какъ это видно по ея слѣдамъ, она каждую ночь посѣщаетъ плантаціи, расположенныя около лѣса».

Въ новѣйшее время стали изрѣдка привозить въ Европу такихъ кошекъ, но это случается довольно рѣдко. Изъ тѣхъ которыхъ я видѣлъ, ни одна еще не привыкла къ людямъ; всѣ онѣ, напротивъ того, были злобными и бѣшеными созданіями, которыя шипѣли и фыркали, когда къ нимъ подходили. Если на нихъ пристально смотрѣли, онѣ сердито ворчали и выразительно били хвостомъ о землю. Если къ нимъ подходили на шагъ ближе, онѣ, фырая, подбѣгали къ рѣшеткѣ и становились въ оборонительную позу, какъ почти всегда дѣлаютъ дикія кошки въ дурномъ расположеніи духа. Несмотря на то, я не хочу утверждать, что ихъ совсѣмъ нельзя было бы приручить.

Пампасовая кошка (*Felis pajeros*, *Pajeros pampanus*, *Leopardus pajeros*, *Pampaskatze*, *Chat des pampas*) изъ всѣхъ кошекъ обладаетъ самыми ясными продольными полосами, и потому мы ею заканчиваемъ описаніе собственно кошекъ. По сѣровато-серебристому цвѣту мѣха выступаютъ темныя или блѣдныя ржаво-бурныя полосы, которыя разбѣгаются по всему туловищу сверху и спереди, внизъ и назадъ, и повторяются на груди и на шеѣ въ видѣ поясовъ, а на ногахъ въ видѣ колецъ. Въ отдѣльности каждый волосъ у корня сѣрый, въ серединѣ свѣтложелтый, а на концѣ серебристо-сѣрый, въ полосахъ же концы ихъ блѣдно-желтые. Въ серединѣ спины къ основному цвѣту примѣшиваются черныя или темно-ржаво-красныя волосы; на головѣ они блѣдно-желтыя, затѣмъ черныя и на концѣ бѣлыя. По щекамъ, которыя однообразно блѣдно-желтаго цвѣта, проходитъ узкая ржаво-красная полоса. Уши снаружи свѣтло-бурныя, по краямъ темно-бурныя, а въ серединѣ

грязновато-бѣлаго цвѣта. Хвостъ такого же цвѣта, какъ спина, и къ концу имѣеть отъ 4—9 темныхъ колець. На ногахъ проходятъ отъ 6—7 ржаво-красныхъ полосъ по желтоватому фону; на нижней части туловища проходятъ по блѣдно-желтоватому фону неправильныя свѣтло-бурыя полосы. Вслѣдствіе цвѣта и красоты рисунка ея мѣха, пампасовая кошка принадлежитъ къ самымъ красивымъ видамъ этого семейства. Большіе самцы достигаютъ отъ 120—130 см. длины, изъ которыхъ 30 см. считаются въ хвостѣ. Вышина у плечъ 30—35 см.

Пампасовая кошка живетъ въ пампасахъ Южной Америки и въ Патагоніи до Магеланова пролива; особенно часто встрѣчается она на берегахъ Рио-Негро. Добычей ея служатъ небольшіе грызуны, которыхъ въ пампасахъ очень много. Ее всѣ считаютъ безвреднымъ животнымъ, приносящимъ даже пользу. О жизни ея въ

Пампасовая кошка (*Felis pajeros*). $\frac{1}{6}$ наст. вел.

неволь я ничего сообщить не могу. Въ европейскіе зоологическіе сады она попадаетъ очень рѣдко; сколько мнѣ извѣстно ее держали только нѣкоторое время въ Лондонскомъ зоологическомъ саду.

* * *

Почти всѣ изслѣдователи согласны между собою въ томъ, что рысей (*Lynx*) можно хорошо отличить отъ остальныхъ кошекъ и что поэтому ихъ должно описывать отдѣльно. Отличительными признаками рысей являются умѣренно большая голова съ ушами, оканчивающимися кисточками, и у большинства видовъ съ густыми бакенбардами; сжатое, но сильное тѣло на высокихъ ногахъ, а также короткій, у большинства недоразвитый хвостъ. Кромѣ того послѣдній коренной зубъ нижней челюсти не съ тремя бугорками, какъ у кошекъ, а съ двумя.

Всѣ части свѣта, за исключеніемъ лишенной кошекъ Австраліи, имѣютъ рысей; въ одной Европѣ ихъ два хорошо отличимыхъ вида. Онѣ живутъ преимущественно въ сплошныхъ лѣсахъ и въ нихъ избираютъ мѣстности наиболѣе трудно достижимыя, однако встрѣчаются также въ степяхъ и пустыняхъ и попадаютъ

даже въ населенныхъ мѣстностяхъ. Всѣ безъ исключенія могутъ считаться высоко развитыми хищниками, такъ же хищны и кровожадны, какъ леопардъ и пантера, при этомъ серьезны, какъ левъ и тигры; онѣ сильно вредятъ дичи и домашнимъ животнымъ и должны считаться хищниками, приносящими больше вреда, чѣмъ пользы. Ихъ образъ жизни и способъ хищничества соотвѣтствуютъ ихъ организаціи и довольно существенно отличаются отъ образа жизни и привычекъ описанныхъ уже кошекъ; вообще всѣ ихъ ухватки представляютъ нѣчто своеобразное.

Болотная рысь, джунглевая кошка англійскихъ изслѣдователей (*Lynx chaus*, *Felis chaus*, *libyca*, *catolynx*, *affinis*, *dongolensis*, *Jacquemontii*, *Katas*, *Ruerellii*, *marginata* и *chaligata*. *Sumpfluchs*. *Lynx des marais*), достигаетъ приблизительно длины въ 90 см., изъ которыхъ 22—27 см. приходится на хвостъ; высота плечъ равняется 35—40 см., вѣсъ—6—7 килограммамъ. Довольно богатый мѣхъ представляетъ разнообразную основную окраску, отъ желто-сѣраго до сѣро-бураго цвѣта; отдѣльные волосы окрово-желтаго цвѣта при основаніи, посрединѣ покрыты черно-бурыми кольцами, на концѣ бѣлаго или бѣловато-сѣраго, а мѣстами чернаго цвѣта. Рисунокъ состоитъ изъ болѣе темныхъ поперечныхъ полосъ, которые отчетливѣе выступаютъ особенно на передней сторонѣ шеи, на бокахъ и ногахъ, какъ видно на нашемъ рисункѣ. Посрединѣ лба пробѣгаетъ короткая довольно широкая темная полоска, которую сопровождаютъ съ обѣихъ сторонъ болѣе узкія и короткія: надъ глазами и около нихъ замѣтны другія полоски. Хвостъ представляетъ сверху 6—9 темныхъ полуколецъ и черный кончикъ. Уши снаружи сѣро-желтыя, внутри рыжевато-желтыя, часто прикрыты болѣе длинными бѣловатыми волосами, ноги буро-рыжеватыя, нижняя сторона свѣтло-бураго цвѣта. Глазъ зеленовато-желтый. Полоски у нѣкоторыхъ животныхъ очень не ясны и даже совершенно пропадаютъ, особенно въ зрѣломъ возрастѣ. Въ Индіи иногда встрѣчаются даже совершенно черныя животныя.

Болотная рысь имѣетъ широкое распространеніе. Она живетъ въ большей части Африки и въ южной и западной Азіи, особенно же въ южной и восточной Африкѣ, Нубіи, Египтѣ, Персіи, Сиріи, странахъ вокругъ Каспійскаго моря и въ Индіи на востокъ до Бирмы и отъ Гималаевъ до Цейлона. Дикая кошка, найденная Тиккелемъ на Андаманскихъ островахъ, есть, по мнѣнію Блэнфорда, *F. chaus*. Въ Гималаяхъ она поднимается до высоты 2500 метровъ, а можетъ быть и выше, но имѣетъ тамъ болѣе густой и длинный мѣхъ. Она была хорошо извѣстна древнимъ египтянамъ, ее даже бальзамировали, какъ и домашнюю кошку, и помѣщали трупы ея въ священныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые естествоиспытатели склоняются къ мнѣнію, что ее должно признать за одного изъ родоначальниковъ нашей домашней кошки, и хотять считать нѣкоторыя цвѣтотыя разновидности нашего домашнего кота за результатъ скрещиванія болотной рыси съ домашней кошкой или же съ ея прародительницей, буланой кошкой. Что болотная рысь дѣйствительно спаривается въ Индіи и Египтѣ или Сиріи съ домашней кошкой, этого, по собраннымъ наблюденіямъ, нельзя болѣе отрицать; но противъ непосредственнаго происхожденія домашней кошки отъ рыси есть важныя указанія, и прежде всего ясно выраженное сходство буланой и домашней кошки. Тому поклоненію, которое древніе египтяне воздавали болотной рыси, нельзя придавать никакого особеннаго значенія въ вопросѣ о происхожденіи домашней кошки; ихъ любовь къ кошкамъ, конечно, едва ли ограничивалась однимъ видомъ, но простиралась на всѣхъ болѣе мелкихъ извѣстныхъ имъ родственныхъ животныхъ.

Я нѣсколько разъ встрѣчалъ болотную рысь въ долинѣ Нила: она и не представляетъ въ Египтѣ рѣдкости; ее только нечасто удается замѣтить. Въ этой

странѣ почти вовсе нѣтъ значительныхъ лѣсовъ, въ которыхъ могло бы прятаться хищное животное, и ему приходится поэтому искать другого убѣжища. Точно такъ же, какъ гиены, логовища которыхъ помѣщаются въ расщелинахъ скалъ пустыни, подолгу живутъ въ камышахъ, какъ шакалъ и лисица живутъ въ осокѣ и посѣянныхъ поляхъ, такъ и болотная рысь спокойно населяетъ такія же мѣстности, не боясь, что ее потревожатъ. Обширныя хлѣбныя поля, разведенныя на мѣстахъ, заливаемыхъ Ниломъ въ половодье, которыя поэтому не подвергаются въ извѣстное время искусственному орошенію, служатъ главнымъ ея убѣжищемъ. Но кромѣ того болотная рысь живетъ и на большихъ равнинахъ, покрытыхъ болѣе или менѣе

Болотная рысь. *Lynx chaus*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

густою, высокою, рѣжущеюосокою; наконецъ желанное мѣстожителство представляютъ для нея сухія мѣста среди камыша, а также и тростниковыя чащи, которыя тянутся по берегамъ каналовъ и окаймляютъ нѣкоторыя поля. То-же самое рассказываютъ и о жизни ея въ Индіи. Когда я однажды проходилъ по саду около города Эсне, мнѣ бросилась въ глаза своею большою головою кошка, прокрадывавшаяся въ густой травѣ; остальное тѣло ея было скрыто густо растущими хлѣбами. Скорѣе изъ желанія рассмотреть ея, чѣмъ потому, чтобы я считалъ ее за дикую кошку, я выстрѣлилъ въ животное, которое оказалось мнѣ не заслуживающимъ вниманія. Оно умерло послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ прыжковъ, и къ удивленію своему я убѣдился, что убилъ болотную рысь и притомъ довольно крупнаго самца. Съ стихъ поръ я сталъ внимательнѣе и поэтому чаще замѣчалъ нашего хищника. Одну большую рысь я нашелъ спокойно грѣвшеюся на солнцѣ, въ кустѣ тростника;

подъ домою, издавала иногда вечеромъ крайне странное жужжаніе. Тотъ же натуралистъ рассказываетъ, что онѣ схватываютъ куръ и утокъ, но, насколько онъ могъ убѣдиться, никогда не трогаютъ гусей. Въ Индіи кошка джунглей мечетъ, говорятъ, два раза въ годъ по 3—4 дѣтеныша.

Пойманныя болотныя рыси рѣдки въ нашихъ зоологическихъ садахъ; я видѣлъ ихъ не болѣе пяти штукъ. Онѣ ведутъ себя, какъ и другія дикія кошки, злобно и бѣшено, если попадаютъ въ неволю старыми, или если съ ними дурно обращаются, и, напротивъ, спокойно и добродушно, если онѣ попали подъ власть человѣка дѣтенышами и ихъ воспитываютъ съ любовью. Что такой уходъ можетъ оказывать на нихъ дѣйствіе и что онѣ въ высокой степени могутъ быть благодарны своему воспитателю, доказываетъ слѣдующее сообщеніе Дюмикена: «Разъ, занимаясь снятіемъ надписей въ храмѣ Дендера, я услышалъ въ одномъ изъ заднихъ отдѣленій храма лай своей собаки. Прислушиваясь къ нему, я замѣтилъ, что онъ исходилъ изъ пространства, находящагося подъ поломъ; храмъ долженъ былъ поэтому имѣть въ этомъ мѣстѣ подвалы, которыхъ я не замѣтилъ. Идя по направленію лая, я къ счастью могъ попасть черезъ полузасыпанное отверстіе въ подземный ходъ, который привелъ меня къ тому мѣсту, гдѣ моя собака возилась съ кошкой, скорѣе играя съ нею, чѣмъ нападая на нее. Правда, это животное казалось вовсе неспособнымъ оказать собакѣ сопротивленіе, а выгладѣло скорѣе умиряющимъ. Рассмотрѣвъ его точнѣе, я нашель, что передо мною была не домашняя кошка, а молодая болотная рысь; это вовсе не удивило меня, такъ какъ во время моихъ скитаній въ прилежащихъ пустынныхъ горахъ я очень часто встрѣчалъ этихъ животныхъ и не разъ видѣлъ, какъ они занимались ловлей летучихъ мышей въ развалинахъ храмовъ. На такую охоту пошелъ во всякомъ случаѣ и этотъ «чаусъ», попалъ черезъ отверстіе въ подземелье храма и не былъ въ состояніи подняться вверхъ на значительную высоту по гладкимъ стѣнамъ. Я самъ, чтобы выбраться, долженъ былъ принести нѣсколько большихъ камней и поднять свою собаку къ отверстію, чтобы возвратитъ ей свободу. Полумертвая отъ голода болотная рысь возбудила мое состраданіе, я взялъ ее поэтому съ собою и поскорѣе угостилъ ее молокомъ и мясомъ. Благодаря этому подкрѣпленію, а можетъ быть и дѣйствію свѣжаго воздуха, она оправилась къ моей радости и къ видимому удовольствію собаки, которая съ участіемъ слѣдила за каждымъ движеніемъ спасеннаго и пріобрѣтеннаго друга и выражала свое доброжелательство по отношенію къ нему, повторяя попытки поиграть съ нимъ. Когда я схватилъ рысь, она не проявила ни малѣйшаго упрямства, напротивъ позволила дѣлать все съ собою, съ жадностью набросилась на предложенную ей пищу и допустила поднять себя и приласкать. Вполнѣ понимая оказанную ей услугу, она съ этого времени стала моимъ неразлучнымъ спутникомъ, слѣдовала за каждымъ моимъ шагомъ, куда бы я ни повернулся, прыгала ко мнѣ на верблюда, когда я предпринималъ путешествіе, странствовала вмѣстѣ со мною по большей части Нубіи и постоянно держалась около меня, когда я по цѣлымъ часамъ снималъ надписи. Съ собакою она тоже подружилась, никогда между ними не происходило ссоръ и онѣ ежедневно цѣлыми часами самымъ дружжелюбнымъ образомъ играли между собою».

* * *

Точно такъ же, какъ и чауса, желали отдѣлнить въ особый родъ и степную рысь или Каракала (*Lynx caracal*, *Felis caracal*, *Caracal melanotis*), прекрасное животное, длина тѣла котораго равняется 65—75 см., длина хвоста 25 см., вышина плечъ 40—45 см. Отъ другихъ рысей каракаль отличается тонкимъ тѣломъ, вы-

сокими ногами, длинными, узкими, заостренными ушами, которыя, какъ у сѣверныхъ представителей рода, снабжены большими кисточками и плотно прилегающею шерстью. Однако всѣ эти отличія оказываются слишкомъ незначительными и не даютъ права на отдѣленіе въ особый родъ. Каракалъ настоящее дитя степи или пустыни и вооруженъ для этого самымъ подходящимъ образомъ. Его фигура худощавѣе и тоньше, чѣмъ у его сѣверныхъ родичей, ноги выше и дѣлаютъ его поэтому способнымъ къ особенно быстрому бѣгу, уши относительно больше и приспособлены къ тому, чтобы прислушиваться на большихъ разстояніяхъ, наконецъ его цвѣтъ есть цвѣтъ, свойственный пустынѣ, т. е. темный или свѣтлый сѣровато-желтый безъ пятенъ, лишь на горлѣ и на брюхѣ онъ приближается къ бѣловатому и прерывается большимъ чернымъ пятномъ на верхней губѣ, а также черными полосами, которыя гнутся отъ края носа къ глазу. Смотря по мѣстности, гдѣ живетъ каракалъ, его окраска бываетъ то темнѣе, то свѣтлѣе, можетъ быть соотвѣтственно цвѣту почвы, такъ что можно встрѣтить у него всѣ оттѣнки отъ буланого до буроваторыжаго. Гармонія окраски съ обстановкой, въ которой животное живетъ, очень отчетливо обнаруживается у всѣхъ кошекъ, а также и у каракала. Сѣверныя рыси, которыя живутъ преимущественно въ лѣсахъ, носятъ одежду, соотвѣтствующую оттѣнкамъ деревьевъ и скалъ, т. е. ихъ общая окраска похожа на цвѣтъ стволовъ и вѣтвей, а также и сѣрыхъ скалъ сѣвера. Каракалъ представляетъ пятна лишь въ дѣтствѣ, позднѣе же онъ вовсе лишенъ пятенъ; и такая одноцвѣтность опять-таки стоитъ въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ особенностями его мѣстопробыванія: пятнистое животное, крадущееся по одноцвѣтной песчаной почвѣ пустыни, легче могло бы быть замѣчено въ свѣтлую ночь именно благодаря пятнамъ.

Область распространенія каракала велика. Онъ населяетъ всю Африку, а также южныя страны Азіи, включая Индію, притомъ преимущественно пустыни и степи; лѣсовъ онъ, говорятъ, избѣгаетъ совершенно. Въ Индіи онъ, по словамъ Блэяфорда, нигдѣ часто не встрѣчается и вовсе не водится на Малабарскомъ берегу, въ Бенгаліи и въ восточныхъ Гималаяхъ. О жизни его на свободѣ мы знаемъ еще очень мало. Тевено рассказываетъ, что каракала находятъ лишь въ тѣхъ странахъ, гдѣ встрѣчается и левъ, такъ какъ онъ будто-бы не только вожакъ, но и развѣдчикъ этого послѣдняго, отыскиваетъ для него добычу и получаетъ свою часть отъ убитаго львомъ животнаго. Шпарманнъ утверждаетъ, что каракалъ днемъ стаями охотится на болѣе крупныхъ животныхъ, а ночью подкрадывается къ птицамъ; но и то и другое сообщеніе лишены всякаго основанія. По увѣреніямъ спрошенныхъ мною степныхъ жителей южной Нубіи, отъ которыхъ я получалъ убитыхъ каракаловъ, наша степная рысь, ихъ «Кхуть-эль-Хала» или кошка пустыни, живетъ по одиночкѣ и довольствуется обыкновенно охотой на мелкихъ млекопитающихъ и птицъ, но подстерегаетъ также, какъ рассказываютъ и объ индѣйскихъ каракалахъ, и болѣе мелкихъ антилопъ и умѣетъ безъ особаго труда овладѣвать ими, перекусывая имъ шейныя артеріи. По указаніямъ Тристрама каракалъ представляетъ въ оазахъ сѣверной Сахары нежелательнаго посѣтителя курятниковъ и иногда грабитъ ихъ, производя большія опустошенія. По мнѣнію всѣхъ охотниковъ восточнаго Судана каракалъ крайне злобное существо.

Наблюденія надъ пойманными вовсе не противорѣчатъ взгляду арабовъ: по отношенію къ своей величинѣ каракалъ оказывается самымъ сердитымъ и неукротимымъ видомъ этого рода. Я часто видѣлъ и держалъ его въ неволѣ, но никогда не могъ найти въ немъ привлекательной стороны. Стоитъ только подойти къ клеткѣ, въ которой онъ лежитъ повидимому спокойно, чтобы возбудить его гнѣвъ. Онъ сердито вскакиваетъ и съ фырканьемъ бросается на зрителя, какъ бы желая

разорвать его своими острыми когтями, или же ложится на землю въ самомъ заднемъ углу своей тюрьмы, прижимаетъ къ черепу свои длинныя уши, оттягиваетъ губы и фыркаетъ и ворчитъ безъ конца. При этомъ его сверкающіе глаза съ такою бѣшеною злобой смотрятъ на зрителя, что нельзя винить древнихъ за то, что они приписывали этимъ глазамъ даже волшебныя силы. Ни въ одномъ зоологическомъ саду не удавалось до сихъ поръ приручить это бѣшеное созданіе; едва удавалось достигнуть того, чтобы оно позволяло сторожу входить въ его клѣтку. Къ одному каракалу посадили въ клѣтку сильную злую собаку. Каракалъ не задумываясь напалъ на страшнаго для него противника, загрызъ его послѣ короткой битвы съ ужаснымъ фыряньемъ и крикомъ, не смотря на очень мужественное и сильное сопротивленіе, и растерзалъ ему грудь. Несмотря на такіе поступки и всю злобность своего характера, каракалъ все-таки доступенъ прирученію. Приручали ли его древніе египтяне, которые очень хорошо знали его, прекрасно изображали на своихъ памятникахъ, а также и бальзамировали,—это остается вопросомъ; но изъ различныхъ разсказовъ болѣе древнихъ путешественниковъ слѣдуетъ, повидимому, что нѣкоторые азіатскіе народы съ древнихъ временъ дрессировали для охоты рядомъ съ гепардомъ и каракала.

«У татарскаго царя есть, говорятъ, мѣстные леопарды и рыси, которыхъ онъ употребляетъ для охоты», пишетъ Геснеръ, повторяя навѣрно данныя Марко Поло. Еще и въ настоящее время въ Индіи, гдѣ каракала считаютъ нетрудно приручаемымъ, его дрессируютъ для ловли различной дичи, мелкихъ оленей и антилопъ, лисицъ, зайцевъ, павлиновъ, журавлей и болѣе мелкихъ птицъ. Нѣкоторые индійскіе князья держали каракаловъ въ довольно большомъ числѣ для охотничьихъ цѣлей, такъ какъ они во многихъ отношеніяхъ считаются болѣе пригодными, чѣмъ гепарды. Любимое удовольствіе въ нѣкоторыхъ странахъ Индіи заключается, по словамъ Блейта, въ томъ, чтобы биться объ закладъ, сколько птицъ могутъ умертвить каракалы въ очень короткое время. Ихъ выпускаютъ на стадо голубей, сидящее на землѣ, и они умѣютъ нападать такъ ловко, что самыя проворныя изъ нихъ успѣваютъ сбить часто до дюжины голубей, прежде чѣмъ подвергшіеся нападенію улетятъ. Тотъ, который поймаетъ больше всего,—побѣдитель, и его хозяинъ получаетъ призъ.

На мысѣ Доброй Надежды еще въ прошломъ столѣтіи высоко цѣнили шкуру каракала, такъ какъ приписывали ей цѣлебныя свойства противъ ломоты въ конечностяхъ и подагры. Такія шкуры продавались и въ Европу и здѣсь тоже хорошо оплачивались. Въ настоящее время этотъ товаръ почти совершенно исчезъ съ нашего рынка.

* * *

«Въ нѣкоторыхъ частяхъ штатовъ Мэна и Новаго Брауншвейга», разсказываетъ Одюбонъ, «есть пространства, которыя прежде были покрыты большими деревьями, но, опустошенныя впоследствии огнемъ, представляютъ нынѣ крайне печальный видъ. Насколько хватаетъ глазъ, видишь во всѣхъ направленіяхъ высокіе, почернѣлые, прямо стоящіе стволы, изъ которыхъ лишь нѣкоторые протягиваютъ еще въ воздухъ одну или нѣсколько своихъ толстыхъ вѣтвей, между тѣмъ какъ большая часть вѣтвей, на половину обгорѣлая и обугленная, на половину стгнившія и истлѣвшія, покрываютъ землю. Между этими остатками бывшихъ дней возникъ новый растительный міръ; природа снова начала замѣнять уничтоженное и на нѣкоторыхъ пространствахъ образовала уже густой подлѣсокъ. Тотъ, кто вступаетъ въ такой лѣсъ, долженъ съ трудомъ пролагать себѣ путь: то перелѣзая черезъ стволы, то проползая подъ ними или идти

по одному изъ упавшихъ, чтобы избѣжать различныхъ встрѣчающихся здѣсь препятствій. Въ такихъ лѣсахъ охотнику, вниманіе котораго привлекали до сихъ поръ лишь дикія индѣйки и другія птицы, случается видѣть, какъ большое млекопитающее медленно и неслышно движется, стараясь спрятаться отъ неприятнаго нарушителя тишины. Свѣдущій человѣкъ узнаетъ въ немъ рысь, которая достаточно хитра для того, чтобы съ возможной поспѣшностью отступить передъ своимъ страшнѣйшимъ врагомъ. Случается, что это животное, лежа на толстой вѣтви, закрытое густою листвою, пропускаетъ охотника мимо себя, не дѣлая ни одного движенія и вообще ничѣмъ не обнаруживая своего присутствія. Внимательно устремивъ на врага глаза и уши, оно замѣчаетъ каждый шагъ его, изслѣдуетъ и обсуждаетъ каждое его дѣйствіе и ни малѣйшее движеніе не выдаетъ напряженнаго вниманія хитраго хищника».

Тотъ видъ, который писатель-художникъ изображаетъ намъ приведенными словами, есть Полярная рысь или Гишу (*Lynx borealis*, *Felis borealis*, F. и *Lynx canadensis*, *Polarluchs*, *Lynx du Canada*), одинъ изъ важнѣйшихъ пушныхъ звѣрей Америки, величайшая изъ водящихся тамъ рысей. Вполнѣ взрослый самецъ достигаетъ общей длины въ 1,15 метра, изъ которыхъ около 13 сантиметровъ приходится на хвостъ, при вышинѣ плечъ около 55 см.; слѣдовательно полярная рысь нѣсколько меньше нашей рыси. Мѣхъ длиннѣе и гуще, чѣмъ у европейскаго вида, борода и кисточки на ушахъ болѣе развиты, отдѣльные волосы мягки и на концѣ окрашены иначе, чѣмъ при основаніи. Буровато-серебристо-сѣрый цвѣтъ представляетъ преобладающую окраску; пятна почти совершенно незамѣтны на спинѣ, а на бокахъ отмѣчены лишь слабо. Бока и ноги покрыты волнистыми полосками, но такъ смутно, что различіе цвѣта можно замѣтить лишь вблизи; на нѣкоторомъ разстояніи онѣ сливаются для глаза въ одинъ тонъ. На наружныхъ сторонахъ ногъ лентообразный рисунокъ выступаетъ нѣсколько отчетливѣе, но настоящія пятна замѣчаются лишь на внутренней сторонѣ переднихъ лапъ около локтей. Окраска верхней стороны, переходя на низшую, незамѣтно измѣняется въ грязно-сѣрый, а на брюхѣ въ темно-сѣрый цвѣтъ. Носъ мясного цвѣта, губы желто-бурого, края губъ темно-бурого; лицо свѣтло-сѣрое, лобъ нѣсколько темнѣе и явственно испещренъ продольными полосками; ухо при основаніи сѣро-буроватое, на краю черно-бурое, посрединѣ отмѣчено большимъ бѣлымъ пятномъ, на внутренней сторонѣ усажено длинными желтовато-бѣлыми волосами; борода свѣтло-сѣраго цвѣта, кромѣ довольно большого чернаго пятна подъ челюстью съ каждой стороны; хвостъ сверху покрытъ полосками рыжеватаго и желтовато-бѣлаго цвѣта, на концѣ черный, снизу одноцвѣтнѣй свѣтло-желтый. Отдѣльные волосы желтовато-бурого цвѣта при основаніи, далѣе на нихъ находится по болѣе темному и затѣмъ по сѣро-желтоватому кольцу, концы ихъ или черные или сѣрые. Усы по большей части бѣлые, немногіе черные. Лѣтомъ цвѣтъ имѣетъ болѣе рыжеватый оттѣнокъ, зимою болѣе серебристо-бѣлый.

Область распространенія полярной рыси обнимаетъ сѣверъ Америки, на югъ до Великихъ озеръ, на западъ до Скалистыхъ горъ. Живетъ она въ лѣсистыхъ странахъ. Въ общемъ ея образъ жизни соответствуетъ образу жизни нашей рыси; по крайней мѣрѣ изъ извѣстныхъ мнѣ описаній, принадлежащихъ американскимъ изслѣдователямъ, я не могу извлечь ничего, что противорѣчило бы этому. По описанію Ричардсона, эта рысь отличается трусостью и не отваживается нападать на болѣе крупныхъ млекопитающихъ, а охотится лишь за зайцами и мелкими грызунами или мелкими птицами. Отъ человѣка и собакъ она бѣжитъ всегда; если ее останавливать, то она оцетинивается при нападеніи, какъ всѣ кошки грозно фыр-

касть, но ее легко тѣмъ не менѣ побѣдить, даже убить палкой. Благодаря тому, что она такъ неопасна и обыкновенна, за нею усиленно охотятся. Одубонъ, который подробнѣ описываетъ это животное, считаетъ данныя Ричардсона отчасти ошибочными. Онъ описываетъ и эту рысь какъ сильное, хорошо вооруженное животное, которое умѣетъ защищать свою шкуру. Одинъ экземпляръ, который я держалъ въ неволѣ, подтверждаетъ его взглядъ; съ нимъ не приходилось шутить. Несмотря на всѣ старанія съ моей стороны, эта рысь не могла никогда рѣшиться вступить со мною въ дружескія отношенія. Она была угрюма и спокойна. но не

Полярная рысь. *Lynx borealis*. 1/2 наст. вел.

дружелюбна; каждое движеніе ея совершалось легко и показывало силу и ловкость. Днемъ она часами лежала неподвижно на своей древесной вѣтви, ночью медленно бродила взадъ и впередъ по клѣткѣ. Никогда не случилось видѣть, чтобы она прыгала безъ цѣлды, какъ дѣлаетъ большинство остальныхъ кошекъ; она была лѣнивѣе всѣхъ своихъ родичей.

Полярная рысь, вмѣстѣ съ водящейся тоже въ Америкѣ рыжею рысью (*Lynx rufus*), представляетъ самую полезную изъ дикихъ кошекъ, такъ какъ шкура ея употребляется во многихъ случаяхъ. Уже въ сороковыхъ годахъ, по словамъ Ломера, привозилось ежегодно въ Европу отъ 30 до 40 тысячъ шкуръ, особенно вслѣдствіе увеличеннаго обществомъ Гудзонова залива вознагражденія за ловлю. Такъ какъ за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ рысьи мѣха снова вошли въ моду и были открыты для охоты новыя мѣста, то ввозъ поднялся до 86,900 (въ 1888 г.)

штукъ. Цѣна хорошей шкуры равнялась въ шестидесятыхъ годахъ 12—16 маркамъ, удвоилась къ 1885 г., поднялась въ 1886 до 25—40 марокъ и въ настоящее время (1888 г.) равна 30—33 м. Мясо рыси въ Америкѣ ѣдятъ; однако Одюбонъ говоритъ, что для него хорошій кусокъ задняго окорока бизона гораздо вкуснѣе, чѣмъ мясо рыси, какъ бы оно ни было приготовлено.

* *
* *
* *

Изъ остальныхъ двухъ видовъ этого рода, отличающихся подобно полярной рыси сильно развитой бородой и короткимъ зачаточнымъ хлостомъ, о которыхъ намъ остается говорить, на первомъ мѣстѣ по красотѣ, величинѣ и силѣ стоитъ обыкновенная рысь (*Lynx vulgaris*, *L. borealis*; *cervarius*, *lupulinus*, *Felis lynx* и *lupulina*. Luchs. Lynx). Лишь въ Копенгагенскомъ музеѣ я узналъ какой величины дѣйствительно можетъ достигать рысь, такъ какъ въ нѣмецкихъ коллекціяхъ обыкновенно находятся лишь животныя средней величины. Вполнѣ взрослая рысь по крайней мѣрѣ такой же величины, какъ тѣ леопарды, которыхъ приходится видѣть въ нашихъ звѣринцахъ, она только нѣсколько короче и ноги ея длиннѣе. Длина тѣла не менѣе 1 метра, а можетъ достигать и 1,3 м., длина хвоста 15—20 см., высота у загривка до 75 см. Самецъ рыси можетъ достигать вѣса 30-ти и даже, какъ мнѣ говорили въ Норвегіи, 45 килограммовъ. Животное отличается чрезвычайно сильнымъ, плотнымъ сложеніемъ, сильными ногами и мощными лапами, напоминающими лапы тигра или леопарда; все это уже съ перваго взгляда указываетъ на большую силу животного. Уши довольно длинны, заострены и оканчиваются кисточкообразнымъ пучкомъ черныхъ, густыхъ торчащихъ волосъ, длиною въ 4 см. На толстой верхней губѣ находятся нѣсколько рядовъ жесткихъ и длинныхъ усовъ. Густой мягкій мѣхъ одѣваетъ тѣло и удлиняется на лицѣ въ видѣ бороды, которая свѣшивается двумя концами по обѣ стороны головы и вмѣстѣ съ ушными кисточками придаетъ лицу рыси совершенно своеобразный видъ. Цвѣтъ мѣха сверху рыжевато-сѣрый, перемѣшанный съ бѣловатымъ; на головѣ, шеѣ, спинѣ и бокахъ мѣхъ густо усаженъ рыже-бурыми или сѣро-бурыми пятнами; нижняя сторона тѣла, внутренняя сторона ногъ, передняя часть шеи, губы и круги вокругъ глазъ бѣлаго цвѣта. Лицо рыжеватое, ухо внутри покрыто бѣлыми волосами, на наружной сторонѣ—черными и бурыми. Хвостъ по всей длинѣ равномернo и одинаково густо усаженъ волосами; конецъ его, занимающій почти половину всей длины, черного цвѣта, остальная половина покрыта неполными кольцами изъ неясныхъ поперечныхъ полосокъ, прерывающимися на нижней сторонѣ хвоста. Лѣтомъ мѣхъ короче и болѣе рыжеватъ, зимою длиннѣе и болѣе свѣтло-сѣраго цвѣта; вообще окраска шерсти очень измѣнчива и даже пятна бываютъ далеко не одинаковы у разныхъ экземпляровъ. Поэтому, на основаніи изученія шкуръ рысей, думали отдѣлать нѣсколько видовъ, но постепенно пришлось убѣдиться въ невѣрности этого, такъ какъ въ одномъ помѣтѣ находили дѣтенышей съ разными оттѣнками цвѣта и рисунками. Самка повидимому отличается обыкновенно отъ самца болѣе рыжимъ цвѣтомъ и менѣе ясными пятнами; новорожденные дѣтеныши бѣловатые. Глаза бронзовато-желтаго цвѣта съ круглымъ зрачкомъ. Въ зимней одеждѣ буроватый цвѣтъ прикрывается сѣрымъ, такъ какъ волосы ости, быстро вырастающіе позднею осенью, выцвѣтаютъ на концахъ, и сѣрый цвѣтъ ихъ выступаетъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ выцвѣтаніе подвигается далѣе къ корнямъ волосъ.

Рысь была извѣстна древнимъ, но ее гораздо рѣже показывали въ Римѣ, чѣмъ льва и леопарда, такъ какъ уже въ то время было гораздо труднѣе добыть ее живую, чѣмъ одного изъ упомянутыхъ родственныхъ видовъ. Та, которую показывали

во времена Помпея, была привезена изъ Галліи. О жизни рысы на свободѣ повидимому не знали ничего и потому было открыто широкое поле для суевѣрій. «Нѣтъ ни одного животнаго», говоритъ старый Геснеръ, передавая рассказы древнихъ, «которое имѣло бы такое же острое зрѣніе, какъ рысь: по словамъ поэтовъ, онѣ проникаютъ своимъ взглядомъ сквозь непрозрачные предметы, какъ на примѣръ, стѣны, дерево, камень и тому подобное. Напротивъ, если держать передъ ними блестящія, дерево, камень и тому подобное. Напротивъ, если держать передъ ними блестящія,

Рысь. *Lynx vulgaris*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

стѣній предметъ (зеркало), то онѣ начинаютъ чувствовать ненависть къ своему лицу и умираютъ отъ этого». Въ мифологіи древнихъ германцевъ рысь играла приблизительно такую же роль, какъ кошка; вѣроятно именно она, а не кошка, должна считаться животнымъ богини Фрейи, которое везетъ ея колесницу.

Еще въ средніе вѣка рысь жила постоянно во всѣхъ большихъ лѣсахъ Германіи, вызывая общую ненависть и упорное преслѣдованіе. Въ концѣ XV столѣтія она, по словамъ Шмитта, считалась въ Помераніи самымъ вреднымъ хищникомъ. «Такъ какъ рысь», говорится въ одномъ старомъ узаконеніи, «всего вреднѣе, то ее должно прилежно преслѣдовать въ зимнее время, ловить сѣтями и стрѣлять». Съ

тѣхъ поръ число рысей въ Германіи постоянно уменьшалось и въ настоящее время это животное можно считать истребленнымъ. Въ Баваріи, той части южной Германіи, которая прилегаетъ къ Альпамъ, въ мѣстожителствѣ рыси, она еще въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія была хорошо извѣстна записнымъ охотникамъ. По словамъ Кобелля, которому мы обязаны столькими интересными охотничьими рассказами, въ теченіе только 1820—21 г. въ Этталскихъ горахъ было убито и поймано 17 рысей; въ 1826 г. ихъ было поймано 5 штукъ, до 1831 еще 6. Въ лѣсничествѣ Партенкирхенъ въ 1829—30 г. было добыто въ одномъ округѣ Гармишъ 3 рыси, въ Эшенлохъ 5, въ Фордерриссѣ тоже 5. Два баварскихъ охотника, отецъ и сынъ, поймали въ теченіе 48 лѣтъ съ 1790 по 1838 г. 30 штукъ этихъ ненавистныхъ хищниковъ. Послѣдняя рысь была убита въ 1838 г. въ округѣ Роттеншвангъ; съ тѣхъ поръ въ 1850 г. выслѣдили двухъ рысей на Цифельсальпе и вѣроятно въ послѣднія 20 лѣтъ отдѣльные экземпляры забѣгали изъ Тироля, оставаясь незамѣченными. Въ Тюрингенскомъ лѣсу между 1773 и 1796 годами было еще убито 5 рысей; въ настоящемъ столѣтіи, насколько мнѣ извѣстно, лишь двѣ: одна въ 1819 г. въ Готскомъ округѣ Штутцхаусъ и одна въ 1843 г. въ округѣ Деренбергъ, послѣдняя—послѣ долгихъ неудачныхъ охотъ. Въ Вестфалии послѣдняя рысь безспорно была уничтожена въ 1745 г., на Гарифъ двухъ послѣднихъ убили въ 1817 и 1818 г.; вообще въ Германіи, за исключеніемъ частей, пограничныхъ съ Россіей, о чемъ я расскажу подробнѣе ниже, не слышно о рысяхъ уже съ 1846 г. Иначе стоитъ дѣло въ нѣмецко-австрійскихъ земляхъ и въ частяхъ Пруссіи, граничащихъ съ Россіей. Здѣсь почти ежегодно выслѣживаютъ еще одну или двухъ рысей; а въ послѣднее время тамъ было убито ихъ такъ много, что объ окончательномъ истребленіи рысей не можетъ быть и рѣчи. Въ Швейцаріи, по словамъ Чуди, рысь встрѣчается не чаще дикой кошки, но еще лѣтъ 30 тому назадъ она не была тамъ рѣдкостью, такъ что въ одномъ только Бюнденѣ въ годъ убивали отъ семи до восьми штукъ. Въ настоящее время она и здѣсь стала очень рѣдка, хотя и водится еще въ лѣсахъ, на высотахъ среднихъ и южныхъ Альпъ. Я не имѣю свѣдѣній о ней изъ Тироля, но о восточныхъ частяхъ Альпъ я могу сказать, что она постоянно встрѣчается еще въ Крайнѣ, а отъ времени до времени попадается и въ Каринтіи. Такъ, въ Розенбахѣ, на границѣ Крайны, еще въ 1846 и 1858 г. были выслѣжены и пойманы рыси.

Современная область распространенія этого хищника начинается съ Карпатъ; отсюда и отъ прусской границы на востокъ и на сѣверъ ее вездѣ встрѣчаютъ довольно часто во всей Россіи, а также въ Скандинавіи; здѣсь она встрѣчается начиная съ южныхъ частей страны къ сѣверу до предѣловъ распространенія сплошныхъ лѣсовъ. Кромѣ того рысь населяетъ всю восточную Сибирь, гдѣ мѣстность гориста и покрыта лѣсомъ, и остальную Азію на югъ по крайней мѣрѣ до Туркестана и Гималаевъ, гдѣ она встрѣчается еще въ долинахъ верхняго Инда. Тибетскую рысь, которая живетъ не въ лѣсахъ, а по необходимости на скалахъ, Блейтъ считалъ за особый видъ (*F. isabellina*), главнымъ образомъ на основаніи болѣе чалаго цвѣта и нѣкоторыхъ отличій мѣха; напротивъ, Блэнфордъ считаетъ это отдѣленіе ея въ особый видъ неосновательнымъ.

Условіемъ для постояннаго пребыванія этого хищника служатъ обширные сплошные лѣса, богатые чащами и вообще трудно доступными частями и населенные разнообразной дичью. По словамъ Нолькена, которому мы обязаны лучшимъ описаніемъ образа жизни рыси, это животное показывается въ рѣдкихъ лѣсахъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и именно зимою, чтобы охотиться въ такомъ лѣсу за зайцами или, если какое-либо общее бѣдствіе, папримѣръ лѣсной пожаръ, заста-

влететь ее выселяться. При такихъ обстоятельствахъ можетъ случиться, какъ было въ 1868 г. въ Петербургской губерніи, что рысь забѣгаетъ даже въ деревенскіе огороды. Въ противоположность волку, который почти изъ года въ годъ ведетъ бродячую жизнь, рысь часто подолгу держится въ одной и той же области, обходя ея во всѣхъ направленіяхъ, въ одну ночь уходитъ на цѣлыя мили, нерѣдко безъ всякаго страха держась проѣзжихъ дорогъ, осмѣливаясь приближаться къ самымъ деревнямъ и даже посѣщать одиноко лежащіе дворы, но черезъ нѣсколько дней возвращается обратно въ извѣстную область, чтобы снова изслѣдовать ее.

Обыкновенно рысь, подобно своимъ родичамъ, живетъ поодиночкѣ; тамъ, гдѣ она встрѣчается чаще, какъ напр. въ Лифляндіи, она бываетъ распределена такъ, что на область въ 25 кв. килом. приходится приблизительно по 4 или 5 штукъ. Однако встрѣчаются и исключенія. Такъ, по словамъ «Охотничьей Газеты», въ 1862 г. въ Галиціи были убиты четыре рыси одна за другою: въ первый день обѣ старыя, на второй два дѣтеныша ихъ; точно также одинъ охотникъ видѣлъ въ Галиціи на облавѣ, какъ мимо него прошли три рыси.

По организациі тѣла и душевнымъ качествамъ рысь повидимому не уступаетъ никакой другой кошкѣ. Необыкновенно сильное туловище при высокихъ ногахъ и превосходно развитыя чувства показываютъ, что это хищникъ, прекрасно вооруженный во всѣхъ отношеніяхъ. Рысь очень вынослива на ходьбѣ, она движется лишь шагомъ или кошачьей рысью, но никогда не прыжками, пока ее не принуждаетъ къ этому необходимость, но въ случаѣ надобности дѣлаетъ поистинѣ изумительныя прыжки, лазаешь довольно хорошо и, кажется, можетъ легко плавать. Изъ ея чувствъ несомнѣнно выше всего стоитъ слухъ, и кисточка на ея ушахъ можетъ поэтому считаться вполне заслуженнымъ украшеніемъ. Едва ли ниже слуха стоитъ зрѣніе, хотя новѣйшіе наблюдатели и не дали никакихъ непосредственныхъ указаній въ пользу старой сказки о необыкновенной зоркости рыси. Напротивъ, обоняніе, какъ и у всѣхъ кошекъ, рѣшительно слабое: по крайней мѣрѣ рысь не можетъ чутъ на значительныхъ разстояніяхъ и навѣрно не можетъ отыскать какую-либо дичь съ помощью обонянія. Что она обладаетъ вкусомъ, это она достаточно выказываетъ своею любовью къ лакомству, а что касается чувства осязанія, то рыси, находившіяся въ неволѣ, довольно ясно показываютъ, что онѣ въ этомъ отношеніи не уступаютъ своимъ родичамъ. Чувство осязанія проявляется въ топкой чувствительности при каждомъ движеніи, а также и при отыскиваніи и поѣданіи уже найденной и умерщвленной добычи. Усы на лицѣ просто необходимы рыси, какъ и другимъ кошкамъ; она непременно ощупываетъ ими все, съ чѣмъ ей приходится имѣть близкое дѣло. Духовныя качества этого хищника всегда ставились высоко. «Рысь вообще хищное животное, подобное волку, но гораздо хитрѣе», говорятъ старый Геснеръ, и, повидимому, онъ совершенно правъ, такъ какъ и всѣ новѣйшіе наблюдатели, которымъ приходилось имѣть дѣло съ рысью, описываютъ ее, какъ чрезвычайно осторожное, осмотрительное и хитрое животное, которое никогда не теряетъ присутствія духа и изъ всякаго положенія старается и умѣетъ извлечь выгоду. Если это становится замѣтнымъ уже у рысей, находящихся на свободѣ, то у цойманныхъ это, какъ увидимъ ниже, выступаетъ тѣмъ рѣзче, такъ что мы во всякомъ случаѣ имѣемъ право причислять рысь къ самымъ умнымъ изъ кошекъ.

Прежніе наблюдатели сравниваютъ голось рыси съ воемъ собаки, но характеризуютъ его такимъ образомъ очень невѣрно. Я слышалъ лишь крикъ рысей въ неволѣ и долженъ сказать, что голось ихъ очень трудно поддается описанію. Онъ громокъ, крикливъ, высокъ и представляетъ отдаленное сходство съ голосомъ влюбленныхъ кошекъ. «Я много разъ имѣлъ случай», говоритъ Оскаръ фонъ-Левистъ,

«слышать крикъ не только моеѣ ручной рыси, но и дикихъ рысей ночью въ уединенныхъ лѣсахъ. Но никогда нельзя было найти въ голосѣ рыси хотя бы отдаленное сходство съ голосомъ собаки. Крикъ рыси представляетъ скорѣе звукъ, сопровождающійся какъ бы плачемъ и ревомъ; онъ начинается высокой нотой и оканчивается глухо и низко; по звуку онъ болѣе похожъ на ревъ медвѣдя. Причиной крика у моихъ ручныхъ и свободно бѣгавшихъ рысей были голодь и скука. Ворчаніе и фырканье, причеиъ животныя высоко выгибали спину, были всегда знакомъ ярости и готовности къ защитѣ. Тихое, тонкое, кошачье, бесконечно то-скливое мюканье моя рысь издавала, алчно и кровожадно наблюдая за голубями и курами или гибкими движеніями подкрадываясь къ дичи. Продолжительное мурлыканье и ворчаніе, издаваемые въ то время, когда животное чувствовало себя хорошо, когда, наприиъръ, его гладили рукою, были такія же, какъ у домашней кошки, но только грубѣе и рѣзче».

По словамъ Нолькена, рысь чисто ночной хищникъ; съ наступленіеиъ дня она прячется и если ей не помѣшаютъ, то лежитъ до наступленія темноты, чѣиъ существенно отличается отъ волка, который по большей части снова начинаетъ бродить уже около полудня. Для своего логовища она выбираетъ расщелину скалы или чащу, иногда можетъ быть и большую яму, даже нору лисацы или барсука. Если она хочетъ спрятаться или лечь, то обыкновенно подходитъ по какой-нибудь дорогѣ къ выбранной чащѣ и бросается въ лѣсъ нѣсколькими широкими прыжками. Если дорога проходитъ около самой чащи, то рысь иногда такъ далеко бросается въ нее, что снаружи вовсе не видно ея слѣдовъ. Всегда и непреиънно она выбираетъ самыя густыя лѣса, чащу молодого хвойнаго лѣса и т. п., не особенно заботясь о происходящемъ вокругъ движеніи. Если можно дѣлать заключеніе о поведеніи рыси на свободѣ на основаніи поведенія ея въ неволѣ, то можно при-нять, что она весь день лежитъ по возможности на одномъ мѣстѣ. Она пре-дается полусну, какъ домашняя кошка, которал тоже обыкновенно дремлетъ цѣлыя часы сряду, но тѣиъ не менѣе замѣчаетъ все, что дѣлается вокругъ нея. Тонкія чувства защищаютъ рысь и во время такой дремоты отъ какого-либо неожидан-наго нападенія. Я не разъ убѣждался на рыси, которую держалъ, что чувство слуха у нея было въ полной дѣятельности даже въ то время, когда она казалась погруженной въ самый глубокій сонъ. Малѣйшій шорохъ заставлялъ ее пово-рачиваться въ ту сторону, откуда слышался подозрительный шумъ, а закрытые глаза тотчасъ же открывались, если шумъ становился сильнѣе. Крѣпче всего рысь спитъ утромъ и въ полдень; послѣ полудня она охотно потягивается на солнцѣ, если это возможно, а также лежитъ часами на спинѣ, какъ лѣнивая собака.

Съ наступленіеиъ сумерекъ она становится бодрой и живой. Днемъ она каза-лась неподвижной, какъ изваяніе; съ наступленіеиъ вечера она получаетъ жизнь и движеніе, но пускается на охоту лишь ночью и часто останавливается и при-слушивается, какъ кошка, которой надо перейти черезъ открытое мѣсто, кажу-щееся ей небезопаснымъ. По мѣрѣ возможности рысь держится своего прежняго пути. Зимомъ она повидимому поступаетъ такъ постоянно и именно ступаетъ самымъ точнымъ образомъ на свой старыиъ слѣдъ. Смѣшать ея слѣды со слѣдами другого животнаго можетъ развѣ человекъ, вовсе не знающій этого животнаго; слѣдъ оченъ великъ, соотвѣтственно несоразмѣрно-большимъ лапамъ: онъ больше, чѣиъ слѣдъ большого волка, замѣчательно круглъ, и, такъ какъ нѣтъ отпечатка когтей, спереди тупъ; шагъ относительно коротокъ. Такимъ образомъ слѣды тянутся полосой, ко-торую легко узнаетъ каждый, кто хоть разъ видѣлъ ее. Переходя съ мѣста на мѣсто и возвращаясь обратно, рысь ступаетъ на старыя слѣды; обыкновенно такъ же по-

ступаютъ и нѣсколько рысей, выходящихъ на охоту вмѣстѣ. Фрауенфельдъ, который однажды разомъ выслѣдилъ четырехъ рысей, говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Когда мы только-что нашли слѣды этихъ животныхъ, былъ виденъ слѣдъ лишь двухъ и мы сначала предполагали, что вмѣстѣ шли двѣ рыси, а далѣе видѣлся даже лишь одинъ слѣдъ, по которому и ступали другъ за другомъ всѣ четыре рыси. На одномъ дугу въ лѣсу, гдѣ онѣ повидимому высматривали добычу, прежде чѣмъ вышли на него, видѣлся слѣдъ трехъ, и лишь на одной прогалинѣ въ лѣсу, гдѣ онѣ напали на коосулю, мы очень изумились, убѣдившись въ томъ, что ихъ было четыре вмѣстѣ; тутъ онѣ всѣ разошлись и одна изъ нихъ, безъ сомнѣнія передняя, бросилась на эту коосулю двумя большими прыжками; охота впрочемъ оказалась неудачною и рыси снова успокоились и пошли слегка укороченными шагами, и скоро слѣды ихъ опять слились въ одинъ». Выслѣживая ихъ далѣе на другой день, Фрауенфельдъ нашель, что онѣ не только возвратились по той-же самой дорогѣ, которую проложили передъ тѣмъ, но, за исключеніемъ немногихъ трудныхъ мѣстъ, шли по тѣмъ же самымъ слѣдамъ, «такъ что послѣ того, какъ всѣ четыре прошли по одной тропѣ въ ту и другую сторону, слѣдовательно 8 разъ ступали на свои слѣды, на большихъ протяженіяхъ видѣлся все-же лишь одинъ слѣдъ».

Благодаря оригинальному сложенію рыси, каждое движеніе ея кажется страннымъ, въ извѣстномъ смыслѣ даже неуклюжимъ. Мы привыкли видѣть, что кошка невысокое длиннохвостое млекопитающее и что движенія ея таковы, какія соотвѣтствуютъ короткимъ ногамъ, т. е. равномерны, не отрывисты, мягки и потому мало замѣтны. Рысь двигается иначе. Она видимо ступаетъ твердо и шагаетъ широко по сравненію съ другими кошками. Если ей не достаетъ отваги ея родичей, то она вовсе не уступаетъ имъ въ ловкости, лазааетъ очень искусно и превосходитъ ихъ въ быстротѣ и продолжительности движеній, хотя вовсе не принадлежитъ къ самымъ лучшимъ бѣгунамъ. На какія движенія она способна, можно яснѣе всего видѣть на свѣжевыпавшемъ снѣгу, тамъ, гдѣ она бросалась на добычу.

Въ довольно подробномъ отчетѣ объ охотѣ, на которой была убита на Гарцѣ послѣдняя рысь, сказано: «Всего замѣчательнѣе было то, какъ рысь въ ночь на 17 марта поймала зайца; это было совершенно ясно видно по слѣдамъ. Заяцъ сидѣлъ на опушкѣ молодой еловой чащи, примыкавшей къ большой полянѣ. Рысь подкралась къ нему изъ чащи вѣроятно подъ вѣтромъ, но заяцъ, должно быть, слишкомъ рано замѣтилъ это и съ возможной быстротой побѣжалъ по полянѣ. Тѣмъ не менѣе рысь настигла его девятью громадными прыжками, футовъ по 13 въ среднемъ. Хищникъ, слѣдовательно, гнался за дичью какъ собака и, какъ видно было по слѣдамъ, зайцу не помогли прыжки въ бокъ, — его обыкновенное средство спасенія. Отъ бѣдныя нашли лишь заднія лапки». Чтобы рысь нѣсколькими прыжками преслѣдовала дичь — это вообще рѣдкое исключеніе. При всѣхъ нападеніяхъ, которыя преслѣдилъ Фрауенфельдъ, хищникъ не преслѣдовалъ добычу далѣе, а точчасъ же послѣ неудачнаго прыжка спокойно шель далѣе, какъ будто бы ничего не случилось. Нолькенъ, которому не разъ удавалось находить мѣста, гдѣ рысь подкрадывалась и оттуда она бросалась на добычу, тоже никогда не наблюдалъ, чтобы она дѣлала болѣе трехъ или четырехъ широкихъ прыжковъ; онъ говоритъ, что рысь никогда не преслѣдуетъ ускользнувшую отъ нея добычу. «Странно», прибавляетъ этотъ писатель, «что мнѣ никогда не приходилось видѣть мѣста, гдѣ-бы ловля удалась ей. Поэтому слѣдуетъ предположить, что въ жизни рыси нерѣдки неудачи на охотѣ». Рысь такъ же часто подстерегаетъ добычу, какъ и гонится за ней; для этого она охотно взбирается на обломки скалъ и удобныя вѣтви деревьевъ, откуда и спрыгиваетъ на беззаботно приближающуюся жертву.

Въ качествѣ добычи рыси годится повидимому каждое животное, которое она можетъ какимъ-либо образомъ ослить. Отъ мельчайшихъ млекопитающихъ и птицъ до косули или глухаря и дрофы едва ли какое-либо живое существо отъ нея застраховано; на оленей, лосей и кабановъ рѣшаются въ исключительныхъ случаяхъ нападать лишь очень сильныя рыси. Болѣе крупную дичь рысь рѣшительно предпочитаетъ мелкой; такъ, напримѣръ, ловлей мышей она повидимому не занимается: по крайней мѣрѣ Нолькенъ никогда не могъ замѣтить по ея однообразному прямому слѣду, чтобы она обращала вниманіе на мышей. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что и мышенокъ, пересѣкающій ей дорогу, не спасется отъ нея. Чтобы испытать ловкость рысей, я часто бросалъ тѣмъ, которыхъ держалъ, живыхъ воробьевъ, крысъ и мышей, но ни разу не наблюдалъ, чтобы какое-нибудь изъ этихъ животныхъ оказалось достаточно быстрымъ, чтобы ускользнуть отъ когтей хищника. Онъ съ такою же вѣрностью хватается на воздухъ летящаго воробья, какъ ловить крысу, которая, сознавая опасность, успѣшно бѣжитъ къ рѣшеткѣ клѣтки. Рысь однимъ прыжкомъ бросается на добычу и крайне рѣдко дѣлаетъ болѣе одного прыжка. Обыкновенно она крѣпко схватываетъ ее, тотчасъ же хватается зубами и черезъ нѣсколько мгновений добыча представляетъ уже трупъ. Тогда рысь начинаетъ играть съ добычей, какъ кошка. Она съ удовольствіемъ осматриваетъ крысу или птицу, тщательно обнюхиваетъ ее и начинаетъ бросать лапой туда и сюда. Во время игры рысь дѣлаетъ различныя прыжки, которыхъ не совершаетъ въ другое время, издаетъ довольное сопѣніе и все время виляетъ своимъ короткимъ хвостомъ, который ей и помогаетъ выражать ощущенія. Объ ѣдѣ она думаетъ лишь позднѣе, даже въ томъ случаѣ, если очень голодна.

На сѣверѣ, гдѣ благородныхъ оленей мало, а много мелкой дичи, рысь приноситъ относительно мало вреда; напротивъ въ умѣренныхъ странахъ она становится одинаково ненавистной охотнику и пастуху, такъ какъ не только душитъ гораздо болѣе, чѣмъ ей нужно для ѣды, но даже слизываетъ съ добычи лишь кровь и поѣдаетъ самыя лакомые кусочки, оставляя остальное на добычу волкамъ и лисцамъ. Здѣсь она крайне рѣдко возвращается къ падали, между тѣмъ, какъ въ бѣдной дичь Лифляндіи она, по словамъ Нолькена, очень охотно ѣстъ ее и даже такъ любитъ что на нѣкоторое время залегаешь по близости ея и повидимому оставляетъ другую охоту. Скотоводству въ Лифляндіи она тоже причиняетъ мало вреда, причемъ впрочемъ надо имѣть въ виду, что весь скотъ загоняютъ передъ вечеромъ и она поэтому не имѣетъ возможности достать добычу изъ стада. Совершенно иное замѣчается въ мѣстностяхъ, богатыхъ дичью и стадами. Въ швейцарскихъ Альпахъ она, по словамъ Шинца, подстерегаетъ барсуковъ, сурковъ, зайцевъ, кроликовъ и мышей, подкрадывается въ лѣсахъ къ косулямъ, на скалахъ къ сернамъ, ловитъ глухарей, рябчиковъ и горныхъ тетеревовъ и хищнически забирается въ стада овецъ, козъ и телятъ. Самый богатый косулями паркъ можетъ быть опустошенъ рысью, которая умѣетъ долго укрываться отъ мстительнаго свинца охотника; въ самыхъ многочисленныхъ стадахъ овецъ и козъ она истребляетъ болѣе одной десятой. Рысь, которая была поймана лѣсничимъ Виммеромъ въ Лихтенбергскомъ лѣсу около Розенбаха, питалась преимущественно косулями и зайцами, но также очень беспокоила сернъ и разъ ночью растерзала семь овецъ, такъ что сначала подозрѣвали въ этомъ не рысь, а медвѣдя, пока охотникъ не призналъ виновной въ этомъ рысь, основываясь на видѣ нанесенныхъ ранъ. Разъ она растерзала 8 овецъ и даже не тронула ихъ мяса. Такіе случаи вовсе не рѣдки. По Бехштейну, одна рысь умертвила въ одну ночь 30 овецъ, по Шинцу, другая въ короткое время умертвила 30—40 штукъ, по Чуди, третья, которая свирѣпствовала въ горахъ

Сунтала лѣтомъ 1814 г.,—болѣе 160 овецъ и козъ. Нечего удивляться поэтому, что охотникъ и пастухъ одинаково стремятся какъ можно скорѣе поймать или убить рысь.

О размноженіи этого хищника не имѣется еще достаточныхъ данныхъ. Говорятъ, что рыси обоюго пола собираются вмѣстѣ въ январѣ и февралѣ, при чемъ нѣсколько самцовъ часто съ громкимъ воемъ сражаются изъ-за самки; черезъ 10 недѣль послѣ спариванія самка рождаетъ въ глубоко скрытомъ логовищѣ, расширенной барсучьей или лисьей норѣ, подъ нависшей скалою, удобными корнями дерева и въ тому подобныхъ скрытыхъ мѣстахъ двухъ, самое большее трехъ дѣтенышей. Нѣкоторое время они бываютъ слѣпы, и впослѣдствіи, когда они вырастутъ, мать кормитъ ихъ мышами и мелкими птицами, учитъ охотиться и приготавливаетъ ихъ надлежащимъ образомъ къ послѣдующей хищнической жизни. Вотъ что находимъ мы въ охотничьихъ книгахъ и естественныхъ исторіяхъ, но нигдѣ я не могу найти свѣдѣній, идущихъ отъ достовѣрнаго свидѣтеля. Даже тѣ наблюдатели, которые ежегодно имѣютъ дѣло съ рысями, признаются въ своемъ незнаніи относительно ея размноженія. Тѣмъ не менѣе отъ времени до времени удается отыскать такой выводокъ, такъ какъ мы получаемъ рысей, пойманныхъ молодыми, и даже въ послѣднее время почти ежегодно по нѣсколько штукъ, хотя и несравненно рѣже, чѣмъ всѣхъ большихъ кошекъ Африки, южной Азіи и Америки.

Содержимыя въ неволѣ животныя, принадлежащія къ этому виду, безусловно могутъ быть причислены къ самымъ привлекательнымъ изъ всѣхъ кошекъ. Если они въ юности не получили тщательнаго воспитанія, то правда не всегда выказываютъ себя съ самой лучшей стороны, но постоянно привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе. Я нѣсколько разъ держалъ рысей, разъ даже оба наиболѣе близкихъ вида, нашу и канадскую рысь вмѣстѣ, наблюдалъ нѣсколько другихъ въ различныхъ зоологическихъ садахъ и могу поэтому говорить на основаніи собственнаго опыта. По сравненію съ другими представителями того же семейства рыси кажутся угрюмыми, упрямыми и лѣнливыми, лежатъ какъ отлитыя изъ мѣди статуи, почти безъ движенія половину дня на одной и той же вѣтви, и лишь сжиманіе губъ, движеніе ушей и глазъ и наконецъ виляніе хвоста показываютъ, что только тѣло покоится, а внѣшнія чувства находятся въ непрерывной дѣятельности. Каждое дѣйствіе онѣ выполняютъ съ серьезнымъ достоинствомъ, разумнымъ размышленіемъ и желѣзнымъ спокойствіемъ. Никогда онѣ не позволяютъ себѣ, подобно другимъ кошкамъ, съ жадностью прыгать за добычей, напротивъ, спокойно и пристально смотрятъ на брошенный имъ кусокъ мяса, медленно приближаются къ нему, схватываютъ его съ быстротою молніи, учащенно и сильно виляютъ при этомъ своимъ короткимъ хвостомъ и ѣдятъ повидимому такъ же умѣренно и спокойно, какъ благовоспитанный человѣкъ, не больше и не меньше, чѣмъ имъ нужно, и съ пренебреженіемъ отворачиваются отъ остатковъ. Совершенно иначе ведутъ онѣ себя, видя проходящее мимо живое животное. Каждая собака, проскользнувшая мимо ихъ клѣтки, каждая пролетѣвшая мимо птица, даже каждая прошмыгнувшая мышь до крайности возбуждаютъ ихъ вниманіе. Глаза тотчасъ устремляются въ то мѣсто, гдѣ тонкій слухъ уловилъ легкій шорохъ; они принимаютъ живописную позу и представляютъ собою картину внимательнаго хищника, красивѣе которой едва ли можно придумать. Если крупная добыча удаляется отъ нихъ, то ими овладѣваетъ нетерпѣніе, онѣ дѣлаютъ тогда, какъ и другія крупныя кошки въ неволѣ, прыщипышіе и очень ловкіе прыжки, поворачиваются съ удивительной быстротою въ своей клѣткѣ, прыгаютъ другъ черезъ друга, не обнаруживая ни малѣйшаго напряженія, снова принимаютъ выжидательную позу и т. п. Тогда онѣ всецѣло поглощены дѣломъ и не обращаютъ

никакого вниманія на наблюдателя, стоящаго у самой клѣтки. Всѣ ихъ помысли и желанія заняты исключительно соблазнительной дичью.

Къ сожалѣнію для всѣхъ содержателей зоологическихъ садовъ онѣ не принадлежатъ къ числу тѣхъ видовъ кошекъ, которые хорошо выносятъ неволю; напротивъ, онѣ требуютъ самаго тщательнаго ухода. Суровая погода причиняетъ, правда, имъ мало вреда, если только у нихъ есть сухое логовище и онѣ защищены отъ сквознаго вѣтра; за то онѣ гораздо требовательнѣе по отношенію къ пищѣ, чѣмъ другія кошки той же величины, ѣдятъ лишь самое лучшее мясо и требуютъ перемѣны даваемаго имъ корма, иначе онѣ не могутъ долгое время чувствовать себя хорошо. Даже при очень заботливомъ уходѣ онѣ часто вдругъ умираютъ отъ болѣзней, причемъ первые признаки заболѣванія можно бываетъ замѣтить развѣ за нѣсколько часовъ по перемѣнѣ въ поведеніи животнаго; всѣ опытные содержатели зоологическихъ садовъ считаютъ ихъ поэтому крайне чувствительными и невыносливыми животными. Совершенно противоположное замѣчается въ томъ случаѣ, если плѣнной рыси можно предоставить большую свободу. Мы обязаны Левису прекраснымъ рассказомъ объ одной рыси-самкѣ, которую онъ держалъ въ неволѣ: «Я позволяю себѣ», говоритъ нашъ товарищъ, «считать три факта особенно достойными упоминанія: во первыхъ, что вопреки господствующему мнѣнію и кошкообразное животное, какъ рысь, по своей понятливости можетъ занимать выдающееся положеніе среди хищныхъ млекопитающихъ; во-вторыхъ, что здоровье рыси въ неволѣ, если она привыкла къ человѣческому обращенію, не всегда нѣжно и трудно сохраняемо, какъ къ сожалѣнію часто приходится слышать, и наконецъ, что рысь—жесточайшій врагъ домашнихъ кошекъ; этимъ, быть можетъ, можно объяснить, почему рысь и дикая кошка не встрѣчаются въ однѣхъ и тѣхъ же охотничьихъ областяхъ.

«Достаточно было немногихъ мѣсяцевъ, чтобы научить мою молодую рысь хорошо отличать свое имя, «Люси». Среди многихъ собачьихъ именъ, которыя я выкрикивалъ во время охоты, она всегда отличала свое и съ образцовымъ послушаніемъ шла на зовъ. Ее удалось безъ всякаго труда такъ хорошо выдрессировать, что во время самой дикой, соблазнительной, но запрещенной охоты за зайцами, птицами и овцами она останавливалась, если до нея достигалъ мой угрожающій зовъ, пристыженно бросалась на землю и по-собачьи просила прощенія. Она скоро поняла значеніе ружейнаго выстрѣла по отношенію къ утоленію ея аппетита. Если она была слишкомъ далеко, чтобы слышать зовъ, то достаточно было выстрѣла ружья, чтобы она поспѣшно явилась. Особенно существеннымъ для признанія ея умственныхъ способностей былъ для меня тотъ способъ, какимъ она дѣятельно охотилась за зайцами и голубями, мясо которыхъ она предпочитала другой пищѣ.

«Люси добровольно, даже съ удовольствіемъ ходила со мною на всѣ осеннія охоты, слѣдуя по моимъ пятамъ. Если передъ нами поднимался заяцъ или если собаки пригоняли его къ намъ, то начиналась самая горячая охота; и несмотря на свое чрезвычайное возбужденіе при этомъ, она всегда сохраняла столько благоразумія, чтобы должнымъ образомъ оцѣнить, по крайней мѣрѣ повидимому, отношеніе своей быстроты и выносливости къ быстротѣ и выносливости зайца. Лишь въ томъ случаѣ, если заяцъ рѣшительно превосходилъ ее въ этомъ отношеніи, она прибѣгала къ многократно описанному, свойственному кошкѣамъ, своеобразному способу охоты, который заключается въ хватаніи добычи большими прыжками. Если же силы были равны, то она гналась за зайцемъ, не разбирая дороги, черезъ плетни и заборы, слѣдуя за дичью, какъ борзая собака, и охота при этомъ часто была удачной. Послѣ того, какъ она много разъ терпѣла неудачу, кровожадно бросаясь

на голубей, сидѣвшихъ на землѣ, она сознательно измѣнила планъ нападенія и не бросалась болѣе прямо на то мѣсто, гдѣ сидѣла птица, а начала теперь, дѣлая большой, хорошо рассчитанный прыжокъ вверхъ, хватать голубя на лету своими острыми когтями.

«Обыкновенно кошкамъ отказываютъ въ способности привыкать къ извѣстнымъ лицамъ, принимать отъ нихъ приказанія и слушаться ихъ. Насколько это справедливо относительно домашней кошки, не станемъ вдѣсь обсуждать; но что рысь иначе относится къ человѣку, достаточно доказала упомянутая мною рысь, воспитанная съ юности. Она слушалась лишь меня и голоса моего брата, обнаруживая сдержанность и послушаніе только по отношенію къ намъ. Если мы оба въ одинъ день уѣзжали куда-нибудь по близости, то никто не могъ обуздать Люси: горе тогда каждой неосторожной курицѣ, каждой беззаботной уткѣ или гусю! При наступленіи темноты она взлѣзала на крышу дома, гдѣ и отдыхала, прислонясь къ дымовой трубѣ. Если поздно вечеромъ или ночью къ крыльцу подлѣзжалъ кто-нибудь, животное въ нѣсколько прыжковъ соскакивало съ крыши дома на крышу крыльца, если при этомъ я называлъ его по имени, то любящее меня животное поспѣшно спускалось внизъ по колоннамъ и широкими, высокими прыжками бросалось мнѣ на грудь, обхватывая мою шею своими сильными передними лапами; оно громко мурлыкало, по-кошачьи терлось и толкало меня головою и затѣмъ входило за нами въ комнату, чтобы расположиться на ночь на софѣ, постели или около печи. Нѣсколько разъ Люси спала вмѣстѣ съ нами и разъ, лежа поперекъ шеи своего хозяина, причинила ему безпокойные сны и кошмаръ.

«Однажды мнѣ и моему брату пришлось пробить въ отсутствіи цѣлую недѣлю. Рысь за это время стала бояться людей, безпокойно искала насъ съ громкимъ крикомъ, оставила домъ уже на второй день и поселилась въ ближнемъ березовомъ лѣсу, при чемъ не брала пищи изъ кухни. Только ночью она возвращалась еще на свое обычное мѣсто около трубы дома. Радость ея, когда мы ночью возвратились обратно послѣ такой долгой разлуки, была безпредѣльна. Какъ молнія спустилась она съ крыши мнѣ на шею и почти душила то моего брата, то меня своими искренними ласками. Немедленно она вернулась къ прежнему образу жизни и вечеромъ снова доставила всѣмъ нашимъ гостямъ рѣдкое, крайне занимательное зрѣлище, вытянувшись на софѣ за спиною моей матери, читавшей книгу, издавая довольное мурлыканье, вѣвая или поряточно похрапывая.

«Чувство чести и стыда тоже было у нея значительно развито. Изъ оконъ помѣщичьяго дома я наблюдалъ оригинальную сцену, служащую подтвержденіемъ этого. Большой прудъ стоялъ въ ноябрѣ замерзшимъ, лишь посрединѣ его была вырублена для гусиного стада прорубь, въ которой теперь копошилось громко гогочущее стадо. Моя рысь смотрѣла на гусей алчнымъ взоромъ. Низко присѣвши на льду, она скользя подвигалась впередъ, сильно виляя отъ нетерпѣнія своимъ хвостикомъ. Бдительные потомки спасителей Капитолія встревожились и вытянули шеи при приближеніи опасности. Тогда наша любительница охоты присѣдаетъ и, какъ камень изъ пращи, кидается, разставивъ лапы, въ середину испуганнаго стада, не подозрѣвая на какой обманчивой стихіи покоится желанная добыча. Вмѣсто того, чтобы каждой лапой схватить по гусю, она шлепается въ холодную воду, такъ какъ всѣ птицы быстро выскочили изъ воды или нырнули. Я считалъ теперь гусей, разсѣявшихся по гладкому, какъ зеркало, льду, погибшими, но вмѣстѣ того, чтобы легко овладѣть бѣдными птицами, мокрая рысь проскользнула между беззащитными гусями, опустивъ голову, не озираясь по сторонамъ, выражая каждымъ движеніемъ свой стыдъ, и namного часовъ спряталась въ уединенномъ мѣстѣ. Голодъ,

любовь къ охотѣ и природенная кровожадность не могли подавить стыда передъ неудачнымъ нападеніемъ.

«Пользуясь всегда свободой движенія, наша рысь была постоянно бодрa, вынослива и склонна къ играмъ. Она обладала тонкимъ вкусомъ и охотно ѣла лишь свѣжее мясо, дичь и птицъ. Хотя ее кормили довольно неправильно, такъ какъ въ деревнѣ иногда нельзя достать свѣжаго мяса, а въ иные дни она не получала лакомага куска въ наказаніе за шалости, ея здоровье, тѣмъ не менѣе, находилось въ хорошемъ состояніи. Однажды зимою она обильно поѣла сильно соленой жареной свинины, проспала затѣмъ ночь на крышѣ при 10—12 градусъ мороза и заболѣла очень сильнымъ катарромъ кишекъ, который вообще бываетъ смертельнымъ для дикихъ животныхъ, находящихся въ неволѣ; тѣмъ не менѣе она безъ всякихъ лѣкарствъ оправилась въ короткое время и позднѣе вовсе не чувствовала послѣдствій этой опасной болѣзни.

Самой своеобразной чертой Люси была горячая ненависть къ родственной ей домашней кошкѣ. До начала зимы всѣ кошки на нашемъ дворѣ были истреблены: рысь растерзала ихъ всѣхъ съ ужасною яростью. Лишь одна очень любимая кошка долгое время оставалась нетронутою, такъ какъ прислуга тщательно охраняла ее въ своемъ помѣщеніи. Рысь туда никогда не впускали, а кошку не выпускали оттуда. Однажды я замѣтилъ, что Люси лежитъ скорчившись недалеко отъ дома на большой кучѣ камней. Никакой зовъ, никакое приманиваніе не могли удалить оттуда это обыкновенно столь послушное животное. Оно оставалось на своемъ мѣстѣ съ терпѣніемъ и упорствомъ, которыхъ обыкновенно не замѣчали у этого безпокойнаго, подвижнаго созданія. Я сталъ уже бояться, что рысь нездорова, тѣмъ болѣе, что даже небольшой дождь, котораго она вообще очень избѣгала, не заставилъ ее перемѣнить положенія; и началъ наблюдать за нею, какъ вдругъ она, послѣ часоваго выжиданія, какъ молнія, бросилась внизъ. Я услышалъ ужасный крикъ и, подбѣжавъ, увидѣлъ, что послѣдняя изъ ненавистныхъ кошекъ растерзанная корчилась въ страшныхъ когтяхъ рыси. Почувала ли она своего врага подъ камнями или видѣла, какъ онъ вползъ туда, я, къ сожалѣнію, не могъ узнать. Лишь однажды я отважился взять Люси съ собою при посѣщеніи сосѣдняго имѣнія. Мы едва пробыли тамъ часъ, какъ слуга доложилъ, что пестрая кошка только-что задушена рысью. На крестьянскихъ дворахъ ея первымъ дѣломъ тоже было отыскиваніе и умерщвленіе кошекъ, которыя инстинктивно выказывали къ пей болѣе сильное отвращеніе и страхъ, чѣмъ передъ самой злой охотничьей собакой. Собаки онѣ никогда не уступали безъ сильнаго сопротивленія, между тѣмъ какъ рысь, конечно благодаря большей ловкости, мгновенно растерзывала безъ всякаго сопротивленія всѣхъ кошекъ, безъ различія пола и величины.

«Послѣ того, какъ я подарилъ эту рысь тогдашнему бургомистру города Вальв, большому любителю животныхъ, я не могъ больше наблюдать ее самъ, но узналъ еще слѣдующее. Въ теченіе четырехлѣтняго пребыванія въ городѣ эта самка-рысь ни разу не имѣла течки; эти періодическія явленія повидимому безслѣдно проходили у нея въ неволѣ. Никогда она не обнаруживала дикости и злобы. Соблазненный очень высокой цѣною, бургомистръ, который, къ сожалѣнію, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и купцомъ, продалъ прекрасное животное содержателю провѣжаго звѣринца съ условіемъ переслать его въ сосѣдній городъ черезъ нѣсколько недѣль. Посажженная въ деревянную клетку, бѣдная рысь получила, благодаря тряскѣ на покрытой снѣгомъ неровной дорогѣ, нѣсколько повидимому незначительныхъ ушибовъ, отъ которыхъ и умерла, не доѣхавъ еще до цѣли путешествія».

Не только вслѣдствіе большого вреда, который рысь причиняетъ въ хорошо

содержимыхъ охотничьихъ паркахъ или на богатыхъ стадами Альпахъ, но и ради удовольствія, доставляемаго каждому записному охотнику такою охотой, за рысью ревностно охотятся всюду, гдѣ она встрѣчается, и особенно на сѣверѣ, гдѣ каждую зиму устраиваются охоты на рысей. Охотятся за ними четырьмя способами: съ помощью капкановъ, снабженныхъ хорошей приманкой, подражая голосу дичи, косуль и т. п., устраивая облавы, и съ помощью гончихъ. Разстановка капкановъ мало успѣшна, такъ какъ рысь хотя и твердо держится извѣстнаго удобнаго пути: но рыскаетъ вообще на слишкомъ большое разстояніе, чтобы можно было рассчитывать на вѣрный успѣхъ; она очень осторожно избѣгаетъ ловушекъ, даже достаётъ изъ капкана приманку, не попадаясь сама, пока наконецъ какъ-нибудь не заѣзывается. Пойманная впадаетъ въ безпримѣрную ярость, даже въ настоящее бѣшенство. «Тѣмъ, кто ловилъ въ капканъ живыхъ рысей», говоритъ Кобелль, случалось часто быть свидѣтелями ихъ ярости, особенно если капканъ схватывалъ лишь одну переднюю лапу. По большей части рысь, при энергическихъ усиліяхъ освободиться, обрываетъ себѣ когти на свободной лапѣ и ломаетъ клыки. Тѣмъ не менѣе охотникъ Майеръ изъ Обервинкеля освобождалъ нѣкоторыхъ пойманныхъ рысей изъ капкана и приносилъ ихъ связанными и съ заткнутою пастью въ мѣшки на спинѣ въ Тегернзее. Онъ дѣлалъ это слѣдующимъ образомъ: просовывалъ срубленный молодой еловый шестъ поверхъ рыси подъ корень того дерева, къ которому былъ прикрѣпленъ капканъ, прижималъ имъ рысь къ землѣ и; ложась на шестъ, скользилъ къ ней. Затѣмъ онъ крѣпкими петлями ловилъ лапы животнаго и всовывалъ ему въ пасть привязанную палку, чтобы она не могла кусаться. Связанная такимъ образомъ рысь была однажды принесена въ Мюнхенъ, гдѣ ее осматривалъ король Максимилианъ I. Вѣрнѣе могло бы вести къ дѣлу приманиваніе, подражая голосу животныхъ, за которыми рысь охотится, хотя на сѣверѣ, по словамъ Нолькена, его никогда непримѣняютъ. Что рысь приближается, если подражать крику косули, зайца или кролика; и можетъ такимъ образомъ стать добычей хорошо спрятавшагося охотника,—это не подлежитъ сомнѣнію, судя по тому, что мы знаемъ относительноея родича—пардовой рыси; притомъ Кобелль и непосредственно подтверждаетъ это, такъ какъ еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ жилъ охотникъ Агереръ, къ которому въ 1820 г. на крикъ косули подошла на выстрѣлъ самка рыси съ тремя дѣтенышами.

Объ охотахъ облавой настолько же подробно, какъ дѣльво рассказываетъ Нолькенъ. «По большей части», говоритъ онъ: «рысь легко окружить; однако иногда и это представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Во время самого загона приходится дѣйствовать совершенно иначе, чѣмъ при охотѣ на лисицу. Лишь немногихъ животныхъ можно такъ легко гнать, даже при небольшомъ числѣ загонщиковъ, какъ лисицу; напротивъ, нѣтъ животнаго, которое было бы труднѣе гнать, чѣмъ рысь. Это обусловливается совершенно различнымъ характеромъ обоихъ животныхъ. Рысь пугливый и осторожный хищникъ; но въ высокой степени обладаетъ тѣмъ спокойствіемъ и разсудительнымъ присутствіемъ духа, которые, повидимому, свойственны всѣмъ видамъ кошекъ. Она избѣгаетъ человека, но не боится шума. Поэтому-то она часто устраиваетъ свое логовище около самой проѣзжей дороги. Необходимо, слѣдовательно, проходить по самой чащѣ, иначе, идя лишь по рѣдкому лѣсу, ее навѣрно не вспугнешь. Но надо имѣть много загонщиковъ, иначе игра въ прятки можетъ тянуться безъ конца, и если кого-нибудь трудно увидѣть, то это именно рысь. Стрѣлки должны быть особенно внимательны въ то время, когда загонщики уже почти прошли: если рысь выйдетъ, то появится по большей части какъ можно позднѣе. Она идетъ по чащѣ почти всегда шагомъ.

скользя обыкновенно неслышно, какъ кошка, и очень легко и съ быстротою молніи поворачиваетъ назадъ».

Охота съ гончей привлекательнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ охота съ загонщиками. Для этого необходима хорошая, по возможности сильная и быстрая собака, годная для охоты за зайцами; если притомъ она обладаетъ свойствомъ отъ времени до времени гнать молча, то выполняетъ всѣ требованія охоты на рысь. Важнѣе всего однако быстрота; съ медленной ищейкой тутъ ничего не подѣлаешь. Рысь умѣетъ дѣлать петли, возвращаться назадъ, прыгать въ сторону; взбѣгаетъ по стволамъ наполовину упавшихъ деревьевъ вдоль всего дерева и оттуда сильнымъ прыжкомъ бросается въ сторону въ кусты и употребляетъ безконечное множество другихъ хитростей, чтобы обмануть собаку. По отношенію къ медленному псу ей это въ большинствѣ случаевъ и удается, даже если она сама не идетъ особенно быстро. Она скоро бѣжитъ вообще лишь въ томъ случаѣ, если быстрая собака слѣдуетъ за нею по пятамъ и сильно беспокоитъ ее; передъ медленной собакой она вовсе не торопится: она хорошо сознаетъ свое превосходство въ силѣ и свое страшное оружіе и избѣгаетъ собаки не по трусости, а по нежеланію вести напрасную борьбу. Лишь передъ рѣзвой собакой она рѣшается обыкновенно оставить чашу. Если слышно, что собака лаетъ на мѣстѣ, то поспѣшно приближаются къ ней, осторожно подкрадываясь, чтобы не спугнуть рысь, если она остановилась на землѣ. Если рысь взобралась на дерево, то прежде всего ловятъ собаку и лишь затѣмъ стрѣляютъ, чтобы не дать собакѣ схватить еще, быть можетъ, не всѣмъ мертвого врага и подвергнуться такимъ образомъ большой опасности». По наблюденію одного изъ слугъ вышеупомянутаго превосходнаго охотника, рысь, защищаясь отъ собакъ, бросается на спину, пускаетъ въ дѣло всѣ четыре лапы съ большою ловкостью и часто съ полнымъ успѣхомъ.

Какъ мало беспокоитъ рысь шумъ во время охоты, видно изъ приключенія, за достовѣрность котораго ручается Нолькенъ. «Адскій шумъ загонщиковъ слышался уже совершенно близко, когда показалась рысь. Она находилась еще нѣсколько далеко отъ стрѣлковъ, когда бѣлый заяцъ, тоже поднятый загонщиками, бросился наискось между нею и стрѣлками. Не смущаясь шумомъ, рысь не могла удержаться отъ того, чтобы не броситься на него, и сдѣлала свои обычные 3—4 прыжка. Заяца она, правда, не поймала, зато получила вполне заслуженный, хорошо направленный выстрѣлъ».

Обыкновенно рысь боязливо избѣгаетъ столкновеній съ человѣкомъ; но если она ранена или загнана въ узкое мѣсто, то она храбро и отчаянно нападаетъ на него и становится при этомъ вовсе не ничтожнымъ противникомъ. «Въ послѣднихъ числахъ февраля», рассказываетъ шведъ Абергъ, «я нашелъ слѣдъ рыси. Такъ какъ эта мѣстность часто посѣщалась волками, то я надѣлъ на собаку попонку, усѣянную гвоздями. Послѣ 2—3-часовой охоты рысь устала и остановилась недалеко отъ березы, гдѣ собака и лаяла на нее, пока я не подошелъ и не сталъ стрѣлять. Однако разстояніе было, вѣроятно, слишкомъ велико, потому что выстрѣлъ не имѣлъ тотчасъ жерѣшительнаго дѣйствія, а выстрѣлить изъ другого ствола было невозможно, такъ какъ рысь однимъ прыжкомъ бросилась на собаку. Началась жестокая борьба, которую я постарался прекратить своимъ вмѣшательствомъ. Это удалось мнѣ настолько, что рысь оставила собаку, но зато вцѣпилась когтями мнѣ въ поясницу. Такъ какъ когти ея показались мнѣ очень острыми и непріятными, то я сильно рванулъ, стараясь оторвать отъ себя рысь, но вмѣсто того упалъ лицомъ въ снѣгъ. Животное, не желавшее выпускать своей добычи, очутилось на мнѣ; но собака, которая почувствовала свою свободу, спасла меня отъ незваннаго гостя и продолжала бить-

ся до тѣхъ поръ, пока рысь наконецъ не сдалась. Собака сильно пострадала и если бы попона не защищала ея грудь и шею, то она, навѣрно «не вышла бы изъ этой битвы живою».

Чтобы лучше сохранить въ памяти потомковъ послѣднюю рысь, убитую въ Германіи, я хочу изложить здѣсь описаніе охоты за ней, какъ мнѣ передавалъ счастливый охотникъ, лѣсничій Марксъ изъ Визенштейга въ Вюртембергѣ. «Зима съ 1845 на 1846 годъ была мягкая и бѣдная снѣгомъ; тѣмъ не менѣе въ это время въ вюртембергскихъ лѣсахъ жилъ волкъ, который былъ хорошо извѣстенъ лѣсникамъ подъ именемъ «Абдъ-эль-Кадера»; за нимъ ревностно охотились и наконецъ убили его. Въ серединѣ января о немъ было мало слышно, но именно въ это время я нашелъ въ казенномъ лѣсу Пфанненхальде, недалеко отъ Рейссенштейна, мѣсто, гдѣ была растерзана косуля. Большіе клочки кожи, лежавшіе тамъ, заставили меня тотчасъ же приписать это крупному хищнику. Естественно я заподозрилъ волка и удвоилъ свое вниманіе. Такъ какъ снѣгу не было, то я лишь по усиленной бѣготнѣ косуль могъ заключить, что въ округѣ не все благополучно, но не былъ въ состояніи замѣтить что-либо подозрительное. Въ ночь съ 11 на 12 февраля 1846 г. выпалъ наконецъ снѣгъ, и я тотчасъ принялся за свои изслѣдованія. 13-го февраля я нашелъ подозрительный слѣдъ; хищникъ умертвилъ на открытомъ мѣстѣ косулю и утащилъ ее оттуда къ близко лежащимъ скаламъ по направленію къ развалинамъ Рейссенштейна. Косуля паслась на открытомъ мѣстѣ, поросшемъ верескомъ, и хищникъ подерался къ ней. Онъ спрятался за буквый кустъ и сдѣлалъ оттуда прыжокъ, метровъ около 5. Косуля пыталась убѣжать, но хищникъ настигъ ее вторымъ прыжкомъ, умертвилъ и потащилъ дальше.

«Слѣдъ казался мнѣ загадочнымъ, тѣмъ болѣе, что по походкѣ я видѣлъ, что онъ не принадлежитъ волку. Въ ночь съ 14 на 15 февраля наступила оттепель съ бурей и небольшое количество выпавшаго снѣга скоро растаяло. На утро я еще до наступленія дня отправился въ лѣсъ въ сопровожденіи двухъ охотниковъ, чтобы изслѣдовать его. Долгое время мы выслѣживали безуспѣшно; но послѣ полудня мы могли сказать, что неизвѣстное животное залегло на скалахъ между Нейдлинген-Рейссевштейнскимъ подъемомъ и такъ называемымъ подъемомъ Пфарренштейгъ. Можно было прослѣдить, что оно два раза сходило по склону горы въ долину и три раза поднималось на гору; однако мы нашли эти слѣды, замеченные и отчасти совершенно стертые, благодаря бурѣ, лишь послѣ долгихъ поисковъ. Это былъ образецъ трудной охотничьей работы.

Я послалъ тогда въ Нейдлингенъ за охотниками, но они отвѣчали мнѣ, что пойдутъ лишь въ томъ случаѣ, если волкъ выслѣженъ по свѣжимъ слѣдамъ. Я зналъ навѣрно, что хищникъ залегъ на упомянутыхъ скалахъ, но было уже 3 часа по полудни и мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ попросить у управляющаго Рейссевштейна работника, котораго я употребилъ въ качествѣ загонщика. Ему сказали, чтобы онъ по возможности тихо подходилъ къ скаламъ, а я сталъ впереди со своими двумя стрѣлками. Первый загонъ былъ неудаченъ; при второмъ я увидѣлъ однако хищника около самыхъ развалинъ Рейссевштейна на сѣверо-восточномъ углу ихъ. Онъ проскользнулъ такъ близко къ скалѣ, что я могъ видѣть его лишь одно мгновеніе и то лишь заднюю часть, но мнѣ было достаточно, чтобы убѣдиться, что это не волкъ: хвостъ его былъ слишкомъ коротокъ. Тѣмъ не менѣе я все еще не зналъ, что за противникъ передо мною. Я сталъ на скалѣ и могъ видѣть довольно далеко вокругъ, но животное должно быть тоже увидѣло меня. такъ какъ вдругъ пустилось въ поспѣшное бѣгство; однако далѣе внизъ по горѣ мнѣ представилась возможность дважды выстрѣлить въ то мгновеніе, когда живот-

ное прыгнуло на землю. Оно бросилось въ ближніе кусты и околѣло тамъ черезъ нѣсколько шаговъ. Теперь я зналъ, съ какимъ врагомъ имѣлъ дѣло. Это былъ крупный самецъ рыси, ростомъ съ лягавую собаку средней величины и очень красиваго цвѣта, великолѣпно испещреннаго на переднихъ ногахъ; судя по зубамъ, ему было не болѣе 4—5 лѣтъ; вѣсъ его равнялся 48 фунтамъ. Мой выстрѣлъ попалъ ему въ сердце».

Шкура рыси принадлежитъ къ числу самыхъ цѣнныхъ сортовъ мѣха: скандинавскія считаются самыми красивыми и большими и, по Ломеру, стоятъ въ настоящее время 25—30 марокъ, но лѣтъ 25 тому назадъ онѣ стоили вдвое больше. Сибирь ежегодно доставляетъ около 15000 шкуръ, Россія и Скандинавія—около 9000. Восточно-сибирскія рыси, по словамъ Радде, идутъ исключительно въ Китай, особенный спросъ на нихъ существуетъ у пограничныхъ народовъ Монголіи. Еще лѣтъ 30 тому назадъ въ пограничномъ посту на рѣкѣ Ононѣ выгодно промѣнивались рыси шкуры, особенно свѣтлыя, и цѣна ихъ поднималась до 25 и 30 рублей серебромъ или 60—70 кирпичей чаю. Рыжія рыси гораздо дешевле.

Мясо рыси всюду считалось и считается вкусной дичью. Въ концѣ 16-го столѣтія графъ Георгъ Эрнстъ фонъ-Хеннебергъ, по словамъ Ландау, послалъ двухъ рысей, убитыхъ его охотниками, въ Кассель ландграфу Вильгельму. «Мы посылаемъ ихъ Вашей Милости», пишетъ онъ, «хорошо сохранными и надѣмся, что онѣ, благодаря продолжающейся еще зимѣ, могутъ быть доставлены Вашей Милости свѣжими. Дружески просимъ Вашу Милость благосклонно принять ихъ и скушать на здоровье вмѣстѣ съ супругой Вашей и молодыми господами и желаемъ, чтобы Вы нашли ихъ вкусными». Кобелль, изъ книги котораго я заимствую эти данныя, замѣчаетъ, что еще во время съѣзда государей въ Вѣнѣ въ 1814 г. часто подавалось на столъ жаркое изъ рыси, а въ 1819 году было отдано приказаніе поимать рысь для Баварскаго короля, такъ какъ эта дичь должна была служить ему средствомъ противъ головокруженія. «Въ Лифляндіи тоже», пишетъ мнѣ Оскаръ фонъ-Левисъ: «мясо рыси охотно ѣдятъ и даже высоко цѣнятъ многіе, не только изъ рабочихъ классовъ, но и изъ высшихъ. Оно нѣжно и свѣтлаго цвѣта, похоже на лучшую телятину и вовсе не пахнетъ слишкомъ сильно дичиною; его можно сравнить съ мясомъ глухарей». Жители береговъ Амура, а также и всѣ являющіеся къ нимъ монгольскіе и манджурскіе купцы считаютъ его, по словамъ Радде, особенно вкуснымъ, и даже женщинамъ позволено ѣсть его, въ противоположность мясу тигра.

* * *

Въ южной Европѣ рысь замѣняется нѣсколько меньшимъ родичемъ ея, Пардовой рысью (*Lynx pardinus*, *Felis pardina*, *Pardelluchs*. *Parde*). Прекрасный самецъ, убитый моимъ братомъ Рейнгольдомъ, врачомъ при посольствѣ въ Мадридѣ, былъ длиною не менѣе 1 метра, причѣмъ 15 см. приходились на хвостъ. Основной цвѣтъ довольно яркій рыжевато-сѣрый; рисунокъ состоитъ изъ черныхъ полосъ и рядовъ пятенъ; отдѣльныя волосы у корня сѣраго цвѣта, посрединѣ ржаво-буроватаго, а на концѣ блѣдно-желтаго; волосы черныхъ пятенъ и полосъ у корня темно-сѣрые, на концѣ матово-черные. Нижняя часть щекъ, подбородокъ и горло грязно-блѣлаго цвѣта, гребень носа и боковыя части рта свѣтло-сѣрые, двѣ полосы между носомъ и глазомъ свѣтло-бурныя, два пятна передъ и надъ глазомъ желтовато-блѣлыя, лобъ и скуловая область рыжевато-сѣрые; сильно развитые волосы бороды вверху буровато-сѣрые, посрединѣ черные, внизу желтовато-блѣлые; основаніе и верхушка ушей чернаго цвѣта, середина сѣровато-блѣлая, длинныя ушные кисточки чистаго чернаго цвѣта. Надъ каждымъ глазомъ падается узкая темная

моимъ наблюдениямъ она чаще всего встрѣчается на Эстремадурѣ, горахъ, отдѣляющихъ Старую Кастилію отъ Новой, слѣдовательно на Сіерра де Гата, Беньяо де Франсія, Сіерра де Гвіяга, де Гредось и Гвадаррама, на продолженіи ихъ въ Аррагоніи, на южныхъ Пиренеяхъ и ихъ отрогахъ, въ Астурии; но она встрѣчается также и въ южной Испаніи, напримѣръ на Сіерра Невада и Сіерра Морена и въ видѣ отдѣльныхъ экземпляровъ попадаетъ даже на мало населенныхъ горахъ Мурсіи и Валенсіи. Она встрѣчается почти у самыхъ воротъ Мадрида и другихъ городовъ. По близости отъ столицы она поселилась въ королевскомъ саду Пардо, хорошо содержимомъ охотничьемъ паркѣ, и простираетъ свои разбойничьи набѣги нерѣдко до непосредственной близости города. Въ Эскуріалѣ она посѣщаетъ сады монастыря, хотя благодаря высокой стѣнѣ можетъ прокрадываться сюда лишь черезъ сточныя трубы и потому отъ времени, до времени попадаетъ въ поставленные здѣсь капканы.

«Хотя пардовая рысь вообще живетъ по одиночкѣ, однако иногда въ небольшомъ районѣ случается найти нѣсколько штукъ вмѣстѣ и притомъ, что заслуживаетъ вниманія, иногда пару старыхъ съ ихъ дѣтенышами, изъ чего слѣдуетъ, что отецъ и внѣ періода спариванія, по крайней мѣрѣ иногда, держится вмѣстѣ со своимъ семействомъ. На одной охотѣ, которую мы устроили осенью 1871 г., мы убили пять рысей: обѣихъ старыхъ и трехъ дѣтенышей.

«По своему поведенію пардовая рысь представляетъ повидимому точную копию своего сѣвернаго родича. Она точно также умѣетъ отлично прятаться и при малѣйшей опасности прокрадывается, такъ тщательно прятаясь, что неопытному наблюдателю или охотнику лишь рѣдко можетъ представиться случай видѣть ее, чаще онъ вовсе ее не замѣчаетъ. Благопріятныя обстоятельства, въ которыхъ она живетъ, позволяютъ ей пребывать въ непосредственной близости людей, не побуждая ихъ къ немедленной мести. Главная пища ея состоитъ изъ дикихъ кроликовъ, которыми Испанія, какъ извѣстно, богаче, чѣмъ кака-либо другая страна Европы, и лишь крайне рѣдко она позволяетъ себѣ нападать на мелкихъ домашнихъ животныхъ, точно такъ же, какъ не приходится слышать жалобъ на то, чтобы она причинила замѣтный вредъ болѣе крупной дичи. Пока у нея есть кролики, она находитъ самымъ удобнымъ охотиться за ними и не заботится о другой добычѣ. Опустошивъ извѣстную область, она направляется въ другую; это видно изъ того, что она обыкновенно селится тамъ, гдѣ разводять кроликовъ, и скоро является туда, гдѣ пускаютъ этихъ животныхъ, чтобы населить ими извѣстное мѣсто.

«Въ началѣ марта самка пардовой рыси мечетъ 3—4 дѣтенышей, обыкновенно въ трудно доступной глубокой расщелинѣ скалы. Если это логовище открыто челоувѣкъ или хоть потревожитъ его своимъ появленіемъ по близости, то мать переноситъ дѣтенышей на другое скрытое мѣсто. Охотники, которые находили молодыхъ рысей, но изъ страха столкновенія со старой рысью не рѣшались тотчасъ же брать ихъ, а потомъ возвращались на то же мѣсто, находили логовище пустымъ, какъ они сами мнѣ рассказывали. Дѣтеныши, ставшіе самостоятельными и способными къ охотѣ, во всякомъ случаѣ остаются при матери до осени и, вѣроятно, отдѣляются отъ нея лишь при ближайшей течкѣ.

«Большую часть пардовыхъ рысей стрѣляютъ на облавахъ, отдѣльныхъ экземпляровъ убиваютъ случайно на охотѣ за кроликами, другихъ приманиваютъ, подражая голосу кролика; послѣдній способъ по большей части даетъ очень хорошіе результаты. На облавахъ охотникъ долженъ съ полнѣйшимъ вниманіемъ слѣдить за появленіемъ хищника. Рысь показывается вскорѣ послѣ начала гона передъ линіей стрѣлковъ, но и здѣсь умѣетъ превосходно прятаться и, такъ сказать, под-

крадываться на глазах охотниковъ. Открытыхъ мѣсть и широкихъ дорогъ она избѣгаетъ всегда и скорѣе рискнетъ проскользнуть воздѣ. самого охотника, чѣмъ хоть на мгновение покажется на открытомъ мѣстѣ. Превосходный слухъ все время доставляетъ ей точныя свѣдѣнія о состояніи облавы и потому стрѣлокъ, который не стоитъ совершенно тихо и безъ движенія, тщетно будетъ ядять ее. Еще занимательнѣе, чѣмъ эта охота, приманиваніе рысей. Для этого служитъ дудка, которая очень хорошо подражаетъ крику кролика. Охотникъ отправляется въ кроличій садокъ, въ которомъ онъ подозрѣваетъ присутствіе рыси, выбираетъ здѣсь скалистое или густо обросшее кустами мѣсто и замѣчаетъ время, когда у крестьянъ сѣста, а потому на большомъ пространствѣ царить возможная тишина. Хорошо спрятавшись за камнями или въ кустахъ, онъ начинаетъ издавать отъ времени до времени звуки изъ дудки; если по близости находится рысь, то приманка почти всегда имѣетъ успѣхъ. Уже послѣ перваго звука хищникъ поднимается съ логовища и приближается, непрерывно двигая ушами и глазами и беззвучно крадучись, чтобы схватить предполагаемую добычу.

«Мясо ея во всей Испаніи считается большимъ лакомствомъ и притомъ вовсе не исключительно среди простонародья, но и среди образованныхъ классовъ; оно ярко-бѣлаго цвѣта и, какъ говорятъ, похоже по вкусу на телятину. Я никогда не могъ рѣшиться отвѣдать его. Шкура рыси въ большомъ ходу и употребляется преимущественно на куртки и шапки, особенно лицами, принимающими участіе въ боѣ быковъ и ихъ друзьями, кучерами омнибусовъ, цыганами и другими людьми, занимающимися лошадьми. Въ одинъ Мадридъ ежегодно доставляется около 200 — 300 шкуръ пардовыхъ рысей, убитыхъ въ ближнихъ горахъ».

* * *

Вслѣдъ за рысами мы помѣщаемъ своеобразное соединительное звено между кошками и собаками—охотничьихъ леопардовъ или гепардовъ. Гепарды съ полнымъ правомъ носятъ свое родовое названіе *Cynailurus*, т. е. собакокошка: они дѣйствительно полусобаки, полупошки. У нихъ кошачья голова, кошачій длинный хвостъ, а остальное тѣло собачье; собачьи кажутся и длинныя ноги, лапы которыхъ лишь до извѣстной степени можно сравнить съ лапами кошекъ. Здѣсь существуетъ еще весь аппаратъ для втягиванія и выпускаванія когтей, но относящіеся сюда мускулы такъ малы и слабы, что когти почти всегда торчатъ наружу и потому приглушены отъ тренія, какъ у собакъ. Зубы въ общемъ сходны съ зубами другихъ кошекъ, но клыки сжаты съ боковъ, какъ у собакъ. Этому промежуточному положенію соответствуетъ и характеръ гепардовъ: выраженіе лица у нихъ еще кошачье, но собачья доброта выражается уже въ ихъ глазахъ, которые глядятъ кротко и добродушно.

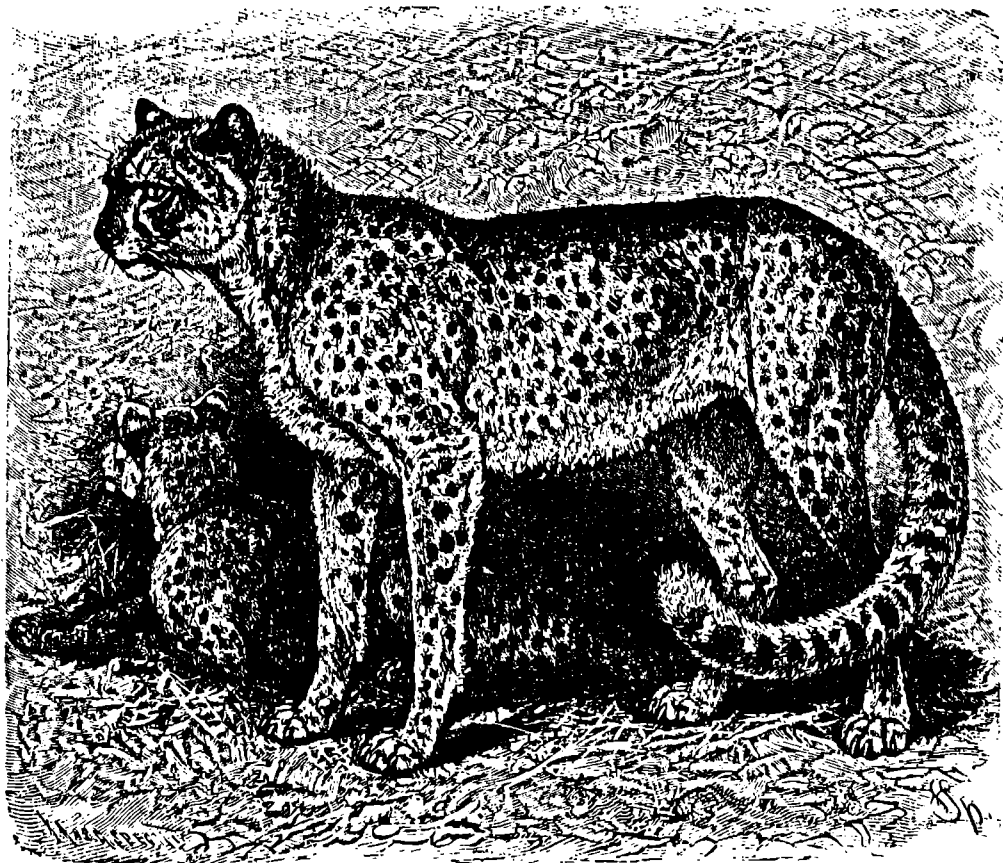
Современное состояніе нашихъ свѣдѣній не даетъ еще намъ права рѣшить, можно-ли гепардовъ раздѣлить на нѣсколько видовъ. Нѣкоторые изслѣдователи принимаютъ безъ колебанія, что африканскіе и азиатскіе охотничьи леопарды принадлежатъ къ одному виду; другіе различаютъ слѣдующіе виды: Чита или Азиатскій гепардъ, котораго въ Индіи зовутъ также Лаггаръ и Сивунги, а въ Персіи Юсъпалангъ (*Cynailurus jubatus*, *Felis* и *Geparda jubata*, Asiatischer Gepard, Guerard d'Asie); Фаххадъ, или африканскій охотничій леопардъ, котораго каффы зовутъ Нгулуле, а гереро—Онгуириро (*Cynailurus guttatus*, *Felis* и *Geparda guttata*, Afrikanischer Gepard); Крапчатый гепардъ (*Cynailurus soemmerringii*, Tüpfelgepard); Шерстистый гепардъ (*Cynailurus lanens*, Wolliger Gepard). Рѣшеніе этихъ спорныхъ вопросовъ не имѣетъ для насъ никакого значенія, такъ какъ образъ жизни.

правы и привычки всѣхъ охотничьихъ леопардовъ въ главныхъ чертахъ повидимому одни и тѣ-же. Чита очень тонка и худощава, ноги ея горадо выше, чѣмъ у настоящихъ кошекъ, голова мала и скорѣе вытянута какъ у собакъ, чѣмъ округлена какъ у кошекъ; уши широки и невелики, глаза отличаются круглымъ арачкомъ, мѣхъ довольно длиненъ и взерошенъ, особенно на спинѣ; основной цвѣтъ мѣха очень свѣтлый желтовато-сѣрый; на этомъ фонѣ находятся черныя и бурныя пятна, которыя на спинѣ тѣсно сближены и даже почти сливаются между собою, продолжаютъ и на брюхѣ и даже отчасти покрываютъ и хвостъ, такъ какъ лишь къ концу его соединяются между собою въ кольца. Длина тѣла читы достигаетъ, по Жердону, 187 см., длина хвоста 76 см., вышина у загривка 76 — 84 см. У фаххада почти вовсе нѣтъ гривы на шеѣ; основной цвѣтъ его тѣла почти оранжево-желтый, но брюхо бѣлое и безъ пятенъ; пятна тоже нѣсколько отличаются, а конецъ хвоста не черный, а бѣлый. Крапчатый гепардъ отличается отъ фаххада нѣсколько болѣе темнымъ основнымъ цвѣтомъ и болѣе мелкими пятнами, а также, по Ноаку, очень большой гривой на шеѣ и длинными волосами на темени. Шерстистый гепардъ отличается толстымъ тѣломъ и ногами, темно-чалыми пятнами на свѣтло-рыжемъ фонѣ и одноцвѣтной головою.

Чита водится во всей юго-западной Азии, а если, согласно Ноаку, соединить съ нею въ одинъ видъ и крапчатого гепарда, то по крайней мѣрѣ еще и въ сѣверо-восточной Африкѣ. «Охотничій леопардъ», пишетъ намъ А. Вальтеръ, «обыкновененъ въ Персїи, Туркмени и Туркестанѣ. Постоянной сѣверо-западной границей его служитъ восточный берегъ Каспійскаго моря и сѣверная часть Усть-Урта между Аральскимъ и Каспійскимъ морями. Горы и лѣса сѣверо-западной Персїи преграждаютъ ему доступъ въ Закавказье». Онъ встрѣчается въ большей части Индостана, но, по словамъ Бланфорда не сѣвернѣе Ганга; навѣрно онъ не встрѣчается также на Малабарскомъ берегу; по Сапдерсону, его почти не знаютъ уже въ Майсурѣ. Жердонъ сильно сомнѣвается, чтобы онъ встрѣчался на Цейлонѣ. Чита настоящее степное животное, которое должно добывать себѣ пищу болѣе быстрою, чѣмъ силой. Соответственно своему виду, среднему между собакой и кошкой, и движенія гепарда существенно отличаются отъ движеній кошекъ. Правда, онъ умѣетъ еще ползти, плотно прижавшись къ землѣ и совершенно согнуть длинныя ноги; но и это онъ дѣлаетъ скорѣе по-лисы или волчьи, чѣмъ по-кошачьи. По сравненію съ кошкой гепардъ ступаетъ твердо и дѣлаетъ большіе шаги. Если онъ ускоряетъ свое движеніе, то бѣжитъ какъ борзая собака; ее онъ напоминаетъ тогда, когда дѣлаетъ большіе прыжки, такъ какъ онъ не только дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ и затѣмъ останавливается, но иногда прыжками передвигается на большихъ протяженіяхъ. Одной способностью, свойственной большинству кошекъ, онъ не обладаетъ вовсе: онъ не въ состояніи лазать и если ему надо добраться до высокоаго предмета, то ему приходится ограничиваться однимъ, правда, относительно очень большимъ прыжкомъ. Умѣетъ ли онъ также плавать, объ этомъ нѣтъ указаній ни у одного наблюдателя. Голосъ его тоже представляетъ нѣчто совершенно своеобразное. Гепардъ подолгу мурлыкаетъ какъ домашняя кошка, только нѣсколько грубѣе и глубже; въ раздраженіи онъ фыркаетъ какъ его родичи, также свирѣпо щелкаетъ зубами и издаетъ при этомъ глухое, не передаваемое ворчаніе, но кромѣ того издаетъ еще совершенно своеобразныя жалобныя звуки, которые Блейтъ сравниваетъ съ бляніемъ козы.

Пища охотничьяго леопарда состоитъ главнымъ образомъ изъ жвачныхъ средней и малой величины, которыя водятся на его родинѣ; ими онъ умѣетъ овладѣвать очень ловко. Любимѣйшую добычу его составляютъ антилопы; онъ и встрѣ-

чается чаще всего по близости тѣхъ мѣстъ, которыя онѣ предпочитаютъ. Обыкновенно онѣ живутъ между скалъ на невысокихъ холмахъ. Знатоки согласны между собою, что на несличкомъ большихъ разстояніяхъ чита самое быстрое изъ всѣхъ млекопитающихъ. Но она пользуется и хитростью, чтобы добраться до своей добычи. Замѣтивъ стадо пасущихся антилопъ или оленей, она прижимается къ землѣ и ползаетъ, какъ змѣя, беззвучно, но быстро, чтобы скрыться отъ бдительныхъ глазъ добычи. При этомъ она обращаетъ вниманіе на всѣ ея особенности, никогда не под-

Чита. *Acinonyx jubatus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

крадывается съ наѣтренной стороны, лежитъ тихо и безъ движенія, какъ скоро почувжакъ стада поднимаетъ голову, чтобы осмотрѣться. Такимъ образомъ она подкрадывается какъ можно ближе, выбираетъ животное, стоящее удобнѣе всего, и съ общенной быстротою устремляется на него, гонится за бѣгущимъ, обыкновенно ударяя лапы по ногамъ сбиваетъ его на землю и хватается за горло. Если она может подкрасться лишь на разстояніе хорошаго ружейнаго выстрѣла, то и тогда, полагаясь на свою быстроту, не колеблется преслѣдовать бѣгущую жертву. Мастеръ рассказываетъ, какъ очевидецъ, что одна чита, которая могла незамѣтно приблизиться къ антилопѣ лишь на 200 шаговъ, тѣмъ не менѣе догнала и свалила ее на протяженіи менѣе 500 шаговъ. Тотъ же зоологъ и Бальвинъ рассказываютъ,

на основаніи собственнаго опыта, что охотничій леопардъ, вначалѣ быстрый какъ стрѣла, скоро устаетъ при болѣе продолжительномъ бѣгѣ, и лошадь скоро догоняетъ его. Онъ старается тогда спрятаться и лишь рѣдко оказываетъ серьезное сопротивленіе, когда всадники колятъ его съ сѣдла копьями.

Эта прирожденная хитрость и способность къ охотѣ должна была поразить наблюдательныхъ обитателей его родины и побудить ихъ къ попыткѣ воспользоваться для себя охотничьимъ искусствомъ этого животнаго. Съ помощью простой дрессировки охотничій леопардъ становится прекраснымъ охотничьимъ животнымъ, которое въ своемъ родѣ едва ли уступаетъ благородному соколу. Во всей Ост-Индіи его всюду считаютъ прекраснымъ помощникомъ на охотѣ. Шахъ Персидскій получаетъ охотничьихъ леопардовъ изъ Аравіи и держитъ въ особомъ домѣ. Иосифъ Барбаро видѣлъ въ 1474 г. у князя Арменіи 100 штукъ охотничьихъ леопардовъ. Въ Европѣ тоже употребляли гепарда для охоты. Высокоученный докторъ Кунратъ Геснеръ слышалъ отъ кого-то, «что король Франціи держалъ леопардовъ двухъ родовъ, которые отличались лишь величиною. Большой былъ величиною съ теленка, но нѣсколько ниже и зато длиннѣе, меньшій же имѣлъ размѣры собаки. Иногда, когда король хотѣлъ потѣшиться, сторожъ бралъ на охоту меньшаго леопарда, привязаннаго на цѣпь, сажая его сзади, на подушкѣ, на лошади; его спускали съ цѣпи и пускали передъ нимъ зайца, котораго онъ тотчасъ ловилъ нѣсколькими большими прыжками и разрывалъ на части. Когда же охотникъ или сторожъ снова хотѣлъ привязать леопарда, онъ подходилъ къ нему задомъ, чтобы леопардъ не могъ видѣть его лица, предлагалъ ему кусочекъ мяса, просовывая его между ногами и этимъ задобривалъ его, потомъ привязывалъ на цѣпь, гладилъ и отводилъ къ лошади, на которую онъ самъ безъ труда вспрыгивалъ и занималъ свое мѣсто.» Что это описаніе можетъ относиться лишь къ гепарду, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Леопольдъ I, императоръ Германскій, получилъ въ подарокъ отъ турецкаго султана двухъ дрессированныхъ гепардовъ, съ которыми часто охотился. Монгольскіе ханы отличались такою роскошью по отношенію къ описываемымъ животнымъ, что часто брали съ собою на большія охоты до 1000 штукъ. Еще и теперь своры гепардовъ у нѣкоторыхъ туземныхъ князей Индіи требуютъ, говорятъ, не малыхъ издержекъ. Особые люди занимаются ихъ дрессировкой и самое употребленіе ихъ на охотѣ предполагаетъ присутствіе очень опытныхъ охотниковъ, которые занимаютъ приблизительно такое же почетное положеніе, какъ наши прежніе сокольниковы: можно думать поэтому, что это охотничье удовольствіе стоитъ недешево.

Гейглингъ подтверждаетъ указанія старыхъ путешественниковъ, что гепарда въ прежнее время дрессировали для охоты и въ Абиссиніи, а Гартманъ указываетъ на вѣрность извѣстнаго изображенія алжирскаго бедуина съ ручнымъ гепардомъ, котораго онъ собирается спустить на пасущееся вдали стадо газелей. Фонъ-деръ-Деккенъ тоже увѣрялъ меня, что видѣлъ у арабовъ сѣверной Сахары ручныхъ и обученныхъ охотничьихъ леопардовъ. Въ сѣверо-восточной Африкѣ, по моимъ указаніямъ и наблюденіямъ другихъ путешественниковъ, это животное въ настоящее время не употребляется болѣе для охоты.

Въ Индіи гепарду для такой охоты завязываютъ глаза, держатъ его на привязи на тонкой веревкѣ и кладутъ на легкую двухколесную телѣгу, какія употребляются въ этой странѣ. Затѣмъ отправляются въ тѣ мѣста, гдѣ водятся олени или антилопы и стараются приблизиться насколько возможно къ какому-нибудь стаду. Какъ обыкновенно, даже самыя пугливыя животныя гораздо ближе подпускаютъ телѣгу, чѣмъ пѣшеходовъ, поэтому можно подѣхать съ гепардомъ къ стаду шаговъ на 200

или 300. Какъ скоро охотники достаточно приблизились, они снимають съ читы повязку и очень выразительными жестами и тихимъ поддускиваніемъ обращаютъ ея вниманіе на добычу. Едва это животное увидитъ добычу, какъ въ немъ появляется инстинктивная страсть къ охотѣ и обнаруживается во всей полнотѣ его естественная хитрость. Изящно, невидимо и неслышно выползаетъ гепардъ изъ тѣлѣги, осторожно подкрадывается къ стаду, пока оно не обращается въ бѣгство или онъ самъ не будетъ увѣренъ въ успѣшности ловли. Если нападеніе удастся, то гепардъ схватываетъ добычу за горло и валитъ на землю. Хозяинъ подбѣгаетъ, перерѣзываетъ добычѣ горло, собираетъ вытекающую кровь въ деревянный сосудъ, даетъ ее читѣ и снова завязываетъ ей глаза. Впрочемъ, по наблюденіямъ Винья (Vigne) и Гамильтона, вовсе не всѣ читы подкрадываются къ своей добычѣ; нѣкоторыя прямо гонятся за ней, приравливая свои движенія къ движеніямъ преслѣдуемаго животнаго, подобно ему идутъ рысью или галопомъ, пока не рѣшатся наконецъ начать нападеніе. Болѣе 500 шаговъ не гонится повидимому и лучшая чита; большинство пробѣгаютъ лишь половину этого разстоянія, останавливаются ватѣмъ и въ крайнемъ возбужденіи ходятъ нѣсколько минутъ взадъ и впередъ, послѣ чего прислужникъ снова беретъ ихъ.

Не всегда удается добыть намѣченную добычу. Когда принцъ Уэльскій въ 1875—76 г. объѣзжалъ Индію, то ему конечно предоставили лучшихъ охотничьихъ леопардовъ и тѣмъ не менѣе были неудачныя охоты. Двѣ читы, спущенныя изъ тѣлѣги, правда, поймали по антилопѣ, но третья, которую подвезли къ стаду на 60 шаговъ, прекратила гонъ послѣ напраснаго преслѣдованія самца антилопы на разстояніи 500 шаговъ. Русселль, одинъ изъ спутниковъ принца, кратко описываетъ слѣдующую королевскую охоту. «Одна чита, спущенная на антилопу, вмѣсто нея погналась за собакой. Собака обернулась, и чита обратилась въ бѣгство. Рысь (вѣроятно каракал) была натравлена на лисицу, но эта послѣдняя выказала свою храбрость и собиралась дать отпоръ рыси, однако въ концѣ концовъ рысь и лисица посмотрѣли другъ на друга и мирно разошлись. Даже выпущенныхъ зайцевъ рыси не всегда хотѣли преслѣдовать; напротивъ, соколы по всѣмъ правиламъ искусства убивали каждаго зайца, на которыхъ ихъ выпускали».

Должно казаться очень страннымъ, что извѣстно крайне мало о жизни на свободѣ этой кошки, которую такъ часто приручаютъ; даже о ея размноженіи не извѣстно ничего. Я напрасно спрашивалъ объ этомъ даже номадовъ въ Африкѣ; эти люди, которые отлично знаютъ гепардовъ, могли сказать мнѣ только, что ихъ ловятъ силками и, несмотря на первоначальную дикость, приручаютъ въ короткое время. Стерндаль рассказываетъ нѣсколько больше о гепардахъ Индіи. По его словамъ, дѣтеныши, за исключеніемъ черной полоски на носу, чисто сѣраго цвѣта; однако можно уже ясно замѣтить будущія крапинки на носу, удаливъ верхніе волосы. Онъ говоритъ далѣе, и всѣ его товарищи по профессіи согласны съ нимъ, что никогда не воспитываютъ для охоты дѣтенышей, а ловятъ для этого лишь взрослыхъ животныхъ, такъ какъ, по мнѣнію индусовъ, дѣтеныши лишь при полной свободѣ и подъ руководствомъ старыхъ могутъ стать хорошими охотничьими животными. Наблюденія Жердона во всякомъ случаѣ говорятъ не противъ этого. Онъ удачно обучилъ охотѣ на добытыхъ для этой цѣли антилопахъ свою очень ручную читу, воспитанную съ юности, которая скоро стала своевольно нападать на овецъ и ословъ, причѣмъ часто терпѣла неудачи. Чита хотя и гналась за ними и догоняла убѣгавшую добычу, но не относилась къ охотѣ серьезно, не всегда сваливала преслѣдуемое животное и не крѣпко держала добычу. Можетъ быть ее и удалось бы приучить къ

этому, но ея хозяину пришлось прекратить воспитаніе, такъ какъ онѣ должны были уѣхать по служебнымъ дѣламъ.

По словамъ туземцевъ, чита наѣдается лишь разѣ въ три дня, но чрезмѣрно, и прячется тогда въ своемъ логовищѣ, чтобы спать и переваривать пищу. На третій день она отправляется къ опредѣленному дереву, куда приходятъ и другія животныя того же вида, чтобы здѣсь играть, царапать кожу и точить когти. Въ этомъ разсказѣ должна заключаться извѣстная доля правды, такъ какъ около такихъ, хорошо извѣстныхъ деревьевъ ее и ловятъ способомъ, который Стердаль описываетъ со словъ очевидца. Англійскій охотникъ сопровождалъ туземцевъ къ извѣстному дереву. Здѣсь въ окружности шаговъ на 12 было укрѣплено на землѣ на деревянныхъ гвоздяхъ множество петель, какія употребляются для ловли антилопъ. Затѣмъ охотники спрятались за ширмою изъ вѣтвей, поставленной на разстояніи 80 шаговъ; оттуда и стали внимательно караулить. Когда солнце стало садиться, на разстояніи около 500 шаговъ дѣйствительно показались четыре читы, которыя гонялись другъ за другомъ и играли между собою: двѣ большихъ и двѣ меньшихъ, вѣроятно одно семейство. Скоро онѣ подбѣжали къ дереву; обѣ большія находились далеко впереди и тотчасъ запутались лапами въ петляхъ. Туземцы подбѣжали, бросили попоны на головы пойманыхъ, связали имъ ноги и надѣли кожаные покрывала на головы, причемъ одинъ неловкій туземецъ былъ сильно укушенъ въ руку. Самка оказалась гораздо непокорнѣе самца. Пойманныхъ отвезли въ деревню на подбѣхавшихъ телѣгахъ, запряженныхъ быками. Здѣсь воспитаніе ихъ началось съ того, что женщины и дѣти изо дня въ день, смѣясь и болтая, находились около нихъ, чтобы прежде всего пріучить ихъ къ человѣческому голосу. Приблизительно черезъ 6 мѣсяцевъ онѣ годны для охоты и покупаются любителями за хорошую плату. Ихъ никогда не держатъ въ клеткахъ, а всегда, какъ собакъ, на привязи.

Что прирученіе не можетъ быть труднымъ, ясно для каждого, кто видѣлъ гепарда въ неволѣ. Я думаю, что скажу не слишкомъ много, утверждая, что во всемъ семействѣ кошечъ нѣтъ ни одного столь добродушнаго созданія, какъ охотничьи леопарды, и я сомнѣваюсь, чтобы какал-нибудь дикая кошка могла становиться столь же ручной. Добродушіе составляетъ основную черту характера этого животнаго. Привязанному гепарду вовсе и въ голову не приходитъ перегрызть тонкую веревку, посредствомъ которой онъ привязанъ. Никогда не вздумаетъ онъ причинить какой-нибудь вредъ тому, кто съ нимъ возится, и можно смѣло подходить къ нему, гладить его и ласкать. Онъ повидимому равнодушно принимаетъ такія ласки и самое большее, что начинаетъ учащеннѣе мурлыкать, чѣмъ обыкновенно. Пока не спать, онъ непрерывно мурлычетъ по-кошачьи, лишь нѣсколько ниже и громче. Часто онъ подолгу стоитъ неподвижно, мечтательно смотритъ въ одномъ направленіи и мурлычетъ съ довольнымъ видомъ. Въ такія мгновенія куры, голуби, воробьи, козы, овцы могутъ смѣло проходить мимо него: онъ не удостаиваетъ ихъ и взгляда. Только другія хищныя животныя нарушаютъ его задумчивость и добродушіе. Проскользнувшая мимо собака видимо возбуждаетъ его; мурлыканье мгновенно прекращается, онъ пристально всматривается въ собаку, которая обыкновенно бываетъ отчасти смущена, наостряетъ уши и пытается сдѣлать нѣсколько смѣлыхъ прыжковъ, чтобы догнать ее.

У меня былъ настолько ручной гепардъ, что я могъ водить его на веревкѣ и смѣло гулять съ нимъ по улицамъ. Пока ему приходилось имѣть дѣло съ одними только людьми, онъ всегда спокойно шелъ рядомъ со мною, не то было, если намъ встрѣчались собаки. Онъ каждый разъ обнаруживалъ при этомъ такое безпокойство, что

мнѣ пришло въ голову испытать разъ, что онъ станетъ дѣлать, если предоставить ему хотя ограниченную свободу. Я привязалъ его на веревку, длиною приблизительно въ 15 или 20 метровъ, слегка обвилъ ее вокругъ руки и локтя и повелъ его на прогулку. Два большихъ лѣнливыхъ пса встрѣтились намъ по дорогѣ. Джекъ, какъ я называлъ гепарда, сталъ съ удивленіемъ смотрѣть на нихъ, пересталъ добродушно ворчать и началъ обнаруживать нетерпѣніе; я взялъ веревку за конецъ и сбросилъ петлю на землю, чтобы предоставить ему свободу дѣйствій. Онъ мгновенно прилегъ къ землѣ и поползъ вышеописаннымъ образомъ къ собакамъ, которая съ своей стороны съ недоумѣніемъ и удивленіемъ смотрѣли на странное существо. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ собакамъ, тѣмъ становился возбужденнѣе, но въ то же время и осторожнѣе. Онъ скользилъ по землѣ; какъ змѣя. Наконецъ онъ нашель, что достаточно приблизился и тремя-четырьмя большими прыжками бросился на одну изъ собакъ, догнавъ ее. несмотря на то, что она пустилась въ бѣгство, и сбилъ лапами на землю. Онъ выполнилъ это совершенно своеобразнымъ способомъ; не вонзая когтей, онъ просто колотилъ собаку передними лапами, пока она не упала на землю. Бѣдный песъ перепугался до-смерти, увидѣвъ надъ собою кошачье лицо, и поднялъ жалобный вой; всѣ сосѣднія собаки всполошились и стали выть и лаять изъ состраданія; собралась густая толпа народа и мнѣ волей-неволей пришлось взять своего гепарда, не достигнувъ собственно цѣли, т. е. не увидѣвъ, что онъ сталъ-бы дѣлать съ собакой. За то на нашемъ дворѣ я устроилъ большой бой звѣрей, который вообще представляетъ для меня большой интересъ, въ чемъ я долженъ признаться къ своему стыду.

У меня былъ въ это время почти взрослый леопардъ, бѣшеное, въ высшей степени свирѣпое животное, можно сказать чортъ въ кошачьемъ образѣ, но его я описалъ уже выше. Цѣпь леопарда была удлинена съ помощью привязанной къ ней веревки и его выпустили изъ клѣтки на дворъ. Гепардъ съ своей стороны былъ не на привязи и могъ по желанію или вступить въ битву, или прекратить ее. Онъ былъ въ крайне добродушномъ настроеніи и особенно выразительно мурлыкалъ, когда я привелъ его туда. Но едва онъ увидѣлъ своего родича, какъ не только все добродушіе его исчезло, но и весь видъ преобразился. Глаза выступили изъ орбитъ, грива поднялась дыбомъ, онъ даже фыркалъ, чего я никогда не замѣчалъ въ другое время, и мужественно бросился на врага. Этотъ даль отпоръ и началась такая битва и фырканье, что мы, я долженъ сознаться, сами испугались. Леопардъ былъ скоро сбитъ на землю, но именно теперь онъ сталъ страшнѣе: Лежа на спинѣ, онъ рвалъ врага всѣми четырьмя лапами, но Джекъ не обращалъ вниманіе на боль, а продолжалъ мужественно кусать коварнаго леопарда и во всякомъ случаѣ одолѣлъ бы его, если бы я не прекратилъ эту битву. Два ведра воды, вылитыя на яростныхъ бойцевъ, тотчасъ прекратили битву. Оба были крайне озадачены; и леопардъ, мгновенно вспомнивъ о крайне ненавистныхъ ему купаньяхъ, несмотря на всю ярость и фырканье, счелъ за лучшее какъ можно скорѣе убѣжать въ клѣтку, которую тотчасъ же и заперли. Уже черезъ нѣсколько минутъ послѣ битвы Джекъ снова сталъ прежнимъ: онъ облизался, почистился и сталъ опять мурлыкать, какъ будто бы не случилось ничего особеннаго.

Какимъ ручнымъ, добродушнымъ и милымъ былъ мой Джекъ, видно изъ слѣдующаго: нѣсколько дамъ нѣмокъ, которыя были тогда въ Александріи, пришли посмотреть мое собраніе животныхъ, но не застали меня дома и такимъ образомъ я не могъ исполнить ихъ желанія. Я общалъ привести къ нимъ по крайней мѣрѣ нѣсколько своихъ животныхъ и разъ дѣйствительно, исполнилъ это, узнавъ, что всѣ дамы въ это время находились вмѣстѣ. На Джека я могъ вполне положиться.

Ведя его на веревкѣ, я пошелъ съ нимъ въ гости, успокоилъ испуганныхъ слугъ, которые видѣли, что я пришелъ со страшнымъ хищникомъ, и хотѣли поднять тревогу, а самъ спокойно поднялся во второй этажъ дома. Подойдя къ гостиной, я пріотворилъ дверь и попросилъ позволенія войти и ввести вмѣстѣ мою собаку. Это позволеніе было дано, и Джекъ, не торопясь, вошелъ въ комнату. Дамы громко вскрикнули при появленіи безобиднаго гостя и привели его этимъ въ крайнее удивленіе. Испуганныя женщины старались какъ можно скорѣе спастись и вспрыгнули на большой круглый столъ, стоявшій посрединѣ гостиной. Но это послужило лишь къ тому, что и Джекъ продѣлалъ то же самое, и не успѣли дамы опомниться, какъ онъ стоялъ между ними, крайне добродушно мурлыкая и доврѣчиво прижимался то къ одной, то къ другой. Страхъ дамъ скоро прошелъ; самая храбрая начала ласкать красивое животное и всѣ остальные скоро послѣдовали ея примѣру. Джекъ сталъ общимъ любимцемъ и, казалось, не мало гордился оказанною ему честью.

Шлегель рассказываетъ о гепардѣ, которому днемъ позволяли бѣгать на свободѣ и котораго привязывали лишь на ночь. Его любимое мѣсто, пока комнату топили, было около печки; онъ часто не оставлялъ этого мѣста до полудня, такъ что въ случаѣ надобности его приходилось тащить или уносить. При холодной или хотя бы прохладной погодѣ онъ заботливо старался не покидать комнату и грѣвшую его печь; оставлялъ онъ ее лишь на столько времени, сколько было нужно, чтобы не пачкать на полу, о чемъ онъ всегда заботился, распространяя это и на всѣ остальные помѣщенія въ домѣ. Когда наступалъ вечеръ, онъ добровольно позволялъ посадить себя на цѣль и даже самъ всовывалъ голову въ ошейникъ, который передъ нимъ держали. Онъ всегда прислушивался къ своему имени «Бетти», а позднѣе и къ другому, данному ему дѣтми. Къ дѣтямъ онъ былъ особенно привязанъ, всего болѣе къ одной пятилѣтней дѣвочкѣ, черезъ которую онъ часто перепрыгивалъ, играя, и притомъ съ такою легкостью, что часто дѣлалъ черезъ нее довольно высокій прыжокъ безъ разбѣга, присѣдая и скорчившись. Въ обращеніи со взрослыми онъ былъ серьезнѣе, сдержаннѣе; на другихъ животныхъ, на примѣръ, на собакъ и кошекъ, онъ не обращалъ вниманія. Лѣтомъ онъ охотно лежалъ на солнечной сторонѣ сада; на прогулкахъ, на которыя его хозяинъ бралъ съ собою, онъ забѣгалъ впередъ, какъ собака, возвращался назадъ, чтобы снова убѣжать впередъ, но не обнаруживалъ желанія охотиться и оставлялъ въ покоѣ встрѣчавшихся животныхъ. Въ воду онъ не шелъ никогда; если его обливали, то онъ дрожалъ какъ въ морозъ. Онъ былъ очень чистоплотенъ, заботливо облизывалъ себя и никогда не страдалъ отъ паразитовъ. Пища его состояла изъ варенаго мяса и молока съ хлѣбомъ.

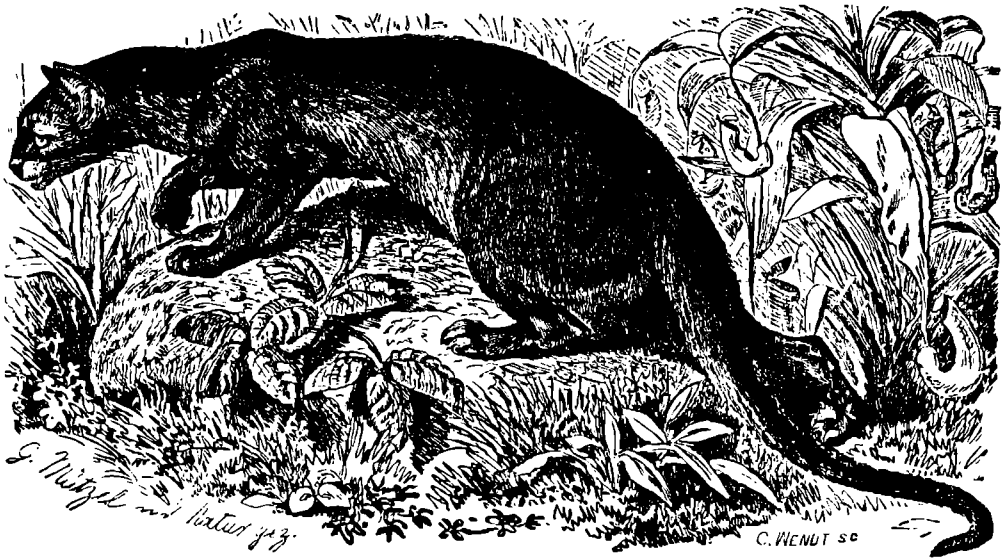
Сдѣлавшись старше, онъ сталъ болѣе избѣгать людей, главнымъ образомъ потому, что попалъ къ людямъ, которые его сильно дразнили; онъ издавалъ, если къ нему приближалась неприятная личность, вмѣсто добродушнаго мурлыканья, злобное ворчаніе, вспрыгивалъ, чтобы укрыться на высокія мѣста, иногда, на примѣръ, ничего не опрокинувъ, вскакивалъ на пюпитръ, сталъ золь по отношенію къ животнымъ, кусалъ собакъ и кошекъ, причемъ отъ первыхъ и самъ получалъ раны, разорвалъ платье служанки, пробовалъ даже укусить хозяина, такъ что отъ него пришлось отдѣлаться. Его испортило неумѣлое обращеніе.

Въ нашихъ зоологическихъ садахъ и звѣринцахъ гепардъ рѣдко держится долгое время. Онъ, правда, не болѣе требователенъ по отношенію къ пищѣ, но нѣжнѣе и менѣе выносливъ, чѣмъ другіе представители того же семейства, равные ему по величинѣ. При суровой погодѣ онъ очень страдаетъ, не менѣе терзается

онъ и въ маленькой клеткѣ. Тепло и возможность свободно двигаться составляютъ необходимыя условия его благосостоянія; но въ упомянутыхъ учрежденіяхъ это выполнить трудно. При столь неблагоприятныхъ условіяхъ онъ по большей части скоро хирѣетъ. Насколько мнѣ извѣстно, онъ еще не размножился въ Европѣ; изъ Индіи тоже нѣтъ извѣстій, чтобы читы размножались тамъ въ неволѣ.

* * *

Изслѣдованія Поллена и Шлегеля показали, что Фосса, которую до настоящаго времени причисляли къ семейству виверровыхъ подъ названіемъ сумчатого хорька, можетъ быть причислена къ кошкамъ, но должна считаться соединительнымъ звеномъ между ними и виверрами. Съ кошками фосса сходна по общему строенію, устройству морды и по довольно сильно втягивающимся когтямъ; съ виверрами—вытянутой формой тѣла, низкими ногами, короткими, яйцевидными ушами,

Фосса. *Cryptoprocta ferox*. 1/2 наст. вел.

длинными усами, замѣтно развитымъ железистымъ мѣшкомъ около заднепроходнаго отверстія, голыми ступнями и другими признаками. Черепъ длиннѣе и уже, чѣмъ у кошекъ, нижняя челюсть тоньше, промежутокъ между клыками и коренными зубами верхней челюсти и первый коренной зубъ больше, чѣмъ у кошекъ; въ нижней челюсти четыре коренныхъ зуба, а не три.

Фосса мадагаскарцевъ или хорьковая кошка, какъ мы можемъ называть ее, (*Cryptoprocta ferox*, *Fossa*, *Fretklatze*, *Fossane*) достигаетъ 1,5 метра общей длины, изъ которыхъ на хвостъ приходится 68 см., но очень низка, такъ какъ ноги имѣютъ лишь 15 см. вышины. Мѣхъ, состоящій изъ короткихъ, но густыхъ и нѣсколько жесткихъ волосъ, которые на головѣ и ногахъ кажутся какъ-бы подстриженными, красно-вато-желтаго цвѣта, темнѣе на спинѣ, такъ какъ здѣсь отдѣльные волосы покрыты бурными и блѣдно-желтыми кольцами; на ушахъ снаружи и внутри находятся болѣе свѣтлые волосы; усы частью чернаго, частью бѣлаго цвѣта; радужная оболочка сѣро-зеленовато-желтаго цвѣта и похожа на радужную оболочку домашней кошки.

Отечество хорьковой кошки—островъ Мадагаскаръ. Ее знаютъ здѣсь по жизни животныхъ, вѣра. т. 1.

всюду, боятся до смѣшного, утверждаютъ, что она нападаетъ даже на человѣка и рассказываютъ множество басенъ, въ которыхъ она играетъ значительную роль. О жизни ея на свободѣ мы не имѣемъ еще достаточныхъ свѣдѣній, такъ какъ до сихъ поръ ни одинъ европеецъ хорошенъко ее не наблюдалъ, и даже Полленъ передалъ главнымъ образомъ рассказы туземцевъ. По словамъ мадагаскарцевъ, фосса, кромѣ времени спариванія, живетъ по одиночкѣ въ лѣсахъ, усердно посѣщаетъ дворы, чтобы красть куръ, и настолько же отличается силой, насколько и кровожадностью. Обыкновенно она живетъ на землѣ, но иногда взбирается, какъ говорятъ, на деревья и ревностно охотится здѣсь за полуобезьянами, такъ какъ особенно любитъ мясо этихъ животныхъ. Во время спариванія попадаетъ, говорятъ, 4—8 фоссъ вмѣстѣ, которыя въ этомъ случаѣ, по крайне сомнительнымъ рассказамъ туземцевъ, безъ колебанія нападаютъ на человѣка. Сошедшаяся пара совокупляется какъ собаки, и долгое время остается тѣсно соединенной. Кромѣ того говорятъ, что фосса гаситъ огонь, царапая землю лапами, что она, желая добыть куръ, распространяетъ вокругъ курятника ужасное зловоніе, отъ котораго куры погибаютъ, и т. п. Во всякомъ случаѣ она представляетъ собою опаснаго врага домашнихъ птицъ, такъ какъ убитый Полленомъ самецъ, «хищникъ перваго разряда», въ короткое время утащилъ 1 индюка, 3 гусей и около 20 куръ. По увѣренію огорченнаго хозяина упомянутыхъ птицъ, фосса не довольствуется такою добычею, а при случаѣ нападаетъ также на поросятъ и другихъ домашнихъ животныхъ и умерщвляетъ ихъ. Нечего удивляться, что мадагаскарцы жестоко ненавидятъ ее и по возможности истребляютъ и даже мучатъ передъ смертью.

Охота на нее не особенно трудна. Когда Полленъ объявилъ нѣсколькимъ мадагаскарскимъ охотникамъ о своемъ желаніи убить фоссу, то они свели его до восхода луны въ чащу, по близости отъ незадолго до того ограбленнаго села, и привадили фоссу изъ ея убѣжища съ помощью пѣтуха, котораго заставляли пѣть и хлопать, дергая за веревку, привязанную къ его ногѣ. Черезъ полчаса, въ теченіе котораго пѣтухъ кричалъ во всю глотку, вдали послышалось ворчаніе, похожее на собачье, и скоро послѣ того стали видны двѣ тѣни, скользяшія по травѣ. Подойдя нѣсколько ближе, хищники остановились и стали прислушиваться, такъ что Поллену пришлось съ своей стороны подползти къ нимъ, чтобы приблизиться на выстрѣлъ.

О смѣшномъ страхѣ мадагаскарцевъ передъ фоссой нашъ сотоварищъ рассказываетъ забавную исторію. Цудсе, туземецъ-охотникъ Поллена, встрѣтилъ фоссу, которая при его появленіи выразила фыркальемъ свое удивленіе. Вмѣсто того, чтобы пойти на ненавистнаго врага, перепуганный охотникъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, бросилъ ружье, взлѣзъ на дерево и остался на безопасныхъ вѣтвяхъ, пока фосса не скрылась въ ближайшемъ куствѣ.

Туземцы ѣдятъ мясо фоссъ и очень цѣнятъ его за вкусъ.

* *
*

Представители семейства виверровыхъ (*Viverridae*. *Schleichkatzen*. *Civettes*) отличаются отъ кошекъ своимъ вытянутымъ въ длину, тонкимъ и округленнымъ тѣломъ на короткихъ ногахъ, длинной тонкой шеей и вытянутой головой, а также почти всегда длиннымъ, по большей части висячимъ хвостомъ. Глаза обыкновенно малы; уши то больше, то меньше, ноги четырехъ-или пятипалыя, когти у многихъ втяжные. Около заднепроходнаго отверстія находятся двѣ или нѣсколько железъ, выдѣляющихъ особыя жидкости, рѣдко пахнушія пріятно. Иногда эти жидкости скопляются въ особомъ железистомъ мѣшкѣ.

Въ общемъ виверровыя похожи на нашихъ куницъ, которыхъ онѣ замѣняютъ въ южныхъ странахъ Старога Свѣта. Съ другой стороны многія изъ нихъ напоминаютъ кошекъ и даже медвѣдей, и можно сказать, что онѣ представляютъ собою группу, близкую къ первоначальной формѣ хищниковъ. Отъ куницъ онѣ отличаются главнымъ образомъ тѣмъ, что зубы ихъ снабжены болѣе острымъ краемъ и остроконечіемъ, и что въ каждой половинѣ челюсти находится по два настоящихъ коренныхъ зуба. И тѣ, и другія обладаютъ настоящей зубной системой хищниковъ съ большими тонкими острыми клыками, мелкими рѣзцами и зубчатыми, острыми ложно-коренными и настоящими коренными зубами. У виверръ насчитывается 36 или 40 зубовъ, именно: по 6 рѣзцовъ сверху и снизу и по 1 клыку, 3 или 4 ложно-коренныхъ и 2 настоящихъ коренныхъ зуба въ каждой половинѣ челюсти. Черепъ вытянутъ, бровные гребни лобной кости сильно развиты, скуловые кости отстоятъ мало.

Виверръ вовсе нѣтъ въ Австраліи, за исключеніемъ единственнаго американскаго вида, мѣсто котораго въ семействѣ еще сомнительно, виверры живутъ въ южной части Старога Свѣта и слѣдовательно главнымъ образомъ въ Африкѣ и въ Южной Азіи. Въ Европѣ водятся три вида изъ этого семейства исключительно въ странахъ, прилежащихъ къ Средиземному морю, одинъ видъ лишь въ Испаніи. Виверры появились на земной поверхности уже въ первобытныя времена. Въ современномъ мірѣ онѣ отличаются, подобно куницамъ, большимъ разнообразіемъ формъ, и притомъ на гораздо меньшемъ пространствѣ, чѣмъ послѣднія. Мѣста, въ которыхъ онѣ живутъ, такъ же разнообразны, какъ и онѣ сами. Нѣкоторыя живутъ въ безплодныхъ высокихъ сухихъ мѣстностяхъ, въ пустыняхъ, степяхъ, на горахъ или въ небольшихъ лѣсахъ областей Африки, рѣдко орошаемыхъ дождемъ и Азіатскихъ плоскогорій, другія предпочитаютъ плодороднѣйшія низменности, и особенно берега рѣкъ или чащи тростниковъ, всѣмъ другимъ мѣстамъ; одни приближаются къ человѣческимъ поселеніямъ, другія боязливо прячутся во мракѣ самыхъ густыхъ лѣсовъ; одни живутъ на деревьяхъ, другія держатся исключительно на землѣ. Расщелины скалъ и ущелья, дупла деревьевъ и норы въ землѣ, выкопанныя ими самими, или лишь занятыя ими, густые кустарники и т. п. составляютъ мѣста, гдѣ онѣ живутъ и отдыхаютъ опредѣленное время дня.

Большею частью виверры ночныя животныя, но многія бѣгаютъ и днемъ, причемъ, за исключеніемъ времени около полудня, бродятъ и охотятся, пока солнце остается на небѣ, а послѣ заката возвращаются въ свои логовища. Лишь очень немногихъ можно назвать лѣнливыми, медлительными и нѣсколько неповоротливыми; большая часть по быстротѣ и живости не уступаетъ родственнымъ хищникамъ. Нѣкоторые роды извѣстны какъ настоящія пальцеходящія животныя, другія при ходьбѣ ступаютъ всею ступнею; нѣкоторые виды лазаютъ, большинство живетъ лишь на землѣ. Ни одна виверра не живетъ преимущественно въ водѣ. Дневная жизнь и предпочтеніе къ жизни на землѣ отличаютъ виверръ отъ куницъ, съ которыми онѣ во многихъ отношеніяхъ сходны; еще болѣе отличаются другъ отъ друга обѣ группы по своему характеру. Куницы, какъ извѣстно, безпокойныя, непостоянныя животныя, которыя, придя въ движеніе, едва ли могутъ пробыть минуту въ одномъ и томъ же положеніи или даже на одномъ мѣстѣ; напротивъ, онѣ непрерывно бѣгаютъ взадъ и впередъ, лазаютъ, плаваютъ, дѣлаютъ повидимому безцѣльныя движенія и все, что дѣлаютъ, выполняютъ съ почти неразумной торопливостью: виверры точно такъ-же подвижны, многія изъ нихъ покрайней мѣрѣ такъ-же ловки, но нравъ ихъ совершенно иной. Извѣстная осмотрительность замѣтна въ нихъ при всякихъ обстоятельствахъ. Несмотря на все проворство, ихъ движенія болѣе равномерны и обдуманны, а потому и болѣе привлекательны, чѣмъ

движенія куницъ. Пальма первенства по отношенію къ подвижности принадлежитъ генеттамъ. Едва ли есть другія млекопитающія, которыя бы съ такимъ совершенствомъ змѣеобразно скользили по землѣ, какъ мелкіе тонкіе виды этой группы. Такіе-же гибкіе, какъ онѣ, подвижныя и тоже проворныя въ случаѣ надобности страннохвосты (*Paradoxurus*), ходятъ однако совершенно иначе. Они болѣе всего заслуживаютъ данное мною этому семейству названіе «крадущихся кошекъ» (*Schleichkatzen*), такъ какъ ни одинъ извѣстный мнѣ представитель ихъ отряда не крадется такъ осмотрительно и осторожно. Быстрота, съ которою они прыгаютъ на добычу, стоитъ въ странномъ противорѣчьи съ медленностью ихъ обыкновенной походки. Иначе движутся дневныя животныя этого семейства—мангусты. Ноги ихъ короче, чѣмъ у всѣхъ родственныхъ формъ; тѣло при ходьбѣ почти волочится по землѣ, а волосы по бокамъ тѣла дѣйствительно касаются ея; но онѣ не крадутся, а торопливо бѣгутъ рысью, дѣлая необыкновенно скорые шаги, и могутъ бѣжать иногда очень быстрымъ подпрыгивающимъ галопомъ. Онѣ тоже неугомонны, но не легкомысленны: на своемъ пути онѣ изслѣдуютъ все, но дѣлаютъ это съ извѣстною послѣдовательностью: онѣ идутъ своимъ путемъ и мало уклоняются отъ принятаго разъ направленія. Движенія ихъ болѣе странны, чѣмъ привлекательны; они не вызываютъ удивленіе, но бросаются въ глаза, такъ какъ у другихъ млекопитающихъ ничего подобнаго не замѣчается. Впрочемъ, въ случаѣ надобности мангусты тоже обнаруживаютъ быстроту, приводящую въ крайнее удивленіе.

Изъ чувствъ у всѣхъ виверровыхъ вѣроятно стоитъ на первомъ мѣстѣ обоняніе. Онѣ чуютъ, какъ собаки, обнюхиваютъ каждый предметъ, попадающійся имъ на пути, и знакомятъ съ помощью носа съ тѣмъ, что имъ встрѣчается. Вторымъ чувствомъ по остротѣ можно считать зрѣніе. Глазъ у различныхъ группъ различнаго строенія: зрачекъ у однихъ круглый, у другихъ щелевидный. Яснѣе и умнѣе всего взглядъ мангусты, слабѣе всего глаза пальмовыхъ куницъ или страннохвостовъ (*Paradoxurus*). У нихъ при дневномъ свѣтѣ зрачекъ сокращается до степени узкой какъ волосъ щели, посреди которой находится отверстіе величиною едва съ просяное зерно; у мангустъ онъ почти круглый, у циветтъ продолговато-округленный. Первые извѣстны, какъ настоящія ночныя животныя; ихъ медленное крадущееся движеніе днемъ показываетъ, что онѣ бредутъ въ потьмахъ, какъ слѣпыя, и при полномъ свѣтѣ должны руководствоваться болѣе обоняніемъ и слухомъ, чѣмъ зрѣніемъ. Циветты вѣроятно видятъ днемъ такъ же хорошо, какъ ночью; мангусты несомнѣнно днемъ видятъ лучше всего и, какъ извѣстно по опыту, на большее разстояніе. Слухъ повидимому развитъ у различныхъ группъ довольно равномерно, но замѣтно тупѣе, чѣмъ оба вышеупомянутыхъ чувства. Преобладаетъ-ли у нихъ вкусъ надъ осязаніемъ, или наоборотъ, это надо оставить перѣшленнымъ. Какъ осязаніе собственно, такъ и чувствительность къ холоду обнаруживаютъ всѣ, а также и вкусъ, такъ какъ онѣ настоящія лакомки и очень любятъ всякаго рода сладости.

Понятливость виверровыхъ не слѣдуетъ ставить слишкомъ низко. Всѣ виды этого семейства, которыхъ я изучалъ на свободѣ или въ неволѣ, обнаруживаютъ много ума и способности къ усвоенію. Онѣ скоро оцѣниваютъ хорошее отношеніе къ нимъ, уже по прошествіи немногихъ дней отличаютъ своего хозяина отъ другихъ людей и выказываютъ своимъ поведеніемъ благодарность за уходъ. Соотвѣтственно этому поведеніе ихъ измѣняется смотря по обстоятельствамъ, и даже тѣ изъ нихъ, которыя сначала были дики и неукротимы, становятся въ короткое время ручными и уступчивыми, и идутъ на зовъ и уже въ первыя недѣли неволи довѣрчиво берутъ пищу изъ рукъ друзей. Мало животныхъ, съ которыми было-бы легче имѣть дѣло, которыя бы скорѣе приручались, чѣмъ виверровыя, и притомъ вовсе нельзя сказать,

чтобы прирученіе было лишь кажущимся, обусловливаемымъ болѣе равнодушіемъ, чѣмъ понятливостію: эти животныя въ неволѣ именно показываютъ, какъ хорошо они умѣютъ отличать людей доброжелательныхъ къ нимъ отъ остальныхъ. Они обваруживаютъ симпатію и антипатію, дружески и довѣрчиво идутъ къ тѣмъ, кто съ ними хорошо обращается; тѣхъ же, кто сдѣлалъ имъ какую нибудь непріятность, они или боязливо избѣгаютъ, или стараются имъ при случаѣ отомстить по мѣрѣ силъ и возможности. По отношенію къ другимъ животнымъ они ведутъ себя очень различно. Принадлежація къ одному виду живутъ по большей части между собою въ мирѣ, принадлежація къ разнымъ видамъ яростно нападаютъ другъ на друга и жестоко дерутся между собою. Даже чужимъ экземплярамъ того-же вида, посаженнымъ къ животнымъ, свыкшимся между собою, приходится сначала много терпѣть, при чемъ не всегда обращается вниманіе на различіе пола. Сверкающими глазами смотря поселившіеся на пришельца и, поднявъ шерсть дыбомъ, съ фырканьемъ или ужаснымъ крикомъ нападаютъ на него. Тутъ пускаются въ ходъ все преимущества, которыя одно животное имѣетъ надъ другимъ. Свившись въ клубокъ, бойцы съ бѣшеною быстротою катаются и вертятся по клѣткѣ; то одинъ изъ нихъ сверху, то другой, то они очутятся оба разомъ въ ящикѣ для спанья, то внѣ его. У одинаково сильныхъ такая битва не имѣетъ особенно важныхъ результатовъ, такъ какъ въ концѣ концовъ миръ наступаетъ, и именно тогда, когда появляется половое чувство; если же силы не равны, то болѣе слабый постоянно находится въ смертельной опасности. Настоящая дружба между этими животными рѣдка, но она встрѣчается. Такъ, я держалъ страннохвостовъ, которые были образцомъ нѣжныхъ супруговъ. дѣлали все сообща, одновременно показывались изъ своего ящика для спанья, ѣли одновременно и, почти не обнаруживая зависти, мило играли между собой, проявляли большую тоску при разлукѣ, и никогда не вступали съ другими въ ссоры и драку, между тѣмъ какъ у мангуствъ, вообще хорошо уживающихся между собою, рѣдко не бываетъ ссоръ.

Лишь виверры и страннохвосты распространяютъ замѣтный мускусный запахъ. Упомянутыя выше железы выдѣляютъ маслянистую или жирную, похожую на сало и сильно пахнущую массу, которая поступаетъ въ железистый мѣшокъ, отъ времени до времени выпораживается оттуда и, какъ кажется, находится въ связи съ половую дѣятельностью. Утверждали, что въ замкнутыхъ пространствахъ этотъ запахъ можетъ становиться невыносимымъ и вызывать головную боль и тошноту; на тѣхъ животныхъ, которыхъ я держалъ, я этого не наблюдалъ. Вонь, распространяемая кунницами, или едва ли менѣе непріятныя испаренія волковъ и шакаловъ гораздо невыносимѣе, чѣмъ запахъ, издаваемый виверрами. Клѣтка съ нѣсколькими экземплярами этихъ животныхъ, стоящая на открытомъ воздухѣ, распространяетъ даже настоящей благоуханіе, такъ какъ царымъ мускуса здѣсь скорѣе улетучиваются. Усиленія и ослабленія запаха я не наблюдалъ.

Какъ и у остальныхъ хищниковъ, число дѣтенышей колеблется у виверровыхъ довольно значительно, насколько извѣстно, отъ одного до шести. Матери чрезвычайно нѣжно любятъ свое потомство, а у одного вида, а можетъ быть и у другихъ я отецъ принимаетъ участіе въ дѣлѣ воспитанія. Дѣтенышей вообще легко приручить, и они въ этомъ случаѣ бываютъ такъ-же довѣрчивы и добродушны, какъ старшіе злы, дики и строитивы. Они хорошо выживаютъ въ неволѣ и поэтому въ нѣкоторыхъ странахъ держатъ во множествѣ извѣстные виды, чтобы легче добывать ихъ драгоцѣнное выдѣленіе железъ. Другіе виды съ успѣхомъ употребляются для ловли мышей и крысъ. Пища всѣхъ видовъ въ неволѣ состоитъ изъ сырого мяса, молока съ хлѣбомъ и плодовъ. Последніе они, подобно большинству хищни-

ковъ, за исключеніемъ кошекъ, поѣдаютъ съ большою жадностью, и эта пища очень полезна для ихъ здоровья. Мнѣ кажется достойнымъ упоминанія, что виверровыя различно относятся къ косточкамъ плодовъ: пальмовыя куницы, которыхъ въ Индіи и на Зондскихъ островахъ ненавидятъ какъ нежелательныхъ посѣтителей садовъ и кофейныхъ плантацій, обыкновенно поѣдаютъ наши вишни вмѣстѣ съ косточками, между тѣмъ какъ всѣ остальные виды ѣдятъ лишь мякоть.

Виверровыя оказываются очень чувствительными къ вліянію погоды. Зимую ихъ переносятъ у насъ въ отопляемое или по крайней мѣрѣ закрытое помѣщеніе. Вообще же онѣ кромѣ чистоты не требуютъ никакого особеннаго ухода. Мягкая подстилка изъ сѣна, на которую онѣ свернувшись ложатся отдыхать, и удобное дерево для лазанія—вотъ все, что имъ нужно.

Въ общемъ приносимая ими польза вполне перевѣшиваетъ вредъ. На ихъ родинѣ грабежи, производимые ими, не такъ важны; тѣмъ болѣе признается польза, которую онѣ приносятъ, даже живя на свободѣ. Истребленіемъ вредныхъ животныхъ. Эта польза была причиной того, что въ глубокой древности одно изъ этихъ животныхъ было признано священнымъ умными египтянами и пользовалось общимъ почитаніемъ.

Мѣхъ и мясо мѣстами тоже идутъ въ дѣло. Въ торговлю правильно поступаетъ извѣстное, правда, небольшое, количество шкуръ генетты; мясо по словамъ Дорна, охотно ѣдятъ негры на Принцевыхъ островахъ, куда ввезена виверра.

* * *

Строгое подраздѣленіе виверровыхъ на подсемейства трудно провести. Самыми выдающимися представителями семейства являются съ одной стороны виверры, съ другой мангусты, первая съ втяжными когтями, вторая съ невтяжными. Мы начнемъ съ виверръ, затѣмъ перейдемъ къ остальнымъ виверровымъ съ втяжными когтями, потомъ обратимся къ мангустамъ и другимъ представителямъ семейства невооруженнымъ втяжными когтями, и такимъ образомъ будемъ слѣдовать обыкновенному дѣленію виверровыхъ на кошконогихъ (*Ailuropoda*) и собаконогихъ (*Cynopoda*).

* * *

Тѣло виверръ (*Viverra*) легко и вытянуто въ длину, повислый хвостъ длиненъ, ноги довольно длинны, нижняя сторона лапъ совершенно покрыта волосами, ноги пятипалыя съ полувтяжными когтями. Короткія широкія уши, умеренной величины глаза съ округленнымъ зрачкомъ, острая морда и носъ, мягкій мѣхъ и наконецъ очень развитый железистый мѣшокъ между ваднепроходнымъ отверстіемъ и половыми органами составляютъ остальные признаки рода.

Африканская циветта (*Viverra civetta*, *Zibetkatze*, *Civette*) ростомъ равняется приблизительно собакѣ средней величины, но имѣетъ болѣе кошачій видъ и по общему впечатлѣнію стоитъ между куницей и кошкой. Выпуклая, широкая голова съ нѣскольکو заостренной мордой, короткими, острыми ушами и косо прорѣзанными глазами съ круглымъ зрачкомъ. Тѣло вытянуто въ длину, но не особенно тонко, а, напротивъ, принадлежитъ къ числу самыхъ толстыхъ во всемъ семействѣ; хвостъ средней длины или равенъ по длинѣ приблизительно половинѣ тѣла; ноги средней длины и нижнія стороны лапъ совершенно покрыты волосами. Не особенно длинный мѣхъ густъ, грубъ и довольно рѣдокъ; грива тянется вдоль по средней линіи шеи и спины и замѣтна еще даже на хвостѣ; животное можетъ ее приподнимать. На красивомъ пепельно-сѣромъ, иногда нѣсколько желтоватомъ фонѣ выступаютъ многочисленныя круглыя и угловатыя черно-бурыя пятна, представляющія самое разнообразное расположеніе и величину; на бокахъ тѣла они

расположены то продольными, то поперечными рядами, а на бедрах образуют ясныя поперечныя полосы. Грива на спинѣ черно-бурого цвѣта, брюхо свѣтлѣе, чѣмъ верхняя сторона, а черныя пятна здѣсь менѣе рѣзко ограничены. Хвостъ, который еще у корня довольно густо усаженъ волосами, имѣетъ около 6—7 черныхъ колець и оканчивается черно-бурымъ кончикомъ. По сторонамъ шеи находится по длинному четырехугольному бѣлому пятну, которыя тинутся наискось сверху назадъ; сверху и сзади они ограничены черно-бурой полосой и часто раздѣлены черно-бурой полоской на двѣ равныя части. Носъ черный, морда на концѣ бѣлая, а посрединѣ передъ глазами свѣтло-бурая, между тѣмъ какъ цвѣтъ лобной и ушной области болѣе желтовато-бурый, а затылокъ за ушами еще свѣтлѣе. Большое черно-бурое пятно находится подъ каждымъ глазомъ и проходитъ по щекѣ къ горлу, занимая его почти

Африканская циветта. *Viverra civetta*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

цѣликомъ. Тѣло животнаго имѣетъ въ длину около 70 см., хвостъ 35 см., вышина у загривка 30 см.

Родина циветты—Африка и главнымъ образомъ западная часть ея, именно Верхняя и Нижняя Гвинея. Она встрѣчается и въ восточной Африкѣ, но лишь отдѣльными экземплярами; по крайней мѣрѣ она хорошо извѣстна суданцамъ подъ именемъ «собать». Въ нынѣшней Германской восточной Африкѣ она, судя по зоологическимъ замѣткамъ Р. Бема, обработаннымъ Паокомъ, повидимому обыкновенна, но ее рѣдко приходится видѣть. Бемъ получилъ въ срединѣ января дѣтеныша, родившагося за нѣсколько дней до того, а въ юнѣ—дѣтенышей, еще кормившихся молокомъ. Въ Гвинейѣ циветта живетъ, говорятъ, на бесплодныхъ плоскогоріяхъ и горахъ, скудно поросшихъ деревьями и кустами. Подобно большинству видовъ своего семейства она скорѣе ночное, чѣмъ дневное животное. Днемъ она спитъ, вечеромъ выходитъ за добычей и отыскиваетъ мелкиѣ млекопитающихъ и птицъ, которыхъ можетъ одолѣть, крадучись или заставъ ихъ врасплохъ. Говорятъ, что яйца птицъ составляютъ ея любимую пищу и что въ отыскиваніи гнѣздъ она обнаруживаетъ большое искусство и ради этой любимой пищи взбирается даже на деревья. Въ случаѣ нужды она поѣдаетъ и земноводныхъ и даже плоды, и корни. Это подтверж-

даютъ и наблюденія экспедиціи Гюссфельдта въ Лоанго, по которымъ оказывается, что эти животныя въ области Конго очень обыкновенны, но ихъ рѣдко случается видѣть.

Въ неволѣ ихъ держатъ въ особыхъ клѣвахъ или клѣткахъ и кормятъ мясомъ и особенно птицами. Если онѣ пойманы молодыми, то не только гораздо лучше переносятъ потерю свободы, чѣмъ пойманные старыми, но и становятся скоро очень ручными и довѣрчивыми. Уже Белонъ рассказываетъ, что у флорентинскаго посла въ Александрію была ручная циветта, которая играла съ людьми и щипала ихъ за носъ, уши и губы, не кусая ихъ, но прибавляетъ, что это очень большая рѣдкость и что это возможно лишь въ томъ случаѣ, если достать такое животное очень молодымъ. Пойманные старыми не легко приручаются, всегда остаются дикими и часто кусаются. Онѣ очень раздражительны и, будучи разсержены, горбятъ спину какъ кошки, поднимаютъ дыбомъ гриву и издають хриплый звукъ, нѣсколько похожій на ворчаніе собаки. Сильный запахъ мускуса, издаваемый циветтами въ неволѣ, дѣлаетъ ихъ едва выносимыми для слабонервныхъ людей. Въ парижскомъ Jardin des plantes одну циветту держали пять лѣтъ. Она всегда издавала запахъ мускуса. Если ее дразнили и она сердилась, то у нея выпадали изъ мѣшка маленькіе кусочки пахучей массы, обыкновенно же она опоражнивала мѣшокъ лишь черезъ 14—20 дней. На свободѣ животное для опоражниванія мѣшка трется о деревья и камни; въ клѣткѣ оно прижимаетъ его къ жердямъ. Благодаря этому мѣшку, человекъ и обратилъ вниманіе на циветту. Прежде цибетъ служилъ лекарственнымъ средствомъ; въ настоящее время онъ входитъ, какъ существенная составная часть, во многія благовонія.

Альципусъ видѣлъ въ Каирѣ циветтъ въ желѣзныхъ клѣткахъ у многихъ евреевъ. Имъ давали исключительно мясо, чтобы онѣ выдѣляли по возможности больше цибета и тѣмъ приносили хорошій доходъ. Въ его присутствіи выдавливали цибетъ; говорили, что одна драхма этого вещества стоитъ 4 дуката. Для той же цѣли животное это держали въ домахъ также въ Лиссабонѣ, Неаполѣ, Римѣ, Мантуѣ, Венеціи и Миланѣ, также въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи, а особенно въ Голландіи.

Для добыванія цибета животное крѣпко привязываютъ веревкой къ прутьямъ клѣтки, выворачиваютъ пальцами мѣшокъ и выжимаютъ содержимое железу черезъ многочисленныя выводныя протоки, открывающіеся въ сумку. Прилипающій къ пальцамъ, салообразный сокъ снимаютъ ложкой и смачиваютъ железистый мѣшокъ кокосовымъ молокомъ или молокомъ животныхъ, чтобы успокоить боль, причиняемую животному при выдавливаніи. Обыкновенно цибетъ берутъ два раза въ недѣлю и получаютъ при этомъ весьма различныя количества. Въ свѣжемъ состояніи онъ представляетъ бѣлую пѣну, которая затѣмъ бурѣетъ и нѣсколько теряетъ запахъ. Большая часть его поступаетъ въ продажу фальсифицированными, но и настоящій цибетъ долженъ подвергаться еще различной обработкѣ, прежде чѣмъ станетъ годнымъ для употребленія. Только-что добытый цибетъ смѣшавъ съ волосами и запахъ его такъ силенъ, что, провозившись съ нимъ лишь короткое время, чувствуешь дурноту. Чтобы очистить его, его намазываютъ на листья бетелла, вытаскиваютъ примѣшанные тонкіе волосы, обмываютъ его водою, моютъ затѣмъ лимоннымъ сокомъ и наконецъ сушатъ на солнцѣ. Затѣмъ его сохраняютъ въ оловянныхъ или жестяныхъ коробкахъ и въ такомъ видѣ пересылаютъ. Лучшимъ сортомъ считается цибетъ азіатской виверры и именно съ Буру, одного изъ Моллукскихъ острововъ. Яванскій цибетъ тоже считается лучше бенгальскаго и африканскаго. Однако все это зависитъ конечно лишь отъ того, до какой степени вещество это

очищено. Въ настоящее время торговля цибетомъ значительно упала, такъ какъ все болѣе и болѣе предпочитаютъ цибету мускусъ. Обыкновенно самцы доставляютъ меньше цибета, чѣмъ самки, но лучшаго качества. Чекки увѣряетъ, даже ссылаясь на слова тѣхъ, кто разводитъ ихъ въ Каффѣ, что только самцы доставляютъ цѣнный цибетъ, между тѣмъ какъ самки выдѣляютъ «довольно дурно пахнущую массу», почему ихъ даже и не ловятъ, а выпускаютъ, если онѣ случайно попадаютъ въ сѣти. Имъ отрѣзываютъ однако когти, чтобы другой разъ узнать ихъ по слѣдамъ».

По словамъ Чекки, который жилъ въ Каффѣ лѣтъ десять тому назадъ, тамъ ежегодно ловятъ до 200 виверръ, отыскивая по слѣдамъ ихъ убѣжища, обставляя его сѣтями и выгоняя обитателей шумомъ. Ихъ продаютъ на рынкѣ за пластинки олоя и стеклянные бусы, цѣнность около 40 коп. за животное. Наибольшее ко-

Азіатская цибетта. *Viverra zibetha*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

личество цибета животныя доставляютъ въ періодъ своего полного развитія. Ихъ содержатъ въ просторныхъ чистыхъ хижинахъ, въ такихъ узкихъ прямоугольныхъ клѣткахъ, чтобы они не могли въ нихъ повернуться. Къ передней сторонѣ клѣтки придѣлано корыто для корма, въ задней сторонѣ находится отверстіе, черезъ которое сторожа могутъ, не боясь укушенія, вынимать массу посредствомъ деревянной, смазанной масломъ, лопатки. Постороннему неохотно разрѣшаютъ входить въ это помѣщеніе, боясь, чтобы его взглядъ не помѣшалъ отдѣленію цибета. Содержатель долженъ заботиться объ обильной и подходящей пищѣ для животныхъ; обыкновенно имъ даютъ сырое или полусырое мясо, приготовленное съ масломъ, и муку, сваренную съ мяснымъ бульономъ. Помѣщеніе отапливается съ помощью жаровни, чтобы облегчить этимъ отдѣленіе желаемого вещества. Чекки говоритъ, что 100 виверръ сѣдаютъ въ 4 дня 6—7 быковъ. Промыселъ тѣмъ не менѣе оплачивается очень хорошо, такъ какъ одно животное даетъ черезъ 4 дня по 80—100 граммовъ цибета, цѣна котораго колеблется приблизительно отъ 1,8 до 6,7 ма-

рокъ, а быкъ стоитъ крупнымъ землевладѣльцамъ Каффы не болѣе 1,6—2,4 марокъ. Цибеть очень легко гниеть и портится при высокой температурѣ, почему его заботливо сохраняютъ въ сухихъ и прохладныхъ мѣстахъ. Его хранятъ обыкновенно въ бычачьихъ рогахъ и продаютъ, смотря по спросу, обусловленному временемъ года, за 1—3 пластинки соли, цѣною въ 0,6—1,8 марокъ за «вокитъ» или въсь талера, т. е. 27 граммовъ. Каффа такъ богата цибетомъ, что повышение цѣны не наступаетъ даже тогда, если въ одинъ день покупаютъ до 100 килогр. Главная масса вывозится на берегъ моря и на востокъ.

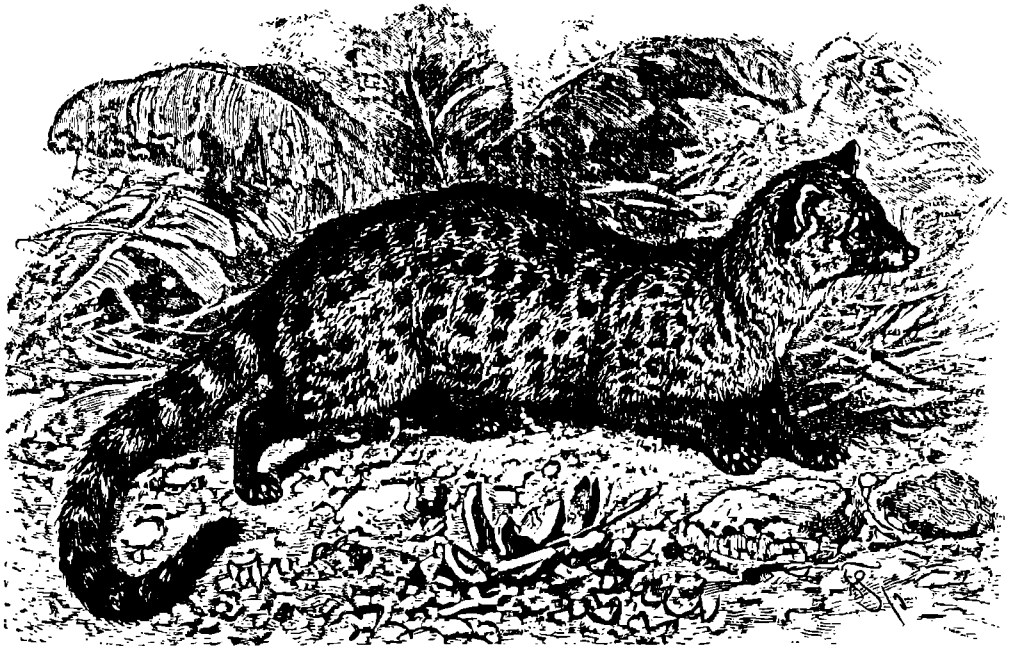
До настоящаго времени тщетно старались объяснить себѣ пользу этого железнстаго отдѣленія для животнаго. Что оно не пользуется цибетомъ такимъ же образомъ, какъ американская вонючка своимъ смраднымъ выдѣленіемъ, т. е. для устрашенія враговъ, это несомнѣнно. Возможно, что оно служитъ приманкой для животныхъ разнаго пола. Было-бы важно знать что-нибудь точное относительно образа жизни этого животнаго на свободѣ, но замѣчательно, что всѣ естественныя исторіи и отчеты о путешествіяхъ до крайности безосодержательны въ этомъ отношеніи и можно справедливо удивляться, что и неучены такъ мало обратили вниманія на столь замѣчательное и полезное животное. Самъ я имѣлъ мало возможности наблюдать африканскую виверру. Два дѣтеныша, которыхъ я держалъ, были тихи и скучны, спали цѣлый день, появлялись лишь поздно вечеромъ и уже до восхода солнца снова лежали въ своемъ гнѣздѣ. Во время драки одинъ изъ нихъ загрызъ своего товарища, но и самъ умеръ отъ полученныхъ при этомъ ранъ, къ сожалѣнію спустя немного дней послѣ приобрѣтенія мною обоихъ. Другія виверры, которыхъ я наблюдалъ позднѣе, не отличались существенно отъ нихъ по своимъ повадкамъ. Онѣ тоже спали весь день, если имъ не мѣшали, и появлялись лишь вечеромъ. Затѣмъ онѣ начинали безостановочно бѣгать мелкими скорыми шагами дѣлая быстрыя движенія всѣмъ тѣломъ, особенно головою и шейей, взадъ и впередъ по клѣткѣ, проявляя въ высокой степени свойственныя этому роду ловкость, быстроту и гибкость. Въ это время онѣ обнаруживали и сильный аппетитъ, между тѣмъ какъ днемъ часто не обращали вниманія даже на самыя лакомые кусочки. Живую добычу онѣ схватывали съ быстротою молніи, не тратя времени на подкрадываніе и другія ухищренія при нападеніи. Вѣрное укушеніе въ черепъ мгновенно убивало жертву, затѣмъ онѣ облизывали ея кровь и начинали ѣсть медленно и не торопясь. Голоса не приходилось слышать ни мнѣ, ни кому-либо изъ извѣстныхъ мнѣ наблюдателей. Разсерженныя онѣ громко и явственно ворчатъ по-кошачьи, въ гнѣвѣ ощетиниваютъ всѣ волосы. Въ лондонскомъ зоологическомъ саду циветты размножались.

* * *

Почти то же самое, что можно сказать объ африканской циветтѣ, относится и къ азіатской или настоящей циветтѣ, называемой въ Индіи Багдось, Бранъ, Кхатась (*Viverra zibetha*, *Meles zibethica*, *Viverra undulata*, *civetoides*, *melanurus* и *orientalis*, *Asiatische Zibethkatze*, *Zibeth.*), которую долгое время считали разновидностью африканскаго вида. Однако она не только отличается отъ циветты окраской и рисункомъ, но представляетъ и различныя уклоненія по отношенію къ формѣ. Ея голова острѣе, тѣло тоньше, уши длиннѣе, чѣмъ у циветты и волоса нигдѣ не образуютъ гривы. Основной цвѣтъ темный буровато-желтый, на которомъ выступаетъ большое число густо расположенныхъ темно-рыжихъ пятенъ различной формы. На спинѣ эти пятна сливаются въ широкую черную полосу, на бокахъ они очень не рѣзки. Голова буроватаго цвѣта съ бѣлымъ; пятна на верхней губѣ и подъ глазами также бѣлыя. Горло и подбородокъ буроватыя, наружная сторона

ушей того-же цвѣта. Четыре черныя правильныя продольныя полосы пробѣгаютъ по шеѣ и одна отъ плеча внизъ къ шеѣ, которая впрочемъ у нѣкоторыхъ животныхъ имѣетъ желтовато-бѣлый цвѣтъ съ темными пятнами. Ноги буровато-рыжія, хвостъ имѣетъ черныя кончики и различное число болѣе или менѣе рѣзко ограниченныхъ колець. У взрослога животнаго длина тѣла равняется 80 см., длина хвоста 56 см. при вышинѣ у загривка въ 38 см.; вѣсъ его равенъ 8—12 килогр.

Азіатская виверра была широко распространена малайцами, которые называютъ ее Тангалонгъ, по фонъ-Розенбергу правильнѣе Тингалонгъ. Родина ея, по словамъ Блэнфорда, Бенгалія, Ассамъ, Бирма, южный Китай Сіамъ и Ма-

Расса. *Viverra malaccensis*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

лакскій полуостровъ. Въ Непалѣ и Сикимѣ она поднимается на Гималаяхъ до значительной высоты, встрѣчается можетъ быть и въ восточномъ Тибетѣ, напротивъ, на югъ и на западъ она распространена не много далѣ Бенгаліи, такъ какъ ея нѣтъ въ среднихъ провинціяхъ Декана. Виверра, встрѣчающаяся въ западной части южной Индіи, есть вѣроятно другой видъ (*V. civettina*) и, по словамъ Жердона, встрѣчается и на Цейлонѣ. Въ Бенгаліи циветта мечетъ въ маѣ и юнѣ 3—4 дѣтенышей, которые, по словамъ Ходжсона, рождаются вѣроятно съ открытыми глазами. Продолжительность беременности неизвѣстна.

Азіатская виверра живетъ вообще по одиночкѣ, днемъ прячется въ рощахъ, кустарникахъ и травянистыхъ чащахъ, а ночью бродитъ, посѣщаетъ нерѣдко жилища мѣста и крадетъ особенно куръ и утокъ. Вообще же она питается, какъ плодами и различными корнями, такъ и насѣкомыми, лягушками, змѣями, яйцами и всякими птицами и млекопитающими, которыхъ она можетъ одолѣть.

Въ новѣйшее время въ зоологическихъ садахъ часто можно видѣть еще одну viverru, рассу, называемую въ Индіи машнь-билла, гандха гональ, сайяръ на Цейлонѣ уралава (*Viverra malaccensis, indica, bengalensis, rasse, pallida, Viverricula malaccensis* и т. д.), представительницу установленнаго Грэмъ и Ходжсономъ подрода (*Viverricula, Zibethkätzchen*). Она значительно меньше, но съ болѣе длиннымъ хвостомъ, чѣмъ животныя, описанныя выше; длина ея тѣла равняется 60 см., длина хвоста нѣсколько менѣе, вѣсъ 2—3 килограмма. Ее отличаетъ очень узкая голова съ относительно большими ушами. Жесткій мѣхъ ея сѣро-желто-буроватаго цвѣта съ чернымъ и испещренъ рядами темныхъ пятенъ; хвостъ съ многочисленными кольцами.

Расса живетъ, за исключеніемъ странъ по Инду и западной части Радштуптана, отъ подножія Гималаевъ по всей Индіи, на Цейлонѣ, а также въ Ассамѣ, Бирмѣ, южномъ Китаѣ, на Малаккскомъ полуостровѣ, Суматрѣ, Лвѣ и вѣроятно и на другихъ южно-азіатскихъ островахъ. Она кромѣ того водится, хотя сюда вѣроятно завезена, на Сокоторѣ, Коморскихъ островахъ и на Мадагаскарѣ. Она живетъ въ норахъ или между скалами и въ чашахъ, иногда также около человѣческихъ жилищъ и даже въ нихъ; говорятъ, ловко лазаетъ по деревьямъ и бродитъ не рѣдко и днемъ. По Ходжсону, она по большей части выходитъ на поиски пищи по одиночкѣ, питается, кромѣ различныхъ плодовъ и корней, также мелкими млекопитающими и птицами, а также яйцами, лягушками, змѣями и насѣкомыми. При случаѣ она похищаетъ и домашнихъ птицъ, почему ее особенно боятся въ южномъ Китаѣ. Судя по различнымъ рассказамъ, яванскую рассу нельзя совсѣмъ приручить; объ индѣйской рассказываютъ прямо противоположное и Жердонъ говорить, что держаль у себя нѣсколько совершенно ручныхъ животныхъ этого вида.

Расса мечетъ 4—5 дѣтенышей. На родинѣ она пользуется большимъ почетомъ благодаря цибету, употребленіе котораго сильнѣйшимъ образомъ развито среди малайцевъ. Этимъ благовоннымъ веществомъ, въ смѣси съ другими пахучими веществами не только душатъ платье, но и производятъ съ помощью его невыносимый для европейцевъ запахъ въ комнатахъ и постеляхъ.

Рассу держать въ клѣткахъ, кормятъ рисомъ и бананами или для перемѣны птицами и черезъ опредѣленное время собираютъ у нея цибетъ, какъ описано выше. До самаго употребленія цибетъ хранятъ затѣмъ подъ водою. Говорятъ, что послѣ обильнаго кормленія животнаго бананами, онъ становится особенно благовоннымъ.

Хотя масса и довольно долго живетъ у насъ въ неволѣ, но никогда ее не переносятъ терпѣливо и не оставляютъ своихъ капризовъ и коварства. Я не разъ видѣлъ ее въ различныхъ зоологическихъ садахъ и долго держаль въ неволѣ одну пару. Это крайне красивое, подвижное, гибкое и ловкое созданіе, которое можетъ такъ поворачивать и изгибать, скорчивать и вытягивать свое тѣло, что кажется, будто при каждомъ движеніи видишь передъ собою новое животное. Обыкновенно она держится какъ кошка, которую вообще напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ. Она ходитъ держась высоко на вытянутыхъ ногахъ, садится, какъ кошки и собаки, часто встаетъ на заднія ноги подобно грызунамъ и «служитъ», какъ собачка. Ея чуткій носъ находится въ непрерывномъ движеніи. Она обнюхиваетъ все, что ей даютъ, и тотчасъ старается укусить пальцы, въ которыхъ узнаетъ мясистые, а слѣдовательно съѣдобные предметы. Она жадно бросается на живыхъ животныхъ всякаго рода, хватаетъ ихъ зубами, душитъ, бросаетъ передъ собою, нѣкоторое время играетъ съ трупомъ и затѣмъ поглощаетъ его какъ можно быстрое. Голосъ ея представляетъ сердитое кошачье ворчаніе, кромѣ того она фыр-

каетъ совершенно подобно кошкамъ. Въ гнѣвѣ она щетинитъ шерсть, и распространяетъ сильный запахъ цибета.

Особенную живость она обнаруживаетъ въ утренніе и вечерніе часы. Правда, предлагая ей пищу, можно привести ее въ бодрое состояніе въ любое время, и въ частности живая птица или мышь, посаженныя въ клѣтку, мгновенно пробуждаютъ ее; но въ этомъ случаѣ она скоро снова укладывается на свою мягкую подстилку изъ сѣна; если ихъ нѣсколько, то онѣ ложатся другъ около друга, взаимно прикрывая себя хвостами. Парочка ихъ живетъ обыкновенно очень мирно; но по отношенію къ другимъ животнымъ раса ведетъ себя крайне враждебно. Она злобно

Генетта. *Viverra genetta*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

бросается на собакъ и кошекъ, которыхъ передъ нею держать. Даже если ихъ много заперто вмѣстѣ, то въ помѣщеніи рѣдко царствуетъ миръ. Въ обществѣ этихъ животныхъ, которыхъ я наблюдалъ въ Роттердамскомъ зоологическомъ саду, постоянно происходили раздоры. Одно изъ нихъ занимало конуру въ клѣткѣ и фыркало, лишь только кто-нибудь изъ товарищей приближался къ нему; другое, которое страдало сильными судорогами, громко стонало; остальные сначала внимательно смотрѣли, потомъ обнюхивали его и наконецъ яростно кусали. Этотъ видъ тоже не разъ размножался въ нашихъ зоологическихъ садахъ.

* * *

Подродъ генетта (*Genetta*, *Ginsterkatze*, *Genette*) отличается очень вытянутымъ тѣломъ, голой продольной полоской на нижней сторонѣ ступни, пятипалыми пе-

редними и задними ногами со втяжными когтями, длинным хвостом и средней величины ушами; но по зубам генетта совершенно сходна съ виверрами. Въ задне-проходной области находится неглубокой железистый мѣшокъ, который открывается наружу у края задняго прохода двумя отдѣльными выводными протоками. Многие очень сходные между собою виды населяютъ Азію и Африку, откуда одинъ по-видимому перешелъ и въ Европу.

Самый извѣстный видъ есть Генетта (*Viverra genetta*, *Genetta vulgaris*, *afra* и *bonapartei*, *Viverra maculata*, *Ginsterkatze*, *Genette*), единственная виверра, встречающаяся въ Европѣ, гдѣ, кромѣ нея, изъ этого семейства водятся еще двѣ мангусты. Въ общемъ она довольно сходна съ описанными родичами и даже цвѣтъ ея почти такой-же. Тѣло ея достигаетъ въ длину 50 см., хвостъ—40 см., вышина плечъ 15—17 см. Тѣло, покоящееся на очень короткихъ ногахъ, чрезвычайно тонко, голова мала, сзади широка и отличается длинной мордой и короткими, широкими, съ тупыми кончиками ушами. Глаза съ такимъ-же зрачкомъ, какъ у кошекъ, днемъ кажущимся щелью. Заднепроходная железа мала и выдѣляетъ лишь незначительное количество жирной жидкости, пахнущей мускусомъ. Основной цвѣтъ короткаго, густого и гладкаго мѣха свѣтло-сѣрый, впадающій въ желтоватый; по бокамъ тѣла пробѣгаютъ 4—5 продольныхъ рядовъ пятенъ различной формы и чернаго цвѣта, рѣдко смѣшаннаго съ рыжевато-желтымъ, а на верхней сторонѣ шеи четыре непрерывныя продольныя полосы, направленіе которыхъ сильно измѣняется. Горло и нижняя часть шеи свѣтло-сѣрая; темно-буря морда имѣетъ свѣтлую полосу надъ спинкой носа, пятно передъ глазомъ и маленькое пятно надъ глазомъ; конецъ верхней челюсти бѣлаго цвѣта. Хвостъ имѣетъ 7 или 8 бѣлыхъ колецъ и черный кончикъ.

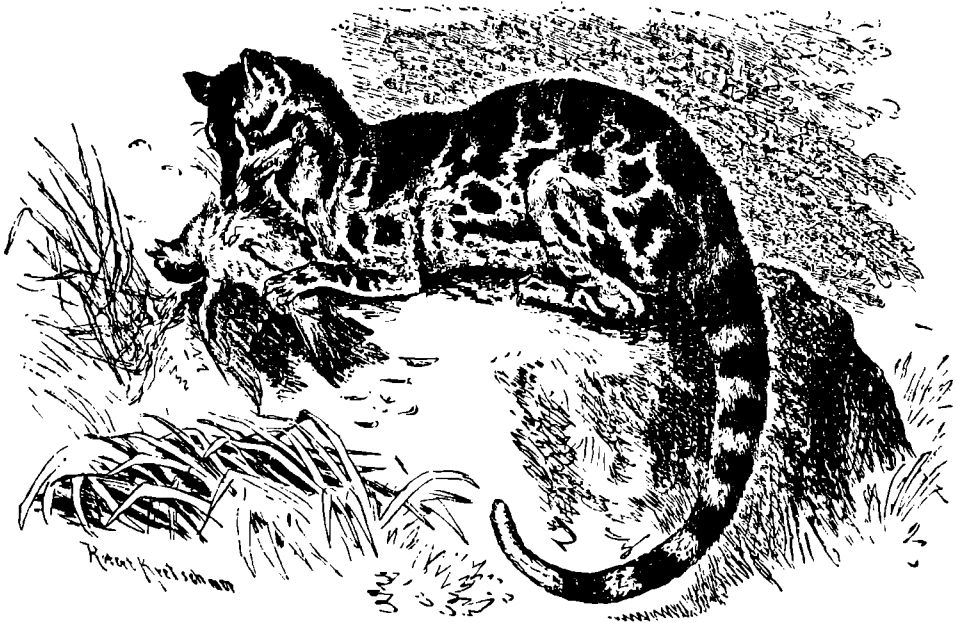
Настоящимъ отечествомъ этого, крайне изящнаго, но при этомъ очень хищнаго и кровожаднаго, злого и смѣлаго звѣрка слѣдуетъ считать горы Атласа и сѣверной Африки. Однако онъ встрѣчается также въ Европѣ и главнымъ образомъ въ Испаніи и южной Франціи. Уже въ Испаніи генетта встрѣчается въ удобныхъ мѣстахъ постоянно, хотя ее крайне рѣдко приходится видѣть. Она живетъ какъ на безлѣсныхъ и лишенныхъ деревьевъ горахъ, такъ и на лѣсистыхъ, однако спускается и въ равнины. Влажныя мѣста по близости источниковъ, мѣстности, богатая кустарникомъ, каменистыя крутизны и т. п. составляютъ ея любимое мѣстопробываніе. Здѣсь одинокій охотникъ иногда вспугиваетъ ее и днемъ; но обыкновенно, благодаря сходству цвѣта ея мѣха съ обломками скаль и даже съ голой землей, она такъ быстро исчезаетъ, что охотникъ не успѣваетъ выстрѣлить. Она извивается съ ловкостью лисицы между камнями, растеніями, травою и кустами и въ нѣсколько минутъ совершенно скрывается за ними.

Гораздо чаще можно было-бы встрѣчать ее ночью, посѣщая ея любимыя мѣста. Лишь довольно поздно послѣ заката солнца и во всякомъ случаѣ послѣ того, какъ сумерки вполнѣ наступили, она появляется и неслышно скользитъ отъ камня къ камню, отъ куста къ кусту, старательно нюхая и прислушиваясь по всемъ направленіямъ, всегда готовая при малѣйшемъ признакѣ присутствія жпвого маленькаго животнаго напасть на него и задушить. Мелкіе грызуны, птицы и ихъ яйца, а также насѣкомыя составляютъ ея пищу, которую она умѣетъ доставать и изъ самыхъ скрытыхъ мѣстъ. Для плохо огороженныхъ курятниковъ и голубятенъ она такъ-же опасна, какъ куница и хорекъ, но такіе разбой она заглаживаетъ съ избыткомъ ревностной охотой за крысами и мышами, которыя во всякомъ случаѣ составляютъ главную часть ея пищи. Движенія ея настолько же красивы и изящны, какъ быстры и ловки. Я не знаю никакого другого млекопитающаго, которое бы

подобно ей могло двигаться съ гибкостью змѣи и съ быстротою куницы. Ея удивительная подвижность невольно вызываетъ удивленіе. Кажется, какъ будто-бы у нея тысяча сочлененій. При нападеніяхъ она неслышно скользитъ по землѣ, вытянувъ такъ свое тонкое тѣло, что оно вмѣстѣ съ хвостомъ составляетъ одну прямую линію, и, разставивъ ноги, насколько возможно, вдругъ сильнымъ прыжкомъ бросается на добычу, хватаетъ ее съ неизмѣнной вѣрностью, душитъ, издавая довольное ворчаніе, и принимается за ѣду. Во время ѣды она поднимаетъ шерсть дыбомъ, какъ будто-бы ей постоянно приходится бояться потерять добычу. Она умѣетъ также превосходно лазать и не теряется даже въ водѣ.

О размноженіи ея на свободѣ неизвѣстно ничего; на находящихся въ неволѣ наблюдали, что самка рождаетъ лишь одного дѣтеныша; но едва ли то же происходитъ и на свободѣ.

Лявсагъ. *Prionodon gracilis*. 1/2, наст. вел.

Генетту очень легко приручить, такъ какъ она добродушна и смирна. Она много спитъ днемъ; съ себѣ подобными живетъ въ мирѣ. Ссоръ и дракъ между двумя генеттами не бываетъ; можно даже заперать вмѣстѣ различные виды того же рода. Одна дѣлаетъ то, что начинаетъ другая, не мѣшая ей. Онѣ по большей части не ссорятся даже во время ѣды; каждая беретъ тотъ кусокъ мяса, который лежитъ ближе всего къ ней, не ворча отъ зависти и не фыркая, какъ многіе другіе хищники. Спать нѣсколько находящихся въ неволѣ вмѣстѣ и часто случается видѣть, что все общество свивается во время сна въ настоящій комокъ.

Въ Марокко генетта, а еще больше родственная ей блѣдная генетта, содержатся въ домашнемъ состояніи точно такъ, какъ и наша домашняя кошка, для истребленія крысъ и мышей. Увѣряютъ, что она съ большимъ усердіемъ и умѣньемъ занимается этимъ дѣломъ и умѣетъ въ короткое время очистить цѣлый домъ отъ крысъ и мышей. Ея чистоплотность дѣлаетъ ее пріятнымъ сожителемъ, но запахъ мускуса, который она въ короткое время передаетъ всему дому, едва ли не слыш-

комъ силенъ для европейцевъ. Однако могутъ встрѣчаться и исключенія. О Чячочо, прежней станціи экспедиціи Гюссфельдта въ Лоанго, Пехуэль-Леше рассказываетъ слѣдующее: «Мы не разъ держали виверръ и генеттъ. Первые очень непривлекательныя животныя, которымъ никогда нельзя вполнѣ довѣрять и которыхъ запахъ скоро становится крайне невыносимымъ; послѣднія же дѣлаются чрезвычайно ручными, знаютъ свое имя и бѣгаютъ даже среди бѣлаго дня, какъ собака, за своимъ хозяиномъ и доставляютъ необыкновенно много удовольствій. Движенія этого несоразмѣрно вытянутаго въ длину и длиннохвостаго, но очень коротконогаго животнаго съ тонкой умной головой, гладкимъ сѣро-желтымъ мѣхомъ, украшеннымъ матово-черными пятнами, такъ изящны и ловки, такъ опредѣленны и сильны и въ то же время гибки, что никогда не устаешь смотрѣть на него, прыгаетъ ли оно, дѣлая волнообразныя движенія или, невѣроятно вытянувшись, подкрадывается къ чему-нибудь, какъ змѣя или ящерица. Въ нашемъ главномъ баракѣ поселилась одна взрослая генетта и повидимому въ изобиліи добывала себѣ для пищи крысъ, которыя, къ сожалѣнію, въ огромномъ количествѣ водились тутъ. Когда мы по вечерамъ сидѣли и болтали въ общей комнатѣ, она часто прибѣгала по нижней балкѣ крыши, съ любопытствомъ смотрѣла внизъ и затѣмъ смѣлымъ прыжкомъ бросалась внизъ на столъ. Здѣсь она по своему обыкновенію проворно сеозлила отъ одного къ другому, издавая тихіе звуки, позволяла короткое время гладить и дразнить себя и скоро исчезала такъ же, какъ и являлась».

Шкура генетты употребляется въ качествѣ мѣха. Послѣ побѣды Карла Мартелла надъ сарацинами въ 732 г. при Турѣ, было добыто много одеждъ съ этимъ мѣхомъ; какъ рассказываетъ Пеннанъ, въ это время былъ учрежденъ орденъ генетты, членами котораго были первые изъ князей.

Древніе повидимому не знали этого животнаго, по крайней мѣрѣ очень сомнительно, подразумѣвали ли Опціанъ его подъ именемъ «маленькой пятнистой пантеры». Но Исидоръ Гиспальскій и Альбертъ Великій упоминаютъ о ней и рассказываютъ, что мѣхъ ея очень цѣнился уже въ то время.

* *
*

Подъ именемъ *Prionodon* Грэй отдѣляетъ Линсанга (*Prionodon gracilis*, *Viverra*, *Linsang gracilis*, *Viverra*, *Paradoxurus linsang* и *prehensilis*), въ качествѣ представителя особаго рода, хотя это животное мало отклоняется отъ общаго характера группы. Очень острая голова, необыкновенно вытянутое въ длину тѣло на короткихъ ногахъ, хвостъ, почти равный по длинѣ тѣлу, и лишенный гривы гладко прилегающій мѣхъ—составляютъ внѣшніе признаки животнаго, а зубная система состоитъ изъ 38 зубовъ, причѣмъ на верхней челюсти лишь одинъ бугорчатый зубъ, а всѣ коренныя зубы имѣютъ очень острые бугорки. Вся длина равняется приблизительно 70 см., изъ которыхъ 30—32 см. приходится на хвостъ. Свѣтло-сѣрый или желтовато-бѣлый цвѣтъ составляетъ основную окраску короткаго и мягкаго мѣха, на которомъ видны чернубурыя пятна и полосы; изъ нихъ лишь одна полоса съ каждой стороны, начинающаяся надъ глазомъ, проходящая по плечамъ и бокамъ тѣла и здѣсь раздѣляющаяся на пятна, и четыре поперечныхъ полосы на спинѣ до нѣкоторой степени правильны; всѣ же остальные пятна разбросаны въ безпорядкѣ. Ноги разрисованы темными пятнами, хвостъ имѣетъ семь широкихъ темныхъ колецъ и свѣтлый кончикъ.

Родиной линсанга Стерпдаль называетъ Яву, Суматру, Малаккскій полуостровъ и Сіамъ; напротивъ, Блэнфордъ ограничиваетъ распространеніе его Явой, Борнео и можетъ быть Суматрой. Описывая покрытыя отдѣльными кустами травя-

нистыя равнины и горные склоны Явы, Юнгхунъ говоритъ о мѣстопребываніи и образѣ жизни этого животнаго на свободѣ слѣдующее: «Если не боишься тигровъ и пойдешь въ началѣ ночи насладиться прохладнымъ вечернимъ воздухомъ и побродить между кустами, то иногда случается слышать испуганный крикъ бѣдной курицы или утки видѣть, какъ линсангъ быстро бѣжитъ, держа добычу въ кровавой пасти. Яванцы причисляютъ это изящное хищное животное къ тиграмъ, поводъ къ чему, безъ сомнѣнія, дала пантерообразная шкура, бѣловатая съ темными пятнами, и чрезвычайно тонкая вытянутая форма тѣла, шеи и хвоста. Повидимому линсангъ обыкновеннѣе въ восточной части Явы, особенно у подножія горъ, гдѣ разбросаны лишь отдѣльныя маленькія деревушки, чѣмъ въ западной части Явы. Онъ часто нападаетъ на домашнихъ птицъ, но можетъ быть опаснымъ лишь курамъ и уткамъ».

Два вида, очень похожихъ на линсанга, живутъ на материкѣ Азіи: *Prio podop pardicolor*, приблизительно такой же величины, водится на юго-востокѣ Гималайскихъ горъ и на востокъ до Юннана; *P. maculosus*, большей величины, около 90 см. длиною, изъ которыхъ около 40 см. приходится на хвостъ, живетъ, какъ до сихъ поръ предполагаютъ, въ Танассеримѣ.

Цвѣтъ и рисунокъ и у этихъ животныхъ повидимому очень разнообразенъ. Первый видъ Пятнистая тигровая циветта англичанъ, Сик-хумъ и Сулю обитателей Гималаевъ, водится, по Ходжсону, одинаково и на вѣтвяхъ деревьевъ, и на землѣ и селится преимущественно въ дуплахъ гнилыхъ деревьевъ, гдѣ дважды въ годъ, въ февралѣ и августѣ, мечетъ подва дѣтеныша. Подобно линсангу тигровая циветта тоже живетъ по одиночкѣ. Она очень красива и чрезвычайно легко приручается, а потому часто становится любимицей европейцевъ, тѣмъ болѣе, что она очень охотно позволяетъ себя ласкать и совершенно свободна отъ неприятнаго запаха.

* * *

Къ циветтовымъ довольно близки также пальмовыя муницы или страннохвосты (*Paradoxurus*). Они полустопоходящія животныя, задняя часть пятки голая и усѣяна бородавками; хвостъ, отъ котораго повидимому и происходитъ ихъ названіе, имѣетъ у нѣкоторыхъ видовъ свойство закручиваться въ кольца; но это свойство вовсе не поражаетъ въ такой степени, чтобы видѣть въ немъ главный отличительный признакъ. Переднія и заднія ноги имѣютъ по пяти пальцевъ съ болѣе или менѣе выдвигаемыми когтями, которыми страннохвосты, подобно кошкамъ, пользуются при схватываніи добычи и при оборонѣ. Глазами своими, объ устройствѣ которыхъ говорилось выше, они тоже напоминаютъ кошекъ. Железистый мѣшокъ замѣняется у нихъ голою продольною складкою у задняго прохода, причемъ отдѣлительныя железы все-таки существуютъ, однако запахъ выдѣляемой жидкости нисколько не похожъ на тотъ, который издаютъ циветты. Зубная система состоитъ изъ сорока зубовъ болѣе короткихъ и тупыхъ, чѣмъ у циветтовыхъ. Вообще по измѣненію въ устройствѣ зубовъ устанавливается различіе между многочисленными видами этого животнаго.

Всѣ виды страннохвостовъ живутъ въ южной Азіи и на прилежащихъ островахъ, преимущественно на Зондскихъ. Какъ всѣ ночныя животныя, они съ заходомъ солнца выходятъ на грабежъ, быстро шмыгаютъ по лѣсамъ, отлично лазаютъ, ловко умѣютъ ловить птицъ и гоняться за мелкими млекопитающими, которые служатъ имъ пищею. Впрочемъ, помимо этого, они питаются также растительною пищею, иногда даже предпочитаютъ ее животной и вслѣдствіе этого совершаютъ набѣги на сады и плантаціи не менѣе опустошительныя, чѣмъ ихъ граби-

тельскія нападенія на птичьи дворы. Ихъ ловятъ и часто доставляютъ живыми въ Европу, гдѣ они, не требуя исключительнаго ухода, живутъ по нѣсколько лѣтъ и легко размножаются въ клѣткахъ. Вслѣдствіе ихъ сонливости они большею частью находятся на свободѣ и даже днемъ ихъ не держатъ на цѣпи.—Вонючія выдѣленія изъ железъ дѣлаютъ ихъ для многихъ крайне противными животными.

Индійская пальмовая куница, у индѣйцевъ называющаяся ланати, менури, бондарь, а на Цейлонѣ—угудора (*Paradoxurus niger*, *P. typus*, *pennantii*, *bondar*, *pallasii*, *hirsutus*, *hermaphroditus* и *musanga*, *Viverra nigra* и *dondar*. *Palmenroller*. *Pougounié*) по строенію тѣла и по окраскѣ мѣха напоминаетъ генетту. Великою своею она приближается къ домашней кошкѣ: длина туловища 45—55 см., хвостъ почти такой-же длинны; высота у затылка 18 см. Туловище вытянуто, хотя довольно коренато; ноги короткія и сильныя; длинный хвостъ можетъ закручиваться въ разныя стороны; уши средней величины; очень выпуклые глаза имѣютъ карюю радужную оболочку и крайне подвижной зрачекъ, который можетъ суживаться чуть не въ волосокъ. Мѣхъ состоитъ изъ густого подшерстка и тонкихъ волосъ ости. Основная окраска его буро-сѣрая, почти черная, но оттѣнки ея мѣняются, смотря по освѣщенію. Большею частью спина не полосатая, но встрѣчаются экземпляры, особенно изъ молодыхъ, у которыхъ вдоль позвоночника идутъ неясныя темныя полосы, образовавшіяся изъ слившихся между собою черныхъ пятенъ. Голова, ноги и конецъ хвоста черныя; подъ глазами, а часто и надъ ними, равно какъ и по обѣимъ сторонамъ носа идутъ бѣлыя, а иногда сѣрыя пятна. По Блэнфорду: эти внѣшніе признаки часто мѣняются, что весьма затрудняетъ правильное подраздѣленіе этихъ животныхъ на виды, изъ которыхъ одни распространяются исключительно въ западныхъ частяхъ, а другіе, какъ музангъ, въ восточныхъ.

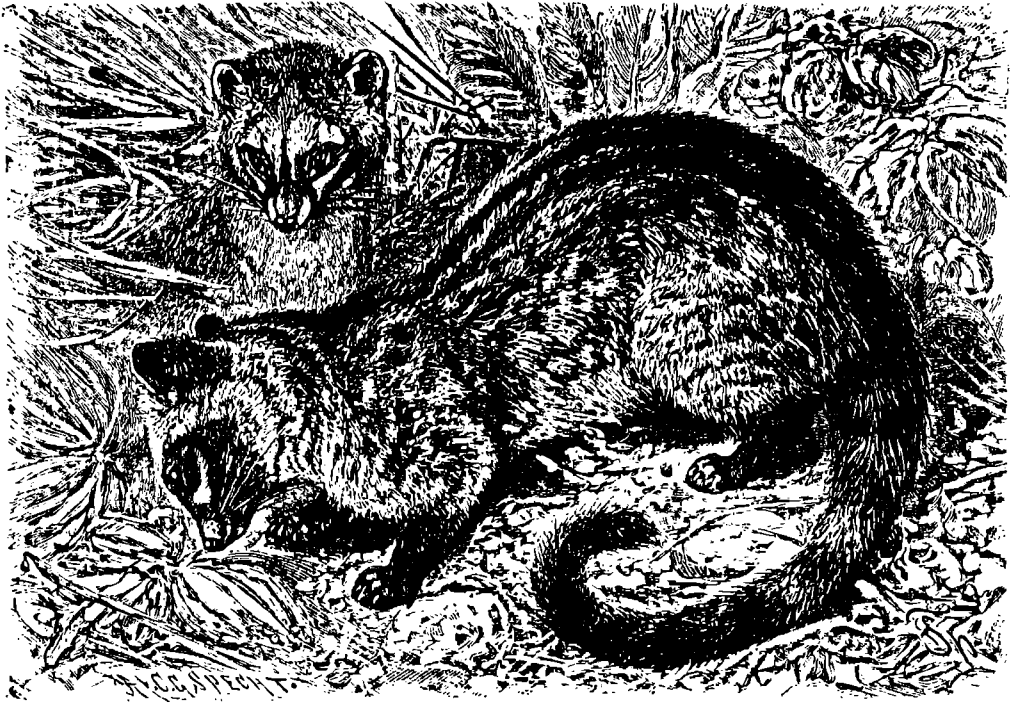
Индійская пальмовая куница водится на Цейлонѣ и въ Индостанѣ до подошвы Гималайскаго хребта, за исключеніемъ немногихъ областей, почти повсемѣстно, гдѣ есть лѣса; впрочемъ она встрѣчается также и въ степяхъ, а равнымъ образомъ и въ поселкахъ, гдѣ зачастую устраиваетъ себѣ притонъ гдѣ-нибудь подъ крышей или въ сараяхъ. Въ лѣсу она ведетъ образъ жизни лѣснаго животнаго и днемъ все время спитъ, пріютившись на вѣтви или въ дуплѣ дерева; послѣднее служитъ ей любимымъ гнѣздомъ; тутъ она большею частью и плодится, принося сразу по 4—6 дѣтенышей. По Тиккелю, она даетъ знать о своемъ присутствіи испражнениями, которыя кладетъ на поваленныя деревья. Какъ и всѣ прочіе члены этого семейства пальмовая куница охотится по ночамъ за млекопитающими и за птицами, таскаетъ изъ гнѣздъ яйца и птенцовъ, истребляетъ ящерицъ, змѣй и насѣкомыхъ, но въ особенности любитъ плоды. Она наноситъ большіе ущербы ананаснымъ плантаціямъ и часто появляется незванымъ гостемъ на кофейныхъ плантаціяхъ. Изъ напитковъ она, точно такъ, какъ и музангъ, предпочитаетъ пальмовое вино.

Будучи поймана молодою, пальмовая куница легко приручается и ведетъ себя совершенно такъ же, какъ музангъ. Содержаніе ея, какъ и всѣхъ другихъ страннохвостовъ, не стоитъ особеннаго труда, такъ какъ она удовлетворяется всѣмъ, что ей даютъ: мясомъ, яйцами, булками, рисомъ и разными плодами.

* *

Во всѣхъ странахъ, лежащихъ на востокъ отъ Бенгальскаго залива: въ Бирмѣ, Сіамѣ, на Малакскомъ полуостровѣ, на Суматрѣ, Явѣ и Борнео индѣйская пальмовая куница замѣняется малайскою пальмовою куницею или иначе музангомъ (*Paradoxurus hermaphroditus*, *P. fasciatus*, *prehensilis*, *musanga*, *dubius*,

pallasii, crossii, hirsutus, nigrifrons и strictus, Viverra hermaphrodita и musanga. Musang). По Розенбергу, музангъ встрѣчается также въ Новой Гвинее, куда однако его должно быть завезли. Ростомъ онъ немного меньше предыдущаго вида страннохвостовъ и имѣетъ болѣе короткій и грубый мѣхъ. Длина его туловища 42 см., хвостъ, по обыкновенію, немного короче туловища. Окраска шерсти также сильно измѣнчива; только бѣлую или сѣрую полосу, идущую отъ лба къ ушамъ, наблюдатели признали, повидимому, общимъ отличительнымъ признакомъ у всѣхъ видовъ. Нѣкоторые животные имѣютъ желтоватую окраску мѣха съ черными кончиками волосъ и отдѣльными черными волосами; вдоль спины проходятъ обыкновенно болѣе или менѣе ясно обозначенныя черныя полосы, а по бокамъ разбѣгаются короткія темныя полосы или долевые ряды черныхъ пятенъ; верхняя

Индійская пальмовая кунница. *Paradoxurus nigier*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

часть туловища свѣтлѣе, передняя часть шеи бѣловатая, брюхо сѣрое, ноги черныя. Другіе музанги имѣютъ пушистый бурый мѣхъ съ черными кончиками волосъ; встрѣчаются также экземпляры свѣтлой пепельно-сѣрой масти съ крупными и мелкими пятнами, разбросанными на бокахъ, съ свѣтло-бурными ногами и темно-бурой мордой, причемъ кончикъ хвоста бываетъ иногда бѣлый. Мнѣ представлялись случаи видѣть массу подобныхъ разновидностей. Нашъ рисунокъ изображаетъ музанга самой обыкновенной окраски. Юнгхунъ передаетъ намъ нѣсколько рассказовъ о набѣгахъ этихъ животныхъ на кофейныя плантаціи Явы и объ ихъ образѣ жизни на свободѣ. Когда созрѣваютъ плоды кофейнаго дерева, краснѣя своею яркою оболочкою, и наступаетъ время сбора и сушки спѣлыхъ ягодъ, то по дорогѣ отъ кофейныхъ плантацій, изрѣзанной по всѣмъ направленіямъ тропинками, «можно часто видѣть своеобразныя бѣлмы кучи испражненій животнаго

состоящіа изъ слѣпленныхъ, по ничуть не поврежденныхъ бобовъ кофейнаго дерева. Это какъ музанговъ, которыхъ такъ ненавидятъ горные жители за ихъ грабительскіе набѣги на птичьи дворы; впрочемъ, музангъ не менѣе охотно питается и другими плодами, особенно отъ дикихъ пальмъ; любимымъ же его пребываніемъ во время созрѣванія плодовъ служатъ кофейныя плантаціи, гдѣ часто и ловятъ его яванцы.

«Животное перевариваетъ только мясистую сочную оболочку плода, а зерно выбрасываетъ вмѣстѣ съ каломъ, такъ что оно остается ни мало не поврежденнымъ и такъ-же хорошо идетъ въ употребленіе, какъ и сорванное съ дерева. Яванцы увѣряютъ, что это даже наилучшія сѣмена кофейнаго куста, вѣроятно потому, что животное ѣстъ только самые хорошіе, зрѣлые плоды. Кромѣ того музангъ питается еще птицами и насѣкомыми, ловитъ много дикихъ куриныхъ птицъ, высасываетъ яйца въ гнѣздахъ и особенно падохъ до этого лакомства. Если поздно вечеромъ пойти прогуляться по кофейной плантаціи, гдѣ по немногу наступаетъ невозмутимая тишина, то можно иногда видѣть, какъ музангъ прыгаетъ между деревьями. Онъ веселаго нрава, особенно въ періодъ безмятежной юности, проворенъ въ своихъ движеніяхъ и легко приручается. Въ неволѣ музангъ довольствуется по дѣльмъ недѣлямъ одними бананами и такъ скоро привыкаетъ къ дому, что его можно пускать бѣгать безъ привязи. Къ воспитателю своему, который ухаживаетъ за нимъ и балуетъ его иногда куриными яйцами, онъ скоро привязывается до того, что слѣдуетъ за нимъ всюду по пятамъ, какъ собака, и охотно позволяетъ ему брать себя на руки и ласкать».

Дальнѣйшія свѣдѣнія о музангѣ мы заимствуемъ у Беннета: «14-го мая 1833 г. я получилъ музанга отъ одного туземца, который пришелъ со своей добычей на бортъ нашего корабля съ близъ лежащаго яванскаго берега. Животное было еще молодо, его кормъ состоялъ изъ бачановъ и другихъ плодовъ, но оно ѣло также мясо и особенно охотно птицъ. Мой музангъ былъ кротокъ и игривъ, какъ котенокъ; онъ ложился на спину, забавлялся брошеною веревкою и издавалъ при этомъ тихое мурлыканье, похожее на барабанную трель. Очень часто онъ игралъ со своимъ длиннымъ хвостомъ или съ какимъ-нибудь другимъ предметомъ, который ему попадался на глаза, совершенно такимъ-же образомъ, какъ это дѣлаютъ котята. Если ему мѣшали во время ѣды, то онъ сердито ворчалъ, давая этимъ понятіе объ истинномъ свойствѣ своей хищной натуры. Ночью онъ заявлялъ о своихъ требованіяхъ рѣзкимъ визгомъ и ворчаніемъ, особенно когда былъ голоденъ или хотѣлъ пить. Воду онъ пилъ лакая, какъ собака или кошка, причемъ былъ нечистоплотенъ и часто становился передними ногами въ чашку съ водой. Въ такомъ мирно-игривомъ настроеніи музангъ бывалъ тогда, когда его никто не беспокоилъ и, наоборотъ, стоило только потревожить его, какъ онъ тотчасъ-же приходилъ въ ярость. Это было вообще капризное, нетерпѣливое созданіе и когда не исполняли всѣхъ его желаній, онъ страшно злился и самымъ разнообразнымъ образомъ выказывалъ при этомъ свойства своей дикой натуры: бѣшено схватывалъ онъ за руку всякаго, кто въ это время къ нему приближался, и навѣрно прокусилъ бы ее насквозь, еслибы молодые зубы его были на это способны. При этомъ онъ раздувалъ щеки и злобно поводилъ своими длинными усами, испуская своеправные крики и ворчаніе. Когда его трогали рукой, онъ тотчасъ же принимался заливать это мѣсто языкомъ и торопился спрятаться въ темный уголь».

«По временамъ, когда музангъ скучалъ, онъ кричалъ такъ громко и пронзительно, что его крикъ разносился по всему кораблю. Этотъ же крикъ помогалъ намъ днемъ розыскивать его, когда онъ самъ прятался отъ насъ. Ночью шумъ становился еще неистовѣе: музангъ бѣгалъ взадъ и впередъ, визжалъ и кричалъ безъ

умолку, такъ что никому не давалъ спать. Чтобы предотвратить этотъ шумъ, я въ послѣдствіи придумалъ давать ему птичьи косточки, чѣмъ онъ и занимался всю ночь. Онъ охотно ѣлъ мясо всякой птицы, но еще больше любилъ различные фрукты. Какъ только ему давали что-нибудь съѣдобное, онъ моментально отправлялся съ кускомъ куда-нибудь въ темный уголь и ворчалъ на каждого, кто къ нему подходилъ. Мой музангъ терпѣть не могъ, когда ему мѣшали во время ѣды и всевозможнымъ способомъ старался отстранить такую помѣху. Однажды утромъ ему дали рыбу; онъ долго переваливалъ ее со стороны на сторону, разсматривалъ и обнюхивалъ ее со всѣхъ концовъ, однако попробовать не рѣшился, можетъ быть потому, что не былъ голоденъ. Послѣ обѣда онъ обыкновенно бывалъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа и позволялъ себя иногда ласкать, хотя не обнаруживалъ при этомъ ни малѣйшаго удовольствія. Днемъ онъ почти всегда спалъ и выбиралъ себѣ для этого самое теплое и удобное мѣстечко. Ночью бодрствовалъ, но не проявлялъ особаго проворства и оживленія. Съ кораблемъ онъ скоро

Малайская пальмовая куница. *Paradoxurus hermaphroditus*. $\frac{1}{6}$ част. вел.

освоился и бѣгалъ повсюду, пользуясь при этомъ хвостомъ, какъ орудіемъ хватанія, хотя на самомъ дѣлѣ онъ мало помогалъ ему. Когда музанга предоставляли самому себѣ, то утромъ его постоянно можно было найти свернувшимся по-кошачьи въ клубокъ и спящимъ на самой мягкой и теплой постели. Къ воспитателю своему онъ никогда не могъ привыкнуть; каждое прикосновеніе, каждая ласка, даже любимое всѣми млекопитающими почесываніе были ему въ высшей степени неприятны».

Къ этому обстоятельному описанію я могу прибавить, что музанги рѣдко уживаются другъ съ другомъ; большинство изъ нихъ не принимаютъ въ расчетъ даже половыхъ стремленій и съ яростью набрасываются на каждого пришельца, борясь съ нимъ на жизнь и на смерть. Это вошло чужъ не въ обычай у всѣхъ страннохвостовъ. Пара музанговъ, воспитанная мною, составляла въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе: они замѣчательно ладили между собою и ни разу не ссорились даже во время ѣды. У нихъ часто рождались дѣтеныши, но они всегда ихъ пожирали; оба-ли родителя здѣсь участвовали или нѣтъ—это остается вопросомъ, но отца можно было сильнѣе подозрѣвать въ этомъ обжорствѣ.

Музанги рѣдко выходятъ днемъ; дѣятельность ихъ начинается только съ сумерекъ. Сначала они ходятъ заспанные, но мало-по-малу разгуливаются и къ ночи становятся очень оживленными. Они бѣгаютъ тогда взадъ и впередъ по своей клѣткѣ, однако рѣдко проявляютъ проворство сродныхъ имъ хищниковъ; движенія ихъ болѣе покойны и какъ-бы обдуманы. Они лазаютъ весьма искусно по сучьямъ дерева, поставленнаго для этой цѣли въ ихъ клѣткѣ. Музанги болѣею частью молчаливы, но въ хорошіе вечера иногда слышится ихъ благозвучное «кукъ-кукъ». При нападеніи на живыхъ животныхъ, которыхъ выпускаютъ въ ихъ клѣтку, они приступаютъ къ дѣлу очень осторожно: медленно подирадываются къ движущейся добычѣ, долго обнюхиваютъ ее и наконецъ, но зато съ быстротою молніи, набрасываются и сильно кусаютъ ее въ нѣсколько приѣмовъ до тѣхъ поръ, пока она не испуститъ духъ; тогда они бросаютъ удушенное животное, еще разъ старательно обнюхиваютъ его и только послѣ этого принимаются ѣсть. Всевозможные плоды поѣдаются ими такъ же охотно, какъ и мясо.

Относительно хватательной способности хвоста страннохвостовъ у меня являются справедливыя сомнѣнія. Я никогда не замѣчалъ у своихъ плѣнниковъ, что-бы они притягивали къ себѣ какой-либо предметъ съ помощью хвоста.

* *
*

Еще одинъ видъ страннохвостовъ, живущій въ Китаѣ и на Формозѣ и отдѣленный Грэемъ влѣдствіе своихъ большихъ, но короткихъ треугольных плотоядныхъ зубовъ и нѣкоторыхъ несущественныхъ особенностей въ строеніи черепа въ особый родъ, мы назовемъ Пагума. (*Paradoxurus larvatus*, *Gulo larvatus*, *Viverra* и *Paguma larvata*. *Larvenroller*. *Pagume*). По величинѣ пагума не отличается отъ своихъ родичей. Окраска его густого раскошнаго мѣха на головѣ по большей части черная, но на щекахъ, нижней челюсти, на горлѣ и на шеѣ—сѣрая, а на верхней части туловища—желтовато-сѣрая. Отъ голаго кончика носа идетъ по лбу и по затылку бѣлая полоса, другая такая-же расположена подъ глазами, а третья—надъ ними. Уши, кончикъ хвоста и ноги черныя. Въ корнѣ темно-сѣрыя, а сверху почти черныя волосы мѣха имѣютъ посрединѣ темное кольцо и бѣлый кончикъ. Впрочемъ пагуму, какъ и другихъ страннохвостовъ, не рѣдко можно встрѣтить самой разнообразной окраски.

По существующимъ до сихъ поръ изслѣдованіямъ родиную пагумы нужно признать Китай и островъ Формозу. Однако и тамъ онъ водится не въ особенно большомъ количествѣ, такъ какъ китайцы, называющіе его «Лу-мин-мао», что значитъ «кошка, имѣющая лице изъ драгоцѣннаго камня», очень рѣдко могутъ предложить его естествоиспытателямъ не только въ живомъ видѣ, но и убитымъ. Свинхое (*Swinhoe*) называетъ пагуму животнымъ, любящимъ деревья, и замѣчаетъ, что онъ отлично лазаетъ. «Я держалъ», говоритъ онъ, «одну изъ этихъ виверръ на цѣпи, подъ верандой, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Она предпочитала жареное мясо сырому, не особенно любила яйца и маленькихъ птицъ. Чучело змѣи, напротивъ возбудило ея живѣйшее вниманіе: однимъ прыжкомъ она вскочила на него, схватила и стала трясти. Когда я далъ ей рака, она обнюхала его, вытерла себѣ морду, какъ это продѣлываютъ собаки, ѣвшія падалъ, однако не съѣла его. Пущенный на свободу пагума влѣзалъ на двери, стулья и столы, держась крѣпко съ каждой стороны своими передними ногами, а задними подталкиваясь впередъ. Онъ бѣгалъ взадъ и впередъ во всю длину своей цѣпи, вдругъ поднимался на заднія ноги и испускалъ крикъ, похожій на трель. Прохожихъ собакъ онъ отгонялъ отъ себя, показывая имъ зубы. Въ теченіе дня онъ спалъ, большую же часть ночи

бодрствоваль. Жара для него была очень неприятна и возбуждала сильную одышку».

* * *

Къ однородному типу съ страннохвостыми причисляется еще одно особенное, неуклюжее хищное животное, напоминающую рѣчную выдру; это—мампалонъ. (*Cynogale bennettii*, *Viverra* и *Lamictis carcharias*, *Pota morphilus*, *barbatus*, *Cynogale barbata*. Мампалон). Туловище этого достопримѣчательнаго существа короткое и толстое, голова длинная, морда довольно заостренная, ноги и хвостъ очень короткіе, подошвы голыя, на лапахъ по пяти пальцевъ, на половину соединенныхъ между

Пагума. *Paradoxurus larvatus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

собою перепонкою и вооруженныхъ выгнутыми когтями. Особенно замѣчательны въ этомъ животномъ большіе усы, состоящіе изъ длинныхъ желтовато-бѣлыхъ щетинокъ; снизу и сверху ихъ растутъ болѣе тонкіе бурые волосы, а на щекахъ торчатъ еще два пучка длинныхъ и крѣпкихъ бѣловатыхъ щетинокъ. Устройствомъ зубной системы, заключающей въ себѣ 40 зубовъ, мампалонъ столь-же подходитъ къ всеяднымъ животнымъ, сколько и къ настоящимъ плотояднымъ. Окраска его мѣха желтовато-бурая, тонкіе волосы ости въ серединѣ желтовато-бѣлые или черные; на животѣ попадаются отдѣльные длинные волосы съ бѣлыми концами, горло и нижняя губа—черно-бурья, ноги темнѣе, глаза каріе, подбородокъ и пятно надъ глазами желтовато-бѣлые, носъ черный. Сильно округленные уши покрыты снаружи маленькими, короткими, черными волосками. Длина туловища достигаетъ 60—65 см., хвостъ въ 15 см.

Это животное водится около рѣкъ и озеръ Малаккаго полуострова, Суматры и Борнео, но оно умѣетъ—и притомъ довольно ловко—лазать по наклоннымъ

деревьямъ и по толстымъ сучьямъ; питается мампалонъ рыбою, птицами и плодами. Больше, кажется, ничего не извѣстно объ образѣ жизни этого вида виверръ.

* * *

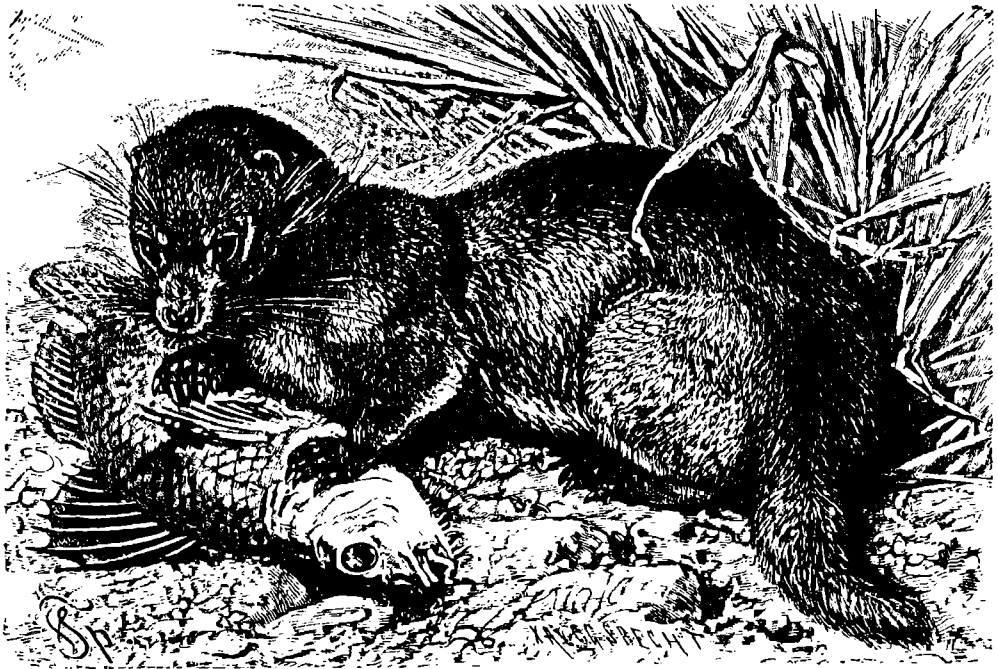
Къ страннхвостамъ присоединяютъ обыкновенно одно замѣчательное животное западной Африки, съ невыдвижными когтями, Нандинію (*Nandinia binotata*), форма головы и выраженіе морды которой очень живо напоминаютъ кинкажу и маки, между тѣмъ какъ туловище имѣетъ видъ страннхвоста. У нандиніи мягкой мѣхъ, похожій на мѣхъ маки; на верхней и нижней сторонахъ хвоста волоса длиннѣе, чѣмъ по его бокамъ, отчего шерсть, особенно на концѣ его, получаетъ двусторонній видъ. Окраска мѣха съ верхней стороны темная, а съ нижней—свѣтлая желтовато-сѣрая, причемъ на послѣдней нѣтъ чернаго оттѣнка. Черный рисунокъ проходитъ только въ видѣ двухъ короткихъ полосъ, начинающихся у внутренней стороны надглазной дуги и простирающихся въ длину почти на $1\frac{1}{2}$ ст. вверхъ; кромѣ того по зашейку идутъ три продольныя черныя линіи, изъ которыхъ средняя длиннѣе другихъ и доходитъ до самыхъ плечъ; по спинѣ и бокамъ разсыпано много черныхъ пятенъ, которыя показываютъ стремленіе слиться въ равныя поперечныя полосы, и по нижней сторонѣ хвоста проходитъ рядъ пресѣкающихся черныхъ колець, которыя на первой половинѣ хвоста сдвинуты вмѣстѣ по два и по три. Каждое плечо украшено свѣтлымъ желтовато-сѣрымъ пятномъ. Впрочемъ, основная окраска и рисунокъ ея измѣняются. Обѣ нандиніи, самецъ и самка, находящіеся во Франкфуртскомъ зоологическомъ саду и описаніе которыхъ даетъ намъ Гааке, имѣютъ въ длину приблизительно по 80 ст., на долю хвоста приходится 40 ст. Онѣ совершенно одинаковы по окраскѣ. Зубная система состоитъ изъ сорока зубовъ; рѣзцы очень малы, треугольные клыки большіе, кривые и бородавчатые, какъ у галаго; задніе коренные зубы маленькіе, круглые и плоскобугорчатые, что составляетъ отличительные признаки зубовъ хищныхъ плодоядныхъ животныхъ и полуобезьянъ.

Нѣкоторые наблюдатели неосновательно сравнивали имѣющуюся у обоихъ половъ этого вида страннхвостовъ голую и железистую продольную складку между заднимъ проходомъ и половыми органами, съ мѣшкомъ для воспитанія дѣтенышей, какимъ обладаютъ самки сумчатыхъ животныхъ; между тѣмъ нандинію во всякомъ случаѣ слѣдуетъ причислить къ нижестоящимъ виверрамъ; она напоминаетъ намъ маки, въ особенности выраженіемъ лица. Какъ и у сихъ послѣднихъ совершенно круглый глазъ имѣетъ узкій прорѣзъ въ большой радужной оболочкѣ, тогда какъ короткія, круглыя наклоненныя впередъ уши напоминаютъ своимъ устройствомъ уши кинкажу.

Образъ жизни и движенія этого животного, по словамъ Гааке, также напоминаютъ съ одной стороны маки, а съ другой кинкажу. Когда нандинія взлѣзаетъ на перекладыны рѣшетки своей клѣтки, то противопоставляетъ большой палецъ на ногѣ всѣмъ прочимъ. Кормъ свой она таскаетъ на сукъ дерева, чтобы тамъ съѣсть его, крѣпко придерживая передними лапами. Хвостъ, какъ орудіе хватанія, не особенно развитъ. Нравъ нандиніи мечтательный, какъ у кинкажу или лемуровъ; оживляется животное лишь тогда, когда ему удастся завладѣть какимъ-нибудь лакомымъ кусочкомъ; но при этомъ нандиніи не особенно завистливы относительно пищи что вполне подтвердили наблюденія надъ миролюбивыми сотоварищами по клѣткѣ, самцомъ и самкою Франкфуртскаго зоологическаго сада; хотя они и съ одинаковою жадностью набрасывались обыкновенно на живую птицу или другую пищу, брошенную имъ въ клѣтку, но теребили ее относительно спокойно и ничуть не ссорясь,

как это зачастую случается у куниц и мангуст. Кроме различных плодов, нандинія любит также мясо, особенно птичье. Наблюдатели франкфуртских экземпляровъ утверждаютъ, что это животное не ѣстъ въ неволѣ мясо, но такое мнѣніе мнѣ кажется неосновательнымъ, потому что единичныя наблюденія еще ровно ничего не могутъ доказать. Скорѣе нандинія доказываетъ свою всесторонность также выборомъ пищи.

О жизни нандиніи на свободѣ мало что извѣстно. Пехуэль-Леше, причисляющій это животное къ пальмовымъ куницамъ, замѣчаетъ, что оно водится въ Лоанго, но, должно быть, часто встрѣчается и въ Габунѣ, Камерунѣ, а равно и по Нигеру, такъ какъ ему приходилось нѣсколько разъ слышать тамъ его характерный крикъ «Пальмовая куница повидимому не любитъ саваннъ, а живетъ предпочтительно въ

Маммалонъ. *Synogale bennettii*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

лѣсахъ, близъ воды. Въ тихія ночи можно постоянно различать ея монотонный, безпрестанно повторяемый жалобный крикъ, который уныло разносится по пространству, напоминая собою то мяуканье кошки, то протяжное кваканье лягушекъ. Туземцы увѣряютъ, что этотъ крикъ происходитъ отъ животного, называемаго въ Лоанго «мбала» и которое умѣетъ отлично плавать. Пальмовая куница выходитъ, какъ мнѣ кажется, на грабежъ также и днемъ, потому что собаки въ моемъ присутствіи два раза выслѣдили и до смерти загрызли по одному экземпляру этого животного недалеко отъ кустарниковаго лѣса, гдѣ эти звѣрки вѣроятно занимались ловлею мышей».

Гессе дополняетъ сочиненіе Ноака сообщеніемъ о нандиніи, которую онъ досталъ въ Конго: «Не рѣдко шкура этого животного носятъ знатными неграми въ видѣ пояса. По ночамъ преимущественно оно совершаетъ свои грабительскіе набѣги на куръ. Пойманный экземпляръ былъ нелюдимъ и при каждомъ моемъ при-

ближеніи свирѣпо рычалъ. Въ моемъ присутствіи онъ никогда не трогалъ живой курицы, но стоило только мнѣ на нѣсколько шаговъ отступить назадъ, какъ онъ моментально схватывалъ птицу за горло».

Что это животное можетъ при случаѣ быть очень полезнымъ, мы видимъ изъ сообщеній Бюттикофера, который наблюдалъ нандиній, пойманныхъ въ Либериі: «На нашей охотничьей станціи содежались два дѣтеныша нандиніи, которыхъ я вскормилъ молокомъ. Они скоро сдѣлались такими ручными, что я могъ позволить имъ свободно бѣгать по всему дому; когда я обѣдалъ или ужиналъ, они безъ стѣсненія взлѣзали ко мнѣ по ножкамъ стола, пили изъ моего стакана и ѣли прямо изъ моихъ рукъ. Въ то время мой домъ страдалъ отъ нашествія крысъ, которыя причиняли большой вредъ моимъ коллекціямъ. Едва малыши-нандиніи сами достигли роста крысы, какъ стали по ночамъ охотиться за этими грызунами, они забирались въ ихъ норы и душили ихъ тамъ, такъ что скоро я былъ совершенно освобожденъ отъ этихъ несносныхъ гостей».

* * *

Между виверрами съ невыдвижными когтями мы прежде всего должны выдѣлить издавна знаменитыхъ мангустъ или ихневмоновъ, такъ какъ они болѣе другихъ заслужили всеобщее уваженіе.

Мангусты (*Herpestes*) характеризуются слѣдующими отличительными признаками: туловище ихъ, равномерно опирающееся на низкія ноги, вытянуто и имѣетъ цилиндрическую форму, голова маленькая или только средней величины, морда заостренная, глаза довольно маленькіе съ круглыми или немного продолговатыми зрачками, уши короткія, закругленныя, носъ маленькой, голый снизу, а въ серединѣ бороздчатый; какъ заднія, такъ и переднія ноги имѣютъ по пяти пальцевъ, хвостъ коническій, мѣхъ жесткій, съ длинными волосами. Зубная система состоитъ изъ сорока зубовъ, по большей части большихъ и крѣпкихъ, съ довольно развитыми, близко другъ къ другу лежащими бугорками; позвоночный столбъ имѣетъ 7 шейныхъ, 13—15 спинныхъ, снабженныхъ широкими и крѣпкими ребрами, 9 поясничныхъ и 22—29 хвостовыхъ позвонковъ. Въ остальномъ скелетъ мангусты напоминаетъ собою скелеты виверры или циветты.

Изъ всѣхъ мангустъ особеннаго вниманія заслуживаетъ, по всей справедливости, Ихневмонъ или «Фараонова крыса» (*Herpestes ichneumon*, *Viverra* и *Mangusta ichneumon*, *Ichneumon pharaonis* и *aegypti*, *Herpestes pharaonis Ichneumon*) какъ священное животное древнихъ египтянъ, слава котораго дошла и до нашего времени. Уже Геродотъ говоритъ, что въ каждомъ городѣ ихневмона бальзамировали и погребали на священныхъ мѣстахъ. Страбонъ сообщаетъ, что это замѣчательное животное никогда не нападаетъ на большихъ змѣй безъ того, чтобы не позвать на помощь нѣсколькихъ сотоварищей, и затѣмъ уже легко овладѣваетъ ядовитымъ гадомъ. Потому изображеніе его на священныхъ іероглифахъ служитъ олицетвореніемъ слабого челоуѣка, который не можетъ обходиться безъ посторонней помощи. Юліанъ, напротивъ, увѣряетъ, что ихневмонъ одинъ выходитъ на охоту со змѣями, прибѣгая лишь при этомъ къ нѣкоторой предосторожности: онъ вываливается въ илѣ и затѣмъ высушивается на солнцѣ, такъ что все туловище его покрывается непроницаемою для жала опаснаго соперника броней; морду-же свою онъ защищаетъ, прикрываясь хвостомъ. Легенды объ ихневмонѣ не ограничиваются этимъ и надѣляютъ отважнаго бойца за общественное благосостояніе еще другими качествами, о чемъ и передаетъ Плиній. Крокодилъ, наѣвшись до сыта, имѣетъ обыкновеніе покоиться гдѣ-нибудь на песчаной отмели, причемъ онъ страшно разѣвываетъ свою зіяющую пасть, угрожая гибелью каждому, кто отважится приблизиться къ

нему. Исключенія допускаются только по отношеніи одной маленькой птицы, которая, со смѣлостью невѣдѣнія, забирается въ самую пасть крокодила и вылевываетъ пищу, завязшую въ его зубахъ. Кромѣ птицъ всѣ другія животныя страшатся грознаго чудовища и не рѣшаются приблизиться къ нему. Одинъ ихневмонъ поражаетъ своею храбростью: онъ осторожно подкрадывается къ спящему крокодилу, отважно прыгаетъ въ его раскрытую пасть, прокусываетъ ему горло, растерзываетъ его сердце и, умертвивъ его такимъ образомъ, открываетъ себѣ окровавленный путь къ обратному безпрепятственному выходу изъ туловища страшилища. Однимъ этимъ ихневмонъ не удовлетворяется: онъ выискиваетъ и выслѣживаетъ мѣста, гдѣ ужасный гадъ въ изобиліи владеть свои яйца, и скребетъ тутъ до тѣхъ поръ, пока ему удастся докопаться до скрытаго сокровища; тогда онъ набрасывается на него и, не смотря на бдительность матери, въ одну минуту пожираетъ все гнѣздо, чѣмъ, конечно, оказываетъ неоцѣненные услуги человѣчеству.

Несомнѣнно, что египтяне твердо вѣрили этимъ легендамъ, которыя и исходятъ собственно отъ нихъ; но позднѣйшіе естествоиспытатели сдѣлали большую ошибку, принявъ на вѣру эти сказочныя повѣствованія, такъ какъ на самомъ дѣлѣ ихневмонъ далеко не обладаетъ всѣми приписываемыми ему качествами. Хотя точныя изслѣдованія нрава и образа жизни ихневмона стали извѣстны только въ позднѣйшее время, тѣмъ не менѣе и прежде, уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, многіе путешественники высказывали свои сомнѣнія относительно пользы, приносимой этимъ животнымъ, чѣмъ и поколебали вѣру въ различныя легенды о немъ.

Взрослый ихневмонъ значительно превосходитъ своимъ ростомъ нашу домашнюю кошку; длина его туловища достигаетъ 65 см., а хвостъ имѣетъ по меньшей мѣрѣ 45 см.; но онъ кажется меньше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, благодаря своимъ короткимъ ногамъ; только изрѣдка можно встрѣтить самца, у котораго загривокъ былъ-бы выше 20-ти см. Туловище ихневмона стройное, какъ у всѣхъ виверръ, хотя не такое красивое, какъ у генеттъ, за то значительно болѣе коренастое, чѣмъ у большинства видовъ этого рода, что подтверждается его вѣсомъ: взрослый ихневмонъ вѣситъ 7, а иногда даже 9 килогр. Ноги у него короткія, ступни голыя и пальцы на ногахъ почти до половины соединены короткою перепонкою. Длинный хвостъ, благодаря густымъ волосамъ, покрывающимъ его у корня, кажется очень толстымъ, будто-бы продолженіемъ самого туловища, и заканчивается кистью; глазныя впадины голыя, влѣдствіе чего еще больше выступаютъ маленькіе огненные глаза съ круглыми зрачками. Уши короткія, широкія и округленныя. Окколо задняго прохода находится плоскій мѣшокъ съ отверстіемъ посрединѣ. Особенно замѣчательенъ мѣхъ ихневмона; онъ состоитъ изъ густого подшерстка ржаво-желтаго цвѣта и длинныхъ волосъ ости почти въ 6—7 см. Эти волоса чернаго цвѣта съ желтовато-бѣлыми кольцами, а на самыхъ концахъ блѣдно-желтые. Чрезъ это вся шкура получаетъ зеленовато-сѣрую окраску, которая вполне соответствуетъ мѣсто-пробыванію животнаго. На головѣ и на спинѣ мѣхъ темнѣе, на бокахъ и на брюхѣ болѣе блѣдный; ноги и кисть хвоста темновато-черныя или совсѣмъ черныя; встрѣчаются, впрочемъ, и нѣкоторыя измѣненія.

Фараонова крыса распространена не только по всей сѣверной Африкѣ и по Индостану, но, по Ноаку, который давно уже доказалъ ея пребываніе въ западной Африкѣ, въ Лоанго и Конго, она водится во всей Африкѣ, а также на Мадагаскарѣ, куда могла быть завезена людьми. Не доказано еще только ея пребываніе въ южной Испаніи и сѣверной Азіи. Животное это избираетъ для своего мѣстожительства низменности; въ Египтѣ оно живетъ по густо поросшимъ берегамъ рѣкъ и въ тростникахъ, окружающихъ поля. Здѣсь оно проводитъ свои дни и устраи-

васть для себя въ тростниковой чащѣ узкія, но тщательно прочищенные тропинки, ведущія къ глубокимъ, но не особенно просторнымъ норамъ. Въ нихъ самка плодится принося весною или въ первые лѣтніе мѣсяцы 2—4 дѣтенышей, которые очень долго питаются молокомъ матери и еще дольше находятся подъ попеченіемъ обоихъ родителей.

Животное это во всѣхъ отношеніяхъ оправдываетъ свое названіе «ихневмонъ», что значитъ «сыщикъ». Своимъ нравомъ и душевными свойствами ихневмонъ напоминаетъ родственныхъ ему куницъ: онъ обладаетъ тѣмъ же непріятнымъ запахомъ, такую же хитростью, кровожадностью и искусствомъ воровать. Ихневмонъ въ высшей степени трусливъ, остороженъ и подозрителенъ. Онъ никогда не отваживается выходить въ открытое поле, а всегда пробирается по защищеннымъ закоулкамъ, хотя рыскаетъ довольно далеко по окрестностямъ. На промыселъ свой онъ выходитъ днемъ и пожираетъ все, что можетъ добыть хитростью, начиная съ зайца изъ класса млекопитающихъ и курицы или гуся изъ царства пернатыхъ. Кроме этого онъ питается змѣями, ящерицами, насѣкомыми, червями и т. п., а вѣроятно также и плодами. Грабительскіе набѣги ихневмона навлекаютъ на него страшную ненависть со стороны египетскихъ крестьянъ, потому что онъ самымъ безжалостнымъ образомъ разоряетъ курятники и голубятни и особенно куринья гнѣзда, которыя курицы устраиваютъ тамъ на волѣ, подобно лѣснымъ птицамъ. Дѣйствительной пользы ихневмонъ теперь совсѣмъ почти не приноситъ, если не считать той услуги, какую онъ оказываетъ истребленіемъ змѣй.

Его походка способна обратить на себя особенное вниманіе; она совершенно своеобразна: животное какъ будто ползаетъ по землѣ, потому что короткія ноги его совершенно закрываются длинною шерстью, которая не позволяетъ видѣть ихъ движеній. Въ лѣтніе мѣсяцы ихневмона рѣдко встрѣчаютъ одного, а всегда въ сообществѣ своихъ родичей. Самецъ идетъ обыкновенно впереди, за нимъ слѣдуетъ самка, а позади матери плетутся дѣтеныши; при этомъ одинъ членъ семьи держится такъ близко подлѣ другого, что выглядятъ, будто вся цѣпь животныхъ составляетъ одно цѣлое существо, которое можно сравнить съ замѣчательно длинною змѣей. Отъ времени до времени глава семьи останавливается и подымаетъ голову, чтобы удостовѣриться въ безопасности, причемъ онъ неистово раздуваетъ ноздри и сопить, какъ при сильной одышкѣ. Когда онъ убѣдится, что бояться нечего, то идетъ дальше; при видѣ добычи онъ начинаетъ безшумно извиваться между стеблями какъ змѣя, чтобы какъ можно ближе подойти къ ней, затѣмъ, вдругъ, въ одинъ или два прыжка достигаетъ даже вспорхнувшую птицу. Передъ мышьявой норой онъ способенъ высиживать съ замѣчательнымъ терпѣніемъ, выжидая и подкрадываясь къ добычѣ съ забавною осторожностью.

По всей вѣроятности ихневмонъ обладаетъ такимъ же прекраснымъ чутьемъ, какъ и лучшія собаки; это видно изъ того, что на охотѣ онъ руководится преимущественно чутьемъ. Если ему попадаютъ яйца, то онъ выпиваетъ ихъ; у млекопитающихъ и у птицъ онъ высасываетъ обыкновенно только кровь и сѣдаетъ мозгъ. Страсть его къ хищничеству стоитъ выше потребностей голода, такъ какъ онъ умерщвляетъ больше животныхъ, чѣмъ можетъ съѣсть.

Его голосъ слышится только тогда, когда его подстрѣляютъ; въ другое время онъ не издаетъ никакого звука, даже при мучительныхъ ранахъ. Впрочемъ, египтяне утверждаютъ, что его голосъ можно еще слышать во время спариванія, когда онъ испускаетъ довольно рѣзкій, монотонный свистъ. Много нелѣпаго рассказываютъ о враждебныхъ отношеніяхъ ихневмона къ другимъ животнымъ и, между прочимъ, говорятъ, что самые опасные враги его — лисицы, шакалы и осо-

бенно караульщикъ (варанъ), нильская ящерица. Но я могу увѣрить, что никогда ничего подобнаго не видалъ и не слышалъ. Самый важный его врагъ—человѣкъ; кромѣ него ему можетъ вредить только Ниль, когда затопляетъ излюбленныя имъ мѣста; въ этомъ случаѣ, впрочемъ, онъ заручается своимъ умѣньемъ плавать и заблаговременно спасается на высокія насыпи, соединяющія одну деревню съ другою или огораживающія фарватеръ; здѣсь онъ и находитъ себѣ временное убѣжище въ чащѣ высокаго густаго тростника.

Охота на ихневмона считается, по мнѣнію египтянъ, за благочестивое дѣло. Стоитъ только пойти въ любую деревню и извѣстить тамъ о своемъ намѣреніи поохотиться за «нимсомъ», какъ называютъ это животное арабы,—тогда навѣрно и старый и малый поднимутся на помощь, радуясь возможности уничтожить вреднаго плута и мошенника. Все общество направляется тогда къ тростниковой чащѣ; охотникъ останавливается тамъ, а прочіе его помощники загоняютъ животное. Хищникъ тотчасъ-же смекаетъ въ чемъ дѣло и при первой тревогѣ спѣшитъ укрыться въ норѣ; но и тамъ спасенія нѣтъ: арабы выгоняютъ его оттуда длинными палками, такъ что ему приходится искать защиты въ другой тростниковой чащѣ. Съ чрезвычайной осторожностью крадется онъ между стеблями, прислушиваясь каждую минуту и чутьемъ стараясь соразмѣрить близость опасности; когда другого выхода нѣтъ, онъ рѣшается проскользнуть по открытой полянѣ, чтобы спастись бѣгствомъ, при этомъ съеживается какъ только можетъ и ползкомъ пробирается по травѣ, стараясь не выдать себя быстрыми движеніями. Желая убить животное наповаль, надо стрѣлять въ него пулею большого калибра и на незначительномъ разстояніи, такъ какъ ихневмонъ очень живучъ и даже при вѣрномъ выстрѣлѣ уходитъ невредимымъ, если только его не убьютъ на мѣстѣ.

Съ жизнью ихневмона въ неволѣ насъ знакомятъ еще описанія Альпинуса. Этотъ изслѣдователь въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ владѣлъ самцомъ—нимсомъ, котораго держалъ у себя въ комнатѣ; онъ спалъ со своимъ хозяиномъ, какъ собака, и игралъ, какъ кошка. Пропитаніе ихневмонъ снискиваетъ себѣ самъ: когда онъ былъ голоденъ, то уходилъ изъ дому и по прошествіи нѣсколькихъ часовъ возвращался совершенно сытымъ. Онъ былъ очень чистоплотенъ, хитеръ и смѣлъ, храбро нападалъ на большихъ собакъ, безбоязненно умерщвлялъ кошекъ, ласокъ и мышей, и производилъ страшныя опустошенія среди куръ и другихъ птицъ. Для домашнихъ онъ былъ несносенъ тѣмъ, что грызъ все, что ему ни попадало, въ особенности книги.

О другихъ экземплярахъ этого животнаго французскіе естествоиспытатели разсказываютъ, что они легко приручались, становились кроткими, умѣли различать голосъ своего хозяина и слѣдовали за нимъ подобно собакамъ. Ихневмоны имѣютъ свои непріятныя стороны: именно никогда не остаются въ покоѣ, вѣчно что-нибудь таскаютъ въ домъ, грызутъ и опрокидываютъ разные предметы. Но въ другомъ отношеніи нельзя отрицать и ихъ несомнѣнной пользы: домъ, въ которомъ держатъ ихневмона, вполне обезпеченъ отъ нашествія крысъ и мышей, такъ какъ этотъ хищникъ ведетъ нескончаемую войну съ несносными грызунами. Съ пойманною добычею ихневмонъ бѣжитъ куда-нибудь въ темный уголокъ и тамъ своимъ хрюканьемъ и ворчаньемъ показываетъ, что въ состояніи ее отстоять отъ постороннихъ посягательствъ.

Я также долгое время наблюдалъ плѣннаго ихневмона. Красивый, взрослый самецъ, бывшій на моемъ попеченіи, чувствовалъ себя въ клеткѣ, повидимому, вполне хорошо. Животное выглядѣло въ высшей степени добродушнымъ, хотя на дѣлѣ много разъ проявляло совершенно противоположныя качества. Всѣ другія

мангусты отлично уживаются съ себѣ подобными и однородными видами, такъ что ихъ безъ боязни можно содержать многочисленнымъ обществомъ въ одномъ помѣщеніи; ихневмонъ же только въ неизбѣжномъ случаѣ выносить общежителство. Когда я однажды посадилъ къ нему въ клетку мунго, онъ моментально оцетинился и яростно бросился на пришельца. Въ клеткѣ поднялась жестокая борьба. Мунго старался укрыться отъ своего болѣе сильнаго родича, а этотъ послѣдній стремился какъ можно скорѣе задушить его. Оба животныхъ словно бѣшенныя носились по клеткѣ, причемъ выказывали такое проворство и ловкость, которыхъ нельзя было въ нихъ предвидѣть. Они съ быстротою кошекъ или векшъ взбирались по древесному стволу или по жердямъ рѣшетки, прыгали съ поразительной высоты и проскальзывали сквозь самыя узкія щели съ ловкостью ласки. Пришлось спасать бѣднаго мунго, а то разъяренный ихневмонъ не далъ-бы ему пощады. Гнѣвъ его не улегся еще долго послѣ того, какъ мы удалили отъ него незваннаго гостя и весь тотъ день онъ находился въ большомъ безпокойствѣ. Столь-же недружелюбно относился этотъ ихневмонъ къ своей сосѣдкѣ по заключенію, молодой дикой кошкѣ, съ которою ему приходилось сообщаться черезъ рѣшетку, благодаря плохому устройству клетокъ. Это маленькое животное успѣло уже настолько привыкнуть къ своему плѣну, что искало себѣ развлеченій въ разныхъ играхъ; между прочимъ у кошечки явилось несчастное желаніе поиграть со своимъ сосѣдомъ по плѣну; но ихневмонъ схватилъ довѣрчивое существо за неосторожно просунутую въ рѣшетку лапу, пригнулъ его къ себѣ, задушилъ и отгрызъ обѣ его переднія лапы.

* * *

Всѣ мангусты сходны другъ съ другомъ по тѣлосложенію, а въ большинствѣ случаевъ и по образу жизни; такимъ образомъ вышеизложенное описаніе ихневмона могло бы быть достаточнымъ для нашей цѣли, еслибы не требовалось нѣкоторыхъ подробностей объ отдѣльныхъ видахъ.

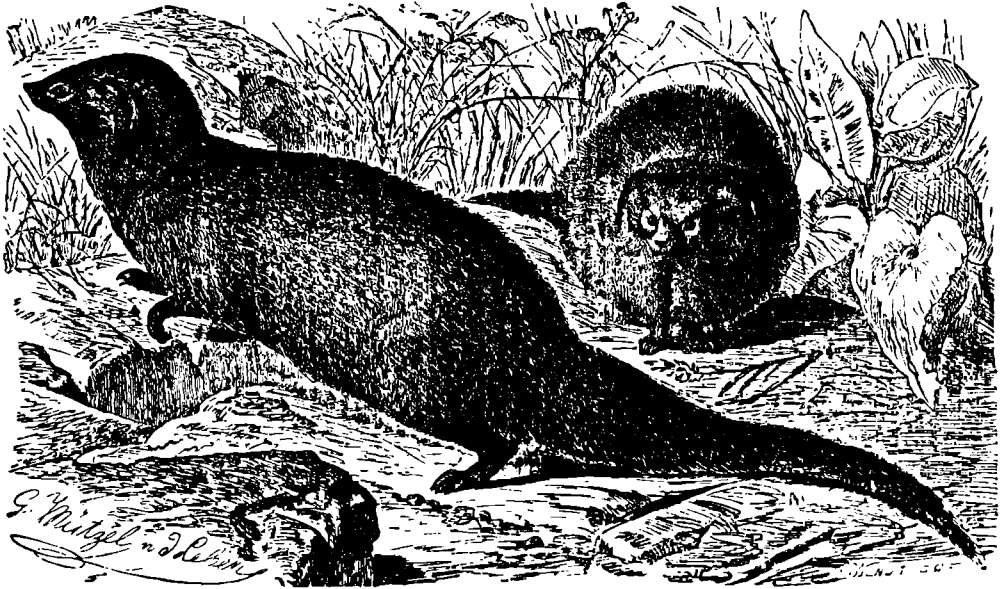
Второй послѣ ихневмона и не менѣе его извѣстный видъ, замѣняющій въ Индіи «фараонову крысу», это—мунго или мунгосъ англичанъ, въ Индіи называющійся мангусъ, неваль, доръ, разу, кири, мунгли, а на Цейлонѣ мугатеа (*Herpestes mungo*, *H. griseus*, *frederici*, *malaccensis*, *pallidus*, *ferrugineus* и *andersoni*, *Viverra mungo*, *Mangusta nyula* и *mungos. Mungo. Sunsa*). Мунго гораздо меньше ихневмона; длина его туловища достигаетъ 40—50 см., длина-же хвоста немного менѣе. Длинный жесткій мѣхъ сѣраго цвѣта; на концахъ волоса съ широкими бѣлыми кольцами, что и придаетъ шерсти серебристый отливъ и свѣтло-сѣрый отблескъ; на головѣ и бедрахъ окраска темнѣетъ, а на ногахъ она переходитъ въ черный цвѣтъ; щеки и горло отливаютъ въ большей или меньшей степени рыжеватымъ цвѣтомъ. Впрочемъ, отличительные признаки въ высшей степени мѣняются у этого животнаго, что и поведо къ установленію многихъ видовъ и разновидностей.

Область распространенія мунго идетъ черезъ весь Индостанъ къ востоку, вѣроятно до Ассамы, а на западъ до Афганистана и Белуджистана; кромѣ того онъ встрѣчается и на Цейлонѣ. Водится-ли мунго на Малакскомъ полуостровѣ, гдѣ Канторъ приобрѣлъ одинъ экземпляръ его, это подлежитъ сомнѣнію.

Всего ближе по родству съ мунго является золотопыльная или яванская мангуста (*Herpestes javanicus*, *Ichnenmon javanicus*, *Mangusta javanica*, *Mustela*, *galera*, *Goldstaubmanguste*, *Mangouste dorée*), но она гораздо меньше его, такъ что не достигаетъ болѣе 55 см. въ длину, изъ которыхъ на хвостъ приходится почти 20 см. Это хорошенькое животное имѣетъ темно-бурый мѣхъ съ нѣжнымъ золотистымъ крапомъ, такъ что выглядит какъ-бы напудреннымъ золотою пылью. На спинѣ окраска

темнѣеть, на головѣ переходитъ въ рыжеватый цвѣтъ. Этотъ видъ на Явѣ и Суматрѣ замѣняетъ мунго.

Мунго не любитъ лѣса; онъ живетъ больше въ кустарникахъ, рощахъ, дубравахъ, на плантаціяхъ, берегахъ, поросшихъ кустарниками, въ тростникахъ, на каменистыхъ покатосяхъ и часто водворяется въ домахъ, гдѣ нерѣдко причиняетъ большой вредъ домашней птицѣ и прочимъ маленькимъ домашнимъ животнымъ. Въ выкопанныхъ ими самими норахъ самки мунго приносятъ по 3—4 дѣтеныша. Мунго питается сладкими плодами, но предпочитаетъ мясную пищу. Перебѣгая со скалы на скалу, съ камня на камень, изъ ущелья въ ущелье, онъ такъ основательно изслѣдуетъ мѣстность, что едва-ли отъ него укроется что-либо съѣдобное; иногда онъ залѣзаетъ въ самыя узкія щели и вытаскиваетъ оттуда мышей, крысъ,

Мунго. *Herpestes mungo*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ящерицъ, змѣй и т. п., пойманныхъ въ ихъ норахъ и логовищахъ. При нападеніи на куръ ему приходится дѣйствовать значительно осторожнѣе; тутъ ужъ пускается въ ходъ вся его природная хитрость: онъ растягивается на землѣ и притворяется мертвымъ, чтобы обмануть глупую птицу, которая изъ любопытства прѣходитъ посмотреть на неизвѣстный предметъ; какъ только она приблизится, онъ моментально оживаетъ и въ два, три прыжка настигаетъ свою жертву. Эти рассказы путешественниковъ вполне правдоподобны, потому что мнѣ самому приходилось наблюдать то-же у средне-африканскихъ мангусть.

Мунго чествятъ и славятъ за его побѣды надъ ядовитыми змѣями. Несмотря на свою незначительную величину, онъ можетъ одолѣть даже очковую змѣю, одерживая побѣду надъ нею не столько своею силою, сколько ловкостью. Туземцы утверждаютъ, что когда мунго бываетъ укушенъ ядовитою змѣею, онъ бѣжитъ отыскивать особенную траву или горькій корень, извѣстный подъ названіемъ «мангусвайль», съѣдаетъ это противоядіе и, вылѣчившись, можетъ снова продолжать борьбу со змѣею. Самые точные изслѣдователи признаютъ, что въ этихъ разказахъ есть

доля правды и что отравленный укушением змѣи мунго дѣйствительно убѣгаетъ съ поля сраженія, чтобы отыскать цѣлебный корень и подкрѣпить имъ упавшія силы, послѣ чего снова принимается за борьбу. Но Тенненъ говоритъ, что сиагалезцы не придаютъ никакой вѣры рассказамъ европейцевъ о сознательномъ употребленіи противоядія укушенными змѣею мунгосами; если во время своей борьбы съ очковою змѣею, на которую мунго нападаетъ такъ-же легко, какъ и на родственныхъ ему млекопитающихъ, животное и поѣдаетъ какую-то траву или корень, то это повидимому является совершенною случайностью. Одинъ хозяинъ, которому часто приходилось это видѣть, увѣрялъ его, что животное въ большинствѣ случаевъ ѣстъ траву, а если таковой не находится, то какое-нибудь растеніе по близости. Блэнфордъ считаетъ исторію о противоядіи неосновательною. Если-бы рассказы эти были вѣрны, то почему-же одни мунгосы имѣютъ въ своемъ распоряженіи противоядіе, тогда какъ другіе бойцы, преслѣдующіе ядовитыхъ змѣй, какъ напр. секретарь и нѣкоторые орлы, являются беззащитными противъ ядовитой змѣи? Также надо принять во вниманіе, что если-бы мунго знали такое вѣрное средство противъ укуса змѣи, то онъ нападалъ бы на нее очертя голову, а не предпринималъ бы всевозможныхъ мѣръ предосторожности, изопряясь во время такой борьбы въ своей удивительной ловкости и хитрости. Жердонъ и Стердаль объясняютъ неуязвимость мунго въ борьбѣ со змѣями свойствомъ его шкуры; они утверждаютъ, что густая щетинистая шерсть и толстая шкура дѣлаютъ мунго почти непроницаемымъ для зубовъ змѣи; если-же змѣѣ удастся укусить его, то онъ умираетъ также, какъ и всякое другое животное, хотя, по Блэнфорду, дѣйствіе яда развивается въ его организмѣ медленно, чѣмъ у другихъ млекопитающихъ, одинаковыхъ съ нимъ размѣровъ. Этотъ естествоиспытатель также былъ свидѣтелемъ, какъ мунго, безъ вреда для себя, съѣдалъ голову змѣи вмѣстѣ съ ядовитой железой. Не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, что и другіе хищники, какъ напр. ежъ, хорекъ, барсукъ,—по рассказамъ Ленца, также безъ вреда переносятъ укусы обыкновенной гадюки и могутъ съѣдать ея голову вмѣстѣ съ ядовитыми железами.

Въ 1871 году въ одномъ изъ засѣданій лондонскаго зоологическаго общества Склатеръ дѣлалъ ученый докладъ о мунго по поводу возникшей переписки между нимъ и намѣстникомъ Санта-Лючіи, Де-Вё (Des Voeux). Послѣдній сдѣлалъ моему уважаемому другу и сотруднику запросъ относительно истребленія копьеголовой змѣи этого (*Bothrops lanceolatus*) страшнаго бича восточно-индскихъ острововъ, причемъ просилъ доставить ему мунго, секретарей или какихъ-либо другихъ большихъ хищниковъ для борьбы съ этимъ мѣстнымъ врагомъ. Склатеръ отвѣтилъ, что при существующихъ условіяхъ онъ скорѣе всего можетъ рекомендовать для этой цѣли мунго, но при этомъ долженъ предупредить, что мангусты производятъ больше опустошеній между домашними птицами, нежели среди ядовитыхъ змѣй, и что поэтому онъ совѣтуетъ лучше назначить большую премію за убійство змѣй, чѣмъ выписывать туда упомянутое животное. Впрочемъ, онъ немедленно переслалъ Де-Вё двухъ живыхъ мунго, чтобы тотъ сдѣлалъ надъ ними испытанія относительно ихъ способности бороться со змѣями. Вскорѣ по полученіи животныхъ Де-Вё устроилъ опытную борьбу между отважнымъ мунго и опасною ядовитою змѣею. Большую, болѣе чѣмъ въ полметра длины, копьеголовую змѣю заключили въ стеклянную банку и поставили передъ выпущеннымъ изъ клѣтки мунго. При первомъ же взглядѣ на ядовитое пресмыкающееся мунго проявилъ сильное возбужденіе, весь ошетинился, хлопотливо бѣгалъ вокругъ банки и всячески пытался раскрыть ее, теребя зубами и когтями тряпку, которою посуда была увязана. Успѣвши

въ этомъ; онъ далъ тѣмъ выходъ змѣѣ, которая тотчасъ же выползла изъ банки и, осмотрѣвшись, быстро двинулась впередъ. Мунго бросился на нее и схватилъ ее зубами и когтями за шею, но змѣя, точно заранѣе приготовившись къ такому нападенію, ловко увильнула и, отскочивъ въ сторону, въ свою очередь напала на своего маленькаго врага; повидимому она успѣла укусить его, такъ какъ бѣдный мунго жалобно взвизгнулъ и высоко подпрыгнулъ на мѣстѣ, но въ ту-же минуту онъ собрался съ силами и снова вѣпилъ змѣѣ въ шею, на этотъ разъ съ удвоенною яростью. Послѣдовала кратковременная борьба; положеніе змѣи не позволяло ей еще разъ употребить въ дѣло свои зубы, но она все-таки успѣла вырваться изъ когтей и зубовъ мунго и ушла отъ него на нѣсколько шаговъ. Мунго притворился равнодушнымъ и сталъ какъ-бы безъ цѣли бродить около. Такъ прошло почти три минуты. Змѣя съ трудомъ пошевелилась, хотѣла скрыться, не считая себя, очевидно, въ безопасности, однако осталась лежать на мѣстѣ. Тогда мунго совершенно неожиданно снова наскочилъ на нее, схватилъ поперегъ туловища такъ, что она не шевельнулась, и поволокъ въ свою клѣтку, дверца которой стояла открытою. Войдя къ себѣ, онъ спокойно началъ ѣсть свою добычу, у которой прежде всего отбѣлъ голову. Клѣтку заперли и зрители разошлись въ полной увѣренности, что храбрый побѣдитель заплатитъ жизнью за свою прожорливость. По прошествіи часа снова вернулись къ клѣткѣ, открыли ее и герой битвы вышелъ изъ нея совершенно здоровымъ, а отъ побѣжденной змѣи оставался одинъ только маленький кусочекъ хвоста: все остальное было съѣдено. Прошло еще двѣ недѣли, а храбрый мунго продолжалъ чувствовать себя такимъ-же бодрымъ и веселымъ, какъ и прежде. Былъ-ли онъ укушенъ и насколько сильно, этого сказать нельзя, такъ какъ мунго не удалось изслѣдовать. Змѣя, надъ которою производили этотъ опытъ», такъ кончаетъ Де-Вѣ свой докладъ, «была еще полузрелая, хотя уже достаточно сильна для того, чтобы наносить глубокіе укусы, послѣдствія которыхъ могли-бы убить человѣка въ продолженіи самаго короткаго времени». Въ семидесятыхъ годахъ мунго былъ перевезенъ на Ямайку съ цѣлью истребленія крысъ, которыя опустошали сахарныя плантаціи; польза, оказанная этимъ животнымъ, была опредѣлена въ два милліона марокъ.

Изъ всѣхъ мангустъ мунго лучше другихъ пригоденъ для прирученія, по тому что онъ въ высшей степени опрятенъ, чистъ, веселъ и относительно добродушенъ. Поэтому на родинѣ его можно встрѣтить во многихъ домахъ, какъ обыкновенное домашнее животное. За оказываемое ему гостепріимство мунго оплачиваетъ массою услугъ: подобно ихневмону, онъ въ короткое время очищаетъ домъ отъ крысъ и мышей. Какъ настоящая мангуста, мунго дѣтеленъ только днемъ. Когда его въ первый разъ приносятъ въ незнакомое жилище, онъ живо обѣгаетъ весь домъ, выищеть всѣ норы, щели и укромные уголки и, при помощи своего тонкаго чутья, тотчасъ же разыщетъ притонъ грызуновъ. Онъ дѣйствуетъ такъ энергично и усердно, что никогда не уходитъ безъ добычи.

Какъ уже сказано, мунго довольно добродушное животное, но при дурномъ расположеніи духа онъ, подобно злой собакѣ, оскаливаетъ зубы рѣшительно на каждаго, кто къ нему приблизится; впрочемъ, гнѣвъ его не продолжителенъ и животное скоро успокаивается. Съ человѣкомъ мунго сходится очень скоро; въ короткій промежутокъ времени онъ такъ привыкаетъ къ своему хозяину, что слѣдуетъ за нимъ повсюду, спитъ вмѣстѣ съ нимъ, ѣсть изъ его рукъ и вообще ведетъ себя какъ домашнее животное. Съ родственными видами, насколько мнѣ извѣстно изъ личныхъ наблюденій, онъ отлично уживается и никогда не замышляетъ ничего дурнаго противъ сотоварищей по плѣну.

У Стерндаля былъ мунго, который въ продолженіи трехлѣтъ его пребыванія въ Индіи служилъ ему постояннымъ спутникомъ, причѣмъ выказывалъ послушаніе и вѣрность, свойственныя собакамъ. «Пипсъ отлично зналъ, когда хозяинъ хотѣлъ застрѣлить для него птицу, слѣдилъ, присѣвъ на заднія ноги, за прицѣломъ ружья и послѣдно схватывалъ упавшую добычу. Будучи очень чистоплотнымъ, онъ заботился даже объ аккуратномъ содержаніи своихъ зубовъ и выковыривалъ изъ нихъ когтями остатки пищи, что выходило въ высшей степени забавнымъ. Онъ былъ замѣчательно неустрашимъ, преслѣдовалъ даже большихъ собакъ и убивалъ въ борьбѣ виднаго самца-дрохву, птицу, въ шесть разъ болѣе сильную, чѣмъ онъ самъ. Кромѣ того Пипсъ умерщвлялъ массу змѣй. При возбужденномъ состояніи духа онъ такъ ошетинивался, что казался вдвое больше своей настоящей величины; но стоило только хозяину погрозить ему пальцемъ, какъ разъяренный любимецъ смирялъ свой гнѣвъ и тотчасъ успокаивался. Однажды онъ потерялся въ густыхъ кустарникахъ, и хозяинъ никакъ не могъ розыскать его въ тотъ день, но когда черезъ нѣсколько дней снова пошелъ въ этотъ лѣсъ, то увидалъ своего Пипса на деревѣ, и животное такъ обрадовалось встрѣчѣ съ хозяиномъ, что тотчасъ же спрыгнуло съ дерева и уже не отходило больше ни на шагъ. Впослѣдствіи Стерндаль взялъ его съ собою въ Англію, гдѣ мунго скоро сдѣлался общимъ любимцемъ. Онъ умѣлъ продѣлывать много забавныхъ штукъ: прыгалъ, кувыркался, садился на стулъ, одѣвъ на голову ермолку, изображалъ изъ себя солдата и слушался команды. Пипсъ умеръ отъ тоски: онъ не перенесъ временной разлуки со своимъ хозяиномъ и заморилъ себя добровольнымъ голодомъ.

* *

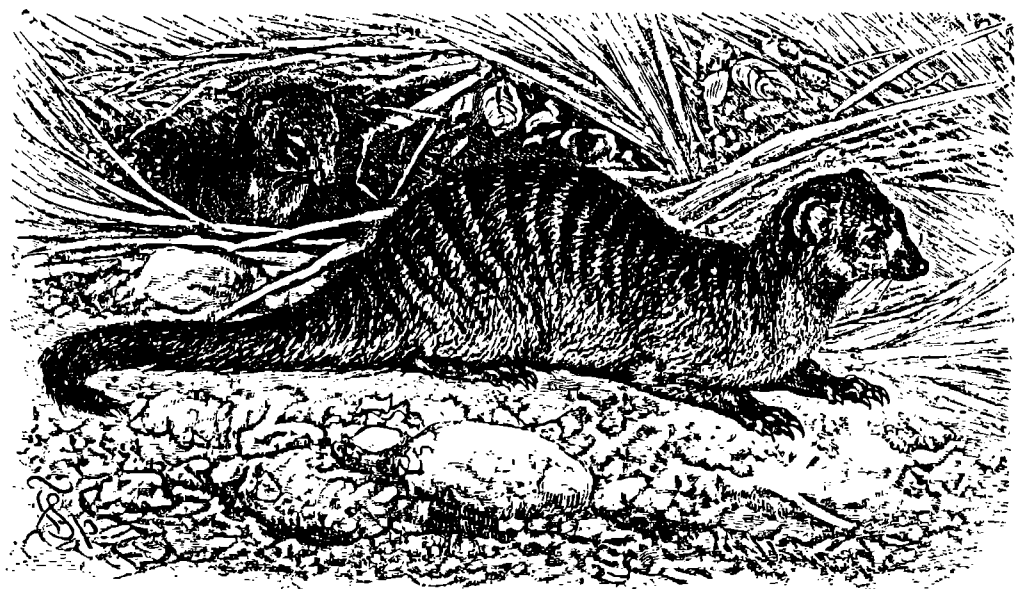
Изъ европейскихъ мангустъ, сродныхъ съ ихневмономъ, достоинъ вниманія мелонъ или мелончилло (*Herpestes widdringtonii*). Это животное было знакомо испанскимъ охотникамъ задолго до того, какъ оно пошло въ руки естествениспытателей. Охота за нимъ считается выгодною, такъ какъ его хвостовые волосы идутъ на выдѣлку кистей для живописи и оплачиваются высокою цѣною; охотники только и убивали мелончилло ради этихъ волосъ, шкуру же его бросали. Грай впервые въ 1842 г. открылъ эту мангусту въ нашей части свѣта. Весьма вѣроятно, впрочемъ, что мелончилло водится также и въ Африкѣ, хотя это еще не доказано.

Въ Испаніи мелонъ, подобно ихневмону, живетъ преимущественно въ низменностяхъ близъ рѣкъ и главнымъ образомъ водится въ Эстремадурѣ и Андалузій. Притономъ для него служатъ исключительно тростниковыя чащи и равнины, поросшія высокою осокою; въ горахъ же онъ почти не встрѣчается. Общая его длина 1,1 м., на долю хвоста приходится около 50 см. Шерсть довольно короткая и только посрединѣ спины немного длиннѣе, а на передней части шеи и на брюхѣ ея почти совсѣмъ нѣтъ, такъ что эти части кажутся голыми. Общая окраска мѣха темно-сѣрая съ свѣтловатымъ крапомъ; носъ, ноги и кончикъ хвоста черные. На спинѣ волоса черные съ тремя бѣлыми кольцами и буроватымъ кончикомъ. Морда покрыта короткими, а уши мягкими волосками съ тонкими кольцами.

* *

Къ замѣчательнымъ видамъ этой группы принадлежитъ полосатая или зебровая мангуста, саки туземцевъ (*Herpestes fasciatus*, *Ariela* и *Helogale taenionota*, *Ichneumon* и *Herpestes taenionotus*, *H. zebra*, *Zebromanguste*, *Mangouste zebree*). Она представляетъ собою самое маленькое животное изъ всего семейства и, вслѣдствіе нѣкотораго отличія въ зубахъ, считается представителемъ отдѣльнаго рода (*Ariela*), но внѣшнимъ своимъ видомъ, образомъ жизни и характеромъ вполне

напоминаетъ своихъ родичей. Длина ея туловища достигаетъ 40 см., а хвостъ— 20 см., но я съ точностью могу сказать, что видѣлъ животныхъ большаго размѣра, хотя и не измѣрялъ ихъ длину. Основной цвѣтъ густого мѣха полосатой мангусты кажется блѣдно-сѣрымъ потому, что отдѣльные волоса состоятъ изъ бѣлыхъ, черныхъ и чалыхъ колець. Гаакъ сдѣлалъ такого рода наблюденія, что волоса мѣха зебровой мангусты дѣлятся на три части: въ корнѣ они бѣлые, въ средней части черные, а сверху чалые, при этомъ волосы спины распределены неравномерно съ волосами головы и состоятъ изъ поперечныхъ рядовъ то длинныхъ и тонкихъ, то короткихъ и толстыхъ, такъ что бѣлая, корневая часть волосъ въ слѣдующемъ поперечномъ ряду покрывается чалыми волосами предыдущаго поперечнаго ряда, тогда какъ средняя черная полоса остается сплошь непокрытою; черезъ это мѣхъ зебровой мангусты выгладитъ полосатымъ, состоящимъ изъ правильно расположен-

Зебровая мангуста. *Perpestes fasciatus* 1/2 наст. вел.

ныхъ темныхъ и свѣтлыхъ поперечныхъ полосъ. Морда и нижняя часть туловища ржаваго цвѣта, конецъ хвоста черный.

Зебровая мангуста, какъ кажется, водится въ довольно большомъ количествѣ во всей восточной Африкѣ, отъ мыса Доброй Надежды до Абиссиніи, и по всему матеріку до западной Африки. Представляетъ ли восточно-африканская зебровая мангуста настолько рѣзкіе отличительные признаки, чтобы отдѣлить ее отъ мангустъ западной Африки—это остается подъ сомнѣніемъ. Гейглинъ много разъ наблюдалъ полосатую мангусту въ сообществѣ съ даманомъ. Съ сусликомъ она также, повидимому, въ хорошихъ отношеніяхъ, можетъ быть, впрочемъ, потому, что боится этого зубастаго и сердитаго звѣрка. По всей вѣроятности зебровая мангуста дѣятельна не ночью, а исключительно днемъ. Какъ змѣя извивается она между камнями и неслышно скользитъ по землѣ. Сверкающіе глаза красивой пролазы заставляютъ предполагать, что она такъ же кровожадна, какъ и ея родичи. Ея пища состоитъ изъ всевозможныхъ маленькихъ млекопитающихъ, изъ птицъ, пресмыкающихся и насѣкомыхъ, которыхъ она можетъ добыть, изъ яицъ и во всякомъ случаѣ также изъ плодовъ.

Гейглинъ высказываетъ предположеніе, что зебровая мангуста пускаетъ въ ходъ все свое хитроуміе, чтобы заманить свою любимую дичь—степныхъ куропа-токъ, такъ часто встрѣчающихся въ ея отечествѣ. «Нашъ разбойникъ», говоритъ онъ, «болѣе придерживается птицъ, нежели млекопитающихъ. Мнѣ представлялся случай наблюдать, какъ двѣ зебровыя мангусты собирались схватить семейство степныхъ куропадокъ, которое поселилось въ низкихъ кустарникахъ. Однажды мое вниманіе было привлечено возбужденнымъ призывнымъ крикомъ этихъ птицъ; захвативши собакъ, я съ возможною осторожностью подкрался къ нимъ. Едва я успѣлъ сдѣлать шаговъ десять, какъ услышалъ совсѣмъ подлѣ себя призывной возгласъ самки, на него тотчасъ-же откликнулся самецъ, а черезъ минуту, словно эхо, раздался изъ дальняго куста совершенно такой-же откликъ, который исходилъ отъ мангусты, притаившейся въ чащѣ. Другая мангуста засѣла въ высокой травѣ, нѣсколько поодаль, и вторила первой, удачно подражая голосу куропадокъ. Эта комедія продолжалась нѣсколько минутъ, пока наконецъ самецъ, взбѣшенный посягательствомъ на его гаремъ, не подошелъ слишкомъ близко къ моимъ собакамъ. Это спугнуло его и онъ съ крикомъ вылетѣлъ изъ кустовъ, приглашая съ собою всю стаю, а опростоволосившимся пролазамъ ничего болѣе не оставалось, какъ тоже убраться, не солоно хлѣбавши».

Разсказъ Гейглина не подлежитъ никакому сомнѣнію. Я самъ слышалъ, какъ прирученная зебровая мангуста издавала по временамъ звуки, очень похожіе на крикъ упомянутыхъ степныхъ куропадокъ. Что касается самой цѣли этого крика, въ которой уважаемый наблюдатель видѣлъ предвзятое намѣреніе обмануть простоватыхъ птицъ, то это остается еще вопросомъ неразъясненнымъ.

Ноакъ даетъ интересное описаніе образа жизни зебровой мангусты по наблюденіямъ, сдѣланнымъ Р. Бемомъ въ восточной Африкѣ. «Этотъ красивенькій звѣрекъ особенно часто встрѣчается въ Угаллѣ и вообще по близости рѣкъ, гдѣ онъ избираетъ для своего мѣстожительства оставленныя муравьиныя постройки. Зебровыя мангусты въ высшей степени общительны и держатся вмѣстѣ многочисленнымъ обществомъ. Онѣ выходятъ изъ своихъ норъ на совмѣстныя прогулки, причемъ иногда ихъ можно встрѣтить проходящими черезъ степи. Какъ осторожныя созданія, онѣ все время держатся на-сторожѣ и откамандировываютъ отъ своего общества соглядатаевъ, которые забѣгаютъ впередъ, чтобы осмотрѣть, всели кругомъ благополучно. Если замѣчается что-нибудь подозрительное, то все общество, какъ по командѣ, улепетываетъ въ сокровенныя мѣста. Роясь въ землѣ и отыскивая себѣ плоды и насѣкомыхъ, зебровыя мангусты производятъ громкій шумъ, похожій на царапанье цесарокъ. Онѣ всеядныя животныя и въ ихъ неправильной формѣ, продолговатыхъ комкахъ кала всегда попадаются зерна. Въ плѣну, обыкновенно очень скоро приручаясь, онѣ ничѣмъ не пренебрегаютъ. Яйца и улитокъ онѣ разбиваютъ презабавнымъ образомъ, схватывая ихъ передними лапами и бросая о какой-нибудь твердый предметъ. То-же самое продѣлываютъ онѣ, вообще играя съ крѣпкими вещами. Онѣ имѣютъ непріятную привычку передъ ѣдою вспрыскивать пищу мочей. Солнечные лучи составляютъ для нихъ наслажденіе; согрѣваясь подъ ними, онѣ пріятно потягиваются. Голосъ зебровыхъ мангустъ въ высшей степени своеобразенъ: онѣ щебечутъ, выдѣлываютъ имъ трели и свистятъ какъ птицы, или-же испускаютъ тихіе протяжные звуки, а иногда громкій лай. Въ гнѣвѣ и въ возбужденіи онѣ злобно тьякаютъ и рычатъ. Хотя во время тревоги онѣ стараются глубоко зарыться въ своихъ норахъ, тѣмъ не менѣе зебровыхъ мангустъ отнюдь нельзя назвать трусливыми, а, напротивъ того, скорѣе даже смѣлыми и неустрашимыми. Людей онѣ имѣютъ обыкновеніе разсматривать съ нѣкоторымъ

любопытствомъ, садясь на заднія ноги; когда онѣ находятся въ своихъ норахъ, то къ нимъ можно подойти совсѣмъ близко и онѣ не убѣгаютъ, а только гнѣвно огрызаются на любопытнаго. Иногда въ маленькой рошцѣ можно встрѣтить множество мангустовыхъ норъ, — одна почти подлѣ другой — жильцы которыхъ живутъ другъ съ другомъ въ полномъ согласіи. Приближеніе человѣка всю колонію приводитъ въ сильное смущеніе, и всѣ входы въ норы заполняются визжащими животными. Подходка и движенія зебровой мангусты очень граціозны, и животное держится всегда очень чистоплотно. Мясо ея считается съѣдобнымъ». Относительно голоса ея Ноакъ прибавляетъ, что нѣкоторые его звуки очень напоминаютъ крикъ зуйка».

Въ западной Африкѣ зебровую мангусту держатъ въ домашнемъ состояніи въ факторіяхъ, миссіяхъ и иногда на почтовыхъ пароходахъ. Она пользуется полной свободой и, разъ пойманная, не стремится болѣе убѣгать. Ея веселый нравъ дѣлаетъ ее всеобщей любимицей; но сама она, подобно домашнимъ кошкамъ, привязывается болѣе къ дому, чѣмъ къ людямъ, хотя нерѣдко выказываетъ отдѣльнымъ личностямъ большую привязанность, всюду слѣдуетъ за ними, взлѣзаетъ на колѣни, позволяетъ себя ласкать и гладить, причѣмъ выражаетъ свое удовольствіе разнообразнымъ мурлыканьемъ. Когда ей даютъ яйца, она умѣетъ сама разбивать ихъ, дѣйствуя передними лапами, но чаще подбрасывая ихъ задними ногами такъ, чтобы они ударялись о какой-нибудь твердый предметъ. Такимъ-же образомъ она любитъ играть съ разными круглыми предметами, вслѣдствіе чего отъ нея слѣдуетъ прятать всякія цѣнные вещи. Пехуэль-Леше нашелъ однажды толстый стеклянный сосудъ со ртутью, разбитымъ около угла желѣзнаго ящика а Тейсъ (Teusz) рассказывалъ ему, какъ одна зебровая мангуста, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, стала играть съ хронометромъ и успѣла нѣсколько разъ швырнуть его объ ящикъ, прежде чѣмъ замѣтили съ какою дорогою игрушкою она забавляется.

Зебровая мангуста такъ же легко приручается, какъ и другіе виды; съ товарищами своими она иногда уживается, но чаще бываетъ несносною, а съ другими животными и совсѣмъ заносчивою; на чужого человѣка, который къ ней подходитъ, она бросается съ мужествомъ и ловкостью. Во время игръ съ другими мангустами, продолжающихся иногда цѣлые часы, она нерѣдко доходитъ до насилія; въ Лондонскомъ зоологическомъ саду нѣсколько мангустъ жившихъ вмѣстѣ, играя, поостеусали другъ другу хвосты. Ея близкое родство съ ихневмономъ обнаруживается при всякомъ случаѣ. Она въ высшей степени любопытна и каждую попавшуюся вещь любитъ подробно изслѣдовать; при этомъ она главнымъ образомъ пользуется своими передними лапами, которыми умѣетъ дѣйствовать какъ руками съ замѣчательною ловкостью и проворствомъ. Блестящіе красновато-каріе глаза ея такъ и сверкаютъ, обращаясь во всѣ стороны и ничего не упуская изъ вниманія; съ быстротою молніи зебровая мангуста лазаетъ по желѣзной рѣшеткѣ своей клѣтки или по сучьямъ дерева, поставленнаго тамъ; хлопотливое животное поспѣваетъ всюду, и бѣда тому маленькому созданію, которое попадетъ подъ такой зоркій глазъ и въ такія цѣпкія лапы! Его заранѣе можно считать приговореннымъ къ смерти: хищникъ однимъ прыжкомъ набрасывается на него и сразу закусываетъ на смерть.

Двѣ зебровыя мангусты, находившіяся на моемъ попеченіи, обходились очень хорошо съ мунго и яванскою мангустой, хотя во время ѣды и проявляли зависть. Я устроилъ ихъ въ отдѣльномъ помѣщеніи и часто позволялъ бѣгать на свободѣ вокругъ дома и даже по двору; онѣ очень скоро освоились съ этимъ и, какъ только слышали мой голосъ и мои шаги, тотчасъ-же начинали царапать въ двери и жадно мурлыкать; очутившись на свободѣ, онѣ въ прыжку пускались бѣгать

по всему заданию и съ ловкостью ищекъ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, обшаривали и обнюхивали всѣ уголки; прежде всего онѣ стремились обыкновенно къ сосуду съ молокомъ, съ котораго очень ловко научились приподнимать крышку своею острою мордочкой, и такимъ образомъ доставали себѣ любимый напитокъ. Интересно было смотрѣть, какъ эти миленькіе звѣрки висѣли, удѣившись за края бадьи, и съ наслажденіемъ лакали молоко. Другіе съѣдобные предметы также не оставляли безъ вниманія; особенно онѣ любятъ кости, которыя стаскиваютъ себѣ со всѣхъ угловъ. Костный мозгъ самое любимое ихъ лакомство и онѣ употребляютъ большое усиліе, чтобы достать его: сначала онѣ выскребаютъ кость когтями переднихъ лапъ, а затѣмъ, когда этого бываетъ недостаточно, онѣ схватываютъ кость обѣими передними лапами, садятся на заднія ноги и бросаютъ ее назадъ о мостовую или о стѣну съ такою силою и ловкостью, что кость разбивается и онѣ могутъ съѣсть весь мозгъ. Во время своихъ прогулокъ зебровыя мангусты постоянно визжать и ворчать.

По отношенію меня наши плѣнницы держались очень любезно. Онѣ позволяли трогать себя и ласкать, шли на мой зовъ и въ большинствѣ случаевъ проявляли замѣчательное послушаніе. Тѣмъ не менѣе онѣ не признавали власти человѣка надъ собою, особенно во время ѣды; тутъ онѣ скалили зубы даже на своихъ друзей и иногда кусались. Но, поступая такъ, онѣ отлично понимали, что заслужатъ за это наказаніе, поэтому тотчасъ-же принимали покорный, виноватый видъ, какъ это дѣлаютъ провинившіяся собаки, которыя знаютъ, что имъ не миновать хозяйской плетки. Свой умъ и умѣнье примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ онѣ доказывали на каждомъ шагѣ и особенно проявили во время общежитія съ пятью носатиками, съ которыми ихъ устроили на зиму. Сначала общество длинноносыхъ товарищей имъ было очень непріятно, особенно, когда тѣмъ приходило желаніе обнюхивать своихъ новыхъ сожителей; но отношенія тотчасъ-же перемѣнились, какъ только мангусты сообразили, что имѣли дѣло съ существами, болѣе низкими по уму, чѣмъ онѣ. Мангусты скоро оцѣнили носатиковъ по достоинству и съ тѣхъ поръ сдѣлались въ клѣткѣ полными хозяевами.

* * *

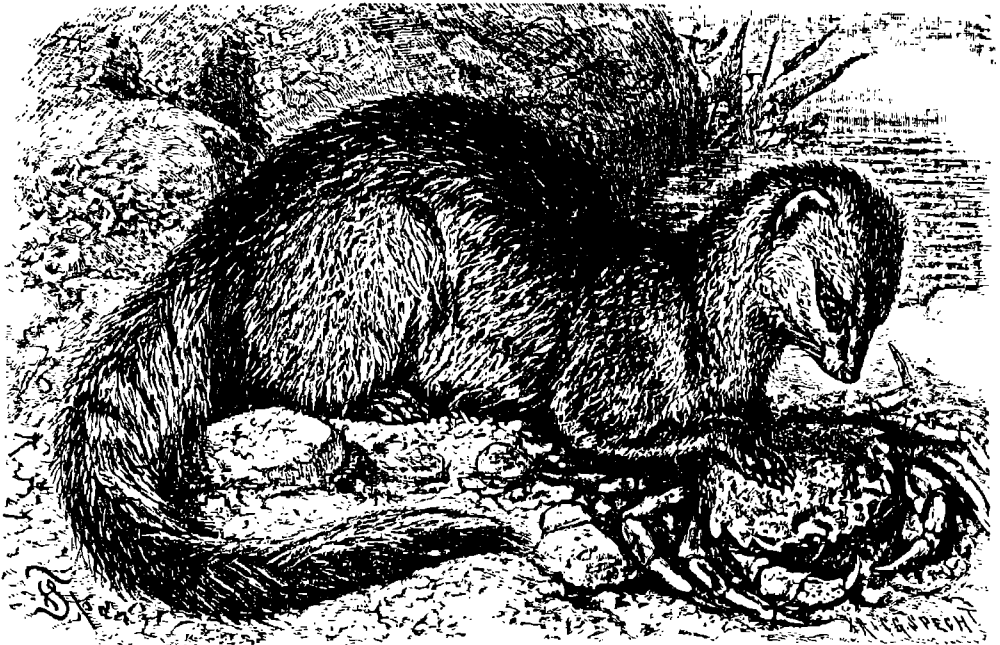
Въ заключеніе я хочу упомянуть объ одномъ видѣ этого семейства о крабовой мангустѣ или урвѣ, какъ ее называютъ въ Непалѣ (*Herpestes urva*, *H. cancrivorus*, *Urva cancrivora*, *Gulo urva*. Krabbenmanguste. Mangouste cancrivore), потому что она является соединительнымъ звеномъ между настоящими мангустами и росомахами. По вѣшнему виду и по строенію зубовъ урва не представляетъ существенныхъ различій съ остальными мангустами, но все-же она больше напоминаетъ росомаху. Морда ея вытянута и заострена, туловище узкое и сильное. Пальцы на ногахъ соединены большими перепонками, причѣмъ внутренніе пальцы на переднихъ и на заднихъ ногахъ сидятъ выше остальныхъ. Подхвостныя железы необыкновенно развиты. По общей окраскѣ урва схожа съ остальными мангустами; на верхней половинѣ мѣхъ смѣшанный темно-сѣрый и буровато-сѣрый; нижняя часть и ноги однообразнаго темно-бурого цвѣта; лапы часто бываютъ черныя. На верхней части туловища пробѣгаютъ иногда темныя полоски, отъ глаза къ плечу идетъ бѣлая, рѣзко очерченная перевязь; такія же поперечныя полоски проходятъ и по хвосту, который у корня опушенъ густыми волосами. По величинѣ урва немного превосходитъ другіе виды своего семейства: взрослый самецъ имѣетъ въ длину 80—90 см., изъ которыхъ около 30 см. приходится на хвостъ.

Ходжсонъ открылъ урву въ болотистыхъ долинахъ Непала. Область ея рас-

пространенія ограничивается незначительными возвышенностями юго-восточной части Гималайскаго хребта, Ассаномъ, Араканомъ, Тенассеримомъ, Бирмою и югомъ Китая. По мнѣнію Ходжсона это животное можетъ отчасти считаться воднымъ, потому что оно питается преимущественно лягушками и краббами.

Изъ двухъ, съ вишнею величиною, подхвостныхъ железъ урва выдѣляетъ вонючую жидкость, которую можетъ прыскать назадъ. Подобно своимъ родичамъ урва гнѣздится въ земляныхъ норахъ. * *

Кузиманзе (*Crossarchus obscurus*, *C. typicus* и *dubius*. *Kusimanse*. *Mangue obscure*) представляетъ собою мангусто-подобное животное и живетъ въ западной Африкѣ, въ особенности же въ Верхней Гвинее. По формѣ морды и по подхвостному мѣшку это животное походить на сурикату, а по числу пальцевъ — на на-

Крабовая мангуста. *Herpestes urva*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

стоящую мангусту. Туловище у него плотное, круглая голова оканчивается острой мордой, хвостъ средней длины; ноги довольно высокія, на всѣхъ лапахъ имѣется по пяти пальцевъ; въ верхней челюсти находится 2, въ нижней 3 ложно-коренныхъ зуба. Дальнѣйшими признаками этого животного служатъ маленькія круглыя уши, глаза съ круглымъ зрачкомъ, снабженные третьимъ неполнымъ вѣкомъ, длинный языкъ и закрывающійся подхвостный мѣшокъ.

Кузиманзе — единственный отличенный до сихъ поръ съ достовѣрностью представитель своего рода. Длина его равна приблизительно 55 см., изъ коихъ около 20 см. приходится на долю хвоста. Грубый мѣхъ однообразнаго бураго, на головѣ болѣе свѣтлаго, спереди желтоватаго цвѣта; волоса его имѣютъ попеременно болѣе свѣтлыя и болѣе темныя кольца.

Путешественники умалчиваютъ о жизни этого животного на волѣ. Въ Либеріи по Бюттикоферу, оно попадаетъ довольно часто и носитъ названіе «Ду». Отыскивая жуковъ, личинокъ ихъ и червей, кузиманзе пробуравливаетъ въ землѣ круг-

лья отверстія, которыя очень часто можно найти на лѣсныхъ дорогахъ. Въ плѣну онъ испускаетъ странные звуки, похожіе на ворчаніе, подобно тому, какъ это дѣлаетъ европейскій полчокъ.

Своею походкой и торопливыми движеніями, выдающими его трусливую натуру, онъ живо напоминаетъ европейскаго ежа. Этихъ звѣрковъ часто держатъ ручными въ домахъ: я не знаю ни одного дикаго животнаго, которое бы дѣлалось до такой степени ручнымъ и привязаннымъ къ человѣку, какъ это. Они очень веселы и чистоплотны. Даже сдѣлавшись домашними животными, они не могутъ оставить врожденной имъ склонности буравить своей мордочкой отверстія, и буравятъ ею въ щеляхъ половъ и между пальцами ногъ у босыхъ людей. Они, повидимому, очень любятъ тепло и особенно охотно ложатся на ноги человѣку,

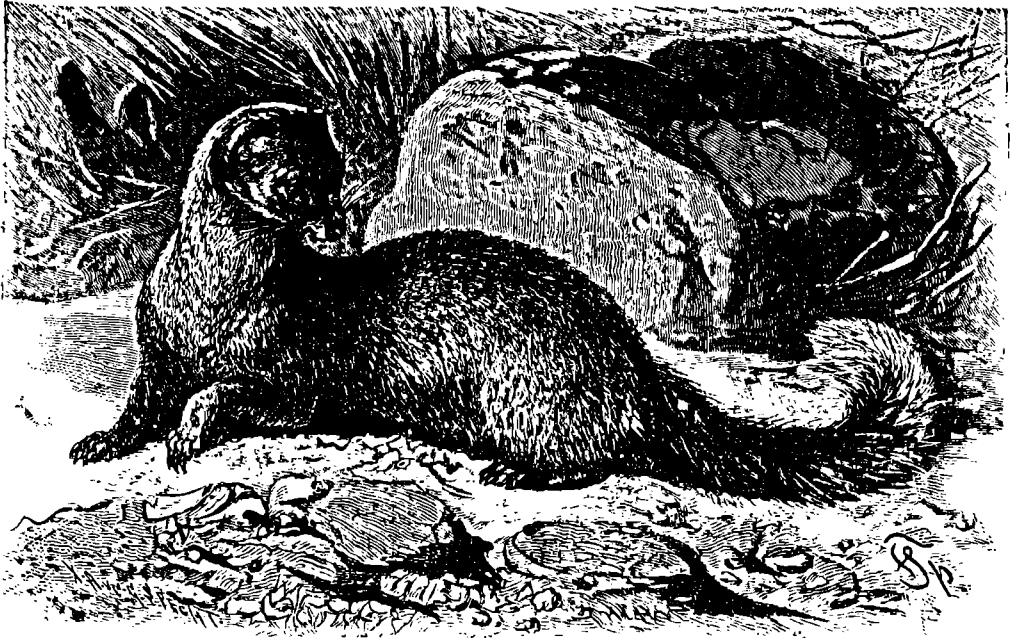

Кузманзе. *Crossarchus obscurus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

если онъ сядетъ гдѣ-нибудь, или остановится. Они, повидимому, больше дневныя, чѣмъ ночныя животныя. Съ недавнихъ поръ кузманзе иногда привозятъ въ Европу живыми. Въ Парижѣ одинъ кузманзе сдѣлался ручнымъ, какъ собака, охотно давалъ ласкать себя и былъ очень чистоплотенъ. Всклоченный мѣхъ, походившій на шерсть больныхъ животныхъ, постоянно расчесывался и облизывался; испраженія складывались постоянно въ одно и то-же определенное мѣсто. Длинный носъ, выдающійся приблизительно на 1 сантиметръ надъ нижнею челюстью, находился постоянно въ движеніи. Плѣнякъ часто терся о рѣшетку клетки, чтобы освободиться отъ вонючей жидкости, которою былъ наполненъ его подхвостный мѣшокъ. При мясной пищѣ животное чувствовало себя очень хорошо.

О плѣнныхъ кузманзе, содержавшихся во франкфуртскомъ зоологическомъ саду, Гааке сообщаетъ слѣдующее: «Лѣтомъ 1888 года я приобрѣлъ двухъ кузманзе, которые своимъ поведеніемъ очень отличались другъ отъ друга. Въ то время, какъ меньшій изъ нихъ, достигшій приблизительно одной четверти настоящей величины, былъ въ высшей степени ручнымъ и ласковымъ, большій изъ нихъ, на по-

Ловину взрослый, кусалъ каждого, пытавшагося приблизиться къ нему, и въ продолженіи почти цѣлаго года сдѣлался только немногимъ ручнѣе, хотя съ самаго начала, подобно меньшему, нисколько не былъ дикимъ. Маленькій дотога доврчивъ, что постоянно нѣжнымъ мурлыканьемъ приглашаетъ посѣтителя почесать ему голову, поднимается на встрѣчу ему у рѣшетки клѣтки на заднія лапы, протягивая ему переднія, и почти по первому же зову выходитъ изъ ящика, служащаго ему постелью, чтобы дать зрителямъ поласкать себя. Послѣ того, какъ онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ во Франкфуртѣ, съ нимъ приключилась жестокая болѣзнь: шерсть его стала грязною и невзрачною, пятки и пальцы ногъ покрылись ранами и начали гноиться, а изъ носа и глазъ сочилась липкая жидкость. Животное почти совершенно утратило аппетитъ и въ непродолжительное время исхудало до того, что стало похоже на скелетъ. Я сильно опасался за своего любимца, который по

Лисицевидная мангуста. *Cynictis penicillata*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

цѣлымъ днямъ лежалъ безъ движенія въ своемъ ящикѣ, и котораго рѣдко, и то послѣ продолжительныхъ увѣщаній, можно было заставить подойти къ рѣшеткѣ клѣтки, чтобы дать почесать себя голову. Мало-по-малу, однако, появился аппетитъ, а вмѣстѣ съ нимъ возвратилось къ животному и здоровье, и въ данное время звѣрекъ нашъ совершенно здоровъ и веселъ по прежнему. Ростъ его, правда, нѣсколько меньше обыкновеннаго, но въ другихъ отношеніяхъ экземпляръ этотъ безукоризненъ. Хотя наши кузманзе и представляютъ собою парочку, тѣмъ не менѣе они никакъ не могутъ привыкнуть другъ къ другу. Попытки держать ихъ въ общей клѣткѣ каждый разъ оказывались неудачными. Со страшнымъ пронзительнымъ крикомъ бросались они другъ на друга и каждый разъ должны были быть вновь разъединяемы, такъ какъ большій превосходилъ меньшаго силою и захватывалъ весь кормъ въ свое распоряженіе. Такимъ же дурнымъ обращеніемъ пользовался мунго, котораго я посадилъ къ меньшему изъ нихъ. Пронзительный крикъ кузманзе, кото-

рымъ онъ выражаетъ свою злобу, совершенно похожъ на крикъ мунго и другихъ мангустъ; то-же самое можно сказать и о нѣжномъ мурлыканьѣ, которымъ кузиманзе, подобно мунго, приглашаетъ зрителя заняться имъ. Злобный крикъ кузиманзе можно передать приблизительно слогами «кекъ, кекъ, кекъ, кекъ», а мурлыканье звуками, похожими на «урръ, урръ, урръ». Оба нашихъ кузиманзе охотно плещутся передними лапами въ водѣ, а также купаются въ ней въ теплую погоду. Большаго изъ нихъ я велѣлъ помѣстить въ нашемъ водоемѣ, предназначенномъ для выдры и ставшимъ пустымъ нѣкоторое время; въ немъ нашъ кузиманзе, по увѣреніямъ его сторожа, упражнялся въ нырніи. Самому наблюдать этого мнѣ еще не приходилось».

Къ мангустамъ относятся далѣе нѣсколько животныхъ, главное отличіе которыхъ заключается въ формѣ ногъ, такъ какъ на переднихъ лапахъ у нихъ пять пальцевъ, на заднихъ четыре и подошвы ногъ отчасти покрыты волосами.

Лисицевидная мангуста (*Cynictis penicillata*, *typica* и *steadmanni*, *Herpestes penicellatus*, *Mangusta penicillata* и *levillantii*, *Ichneumonina albescens* и *ruber*. *Fuchs manguste*. *Mangue vulpine*) животное, рѣдко встрѣчающееся въ нашихъ музеяхъ, достигаетъ 70 см. длины, изъ коихъ около 30 см. приходится на долю хвоста. Шерсть ея гладкая, хвостъ пушистый. Довольно равномерный рыжеватый или желто-бурый цвѣтъ принимаетъ на головѣ и на ногахъ болѣе темный, а на брюхѣ болѣе свѣтлый оттѣнокъ; рыжіе волоса на хвостѣ перемѣшаны съ серебристо-сѣрыми; кончикъ хвоста бѣлый. Надъ глазами и на губахъ торчатъ длинныя, черныя щетинки.

Она водится въ песчаныхъ мѣстностяхъ южной Африки, къ сѣверу отъ мыса Доброй Надежды, живетъ въ земляныхъ порахъ, питается мышами, птицами и насекомыми; нравъ ея дикій и драчливый, она хитра и ловка; за нею охотятся мало, или вовсе не охотятся, и потому не нашлось еще наблюдателя, который бы сообщилъ намъ подробныя свѣдѣнія о ея нравахъ и образѣ жизни.

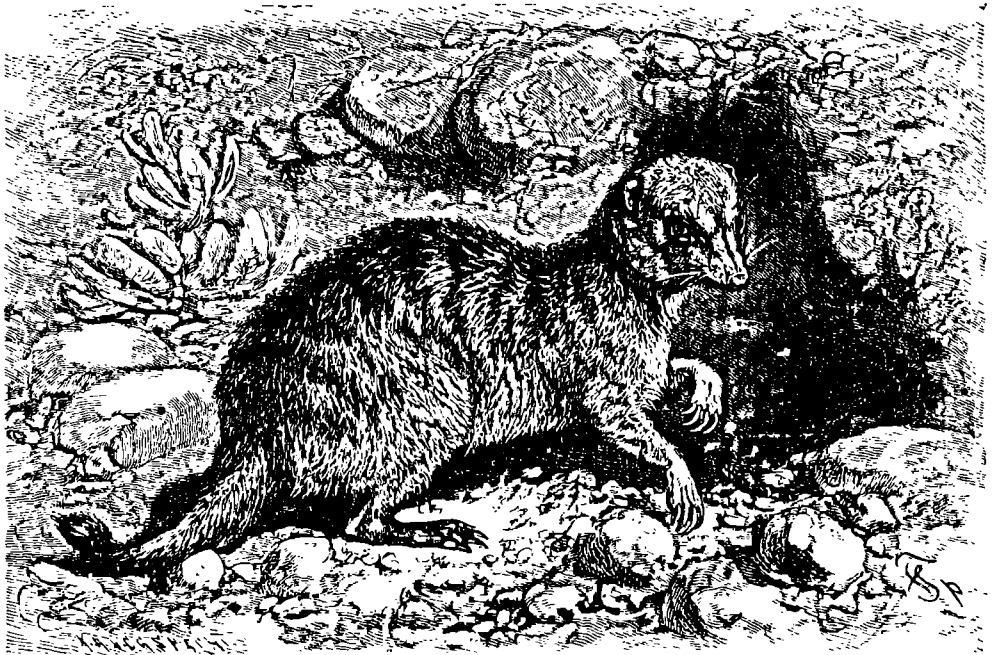
* * *

Суриката (*Suricata tetradactyla*, *Rhyzaena tetradactyla*, *typica*, *capensis* и *suricata*, *Viverra tetradactyla* и *suricata*, *Suricata zenick* etc.), до сихъ поръ единственный видъ этого семейства, извѣстный естествоиспытателямъ, встрѣчается въ Африкѣ отъ озера Чадъ до предгорій мыса Доброй Надежды. Голова съ хоботообразнымъ рыломъ, высокія ноги, четырехпалыя лапы, хвостъ, равномерно по всей длинѣ покрытый рѣдкою шерстью и, наконецъ, отсутствіе перваго ложно-кореннаго зуба, все это отличаетъ суриката отъ сходныхъ съ нею мангустъ. Ноги этого животнаго служатъ самою характерною примѣтою его; онъ вооруженъ длинными и крѣпкими когтями, которые въ особенности на переднихъ лапахъ достигаютъ такого развитія, какъ ни у одного изъ членовъ этого семейства. Съ помощью этихъ когтей суриката легко выкапываетъ довольно глубокіе ходы. У самки имѣются два подхвостныхъ железистыхъ мѣшка.

По наружному виду суриката является чѣмъ-то среднимъ между мангустами и куницами. Это маленькое животное на высокіхъ ногахъ, длиною 50—60 см., изъ коихъ почти половина приходится на хвостъ. Мѣхъ довольно грубый, сѣровато-бурого цвѣта съ желтоватымъ оттѣнкомъ; на этомъ фонѣ въ задней части спины выдѣляются отъ 8—10 темныхъ полосъ. Эти полосы образуются такимъ-же способомъ, какъ у зебровой мангусты, такъ какъ у сурикаты волосы на спинѣ имѣютъ у корня свѣтло-сѣрую, въ средней части темно-бурюю, а на верхнемъ концѣ свѣтло-сѣрую окраску и расположены попеременно болѣе густыми и болѣе рѣдкими рядами въ такомъ порядкѣ, что въ каждомъ ряду нижняя часть волосъ прикрывается верхними частями волосъ предыдущаго ряда, причемъ темныя среднія ча-

сти волосъ вездѣ остаются непокрытыми. На ногахъ шерсть свѣтлѣе, серебристаго цвѣта; губы, подбородокъ и щеки бѣловатые, кончикъ морды, кольцо вокругъ глазъ, уши и кончикъ хвоста—черные. Глаза съ большимъ круглымъ зрачкомъ и коричневой или серебристо-сѣрой радужной оболочкой.

Во время ходьбы суриката опирается почти всей ступней, но тѣмъ не менѣе держится высоко на ногахъ. Прислушиваясь къ чему-нибудь, она приподнимается на заднія лапы и стоитъ торчкомъ; иногда также она дѣлаетъ въ этомъ положеніи нѣсколько шаговъ впередъ. Изъ органовъ чувствъ больше всего, повидимому, развито обоняніе; слухъ у нея плохой, зрѣніе неважное. Пищу свою она ищетъ чуть-емь и потому то и дѣло, бѣгая взадъ и впередъ, обнюхиваетъ всѣ углы и закоулки.

Суриката. *Suricata tetradactyla*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

Найдя какой-нибудь предметъ, возбуждающій ея вниманіе, она хватаетъ его передними лапами, обнюхиваетъ, нѣсколько разъ поворачиваетъ, снова обнюхиваетъ и потомъ уже съѣдаетъ. При этомъ животное беретъ свою пищу передними лапами и подноситъ ее ко рту. Молоко, которое она очень любитъ, пьетъ лакая, какъ и всѣ жидкости. Бѣгая взадъ и впередъ, суриката то и дѣло испускаетъ тихій крикъ, похожій на «уй, уй».

Приручить суриката, повидимому, можно легко. Она скоро свыкается съ окружающими ее условіями и въ короткое время научается отличать между людьми своихъ доброжелателей отъ тѣхъ, кто относится къ ней недружелюбно. По Ноаку, она также охотно поднимается на заднія лапы и протягиваетъ зрителю переднія, прося подачки. Она необыкновенно чувствительна къ ласкамъ и легко обижается, если съ нею обращаются дурно: относясь довѣрчиво къ своему сторожу и платя любовью за любовь, она огрызается на того, кто ее дразнитъ и беспокоитъ. Говорятъ, что суриката, будучи хорошо приручена и приучена къ дому, оказываетъ

здѣсь большія услуги, истребляя мышей, крысъ и другихъ вредныхъ животныхъ; въ Африкѣ она особенно полезна тѣмъ, что уничтожаетъ змѣй и другихъ пресмыкающихся. О жизни ихъ на волѣ, къ несчастью, еще ничего неизвѣстно. Въ наши зоологическіе сады попадаютъ только рѣдкіе экземпляры.

* * *

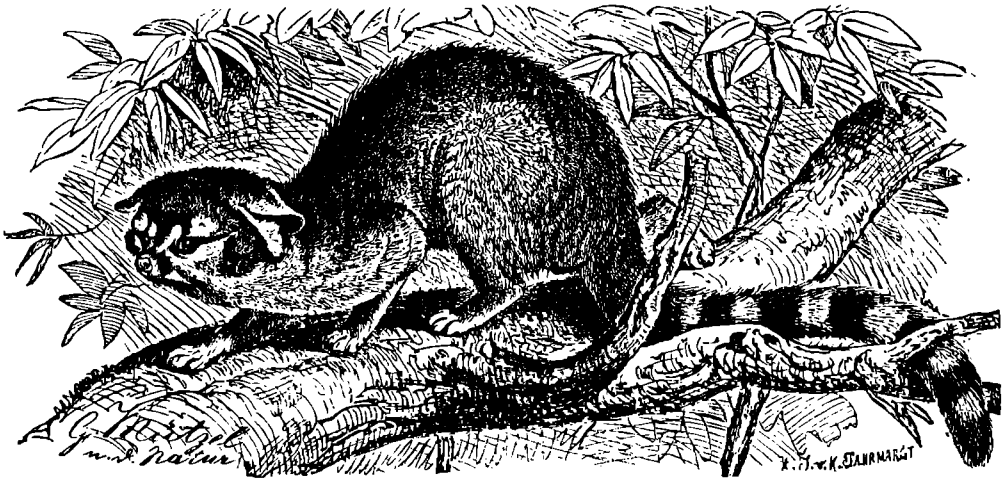
Представителемъ семейства виверровыхъ Новаго Свѣта можетъ служить кошкovidная мангуста, или, какъ ее уже въ 1651 году называлъ Хернандецъ, *Канамидли мексиканцевъ* (*Bassaris astuta*, *B. sumichrasti*, *Katzenfrett*). Однако семейство, которое это животное образуетъ собою, относятъ иногда къ семейству медвѣдей; съ другой стороны оно сходно съ куницами. Зубы, числомъ 40, отличаются двойнымъ бугоркомъ на верхнемъ плотоядномъ зубѣ, значительной величины нижнимъ бугорчатымъ зубомъ и различными другими незначительными признаками. *Какамицли*—животное пальцеходящее, причемъ короткіе когти, которыми снабжены всѣ пять пальцевъ каждой ноги, могутъ втягиваться на половину.

Не смотря на то, что *какамицли* извѣстенъ болѣе двухъ столѣтій, мы все-таки только еще въ новѣйшее время получили подробное описаніе его наружности и образа жизни. Лихтенштейнъ впервые описалъ его съ научной точки зрѣнія и далъ ему названіе; американскіе же естествоиспытатели Черльсвортъ (*Charlesworth*), Клеркъ, Бардъ и въ особенности Одюбонъ собирали наблюденія надъ его образомъ жизни и привычками. Взрослый самецъ достигаетъ общей длины около 95 см., изъ коихъ двѣ пятыхъ приходятся на долю хвоста. По формѣ тѣла это животное напоминаетъ небольшую лисицу, по окраскѣ носатпка. «*Какамицли*», говоритъ Бардъ «кажется помѣсью лисицы съ полоскуномъ. На первую онъ походитъ строеніемъ тѣла и хитрымъ взглядомъ, на второго—полосатымъ хвостомъ. Туловище его стройнѣе туловища лисицы, но плотнѣе туловища ласки; форма его почти такая же, какъ у норки. Довольно мягкая шерсть его съ примѣсью нѣкотораго количества болѣе длинныхъ твердыхъ волосъ почти такой же длины, какъ шерсть лисицы, голова остроконечной формы, голая морда длинная, глаза большіе, хорошо развиты; снаружи голыя, внутри покрытыя короткими волосами, острые уши торчатъ вверхъ». Шерсть на спинѣ темная буровато-сѣраго цвѣта съ примѣсью черныхъ волосъ; щеки и нижняя часть брюха желтовато-бѣлая или ржаво-красная, глаза того же цвѣта и окружены темнымъ кольцомъ, бока свѣтлѣе. Вдоль шеи и погъ идутъ нѣсколько неясно обозначенныхъ полосъ; хвостъ бѣлый съ восемью поперечными черными кольцами.

Насколько теперь извѣстно, *какамицли* живетъ въ Мексикѣ и Техасѣ, причемъ въ Мексикѣ обитаетъ по разсѣлинамъ скалъ и въ покинутыхъ строеніяхъ, а въ Техасѣ селится въ дуплахъ деревьевъ. Въ Мексикѣ его можно часто встрѣтить въ самой столицѣ, и Черльсвортъ даже полагаетъ, что онъ никогда не устраиваетъ своего логовища далеко отъ человѣческаго жилища, такъ какъ именно чловѣкъ, заводя курятники, тѣмъ самымъ облегчаетъ охоту этого хищника за добычею. Клеркъ указываетъ, что животное это живетъ въ конюшняхъ и покинутыхъ строеніяхъ, говоритъ, однако, по наслышкѣ, такъ какъ самъ онъ встрѣчалъ это животное по разсѣлинамъ скалъ и на деревьяхъ. Одюбонъ наблюдалъ его, повидному, только на деревьяхъ, а именно въ мѣстностяхъ Техаса, имѣющихъ видъ парка, въ которыхъ почва поросла травой, но кое-гдѣ покрыта густымъ кустарникомъ, среди котораго поодиночкѣ возвышаются старыя, болѣе высокія деревья. Многія изъ этихъ деревьевъ имѣютъ дупла, и *какамицли* предпочитаетъ тѣ изъ нихъ, которыхъ дупла сверху защищены отъ дождя. Здѣсь онъ живетъ поодиночкѣ, боязливо удаляясь отъ сосѣдства съ чловѣкомъ, причемъ особенно хорошо его защищаетъ

густой кустарникъ, скрывающій нижнюю часть деревьевъ. Клеркъ утверждаетъ, что онъ нигдѣ рѣдко не встрѣчается, но только не часто попадаетъ на глаза по причинѣ ночного образа жизни, который ведетъ онъ, благодаря чему его рѣдко удаётся убить, хотя землевладѣльцы тѣхъ странъ, озлобленные противъ этого животнаго за совершаемые имъ грабежи, пользуются всевозможными средствами для его уничтоженія. Какамицли сильно привязывается къ избранному имъ дереву, рѣдко оставляетъ свое дупло, пока его силою не выгонятъ оттуда, и скоро возвращается туда обратно, когда минуетъ опасность. По наблюденіямъ Одюбона онъ имѣетъ странную привычку обглаживать кору дерева вокругъ входа въ свое дупло. Если охотникъ не видитъ подъ деревомъ щепокъ или обломковъ, то онъ можетъ быть совершенно увѣренъ, что животнаго уже нѣтъ въ его прежнемъ жилищѣ. Дупло внутри выстлано травкою и мхомъ; тутъ же можно найти также и скорлупу орѣховъ, содержимое которыхъ, безъ сомнѣнія, было выѣдено какамицли, хотя главную пищу его составляютъ различныя маленькія млекопитающія, птицы и пѣсѣкомыя.

Какамицли. *Bassariscus astuta*. $\frac{1}{n}$ наст. вел.

Какамицли живое, игривое и веселое существо, своими движеніями и ужимками во многомъ напоминающее бѣлку, и вслѣдствіе этого получившее у мексиканцевъ названіе «кошачьей бѣлки». Если выгнать его изъ дупла, то онъ, загибая хвостъ на спину, принимаетъ совершенно тѣ же граціозныя положенія, какія свойственны упомянутому грызуну, но не можетъ садиться на заднія лапы, какъ это дѣлаетъ бѣлка. Лазаетъ какамицли превосходно, но не можетъ съ такою увѣренностью и ловкостью, какъ бѣлка, перепрыгивать съ сучка на сучокъ, а бѣжать, если испугать его, сколь возможно дальше по одному сучку и пытается съ его вѣтокъ достигнуть другого, цѣпляясь за него когтями. Иногда можно видѣть, какъ онъ, расположившись на верхней части какого-нибудь сука, грѣется на солнцѣ. Онъ лежитъ въ такомъ случаѣ, на половину свернувшись, безъ движенія и, повидимому, спитъ; при малѣйшемъ признакѣ опасности, однако, онъ поспѣшно скрывается въ свое дупло и снова появляется только послѣ заката солнца. Одюбонъ полагаетъ, что на одномъ и томъ же деревѣ живетъ всегда не больше одного экземпляра, и потому считаетъ его животнымъ не общительнымъ; остальные наблюдатели, повидимому, также подтверждаютъ его мнѣніе. Клерку пришлось спугнуть самку, которая въ разсѣлинѣ скалы кормила четырехъ или пятерыхъ дѣте-

нышей. Эти послѣдніе такъ крѣпко повисли на соскахъ самки, что пришлось отрывать ихъ силою, спустя уже нѣсколько часовъ послѣ смерти матки. До этого дѣтеныши не обнаружили никакого недовольства. Самка спала, когда ее замѣтили, но, проснувшись, не выказала ни смущенія, ни страха передъ приближающимися людьми, напротивъ того, и зубами и когтями защищала отъ нихъ свое жилище.

О жизни этого животнаго въ неволѣ мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія; только Одюбонъ сообщаетъ кое-какія подробности. «Несмотря на пугливость и необщительность какамицли», говоритъ онъ, «его можно сдѣлать довольно ручнымъ, а если продержатъ нѣкоторое время въ клѣткѣ, то даже смѣло можно пустить его свободно бѣгать по всему дому. Онъ часто становится любимцемъ мексиканцевъ и, охотясь за мышами и крысами, приноситъ большую пользу. Мы видѣли ручнаго какамицли, который бѣгалъ на свободѣ по улицамъ небольшого мексиканскаго мѣстечка, и слышали рассказъ про другого, который былъ такъ милосивенъ, что даже индѣйцы приходили любоваться имъ».

Въ Европу, насколько мнѣ извѣстно, это животное попало живымъ только одинъ разъ, а именно въ 1853 году. * *

Семейство хорьковыхъ (*Mustelidae*) богаче родами и видами предыдущаго семейства виверровыхъ. Описание общихъ признаковъ этого семейства довольно затруднительно; общее строеніе тѣла, зубная система и устройство конечностей болѣе разнообразны, чѣмъ у другихъ плотоядныхъ. Можно однако замѣтить, что всѣ члены этого семейства средняго или малаго роста; туловище у нихъ вытянутое, конечности короткія и на нихъ замѣчается отъ 4—5 пальцевъ. Около задняго прохода встрѣчаются также железки, какъ у виверръ, но онѣ выдѣляютъ не благоухающія вещества, какъ у сихъ послѣднихъ, а напротивъ того: къ хорьковымъ относятся самыя ужасныя вонючки между животными. Кожа обыкновенно покрыта густою и тонкою шерстью, и потому въ этомъ семействѣ мы находимъ самыхъ дорогихъ пушныхъ звѣрей.

Скелетъ состоитъ изъ очень тонкихъ костей. Грудная клѣтка окружена 11 или 12 парами реберъ, на хребетномъ столбѣ кромѣ того замѣчается отъ 8—9 поясничныхъ позвонковъ, три крестцовыхъ и отъ 12—26 хвостовыхъ. Лопатка очень широка, а ключица обыкновенно не развита. Въ зубной системѣ замѣтны большіе острые клыки. Когти большею частью не втяжныя.

Остатки хорьковыхъ мы находимъ уже въ третичной эпохѣ. Нынѣ они живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта за исключеніемъ Австраліи, при всевозможномъ климатѣ, и на различныхъ высотахъ, на равнинахъ точно такъ, какъ и на горахъ. Мѣстомъ жительства служатъ имъ лѣса, скалистые участки, но также и ровныя поля, сады и даже жилища человѣка. Большинство хорьковыхъ живетъ на сушѣ, но нѣкоторыя изъ нихъ водныя животныя; первыя обыкновенно отлично лазаютъ и всѣ умѣютъ плавать. Многія роютъ себѣ ямки или норы въ землѣ или пользуются норами, вырытыми другими животными. Нѣкоторыя завладѣваютъ для своего логовища дуплами деревьевъ, гнѣздами бѣлокъ и нѣкоторыхъ птицъ: короче сказать, животныя этого семейства умѣютъ пользоваться всевозможными мѣстами для своихъ жилищъ, отъ впадины между камнями, до искусно устроенной норы, отъ подполья человѣческаго жилья, до убѣжища, устроеннаго между вѣтвями или корнями въ безлюдномъ лѣсу. Чаще всего хорьковыя имѣютъ постоянныя логовища, но нѣкоторыя скитаются съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, куда занесутъ ихъ потребности. Нѣкоторыя изъ живущихъ на сѣверѣ впадаютъ въ зимнюю спячку, прочія остаются дѣятельными цѣлый годъ.

Почти всё хорьковыя въ высшей степени подвижныя и ловкія созданія, которыя способны къ весьма разнообразнымъ тѣлодвиженіямъ. При ходьбѣ они ступаютъ на всю ступню, при плаваніи употребляютъ въ дѣло свои лапки и хвостъ, при лазаніи очень ловко пользуются конечностями, несмотря на то, что когти у нихъ не особенно острые, и такимъ образомъ могутъ взбираться на отвѣсныя стволы деревьевъ и удерживаться въ равновѣсіи на тонкихъ сучьяхъ. Движенія ихъ находятся само собою разумѣется въ соотвѣтствіи со строеніемъ ихъ тѣла. Соболь и лѣсная куница при прыжкахъ держатъ переднюю часть приподнятою, а близкая имъ каменная куница при движеніи принимаетъ болѣе согнутое, ползучее положеніе. Хорекъ бѣгаетъ вродѣ крысы, ласка двигается быстро, какъ мышка, выдра извивается на подобіе угря, росомаха при движеніи выгибается волнообразно спину, почти такъ-же двигается и гирара, барсукъ бѣгаетъ тихонько и обдуманно, а медоѣдъ еще тише, какъ бы ковыляя. Чѣмъ выше ноги, тѣмъ смѣлѣе бываютъ прыжки, чѣмъ онѣ короче, тѣмъ движеніе дѣлается болѣе ползучимъ, хотя иногда очень быстрымъ, а при плаваніи оно становится похожимъ на движеніе рыбы. Изъ вышнихъ чувствъ почти одинаково хорошо развиты обоняніе, слухъ и зрѣніе, но вкусъ и осязаніе также довольно хороши. Душевыя способности хорьковыхъ вполне соотвѣтствуютъ хорошо развитымъ тѣлеснымъ органамъ. У нихъ замѣчается значительная доля понятливости, они умны, хитры, недовѣрчивы, осторожны, очень смѣлы, кровожадны и жестоки, но къ дѣтенышамъ своимъ относятся очень нѣжно. Нѣкоторыя изъ нихъ любятъ общество себѣ подобныхъ, другія живутъ одиноко или въ извѣстное время парами. Очень многія изъ хорьковыхъ бываютъ дѣятельны и днемъ и ночью, но большинство изъ нихъ относятся однако къ ночнымъ животнымъ. Въ густо населенныхъ мѣстностяхъ они отправляются на добычу только послѣ захода солнца. Питаются они преимущественно животными, напримѣръ, маленькими млекопитающими, птицами, яйцами ихъ, лягушками и даже пасѣкомыми.

Нѣкоторыя ѣдятъ улитокъ, рыбъ, раковъ и ракушекъ; инныя не пренебрегаютъ даже падалью, а въ случаѣ нужды питаются и растительными веществами, при чемъ особенно любятъ сладкіе, сочные плоды. Кровожадность ихъ необыкновенно велика: они умерщвляютъ, если могутъ, гораздо больше животныхъ, чѣмъ сколько нужно для ихъ питанія, и нѣкоторые виды опьяняютъ себя кровью, которую высасываютъ изъ своихъ жертвъ.

Дѣтеныши, число которыхъ, насколько извѣстно, колеблется между 2 и 10, рождаются слѣпыми и должны быть долго вскармливаемы и воспитываемы родителями. Мать старательно оберегаетъ ихъ, съ большимъ мужествомъ защищаетъ ихъ въ случаѣ опасности и перетаскиваетъ изъ одного логовища въ другое, если боится какихъ-нибудь враговъ. Дѣтеныши, пойманные молодыми и старательно воспитанные, могутъ сдѣлаться совсѣмъ ручными, такъ что слѣдуютъ за своимъ господиномъ какъ собаки и даже ловятъ для него дичь, и рыбу. Одинъ изъ видовъ хорьковыхъ уже очень давно живетъ въ неволѣ и употребляется людьми для охоты на нѣкоторыхъ животныхъ.

Вслѣдствіе своего хищничества и своей кровожадности многіе изъ хорьковыхъ приносятъ человѣку довольно чувствительный вредъ, но въ общемъ польза, которую они приносятъ или непосредственно своей шкурой, или посредствомъ истребленія вредныхъ животныхъ, гораздо болѣе приносимаго ими вреда. Къ сожалѣнію, только немногіе признаютъ пользу этихъ животныхъ, и потому они уничтожаются въ большомъ количествѣ, что несомнѣнно приноситъ людямъ вредъ. Они заслуживаютъ благодарность человѣка истребленіемъ вредныхъ животныхъ и хотя нападаютъ часто и на полезныхъ домашнихъ животныхъ и птицъ, но это

случается почти всегда вследствие небрежности хозяина, который не умѣетъ хорошо оберегать свои курятники и голубятни. Въ этомъ случаѣ странно жаловаться на хищничество куницы или хорька. Точно такъ же несправедливо упрекать хорька, горностаю и ласку за истребленіе дичи въ лѣсу, забывая при этомъ, что эти маленькіе хищники уничтожаютъ еще болѣе вредныхъ грызуновъ. Безуловно вредными слѣдуетъ считать только тѣхъ куницъ, которыя поѣдаютъ рыбу въ рѣкахъ и озерахъ: всѣ прочія приносятъ и пользу. Охотники имѣютъ нѣкоторое право жаловаться на куницу и бѣлодушку, но владѣтель лѣса долженъ признать, что онѣ приносятъ и долю пользы, такъ какъ истребляютъ вредныхъ животныхъ.

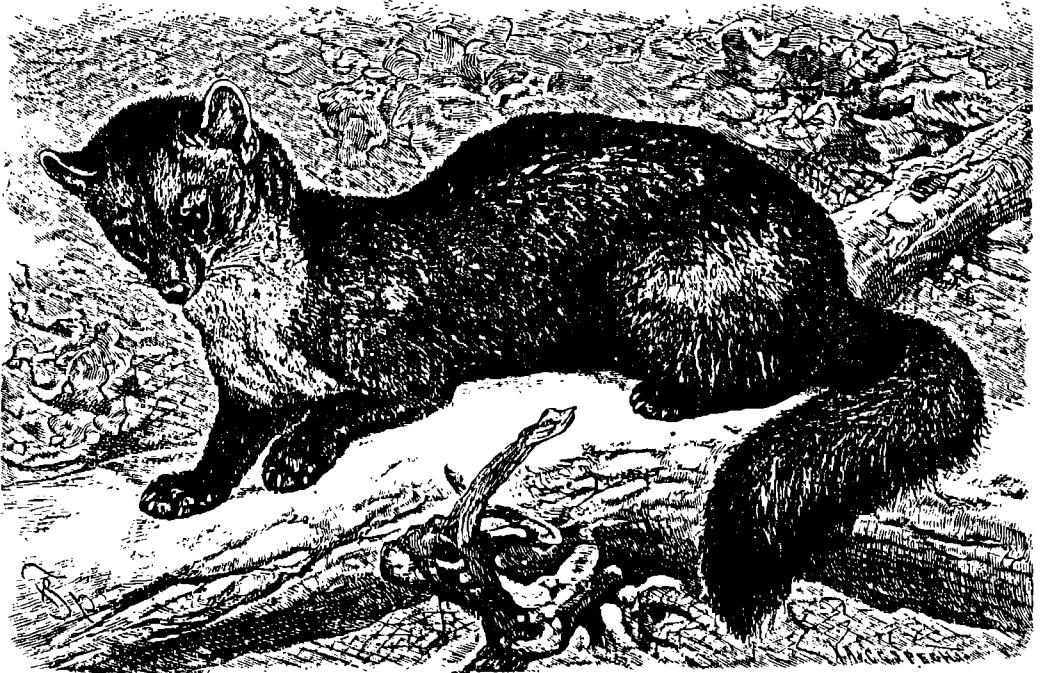
Я не хочу однако этимъ осуждать толково веденную охоту на большіе виды куницъ. Почти всѣ виды этихъ животныхъ доставляютъ очень цѣнный мѣхъ; но мясомъ ихъ почти никто не питается, кромѣ развѣ монгольскихъ охотниковъ за куницами и соболями; впрочемъ мясо выдры, по правиламъ католической церкви, считается постнымъ кушаньемъ, и нѣкоторые охотники считаютъ вкуснымъ жаренаго барсука. Какъ значительно число куницъ, истребляемыхъ ради ихъ мѣха, можно видѣть изъ статистическихъ данныхъ о торговлѣ мѣхами. По показаніямъ Ломера, въ Европу привозится ежегодно около трехъ милліоновъ шкурокъ различныхъ куницъ, на сумму до двадцати милліоновъ марокъ, не считая тѣхъ, которыя американскіе и азіатскіе охотники оставляютъ для собственнаго употребленія. Многія индѣйскія и монгольскія племена живутъ исключительно доходами отъ охоты за пушными звѣрями, между которыми куницы, какъ извѣстно, занимаютъ первое мѣсто. Тысячи европейцевъ живутъ также доходами отъ торговли мѣхами. Многія, прежде неизвѣстныя, обширныя области нынѣ посѣщаются охотниками только ради добыванія пушнаго товара. * *

Мы начнемъ описаніе животныхъ этого семейства съ тѣхъ, которыя дали названіе всей группѣ, именно, съ хорьковъ или куницъ, и отличаются отъ прочихъ тѣмъ, что они пальцеходящія. Это подсемейство мы назовемъ собственно куницами (*Martidae*). Второе подсемейство составляютъ стопоходящія виды—барсучьи (*Melidae*) и наконецъ къ третьему подсемейству мы отнесемъ водныхъ животныхъ—выдровыя (*Lutridae*).

Первое мѣсто въ этомъ семействѣ несомнѣнно занимаютъ собственно куницы (*Mustela*). Къ этому роду относятся животныя средняго роста, съ длиннымъ, тонкимъ туловищемъ и короткими ногами; голова у нихъ спереди суживается, мордочка острая, уши обращены въ стороны, довольно коротки, почти треугольной формы, но съ верхушкой, слегка округленною; глаза средней величины и очень живые, ноги пятипалыя съ острыми когтями, хвостъ средней величины; заднепроходныя железки выдѣляютъ мускусную жидкость; мѣхъ состоитъ изъ длинныхъ и мягкихъ волосъ. У куницъ 38 зубовъ: по 6 рѣзцовъ на верху и внизу, по одному большому клыку съ каждой стороны обѣихъ челюстей, по четыре ложно-коренныхъ зуба на каждой сторонѣ челюсти вверху и внизу, по одному настоящему коренному наверху и по два внизу. * *

Настоящая куница (*Mustela martes*, *Viverra martes*, *Martes vulgaris*, *sylvestris abietum* и *sylvatica*, *Martarus abietum*. Edelmarder. Martre) красивое и граціозное хищное животное, туловище котораго достигаетъ 55 см. длины, а хвостъ 30 см. Мѣхъ съ верхней стороны темно-бурый, у морды чалый, на лбу и на щекахъ свѣтлорыжій; бока и брюхо нѣсколько желтоватыя, лапки черно-бурныя, а хвостъ темно-бурый; за ушами по затылку проходитъ узкая, темная полоса. Между задними конеч-

ностями мы замѣчаемъ свѣтло-рыжее пятно, окруженное темной каемкой; отъ этого пятна иногда проходитъ свѣтло-рыжая полоска до самаго горла. Горло и нижняя часть шеи окрашены въ красивый желтый цвѣтъ, сходный съ цвѣтомъ яичнаго желтка, что служитъ главнымъ отличительнымъ признакомъ этого вида. Густой, мягкій и блестящій мѣхъ состоитъ изъ довольно длинной и жесткой ости и короткаго, тонкаго подшерстка, который на передней части тѣла свѣтло-сѣрый, а сзади и на бокахъ желтоваго цвѣта. На верхней губѣ четыре ряда усовыхъ щетинокъ и кромѣ того отдѣльныя щетинки около внутренняго угла глазъ, на подбородкѣ и на горлѣ. Зимую окраска темнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Самка отличается отъ самца болѣе блѣдной окраской спины и не столь яснымъ пятномъ на горлѣ. У молодыхъ животныхъ горло и нижняя часть шеи окрашены свѣтлѣе.

Кунница. *Mustela martes*. наст. вел.

Область распространенія кунницы простирается на всѣ лѣсистыя страны сѣвернаго полушарія Стараго Свѣта. Въ Европѣ мы ее находимъ въ Скандинавіи, Россіи, Англіи, Германіи, Франціи, Венгріи, Италиі и Испаніи. Въ Азій она встрѣчается до Алтая и до истоковъ Енисея. Соответственно этой большой области распространенія мѣхъ кунницы измѣняется въ различныхъ странахъ. Самыя крупныя кунницы въ Европѣ живутъ въ Швеціи и мѣхъ ихъ вдвое гуще и длиннѣе, чѣмъ у нѣмецкихъ кунницъ, а окраска сѣрѣе. Между нѣмецкими кунницами встрѣчается болѣе желтовато-бурыхъ, чѣмъ темно-бурыхъ; послѣднія встрѣчаются въ Тиролѣ и иногда мѣхъ ихъ очень похожъ на американскій соболь. Ломбардскія кунницы блѣдно-бурого или желто-бурого цвѣта. Пиренейскія очень велики и полны, но также свѣтлыя, въ Македоніи и Эссалии онѣ средняго роста, но темнѣе.

Кунницы живутъ въ лиственныхъ и хвойныхъ лѣсахъ и чѣмъ гуще, темнѣе и уединеннѣе лѣсная чаща, тѣмъ больше тамъ встрѣчается кунницъ. Они живутъ исклю-

чительно на деревьяхъ и лазаютъ такъ хорошо, что ни одно хищное млекопитающее не можетъ съ ними въ этомъ сравняться. Куница избираетъ себѣ логовищемъ дупла деревьевъ, покинутыя гнѣзда дикихъ голубей, хищныхъ птицъ и бѣлокъ; гораздо рѣже прячется она въ расщелинахъ скалъ. Весь день она обыкновенно остается въ своемъ логовищѣ, къ вечеру, часто еще до заката солнца, она отправляется за добычей и гоняется за всѣми тѣми животными, которыя ей под силу. Изъ млекопитающихъ она хватаетъ даже довольно крупныхъ, напримѣръ: зайцевъ и молодыхъ косуль, но также и мелкихъ, напримѣръ, мышей. Она тихо подкрадывается къ нимъ, внезапно бросается и очень скоро загрызаетъ. Многіе лѣсничіевъ Германіи видали, что она нападала на молодыхъ косуль. Лѣсничій Шааль видѣлъ, какъ куница сидѣла на спинѣ молодой косули, которая жалобно кричала и тѣмъ обратила его вниманіе. Другой лѣсничій описываетъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Впрочемъ нападеніе на столь крупныхъ животныхъ составляетъ исключеніе; чаще всего она охотится на мелкихъ грызуновъ, живущихъ на деревьяхъ, т. е. на бѣлокъ и сонь, причѣмъ истребляетъ большое количество этихъ хорошенькихъ, но бесполезныхъ и даже вредныхъ зѣркровъ. Само собой разумѣется, что она не отказывается отъ нападенія и на болѣе крупныхъ млекопитающихъ, если къ этому представляется удобный случай. Зайца она хватаетъ въ логовищѣ или тогда, когда онъ ѣсть, а водяную крысу преслѣдуетъ, какъ говорятъ, даже и въ водѣ. Между птицами куница производитъ такія же опустошенія, какъ и между млекопитающими. Всѣ лѣсныя птицы должны считать ее своимъ страшнымъ врагомъ, особенно куропатки и тетерки. Тихо подкрадывается она къ тому мѣсту, гдѣ спитъ куропатка и прежде чѣмъ та успѣетъ оглянуться, она уже бросается на нее, разгрызаетъ ей черепъ или прокусываетъ шейныя артеріи, съ наслажденіемъ упиваясь вытекающею кровью. Она опустошаетъ гнѣзда всѣхъ птицъ, отыскиваетъ гнѣзда дикихъ пчелъ и воруетъ оттуда медъ, ѣсть также и плоды, напримѣръ лѣсные ягоды, а если проберется въ садъ, то спѣлыя груши, вишни и сливы. Когда нищи въ лѣсу дѣлается недостаточно, куница становится смѣлѣе и въ крайнемъ случаѣ приближается къ человѣческому жилью. Здѣсь она врывается въ курятники и голубятни и производитъ тамъ такія же опустошенія, какъ хорекъ и ласка.

Течка происходитъ въ концѣ января или началѣ февраля. Наблюдатель, которому въ это время, въ лунную ночь, удастся въ большомъ лѣсу видѣть этихъ хищниковъ, можетъ замѣтить, что многія куницы неистово бѣгаютъ и прыгаютъ по вѣтвямъ одного и того-же дерева. Фыркая и ворча рыщутъ другъ за другомъ влюбленные самцы и, если они одинаково сильны, то случаются жаркія битвы изъ-за самки, которая, по обыкновенію, какъ бы находить удовольствіе въ этихъ битвахъ и отдается наконецъ сильнѣйшему.

Въ концѣ марта или началѣ апрѣля у самки родится отъ трехъ до четырехъ дѣтенышей, которые лежатъ въ гнѣздѣ, уложенномъ мягкимъ мхомъ, въ дуплѣ дерева, а рѣже въ гнѣздѣ бѣлки или сороки, иногда между камнями. Мать съ большимъ самоотверженіемъ заботится о своемъ потомствѣ и, чтобы охранить его отъ опасности, никогда не удаляется далеко отъ гнѣзда. Уже по прошествіи нѣсколькихъ недѣль дѣтеныши слѣдуютъ за матерью въ ея странствованіяхъ по деревьямъ, ловко и весело прыгаютъ по сучьямъ и пріучаются подъ надзоромъ матери ко всѣмъ необходимымъ для нихъ тѣлеснымъ упражненіямъ. При малѣйшей опасности мать предупреждаетъ дѣтенышей и заставляетъ прятаться въ логовище. Дѣтенышей, пойманныхъ молодыми, не очень трудно вскормить сначала молокомъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, а затѣмъ мясомъ, яйцами, медомъ и плодами.

«29 января», говоритъ Ленцъ, «мнѣ принесли молодую куницу, которую въ

тот же день достали изъ дупла дерева. Звѣрекъ былъ ростомъ не болѣе крысы и движенія его были еще медленны. Онъ старался спрятаться въ какую-нибудь ямку и даже скребъ полъ, желая вырыть себѣ норку. Маленькая куница сначала кусалась, но уже черезъ день сдѣлалась довольно ручна. Она скоро стала пить теплое молоко, а черезъ нѣсколько часовъ уже ѣла булку, вымоченную въ молоко. Несмотря на малый возрастъ, моя куничка была очень чистоплотна и для своихъ испражнений выбрала одинъ изъ уголковъ своей клѣтки; немного другихъ звѣрковъ могутъ похвалиться этимъ хорошимъ качествомъ. Я могъ замѣтить на этомъ звѣркѣ, какъ постепенно развивается вкусъ у этихъ хищныхъ животныхъ. Вначалѣ лѣта (въ июнѣ и июлѣ) мать приносить вѣроятно молодымъ куницамъ только однихъ птицъ, а позднѣе онѣ должны приучаться ѣсть мышей, плоды и другую пищу, смотря по времени года.

«На второй день я принесъ своей куницѣ лягушку: она на нее и смотрѣть не хотѣла; вслѣдъ затѣмъ я пустилъ въ ея клѣтку живого воробья: она его тотчасъ же схватила и сожрала всего, вмѣстѣ съ перьями. То-же самое случилось и со вторымъ, и съ третьимъ воробьемъ. На четвертый день я ее заставилъ поголодать и на слѣдующій день далъ ей лягушку, ящерицу и веретеницу, но она ихъ не тронула и не захотѣла даже ѣсть молодую ворону. На шестой день ночью куница вылѣзла изъ своей клѣтки и загрызла молодого кобчика, который сидѣлъ въ томъ же помѣщеніи, причемъ съѣла голову, шею и часть груди птицы. Постѣ этого я ей предлагалъ всевозможную пищу и замѣтилъ, что она охотнѣе всего ѣла маленькихъ птицъ. Мясо рыбъ она совсѣмъ не ѣла; кроликовъ, хомяковъ, мышей—довольно охотно, но не съ такою жадностью, какъ птицъ, между тѣмъ, какъ хорекъ и лисица, напротивъ того, охотнѣе ѣдятъ млекопитающихъ. Она любила вишни и землянику, крыжовникъ же и чернику ѣла не очень охотно, а муравьиныя яйца съ удовольствіемъ, но ихъ плохо переваривала. Маленькихъ котятъ куница загрызала и пожирала; въ яйцѣ предпочитала желтокъ, но все-таки бросалась на него не съ такою жадностью, какъ на маленькихъ птицъ; даже мясо и внутренности крупныхъ птицъ она не такъ охотно ѣла, какъ маленькихъ. Уже въ самомъ юномъ возрастѣ она приняла за правило не отпускать живымъ ни одно животное, которое могло ей служить пищею. Если она была сыта, то по цѣлымъ часамъ играла съ впущенными къ ней живыми птичками. Съ молодыми хомяками играла она преинтересно. Она безостановочно прыгала и скакала около злобно фыркающаго хомячка и била его по головѣ, то правой, то лѣвой лапкой, но если была голодна, то, не долгодумая, перегрызала ему черенъ и съѣдала его съ костями, кожей и шерстью.

«Когда моя куница достигла трехъ четвертей своего естественнаго роста, то была очень жадна, и я ей снова далъ веретеницу. Хотя она была очень голодна, но подошла къ веретеницѣ осторожно и при всякомъ ея движеніи отскакивала назадъ. Убѣдившись наконецъ въ безвредности животнаго, она откусила часть хвоста и съѣла его, а самое животное потащила въ гнѣздо; веретеница отъ нея ускользнула и спряталась въ сѣно; куница ее вытащила и откусила еще часть хвоста, и только черезъ два часа она рѣшилась перекусить веретеницѣ горло и разорвать ее на куски, потомъ она унесла ее въ свое гнѣздо и сожрала, не безъ особеннаго удовольствія. Только-что она успѣла справиться съ веретеницей, какъ я бросилъ въ ея ящикъ большого ужа, въ 60 см. длины. Куница снова подкрадывалась осторожно и пугливо отскакивала назадъ, когда змѣя шевелилась и шипѣла. Ужъ наконецъ свернулся въ кружокъ и спряталъ голову подъ изгибы своего тѣла. Куница цѣлый часъ скакала около, не дотрогиваясь до него; наконецъ видя, что это животное не опасно, она стала обнюхивать ужа и трогать его лапками, но все это

дѣлалось еще съ большою осторожностью: казалось, что куницѣ хотѣлось съѣсть ужа, но она не осмѣливалась его умертвить, поэтому она очень долго возилась съ нимъ, то приближаясь, то отскакивая и только черезъ день осмѣлилась схватить его за спину и таскать по клѣткѣ; убила она ужа только на третій день, но мясо его не съѣла. Вскорѣ послѣ этого я ей принесъ только-что убитую большую гадюку. Куница тотчасъ къ ней приблизилась, убѣдилась, что она уже не жива, потаскала нѣкоторое время по клѣткѣ, а затѣмъ черезъ часъ сожрала цѣликомъ съ головой и ядовитыми зубами. Пустилъ я потомъ къ ней ящерицу, которую куница обнюхала; ящерица тихонько шипѣла, почти какъ змѣя, открывала пасть и даже бросалась на куницу, которая сначала испугалась и убѣжала, но потомъ дѣлалась все смѣлѣе и смѣлѣе и черезъ часъ придушила ее и также съѣла.

«Изъ этого слѣдуетъ, что по природѣ своей куница не имѣетъ стремленія убивать змѣй и другихъ пресмыкающихся, но по сдѣланнымъ наблюденіямъ видно, что зимою она иногда загрызаетъ и ѣсть подобныхъ животныхъ, особенно когда они находятся въ спячѣе и когда куница голодна, а послѣднее случается часто, потому что она необыкновенно прожорлива.

«Мы видѣли, что куница пугалась ящерицы, которая въ сравненіи съ ней можетъ быть названа карликомъ, но она очень смѣла относительно тѣхъ животныхъ, мясо которыхъ употребляетъ въ пищу. Когда въ ея клѣтку посадятъ взрослого хомяка или большую крысу, то между этими животными и куницами завязывается страшный бой. Маленькимъ грызунамъ куница тотчасъ же перегрызаетъ голову и шею, на крупныхъ же бросается съ яростью, хватая всѣми четырьмя лапами, валить на землю и начинаетъ вертѣть жертву съ такою быстротою между лапами, что глазъ не можетъ слѣдить за движеніями. Трудно даже рассмотреть отдѣльно каждое животное и замѣтить, которое изъ нихъ побѣждаетъ другого: хомякъ не перестаетъ фыркать, но вдругъ куница становится на ноги, схватываетъ хомяка за загривокъ и разгрызаетъ ему кости. Большихъ кроликовъ она тотчасъ схватываетъ за затылокъ и впивается въ нихъ до тѣхъ поръ, пока не загрызетъ до смерти. Если въ ея клѣтку впуститъ большого пѣтуха, то происходитъ сильный шумъ: куница яростно схватываетъ пѣтуха за шею и валится съ нимъ по землѣ, между тѣмъ какъ пѣтухъ изо всѣхъ силъ бьетъ крыльями и дрыгаетъ ногами. Черезъ нѣсколько минутъ шумъ прекращается, и пѣтухъ лежитъ съ перегрызанномъ горломъ. Я съ намѣреніемъ не устраивалъ болѣе опасныхъ боевъ, на примѣръ, не пускалъ въ ея клѣтку живой гадюки, такъ какъ не хотѣлъ подвергать опасности жизнь своей куницы. Разъ я бросилъ въ ея ящикъ только-что убитую, еще теплую большую кошку; она въ ту-же минуту схватила ее за шею, изъ чего видно, что не побоялась бы вступить въ бой и съ живой кошкой. Оставила она кошку только тогда, когда вполне убѣдилась въ томъ, что она уже не жива.

«Считаю должномъ обратить вниманіе на довольно распространенное ошибочное мнѣніе: обыкновенно думаютъ, что животныя изъ семейства хорьковыхъ, когда загрызаютъ животное, прокалываютъ клыками крупныя артеріи горла и такимъ образомъ ихъ перерѣзаютъ. Это не вѣрно. Они дѣйствительно схватываютъ крупныхъ животныхъ за шею и такимъ образомъ умерщвляютъ ихъ, но вовсе сразу не перерѣзаютъ крупныхъ артерій и поэтому не высасываютъ, какъ иные думаютъ, кровь изъ животныхъ, а только слизываютъ ту, которая случайно вытекаетъ. Животное умираетъ главнымъ образомъ потому, что хорекъ или куница сдавливаютъ ему дыхательное горло, такъ что у крупныхъ животныхъ, на примѣръ у куръ и большихъ крысъ, кожа шеи оказывается даже неперегрызанной, и куница перекусываетъ ее только тогда, когда животныя уже мертвы.

«Пока куница была еще молода, она охотно играла съ людьми, особенно когда эти послѣдніе сами начинали игру. Позднѣе забава эта дѣлается опасной, потому что куница приучается, даже безъ всякаго злого умысла, такъ крѣпко впиваться во все зубами, что разъ своими острыми клыками очень больно укусила мнѣ руку сквозь толстыя кожаныя перчатки, и сдѣлала это безъ всякой злости, во время игры. Настоящей привязанности къ своему воспитателю у куницы нельзя замѣтить, хотя она никогда не дѣлаетъ вреда знакомымъ ей людямъ, которые съ ней хорошо обращаются. Въ черныхъ глазахъ ея всегда замѣчается жадность и свирѣпость. Когда она спокойно лежитъ въ своемъ гнѣздѣ, часто слышится продолжительное ворчанье, похожее на тихую барабанную дробь. Я никогда не слыхалъ, чтобы куница таякала какъ хорекъ, а когда она зла, то очень громко ворчить».

Не всѣ куницы такъ мало привязываются къ своему воспитателю, какъ пишетъ объ этомъ Лепцъ; многія изъ нихъ, что я знаю изъ собственнаго опыта, дѣлаются очень ручными и относятся вполне дружелюбно къ своему хозяину. Фопъ-Фрауенфельдъ рассказываетъ: «Я видаль куницу, которая какъ собака бѣжала за моимъ братомъ изъ Тульна въ Вѣну черезъ лѣсъ, на разстояніи многихъ миль. Въ Вѣнѣ куница устроила себѣ логовище въ сараѣ, въ углу котораго скопила большую кучу голубиныхъ и куриныхъ перьевъ, и остатковъ птицъ, которыхъ она загрызала во время своихъ почныхъ странствованій. Утромъ она изъ своего сарая бѣжала во второй этажъ дома, гдѣ жилъ мой братъ, скребла дверь и ворчала, чтобы ее впустили. Затѣмъ ей давали кофе съ молокомъ, который она очень любила, а послѣ того она весело играла съ дѣтьми и была въ высшей степени благодарна, если ей позволяли на часокъ улечься къ кому-нибудь на колѣни и тамъ растянуться и даже немножко поспать».

«Одна куница», пишетъ мнѣ Гришовъ, «была такъ ручна, что я могъ брать ее въ руки и ласкать. Она каждый день лазала по карманамъ моего отца и изслѣдовала ихъ самымъ тщательнымъ образомъ, потому что привыкла тамъ находить разныя лакомства; она очень любила залѣзать въ рукавъ сюртука, чтобы тамъ погрѣться. Черная крысоловка такъ охотно и мило играла съ этой куницей, что весело было смотрѣть на этихъ животныхъ. Оба рыскали по комнатамъ, при чемъ собака громко лаяла, а куница выказывала свое искусство въ прыганьи и лазаньи. Куница часто садилась верхомъ на собаку, какъ обезьяны сидятъ на спинѣ медвѣдей. Когда всадница надоѣдала собакѣ, то послѣдняя очень хитро пользовалась тѣмъ, что куница была привязана на веревочкѣ, собака убѣгала такъ далеко, что веревка удерживала куницу и она поневолѣ прыгивала со спины собаки. Иногда опѣ немного ссорились и куница удалялась въ боченокъ, гдѣ была устроена ей постель; собака становилась тогда около боченка и ждала, пока ея товарищъ перестанетъ сердиться. Куница дулась не долго, она скоро выходила, лукаво оглядываясь, и обыкновенно ударяла собаку лапкой по мордѣ, что служило знакомъ начала новой веселой возни».

Жившія у меня куницы отнеслись очень недружелюбно къ хорьку, котораго я къ нимъ посадилъ, чтобы узнать, могутъ ли эти, столь близко другъ къ другу стоящія, животныя жить между собою въ согласіи. Хорекъ сразу сталъ боязливо искать какого-нибудь выхода изъ клѣтки, а куницы ясно показывали, что этотъ визитъ имъ очень не нравится. Опѣ ползали на верхнія вѣтви дерева, находящагося въ ихъ клѣткѣ, и оттуда разсматривали незнакомца сверкающими глазами. Любопытство и свирѣпость наконецъ побѣдили страхъ: опѣ куницы подошли къ хорьку, обнюхали его, ударили лапами, отскочили назадъ, снова приблизились и нанесли новые удары, подкрадывались сзади къ хорьку, обнюхивая слѣды его и

наконецъ обѣ разомъ съ раскрытою пастью бросились къ нему на загривокъ. Только одна изъ куницъ могла вцѣпиться въ хорька, а другая стала внимательно слѣдить за борьбой, которая завязалась между ея товарищемъ и общимъ врагомъ. Оба противника нѣсколько минутъ сряду были такъ тѣсно вцѣпившись другъ въ друга, что образовали клубокъ, который съ удивительной быстротой катался и валялся по клѣткѣ. Но по прошествіи нѣкотораго времени побѣда повидимому оказалась на сторонѣ куницы, которая крѣпко схватила хорька, такъ что онъ не могъ шевелиться. Вторая куница воспользовалась этимъ временемъ, чтобы зубами вцѣпиться въ хорька сзади. Хорьку, повидимому, приходилось совсѣмъ плохо, но вдругъ обѣ куницы въ одно время оставили его, стали усиленно фыркать, поднявши голову, и, шатаясь, какъ пьяныя, только издали бѣжали за хорькомъ, который искалъ себѣ убѣжища въ углу клѣтки. Страшная вонь, которая распространилась по клѣткѣ, показала намъ, что хорекъ для спасенія употребилъ свое послѣднее средство. Испугались ли куницы этой вони, или она подѣйствовала на нихъ успокоительно—рѣшить съ увѣренностью нельзя, но онѣ потомъ только издали обнюхивали слѣды вонючки, и оставили хорька совершенно въ покоѣ.

Въ нашихъ зоологическихъ садахъ куницы перѣдко размножаются, но обыкновенно похираютъ своихъ дѣтенышей тотчасъ послѣ ихъ рожденія, даже если имъ дадутъ при этомъ очень обильную пищу. Случается однако иногда, какъ на примѣръ въ Дрезденѣ, что рожденные въ клѣткѣ дѣтеныши куницы благополучно вырастаютъ, пользуясь заботливымъ уходомъ матери.

За куницей охотятся вездѣ очень усердно, не столько для того, чтобы уничтожить вреднаго для дичи хищника, сколько изъ-за цѣннаго мѣха ея. Легче всего за ней охотиться по порошѣ, когда слѣды ея можно легко найти не только на землѣ, но и на сучьяхъ деревьевъ. Иногда можно случайно наткнуться въ лѣсу и въ другое время на кунницу, которая часто лежитъ вытянувшись на вѣтви дерева. Если ее замѣтишь во-время, то можно ее застрѣлить и даже успѣть вторично зарядить ружье, если въ первый разъ данъ промахъ, такъ какъ куница очень часто остается на мѣстѣ послѣ выстрѣла и смѣло разглядываетъ охотника. Повидимому новые предметы настолько привлекаютъ вниманіе звѣря, что онъ и не думаетъ о спасеніи посредствомъ бѣгства. Одинъ заслуживающій довѣрія чело-вѣкъ мнѣ разказалъ, что онъ въ молодости вмѣстѣ со своими товарищами убилъ куницу, сидѣвшую на деревѣ, бросая въ нее камнями. Животное слѣдило внимательно за мимолетающими камнями, но съ мѣста не двигалось, пока большой камень не попалъ ей въ голову и не пришибъ настолько, что она свалилась съ дерева.

На охоту за куницей надо брать очень злую собаку, которая смѣло хватается и крѣпко держитъ куницу, такъ какъ послѣдняя храбро бросается на своего противника, и потому плохая собака часто ее боится. Куницы довольно легко попадаются въ капканы, которые нарочно для этого приготавливаются и должны быть хорошо скрыты; ловятъ ее также и въ другія ловушки. Приманкой обыкновенно служатъ кусокъ хлѣба, который жарится на соленомъ маслѣ и медѣ, вмѣстѣ съ ломтикомъ лука и наконецъ еще посыпается камфорой. Нѣкоторые охотники приготавливаютъ другія приманки изъ сильно пахнущихъ веществъ.

Мѣхъ куницы самый дорогой изъ всѣхъ мѣховъ, получаемыхъ отъ европейскихъ животныхъ и по своему достоинству больше всѣхъ подходит къ мѣху соболя. Ломеръ считаетъ, что ежегодно въ западной Европѣ продается около 180,000 шкуркъ куницы, изъ которыхъ три четверти добыты въ Германіи и другихъ странахъ средней Европы. Самые красивые мѣха доставляются изъ Норвегіи затѣмъ изъ Шотландіи, послѣ этого изъ Италіи, Швеціи, сѣверной Германіи,

Швейцарія, Баварія, Турція и Венгрія, приче́мъ порядо́къ этихъ страна́въ указы́ваетъ на относительную доброту мѣха. Мѣхъ куницы цѣнится не только за свою красоту, но также и за легкость, и лѣтъ двадцать тому назадъ въ Германіи платили отъ 15—30 марокъ за шкурку; те́перь же она стои́тъ дешевле: отъ 8—12 марокъ.

* *
*

Каменная куница или бѣлодушка (*Mustela foina*, *Martes foina*, *fagorum* и *domestica*. Steinmarder. Fouine) отлича́ется отъ лѣсной куницы меньшимъ ростомъ, болѣе короткими ногами, удлиненой головою съ короткой мордою, меньшими ушами, болѣе короткимъ мѣхомъ, болѣе свѣтлою окраскою шерсти и бѣлымъ пятномъ на горлѣ; кромѣ того третій верхній ложно-коренной зубъ, а также верхній плотоядный и бугорчатый зубы, по своему внѣшнему виду и относительной величинѣ, отлича́ются отъ тѣхъ же зубовъ лѣсной куницы. Длина тѣла взросло́го самца около 70 см., изъ которыхъ болѣе трети приходится на хвостъ. Мѣхъ имѣетъ сѣровато-

Бѣлодушка. *Mustela foina*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

бурый цвѣтъ, между остью котораго просвѣчиваетъ бѣловатый подшерстокъ. На лапахъ и хвостѣ мѣхъ темнѣе, а на концахъ лапъ темно-бурый. Пятно на горлѣ, которое по формѣ и величинѣ бываетъ довольно различно, но всегда меньше, чѣмъ у лѣсной куницы, состоитъ изъ чисто бѣлыхъ волосъ, у молодыхъ-же они иногда принимаютъ красновато-желтую окраску. Края ушей окаймлены короткими, бѣлыми волосами.

Бѣлодушка встрѣчается во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ живеть лѣсная куница. Область распространенія ея простирается на всю среднюю Европу, Италію, за исключеніемъ Сардиніи, Англію, Швецію, среднюю Россію до Урала, Крымъ и Кавказъ, западную Азію, въ особенности Палестину, Сирію и Малую Азію. Она встрѣчается также въ Афганстанѣ, и кромѣ того въ области Гималайскихъ горъ, но тамъ, по показаніямъ Скелли (*Scully*), не ниже 1600 метровъ надъ поверхностью моря. На Альпахъ бѣлодушка поднимается лѣтомъ за предѣлы произростанія хвойныхъ

деревьевъ, но зимею спускается въ долины. Въ Голландіи она повидимому совершенно истреблена, по крайней мѣрѣ тамъ она встрѣчается необыкновенно рѣдко. Она почти вездѣ встрѣчается тамъ, гдѣ и лѣсныя куницы, и повсюду приближается къ жилищамъ людей; можно даже сказать, что деревни и города составляютъ ея любимое мѣстопребываніе. Она любитъ поселяться въ одинокихъ сараяхъ, конюшняхъ, бесѣдкахъ, разрушенныхъ каменныхъ стѣнахъ, кучахъ камней и между сложенными дровами, по сосѣдству съ деревнями, которымъ она приноситъ значительный вредъ, истребляя домашнихъ птицъ. «Въ лѣсу», говоритъ Карль Мюллеръ, который обстоятельно наблюдалъ бѣлодушку, «она охотнѣе всего прячется въ дуплахъ деревьевъ»; въ сараяхъ она дѣлаетъ себѣ глубокую нору въ сѣнѣ или соломѣ, чаще всего около стѣны. Ходы ея образованы отчасти тѣмъ, что она прижимаетъ въ стороны сѣно и солому, а отчасти тѣмъ, что разгрызаетъ ихъ. Подъ сѣномъ и соломой, обыкновенно въ углу подъ балкой строенія, бѣлодушка устраиваетъ для своего потомства гнѣздо, которое состоитъ изъ простаго углубленія, и бываетъ иногда выстлано перьями, шерстью или льномъ, если она это можетъ достать».

По образу жизни и привычкамъ бѣлодушка мало отличается отъ куницы. Она точно такъ же жива, ловка и искусна во всевозможныхъ движеніяхъ, такъ же смѣла, хитра и кровожадна, какъ куница; она умѣетъ лазать вверхъ даже по гладкимъ стволамъ деревьевъ, дѣлаетъ очень большіе прыжки, хорошо плаваетъ, ловко подкрадывается къ добычѣ и часто протискивается въ самыя узкія щели. Зимомъ она спитъ весь день въ своемъ гнѣздѣ, если только ее не потревожатъ; лѣтомъ же она даже днемъ выходитъ на добычу и посягаетъ при этомъ далеко отстоящія отъ ея логовища сады и поля. «Она крадется съ большою таинственностью и умѣетъ воспользоваться всякимъ возвышеніемъ, чтобы за нимъ скрыться. Если она чѣмъ-нибудь поражена и въ первую минуту испуга не знаетъ куда ей скрыться, то начинаетъ странно кивать головой, какъ старая баба, прячетъ голову въ какое-нибудь углубленіе, передъ ней находящееся, быстро ее опять приподнимаетъ и становится въ оборонительное положеніе, показывая свои бѣлые зубы. Я замѣтилъ, что она въ минуты испуга, какъ и лисица, закрываетъ глаза, какъ будто ожидая удара. Во время своихъ хищническихъ набѣговъ она точно такъ же смѣла и предпріимчива, какъ хитра и лукава. Она умѣетъ забраться въ самыя высокія голубятни, употребляя при этомъ очень хитрые приемы. Отверстіе, въ которое она можетъ просунуть голову, достаточно ей, чтобы пролѣзть всѣмъ тѣломъ. На старыхъ крышахъ поднимаетъ она иногда черепицы, чтобы попасть въ курятникъ или на чердакъ».

Бѣлодушка питается тѣмъ же, чѣмъ и куница, по она вреднѣе ея, такъ какъ имѣетъ чаще случай истреблять животныхъ, полезныхъ человѣку. Гдѣ только можно, прокрадывается она въ курятники и тамъ, вслѣдствіе своей кровожадности, производитъ большія опустошенія. Кромѣ того она ѣстъ мышей, крысъ, кроликовъ, всевозможныхъ птицъ, а когда охотится въ лѣсу, то хватается бѣлокъ, пресмыкающихся и лягушекъ. Яйца она считаетъ большимъ лакомствомъ и любитъ также разные плоды, вишни, сливы, груши, крыжовникъ, рябину и даже сѣмена конопли. Дорогіе сорта плодовъ нужно отъ нея беречь, и это достигается тѣмъ, что какъ только замѣтятъ ея присутствіе, то стволъ дерева намазываютъ крѣпкимъ табачнымъ растворомъ или каменноугольной смолой. Курятники и голубятни нужно крѣпко заирать, чтобы она туда не пробралась, и старательно затыкать даже небольшие отверстія, прогрызанныя крысами. Она приноситъ вредъ не только тѣмъ, что умерщвляетъ птицъ, но и тѣмъ, что спасшіяся отъ ея преслѣдованія куры и утки бываютъ такъ напуганы, что долго не хотятъ возвращаться въ свой курятникъ. Ея кровожадность доходитъ иногда до полнаго изступленія, и кровь ея жертвъ,

кажется, действительно ее опьяняет. По словам Мюллера, бѣлодушку находили иногда спящею въ курятникахъ и голубятняхъ, гдѣ она загрызла много птицъ. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ», говоритъ этотъ наблюдатель, «бѣлодушка забралась въ голубятню около Алсфельда, при чемъ всѣ находившіеся тамъ голуби были умерщвлены. Черезъ день виновницу этого нашли недалеко отъ голубятни, въ изгороди; она казалась пьяной, потому что глупо смотрѣла по сторонамъ, не старалась спастись бѣгствомъ и была убита безъ всякаго труда. Въ такихъ случаяхъ она вовсе не ѣстъ мяса птицъ, а только пьетъ кровь и сѣдаетъ мозгъ у своихъ жертвъ, въ видѣ лакомства. Впрочемъ тамъ, гдѣ возможно, она утаскиваетъ съ собою нѣсколько труповъ, чтобы запастись пищею на слѣдующіе дни.

Течка у каменной куницы начинается обыкновенно тремя недѣлями позже, чѣмъ у лѣсной, большею частью въ концѣ февраля. Тогда слышишь чаще, чѣмъ въ другое время, на какой-нибудь крышѣ, копяче муканье этихъ звѣрковъ, а также своеобразное ворчаніе и драку двухъ самцовъ. Въ это время бѣлодушка издаетъ болѣе сильный запахъ мускуса; въ комнатѣ запахъ этотъ почти невыносимъ. По всѣмъ вѣроятностямъ онъ служитъ приманкою для другихъ куницъ. Случается довольно часто, что бѣлодушка скрещивается съ лѣсной куницей и производитъ ублюдковъ, которые хорошо выживаютъ.

Въ апрѣлѣ или маѣ самка родитъ отъ трехъ до пяти дѣтенышей, которыхъ она старательно прячетъ отъ постороннихъ глазъ, нѣжно любитъ и позднѣе очень хорошо обучаетъ хищническому искусству. «Мать», говоритъ Мюллеръ, «очень старательно показываетъ дѣтямъ на примѣрѣ разные, болѣе трудныя движенія. Я имѣлъ случай это часто наблюдать. Въ одномъ парѣ стояла каменная стѣна въ пять метровъ вышины, которая примыкала къ сараю, гдѣ жила бѣлодушка съ четырьмя дѣтенышами. Въ сумерки старая куница выходила изъ сарая, внимательно осматривалась кругомъ, а затѣмъ шла осторожно впередъ по стѣнѣ, точно кошка; сдѣлавши нѣсколько шаговъ, она останавливалась и садилась, обращая мордой къ сараю. Черезъ нѣсколько секундъ одинъ изъ дѣтенышей проходилъ по той же стѣнѣ и садился около матери, за нимъ слѣдовали поочередно второй, третій и четвертый. Послѣ небольшого отдыха старая бѣлодушка подымалась и въ пять или шесть прыжковъ перескакивала довольно большое пространство на стѣнѣ, а затѣмъ садилась и смотрѣла, какъ ея дѣтеныши такимъ же способомъ донесъ добирались. Вдругъ мать исчезла со стѣны, и я услышалъ едва замѣтный шумъ отъ прыжка ея въ садъ. Дѣтеныши, сидя на стѣнѣ, вытягивали шеи и очевидно не знали, чтѣ предпринять. Наконецъ, пользуясь близъ стоящимъ тополемъ, они рѣшились слѣзть внизъ къ матери. Какъ только они были всѣ внизу; старая куница по кусту бузины снова взобралась на стѣну. Дѣтеныши безъ всякаго колебанія послѣдовали за ней, и было интересно наблюдать, какъ они сумѣли воспользоваться ближайшимъ путемъ, чтобы взобраться по кусту на стѣну. Тогда началась такая бѣготня и такіе смѣлые прыжки, что игра маленькихъ котятъ и лисенятъ казалась передъ этимъ дѣтской забавой. Ученики каждую минуту дѣлались все ловчѣе и смѣлѣе. Они лазали по деревьямъ вверхъ и внизъ, рыскали по стѣнѣ и крышѣ взадъ и впередъ, слѣдуя вездѣ за матерью, и показывали во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ своихъ такое искусство, что становилось ясно, какъ должны будутъ птицы въ саду опасаться этихъ хищниковъ, когда они еще подростутъ».

Если поймать бѣлодушку вмѣстѣ съ дѣтенышами и посадить въ клетку, то она безъ колебанія и боязни прежде всего заботится о своемъ потомствѣ. У Ленца жила самка бѣлодушка съ сосущимъ еще дѣтенышемъ и она его кормила, нѣсколько не скрываясь. Маленькій часто громко пищалъ, когда онъ былъ голоденъ или чѣмъ-

нибудь недоволенъ и отъ него сильно пахло мускусомъ, хотя мать держала его достаточно чисто; отъ нея самой, однако, пахло не сильно. Маленькихъ бѣлодушекъ часто поручаютъ на вскармливанье кошкамъ, которыя обыкновенно исполняютъ это очень охотно. Выросшіе такимъ образомъ дѣтеныши дѣлаются очень ручными и обращаются въ совершенно домашнихъ животныхъ. Ихъ можно оставлять на свободѣ; онѣ, какъ кошки, выходятъ изъ дому и возвращаются обратно, но почти всегда рано или поздно погибаютъ, потому что не могутъ совершенно оставить своихъ хищническихъ привычекъ. Можно до известной степени сдѣлать ручными даже такихъ бѣлодушекъ, которыя пойманы уже взрослыми. Въ Шотландіи разъ поймали каменную куницу совершенно особеннымъ образомъ. Долгое время жила она какъ незваный гость въ одной горной деревнѣ и произвела тамъ много безчинствъ въ курятникахъ. У каждаго изъ жителей деревни потаскала она нѣсколько куръ; наконецъ нашли ея мѣстожительство. Съ помощью нѣсколькихъ хорошихъ собакъ ее выгнали изъ уединеннаго сарая, гдѣ она устроила свое логовище; она должна была выбѣжать въ поле и напрасно употребляла въ дѣло всю свою ловкость и хитрость, чтобы спастись отъ собакъ. Онѣ почти уже ее догоняли и загнали на край пропасти, имѣвшей до 30 метровъ глубины. Бѣлодушка, не задумываясь прыгнула внизъ, но ударъ отъ паденія былъ слишкомъ силенъ и она лежала на днѣ оврага какъ мертвая и не шевелилась. Люди, преслѣдовавшіе ее, были убѣждены, что она убилась до смерти, и нѣкоторые изъ нихъ спустились внизъ и подняли бѣлодушку, чтобы воспользоваться ея шкурой. Но животное вдругъ снова зашевелилось и, больно укусивъ того человѣка, который ее держалъ, ясно доказала, что сознаніе къ ней возвратилось; но шотландецъ этимъ не смутился, крѣпко схватилъ ее за шею и снесъ домой. Здѣсь съ ней обращались дружелюбно, ласкали и кормили ее, и по прошествіи нѣкотораго времени она сдѣлалась ручною, что можно объяснить или ударомъ отъ паденія, или благодарностью за хорошее пощеніе. Хозяинъ рѣшился ее оставить у себя для истребленія мышей и поселилъ ее въ конюшнѣ. Она тамъ скоро совершенно свыклась и даже сильно подружилась съ одной изъ лошадей. Какъ только входили въ конюшню, то находили бѣлодушку около ея пріятеля, котораго она какъ-бы защищала, глухо ворча на подходящаго. Она часто сидѣла на спинѣ у лошади, иногда на шеѣ, иногда бѣгала по лошади взадъ и впередъ и играла съ хвостомъ или ушами своего друга, котораго нисколько не смущала эта игра; видно было, что лошадь цѣнитъ привязанность маленькаго хищника. Къ сожалѣнію, эта странная дружба была скоро прекращена самымъ жестокимъ образомъ. Во время одного изъ своихъ ночныхъ походовъ бѣлодушка попала въ западню и на слѣдующее утро была найдена тамъ мертвою.

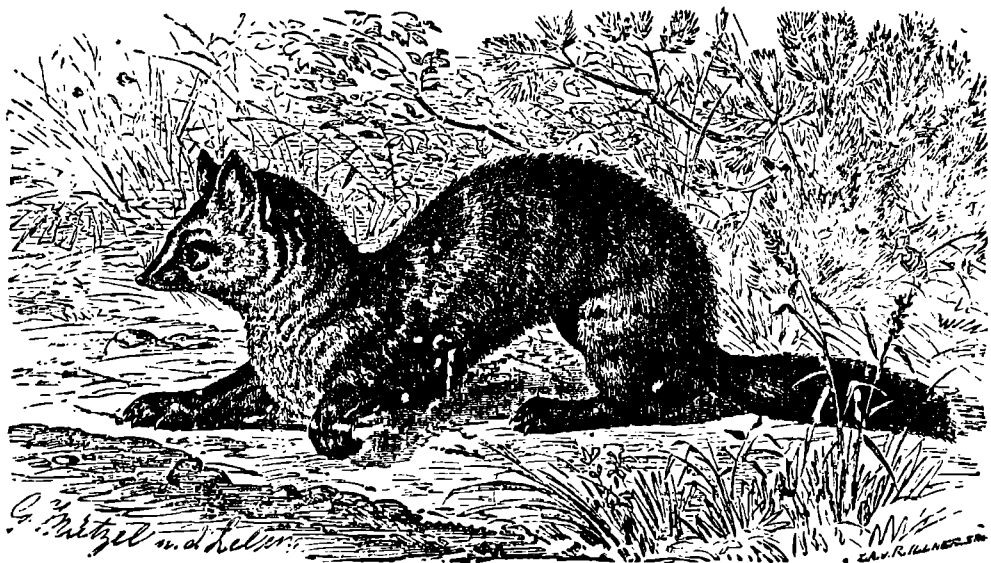
Въ неволѣ бѣлодушка очень забавный звѣрекъ, такъ какъ она отличается своей подвижностью и граціозностью движеній; ни на одну минуту не остается она въ покоѣ, а постоянно бѣгаетъ, лазаютъ, прыгаетъ по всѣмъ направленіямъ. Ловкость и быстроту движеній этого животнаго трудно описать, и когда оно здорово и въ хорошемъ расположеніи духа, то двигается съ такою скоростью, что едва можно отличить гдѣ голова, гдѣ хвостъ. Однако бѣлодушка непріятна довольно сильнымъ запахомъ, который издаетъ особенно самецъ; запахъ этотъ многимъ кажется въ высшей степени противнымъ; кромѣ того кровожадность бѣлодушки дѣлаетъ ее довольно опаснымъ животнымъ, и потому почти всегда ее нужно запереть.

Только опытный охотникъ можетъ убить или поймать бѣлодушку. Хотя это животное любитъ ходить по известнымъ тропинкамъ, но легко дѣлается недовѣрчивымъ и часто умѣетъ перехитрить даже искуснаго охотника. Малѣйшая пере-

мѣна въ обстановкѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она любитъ пребывать, часто заставляетъ ее удалиться отъ своихъ обычныхъ тропинокъ и логовищъ на нѣсколько недѣль, а иногда и мѣсяцевъ. Въ Германіи и средней Европѣ, по Ломеру, добывается ежегодно до 250 тысячъ шкурокъ бѣлодушки. Сѣверъ Европы доставляетъ до 150 тысячъ шкурокъ и цѣна этого товара доходитъ до 4,000,000 марокъ. Самыя красивыя, большія и темныя шкурки доставляются изъ Венгріи и Турціи, онѣ и цѣнятся гораздо дороже нѣмецкихъ. Въ семидесятыхъ годахъ нашего столѣтія шкурка бѣлодушки цѣвилась въ 15 марокъ, теперь она стоитъ отъ 8—10 марокъ. Блэнфордъ утверждаетъ, что еще болѣе красивыя шкурки бѣлодушки получаютъ изъ Туркестана и Афганистана.

* * *

На куніць болѣе всего похожъ драгоцѣнный Соболь (*Mustela zibellina*, *Martes* и *Viverra zibellina*. Zobel, Zibelline) и отличается отъ нихъ конусообразной

Соболь. *Mustela zibellina*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

формой головы, большими ушами, высокими, довольно толстыми ногами, большими лапками (ступнями) и глянцевитымъ шелковистымъ мѣхомъ. Мюггелъ, которому посчастливилось срисовать съ природы этотъ, столь рѣдкій въ нашихъ зоологическихъ садахъ, видъ куніцы, говоритъ: «Туловище и конечности соболя, въ сравненіи съ тѣми же частями у другихъ куніць, болѣе толсты и приземисты. Голова имѣетъ конусообразную форму съ какой стороны на нее ни посмотрѣть. Вершину корпуса образуетъ носъ; линія, идущая отъ носа ко лбу, почти прямая и поднимается довольно круто, что происходитъ вслѣдствіе того, что очень длинныя волосы лба и висковъ торчатъ впередъ и наполняютъ уголь, который образуютъ уши съ переднею поверхностью головы. На щекахъ и нижней челюсти волосы также имѣютъ значительную длину и направлены назадъ, что также способствуетъ тому, чтобы придать головѣ конусообразную форму. Уши соболя больше и острѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ видовъ куніцы и придаютъ головѣ этого животнаго совершенно особый обликъ. Конечности отличаются отъ конечностей другихъ куніць длиною

и толщиной, а ступни велпчиною и шириною, такъ что въ сравненіи съ болѣе тонкими и пѣжными лапками другихъ куницъ, ступни соболя кажутся похожими на лапы медвѣдя, а длина этихъ конечностей, соединенная съ приземистымъ тѣлосложеніемъ, придаетъ всей фигурѣ соболя совершенно особенный отпечатокъ».

Мѣхъ считается тѣмъ красивѣе, чѣмъ онъ гуще, мягче и одноцвѣтнѣе, а особенно чѣмъ болѣе замѣтна дымчато-бурая съ синеватымъ оттѣнкомъ окраска подшерстка. По этой окраскѣ сибирскими мѣховыми торговцами цѣнятся мѣхъ соболя. Чѣмъ желтѣе подшерстокъ и рѣже ость, тѣмъ шкурка менѣе цѣнна; чѣмъ темнѣе и одноцвѣтнѣе ость и подшерстокъ, тѣмъ шкурка выше цѣнится. Самыя лучшія шкурки соболя на спинѣ черноватая, у морды черныя съ сѣдиной, на щекахъ сѣдья, шея и бока рыжевато-каштановые, а на нижней сторонѣ горла довольно яркаго орапжеваго цвѣта, похожаго на цвѣтъ яичнаго желтка; уши окаймлены сѣровато-бѣлыми или блѣдно-бурыми волосками. Желтоватый цвѣтъ горла, переходящій иногда въ оранжевый, по словамъ Радде, блѣднѣетъ послѣ смерти животнаго, тѣмъ скорѣе, чѣмъ ярче это мѣсто было окрашено при жизни. У многихъ соболей, изъ которыхъ даже хотѣли сдѣлать особыя разновидности, въ черномъ мѣхѣ спины замѣтно много бѣлыхъ волосъ (сѣдипа), а морда, щеки, грудь и брюшко бѣловатая; у другихъ мѣхъ на спинѣ желтовато-бурый, брюшко же, а иногда шея и щеки бѣлыя и только ноги темнѣе; у иныхъ же соболей господствуетъ повсюду желтовато-бурая окраска, которая оказывается болѣе темной только на ногахъ и на хвостѣ; наконецъ изрѣдка встрѣчаются совѣтъ бѣлыя соболя.

Соболь въ прежнее время встрѣчался отъ Урала до Берингова моря и отъ южной границы Сибири до 68° с. ш.; кромѣ того его находятъ въ значительной части сѣверо-западной Америки. Въ настоящее же время область распространенія его гораздо болѣе ограничена. Постоянное преслѣдованіе загнало его въ самыя густыя горныя лѣса сѣверо-восточной Азии, а такъ какъ человекъ и тамъ, даже съ опасностью жизни, его преслѣдуетъ, то онъ удалется все далѣе и далѣе на востокъ и дѣлается все рѣже. «При завоеваніи Камчатки», говоритъ Стеллеръ, «было тамъ такъ много соболей, что камчадаламъ не составляло никакой трудности платитъ ясакъ собольими шкурами; туземцы тогда смѣялись надъ казаками, которые имъ давали ножикъ за соболя. Каждый туземецъ могъ безъ особаго напряженія добыть во время зимы 60—80 и даже болѣе соболей. Въ то время было вывезено изъ этой страны огромное количество собожьихъ шкурокъ, и купецъ могъ, посредствомъ мѣновой торговли, особенно съѣстными припасами, легко заработать въ 50 разъ болѣе того, что истратилъ. Одинъ чиновникъ, который ѣздилъ въ Камчатку, вернулся въ Явутскъ богатымъ человекомъ, заработавъ торговлею соболями 30 тысячъ рублей». Въ это золотое время въ Камчаткѣ образовалось нѣсколько обществъ охотниковъ за соболями, и съ тѣхъ поръ число этихъ животныхъ значительно уменьшилось какъ тамъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ восточной Азии. Преслѣдованіе охотниками составляетъ главную причину уменьшенія соболей, но соболь принимаетъ также странствованія съ мѣста на мѣсто, при чемъ, по мнѣнію туземцевъ, онъ преслѣдуетъ бѣлокъ, которыя составляютъ его любимую добычу. Во время этихъ странствованій соболь переплываетъ безбоязненно широкія рѣки, даже во время ледохода, хотя въ обыкновенное время онъ избѣгаетъ воды. Любимымъ мѣстопребываніемъ соболя считаются лѣса сибирскаго кедра, такъ какъ гигантскіе стволы этихъ кедровъ доставляютъ ему возможность устраивать себѣ удобныя логовища, и потому еще, что въ нихъ живутъ многія животныя, питающіяся кедр-

ровыми орѣшками и составляющія для соболя хорошую добычу; говорятъ, что онъ даже самъ ѣсть эти орѣшки *).

«Соболь», говоритъ Радде, «несмотря на свою незначительную величину, самое быстрое и выносливое животное Восточной Сибири, а вслѣдствіе постоянного преслѣдованія человѣкомъ онъ сталъ и самымъ хитрымъ. У него, какъ у большинства другихъ умныхъ животныхъ, очень замѣтно развитіе понятливости вслѣдствіе того, что онъ постоянно долженъ бояться преслѣдующихъ его охотниковъ и потому имѣетъ часто случай упражнять силу и ловкость тѣла, а также и хитрость. Такимъ образомъ въ Байкальскихъ горахъ, гдѣ соболь прятается въ расщелинахъ скаль, гораздо труднѣе за нимъ охотиться съ собаками, чѣмъ въ горахъ Малаго Хингана, гдѣ онъ избѣгаетъ каменистыхъ мѣстъ, а спасается всегда на деревья. На Хинганѣ, гдѣ его еще не такъ сильно преслѣдуютъ, онъ охотится не только ночью, но даже и днемъ и спитъ только тогда, когда вполне насытился; въ Байкальскихъ же горахъ онъ очень остороженъ и совершаетъ свои набѣги только по ночамъ. Охотнѣе всего отправляется онъ за добычей рано утромъ до восхода солнца и преимущественно на высотахъ, окружающихъ долины. Слѣдъ его нѣсколько больше слѣдовъ сродныхъ ему куницъ и кромѣ того онъ не такъ ясенъ, потому что по сторонамъ лапокъ растутъ длинные волосы. Когда бѣжитъ, то правой передней лапкой дѣлаетъ шагъ больше, чѣмъ соотвѣтствующей лѣвой». По своимъ движеніямъ онъ болѣе всего похожъ на лѣсную куницу и точно такъ же хорошо, какъ и она лазаетъ, и прыгаетъ. Пища его состоитъ преимущественно изъ бѣлокъ и другихъ грызуновъ, а также и изъ разныхъ птицъ.

Онъ не пренебрегаетъ и рыбами, по крайней мѣрѣ идетъ на приманку, состоящую изъ рыбьяго мяса. Говорятъ, что онъ очень любитъ медъ дикихъ пчелъ— Кедровые орѣхи ѣсть онъ охотно, и Радде находилъ часто желудокъ имъ убитыхъ соболей набитымъ этими сѣменами. Соболя спариваются въ январѣ и самка родить два мѣсяца спустя отъ трехъ до пяти дѣтенышей **).

Охота за соболями и ловля ихъ составляютъ для многихъ племенъ инородцевъ Восточной Сибири главное занятіе, и купцы пробѣзжаютъ многія тысячи верстъ для покупки этихъ драгоценныхъ шкурокъ. Въ нынѣшнее время большинство соболей получается изъ темныхъ лѣсовъ между Леной и Великимъ Океаномъ, и добываніе его шкурокъ составляетъ самый значительный заработокъ тамошнихъ инородцевъ и русскихъ поселенцевъ. Охота за соболями производится отъ начала октября до середины ноября или начала декабря. Охотники собираются въ извѣстныхъ мѣстахъ въ небольшія общества и устраиваютъ себѣ въ лѣсу шалаши или землянки. Собаки, употребляемыя для охоты, должны кромѣ того везти сани, на которыхъ находятся жизненные припасы на нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда начинается охота, которая ведется и теперь почти такъ же, какъ описываетъ ее Стеллеръ (начало XVIII столѣтія), съ тѣмъ только различіемъ, что теперь уже не употребляютъ лука и стрѣль. Ставятъ различнаго рода силки и ловушки, идутъ по его слѣдамъ на лыжахъ, окружаютъ его логовище сѣтями и убиваютъ его изъ винтовокъ. На-

*) По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей соболь прежде жилъ въ Литвѣ, Вѣдоруссін и Польшѣ, и въ Литовскомъ статутѣ о немъ упоминается; но съ другой стороны извѣстно, что о соболѣ въ первый разъ упоминается въ Россіи въ царствованіе Іоанна Васильевича III-го. Во всякомъ случаѣ слово «соболь» не русское, а скорѣе татарское; сибирскіе инородцы называютъ его иначе.

Примѣч. редактора.

**) Сибирскіе охотники утверждаютъ, что соболь иногда спаривается съ кунцею и что отъ этого скрещиванія происходятъ ублюдки, называемые въ Сибири «Кидасами». Кидасы имѣютъ шерсть, какъ у соболя, но подъ горломъ желтое пятно и хвостъ длиннѣе соболиннаго. Шкурка его дороже куньей, но дешевле соболинной (Русская фауна. Ю. Симашко).

Примѣч. редакт.

и лучшими считаются тѣ ловушки, въ которыхъ соболь попадаетъ, не портя своей шкуры. Охотники употребляютъ нѣсколько дней, чтобы разставить въ должныхъ мѣстахъ эти ловушки, а затѣмъ каждый день осматриваютъ ихъ, при чемъ очень часто случается, что вмѣсто соболя въ западню попалась лисица или какой-нибудь другой, менѣе цѣнный хищникъ. Случается, что несчастнаго охотника заставитъ буря въ лѣсу, и онъ долженъ заботиться о спасеніи своей собственной жизни, не осмотрѣвши всѣхъ разставленныхъ ловушекъ. Изъ этого видно, что охота за соболемъ представляетъ цѣлый рядъ большихъ трудностей и опасностей. Когда охотничье общество возвратится, то часто оказывается, что добыча едва вознаградила ихъ за расходы, не говоря уже о перенесенныхъ трудностяхъ.

Въ гористыхъ странахъ на югѣ Байкала охоту на соболя начинаютъ еще въ концѣ сентября, такъ какъ здѣсь на высотахъ у соболя раньше является его зимняя шерсть. Въ холодное время года соболь неохотно идетъ въ воду и переходитъ ручьи по поваленнымъ черезъ нихъ деревьямъ. Въ серединѣ этихъ деревьевъ охотники устраиваютъ небольшія деревянные ворота и вѣшаютъ на нихъ волосяные силки, которые прикрѣплены посредствомъ волосяныхъ бичевокъ къ довольно тяжелымъ камнямъ. Соболь, переходя черезъ такой мостикъ, попадаетъ, несмотря на свою осторожность, шей въ силокъ; желая освободиться, онъ сбиваетъ камень и вмѣстѣ съ нимъ летитъ въ воду, гдѣ и тонетъ. Кромѣ того устраиваютъ и другого рода западни, самопалы, а также охотятся на соболей и съ собаками.

О жизни соболей въ неволѣ свѣдѣній еще до сихъ поръ мало. Понятно, что въ Сибири столь драгоценное животное ловить живымъ только по особому заказу, и изъ тѣхъ немногихъ соболей, которые дѣлаются ручными, только весьма рѣдкіе попадаютъ въ зоологическіе сады западной Европы. Стеллеръ рассказываетъ, что у тобольскаго архіепископа жилъ ручной соболь, который пользовался совершенной свободой, бѣгалъ по городу и даже хорошо помнилъ тѣ дома, въ которыхъ ему давали чѣмъ-нибудь полакомиться. Онъ спалъ почти весь день, но ночью дѣлался очень живымъ и веселымъ. Пищу свою онъ сѣдалъ съ большою жадностью, послѣ этого пилъ воду, а затѣмъ такъ крѣпко засыпалъ, что нѣсколько часовъ сряду казался совсѣмъ безчувственнымъ; его можно было щипать и колоть и онъ все-таки не шевелился. Этотъ соболь былъ большой врагъ всѣхъ другихъ хищныхъ звѣрей; какъ только онъ видѣлъ кошку, то становился на заднія лапки и выказывалъ большую охоту съ ней подраться. Извѣстны и другіе случаи прврученія соболя, при чемъ большею частью это были самки. Хотя эти животныя очень красивы, но отъ нихъ бываетъ довольно сильный и не всѣмъ пріятный мускусный запахъ. Ручные соболя узнаютъ своего хозяина, весело прыгаютъ по клѣткѣ, когда довольны и здоровы, а въ гнѣвѣ рычатъ и ворчатъ, какъ молодые собаки.

Уже въ Сибири платятъ за шкурку соболя изъ первыхъ рукъ, смотря по ея добротѣ, 20—25 и до 200 рублей сер. Въ Германіи цѣна ихъ колеблется между 30 и 500 марокъ. Лучшіе соболя получаютъ изъ Якутска и Охотска. Соболя изъ побережьевъ Енисея, Лены и Амура цѣнятся не такъ высоко. По показаніямъ Ломера изъ Сибири вывозятся ежегодно до 100 тысячъ шкурокъ соболей, цѣною въ 4 милліона марокъ.

* *
*

На сѣверо-востокѣ и на дальнемъ сѣверѣ Америки соболя замѣняетъ Сосновая нуница или Американскій соболь (*Mustela americana, vulpina, leucopus, leucotis* и *huro*. Fichtenmarder, Marte des Hurons), у котораго туловище имѣетъ въ длину 45, а хвостъ 15 см. Въ общемъ, это животное болѣе сродни лѣсной куницѣ, чѣмъ соболу. Окраска его мѣха болѣе или менѣе равномерно бурая; пятно на

груди желтое, а голова и уши сѣрыя или бѣлыя. Волось значительно грубѣе, чѣмъ у соболя и почти такой же, какъ у нашей лѣсной куницы.

Самыя лучшія шкурки добываются въ странахъ, лежащихъ по берегамъ Гудзонова залива, въ областяхъ бассейновъ рѣкъ Большой и Малой Китовыхъ и на Лабрадорѣ. По Ломеру, изъ этихъ странъ ежегодно поступаетъ на рынокъ 100,000, а съ Аляски отъ 30, до 50,000 шкурокъ и лучшія изъ нихъ цѣнятся по 75 марокъ за каждую.

* * *

Въ вышеупомянутыхъ-же странахъ водится и **Куница рыболовъ**, **пеканъ** канадецъ, **віакъ** индѣйцевъ (*Mustela pennanti, canadensis, melanorhyncha* и *ferrugineus*. Fischer marder. Pекан); это — большое, дюжее «лисицеподобное» животное съ туловищемъ въ 60 см. и съ хвостомъ въ 30 — 35 см. въ длину. Мѣхъ его, состоя изъ густо посаженныхъ, блестящихъ остей и длиннаго, мягкаго подшерстка, обыкновенно имѣетъ весьма темную, даже черную окраску и только на головѣ, на затылкѣ и на спинѣ примѣшивается сѣдина; однако существуютъ также и такіе экземпляры, окраска мѣха которыхъ весьма свѣтла, каштаново или свѣтло-бурая и даже изжелта-бѣлая.

Родина куницы-рыболова весь сѣверъ Америки. Въ образѣ же своей жизни она походить то на одного, то на другого изъ своихъ родичей. Обычнымъ жплемъ ей служатъ ямы, вырываемыя ею же невдалекѣ отъ береговъ рѣкъ, а въ пищу повидимому должно бы идти главнымъ образомъ мясо тѣхъ четвероногихъ, которыя держатся вблизи водъ. Охотѣ за этою куницею предаются молодые индѣйцы, которые — въ противоположность опытнымъ, старымъ охотникамъ своихъ племенъ, ведущимъ опасную борьбу со свирѣпыми медвѣдями — находятъ въ пеканѣ, созданіи все-таки зубастомъ, подходящее существо для испытанія своего мужества. Что же касается самой шкурки куницы-рыболова, то, по Ломеру, едва ли какая-нибудь изъ шкурокъ другихъ животныхъ пригоднѣе для мужскихъ мѣховъ; вслѣдствіе этого, какъ на сѣверѣ Америки, такъ и въ Россіи она весьма цѣнится: именно, за одну ея шкуру платятъ отъ 30 до 60 и даже до 85 марокъ, а за собранный изъ такихъ шкурокъ мѣхъ съ охотою даютъ отъ 1200 до 4000 марокъ (американскій соболь мѣховщиковъ). Въ Германію попадаетъ сравнительно небольшое количество шкурокъ этой куницы (всего около 12,000 штукъ), которыя извѣстны подъ названіемъ «виргинскаго хорька».

* * *

Послѣдній изъ видовъ этого рода, тоже еще заслуживающій извѣстности, есть **Харза** — южныхъ тунгузовъ и анга прао малайцевъ (*Mustela flavigula, kardwickii, Martes flavigula* и *gwatkinsi, Galidictio chryzogaster*. Charsamarder). Эта куница можетъ быть причислена къ самымъ рослымъ животнымъ своего рода; длина ея туловища достигаетъ 60, а хвоста 40 см.; вѣсъ же колеблется между 2 и 3 килограммами. Окраска головы, ушей, боковыхъ полосъ на шеѣ, задней части тѣла, лапъ и хвоста черная или буро-черноватая; верхняя губа, подбородокъ и область надъ гортанью вполне бѣлы, а всѣ остальные части глянцевито-свѣтло-желтыя, при чемъ брюшко чпще и свѣтлѣе спинки, а шея и горло ярко-желтыя. Окраска эта видоизмѣняется весьма различно, бываетъ то свѣтлѣе, то темнѣе, что и послужило къ установленію многихъ видовъ этого животнаго. Область распространенія этого звѣря весьма велика. Онъ встрѣчается на Гималаяхъ къ востоку отъ Кашмира до высотъ, не превосходящихъ 2500 метровъ; затѣмъ въ горахъ, лежащихъ къ сѣверо-востоку, и даже въ Приамурской области. Къ югу онъ обыченъ во всѣхъ гористыхъ или холмистыхъ областяхъ Бирмы, Малаккесскаго полуострова и Суматры. Равнымъ образомъ встрѣчается онъ на югѣ западно-индѣйскаго полуострова въ (Нилгири и Тра-

вапкурѣ), а, по словамъ Жердона, живетъ также и на Цейлонѣ; однако, эти данныя никѣмъ еще не подтверждены, ни Келертомъ, ни Теннентомъ.

Радде встрѣтилъ харзу—которая, до путешествія этого наблюдателя, была находима только въ южно-азиатскихъ горахъ—также и въ Приамурскомъ краѣ. По его описанію она живетъ большею частью вдвоемъ или втроемъ и сообща же и охотится; она весьма быстро бѣгаетъ, искусна въ лазаніи, и не избирая, подобно соболю, извѣстныхъ возвышенныхъ мѣстъ въ долинахъ для своего повседневнаго логовища, постоянно кочуетъ. Ея добычу лѣтомъ составляетъ главнымъ образомъ енотовая собака (*Canis procyonides*) но, будучи въ сообществѣ съ собою подобными, она отваживается нападать какъ на барсука, котораго и осиливаетъ, такъ равнымъ образомъ преслѣдуетъ косулю и кабаргу. Осенью она устремляется вслѣдъ за бѣлками и тогда, совершая свои охоты за ними въ лѣсахъ сибирскаго кедра, она принуждена уже лазать по деревьямъ, къ чему харза вообще прибѣгаетъ только вслѣдствіе нужды, такъ какъ по своей тяжеловѣсности она не въ состояніи ни перебираться по гибкимъ концамъ сучьевъ, ни перепрыгивать съ вѣтки на вѣтку. Будучи осаждена собаками, она защищается на подобіе рыси, именно ложится на спину и пускаетъ въ дѣло когти и зубы. Въ холмистыхъ лѣсахъ южной Азіи нерѣдко удается наблюдать даже и среди бѣлаго дня, какъ она вдвоемъ, а иногда и цѣлою семьею изъ 5—6 штукъ охотится по кустамъ и деревьямъ. Тамъ преслѣдуетъ она не только млекопитающихъ и птицъ, но также змѣй и ящерицъ, ѣсть вѣроятно насѣкомыхъ и во всякомъ случаѣ плоды; равнымъ образомъ, она опасна и для домашней птицы. По Адамсу, все время, пока она находится въ движеніи, она тихо бормочетъ или мурлычетъ; будучи же раздражена, издаетъ рѣзкій протлжный визгъ.

О томъ, какъ размножаются харзы, свѣдѣній не существуетъ. Пойманныя же, онѣ неоднократно содержались также и въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, причемъ оказывались настолько же ручными, веселыми, игривыми и привязчивыми, насколько это возможно и для всякой другой куницы. Характеристичный для куницы запахъ они испускали лишь въ незначительной степени.

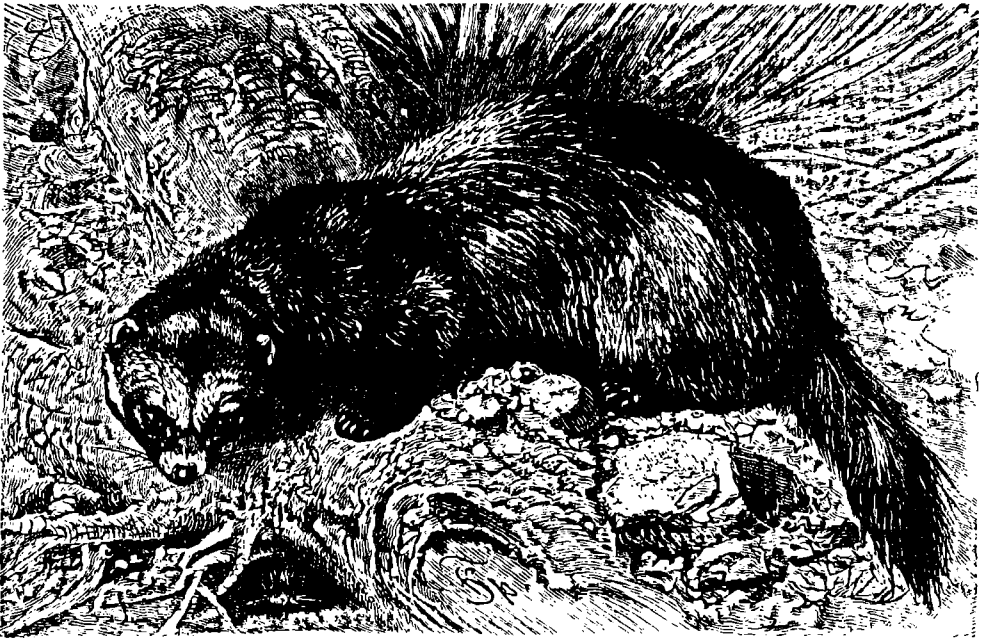
* * *

Собственно хорьками (*Putorius* или *foetorius*) называются виды другого рода и именно въ честь всѣмъ извѣстнаго хорька. Относящіеся сюда виды куницъ характеризуются сильно суженною спереди головою съ заостреннымъ рыломъ, короткими, закругленными, трехгранными ушами, тонкимъ, вытянутымъ въ длину туловищемъ; короткими ногами со ступнями, снабженными длинными пальцами, и круглымъ хвостомъ, обросшимъ довольно длинными волосами, авъ длину не достигающимъ половины туловища. Зубная система состоитъ изъ 34 зубовъ, а именно: 6 рѣзцовъ, 2 клыковъ въ каждой челюсти, 6 ложнокоренныхъ зубовъ (по 3 вверху и внизу), 2 коренныхъ въ верхней челюсти и 4 въ нижней; такъ называемый плотоядный зубъ очень великъ въ обѣихъ челюстяхъ, и втрое болѣе широкій, чѣмъ длинный бугорчатый зубъ бросается въ глаза своимъ положеніемъ поперекъ.

Почти всѣ виды этого рода живутъ въ земляныхъ норахъ или въ строенияхъ и, вовсе не уступая родственнымъ имъ куницамъ въ стремленіи къ хищничеству и убійству, оказываютъ, однако, въ сравненіи съ ними, въ общемъ больше услугъ, ловя вредныхъ грызуновъ и змѣй.

Хорень (*Putorius foetidus, typus, communis* и *vulgarus, Mustela foetorius* и *Viverra putorius, Mustela Evermanni* и *foetida. Iltis. Putois*) имѣетъ туловище, длиною отъ 40 до 42 см. и хвостъ отъ 16 до 17 см. Мѣхъ снизу одноцвѣтно чернобурый, а сверху и по бокамъ туловища болѣе свѣтлый, обыкновенно темнокаштан-

ново-бурый; свѣтлѣ шерсть также вверху шеи и по сторонамъ туловища вслѣдствіе желтоватаго подшерстка, просвѣчивающаго въ особенности въ этихъ областяхъ тѣла. Черезъ середину брюшка проходитъ не рѣзко ограниченная рыжеватая полоса; подбородокъ и рыльце морды, за исключеніемъ темнаго носа, желтовато-бурого цвѣта. Надъ каждымъ глазомъ виднѣется по одному не рѣзко ограниченному желтовато-бѣлому пятну, которыя и сливаются съ неявственною полоскою, начинающеюся подъ ухомъ. По краямъ бурыхъ ушей находится желтовато-бурая же кайма, а длинные усы чернобуры. Отъ этой только-что описанной окраски встрѣчаются также и различныя уклоненія, которыя подавали даже поводъ разсматривать представляющихъ ихъ животныхъ какъ отдѣльные виды, и между которыми слѣдуетъ упомянуть объ альбиносахъ или о вполне желто окрашенныхъ хорькахъ.

Хорекъ. *Putorius foetidus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Самка отличается отъ самца преимущественно совершенною бѣлизною всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыя у самца окрашены въ желтый цвѣтъ. Мѣхъ животнаго хотя и густъ, но менѣе красивъ, чѣмъ мѣхъ лѣсной куницы.

Въ юго-восточной Европѣ, а оттуда къ сѣверу, проникая вплоть до Польши, рядомъ съ хорькомъ, встрѣчается и родственная ему Перевязка (*Putorius sarmaticus*, *Mustela sarmatica*, *peragusna* и *praecincta*, *Viverra sarmatica*, *Foetorius sarmaticus*, *Tigeriltis*, *Putois de Pologne*), которая ни въ одной изъ названныхъ областей, однако, не водится въ большомъ количествѣ; по Блэнфорду же, въ нѣкоторыхъ частяхъ западной Азіи весьма рѣдка, но зато въ Афганистанѣ, въ особенности около Кандахара, обычна. Общая длина ея достигаетъ 50 см., изъ которыхъ 16 приходится на хвостъ. Коротковолосая и жесткая шерсть на спинѣ и по бокамъ бурая, усыпанная беспорядочно расположенными желтыми пятнами; на головѣ, нижней части туловища и внутренней сторонѣ ногъ—черная; въ области горла представляетъ ржаво-красныя пятна; губы и полоса, направляющаяся отъ глазъ

кверху черезъ темя, бѣлыя; уши около корня черновато-бурая, а кончики ихъ ржаво-бѣловатые; окраска же сравнительно длиннаго хвоста около корня бурая и желтоватая, въ серединѣ блѣдно-желтоватая, а на концѣ черная. Образомъ своей жизни, которую подробно описалъ Хуттонъ, перевязка вполне похожа на другихъ хорьковыхъ.

Хорекъ живетъ во всей умѣренной полосѣ Европы и Азии, а случайно встрѣчается также и въ сѣверномъ поясѣ. Въ нашей части свѣта онъ, за исключеніемъ Лапландіи и сѣверной Россіи, можетъ быть встрѣченъ повсюду. Въ Азии онъ распространенъ къ югу до Каспійскаго моря, а къ востоку, черезъ всю Сибирь, до Камчатки. Такъ какъ всякая мѣстность пригодна для хорька, если только она снабжена пищею, то поэтому онъ одинаково проживаетъ и на равнинахъ, и въ горахъ, въ лѣсахъ и на поляхъ, но чаще всего селится, однако, вблизи жилищъ человѣка вообще и около большихъ крестьянскихъ дворовъ въ особенности. Вдали отъ человѣка хорекъ поселяется въ дуплистыхъ деревьяхъ, въ трещинахъ утесовъ въ покинутыхъ лѣсныхъ норахъ и въ другихъ расщелинахъ земли, которыя ему случайно попадутся; при нуждѣ онъ вырываетъ себѣ нору и самъ. Въ поляхъ хорекъ располагается между высокими хлѣбными растеніями; кромѣ того устраиваетъ свое логовище вблизи скалъ, между сваями, подъ частоколомъ, подъ мостами, въ развалинахъ, между корнями большихъ деревьевъ и въ густой изгороди: короче, онъ сумѣетъ прижиться всюду, гдѣ только ему полюбится, избѣгая лишь излишней работы и по возможности пользуясь чужими трудами. Зимомъ въ нашихъ мѣстахъ онъ возвращается къ селамъ и городамъ, охотясь здѣсь уже въ чужихъ областяхъ, именно соперничая съ домашней кошкой и каменной куницею, а порою также забираясь въ курятники, голубятни, хлѣвы для кроликовъ и въ другія мѣста, гдѣ въ такихъ случаяхъ онъ обнаруживаетъ, во вредъ человѣку, такую дѣятельность, которая не только равняется, но и превосходитъ своею кровожадностью дѣятельность другихъ видовъ этого семейства. Но, съ другой стороны, онъ можетъ быть также и полезенъ; такъ, стоитъ только земледѣльцамъ хорошо оберегать своихъ куръ, голубей и кроликовъ, чтобы они могли быть вполне довольны своимъ гостемъ, который тогда истребитъ несмѣтное количество крысъ и мышей, основательно очистить ближайшую мѣстность отъ змѣй и потребуетъ за это лишь теплое логовище въ самомъ темномъ углу сѣновала. Поэтому-то и существуютъ страны, гдѣ на хорька столь-же хорошо смотреть, какъ въ другихъ мѣстностяхъ его ненавидятъ. Въ первомъ случаѣ онъ пользуется даже нѣкоторою охраною со стороны сельскаго хозяина и такъ высоко стоитъ въ его мнѣніи, что все-таки считается не виновнымъ даже и въ томъ случаѣ, когда слѣды крови въ курятникѣ или въ голубятнѣ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о ночномъ посѣщеніи этихъ мѣстъ опаснымъ хищникомъ; при этомъ земледѣлецъ думаетъ, что охраняемый и опекаемый имъ хорекъ не можетъ оказаться настолько неблагодарнымъ, чтобы за доставляемую ему защиту отплатить разбойничьимъ нападеніемъ на домашнюю птицу; въ такомъ случаѣ крестьянинъ полагаетъ, что душителемъ его птицъ былъ какой-нибудь другой хорекъ или какая-либо другая каменная куница, забѣжавшіе къ нему откуда-нибудь изъ сѣдства. Конечно, такіа воззрѣнія свидѣтельствуютъ о великодушіи и снисходительности высказывающаго ихъ, но вовсе не о знакомствѣ съ характеромъ хорька, такъ какъ хорекъ, подобно Лисѣ-Патрикѣвнѣ, не имѣетъ вовсе никакого понятія о собственности и самое большее, что взираетъ на человѣка, какъ на добродушнаго чудака, который, разводя домашнюю птицу или кроликовъ, доставляетъ ему иногда возможность пріятно полакомиться.

Однако, прежде чѣмъ мы станемъ описывать какъ хищничества хорька, такъ

я остальную его жизнь, обратимся для лучшаго ознакомленія съ нимъ къ наблюденіямъ, собраннымъ о немъ Ленцомъ, и которыя могутъ существенно послужить для обрисовки этого животнаго. «4-го августа», повѣствуетъ этотъ наблюдатель, «я купилъ 5 полувзрослыхъ хорьковъ, посадилъ ихъ въ большой ящикъ и бросилъ имъ туда десять живыхъ лягушекъ, живую мѣдяницу и мертваго дрозда. На слѣдующее утро восемь лягушекъ оказались съѣденными, но ни мѣдяница, ни дроздъ не были тронуты. На второй день хорьки съѣли обѣихъ живыхъ лягушекъ, мѣдяницу, трехъ хомяковъ и ужа, длиною въ два фута. Въ теченіе ночи были истреблены: дроздъ, шесть лягушекъ и живой ужъ, длиною почти въ одинъ метръ. На третій день оказались съѣденными: лягушки, двѣ большихъ мертвыхъ гадюки и ящерица, а на четвертый—четыре хомяка и три мыши. На пятый день я отсадилъ одного хорька въ отдѣльный ящикъ, далъ ему вволю корма и, когда онъ наѣлся, бросилъ ему большую, но истощенную гадюку. Придя снова черезъ часъ, нашелъ голову у гадюки уже раскусанною, а хорька, лежащимъ въ углу. Тогда уже я пустилъ къ нему большую, живую гадюку; передъ ея шипѣніемъ хорекъ не выказалъ никакого страха и продолжалъ спокойно лежать (такъ какъ хорекъ покоится или спитъ по цѣлымъ днямъ). Однако, на слѣдующее утро гадюка была найдена мною уже мертвою, а хорекъ чувствовалъ себя, какъ обыкновенно.

«На другой день я помѣстилъ рядомъ съ хорькомъ, обыкновенно спокойно лежавшимъ въ своемъ углу, тоже вполне зубастую гадюку. На этотъ разъ хорекъ пожелалъ посмотрѣть или скорѣе понюхать брошенное ему животное, но едва онъ пошевелился, какъ гадюка два раза укусила его въ бокъ и одинъ разъ въ щеку; хорекъ не обратилъ на это вниманія и остался—конечно, главнымъ образомъ, вслѣдствіе моего присутствія—довольно спокоенъ. Тутъ я бросилъ на гадюку кусокъ мышинаго мяса. Хорьки вообще чрезвычайно лакомы до этого мяса и потому, конечно, и нашъ хорекъ не утерпѣлъ, протянулъ морду и стащилъ мясо съ гадюки, но снова получилъ при этомъ весьма чувствительный укусъ въ лицо. Когда же мясо было съѣдено, то я бросилъ на гадюку еще кусокъ; на этотъ разъ, однако, испугавшись шипѣнія и укусовъ, хорекъ уже не отваживался на похищеніе лакомаго кусочка.

«Пока хорекъ разсматривалъ куски мяса, положенные около гадюки, принесли еще одного полувзрослага хорька, котораго я тотчасъ же и купилъ, онъ былъ до того крѣпко связанъ, что на всѣхъ четырехъ ногахъ оказались глубокія борозды отъ веревокъ, а, будучи освобожденъ отъ послѣднихъ, не могъ ни стоять, ни ходить. Казалось, однако, что этотъ хорекъ былъ весьма голоденъ, такъ какъ, лежа на боку, онъ все-таки, несмотря на всѣ свои какъ-бы перебитыя ноги, пододвинулся къ гадюкѣ и хотѣлъ ее съѣсть; однако, за это желаніе ему пришлось заплатить и испытать три чувствительныхъ укуса, вслѣдствіе которыхъ хорекъ и счелъ болѣе удобнымъ удовольствоваться лишь кусочкомъ мышинаго мяса. Впрочемъ и при этомъ ему пришлось обождать съ полчаса, пока кое-какъ онъ сталъ въ состояніи жевать пострадавшими, какъ оказалось, при поимкѣ его, челюстями. Несмотря, однако, на свою сломанную въ желѣзномъ капканѣ ногу, на жестокое, затѣмъ, связываніе, въ каковомъ состояніи хорьку пришлось пролежать цѣлый день, и наконецъ, на испытанные укусы гадюки, онъ мало-по-малу оправлялся и въ концѣ концовъ выздоровѣлъ; впрочемъ, сломанная нога его осталась все-таки парализованною. Нѣсколько дней я подкрѣплялъ его силы лягушками, мышами, мѣдяницами и хомяками, а затѣмъ снова положилъ у его ногъ сильную гадюку. Онъ пожелалъ было ее начать ѣсть, но тотчасъ-же получилъ страшный укусъ въ щеку, а такъ какъ вслѣдствіе своей парализованной ноги, онъ вообще двигался медленно и кромѣ того

каждый раз все отступалъ передъ гадюкою, то ему пришлось испытать и еще четыре укуса. Наконецъ-таки хорекъ собрался съ силами, наступилъ здоровою ногою на змѣю и, несмотря на множество расточаемыхъ ею укусовъ, схватилъ голову змѣи зубами, раздробилъ ее и затѣмъ съ алчностью съѣлъ всю змѣю безъ остатка. Заболѣванія послѣ борьбы со змѣею хорекъ никакого не обнаруживалъ, а когда я, спустя двадцать семь часовъ, убилъ его и снялъ съ него шкуру, то изъ всѣхъ слѣдовъ укусовъ я нашелъ только два небольшихъ пятна, происхожденіе которыхъ съ полнымъ правомъ могло-бы быть отнесено на счетъ вышеупомяну- таго жестокаго стягиванія веревкою.

«Но возвратимся къ хорьку, оставленному съ гадюкою, которому пред- стояло переночевать съ нею. Хорекъ болѣе не дотрогивался до змѣи, которая при малѣйшемъ его движеніи начинала шипѣть; это, впрочемъ, не препятствовало ей въ остальное время, когда хорекъ оставался въ покоѣ и засыпалъ, приближать- ся къ нему, грѣться около него и при этомъ даже просто переползаетъ черезъ него. Такъ продолжалось дѣло до сумерекъ и даже спустя часъ со времени наступленія темноты, я, входя въ комнату, въ которой находились хорекъ и гадюка, слышалъ еще змѣиное шипѣніе; но въ 10 часовъ вечера, зайдя уже со свѣчкою, передъ от- ходомъ ко сну взглянуть на своихъ животныхъ въ послѣдній разъ, я нашелъ змѣю уже растерзанною.

«Четвертый изъ моихъ хорьковъ также испыталъ четыре укуса гадюки, но и онъ столь же мало пострадалъ отъ нихъ, какъ и другіе».

Кромѣ ядовитыхъ змѣй, хорекъ, подобно куницѣ, пожираетъ всякое живот- ное, которое можетъ осилить. Онъ страшный врагъ всѣхъ кротовъ, полевыхъ и домовыхъ мышей, крысъ, хомяковъ, даже опасенъ и для ежа, а равнымъ образомъ и для всѣхъ куръ и утокъ. Лягушки же повидимому составляютъ его любимое блюдо, такъ какъ часто онъ наваливаетъ ихъ массами и собираетъ дюжинами въ своихъ логовищахъ. Въ случаѣ нужды онъ довольствуется кузнечиками и улитками. Но хорекъ выходитъ также и на рыбную ловлю, причемъ онъ, выслѣдивъ рыбу съ берега ручья озера и пруда, мгновенно бросается за нею, ныряетъ и схватываетъ свою добычу съ большимъ проворствомъ; говорятъ, будто зимою онъ достаетъ рыбу даже изъ-подъ льда. За всѣмъ тѣмъ онъ весьма охотно ѣстъ медъ и плоды. Его ерководность также велика, но все-таки меньше, чѣмъ у куницъ. Обыкновенно онъ не умерщвляетъ всѣхъ птицъ, забравшись въ птичникъ, но, выбравъ себѣ лучшую изъ нихъ, тащить ее въ свою норку; однако такую охоту онъ можетъ повторить въ теченіе ночи нѣсколько разъ. Болѣе, чѣмъ другіе виды куницъ, хорекъ имѣетъ привычку дѣлать себѣ также и запасы, и потому не рѣдки случаи, когда въ его ло- говищѣ находятъ порядочныя количества мышей, птицъ, яицъ и лягушекъ. Ему легко собирать запасы, благодаря его пронырливости.

Въ Восточной Сибири, по словамъ Радде, хорекъ мѣняетъ свой образъ жизни. Онъ рѣдко живетъ въ густыхъ лѣсахъ, но не избираетъ, какъ въ Европѣ, также и поселеній человѣка для своего излюбленнаго мѣстопребыванія. Гдѣ есть лѣса, тамъ онъ предпочитаетъ ихъ опушки, или же отыскиваетъ покосы, которые, какъ извѣстно, приманиваютъ къ себѣ полевыхъ мышей и землероекъ; еще болѣе нравятся ему необитаемыя и сухія степи, такъ какъ здѣсь онъ находитъ для себя въ большомъ количествѣ свою главную дичь—байбаковъ или степныхъ сурковъ; на плоскогорьяхъ же онъ ловитъ живущихъ тамъ сусликовъ. Такъ, въ Даурскихъ высокихъ степяхъ, гдѣ его существованіе тѣсно связано съ вышеупомянутыми байбаками, хорекъ, въ виду долгой зимы, во время которой байбакъ спитъ, про- мышляетъ относительно своей будущей пищи въ теченіе зимы очень хитро: именно,

осенью, когда земля еще не замерзла, хорекъ вырываетъ въ ней глубокіе ходы, направляя ихъ къ пустымъ еще въ то время логовищамъ сурковъ, но не доводитъ этихъ ходовъ до самыхъ логовищъ, а останавливается отъ нихъ на небольшомъ разстояніи; когда же, въ послѣдствіи сурокъ помѣстится въ своей норкѣ, наглухо закопаетъ свои ходы къ ней и предается зимней спячкѣ, то хорекъ прогрызаетъ оставленный имъ, какъ уже упомянуто, нетолстый пластъ земли и, проникнувъ въ логовище грызуна, загрызаетъ его.

Всѣ движенія хорька ловки, быстры и вѣрно рассчитаны. Онъ умѣетъ мастерски прокрадываться и совершать безошибочные прыжки, легко перебѣгаетъ по самымъ тонкимъ перекладинамъ, лазаютъ, плаваютъ, ныряетъ, короче говоря, умѣетъ всякими средствами извлечь для себя пользу. При этомъ онъ оказывается лукавымъ, хитрымъ, осторожнымъ, предусмотрительнымъ и недовѣрчивымъ, имѣющимъ весьма острое зрѣніе, а, при опасности, и мужественнымъ, сердитымъ и зубастымъ, — слѣдовательно животнымъ, вполне способнымъ къ хищничеству въ большихъ размѣрахъ. По примѣру воюючки, хорекъ, въ случаѣ нужды, защищается, выпрыскивая весьма вонючую жидкость и этимъ часто отгоняетъ преслѣдующихъ его собакъ. Его живучесть неизмѣримо велика. Онъ спрыгиваетъ безъ вреда для себя съ значительной высоты, переноситъ почти равнодушно всевозможныя боли и умираетъ только вслѣдствіе очень значительныхъ ранъ.

Время спариванія хорьковъ приходится въ мартѣ. Тамъ, гдѣ хорьки часты, удается наблюдать или гоньбу по крышамъ самки и самца, или же борьбу двухъ соперничающихъ самцовъ. При этомъ всѣ они весьма громко кричатъ, ярво вѣдвляютъ зубами другъ въ друга и, составя одинъ общій клубокъ, скатываются съ крышъ на землю, гдѣ на короткое время разъединяются и затѣмъ снова начинаютъ свою возню. Беременность продолжается два мѣсяца, по истеченіи которыхъ самка мечетъ гдѣ-нибудь въ норѣ, а еще охотнѣе въ кучѣ дровъ или хвороста, отъ 4 до 5, а иногда также и до 6 дѣтенышей. Мать ихъ любитъ необычайно; самымъ нѣжнымъ образомъ заботится о нихъ и защищаетъ отъ всякаго врага; случается, что, заслыша шумъ вблизи своего гнѣзда, она безбоязненно нападаетъ и на человѣка. Періодъ дѣтства длится около шести недѣль, по истеченіи которыхъ молодые выходятъ вмѣстѣ со взрослыми уже на поиски за добычею, а, по минованіи трехъ мѣсяцовъ, они почти сравниваются по величинѣ со взрослыми.

Молодыхъ хорьковъ можно вскармливать при посредствѣ кошечъ и такимъ образомъ дѣлать ихъ ручными; однако это не сулитъ много радости, такъ какъ врожденная кровожадность со временемъ все-таки скажется и у такихъ хорьковъ, и тогда они становятся опасными для всякаго беззащитнаго домашняго животнаго. Проживая вмѣстѣ, пойманные хорьки вовсе не всегда относятся хорошо другъ къ другу, часто яростно нападаютъ одинъ на другого, борются на жизнь и на смерть, поѣдаютъ умерщвленнаго ими своего собрата и въ концѣ концовъ отъ всей группы ихъ часто остаетя въ живыхъ лишь одинъ, самый сильный. Со всѣмъ тѣмъ, путемъ прирученія и дрессировки можно многого добиться даже и отъ хорька. Такъ для поднятія изъ логовища кролика, хорекъ также можетъ хорошо служить, какъ и африканскій хорекъ, который весьма значительно уступаетъ въ зловоніи своему собрату. Такіе выдрессированные хорьки въ состояніи выгонять изъ норъ даже и лисицъ, такъ какъ отважность хорьковъ несоразмѣрно велика и они безъ всякихъ околичностей нападаютъ на каждое животное, часто самымъ дерзкимъ образомъ, а также стойко защищаются и отъ собакъ. Относительно человѣка, живущій на свободѣ хорекъ можетъ иногда выказывать по истинѣ безумную смѣлость, а въ отношеніи дѣтей онъ можетъ быть даже и опасенъ. «Въ Верна, одной изъ деревень

курфиршества Гессенскаго», рассказывает Ленцъ, «шестилѣтній мальчикъ, нянчившій своего братишку, положилъ было его около придорожной канавы. Вдругъ выскочили три хорька и набросились на ребенка. Одинъ впился ему въ затылокъ, другой въ щеку, а третій въ лобъ. Ребенокъ страшно закричалъ, братъ бросился ему на помощь, но изъ канавы выскочило еще нѣсколько хорьковъ съ намѣреніемъ напасть на дѣтей. По счастью на помощь подоспѣли съ поля двое взрослыхъ мужчинъ и забили до смерти двухъ хорьковъ, послѣ чего остальные звѣрки разбѣжались. Въ Ригѣ хорекъ пробрался чрезъ щель въ полу въ комнату, набросился на лежащаго въ колыбели ребенка, загрызъ его и впился ему въ лѣвую щеку. Въ Шнепфельталѣ хорекъ напалъ однажды на взрослого пастуха, но, конечно, поплатился въ этомъ случаѣ жизнью за свою смѣлость».

Благодаря значительному вреду, причиняемому хорькомъ, онъ почти повсемѣстно подвергается весьма энергичному преслѣдованію. Для поимки его употребляютъ всевозможныя мѣры и снаряды. Однако, тамъ, гдѣ ужь очень докучаютъ мыши, было-бы лучше оставить хорька въ покоѣ, а тотъ трудъ, который тратится на его поимку, съ большою пользою могъ-бы быть употребленъ на починку и плотное запираніе курятниковъ.

Шкура хорька доставляетъ теплый и прочный мѣхъ, который, однако благодаря своему постоянному и по истинѣ невыносимому запаху, значительно менѣе цѣнится, чѣмъ-бы онъ этого заслуживалъ за свою густоту. Лишь въ недавнее время онъ нѣсколько болѣе вошелъ въ моду и безъ отвращенія носится даже и самыми чувствительными дамами. По Ломеру, на продажу въ Германіи въ настоящее время ежегодно попадаетъ около 600,000 хорьковыхъ мѣховъ, которые въ общей сложности и достигаютъ цѣнности приблизительно двухъ милліоновъ марокъ. Лучшіе доставляетъ Голландія, Баварское плоскогорье, сѣверная Германія и Данія; не столь хорошіе—Венгрія и Польша, и наименѣе высокаго качества—Россія и Азія. Въ Россіи рѣшительно преобладаютъ небольшіе черноватые, а въ Азіи—желтоватые мѣха, цѣнность которыхъ весьма незначительна. Большинство шкурокъ въ этихъ странахъ употребляется на мѣстѣ, а только незначительное количество ихъ вывозится также въ Швецію и Финляндію. Изъ длинныхъ волосъ на хвостѣ готовятъ кисти, а мясо совершенно негодно къ употребленію; имъ пренебрегаютъ даже собаки.

Помимо человѣка у хорька повидимому мало враговъ. Правда, хорошія охотничьи собаки съ яростью набрасываются на него, какъ только получаютъ къ этому возможность, и вскорѣ умерщвляютъ его; но затѣмъ врагомъ хорька можетъ быть признана развѣ одна лисица. Ленцъ слѣдующимъ образомъ описываетъ забавныя продѣлки ея съ хорькомъ въ звѣринцѣ. «Лисица, будучи вовсе не лакома до мяса хорька, такъ какъ она никогда не ѣстъ его, не можетъ, однако, при его жизни не продѣлывать надъ нимъ своихъ козней. Она подкрадывается лежитъ, подкарауливая на брюхѣ, затѣмъ, въ одинъ мигъ вспрыгиваетъ, подбрасываетъ хорька на воздухъ и оказывается уже далеко, прежде чѣмъ низвергнутый хорекъ успѣетъ подняться и яростно оскалить свои зубы. Лиса возвращается снова, подскакиваетъ къ нему большими прыжками, снова валитъ его на землю, моментально кусаетъ за спину и прежде, чѣмъ хорекъ успѣетъ опомниться, она уже опять вдали отъ него. Тогда лиса начинаетъ описывать круги вокругъ хорька, который, слѣдя за нею, принужденъ все время поворачиваться изъ стороны въ сторону; наконецъ лисица несется мимо хорька и держитъ свой хвостъ какъ разъ передъ его мордою. Хорекъ наводитъ уже въ него вѣщпиться, но лисій хвостъ отведенъ въ сторону и хорьку пришлось лишь напрасно щелкнуть зубами. Затѣмъ лиса притворяется, будто-бы не замѣчаетъ хорька; онъ успо-

каивается, обнюхиваетъ вокругъ себя и принимается глотать какую-нибудь кость. Но злобному врагу его этого только и надобно. Крадяся на животъ, лисица приближается снова: глаза разгорѣлись, уши насторожены, хвостъ тихо-тихо помахиваетъ изъ стороны въ сторону, затѣмъ—прыжокъ! и пировавшій хорекъ въ лапахъ лисы, которая основательно его тормозитъ и снова исчезаетъ. Хорекъ, чтобы перестать быть посмѣшищемъ для лисы, роетъ наконецъ себѣ яму и ищетъ въ ней спасенія. Но не тутъ-то было: лиса опять уже здѣсь, докопалась до норки, укусила хорька и, затѣмъ, во мгновение ока, исчезла». Такая игра, при которой ни одно изъ животныхъ не претѣрпѣваетъ существеннаго вреда, иногда продолжается по цѣлымъ часамъ и конечно возбуждаетъ смѣхъ собравшихся зрителей.

Африканскій хорекъ. *Putorius furo*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

Африканскій хорень (*Putorius furo*, *Mustela* и *Coetorius furo*. Frett. Furet), по современнымъ воззрѣнiямъ всѣхъ естествоиспытателей представляетъ, лишь разновидность обыкновеннаго хорька, измѣнившуюся вслѣдствiе неволи и прирученiя.

Африканскаго хорька знаютъ уже съ древнѣйшихъ временъ, но лишь въ прирученномъ состоянiи. Аристотель упоминаетъ о немъ подъ именемъ *ictis*, а Плиніи подъ именемъ *viverra*. На Балеарскихъ островахъ кролики однажды размножились до такой степени, что жители обратились за помощью къ императору Августу. Онъ послалъ нѣсколькихъ виверръ, охотничьи подвиги которыхъ были уже извѣстны. Виверры эти цукались въ норы къ кроликамъ, выгоняли ихъ оттуда наружу, при чемъ кроликовъ ловили въ сѣти. Страбонъ повѣствуетъ объ этомъ случаѣ еще обстоятельнѣе. «Изъ всѣхъ вредныхъ животныхъ», рассказываетъ онъ, «въ Испаніи водились только кролики. поѣдавшіе корни, зелень и сѣмена. Эти животныя до того размножились, что пришлось обратиться за помощью въ Римъ. Тогда, чтобы справиться съ кроликами, стали изыскивать различныя средства;

однако, самымъ лучшимъ оказалось пускать въ ихъ норы «африканскихъ кошеть» (подъ этимъ именемъ всѣ древніе естествоиспытатели разумѣютъ куніць), которыя съ завязанными глазами выгоняли кроликовъ изъ ихъ логовищъ. Во времена арабовъ африканскій хорекъ назывался уже *fugo*, и, какъ свидѣтельствуешь Альбертъ Великій, его въ Испаніи приручали и употребляли для тѣхъ-же цѣлей, какъ и нынѣ.

Африканскій хорекъ похожъ на обыкновеннаго хорька и видомъ и величиною. Правда, онъ нѣсколько меньше и слабѣе обыкновеннаго хорька, но тоже самое наблюдается и у многихъ другихъ животныхъ, проживающихъ лишь въ неволѣ, въ зависимости отъ человѣка. Длина тѣла достигаетъ 45, а хвоста 13 см. Эти же размѣры точь въ точь соотвѣтствуютъ, съ одной стороны, размѣрамъ обыкновеннаго хорька; съ другой стороны и строеніе скелетовъ обоихъ этихъ животныхъ существенно не уклоняется другъ отъ друга. Въ Европѣ видятъ африканскаго хорька лишь въ состояніи альбинизма, т. е. съ бѣловатою или свѣтло-желтою, а снизу нѣсколько темною окраскою шерсти, и съ свѣтло-красными глазами. Лишь немногія изъ этихъ животныхъ выглядятъ темнѣе и тогда они совсѣмъ бываютъ похожи на обыкновенныхъ хорьковъ. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что до сихъ поръ еще не найдены рѣзкія различія между хорькомъ обыкновеннымъ и африканскимъ, и что всѣ основанія, которыя приводили для доказательства самостоятельности африканскаго хорька, не могли выдержать критики. Какъ на главное основаніе указывали на большую нѣжность и зябкость, на кротость и легкую приручаемость африканскаго хорька въ сравненіи съ извѣстными намъ свойствами обыкновеннаго хорька. Но, по моему мнѣнію, это основаніе столь-же мало доказательно, какъ и остальные: вѣдь всѣ альбиносы отличаются слабостью и нѣжностью. Нѣкоторые естествоиспытатели утверждали, будто африканскій хорекъ—африканецъ и по происхожденію, и будто по Европѣ онъ распространился изъ Африки, но подтвердить это мнѣніе какимъ-либо наблюденіемъ они не въ состояніи. Такимъ образомъ африканскій хорекъ встрѣчается лишь въ неволѣ и содержится нами единственно лишь для охоты за кроликами; только англичане употребляютъ его также для охоты за крысами, и тѣ африканскіе хорьки, которыхъ называютъ крысодавами, цѣнятся тамъ дороже, чѣмъ тѣ, которые могутъ быть употребляемы только для охоты за кроликами. Животныхъ содержатъ въ ящикахъ и въ клѣткахъ, часто даютъ имъ свѣжаго сѣна и соломы и предохраняютъ зимою отъ холода. Обыкновенно ихъ кормятъ булкою или молокомъ, но они бываютъ значительно здоровѣе, если имъ дается не очень жесткое мясо недавно убитыхъ животныхъ. По наблюденіямъ Ленца, ихъ можно дешево прокармливать лягушками, ящерицами и змѣями, такъ какъ эти звѣрки весьма охотно поѣдаютъ всѣхъ пресмыкающихся и земноводныхъ.

По своему нраву африканскій хорекъ схожъ съ обыкновеннымъ, которому однако онъ уступаетъ въ проворствѣ; по кровожадности же и по склонности къ хищничеству онъ не остается позади своего дикаго брата. Даже будучи достаточно сытъ, онъ какъ бѣшенный набрасывается на кроликовъ, голубей и куръ, схватываетъ ихъ за затылокъ и не оставляетъ до тѣхъ поръ, пока жертва не перестанетъ шевелиться. Вытекающую изъ раны кровь лижетъ онъ съ невыразимою жадностью, а головной мозгъ представляетъ для него, повидимому, также лакомый кусочекъ. На змѣй и другихъ пресмыкающихся онъ нападаетъ осторожнѣе, чѣмъ на другихъ животныхъ и очевидно понимаетъ опасность борьбы съ гадюкою. По Ленцу, на ужей и мѣдяницъ онъ нападаетъ безъ всякихъ околичностей, даже если раньше никогда и не видѣлъ этихъ животныхъ; не смотря на ихъ усиленные извиванія, онъ схватываетъ ихъ, перегрызаетъ имъ хребетъ и съѣдаетъ затѣмъ по хорошему куску

ихъ мяса. Но къ гадюкѣ африканскій хорекъ приближается въ высшей степени осторожно, причѣмъ пытается запустить свои зубы въ средину тѣла этой сердитой змѣи. Если-же африканскій хорекъ былъ однажды укушенъ гадюкою, то для избѣжанія ядовитыхъ зубовъ ея онъ прибѣгаетъ ко всевозможнымъ ухищреніямъ; за всѣмъ тѣмъ, однако, порою онъ бываетъ настолько трусливъ, что совершенно отказывается вступать въ борьбу и оставляетъ поле битвы за гадюкою. Укушеніе гадюки не убиваетъ африканскаго хорька, но онъ отъ него хвораетъ и лишается бодрости.

Совершенно приручить африканскаго хорька удается рѣдко; тѣмъ не менѣе извѣстны примѣры, что нѣкоторые изъ нихъ слѣдовали за своими хозяевами, на подобіе собакъ, по пятамъ, и могли быть оставляемы безъ надзора на свободѣ. Большая же часть африканскихъ хорьковъ, разъ ускользнувъ изъ своей клѣтки, умѣютъ пользоваться добытою свободою, убѣгаютъ въ лѣсъ и поселяются въ норкѣ кролика, которая лѣтомъ служить имъ убѣжищемъ. Они скоро совершенно отвыкаютъ отъ человѣка, но если не будутъ пойманы вторично, то погибаютъ, такъ какъ вслѣдствіе большой своей извѣженности они не въ состояніи противустоятъ холоду. Только весьма немногіе изъ нихъ послѣ долговременныхъ экскурсій снова отыскиваютъ домъ своего хозяина или же изъ хозяйскаго жилища предпринимаютъ правильныя охоты въ извѣстныя имъ мѣста. По словамъ Болле на Канарскихъ островахъ хорекъ часто дичаетъ совершенно.

Голосъ хорька—глухое ворчаніе; при ощущеніи же боли — пронзительный визгъ. Послѣдній, впрочемъ, слышится рѣдко, такъ какъ обыкновенно африканскій хорекъ лежитъ свернувшись клубкомъ совсѣмъ тихо въ своемъ логовищѣ и бодримъ и оживленнымъ становится только въ томъ случаѣ, когда является возможность удовлетворить свою страсть къ хищничеству.

Самка, послѣ пятинедѣльной беременности, мечетъ въ началѣ мая отъ 5 до 8 дѣтенышей, которые въ теченіе 2—3 недѣль остаются слѣпыми. Мать воспитываетъ ихъ съ величайшею заботою, а когда имъ минетъ приблизительно около двухъ мѣсяцевъ, то они могутъ быть отняты отъ матери и вскармливаетъ уже отдѣльно. Самка африканскаго хорька, вскармливая свой выводокъ, не отказывается также при этомъ вскармливать и дѣтенышей обыкновеннаго хорька, при чемъ относится къ нимъ столь же заботливо, какъ и къ своимъ, а такіе молочные братья и сестры въ послѣдствіи превосходно относятся также другъ къ другу. Уходъ за африканскимъ хорькомъ такой-же, какъ и за другими еунцами, при чемъ, однако, необходимое вниманіе должно быть обращено на то, что онъ отвыкъ отъ жизни на вольномъ воздухѣ и на свободѣ; не слѣдуетъ именно такого нѣженку предоставлять дѣйствію рѣзкаго холода. Свѣжій воздухъ, чистота и соотвѣтственная пища суть главныя условія его благосостоянія; лѣтомъ его логовище должно быть прохладно, а зимою тепло; клѣтка, а также посуда для ѣды должны быть постоянно чисты, кормъ-же слѣдуетъ цѣлесообразно разнообразить. При недостаткѣ лучшаго помѣщенія запираютъ 2—3 африканскихъ хорьковъ вмѣстѣ въ досчатый ящикъ, длиною около 1 метра, а шириною и глубиною въ 70 см.; крышка этого ящика должна быть на петляхъ, одна изъ стѣнокъ имѣть рѣшетку и, кромѣ того, внутри долженъ быть особый ящичекъ, въ которомъ-бы хорекъ могъ спать. Размѣры этого ящичка-гнѣздышка будутъ достаточны, если длиною онъ будетъ въ 40, а шириною и высотой въ 20—25 см.; внутрь его ведетъ дыра, а снизу помѣщается частая проволочная выдвигаемая рѣшетка, на которую чрезъ поднимающуюся крышку и настлается льняная и шерстяная нѣжная ветошь для приданія постелькѣ той мягкости, которая столь цѣнится звѣркомъ; въ противоположномъ углу ящика или клѣтки дѣ-

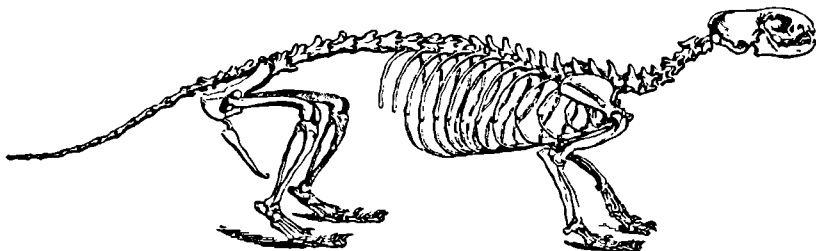
лаютъ въ днѣ отверстіе и подъ нимъ помѣщаютъ ящичекъ съ глиняною посудиною для принятія испражнений африканскаго хорька, который и привыкаетъ такимъ образомъ совершать свои потребности въ опредѣленномъ мѣстѣ; хорька приучаютъ къ испражненію въ опредѣленномъ мѣстѣ тѣмъ, что собираютъ его калъ и кладутъ въ назначенную для этого посудину или натираютъ ее каломъ. Если-же овъ не навькнетъ пользоваться этимъ уголкомъ самъ, то всѣ запачканныя части ящика слѣдуетъ тщательно очищать и дно его выкладывать кирпичами или чѣмъ-либо подобнымъ, чтобы онъ не испражнялся на прежнемъ мѣстѣ. Въ пищу, по словамъ Цейлера, отъ котораго я заимствовалъ только-что сказанное, утромъ даютъ бѣлый хлѣбъ съ молокомъ, а вечеромъ сырое мясо и разъ или два въ недѣлю по сырому яйцу; можно также ему давать, какъ и всѣмъ куніцамъ, различные плоды, въ особенности вишни, сливы и обрѣзки грушъ. Послѣ окончанія спариванія самца слѣдуетъ отдѣлить отъ самки, иначе онъ непременно съѣстъ только-что родившихся дѣтенышей; однако безъ всякаго опасенія можно въ одномъ и томъ же ящикѣ помѣщать по нѣсколько, по меньшей мѣрѣ по двѣ самки съ дѣтенышами. Не слѣдуетъ препятствовать своевременному спариванію африканскаго хорька, иначе и самецъ и самка, вслѣдствіе подавленія ихъ естественнаго влеченія, почти постоянно заболѣваютъ и могутъ даже и умереть. Если же за звѣркомъ ухаживать тщательно, то онъ можетъ прожить, оставаясь въ добромъ здравіи, отъ 6 до 8 лѣтъ.

Но какъ ни полезенъ африканскій хорекъ на охотѣ за кроликами, однако доставляемая имъ польза ничтожна въ сравненіи со стоимостью его содержанія. Именно, такъ какъ охоту за кроликами можно производить при посредствѣ африканскаго хорька только въ теченіе обычнаго для этого времени, т. е. съ октября по февраль, то въ остальное время въ году приходится кормить его, не получая за это ни малѣйшихъ услугъ съ его стороны; къ тому же, его можно употреблять только противъ полувзрослыхъ или уже и совсѣмъ взрослыхъ кроликовъ, такъ какъ если въ норкѣ ему попадетъ молодой кроликъ, то онъ тотчасъ его умерщвляетъ, съѣдаетъ, а затѣмъ обыкновенно и ложится въ теплое гнѣздѣ, оставаясь въ немъ сколько ему вздумается и заставляя все это время своего владѣльца ожидать его снаружи.

На охоту выходятъ утромъ, причѣмъ африканскихъ хорьковъ несутъ или въ мягко устланной корзиночкѣ, или въ ящичкѣ, или же, если случится, то и просто въ охотничьей сумкѣ. Затѣмъ отыскиваютъ всѣ ходы, ведущіе къ норкѣ, и передъ отверстиемъ въ каждый укрѣпляютъ тенета, вмѣющія въ длину около одного метра и снабженныя большимъ обручемъ; потомъ впускаютъ въ главный ходъ къ норкѣ африканскаго хорька, а самое отверстие этого хода тоже заставляютъ тенетами. Кроликъ, какъ только увидитъ проникшаго къ нему врага, тотчасъ же въ испугѣ выбѣгаетъ наружу, попадаетъ въ тенета и убивается охотникомъ. Для того, чтобы африканскій хорекъ самъ не загрызалъ кроликовъ въ норкѣ, ему или надѣвають небольшой намордникъ или подпиливаютъ зубы, а для того, чтобы слѣдить за его ползаніемъ подъ землю, ему надѣваютъ на шею звонкій колокольчикъ. Въ прежнія времена были, именно въ Англіи, настолько жестоки, что этому бѣдному пособнику въ охотѣ сшивали губы прежде, чѣмъ пускали его въ норки; по счастью, нынѣ убѣдились, что той-же самой цѣли можно достигнуть и посредствомъ намордника. Затѣмъ, какъ только африканскій хорекъ позается у выхода изъ норки, его слѣдуетъ тотчасъ-же поймать; иначе, войдя въ норку обратно, онъ ляжетъ въ ней отдыхать и можетъ заставить прождать своего появленія оттуда часто въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Весьма важно, если онъ приученъ появляться на свистъ и зовъ. Но когда онъ все-таки не выходитъ, то для овладѣнія имъ вновь прибѣ-

гаютъ ко всевозможнымъ хитростямъ. Такъ, навязываютъ на гибкій пруть кролика и вдвигаютъ его въ норку. Такому же вызову, возбуждающему въ нашемъ животномъ господствующую у него кровожадность, уже не можетъ противостоять ни одинъ африканскій хорекъ; онъ крѣпко вцѣпляется зубами въ кролика и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ уже и вытаскивается наружу.

Въ Англіи употребляютъ африканскаго хорька чаще, чѣмъ для охоты за кроликами, для преслѣдованія крысъ и еще охотнѣе для боя съ этими кусающимися грызунами. Однако, по утверженію моего англійскаго знакомаго, если африканскіе хорьки уже испытаютъ на себѣ зубы крысъ, то сравнительно лишь рѣдкіе изъ нихъ еще отваживаются охотиться за ними. Африканскій хорекъ, приученный только къ охотѣ за кроликами, совершенно непригоденъ для охоты за крысами, такъ какъ убѣгаетъ отъ каждой большой крысы. Такимъ образомъ хорька-крысодава слѣдуетъ приучать особеннымъ образомъ къ этой охотѣ. Ему предоставляютъ вначалѣ сражаться лишь съ молодыми и слабыми крысами и такимъ образомъ исподволь приготавливаютъ его къ борьбѣ и побѣдѣ. При этомъ у звѣрка пробуждается врожденная кровожадность; мужество маленькаго хищника все растетъ и растетъ и, наконецъ, онъ приобрѣтаетъ такую сноровку въ бояхъ съ этими грызунами, что совер-

Скелетъ хорька.

шаетъ истинныя чудеса. Обыкновенно старыя, опытыя крысы, будучи атакованы, забиваются въ уголь и умѣютъ оттуда какъ успѣшно нападать, такъ и наносить предусмотрительному врагу опасныя раны; но хорошо выдрессированный африканскій хорекъ не страшится такого опытнаго противника: онъ все-таки съумѣетъ улучшить подходящее мгновение и схватить коварнаго противника. Хорошій африканскій хорекъ въ состояніи на аренѣ двухъ-трехъ квадратныхъ метровъ умертвить въ теченіе часа до 50 крысъ.

Я уже упоминалъ, что, охотясь за кроликами, африканскій хорекъ иногда нападаетъ также и на другихъ враговъ, которые находятъ себѣ убѣжище въ кроличьихъ норахъ. Случается, что такимъ образомъ онъ сталкивается порою и съ обыкновеннымъ хорькомъ. Тогда между одинаково сильными и ловкими животными начинается ужасная борьба, и во всякомъ случаѣ во вредъ владѣтеля прирученнаго хорька, такъ какъ при этомъ слѣдуетъ очень опасаться за его жизнь. Поэтому поводу одинъ изъ охотниковъ рассказываетъ слѣдующее: «Мой африканскій хорекъ, будучи посланъ въ норку кролика, оставался тамъ такъ долго, что я потерялъ терпѣніе и начиналъ было думать, что мой звѣрекъ залегъ въ тепломъ гнѣздышкѣ и спитъ тамъ. Поэтому я сильно сталъ стучать о землю, чтобы его разбудить и снова вызвать наружу. Но вскорѣ я убѣдился, что мой африканскій хорекъ не заснулъ. Я слышалъ совершенно особые звуки, походившіе на ворчаніе и визгъ африканскаго хорька, но которые сопровождались также и другими звуками, для меня необъяснимыми. Шумъ становился громче, и вскорѣ я могъ различить,

что онъ производится двумя животными. Наконецъ въ темнотѣ норы показался хвостъ моего африканскаго хорька и въ то-же время я догадался, что мой звѣрекъ борется съ какимъ-то животнымъ, которое онъ всячески пытается вытащить наружу, но встрѣчаетъ значительное сопротивленіе. Наконецъ онъ появился и, къ моему немалому изумленію, я увидѣлъ, что онъ борется съ самцомъ обыкновеннаго хорька. Оба вдѣпились зубами другъ въ друга, ухвативъ одинъ другого за затылки, и повидимому ни тотъ ни другой не хотѣли уступить другъ другу. Вдругъ обыкновенный хорекъ примѣтилъ меня и утащилъ моего бѣднаго африканскаго хорька снова въ норку. Однако мой превосходный звѣрекъ опять на короткое время привлекъ было своего врага къ отверстию норки, но, не будучи въ силахъ удержаться наружу, въ свою очередь былъ втащенъ въ норку вторично; наконецъ звѣрки появились въ третій разъ и я уже начиналъ думать, что мой окажется побѣдителемъ, какъ вдругъ онъ, съ растерзанной грудью, бросился за помощью ко мнѣ. Я сталъ стрѣлять въ его противника, остановившагося у входа въ норку, но ружье нѣсколько разъ дало осѣчу и тѣмъ временемъ обыкновенный хорекъ, улучивъ минуту, убѣжалъ».

Несмотря на такіа схватки, африканскій и обыкновенный хорьки безъ особыхъ затрудненій спариваются другъ съ другомъ и производятъ ублюдковъ, которые весьма цѣнятся охотниками. Такія помѣси болѣе походятъ на обыкновеннаго хорька чѣмъ на африканскаго; отъ обыкновеннаго-же они отличаются только болѣе свѣтлою окраскою морды и горла. Глаза у нихъ совсѣмъ черные и поэтому взоръ ихъ болѣе выразителенъ, чѣмъ взоръ хорька африканскаго. Они соединяютъ преимущества обоихъ родителей, такъ какъ, съ одной стороны, значительно легче приручаются, также не столь сильно воняютъ, какъ обыкновенный хорекъ, а съ другой стороны они сильнѣе, смѣлѣе и менѣе зябки, чѣмъ хорекъ африканскій. Отвага ихъ невѣроятна, такъ какъ они, какъ бѣшеные, бросаются на каждаго врага, встрѣченнаго ими въ норѣ. Но нерѣдко они сердятся на своихъ хозяевъ и чувствительно ихъ кусаютъ.

* * *

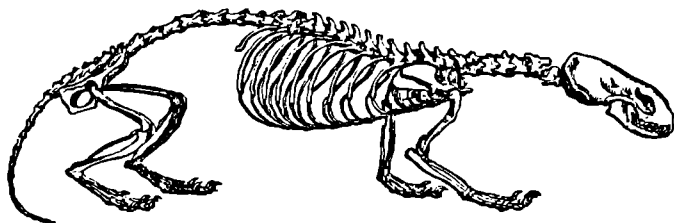
Ласка и ея ближайшіе родичи имѣютъ тѣло еще болѣе тонкое и удлиненное, чѣмъ всѣ остальные куницы; черепъ ихъ болѣе сдавленъ и къ заду суживается; верхній же плотоядный зубъ имѣетъ нѣсколько иную форму, чѣмъ у хорьковъ. Всѣ относящіяся сюда виды охотнѣе всего живутъ на поляхъ, въ садахъ, углубленіяхъ почвы, расщелинахъ скаль, подъ камнями и кучами дровъ, и охотятся одинаково какъ днемъ, такъ и ночью. Хотя эти животныя и самыя небольшія изъ хищныхъ, но они обнаруживаютъ такую отвагу и кровожадность, что могутъ служить истиннымъ образцомъ для цѣлаго семейства.

Ласка (*Putorius vulgaris*, *Viverra mustela* и *Foetorius vulgaris*, *Mustela gale, nivalis* и *pusilla*. Wiesel. Bellette) достигаетъ въ общемъ длины 20 см., изъ которыхъ $4\frac{1}{2}$ см. приходится на короткій хвостикъ. Чрезвычайно вытянутое туловище, вслѣдствіе одинаковаго объема шеи и головы, кажется еще тоньше, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Будучи почти повсемѣстно, отъ головы до хвоста, одинаковой толщины, оно только у взрослыхъ нѣсколько втянуто въ области живота и немного заострено на концѣ морды. Такое туловище поддерживается весьма короткими и тонкими ногами съ чрезвычайно нѣжными лапами, на ступняхъ которыхъ между мясистыми частями пальцевъ находятся волосы, а самые пальцы вооружены тонкими, коническими и весьма острыми когтями. Сравнительно короткій хвостъ постепенно заостряется отъ своего корня къ концу. Носъ туго и, при посредствѣ продольной борозды, до нѣкоторой степени раздвоенъ. Широкія и закругленные уши направ-

ляются въ стороны и сидятъ далеко кзади; лежащіе же косо глаза малы, но взоръ ихъ весьма живъ. Все тѣло покрыто не очень длинными волосами, и нѣсколько болѣе изобиліи они находятся вблизи того мѣста морды, гдѣ она начинается заостряться. Кромѣ того у ласки замѣчаются длинные усы и щетинки надъ глазами, а также и нѣсколько щетинообразныхъ волосковъ ниже глазъ. Окраска мѣха красновато-бурая; край верхней губы, вся нижняя сторона тѣла и внутреннія стороны ногъ бѣлы. Съ каждой стороны, позади угла рта, находится по небольшому кругловатому, бурому пятну и, кромѣ того, отдѣльныя бурыя пятнышки иногда встрѣчаются также и на свѣтломъ брюшкѣ. Отъ этой окраски мѣхъ въ умѣренныхъ и въ южныхъ странахъ существенно не уклоняется; напротивъ, въ сѣверныхъ краяхъ ласка, подобно горностаю, приобретаетъ зимнее одѣяніе, состоящее изъ бѣловато-бурыхъ пятенъ, но того красиваго, чернаго кончика хвоста, который отличаетъ горностая, у нея не бываетъ.

Ласка встрѣчается во всей Европѣ довольно часто, хотя можетъ быть и не въ столь большомъ числѣ, какъ въ сѣверной Азіи; при этомъ она одинаково живетъ какъ на плоскихъ, такъ и въ гористыхъ областяхъ, какъ въ равнинахъ, лишенныхъ кустарниковъ, такъ и въ лѣсахъ, встрѣчаясь въ достаточно населенныхъ мѣстностяхъ не въ меньшемъ количествѣ въ сравненіи съ тѣми мѣстами, которыя

Скелетъ ласки.

мало обитаемы человѣкомъ. Подходящее пристанище она находитъ себѣ повсюду, такъ какъ умѣетъ устроиться и вездѣ отыскать убѣжище, въ которомъ съ полною безопасностью укрывается отъ своихъ наибольшихъ враговъ. Такимъ образомъ она проживаетъ въ дуплахъ деревьевъ, подъ кучами камней, въ развалинахъ, иногда подъ берегами, подмытыми водою, въ норахъ крота, хомяка и крысы; а зимою въ сараяхъ и амбарахъ, на чердакахъ подъ кровлею и т. д., а зачастую также и въ городахъ. Тамъ, гдѣ ее не беспокоятъ, ласка рыщетъ даже и днемъ; тамъ-же, гдѣ ее преслѣдуютъ, она выходитъ на охоту лишь ночью или же хотя и днемъ, но уже съ чрезвычайною предусмотрительностью.

Если осторожно и безъ шума проходить тамъ, гдѣ она живетъ, то легко можно ее наблюдать. Слышишь слабый шелестъ между зеленью и увидишь маленькое, бурое существо, которое, какъ только примѣтитъ человѣка, дѣлается внимательнымъ и поднимается на заднія лапы для того, чтобы лучше рассмотреть человѣка. Обыкновенно это миниатюрное созданіе и не думаетъ убѣгать; напротивъ, ласка скорѣе бодро и отважно идетъ на встрѣчу и даже принимаетъ по-истинѣ вызывающее выраженіе. Даже если подойти къ ней совсѣмъ близко, то и тогда она оказывается настолько отважною, что приближается къ возмутителю ея покоя и съ удивительнымъ нахальствомъ какъ-бы осѣдомляется, зачѣмъ пожаловалъ сюда непрошенный гость.

Не разъ случалось, что смѣлое созданіе нападало даже на человѣка и не прежде его покидало, какъ выдержавъ долгій бой. Ласка иногда впѣпляется зубами въ ноги мимо идущей лошади, и тогда лишь соединеннымъ усиліемъ коня и всад-

ника удается ее оторвать. Съ такую отвагою соединяется у ласки также и большое присутствіе духа. Она почти всегда находитъ для себя еще возможность извернуться и даже въ когтяхъ хищной птицы не считаетъ себя пропавшею. Сильный и кровожадный ястребъ, конечно, мало затрудняется расправою съ такимъ, по сравненію съ нимъ, слишкомъ уже слабымъ карликомъ: нисколько не страшась, подхватываетъ онъ ласку своими длинными когтями съ земли и пронзаетъ ее ими или душить прежде, чѣмъ маленькая плутовка успѣетъ опомниться; но болѣе слабые хищники всегда должны быть осторожны, если имъ вздумается отвѣдать ея мяса. Такъ, одному наблюдателю довелось видѣть, какъ красный коршунъ стремглавъ бросился на землю, подхватилъ какое-то маленькое млекопитающее и поднялся съ нимъ на воздухъ. Но вдругъ затѣмъ птица стала припадать, въ полетѣ ея появились колебанія, и наконецъ пернатый хищникъ упалъ на землю мертвый. Удивленный зритель поспѣшилъ къ мѣсту его паденія и увидѣлъ весело прощмыгнувшую оттуда ласку, которой удалось перекусить горло своему страшному врагу и такимъ образомъ избавиться отъ него. Подобныя же наблюденія сдѣланы и относительно воронъ, которыя нападали на это небольшое животное, причемъ и расплачивались своею жизнью вмѣсто того, чтобы полакомиться добычею.

Поучительный примѣръ неравной борьбы, выдержанной нашимъ маленькимъ хищникомъ, сообщаетъ Ленцъ: «Къ старой ласкѣ, насытившейся уже вволю другими животными, я посадилъ хомяка, который втрое превосходилъ ее массою своего тѣла. Едва лишь ласка примѣтила своего злобнаго врага, предъ которымъ она казалась карликомъ, какъ, громко визжа, порывисто набросилась на своего противника и стала безъ устали кусать его въ морду и въ шею. Хомякъ поднялся и при помощи своихъ зубовъ отразилъ нападеніе смѣльчака. Но вдругъ ласка снова вцѣпилась въ морду хомяка и оба животныхъ стали кататься по окрасившемуся кровью полю битвы, причемъ ласка визжала. Битва была во всемъ разгарѣ, и верхъ брала то легко сложенная ласка, то тяжелый, неуклюжій хомякъ. Минуты двѣ спустя ласка бросила драку и хомякъ, скаля зубы, сталъ уже очищать свой израненный носъ. Однако времени для этого у него оказалось немного, такъ какъ маленькой его врагъ снова крѣпко вцѣпился ему въ морду. Теперь снова въ теченіе четверти часа слышались визгъ, пыхтѣніе, а порою и хрустъ раздробляемыхъ костей; но, вслѣдствіе быстроты движеній борцовъ, нельзя было усмотрѣть, кто изъ нихъ—побѣдитель, кто—побѣжденный. Наконецъ ласка снова отстала, уткнулась въ уголь и тамъ присѣла; одна изъ ея переднихъ ногъ висѣла, какъ перебитая, а грудь, которую она непрерывно лизала, была окровавлена. Хомякъ тоже помѣстился въ другомъ углу, очищая свою вспухшую морду и хрипѣлъ. Одинъ изъ его зубовъ висѣлъ изо рта и наконецъ отвалился совсѣмъ. Битва была кончена, такъ какъ ни одно изъ животныхъ не было способно къ новой дракѣ. Спустя же четыре часа храбрая ласка умерла. Я тщательно ее изслѣдовалъ и не нашелъ никакого поврежденія, кромѣ жестоко исцарапанной груди, на всей поверхности которой виднѣлись когти хомяка. Хомякъ же, въ свою очередь, пережилъ своего врага только четырьмя часами. Морда его оказалась разможенной, одинъ зубъ выпалъ, два другихъ шатались и только четвертый сидѣлъ крѣпко. Въ другихъ областяхъ тѣла поврежденій я не примѣтилъ, да и ласка все время крѣпко вцѣплялась хомяку лишь въ морду.

Понятно само собою, что такое, преисполненное отваги и бодрости созданіе должно быть по-истинѣ страшнымъ хищникомъ, и на самомъ дѣлѣ ласка таковымъ и оказывается. Она объявила войну всѣмъ небольшимъ млекопитающимъ и производитъ между ними часто ужасныя опустошенія. Изъ млекопитающихъ состав-

ляютъ ея добычу: домовыя, полевыя и лѣсныя мыши, водяныя и домовыя крысы, кро-
ты, молодые хомяки, зайцы и кролики; изъ класса птицъ, она истребляетъ молодыхъ
куръ и голубей, жаворонковъ и другихъ, живущихъ на землѣ птицъ, а также и та-
кихъ, которыя спятъ на деревьяхъ; если, затѣмъ, попадутся ей также и гнѣзда этихъ
птицъ, то она опустошаетъ и ихъ. Изъ пресмыкающихся она подкарауливаетъ яще-
рицъ, мѣдяницъ и ужей, отваживается нападать даже на опасную гадюку, отъ
нѣсколькихъ укусовъ которой однако умираетъ. Кромѣ того она поѣдаетъ также
лягушекъ и рыбъ. И вообще она ѣстъ всякое мясо, даже и отъ животныхъ того-
же вида, къ которому принадлежитъ сама. Всевозможныя насѣкомыя составляютъ
для нея лакомство, а также она умѣетъ справиться и съ твердою скорлупою рака,

Ласка. *Putorius vulgaris*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

когда при случаѣ онъ ей попадается. Незначительная величина ея, а также и не-
имовѣрная ловкость значительно облегчаютъ охоту. Съ полнымъ правомъ можно
сказать, что ни одно маленькое животное не обезпечено отъ нея. Она чрезвычайно
ловко бѣгаетъ, вполне хорошо лазаетъ, весьма хорошо плаваетъ и умѣетъ, при по-
средствѣ изворотовъ, совершаемыхъ съ быстротою молніи, а въ пущѣ и при по-
средствѣ довольно большихъ прыжковъ или ускользаетъ отъ своихъ враговъ, или,
напротивъ, оказываться у нихъ на тѣлѣ. Въ способности пролѣзать черезъ самыя
узкія щели и дыры, а затѣмъ съ этимъ и повсюду проникать, заключается ея глав-
ная сила, а затѣмъ отвага, страсть къ убійству и кровожадность дополняютъ
остальное и превращаютъ маленькое животное въ совершеннаго хищника. Утвер-
ждали даже, будто-бы ласки охотятся сообща, чему, впрочемъ, нельзя и удивлять-
ся, такъ какъ ласка дѣйствительно живетъ также и обществами, а въ нѣкото-
рыхъ мѣстностяхъ скопляется въ большихъ количествахъ. Такъ, Пехуэль-Леше
наблюдаль семерыхъ ласокъ, вѣроятно составлявшихъ одну семью, которыя днемъ
обыскивали поросшую кустарникомъ межу, причемъ не особенно пугались прохо-
дящихъ мимо людей. Маленькихъ животныхъ ласка хватаетъ за затылокъ или за

голову, а большимъ нарываетъ вцѣпиться въ шею. Въ яйцахъ она умѣло продѣлываетъ на одномъ концѣ одно или нѣсколько отверстій и затѣмъ такъ высасываетъ ихъ содержимое, что не теряетъ ни одной капли. Говорятъ, будто она уносить яйца: малыя держа въ зубахъ, а большія—зажимая между подбородкомъ и грудью. Отъ большихъ животныхъ она довольствуется кровью, которую сливаетъ, мяса же ихъ не трогаетъ; но маленькихъ животныхъ она съѣдаетъ цѣликомъ, и тѣхъ, которыя попались въ ея лапы, она уже снова не выпуститъ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что она равнодушно относится къ тому, замѣчаютъ или нѣтъ ея хищничества, и почти безъ всякаго стѣсненія для себя охотится около самыхъ населенныхъ зданій.

Время спариванія приходится въ мартѣ. Въ маѣ же или въ іюнѣ, слѣдовательно послѣ пятинедѣльной беременности, самка родитъ 5—7, иногда-же только 3, а пороку также и 8 слѣпыхъ дѣтенышей, причемъ роды большею частью совершаются или въ дуплѣ дерева или въ одной изъ норокъ животнаго, но всегда въ скрытомъ отъ глазъ мѣстечкѣ и въ гнѣздовидномъ логовищѣ, устланномъ соломой, сѣномъ и листьями. Самка чрезвычайно любитъ своихъ дѣтенышей, долго кормитъ ихъ молокомъ, а затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, питаетъ домовыми, лѣсными и полевыми мышами, которыхъ и приноситъ живыми. Если дѣтенышей потревожатъ, то она въ зубахъ переноситъ ихъ въ другое мѣсто. Въ случаѣ опасности вѣрная мать защищаетъ своихъ дѣтенышей съ безграничнымъ мужествомъ. Когда же прехорошенькіе звѣрки подрастутъ, то часто они играютъ днемъ со старыми, причемъ забавно и пріятно смотрѣть, какъ озаряемое сверкающими солнечными лучами общество рѣзвится по лугамъ, въ особенности по такимъ, гдѣ много подземныхъ ходовъ, и именно норокъ кротовъ. Весело играется тамъ звѣреамъ: то изъ одной, то изъ другой норки показывается головка, маленькіе, блестящіе глазки которой посматриваютъ во всѣ стороны. Если все тихо и спокойно кругомъ, то одинъ за другимъ выходятъ звѣрки изъ земли и начинаютъ рѣзвиться въ зеленой травѣ. Братья и сестры задираютъ другъ друга, кусаютъ, гоняются одинъ за другимъ и обнаруживаютъ при этомъ всю свойственную имъ ловкость. Стоитъ притаившемуся наблюдателю въ это время зашумѣть, кашлянуть или ударить въ ладоши, какъ полные ужаса старъ и младъ въ мгновеніе ока скроются въ норки. Однако вскорѣ опять виднѣются одна, другая, третья головки, наконецъ появляются онѣ всѣ, озираются, убѣждаются въ безопасности и вскорѣ все общество снова въ сборѣ. Если теперь продолжать спугивать ихъ, то скоро можно замѣтить, что это помогаетъ мало, такъ какъ маленькіе, отважные звѣрки становятся все нахальнѣе и наконецъ совсѣмъ уже беззаботно начинаютъ возиться на глазахъ наблюдателя.

Для прирученія молодая ласка пригоднѣе всего въ томъ возрастѣ, когда она находится еще при матери. Мнѣніе, передававшееся между естествоиспытателями по наслѣдству отъ Бюффона, будто нашъ маленькій звѣрекъ совсѣмъ неспособенъ къ прирученію, по справедливости находило себѣ возраженія; но оно не совсѣмъ безосновательно. Живущія въ неволѣ ласки вообще составляютъ большую рѣдкость, не потому, что трудно ловятся, но болѣе потому, что онѣ лишь въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ переносятъ потерю свободы. Я, съ своей стороны, прилагалъ самое большое стараніе поддержать жизнь одной ласки, держа ее въ самомъ удобномъ помѣщеніи и кормя ее самою подходящею для нея пищею, не упуская ни малѣйшей заботы о ней, и все-таки мнѣ не удалось достигнуть предполагаемой цѣли. Нѣсколько дней, а иногда также и нѣсколько недѣль все идетъ вполне хорошо, но вдругъ звѣрекъ въ судорогахъ извивается по землѣ и затѣмъ вскорѣ околѣбываетъ. По моему мнѣнію, главнѣйшая причина этой неживучести заключается въ чрез-

вычайной раздражительности ласки, про которую пожалуй, можно-бы выразиться, что она въ состояніи разсердиться до смерти. Иное дѣло, если ласку удастся достать юною, если возможно, то даже еще слѣпою и вскормить ее молокомъ домашней кошки: такая ласка, привыкшая къ человѣку со времени своего дѣтства, становится необыкновенно ручною, а затѣмъ и дѣйствительно премилѣйшимъ созданіемъ. Изъ многихъ разсказовъ о такихъ ласкахъ наиболѣе подходящимъ мнѣ кажется одинъ, написанный женскою рукою и приведенный Вудомъ въ его Natural History; его я и передаю вѣрнѣе.

«Если я налью нѣсколько молока себѣ на ладонь», повѣствуетъ раскащица, «то моя ручная ласка выпьетъ его порядочное количество; но она едва коснется этой столь любимой ею жидкости, если молоко не налито на моей ладони. Насытившись, она идетъ спать. Обыкновенно она пребываетъ въ моей комнатѣ, въ которой запахъ отъ нея я нашла средство вполне заглушать посредствомъ благовонныхъ веществъ. Днемъ она спитъ въ подушкѣ, внутри которой она устроила себѣ входъ; ночью же спитъ въ жестянкѣ, стоящей въ клѣткѣ, куда животное постоянно идетъ съ неохотою и которую утромъ съ удовольствіемъ покидаетъ. Если ее выпускать раньше, чѣмъ я проснулася, то она забирается на мою постель, гдѣ, послѣ тысячи проказъ, заползаетъ подъ одѣяло и располагается или у меня на рукѣ или на груди. Если же я уже вставши, то, появляясь, она посвящаетъ мнѣ около полчаса, ласкаясь ко мнѣ на всѣ лады. Она играетъ съ моими пальцами какъ маленькая собачка, вспрыгиваетъ ко мнѣ на голову или на затылокъ, или же дѣлетъ по моей рукѣ или туловищу съ такою легкостью и изяществомъ, которыхъ я не встрѣчала у другихъ животныхъ. Если я стану держать свою руку на разстояніи одного метра отъ нея, то она вспрыгиваетъ на нее и при этомъ ни разу не срывается. Она обнаруживаетъ большую хитрость и искусство, чтобы достичь какой-нибудь цѣли, и повидимому совершаетъ иныя проступки часто только изъ удовольствія поступить не такъ, какъ приказываютъ.

«При своихъ передвиженіяхъ она постоянно относится внимательно ко всему, что встрѣчаетъ на своемъ пути: осматриваетъ каждую щелочку и, для болѣе точнаго изслѣдованія каждаго предмета, оглядываетъ его со всѣхъ сторонъ. Примѣтивъ, что за ея веселыми прыжками наблюдаютъ, она обыкновенно спѣшитъ убраться и залечь спать. Но стоять ей только проснуться, чтобы ея природная живость тотчасъ же стала снова обнаруживаться, и чтобы тотчасъ же возобновились ея веселыя игры. Я никогда не видѣла ее въ дурномъ настроеніи духа, за исключеніемъ развѣ случаевъ, когда ее заперли въ клѣтку или когда ей слишкомъ уже докучали. Въ такихъ случаяхъ она выражала свое неудовольствіе краткою воркотнею, вполне отличной отъ той, которая слышалась, когда она чувствовала себя вполне хорошо.

«Маленькое животное различаетъ мой голосъ между двадцатью другими, тотчасъ же розыскиваетъ меня и вспрыгиваетъ ко мнѣ. Она превесело играетъ со мною и ласкаетъ меня такимъ образомъ, что этого нельзя даже себѣ и представить со стороны животного. Часто своими маленькими лапочками она гладитъ меня по подбородку и при этомъ ея мордочка принимаетъ такое выраженіе, которое служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ наибольшаго ея удовольствія. Основываясь на этой любви, а также и на тысячи другихъ, оказываемыхъ мнѣ предпочтеній я заключаю, что ея привязанность ко мнѣ не есть плодъ самообольщенія съ моей стороны, а существуетъ на самомъ дѣлѣ. Если она замѣтитъ, что я одѣваюсь, чтобы выйти изъ дому, то она ни за что не хочетъ отстать отъ меня, и ни разу я не могу отъ нея освободиться безъ возни съ нею. Съ присущею ей хитростью,

она подкрадывается обыкновенно въ комнату предъ входными дверями, и какъ только я пойду мимо, мгновенно вспрыгиваетъ ко мнѣ и всячески старается остаться со мною.

«По своей живости, проворству, голосу и способу ворчанія она больше всего близка къ бѣлкѣ. Лѣтомъ она по цѣлымъ ночамъ рыщетъ всюду въ домѣ, но съ наступленіемъ холодовъ я этого уже не наблюдала. Въ это время она повидимому сильно стремится къ теплomu мѣстечку и часто, если во время ея игры на моей постели покажется солнце, она садится тамъ, гдѣ падаетъ солнечный лучъ и нѣкоторое время сидитъ смиренно и мурлычетъ.

«Воду она пьетъ только когда нѣтъ молока, но и тогда съ большою осторожностью. Кажется, что она желаетъ лишь немного прохладиться, и боится прозрачной жидкости; напротивъ, молоко она пьетъ съ наслажденіемъ, хотя тоже постоянно по каплямъ, и много молока мнѣ не приходится наливать себѣ на руку. Вѣроятно, такимъ же образомъ, какъ и у меня молоко, она пьетъ на волѣ росу. Однажды, послѣ дождя лѣтомъ, я налила въ чашку нѣсколько дождевой воды и приглашала ее выкупаться, но своей цѣли, однако, не достигла. Вслѣдъ затѣмъ я смочила эту же водою полотно и разостлала передъ нею: на немъ она каталась съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ.

«Особенность моей прелестной питомицы выражается въ ея любопытствѣ. Просто невозможно открыть сундука, ящичка или банки, или даже разглядывать листъ бумаги, чтобы и моя ласка также не уставилась глазами на данный предметъ. Поэтому, чтобы ее подозвать къ себѣ, мнѣ стоитъ только взять листъ бумаги или книгу и внимательно ихъ разсматривать, ласка тотчасъ появляется около меня, взбирается на мою руку и съ величайшимъ любопытствомъ начинаетъ вглядываться въ разсматриваемый мною предметъ. Наконецъ я должна замѣтить, что животное охотно играетъ съ молодою кошкою и собакою, которыя обѣ уже довольно взрослыя. Она ползаетъ у нихъ по затылку и спицѣ и взбирается по ногамъ и хвосту, не причиняя при этомъ имъ ни малѣйшаго неудобства».

Составительница этого занимательнаго разсказа прибавляетъ, что звѣрка кормили главнымъ образомъ маленькими кусочками мяса, которые онъ тоже охотнѣе всего бралъ изъ рукъ своей госпожи.

Это не единственный примѣръ совершенно удавшагося прирученія ласки. Одинъ англичанинъ такъ приучилъ къ себѣ ласку, взятую еще въ гнѣздѣ, что она слѣдовала за нимъ повсюду, куда бы онъ ни шелъ; также и другіе любители животныхъ доводили этихъ милыхъ созданій до того, что они не только гуляли на свободѣ по дому, но даже выходили изъ него и возвращались обратно.

При хорошемъ содержаніи ласка можетъ прожить въ неволѣ отъ 4 до 6 лѣтъ; на свободѣ же она повидимому достигаетъ возраста 8—10 лѣтъ. Къ сожалѣнію эти маленькія, полезныя созданія часто преслѣдуются неслѣдующими людьми и истребляются просто изъ-за одного только избытка усердія. Тамъ, гдѣ ее приманиваютъ яйцами, маленькими птичками или мышами, ласка ловится весьма легко. Часто находятъ ее также въ крысоловкахъ, въ которыя она попадаетъ случайно. Однако, вмѣсто преслѣдованія, это превосходное животное должно было бы всячески быть охраняемо изъ-за той пользы, которую оно приноситъ. Можно смѣло утверждать, что для охоты замышамъ никакое другое животное не приспособлено столь превосходно, какъ ласка. Въ сравненіи же съ приносимомъ ею пользою, не стоитъ обращать вниманіе на вредъ, который ласка причиняетъ, когда случайно забирается въ плохо затворенные курятникъ или голубятню. Впрочемъ, со всякаго рода предрасудками бороться трудно. Невѣжественные люди не только не знакомы съ нравами этого животнаго,

но сочиняютъ про него басни. А между ними кое-гдѣ встрѣчается еще мнѣніе, будто ласка родить своихъ дѣтей изо рта, мнѣніе, которое своимъ возникновеніемъ, конечно, обязано тому, что часто видѣли, какъ самка переноситъ своихъ дѣтей съ одного мѣста на другое въ зубахъ, при чемъ забываютъ, что вѣдь и кошка дѣлаетъ какъ разъ то-же самое. Кромѣ того вѣрятъ, будто у всѣхъ животныхъ, приходящихъ съ нею въ соприкосновеніе или укушенныхъ ею, развиваются на соответственныхъ мѣстахъ злокачественныя опухоли, и опасаются именно за коровъ, которыя будто-бы подвергаются укусамъ болѣе, чѣмъ всѣ другія домашнія животныя. По словамъ Вуттке, ласка, въ глазахъ суевѣрныхъ людей, есть въ высшей степени опасный звѣрь. Если она фыркнетъ на кого-нибудь, то распухаетъ лицо, или является слѣпота, возможна даже и смерть; слѣпоту или болѣзнь причиняетъ даже одинъ взглядъ звѣрка. Не слѣдуетъ ласку называть также по ея имени, иначе она станетъ преслѣдовать человѣка и слгзаетъ его; поэтому слѣдуетъ сказать ей: «Прелестная крошка, да хранить тебя Богъ!» Она портитъ также и корову, которая отъ этого заболѣваетъ и вмѣсто молока даетъ кровь. Медленно замученная до смерти ласка излѣчиваетъ нарывы; выпущенная и еще теплою выпитая ея кровь избавляетъ отъ падучей болѣзни; вырванное еще у живой ласки и тотчасъ же съѣденное сердце сообщаетъ даръ пророчества. О всякомъ другомъ вздорѣ, о которомъ рассказываетъ старій Геснеръ, я уже умолчу; судя по образцамъ, которые были приведены мною раньше, достаточно будетъ сказать, что въ прежнія времена почти каждая часть тѣла животнаго играла извѣстную роль въ сокровищницѣ лѣкарствъ. Напротивъ, въ другихъ странахъ сельскіе жители полагаютъ, что присутствіе ласки на дворѣ приноситъ счастье дому и хозяйству, и въ виду тѣхъ добрыхъ услугъ, которыя дѣйствительно оказываетъ этотъ маленькій хищникъ, эти люди оказываются во всякомъ случаѣ лучше знакомыми съ истинною.

* * *

Горноста́й или большая ласка (*Putorius erminea*, *Viverra*, *Mustela* и *Foetorius erminea*, *Mustela candida* и т. д. *Hermelin*, *Hermine*) есть ближайшій родичъ ласки обыкновенной, на которую онъ чрезвычайно походитъ по своему наружному виду и образу жизни, но которую, однако, значительно превосходитъ своею величиною. Именно, общая длина горноста́я достигаетъ 32 или 33 см., причемъ на хвостъ приходится отъ 5 до 6 см.; на сѣверѣ же онъ долженъ быть еще больше, чѣмъ въ средней Европѣ. Верхняя сторона (хребетная) и половина хвоста лѣтомъ рыжевато-бураго цвѣта, а зимою бѣлаго; соответственно этому и остевые волосы шерсти на этихъ мѣстахъ лѣтомъ рыжевато-бурые, а зимою—бѣлые, нижняя же часть постоянно окрашена въ бѣлый цвѣтъ съ желтоватымъ оттѣнкомъ, кончикъ хвоста постоянно черный.

Измѣненія въ окраскѣ горноста́я лѣтомъ и зимою дали поводъ къ появленію у естествоиспытателей различныхъ мнѣній. Одни изъ нихъ признаютъ существованіе линянія и двоякаго роста волосъ; напротивъ, другіе, къ которымъ отношусь и я, того мнѣнія, что къ зимѣ и въ особенности при наступленіи сильныхъ холодовъ лѣтніе волоса просто выцвѣтаютъ, на подобіе того, какъ это мы можемъ наблюдать у песца и у бѣляка. Шведъ Гриллъ—прекрасными наблюденіями котораго надъ горностаемъ мы воспользуемся далѣе,—сдѣлалъ не менѣе отчетливыя наблюденія также и надъ тѣмъ, какъ мѣнялась окраска весною у горноста́я, содержащагося у него въ неволѣ. «4 марта», говоритъ онъ, «прежде всего можно было замѣтить нѣсколько темныхъ волосъ между глазами. 10-го на этомъ-же самомъ мѣстѣ было уже, въ ширину до половины лба, бурое пятно съ кое-гдѣ просвѣчивающею

*

близкою. Несколько маленьких темных пятнышек показалось над глазами и над носомъ. Когда же горностаи выгибался или свертывался, то можно было примѣтить, что подшерстокъ былъ темень; то-же наблюдалось на срединѣ спины, подъ лопатками и на темени, 11-го потемнѣлъ весь хребетъ и области надъ лопатками. 15-го темнота распространилась уже по заднимъ и переднимъ конечностямъ и на часть корня хвоста. 18-го сѣро-бурая окраска обнимала промежутокъ между ушами, шею приблизительно на ширину 5 сантиметровъ, а также хребетъ, четвертую часть хвоста и по лопаткамъ и бедрамъ нисходила до лапъ. Повсюду темная и бѣлая окраски были рѣзко разграничены и къ первой вовсе не примѣшивалась близна, за исключеніемъ морды, которая вся была испещрена различными цвѣтами. Темнѣе всего бурая окраска была на мордѣ, позади которой она постепенно становилась свѣтлѣе, такъ что надъ поясницею и надъ корнемъ хвоста она была желто-бурою или грязно-желтоватою. Хвостъ теперь былъ уже окрашенъ въ три цвѣта, именно: одна его четверть была буро-желтою, другая—бѣлою съ отливомъ, напоминавшимъ цвѣтъ желтой сѣры, а вторая (конечная) половина хвоста была черна. Сѣрожелтый цвѣтъ былъ теперь ярче также и на брюхѣ. Измѣненіе же въ цвѣтѣ шкурки совершалось вообще такую значительную быстроту, въ особенности вначалѣ, что переходы изъ одной окраски въ другую можно было подмѣчать не только въ теченіе дня, но даже по прошествіи нѣсколькихъ часовъ. 3-го апрѣля были еще бѣлы: лѣвая сторона шеи и горло, все брюхо, уши и промежутокъ отъ нихъ къ глазамъ, вокругъ которыхъ виднѣлась неширокая кайма, затѣмъ небольшая частица черной половины хвоста и всей нижней части его передней половины, всѣ лапы, а также внутренняя сторона переднихъ и заднихъ конечностей и задняя сторона бедръ. 19-го буры были уже и уши, за исключеніемъ лишь небольшой части нижняго ихъ края. Кромѣ лба, гдѣ другъ возлѣ друга виднѣлись многіе бѣлые волосы, нигдѣ не видно было короткихъ подростящихъ волосъ. Темные волосы выростали сразу, и прежде чѣмъ они успѣвали сравняться по величинѣ съ бѣлыми, эти послѣдніе уже выпадали. Можно признать, что собственно смѣна одной окраски другою совершилась въ первой половинѣ марта; а по минованіи 19-го марта бурое одѣяніе только лишь все болѣе и болѣе распространялось и постепенно вытѣсняло бѣлое».

О выцвѣтаніи лѣтняго одѣянія пока еще не существуетъ такихъ данныхъ, которыя опирались-бы на наблюденіе надъ живымъ горностаемъ; однако, мы знаемъ, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, зимняя одежда можетъ смѣниться лѣтнюю весьма быстро. Нерѣдко можно наблюдать, что горностаи уже и въ позднюю зиму все еще бѣгаютъ одѣтый по-лѣтнему; но вотъ вдругъ наступили холода и часто въ теченіе нѣсколькихъ дней смѣняется и его окраска. Это-то и побуждаетъ меня признать съ довольно большою достовѣрностью, что, наравнѣ съ вышеназванными животными (т. е. съ песцомъ и бѣлякомъ) дѣло идетъ и у горностая лишь о простомъ измѣненіи цвѣта волосъ или, если угодно, о его выцвѣтаніи. У всѣхъ родовъ кунницъ для выростанія шерсти требуется значительное время и оно совершается въ сущности такимъ именно образомъ, который указанъ раньше, поэтому едва-ли можно допустить, что горностаи составляютъ исключеніе изъ общаго правила и что въ теченіе немногихъ дней онъ въ состояніи одѣться сравнительно столь-же густою шерстью, какъ и его родичи, которымъ для такой замѣны одного мѣха другимъ понадобились-бы цѣлые мѣсяцы.

Горностаи живутъ въ сѣверныхъ странахъ Стараго Свѣта на весьма обширныхъ пространствахъ. Такъ, онъ водится во всей Европѣ, къ сѣверу отъ Пиренеевъ и отъ Балканскихъ горъ и кромѣ того въ Сѣверной и Средней Азій до самыхъ

восточныхъ береговъ Сибири. Равнымъ образомъ онъ встрѣчается въ Малой Азіи, въ Персіи и въ Афганистанѣ; наблюдали его даже и на Гималаяхъ: по крайней мѣрѣ Хендерсонъ однажды застрѣлилъ горностая въ Кашмирѣ. Во всѣхъ странахъ, гдѣ онъ водится, онъ не рѣдокъ, а въ Германіи принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ хищныхъ животныхъ.

Какъ и для ласки, для горностая оказываются пригодными всякая область, почти всякое мѣсто; устроиться же возможно поуютнѣе онъ сумѣетъ повсюду. Углубленія въ землѣ, норы кротовъ и хомяковъ, расщелины въ скалахъ, углубленія въ стѣнахъ, трещины въ нихъ, кучи камней, деревья, необитаемыя зданія и сотни другихъ подобныхъ-же укромныхъ мѣстечекъ служатъ ему убѣжищемъ и притономъ въ теченіе дня, который онъ въ избранномъ для себя жильѣ большею

Горностай. *Putorius erminea* (зимомъ). $\frac{1}{3}$, наст. вел.

частью проводить въ снѣ; однако, это вовсе не мѣшаетъ горностаю нерѣдко также прогуливаться при лучахъ солнца, причемъ онъ совсѣмъ не прячется отъ человѣка. Но собственно время его охоты начинается съ сумерекъ. Уже передъ вечеромъ онъ оживляется и начинаетъ бродить. Если около этого времени онъ проходитъ черезъ удобныя для наблюденія мѣста, то не понадобится многихъ поисковъ, чтобы открыть присутствіе этого животнаго съ умнымъ и проникающимъ взоромъ. Притаившись же гдѣ-либо можно легко стать свидѣтелемъ и его дѣяній. Съ присущими ему нетерпѣливостію и любопытствомъ, а быть можетъ также томимый голодомъ, горностай прежде всего начинаетъ съ обыска въ непосредственной близости своего логовища. Тутъ и обнаруживается все проворство, привычность и изящество его движеній. То какъ угорь извивается онъ между камнями и кустарниками, то, присѣвъ, остается на мгновеніе неподвижнымъ, причемъ средина его тѣла изгибается кверху дугою, которая гораздо выше, чѣмъ у кошки, то на мгновеніе приостанавливается онъ передъ норкою мыши, крота или просто расщелиною въ землѣ и

тщательно обнюхивает ихъ. Даже, не двигаясь съ мѣста, онъ ни на минуту не остается въ покоѣ: его глаза, уши и даже носъ находятся въ постоянномъ движеніи, а маленькая головка поворачивается во всѣ стороны съ быстротою молніи. Съ полнымъ правомъ можно сказать про него, что онъ большой искусникъ и во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ. Онъ бѣгаетъ и прыгаетъ, превосходно лазаютъ и быстро и увѣренно переплываетъ большія пространства.

Съ тѣлесною ловкостью горностая вполне согласуются и свойства его характера. Онъ обладаетъ такою-же отвагою, какъ и родственная ему ласка, въ то-же время у него сильно развита склонность къ хищничеству, соединенная съ кровожадностью, свойственною всѣмъ хорьковымъ. Врага, могущаго дѣйствительно вселить страхъ, горностай не знаетъ, такъ какъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ онъ съ безразсудною смѣлостью кидается даже на человѣка. Нельзя, конечно, было бы повѣрить, чтобы горностай могъ явиться хотя назойливымъ противникомъ для взрослога человѣка, а между тѣмъ въ дѣйствительности это такъ.

Вудъ рассказываетъ про одного прогуливавшася взрослога мужчину, «который, примѣтивъ двухъ спокойно сидѣвшихъ на тропинкѣ горностаевъ, пустилъ въ нихъ такъ ловко камень, что подбилъ одного изъ звѣрковъ. Въ то-же мгновеніе другой горностай испустилъ своеобразный рѣзкій крикъ, подпрыгнувъ къ обидчику своего спутника, съ чрезвычайною скоростью взобрался по его ногамъ и вдѣпился зубами въ его шею. На воинственный же его кликъ тотчасъ послышались отклики довольно значительнаго количества другихъ горностаевъ, находившихся вблизи, и вслѣдъ затѣмъ они явились на помощь къ отважному передовому бойцу. Прохожій задумалъ было защищаться камнями, но вскорѣ убѣдился, что гораздо цѣлесообразнѣе будетъ употребить руки для обереганія своего затылка, такъ какъ раздраженные звѣрки продолжали свое преслѣдованіе съ величайшимъ упорствомъ и если-бы не толстая одежда и теплый платокъ, то онъ получилъ бы серьезныя раны. Впрочемъ, руки, лицо и часть шеи были все-таки изранены, а самое нападеніе такъ рѣзко запечатлѣлось въ памяти у потерпѣвшаго, что онъ далъ себѣ зарокъ никогда уже болѣе не обижать горностаевъ». Что этотъ рассказъ не вымыселъ, доказываетъ и слѣдующее показаніе окружнаго доктора Генгстенберга. «Я позволю себѣ», писалъ онъ мнѣ 8 августа 1869 г., «сообщить вамъ объ одномъ фактѣ, который, быть можетъ, покажется вамъ интереснымъ. Позавчера, подъ вечеръ, пятилѣтній ребенокъ начальникажелѣзнодорожной станціи Браунавъ Бохумъ игралъ на краяхъ и, поскользнувшись, упалъ такъ, что рука попала въ яму. Съ быстротою молніи горностай накинулся на ребенка и дважды укусилъ его въ руку. Изливаясь кровью дитя послѣшно побѣжало домой, гдѣ случившаяся тамъ сестра милосердія и сдѣлала ему первую перевязку. Потомъ призвали меня, и я нашелъ, что лучшая артерія совершенно перекушена и что изъ нея кровь бьетъ фонтаномъ. Рана здѣсь представляла вполне полукруглый отпечатокъ челюсти животнаго, а нѣсколько выше, на мякшѣ большого пальца, находилась другая, несомнѣнно разорванная рана. Я предполагаю, что вблизи того мѣста, на которое упалъ ребенокъ, у звѣрка были дѣтеныши и, думая, что имъ угрожаетъ опасность, горностай бросился защищать ихъ и при этомъ и нанесъ вышеописанныя раны».

Горностай охотится и поѣдаетъ почти всѣхъ маленькихъ млекопитающихъ и птицъ, которыхъ онъ можетъ только захватить, а также вовсе нерѣдко отваживается нападать и на животныхъ, превосходящихъ его своею величиною. Мыши, кроты, хомяки, кролики, жаворонки, воробьи, голуби, куры, ласточки (которыхъ онъ добываетъ изъ гнѣздъ), вѣси и ящерицы постоянно преслѣдуются имъ, даже зайцы не застрахованы отъ него. Такъ, Ленцъ однажды наблюдалъ какъ пять горностаевъ

готовились напасть около садоваго забора на больного зайца и пытались его задушить. Англійскіе наблюдатели свидѣтельствуютъ, что отважное животное въ состояніи осилить также и здороваго зайца. Гоппе, услыжавъ однажды громкій жалобный крикъ зайца, поспѣшилъ къ мѣсту, откуда онъ раздавался, и увидѣлъ прихрамывавшаго зайца, котораго очевидно что-то въ высшей степени мучило. Это что-то, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось горностаемъ, который впился зайцу въ одну изъ сторонъ груди. Заяць протасилъ еще нѣсколько своего страшнаго врага и скрылся въ поросли; вѣроятно дальше онъ уже и не пошелъ. Эти факты можно оспаривать; но, тѣмъ не менѣе, они несомнѣнны. О нападеніяхъ горностаея на зайца свидѣтельствуетъ уже Геснеръ въ слѣдующихъ словахъ: «зайцемъ горностаея овладѣваетъ хитростью, заигрывая и тормоша его въ теченіе нѣ котораго времени, а когда заяць утомится и увѣрится, что ему не грозитъ бѣда, тогда горностаея вспрыгиваетъ къ нему на шею, впивается зубами въ горло и загрызаетъ его».

Относящіяся сюда наблюденія доставлены также и новѣйшими наблюдателями, и такими именно, въ достовѣрности сообщеній которыхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. «Извѣстно», повѣствуетъ Карль Мюллеръ, «что горностаея опасный врагъ зайца и именно въ лѣтнюю пору, когда роскошные хлѣба и высоко взросшая трава облегчаютъ маленькому хищнику возможность изъ-за угла подкрасться къ зайцамъ, которые зачастую и становятся въ изобиліи его добычею; такъ, однажды мнѣ одновременно посчастливилось овладѣть какъ умирающимъ зайцемъ, такъ вмѣстѣ съ нимъ и упившимся до опьяненія ервью горностаемъ. Не смотря на это, я все-таки не считалъ возможнымъ, что бы одинъ и тотъ-же горностаея могъ въ промежутокъ времени изъ нѣсколькихъ недѣль перехитрить и умертвить полъ-дюжины зайцевъ, пока позднимъ лѣтомъ 1865 года мнѣ не случилось убѣдиться въ этомъ самымъ нагляднымъ образомъ. Именно, неподалеку отъ Альфельда, дорожные рабочіе уже нѣсколько разъ подъ вечеръ слышали стоны зайца, раздававшіеся изъ овсянаго поля, но причину этихъ стоновъ они все оставляли безъ разслѣдованія до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, одинъ изъ нихъ, знатокъ по части охоты, не взялся за это. Когда на третій вечеръ стоны послышались снова, то, отправившись въ овсяное поле, этотъ рабочій увидѣлъ, что овесъ колыхался съуживающимися круговыми лиціями, а затѣмъ все вдругъ смолкло. Подойдя совсѣмъ близко, онъ разглядѣлъ стараго зайца, который въ судорогахъ лежалъ на землѣ. Нагнувшись, чтобы приподнять его, рабочій прямѣтилъ торчащій изъ-подъ зайца черныи хвостикъ горностаея, вслѣдствіе чего, желая придушить вмѣстѣ и зайца и горностаея, рабочій наступилъ ногою на шею зайцу и до тѣхъ поръ наваливался на ногу вѣсомъ всего своего тѣла, пока въ горностаемомъ хвостикѣ совсѣмъ не прекратились признаки жизни. Однако, едва затѣмъ онъ отнял свою ногу, какъ изъ-подъ зайца выскочилъ разсерженный маленькій убійца, который, оскаливъ зубы, бросился на рабочаго. Послѣднему, однако, посчастливилось ударомъ рукоятки кирки по головѣ отомстить горностаею за зайца, осмотръ котораго показалъ, что небольшая рана отъ укуса его горностаемъ находилась на передней сторонѣ шеи. Прибывъ на мѣсто, я убѣдился лично въ справедливости разсказа рабочихъ, а находившіеся тамъ люди нашли отчасти въ овсяномъ полѣ, отчасти въ смежной съ нимъ ямѣ пять убитыхъ—преимущественно укусами въ голову и въ шею—зайцевъ. Всѣ они, за исключеніемъ одного, были молодые, полувзрослые и всѣ они были еще довольно свѣжи. А такъ какъ рабочіе, дробившіе неподалеку камень, въ теченіе четырнадцати дней не замѣчали какого-либо другаго нападенія горностаея на зайцевъ, то это обстоятельство и можетъ служить доказательствомъ, что убійцею всѣхъ пяти зайцевъ

былъ все одинъ и тотъ-же горностаѣ». Впрочемъ, я тогчасъ же замѣчу, что такое происшествіе всегда должно считаться исключеніемъ, такъ какъ такія излишества позволяютъ себѣ лишь отдѣльные горностаѣ и именно послѣ того, какъ они на опытѣ увнаютъ, что легко могутъ справиться и съ такою, сравнительно большою, дичью. Подобно тиграмъ и пантерамъ они научаются этому опытомъ. «Достопримѣчательно», прибавляетъ при этомъ Белль, впервые сообщившій вышеприведенный примѣръ, «что заяцъ, преслѣдуемый горностаемъ, не пользуется своими прирожденными преимуществами. Въ нѣсколько прыжковъ, какъ само собою понятно, онъ могъ-бы также ускользнуть отъ нападенія горностаѣ, какъ это удается ему при преслѣдованіи его собакою или лисицею; но повидимому онъ вовсе не обращаетъ вниманія на маленькое созданье и привольно продолжаетъ прыгать, какъ будто-бы горностаѣ нѣтъ вовсе на свѣтѣ, а между тѣмъ за такое равнодушіе ему иногда и приходится расплачиваться своею жизнью». Интереснѣе всего наблюдать, какъ горностаѣ предается своей любимой охотѣ, какъ именно овладѣваетъ онъ водяною крысою. Этотъ грызунъ преслѣдуется описываемымъ хищникомъ и на землѣ, и въ водѣ, и какъ повидимому ни казалась-бы неблагоприятною для него вода—эта естественная стихія для водяной крысы—тѣмъ не менѣе горностаѣ въ концѣ концовъ все-таки сдумѣетъ доканать грызуна. Вначалѣ хищникъ обнюхиваетъ всѣ норы. Его тонкое обоняніе явственно говоритъ ему, что одна или двѣ крысы покоятся въ норкѣ. Убѣдившись въ присутствіи въ норѣ крысы, горностаѣ, безъ всякихъ околнностей, проникаетъ внутрь, а крысѣ, естественно, не остается ничего другого, какъ броситься въ воду, въ надеждѣ спрятаться въ густомъ тростникѣ; но это не спасаетъ ее отъ неутомимаго преслѣдователя и самаго злѣйшаго ея врага. Выставивъ изъ воды голову и затылокъ, какъ обыкновенно это дѣлаетъ плывущая собака, несется горностаѣ съ ловкостью выдры по чуждой ему стихіи и съ большимъ упрямствомъ преслѣдуетъ спасающуюся крысу. Если какая-нибудь случайность не поможетъ ей, то она погибла. Снарровка въ лазаніи столь-же мало оказываетъ ей помощи, какъ и умѣнье прятаться. Хищникъ все время, какъ выражаются охотники, виситъ надъ нею, а его хищные зубы всегда опаснѣе, чѣмъ крѣпкіе и острые рѣзцы грызуна. Случается, что борьба заканчивается въ водѣ и тогда проворный звѣрекъ выплываетъ съ добычею въ зубахъ на берегъ, гдѣ на привольи пожираетъ крысу. Вудъ рассказываетъ, что нѣсколько горностаевъ въ состояніи уничтожить въ теченіе немногихъ дней многочисленное поселеніе водяныхъ крысъ.

Время спариванія горностаѣ въ нашихъ мѣстахъ (т. е. въ средней Европѣ) приходится въ мартѣ, а въ маѣ или въ іюнѣ самка мечетъ отъ 5 до 8 дѣтенышей. Для нихъ мать обыкновенно приготовляетъ мягкое ложе въ какой-нибудь хорошо заложеной норѣ крота или гдѣ-либо въ другомъ, подобномъ-же укромномъ мѣстечкѣ. Дѣтенышей своихъ мать любитъ съ необычайною нѣжностью, кормитъ ихъ молокомъ, ухаживаетъ за ними и играетъ съ ними до самой осени, такъ какъ отъ своей вѣрной воспитательницы почти совершенно взрослые дѣтеныши отдѣляются лишь около зимы. Въ случаѣ угрожающей опасности, заботливая мать переноситъ весь свой выводокъ въ зубахъ въ другое убѣжище и для этого переплываетъ даже и воду. Когда же молодые до извѣстной степени подрастутъ, то мать дѣлаетъ съ ними прогулки, при чемъ самымъ основательнымъ образомъ обучаетъ ихъ всѣмъ уловкамъ своего промысла. Маленькіе звѣрки въ свою очередь столь переимчивы, что уже по минованіи короткаго срока ученья, они не многимъ уступаютъ старымъ въ отвагѣ, лукавствѣ, ловкости и страсти къ убійству.

Ловится горностаѣ во всякаго рода ловушки, и часто также случайно попадается и въ крысоловки; если тогда приблизиться къ нему, то можно услышать

Пронзительное трещаніе; а если раздражать его, то онъ бросается на обидчика съ громкимъ визгомъ; вообще же о своей боязни онъ заявляетъ только тихимъ фырканіемъ. Обыкновенно горностаи, будучи пойманъ старымъ, живутъ не долго, такъ какъ онъ столь-же раздражителенъ, какъ и ласка, не привыкаетъ ни къ клеткѣ, ни къ ухаживающему за нимъ лицу, отказывается отъ пищи или же впадаетъ въ такое раздраженіе, что вслѣдствіе этого погибаетъ. Я ловилъ много горностаевъ, заботливо ухаживалъ за ними, но никогда не былъ въ состояніи сохранить жизни ни одному изъ нихъ. Напротивъ, взятый изъ гнѣзда горностаи становится весьма ручнымъ и доставляетъ своему воспитателю много удовольствія; при этомъ нѣкоторые изъ такихъ экземпляровъ доводились, говорятъ, даже до того, что по собственной волѣ уходили и возвращались домой, а также и слѣдовали за своимъ господиномъ, на подобіе собаки. Однако, по отношенію къ сказанному раньше, иногда встрѣчается исключеніе также и между старыми горностаями. Такъ, Гриллъ рассказываетъ, «что за нѣсколько дней до Рождества 1843 г. ему принесли горностая самца, пойманнаго подъ кучею дровъ. Онъ былъ въ своемъ чистомъ зимнемъ одѣяніи. Черные, круглые глаза, краснобурый носъ и черный кончикъ хвоста ярко отдѣлялись отъ снѣжной бѣлизны остальной шерсти, причемъ прекрасный сѣрно-желтый оттѣнокъ наблюдался только у корня хвоста и на серединѣ его. Это былъ премилый, въ высшей степени подвижной звѣрекъ. Я посадилъ его сначала въ большую, необитаемую комнату, гдѣ и не замедлилъ развиться тотъ своеобразный противный запахъ, который свойственъ куньей породѣ. Поразительна была способность этого горностага лазать, прыгать и прятаться въ разные уголки. Съ легкостью взбирался онъ по оконнымъ занавѣсамъ, а если его оттуда спугивали, то онъ, съ крикомъ ужаса, мгновенно прыгалъ внизъ, на полъ. На второй день залѣзъ онъ въ печную трубу и оставался тамъ, ничѣмъ не обнаруживая своего пребыванія, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, пока наконецъ, весь испачканный сажею, не вылѣзъ изъ печи. Часто издѣвался онъ надо мною въ теченіе многихъ часовъ, пока я его отыскивалъ, и въ концѣ концовъ оказывалось, что онъ сидитъ, притаившись, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его всего менѣе можно было предполагать. Такъ какъ комната не отапливалась, то онъ вскорѣ отыскалъ себѣ логовище въ кровати, гдѣ и выбралъ особенное мѣстечко, которое однако тотчасъ покидалъ, какъ только кто-нибудь входилъ въ дверь. Тѣмъ не менѣе постель оставалась для него все-таки самымъ излюбленнымъ убѣжищемъ, куда обыкновенно онъ и скрывался, если къ нему подступали быстро. Но если съ нимъ заговаривалъ ласково и вообще держали себя спокойно, то звѣрекъ приостанавливалъ свой бѣгъ или даже дѣлалъ, любопытства ради, нѣсколько шаговъ на встрѣчу, причемъ вытягивалъ свою длинную шею и поднималъ переднюю ногу. Впрочемъ, склонность къ любопытству у горностага столь-общезвѣстна, что сельскій людъ у насъ обыкновенно и выражается о немъ такимъ образомъ: «горностаика радъ, когда его хвалятъ». Находясь въ состояніи напряженнаго вниманія, или всматриваясь во что-либо подозрительное, но помѣщающееся выше его головы, горностаи садится на заднія ноги и высоко поднимаетъ голову. Часто онъ лежитъ съ приподнятой шеей, наклоненной головой и выгнутой кверху спиною. Бѣгая же, онъ такъ низко стелется всѣмъ своимъ тѣломъ по землѣ, что ноги едва примѣтны. Если къ нему подходитъ близко, то прежде чѣмъ обратиться въ бѣгство, горностаи оживленно и пронзительно кричитъ, при чемъ издаваемые имъ звуки болѣе всего походятъ на голосъ большого дятла; можно также было-бы сравнить ихъ съ фырканьемъ кошки, но они все-таки рѣзче. Еще чаще можно слышать шипѣніе, подобное змѣиному.

«Когда же на третій день горностага посадили въ большую клетку, изъ кото-

рой онъ видѣлъ, что не можетъ выбѣжать, но гдѣ за то онъ почувствовалъ себя въ безопасности, то при всякомъ приближеніи къ нему онъ выпрыгивалъ на рѣшетку, уцѣплялся за нее, грызъ ея прутья зубами и, по нѣскольکو разъ повторяя, издавалъ вышеописанный крикъ въ видѣ продолжительной трели, которая теперь уже весьма походила на стрекотаніе сороки. Въ клѣткѣ онъ уже не трусилъ передъ собакою и оба они, близко держась около рѣшетки, лаiali другъ на друга. Въ просунутый къ нему палецъ перчатки, горностаи впивался зубами и жестоко разрывалъ его. Когда же бывалъ сильно разсерженъ—для чего вполнѣ было достаточно согнать его съ его логовища — то каждый волосокъ его длиннаго хвоста ошетиивался.

«Горностаи вообще весьма золь. Музыки онъ не выноситъ. Стоило начать играть передъ нимъ на гитарѣ, чтобы онъ, какъ бѣшенный, бросался къ рѣшеткѣ и лалялъ и визжалъ до тѣхъ поръ, пока музыку не прекращали. Для разрыванія своей добычи горностаи никогда не употребляетъ когтей, но всегда пускаетъ въ ходъ зубы.

«Укладываясь спать, горностаи очень долго кружится, а когда онъ спитъ, то лежитъ, свернувшись колечкомъ, прижавъ плотно носъ къ корню хвоста, а самый хвостъ обводитъ вокругъ тѣла, вслѣдствіе чего въ общемъ получается почти два кольца. Къ холоду горностаи весьма чувствителенъ. Такъ, если въ комнатѣ лишь немного холодно, то онъ постоянно остается въ гнѣздѣ, которое самъ устроилъ изъ моха и перьевъ, продѣлавъ въ немъ два отверстія; если же его выпнать изъ гнѣзда, то онъ начинаетъ дрожать, такъ что это сразу замѣтно. Напротивъ, въ теплое время онъ охотно помѣщается на вершинѣ вставленнаго въ клѣтку сука сосны. Иногда онъ вылизываетъ и очищаетъ все свое тѣло до конца хвоста включительно; но вообще вовсе не утруждаетъ себя чисткою тѣла, такъ какъ послѣ обѣда на мордѣ у него всегда остается одно или два перышка. Когда свѣча стоитъ близко къ клѣткѣ, то, обезпеченный блескомъ пламени, онъ жмурится; а когда однажды я поймалъ его въ комнатѣ въ крысоловку, то она ему такъ понравилась, что онъ не хотѣлъ переходить въ свѣтлую клѣтку. Въ полумракѣ его глаза блестятъ зеленымъ, яркимъ, красивымъ цвѣтомъ. Довольно толстые стальные прутья клѣтки онъ зачастую сближалъ зубами попарно и если оставался въ комнатѣ одинъ, то ускользалъ изъ клѣтки. Свой умъ онъ обнаружилъ уже въ первые дни тѣмъ, что какъ только замѣчалъ, что его хотятъ посадить въ клѣтку, то тотчасъ-же тщательно начиналъ избѣгать тѣхъ своихъ укромныхъ уголковъ, въ которыхъ обыкновенно любилъ оставаться больше всего. Скоро прежнюю клѣтку пришлось замѣнить новою, изъ толстаго желѣза и хотя, въ надеждѣ вырваться изъ нея, горностаи часто и кусалъ прутья рѣшетки, но ни разу онъ не пытался продырять ни крыши, ни пола, которые были между тѣмъ изъ дерева. Испражнялся горностаи въ одномъ, опредѣленномъ мѣстѣ и, благодаря этому, можно было легко приспособиться къ поддержанію въ клѣткѣ чистоты.

«Въ оба первые дня горностаи съѣлъ нѣсколько тетеревиныхъ головъ и лапокъ. Молоко онъ сталъ лакать съ большою жадностью съ перваго-же раза, и вмѣстѣ съ маленькими птичками оно составляло самую любимую его пищу. Двухъ овсянокъ едва хватало на день. Сначала онъ съѣдалъ голову, а затѣмъ не оставлялъ уже ничего, кромѣ перьевъ. Изъ большихъ птицъ, какъ сойка и сорока, онъ оставлялъ голову и лапы. Будучи даже и весьма голоднымъ, онъ нѣскольکو дней не дотрогивался до сырыхъ куриныхъ яицъ; но какъ только я продѣлалъ въ нихъ дырочки, такъ онъ тотчасъ же быстро вышилъ ихъ содержимое. Свѣжимъ мясомъ рогатаго скота питается онъ неохотно. Когда горностаи ѣсть и пьеть».

то громко чавкаетъ, на подобіе щенятъ и поросятъ. Достопримѣчательна при этомъ подвижность его нижней челюсти: при ѣдѣ, зѣвотѣ и т. д. она становится у него почти перпендикулярно къ верхней челюсти, какъ у змѣй, что, вмѣстѣ съ другими сходствами, и дало поводъ къ уподобленію горностая этому животному. Ъсть онъ почти зажмурившись, а носъ и губы до того растягиваетъ и морщитъ, что почти все лице становится плоскимъ. Если при этомъ онъ слышитъ хотя-бы малѣйшій шорохъ, то настораживается и пока думаетъ, что за нимъ наблюдаютъ, не загрызаетъ жертвы и не ѣсть. На маленькую живую птичку онъ обыкновенно не набрасывается тотчасъ, но лишь послѣ того какъ наступитъ полная тишина, а птичка изъ страха не сдѣлается почти неподвижною; тогда горностай ее обнюхиваетъ и, замѣтивъ признаки жизни, умерщвляетъ, раздробляя голову; но рѣдко дѣлаетъ это быстро и сразу и онъ почти всегда заставляетъ долго свою жертву трепетать въ предсмертныхъ судорогахъ: подобную-же жестокость онъ проявилъ и по отношенію къ большой живой крысѣ, которую я посадилъ къ нему въ клѣтку. Въ этомъ случаѣ оба звѣрка прежде всего забѣгали вокругъ клѣтки, не нападая другъ на друга и, казалось, будто они побаивались одинъ другого. При этомъ необыкновенно большая крыса была весьма дерзка, злобно кусала просунутую черезъ рѣшетку палку и въ нѣсколько минутъ выпила молоко горностая, который, между тѣмъ, вполне спокойно сидѣлъ въ другомъ углу клѣтки, длиною въ одинъ метръ. Вообще казалось, будто хозяйкою въ клѣткѣ крыса уже давно, а горностай попалъ туда всего лишь въ первый разъ. Но тѣмъ не менѣе, пообѣдавъ, крыса выразила явное стремленіе держаться какъ можно дальше отъ горностая; когда же я стравливалъ обоихъ звѣрковъ, то нападающею всегда оказывалась крыса и, судя по ея величинѣ и алобѣ, я вмѣстѣ съ остальными зрителями, не сомнѣваясь, полагалъ, что исходъ борьбы весьма трудно предопредѣлить. Иногда горностай казался даже побѣжденнымъ: но, судя по быстрымъ и вѣрнымъ ударамъ, при посредствѣ которыхъ онъ защищался, все-таки думалось, что перевѣсъ на его сторонѣ. Послѣ укусовъ, которые онъ наносилъ съ такою быстротою, что нельзя было подмѣтить его разинутой пасти, онъ отскакивалъ назадъ на подобіе змѣи. Борьба же вообще велась на жизнь и на смерть. Крыса все время скрежетала зубами и лищала, а горностай лаялъ только при защитѣ. Оба прыгали другъ около друга, причѣмъ касались крыши клѣтки, высота которой была почти въ одинъ метръ. Наконецъ послѣ долгихъ взаимныхъ схватокъ, къ которымъ я побуждалъ обоихъ животныхъ, крыса стала обнаруживать менѣе охоты къ борьбѣ, а горностай теперь-то и началъ свои нападенія, которыми онъ производилъ открыто, спереди и направляя свои удары въ голову. Ни горностай, ни крыса не подкрадывались другъ къ другу сзади. Затѣмъ, при послѣдней схваткѣ, горностай вспрыгнулъ крысѣ на спину, крѣпко сжалъ своими передними ногами ея тѣло позади лопатокъ, и такъ какъ крыса не могла уже защищаться, то оба бойца долго лежали на боку, въ продолженіи чего побѣдитель въѣдался до тѣхъ поръ въ верхнюю часть шеи крысы, пока та не умерла. Послѣ этого горностай раздробилъ у крысы весь спинной хребетъ и, оставивъ нетронутыми почти всю кожу, голову, ноги и хвостъ, съѣлъ ее. Точно такимъ-же образомъ поступилъ горностай и съ другой живой и столь же крупной крысой. Я никогда далѣе не видѣлъ, чтобы изъ умерщвленныхъ горностаемъ животныхъ, какъ млекопитающихъ, такъ и птицъ, онъ высасывалъ кровь, какъ иногда объ этомъ рассказываютъ; онъ просто тотчасъ-же начиналъ ихъ ѣсть.

«Только 7-го мая, т. е. послѣ того, какъ животное пробыло у меня около 4¹/₂, мѣсяцевъ, и рѣшился впервые погладить его, но и то надѣвъ предварительно перчатки.

Горноста́й, конечно, ста́лъ кусать мои́ руки, но я не чувствовалъ, чтобы́ острія́ его зубовъ впивались въ мое тѣло, а еще менѣе оставалось и слѣдовъ отъ нихъ. Въ началѣ горноста́й стремился уклониться отъ выраженій моихъ ласкъ; но наконецъ онъ повидимому ему понравились: онъ легъ на спину и закрылъ глаза. На слѣдующій день я повторилъ свою попытку, такъ какъ твердо рѣшился приручить моего звѣрка насколько только это будетъ возможно. Вскорѣ, хотя и соблюдая прежнюю осторожность, я ста́лъ поглаживать его уже безъ перчатокъ, а онъ охотно позволялъ, какъ долго мнѣ ни хотѣлось, и гладить и щекотать его, поднимать ему лапки и т. д.; не приводя его въ ярость, я могъ даже раскрывать ему ротъ. Но стоило мнѣ обхватить его тѣло рукою, чтобы онъ, легко и быстро, какъ угорь, выскользнулъ изъ нея. Чтобы не испугать его; къ нему слѣдовало приближаться тихо и вообще, при обращеніи съ нимъ, надлежало руководиться тѣми основными правилами обращенія съ дикими животными, которое гласитъ, что животному слѣдуетъ дать понять одновременно, что его не боятся, но также, что и не желаютъ причинить ему никакого зла.

«Однако, скоро моей радости настала́ коне́цъ. Именно, ста́ло замѣтно, что горноста́й все съ большею и большею трудностью, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, съѣдалъ маленькихъ мышей и птичекъ, а 15 іюля мой красавецъ «Киссе», доставившій мнѣ столько удовольствій въ теченіе 7 мѣсяцевъ, лежалъ уже мертвымъ въ своей клѣткѣ. И, какъ я это давно уже предполагалъ, при осмотрѣ его челюстей, дѣйствительно оказалось, что въ верхней челюсти всѣ зубы, за исключеніемъ плотоядныхъ, были почти совершенно сточены; и больше всего жлыки. Обусловливалось-ли это преклоннымъ возрастомъ животнаго, или оно сточило свои зубы, кусая желѣзную рѣшетку при попыткахъ къ освобожденію изъ неволи? Вѣроятно, что здѣсь участвовали и та, и другая причина.

Обыкновенно говорятъ, что горноста́й, будучи раздраженъ или испуганъ, выдѣляетъ изъ подхвостныхъ железъ жидкость противнаго запаха, но я замѣчу, что мой горноста́й никогда этого не дѣлалъ ни изъ злости, ни будучи раздражаемъ, а только въ томъ случаѣ, когда бывалъ испуганъ. Набрасывался-ли онъ, дая и визжа, съ ошестинившимся хвостомъ—а таковъ онъ былъ всегда во время гнѣва—или боролся съ большими крысами, горноста́й никогда не распространялъ этого запаха, что, однако, онъ дѣлалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предавался бѣгству. Въ началѣ его плѣненія это случалось часто, такъ какъ онъ трусилъ при каждомъ шумѣ или при каждой кажущейся опасности, но затѣмъ, когда онъ привыкъ и освоился, появленіе запаха наблюдалось весьма рѣдко, а по минованіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, оно случилось, какъ я вспоминаю, всего одинъ разъ, когда я съ шумомъ захопнулъ дверцы въ его клѣтку. Онъ до того испугался, что взобрался подъ самую крышу клѣтки и въ то-же время по комнатѣ мгновенно распространился тотъ-же самый запахъ, какой слышался и въ первые дни. Поэтому я склоненъ думать, что это отдѣленіе не зависитъ отъ воли животнаго, а совершается вполнѣ произвольно. Вѣроятно при сильномъ испугѣ горноста́й бѣгаетъ уже не въ состояніи сокращать сжимательные мускулы подхвостныхъ железъ и жидкость ихъ изливается наружу. То-же самое доводилось мнѣ наблюдать и у всѣхъ родственныхъ ему животныхъ, снабженныхъ такого рода железами. Оно и естественно. Когда животное имѣетъ основаніе страшиться, то въ этой маленькой помощи оно нуждается въ моментъ опасности; но для чего ему она въ томъ случаѣ, когда оно спокойно или вполнѣ увѣрено въ своихъ силахъ?

Мѣхъ горноста́я хотя и не дорогъ, но, благодаря своей красотѣ, все-таки цѣнится. Прежде его носили исключительно монархи, но нынѣ онъ сдѣлался об-

щидь достояніемъ. По Ломеру, на рынокъ въ годъ поступаетъ около 400,000 горностаевыхъ шкурокъ, общемою стоимостью въ 300,000 марокъ; при этомъ самыя лучшія идутъ изъ Барабинска и Ишима, а менѣе хорошія изъ Енисея и Лены. По Радде, въ юго-восточной Сибири за горностаемъ сильно стали охотиться лишь въ недавнее время, причеиъ съ 1856 года за шкурку платятъ отъ 10 до 15 коп. серебромъ, между тѣмъ какъ раньше, вслѣдствіе незначительной цѣнности шкурки, горностаи вообще не преслѣдовали. * *

Норки и похожія на нее животныя очень близки къ хорьку, отъ котораго онѣ отличаются единственно лишь нѣскольکو болѣе плоскою головою, болѣе сильно развитымъ бугорчатымъ зубомъ, укороченными ногами, плавательною перепонкою между пальцами, которая болѣе явственно развита на заднихъ лапахъ, сравни-

Норка. *Putorius lutreola*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

тельно нѣскольکو болѣе длиннымъ хвостомъ и шерстью, которая напоминаетъ выдру и состоитъ изъ густо и гладко прилегающихъ, короткихъ волосъ, окрашенныхъ и на верхней (хребтовой) и на нижней (брюшной) сторонахъ въ равномерный бурый цвѣтъ. Кромѣ нашей, европейской норки, мы опишемъ также и норку американскую. Образъ жизни ихъ обѣихъ до новѣйшаго времени былъ лишь очень мало извѣстенъ и даже нынѣ, по крайней мѣрѣ относительно европейскаго вида, наблюденія очень недостаточны. Значительнымъ обогащеніемъ свѣдѣній о нашей норкѣ я обязанъ любезности одного охотника изъ окрестностей Любека, а американская норка описана Одюбономъ и принцемъ фонъ-Видъ.

Многіе изъ естествоиспытателей считаютъ американскую норку лишь разновидностью нашей норки, и на самомъ дѣлѣ оба животныя находятся въ весьма близкомъ родствѣ другъ къ другу. Однако, въ устройствѣ ихъ тѣла существуютъ также и такія различія, которыя оправдываютъ противоположный взглядъ другихъ естествоиспытателей, полагающихъ, что обѣ данныя норки представляютъ собою раз-

личные виды. Главными отличительными признаками американской норки могут считаться болѣе короткая голова и болѣе длинный хвостъ, чѣмъ у нашей норки. Соотвѣтственно же послѣднему обстоятельству у нихъ различно и число хвостовыхъ позвонковъ; именно: при одинаковомъ числѣ у обоихъ животныхъ шейныхъ, спинныхъ и поясничныхъ позвонковъ, число хвостовыхъ у американской норки равняется 21, а у нашей 19. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ заключаются единственные отличительные признаки обоихъ животныхъ.

Наша норка (*Putorius lutreola*, *Mustela*, *Vivera*, *Lutra*, *Vison* и *Foetorius lutreola*, *Lutra minor* и т. д. *Nerz*, *Lutréole*) достигаетъ величины 50 см., изъ которыхъ 14 приходится на хвостъ. Ноги у ней короткія, туловище сдавленное, удлинненное, въ общемъ напоминающее выдру; что же касается головы, то у норки она длиннѣе, чѣмъ у выдры. Ступни какъ у хорька, но между всѣми пальцами, какъ уже замѣчено, находится соединяющая ихъ перепонка. Глянцевитый мѣхъ состоитъ изъ густыхъ и гладкоприлегающихъ другъ къ другу, короткихъ, довольно жесткихъ остистыхъ волосъ бурога цвѣта, подъ которыми виднѣется сѣроватый, весьма густой подшерстокъ. На срединѣ спины, а всего болѣе на затылкѣ и на задней части тѣла окраска мѣха темнѣетъ; также и на хвостѣ волоса обыкновенно темнѣе, чѣмъ на туловищѣ. На нижней сторонѣ туловища данная окраска переходитъ въ сѣро-бурую. Маленькое, свѣтло-желтое или бѣловатое пятнышко виднѣется на горлѣ; верхняя губа бѣла спереди, а нижняя по всей длинѣ.

Вполнѣ похожую на эту окраску представляетъ также американская норка (*Putorius vison*, *Mustela*, *Martes*, *Lutreola* и *Foetorius vison*, *Mustela* и *Vison lutreosephala*, *Mustela minx*, *Mink*, *Vison*), мѣхъ которой цѣнится значительно дороже, такъ какъ въ немъ подшерстокъ болѣе развитъ, а весь мѣхъ мягче. Американская норка превосходить европейскую свою величиною. Что же касается частности ея окраски, то, кромѣ упомянутого уже весьма большого сходства въ общемъ съ окраскою норки европейской, обыкновенно ея и верхняя и нижняя стороны темно-бурога цвѣта, хвостъ черно-бурый, а заостренный конецъ подбородка бѣлый.

Въ образѣ жизни вѣроятно оба животныхъ сходятся во всемъ существенномъ и потому мнѣ кажется цѣлесообразнымъ предпослать краткому описанію нрава и навыковъ нашей норки самое важное изъ повѣствованій названныхъ выше писателей о норкѣ американской.

По Одюбону, американская норка представляетъ такого хищника, который, по своей дѣятельности и по неутомимой страсти къ истребленію, болѣе всего приближается къ горностаю; при этомъ, какъ эта дѣятельность норки, такъ и ея хищничество болѣе всего касается птичниковъ и утиныхъ садковъ, гдѣ появленіе одного или двухъ нашихъ животныхъ тотчасъ же сказывается въ исчезновеніи нѣсколькихъ цыплятъ и утятъ. Для избавленія себя отъ вредоноснаго хищника остается лишь запастись терпѣніемъ. Одюбонъ самъ испыталъ это на одной американской норкѣ, которая поселилась въ каменной плотинѣ небольшого прудка, находившагося подлѣ самаго дома этого естествоиспытателя. Въ прудкѣ этомъ полоскались многочисленныя домашнія утки и, понятно, что вслѣдствіе этого онъ оказывался въ высшей степени привольнымъ мѣстомъ для норкиной охоты. Укромный уголокъ ея былъ выбранъ столько же умно, сколько и лукаво: именно онъ находился весьма близко отъ дома и еще ближе отъ того мѣста, къ которому спускались дворовыя куры для водопоя; затѣмъ, передъ этою засадою лежали два большихъ отломка гранита, изъ-за которыхъ норка и могла обозрѣвать какъ дворъ, такъ и прудокъ. Здѣсь па-сторожѣ пролежывала она ежедневно цѣлыми часами и отсюда же она среди бѣла-дня утаскивала какъ куръ, такъ и утокъ, пока—хотя

лишь послѣ долгаго выслѣживанія—нашъ натуралистъ не положилъ конецъ ей продѣлкамъ. Въ особенности часто находилъ Одюбонъ норку около Огайо и здѣсь онъ подмѣтилъ, что она можетъ сдѣлаться и полезною для человѣка истребленіемъ мышей и крысъ. Конечно, рядомъ съ этою охотою, служащею лишь къ выгодѣ человѣка, она занимается и всякаго рода браконьерствомъ, а въ томъ числѣ также и рыболовствомъ; при этомъ, въ послѣднемъ случаѣ, она въ состояніи иногда причинить величайшую досаду удильщику, въ рѣшительную минуту выскакивая изъ-подъ нависшаго берега и конфискуя пойманную имъ рыбу въ свою пользу. По наблюденіямъ нашего очевидца, американская норка плаваетъ и ныряетъ съ величайшею снаркою и, подобно выдрѣ, съ успѣхомъ охотится за самыми быстро-плавающими рыбами, за лососемъ и форелью. Въ крайности, норка, правда, довольствуется лягушкою или саламандрою, но когда ей представляется возможность выбора, то она оказывается весьма большою лакомкою. Благодаря своему тонкому обонянію, норка въ состояніи преслѣдовать свою добычу съ увѣренностью охотничьей собаки, и достовѣрные наблюдатели свидѣтельствуютъ, что она пользуется этою своею способностью въ обширнѣйшихъ размѣрахъ. Такъ, въ болотѣ норка преслѣдуетъ водяныхъ крысъ, болотныхъ трясогузокъ, зябликовъ и утокъ; на берегу озеръ—зайцевъ; въ морѣ—устриць, а со дна рѣкъ достаетъ раковины; короче, она умѣетъ приспособиться ко всякому мѣсту и всегда чѣмъ-либо воспользоваться. Но, со всѣмъ тѣмъ, предпочтительнѣе всего норка гнѣздится по скалистымъ берегамъ, а нерѣдко избираетъ себѣ логовище въ непосредственной близости пороговъ и водопадовъ. Будучи преслѣдуема, она постоянно бросается въ воду и ищетъ своего спасенія въ плаваніи и нырваніи. По землѣ норка бѣгаетъ довольно быстро, но все-таки скоро настигается собакою и тогда уже бываетъ принуждена прибѣгать и къ лазанію. Во время страха распростаняетъ, подобно хорьку, весьма противный запахъ.

Въ Сѣверной Америкѣ пора спариванія приходится въ концѣ февраля или въ началѣ марта. Въ это время земля еще бываетъ большею частью подъ снѣгомъ, а потому, руководясь слѣдами, оставляемыми на немъ, можно весьма явственно убѣдиться, какую страшную возню они тогда поднимаютъ. Возбужденные самцы ищутъ вдоль береговъ рѣкъ самокъ и случается, что, держась рѣчныхъ бассейновъ, они цѣлымъ стадомъ заходятъ въ такія мѣстности, гдѣ въ иное время норки или рѣдки или вовсе не появляются. Такъ, Одюбону въ одно только утро удалось застрѣлить шесть взрослыхъ самцовъ, которые несомнѣнно розыскивали самокъ. Этотъ-же естествоиспытатель получилъ въ теченіе одной недѣли также большое число американскихъ норокъ мужскаго пола и ни одной женскаго, вслѣдствіе чего онъ и высказываетъ мнѣніе, что въ пору спариванія самки укрываются въ норахъ. Что-же касается дѣтенышей, приносимыхъ самкой, то ихъ бываетъ пять или шесть, и ихъ находятъ или въ углубленіяхъ подъ нависшимъ берегомъ или на маленькихъ островкахъ, въ болотѣ, а также и въ дуплахъ деревьевъ. Если взять норку изъ гнѣзда вскорѣ послѣ рожденія, то онъ становятся необыкновенно ручными и дѣлаются истинными баловнями человѣка. Ричардсонъ видѣлъ однажды у одной жительницы Канады американскую норку, которую она носила днемъ въ карманѣ. Другая болѣе года проживала у Одюбона, причемъ, не боясь ея проказы, можно было дозволить ей свободно бѣгать и по двору, и по дому. Правда, она ловила крысъ, мышей, рыбъ и лягушекъ, но никогда не дотрогивалась до куръ. Съ собаками и кошками она состояла въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Болѣе всего оживленною и игривою бывала въ утренніе и вечерніе часы, а около полудня была сонная. Неприятнаго запаха она не издавала никогда.

Американская норка легко попадаетъ во всякаго рода западни и ловится такимъ способомъ столь же часто, какъ и подстрѣливается; но такъ какъ она весьма живуча, то и зарядъ на нее нуженъ хорошій.

Принцъ фонъ-Видъ подтверждаетъ описаніе Одюбона, но прибавляетъ также, что американская норка иногда за одинъ разъ умерщвляетъ болѣе, чѣмъ одну курицу, что зимою она часто питается одними рѣчными ракушками, вслѣдствіе чего вблизи ея жилища и находятъ много пустыхъ раковинъ отъ нихъ, что, тоже зимою, она зачастую приближается къ человѣческому жилью, вслѣдствіе чего часто тамъ ловится или убивается, и что, наконецъ, хотя американская норка, вытянувшись въ длину, чрезвычайно умѣло и быстро плаваетъ, но тѣмъ не менѣе она не можетъ долго оставаться подъ водою, вслѣдствіе чего часто и высовываетъ свой носъ, чтобы вздохнуть.

Свѣдѣнія о нашей норкѣ гораздо менѣе полны. Уже Вильдунгенъ, въ своемъ «Neujahrgeschenk für Forst und Jagdliebhaber», появившимся въ 1799 г. говорить, что норка весьма рѣдка въ Германіи, и что поэтому многимъ записнымъ охотникамъ она даже вовсе неизвѣстна; что самъ онъ уже давно стремился познакомиться съ нею и что это посчастливилось ему только благодаря неустаннымъ заботамъ графа Меллина. Изъ наблюденій же этого естествоиспытателя онъ сообщаетъ слѣдующее: «По своей походкѣ съдугообразно изогнутою кверху спиною, по своей расторопности и по способности пролѣзать въ самыя маленькія отверстія, норка приближается къ куніцѣ. Подобно хорьку она находится въ непрерывномъ движеніи, выпухивая и обшаривая всѣ уголки и щелочки. Бѣгаетъ она плохо, не лазаетъ также по деревьямъ, но, подобно обыкновенной выдрѣ, норка весьма искусна въ плаваніи и можетъ весьма долго оставаться подъ водою. Повидимому, она чувствуетъ себя слишкомъ слабою, чтобы противостоятъ напору быстротекущихъ стремнинъ, такъ какъ вдоль большихъ рѣкъ встрѣчается рѣже, чѣмъ по берегамъ проточныхъ водъ меньшихъ размѣровъ. Время спариванія приходится на февраль и мартъ, а въ апрѣлѣ или въ маѣ уже находятъ на возвышенныхъ, сухихъ мѣстахъ, въ расщелинахъ земли, между корнями деревьевъ, а также и въ норахъ, вырытыхъ самою норкою, дѣтенышей, рождающихся слѣпыми.

Норка любитъ жить въ мѣстахъ тихихъ и уединенныхъ, обособленныхъ. Она избѣгаетъ человѣка и хитро умѣетъ спастись отъ его преслѣдованія; тѣмъ не менѣе она нерѣдко посѣщаетъ птичники, гдѣ, подобно хорьку или куніцѣ, разбойничаетъ, пока или не передупитъ всю птицу или ее не спугнуть; но случается это однако только въ отдѣльно стоящихъ жилищахъ рыбаковъ, и я никогда не слыхалъ, чтобы норка забиралась съ этою цѣлю въ села. Обычную ея пищу составляютъ рыбы, лягушки, раки и улитки; но, вѣроятно добычею ея бываютъ также и молодые бекасы и водяныя курочки. Высокая цѣна шкурки норки, сохраняющей свою красоту и лѣтомъ, побуждаетъ усиленно преслѣдовать это животное, которое становится всѣмъ рѣже, и если бы на помощь къ нему не пришли нынѣшнія умѣренныя зимы, то возможно, что вскорѣ этотъ видъ животныхъ вполне былъ бы уничтоженъ, по крайней мѣрѣ въ Помераніи, гдѣ Меллинъ и наблюдалъ его».

Этимъ свѣдѣніями въ сущности исчерпывается все, что мы до сихъ поръ узнали объ европейской норкѣ. Опасеніе, будто норка совсѣмъ перевелась уже въ Германіи, что теперь высказывается почти всѣми охотниками, къ счастью лишено основанія. Норка еще встрѣчается въ Германіи повсюду, хотя вездѣ она весьма рѣдка и попадаетъ только по одиночкѣ. Настоящею-же родиною ея служить собственно восточная Европа, Финляндія, Польша, Литва и Россія. Здѣсь ее встрѣ-

чаютъ и не особенно рѣдко, отъ Балтійскаго моря до Урала, и отъ Сѣверной Двины до Чернаго моря. Живетъ она также въ Бессарабіи, Трансильваніи и Галиціи. Въ Моравіи она принадлежитъ къ весьма рѣдкимъ животнымъ, но мѣстами встрѣчается и тамъ: кое-когда норка ловится также въ Силезіи. Къ концу прошлаго столѣтія примѣчали ее иногда въ Мекленбургѣ и въ маркграфствѣ Бранденбургскомъ. Въ охотничьихъ запискахъ графовъ Шуленбургъ-Вольфсбургъ она упоминается довольно часто. Убивали ее именно въ болотистыхъ низменностяхъ рѣки Аллеръ. Въ этомъ столѣтіи она стала уже весьма рѣдка, хотя въ видѣ отдѣльныхъ экземпляровъ все-таки еще встрѣчается. По Блазиусу, одна норка была поймана въ 1852 году на Гарцѣ въ графствѣ Штольбергъ; другая, по Гартигу, въ 1859 году, вблизи Брауншвейга, а третья убита въ Людвигслустѣ въ Мекленбургѣ. Здѣсь, какъ мнѣ это извѣстно изъ согласующихся между собою свѣдѣній, норка вообще не должна быть рѣдка; по крайней мѣрѣ ее ежегодно убиваютъ и шкурка ея продается скорнякамъ. Говорили также, что норка встрѣчается въ Голштиніи, но достовѣрныхъ свѣдѣній, однако, объ этомъ нѣтъ. Тѣмъ въ особенности было пріятно для меня получить отъ основательнаго натуралиста, лѣсничаго Клаудиуса, нижеслѣдующіи данныя:

«Сколько мнѣ до сихъ поръ», пишетъ онъ, «было извѣстно, норка встрѣчается въ окрестностяхъ Любека на пространствѣ, правда, всего лишь въ нѣсколько квадратныхъ миль; но въ этой мѣстности она уже не настолько рѣдка, чтобы хотя поверхностно не быть извѣстною каждому охотнику по ремеслу, подъ именемъ Menk'a или Ottermenk'a. Границами для этой области распространенія норки могутъ служить озера: на сѣверѣ—Гиммельдорфское, на югѣ—Шалльское, а на востокѣ—Дассоверское. Однако, норка встрѣчается и здѣсь въ одиночку, а такъ какъ за ея невыдѣланную шкурку довольно дешево платятъ, то, вслѣдствіе этихъ причинъ, на нее и не обращаютъ здѣсь особеннаго вниманія. Не слыхалъ я также, чтобы норку подманивали на какой-нибудь лакомый кусочекъ, или же ловили при посредствѣ какой-нибудь особенной ловушки, рассчитанной на пребываніе норки въ водѣ. Почти всегда она попадаетъ въ руки охотника случайно и рѣдко когда-либо въ иное время, чѣмъ зимою, такъ какъ только тогда, да и то чаще всего при морозѣ, можно преслѣдовать этого хищника по болотамъ и озерамъ, гдѣ онъ обыкновенно водится. Поэтому о жизни норки въ остальную половину года—что для натуралиста было-бы очень важно—нельзя получить почти никакихъ свѣдѣній. О томъ, что дѣтеныши ея были найдены въ гнѣздѣ, я слышалъ всего лишь однажды. Вообще же норка по большей части невзначай оказывается подъ ружьемъ на охотѣ за утками и тутъ конечно ее не щадятъ, такъ какъ и лѣтняя шкурка ея красива. При одномъ изъ такихъ-то случаевъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по сосѣдству со мною и была, выстрѣломъ изъ ружья, свалена съ макушки ивы одна норка, которой собаки преградили путь къ водѣ.

«Норка любитъ тонкія и поросшія кустарникомъ окрестности озеръ и рѣкъ, гдѣ она, подобно хорьку, на кочкѣ или на другомъ возвышеніи устраиваетъ между вѣтвями корней ольховыхъ деревьевъ свое жилище, которое чаще всего находится въ самомъ ближайшемъ разстояніи отъ воды и бываетъ снабжено немногими выходами, обращенными тоже въ сторону воды. Особыхъ ходовъ для выхода въ случаѣ опасности въ какомъ-нибудь другомъ направленіи или же къ сосѣднимъ кочкамъ у норки встрѣтить нельзя. Въ то время какъ хорекъ, потревоженный въ своемъ логовищѣ, никогда не бросается въ сторону воды, но всегда ищетъ спасенія бѣгствомъ на сушѣ и находитъ въ достаточномъ количествѣ разные уголки, чтобы спрятаться, норка, при такихъ же обстоятельствахъ, тотчасъ, какъ можно

скорѣе стремится къ водѣ и исчезаетъ отъ взоровъ. Достопримѣчательно при этомъ бѣгствѣ то, что, плыва, она не гребетъ попеременно, какъ это дѣлаетъ хорекъ, но изгибается толчками, двигая передними и задними конечностями заразъ, и дѣлаетъ это съ чрезвычайною скоростью. Подстрѣлить ее на водѣ удается рѣдко, такъ какъ она по-долгу остается подъ поверхностью и появляется всегда на какомъ-нибудь отдаленномъ мѣстѣ. Находясь въ водѣ, даже въ ограниченномъ пространствѣ, она застрахована отъ собаки. Слѣды отъ лапъ, а также и самыя стежки столь сходны со слѣдами и стежками хорька, что даже опытный охотникъ легко можетъ быть введенъ въ обманъ: именно, при обычной походкѣ норки, на почвѣ вовсе не отпечатывается та короткая плавательная перепонка, которая находится у ней между пальцами. Зимую норку слѣдуетъ искать тамъ, гдѣ вода обыкновенно долго не замерзаетъ: въ канавахъ съ большимъ уклономъ, около ручьевъ, надъ родниками, гдѣ въ то-же время равнымъ образомъ встрѣчается и хорекъ, который, какъ извѣстно, неумоимо вылавливаетъ лягушекъ также и изъ-подъ льда. Здѣсь-то иногда и бываетъ возможно увидѣть норку сидящую на льду около самого выхода изъ воды и всю вымазанную рѣчнымъ иломъ.

Впослѣдствіи тотъ-же Клаудіусъ помѣстилъ въ охотничьемъ журналѣ и дальнѣйшія сообщенія о нашемъ животномъ, въ которыхъ, между прочимъ, онъ замѣчаетъ, что къ «тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ норка водится и которыя, пока не измѣнятся мѣстные условія, повидимому подають нѣкоторую надежду на сохраненіе этого вида животныхъ, принадлежитъ и такъ называемый Вагениць, — потокъ воды, при посредствѣ котораго Рацебургское озеро изливается около Любека въ рѣку Траве; потокъ этотъ въ длину имѣетъ приблизительно около двухъ миль; почти сплошь, на всемъ своемъ протяженіи онъ имѣетъ плоскіе берега и такой слабый наклонъ, что о теченіи въ немъ едва-ли можно говорить. Берега его на большое разстояніе отъ воды представляютъ настоящіе болота, покрытыя кустарникомъ и ольховыми деревьями. О томъ же, что здѣсь встрѣчается норка, я узналъ отъ одного изъ моихъ полѣсовщиковъ. Въ этой мѣстности пойманная рыба сохраняется не въ закрытыхъ садкахъ, а въ неимѣющихъ крышекъ ивовыхъ корзинкахъ около береговъ маленькихъ, отчасти искусственныхъ островковъ вблизи жилищъ; очевидно, что столь легко доставаемая добычею норка не пренебрежетъ; но если ей и можно было-бы удѣлить одну или двѣ рыбы, то нельзя простить того вреда, который она причиняетъ, перекусывая ивовые прутья, толщиною часто въ большой палець, вмѣсто того, чтобы перелѣзть черезъ край корзины, какъ это въ точно такомъ же случаѣ сдѣлалъ-бы хорекъ. Конечно, обнаруженіе этихъ проказъ животнаго служитъ ему же на пагубу, хотя ловушки, устраиваемыя при этомъ рыбаками, дѣлаются такъ небрежно, что вызвали во мнѣ улыбку; почему и норка въ нихъ рѣдко попадаетъ. Поступають именно такъ: чаще всего, при первомъ сильномъ морозѣ, когда норка начинаетъ претерпѣвать нужду, разбрасываютъ по вышеупомянутымъ островамъ рыбу, ставятъ штуки двѣ хорошихъ крысѣныхъ капкановъ, кое-какъ маскируютъ ихъ и укрѣпляютъ такимъ-же образомъ, какъ это, дѣлають, выставляя капканы для выдры, т. е. очень близко отъ воды; на мѣста выхода норки изъ воды, а также и на ея стежки не обращаютъ при этомъ никакого вниманія: паблюдаются лишь только одни удобства ловца. Несмотря на все это хищникъ въ большинствѣ случаевъ вскорѣ все-таки попадаетъ, что мало говоритъ въ пользу его осторожности, хотя вообще норка очень осторожна вблизи человѣческаго жилья».

Прошли годы, прежде чѣмъ черезъ Клаудіуса я могъ наконецъ приобрѣсти живую норку. Только въ началѣ 1868 года мой неумоимый другъ могъ сообщить мнѣ, что поймана и уже доставлена ему самка норки, которая, питаясь молокомъ

и свѣжимъ мясомъ, весьма хорошо себя чувствуетъ и относительно которой воспитатель, въ виду спокойнаго настроенія плѣнницы, выражалъ надежду, что вскорѣ удастся залѣчить рану, причиненную ей капканомъ. «Норка», писалъ мнѣ Клаудиусъ, «гораздо благонравнѣе, чѣмъ родственныя ей животныя и сердится только въ томъ случаѣ, когда ее умышленно дразнить; въ другое время она предпочитаетъ вовсе не обращать на меня вниманія, хотя и позволяеть, не раздражаясь, поглаживать себя палочкою. По цѣлымъ днямъ лежитъ она, свернувшись въ клубокъ на подстилкѣ изъ сѣна, на одной сторонѣ клѣтки, между тѣмъ какъ на другой она постоянно испражняется и мочится; по ночамъ она бродитъ вокругъ своего довольно просторнаго жилья и нѣсколько уже разъ успѣвала уходить изъ него. Но только въ первый побѣгъ я нашелъ ее запрятавшеюся въ углу комнаты; впослѣдствіи же, если она ночью и ускользала изъ клѣтки, то на утро я всегда находилъ ее на ея постели, такъ что выходило, что ночныя странствованія служили ей болѣе развлеченіями, чѣмъ попытку къ освобожденію изъ неволи».

Затѣмъ, когда норка вполне освоилась со своимъ плѣномъ и сдѣлалась до того ручною, что не сопротивлялась, когда къ ней прикасался ея воспитатель, а также стала воспримчивою и къ ласкамъ, Клаудиусъ переслалъ мнѣ ее въ закрытомъ ящикѣ. Уже по одному тому, что при вскрытіи этого ящика совершенно не ощущалось противнаго запаха, что непременно было бы въ случаѣ присутствія хорька, я заключилъ, что передо мною дѣйствительно норка. О ней-же я долженъ сказать, что едва-ли какое-либо животное доставляло мнѣ столько радостей, какъ этотъ видъ европейскихъ куницъ, котораго я ждалъ нѣсколько лѣтъ и потому сохранялъ у себя немалое число годовъ. Къ сожалѣнію, не было суждено исполниться моей надеждѣ добыть самца и такимъ образомъ можетъ быть выяснитъ и данныя о размноженіи норокъ. Что-же касается времяпрепровожденія этой норки, то въ теченіе цѣлаго дня она лежала свернувшись въ своемъ логовищѣ, которое было устроено въ ящикѣ, запирающемся спереди и отсюда не всегда, даже при посредствѣ лаковаго кусочка, удавалось не только ее выманить, но даже побудить подняться. Отзываясь на зовъ, а также сблизясь до извѣстной степени со своимъ надсмотрщикомъ, норка вовсе не обнаруживала дружескаго расположенія въ своему воспитателю, а скорѣе проявляла явную самостоятельность и покорялась человѣку лишь настолько, насколько это ей нравилось. Главною причиною этого было, конечно, содержаніе ея въ клѣткѣ; по крайней мѣрѣ я не сомнѣваюсь, что еслибы можно было ее держать на свободѣ, то она вѣроятно уже давно-бы превратилась въ такого-же баловня, какъ лучшая комнатная собачка. Только по наступленіи поздняго вечера, и во всякомъ случаѣ не раньше заката солнца, покидала норка свою постель и начинала бродить по своей клѣткѣ, что и продолжалось цѣлую ночь. Такой образъ жизни соблюдала она повседневно и этимъ въ достаточной мѣрѣ объясняется мало извѣстный ея образъ жизни на свободѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кто-же въ состояніи слѣдить въ темнотѣ за норкою въ ея тайникахъ, въ топяхъ или болотахъ?—что касается движеній норки, то—насколько я могъ судить о нихъ по моей, заключенной въ тѣсномъ пространствѣ плѣнницѣ—они ближе всего подходятъ къ движеніямъ хорька. Однако, обладая всею ловкостью куницы, норка не обнаруживаетъ того навыка въ лазаніи, который наблюдается у наиболѣе выдающихся видовъ ея семейства, и, въ равной степени, столь-же мало и ихъ болѣе охоты къ движенію; въ послѣднемъ отношеніи про норку можно-бы сказать, что безъ пользы для себя она не дѣлаетъ ни одного шага. Лѣсная куница иногда по пѣлымъ часамъ выдѣлываетъ въ клѣткѣ странныя скачки; норка же, насколько я наблюдалъ ее, никогда не предается такимъ забавамъ. Припрыгивая немного

на ходу, норка скорѣе прокрадывается, чѣмъ идетъ, быстро и ловко минуетъ она всѣ неровности, но придерживается земли и не стремится въ высоту. Въ воду ни съ того, ни съ сего норка не идетъ, а заманивается туда только добычею; но не зависѣла-ли бросающаяся въ глаза ея сдержанность отъ отсутствія въ клѣткѣ бассейна для плаванія? При всѣхъ движеніяхъ весьма умная головка норки ни на минуту не остается въ покоѣ; пронизательный взоръ непрерывно озираетъ все пространство, а маленькія уши все время насторожены самымъ бдительнымъ образомъ. Если ей попадется живымъ какое-либо животное изъ тѣхъ, за которыми она охотится, она въ одно мгновеніе оказывается около него, хватаетъ жертву съ совершеннѣйшею привычною кунцы, быстрыми, двумя-тремя укусами умерщвляетъ ее и утаскиваетъ въ свою нору. Если передъ нею пищи больше, чѣмъ ей нужно, то, одну за другою, она перетаскиваетъ въ свой спальный ящичекъ всѣ жертвы, но обыкновенно отъ каждой насоро съѣдаетъ по немногу и отбрасываетъ ее затѣмъ въ сторону только тогда, когда что-либо другое возбуждаетъ ея страсть къ убійству.

Рыбы и лягушки составляютъ повидимому самую любимую ея пищу, хотя Клаудиусъ и полагаетъ, что норка предпочитаетъ всему мясу млекопитающихъ и птицъ и тогда только принимается за рыбу, когда не можетъ раздобыться другимъ мясомъ. Правда, она не трогаетъ рыбы, если ей въ то-же время предложить живыми: мышъ, птицу или ящерицу; но въ этихъ случаяхъ ее возбуждаютъ только движенія, обнаруживаемыя находящеюся передъ нею добычею, и она торопится выказать свою споровку въ ловлѣ и въ задушеніи. Но если предложить ей рыбку послѣ того, какъ она умертвить свою жертву, то обыкновенно она прежде всего беретъ за рыбу или, самое большее, что предпочитаетъ ей лягушку. Что при выборѣ норкою пищи не остается безъ вліянія также и привычка, доказываютъ наблюденія Шмидта надъ одной воспитываемой имъ норкою, которая, безъ всякихъ околичностей, хватала раковъ и не смущалась ихъ защитою, между тѣмъ какъ моя плѣнница до сихъ поръ упорно пренебрегала всѣми предлагавшимися ей раками. Также давалъ я ей неоднократно и яйца; однако и ихъ она не трогала, хотя я все-таки охотно допущу, что, будучи на свободѣ, она, подобно всѣмъ кунцамъ, производитъ хищничества и въ птичьихъ гнѣздахъ; во всякомъ случаѣ, я не осмѣлился-бы по одной норкѣ дѣлать заключенія обо всѣхъ или по крайней мѣрѣ о тѣхъ изъ нихъ, которыя пребываютъ на свободѣ. Въ особенности поражало меня, что моя плѣнница гораздо болѣе боится воды, чѣмъ-бы это можно было повидимому ожидать отъ нея. Выдра даже въ самомъ небольшомъ пространствѣ пытается пользоваться какимъ-бы то ни было способомъ родственною ей стихіею; норка же о ней не помышляетъ, и водою она пользуется только для питья, но не для купанья, и не какъ ареною для своихъ забавъ..

Въ сравненіи съ численностью шкурокъ американской норки, которая подѣ этимъ именемъ и попадаетъ на рынокъ, количество шкурокъ европейской норки весьма незначительно: по Ломеру, два десятилѣтія тому назадъ ежегодно добывалось: 55,000 шкурокъ европейской норки и 160,000 шкурокъ американской норки; теперь же добываніе шкурокъ американской норки увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое. (такъ, въ 1888 году оно равнялось 370,000.) Что-же касается цѣнности, то въ концѣ 60-хъ годовъ шкурка американской норки цѣнилась отъ 9 до 30 марокъ, а шкурка русской норки среднимъ числомъ лишь отъ 3 до 6 марокъ; теперь же американская норка цѣнится отъ 4 до 10, а русская отъ 1½ до 4 марокъ. Цѣны иногда мѣняются весьма быстро. Различіе же между обѣими шкурками значительно: именно, волосъ американской норки тоньше и къ-тому-же прочнѣе. Лучшія шкур-

ки американской норки доставляют восточные берега Сѣверной Америки, Новая Англія и Мэнь.

* * *

Россобаха, одно изъ самыхъ неуклюжихъ созданий семейства куницъ, является представителемъ особаго рода (*Gulo*), имѣющаго слѣдующіе отличительные признаки: туловище мощное и короткое; хвостъ короткий и весьма густой; спина дугообразно изогнута кверху; голова велика, морда удлинена, но оканчивается довольно

Россобаха. *Gulo borealis*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

тупо; ноги короткія и сильныя, большія ступени съ пятью пальцами, вооруженными острыми, крючковатыми и короткими когтями. Черепъ сходенъ съ черепомъ барсука, но нѣсколько шире, короче и весьма выпуклый, такъ что лобъ и спинка носа сильно выдаются впередъ; зубная система весьма сильна, плотоядные зубы сильно развиты вверху и внизу, бугорчатый зубъ въ верхней челюсти расположенъ поперекъ и ширина его вдвое больше длины, нижній же бугорчатый зубъ, напротивъ, больше въ длину, чѣмъ въ ширину. Число позвонковъ, къ которымъ прикрѣпляются

ребра, достигаетъ 15 или 16; затѣмъ 4 или 5 позвонковъ не имѣютъ реберъ, 4 образуютъ крестецъ и 14 хвостъ.

Россосомаха (*Gulo borealis*, *Ursus*, *Mustela* и *Taxus gulo*, *Ursus sibiricus*, *Gulo vulgaris*, *arcticus*, *luscus*, *volverene* и *leucurus*, *Vielfrass*, *Glouton*) имѣетъ въ длину отъ 95 см. до 1 метра, изъ которыхъ отъ 12 до 15 см. приходится на хвостъ; высота плечъ отъ 40 до 45 см. Волосы на мордѣ коротки и тонки, на ногахъ грубы и блестящи, на туловищѣ длинны и косматы; наконецъ, на бедрахъ, боковыхъ полосахъ и на хвостѣ жестки и весьма длинны. Темя и затылокъ черно-бураго цвѣта, но съ примѣсю сѣрыхъ волосъ; спина, нижняя часть и ноги чисто чернаго цвѣта; свѣтло-сѣрое пятно находится между глазами и ушами, а свѣтло-сѣрая полоса, начиная съ лопатки, проходитъ съ каждой стороны вдоль всего туловища. Подшерстокъ сѣрый, а на нижней сторонѣ тѣла буроватый.

Россосомаха живетъ на сѣверѣ земного шара. Начиная съ южной Норвегіи и Финмаркена, она водится во всей сѣверной Азіи и Сѣверной Америкѣ до Гренландіи. Южная же граница ея распространенія въ Европѣ прежде простиралась до меньшихъ широтъ, чѣмъ нынѣ: именно, въ эпоху сѣвернаго оленя она доходила до Альпъ. Эйхвальдъ утверждаетъ, что россосомаха еще и позже появилась въ литовскихъ лѣсахъ; Бринкенъ наблюдалъ ее нѣсколькочесятилѣтій тому назадъ въ Бѣловѣжской пушчѣ, гдѣ она теперь уже не попадается; Бехштейнъ рассказываетъ о россосомахѣ, которая была убита около Фраценштейна въ Саксоніи, а Циммерманъ—о другой, убитой въ Хельмштедтѣ въ Брауншвейгѣ. Однако изъ этихъ послѣднихъ животныхъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на случайно попавшихъ въ Германію, такъ какъ нельзя допустить, чтобы россосомаха и въ столь позднія времена постоянно жила такъ далеко на югѣ. Въ настоящее же время она встрѣчается въ Норвегіи, Швеціи, Лапландіи, сѣверной Россіи (именно около Бѣлаго моря, Перми, во всей Сибири, въ Камчаткѣ) и въ Сѣверной Америкѣ.

Прежніе естествоиспытатели рассказываютъ про россосомаху баснословныя вещи, и именно этому и слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что россосомаха почти на всѣхъ языкахъ носитъ однозначущее имя. Что же касается въ частности нѣмецкаго названія ея, то много было положено труда на доказательство заплемности его отъ шведскаго и датскаго наименованій. Такъ, по однимъ, нѣмецкое *Vielfrass* будто-бы составлено изъ *Fial* и *Fräss* и значитъ каменная кошка; однако Ленцъ утверждаетъ, что слово *Vielfrass* вовсе не имѣетъ никакого отношенія къ шведскому языку, а также отвергаетъ и мнѣніе, будто это слово финскаго происхожденія. Мнѣнія самихъ шведовъ о значеніи данного слова столь неточны, что всякая мысль о заимствованіи его изъ шведскаго языка должна быть оставлена. У финновъ данное животное называется «кампи», причемъ этимъ же названіемъ обозначается также и барсукъ; а у скандинавовъ—«герфъ»; камчадалы зовутъ его «димугъ»; и, наконецъ, американцы—«вольферене». Весьма вѣроятно, что послѣ первыхъ повѣствованій объ этомъ животномъ, названіе его было переведено по нѣмецки и только послѣ этого перешло также и въ другіе языки. А если перечестъ эти рассказы и повѣрить имъ, то, конечно, должно будетъ согласиться и съ стародавнимъ дѣтскимъ приговоромъ стихомъ, гласящимъ, что

«*Vielfrass nennt man dieses Thier,*

«*Wegen seiner Fressbegier.* 1).

Миховъ говоритъ слѣдующее: «Въ Литвѣ и въ Московіи существуетъ весьма прожорливое животное, называемое тамъ «россомахою». Оно величиною съ собаку, съ глазами какъ у кошки, весьма сильными когтями, длинноволосымъ, бурымъ тѣ-

1) Животное это называется обжорою изъ-за его жадности.

ломъ и хвостомъ, какъ у лисицы, но короче. Если ей встрѣтится мертвечина, то она ѣстъ ее до тѣхъ поръ, пока ея животъ не раздуется какъ барабанъ; тогда она протискивается между двумя близкостоящими деревьями, чтобы освободиться отъ испражнений, возвращается къ падали опять, наѣдается снова, опять выжимаетъ изъ себя излишнее при посредствѣ деревьевъ-же, и снова ѣстъ, пока не сожретъ всей падали. Повидимому она только и дѣлаетъ, что ѣстъ, пьетъ и затѣмъ опять ѣстъ». Такимъ-же образомъ описываетъ росомаху и Геснеръ; но Олаусъ Магнусъ сообщаетъ о ней еще и слѣдующее: «Изъ всѣхъ животныхъ это единственное, которое изъ-за своей постоянной прожорливости въ Швеціи было названо «jerg», а въ Германіи «Vielfrass». Мясо его негодно къ употребленію и только мѣхъ весьма пригоденъ, цѣненъ и очень красиво отцвѣчиваетъ, въ особенности въ томъ случаѣ, когда искусственно будетъ соединенъ съ другими цвѣтами. Только государи и другіе великіе мужи носятъ изъ него мантии, и это не только въ Швеціи, но также и въ Германіи, гдѣ онъ, изъ-за своей рѣдкости, цѣнится еще болѣе. Также не особенно охотно туземцы выпускаютъ эти мѣха и изъ своихъ странъ, такъ какъ обыкновенно они, при посредствѣ этихъ мѣховъ, чувствуютъ своихъ зимнихъ гостей, находя, что ничего не можетъ быть пріятнѣе и красивѣе, какъ имѣть возможность предложить своимъ друзьямъ постели изъ такого мѣха. При этомъ не слѣдуетъ мнѣ также умолчать о томъ фактѣ, что носящіе платье изъ такого мѣха никогда не могутъ ни наѣсться, ни напиться. Охотники пьютъ кровь этого животнаго, и она-же, въ смѣси съ теплою водою и медомъ, попадаетъ также и на свадьбахъ. Жиръ помогаетъ при гнилыхъ язвахъ и т. д. Охотники изобрѣли много уловокъ, чтобы заманивать это хитрое животное. Они кладутъ въ лѣсу падалъ, когда она еще свѣжа. Россомеха тотчасъ-же пронюхиваетъ это, наѣдается затѣмъ вволю, а когда, не безъ большихъ мученій, станеть протискиваться между деревьями, то въ это время ее и пронизываютъ стрѣлою. Ставятъ также и капканы, которые ее душатъ. Поймать ее при посредствѣ собакъ едва-ли можно, такъ какъ, вслѣдствіе ея острыхъ когтей и зубовъ, собаки опасаются ее болѣе, чѣмъ волка». Стеллеръ уже опровергаетъ вышеупомянутыя невѣроятныя басни, а Палласъ даетъ вѣрное описаніе образа жизни этого страннаго созданія.

Россомеха живетъ въ гористыхъ областяхъ сѣвера, предпочитая, напр., оголенные высоты Скандинавскихъ Альпъ необъятнымъ лѣсамъ болѣе низменныхъ нагорій. При этомъ болѣе необитаемый пустырь служить любимымъ мѣстомъ ея пребыванія. Но определенныхъ пристанищъ у ней не существуетъ и она мѣняетъ убѣжища, смотря по случаю, укрываясь тамъ, куда приведетъ ее ночь, въ любомъ мѣстѣ, могущемъ служить ей убѣжищемъ, при чемъ все равно, будетъ-ли это лѣсная чаща или ущелья между скалъ, покинутаая лисицею нора или-же какое-либо другое, природное углубленіе. Будучи, подобно всѣмъ куніцамъ, животнымъ болѣе ночнымъ, чѣмъ дневнымъ, она бродитъ по своей малообитаемой родинѣ когда ей вздумается, показываясь также и при солнечномъ свѣтѣ, къ чему ее, помимо всѣхъ другихъ обстоятельствъ, вынуждаетъ также, какъ извѣстно, и длящееся мѣсяцами пребываніе солнца днемъ и ночью на небѣ въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ той области, въ которой она обитаетъ. Въ южныхъ пограничныхъ областяхъ Восточной Сибири, посѣщеныхъ Радде, существованіе росомахи связано гораздо болѣе съ существованіемъ кабарги, чѣмъ сѣвернаго оленя. Но такъ какъ присутствіе перваго изъ тотчасъ названныхъ жвачныхъ животныхъ въ сущности зависитъ отъ рода растительности въ данной области, то и кабарга и росомаха чаще всего встрѣчаются тамъ, гдѣ на широкораскинувшихся блѣдножелтыхъ и сѣрыхъ, поросшихъ лишаями, пространствахъ, альпійская флора еще серашиваетъ

самую крайнюю границу произрастанія древесныхъ породъ; впрочемъ на высотѣ въ среднемъ 1000 метровъ надъ уровнемъ моря, оба животныхъ, даже и въ области роскошной растительности, встрѣчаются вообще лишь случайно, да и то въ видѣ отдѣльныхъ экземпляровъ. Соответственно этому, въ восточной части Саянскаго хребта росомаха оказывается рѣшительнымъ обитателемъ горъ и такимъ именно, который, не имѣя опредѣленнаго пристанища, постоянно бродитъ по тѣмъ мѣстностямъ высокихъ горныхъ кряжей, на которыхъ имѣются стежки кабарги. При подобныхъ обстоятельствахъ встрѣчается она повсюду также на югѣ Сибири и точно такимъ-же образомъ—хотя и съ примѣненіями къ мѣстнымъ особенностямъ—опредѣляются условія расселенія росомахи также и по сѣверу Америки.

Зимою—которую, подобно наиболѣе родственнымъ ей куницамъ, росомаха проводитъ, не предаваясь долговременной спячкѣ—она, благодаря своимъ широкимъ ступнямъ, можетъ легко держаться на снѣгу, а такъ какъ она, къ тому же, не разборчива въ пищѣ, то, никогда не впадая въ большую нужду, и въ состояніи пользоваться привольною и беззаботною жизнью. Ея движенія весьма своеобразны и именно отъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ животныхъ она отличается своею походкою. Росомаха двигается большими прыжками, какъ-бы прихрамывая и даже кувыряясь. Несмотря, однако, на всѣ эти неуклюжія тѣлодвиженія, описанный способъ ходьбы все-таки выполняется росомахою настолько быстро, что она легко можетъ достигать мелкихъ млекопитающихъ, а при долгомъ дліищемся преслѣдованіи въ состояніи также близко держаться позади утомленныхъ большихъ животныхъ. На снѣгу ея слѣды, соответственно тотчасъ описанной походкѣ, обозначаются глубокими впадинами, въ которыя она впрыгиваетъ всѣми четырьмя ногами. И между тѣмъ какъ преслѣдуемая дичь сильно вязнетъ въ снѣгу, своеобразная походка росомахи совершенно особенно благоприятствуетъ легкому передвиженію ея впередъ. Не зѣрая затѣмъ на свою неловкость, она умѣетъ забираться на низкія деревья, гдѣ, плотно прижавшись, лежитъ въ такихъ случаяхъ на-сторожѣ, выжидая прохожденія подъ деревомъ своей добычи. Изъ пяти чувствъ, болѣе всего развито у росомахи обоняніе; однако-же достаточно остры также зрѣніе и слухъ.

Главную пищу росомахи составляютъ различные виды сѣверныхъ грызуновъ, а именно—пеструшки, которыхъ она истребляетъ въ количествѣ, возбуждающемъ удивленіе; такъ какъ въ нѣкоторые годы этихъ животныхъ бываетъ весьма много, то росомахѣ едва-ли и приходится искать другой дичи. Слѣдуетъ она также за волками и лисицами въ ихъ экскурсіяхъ, въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь изъ добычи этихъ хищниковъ. Наконецъ, въ случаѣ нужды, росомаха дополняетъ недостающее ей и болѣе вышешо охотою. Такъ, извѣстно, что она нападаетъ и осиливаетъ какъ оленя, такъ даже и лося. Далѣе, Тунбергъ сообщаетъ, что, перегрызая горло, росомаха умерщвляетъ коровъ; а Левенгельмъ, въ описаніи своего путешествія въ сѣверныя страны, упоминаетъ, въ свою очередь, о томъ вредѣ, который росомаха причиняетъ стадамъ овецъ. Также и остяки общали Эрманну о томъ, что, вспрыгнувъ лося на затылокъ, росомаха загрызаетъ его до смерти. Со всѣмъ этимъ вполне согласуются въ свою очередь и показанія Радде. Такъ, въ гористыхъ мѣстностяхъ около Байкальскаго озера, росомаха, часто приближающаяся тамъ къ поселеніямъ человѣка, считается бичемъ для молодого рогатаго скота. Однако случившееся въ 1855 году переселеніе оленей изъ Восточныхъ Саянскихъ горъ къ югу, въ гористыя же мѣстности около источниковъ Енисея, не обнаружило вліянія на образъ жизни росомахи; туземцы даже утверждали, будто-бы она никогда не нападаетъ на оленя, но питается

исключительно кабаргою. Мой егеръ, Эрикъ Свенсонъ, рассказывалъ мнѣ, что въ Скандинавіи, въ особенности при глубокомъ снѣгѣ, росомаха, при вѣтрѣ, тихо подкрадывается къ бѣлымъ куропаткамъ, преслѣдуетъ этихъ птицъ въ вырываемыхъ ими углубленіяхъ въ снѣгу и легко ихъ хватаетъ. Охотники въ высшей степени ненавидятъ росомаху. Мой спутникъ, во время путешествія въ Норвегію, увѣрялъ меня, что каждый убитый олень, если не будетъ тщательно заваленъ камнями, въ отсутствіе охотника, будетъ обѣденъ росомахою. Весьма часто таскаетъ она также изъ ловушекъ приманки или же съѣдаетъ и пойманное тамъ животное. Также точно поступаетъ она въ Сибири и въ Америкѣ. Значительныя опустошенія часто производитъ она и въ хижинахъ лапландцевъ. Когтями прокладывая себѣ путь чрезъ двери и крыши, она похищаетъ мясо, сыръ, сушеное мясо и тому подобное; также разрываетъ сохраняемыя тамъ кожи и при, большомъ голодѣ, съѣдаетъ часть и ихъ. Зимомъ она все время, и днемъ и ночью, на ногахъ, а при усталости вырываетъ себѣ въ снѣгу яму, ложится въ нее, позволяетъ занести себя снѣгомъ и такимъ образомъ уютно успокаивается въ вполне тепломъ логовищѣ.

Поймавъ маленькое животное, росомаха съѣдаетъ его тутъ-же, съ кожей и съ волосами; но большое животное она весьма тщательно зарываетъ и ѣсть его въ нѣсколько пріемовъ. Самоѣды утверждаютъ, что она отрываетъ также трупы людей и, слѣдовательно, при случаѣ питается и ими.

Росомаха, вслѣдствіе своей обширной дѣятельности въ качествѣ хищнаго животнаго, конечно, не находится въ особенномъ почетѣ у всѣхъ сѣверныхъ племенъ, которыя за ней охотятся и гдѣ только возможно преслѣдуютъ и убиваютъ ее, хотя мѣхомъ отъ нея пользуются и не всюду. Впрочемъ, камчадалы цѣнятъ его весьма высоко и полагаютъ, что болѣе красиваго мѣха вовсе не существуетъ. При этомъ бѣловато-желтые мѣха, которые считаются европейцами за самые дурные, какъ разъ обратно признаются ими самыми красивыми, при чемъ они твердо убѣждены, что богъ неба, «Вулутчей», носитъ одѣяніе изъ мѣха росомахи. Ихъ кокетливыя женщины прикрѣпляютъ къ своей головѣ, повыше ушей, по два лоскутка, величиною въ ладонь, росомахиной шкурки; поэтому если камчадалъ хочетъ слѣлать особенную любезность женѣ или возлюбленной, то покупаетъ имъ такіе лоскутки; цѣна же ихъ одинакова со шкуркою бобра. Любовь къ этимъ украшеніямъ заходитъ такъ далеко, что тѣ женщины, у которыхъ ихъ нѣтъ, носятъ окрашенные лоскутки изъ шкурки морской утки. Тѣмъ не менѣе, несмотря на такую значительную цѣнность шкурки, росомаха, по словамъ Стеллера, встрѣчается въ Камчаткѣ часто, такъ какъ жители не умѣютъ ее ловить и пользуются лишь случайно тѣми изъ этихъ животныхъ, которыя попадаютъ въ западни для лисицъ.

Охотясь за росомахою, эскимось ложится ничкомъ передъ ея норомъ и ждетъ пока она выйдетъ; затѣмъ вскакиваетъ, затыкаетъ отверстіе въ нору и спускаетъ своихъ собакъ, которыя, хотя и не охотно идутъ на такую дичь, но все-таки хватаютъ звѣря. Здѣсь подоспѣваетъ охотникъ, забрасываетъ хищнику на шею петлю и умерщвляетъ его. Въ Норвегіи же и въ Лапландіи охотятся уже съ ружьемъ.

Какъ къ противнику, къ росомахѣ, несмотря на ея незначительную величину, вовсе нельзя относиться презрительно, такъ какъ она, несоразмѣрно со своимъ объемомъ, сильна, свирѣпа и защищается упорно. Увѣряютъ, будто-бы ее избѣгаютъ даже медвѣди и волки; послѣдніе, впрочемъ, вообще не должны были-бы, вѣроятно, даже и касаться ея, вслѣдствіе распространяемаго ею аловонія. На чело-

вѣка набрасывается она только въ такомъ случаѣ, когда не можетъ ускользнуть. Обыкновенно же, увидя охотника, росомаха спасается бѣгствомъ, а, въ случаѣ преслѣдованія, взбирается на дерево или на самую высокую вершину скалы, гдѣ не можетъ уже быть настигнута своимъ врагомъ. Быстро бѣгающія собаки скоро догоняютъ росомаху на ровныхъ, безлѣсныхъ мѣстахъ, но отбивается она отъ нихъ и мужественно, и съ большимъ искусствомъ. Едва ли даже одна собака въ состояннн осилить росомаху, а иногда лишь съ трудомъ удается восторжествовать надъ нею даже и нѣсколькимъ собакамъ. При этомъ если росомахѣ не удалось спастись отъ своего преслѣдователя на дерево, она ложится на спину, хватаясь собаку своими острыми когтями, повергаетъ ее на землю и до того истерзываетъ зубами, что отъ причиняемыхъ такими укусами ранъ собака часто оклѣвываетъ.

Спариваніе у росомахи совершается осенью или зимою, а въ Норвегіи, по словамъ Эрика, въ январѣ мѣсяцѣ. Спустя же четыре мѣсяца беременности обыкновенно, слѣдовательно, въ маѣ, самка мечетъ 2—3, а въ рѣдкихъ случаяхъ даже и 4 дѣтенышей, помѣщая ихъ въ мягкое и теплое логовище, приготовленное ею или въ дуплистомъ деревѣ или въ глубокой норѣ; для устройства же такого логовища избирается или уединенное ущелье, оврагъ между горъ, или самая непроходимая чаща лѣса. Конечно, разыскать это логовище трудно; если удается добыть дѣтенышей росомахи еще маленькими, то приручить ихъ можно безъ большого труда. Генбергъ выдормилъ одну росомаху молокомъ и мясомъ и до того приучилъ ее къ себѣ, что она бѣгала за нимъ въ полѣ какъ собака. Росомаха эта находилась въ постоянномъ движеніи, весело играла со всѣми вещами, каталась по песку, зарывалась въ землю и лазала по деревьямъ. Будучи всего трехъ мѣсяцевъ отъ роду, она съ успѣхомъ умѣла защищаться отъ нападающихъ на нее собакъ. Она никогда не обѣдалась, была добродушна, подпускала къ себѣ свиней, съ которыми дѣлила трапезу, но никогда не терпѣла около себя собаки; всегда держала себя чисто и совсѣмъ не испускала зловонія, за исключеніемъ развѣ случаевъ нападенія на нее нѣсколькихъ собакъ, которыхъ она вѣроятно желала отпугнуть отдѣленіемъ своихъ вонючихъ железъ. Обыкновенно днемъ она спала, а ночью бродила. Лежать она предпочитала на вольномъ воздухѣ, а не въ своемъ хлѣву, и вообще любила тѣнь и прохладу. Достигнувъ полугода, она стала кусаться, но все-таки оставалась довѣрчивою къ человѣку, и когда однажды сбѣжала было въ лѣсъ, то впослѣдствіи вскочила въ сани одной старой служанки и позволила привести себя домой. Съ увеличеніемъ возраста она становилась болѣе свирѣпой и однажды до того загрызлась съ большою собакою, что, изъ опасенія за жизнь послѣдней, пришлось спѣшить къ ней на помощь. Уже будучи старою, она все-таки еще играла со знакомыми людьми; но если неизвѣстный ей человѣкъ подставлялъ палку, то она скрежетала зубами и съ яростью вцѣплялась въ нее когтями.

Пока пойманная росомаха молода, до тѣхъ поръ она въ высшей степени забавна, почти какъ молодой медвѣдь. Будучи привязана къ столбу, она бѣгаетъ около него, описывая полукруги, трясетъ головою и хрюкаетъ. Передъ наступленіемъ дурной погоды росомаха становится капризна и угрюма. Не будучи особенно быстра въ своихъ движеніяхъ, она, тѣмъ не менѣе, непрерывно что-нибудь да дѣлаетъ и только во время сна лежитъ спокойно на одномъ и томъ-же мѣстѣ. На поставленное къ ней въ клѣтку дерево она взбирается съ легкостью и, повидимому, любитъ забавляться разными гимнастическими упражненіями, которыя часто выдѣлываетъ на вѣтвяхъ. Иногда она явно играетъ съ этими вѣтвями, легко и безстрашно спрыгивая со значительной высоты на землю и затѣмъ быстро взбираясь

снова или на желѣзные прутья своей клѣтки или на свое излюбленное дерево; иногда она бѣгаетъ короткимъ галопомъ вокругъ своей клѣтки, по временамъ приостанавливаясь, выжидая, не броситъ-ли ей кто изъ зрителей черезъ рѣшетку кусочекъ пирожного или какого-либо иного лакомаго кусочка.

Однако существенныя особенности характера росомахи обнаруживаются впервые въ томъ только случаѣ, когда она оказывается въ сообществѣ съ собой подобными. Такъ, въ Берлинскомъ зоологическомъ саду проживали три экземпляра этого, столь рѣдкаго въ нашихъ клѣткахъ животнаго; были именно: одна росомаха старая и двѣ еще не взрослые, прибывшія въ садъ въ ранней юности. Нельзя себѣ было представить болѣе веселыхъ и забавныхъ звѣрей, какъ оба эти созданія. Въ покоѣ ихъ можно было видѣть лишь въ теченіе самаго короткаго времени, большую-же часть дня они проводили въ играхъ, которыя, при своемъ началѣ, вовсе не казались злыми, но вскорѣ потомъ становились всё серьезнѣе, а при случаѣ переходили даже и въ драку, при чемъ оба борца попеременно пускали въ дѣло и зубы, и лапы. Съ трудно воспроизводимымъ воемъ, лаемъ и скрежетомъ барахтались они, при чемъ попеременно то одинъ оказывался подмятымъ подъ другого, то другой, въ свою очередь, бывалъ повергаемъ на землю, и затѣмъ борцы снова вскакивали, стремились ухватить другъ друга зубами, дергали одинъ другого за хвостъ и опять прокатывались порядочное пространство по землѣ. Кончалась игра, а вмѣстѣ съ нею при случаѣ и единоборство, и вотъ они мелкими шажками трусили по клѣткѣ другъ за другомъ, прохаживаясь по ней во всевозможныхъ направленіяхъ, обнюхивали всё уголки и скрытыя мѣстечки, изслѣдовали каждый предметъ, который имъ встрѣчался, переворачивали посуду, назначенную для воды и корма, раздражали чистившихъ ихъ клѣтки служанокъ, трогали разные предметы, до которыхъ имъ не было ровно никакого дѣла; затѣмъ снова начинали сердиться другъ на друга и опять поднимали прежнюю возню, приковывая къ себѣ такимъ образомъ на цѣлые часы взоры внимательнаго наблюдателя. Совершенно иначе относились они къ служителю, раздававшему кормъ. Здѣсь они обнаруживали все нетерпѣніе голоднаго животнаго. Когда я въ первый разъ увидѣлъ ихъ въ такомъ состояніи, то мнѣ тотчасъ-же стало понятно и присвоенное имъ нѣмцами наименованіе обжоръ (Vielfrass). Завывая, лая, скрежеща зубами, раздавая другъ другу пощечины и другія доказательства дружбы, бѣгалъ неистово по клѣткѣ и жадно впиваясь глазами въ мясо, они, если служитель не моментально удовлетворялъ ихъ аппетиту, съ отчаянія начинали кататься по землѣ, а затѣмъ, когда имъ, наконецъ, кидали кормъ, набрасывались на него съ такою жадностью, какой я еще не наблюдалъ ни у какого другого животнаго, по крайней мѣрѣ изъ столь заботливо содержимыхъ и питаемыхъ. Ненасытимая жажда крови у куницъ, повидимому, превратилась у нихъ въ страсть къ прожорливости. Забывъ все, они, какъ бѣшенныя, кидались на кусокъ мяса, хватили его одновременно и зубами и когтями, и, громко чавкая, ворча и фыркая, жевали, давились и проглатывали мясо съ такою алчностью, что нельзя было сомнѣваться, что розсказани прежнихъ писателей основывались и до нѣкоторой степени находили себѣ подтвержденіе въ наблюденіяхъ надъ такими-же плѣнными росомахами.

По Ломеру, на рынокъ ежегодно попадаетъ около 3500 шкурокъ росомахи, причемъ общая цѣнность ихъ доходитъ до 32,000 марокъ, а идутъ онѣ большею частью изъ Сѣверной Америки. Однако ежегодно убиваютъ и обдираютъ росомахъ гораздо болѣе, такъ какъ не одни только камчадалы, но также якуты и другія сибирскія племена цѣнятъ ихъ шкурки необычайно высоко и платятъ за нихъ хорошія деньги. По Радде, всё шкурки росомахъ, убиваемыхъ въ Восточной Сибири,

остаются тамъ-же и уже на мѣстѣ стоятъ по 4—5 рублей за штуку. Употребляютъ ихъ азіатскіе народы, а также и поляки на тяжелыя шубы, а американцы и французы, напротивъ, для полостей, для которыхъ шкурки весьма пригодны, какъ вслѣдствіе разнообразной личной окраски, такъ вслѣдствіе длины волоса.

* * *

Живущіе въ Бразиліи, снабженные длиннымъ туловищемъ и имѣющіе наружность куніицъ, виды хорьковаго семейства называются гуронами или гризонами (*Galictis*, *Nugone Grison*). Отличительные признаки ихъ слѣдующіе: довольно объемистая, толстая, расширенная изаду, а вблизи морды немного выпуклая голова, низкія, округленные уши, сравнительно большіе глаза, короткія конечности, умѣренно большія лапы съ пятью пальцами, соединенными перепонкою и снабженными острыми, сильно изогнутыми когтями; также голыя, мозолистыя подошвы, простирающіяся на заднихъ лапахъ черезъ всю пятку; хвостъ или средней длины, или довольно длинный; короткая шерсть. Зубная система состоитъ, какъ у вонючекъ, изъ 34 зубовъ, но значительно превосходитъ своимъ развитіемъ зубы остальныхъ куніцеобразныхъ, причемъ своею мощностью особенно отличаются рѣзцы и клыки въ верхней челюсти; не такъ велики 4 верхнихъ и 5 нижнихъ коренныхъ зубовъ: наконечъ около заднепроходнаго отверстія находятся железы, выдѣляющія жидкость, сильно пахнущую мускусомъ.

Эту группу тоже раздѣлили на два рода, но такъ какъ различія между ними не существенны, то мы и не примемъ во вниманіе такое обособленіе относящихся сюда животныхъ.

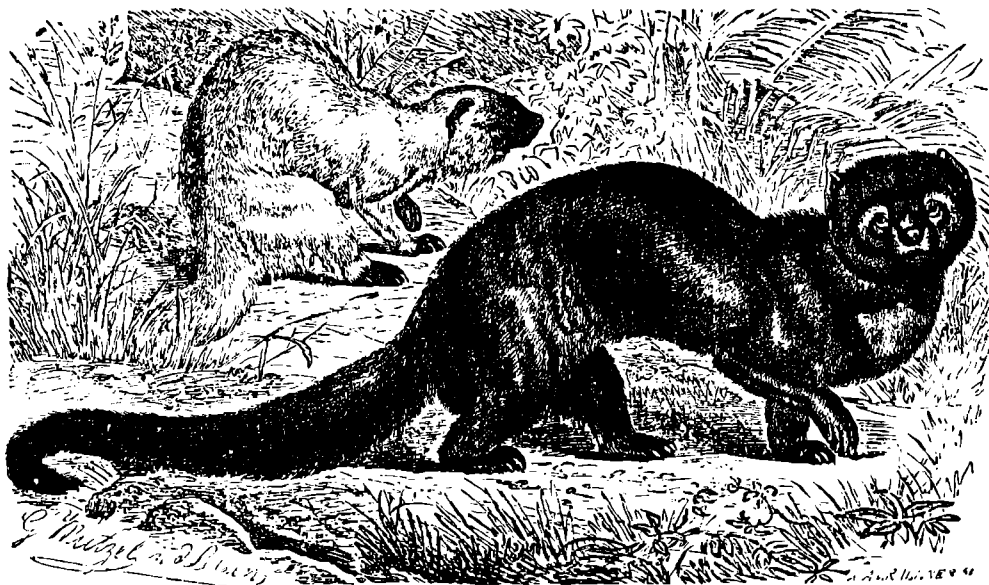
Гирара жителей Бразиліи или таира жителей Парагвая (*Galictis barbara*, *Gulo mustela* и *Galera barbara*, *Gulo barbatus*, *Mustela galera*, *gulina* и *taura*, *Viverga poliocephala* и *vulpecula*, *Eira ilya*, *Galea subfusca* и т. д. *Nugone*), достигаетъ величины 1, 1 метра, изъ которыхъ на хвостъ приходится около 45 см. Густая шерсть на туловищѣ, на четырехъ конечностяхъ и на хвостѣ буровато-черная, морда блѣдно-буровато-сѣрая, остальные части головы, затылка и боковъ шеи то пепельно-сѣрая, то-желтовато-сѣрая; окраска уха переходитъ слегка въ красновато-желтый цвѣтъ. На нижней сторонѣ шеи находится большое желтое пятно. Оба пола другъ отъ друга не отличаются; но отклоненія въ окраскѣ вообще встрѣчаются, и именно окраска головы и затылка бываетъ то свѣтлѣе, то темнѣе, а пятно на шеѣ иногда представляется желтовато-бѣлымъ. Совсѣмъ не рѣдки въ свою очередь и альбиносы.

Гирара распространена въ большей части Южной Америки, отъ Британской Гвіаны и Бразиліи до Парагвая и еще южнѣе. Она вовсе не рѣдка, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ попадаетъ даже и часто. Въ лѣсныхъ дебряхъ Бразиліи, посѣщенныхъ принцемъ фонъ-Видомъ, она встрѣчается повсюду и хорошо извѣстна всѣмъ поселенцамъ. Муръ утверждаетъ, что на охоту она выходитъ группами въ 15—20 штукъ; однако, это свѣдѣніе не достовѣрно, какъ не сообщаемое никѣмъ изъ другихъ наблюдателей. Проживаетъ гирара, по Ренгтеру, частью по лугамъ, покрытымъ высокою травою, частью въ густыхъ лѣсахъ. При этомъ убѣжищемъ для нея въ поляхъ служатъ покинутыя норы броненосцевъ, а въ лѣсахъ—дуплистыя деревья. Гирара—животное не ночное, такъ какъ на свои хищническіе поиски она выходитъ лишь съ первымъ проблескомъ утренней зари и бродитъ, особенно при облачномъ небѣ, до самаго полудня. Время полуденной жары она проводитъ въ норѣ, а съ вечера и до самой ночи охотится снова. Считается она весьма вреднымъ звѣремъ, смѣло проникающимъ даже до окрестностей жилищъ.

Пищею для гирары служатъ всѣ тѣ небольшія беззащитныя животныя, ко-

торыхъ только она въ состояніи изловить. Молодые олени, агуты, кролики, морскія свинки и мыши составляютъ главную часть ея добычи; кромѣ того, въ безлѣсныхъ пространствахъ она преслѣдуетъ куриныхъ и молодыхъ нанду (американскихъ страусовъ), а въ лѣсахъ взбирается на деревья и овладѣваетъ птичьими выводками въ гнѣздахъ. Въ курятники гирара врывается на подобіе куницъ, откусываетъ птицамъ головы и лижетъ кровь съ такою-же алчностью, какъ лѣсная куница или хорекъ, такъ какъ, въ сущности, гирара кровожадна, и еслибы это зависѣло отъ нея, то она передушила-бы гораздо болѣе животныхъ, чѣмъ сколько ихъ необходимо для ея насыщенія. Для разграбленія птичьихъ гнѣздъ или для розысканія пчелинаго меда, гирара, какъ превосходный лазунъ, взбирается на самыя высокія деревья. Внизъ спускается она постоянно головою впередъ и обнаруживаетъ при этомъ такую ловкость, которою обладаютъ лишь немногія изъ млекопи-

Гирара. *Galictis barbara*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

тающихъ. По словамъ принца фонъ-Вида, «гирара бѣгаетъ хотя и не особенно быстро, но въ состояніи весьма долго преслѣдовать животное, которое такимъ образомъ она доводитъ до изнеможенія и тогда уже завладѣваетъ имъ. Такъ, между прочимъ, мнѣ говорили, что видѣли, какъ гирара загоняла косулю до того, что та упала, и тогда гирара принялась ее ѣсть еще живою».

Но Гензелю, свои логовища или гнѣзда гирара по преимуществу устраиваетъ подъ землею; по крайней мѣрѣ собаки Гензеля нашли однажды ея убѣжище подъ скалами. При этомъ, «лишь послѣ долгихъ усилій удалось—при посредствѣ двухъ срубленныхъ толстыхъ деревьевъ, послужившихъ рычагами—разворотить обломки скалы и подъ ними найти, какъ старыхъ гираръ, такъ и двухъ молодыхъ. Эти послѣднія были еще слѣпы и, повидимому, родились всего лишь нѣсколько дней тому назадъ; своею наружностью и голосомъ онѣ вполне походили на лисенятъ, отъ которыхъ ихъ можно было отличить только при тщательномъ осмотрѣ по нѣсколько короткимъ ногамъ и длиннымъ когтямъ на всѣхъ пяти пальцахъ».

Въ прирученномъ состояніи гирары встрѣчаются довольно часто во всей

Южной Америкѣ. Шомбургкъ зачастую находилъ ихъ въ хижинахъ у индѣйцевъ, которые, между прочимъ, называютъ ихъ «майконгъ» или «хава»; да и самъ онъ, равно какъ и Ренггеръ, въ теченіе долгаго времени имѣли по ручной гирарѣ, о которыхъ оба эти наблюдателя и сообщаютъ слѣдующее: гирарь кормятъ молокомъ, мясомъ, рыбами, вареными ямсами, зрѣлыми бананами, короче говоря, всѣмъ съѣдобнымъ, и при этомъ онъ чувствуетъ себя хорошо. Когда имъ показываютъ пищу, то онъ стремительно подпрыгиваетъ къ ней, хватаютъ ее тотчасъ-же передними лапами и зубами и какъ можно дальше убѣгаютъ съ нею отъ своего надсмотрщика. Затѣмъ ложатся на брюхо и, придерживая мясо передними лапами, начинаютъ ѣсть его на подобіе кошки, не отрывая кусковъ, а разжевывая мясо коренными зубами одной стороны. Если бросить имъ живую птицу, то въ одинъ прыжокъ онъ подбираютъ ее подъ себя и затѣмъ перегрызаютъ ей шею вблизи головы. То-же самое дѣлаютъ онъ съ небольшими млекопитающими, а если не достаточно тщательно воспитаны, то даже и со щенятами и котятами. Весьма любя кровь, онъ, умертвивъ животное, прежде обыкновенно пализываются его крови, а затѣмъ уже принимаются и за мясо. Будучи потревожены во время ѣды, онъ яростно кусаются. Жидкости гирары лакаютъ. Будучи весьма чистоплотны, онъ непрерывно лижутъ и чистятъ свою глянцевитую черную шерсть. Разсерженные гирары испускаютъ мускусный запахъ, обусловливаемый жидкостью, которую отдѣляютъ железы, находящіяся въ складкѣ кожи подъ заднепроходнымъ отверстіемъ. Если хорошо обращаться съ ними, то онъ легко привыкаютъ къ человѣку, играютъ съ нимъ, отзываются на его зовъ и, будучи не на привязи, слѣдуютъ за нимъ по всему дому, на подобіе кошки. При этомъ онъ оказываются весьма игривыми и любятъ лизать и шутя грызть руки хозяина, но часто въ этихъ случаяхъ весьма сильно также и кусаются. Играя, онъ, на подобіе щенятъ, урчатъ; въ случаѣ же нетерпѣнія—отрываются вокругъ. Со всѣмъ тѣмъ, не взирая на ихъ любезности, гирары все-таки остаются весьма опасными врагами относительно небольшихъ животныхъ, и особенно относительно птицъ, и стоитъ имъ только увидать птицу около себя, какъ тотчасъ же, забывъ все, привитое имъ воспитаніемъ, онъ съ яростью набрасываются на свою жертву и душатъ ее. Въ неволѣ и находясь все время на привязи или въ клеткѣ, онъ настолько измѣняютъ свой образъ жизни, что спятъ всю ночь; но если дозволить имъ жить въ домѣ на свободѣ, то онъ проводятъ время такъ же, какъ въ дикомъ состояніи: именно, онъ спятъ въ часы полуночные и полуденные, а съ ранняго утра и затѣмъ до самаго вечера охотятся за мышами и крысами, отъ которыхъ и освообждаютъ домъ гораздо лучше, чѣмъ это дѣлаетъ кошка.

Только индѣйцы, для вкуса которыхъ не существуетъ дурного мяса, ѣдятъ этихъ животныхъ; для европейцевъ мясо гирарь отвратительно. Индѣйцы употребляютъ также и ея шкуру, изъ которой готовятъ небольшіе мѣшки или же вырѣзываютъ ремешки, служащія для украшенія; однако, несмотря на все это, они не особенно часто охотятся за гирарою. Въ случаѣ же охоты за нею, гирара, спасаясь, прячется или въ встрѣтившуюся нору въ землѣ, или въ дуплистый стволъ, или же взбирается на высокое дерево, съ котораго по вѣтвямъ перебирается на сосѣднія деревья и затѣмъ, на нѣкоторомъ отдаленіи, снова спускается на землю. Если же какого-либо изъ такихъ убѣжищъ ей на пути не встрѣтится, то, не принадлежа къ быстро бѣгающимъ животнымъ, она весьма скоро настигается собаками, которыя, послѣ короткой борьбы, ее загрызаютъ.

Гризонъ (*Galictis vittata*, *Viverra*, *Mustela*, *Lutra* и *Grisonia vittata*, *Gulo vittatus*, *Ursus brasiliensis*, *Viverra* и *Mustela quiqui*, и т. д. *Grison*) меньше ги-

рары; общая длина равняется приблизительно 65 см., изъ которыхъ на хвостъ приходится около 22 см.; всѣ размѣры его тѣла укорочены, причѣмъ сравнительно коротокъ также и хвостъ; шерсть состоитъ изъ тонкихъ, гладкихъ волосъ. Окраска гризона тѣмъ замѣчательна, что нижняя часть тѣла окрашена темнѣе верхней. Морда, затылокъ, животъ и челюсти темно-буры; вся же верхняя сторона (отъ лба до хвоста), вслѣдствіе присутствія на остевыхъ волосахъ черныхъ и бѣлыхъ колець, блѣдно-сѣрая. Отъ лба, черезъ щеки, направляется буровато-желтая полоса, которая дѣлается нѣсколько шире въ области лопатокъ. Кончикъ хвоста и маленькія уши совсѣмъ желты, пятки темно-черныя, а короткія полоски на лбу и на щекахъ блестящаго стально-сѣраго цвѣта. Никакого различія въ окраскѣ не существуетъ ни между самцомъ и самою, ни между старыми и молодыми животными. Существуетъ еще другой родственный видъ — Гризонъ большой (*G. allamandi*).

Гризонъ живетъ почти въ тѣхъ же областяхъ, гдѣ обитаетъ и гирара. Шомбургкъ называетъ его однимъ изъ обыкновенныхъ хищниковъ прибрежныхъ странъ. Онъ держится среди растительныхъ насажденій и особенно охотно вблизи усадебъ, гдѣ иногда и производитъ большія опустошенія между домашними птицами. По Гензелю, въ Бразиліи онъ встрѣчается не столь часто, какъ гирара, и преимущественно держится на лугахъ, хотя можетъ встрѣчаться также и въ глубинѣ первобытныхъ лѣсовъ. Будучи преслѣдуемъ собаками, гризонъ не взбирается на деревья, а укрывается по возможности между камнями и древесными корнями. Если гирара походить на нашу лѣсную куницу, то гризонъ приближается къ хорьку, на котораго похожъ и по величинѣ. Убѣжищами ему служатъ дулистые деревья, трещины въ скалахъ и расщелины въ землѣ. Смѣлый на видъ, гризонъ имѣетъ привычку, подобно ядовитымъ змѣямъ, изгибать дугою кверху свою длинную шею; маленькіе же, темные глазки его весьма бойко выглядываютъ изъ-подъ бѣлыхъ полосъ и придаютъ умное, но въ то же время и кровожадное выраженіе его мордѣ. Гризонъ долженъ быть столь-же кровожаденъ, какъ и наша куница, и даже, не будучи голоденъ, онъ можетъ задушить столько животныхъ, сколько въ состояніи ихъ наловить; онъ также и весьма отваженъ. Такъ, одинъ англичанинъ рассказываетъ, что его ручной гризонъ, нѣсколько разъ ускользавшій изъ клѣтки, разъ напалъ на находящагося въ той-же комнатѣ аллигатора и такъ сильно изгрызъ его въ мышечныхъ впадинахъ переднихъ ногъ, гдѣ, какъ извѣстно, проходятъ большіе кровеносные сосуды, что отъ причиненныхъ ему при этомъ ранъ аллигаторъ погибъ. О нападеніяхъ гризона на другихъ, сравнительно гораздо болѣе сильныхъ животныхъ свидѣтельствуемъ также и Кювье. Такъ, одинъ гризонъ, котораго всегда кормили даже съ излишествомъ, удовлетворилъ свою алчность въ крови на бѣдномъ лемуру, одинъ видъ котораго до того раздражалъ гризона, что, наконецъ, онъ перегрызъ прутья своей клѣтки, напалъ на безвредное созданіе и умертвилъ его. Именно этотъ гризонъ былъ весьма прирученъ и въ высокой степени былъ склоненъ къ игривости, но правда, что и игры его были лишь замаскированной борьбой. Какъ только съ нимъ вступали въ игру, такъ онъ ложился на спину, схватывалъ своими когтями пальцы играющаго съ нимъ человѣка, вкладывалъ ихъ въ ротъ и легонько стискивалъ ихъ зубами. Ни разу, при этомъ, онъ не укусилъ такъ сильно, чтобы такая игра сдѣлалась опасною, и это было тѣмъ болѣе удивительно, что онъ совершенно иначе держалъ себя съ животными. Замѣчательна была у него память: именно, онъ по пальцамъ узнавалъ тѣхъ своихъ старыхъ друзей, съ которыми игривалъ раньше. Движенія его были проворны и красивы, а когда онъ бродилъ по своей клѣткѣ и бывалъ, при этомъ, въ хорошемъ настроеніи, то постоянно издавалъ чирканіе, напоминающее кузнечика. Будучи раздраженъ, онъ испускалъ довольно силь-

ный, но во всякомъ случаѣ не черезъ чуръ противный мускусный запахъ, который, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, и пропадалъ. Въ провинціи Рио-Гранде-до-Сулъ, въ особенности въ городѣ того-же имени, гризона, по словамъ Гензеля, нерѣдко держать, на подобіе нашихъ кошекъ, въ большихъ хлѣбныхъ амбарахъ для истребленія крысъ. Добытая изъ этихъ мѣстъ прирученная парочка гризоновъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль содержалась въ амбарѣ у одного купца къ Порто-Алегре, но затѣмъ, по оплошности надсмотрщика, она выскользнула изъ хлѣбнаго магазина и уже не возвратилась.

Въ нашихъ клѣткахъ гризонъ появляется рѣдко; однако порою онъ все-таки встрѣчается у торговцевъ животными. Одного изъ нихъ въ теченіе долгаго времени воспитывалъ и я, услаждаясь какъ его рѣзвой подвижностью, такъ и мнимымъ добродушіемъ. Замѣчательною казалась мнѣ его манера двигаться, по сравненію съ родственною ему гирарою. Такъ, гирара, сидя, изгибала спину на подобіе кошки, а также обыкновенно и своеобразно прыгала съ болѣе или менѣе дугообразно-же изогнутою спиною; гризонъ-же, напротивъ, вытягивалъ туловище и бѣгалъ маленькими шажками. Мой плѣнникъ постоянно находился въ хорошемъ настроеніи духа и былъ веселъ, повидимому вполне примирился со своею судьбою; не очень много доставлялъ онъ также и заботъ какъ относительно ухода за собою, такъ и относительно выбора ему пищи. Въ первомъ отношеніи, онъ требовалъ только содержанія въ большой чистотѣ его клѣтки и мягкаго сѣна для ложа, причѣмъ любилъ, когда старую такую подстилку замѣняли новою. Разнообразные плоды и въ особенности вишни, сливы и нарѣзанныя груши онъ ѣлъ съ такимъ-же аппетитомъ, какъ и мясо, и алчнымъ становился вообще только въ томъ случаѣ, когда ему давали живое животное. Напротивъ, гризонъ, содержавшійся въ Франкфуртскомъ зоологическомъ саду, по словамъ Гаака, выказывалъ жадность при каждой раздачѣ корма. Стоило служителю показаться съ мискою для корма, какъ гризонъ поднимался съ громкимъ урчаніемъ, свидѣтельствующимъ о его возбужденіи, бѣшено набрасывался на кормъ и пожиралъ его съ звучнымъ чавканьемъ, доказывающимъ его обжорство, и достаточно было лишь пострадать его отнятіемъ корма, чтобы урчаніе перешло въ оглушительный бѣшеный вопль. Между тѣмъ въ иное время этотъ гризонъ былъ добродушенъ, любезенъ, охотно игралъ со всѣми людьми и ни разу при этомъ никого не укусилъ серьезно.

Самка гризона приноситъ въ октябрѣ двухъ дѣтенышей, которыхъ любить и холить въ той-же мѣрѣ, какъ это дѣлаютъ другія кунцеобразныя животныя.

Туземцы, въ свою очередь, тоже часто содержатъ гризона въ неволѣ, ѣдятъ его мясо и пользуются его мѣхомъ. Но что касается переселенцевъ, то они истребляютъ гризона повсюду, гдѣ только къ этому представится возможность.

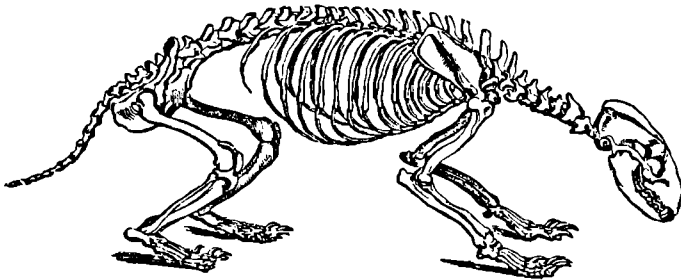
* * *

Въ честь нашего европейскаго барсука мы назовемъ второе, состоящее изъ стопоходящихъ животныхъ, подсемейство куніцъ—барсучьими (Melidae) и соединимъ въ немъ самыхъ неуклюжихъ и самыхъ приземистыхъ животныхъ этой группы, которая кромѣ того отличаются еще тѣмъ, что часто издаютъ очень сильное зловоніе.

Барсукъ является самымъ полнымъ представителемъ эгоистическаго, недовѣрчиваго, угрюмаго и какъ бы самимъ собою недовольнаго созданія. Въ этомъ довольно согласны всѣ наблюдатели, хотя они и не отрицаютъ пользы, приносимой этимъ своеобразнымъ животнымъ. Барсукъ есть наиболѣе безвредное изъ большихъ европейскихъ хищныхъ животныхъ, а между тѣмъ къ нему питаютъ вражду и его

преслѣдуютъ на подобіе волка и лисицы, при чемъ онъ встрѣчаетъ немногихъ защитниковъ между самими охотниками, которые, какъ извѣстно, болѣе всего любятъ именно тѣхъ животныхъ, за которыми всего ретивѣе охотятся. Барсукъ безпощадно браняетъ и осуждаетъ, не соображая, что онъ по своему живетъ честно и правдиво и ничего дурного не дѣлаетъ. Однако, именно своеобразность его жизни и служить причиною худого о немъ мнѣнія. Безъ сомнѣнія, барсукъ живетъ угрюмымъ отшельникомъ, боится людей и животныхъ; кромѣ того отличается такою неповоротливостью и лѣнностью, что трудно найти другого ему подобнаго, а эти качества, конечно, не могутъ доставить ему друзей. Впрочемъ о себѣ я долженъ заявить, что не чувствую неприязни къ барсuku: наблюденія надъ его жизнью и правами доставляли мнѣ большое удовольствіе.

Короткое, толстое и крѣпкое туловище, толстая шея и длинная голова съ рылообразно заостреною мордою, маленькіе глаза и равнымъ образомъ маленькія, но замѣтныя уши, голыя пятки и сильные когти на переднихъ лапахъ, короткій, опушенный хвостъ и густая, грубая шерсть, а также и поперечная складка, ведущая въ углубленіе, въ которомъ около задняго прохода лежатъ железы—суть признаки рода *Meles*, представителемъ котораго является барсукъ. Въ зубной системѣ поражаетъ мощностъ зубовъ, при чемъ въ особенности своеобразны: несоразмѣрная

Скелетъ барсука.

величина верхнихъ бугорчатыхъ зубовъ и притупленіе плотоядныхъ. Въ каждой челюсти, кромѣ рѣзцовъ и клыковъ, находятся: вверху по 4, а внизу по 3 ложнокоренныхъ зубовъ, а также: вверху по 1, а внизу по 2 бугорчатыхъ зуба; всѣхъ же зубовъ 36.

Барсукъ (*Meles taxus*, *Ursus taxus* и *meles*, *Taxus vulgaris* и *europaeus*. Dashes. *Blaireau*) достигаетъ въ длину 93 см., изъ которыхъ 75 приходятся на голову и туловище, а 18 на хвостъ. Высотою въ зашейкѣ барсукъ бываетъ до 30 см., а вѣсъ старыхъ самцовъ по осени приближается къ 20 килограммамъ. Шерсть—покрывающая все тѣло съ ушами включительно—довольно длинна, блестяща и жестка почти какъ щетина. Окраска шерсти на спинѣ представляетъ смѣшеніе цвѣтовъ: сѣровато-бѣлаго и чернаго, что зависитъ отъ того, что отдѣльные волосы около корня большею частью желтоваты, въ серединѣ—черны, а при концѣ—сѣровато-бѣлы; затѣмъ, на хвостѣ и по бокамъ туловища шерсть принимаетъ рыжеватый оттѣнокъ, а на нижней сторонѣ тѣла и на конечностяхъ—черно-бураго цвѣта. Голова бѣлая, но съ обѣихъ сторонъ морды начинается по темной, черной полосѣ, которая, расширяясь кверху и къ заду, проходитъ черезъ глаза и опушенные бѣлою шерстью уши, и затѣмъ, исподволь теряется на затылкѣ. Самки отличаются отъ самцовъ меньшей величиною и шириною, а также и болѣе свѣтлою окраскою, которая зависитъ отъ того, что бѣловатый подшерстокъ у нихъ болѣе просвѣчивается. Барсуки совсѣмъ

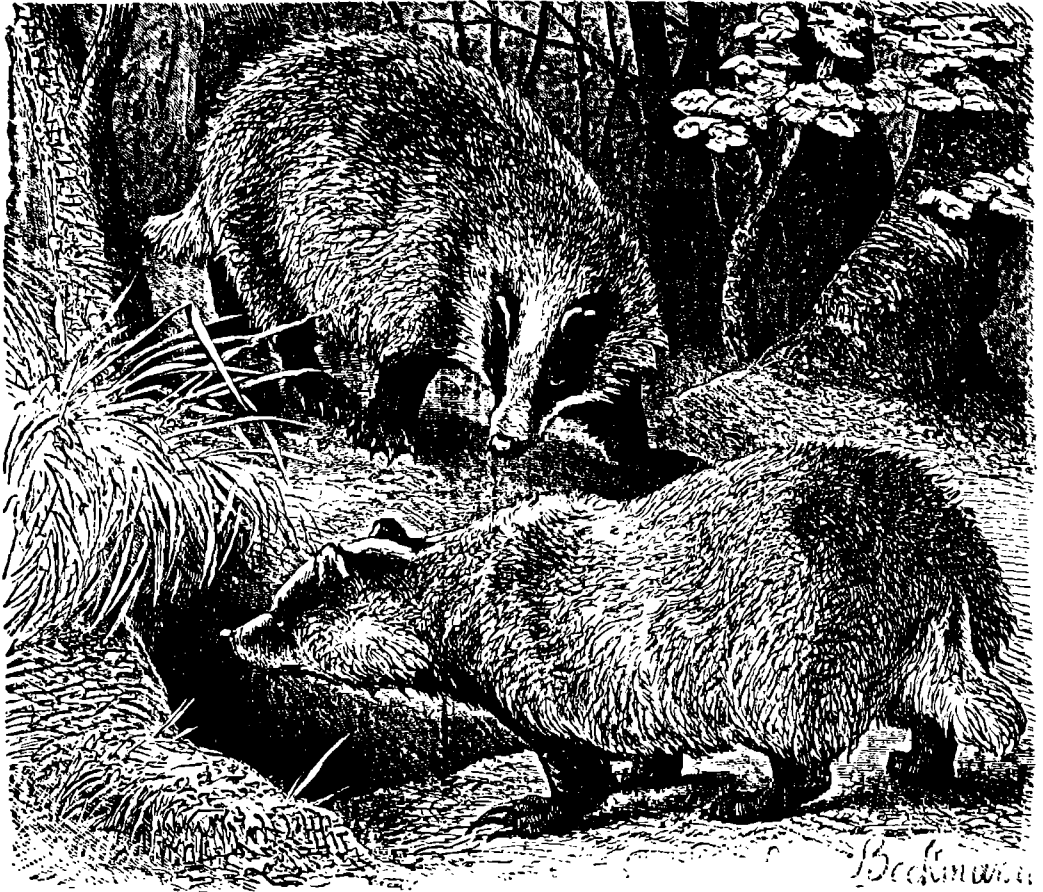
бѣлаго цвѣта весьма рѣдки, но еще рѣже такіе, у которыхъ по бѣлой основѣ разсѣяны темныя каштаново-бурыя пятна.

Новорожденные барсуки имѣютъ, по Дебнеру, въ длину 15, а съ хвостомъ 19 см. Шерсть ихъ состоитъ изъ волосъ, которые рѣдки (на брюхѣ даже чрезвычайно скудны), жестки, сравнительно толсты, похожи на щетину и плотно прилегаютъ другъ къ другу. Цвѣтомъ эти волосы вообще бѣлы и только на темно-окрашенныхъ мѣстахъ къ нимъ присоединяются также волосы, болѣе или менѣе сѣрые и черныя. Тѣ-же двѣ черныя полосы, которыя у взрослага барсука проходятъ съ каждой стороны головы, явственно замѣтны уже у дѣтенышей, но окрашены въ буроватый цвѣтъ; буроваты также какъ самыя ступни, такъ и голени переднихъ и заднихъ конечностей. Темное окрашиваніе замѣчается, кромѣ того, на горлѣ и передней сторонѣ груди, но черныхъ волосъ здѣсь пока еще не видно.

Барсукъ живетъ, за исключеніемъ острова Сардиніи и сѣвера Скандинавіи, во всей Европѣ, а также въ Азіи, отъ Сиріи, черезъ Кавказъ и Персію, до Японіи и по Сибири до Лены. Проживаетъ барсукъ уединенно въ норахъ, которыя онъ вырываетъ своими крѣпкими, закругленными когтями на солнечной сторонѣ лѣсистыхъ холмовъ, снабжаетъ 4—8 выходами и отдушниками для воздуха и самымъ уютнымъ образомъ устраиваетъ внутри. Главная часть жилья—котловина, въ которую ведутъ нѣсколько ходовъ, настолько обширна, что можетъ вмѣстить какъ мягкую подстилку изъ мха, такъ впоследствии и дѣтенышей вмѣстѣ съ самкою. Что-же касается тотчасъ упомянутыхъ ходовъ къ норѣ, то барсукъ пользуется изъ нихъ лишь немногими; остальные же служатъ ему или какъ отдушины для воздуха, или какъ лазейки для бѣгства, въ случаѣ крайней нужды. Повсюду въ норѣ царствуетъ большая чистота и опрятность, и этимъ жилью барсука отличается отъ почти всѣхъ остальныхъ подобныхъ же подземныхъ убѣжищъ млекопитающихъ. Свои норы барсукъ закладываетъ по преимуществу по опушкамъ лѣса, недалеко отъ луговъ или же вь среди самыхъ луговъ по непокрытымъ лѣсомъ отлогостямъ (овражкамъ). Но вообще, гдѣ бы ни была избрана мѣстность этимъ отшельникомъ для устройства своего жилья, она всегда самая тихая и самая уединенная, такъ какъ жизнь свою барсукъ любитъ проводить безмятежно и привольно, охраняя прежде всего свою независимость въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Самое вырваніе норъ, благодаря силѣ барсука, совершается имъ легко, и вообще, какъ другія роющія животныя, барсукъ можетъ зарыться въ землю въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Въ этомъ случаѣ ему отлично служатъ его сильныя, вооруженныя крѣпкими когтями переднія конечности, а когда нарытая ими земля начинаетъ уже мѣшать работѣ, то барсукъ пускаетъ въ ходъ сначала однѣ заднія лапы, которыя отбрасываютъ землю съ большою силою назадъ, а затѣмъ, при дальнѣйшемъ углубленіи въ землю, пикаетъ землю назадъ всею заднею частью своего тѣла, что даетъ ему возможность освободиться отъ излишняго количества земли въ своей норѣ.

Изъ всѣхъ животныхъ, проводящихъ свою жизнь на половину подъ землею, а также и тѣхъ, которыя лишь спятъ тамъ, барсукъ всего болѣе заботится о возможной обширности своего логовища и объ его безопасности. Такъ, ходы, ведущіе изъ самой котловины норы, почти постоянно имѣютъ отъ 8 до 10 м. въ длину, а наружныя отверстія ихъ находятся другъ отъ друга на разстояніяхъ часто и вдвое большіхъ. Самая норка лежитъ обыкновенно подъ землею на глубинѣ 1, 5 или 2 м.; но если крутизна, на которой заложена нора, значительнѣе, то и котловина норы, въ свою очередь, встрѣчается на глубинѣ даже и 5 м. подъ поверхностью земли. Въ такихъ, однако, случаяхъ, тѣ ходы, которые служатъ для о свѣженія воздуха, направляются кнаружи почти всегда вертикально. Если-же барсuku удастся зало-

жить свою нору въ ущельѣ, то два условія его благополучія—безопасность и покой—будутъ, понятно, обезпечены еще болѣе. Въ своей норѣ барсукъ проводитъ наибольшую часть жизни, такъ какъ онъ покидаетъ свое логовище для отдаленныхъ странствованій только лишь послѣ того, какъ ночной мракъ вполне окутаетъ землю. Правда, въ весьма уединенныхъ, тихихъ, лѣсистыхъ мѣстностяхъ барсукъ лѣтомъ выходитъ на прогулку и въ поздніе часы послѣ обѣда, и я самъ однажды, при ясномъ дневномъ свѣтѣ, встрѣтилъ его вблизи скалъ Штуббенкамеръ (Ступень

Барсукъ. *Meles taxus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

камень) на островѣ Рюгенѣ, но такіа дневныя вылазки его вообще принадлежать къ исключеніямъ. Одинъ изъ охотниковъ, которому въ теченіе долгаго времени выпадало счастье наблюдать барсука на свободѣ, сообщилъ о немъ Чуди слѣдующія данныя: «Нора этого барсука была заложена на краю оврага и выходъ изъ нея былъ вполнѣ видимъ съ противоположной стороны ложбины. Путь къ норѣ былъ сильно нахоженъ, но вновь выброшенная земля передъ главнымъ входомъ была такъ гладка и утоптана, какъ токъ на овинѣ и потому нельзя было распознать: есть ли нѣтъ въ норѣ также и дѣтеныши. Пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, охотникъ подкрался къ своему наблюдательному посту и взорамъ его представился старый барсукъ, который хотя и сидѣлъ угрюмо, погруженный какъ-бы въ дре-

моту, но все-таки, повидимому, чувствовалъ себя вполне привольно подъ теплыми лучами солнца. Такое препровожденіе времени было, однако, не случайно, такъ какъ охотникъ видѣлъ барсука лежащимъ на солнцѣ также и въ тѣ другіе ясные дни, когда ему доводилось наблюдать за порою. Благодушествуя и ничего не дѣлая короталъ барсуку свое время. То сидя пристально всматривался онъ вокругъ себя, то тщательно изслѣдовалъ нѣкоторые предметы, то, на подобіе медвѣдя, принимался раскачиваться на переднихъ лапахъ изъ стороны въ сторону. Столь большое благополучіе по временамъ вдругъ нарушалось какимъ-нибудь кусающимъ насекомымъ, котораго барсуку съ необыкновенною злобностью тотчасъ-же и подвергалъ казни при помощи зубовъ и когтей, а затѣмъ, расправившись такимъ образомъ со своимъ докучителемъ, растягивался на солнышкѣ, выставяя кверху то широкую спину, то упитанное брюшко. Однако, такое препровожденіе времени продолжалось недолго; вѣроятно отъ бездѣлья барсуку начинало что-нибудь мерещиться; онъ вставалъ, водилъ носомъ по сторонамъ, принюхивался и, хотя ничего не открывалъ, но, предосторожности ради, направлялся къ себѣ въ нору. Иной разъ онъ снова принимался грѣться на солнцѣ, затѣмъ рысью спускался внизъ по долину, чтобы испражниться и, согласно своей прославленной осторожности и чистотѣ, снова и по нѣсколько разъ возвращался къ уничтоженію слѣдовъ своего испражненія, чтобы ничто не служило предательскимъ указаніемъ его присутствія. Возвращаясь, барсуку не торопился, минутами приостанавливался на своемъ пути, но не разыскивалъ, однако, себѣ пищи; затѣмъ, на короткое время опять отдавался прежней лѣни, а когда, наконецъ, тѣни отъ деревьевъ мало по малу начинали набѣгать на землю, то удалялся къ себѣ въ нору, вѣроятно для того, чтобы вздремнуть передъ предстоящею ночью дѣятельностью».

Барсуку совершенно своеобразно выходитъ изъ норы и возвращается въ нее. Въ совершенное отличіе отъ лисицы, которая сначала быстро вылѣзаетъ, а затѣмъ уже начинаетъ озираться, барсуку, по словамъ Адольфа Мюллера, даетъ знать внимательному охотнику о предстоящемъ своемъ появленіи изъ-подъ земли глухимъ шумомъ, который онъ производитъ, приблизившись къ выходу, стряхиваніемъ съ себя пыли. Затѣмъ, въ высшей степени осторожно высовываетъ изъ отверстія норы половину головы, съ минуту прислушивается и принюхивается и снова скрывается. Только удостовѣрившись такимъ образомъ нѣсколько разъ въ безопасности, барсуку рѣшается наконецъ показаться изъ норы вполне; выйдя же наружу весь, онъ прислушивается и обнюхиваетъ вокругъ себя воздухъ еще разъ и только послѣ этого отправляется обычною мелкою рысцью въ путь. Возвращеніе совершается обыкновенно быстро, при чемъ осенью, когда барсуку бываетъ отлѣвшись, бѣгъ его сопровождается пыхтѣніемъ, которое слышно издали; медленнѣе онъ возвращается вообще при тихой погодѣ и полной увѣренности въ безопасности и, напротивъ, бѣжитъ чрезвычайно скоро, когда погода вѣтрена. На поиски за пищею старые барсуки выходятъ всегда въ одиночествѣ и только молодые отправляются въ сообществѣ съ братьями.

Во время спариванія барсуку живетъ вмѣстѣ со своею самкою, но и то не долго; всю-же остальную часть года онъ проводитъ въ одиночествѣ, не поддерживая дружбы ни со своею самкою, ни съ какимъ-либо другимъ животнымъ. Правда, въ старья, обширныя норы въ сожителство къ барсуку нерѣдко вѣдряется лисица; но оба эти животныя имѣютъ мало отношеній другъ къ другу, и въ такихъ случаяхъ лисица обыкновенно завладѣваетъ верхними ходами и логовищемъ, а барсуку—нижними. Разказы же о томъ, будто лисица, оставляя въ норѣ свои испражненія,

изгоняетъ оттуда барсука, согласно съ показаніями новѣйшихъ наблюдателей, должны быть отнесены къ баснямъ охотниковъ.

Движенія барсука медленны и неуклюжи; на ходу онъ волочить ноги и переваливается; самый быстрый бѣгъ совершается такъ медленно, что хорошій ходокъ въ состояніи догнать барсука. Общее впечатлѣніе, производимое даннымъ животнымъ, своеобразно. Вначалѣ можно подумать, что имѣешь передъ собою скорѣе свинью, чѣмъ хищное животное, и я полагаю, что прежде, чѣмъ вообще заняться изученіемъ барсука, необходимо до извѣстной степени свыкнуться съ его наружностью и повадками. Свинью же напоминаетъ, между прочимъ, также и хрюканье барсука.

Пищью барсuku служатъ весною и лѣтомъ преимущественно корни, всякаго рода насѣкомыя, улитки и дождевые черви, а при случаѣ также молодые зайцы, птичьи яйца и птенчики. Дождевыхъ червей барсукъ весьма искусно вытаскиваетъ изъ-подъ земли посредствомъ острыхъ, длинныхъ когтей своихъ переднихъ лапъ; точно такимъ-же образомъ поступаетъ онъ также и при отыскиваніи личинокъ какъ майскихъ жуковъ, такъ и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ, проживающихъ въ землѣ по нивамъ, лугамъ и полямъ. При добываніи, однако, послѣднихъ барсукъ не вырываетъ воронкообразныхъ ямокъ (глубиною отъ 3 до 5 см., а шириною отъ 1¹/₂ до 2¹/₂ см.), какъ это онъ дѣлаетъ при добываніи дождевыхъ червей, но взрыхляетъ всю поверхность почвы и перевертываетъ комки земли. Иногда барсукъ отрываетъ, кромѣ того, гнѣзда шмелей и осъ, и съ большимъ удовольствіемъ ѣстъ изобилующіе личинками медовые соты, не особенно заботясь объ уколахъ обозленныхъ собственниковъ этихъ запасовъ меда: его жесткій мѣхъ, толстая кожа и находящійся подъ нею слой жира вполне предохраняютъ его отъ ужаленій пчелъ. Улитокъ, а также, вѣроятно, гусеницъ, бабочекъ и т. п. барсуки разыскиваютъ и по деревьямъ, какъ въ этомъ могъ убѣдиться фонъ-Бишофсгаузенъ. Въ одинъ прекрасный лѣтній день этотъ охотникъ, къ немалому своему удивленію, видѣлъ, какъ семья изъ пяти штукъ барсуковъ поспѣшно перебѣгала отъ одного дерева къ другому, причемъ, становясь на заднія лапы и приподнявшись кверху, насколько доставали лапы переднія, барсуки обыскивали каждый древесный стволъ. «Этому занятію они предавались съ такимъ рвеніемъ, что подошли ко мнѣ совсѣмъ близко и даже ограничились только тѣмъ, что, съ секунду посмотрѣвъ на меня съ любопытствомъ, не полѣзли на то дерево, около котораго я стоялъ, а занялись сосѣднимъ. Но что имъ было надо на деревьяхъ? Сначала я было подумалъ, что они пили дождевую воду, стекавшую по углубленіямъ въ корѣ; но для этого они слишкомъ мало времени оставались на одномъ мѣстѣ и слишкомъ уже скоро изслѣдывали весь стволъ. И, дѣйствительно, когда они подошли ко мнѣ ближе, я поочію могъ убѣдиться, что воды они не пьютъ, но за-то я подмѣтилъ, какъ одинъ изъ нихъ съѣлъ улитку съ ея раковиною. И хотя въ это время, вслѣдствіе дождя, и падало много улитокъ съ дерева, подъ которымъ я стоялъ, но, несмотря на всю свою внимательность, я не замѣтилъ, чтобы который-нибудь изъ барсуковъ подбиралъ ихъ. Повидимому, они рѣшились всецѣло заняться лишь деревьями, причемъ не дѣлая никакихъ различій между тѣми изъ нихъ, которыя уже были осмотрѣны кѣмъ-либо изъ ихъ компаніи, и тѣми, которыя еще такому осмотру не подвергались. Во все время занятія этимъ барсуки издавали глухое бормотаніе, которое можно было-бы уподобить ворчливому произнесенію словъ: «бруно, бруно». Съ своей стороны и Пехуаль-Леше наблюдалъ однажды, какъ барсуки, въ данномъ случаѣ полу-взрослые, подобнымъ-же образомъ обыскивали сосны, находившіяся вблизи ихъ норы; но такъ какъ при этомъ они только повидимому весело прыгали и царапа-

лись о кору деревьевъ, то Пехуэль-Леше и предполагаетъ, что барсуки просто играли.

Осенью барсукъ питается преимущественно не буковыми и дубовыми желудами, кореньями и т. д., какъ обыкновенно думаютъ, но упавшими съ деревьевъ плодами, а также морковью и свеклою; затѣмъ не пренебрегаетъ онъ мелкими млекопитающими, полевыми мышами, кротами, а также ящерицами, лягушками и змѣями. При извѣстныхъ обстоятельствахъ барсукъ производитъ опустошенія и въ виноградникахъ, причѣмъ, безъ всякихъ околичностей, раздавливаетъ лапами большія грозди винограда и буквально упивается ихъ сладкимъ содержимымъ. Весьма рѣдко таскаетъ онъ съ ближайшихъ къ лѣсу крестьянскихъ фермъ молодыхъ утокъ и гусей, такъ какъ, будучи черезъ чуръ недовѣрчивъ и остороженъ, онъ отваживается на это только въ томъ случаѣ, когда вполне бываетъ увѣренъ въ безопасности. Нерѣдко ѣсть онъ и падаль. Впрочемъ, вообще барсукъ ѣсть немного, а также немного натаскиваетъ себѣ на зиму и въ нору; развѣ уже очень большой соблазнъ его побудитъ къ этому, напримѣръ, цѣлое поле моркови вблизи норы. Замѣтнаго вреда барсукъ не причиняетъ въ Европѣ; во всякомъ случаѣ не въ такой мѣрѣ, чтобы польза, которую онъ приноситъ ловлею и истребленіемъ всевозможныхъ вредныхъ насѣкомыхъ какъ въ лѣсу, такъ и въ полѣ, не вознаградила-бы насъ съ избыткомъ. Вообще, изъ всѣхъ кунцеобразныхъ барсуковъ самое полезное животное и его можно скорѣе назвать охранителемъ лѣса, а вовсе не животнымъ, причиняющимъ вредъ лѣсной фаунѣ. Поэтому лѣсничій, стремящійся истребить барсука, грѣшитъ какъ противъ самаго себя, такъ и противъ ввѣреннаго его попеченію лѣса.

Вмѣстѣ съ ежомъ», замѣчаетъ Адольфъ Мюллеръ, «безвреднаго барсука обвиняли въ опустошенія лѣсныхъ посѣвовъ. Именно, когда оба эти животныя, ретиво разыскивающія личнокъ и гусеницъ въ бороздахъ, засѣянныхъ буковыми или дубовыми сѣмянками, попадались за такимъ занятіемъ несвѣдущимъ и поверхностнымъ наблюдателямъ, то ихъ тотчасъ-же, безъ всякихъ околичностей, признавали за истребителей вышеупомянутыхъ сѣмянъ и осуждали на преслѣдованіе. На самомъ-же дѣлѣ барсукъ и ежъ истребляли вредныхъ личнокъ и майскаго жука и другихъ насѣкомыхъ, которыя по преимуществу тамъ поселяются, а также и мышей. Будьте справедливы, господа лѣсничіе, и бросьте предрасудки, свойственные старымъ невѣжественнымъ охотникамъ: ежъ и барсукъ заслуживаютъ вашего полнаго покровительства, а не преслѣдованія! Вѣдь стоитъ только взглянуть на зубы барсука и ежа и сравнить ихъ съ зубами грызуновъ, чтобы перестать видѣть и въ томъ, и въ другомъ похитителей сѣмянъ лиственныхъ и хвойныхъ лѣсныхъ деревьевъ! Пищю барсучею служатъ и будутъ служить насѣкомыя, и потому, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ также ловитъ и мышей, барсукъ оказывается однимъ изъ полезнѣйшихъ животныхъ въ великомъ хозяйствѣ природы».

Однако, въ Азіи барсукъ является уже далеко не такимъ невиннымъ созданіемъ, какъ въ Европѣ. Такъ, по словамъ Радде, «въ Восточной Сибири барсукъ, повидимому, гораздо безстрашнѣе и кровожаднѣе, чѣмъ въ Европѣ. При этомъ въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ онъ остается исключительно ночнымъ хищникомъ, что не наблюдается, напр., въ Хинганскихъ горахъ, гдѣ мы видѣли его днемъ 14 разъ. Здѣсь онъ довольствуется исключительно мышами и змѣями, такъ какъ не имѣетъ случая беспокоить молодой рогатый скотъ, что, однако, повсемѣстно замѣчается въ Забайкальской области. Такъ, въ степяхъ Дауріи нападеніе барсука на телятъ вещь самая обыкновенная. При этомъ болѣе взрослые телята отдѣляются обыкновенно лишь глубокими царапинами и разорванными ранами, по

слабыхъ ему удается и одолѣть. Послѣ поселенія казаковъ на Амурѣ барсуки въ особенности тревожили ихъ стада на равнинахъ выше Хинганскихъ горъ».

Къ концу поздней осени барсукъ бываетъ уже довольно упитанъ. Въ эту пору онъ начинаетъ помышлять о возможно уютномъ проведеніи зимняго времени и подготавливаетъ все наиболѣе необходимое для своей зимней спячки. Съ этою цѣлью онъ натаскиваетъ листья въ свою нору и настиляетъ себѣ такимъ образомъ пышное, мягкое и теплое ложе. Затѣмъ, кормясь до наступленія настоящихъ холодовъ еще тѣмъ, что наготовлено въ норѣ про запасъ, барсукъ, съ появленіемъ стужи, свертывается, ложится на брюхо, просовываетъ голову между передними лапами и предается спячкѣ*). Однако, зимній сонъ барсука такъ-же, какъ и у медвѣдя, весьма часто прерывается. Такъ, если холода не постоянны или если наступаетъ умѣренная погода, а также въ особенности во время оттепели и въ не очень холодныя ночи, барсукъ просыпается и иногда ночью порою выходитъ изъ своего убѣжища, чтобы напиться. Вообще же, при сравнительно теплой погодѣ, барсукъ начинаетъ оставлять свою нору уже въ январѣ и самое позднее въ февралѣ, причѣмъ откапываетъ для себя коренья или, въ счастливомъ случаѣ, живится и мышью. Зимнее же голоданіе отзывается на немъ въ общемъ настолько дурно, что, отправившись по осени въ нору съ круглымъ брюшкомъ, барсукъ выходитъ изъ нея весной исхудалымъ, какъ щепка.

Время спариванія у барсука приходится въ октябрѣ и только въ видѣ исключенія (по преимуществу у юныхъ животныхъ) оно запаздываетъ. Затѣмъ, такъ какъ беременность продолжается отъ 12 до 15 недѣль, то, слѣдовательно, къ концу февраля или къ началу марта самка рождаетъ отъ 3 до 5 слѣпныхъ дѣтенышей, для которыхъ она заботливо выстилаетъ свое гнѣздышко мохомъ, листьями, папоротникомъ и травой; все это она привлекаетъ къ наружному отверстию норы между задними ногами и затѣмъ уже проталкиваетъ, при посредствѣ головы и переднихъ ногъ, до котловины норы. Что она проживаетъ въ своей собственной норѣ—понятно само собою, такъ какъ барсучья самка столь-же отшельница какъ и барсукъ-самецъ. Дѣтенышей своихъ самка любитъ чрезвычайно. Откормивъ ихъ молокомъ, она до тѣхъ поръ таскаетъ имъ въ нору червей, коренья и мелкихъ млекопитающихъ, пока они сами не становятся способными къ добыванію себѣ пищи. Большого труда ей стоитъ поддержать въ нору ту образцовую чистоту, которою отличается барсукъ: недовоспитанные дѣтеныши, конечно, не въ состояніи еще содѣйствовать ей въ этомъ. Впрочемъ, она находитъ средство пособить себѣ: именно, около котловины норы она вырываетъ особое вмѣстилище, которое служитъ маленькому обществу мѣстомъ для исполненія ихъ нуждъ, а также и для склада отбросовъ и остатковъ отъ ихъ же корма.

Спустя три или четыре недѣли маленькіе, весьма красивые звѣрки выходятъ уже, въ сообществѣ со своею матерью, наружу и грѣются на солнышкѣ передъ порою. При этомъ звѣрки также и рѣзвятся, доставляя счастливому зрителю тѣмъ большее наслажденіе, что возможность наблюдать такое привлекательное зрѣлище случается лишь изрѣдка. Съ матерью дѣтеныши остаются до осени, а затѣмъ отдѣляются и начинаютъ жить самостоятельно. При этомъ, конечно, они предпочитаютъ всего поселяются въ старыхъ, покинутыхъ, барсучьихъ же норахъ; но, въ случаѣ нужды, сами вырываютъ себѣ норы. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ мать позволяетъ имъ вырыть себѣ убѣжище въ ея же норѣ. Тогда вмѣстѣ съ матерью

*) Обычное утвержденіе, будто барсукъ помещаетъ голову между задними лапами и конецъ морды вкладываетъ въ описанное выше углубленіе для зловонныхъ железъ—не вѣрно.

молодые барсуки проводят и еще одну зиму. Но, вообще, в течение второго года молодые барсуки вырастают уже настолько, что становятся способными к размножению, а если пуля охотника впоследствии не прекратит их дней, то жизнь их может продлиться от десяти до двенадцати лѣтъ.

Барсукамъ ставятъ различнаго рода ловушки, затѣмъ откапываютъ ихъ или, — что слѣдуетъ считать очень жестокимъ, — вытаскиваютъ ихъ наружу при посредствѣ огромнаго пробочника (бурава); наконецъ, ихъ выгоняютъ изъ норъ посредствомъ особенныхъ, отличающихся острымъ тонкимъ чутьемъ, барсучьихъ собакъ (таксъ). и застрѣливаютъ. Избѣжать угрожающей въ вышеупомянутыхъ случаяхъ опасности барсукъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, когда схоронится въ своей норѣ такъ удачно, что даже собаки не будутъ въ состояніи его отыскать; иначе, вслѣдствіе своей неловкости и неуклюжести, онъ будетъ пойманъ собакою. Поэтому, если барсука преслѣдуютъ въ его же норѣ, то обыкновенно онъ пытается спастись тѣмъ, что, не обнаруживая ничѣмъ своего присутствія, съ большой, однако, быстротою зарывается глубже въ землю и этимъ способомъ дѣйствительно довольно часто ускользаетъ отъ отыскивающихъ его собакъ.

Подстерегать барсука удобнѣе всего совсѣмъ раннимъ утромъ, когда онъ возвращается домой; поджидать его вечеромъ въ высшей степени утомительно, такъ какъ это осторожное созданіе обыкновенно появляется изъ норы лишь около полуночи и старается прокрасться какъ можно тише. Обыкновенно сторожку для охотника устраиваютъ изъ досокъ и кольевъ на сосѣднихъ деревьяхъ, откуда и стрѣляютъ по показавшемуся барсуку. Однако, чтобы пробить его толстую шкуру, необходимъ весьма сильный зарядъ; иначе онъ ускользаетъ въ свою нору. Иногда можетъ случиться и такъ, что къ раненому барсуку подоспѣетъ на помощь его товарищъ. Объ одномъ такомъ случаѣ рассказываетъ Карлъ Мюллеръ, лѣсничій графа фонъ-Шлитца. Однажды, вечеромъ, въ октябрѣ, онъ подстрѣлилъ барсука, отошедшаго отъ своей норы всего лишь на нѣсколько шаговъ. Животное стало кататься по землѣ и издавать жалобные вопли, которые, повидимому, имѣли цѣлью вызвать участіе товарища, оставшагося въ норѣ, такъ какъ не успѣлъ еще стрѣлокъ подбѣжать къ подбитому барсуку, какъ изъ норы выскочилъ другой барсукъ, схватилъ раненаго и скрылся съ нимъ въ глубину. Когда же барсука, случается, настигаетъ собака, то прежде всего онъ припадаетъ брюхомъ къ землѣ, какъ-бы желая притаяться, а затѣмъ ложится навзничъ и быстро и мужественно защищается какъ своими сильными зубами, такъ и когтями. Въ норѣ часто онъ страшнымъ образомъ изранитъ носъ проникшей туда таксы, а, разъ уже впѣпившись зубами, барсукъ скоро не отпускаетъ своей жертвы. Чтобы убить барсука, достаточно ударить его по носу всего лишь одинъ разъ, между тѣмъ какъ самые жестокие удары по остальнымъ частямъ тѣла, повидимому, остаются безъ особенныхъ послѣдствій. Испытавъ преслѣдованія, барсукъ удваиваетъ свою осторожность и нерѣдко случается, что онъ смиренхонько остается въ норѣ дня по два и по три послѣ того, какъ къ ней подходила собака или человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поступаютъ такъ: идутъ ночью къ норѣ и оттуда посылаютъ чуткую собаку по слѣдамъ барсука; а такъ какъ обыкновенно собака скоро его настигаетъ и онъ торопится возвратиться домой, то охотникъ, снабженный потайнымъ фонаремъ, легко и убиваетъ его.

Барсуки, пойманные старыми, напр. при разрываніи ихъ норъ, оказываются отвратительными животными, непригодными ни къ какому воспитанію или прирученію, лѣнивыми, недовѣрчивыми и злонаправленными. Въ теченіе дня они лежатъ неподвижно и появляются только ночью, скалятъ при всякомъ случаѣ зубы

и опаснѣйшимъ образомъ кусаютъ cadaго, кто къ нимъ приблизится. Лепцу былъ доставленъ старый, жирный, вполне здоровый барсукъ, котораго онъ и помѣстилъ въ большой ящикъ. Въ немъ барсукъ спокойно лежалъ все въ одномъ и томъ же углу, не двигался, если его къ этому не принуждали сильными толчками, и начиналъ бодрствовать только послѣ десяти часовъ вечера.

«Если», повѣствуетъ этотъ наблюдатель, «мнѣ хотѣлось днемъ заставить его перейти изъ одного угла въ другой, то я не иначе могъ это сдѣлать, какъ насильственно передвинувъ его туда при посредствѣ большой лопаты. Въ такихъ случаяхъ, а также и когда я причинялъ ему боль ударами въ бокъ, барсукъ жестоко пыхтѣлъ, издавалъ затѣмъ, приводя въ сотрясеніе свое брюхо, какое-то своеобразное урчаніе, а, бросаясь на меня съ цѣлю укусить, испускалъ звукъ, похожій на тотъ, который слышится, когда, получивъ хорошій ударъ въ бокъ, собака или медвѣдь бросаются съ цѣлю укусить своего докучателя.

«Въ первый день я далъ ему нѣсколько штукъ моркови, а также пустилъ въ ящикъ живую мѣдяницу и двухъ ужей. На слѣдующее утро оказалось, что онъ не съѣлъ ничего, но одинъ изъ ужей былъ посрединѣ сильно искусанъ. Вечеромъ я прибавилъ еще двухъ большихъ гадюкъ, которыхъ и положилъ передъ мордою барсука. Онъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія, вовсе не обезпокоивался ихъ шипѣніемъ, и даже вполне терпѣливо сносилъ, когда какъ онѣ, такъ и ужи, переползали черезъ него. На третій день изъ всего доставленнаго ему на кормъ онъ съѣлъ только кусокъ ужа, который за день до этого былъ имъ искусанъ. Я же прибавилъ ему еще мертвую синицу, кусокъ кроличьяго мяса и красной свекловицы. Утромъ на четвертый день я нашелъ, что отъ мѣдяницы и двухъ гадюкъ не осталось ничего, отъ обоихъ же ужей, а также и отъ кролика было отѣдено по порядочному куску; но синицы, а также моркови и свеклы барсукъ не тронулъ вовсе. Вообще барсукъ казался бодрымъ, а такъ какъ обнаружилось, что больше всего ему нравятся гадюки, то мнѣ весьма хотѣлось увидать, какъ онъ ихъ загрызаетъ и съѣдаетъ, а такъ какъ ѣсть онъ только по ночамъ и только тогда, когда за нимъ не наблюдаютъ, то, чтобъ доставить себѣ, все-таки, возможность произвести вышеупомянутое наблюдение, я прибѣгнулъ къ хитрости. Известно, именно, что барсукъ до того падокъ на воду, что если, вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ, онъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, будетъ осужденъ на безвыходное пребываніе въ норѣ, то, затѣмъ, въ случаѣ счастливаго для него оттуда выхода, онъ немедленно же устремляется къ водѣ и пьетъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, тамъ-же, на водопоѣ, и не умретъ (?). Вслѣдствіе этого, я не давалъ ему въ теченіе двухъ дней воды, а затѣмъ выбралъ большую, истощенную гадюку, окунулъ ее въ свѣжую воду и положилъ передъ носомъ барсука. Почувявъ воду, барсукъ немедленно поднялся и сталъ облизывать гадюку, которая, въ свою очередь, старалась ускользнуть. Тогда барсукъ лѣвою ногою наступилъ на нее, разорвалъ ей заднюю часть тѣла и съ видимымъ наслажденіемъ, въ моемъ-же присутствіи, съѣлъ хорошій кусокъ. Гадюка широко и грозно разѣвала пасть, но не кусалась. Тутъ я поставилъ передъ барсукомъ миску съ водою. Онъ тотчасъ-же бросилъ гадюку и съ большою жадностью выпилъ всю воду, которой было болѣе литра. Пьетъ же барсукъ не такъ, какъ собака или лисица, т. е. не высовываетъ впередъ языкъ, не лакаетъ, а, погрузивъ въ воду весь ротъ, двигаетъ нижнею челюстью на подобіе того, какъ при жеваніи».

Совершенно иначе держать себя барсуки, пойманные молодыми и подвергшіеся тщательному воспитанію. Они, въ особенности если были вскормлены исключительно или по преимуществу растительною пищею, становятся ручными и до

того привязываются къ своему надсмотрщику, что даже слѣдуютъ за нимъ всюду, а, будучи выпущены изъ клѣтки, возвращаются по его зову въ нее обратно. Такъ, въ Берлинскомъ зоологическомъ саду проживали два барсука, которые обыкновенно привѣтствовали посѣтителя и выпрашивали у него подачки. Свой образъ жизни они измѣнили весьма замѣтно; спали, напр., только передъ обѣдомъ и вообще къ нимъ никакъ нельзя уже было примѣнить нижеслѣдующаго двустишія:

Grei Viertei seines Lebens
Verschlâft der Lachs vergebens *).

Эти барсуки уже не предавались зимней спячкѣ и даже въ самые сильные холода ежедневно вылѣзали изъ своего укромнаго уголка за полученіемъ корма. Отъ холодовъ они защищали себя тѣмъ, что, при посредствѣ соломы и сѣна, устраивали мягкое и теплое ложе въ своемъ логовищѣ и входное отверстіе въ это убѣжище, смотря по степени холода, или распиряли, или совсѣмъ закладывали подстилкою изнутри. Внимательные наблюдатели подмѣтили такую чувствительность барсука къ переѣнамъ въ атмосферѣ, что утверждаютъ будто-бы его слѣдуетъ причислять даже къ предсказателямъ погоды.

«Въ маѣ 1833 года», рассказываетъ фонъ-Шетрувскій, «доставили мнѣ двухъ молодыхъ барсуковъ, самку и самца, не старше четырехъ недѣль. Въ первые дни своего плѣна эти звѣрки были довольно пугливы и оставались почти все время свернутыми въ клубочекъ. Однако, въ теченіе пяти дней боязливость ихъ вполне исчезла и они дошли даже до того, что брали предлагаемый имъ кормъ изъ рукъ. Они ѣли все: хлѣбъ, плоды, молоко, но болѣе всего имъ нравилось сырое мясо. Вначалѣ я держалъ ихъ въ своей передней, и они до того стали ручны и доверчивы, что отзывались даже на данныя имъ клички. Потомъ я продержалъ ихъ цѣлыхъ три недѣли въ своей комнатѣ, пока, наконецъ, мнѣ не надоѣло причиняемое ими безпокойство по ночамъ: они всю ночь бѣгаютъ и скребутся. Тогда я сдѣлалъ имъ большую клѣтку изъ желѣзныхъ прутьевъ, на подобіе тѣхъ, которыя бывають въ звѣрицахъ. Въ этой клѣткѣ я продержалъ барсуковъ цѣлое лѣто, соблюдая въ ней крайнюю опрятность. Но, съ приближеніемъ осени, мѣхъ моихъ звѣрковъ до того загрязнился, что я сталъ подумывать о другомъ какомъ-либо способѣ ихъ содержанія, и наконецъ рѣшился поставить ихъ въ тѣ-же условія относительно жилища, въ которыхъ они находятся, оставаясь на волѣ, что мнѣ вполне удалось.

Я устроилъ выложенную внутри камнемъ яму въ 10 метровъ въ поперечникѣ, а кругомъ нея былъ возведенъ ваборъ, чрезъ который въ яму вела лѣстница. На двѣ же ямы былъ выстроенъ небольшой домикъ, имѣвшій въ длину и ширину по 2 метра, а въ высоту $\frac{1}{2}$ метра; въ домикъ этотъ велъ лишь одинъ входъ, закрывавшійся дверцами. Барсуки были спущены въ яму, къ которой весьма скоро привыкли. Спустя же дней около десяти они стали рыть себѣ естественную нору. Достопримѣчательна была при этомъ неутомимая дѣятельность барсуковъ. Рыли они постоянно передними лапами, а задними лишь выбрасывали въ наружное отверстіе нарытую землю. При этомъ занятіи самка обнаруживала гораздо болѣе дѣятельности, чѣмъ болѣе красивый и болѣе рослый самецъ. По истеченіи двухъ недѣль барсуки врылись въ землю на 2 метра, по продѣланное ими входное отверстіе все таки еще оставалось внутри построеннаго для нихъ домика. Послѣ этого барсуки направили всю свою дѣятельность на такое расширеніе норы, чтобы

*) Три четверти своей жизни барсуки напрасно просыпаегь.

въ ней можно было удобно спать. Недоставало имъ также и хорошей подстилки, и когда я замѣтилъ, что они собираютъ случавшуюся въ ихъ распоряженіи траву, то далъ имъ свѣжаго сѣна. Пользоваться имъ они научились, и весьма занимательно было наблюдать, какъ, на подобіе обезьянъ, они брали въ переднія лапы пучки сѣна и втаскивали ихъ въ свое жилище. Рытье, однако, все продолжалось, и я убѣдился, что рядомъ съ первой камерой, предназначенной для спанья, барсуки вырыли и другую, для кладовой. Вскорѣ затѣмъ они вырыли еще три маленькія камеры, въ которыя и помѣщали постоянно свои испражнения. Тѣмъ не менѣе, входъ въ нору оставался все еще одинъ и находился, какъ упомянуто, внутри домика. Барсуки, однако, приложили все свое стараніе къ тому, чтобы продѣлать себѣ также выходъ и внѣ домика, и когда наконецъ они въ этомъ успѣли, то совершенно успокоились: теперь, несмотря на запертыя дверцы въ домикъ, они могли входить и выходить а, разъ попавъ въ яму, могли чрезъ отверстіе въ заборѣ проникать также и въ садъ.

«Весьма занимательно было смотрѣть на ихъ игры въ свѣтлыя и теплыя ночи. Они лаяли какъ собаки, бормотали какъ сурки, нѣжно обнимались какъ обезьяны и принимали тысячи позъ. Если по сосѣдству околѣвала овца или теленокъ, то барсуки первыми оказывались на падали, и затѣмъ, въ свое жилище, за четверть мили, утаскивали такіе большіе куски мяса, что приходилось удивляться. Самецъ рѣдко отдалялся отъ норы, выгонялъ его оттуда развѣ голодъ; но самка слѣдовала за мною при всѣхъ моихъ прогулкахъ.

«На декабрь и январь мои барсуки заключились въ норѣ. Въ февралѣ они проснулись, и въ концѣ этого же мѣсяца спарились. Къ сожалѣнію, на мою долю не выпало удовольствія видѣть дѣтенышей отъ моей парочки: 1-го апрѣля беременная самка попала въ сосѣднемъ лѣсу въ лисій капканъ и была убита несвѣдущимъ охотникомъ».

О другомъ прирученномъ и почти одомашненномъ барсукѣ Людвигъ Бекманъ сообщаетъ мнѣ слѣдующее: «Пойманный молодымъ, барсукомъ—при хорошемъ обращеніи, и именно при содержаніи его на свободѣ вмѣстѣ съ домашними собаками—ручнѣе чрезвычайно. Такая, вполнѣ превращенная въ домашнее животное барсучья самка была и у меня, и потеря ея глубоко меня опечалила. Каспаръ—такъ прозывали ее, несмотря на ея полъ—былъ весьма честное, хотя нѣсколько и неуклюжее созданіе. Жить въ мирѣ онъ желалъ со всѣми, но такъ какъ шутки его бывали весьма грубоваты, то часто возникали недоразумѣнія, за которыя онъ и платился. Собственно его товарищемъ по игрѣ была въ высшей степени ловкая, понятливая легавая собака, которую я съизмала еще пріучилъ хорошо обращаться со всѣми дикими животными. Въ хорошіе вечера у этой собаки устраивались съ барсучокомъ настоящіе турниры, и любители животныхъ собирались ко мнѣ отовсюду, чтобы посмотрѣть на это рѣдкостное зрѣлище. Сущность состязанія состояла въ томъ, что барсукомъ, тряхнувъ нѣсколько разъ головою какъ дикій кабанъ, прямехонько несся на стоящую шагахъ въ 15-ти собаку и, пробѣгая мимо, ударялъ головою противника. Собака же, послѣ этого, красивымъ прыжкомъ перескакивала черезъ барсука, выжидала второго или третьяго нападенія и затѣмъ пускалась убѣгать отъ своего противника въ садъ. Если теперь барсуку удавалось поймать ее за заднюю ногу, то поднималась ожесточенная возня, которая, однако, никогда не переходила въ настоящую драку. Если же барсуку приходилось плохо, то онъ, безъ оглядки, отбѣгалъ назадъ, фыркая и дрожа, выгибалъ спину, топорщилъ волосы и, на подобіе надувшагося индѣйскаго пѣтуха, наступалъ съ разныхъ сторонъ на собаку. Затѣмъ, спустя нѣсколько мгновеній и надутость и ошетившіеся волосы мало по малу

пропадали, а послѣ нѣсколькихъ помахиваній головою и самоуспокоительнаго похрюкиванья («ху, гу, гу, гу»), барсукъ снова начиналъ прежнюю забаву.

«Большую часть дня барсукъ просыпалъ въ своей норѣ, которую онъ довольно искусно заложилъ подъ своей конурой, помѣщавшейся въ отгороженномъ пространствѣ, имѣвшемъ приблизительно около шести квадратныхъ метровъ. Нора состояла собственно изъ одного большого, непрерывнаго углубленія съ недлиннымъ ходомъ въ него; замѣчательнымъ же являлось то обстоятельство, что барсукъ постоянно поддерживалъ, вѣроятно въ видахъ провѣтриванія, отверстіе, величиною приблизительно съ кулакъ, на задней стѣнкѣ норы. Кромѣ того, за порою выкопалъ онъ еще отъ 3 до 5 ямочекъ, имѣвшихъ форму горшка и простиравшихся въ ширину и въ глубину приблизительно на 25 см.; этимъ ямочкамъ онъ посвящалъ достойную смѣха внимательность, то расширяя, то закапывая и заравнивал, то выкапывая вповь которую-нибудь изъ нихъ. Эти ямки предназначались для принятія твердыхъ и жидкихъ испражнений и надъ ними онъ только совершалъ свои нужды. При большихъ холодахъ барсукъ стаскивалъ и сѣно и солому изъ коморки внизъ къ себѣ въ нору и затыкалъ ими изнутри отверстіе; за сутки же до наступленія оттепели, напротивъ, вдругъ выбрасывалъ всю свою подстилку наружу, а самъ, дрожа отъ холода, начиналъ снова по своему дворику до тѣхъ поръ, пока его не брали въ домъ или не помѣщали въ теплый хлѣвъ.

«Въ домѣ, благодаря чрезвычайной любви барсука къ опрятности, ему позволяли свободно бродить повсюду. Но, повидимому, особенное удовольствіе доставляло ему лазаніе вверхъ и внизъ по лѣстницамъ. Нерѣдко также онъ и самопроизвольно и въ-тихомолку пробирался въ хлѣбный амбаръ и любознательно засматривалъ во всѣ уголки. Особенною милостью для себя онъ считалъ позволеніе быть около меня во время моего обѣда. Тогда онъ, безъ церемоніи, отстранялъ легавую собаку, поднимался на заднія лапы, переднія же вмѣстѣ съ пестрою, гладкою головою клалъ мнѣ на колѣни и, выхрюкивая свои обычные: «ху, гу, гу, гу», выпрашивалъ кусочекъ мяса, который весьма ловко и нѣжно бралъ съ вилки. Зимомъ онъ любилъ лежать передъ печью навзничь, оборотясь къ огню своимъ объемистымъ брюхомъ, покрытымъ лишь тонкими волосками.

«Лѣтомъ Каспаръ весьма охотно сопровождалъ меня къ участку густого лѣска, въ которомъ онъ чувствовалъ себя вполне какъ дома и на каждомъ шагу что-либо находилъ для себя: то схватывалъ на-лету шмеля или вытаскивалъ изъ земли червя, то отыскивалъ ягоды, то разчленялъ своими когтями придорожную улитку. На возвратномъ пути слѣдовалъ онъ за мною по-пятамъ нехотя, но затѣмъ весьма скоро начиналъ рвать меня за панталоны. Хорошій толчекъ ногою только возбуждалъ его къ новымъ грубымъ шуткамъ, и, напротивъ, самый легкій ударъ рукою или хлыстикомъ огорчалъ его въ высшей степени.

«Во время линянія, приблизительно съ половины апрѣля и до начала сентября, барсукъ бывалъ довольно тощъ и сухопаръ. Затѣмъ вдругъ увеличивались у него одновременно и позывъ на пищу, и полнота. Къ концу октября онъ бывалъ уже столь жиренъ, что, при бѣгѣ рысью, задыхался. Какъ животное всеядное онъ любилъ пищу смѣшанную и его мѣню составляли: кухонные отбросы, свекла, морковь, тыквы, зеленяя яблоки, сваренныя вмѣстѣ съ овсяною мукою до густоты тѣста и, затѣмъ, нѣсколько кусочковъ сырого или варенаго мяса. Любимою пищею барсука были также сливы, которыя онъ подбиралъ въ саду и проглатывалъ затѣмъ съ косточками послѣ недолгаго жеванія. Сырое мясо переваривалъ барсукъ значительно медленнѣе, чѣмъ лисицы и собаки, но ѣлъ его съ жадностью, даже если это было мясо кошекъ, лисицъ и воронъ, и послѣднее я по преимуществу ему и до-

ставлялъ. Однако, во всемъ обликѣ и поступкахъ барсука не было вовсе ничего, напоминающаго хищное животное, и когда, по осени, онъ, столь безмятежно обжорствуя, стаивалъ надъ своимъ корытомъ, а затѣмъ съ полнымъ наслажденіемъ чавкалъ своимъ ртомъ, то мнѣ всегда вспоминалась маленькая откормленная китайская свинка.

«Возможность разводить барсуковъ въ то время не казалась мнѣ чѣмъ-нибудь затруднительнымъ, и я даже и теперь могъ-бы рекомендовать сдѣлать этотъ опытъ всемъ тѣмъ, кто, подобно пишущему эти строки, не имѣетъ отвращенія къ жаркому изъ барсучьяго мяса. Въ началѣ октября у моей самки несомнѣннымъ образомъ обнаружилась склонность къ размноженію; но какъ мнѣ кажется, время течки обнимало всего лишь нѣсколько дней. Къ сожалѣнію, какой-то особенный злой рокъ мѣшалъ осуществленію всѣхъ моихъ стремленій достать, по сосѣдству со мною, барсука-самца. Многіе молодые барсуки, которыхъ я пытался воспитывать, бывали повреждаемы при поимкѣ и, при неимѣніи, какъ казалось, никакого изъяна снаружи, впоследствии гнили отъ внутреннихъ поврежденій; короче сказать, моя самка осталась безъ супруга.

«Не взирая на всѣ похвальныя качества барсука, я не могъ-бы однако, рекомендовать его какъ домашнее животное каждому, и всего менѣе, какъ сотоварища дѣтямъ въ ихъ играхъ. Помимо его часто весьма грубыхъ шутокъ, барсукъ имѣетъ дурную привычку ужаснѣйшимъ образомъ пугаться всего ему неприятнаго. При этомъ, дрожа и фыркая, онъ отбѣгаетъ назадъ, топорщитъ волосы и, затѣмъ, просто изъ одного отчаянія, съ бѣшеною смѣлостью бросается на предметъ своего ужаса.

«Что-же касается моего добраго Каспара, то однимъ прекраснымъ осеннимъ утромъ его постигъ позорный конецъ. Вѣроятно побуждаемый нѣжною страстью, онъ покинулъ ночью свой звѣринецъ, побывалъ во всѣхъ окрестныхъ огородахъ и свекловичныхъ поляхъ и подъ утро, нисколько не скрываясь, возвратился въ одну усадьбу, находившуюся отъ моего жилища приблизительно въ четверти мили. Здѣсь онъ былъ убитъ дубинами сбѣжавшихся крестьянъ, которые сочли его за дикое животное».

Кьерболингъ имѣлъ беременную самку, которая, родивъ впоследствии двухъ дѣтенышей и воспитывая ихъ съ величайшею нѣжностью и заботливостью, не обнаруживала во все это время прежней своей боязливости. Такъ, оказываясь въ высшей степени чувствительною ко всякаго рода безпокойству, она подсакивала къ рѣшеткѣ, скаля зубы при каждомъ приближеніи человѣка, и пыталась препятствовать входенію въ клетку сторожа. Когда же молодые подросли, то мать очень мило съ ними играла.

Польза, приносимая убитымъ барсукомъ, довольно значительна. Его мясо слаще свиного, и нѣкоторыми охотниками считается большимъ лакомствомъ. Непроницаемая для воды, крѣпкая и прочная шкурка—которыхъ, по Ломеру, ежегодно доставляютъ на рынокъ въ числѣ 55,000 штукъ, стоимостью въ 123,000 марокъ—употребляются на обивку сундуковъ и т. п. вещей; изъ длинныхъ волосъ, въ особенности выдернутыхъ изъ хвоста, выдѣлываютъ щетки и кисти; жиръ употребляютъ какъ лекарственное средство или же какъ освѣтительное вещество; нѣкоторые же охотно ѣдятъ его, намазывая на хлѣбъ и сравниваютъ его съ гусинымъ жиромъ.

Другой родъ составляютъ Медоѣды (*Mellivogae*), широкоспинныя короткомордые и короткохвостыя животныя, по преимуществу отличающіяся своею зубною системою. У нихъ всего 32 зуба, причемъ число рѣзцовъ и клыковъ

обычное, а затѣмъ съ каждой стороны въ верхней челюсти находится по 3 ложнокоренныхъ и по 1 настоящему коренному зубу, а въ нижней—по 2 ложнокоренныхъ и по 2 настоящихъ коренныхъ зуба. Тѣло неуклюжѣе, чѣмъ у обыкновеннаго барсука и его ближайшихъ родичей, сверху внизъ сплющено, спина широка и плоска, морда длинная, маленькія уши съ ихъ раковинами немного выдаются изъ шерсти, глаза малы и лежатъ глубоко, конечности коротки и сильны, пятки голыя, а пальцы на переднихъ лапахъ снабжены длинными когтями, предназначенными для рытья.

Въ этомъ родѣ различали нѣсколько видовъ; мы же опишемъ ихъ образъ жизни, взявши, какъ примѣры, самые обыкновенные виды, живущіе на предгоріяхъ мыса Доброй Надежды, въ Средней Африкѣ, а также и въ Индіи.

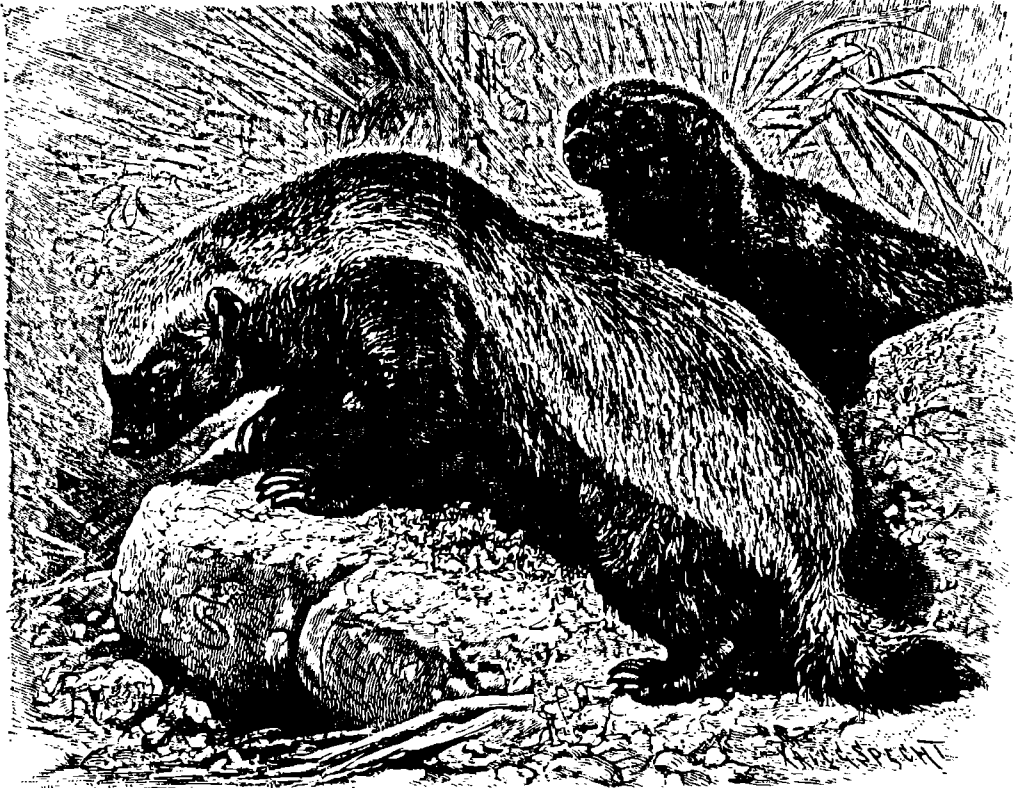
Медоѣдъ или Ратель (*Mellivora capensis*, *Gulo*, *Mustela*, *Viverra* и *Ratelus capensis*, *Ursus*, *Taxus*, *Meles*, *Viverra* и *Lipotes mellivora*. *Ratelus typicus*. Нонигдachs Ratel), будучи взрослымъ, достигаетъ длины свыше 70 см., изъ которыхъ на сравнительно весьма длинный хвостъ слѣдуетъ отчислить около 25 см. Волосы длинные и жесткіе; лобъ, темя, затылокъ, шея, спина, лопатки и хвостъ пепельнаго цвѣта; морда, щеки, уши, передняя поверхность шеи, грудь, брюхо и конечности сѣровато-черныя, причемъ оба тотчасъ упомянутые рода окраски рѣзко отдѣляются другъ отъ друга. Обыкновенною границею между ними служить свѣтло-сѣрая полоса, которая между прочимъ и составляетъ главное отличіе африканскаго медоѣда отъ индійскаго.

Ратель проживаетъ въ норахъ подъ землею, которыя самъ вырываетъ, обладая невѣроятнымъ искусствомъ въ выкапываніи ихъ. Медлительный и неловкій, онъ едва-ли былъ бы въ состояніи ускользнуть отъ своихъ враговъ, если-бы не обладалъ искусствомъ, по крайней мѣрѣ въ рыхлой почвѣ, почти мгновенно погружаться въ землю, т. е. столь быстро вырывать себѣ нору и укрываться подъ поверхностью земли, что его преслѣдователь не имѣетъ времени его настичь. Ратель ведетъ ночной образъ жизни и лишь рѣдко хищничаетъ днемъ. При нашихъ охотахъ въ странѣ бушменовъ, мы видѣли его дважды и каждый разъ, хотя и подъ вечеръ, но все-таки до заката солнца. Ночью же, медленно бродя, онъ нападаетъ на маленькихъ млекопитающихъ, каковы: мыши, тушканчики и т. п., или на птицъ, черепахъ, улитокъ и червей, отрываетъ корни и луковицы или же съискиваетъ и плоды.

Но образъ жизни рателя главнымъ образомъ опредѣляется его страстною любовью къ меду, вслѣдствіе чего онъ и является однимъ изъ ревностнѣйшихъ разысквателей пчелъ

Въ безлѣсныхъ странахъ Африки пчелы, на подобіе шмелей и осъ, гнѣздятся главнымъ образомъ въ землѣ и именно во всякаго рода углубленіяхъ и расщелинахъ. Такія гнѣзда для рателя всего желательнѣе и когда такого рода сокровище съищется, ратель нападаетъ на него съ наслажденіемъ. Конечно, пчелы защищаются и жалятъ его какъ только могутъ, но покрытая густыми волосами, весьма крѣпкая шкура рателя представляетъ самый лучшій щитъ, какой только можно найти противъ пчелиныхъ укусовъ. Объясняется это тѣмъ, что кожа рателя лежитъ на толстомъ слоѣ жира, поэтому говорятъ, что въ слоѣ своего подкожнаго сала ратель могъ-бы свободно круговращать свое туловище. Противъ такого врага пчелы совершенно безсильны, а ратель, съ ожесточеніемъ раскопавъ ихъ ульи, услаждается, на привольи, ихъ драгоценнымъ содержимымъ. О томъ, какъ ратель совершаетъ свои охоты за пчелами, Шпарманнъ сообщаетъ забавныя вещи, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, основаны на разсказахъ готтентотовъ и голландскихъ поселенцевъ и, конечно, не вѣрны.

«Пчелы», повѣствуетъ этотъ путешественникъ, «доставляютъ медоѣдамъ если не единственную, то все-таки самую главную пищу, и, для отысканія ихъ подземныхъ гнѣздъ, ратель прибѣгаетъ къ большой хитрости: именно, передъ закатомъ солнца покидаетъ онъ свою нору, въ которой продремалъ цѣлый день, и начинаетъ бродить по окрестностямъ, чтобы, подобно льву, выслѣдить свою добычу издали. Онъ садится на пригорѣкъ, защищаетъ переднею лапою свои глаза отъ низко уже спустившагося солнца и пристально слѣдитъ за пчелами. Замѣтивъ же, что нѣкоторыя изъ нихъ летаютъ все въ одномъ и томъ-же направленіи, ратель, прихрамывая, идетъ за ними, затѣмъ снова наблюдаетъ за пчелами и, наконецъ, мало по малу,

Ратель. *Mellivora capensis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

добирается до пчелинаго гнѣзда, послѣ чего и начинается уже борьба на животь, а на смерть. Рассказываютъ, что рателя, точно такъ, какъ и туземнаго жителя южной Африки, въ поискахъ за медомъ иногда руководить птица, медовая кукушка (*Indicator*), у которой хватаетъ настолько ума, чтобы сообразить, что меда, этого лакомаго блюда, хочется и человѣку, и звѣрю. Будучи не въ состояніи собственными силами овладѣть пчелиною крѣпостью, птица эта находитъ однако выгоду для себя указывать отысканные ею пчелиныя ульи другимъ, болѣе сильнымъ существамъ, съ цѣлью, при разрушеніи гнѣзда, поживиться и самой. Въ видахъ этого, своимъ крикомъ она обращаетъ на себя вниманіе любителя меда, а затѣмъ начинаетъ летать передъ нимъ, отъ времени до времени присаживаясь, если тяжеловѣсный обитатель земли бываетъ не въ состояніи за нею поспѣвать. Послѣ такой остановки,

она снова начинает свое путеводительство, а приблизясь къ гнѣзду, голосокъ ея становится еще привѣтливѣе и, наконецъ, она прямо спускается на сокровище. Затѣмъ, во время самого разоренія улья, птичка остается въ сторонѣ и беретъ свою долю лишь послѣ того, какъ удовлетворяетъ свою алчность или челоуѣкъ, или ратель. Притакихъ нападеніяхъ, превосходныя услуги противъ разъяреннаго роя пчелъ оказываетъ рателю толстота его шкуры, которую не только не могутъ прокусить пчелы, но изъ-за которой даже собаки, по показаніямъ всѣхъ охотниковъ, не въ силахъ справиться съ такимъ сравнительно слабымъ противникомъ».

Впрочемъ, ратель посягаетъ не на одинъ только медъ; онъ любитъ также и болѣе сытную пищу. Кармихель сообщаетъ, что владѣльцы курятниковъ смотрятъ на него, какъ на одно изъ самыхъ вредныхъ животныхъ. Поселяне около залива Алгоа однажды перессорились между собою изъ-за обладанія тѣми яйцами, которыя снесли куры, а ночью ратель положилъ конецъ этой ссорѣ, перегрызая горло всей домашней птицѣ, которой насчитывалось до 30 штукъ, при чемъ трехъ изъ убитыхъ такимъ образомъ онъ уволокъ въ свою нору.

Увѣряютъ, будто ратель живетъ съ двумя или тремя самками и никогда не упускаетъ ихъ изъ виду. Въ періодъ спариванія онъ, говорятъ, бываетъ до того свирѣпъ и разъяренъ, что нападаетъ даже на людей и тяжело ранитъ ихъ. Впрочемъ вообще ратель не сдается безъ сопротивленія, въ случаѣ нападеній на него. Пытаться схватить его живымъ—совѣтывать нельзя, такъ какъ онъ умѣетъ употребить въ дѣло свои зубы. Однако, прежде чѣмъ начать кусаться, ратель пытается спастись, съ каковою цѣлью онъ или невѣроятно скоро врывается въ землю, если только это позволяетъ свойство почвы, или же опрыскиваетъ своего врага содержимымъ своихъ зловонныхъ железъ.

Говорятъ, будто ратель пускаетъ въ дѣло свои зубы только въ случаѣ крайности. Если это вѣрно, то причина такой сдержанности мнѣ не понятна, такъ какъ зубной снарядъ у рателя до того сильно развитъ, что онъ могъ-бы внушить къ себѣ уваженіе каждому охотнику и каждой собакѣ и побудить ихъ соблюдать осторожность. За-то въ живучести этого животнаго я вполне убѣжденъ. Двухъ выстрѣловъ, которые однимъ вечеромъ мой другъ Фанъ-Аркель сдѣлалъ по рателю почти въ 20 шагахъ, было-бы вполне достаточно, чтобы уложить льва: ратель-же ушелъ какъ ни въ чемъ не бывало. Замѣтимъ еще къ слову, что когда на слѣдующее утро мы отправились обыскивать кусты, то относительно слѣдовъ звѣря намъ оставалось руководиться лишь нашимъ обоняніемъ, ибо хотя прошедшей ночью дождь и уменьшилъ зловоніе отъ выпущенной звѣремъ жидкости, но все-таки не уничтожилъ его. Вонь же вообще была до того сильна, что только особое наше рвеніе къ отыскиванію звѣря заставляло переносить ее. Относительно живучести рателя слѣдуетъ еще замѣтить, что, по слухамъ, капландскіе земледѣльцы доставляютъ себѣ удовольствіе втыкать рателю въ различные мѣста его тѣла ножъ, въ увѣренности, что черезъ это еще нельзя быстро умертвить его. Также и на убитыхъ рателяхъ нельзя было ни разу отыскать слѣдовъ тѣхъ укусовъ собакъ, которымъ они, между тѣмъ, до убіенія ихъ, подвергались. За-то сильнымъ ударомъ по носу можно умертвить рателя мгновенно.

Ратель индѣйскій (*Mellivora indica*, *M. ratel*, *Ursus indicus*, *Ursitaxus inauritus*. *Indischer Ratel*. *Ratel indien*) по образу жизни, говорятъ, похожъ на африканскаго, и также весьма вредный посѣтитель птичьяго двора. Кромѣ того туземцы обвиняютъ его и въ разрываніи могилъ для пожиранія труповъ (?). За исключеніемъ Малабарскаго берега, а также и Нижней Бенгаліи, индѣйскій ратель во-

дится во всей западной и сѣверозападной Индіи, отъ Бенгальскаго залива до подножія Гималаевъ. На Цейлонѣ же онъ не встрѣчается.

Ратели, будучи пойманы молодыми, становятся ручными, а вслѣдствіе своей неуклюжести и своеобразности движеній очень забавны. Обыкновенно они въ высшей степени серьезно и неутомимо обхаживаютъ по одному и тому-же направленію свою клітку и какъ разъ на однихъ и тѣхъ же опредѣленныхъ мѣстахъ равнодушно кувыркаются. Если же совершить послѣднее какъ-нибудь позабудутъ, то останавливаются, возвращаются назадъ и конфузливо наперстываютъ пропущенное. Я наблюдалъ надъ содержащимися въ неволѣ рателами, что, если на нихъ нападаетъ охота сотни разъ измѣрять шагами своими клітки, то столько же разъ другъ за другомъ они совершаютъ точь-въ-точь на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ клітки и свои, въ высшей степени комическія кувырканія. Оба извѣстнѣйшихъ вида рателей содержались въ Лондонскомъ зоологическомъ саду вмѣстѣ, прекрасно ладили другъ съ другомъ и забавляли зрителей своими смѣшными выходками. Однако тотъ ратель, который проживалъ у меня, былъ гораздо скучнѣе, что несомнѣнно объяснялось отсутствіемъ у него общества. Въ общемъ же наши свѣдѣнія о рателяхъ оставляютъ желать еще весьма многого.

* * *

Представителемъ слѣдующаго рода является воючиа, короткохвость (Mydaus), признаки котораго слѣдующіе: тѣло приземистое, вмѣсто хвоста лишь пенецекъ, усаженный длинными волосами; голова весьма удлинненная, а морда вытянута въ видѣ рыла; глаза малы, короткія и широкія уши скрываются въ волосахъ, низкія и сильныя конечности снабжены умѣренно большими ступнями, пальцы которыхъ срослены вплоть до послѣднихъ суставовъ и оканчиваются мощными когтями, принаровленными для рытья; переднія лапы вдвое больше заднихъ. Зубная система состоитъ изъ 34 зубовъ, причемъ число рѣзцовъ и клыковъ обычное, ложнокоренныхъ зубовъ по три на каждой сторонѣ челюстей, а настоящихъ коренныхъ по одному на каждой сторонѣ верхней челюсти и по два на нижней. Въ области заднепроходнаго отверстія железистаго мѣшка нѣтъ, но около задняго прохода есть отдѣляющія зловонную жидкость железы, которыя снабжены сильно развитою кольцеобразною мышцею, такъ что жидкость можетъ быть выпрыскиваема.

Воючиа или короткохвость, теледу и зегунгъ на Явѣ, теллего на Суматрѣ, заатъ и гобангъ на Борнео (*Mydaus meliceps*, *M. javanicus* и *telagon*, *Mephitis javanensis*, *Ursus foetidus*, *Stinkdachs*, *Moufette de java*) роста небольшого, а въ длину имѣетъ 37 см., изъ которыхъ около 2 см. приходится на короткій хвостикъ. Густая, длинная шерсть окрашена въ равномерный темно-коричневый цвѣтъ. Бѣлая или желтовато-бѣлая полоса проходитъ отъ темени по всему хребту до кончика хвоста. Нижняя сторона тѣла свѣтлѣе верхней. Мѣхъ состоитъ изъ шелковисто-мягкаго подшерстка и жесткихъ остевыхъ волосъ, образующихъ по сторонамъ головы и затылка нѣчто въ родѣ гривы. Бокъ, наблюдавшій это животное по преимуществу на Явѣ, прибавляетъ также, что вся лицевая часть головы до ушей лишена волосъ, а собственно морда окрашена подъ цвѣтъ тѣла. Короткохвость живетъ на Суматрѣ, Явѣ и Борнео; существуетъ-ли онъ также на Малайскомъ полуостровѣ и на другихъ частяхъ материка—еще не рѣшено. Стерндаль считаетъ возможнымъ присутствіе его въ Тенассеримѣ; но Блэнфордъ объ этомъ не упоминаетъ.

Горсфильдъ впервые познакомилъ насъ съ образомъ жизни этого своеобразнаго созданія. Именно, короткохвость закладываетъ свою нору съ особенною предосторожностью и большимъ умѣньемъ на незначительной глубинѣ подъ поверх-

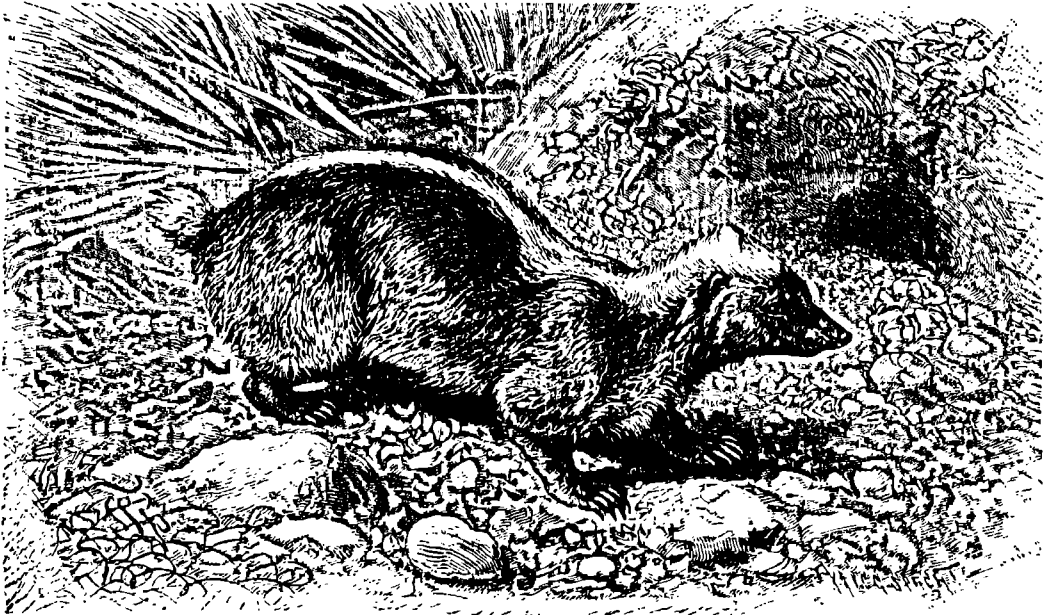
ностью почвы. Если онъ отыщетъ мѣсто, защищенное длинными и крѣпкими древесными корнями, то именно между ними, подъ деревомъ, онъ и вырываетъ котловину норы, придавая ей правильную шарообразную форму, діаметромъ въ одинъ метръ. Отсюда къ поверхности земли идутъ въ разныя стороны, приблизительно до 2 метровъ длиною, ходы, наружныя отверстія которыхъ обыкновенно бываютъ прикрыты вѣтками или сухими листьями. Въ теченіе дня короткохвость остается въ своей норѣ; при наступленіи же ночи выходитъ на поиски за всякаго рода личинками и червями, и въ особенности за червями дождевыми, которые въ чрезвычайномъ количествѣ находятся въ плодородномъ черноземѣ. Однако, вырывая изъ земли дождевыхъ червей подобно свиньямъ рыломъ, короткохвость этимъ самымъ причиняетъ полямъ вредъ. По Боку, короткохвость мечетъ отъ 3 до 4 дѣтенышей. По словамъ этого же наблюдателя, «короткохвость, прежде чѣмъ начать лаять, рычить какъ собака, а, бродя, хрюкаетъ и сопить почти какъ свинья». По Горсфильду, онъ встрѣчается на Явѣ исключительно въ высокихъ мѣстахъ не менѣе 2000 метровъ надъ уровнемъ моря и наблюдается въ этихъ предѣлахъ столь-же правильно, какъ извѣстныя растенія. Всѣ горные жители знаютъ какъ его самого, такъ и его повадки; между тѣмъ въ долинахъ онъ извѣстенъ столь-же мало, какъ и всякое чужестранное животное: такъ въ Батавіи, Самарангѣ или Сурабайѣ о немъ было бы напрасно и спрашивать. Однако, наблюденія, сдѣланныя въ новѣйшее время, прямо-таки противорѣчатъ этимъ даннымъ. Такъ, Форбесъ свидѣтельствуетъ, что «пребываніе короткохвоста вовсе не ограничивается, какъ это утверждали, только высотами; я встрѣчалъ его также и на горахъ, и на плоскогорьяхъ, не превышающихъ 500 ф. надъ уровнемъ моря; въ восточной же Явѣ онъ должно быть не водится.» Карлъ Бокъ тоже протестуетъ противъ показаній Горсфильда и утверждаетъ, что въ юго-восточной части Борнео «короткохвость встрѣчается столь-же часто, какъ крыса, въ мѣстностяхъ не выше 80 или 100 ф. надъ уровнемъ моря. На Суматрѣ же, прибавляетъ онъ, наибольшія высоты, на которыхъ встрѣчаютъ короткохвоста, не достигаютъ болѣе 1000 футовъ; но однако и здѣсь его находятъ лишь изрѣдка».

Всѣ движенія короткохвоста медлительны, а потому туземцы зачастую его и ловятъ; они вообще не страшатся короткохвоста и даже ѣдятъ его мясо, такъ какъ, по словамъ Форбеса, полагаютъ, что если кто приневолитъ себя къ этому, то не будетъ хворать.

Въ Прахскихъ горахъ Горсфильду, во время его изслѣдованій надъ короткохвостами, туземцы приносили этихъ животныхъ въ такомъ множествѣ, что пришлось наконецъ отказываться отъ нихъ. Этотъ-же естествоиспытатель утверждаетъ, «что мясо короткохвоста можетъ быть весьма вкусно, если только животное быстро умертвить и если столь-же быстро удалить зловонныя железы, которая въ такомъ случаѣ не усвѣваютъ еще сообщить своего запаха остальному мясу. Что же касается жидкости, то, по рассказамъ моего индѣйца—охотника, короткохвость можетъ выпрыснуть ее изъ себя самое большое, что на разстояніи 60 см. Жидкость эта весьма тягуча, а сильное ея дѣйствіе обусловливается чрезвычайною ея летучестью, такъ что, при нѣкоторыхъ условіяхъ, она можетъ заразить воздухъ въ окрестности цѣлой деревни; на близкомъ же разстояніи ея запахъ въ состояніи доводить нѣкоторыхъ людей даже до обморока. Американскія вонючки отличаются отъ короткохвоста главнымъ образомъ только тѣмъ, что могутъ выпрыскивать свою жидкость далѣе, чѣмъ онъ». Юнгхунъ подтверждаетъ эти данныя, кромѣ того прибавляетъ, что при благопріятномъ вѣтрѣ, ѣдкая, напоминающая чеснокъ жидкость короткохвоста можетъ быть ощущаема за полъ-мили. Бокъ однако судить объ

этомъ запахѣ иначе и сравниваетъ его «съ запахомъ перуанскаго гуано послѣ прибавленія къ нему азотной кислоты». Напротивъ, Форбесъ выражается о короткохвостѣ такъ: «мои вечерніе часы оказывались совершенно отравленными тѣмъ ѣдкимъ запахомъ, которымъ, при своихъ прогулкахъ въ сумерки, короткохвость, находясь даже и въ самомъ лучшемъ настроеніи духа, заражаетъ воздухъ по крайней мѣрѣ на англійскую милю вокругъ. Пытаться прогнать животное было-бы бесполезно, такъ какъ если потревожить короткохвоста, то онъ не прячется въ свое убѣжище, какъ это нѣкоторые утверждали, а, напротивъ, еще сильнѣе портитъ воздухъ своею ужасною вонью, которал цѣлыми недѣлями сохраняется въ платѣ, посудѣ и въ съѣстныхъ припасахъ».

«Короткохвость», продолжаетъ далѣе Горсфильдъ, «нравъ тихаго и кроткаго

Короткохвость. *Melicercus meliceps*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

и, будучи пойманъ юнымъ, можетъ быть весьма легко прирученъ. Наблюдать его нравъ я могъ, держа при себѣ довольно долго короткохвоста, мною же и пойманнаго. Этотъ короткохвость сдѣлался весьма скоро общительнымъ, зналъ свое мѣсто и своего надсмотрщика и никогда не приходилъ въ столь сильный гнѣвъ, чтобы выдѣлять свою зловонную жидкость. Я взялъ его съ собою съ Прахскихъ горъ въ Бледеранъ, мѣстечко, лежащее при подошвѣ Прахскаго хребта, гдѣ температура была гораздо выше, чѣмъ на высотахъ. Когда же короткохвость былъ привязанъ къ невысокому колу, чтобы можно было его срисовать, то онъ весьма быстро ходилъ вокругъ и взрывалъ своими когтями и рыломъ землю, какъ будто-бы отыскивая себѣ пищу, причемъ не обращалъ никакого вниманія на присутствующихъ, а также не дѣлалъ большихъ усилій и для своего освобожденія. Даннаго ему червяка онъ съѣлъ съ жадностью, причемъ одинъ конецъ червя придерживалъ ногою, а съ другого конца ѣлъ его. Уничтоживъ такимъ образомъ отъ 10 до 12 червей, короткохвость успокоился, вырылъ затѣмъ небольшую ямку въ землѣ, въ

которую и всунул свою морду. Послѣ этого онъ привольно разлегся и черезъ нѣсколько мгновеній заснулъ». * * *

Нельзя сказать, чтобы какое-либо животное изъ семейства куницъ распространяло вокругъ себя благоуханіе; напротивъ, уже и среди описанныхъ выше видовъ мы встрѣчали такихъ, которыхъ можно-бы назвать по всей справедливости «вонючками». Но какъ сравнить въ этомъ отношеніи нашего хорька съ нѣкоторыми родственными ему видами, живущими въ Америкѣ и въ Африкѣ, или съ тотчасъ описанными короткохвостами юго-востока Стараго Свѣта! Это вонючки въ превосходной степени! А что значитъ настоящая вонючая железа—становится понятнымъ изъ описаній того ужаса, который эти животныя распространяютъ вокругъ себя при одномъ только своемъ появленіи. Всѣ отчеты американскихъ путешественниковъ и естествоиспытателей согласны въ томъ, что мы даже и не въ силахъ составить себѣ надлежащаго понятія о томъ дѣйстви, которое производитъ жидкость, отдѣляемая зловонными железами этихъ животныхъ. Никакая лабораторія, никакая помойная яма, никакое мѣсто для вывоза падали, короче, никакой смрадъ па свѣтъ не можетъ сравниться съ тѣмъ, который распространяютъ столь красивыя на видъ вонючки и который недѣлями и мѣсяцами гнѣдитъ въ вещахъ, пропитанныхъ имъ. Наименованіе этого смрада «чумнымъ»—справедливо, такъ какъ всякаго, кто имѣлъ несчастіе придти въ близкое соприкосновеніе съ какою-нибудь вонючкою, дѣйствительно будутъ обѣгать, какъ зараженнаго чумою. Вслѣдствіе этого, не взирая на свою незначительную величину, вонючки представляютъ могущественныхъ враговъ человѣка, такъ какъ стоитъ имъ только опрыскать кого-нибудь своею жидкостью, чтобы этотъ злополучный человѣкъ на долгое время былъ принужденъ покинуть человѣческое общество, а также, благодаря той-же ихъ жидкости, можетъ сдѣлаться необитаемымъ цѣлый домъ или испортиться огромный магазинъ съ драгоценными вещами.

Вонючки отличаются отъ остальныхъ барсуковъ замѣтно болѣе удлиненнымъ тѣломъ, длиннымъ, усаженнымъ густыми волосами хвостомъ, большимъ вздутымъ носомъ, чернымъ основнымъ цвѣтомъ окраски ихъ шерсти и бѣлыми полосами на ней. Голова, въ сравненіи съ тѣломъ, мала и заострена; носъ чрезвычайно некрасивъ, не покрытъ волосами и толстъ, какъ-бы вздутъ; маленькіе глаза обладаютъ пронизывающею остротою зрѣнія; уши малы и округлены; маленькія ноги снабжены умѣренно большими лапами съ пятью, почти совершенно сросшимися другъ съ другомъ пальцами, имѣющими довольно длинные, но вовсе не сильные, слегка изогнутые когти; нижняя часть пятокъ, по крайней мѣрѣ мясистая часть ихъ, голая. Зубная система состоитъ изъ 32 или 34 зубовъ. Плотоядный зубъ въ верхней челюсти коротокъ, но широкъ, а его внутренній зубецъ силенъ, но имѣетъ плоскую форму; въ нижней же челюсти онъ имѣетъ спереди три меньшихъ зуба, а сзади большую, углубленную, занимающую половину коронки жевательную поверхность; плоскобугорчатый зубъ верхней челюсти весьма силенъ, почти квадратный, въ ширину немного больше, чѣмъ въ длину, и внутрь дугообразно закругленъ, нижній плоско-бугорчатый зубъ представляетъ небольшой, кругообразнаго очертанія углубленный бугоръ. Вслѣдствіе этихъ особенностей въ формѣ бугорчатыхъ зубовъ зубная система вонючекъ рѣзко, а слѣдовательно и легко можетъ быть отличена отъ зубной системы другихъ куницъ. Зловонныя железы имѣютъ значительную величину, открываются внутрь прямой кишки и снабжены особеннымъ сжимающимъ мускуломъ.

Каждая железа, по Гензелю, представляетъ полость, величиною съ грецкій орѣхъ, стѣнка которой выстлана железистымъ слоемъ, а снаружи одѣта мышечною тканью.

Полое пространство наполнено желтою, подобною маслу, жидкостью, которую, при посредствѣ сжимающаго мускула, животное можетъ выпрыскивать изъ заднепроходнаго отверстія въ видѣ тонкой, желтой струи, бьющей на нѣсколько метровъ и, вслѣдствіе своего быстрого распыленія, охватывающей большое пространство. У взрослыхъ животныхъ, а также и у самцовъ, эта жидкость болѣе пахуча, чѣмъ у молодыхъ и у самокъ, и дѣйствіе ея также усиливается во время течки.

Вонючекъ нельзя причислить къ животнымъ собственно лѣснымъ; встрѣчаются онѣ въ мѣстностяхъ травянистыхъ и кустарныхъ гораздо чаще, чѣмъ въ обширныхъ высокоствольныхъ лѣсахъ. Въ теченіе дня онѣ спятъ, укрывшись въ дуплистыхъ деревьяхъ, въ расщелинахъ скалъ и въ земляныхъ норахъ, которыя онѣ же сами себѣ и вырываютъ; ночью онѣ просыпаются и въ высшей степени оживленно разыскиваютъ свою добычу. Ихъ обычную пищу составляютъ черви, насѣкомыя, земноводныя, птицы и небольшія млекопитающія животныя; впрочемъ ѣдятъ онѣ также ягоды и корни. Къ отдѣленію своей смрадной, одуряющей жидкости онѣ прибѣгаютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда бываютъ раздражены или когда, подвергаясь преслѣдованію, испытываютъ страхъ передъ врагомъ. Въ случаѣ опасности, онѣ удерживаютъ на почтительномъ разстояніи даже самыхъ кровожадныхъ и самыхъ хищныхъ кошекъ и встрѣчаютъ себѣ противниковъ только въ весьма злобныхъ собакахъ, которыя съ самоотверженіемъ накидываются на нихъ и въ томъ случаѣ, когда подвергнутся опрыскиванію. Какого-либо значительнаго вреда человѣку вонючки не причиняютъ, за исключеніемъ, конечно, того чумнаго запаха, который онѣ такъ умѣютъ распространять и который заставляетъ относить ихъ къ самымъ ненавистнымъ изъ всѣхъ животныхъ. Что касается числа видовъ вонючекъ, то, вслѣдствіе уже достаточно выяснивагося непостоянства у нихъ отличительныхъ признаковъ, нынѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, вмѣсто прежнихъ многихъ видовъ, всѣ вонючки могутъ быть сведены лишь къ немногимъ типамъ. А такъ какъ образомъ своей жизни всѣ извѣстные виды сходятся между собою, то, для ознакомленія съ ними, и будетъ вполне достаточно описать одинъ или два изъ нихъ.

Въ большей части Южной Америки обитаетъ вонючка, называемая бразильцами Сурильо (*Mephitis suffocans*, *M. nasuta*, *mesoleuca*, *marputio*, *molinae*, *patagonica*, *chilensis*, *amazonica*, *furcata*, *humboldtii* и *lichtensteini*, *Conepatus nasutus*, *humboldtii* и *amazonicus*, *Thiomus marputio* и *chilensis*, *Viverra marputio* и т. д. *Surillo*, *Moufette d'Amérique*). Зубовъ у нея 32; длина тѣла равняется 40 см., а хвоста 28 см. Цвѣтъ шерсти и рисунокъ ея мѣха чрезвычайно измѣнчивы. Въ общемъ густые и длинные волосы коротки только на мордѣ, а отсюда постепенно удлиняются и достигаютъ длины: на бокахъ 3-хъ, на спинѣ 4-хъ, а на хвостѣ 7-ми см. Цвѣтъ шерсти, по Гензелю, представляетъ переходы отъ черно-сѣраго и черно-бураго до блестяще-чернаго. Бѣлыя полосы начинаются на лбу и, отдѣляясь другъ отъ друга на ширину пальца, продолжаютъ вплоть до корня хвоста; иногда промежуточнаго пространства нѣтъ почти вовсе, а сами полосы исчезаютъ уже въ области послѣднихъ реберъ; въ рѣдкихъ же случаяхъ полосы совершенно отсутствуютъ и тогда весь мѣхъ оказывается одноцвѣтно-чернымъ. Хвостъ на концѣ большею частью бѣлый, или же черные и бѣлые волосы такъ перемѣшаны другъ съ другомъ, что окраска въ общемъ становится сѣрою; иногда-же, именно въ случаяхъ малаго развитія бѣлыхъ полосъ на спинѣ, совершенно чернымъ является также и хвостъ. Гензель утверждаетъ, что едва-ли можно найти двухъ сурильо, которые-бы совершенно были похожи другъ на друга по цвѣту. Отъ дальнѣйшаго же описанія наружности

сурильо я воздержусь въ виду удачнаго изображенія его на помѣщаемомъ здѣсь рисункѣ.

«Что-же касается образа жизни сурильо, то, по словамъ Гензеля, онъ не отличается существенно отъ куницъ. Живетъ сурильо по луговымъ пространствамъ южно-американскихъ низменностей и совершенно избѣгаетъ густого первобытнаго лѣса; но, тѣмъ не менѣе, сурильо всегда оказывается нераздѣльнымъ съ лѣсомъ, такъ какъ онъ и встрѣчается только въ лѣсахъ, разсѣянныхъ по дугамъ. Здѣсь присутствіе сурильо легко можетъ быть открыто по тѣмъ небольшимъ воронкообразнымъ углубленіямъ, которыя это животное вырываетъ въ почвѣ, отыскивая навозныхъ жуковъ. Эти же углубленія похожи на тѣ ямки, которыя вырываетъ барсукъ, отыскивая себѣ пищу въ землѣ, но, впрочемъ, онъ шире барсучьихъ; несомнѣнно, однако, что сурильо, какъ и барсукъ, вырываетъ эти ямки передними лапами, а не носомъ.

«Какъ и хорьки, вонючки днемъ спятъ въ подземныхъ норахъ, устраиваемыхъ подъ обломками скалъ или подъ корнями деревьевъ. Съ наступленіемъ же сумерекъ онѣ выходятъ на поиски за пищею, которая, повидимому, состоитъ исключительно изъ навозныхъ жуковъ; по крайней мѣрѣ, я никогда ничего другого не находилъ у нихъ въ желудкѣ». * *

На сѣверѣ Америки вонючку замѣняетъ скуннъ или скуснъ (*Mephitis varians*, *M. macrura*, *vittata*, *mesomelas*, *occidentalis*, *mephitica*, *chinga*, *americana*, *hudsonica*, *mexicana*, *Viverra mephitis* и т. д. *Skunk*, *Moufette des Etats-Unis*), у котораго 34 зуба, длина туловища 40 см., а хвоста почти столько-же. Основной цвѣтъ блестящаго мѣха черный. Отъ носа начинается цѣльная, узкая, бѣлая полоса, которая, пройдя между глазъ, расширяется на лбу въ ромбoidalное пятно; это пятно на шеѣ сначала становится шире, а затѣмъ снова переходитъ въ полосу, раздѣляющуюся, въ свою очередь, на затылкѣ на двѣ широкія полосы, которыя продолжаются до хвоста, гдѣ опять и сливаются другъ съ другомъ. На шеѣ, въ области лопатокъ, на наружной сторонѣ конечностей, а рѣже также на груди и на брюхѣ выступаютъ небольшія, бѣлыя пятна. Черезъ весь хвостъ проходятъ или двѣ широкія, бѣлыя продольныя полосы, или же онъ оказывается пестрымъ, вслѣдствіе неправильно смѣшивающихся бѣлаго и чернаго цвѣтовъ.

Скуснъ очень извѣстенъ тѣмъ, что самымъ безпощаднымъ образомъ раздражаетъ одно изъ самыхъ чувствительныхъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, именно—обоняніе. О немъ говорятъ уже давно и теперь еще онъ упоминается почти во всѣхъ описаніяхъ путешествій. Область его распространенія довольно обширна; чаще всего онъ встрѣчается около Гудзонова залива, откуда и распространяется къ югу. Держится же онъ тамъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ высоко, именно: или въ лѣсахъ и полосахъ кустарника, тянущихся вдоль береговъ рѣкъ, или же тамъ, гдѣ нагромождены скалы, въ расщелинахъ и углубленіяхъ которыхъ скунсъ и гнѣздится.

Эта вонючка столь хорошо знаетъ силу того органа защиты, которымъ обладаетъ, что вовсе не пуглива и не малодушна. Всѣ ея движенія довольно медленны. Ни скакать, ни лазать она не въ состояніи, и только ходить и припрыгиваетъ. При ходженіи она ступаетъ всею ступнею, выгибаетъ спину и отклоняетъ хвостъ въ сторону. Отъ времени до времени она взрываетъ землю или же обнюхиваетъ во кругъ себя, нѣтъ ли чего-нибудь съѣдобнаго. Встрѣтясь случайно съ какимъ-либо животнымъ, скунсъ спокойно останавливается, подымаетъ хвостъ, оборачивается задомъ и, если понадобится, выпрыскиваетъ свою жидкость. Если это будутъ собаки, то, по словамъ Гензеля, скунсъ кладетъ, на подобіе сидячей бѣлки, свой

хвостъ вдоль спины, становится задомъ къ нападающимъ собакамъ и съ яростью производитъ тѣ странныя движенія задней части тѣла, которыя мы иногда наблюдаемъ у медвѣдей, содержащихся въ клеткахъ. Собаки очень хорошо знаютъ, какая опасность имъ угрожаетъ, и большею частью держатся въ почтительномъ отдаленіи. Только нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ настолько мужества, чтобы схватить и умертвить эту воючку. Въ свою очередь и атакванный скунсъ никогда не выбрасываетъ свою смрадную жидкость зря, и пока собаки находятся отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, онъ ограничивается лишь одними угрозами.

Сурдильо. Американская воючка. *Mephitis mephitis*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

Иногда воючка, видимо ничѣмъ не раздраженная, нападаетъ можетъ быть потому, что думаетъ подвергнуться опасности, но возможно также, что изъ-за простого задора. «Однажды вечеромъ, когда мой сынъ» рассказываетъ Зидгофъ, «гулялъ на свѣжемъ воздухѣ, на него неожиданно набросилась воючка и крѣпко вдѣпилась въ его панталоны. Онъ съ трудомъ оттряхнулъ ее отъ себя и убилъ ударомъ ноги. Но когда онъ вернулся домой, отъ его платья, обрызганнаго ужаснымъ животнымъ, распространился такой рѣзкій и отвратительный чесночный запахъ, что моментально весь домъ заразился вонью, и одно знакомое семейство, бывшее у насъ въ то время въ гостяхъ, поспѣшно убѣжало домой, а у всѣхъ, живущихъ въ домѣ, которые не могли спастись бѣгствомъ, началась рвота. Всякія куренія и провѣтриванія остались безсильны. Сапоги продолжали въ теплѣ пахнуть по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, хотя ихъ нѣсколько разъ окуривали дымомъ и мыли въ хлорной водѣ. Этотъ несчастный случай произошелъ въ декабрѣ

мѣсяцѣ; животное тогда-же было зарыто въ саду, но даже и въ августѣ слѣдующаго года можно было по запаху найти его могилу».

Одубонъ также испыталъ на себѣ весь ужасъ зловонія вонючки. «Этотъ маленький, миловидный и по внѣшнему своему виду совершенно невинный звѣрекъ», говоритъ онъ, «въ состояніи съ перваго раза обратить въ бѣгство самаго ретиваго храбреца, такъ что тотъ съ жалобнымъ воплемъ удираетъ прочь. Я самъ однажды испыталъ подобную неприятность, когда былъ еще маленькимъ школьникомъ. Солнце только-что зашло. Я, не торопясь, шелъ домой съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей. Вдругъ мы замѣтили прехорошенькаго, совершенно незнакомаго намъ звѣрка, который добродушно обошелъ насъ, пріостановился и посмотрѣлъ такъ пріятельски, какъ будто напрашивался къ намъ въ компанію; животное выглядѣло такимъ невиннымъ и привлекательнымъ существомъ и такъ вызывающе держало на отлетѣ свой пушистый хвостъ, словно приглашая взять за него и унести домой, что я не могъ устоять отъ соблазна и въ восторгѣ поднялъ его къ себѣ на руки; но вотъ красивенькая на видъ тварь прыснула своею ужасною жидкостью прямо мнѣ въ носъ, ротъ и глаза. Какъ громомъ пораженный, я выпустилъ изъ рукъ чудовище и, преисполненный смертельнаго ужаса, бросился бѣжать».

Однажды Фребель услышалъ позади себя шорохъ и, оглянувшись, замѣтилъ незнакомое ему животное; это была вонючка. Когда онъ приблизился къ ней, она стала ворчать и топтать ногами, а какъ только онъ замахнулся на нее палкою, она моментально обрызгала ему своею вонючею жидкостью все платье, лицо и волосы. Внѣ себя отъ ярости, онъ тутъ-же убилъ животное и поспѣшилъ домой, но тамъ навелъ на всѣхъ такой ужасъ, что его не впустили въ комнаты и, затворивъ двери, черезъ окно подавали ему разные добрые совѣты. Ни вода, ни мыло, ни одеколонъ не могли заглушить отвратительной вони; наконецъ разложили костеръ и несчастный зараженный путешественникъ, надѣвъ одолженное ему однимъ колонистомъ платье, долженъ былъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ окуривать себя съ ногъ до головы; только это средство и помогло ему въ бѣдѣ.

Вонючки, живущія въ Южной Америкѣ, по качеству своей заразительной жидкости рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ вонючекъ Сѣверной Америки. Азара сообщаетъ о сурильѣ, живущей въ Парагваѣ, что она питается наскѣкомыми, яйцами и птицами, и тихо бродитъ, какъ днемъ, такъ и ночью. Она никогда не пускается въ бѣгство, даже отъ людей. Какъ только она замѣтитъ, что ее преслѣдуютъ, то останавливается, оцетиниваетъ свою шерсть, поднимаетъ вверхъ хвостъ, выжидаетъ, пока къ ней подойдутъ ближе, внезапно оборачивается и пускаетъ свой вонючій зарядъ. Даже послѣ многократнаго мытья вонь остается еще настолько сильною, что заражаетъ весь домъ. Одну собаку, случайно обрызганную вонючкою, мыли и скребли пескомъ въ продолженіи цѣлой недѣли, и то, когда ее снова впустили въ домъ, вонь была еще настолько сильна, что ее невозможно было выносить. Азара полагаетъ, что эту вонь можно почувствовать даже за полъ-англійскія мили.

«Запахъ вонючей жидкости», говоритъ Гензель про цориллу, «крайне рѣзкій и пронзительный, но все-таки нѣкоторые преувеличиваютъ его силу, потому что онъ не безусловно невыносимъ. Многія лица дѣйствительно получали головную боль и рвоту, когда вонючка по близости ихъ опоражнивала свои подхвостныя железы; но ни одинъ зоологъ не остановится передъ этимъ, чтобы охотиться за вонючкою и изучать это достойное вниманія животное. Собаки, обрызганныя этою жидкостью, тотчасъ-же начинаютъ копать въ землѣ и валяться по ней, чтобы удалить вонь, вошедшую въ ихъ мѣхъ. Особенно сильно впитывается этотъ за-

пахъ въ суконное платье, которое требуетъ послѣ этого продолжительнаго окури- ванія и усердной чистки. По всей вѣроятности на удаленіе запаха вліяетъ не столько дымъ, сколько жаръ огня, посредствомъ котораго испаряется жидкое вещество. Вонь, выдѣляемая железами вонючки, не поддается описанію, какъ и всякое обонятельное ощущеніе; но ее можно сравнить съ вонью отъ хорька, съ тою только разницею, что она много разъ сильнѣе. Въ спокойномъ состояніи животное не издаетъ запаха». Пехуэль-Леше считаетъ эту вонь не такую ужъ невыносимую и ужасную, какою ее обыкновенно представляютъ, и сравниваетъ ее съ запахомъ смѣси чеснока съ сѣрнистымъ углеродомъ.

Еще не рѣшено положительно, брызгаютъ-ли вонючки другъ на друга, а между тѣмъ вопросъ этотъ очень интересно-бы было изслѣдовать. Наблюденія показываютъ, безъ сомнѣнія, что собственный запахъ всякаго животнаго никогда не бываетъ ему противенъ, а, напротивъ, кажется даже пріятнымъ; несмотря на это можно предположить, что самка иногда прогоняетъ отъ себя назойливаго самца, пустивъ въ него сильный зарядъ своей вонючей жидкости. Въ неволѣ вонючки не опоражниваютъ своихъ железъ, если старательно наблюдать за тѣмъ, чтобы ихъ не раздражали. Черезъ короткій промежутокъ времени онѣ становятся очень ручными и привыкаютъ до нѣкоторой степени къ своему воспитателю, хотя вначалѣ ходятъ больше задомъ и держа хвостъ торчкомъ, чтобы постоянно имѣть свое орудіе на-готовѣ. Только побой или сильный испугъ вынуждаетъ ихъ пускаться въ ходъ свое оборонительное средство. Нѣкоторыя изъ нихъ дозволяютъ заниматься ими, какъ утверждаютъ ихъ воспитатели, безъ всякой опасности. Сѣно самое любимое ихъ ложе; онѣ приготавливаютъ себѣ изъ него уютную постельку и свертываются на ней въ клубокъ. Послѣ ѣды онѣ чистятъ себѣ морду передними лапами, Вообще вонючки очень чистоплотны, держатъ себя всегда аккуратно, въ гладкомъ видѣ, и никогда не кладутъ своихъ нечистотъ тамъ, гдѣ спятъ. Кормятъ ихъ мясомъ, но больше всего онѣ любятъ птицъ. Онѣ часто ѣдятъ больше, чѣмъ можетъ переварить желудокъ, и послѣ такого переполненія ихъ обыкновенно рветъ; но прозорливость животнаго такъ велика, что и послѣ этого оно снова поѣдаетъ то, чѣмъ его вырвало такъ-же, какъ это дѣлаютъ иногда собаки. При хорошемъ питаніи вонючки спятъ въ продолженіи цѣлаго дня, вечеромъ-же обыкновенно выходятъ, даже если не чувствуютъ голода.

Шкура сѣверо-американской вонючки доставляетъ очень хорошей мѣхъ, извѣстный подъ названіемъ «скусса»; нужно только при поимкѣ и во время охоты на нее быть крайне осторожнымъ и какъ можно скорѣе убивать животное, прежде чѣмъ оно замѣтитъ нападеніе и съ испугу опорожнитъ свои железы. Вначалѣ шестидесятыхъ годовъ, по Ломеру, ежегодно поступало въ продажу до 120,000 шкурокъ этого животнаго, за которыя платили 4—8 марокъ за штуку; въ настоящее-же время прибыль увеличилась почти въ шесть разъ, хотя цѣна шкурки осталась прежнею.

* * *

Въ Африкѣ вонючекъ замѣняютъ полосатые хорьки, которые по строенію своему и по внѣшнему виду весьма близки только-что описаннымъ животнымъ и отличаются обросшими волосами ступнями и зубною системою, состоящею изъ 34 зубовъ, но похожею скорѣе на зубную систему куницъ, нежели вонючекъ. Внутренній бугорчатый отростокъ длиннаго плотояднаго зуба выдается впередъ. Корни болѣе низкихъ, конической формы ложно-коренныхъ зубовъ отличаются своею толщиною. Поскелету полосатые хорьки являются соединительнымъ звеномъ

между куницами и вонючками; по своему образу жизни они, кажется, болѣе походятъ на первыхъ, чѣмъ на послѣднихъ.

Самымъ опредѣленнымъ видомъ этого семейства является цорилла, «Мышиная собака» (*Maushund*) колонистовъ мыса Доброй Надежды (*Rhabdogale mustelina*, *Viverra*, *Mustela*, *Putorius* и *Mephitis zorila*, *Viverra* и *Zorilla striata*, *Zorilla capensis* и *leucomelas*, *Ictonyx capensis*, животное, имѣющее туловище длиною въ 35 см., а хвостъ въ 25 см. Туловище цориллы длинное, но не очень стройное, голова широкая, морда удлинена на подобіе хобота; уши короткія, закругленныя, глаза средней величины съ долевою расщелиною зрачка, ноги короткія и переднія лапы вооружены сильными, довольно длинными, но тупыми когтями; хвостъ довольно длинный и пушистый, весь мѣхъ тоже густой и длинный. Его основная окраска блестяще-черная, испещренная многими бѣлыми пятнами и полосами, которыя болѣе или менѣе измѣняются въ рисунокѣ. Между глазами находится узкое бѣлое пятно, другое идетъ отъ глазъ къ ушамъ; иногда оба сливаются вмѣстѣ и образуютъ на лбу одну бѣлую перевязь, которая проходитъ черезъ всю морду къ концу рыльца. Губы также часто окаймлены бѣлымъ. На верхней части туловища мѣхъ очень разнообразный, но имѣющій всегда одинъ опредѣленный рисунокъ. У нѣкоторыхъ черезъ затылокъ проходитъ широкая бѣлая поперечная перевязь, отъ которой отдѣляются четыре продольныя полосы, идущія вдоль всей спины; онѣ расширяются посрединѣ туловища и раздѣляются тремя черными промежуточными полосами; обѣ наружныя боковыя полосы соединяются у корня хвоста и затѣмъ продолжаютъ по обѣимъ сторонамъ хвоста въ видѣ бѣлыхъ штриховъ. У другихъ весь затылокъ, зашеекъ и даже верхняя часть спины—бѣлые; въ такихъ случаяхъ только отъ загривка начинаются тѣ три темныя полосы, которыя продолжаютъ и по сторонамъ хвоста. Послѣдній бываетъ испещренъ то пятнами, то долевыми полосами.

Цорилла распространена по всей Африкѣ, переходитъ также черезъ Суэзскій перешеекъ въ Малую Азію, появляется даже иногда у Константинополя, само собою разумѣется только съ азиатской стороны. Скалистыя мѣстности служатъ самымъ излюбленнымъ ея мѣстопребываніемъ. Здѣсь она живетъ или въ ущельяхъ или въ норахъ, выкопанныхъ ею самою подъ деревьями и кустарниками. Цорилла ведетъ образъ жизни ночного животного, и потому видѣть ее случается очень рѣдко. Первые свѣдѣнія объ этомъ животномъ даетъ Кольбе. Пища его состоитъ изъ маленькихъ млекопитающихъ, а именно изъ мышей, мелкихъ птицъ и ихъ яицъ, изъ пресмыкающихся и насѣкомыхъ. Для домашней птицы цорилла нерѣдко бываетъ опасна, потому что, подобно куницамъ, прокрадывается въ крестьянскіе дворы и умерщвляетъ птицъ, какъ хорекъ.

По своимъ движеніямъ она не похожа на куницъ, такъ какъ менѣе ловка и скорѣе можетъ быть названа неповоротливою. Лазать она не умѣетъ, воды очень боится, хотя при необходимости плаваетъ и даже очень искусно. Своимъ отвратительнымъ орудіемъ она пользуется такимъ-же образомъ, какъ и вонючка. «Когда она находится на полѣ или на лугу», говоритъ Кольбе, «и замѣтитъ, что къ ней приближается собака или хищный звѣрь съ намѣреніемъ схватить ее, то она прыскаетъ на своихъ враговъ такую ужасно-вонючею жидкостью, что тѣ спѣшатъ отереть носъ о землю или о дерево, чтобы хоть нѣсколько освободиться отъ вони. Если врагъ не устрашится съ одного раза или подойдетъ еще другой, то она вторично прыскаетъ на противника и снова издаетъ изъ себя аловоніе, ничуть не слабѣе перваго. Этимъ способомъ она храбро защищается отъ своихъ враговъ. Если охотникъ возьметъ въ руки убитую цориллу, то къ нимъ пристаётъ такая острая

вонь, которую трудно даже отмыть мыломъ. Поэтому убитыхъ животныхъ никогда сразу не берутъ, а даютъ имъ нѣкоторое время отлежаться на землѣ. Кому хоть разъ приходилось испробовать эту ужасную вонь, тотъ въ другой разъ навѣрно подальше сойдетъ съ дороги, если замѣтитъ цориллу, и трогать ее не станетъ».

Какъ у вонючекъ, такъ и у цориллъ особенно невыносимая вонь исходитъ отъ самцовъ и преимущественно во время спариванія, вѣроятно потому, что тогда

Цорилла. *Rhabdogale mustelina*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

они находятся въ необыкновенно возбужденномъ состояніи. Можно также допустить, что самка находитъ пріятнымъ этотъ запахъ, который для насъ такъ противенъ.

О размноженіи нашего животнаго, къ сожалѣнію, нѣтъ положительныхъ свѣдѣній; извѣстно лишь, что цорилла держится въ южной Африкѣ во многихъ домахъ голландскихъ колонистовъ для истребленія крысъ и мышей. Говорятъ, что она никогда не достигаетъ высокой степени прирученности, но всегда остается тупоумною и равнодушною къ ласкамъ и хорошему обращенію. Многочисленныя названія, кромѣ вышеупомянутыхъ, какія носятъ полосатый хорекъ, на всѣхъ язы-

какъ означаютъ его главное свойство, т. е. отвратительный запахъ, издаваемый этимъ животнымъ.

* * *

Къ третьей группѣ куницъ относятся выдры (*Lutridae*). Принадлежащія сюда виды, числомъ около 20, характеризуются вытянутымъ плоскимъ туловищемъ, опирающимся на низкія ноги, сплюснутою съ тупой мордой головою, на которой выдаются маленькіе глаза и короткія круглыя уши, сильно развитыми плавательными перепонками между пальцами, длиннымъ, заостреннымъ, болѣе или менѣе сплюснутымъ хвостомъ и короткими, жесткими, гладкими, блестящими волосами. Переднія и заднія ноги имѣютъ по пяти пальцевъ, причемъ оба средних пальца немного длиннѣе крайнихъ. Въ подхвостной области железистаго мѣшка не имѣется, но возлѣ задняго прохода находятся двѣ отдѣлительныя железы. По зубной системѣ и строенію костей, выдры болѣе другихъ похожи на прочихъ куницъ; только послѣдній коренной зубъ верхней челюсти отличается своею величиною и четырехугольною формою, да еще отличительный признакъ является въ черепѣ, который необыкновенно сплюснутъ, имѣетъ широкую мозговую коробку, суженную лобную кость и короткую морду.

Выдры живутъ въ рѣкахъ и моряхъ и распространены, за исключеніемъ Австраліи и крайняго сѣвера, почти во всѣхъ частяхъ свѣта. Одна только нужда заставляетъ ихъ выходить изъ воды, да и то съ исключительнымъ намѣреніемъ отыскать другія воды.

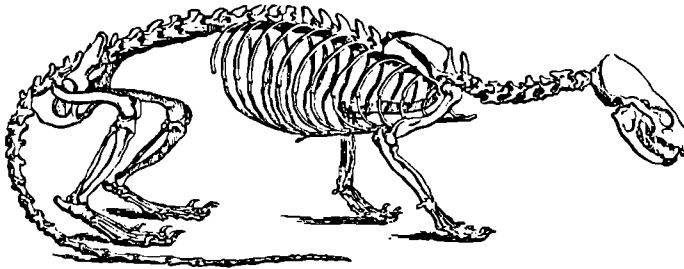
Онѣ плаваютъ и ныряютъ мастерски, могутъ долгое время оставаться подъ водою, бѣгаютъ по землѣ, несмотря на свои короткія ноги, очень быстро, сильны, мужественны и отважны, разумны и способны къ прирученію, но почти вездѣ живутъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ человѣкомъ, такъ какъ причиняютъ большой вредъ, который далеко не искупается даже цѣнностью ихъ великолѣпнаго мѣха.

Въ Европѣ живетъ только одинъ видъ этой группы, имѣющій въ длину 1, 2 метра, изъ которыхъ 40—43 см. отходятъ на хвостъ, именно—рѣчная выдра или порѣшша (*Lutra vulgaris*, *Mustela* и *Viverra lutra*, *Lutra nudipes*, Fischotter, Loutre). Голова этого животнаго продолговато-круглая, морда округленная, глаза маленькіе, но живые; очень короткое, округленное, замыкающееся кожистою складкою ухо почти все спрятано въ мѣхъ; туловище довольно стройное, но плоское; хвостъ болѣе или менѣе круглый, на концѣ сильно суженный; очень короткія ноги, пальцы которыхъ соединены до самыхъ ногтей плавательною перепонкою, ступаютъ всей ступней. Въ довольно короткомъ и очень плоскомъ черепѣ затылокъ необыкновенно сильный, и развитый въ ширину лобъ немного ниже темени, носъ имѣетъ чуть замѣтную покатость. Зубная система состоитъ изъ 36 зубовъ, именно: 3 рѣзцовъ, 1 клыка, 3 ложно-коренныхъ, одного бугорчатаго зуба и еще одного коренного съ каждой стороны верхней и нижней челюстей. Рѣзкій отличительный признакъ заключается въ верхнемъ переднемъ зубѣ, который значительно сильнѣе четырехъ среднихъ, и во второмъ нижнемъ переднемъ зубѣ, выступающемъ изъ ряда другихъ; очень сильный развитый бугорчатый зубъ верхней челюсти поставленъ поперекъ, имѣетъ четырехгранную форму съ ромбoidalнымъ поперечнымъ разрѣзомъ и немного шире своей длины. Кромѣ этого, характернымъ признакомъ, отличающимъ этотъ видъ, является голая, сѣтчатая, плоскородавчатая кожа на кончикѣ носа надъ обросшими волосами краями губъ; по сторонамъ носа открываются продолговатая, дугообразная поздри. Опредѣленіе формы этой носовой кожи крайне важно, такъ какъ по этому признаку хотѣли установить различіе между многими подродами. Все туловище покрыто густою, но короткою шерстью, состоящею изъ жесткихъ,

блестящихъ верхнихъ волосъ темно-бурой окраски; на нижней сторонѣ окраска становится немного свѣтлѣе и переходитъ подѣ шеей и на бокахъ головы въ бѣловато-сѣро-бурый оттѣнокъ, между тѣмъ какъ мѣхъ, покрывающій край уха, выглядитъ свѣтло-бурымъ; посрединѣ нижней губы находится свѣтлое едва замѣтное бѣловатое пятнышко; другія отдѣльныя, неправильнаго очертанія часто бѣлыя или бѣловатыя пятнышки разсыпаны по подбородку и между дугами нижней челюсти. Очень тонкіе волоса подшерстка въ корнѣ — свѣтло-буро-сѣраго цвѣта, а на концахъ темнѣе-бурого. Большинство животныхъ имѣютъ скорѣе сѣровато-бурую, нежели темно-бурую окраску; но попадаются и измѣненія: такъ, однажды мнѣ прислали шкуру рѣчной выдры, на всей верхней части которой были довольно большія, круглыя, сѣро-желтовато-бѣлыя пятна.

Наша рѣчная выдра живетъ по всей Европѣ и, кромѣ того, въ большей части сѣверной и средней Азіи; область ея распространенія на востокъ доходитъ до устья Амура, на юго-востокъ — по крайней мѣрѣ до сѣверозападной части Гималая. Блэнфордъ находится даже подѣ сомнѣніемъ, не слѣдуетъ-ли считать и Индію ея мѣстожителемъ, такъ какъ одинъ изъ попадающихся тамъ видовъ (*Lutga pair, indica*) хотя и меньше ростомъ, чѣмъ наше животное, но представляетъ

Скелетъ рѣчной выдры.

признаки, которые, при сравненіи съ другими экземплярами, не обнаруживаютъ большой разницы. Въ полярныхъ странахъ наша рѣчная выдра повидимому не проникаетъ далеко на сѣверъ, хотя отдѣльные экземпляры ея попадаются еще въ Лapplandii; въ Сибири она доходитъ только до полярнаго круга. Въ Индіи, Китаѣ, и Японіи она замѣняется близко стоящими къ ней родственными видами, а въ Африкѣ и Америкѣ такими, которыхъ причислили къ особымъ породамъ. Въ средней и южной Европѣ она живетъ во всѣхъ водахъ, доставляющихъ ей питаніе, равно какъ и во всѣхъ рѣкахъ и притокахъ, омывающихъ наиболѣе населенныя мѣстности; въ средней Азіи она также избираетъ болѣе благоприятныя мѣста. Вышеупомянутая индѣйская выдра водится, по Блэнфорду, даже въ солоноватой и морской водѣ, живетъ въ устьяхъ рѣкъ, подвергающихся приливамъ, и, при случаѣ, заходитъ даже въ море.

Рѣчная выдра предпочитаетъ рѣки, берега которыхъ на большое пространство покрыты лѣсомъ. Здѣсь она живетъ въ подземныхъ ходахъ, которые расположены сообразно съ ея вкусами и нравами. Выходъ находится всегда подѣ водою, обыкновенно на глубинѣ полуметра; отсюда, по косому направленію, подымается проходъ почти въ два метра длины, и ведетъ къ просторной котловинѣ, которая тщательно выстлана травомъ, такъ что постоянно бываетъ сухою. Другой узкій проходъ ведетъ изъ котловины на поверхность берега и служитъ для вентиляціи. Обыкновенно рѣчная выдра пользуется для жилья уже готовыми, размытыми водою въ берегѣ норами и пещерами, которыя она только удлиняетъ и расширяетъ, роя землю и разгрызая попадающіеся корни; въ рѣдкихъ случаяхъ она пользуется

покинутыми лисьими и барсучьими норами, если тѣ находятся недалеко отъ воды. Большою частью она владѣетъ нѣсколькими жилищами, если же случается, что рѣка или озеро слишкомъ изобилуютъ рыбою, то ей тогда нѣтъ никакой необходимости предпринимать большіе походы для перемѣны мѣстожительства. Во время разлива, который затопляетъ и ея жилища, она спасается на близъ растущихъ деревьяхъ или въ дуплѣ и проводитъ здѣсь время въ покоѣ и отдыхѣ отъ своихъ постоянныхъ занятій—ловли рыбы.

Насколько непріятна рѣчная выдра рыбопромышленникамъ и любителямъ ужения, которымъ она причиняетъ много вреда, настолько-же она интересна для изслѣдователей. Ея жизнь носить такой своеобразный отпечатокъ, что требуетъ особеннаго наблюденія и можетъ заинтересовать всякаго любителя природы, не причастнаго къ вреду, причиняемому животнымъ. У рѣчной выдры все достойно вниманія, какъ ея образъ жизни въ водѣ, движенія, добываніе пищи, такъ и ея душевныя способности. Она безусловно принадлежитъ къ самымъ интереснымъ животнымъ нашей части свѣта. Что выдра настоящее водяное животное, въ этомъ скоро можно убѣдиться, если даже наблюдать ее на землѣ. Ея походка вслѣдствіе короткихъ ногъ—ползающая, подобно змѣиной, но вовсе не очень медленна. По снѣгу или льду она по наклону катится иногда довольно далеко причемъ гладкая шерсть оказываетъ ей большую услугу и даже сильный хвостъ доставляетъ помощь. При ходьбѣ широкая голова ея бываетъ опущена, спина немного изогнута и въ такомъ видѣ она скользитъ и шмыгаетъ по дорогѣ. Рѣчную выдру вовсе не слѣдуетъ считать неловкою: гибкость ея туловища обнаруживается даже на сушѣ; она способна дѣлать замѣчательно легкія движенія по своему произволу, въ состояніи безъ труда приподниматься на заднія лапы, причемъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ остается въ такомъ положеніи, не нарушая равновѣсія, можетъ поворачиваться назадъ и впередъ, повертываться или подыматься и нагибаться. Лазальное искусство другихъ земныхъ животныхъ она пускаетъ въ ходъ только въ случаѣ крайней нужды, причемъ можетъ взлѣзать исключительно по наклонно-растущимъ деревьямъ, цѣпляясь за нихъ своими довольно острыми когтями, да и то крайне неуклюже и неловко.

Совсѣмъ иначе движется она въ водѣ, въ своей настоящей сферѣ, куда она спасается при малѣйшей опасности, угрожающей ей на враждебной землѣ. Самое строеніе ея тѣла даетъ ей возможность удивительно ловко плавать и нырять: широкое, змѣеподобное тѣло съ короткими ногами, превращенными, благодаря длинной плавательной перепонкѣ, въ хорошія весла, сильный и довольно длинный хвостъ, который можетъ служить отличнымъ рулемъ, и гладкій скользкій мѣхъ—все это соединяетъ въ себѣ тѣ свойства, которыя способствуютъ быстрому движенію по водѣ и разрыванію волнъ. Для схватыванія добычи ей служатъ острые превосходные зубы, которые никогда не выпускаетъ того, что разъ попало въ ротъ, даже если добыча очень скользкая. Въ свѣтлыхъ волнахъ альпійскихъ озеръ иногда можно наблюдать охоту выдры въ водѣ. Она плаваетъ мастерски по всѣмъ направленіямъ, такъ что рыбы, которыхъ она преслѣдуетъ, бываютъ вынуждены употреблять большія усилія, чтобы избѣжать ея зубовъ, и если-бы рѣчная выдра не имѣла необходимости время отъ времени выходить на поверхность воды, чтобы набрать воздуха, было-бы очень трудно какой-нибудь рыбѣ спастись отъ ея преслѣдованій. Для нея совершенно все равно, приходится-ли ей подыматься вверхъ, или опускаться внизъ, поворачиваться въ сторону или обертываться назадъ, потому что всякія движенія ей даются одинаково легко; она ихъ совершаетъ въ водѣ безъ всякаго напряженія, какъ-бы игралъ.

Наблюдая рѣчную выдру въ неволѣ, я замѣчалъ, что иногда она плаваетъ на одномъ боку, но часто съ видимымъ удовольствіемъ поворачивается на спину и, сложивъ ноги на груди, плыветъ такимъ образомъ, подталкивая себя хвостомъ; при этомъ широкая голова находится въ непрерывномъ движеніи и тогда сходство животнаго съ змѣей бываетъ особенно поразительно. Даже во время долгаго пребыванія въ водѣ мѣхъ выдры остается такимъ-же гладкимъ и сухимъ. Ночью можно замѣтить, что она, при быстрыхъ движеніяхъ, издаетъ изъ себя электрическій блескъ. Мѣсто, гдѣ плаваетъ рѣчная выдра, легко опредѣляется, потому что на его поверхности появляются воздушные пузырьки, которые также массами собираются вокругъ всего мѣха. Зимой, когда рѣки замерзаютъ, животное отыскиваетъ во льду прорубь, спускается черезъ нее подъ воду и снова возвращается на поверхность, чтобы вобрать въ себя воздухъ. Мѣсто, гдѣ есть прорубь, она отлично запоминаетъ и во второй разъ идетъ къ нему уже съ твердою увѣренностью. Во время плаванія ей случается находить новыя проруби. Отверстіе во льду можетъ быть не больше маленькой дырки, въ которую выдра была-бы въ состояніи только просунуть носъ, чтобы набрать воздуха; съ нея этого совершенно достаточно, чтобы съ успѣхомъ охотиться подъ замерзшею водою.

На свободѣ голосъ рѣчной выдры слышится гораздо рѣже, чѣмъ въ неволѣ, когда она легко поддается раздраженію. Въ совершенно спокойномъ состояніи она издаетъ тихое хихиканье; когда голодна или раздражена, то испускаетъ громкій крикъ, который звучитъ, какъ быстро и много разъ подъ рядъ повторенный слогъ «гиррръ»; этотъ крикъ такъ пронзителенъ, что рѣжетъ уши; въ гнѣвѣ она громко визжитъ, а въ порывѣ любви—свиститъ звучно и приятно.

Органы чувствъ у рѣчной выдры очень развиты; она отлично видитъ, слышитъ и чуетъ. Уже на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ она чувствуетъ приближеніе человѣка или собаки, причѣмъ всегда во-время спасается бѣгствомъ въ воду.

Непрерывныя преслѣдованія, которымъ она подвергается, сдѣлали ее очень трусливою и осторожною, а также и весьма хитрою, такъ что случается иногда по цѣлымъ днямъ подстергать ее и совершенно безуспѣшно. Зато иногда и днемъ на нее можно напасть врасплохъ, только внѣ ея жилища или воды, когда она, напри- мѣръ, лежитъ покойно, растянувшись на старомъ пнѣ и грѣется на солнышкѣ, забывшись до того, что не слышитъ шаговъ человѣка, который тутъ же на мѣстѣ можетъ и убить ее; но это составляетъ рѣдкое явленіе.

По обыкновенію, рѣчная выдра выходитъ на рыбную ловлю лишь послѣ заката солнца и занимается этимъ въ продолженіи всей ночи, но усерднѣе и успѣшнѣе при яркомъ лунномъ свѣтѣ. Во время такой охоты ей нерѣдко случается приближаться къ человѣческому жилищу и забираться въ города и селенія, лежащія при большихъ рѣкахъ и чаще всего такъ незамѣтно, что ея присутствія и не подозреваютъ. При благоприятныхъ условіяхъ она устраиваетъ свои жилища вблизи мельницы. Іевель утверждаетъ, что одинъ мельникъ убилъ трехъ молодыхъ, недавно рожденныхъ выдръ близъ своей мельницы, и передаетъ еще нѣсколько подобныхъ случаевъ.

Старыя выдры живутъ обыкновенно поодиночн, но самки долгое время не покидаютъ своихъ дѣтенышей или соединяются съ другими самками, а во время спариванія и съ самцами, и охотятся тогда обществами. Онѣ плаваютъ всегда противъ теченія и нерѣдко основательно обыскиваютъ рѣку на протяженіи нѣсколькихъ миль отъ своихъ жилищъ, или на цѣлую милю въ окружности обходятъ всѣ рѣки, рѣчки и пруды, впадающіе въ главную рѣку или сообщающіеся съ нею. Застигнутыя за охотою утромъ, онѣ въ крайнихъ случаяхъ остаются днѣвать въ ка-

комъ-нибудь поросшемъ тростникомъ пруду, гдѣ и спрячутся на весь день, а съ наступленіемъ ночи продолжаютъ свое путешествіе. Въ большихъ ручьяхъ, напри- мѣръ, въ притокахъ Саалы, онѣ появляются нерѣдко на разстояніи 20 даже 30 километровъ отъ ихъ устьевъ и втихомолку истребляютъ часто всю рыбу въ прудѣ, тогда какъ владѣлецъ и не подозреваетъ о такомъ опустошеніи. Хотя рѣчная выдра отнюдь не приспособлена къ дальнимъ путешествіямъ, однако въ необходимыхъ случаяхъ предпринимаетъ далекіе походы по сушѣ, чтобы попасть изъ мѣстностей, бѣдныхъ рыбою, въ болѣе изобилующія ею рѣки.

«Для того, чтобы попасть въ горные потоки при баварскихъ возвышенно- стяхъ», говоритъ Екель, «она не боится переправляться черезъ высокіе горные хребты, по которымъ поднимается съ удивительною скоростью. Въ 1850 году, по наблюденіямъ лѣсничаго Соллахера, одна здоровая выдра перешла, при глубинѣ снѣга болѣе, чѣмъ въ 1,5 м., скалистый, населенный сернами, горный хребетъ изъ Штаудаха въ Хохгернгембурге, возвышающійся почти на 1460 м. надъ уровнемъ моря, съ цѣлью кратчайшимъ путемъ попасть въ Вейсахенталь, чтобы тамъ поохотиться въ рѣкѣ. Она должна была при этомъ употребить по крайней мѣрѣ 3 часа, чтобы взобраться на верхъ по крутому скалистому подъему и 2 часа, чтобы осторожно спуститься по обрывистому скату къ истоку Эйбеля, идущему до самаго впаденія притока въ рѣку Ахентъ. Самый опытный горный охотникъ можетъ пройти, при такихъ условіяхъ, означенный перевалъ только въ продолженіи семи часовъ, тогда какъ неуклюжая, не созданная для путешествій по горамъ выдра прошла это разстояніе въ двѣнадцать часовъ, включая сюда и то время, которое она употребила для охоты, какъ свидѣтельствуетъ о томъ лѣсничій Соллахеръ, наблюдавшій за выдрю по горячимъ слѣдамъ. Въ 1848 г., по наблюденіямъ окружнаго лѣсничаго Захенбахера, одна большая выдра, намѣревавшаяся пробраться черезъ горы въ дальнюю рѣку Лейтцахъ, изобилующую рыбою, вышла на берегъ изъ рѣки Аурахъ, орошающей Аурахскую долину, около озера Шлиръ, причемъ переправа была совершена во время очень глубокаго снѣга и при самыхъ трудныхъ мѣстныхъ усло- віяхъ, черезъ перевалъ въ горахъ Хоенвальдекгебурге и черезъ Ронбергъ, подни- мающіеся почти на 1300 м. надъ уровнемъ моря. Это разстояніе, пройденное выдрю въ одну ночь, составляетъ по крайней мѣрѣ 8 ч. ходьбы для привычнаго туриста по горамъ, принимая во вниманіе очень крутой спускъ съ горы и глубокіе снѣга, по которымъ приходится переходить».

Въ водѣ рѣчная выдра представляетъ собою то, что на землѣ соединяютъ въ себѣ лисица и рысь. Въ мелкихъ водахъ она загоняетъ рыбу въ бухты, чтобы затруднить ей выходъ и легче поймать ее, или, плескаясь и хлопая по водѣ хвостомъ, выгоняетъ ее изъ береговыхъ норъ и изъ-подъ камней, такъ что она навѣрняка становится добычею хитраго звѣря. Нерѣдко подстерегаетъ она добычу, сидя на сучьяхъ и камняхъ; замѣтивъ еще издали рыбу, она тотчасъ ныряетъ въ воду, го- нится за добычею на большое разстояніе и когда та въ страхѣ ищетъ убѣжища, быстро схватываетъ ее. Когда двѣ рѣчныя выдры преслѣдуютъ лосося, тогда одна плыветъ выше, а другая ниже рыбы и такимъ образомъ онѣ затравляютъ ее до тѣхъ поръ, пока изнеможенный лосось не въ состояніи больше двигаться и долженъ сдаться безъ сопротивленія. Рѣчная выдра, производящая свою охоту въ болѣе глубокихъ мѣстахъ и безъ содѣйствія другой выдры, нападаетъ на большую рыбу врасплохъ, пользуясь ея слабымъ зрѣніемъ, не позволяющимъ ей хорошо видѣть внизъ, подъ собою; она неожиданно появляется изъ глубины и сразу схватываетъ добычу за брюхо. Маленькихъ рыбъ она съѣдаетъ на ходу, во время плаванія, причемъ немного приподнимаетъ голову вверху надъ поверхностью воды; болѣе же крупныхъ она

Доза цен. С.Б. 19 Авг. 1924 г.

ХРОМО-ЛИТ. Т. ЯНСБЕЛЬ С.П.Б.

В Ы Д Р А .

тащить во рту на берег и съѣдаетъ уже на сушѣ; при этомъ она держитъ скользкую добычу между передними лапами и начинаетъ ее ѣсть съ плечевой части, облупляя со спины все мясо до самаго хвоста; голову же, хвостъ и остальные части оставляетъ. Въ рѣкахъ, обильныхъ рыбою, она становится еще болѣе лакомою и питается исключительно лучшими кусками со спины. Такимъ образомъ за день она переловитъ много большихъ рыбъ, но съѣсть отъ нихъ только по маленькому кусочку филейчика. Прибрежные жители вовсе не преслѣдуютъ такихъ лакомокъ, особенно, если рѣка и право рыбной ловли на ней принадлежатъ не имъ; напротивъ, рѣчные выдры оказываютъ имъ большія услуги, какъ поставщики рыбы для ихъ домашняго обихода: они каждое утро аккуратно ходятъ на берегъ и подбираютъ заѣденныхъ выдрю рыбъ, чтобы употребить ихъ себѣ на кушанье.

При изобиліи пищи выдра оказывается такою же кровожадною, какъ и другія куницы. Мои наблюденія надъ выдрю въ неволѣ показали, что она готова умерщвлять постоянно и лишъ только завидитъ въ водѣ что-нибудь живое по близости себя, тотчасъ-же набрасывается на добычу и начинаетъ преслѣдовать ее, даже если въ ту минуту занята самымъ лакомымъ обѣдомъ. Если ей случайно попадетъ цѣлое множество маленькой рыбы, то она торопится схватывать одну за другою, тащить ихъ поспѣшно на берегъ, кусаетъ до смерти и оставляетъ тамъ лежать, а сама снова бросается въ воду, чтобы продолжать охоту.

Рѣчная выдра питается также раками, лягушками, водяными крысами, мелкими, а иногда и большими птицами, хотя рыба, особенно форели, остается ея излюбленнымъ кушаньемъ. Своимъ чрезвычайнымъ усердіемъ въ охотѣ она бываетъ даже вредна. «Въ прекрасныхъ садахъ Штуттгардта», рассказываетъ Тессинъ, «пруды изобилуютъ какъ домашнею и дикою водяною птицею, такъ и рыбою. Лѣтомъ 1824 года рѣчная выдра въ продолженіи 6—7 недѣль производила въ прудахъ ночные разбои, такъ что никто не могъ замѣтить слѣдовъ ея пребыванія. За это время всѣ гнѣзда утокъ, какъ на берегахъ пруда, такъ и на островахъ были разорены, яйца выпиты, а также уменьшено и число молодыхъ утокъ и гусей, хотя нигдѣ не попадалось ихъ остатковъ, равно какъ и остатковъ заѣденныхъ рыбъ; зато ежедневно попадались отъ 2—7 старыхъ утокъ съ отѣденными головами и смертельно раненные гуси и лебеди, которые тотчасъ-же умирали отъ ранъ. Наконецъ, въ одну свѣтлую, лунную ночь королевскій придворный садовникъ Бошъ, жившій тутъ-же, въ садахъ, рѣшилъ на мѣстѣ подкараулить неизвѣстнаго разбойника. Съ 9-ти до 12-ти часовъ все водяное населеніе пернатыхъ находилось въ страшномъ смятеніи, разсыпавшись по всѣмъ направленіямъ. Безпрерывно слышались крики ужаса, особенно молодыхъ утятъ; успокоились немного только тогда, когда всѣ перебрались на сушу. Но Бошъ не могъ еще опредѣлить настоящую причину испуга птицъ, которыхъ, несмотря на всѣ старанія, онъ никакъ не могъ загнать снова въ прудъ. Прошелъ еще часъ, когда, не вдалекѣ отъ засады наблюдавшаго, на прудъ спустилась пролетавшая мимо дикая утка. Вскорѣ послѣ этого Бошъ замѣтилъ на водѣ тонкую струйку, которая двигалась совершенно безшумно, какъ это бываетъ, когда по водѣ плыветъ большая рыба, съ тою только разницею, что движеніе струи было быстрѣе, нежели при плаваніи рыбы. Какъ только утка замѣтила эту струйку, тотчасъ-же поднялась и улетѣла. Струя-же, между тѣмъ все приближалась къ Бошу, пока онъ, наконецъ, не пустилъ въ нее зарядъ крупною дробью. Послѣ выстрѣла на водѣ возстановилось спокойствіе. Бошъ сѣлъ въ лодку, подѣхалъ къ тому мѣсту и сталъ изслѣдовать воду шомполомъ, на которомъ былъ приделанъ двойной пробочникъ для выниманія пыжей. Онъ скоро нащупалъ мягкую массу, зацѣпилъ ее и вытащилъ на верхъ; она оказалась рѣчною выдрю-самцомъ. Съ этихъ поръ прекратились всѣ разбои между населеніемъ пруда». И

этот случай не единственный. Вальтль, какъ рассказываетъ Екель, отбилъ добычу у выдры, которая только-что хотѣла утащить въ свое жилище подъ ольхою, въ водѣ, схваченную за хвостъ курицу; бѣдная птица била крыльями и пыталась взлетѣть, но выдра тащила ее до тѣхъ поръ, пока не вырвала у своей жертвы хвостъ. Въ 1851 г. окружной лѣсничій Шрекъ нашелъ въ капканѣ, поставленномъ для выдръ, случайно попавшую туда лысуху, которая за ночь была на половину съѣдена выдрю; другая половина птицы оставалась прищемленною пружиною капкана; на слѣдующее утро удалось поймать и выдру, которая, безъ сомнѣнія, пришла за остатками вчерашняго ужина. Совершенно то-же рассказываетъ, какъ очевидецъ, и Блэнфордъ объ индѣйской выдрѣ. По его словамъ, выдры часто охотятся тамъ обществами по пяти и шести штукъ, кровожадно умерщвляютъ болѣе того, чѣмъ могутъ съѣсть, и хватаютъ не только рыбъ, ракообразныхъ и лягушекъ, но также ляйца и водяныхъ птицъ; однажды онъ даже видѣлъ ихъ усердствующими около маленькаго крокодила, хотя не беретъ на себя смѣлости утверждать, что онѣ сами умертвили его. Макъ-Мастеръ наблюдалъ однажды по крайней мѣрѣ шесть выдръ, которыя, въ обширномъ полукругѣ и отдѣленные разстояніемъ около 50 метровъ, охотились въ озерѣ, плавая, ныряя и снова появляясь на поверхности съ пойманной рыбой, которую умещивали, но не съѣдали, а безопасно бросали.

Бѣтъ-ли выдра на свободѣ растительную пищу, я не могу утверждать, хотя во время своихъ наблюденій надъ плѣнными экземплярами замѣчалъ, что они не пренебрегали ею. Воспитанныя мною выдры съ удовольствіемъ ѣли морковь, а груши, сливы или вишни служили для нихъ даже лакомствомъ. Такъ какъ большая часть куницъ охотно питаются плодами, то можно предположить, что и рѣчная выдра также не пренебрегаетъ ими.

Определеннаго времени для спариванія выдра не имѣетъ, такъ какъ въ каждомъ мѣсяцѣ года у нея можно найти дѣтенышей. Обыкновенно время спариванія совпадаетъ съ концомъ февраля и началомъ марта. Самецъ и самка примааниваютъ другъ друга сильнымъ протяжнымъ свистомъ и любовно играютъ между собою въ водѣ; они преслѣдуютъ другъ друга, дразнятъ, заигрываютъ; самка жеманно убѣгаетъ, тогда самецъ становится настоятельнѣе въ своихъ требованіяхъ и заставляетъ побѣжденную самку сдаться. Спустя девять недѣль послѣ спариванія, — въ Германіи обыкновенно въ маѣ, — самка мечетъ 2—4 слѣпыхъ дѣтенышей въ безопасной норѣ, устроенной на берегу подъ старымъ деревомъ или крѣпкими корнями, на мягкой и теплой травяной подстилкѣ. Мать горячо любитъ своихъ дѣтенышей и нѣжно заботится о нихъ, стараясь скрыть свое гнѣздо отъ постороннихъ глазъ, и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не оставялять вблизи норы ни слѣдовъ своего разбоя, ни даже своихъ нечистотъ, которыя могли-бы выдать ея присутствіе. Почти черезъ 9—10 дней красивенькіе звѣрки открываютъ глазки, а по истеченіи восьми недѣль выводятся матерью на рыбную ловлю. Они остаются еще почти полгода подъ присмотромъ матери, въ теченіе котораго она обучаетъ ихъ необходимымъ знаніямъ, относящимся къ ихъ промыслу. На третьемъ году они становятся настолько взрослыми, что способны уже къ размноженію.

Молодые выдры, взятые изъ гнѣзда и вскормленныя молокомъ и хлѣбомъ, могутъ быть отлично приручены. Китайцы изъ расчета пользуются однимъ видомъ семейства рѣчныхъ выдръ для рыболовства; въ Германіи также много разъ приучали этихъ животныхъ для той-же цѣли. Въ Индіи, а именно по Сандербану и Инду, рыбаки часто держали при себѣ прирученныхъ выдръ, которыхъ заставляли загонять рыбу въ разставленныя сѣти.

Прирученная выдра—очень миловидное и добродушное животное. Своего

хозяйина она скоро научается узнавать и тогда слѣдуетъ за нимъ по пятамъ какъ вѣрвая собака. Она привыкаетъ охотнѣе къ молоку и растительной пищѣ, нежели къ мясной, и можетъ быть выдержана такъ, что совсѣмъ не станетъ касаться рыбы. Мнѣ приходилось воспитывать много выдръ и въ совершенствѣ приручать ихъ, но въ данномъ случаѣ я буду ссылаться на наблюденія другихъ лицъ.

Одна дама вскормила молокомъ молодую выдру и такъ приручила ее, что она всюду бѣгала за своею хозяйкою и при всякой возможности взбиралась по ея платью къ ней на колѣни. Она охотно играла съ хозяйкою или потѣшно забавлялась сама съ собою, каталась по разложенному на полу мѣховому коврику, ложилась на спину, ловила свой хвостъ, кусала себѣ переднія лапы и продолжала все это до тѣхъ поръ, пока тутъ-же не засыпала отъ усталости. Хозяйка могла дѣлать съ нею все, что хотѣла. «Какъ я ни надоѣдала этому милому звѣрку своими ласками», пишетъ она моему отцу, «онъ все спокойно переносилъ. Я клала его себѣ то на шею, то на спину, схватывала его обѣими руками и зарывала свое лицо въ его мѣхъ, или брала за переднія лапы и крутила по воздуху какъ мутовку, — всему этому онъ отдавался вполне терпѣливо; только когда я отсылала его отъ себя, онъ начиналъ своевольничать и проявлялъ неудовольствіе тѣмъ, что старался насильно взобраться ко мнѣ на шею, при этомъ трепалъ зубами платье и даже рвалъ его. Этимъ, а также своими грязными лапами онъ подчасъ могъ сильно надоѣсть, такъ какъ платье мое вѣчно было въ пятнахъ отъ его лапъ. И все-же я должна была оставлять звѣрка спать тамъ, гдѣ онъ самъ желалъ. Такимъ образомъ наши взаимныя отношенія становились все тѣснѣе, по мѣрѣ того, какъ животное дѣлалось больше и разумнѣе».

«Рѣчная выдра», говоритъ Винкель, «выросшая на попеченіи служившаго въ нашемъ семействѣ садовника, когда еще была полувзрослою, особенно любила находиться въ обществѣ людей. Если мы были въ саду, то и она приходила къ намъ, взбиралась на колѣни, охотно пряталась на груди подъ платьемъ, высовывая головку изъ застегнутаго сюртука. Когда она сдѣлалась больше, то стоило ей лишь разъ услышать свистъ, подобный свисту выдръ, соединенный съ данною ей кличкою, какъ она тотчасъ-же выходила изъ озера, въ которомъ наслаждалась плаваніемъ, и поспѣшно бѣжала къ намъ. Послѣ немногихъ уроковъ она научилась носить разные поноски, служить какъ собака, и по пяти — шести разъ куврыкаться черезъ голову; училась и упражнялась она въ этомъ очень охотно и тѣмъ доставляла намъ большое удовольствіе. Если она дѣлала какую-нибудь неприличность, что иногда случалось, то самымъ ужаснымъ для нея наказаніемъ было, если ее сильно обрызгивали или обливали водой, по крайней мѣрѣ этого она боялась больше, чѣмъ побоевъ. Ея любимымъ товарищемъ была большая такса; стоило только той появиться въ саду, какъ волѣдъ за нею прибѣгала и выдра, тотчасъ-же вскакивала собакѣ на спину и ѣздила на ней верхомъ. Часто они возились и боролись, играя; то такса брала верхъ, то выдра. Когда выдра была въ очень хорошемъ расположеніи духа, то она хихикала. Если съ собакою проходили мимо нея на значительномъ разстояніи и такса повидимому не хотѣла играть со своимъ другомъ, то выдра приглашала ее, издавая свистъ нѣсколько разъ сряду. Тогда такса, если получала на то разрѣшеніе хозяйина, моментально бросалась на зовъ».

Воспитаніе выдры по части рыбной ловли довольно просто. Такому животному съ молоду никогда не даютъ для ѣды рыбнаго мяса, а питаютъ его исключительно молокомъ и хлѣбомъ. Когда оно достаточно подрастетъ, ему бросаютъ грубо выдѣланную изъ кожи искусственную рыбу и стараются довести выдру до того, чтобы она стала играть съ этимъ предметомъ; затѣмъ эту рыбу бросаютъ въ воду, а впослед-

ствіи замѣняютъ ее настоящею, только мертвою рыбою. Если выдра станетъ приносить и ее, то тогда рыбу бросаютъ въ воду и выдру заставляютъ вытаскивать ее оттуда. Наконецъ, для заключительнаго урока приносятъ большую лохань съ плескающеюся въ водѣ живою рыбою и пускаютъ туда выдру. Послѣ этого животное можно уже смѣло посылать въ большіе пруды, озера и рѣки, а если распространить свои уроки дальше, то можно даже приучить животное ходить совмѣстно съ собакою и на другую охоту, причемъ оно отлично будетъ таскать убитую подъ водою дичь. Извѣстны кромѣ того случаи, когда выдру употребляли въ качествѣ сторожа, вмѣсто собаки. «Одинъ хорошо извѣстный охотникъ», говоритъ Вудъ, «имѣлъ выдру, которая была отлично дрессирована. Когда ее называли по имени «Нептунъ», она тотчасъ-же откликалась и шла на зовъ. Уже съ молодости она выказывала себя чрезвычайно разумной, а съ годами становилась удивительно понятливой и ручною. Она свободно бѣгала повсюду и умѣла, по желанію, охотиться за рыбою. Иногда она одна поставляла на кухню все продовольствіе, являвшееся результатомъ ея охоты, на которую она посвящала большую часть ночи. А на утро Нептунъ уже снова находился на своемъ посту, въ обществѣ всякихъ легавыхъ и борзыхъ, съ которыми, на удивленіе всѣмъ, выдра жила въ самой тѣсной дружбѣ. Ея охотничье искусство было такъ велико, что слава о ней распространилась по всему округу, и сосѣди не разъ обращались къ счастливому владѣльцу Нептуна съ покорнѣйшею просьбою одолжить имъ животное дня на два или на одинъ, чтобы наловить хорошей рыбы». Слѣдующій прекрасный разсказъ о прирученной выдрѣ принадлежитъ одному польскому дворянину, маршалу Златоусту Пассеку: «Въ 1686 г., когда я жилъ въ Оповѣ, король прислалъ ко мнѣ съ письмомъ господина Стращевскаго; одновременно съ этимъ я получилъ письмо отъ придворнаго штальмейстера, который совѣтовалъ мнѣ поднести королю въ подарокъ мою рѣчную выдру, говоря, что за это я буду награжденъ разными милостями. Я долженъ былъ подчиниться совѣту штальмейстера и отдать своего любимца. Распивъ бутылку вина, мы отправились съ г. Стращевскимъ въ поле, такъ какъ моя рѣчная выдра была въ то время не дома, а около прудовъ. Я позвалъ ее по имени «Вурмъ!» Она тотчасъ-же вышла изъ тростника, стала ласково тереться о мои ноги и пошла вмѣстѣ со мною въ комнаты. Удивленный Стращевскій замѣтилъ мнѣ: «какъ пріятно будетъ королю имѣть такого ручнаго звѣрка». На это я отвѣтилъ ему: «отъ одной прирученности Вурма ты и то пришелъ въ восторгъ, какъ-же ты будешь восхищенъ, когда узнаешь другія достоинства моей выдры!» Мы въ это время подходили къ пруду; остановившись на плоту, я крикнулъ своему любимцу: «Вурмъ, мнѣ надо рыбы для гостя — полѣзай въ воду!» Въ ту-же минуту выдра бросилась въ прудъ и вытащила оттуда плотину. Когда я послалъ ее во второй разъ, она принесла небольшую щуку, которую поранила въ шею. Стращевскій изумленно слѣдилъ за животнымъ и твердилъ: «Господи, чтѣ я вижу!» Я спросилъ его: «хочешь, Вурмъ принесетъ еще? Онъ можетъ ловить до тѣхъ поръ, пока я самъ скажу ему, что достаточно». Стращевскій былъ въ полномъ восторгѣ, такъ какъ надѣялся поразить короля описаніемъ всѣхъ этихъ качествъ выдры; вслѣдствіе этого передъ его отъѣздомъ я показалъ ему все искусство и всѣ чудныя свойства моего звѣрка.

«Рѣчная выдра спала со мною на одной постели и была такъ чистоплотна, что никогда не пачкала не только постели, даже вообще комнату. Она также была отличнымъ сторожемъ; ночью никто не смѣлъ подойти къ моей кровати; даже лакей, снимавшій сапоги, вызывалъ ея неудовольствіе и, сдѣлавши свое дѣло, онъ не смѣлъ больше показываться въ комнату, иначе животное поднимало такой неистовый крикъ, что я просыпался отъ самаго ерѣпкаго сна. Когда я былъ выпивши,

выдра топталась у меня на груди и не оставляла меня до тѣхъ поръ, пока я не просыпался. Днем она забивалась куда-нибудь въ уголь и спала такъ крѣпко, что ее можно было, не разбудивши, унести на рукахъ. Она не ѣла ни рыбы, ни сырого мяса. Если кто-нибудь нарочно теребилъ меня за сюртукъ, а я кричалъ: «онъ трогаетъ меня! выдра тотчасъ-же выскакивала съ пронзительнымъ крикомъ и рвала того за платье и за ноги, какъ собака. Она жила въ большой дружбѣ съ нашею лохматою собакою, которую звали «Капраль». Отъ нея выдра научилась разнымъ штукамъ, такъ какъ не разставалась съ нею ни въ домѣ, ни въ дорогѣ. Съ другими же собаками она совсѣмъ не уживалась.

«Мой звѣрекъ былъ также очень полезенъ и въ дорогѣ. Стоило только, проѣзжая мимо рѣчки или пруда, остановиться и крикнуть: «Вурмъ, полѣзай въ воду!— какъ выдра въ нѣсколько минутъ налавливала цѣлыя груды рыбъ и доставляла продовольствіе не только для моего личнаго стола, но и для всей прислуги. Особенно цѣнно было въ ней это искусство во время поста. Единственная непріятность, которую доставляла мнѣ выдра въ дорогѣ, заключалась въ томъ, что она была виновницею цѣлаго сборища людей, стекавшихся отовсюду смотрѣть на нее, какъ на какое чудо, вывезенное изъ Индіи. Однажды я отправился съ нею въ гости къ моему дядѣ Феликсу Хоціевскому, у котораго находился также ксендзъ Зребіенскій; за столомъ намъ пришлось сидѣть рядомъ, а позади меня лежала на полу въ своей любимой позѣ—на спинѣ—моя выдра. Замѣтивъ на полу что-то мѣховое и подумавъ, что это муфта, ксендзъ наклонился, чтобы поднять ее; выдра проснулась, вскрикнула и такъ сильно укусила ксендза за руку, что онъ упалъ отъ испуга въ обморокъ.

«Страшевскій отправился къ королю и рассказалъ ему все видѣнное и слышанное. Король приказалъ письменно спросить меня, сколько я хочу получить за свою рѣчную выдру, а придворный штальмейстеръ Пекарскій дѣлалъ отъ себя приписку: «ради Бога, не отказывай королю въ просьбѣ, отдай ему выдру, иначе тебѣ все равно не будетъ никакого покоя». Письма привезъ опять Страшевскій; онъ рассказывалъ, что король часто повторяетъ поговорку «*Bis dat, qui cito dat*» (вдвое даетъ тотъ, кто скоро даетъ) и что онъ приказалъ взять изъ Яворова двухъ лучшихъ турецкихъ лошадей, надѣть на нихъ великолѣпную сбрую и отослать ихъ мнѣ въ качествѣ отвѣтнаго подарка. Послѣ этого мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ отправить свою любимицу на новую службу. Выдра неохотно подчинилась этому и выражала свой протестъ громкими крикомъ, которымъ оглашала воздухъ все время, пока ее везли въ клѣткѣ черезъ деревню. Звѣрекъ похудѣлъ и опечалился. Когда ее принесли къ обрадованному королю, тотъ сказалъ: «животное выглядитъ скучнымъ, съ нимъ надо обходиться какъ можно лучше». Но каждаго, кто подступалъ къ выдрѣ, она кусала. Одинъ король могъ безпрепятственно гладить ее, и когда онъ въ первый разъ прикоснулся къ ней, она почтительно склонилась; это такъ восхитило его, что онъ тутъ-же велѣлъ принести для выдры кушать и самъ сталъ кормить ее изъ рукъ. Два дня она безпрепятственно разгуливала по всему дворцу. Король приказалъ разставить бассейны и напустить туда мелкой рыбы и раковъ. Выдра играла въ бассейнѣ и приносила королю рыбу. Восхищенный король сказалъ своей супругѣ: «милая Марія, съ этихъ поръ я не стану ѣсть никакой другой рыбы, кромѣ той, которую наловитъ наша выдра. Завтра-же мы отправимся вмѣстѣ съ нею въ Виланово, чтобы убѣдиться, знаетъ ли она толкъ въ рыбѣ». По выдра на слѣдующую ночь сбѣжала изъ дворца и, въ то время, какъ бродила въ окрестности, была убита однимъ драгуномъ, который не зналъ, что это была ручная, да еще королевская выдра. Мѣхъ ея онъ тотчасъ-же продалъ еврею.

Когда во дворцѣ встали и узнали про пропажу выдры, общему горю не было предѣла. Во всѣ стороны послали гонцовъ. Драгуна, убившаго выдру, и еврея, купившаго ея шкуру, тутъ-же схватили и привели къ королю. Увидавъ мѣхъ животнаго, свидѣтельствовавшей о гибели его, король схватилъ себя за волосы и, закрывъ глаза рукою, воскликнулъ: «бей его тотъ, кто носить имя честнаго человѣка; изруби его тотъ, кто вѣруетъ въ Бога!» Этимъ возгласомъ драгунъ былъ приговоренъ къ растрѣлянью. Но тогда къ королю явились ксендзы, духовныя лица, епископы, стали просить за несчастнаго драгуна и убѣждали въ его невинности, доказывая, что онъ совершилъ грѣхъ по незнанію. Убѣжденія духовенства подѣйствовали на короля и драгунъ, вмѣсто смертной казни, былъ приговоренъ только къ розгамъ.»

За рѣчною выдрю во всѣ времена безжалостно охотились, благодаря жестокимъ опустошеніямъ, которыя она причиняла. Ея хитрость дѣлаетъ всѣ роды охоты, примѣнявшіеся къ ней, утомительными или даже невозможными. Трудно застрѣлить выдру на стойкѣ, потому что, чуя приближеніе человѣка, она не выходитъ изъ своей норы. Зимомъ этотъ способъ охоты бываетъ удачнѣе, особенно если животное подстерегаютъ у прорубей. Чаще всего выдру ловятъ капканомъ, который ставятъ безъ всякой приманки передъ выходомъ изъ норы. такъ, что вода покрываетъ его на 5 ст., а все желѣзо капкана окутываютъ водорослями. Еще лучше, если такой капканъ можно поставить прямо въ рѣкѣ или въ проходѣ, которымъ пользуется выдра во время своей охоты для переправы изъ одного пруда въ другой. Въ такомъ случаѣ весь проходъ загораживаютъ кольями, чтобы выдра не могла миновать капкана. Въ большихъ озерахъ и прудахъ на нее охотятся съ лодки, стрѣлая въ нее въ тотъ моментъ, когда она вынырнетъ, чтобы набрать воздуха. Поднимающіеся на поверхности воды пузырьки указываютъ путь, котораго держится животное, и даютъ такимъ образомъ возможность не ошибиться въ мѣстѣ ея нахождения. Въ глубокихъ водахъ этотъ родъ охоты не примѣнимъ, потому что убитая выдра, какъ свинецъ, идетъ прямо ко дну и найти ее невозможно; когда-же снова, черезъ нѣсколько дней, всплываетъ, то полусгнившая шкура ея никуда уже не годна. Въ рѣкахъ, гдѣ водится много выдръ, можно еще практиковать такой способъ охоты: поперекъ рѣки тянутъ сѣти, соблюдая при этомъ возможную тишину, и спускаютъ собакъ загонять выдру. Нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ ружьями и кольями, стоятъ у сѣтей или, гдѣ рѣка не глубока, идутъ вмѣстѣ съ собаками въ воду; попавшееся въ сѣть животное или пристрѣливаютъ, или-же садятъ на острый коль и съ такимъ трофеемъ побѣдно возвращаются домой.

Такимъ способомъ охотятся преимущественно въ Шотландіи, но также и въ Германіи, гдѣ нѣкоторые охотники стяжали себѣ даже славу эту охоту. Пойманная выдра страшно шипитъ и защищается до послѣдняго издыханія; она можетъ быть очень опасна неосторожнымъ собакамъ, которымъ нерѣдко перекусываетъ ноги до самыхъ костей. Опытныя собаки знаютъ, конечно, какъ нужно увертываться отъ подобныхъ несчастныхъ случаевъ и скоро овладѣваютъ врагомъ. Въ моментъ смерти выдра испускаетъ жалобныя стоны.

Уже въ древнѣйшихъ законахъ объ охотѣ строго предписывалось истребленіе рѣчныхъ выдръ и каждому охотнику или ловцу оказывалось всякое содѣйствіе. Въ прежніе вѣка ловъ рѣчныхъ выдръ, по Іевелю, причисляли къ рыболовству, потому-что злые хищники должны были доставаться имъ, которые отъ нихъ больше всего терпѣли вреда. Но были охотники исключительно на выдръ, которые считались мастерами своего дѣла, но все-таки они менѣе уважались, чѣмъ другіе охотники. Въ вознагражденіе за свой трудъ они получали весьма незначительныя суммы, если не считать того, что имѣли право шкуру и мясо животнаго остав-

лять въ свою собственность. Мясо прежде стоило въ Баваріи и Швабіи довольно дорого и продавалось по гульдену фунтъ, преимущественно въ монастыри, гдѣ имѣло большой сбытъ, какъ излюбленная постная пища, тогда какъ теперь покупатели даютъ за него не больше третьей части прежней стоимости, потому-что мясо выдры волокнисто, трудно переваривается и вкусно только тогда, когда приготовлено поварски, съ особенными приправами.

Выше всего въ животномъ цѣнятся мѣхъ, за который въ настоящее время въ Германіи платятъ по 12—20 марокъ за шкурку. По Ломеру, въ средней Европѣ ежегодно добываютъ около 12,000 шкуръ рѣчной выдры, которая составляютъ выручку въ 135.000 марокъ. Большой сбытъ однако производится не на германскомъ рынкѣ, такъ какъ мѣхъ рѣчной выдры предпочитается скорѣе сѣверными народами, которые охотно покупаютъ его и платятъ весьма высокую цѣну. Рѣчныя выдры и рыси считаются, по Радде, у всѣхъ монгольскихъ народовъ драгоценными пушными звѣрями и стоятъ у нихъ гораздо дороже, чѣмъ у европейскихъ торговцевъ; за хорошую рѣчную выдру монголы платятъ 20—25 рублей серебромъ. За мѣхъ американскихъ выдръ (*L. canadensis*), платятъ въ Германіи еще дороже, а именно по 30—100 марокъ за штуку; отсюда вывозится въ настоящее время почти 13.000 шкурокъ, на сумму 600,000 марокъ. Мѣхъ этотъ употребляютъ всюду на опушки шубъ и зимняго платья, въ южной Германіи кромѣ того на шапки, которая носятъ какъ мужчинами, такъ и женщинами въ Гессенѣ, Баваріи и Швабіи; въ сѣверной Германіи изъ него готовятъ мѣховыя воротники и т. п. вещи; въ Китаѣ онъ идетъ на опушки шапокъ и, наконецъ, въ Камчаткѣ на укладку очень дорогихъ собольихъ мѣховъ, такъ-какъ онъ имѣетъ свойство вбирать въ себя всю влагу и сырость, и вслѣдствіе этого способствуетъ отличному сохраненію собольихъ мѣховъ. Изъ волосъ хвоста готовятъ рисовальныя кисти, а изъ тонкихъ волосъ подшерстка выдѣлываются отличныя и прочныя пуховыя шляпы. Нѣкоторые считаютъ мѣхъ рѣчной выдры, живущей въ маленькихъ рѣкахъ и ручьяхъ, лучше, чѣмъ у тѣхъ выдръ, которыя водятся въ большихъ рѣкахъ и озерахъ; но это вполнѣ несправедливо. Прежде шли въ употребленіе также кровь, жиръ и нѣкоторыя внутренности животнаго, изъ которыхъ готовились лѣкарственныя снадобья.

Рѣчная выдра была извѣстна уже древнимъ грекамъ и римлянамъ, хотя про ея образъ жизни они много сочиняли басенъ. Такъ, думали, что она нападаетъ на человѣка и, если ухватится за него своими страшными зубами, то не выпускаетъ до тѣхъ поръ, пока не услышитъ, какъ хрустнуть разломанныя кости.

* * *

Чтобы дать полное понятіе объ образѣ жизни выдръ, я хочу описать словами принца фонъ-Вида и Гензели еще одинъ видъ этого рода, Лонтру или Ариранью бразильцевъ (*Lutra brasiliensis*, *Lontra brasiliensis*, *Loutre de Bresil*).

Различіе между нашей и бразильской рѣчной выдрой въ высшей степени незначительно и ограничивается главнымъ образомъ строеніемъ головы и хвоста: голова, по сравненію съ нашей рѣчной выдрой, кажется болѣе круглой и не такъ плоско сжатой, а хвостъ острый по краямъ съ обѣихъ сторонъ и сильно сжатый сверху внизъ. Зубная система не имѣетъ никакихъ существенныхъ отличій. Окраска прекраснаго короткаго мѣха—шоколадно-бурого цвѣта, нижняя сторона немного свѣтлѣе; нижняя челюсть выглядитъ желтоватой или бѣлой, и вся нижняя часть шеи до груди покрыта продолговатыми, часто перемежающимися бѣловатыми пятнами. Видоизмѣненія, впрочемъ, встрѣчаются довольно часто. По сравненію съ

нашей рѣчной выдрой, ариранья кажется великаномъ: вся ея длина достигаетъ 1,5—1,7 м., изъ которыхъ на хвостъ приходится 55—см.

Ариранья живетъ преимущественно въ большихъ рѣкахъ низкихъ равнинъ и между ними предпочитаетъ спокойные боковые рукава рѣкъ; можетъ также всходить на невысокія горы. «Въ мало посѣщаемыхъ рѣкахъ Бразиліи», описываетъ принцъ-фонъ-Видъ, «этихъ животныхъ находятъ многочисленными ватагами. Плавая по Бельмонте, Итабауанѣ, Ильосу и другимъ рѣкамъ, мы рѣдко проходили безъ того, чтобы не задержаться появленіемъ цѣлаго общества рѣчныхъ выдръ. Онѣ имѣютъ нравы нашихъ европейскихъ выдръ, но совершенно дневныя животныя, выходящія на свой промыселъ съ наступленіемъ утра и съ сумерками отправляющіяся на покой. Когда подходит такая ватага, то уже издали слышатся громко свистящія, напоминающія мяуканье кошекъ, звуки, сопровождаемые сильнымъ фырканьемъ и храпомъ; вода приходитъ въ движеніе, и очень искусно плавающія животныя часто высовываютъ голову, а иногда и часть туловища надъ поверхностью рѣки, неся въ пасти рыбу, какъ будто хвастаясь своею добычею. Такъ поднимались они вверхъ по теченію, охотясь за рыбою обществомъ, или предоставляли самому теченію нести ихъ. Когда на встрѣчу имъ попадались лодки, они ныряли, выдѣлывая разные штуки, хотя обыкновенно ихъ привѣтствовали выстрѣломъ изъ ружья».

«Если», дополняетъ Гензель, «выѣхать въ легкой ладѣ въ тихіе рукава рѣки Якуи или ея притоковъ, защищенные сѣнью нависшихъ вѣтвей, и безшумно скользить по рѣкѣ, то можно замѣтить въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лодки появляющіяся, время отъ времени, темныя точки, которыя, соединившись обыкновенно вмѣстѣ, переплываютъ рѣку. Еще издали онѣ выдаютъ себя въ глазахъ охотника длинною струею, которая образуется на водѣ въ видѣ острого угла, на вершинѣ котораго вооруженный глазъ можетъ различить высовывающуюся, время отъ времени, изъ воды голову ариранья. Когда-же наконецъ достигаютъ этого мѣста, все сразу исчезаетъ, и на водной поверхности водворяется безмолвная тишина, въ рѣдкихъ случаяхъ нарушаемая лишь крикомъ зимородка. Но вдругъ, совершенно неожиданно, около самой лодки раздается гнѣвное фырканье, и справа, и слѣва, спереди и сзади насъ поднимаются изъ воды головы исполинскихъ животныхъ, которыя черезъ минуту, съ быстротою молніи и по прежнему фыркая, снова ныряютъ въ глубину. Напрасны всякія хлопоты со стороны охотниковъ: прежде чѣмъ они прицѣлятся, желанная добыча исчезаетъ, чтобы такъ же неожиданно вынырнуть гдѣ-нибудь съ противоположной стороны; если удастся сдѣлать выстрѣлъ, то раненое животное исчезаетъ въ неизмѣримой глубинѣ рѣки, чтобы уже никогда больше не показываться».

«Ариранья питается, несмотря на свою тюленью природу, всѣмъ, что она въ силахъ одолѣть. Однажды она загрызла двуутробку, которая была поймана въ капканѣ, и частью съѣла ее; другая ариранья поймала невдалекѣ отъ дома въ короткое время двухъ гусей, которые плавали въ канавѣ, подкравшись къ нимъ подъ водою и схвативъ добычу за брюхо. Къ собакамъ онѣ чувствуютъ большое нерасположеніе, и въ мѣстностяхъ, въ которыхъ онѣ еще не научились бояться людей, нерѣдко дѣлаютъ нападеніе на собакъ, находящихся у охотниковъ въ лодкахъ, соединившись при этомъ обществомъ. Ариранья легко одолѣваетъ преслѣдующую ее въ водѣ собаку».

Какъ утверждаетъ принцъ фонъ-Видъ, ариранья переходитъ также по землѣ изъ одной рѣки въ другую и въ такихъ случаяхъ попадаетъ иногда въ ловушку. Ея мѣхъ вездѣ очень цѣнится и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стоитъ даже дороже боброваго мѣха.

«Изъ шайки въ пять штукъ» продолжаетъ Гензель, «мною и моими людьми

были уже спугнуты четыре, прежде чѣмъ удалось изловить пятую. Мѣста выходовъ этой выдры, соотвѣтствуя ей величинѣ, представляютъ просторныя голыя площадки подѣ густымъ нависшимъ бамбуковымъ тростникомъ или подѣ непроницаемымъ кустарникомъ. На этихъ мѣстахъ находятъ постоянно массу рыбьей чешуи, которая получается не непосредственно съ рыбы, въ то время какъ выдра ѣстъ ее, а выдѣляется изъ жидкаго кала животнаго, въ которомъ чешуя остается непереваренной. На такомъ мѣстѣ мой слуга однажды опустилъ въ воду капканъ, невдалекѣ отъ берега. Когда онъ, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, снова пришелъ туда, чтобы взглянуть на капканъ, на берегу сидѣла выдра и грѣлась на солнцѣ. Слуга выстрѣлилъ въ животное, оно бросилось было въ воду, но при этомъ, по счастью, прыгнуло въ капканъ. Хотя выдра, какъ потомъ обнаружилось, и была ранена, но имѣла еще силу разорвать крѣпкія веревки, которыми былъ укрѣпленъ капканъ, и съ нимъ вмѣстѣ исчезла въ глубинѣ. Счастливый случай помогъ все-таки добыть животное: капканъ запутался веревками въ подводныхъ корняхъ деревьевъ, такъ что пойманное животное захлебнулось и на свѣтъ Божій было вытащено уже мертвымъ, вмѣстѣ съ капканомъ». * * *

Наша рѣчная выдра и многіе ей родственные виды живутъ какъ на землѣ, такъ и въ рѣкахъ, иногда-же и въ морѣ, но одинъ видъ этой группы принадлежитъ исключительно морю; это—Морской бобръ, Каланъ или Котикъ, какъ его называютъ русскіе охотники (*Enhydria lutris*, *Mustela Lutra* и *Phoca lutris*, *Enhydra marina* и *stelleri*, *Latax marina*. Seeotter. *Loutre de Kamtchatka*), представитель особаго рода, который образуетъ, можетъ быть, соединительное звено между выдрами и тюленями. Голова, правда, еще нѣсколько сжата, но круглѣе, чѣмъ у рѣсноводныхъ выдръ; шея короткая и толстая, туловище цилиндрическое, хвостъ короткий, толстый, сплюснутый, клинообразно заостренъ и густо обросъ волосами. Передняя пара ногъ уже немного разнится отъ ногъ рѣчной выдры, а задняя имѣетъ совершенно своеобразное строеніе. Переднія ноги отличаются отъ ногъ рѣчной выдры только своими укороченными пальцами, которые соединены мозолистой, снизу голой перепонкой, и своими маленькими и слабыми когтями; заднія-же лапы представляютъ собою какъ-бы плавники, похожіе на лапы тюленей, отъ которыхъ онѣ отличаются тѣмъ, что пальцы постепенно увеличиваются въ длину, изнутри кнаружи. Заднія лапы морской выдры въ значительной степени напоминаютъ лапы бобра, съ тою только разницею, что онѣ покрыты сверху и снизу короткими, густыми шелковистыми волосами. Мѣхъ состоитъ изъ длинныхъ прямыхъ волосъ ости темно-бураго цвѣта съ бѣлыми крапинами, происходящими отъ бѣлыхъ кончиковъ волосъ. Молодые животныя имѣютъ длинныя, жесткіе, бѣлые или буровато-сѣрые волосы, которые совершенно скрываютъ тонкій бурый подшерстокъ. Взрослыя морскіе бобры достигаютъ общей длины по крайней мѣрѣ съ 1, 5 м., изъ которыхъ около 30 см. отходятъ на хвостъ, и вѣса отъ 30—40 килограммовъ. Область распространенія морской выдры ограничивается сѣвѣрною частью Тихаго или Великаго океана, приблизительно цѣлью Алеутскихъ острововъ и Беринговымъ островомъ. У американскихъ береговъ она спускается дальше къ югу, нежели у азіатскихъ, а именно, по Скаммону, до 28° с. ш., но и здѣсь также годъ отъ году становится болѣе рѣдкою. Лучшее описаніе морского бобра принадлежитъ Стеллеру, который въ 1741 г. претерпѣлъ, совмѣстно съ Берингомъ, кораблекрушеніе около Берингова острова и имѣлъ возможность наблюдать это животное.

«Мѣхъ морского бобра», говоритъ Стеллеръ, «кожа котораго неплотно прилегаетъ къ тѣлу и во время бѣга колыхается во всѣ стороны, настолько превосхо-

дять по длинѣ, красотѣ, и темному цвѣту мѣхъ рѣчного бобра, что этотъ послѣдній не можетъ выдержать съ нимъ ни малѣйшаго сравненія. Лучшіе мѣха продаются въ Камчаткѣ по 30 р., въ Якутскѣ по 40 р., а на Китайской границѣ, при мѣнѣ товаровъ, идутъ по 80—100 р. за шкуру. Мясо его довольно съѣдобно и даже вкусно; у самокъ оно гораздо нѣжнѣе и, противъ закона природы, особенно жирнымъ и вкуснымъ бываетъ незадолго до и послѣ времени спариванія. У молодыхъ бобровъ, питающихся еще молокомъ матери и которые, вслѣдствіе своего плохого мѣха, называются «медвѣдками», мясо—жареное или вареное можетъ поспорить по вкусу съ молодою бараниною. Самецъ, какъ всѣ другія теплокровныя морскія животныя, имѣетъ въ половомъ органѣ кость, а самка два соска около половыхъ частей.

«По образу жизни морской бобръ такъ-же интересенъ и пріятенъ, какъ веселъ и забавенъ по нраву; къ-тому-же это очень ласковое и влюбчивое животное. Когда онъ бѣжитъ, блескъ его мѣха превосходитъ самый черный бархатъ. Каланы предпочитаютъ держаться семейно: самецъ лежитъ съ самкою, тутъ-же полу-взрослые дѣтеныши или кошлаки и маленькіе сосуны—медвѣдки. Самецъ ласкаетъ самку, гладитъ ее словно руками своими передними лапами, часто ложится около нея, а та, шутя, отталкиваетъ его отъ себя, какъ-бы изъ притворной скромности, и занимается своимъ дѣтенышами, какъ самая нѣжная мать. Любовь родителей къ дѣтенышамъ такъ велика, что ради нихъ они готовы подвергнуться явной смертельной опасности, и если отъ нихъ отнимутъ маленькихъ, то они громко рыдаютъ, почти какъ дѣти. Тоска ихъ бываетъ такъ велика, что они—какъ это мы видѣли изъ многихъ примѣровъ—въ 10—14 дней высыхаютъ на подобіе скелета, дѣлаются больными, слабыми и не хотятъ уходить съ берега. Самокъ морскихъ бобровъ можно круглый годъ видѣть съ дѣтенышами. Онѣ мечутъ заразъ только по одному и всегда на сушѣ. Дѣтеныши рождаются зрячими и со всѣми зубами. Самки носятъ ихъ во рту, а въ морѣ—лежа на спинѣ и охвативъ ихъ передними лапами, подобно тому, какъ женщина держитъ въ рукахъ свое дитя. Онѣ такъ-же играютъ съ ними, какъ любящая мать, подбрасываютъ вверхъ и ловятъ какъ мячъ, толкаютъ въ воду, чтобы они учились плавать, и берутъ опять къ себѣ, когда тѣ устаютъ, и цѣлуютъ, совершенно какъ люди. Какъ-бы охотники ни преслѣдовали самку въ водѣ или на сушѣ, она не выпуститъ изо рта дѣтеныша, развѣ только въ послѣдней крайности или въ минуту смерти, вслѣдствіе чего и погибаетъ такая масса медвѣдковъ. Я нарочно отнималъ у самокъ дѣтенышей, чтобы посмотреть, что онѣ станутъ дѣлать; онѣ принимались рыдать, какъ огорченный человѣкъ, и, подобно собакамъ, издали слѣдовали за мною, когда я уносилъ маленькихъ; при этомъ матери звали ихъ съ тоскливымъ воплемъ. Когда дѣтеныши тоже принимались визжать, я сажалъ ихъ на землю; матери тотчасъ-же подбѣгали къ нимъ и брали ихъ съ собою, причемъ сосуновъ несли во рту, а взрослыхъ гнали передъ собою. Однажды я встрѣтилъ самку, спавшую со своимъ дѣтенышемъ. Когда я приблизился, она испуганно вскочила и стала будить дѣтеныша; но такъ какъ тотъ съ-просонья не могъ бѣжать, то она схватила его передними лапами и, какъ камень, бросила въ море. Если имъ удастся счастливо избѣгнуть опасности, то они, достигнувъ моря, начинаютъ такъ забавно насмѣхаться надъ своими преслѣдователями, что безъ улыбки удовольствія на нихъ нельзя смотрѣть: они то становятся въ водѣ на дыбы какъ человѣкъ, и прыгаютъ въ волнахъ, то приставляютъ переднія лапы ко лбу, какъ будто защищая отъ солнца глаза, чтобы хорошенько разглядѣть предметъ, то ложатся на спину и глядятъ себѣ передними лапами животъ, какъ это дѣлаютъ обезьяны, или бросаютъ въ воду маленькихъ и снова ловятъ ихъ, и т. п.

Если калана наступитъ и ему нѣтъ никакого выхода, онъ фыркаетъ и шипитъ какъ разсерженная кошка. Если его ударить, онъ ложится на бокъ, подгибаетъ заднія ноги, а передними закрываетъ глаза и такимъ образомъ готовится къ смерти. Мертвымъ онъ лежитъ какъ человѣкъ, вытянувшись и крестообразно сложивъ на груди переднія лапы.

«Пища калановъ состоитъ изъ морскихъ раковъ, раковинъ, мелкой рыбы, рѣже изъ морской растительности или мяса крупныхъ животныхъ. Я не сомнѣваюсь, что если-бы не остановились передъ расходами, чтобы перевезти животныхъ въ Россію, то ихъ можно-бы было приручить и даже, я такъ полагаю, они могли-бы размножаться въ прудахъ или рѣкахъ. Я вывожу это заключеніе изъ того, что морская вода вовсе не составляетъ необходимости для калановъ, такъ какъ они по нѣсколько дней жили на островахъ въ маленькихъ рѣкахъ. Во вся-

Каланъ. *Enhydra lutris*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

комъ случаѣ это животное заслужило полное наше уваженіе, такъ какъ питало насъ въ продолженіи цѣлыхъ шести мѣсяцевъ, когда мы не имѣли никакой другой пищи, а больнымъ, страдавшимъ цынгою, доставляло даже лѣкарство.

«Движенія морскихъ бобровъ необыкновенно граціозны и быстры. Они отлично плаваютъ и очень скоро бѣгаютъ, и нѣтъ ничего красивѣе этого бархатстаго блестяще-чернаго животнаго, когда оно бѣжитъ. При этомъ замѣчательно то, что животное бываетъ тѣмъ бодрѣе, умнѣе и проворнѣе, чѣмъ прекраснѣе у него мѣхъ. Совсѣмъ сѣдые, повидимому очень старые бобры, необыкновенно умны, вслѣдствіе чего ихъ крайне трудно ловить. Самые плохіе, имѣющіе одноцвѣтно-бурый мѣхъ, по большей части неповоротливы, сонливы и глупы, вѣчно лежатъ на льду или на скалахъ, ходятъ медленно и легко даются въ руки, какъ будто понимаютъ, что ихъ не станутъ особенно усердно преслѣдовать. Во время сна они лежатъ на землѣ, свернувшись какъ собаки; выходя изъ воды, отряхиваются и чистятся передними лапами какъ кошки. Они бѣгаютъ очень скоро, но при этомъ описываютъ кривыя линіи. Если имъ загоразиваютъ дорогу къ морю они остано-

вливаются, по-кошачьи выгибаютъ спину горбомъ, фыркаютъ и грозятъ броситься на врага, но стоитъ только нанести имъ одинъ ударъ по головѣ, какъ они падаютъ за-мертво и закрываютъ глаза лапами. По спинѣ они позволяютъ бить себя довольно терпѣливо, но какъ только ударъ попадаетъ по хвосту, они быстро поворачиваются къ своему мучителю и комично подставляютъ ему своей лобъ. Иногда они при первомъ ударѣ притворяются мертвыми и какъ только охотники займутся чѣмъ-нибудь другимъ, тотчасъ убѣгаютъ. Мы загоняли ихъ иногда въ узкое мѣсто и замахивались дубиною; тогда они ложились, ласкались, оглядывались кругомъ и смиренно прокрадывались мимо насъ медленными шажками, какъ виноватыя собаки; но лишь только чувствовали себя внѣ опасности, въ припрыжку спѣшили убраться въ море.

«Въ іюль или августѣ каланы линяютъ, впрочемъ немного, и становятся тогда нѣсколько бурѣе. Лучшіе мѣха, поэтому, получаютъ въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ; большая часть ихъ идетъ въ Китай. Въ Камчаткѣ нѣтъ роскошнѣе наряда, какъ шубы, сшитой изъ бѣлаго мѣха сѣвернаго оленя и опушенной морскимъ бобромъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ тамъ всё носили бобровыя шубы; но съ тѣхъ поръ, какъ этотъ мѣхъ сильно вздорожалъ, онъ вывелись изъ употребленія къ тому-же камчадалы считаютъ теперь собачій мѣхъ гораздо красивѣе, теплѣе и прочнѣе боброваго.

«Калакъ, котораго по качеству его мѣха несправедливо считаютъ за бобра и потому называютъ камчатскимъ бобромъ, есть въ сущности настоящая выдра, и отъ рѣчной выдры отличается только тѣмъ, что живетъ въ морѣ, почти вдвое больше ея и, по красотѣ мѣха, напоминаетъ бобра. Это безспорно животное американскаго происхожденія, а на азіатскихъ берегахъ является лишь гостемъ и пришельцемъ. Онъ держится въ такъ называемой Бобровомъ морѣ между 56—50° с. ш. Подъ такую-же широту мы встрѣчали его и въ Америкѣ, какъ на островахъ, такъ и на материкѣ, а ближе къ материку подъ 60°. Большая часть калановъ приводится съ берега одного материка на другой льдинами; мнѣ самому случалось видѣть, какъ любятъ эти животныя лежать на льду и, хотя вслѣдствіе умѣренной зимы, льдины были тонки и не часты, однако каланы, какъ спящіе, такъ и бодрствующіе, неслись на нихъ по волнамъ и прибывались къ какому-нибудь острову, откуда, при отливѣ, снова уходили въ море.

«Когда мы прибыли на Беринговъ островъ (1741 г.), калановъ тамъ было въ наличности не мало. Во всё времена года, хотя зимою чаще, чѣмъ лѣтомъ они выходятъ на берегъ, чтобы спать и отдыхать, а также и для игръ. Во время морского отлива они лежатъ на камняхъ и на обсохшихъ обломкахъ скалъ; во время-же прилива сидятъ на берегу въ травѣ или въ снѣгу, на разстояніи почти полъ или даже цѣлой версты отъ берега; впрочемъ, обыкновенно располагаются поближе къ нему. Въ Камчаткѣ или на Курильскихъ островахъ они рѣдко выходятъ на сушу; изъ этого можно заключить, что на Беринговомъ островѣ ихъ никогда не беспокоили во время отдыха и игръ.

«Мы охотились на нихъ слѣдующимъ образомъ: обыкновенно вечеромъ или ночью мы выходили по двое, по трое или по четыре человека вмѣстѣ съ длинными, крѣпкими березовыми дубинами, и шли къ берегу противъ вѣтра, по возможности осторожно, и внимательно озираясь во всё стороны. Какъ только мы усматривали спящаго калана, одинъ изъ насъ тихонько отдѣлялся и подползалъ къ животному на четверенькахъ; другіе же тѣмъ временемъ заграждали ему дорогу къ морю. Когда каланъ настолько приближался къ намъ, что его можно было достигнуть однимъ прыжкомъ, мы всё разомъ кидались на него съ намѣреніемъ убить

животное нѣсколькими ударами по головѣ. Если-же онъ удиралъ отъ пась, прежде чѣмъ мы успѣвали окружить его, то мы пускались въ догонку и загоняли отъ берега въ глубь острова, такъ что наконецъ, какъ-бы скоро и ловко ни бѣгало животное, оно утомлялось, и тогда его легко можно было убить. Когда мы нападали на цѣлое стадо калановъ, что случалось нерѣдко, то каждый охотникъ выбиралъ животное, которое было къ нему ближе, и дѣло шло еще успѣшнѣе. Вначалѣ намъ не нужно было напрягать свое усердіе, хитрость и ловкость для удачной охоты, потому что весь берегъ кишѣлъ каланами и они лежали въ полномъ спокойствіи относительно своей участи, но впослѣдствіи они научились понимать наши намѣренія, такъ что выходили на берегъ съ крайнею осторожностью: прежде чѣмъ лечь на отдыхъ, они зорко осматривались, обнюхивали вокругъ и только тогда ложились, когда все обстояло благополучно, да и то успокаивались не сразу, а нѣсколько разъ снова вскакивали и вторично осматривали мѣстность или-же уходили назадъ въ море. Тамъ, гдѣ располагалось цѣлое стадо, въ разныхъ мѣстахъ были выставлены ими сторожевыя животныя. Намъ также много препятствовали злые песцы, которые насильственнымъ образомъ будили калановъ и не давали имъ смыкать глаза; вслѣдствіе этихъ причинъ намъ постоянно приходилось отыскивать для охоты новыя мѣста, дѣлать большіе обходы, предпочитать темную ночь свѣтлой и бурную погоду тихой, и все это для того, чтобы заполучить животное, которое служило единственной поддержкой нашего питанія. Несмотря на всѣ эти препятствія, съ 6-го сентября 1741 г. по 17 августа 1742 г. нами все-таки было убито и съѣдено 700 штукъ морскихъ бобровъ, а шкуры ихъ отвезены въ Камчатку. Такъ какъ калановъ часто убивали безъ всякой необходимости, ради ихъ мѣха, а еще чаще,—когда мѣхъ оказывался недостаточно чернымъ,—и совсѣмъ не пользовались убитымъ животнымъ, а бросали его цѣликомъ въ море, то это безбожное истребленіе довело до того, что весною, когда всѣ наши съѣстные припасы были съѣдены, мы на цѣлыя 50 верстъ въ окружности не могли найти ни одного животнаго. Конечно, можно-бы было удовлетворяться и тюленями, но они были слишкомъ хитры, чтобы отдаляться отъ берега, и приходилось считать за особенное счастье, если удавалось убить тюленя.

«Курильцы отправляются весною въ легкихъ лодкахъ, на которыхъ находится по шести гребцовъ, одному рулевому и одному стрѣлку, на 10 и болѣе верстъ въ море. Замѣтивъ калана, они со всѣхъ силъ принимаются грести на него, но животное, въ свою очередь, не менѣе старательно удираетъ отъ нихъ. Когда лодка уже довольно близко, рулевой и сидящіе впереди стрѣлки пускаютъ въ животное стрѣлы. Если они и не попадаютъ въ него, то все-же вынуждаютъ его нырнуть и подкарауливаютъ, когда оно снова покажется на поверхности, чтобы впустить въ него новую стрѣлу. По поднимающимся пузырькамъ они вполне могутъ слѣдить за направлениемъ бобра, и рулевой по этому слѣду гонитъ лодку. Передній изъ охотниковъ занимается тѣмъ, что вылавливаетъ изъ воды стрѣлы, работая при этомъ длиннымъ шестомъ, на концѣ котораго насажены, на подобіе щетки, тонкіе прутья. Если преслѣдуемое животное самка съ дѣтенышемъ, то прежде всего задыхается и тонетъ этотъ послѣдній; тогда мать бросаетъ его, чтобы имѣть возможность скорѣе спастись; дѣтенышъ а ловятъ и кладутъ въ лодку, гдѣ онъ нерѣдко опять приходитъ въ себя. Наконецъ и преслѣдуемая мать или самецъ такъ утомляется, что совсѣмъ уже не въ состояніи нырять; тогда охотники убиваютъ животное или стрѣлой или, когда оно по близости, копьемъ. Если каланамъ случится попасть въ сѣти, которыми ихъ также ловятъ, они приходятъ въ такое отчаяніе, что начинаютъ даже грызть другъ друга. Иногда они сами себя откусываютъ ноги со злости или съ отчаянія, что видятъ ихъ запутанными.

«Ничего нѣтъ ужаснѣе, какъ охотиться за каланами во время ледохода, когда за ними приходится гнаться по плывущимъ льдинамъ и убивать ихъ дубинами. Обыкновенно въ это время бываетъ такая буря и мятель, что едва можно держаться на ногахъ, и все-же охотники не боятся даже ночью ходить на такую охоту. Они безстрашно несутся по льду, гонимому бурными волнами, и при этомъ то поднимаются такъ, какъ будто стоять на высокой горѣ, то снова стремительно опускаются, словно летать въ пропасть. У каждаго въ рукахъ ножъ и шесть, а на ногахъ длинныя лыжи съ крючками изъ костей, чтобы не скользить по льду и не упасть, когда глыба поднимается. Шкуры съ убитыхъ животныхъ сдираются тутъ-же на льду и въ этомъ дѣлѣ курильцы и камчадалы проявляютъ большую ловкость; въ теченіе двухъ часовъ они часто обдираютъ по 30—40 шкуръ. Но случается, что льдина очень далеко отгонится отъ берега; тогда охотнику приходится все бросать и искать лишь себѣ спасенія: тутъ его выручаетъ умѣнье плавать, при чемъ онъ привязываетъ себя веревкой къ собакѣ, которая и тащитъ его къ берегу. При благоприятной погодѣ они такъ далеко уходятъ по льду, что совершенно теряютъ берегъ изъ виду; но одного они никогда не оставляютъ безъ вниманія, это—морского прилива и отлива, и всегда соображаются съ тѣмъ, откуда дуетъ вѣтеръ, съ берега или съ моря».

Въ настоящее время этотъ всюду старательно преслѣдуемый драгоценный пушной звѣрь сдѣлался не только рѣдокъ, но и крайне боязливъ, что страшно затрудняетъ ловлю его. Пехуель-Леше, который 25 лѣтъ тому назадъ наблюдалъ и случайно охотился за каланомъ въ Алеутскихъ островахъ, Амуктѣ и Сегуамѣ, рассказываетъ, что чуткое животное въ высшей степени рѣдко подпускаетъ къ себѣ на разстояніе выстрѣла даже спокойно плывущее судно. Не застрѣленное на смерть животное будетъ непременно потеряно, если его нельзя преслѣдовать по горячимъ слѣдамъ и при первомъ моментѣ, когда оно вынырнетъ, снова встрѣтить пулями. Отправляясь охотиться на одной лодкѣ, почти нечего и ожидать благоприятныхъ результатовъ, потому что животное бываетъ въ состояніи оставаться подъ водою добрыхъ четверть часа и когда снова появляется, то зачастую въ совершенно противоположномъ ожиданію мѣстѣ. Въ тихую погоду каланъ спокойно несется по водной поверхности, иногда въ видѣ безформенной кучи, которая вовсе не напоминаетъ живое существо, иногда-же лежа на спинѣ съ поднятымъ сверху носомъ, но держа свои плавникообразныя заднія ноги такъ высоко и въ такомъ растопыренномъ видѣ, какъ будто хочетъ замѣнить ими парусъ. Иногда онъ дѣлаетъ большой прыжокъ въ воздухѣ и, повидимому, съ особеннымъ удовольствіемъ шлепается опять въ воду. Нерѣдко, именно когда что нибудь высматриваетъ, онъ становится въ водѣ торчкомъ, такъ что голова вся выставляется на поверхности, какъ это можно часто наблюдать у тюленей, и, подобно тѣмъ, такъ же медленно и въ томъ-же стоячемъ положеніи снова погружается вмѣстѣ съ головою въ воду. Если они собираются обществомъ, что, впрочемъ, случается, кажется, рѣдко, и куда-нибудь вмѣстѣ направляются вплавь, то при этомъ они удивляютъ не только своимъ быстрымъ плаваніемъ, но и различными задорными прыжками, которые они время отъ времени выдѣлываютъ совершенно какъ дельфины.

Г. Элліотъ, посѣтившій въ прошломъ десятилѣтіи область жительства этихъ животныхъ, утверждаетъ, что $\frac{1}{6}$ всѣхъ добытыхъ въ американскихъ водахъ калановъ были убиты восточнѣе перваго изъ Алеутскихъ острововъ—Унимака и южнѣе полуострова Алыски, на сравнительно небольшомъ пространствѣ. Главными мѣстами охоты считаются: островокъ Санакъ со множествомъ расположенныхъ къ югу отъ него скалистыхъ острововъ и рифовъ и подобная-же группа Чернобурыхъ острововъ,

лежащая почти на 50 километровъ по направленію къ сѣверо-востоку. Санакъ—необитаемый островъ. Тѣ изъ жителей Алеутскихъ острововъ, которые исключительно занимаются охотою на морского бобра, переправляются на средства мѣхоторговцевъ въ началѣ іюня на островъ Санакъ, приблизительно около 50—60 человекъ съ 20—30 байдарками, такъ называемыми легкими лодками, которыя обыкновенно могутъ поднять двухъ человекъ. Охотники остаются на Санакъ около ста дней, изолированные отъ всего внѣшняго міра, предоставленные всѣмъ случайнымъ невзгодамъ, на произволъ суровой погодѣ и всевозможнымъ лишеніямъ.

Практикуются различные способы охоты. При мало-мальски спокойной погодѣ охотники разѣзжаются по морю въ своихъ байдаркахъ длинною вереницею, пока не выслѣдятъ калана. Какъ только животное вынырнетъ, охотники смыкаются въ кружокъ около этого мѣста. При вторичномъ появленіи животнаго въ него начинаютъ бросать копья и пронзительно кричатъ, чѣмъ заставляютъ его снова немедленно возвратиться въ глубину, а вокругъ этого мѣста опять смыкается кружокъ и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока усталое животное, которому не дадутъ времени перевести духъ, окончательно не потеряетъ силы и не сдѣлается добычею ближайшаго охотника.

Подобная охота можетъ продолжаться 2—3 часа, если мѣтко направленный ударъ копья не уложитъ жертву раньше времени. Такимъ способомъ охотники, если, конечно, имъ благопріятствуетъ счастье, могутъ добыть, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, около 40—50 выдръ, изъ которыхъ каждая оцѣнивается по меньшей мѣрѣ въ 200 марокъ.

Нѣкоторые охотники охотятся за животными и съ суши, для чего торговцы мѣхами снабжаютъ ихъ прекрасными ружьями. При бурной погодѣ охотники рыщутъ по скаламъ съ подвѣтренной стороны и стараются пустить пулю въ голову какой-нибудь выдрѣ, которая показывается изъ воды по ту сторону буруна, въ тихой полосѣ. Бушеваніе буруна, клокочащая вокругъ пѣна не позволяютъ осторожному животному предусмотрѣть угрожающую опасность, такъ что настойчивый стрѣлокъ можетъ пускать въ него пулю за пулей, пока наконецъ попадетъ въ цѣль; тогда онъ садится и терпѣливо выжидаетъ, когда вѣтеръ и волны принесутъ ему драгоценную добычу. Но самый безпокойный и опасный способъ охоты, это «битье» выдры, такъ какъ онъ производится при страшно рискованныхъ условіяхъ, которыя только и обезпечиваютъ успѣхъ. Каланы, застигнутые свирѣпствующею бурей на отдаленныхъ уединенныхъ рифахъ, гдѣ до сихъ поръ они считали себя въ безопасности отъ людей, бывають иногда выведены изъ своего безмятежнаго покоя черезъ чуръ разыгравшейся бурей, которая заставляетъ ихъ искать убѣжища на очень высокихъ утесахъ, куда-бы они безъ этого не стали забираться. Но какъ только волненіе стихаетъ, животныя снова спускаются въ свои заветныя мѣстечки, въ непосредственной близости отъ воды. Въ такихъ-то случаяхъ находятъ отчаянные смѣльчаки, не страшась подвергать свою жизнь крайней опасности, и врасплохъ нападаютъ на животныхъ въ моментъ ихъ возвращенія съ высокихъ утесовъ въ прежнія мѣста отдохновенія. Усѣвшись въ свои жалкія байдарки, они отважно пускаются по высоко еще вздымающимся волнамъ къ знакомому рифу, отстоящему иногда на 40—50 километровъ отъ берега, отдають себя всецѣло въ руки грозному бушующему морю, бросающему ихъ ладья какъ ничтожныя скорлупки съ одной волны на другую. Если они не достигаютъ своей цѣли и слишкомъ понадѣются на погоду, то они погибають, и никто о нихъ болѣе не слышитъ; если же побѣдка удастся, то они причаливаютъ къ подвѣтренной сторонѣ скалъ, спѣшатъ подняться на верхъ и убиваютъ ударомъ дубины безмятежно покоящагося калана.

Завываніе вѣтра и бушеваніе буруна заглушаютъ всякій шумъ, производимый охотниками, а поднимающійся отъ воды туманъ и сплошной дождь брызгъ мѣшаютъ другиму, въ отдаленіи лежащимъ животнымъ видѣтъ все происходящее и предупредить грозящую имъ опасность; такъ что такимъ образомъ однажды два охотника, менѣе, чѣмъ въ часъ, перебили 78 калановъ.

Къ западу отъ Уналашки, въ особенности на Атту, самомъ западномъ изъ Алеутскихъ острововъ, для ловли морскихъ бобровъ употребляютъ особенныя большія сѣти, въ 6 метровъ длины и 2—3 метра ширины, которыя покрываютъ водорослями, служащими любимую приманкою выдръ для отдыха и игръ. Попадая въ сѣти и запутываясь въ нихъ, они до такой степени теряются, что даже не дѣлаютъ особенныхъ усилій, чтобы освободиться изъ этихъ относительно слабыхъ оковъ. Ловцы, разставившіе сѣти, наблюдаютъ съ берега за ходомъ дѣла и, какъ только замѣчаютъ, что туда что-то попало, спѣшатъ захватить животныхъ, которыхъ сразу попадается по трое, а иногда даже по шести штукъ въ однихъ сѣтяхъ.

Эллиотъ, продолжая говорить о каланахъ, упоминаетъ, что ему, несмотря на многократныя попытки, еще ни разу не удалось воспитать и приручить молодыхъ бобровъ. Они отказываются отъ принятія всякой пищи и добровольно изводятъ себя голодною смертью. Всѣ охотники въ одинъ голосъ утверждаютъ, что самка калана никогда не рождаетъ на сушѣ, а на плавающихъ водоросляхъ, и что дѣтеныши рождаются зрячими. Первому изъ этихъ показаній противорѣчитъ описаніе Стеллера, которому во всякомъ случаѣ можно довѣряться, хотя нѣтъ никакого основанія не вѣрить и охотникамъ, имѣвшимъ массы случаевъ дѣлать совершенно достовѣрныя наблюденія. Сопоставивъ одно съ другимъ можно тѣмъ, что безсердечно преслѣдуемыя животныя, заботясь о своей безопасности, могли въ эти полтора года лѣтъ измѣнить свои обычаи, и мѣсто родовъ перенести съ суши на водоросли, хотя противъ этого предположенія опять-таки говорить то, что тюлени, не менѣе бобровъ преслѣдуемыя охотниками, не измѣнили своихъ обычаевъ. Скаммонъ, сообщая объ образѣ жизни калановъ у западно-американскихъ береговъ, подтверждаетъ сообщенія Эллиота и говоритъ, между прочимъ, что дѣтеныши рождаются по одному, рѣдко по два, на водоросляхъ и во всѣ времена года. По Скаммону, на западномъ берегу Соединенныхъ Штатовъ, калановъ преслѣдуютъ на лодкахъ, при чемъ бѣлые ходятъ на нихъ днемъ и съ ружьями, а индѣйцы—ночью съ копьями. На сушѣ охота производится также съ винтовками. Въ томъ случаѣ, когда морской берегъ черезъ чуръ отлогъ, стрѣлки захватываютъ съ собою легкую, довольно высокую лѣстницу и, выслѣдивъ животное, ставятъ ее въ ближайшемъ мѣстѣ на берегу, чтобы съ высоты пустить болѣе мѣткій выстрѣлъ.

25 лѣтъ тому назадъ по Ломеру, на рынокъ ежегодно доставлялось до 1,500 шкуръ морскихъ бобровъ, составлявшихъ выручку въ 600,000 марокъ, причемъ цѣна отдѣльныхъ шкуръ колебалась между 300—1,500 марокъ. Въ настоящее же время сбытъ доходитъ до 4,000 шкуръ, на сумму 2,500,000 марокъ, и цѣна отдѣльной наилучшей шкуры поднялась до 2,500 марокъ.

На торговомъ языкѣ калановъ принято называть камчатскимъ бобромъ.

Если охота на калановъ будетъ прогрессировать въ такой степени и законъ не вмѣшается мѣрами ограниченія, то можно почти навѣрно предвидѣть, что современемъ каланъ будетъ совершенно истребленъ и, подобно морской коровѣ, описанной Стеллеромъ, будетъ причисленъ къ животнымъ, на нашей, такъ сказать, памяти уничтоженнымъ на земномъ шарѣ.

А. С. Юнинъ.
ПО ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ.

Имѣются въ продажѣ 1 и 2 томы 2-го изданія. Ц. 4 р., 3 томъ 2-е изд. Ц. 4 р., 4 томъ. Ц. 2 р.; за 4 тома въ 2 перепл. Ц. 11 р. 50 к.

А. С. Юнинъ.
ПО ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ.

Въ обработкѣ для юношества Е. Лазаревской.
Иллюстрированное изданіе, съ картой Южной Америки, исполненной въ нѣсколько красокъ и съ обозначеніемъ пути А. С. Юнина.
Цѣна 3 р. 50 к., въ изящн. колѣнк. переплетѣ 4 р.

Павелъ Вольногорскій.
СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ ПРИРОДЫ.
Съ многими рисунками въ текстѣ.
Цѣна 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р.

В. и И. Половцевы.
БОТАНИЧЕСКІЯ ВЕСЕННІЯ ПРОГУЛКИ

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА.
Пособіе для учащихся и учащихся, Ц. 50 к., въ пер. 65 к.

БЕСѢДЫ СЪ ДѢТЬМИ О ЖИВОТНЫХЪ.
М. М. Соколовой. Цѣна 75 коп.

Н. И. Березинъ:

РАЗСКАЗЫ О ЗВѢРЯХЪ.

Цѣна въ пакѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 25 к.

ВЪ ПУЧИНАХЪ МОРЯ.

Съ 9 рис. Ц. 20 коп.

Три кругосвѣтныхъ плаванія

Джемса Кука.

Съ 23-мя рисунками въ текстѣ.

Цѣна 50 коп.

Пѣшкомъ къ корельскимъ водопадамъ.

Ц. 1 р. 50 к. Съ 60 рис.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ ВЪ ПУСТЫНѢ.

Эпизодъ изъ путешествія Свенъ Хедина по
Средней Азіи.

Съ 13 рис. и картою. Ц. 40 к.

ВЪ СТРАНѢ ЖАЖДЫ.

Цѣна 50 коп.

ЗАНЗИБАРСКІЙ БѢГЛЕЦЪ.

Цѣна 15 коп.

ВЪ КОГТЯХЪ ХАЛИФА.

Съ иллюстраціями. Ц. 50 к.

ТРИ МѢСЯЦА СРЕДИ ЛЮДОѢДОВЪ СУМАТРЫ.

Цѣна 60 коп.

С. Павловъ.
ВУЛКАНЫ И ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЯ

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ПО БѢЛУ-СВѢТУ.

Гр. де-Волланъ.

Ч. I. Испанія, Египетъ, Цейлонъ, Индія. Ц. 2 р. 50 к. Ч. II. Бирма, Ява, Китай, Тонкинъ, Кохинхина, Камбоджа, Сіамъ. Ц. 2 р. 25 к.

„ИСТОРИЯ РОССИИ“

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Сочиненіе Сергѣя Михайловича СОЛОВЬЕВА.

2-е изданіе Т-ва «Общественная Польза».

Ц. 15 р. въ перепл. 22 р. Перес. по стоимости.

Вышло въ свѣтъ и продается полное изданіе безъ всякихъ сокращеній и измѣненій въ 6 книгахъ и 7-я—указатель, съ гравированнымъ на деревѣ портретомъ автора и факсимиле. Изданіе можно приобрести съ разерочкой. Подписавшіеся съ разерочкой на полученіе всего изданія (29 томовъ въ 7-ми книгахъ) при подпискѣ высылаютъ 3 р., при высылкѣ 1-й, 2-й, 3-й и 4-й книгъ будетъ наложенъ платежъ по 3 р. на каждую, на 5-ю, 6-ю книгу и указатель наложенный платежъ равный стоимости пересылки; если же въ переплетъ, то 1, 2, 3, 4 и 5 книги высылаются съ наложеннымъ платежемъ по 4 р. на каждую, на 6-ю книгу и указатель 2 р. и стоимость пересылки.

При заказѣ Товарищество проситъ указывать, въ какіе сроки высылать книги.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА СОЛОВЬЕВА.

(Дополнительный томъ къ „ИСТОРИИ РОССИИ“).

Содержаніе: История паденія Польши. Императоръ Александръ I. Начало Русской земли. Древняя Россія. Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго. Историческія письма. Восточный вопросъ. Прогрессъ и религія. Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. Наблюденія надъ исторической жизнью народовъ. Писатели русской исторіи XVIII вѣка. Н. М. Карамзинъ. А. Л. Шлецеръ. Шлецеръ и антиисторическое направленіе.

Цѣна 4 р., въ переплетѣ 5 р.

С. М. Соловьевъ.

Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ.

Цѣна 60 коп.

П. М. Майковъ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БЕЦКОИ.

Опытъ его біографіи. (Удостоено Императорскою Академіею Наукъ преміи графа Уварова въ 1902 году)

Цѣна 4 руб.

П. МОРОЗОВЪ.

МИНУВШІЙ ВѢКЪ.

Литературные очерки.

Содержаніе: Изъ исторіи карикатуры.—Русская литература XIX вѣка.—Изъ исторіи русской литературной критики.—Пушкинъ.—Потѣхинъ.—Островскій.—Герценъ.

Цѣна 2 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА.

Съ біографіей, автографомъ и 3 портретами.

Въ 8 томахъ. Цѣна по подпискѣ 12 руб., въ переплетѣ 18 руб. Пересылка по дѣйствительной стоимости.

Допускается разерочка: при подпискѣ вносится задатокъ въ 2 р. и при полученіи каждаго тома уплачивается по 1 р. 25 к. (безъ расходовъ по пересылкѣ). Желающіе выписывать изданіе въ переплетахъ приплачиваютъ по 75 к. за томъ безъ пересылки.

Вышли въ свѣтъ 1-й—5-й, 7-й и 8-й томы и рассылаются подписчикамъ.